РОССИЙСКАЯ КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ (большевиков)

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ДВЕНАДЦАТЫЙ СЪЕЗД РОССИЙСКОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ (БОЛЬШЕВИКОВ)

СТЕНОГРАФИЧЕСКИЙ ОТЧЕТ

17—25 апреля 1923 г.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „КРАСНАЯ НОВЬ“
ГЛАВПОЛИТПРОСВЕТ ◇ МОСКВА ◇ 1923

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Заседание первое.

(17 апреля 1923 года, дневное).

Каменев. Товарищи, сегодня, когда мы начинаем ежегодный смотр сил *коммунистической армии* советских республик, первая наша мысль естественно и необходимо обращается к тому, кто в продолжение десятилетий стоял и ныне стоит во главе нашей партии. (Продолжительные аплодисменты; члены съезда поют Интернационал). Первая мысль о Владимире Ильиче, и первое чувство, которое объединяет все наши боевые коммунистические силы,—это страстное желание, чтобы Владимир Ильич так же одержал победу над своим недугом, как он одерживал победы на всех фронтах, угрожавших рабочему классу и мировой революции. (Аплодисменты). Первый отчет, товарищи, который вы можете потребовать от нас, избранных вами год назад для помощи Владимиру Ильичу,—это отчет в том, сделано ли все человечески-возможное, сделано ли все мыслимое для того, чтобы помочь Владимиру Ильичу преодолеть свой недуг. На этот вопрос мы отвечаем: да, мы использовали все, мы призвали все силы, которые могли бы помочь в этой беде нашей партии, мировому пролетариату и Владимиру Ильичу. Лучшие представители медицинской науки всех стран были собраны здесь и получили возможность длительно изучить болезнь и положение Владимира Ильича. В результате постоянного общения членов Центрального Комитета с этими врачами мы можем передать вам то, что они нам сказали: болезнь Владимира Ильича трудна, но отнюдь не безнадежна; борьба с нею длительна; корни ее в том громадном переутомлении, в том неслыханном расходе нервной энергии, которую Владимир Ильич, без всякого сожаления, на протяжении годов и десятилетий расточал на службу рабочему классу и угнетенному человечеству. Вы знаете, что приблизительно месяц назад был момент, когда казалось, что приближается к нам неминуемая опасность. Этот момент прошел, опасности сейчас нет. Наоборот, врачи констатируют постепенное улучшение. Не надо забывать, что только с трудом и постепенно поддается этот недуг, и что медленно мы будем приближаться к тому, что представляет самую сокровенную мысль и самое сокровенное желание нас

всех: к полному восстановлению сил Владимира Ильича. Силы науки еще не истощены, и силы организма Владимира Ильича не исчерпаны, и на этом зиждятся наши надежды, что Владимир Ильич встанет, вернется к нам и возьмет вновь в руки борца и вождя руль мировой революции. (Аплодисменты).

Товарищи, Владимир Ильич стоял у колыбели нашей партии, которая в этом году празднует 25-летие своего существования, как организованной рабочей силы. В этом же году Владимир Ильич мог бы отметить 30-летие своего систематического и постоянного, непрерывного участия в организованной жизни рабочих революционных масс России и всего мира. Наши враги по поводу нашего юбилея почти все откликнулись в одном и том же духе: они отрицали за нами право праздновать этот юбилей, ибо, как они говорили, „мы стали другими". Да, товарищи, это верно: за 25 лет мы стали другими. Вместе с рабочим классом, под руководством Владимира Ильича, мы прошли длинный, неслыханный, единственный в истории путь,—путь от мелких, маленьких первоначальных рабочих пропагандистских ячеек к положению первой пролетарской партии, которая держит в своих руках управление громаднейшим государством. Владимир Ильич вел нас по этому пути. Вы знаете, что к нашей победе мы пришли не только через частичные победы, но и через частичные поражения. Вы знаете, что первый наш приступ—революция 1905 года—был отбит. Вы помните, что когда мы шли на этот первый приступ твердыни самодержавия и мировой реакции, Владимир Ильич учил нас: „врага классового, врага рабочего класса мало убить,—надо,—говорил он,—его добить, и добить его может только железная власть, стальная воля—диктатура рабочего класса". Этот первый приступ, эта первая попытка рабочего класса в союзе с крестьянством взять власть в свои руки была отбита. Мы не добили врага, но враг не добил и нас. Под руководством Владимира Ильича мы опять ушли в подполье и тогда,—в момент страшного поражения, когда шатания, колебания, уклоны нашей партии были неизбежным отражением депрессий и поражения рабочего класса,—тогда Владимир Ильич сказал нам: „если побиты, нельзя хныкать; надо работать". И от атаки, от революционных праздников он повел нас через революционные будни путем медленной, постепенной работы собирания наново рассыпавшейся армии коммунистов, подбора людей, составления кружков. Эта будничная подпольная работа быстро, неслыханно быстро увенчалась неслыханным разливом революционной пролетарской стихии, неслыханным быстрым переходом рабочего класса вновь к постановке революционных задач и к захвату власти в полном объеме.

Да, мы не те, которые были 25 лет назад, и в этом наша сила. Мы—единственная Коммунистическая Партия, которая не борется уже за власть, а организует власть рабочих и крестьян; единственная партия, которая имеет возможность вековые орудия угнетения поставить на службу рабочему классу и всем трудящимся. Наше государство есть первая попытка все те орудия, народное богатство, земли, школы, просвещение,—все что создано человеческим трудом, и что до сих пор

находилось в руках господствующего класса и служило орудием подавления, превратить в орудие всемирного освобождения трудящихся масс, передав их в руки рабочего класса. (Рукоплескания). Мы шли, товарищи, к этим задачам путем кризисов. Этот путь мы не могли проделать так, как, по выражению Чернышевского, гуляют по Невскому проспекту. В кризисах, в невероятном внутреннем напряжении мы проделали этот путь.

Сейчас мы вступаем в фазу, когда мы должны практически разрешить целый ряд основных вопросов. Перед нашим съездом стоит вопрос о пролетариате и крестьянстве,—основной вопрос нашей революции, основная тема мыслей и тактического гения Владимира Ильича. Перед нами вопрос об организации промышленности, о решении национального вопроса и о реорганизации государственного и партийного аппарата. Эти трудные вопросы, стоящие перед партией, могут в ней породить различные ответы. Но мы знаем только одно противоядие против любого кризиса, против любого неверного решения: это учение Владимира Ильича, и к этому противоядию партия будет постоянно обращаться во все трудные моменты, в дни революционных будней, равно как и в дни революционных праздников. (Аплодисменты). Владимир Ильич помог и этому нашему съезду. Его статьи написаны совершенно независимо от тех тем, которые подготовлял для партийного съезда ЦК. Владимир Ильич не мог знать и не знает ни порядка дня нашего съезда, ни резолюций, подготовленных ЦК. Последний пленум ЦК нарочно отложил опубликование этих резолюций, чтобы иметь возможность посоветоваться с Владимиром Ильичем, на что доктора нам давали обещание. К сожалению, в этот период времени нам этого не удалось, но, несмотря на то, что он не знал ни порядка дня нашей работы, ни течений, существующих в партии, он дал в своих статьях те указания, те директивы, тот прогноз и ту обрисовку задач нашей партии, которые, несомненно, послужат дорогой, по которой пойдет и наш партийный съезд.

Так, хотя его нет здесь физически, он фактически идейно руководит этим нашим партийным съездом. (Аплодисменты).

Никогда не застывать, учиться в революционной работе вместе с массами и у масс, помнить, что мы—боевая партия, окруженная врагами, не забывать из-за будней, что мы ни на минуту не перестаем быть окруженной со всех сторон крепостью; помнить указания Ильича, что классовый враг рабочего класса должен быть не только повален, он должен быть добит; помнить, что, как зеницу ока, как величайшую драгоценность, как залог всех наших побед, нам следует, нам нужно хранить единство нашей партии. (Продолжительные аплодисменты). Железное единство передового отряда, выдвинутого на самые обстреливаемые посты мировой пролетарской революции, и из рук этой единой железной партии ни на минуту не выпускать руля государственного управления,—вот что говорит нам Ленин, и вот та дорога, по которой пойдет наш съезд. (Аплодисменты).

По поручению Центрального Комитета партии объявляю XII съезд открытым. (Аплодисменты.)

Предлагаю товарищам приступить к выборам Президиума съезда. Слово для предложения имеет тов. Рудзутак.

Рудзутак. Он имени делегаций Питерской, Московской, Украинской, Уральской, Закавказской, Поволжья, Сибири, Туркестанской, Центрального Промышленного Района, Юго-Восточной и некоторых других предлагаю выбрать Президиум в составе 25 человек.

Каменев. Есть ли, товарищи, другие цифры? Нет таковых. Значит, остается 25.

Рудзутак. Дальше те же делегации предлагают избрать Президиум съезда в следующем составе. Я оглашу в алфавитном порядке:

Президиум XII Съезда РКП (б): Ахундов, Бухарин, Ворошилов, Залуцкий, Зеленский, Зиновьев, Калинин, Каменев, Косиор, Коротков, Лашевич, Ленин, Молотов, Орджоникидзе, Петровский, Раковский, Рудзутак, Рыков, Сталин, Султан-Ходжаев, Томский, Троцкий, Угланов, Фрунзе, Харитонов,

Каменев. Есть ли, товарищи, другие списки или предложения о замене? Разрешите поставить на голосование. Кто за этот список Президиума, прошу поднять карточки. Кто против? Нет. Список утверждается.

Товарищи, разрешите перейти к выбору Секретариата. Слово принадлежит тов. Рудзутаку.

Рудзутак. Совещание тех же делегатов предлагает избрать Секретариат съезда в следующем составе: Куйбышев, Енукидзе, Коростелев, Голощекин, Квиринг.

Каменев (председательствующий). Есть ли другия предложения, или предложения о замене? Нет. Кто за оглашенный список? Большинство.

Нам необходимо выбрать ряд комиссий, и в первую очередь мандатную комиссию. Слово имеет тов. Рудзутак.

Рудзутак. Совещание тех же делегатов предлагает мандатную комиссию в следующем составе: Каганович, Шкирятов, Николаева Кл., Скрыпник, Оболин, Сырцов, Нанейшвили.

Председательствующий. Есть ли другие предложения? Нет. Кто за список, прошу поднять карточки. Принято. Переходим к выборам редакционной комиссии. Слово имеет тов. Рудзутак.

Рудзутак. Редакционная комиссия предлагается в следующем составе: Бубнов, Вардин, Попов Н. Н., Сорин, Назаретян, Сафаров.

Председательствующий. Есть ли предложения о замене? Нет. Голосую. Явное большинство. Наконец, товарищи, нам нужно выбрать комиссию по приему заявлений. Для предложения слово предоставляется т. Рудзутаку.

Рудзутак. Комиссия по приему заявлений и жалоб теми же делегациями предлагается следующая: Рудзутак, Дзержинский, Фрунзе, Шкирятов, Сольц, Угланов, Морозов, Стуруа, Москвин, Михайлов, Кубяк, Квиринг, Комиссаров, Сулимов, Бумажный, Бела-Кун.

Председательствующий. Товарищи, ЦК, обсуждая способ ведения съезда, пришел к выводу, что необходимо создать специальную комиссию для предварительного рассмотрения могущих поступать на съезде жалоб и заявлений, Я думаю, задача подобной комиссии ясна съезду, и ее необходимость в настоящий момент для урегулирования работ съезда совершенно понятна. Я голосую состав, оглашенный тов. Рудзутаком. Есть ли другие предложения? Нет. Кто за этот список? Явное большинство.

Мы переходим, товарищи, к вопросу о порядке дня съезда. Он у всех имеется. Есть ли предложения о замене или изменении? Нет. Позвольте голосовать утверждение порядка дня съезда. Явное большинство.

Порядок дня XII съезда РПК (б).

1. Отчет ЦК: а) политический и б) организационный.
2. Отчет ревизионной комиссии.
3. Отчет ЦКК.
4. Отчет российского представителя в Исполкоме Коминтерна.
5. О промышленности.
6. Национальные моменты в партийном и государственном строительстве.
7. Налоговая политика в деревне.
8. О районировании.
9. Выборы центральных учреждений.

Наконец, нам предстоит утверждение проекта регламента, который находится на обороте билета. Есть ли предложения об изменении проекта регламента? Разрешите считать его принятым.

Регламент XII съезда Российской Коммунистической Партии.

1. Президиум съезда избирается в количестве...... человек и..... секретарей.

2. Заседания съезда происходят с 10 ч. утра до 3 ч. дня и с 6 ч. до 10 час. вечера.

3. Докладчикам предоставляется 45 мин. и для заключительного слова 25 м.

4. Каждая группа делегатов с решающим голосом, насчитывающая 40 человек, может выставить своего докладчика.

5. Ораторам предоставляется слово в первый раз 15 м., во второй раз 5 м.

По каждому вопросу можно говорить только два раза.

6. Личные заявления, внеочередные запросы и заявления и фактические замечания вносятся в Президиум в письменном виде и оглашаются по постановлению Президиума. Внеочередные запросы и заявления за подписью не менее 20 делегатов оглашаются немедленно никакие прения по запросам и заявлениям не допускаются.

7. Слова к порядку и предложения вносятся в Президиум в письменном виде.

8. Говорить к порядку допускается одному „за“ и одному „против“ не более 3 м.

9. По поводу предложений дается слово одному „за“ и одному „против“ по 5 м.

10. По мотивам голосования дается 3 м. после голосования.

11. Все вопросы решаются простым большинством голосов.

По требованию 15 товарищей с решающими голосами, должно быть произведено поименное голосование.

12. Президиуму предоставляется право образовать секции по отдельным пунктам порядка дня или по отдельным детальным вопросам партийной работы. Резолюции секции передаются в Президиум съезда.

Разрешите перейти к обсуждению порядка первого дня съезда, к отчету Ц. К.

Слово предоставляется тов. Зиновьеву.

Зиновьев. Тт., наш съезд собрался с некоторым опозданием: ЦК отложил съезд более чем на месяц по причинам, о которых уже сказал тов. Каменев. Мы все твердо рассчитывали на то, что и в сегодняшний день на этой трибуне будет стоять не кто иной, как Владимир Ильич, и мы будем слушать его речь, которая, как всегда, определила бы путь на год, а то и на годы. Нечего напоминать, какое значение всегда имела на наших съездах вводная политическая речь Владимира Ильича. Когда мы ездили на эти съезды, мы прежде всего имели в виду послушать именно эту речь, так как мы заранее знали, что получим в ней не только учтенный опыт прожитого времени, но получим твердыя указания и на будущее. Вы помните, с какой жаждой мы выслушивали всегда эту речь,—жаждой, которая напоминает жажду человека, в летний знойный день припадающего к глубокому ясному ключу, чтобы напиться?!. Могучим прожектором Владимир Ильич освещал путь, лежащий перед партией, со всеми его извилинами, со всеми его трудностями на предстоящем этапе.

В этом году мы лишены возможности выслушать такую речь. Нам придется, товарищи, в этом году несколько ощупью искать свою дорогу, работать более внимательно, чем это было раньше, когда эта работа в значительной мере производилась за нас Владимиром Ильичем. Нам придется заменить указания Владимира Ильича коллективной работой. Нам придется гораздо более осторожно вникать во все детали проделанной за год работы и работы, предстоящей на ближайшее время. Нам придется постараться, хотя бы в малой степени, возместить то, что мы получали до сих пор в готовом виде. Я надеюсь, товарищи, что в полном сознании трудности задач наш съезд со всем вниманием и осторожностью будет подходить к вопросам, стоящим перед нами.

Первый вопрос, который возникает,—это следующий. Владимир Ильич заявил от имени всей нашей партии на предыдущем съезде, что отступление заканчивается, и что новых отступлений в связи с

НЭП'ом не будет. Выполнили ли партия и ее ЦК это обещание? Я думаю, товарищи, что мы можем на этот вопрос ответить утвердительно. Да, в общем и целом за истекший год отступление было приостановлено, и мы в некоторых областях стали переходить, разумеется, очень медленно, порой мучительно медленно, к подготовке наступления.

Истекший год закрепил власть советов в такой мере, что худшие из наших врагов оставляют какие бы то ни было надежды на возможность уничтожить эту власть. Я приведу вам мнение двух противников. Я думаю, что это будет довольно показательно. Первое из них принадлежит меньшевику савинковского типа. Теперь появилась и такая порода. Это—группа меньшевиков, издающая в Берлине журнальчик „Заря". Если вы возьмете самого махрового меньшевика дановского типа и помножите на Савинкова, то вы получите, примерно, эту группу. Ее вождем является небезызвестный Ст. Иванович. Этот Иванович выпустил к 5-летию существования Советской власти книжку, посвященную этому 5-летию. Нечего говорить, что эта книжка дышит злобой и ненавистью в каждой ее строке. Тем более замечательны некоторые предсказания этого меньшевика савинковского типа. У него есть глава, которая называется „О предвидении". Он пытается предвидеть, что будет дальше, и говорит следующее:

„С тех пор уже прошло пять лет (т.-е. с момента, когда мы завоевали власть). Если бы тогда кто-нибудь сказал, что этот режим столько продержится, его бы сочли сумасшедшим. Если кто-нибудь теперь после этих пяти лет скажет, что большевики продержатся еще 5 лет, его сочтут всего только... пессимистом".

Мне кажется, это сказано довольно верно. Я думаю, чтобы быть совсем точным, чтобы не терпеть больше разочарований, следовало бы этим господам бросить гадать о сроках вообще, потому что до того момента, пока будет существовать государство вообще, до полной победы коммунизма в интернациональном масштабе,—я думаю, у нас будет существовать та власть, которая существует сейчас. (Аплодисменты). Вот почему было бы уместно, если бы эти люди бросили гадать о сроках.

Еще один отзыв приведу относительно нашей организации в международном масштабе. Отзыв принадлежит журналу „Русская Мысль", издаваемому Петром Струве. На X съезде нашей партии Владимир Ильич говорил:

„Коммунистический Интернационал перестал быть только лозунгом, а превратился действительно в могучее организационное строение, имеющее свой фундамент, настоящий фундамент, в крупнейших и передовых капиталистических странах".

Он говорил: „Это тоже стоит в тесной связи с деятельностью ЦК. Одним из крупнейших факторов за отчетный период является организация 2-го съезда Коминтерна".

Интересно, как в связи с работами 4-го конгресса наиболее дальновидные из наших буржуазных врагов оценивают значение нашей

Международной Коммунистической Партии. В журнале, который я только-что назвал, не так давно напечатано следующее:

„Основанный в 1919 году в Москве Коммунистический Интернационал существенно отличается от всех прежних попыток тем, что в данном случае, отчасти благодаря тому, что в руках его вождей огромная территория, впервые международная революционная партия получила широкую возможность строить планомерно и систематически свою организацию. Коммунистический Интернационал—не союз разнородных партий, друг-другу симпатизирующих,—это единая партия, распространенная по разным странам; это больше, чем партия,—это скорее секта или даже своего рода нация, поскольку - без единства крови единство культуры, верований, образа жизни может создавать нации.

В Коммунистическом Интернационале насчитывается около $2^1/_2$ миллионов человек; из них в советской области $^1/_2$ миллиона, русских в том числе около 300 тысяч. Если русские из них сейчас более на виду, то лишь потому, что другие страны пока не под красной властью. С каждым расширением советской территории правящее ядро стало бы делаться все более интернациональным по своему составу. В коммунистическом государстве, скажем, от Рейна до Урала, русские не составляли бы уже и трети правящего слоя.

Мировая коммунистическая партия есть первый осуществленный Интернационал.

Что это так,—это еще раз наглядно подтвердил 4-й конгресс, недавно происходивший в Москве".

Думаю, тт., что эти слова достаточно говорят сами за себя. Противники, злейшие противники, должны признать, что мы имеем теперь единую международную компартию, в которой „п о к а", как справедливо говорит буржуазный журнал, главное место занимает наш русский отряд. В свое время,—и мы будем счастливы в тот момент,—он будет несколько оттеснен целым рядом других свежих пролетарских отрядов, которые также будут работать „под красной властью".

Мы заслушаем еще специальный доклад о деятельности Коминтерна. Я привел эту выдержку только для того, чтобы вы видели, каково настроение наиболее злостных и, вместе с тем, наиболее дальновидных наших врагов к концу того периода, за который мы перед вами отчитываемся. Я этим отнюдь не хочу сказать, что все опасности для нашей партии и для Советской власти окончательно миновали. Можно с известной долей уверенности сказать, что миновала внешняя опасность, что противник, испытавший силу и меткость наших ударов, не так легко попытается и рискнет вновь бросаться на нас. Остаются, однако, опасности внутренние, остаются опасности, связанные с переходным периодом НЭП'а, остаются опасности перерождения отдельных клеточек партийного организма в трудную переходную эпоху. Мы попрежнему находимся в капиталистическом окружении. Связанные с этим опасности не могут и не должны отрицаться. Но, во всяком случае, 1922 и 1923 годы войдут в историю нашей революции, как годы,

которые окончательно закрепили прочность и незыблемость Советской власти и власти нашей партии,—незыблемость в такой мере, что из уст самых злостных противников исторглись слова признания этой незыблемости.

Я сказал, тт., что обещание о приостановке отступления в общем было выполнено нашей партией. Я думаю, что это было так как на арене международной, так и на арене внутренней политики. Наш предыдущий съезд собирался в тот момент, когда наша делегация отправлялась в Геную. Вы помните, что в тот момент международная буржуазия,—по крайней мере, часть ее,—сильно надеялась на то, что ей удастся вырвать в Генуе такие уступки с нашей стороны, которые означали бы полную или частичную кабалу. Вы помните, что докладчик нашего ЦК, Владимир Ильич, не останавливаясь слишком подробно на Генуе, заявлял, что эти надежды мировой буржуазии потерпят крах, и что мы дали нашим делегатам твердый наказ не итти ни в каком случае на подобные уступки. И вы знаете теперь, что этот наказ был выдержан до конца, и что все попытки добиться от нас таких уступок в Генуе, как после и в Гааге, и в Лозанне, натыкались на короткое, но железное „нет!“.

Я попросил наш Наркоминдел дать мне точную справку относительно того, каким количеством и какими именно государствами мы признаны до сих пор де-факто, какими признаны де-юре (вы помните это знаменитое „де-юре“, за которое от нас хотели получить чуть ли не несколько миллиардов), и какими государствами мы не признаны до сих пор ни де-факто, ни де-юре. Позвольте поделиться с вами, товарищи, этой справкой. Мы признаны де-юре десятью следующими государствами: Афганским, Австрийским, Болгарским, Германским, Латвийским, Литовским, Монгольским, Персидским, Польским, Турецким, Финляндским, Эстонским. Мы признаны де-факто следующими государствами: Великобританским, Итальянским, Норвежским, Чехо-Словацким, Шведским, Китайским. Мы не признаны следующими государствами: Францией, Румынией, Испанией, Бельгией, Голландией, Португалией, Швейцарией, Юго-Славией, Албанией, Грецией, Данией, Соединенными Штатами, Мексикой, южными американскими государствами, Египтом, Либерией, Абиссинией, Японией и еще парой мелких государств.

Я, однако, думаю, товарищи, что и после приведения этой справки ни у кого из вас не вырастут седые волосы на голове по поводу того, что такое значительное количество буржуазных государств нас еще не признало ни де-юре, ни де-факто. Что такое, в самом деле, это признание? Если дело идет о признании нашего режима, нашей „системы собственности“, как выражались в Генуе, то, разумеется, мы не претендуем на такое признание. Конечно, они не признают социалистического строя. Между нами говоря, и мы их в этом смысле не признаем, и едва ли так скоро „признаем“. А поскольку дело идет о более узком понимании слова „признание“, т.-е. о торговле, о коммерческих сношениях, мы можем сказать, что на этот счет дело обстоит

не так уж плохо. Наш лес, наш лен, наш хлеб и в особенности наши нефтяные масла „признаются“ весьма охотно на международной бирже. Рядом со справкой Наркоминдела я получил справку от нашего Внешторга, которая указывает на то, что у нас есть 18 признанных торговых представительств, у нас ведутся переговоры с 9-ю другими государствами, и в области торговли дело развивается более или менее нормально. Когда мы хотим оценить нашу международную политику, мы должны взять, стало-быть, критерий несколько поглубже, чем критерий простого „признания“ де-факто или де-юре, или даже де-факто и де-юре, вместе взятых. У нас есть критерий поглубже. Наша международная политика, говоря совсем коротко, определяется результатами первой мировой империалистической войны и географией развивающейся на наших глазах мировой пролетарской революции. Вот два действительно крупных фактора, которые объясняют многое в конфигурации нашей международной политики.

Империалистическая война разделила капиталистический мир, как вы знаете, на две группы: на победивший реакционный империализм и на побежденные буржуазные страны. Эти последние вынуждены,— хотят они того или нет,—искать известного сближения с первой победоносной пролетарской республикой. Возьмем Германию: германская буржуазия не ведет сейчас империалистической политики, разумеется, по совершенно не зависящим от нее обстоятельствам,—по той простой причине, что она не в силах ее вести. Германскую буржуазию можно в этом смысле рассматривать до известной степени, как „угнетенную“ буржуазию. Она, как и другие побежденные в первой империалистической войне страны, вынуждена так или иначе,—а она пыталась отворачиваться от этой перспективы, —искать сближения с Советской властью,—с властью той единственной страны, где она может встретить справедливое отношение к своим национальным требованиям.

Печальные герои II Интернационала ведут теперь усиленную кампанию в том смысле, будто мы, Советская власть России, ведем тайные переговоры с нынешним германским правительством и подготовляем, якобы, войну реванша против Франции. На этот счет ведется бешеная агитация. Господа Вельсы, Грумбахи и другие печальные рыцари II Интернационала пытаются напугать и значительную часть рабочих той перспективой, что, будто бы, Советская Россия в союзе с Германией готовит войну против Франции. Я думаю, что эти печальные герои, эти сикофанты II Интернационала вместо того, чтобы писать доносы на Советскую власть, поступили бы гораздо разумнее, если бы они вдумались в положение, как оно создалось в результате первой империалистической войны. Да, товарищи, победа империалистических стран так искромсала Европу, причинила так много мучений, в частности Германии, что не будет особенно удивительным, если в ближайшие годы возникнет в той или другой форме широкое национальное движение или даже национальная война побежденных стран против стран нынешнего победоносного империализма.

Я позволяю себе привести на этот счет слова тов. Ленина. В сбор-

нике „Против течения“ напечатана его статья—полемика с Юниусом. (Это псевдоним покойной Розы Люксембург). В этой статье Владимир Ильич в 1916 г.,—что особенно замечательно,—написал следующие глубоко-содержательные слова:

„Что данная империалистская война 1914—16 гг. превратится в национальную,—это в высокой степени невероятно, ибо классом, представляющим развитие вперед, является пролетариат, который объективно стремится превратить ее в гражданскую войну против буржуазии, а затем еще потому, что силы обеих коалиций разнятся не очень значительно, и международный финансовый капитал создал повсюду реакционную буржуазию. Но невозможным такое превращение объявить нельзя: если бы пролетариат Европы оказался лет на 20 бессильным; если бы данная война кончилась победами в роде наполеоновских и порабощением ряда жизнеспособных национальных государств; если бы внеевропейский империализм (японский и американский в первую голову) тоже лет 20 продержался, не переходя в социализм, напр., в силу японо-американской войны, тогда возможна была бы великая национальная война в Европе. Это было бы развитием Европы назад на несколько десятилетий. Это невероятно. Но это не невозможно, ибо представлять себе всемирную историю идущей гладко и аккуратно вперед, без гигантских иногда скачков назад, недиалектично, ненаучно, теоретически неверно“.

Мне кажется, товарищи, это—замечательное предвидение. В 1916 г., в разгар империалистической войны целый ряд марксистов, и не худших,—достаточно назвать имя покойной Розы Люксембург,—ставил диагноз в том смысле, что национальная война в Европе более невозможна, что, как они выражались, в эпоху империализма национальных войн вообще не бывает. Тов. Ленин учитывал конкретную обстановку в те времена и предвидел ситуацию, которая сейчас приобретает, несомненно, известную актуальность.

Некоторые из тех „если“, которые предполагал тов. Ленин, становятся сейчас фактом. Замедление международной пролетарской революции стало фактом, и никто не возьмется сказать, на сколько лет это замедление растянется. Известное ослабление европейского пролетариата в том смысле, что он не может немедленно расправиться со своей буржуазией, есть факт. Победа империалистов Антанты оказалась в некоторых пунктах близкой к победам наполеоновского масштаба. Несколько из этих „если“ осуществились. И поэтому в связи с цитатой, которую я вам приводил, происходит полемика в рядах Германской Коммунистической Партии, и уже многие ближайшие ученики Розы Люксембург,—достаточно назвать имя т. Тальгеймера,—признали справедливость слов тов. Ленина.

Эта цитата дает нам ключ ко всему нашему международному положению. Ориентировка во всей нашей международной политике, как известно, определяется целым рядом фактов, в том числе и мелких. Но если поискать важнейшие критерии, то, конечно, надо смотреть не в список государств, признающих нас де-юре или де-факто,

или не признающих, а надо смотреть на положение политической карты земли после империалистической войны. Это—результаты глубочайших факторов мировой политики. На основании их страны потерпевшие вынуждены силою вещей,—хотят ли они того, или не хотят,—ориентироваться на нас, на единственную страну победоносного пролетариата. Отсюда вытекает та конфигурация всей нашей международной политики, свидетелями которой вы были в течение этого года.

Другим важнейшим фактором является вопрос о Востоке, о колониальных и полуколониальных народах, как любил выражаться Ильич еще до революции. В последних статьях Владимира Ильича вы найдете целый ряд таких упоминаний, но они не новы под его пером. Уже задолго до революции он учил нас тому, что важнейшим фактором мировой международной политики будет Восток, будут те колониальные и полуколониальные народы, на которых упражняет когти разбойничий империализм, и которые, как мы видим, начинают ориентироваться на нас. Сущность нашей международной политики заключается в том, что происходят известное сближение, некоторая координация действий между первой страной победоносной пролетарской революции, нашей страной, с одной стороны, и пробуждающимся Востоком, колониальными и полуколониальными народами, которые ориентируются на нас,—с другой стороны. Это—одна из главных черт нашей международной политики. Другая заключается в том, что современная Германия, разбитая в войне 1914—1919 гг., вынуждена искать сближения с нами.

Некоторые из германских реакционеров, германских фашистов, довольно дальновидных представителей германской буржуазии, присматриваясь к нашей политике, вслушиваясь в наш анализ мирового положения, выражаются таким образом: „Ага,—говорят они,—стало-быть, вы интересуетесь не Германией, а германской революцией, вы ориентируете свою политику на известное сближение с нами, потому что вы предвидите или вы желаете и помогаете тому, чтобы в Германии победила пролетарская революция. Вы интересуетесь не Германией, а германской революцией". Такова их формула. Мы, товарищи, как коммунисты, прекрасно знаем, что самое это противопоставление с исторической точки зрения бессмысленно. Интересы подлинной Германии, настоящие интересы Германии, как страны, обеспечить может только пролетарская революция. Защитить германское отечество по-настоящему можно только, как социалистическое отечество. Как коммунисты, мы это прекрасно знаем. И в историческом смысле чему быть, тому не миновать. Но мы говорим господам германским буржуа,—тем из них, которые сейчас являются крупнейшим фактором власти в Германии,—мы говорим им: независимо от того, что будет через определенное количество лет (это покажет история), независимо от судеб германской пролетарской революции, с точки зрения правильно понятых ближайших национальных и хозяйственных интересов вашей страны, если вы действительно хотите бороться против оккупации, если хотите бороться против издевательств Антанты, вам ничего не остается, как

искать сближения с первой рабочей страной, которая не может не поддерживать те страны, которые сейчас находятся в такой рабской зависимости от международного империализма.

Частенько, товарищи, нас спрашивают наши собственные рабочие: будет ли война, когда она будет, какова будет роль России в этой войне? Этим объясняется тот громадный, интенсивнейший интерес к рурским событиям, который мы переживали. Будет ли новая война?.. Товарищи, война эта уже есть: то, что происходит в Руре, есть продолжение войны, только другими средствами. Да, там сейчас не проливается так много крови, как проливалось во время империалистической войны, но зато захват происходит с ясностью и цинизмом, не оставляющими желать большего. Если в начале войны 14-го года мы должны были со всем аппаратом марксистской учености и теории доказывать, что война идет из-за угля, рынка и т. д., то сейчас этого доказывать не нужно, потому что всякий видит, из-за чего происходит война в Руре. События затягиваются. Нам кое-кто пытался подбросить роль посредника между германской и французской буржуазией. Мы находим, что у нас есть дела поинтереснее и поважнее; они найдут себе маклеров в другом лагере. Германская промышленность с французской промышленностью,—точнее сказать, германские промышленники с французскими промышленниками усиленно сближаются и снюхиваются, дело идет о торгах и переторжках по поводу процентов.

Рурские события имеют то гигантское мировое значение, что они завязали узел, который разрубать придется не только дипломатам. Будет ли новая война в той форме, какую имеют в виду вопрошающие? Разумеется, будет. Товарищ Ленин нам говорил, если не ошибаюсь, на VIII съезде Советов: кончается первый тур войн, через некоторое количество лет начнется второй тур. Через сколько лет,—предвидеть нельзя, но что он будет,—это ясно

Какова будет наша роль в ней, какова будет наша стратегия? В этой области я не выдам большой государственной тайны, если скажу, что наша стратегия будет проста. Мы должны быть готовы к худшему, готовы ко всему, но мы должны, вместе с тем, всячески оттягивать тот момент, когда нас заставят активно вмешаться в новую европейскую драку. Нам, нашей стране, нужен мир. И для мировой пролетарской революции тоже нужно, чтобы наша страна стала в хозяйственном отношении на ноги. Наша стратегия будет проста: если придется вмешаться, то как можно позже.

Я привел вам, товарищи, анализ Владимира Ильича и сказал, что наша основная группировка в международной политике объясняется этими гигантской важности мировыми факторами. В основном наша иностранная политика сводится к дружбе с народами Востока и к сближению с народами, угнетенными империализмом Антанты, побежденными в первой империалистской войне. Это вовсе не значит, что мы не хотим и не ищем сближения со странами, скажем, Антанты. Нисколько. Мы были бы очень рады, если бы нам удалось найти сближение даже с нынешней Францией, потому что мы знаем, что

громадное большинство французского народа на нашей стороне. Не со стороны нашей дипломатии будут какие-либо помехи к такому сближению. Мы были бы в высшей степени рады, если бы отношения с Англией шли более гладко, чем они идут в последнее время. Наша дипломатия не возлагает, и мы не можем возлагать слишком большие надежды на нынешнее английское правительство, которое иногда изо всех сил старается над тем, чтобы создать возможно больше шероховатостей. Но, тем не менее, мы хотим сближения с ним.

Мы нашли некоторые средства если не сближения, то начала сближения с Японией,—с той страной, которая еще до самого недавнего времени держала свои войска на нашей территории. Япония переживает свой 1904 год или даже прямо канун 1905 года. Японии не миновать своей революции. Это не случайность, что наиболее популярным лозунгом не только среди японского пролетариата, но и среди самых широких кругов японского общества вообще является лозунг сближения с Советской Россией. Что мы этого сближения хотим,—мне не зачем перед вами доказывать.

Присутствие тов. Иоффе в Японии оказалось как нельзя более кстати. Товарищ Иоффе от имени нашего правительства пользовался каждым представлявшимся ему случаем, чтобы подчеркнуть то отношение к японскому народу, которое у нас есть.

У нас намечается сближение с Китаем, о котором справедливо напоминает в своих последних статьях Владимир Ильич,—там дело идет о сотнях миллионов людей, которые решают в конечном счете судьбы мировой пролетарской революции. Китай переживает острую полосу междоусобной войны и национального движения. И мы помним о завтрашнем дне китайского народа, помним то громадное, великое значение, которое имеет для освобождения человечества национальное движение в Китае и аналогичных ему странах.

В последнее время, товарищи, положение в Европе несколько заострилось против нас в связи с небезызвестным вам судом над епископом Цепляком и Буткевичем. Сейчас происходит неслыханная свистопляска клеветы против нашей республики по случаю того, что мы позволили себе,—как этого требовал наш долг,—обезвредить шпиона, хотя он и носил поповскую рясу, и обрушиться сильными репрессиями на другого видного представителя католического мира,—по случаю того, что мы представителям высшего католического духовенства не создали привилегированного положения. По этому поводу происходит бешеная травля против нас. Она напоминает ту травлю, которая была поднята в связи с процессом эсеров. Польские паны стараются особенно. Английские правители нынешнего дня усердствуют и дошли до того (это немножко смешно, но из песни слова не выкинешь), что даже Уркарт, о религиозных чувствах которого вы знаете еще со времен его близкого знакомства с Колчаком, говорит, что по случаю осуждения Цепляка и Буткевича он откажется, пожалуй, иметь с нами дело. Мы думали, что он обладает большим чувством смешного. Если он думает, что по случаю расстрела Буткевича ему будет

скидка на концессии, то он ошибается. Дело идет о торговле, и тут нужны аргументы посильнее Цепляка.

Не отстал и $2^1/_2$ Интернационал. Вот предо мною телеграмма: „Исполком Независимой Рабочей Партии Англии в четверг будет слушать вопрос о процессе Тихона". (Смех). Они, видите ли, так заинтересованы в судьбе Тихона! Это бросает некоторый ретроспективный свет на значение их кампании в связи с эсерами.

Я думаю, однако, товарищи, что мы в большое уныние по поводу этой кампании приходить не должны. Клеветы будет сколько-угодно. Мы знаем из истории Парижской Коммуны, что когда наши предшественники в интересах самообороны расстреляли пару генералов и попов, которые были шпионами версальцев, то в течение более чем 50-ти лет буржуазная пресса продолжает это помнить, злобствовать и клеветать на парижских коммунаров. Но мы-то, революционные пролетарии, если мы указываем на слабость наших предшественников, то только в том смысле, что они не были достаточно решительны в своей самообороне. На это указывал и Карл Маркс, писавший, что парижские коммунары недостаточно принимали активных мер против своего врага. Что касается Цепляка и Буткевича, то это дело не проживет 50 лет. Гораздо меньше времени пройдет, и г-н Уркарт, и Центральный Комитет Независимой Рабочей Партии в Англии, и польские паны вместе с Пилсудским забудут об этом и перейдут к очередным делам. Мы же говорим прямо и определенно, что у нас неприкосновенности для шпионов нет. Мы говорим этим господам: это вам не Рур, это—Советская Россия! (Аплодисменты). Вы должны это знать! Они должны знать, что у нас и в эпоху НЭП'а существует революционная власть, которая на нападение отвечает ударами, и которая не остановится перед тройными ударами, если они будут необходимы.

Будет ли новая интервенция? Конечно, эта возможность не исключена. Мы должны нашему будущему Центральному Комитету сказать, чтобы он имел в виду и эту опасность. Но мы знаем, что если она будет, то, во всяком случае, из-за причин побольше, чем ряса г-на Буткевича. Мы готовы ко всему, и истекшие 5 лет показали, что подходить к нам нашим противникам необходимо с известной опаской.

Теперь я хотел бы сказать еще два слова об Америке. Что мы хотели бы сближения с американским народом,—это ясно само собой. Что мы не отказались бы от сближения и с нынешним американским правительством,—это тоже ясно.

Но мы читали недавно заявление американского статс-секретаря Юза, сделанное им на открытии заседания международной женской Лиги мира. Я не буду вам подробно цитировать это заявление. Он говорит, что советское правительство прочно. Этого он не отрицает, и это признание стоит, пожалуй, тех заявлений Ивановича и Струве, которые я сейчас приводил. Он говорит, что он не отказывается от известного сближения с нами. Он говорит даже, что Америка не является злым кредитором, и она охотно дала бы льготы и рассрочки

в деле уплаты наших долгов. Однако, говорит он, плохо то, что мы до сих пор не отказались от мировой пролетарской революции. Юз проявил, я должен сказать, вполне заслуживающую похвалы начитанность во многих произведениях работников Коммунистического Интернационала. Он приводит многие цитаты: в ноябре прошлого года я, многогрешный, сказал, дескать, что „вечное в русской революции заключается в том, что она положила начало мировой революции". Он обвиняет затем тов. Ленина, что на 4-м конгрессе Коминтерна тот заявил революционерам всех стран, что виды на мировую революцию хороши и будут еще лучше. Но с еще большим возмущением Юз цитирует речь тов. Троцкого, который заявил,—где бы вы думали: на V съезде союза коммунистической молодежи,—что не только в Европе, но и в Америке в свое время придет мировая революция. Юз чрезвычайно этим недоволен и говорит, что это мешает торговым сношениям. Тов. Бухарин справедливо отметил, что зря Юз пытается играть роль капиталистического агитатора в нашей стране. Я бы даже дал ему совет: если он так хорошо начитан в произведениях работников Коммунистического Интернационала, и Владимира Ильича в частности, то не согласится ли он издать хрестоматию ленинизма в Америке, потому что он может найти у Владимира Ильича целый ряд цитат, которые будут лучше того, что он цитирует. Это было бы очень полезно для американских рабочих. (Аплодисменты).

Совершенно ясно, что в международном масштабе происходит соревнование двух основных сил: с одной стороны, международного пролетариата, который поднимается вверх, и с другой стороны—международной буржуазии, звезда которой закатывается. Борьба эта продолжится ряд лет, может-быть, больше, чем мы того хотели, но кончится неизбежно нашей победой. А до тех пор, что ни говори, необходимы какое-то полуравновесие, известные торговые сношения. Пусть об этом подумают Юз и другие государственные деятели буржуазии.

Такова в основных чертах линия нашей международной политики.

Я думаю, что мы в дальнейшем должны ее продолжать в том же духе. Некоторые чрезмерные „реалисты" недовольны нашей международной политикой и говорят, что нужно и в этой области провести НЭП. Что значит НЭП в международной политике? Если говорить буквально, это значит уничтожить монополию внешней торговли, чего мы, конечно, допустить не можем и не должны. А если дело идет только о том, что мы должны договариваться с буржуазией, пока она властвует, итти на те или иные известные уступки, то, само собою, мы на это согласны, готовы, мы это сделали. Мы не отказываемся от уступок, но, конечно, уступки уступкам рознь. Вы знаете известное заявление тов. Литвинова в Гааге в конце конференции, где он намекал на возможность серьезных уступок. Они это отклонили. В августе 1922 года нам пишет ноту Ходжсон и спрашивает: остается ли в силе заявление Литвинова? Мы, посоветовавшись, сказали: нет, уступки не остаются в силе, и чем дальше вы будете тянуть, тем меньше мы будем уступчивы. По той простой причине, что все

уступки мы делаем не ради ваших прекрасных глаз, а ради выигрыша времени в деле восстановления нашего хозяйства. Если вы согласны быстро пойти на помощь кредитами и т. д., мы согласны уступать. Но если вы тянете годы, а после этого спрашиваете, остаются ли в силе уступки, мы говорим: нет, не остаются в силе. И чем дальше, тем меньше будет уступок, потому что страна выздоравливает, потому что мы начинаем справляться собственными силами.

Вот почему, товарищи, мы будем просить съезд согласиться с тем, что наша международная политика была правильна.

Я перехожу, товарищи, к внешней торговле. Само собой понятно, что наш съезд должен подтвердить незыблемость монополии внешней торговли, режим монополии внешней торговли. Съезд должен дать нашему новому Центральному Комитету ряд поручений укрепить, усилить и развить монополию внешней торговли. У нас были кое-какие споры в отчетном году по этому вопросу, были кое-какие разногласия, на мой взгляд, частного характера. Мы обсуждали вопрос об аппарате внешней торговли, который был очень плох, и который в последнее время улучшается. Мы спорили относительно того, не надо ли нашим государственным органам, и в первую очередь областным, несколько более развязать руки. Это уже достигнуто последним декретом, принятым при участии Владимира Ильича. Мы согласились с мнением, на котором настаивал особенно Владимир Ильич, что мы должны раз навсегда положить конец каким бы то ни было дискуссиям вокруг самого принципа монополии внешней торговли. Этот принцип незыблем, это одна из важнейших наших командующих высот. При помощи прорыва этого нашего фронта капиталисты хотели обойти нас с тыла и пройти косвенными путями туда, куда они не могли пройти прямыми путями. Если бы им удалось пролезть в эту область, если бы им удалось прорвать в этой области нашу цепь, они могли бы свести роль нашей страны к роли колонии или полуколонии. Вот почему в этой принципиальной области сейчас нет никаких колебаний. Пусть международная буржуазия не питает никаких надежд. Пусть бросит она свои глупые пересуды, что у нас есть левая, правая и центр в этом вопросе, как, впрочем, и в других вопросах. В этом вопросе больше, чем в каком бы то ни было другом, мы все единодушны: монополия внешней торговли в руках победоносного пролетариата в нынешней обстановке, когда наша страна находится в буржуазном окружении, есть важнейшее орудие в наших руках. Мы его не выпустим. И пусть весь заработок от внешней торговли пойдет прежде всего на восстановление нашей крупной промышленности и сельского хозяйства. На этот счет мы не должны оставлять ни малейшего сомнения.

Я перехожу к некоторым цифрам по этому вопросу и должен констатировать с громаднейшим удовлетворением, что дело в этой области сдвинулось, как вы это увидите из следующих данных *):

---

*) Чтобы не обременять доклад слишком большим количеством цифр, оратор в речи пустил многие из них. По просьбе ряда делегатов, цифры эти в настоящем отчете приводятся докладчиком в более полном виде.

Во II четв. 1921 г. наш вывоз составлял	2,1%	по отнош. к ввозу.	
В III „ „ „ „ „ „	14,0%	„ „ „	„
В IV „ „ „ „ „ „	20,2%	„ „ „	„
В I четв. 1922 „ „ „ „	22,5%	„ „ „	„
Во II „ „ „ „ „ „	17,2%	„ „ „	„
В III „ „ „ „ „ „	40,9%	„ „ „	„
В IV „ „ „ „ „ „	55,6%	„ „ „	„
В январе 1923 „ „ „ „	65,0%	„ „ „	„

Итак, с начала 1921 г. по начало 1923 г. процент вывоза повысился с 2 до 65.

И тов. Красин, с которым я беседовал на-днях, и который конечно, в этом вопросе компетентнее всех нас, говорит, что, по его мнению, у нас будет активный баланс во внешней торговле через 2—3 года. Я думаю, что в этом отношении тов. Красин нисколько не ошибается, если у нас будет урожайный год, и если дела будут развиваться, по крайней мере, не хуже, чем до сих пор.

Вы знаете, что изменилось и качество нашего ввоза. Вы помните, что было время, когда мы на последнее золото ввозили через наши порты хлеб для петербургских и московских рабочих. Такой ввоз и такой вывоз, конечно, были ненормальными и свидетельствовали о том, что наше государство находилось в опаснейшем положении. Ныне качество ввоза изменилось. Мы ввозим не только предметы продовольствия.

У нас в 1922 году предметы продовольствия составляли 34,1% общего ввоза, а в январе 1923 г. только 10,7%, и притом это был не хлеб. Далее мы вывозим не золото, а свое сырье, которое обмениваем на уголь. На первом месте из экспорных товаров стоят лесные материалы, на втором—лен, на третьем—нефтяные продукты (нефть „признали“) и на четвертом—кожа и пушнина.

Самым крупным потребителем нашего экспорта являются:

Англия	32,8%	всего вывоза.
Германия	18,1%	„ „
Турция	13,3%	„ „

Далее идут: Дания, Италия, Румыния, Франция, Финляндия, Чехо-Словакия.

Экспорт на 1923 год должен дать 210 миллионов руб., т.-е. на 45% больше, чем в 1922 году (145 миллионов руб.).

Весь оборот внешней торговли равнялся в 1922 году 351 миллиону рублей, что составляет около 13% довоенного оборота. Ввоз 1921 г. равен 210 миллионам рублей, 1922 года—275 миллионам рублей.

Наши заказы за границей также меняют свой характер. Вы знаете, что мы отменили остатки заказов на локомотивы. Наши заказы сейчас отдаются за границу с гораздо большей осторожностью, чем до сих пор. И голоса наших профсоюзов и наших организованных рабочих вообще, которые указывали на необходимость быть крайне ску-

пыми в деле сдачи заказов за границу,—эти голоса, разумеется, были учтены. И это было сделано правильно.

Общая конъюнктура внешней торговли для нас благоприятна, потому что современные цены продолжают превышать цены довоенные, и цены на внешнем рынке на хлеб больше в 2 раза довоенных. Это является для нас еще одним важным аргументом для того, чтобы отстаивать монополию внешней торговли, как зеницу ока, потому что это послужит большим подспорьем в деле поднятия материальных сил страны.

Вы помните, как на XI съезде Владимир Ильич придавал особенное значение смешанным обществам. Он подтвердил значение их и на IV конгрессе Коминтерна, говоря, что смешанные общества—это самая желательная форма сотрудничества с международной буржуазией, потому что, как он сказал, при этом мы ничем ни рискуем. Дело организации смешанных обществ тоже подвинулось несколько вперед. Мы имеем в настоящее время 8 функционирующих обществ с основным капиталом в 300 тысяч фунтов стерлингов и 17,5 миллионов золотых немецких марок; они пользуются большим кредитом. Но, что самое главное, мы начали пользоваться ими в деле увеличения производительности труда. Я приведу здесь справку, которую мне дал тов. Данишевский, о работе смешанных обществ „Русанглолес“ и „Русголландлес“, которые только начинают работать на нашем Севере.

Вот точные данные. На лесопильном заводе № 29 (Русанглолеса) среднее количество бревен, выпиливаемых одной рамой в смену, составляет в настоящее время 96 шт. против 73 в прошлом году. Количество же служащих и рабочих с 624 человек уменьшено до 460 человек.

Недавно Русголландлес получил предложение продать 5.000 стандартов по ценам на 10 шиллингов выше цен, предлагаемых Северолесу. Между тем, уже цена, которую выручает Северолес, на один фунт выше шведских цен. Продажа обществом производится лишь с санкции и утверждения Северолеса, так что последний имеет в своем распоряжении хороший дополнительный аппарат для контроля и установления рыночных цен.

Огромное значение имеет тот факт, что эти общества показали, как при помощи меньшего количества рабочих они достигают большей производительности труда, чем до сих пор это было у нас. Я приветствую меру тов. Данишевского, который пригласил представителей нашего профсоюза деревообделочников, пригласил наших рабочих, чтобы показать им на живом примере, как можно поднимать производительность труда. Это небольшой пример, но он говорит многое.

Громадный вопрос, связанный с внешней торговлей,—это вопрос об экспорте нашего хлеба. Когда не было у нас хлеба, не было и трудностей с хлебными ценами. Теперь же, после первого большого урожая, мы попали в положение, когда у нас цены на хлеб на внутреннем рынке кое-где достигают 70 коп., а то и меньше, 40 и 30 коп.,

и еще меньше. Создается положение, которое отнимает стимул у крестьян делать запашки, которое нарушает ход всей нашей промышленной работы. Поэтому перед нами стал на очереди вопрос об экспорте хлеба,—вопрос крупнейшей и, как вы потом увидите, политической важности. ЦК возложил эту работу на тов. Цурюпу, который в этой области, так же, как и во всех других, проявил громадную энергию, достигнув крупнейших результатов. До сих пор фактически вывезено 19 миллионов пудов. Сначала велась бешеная кампания против нашего хлеба со стороны меньшевиков, кадетов и всех наших других благожелателей. Они пытались сорвать продажу нашего хлеба за границу, говорили, что наш хлеб „обагрен кровью" и пр., а сейчас прибавляют, что он обагрен „святою кровью" шпиона Буткевича. Но, товарищи, вы знаете, что буржуа—люди деловые, и, в конце-концов, для них вопрос решался ценой хлеба и его качеством. Качество вначале было не очень хорошее, были громадные технические трудности, но я могу с громадным удовлетворением отметить последние сообщения из Берлина относительно того, что „полученные рожь и ячмень хорошего качества и вызывают восхищение покупателя". Это имеет громадное значение для нас, и следует сказать с'езду, что качество нашего советского ячменя, вопреки всем Буткевичам, вызывает восхищение. (Аплодисменты). Это показывает, что дело пойдет.

Я хотел указать на очень важный договор, хотя он еще и предварительный, заключенный тов. Красиным, с нынешним германским правительством о вывозе хлеба. Договор этот предварительный, и мы не знаем, войдет ли он в силу, но он очень выгоден для Германии, и она будет заинтересована в том, чтобы добиться его осуществления. Но пока он предварительный. Договор этот сводится к тому, что мы запродаем нынешней Германии одну треть всего нашего хлебного вывоза на предстоящий год. Конечно, дело связано и с урожаем; договор составлен вполне осторожно, обдуманно и целесообразно. Мы имеем все возможности вносить в него необходимые нам изменения, но сущность его в том, что одна треть нашего вывоза продается Германии. Помимо торгового значения, он имеет громадное значение и другого характера. Вы помните, как тов. Ленин говорил о значении хозяйственной смычки между Россией и Германией, и говорил, что нынешняя Россия и Германия ему напоминают две разрозненные половинки двух будущих цыплят в одной скорлупе. Действительно, в смысле хозяйственном наша страна и Германия как нельзя лучше друг друга дополняют. Теперь, по понятным причинам, эта связь меньше, чем мы бы хотели, но потом она будет больше, и мы добьемся большей смычки. Упомянутый мною договор имеет не только коммерческое, но и более глубокое принципиальное значение, поскольку он намекает в конкретной форме относительно будущей хозяйственной смычки между нами и Германией,—смычки, которая будет иметь всемирноисторическое значение. Таким образом, вопрос об экспорте хлеба сдвинут с места.

Было предположено вывезти 29 миллионов, вывезено пока около

20 миллионов, главным образом, в Германию, Финляндию, Скандинавию и Англию. Это небольшие цифры, но необходимы были большие усилия, проявление большой энергии, чтобы достигнуть их. Не надо забывать, что один юг России вывозил до войны 400 миллионов пудов в год.

Я беру среднее за десятилетие от 1904 по 1914 г., и средняя цифра вывоза хлебов за этот период равняется 645 миллион. пудов, достигая в отдельные годы миллиарда пудов. Таким образом, вы видите, какой громадный вывоз имела Россия раньше, как робки наши попытки сейчас, но какое громадное значение они будут иметь в будущем.

Я перехожу, чтобы закончить с международным положением, к концессиям. Вы помните, тт., что у нас был один момент, когда у нас спорили внутри партии о допустимости концессий. Тогда наши противники были уверены, что при помощи концессий иностранные капиталисты проникнут к нам и превратят нас в колонию или полуколонию. Я спрашиваю: есть ли сейчас среди не только добросовестных противников, но даже среди самых жадных акул,—много ли есть среди них таких, которые теперь надеются, что с помощью концессий они превратят нашу Советскую страну в колонию? Я думаю, что таких людей осталось очень мало. Спросите религиозно-настроенного Уркарта, пусть он скажет, очень ли крепко надеется он со своими собратьями превратить нашу Советскую страну в колонию... Это—также пройденный этап, это—также завоеванная позиция. Теперь люди понимают, что с нами можно торговать на более или менее выгодных условиях, но что пора бросить мысль о том, что можно нашу страну превратить в колонию или полуколонию. Дело с концессиями сдвигается с места. На 4-м конгрессе Коминтерна тов. Троцкий правильно сказал, что у нас до сих пор было много дискуссий о концессиях, но мало самых концессий, теперь у нас становится меньше дискуссий и больше концессий. Цифры, которые дал мне тов. Пятаков, говорят следующее:

Из 400 предложений, числившихся в пределах Главного Концессионного Комитета к концу 1922 г., едва ли 50 заслуживали серьезного внимания. Между тем, из 100 предложений, поступивших за январь и февраль 1923 г., подавляющее большинство является действительно серьезными делами. Раньше была разведка,—теперь „дела".

И тов. Пятаков делает совершенно справедливый вывод, что сейчас, когда мы не дискутируем, а проводим в жизнь наши концессии, надо иметь больше выдержки, спокойствия, надо торговаться из-за каждой копейки.

„Они" стали относиться серьезнее к концессиям, они занимаются уже не разведками, а серьезными делами. Так и мы будем вдесятеро серьезнее относиться к этим делам и осторожнее проверять и обдумывать раньше, чем сдать что бы то ни было.

На 6-е марта у нас было соискателей концессий 460. На первом месте Германия—174, на втором и третьем месте Англия и Сев.-Ам. Соед. Штаты—по 56 и на четвертом месте Франция—50 соискателей. Обратите внимание: даже Франция. Хотя они не признают нас де-юре, но, однакоже, 50 соискателей.

Далее идут:

Скандинавские страны	25.
Италия	17.
Голландия	16.
Чехо-Словакия	10.
Польша	7.
Швейцария	6.
Русские соискатели	26.

По характеру об'ектов эти предложения распределяются так:

Торговых	61.
Сельскохозяйственных	48.
Лесных	47.
Топливных	45.
Химических	39.
Горно-промышленных	26.
Металлургических	20.
Текстильных	20.
Машиностроительных	23.
Железнодорожных	22.
Электропромышленных	17.
Водный транспорт	23.
Строительных	61.

Ко времени XI с'езда у нас было 5 договоров, а за истекший год по 1/III-23 г.—26 договоров. Общий капитал, который должен влиться в результате этих договоров, составляет около 30 милл. з. р. плюс 15 милл. з. р. обязательного кредита. Тов. Ленин указывал, что концессии—это основная черта государственного капитализма. Теперь мы в этой области сдвинулись с мертвой точки, мы от дискуссий переходим к делу. При этом у нас не происходит процесса завоевания нас иностранным капиталом. Мы будем отмеривать шаг за шагом. На каждую каплю яда у нас будет достаточное количество противоядия. Мы будем принимать не все дары данайцев, как это показал случай с Уркартом. Вы знаете, что Уркарт обиделся на наше Политбюро. К слову сказать, он довольно подробно изучил, повидимому, механизм первой советской республики в мире и знает, что некоторую роль играет у нас механизм, именуемый Политбюро. (Смех.) Он находит, что у нас этот механизм нецелесообразно построен, и обижен, что Политбюро в свое время вмешалось и отменило концессию. Этот договор будет заключен тогда, когда наша республика найдет, что и она, по крайней мере, получает некоторые выгоды. Мы должны обеспечить такие условия, при которых наша страна получит то, чего она ждет от концессий. Позвольте на этом закончить международную часть.

Я думаю, в результате этого изложения вы должны будете признать, что обещание нашего ЦК, сделанное компетентными устами Владимира Ильича в прошлом году, относительно того, что отступление наше в общем кончается,—на международной арене оно выполнено до конца. Мы не сделали лишних уступок и не сделаем их и

впредь. Некоторые товарищи, наиболее близко стоящие к этому делу, нервничали по поводу тех или других, по их мнению, неосторожных шагов, которыми, мы, якобы, вызывали новую волну недовольства и т. д. Так и знайте, до тех пор, пока мы существуем, международный капитал будет нами весьма и весьма недоволен: время-от-времени он будет поднимать против нас новую волну похода клеветы и т. д. А мы шли и пойдем своей дорогой. Мы определенно можем сказать, что с концессиями дело идет, с торговлей мало-помалу дело также идет вперед. Вы нас не признаете пока де-юре, — подождем, мы люди терпеливые.

Перехожу к нашей внутренней политике. Мы имеем первый год, когда не только и даже не столько мы говорили о НЭП'е, сколько действительно его проводили. Теперь мы должны подвести определенный итог. Вы помните, что вначале у нас была в партии отдельная группа, которая по отношению к НЭП'у была настроена скептически. Совсем недавно я читал в одном документе, принадлежащем к бывшей „рабочей оппозиции", что „НЭП" происходит от следующих трех слов: „новая эксплоатация пролетариата". Вы знаете, что на этом спекулировали все наши противники. Весь „анализ" господ меньшевиков в чем заключался? Они говорили: НЭП создаст накопление роскоши, богатств на одном полюсе, нищенство — на другом. НЭП создаст то, что рабочие будут еще более обездолены. Может-быть, где-нибудь и будут подняты торговля и промышленность, но зато рабочий класс будет низвергнут в пропасть нищеты, будут расти противоречия, в результате которых и последует взрыв изнутри. Такова была оценка 2 и $2^1/_2$ Интернационала, к которой, — увы! — по сути дела примыкали и те, которые НЭП рассматривали, как „новую эксплоатацию пролетариата", т.-е. наши „левые" сторонники „рабочей оппозиции".

Я думаю, товарищи, сейчас мы все знаем, видим, чувствуем, что НЭП не был новой эксплоатацией пролетариата. Это знают сами рабочие. Но НЭП не был и просто применением методов „калькуляции". Тов. Ленин был совершенно прав, говоря, что НЭП был и остается системой государственного капитализма, проводимой прежде всего для того, чтобы установить настоящую смычку между пролетариатом и крестьянством. Я перечитал недавно вышедшую в 1921 г. работу Владимира Ильича „о продовольственном налоге" и советую вам ее перечитать. Т. Ленин указывает на элементы государственного капитализма с конкретностью, не оставляющей желать лучшего: концессии—первый элемент госкапитализма, кооперация (даром, что она называется социалистической, а по сути дела в нынешней обстановке это тоже есть элемент государственного капитализма) — вторая составная часть госкапитализма и арендованные предприятия — вот третья составная часть госкапитализма и т. д. Вот государственный капитализм. Я имею данные, которые указывают, что наши органы считают, что 70—75% торговли происходит между государственными органами. Из этого делается вывод, что у нас на 70—75% социализм в этой области. Я ду-

маю, что это ошибка. Эти 75% не означают, что это есть действительно социализм, потому что наша государственная торговля происходит в обстановке свободы торговли, обмена, денежной системы, и, стало-быть, частью тоже относится к тому, что называется государственным капитализмом. Тов. Ленин прав, когда на IV конгрессе определял: „государственный капитализм в кавычках",—капитализм, про который у Маркса не написано, который не бывал до сих пор на свете, государственный капитализм при власти пролетариата,—своеобразный капитализм, при котором крупная промышленность и транспорт в руках пролетариата. Но все-таки не зачем закрывать глаза на это, и не нужны слишком успокаивающие формулировки, сводящие все к „калькуляции". Надо, чтобы рабочие видели то, что есть. И я думаю, что нужно поворот рабочих масс к нам объяснить в числе других причин также и тем, что рабочий массовик увидел капиталиста, увидел его оскаленную морду, увидел, что он рождается, понял, что должен итти за партией для того, чтобы его преодолеть. Вот почему мне кажется, что в этой области не зачем искать большой „новизны", и мы должны остановиться на том, на чем остановились в 1921—22 году.

Тов. Ленин в той книжке, о которой я упоминал, говорил в 1921 году: „начать надо с крестьянства", и разъяснил тогда „рабочей оппозиции", почему надо начать с крестьянства. Вы помните, что в то время, когда у нас было пять пар сапог на 300 рабочих, когда недовольство рабочих было огромное, когда легко было сыграть на этом, и когда пытались сыграть на этом недовольстве,—тогда некоторые товарищи из бывшей „рабочей оппозиции" становились в позу и обвиняли партию: гегемонию пролетариата сдали, разговариваете о крестьянстве, а рабочий без сапог. На это мы отвечали им и можем ответить сейчас: гегемонию пролетариата надо уметь понимать. В 1895 г. она сводилась к образованию „Союза Борьбы за освобождение Рабочего Класса". В 1903 г. она сводилась к тому, чтобы создать организацию профессиональных революционеров. В 1912 г. она сводилась к тому, чтобы во время контр-революции сохранить большевистский центр, как справедливо указывает тов. Мартынов. В 1917 г. она сводилась к восстанию. В 1918—1919 г.г. она сводилась к тому, чтобы организовать Красную армию и уметь воевать. В 1920—1921 г.г. гегемония пролетариата заключалась в том, чтобы помочь прежде всего улучшить положение крестьянина и войти в контакт с ним, понять, что от сельского хозяйства пойдет восстановление. В 1923 г. гегемония требует, чтобы мы сорганизовали экспорт хлеба. А в 1930 г. гегемония, быть-может, выразится в том, что мы, русские коммунары, бок-о-бок с иностранными рабочими будем драться на улицах европейских столиц. Когда наши „оппозиционеры" дразнили тогда рабочего: „гегемон, а ходишь без сапог, партия тебя предает", они делали дело меньшевиков. Я думаю, что в конце этого года действительного НЭП'а каждый из вас видит, что надо было начать именно с крестьянина. Тов. Ленин говорил тогда: начать надо очень скромно,

начать надо с крестьянина, с его хозяйства и с мелкой промышленности. Более точно: с мелкой окрестной промышленности, связанной с сельским хозяйством. Совсем маленькая задача. Куда легче написать книгу о том, что нужно сразу ввести электрификацию, сразу поднять промышленность на ноги, прокламировать „диктатуру промышленности“ и т. д. А наш Владимир Ильич учил в 1921 г. о том, что начать надо с крестьянского хозяйства и мелкой окрестной промышленности, а потом итти дальше. На этом съезде мы можем уже поставить вопрос о крупной промышленности, должны поставить этот вопрос, должны все внимание уделить, все мускулы напрячь, чтобы это дело решающее, коренное для нас развернуть, а в 1921 году это была утопия, и надо было начинать с крестьянина, с мелкой промышленности.

Я думаю, товарищи, что теперь вы все видите, насколько это была правильная постановка вопроса, и насколько необходимо итти в этом же направлении и дальше. Каков итог, на который можно указать? Итог следующий: в сельском хозяйстве в 1922 году мы имели три четверти среднего урожая довоенного времени. Промышленность давала 25% продукции довоенного времени. Наша внешняя торговля — 14% довоенного баланса. Производительность труда — около 60%. Заработная плата,—примерно, 50% довоенной. Итог пока еще очень маленький. Совсем слабое улучшение. Это мы должны ясно видеть и не обманывать себя, но все-таки это шаг вперед. Мы, большевики, никогда не отличались самодовольством и не хотим проявлять его и теперь, ибо известное недовольство, самокритика, недовольство выполненной работой при известных условиях могут стать прогрессивным фактором и толкать нас к тому, чтобы итти вперед. Но я заранее должен сказать, что, по моему мнению, сейчас нет у нас никаких причин к унынию, к пессимизму; у нас есть все основания к тому, чтобы сказать, что дело у нас пошло вперед. Нужно не иметь никакого ощущения России, чтобы не видеть, что она выздоравливает, что она все же могучая страна, что она становится на ноги, что мы через самые трудные времена как-будто перешли. Это нам нужно не для самообольщения, а для установления пропорций, для ясности головы, для точного, ровного, хладнокровного настроения.

Первый год НЭП‘а показал, что этот НЭП не есть новая эксплоатация рабочих, а это есть новая правильная форма хозяйствования при нынешнем положении вещей. Мы начинаем сдвигаться с места. Это, конечно, не значит, что все у нас хорошо. У нас был очередной кризис Донбасса этим летом. Однако, нам раз и навсегда необходимо принять меры к тому, чтобы на наших съездах не говорить больше о кризисах Донбасса. Съезд должен дать наказ своему ЦК: „Никаких больше кризисов Донбасса, у нас их, товарищи, было довольно“. Разумеется, у нас и в этом году было много ненормального. Достаточно вам напомнить кризис сбыта.

Об этом будет специальный доклад (о государственной промышленности). Но само собой понятно, и вы знаете, товарищи, что положение, при котором сейчас оказался наш крестьянин, когда он не имеет импульса для нового производства хлеба, когда цены на хлеб так сильно упали,—это положение уродливо и лежит в ненормальности нашего хозяйствования, которое мы должны во что бы то ни стало выправить. Важно только то, товарищи, чтобы мы попрежнему продолжали смотреть на Нэп правильными глазами, чтобы мы ясно сознавали, что тут дело идет о смычке с крестьянином, а не с нэпманом, и чтобы мы понимали, что нам надо дать отпор всем тем, которые в этом видят так-называемый „крестьянский уклон". Я думаю, товарищи, что при том положении, которое мы имеем сейчас, когда цены пали, когда относительно налогов мы слышим голоса, что они были слишком велики, и что местами они вызывают недовольство,—в этот момент напоминание о мнимом „крестьянском уклоне" является в высшей степени несвоевременным и не из той оперы, которая нам нужна.

Я приведу вам сейчас ряд цифр относительно непосредственных итогов нашего хозяйствования за год.

Много говорят в последнее время относительно планового начала. Само собой понятно, что нам пора переходить к плановому началу во всей нашей работе, и честь и место всякому, в особенности разумному, плану. Кое-что в этой области делается. Центральным Комитетом Партии подготовлен, правда, еще очень черновой план работы по организации нашей армии на пять лет. Эта работа велика и необходима, и мы должны ею заняться и отпустить ей соответствующие средства. У нас разработана программа сельскохозяйственного машиностроения на десять лет, разработан план тракторостроения на шесть лет. Конечно, мы знаем, от слова дело не станется, от этого тракторов еще не прибавится, сельскохозяйственных машин тоже не прибудет. Но такая работа, конечно, нужна, необходима, желательна и т. д., и мы должны ее всячески поддерживать. Мы и на практике коечего достигли. Пример. Выполнение плана по всем видам топлива в 1921—22 году составляло:

По углю	91%
„ нефти	104%
„ торфу	98%
„ дровам	101%

Но я хотел по этому вопросу напомнить мнение тов. Ленина. В 18-м томе его сочинений, который вышел на-днях весьма и весьма кстати, вы найдете интереснейшую статью, которую я сам немного забыл: „Об едином хозяйственном плане". Тов. Ленин что нам в ней говорит? Ради бога, только не придумывайте слишком много искусственных планов. У нас один план есть, серьезный, обдуманный план электрификации, над ним давайте десяток лет поработаем, и вокруг него все остальное. И т. Ленин высмеивает ряд товарищей, которые слищ-

ком прытки насчет бумажных „планов“. Мы знаем из повседневной работы с Владимиром Ильичем, что никто, как он, не относился с таким скептицизмом, и никто, как он, столько не насмехался насчет „новых“ „больших“ гипертрофированных „планов“. План должен быть, и он будет расти годами. Мы попробовали создать бюджет на год, а потом мы должны были пойти назад к кварталу, потом к месяцу, и теперь мы начинаем обратное движение и придем к годовому бюджету и должны всячески поддерживать эту работу и дальше. Но будем помнить о том предостережении, которое сделал нам Владимир Ильич, и будем помнить о том реальном плане, который мы начали осуществлять. Помните, товарищи, что в области электрификации все-таки дело двигается вперед. Вот данные, которые я получил от тов. Кржижановского. План электрификации рассчитан на 10—15 лет. Затраты на него—от 80 до 100 миллионов в год. Из намеченных 27 станций на 8 уже идет работа. Денег мы дали:

В 1920 году	460.000	золотых рублей.
„ 1921 „	330.000	„ „
„ 1922 „	4.500.000	„ „
„ 1923 „	25.000.000	„ „

И в натуральных ценностях за трехлетие одиннадцать мил. зол. руб.

1923 год еще не исчерпан, но эти деньги ассигнованы, и нет никаких оснований думать, что это будет пересмотрено: из 80 миллионов 25 миллионов в этом году даны. Если мы в будущем году дадим 40 миллионов, тогда мы сможем сказать, что действительно серьезная работа по проведению этого плана начата. Программа „А“ (упорядочение и кустование существующих электростанций) проведена более чем на 50%. Вот почему я придаю особо большое значение этому движению вперед и думаю, что мы должны его со всей силой поддержать и дальше для того, чтобы нам итти действительно по тому пути, который испытан и дает нам ключ от замка, который висит еще на нашем хозяйстве.

У нас двинулось дело и с углем, и с нефтью, и с легкой промышленностью, хотя и очень медленно.

Вот цифры, которые это удостоверяют:

По углю 1922 г. дал повышение добычи на 18%, несмотря на имевшийся в Донбассе летом кризис.

По нефти мы имеем медленный, но верный подъем.

За 22 год повышение добычи выразилось в 15%, и по одному Баку в 28%. Период апрель—февраль 1922—23 г. дал 259 миллионов пудов,—на 22 миллиона пудов больше, чем за соответствующий период 1921—22 г.

В общем топливные ресурсы возросли за последний год на 32%.

По металлургии металлургическая промышленность, испытав понижение продукции в июле—сентябре 1922 г., стала быстро рас-

ти с октября, и за последний квартал по сравнению с кварталом апрель—июнь дала повышение:

По выплавке чугуна . . . . на 39%.
„ мартеновскому литью . . . . „ 29%.
„ прокатке . . . . „ 22%.

В добыче руды мы достигли повышения на 94% по сравнению с предыдущим операционным годом, доведя цифру добычи до 13.488,000 пудов.

Все это, конечно, мало, капля в море. Но начало сделано.

Текстильная промышленность неуклонно растет, хотя она частью и убыточна.

Выработка хлопчатобумажной пряжи за 4-й квартал 1922 г. по сравнению со вторым кварталом 1922 г. поднялась на 40%, достигнув 1.167.000.000 пудов.

Выработка готовых хлопчатобумажных товаров за то же время поднялась на 73%:

шерстяных . . . . на 33%
льняной пряжи . . . . „ 67%

За весь год по сравнению с предыдущим эти цифры дали соответственное повышение в 3, 2 и 3 раза.

Выработка изделий электротехнической промышленности с 1921 по 1922 год дала повышение на 113%.

В химической промышленности, сравнивая продукцию апрель 1921 г.—январь 1922 года и апрель 1922 г.—январь 1923 г., получаем:

по основной химической 7.373.000 п —повышение на 58%
„ резиновой . . . . . 40.731.000 п.— „ „ 241%
„ бумажной . . . . . 1.448.000 п.— „ „ 117%

По всей промышленности средняя валовая (по добывающей) повысилась с 1920—1921 г. по 1921—1922 г. на 60%, а по обрабатывающей—на 98%.

Нагрузка нашей промышленности еще очень слаба. Эта наша Ахиллесова пята. Механические заводы нагружены в среднем на 30%.

Крупнейш. металлзаводы Питера нагружены на 11%
Гомзы . . . . „ 20%
Южмаштреста . . . . „ 30%
Московского маштреста . . . . „ 40%

Концентрация стала вопросом жизни и смерти.

Производительность труда при сравнении данных 1913 г. и 1922 г. дает следующие цифры:

По каменноугольной, нефтяной, кожевенной и резиновой промышленности эта производительность почти сравнялась, давая в резиновой повышение на 30%.

В хлопчатобумажной, льняной и спичечной производительность достигла 64—75% и идет вверх.

В металлургической и бумажной она составляет 32%, но также повышается.

Заработная плата в конце 1922 г. по сравнению с 1913 г. составляет в Москве 79,7% и в Питере 67,5%.

По отдельным производствам эти цифры следующие:

	Москва	Питер.
Металлисты	67,7	55,3
Текстильщики	72,4	70,0
Химики	87,0	76,9
Пищевики	115,6	83,8
Кожевники	85,6	68,1
Печатники	71,7	68,8

В конце 1922 г. около 45% московских и питерских рабочих получали выше 20 руб., тогда как в марте 1922 г. около 75% их получало только до 10 руб.

Следующие цифры дают общее представление о том, как трестирована наша промышленность. Всего у нас трестов 484, с 4482 предприятиями, 825 тыс. рабочих, в том числе:

центральных	71	с 344 тыс. рабочих
областных	64	„ 183 „ „
губернских	349	„ 291 „ „

Часть трестов синдицирована, имеется 17 синдикатов, объединяющих 588 тыс. рабочих. Основной капитал трестов составляет 2.500 миллионов золотых руб., относительно этой цифры, более или менее гадательной, я скажу дальше. Оборотный капитал трестов равен 1.075 миллионам золотых руб.

Арендованные предприятия, число которых равняется 4.330, обнимают только около 75 тыс. рабочих, что составляет всего 8,4% по отношению к трестированной промышленности. Предприятия эти распределяются следующим образом:

В кооперации	23%
трудартели	14%
госучреждения	11%
частные лица	52%

Вся годовая продукция арендованной промышленности составляет 89 миллионов золотых руб.

Положение транспорта может быть охарактеризовано следующими цифрами:

Число паровозов с января 1922 г. до января 1923 г. увеличилось на 1582, достигнув 8163. Погрузка увеличилась за то же время на 121%. Число рабочих и служащих уменьшилось с 1.014.159 до 801.213.

Хищения снизились на 68%.

Чтобы покончить с вопросом о промышленности, нужно упомянуть еще о тех ненормальных явлениях, которые часто сводят на-нет всю работу. Громадное зло—это накладные расходы.

В госспирте они составляют	25%
„ центробумтресте	24%
„ махорочном тресте	43%

Эти цифры становятся понятными, если в вопросе, например, о закупке сырья мы натыкаемся на такие явления:

Оказывается, что закупка льна производится не только льноторгом, центросоюзом, льноцентром и отдельными трестами но и... чаеуправлением и... Всевобучем. Пушнина заготовляется не только кожсырьем и центросоюзом но и... Главрезиной.

Переходим к вопросу о торговле. Торговая деятельность органов ВСНХ за 1922 год выражалась в следующих цифрах:

покупка	продажа	общий оборот
82.081 мил. т. р.	152.436 мил. т. р.	234.517 мил. т. р.

На 70% госорганы продавали свою продукцию за деньги и на 30% в обмен за товары.

Исчисленный вероятный оборот по отдельным отраслям промышленности в % выражается следующим образом:

Род. промышлен.	Покупка.	Продажа.	Общий оборот
Текстильная	39,9	28,9	32,2
Химическая	6,5	5,3	5,6
Металлообрабат	4,8	3,9	4,2
Уголь	—	12,4	8,8
Нефть	—	14,1	10,0
Кожа	10,6	6,1	7,3
Пищевая	15,4	12,7	13,4
Прочие	22,8	16,6	18,5

Контрагенты госорганов за 1922 г. распределялись так:

	Государствен.	Кооперативн.	Частн. лица
В покупке.	69,5	5,7	24,8
„ продаже.	63,9	9.8	26,8

С торговлей у нас безусловно не справляются, и тут ряд минусов, на которые партия должна обратить серьезное внимание. Обороты частных лиц растут безмерно, и у нас такая область, как торговля мануфактурой, почти целиком находится в руках частных лицах. В Москве за 1-ю половину 1922 г. 37% всех мануфактурных предприятий V разряда принадлежало частным лицам.

В Харькове	27	частн. фирм	имеют	82%	всего обор. ман.
„ Киеве	25	„ „	„	89%	„ „ „
„ Питере	26	„ „	„	87%	„ „ „

Далее розничная продажа изделий махоро-синдиката в течение 1922 г. производилась на 49,8% через частных представителей.

Ясно, что тут у нас не совсем ладно.

Оборот кооперации мал. Вся кооперация всех видов дала в 1922 г. только 400 милл. зол. руб. оборота, в том числе:

Центросоюз	40	милл.
его отделения	15	„
Губсоюзы	97	„
Райотделы	74	„
Гор. и раб. кооперации	121	„
Сельская	78	„

в то время как одна сельскохозяйственная кооперация давала до войны свыше 1 миллиарда.

Роль частного капитала уже значительна.

На 1 июня 1922 года количество торговых предприятий увеличилось от 1 января с 185.402 до 450.438.

Как обстоит у нас дело с финансами?

Здесь нам нужно вести курс на упразднение эмиссии. В этом смысле переход к налогам является спасением.

Лучшей иллюстрацией вредности эмиссии является следующая таблица:

	В тыс. руб.	Стоимость в зол. руб.
Эмиссия в январе 1922 г.	12.605	39,4
„ „ февр. 1923 г.	607.000	22,1

В 1922 г. (март) налоги дали	1.293	тыс. зол. руб.
„ 1923 „ (февраль) „ „	25.700	„ „ „

Однако, чрезмерный рост налогов задерживает рост хозяйства, и налоговое бремя ложится на крестьян.

Государственные доходы не-налогового характера.

В январе 1922 г.	3.065.000	зол. руб.
„ феврале 1923 „	28.000.000	„ „

В деле кредитов кое-что сделано. Госбанк дал баланс на 1 марта 1923 г. в 211 миллионов зол. руб.

Сельскохозяйственный кредит дал в этом году 58 мил. зол. рублей.

Учреждений мелкого кредита имеется в РСФСР 600. Украинский банк имеет 752 отд. на Украине с балансом в 10 мил. зол. руб. Даже с рублем дело как-будто идет все-таки к некоторому улучшению, потому что дороговизна цен, если ее сравнить с январем, февралем и мартом 1922—23 гг., показывает падение, по крайней мере, в 4—5 раз, что целиком подтверждают данные относительно стабилизации рубля, которые приводил тов. Ленин на IV конгрессе.

Вот эти цифры:

В январе 1922 г. повышение цен составляло	145%
„ феврале „ „ „ „	100%
„ марте „ „ „ „	118%
„ январе 1923 г. „ „ „	26%
„ феврале „ „ „ „	26%
„ марте „ „ „ „	23%

Но я должен подчеркнуть, что в наших официальных отчетах, откуда я заимствую все эти данные, слишком много официального

оптимизма. Тов. Ленин, вероятно, выразился бы гораздо резче на этот счет. Я, конечно, не решаюсь, но все-таки напомню, что он говорил на съезде о „комвранье“. И в утешение могу сказать, что этим занимаемся не только мы, но и противники наши. У меня в руках меньшевистская „Заря“. Там некто, за подписью „Не-советский экономист“, приводит цифры относительно нашей экономики и говорит следующее:

„Сводный баланс 6 крупнейших обществ взаимного кредита на 1 ноября 1922 г. составлял 373 милл. зол. руб., тогда как сводный баланс Госбанка не более 60 милл. зол. рублей. В банке потребительской кооперации текущие счета на 1 января 1923 г. достигли суммы в 161 милл. зол. руб., между тем как в Госбанке они составляли не более 8 милл. зол. рублей“.

Я сначала пришел в смущение и думал: может-быть, тут есть некоторая доля правды; я спрашивал у тов. Шейнмана и навел точную справку. Оказывается, что эти цифры совершенно высосаны из пальца. У нас эти крупнейшие общества взаимного кредита насчитывают обороты свои пока только сотнями тысяч, так что образец нэповранья налицо. Противники на всю Европу распространяют слухи, будто у нас уплывает все в частные руки. Тут много преувеличения, но есть многое, на что надо обратить наше внимание.

Я перехожу к вопросу о соотношении классов. Прежде всего, конечно, р а б о ч и й к л а с с. Города стали расти. Питер, Москва, Харьков, Киев и ряд других городов растут. Число рабочих пока растет очень медленно, и в этом году даже, может-быть, сократилось, но, тем не менее, явление деклассирования пролетариата, которое мы наблюдали в предыдущие годы, сейчас приостановилось. Тут не в том дело, что стало больше рабочих,—деклассирование пролетариата заключалось в том, что сами рабочие, которые находились на фабриках и заводах, раньше занимались торговлей зажигалками, мелкой спекуляцией и т. п. и, благодаря этому, теряли психологию промышленного пролетариата. Этот процесс, самый для нас опасный, сейчас приостановился, и в этом смысле положен конец деклассированию. Рабочий становится совершенно другим и совершенно по-другому начинает относиться к нашей партии.

Никогда еще наша партия не пользовалась таким безраздельным вниманием и поддержкой рабочего класса, как сейчас. Это показал целый ряд событий. В 1922 году это было еще не совсем ясно. Маевка, процесс эсеров, 5-летие Советской власти и Красной армии, юбилей партии и многие другие события показали, что рабочие целиком и безраздельно переходят к поддержке нашей партии, и ряд слоев более отсталых теперь в первый раз со всей свежестью неофитов подходит к нашей партиии и со всей убежденностью и энтузиазмом поддерживает ее. Те слои рабочих,—в Питере обуховцы, в Нижнем сормовцы и т. п.,—которые пять первых лет революции поглядывали на нас с недоверием, сейчас окунулись с головой в революционное движение. Как-раз эти слои более, чем когда бы то ни было, убедились в правильности нашей политики.

Мы получили новый, свежий приток в партию. Скептические, наиболее отсталые рабочие убедились только на фактах, только теперь, когда действительно два года НЭП'а показали нашу правоту. И они подошли к нам. Я бы сказал: подошли к нам целиком. И это доказательство, товарищи, гораздо более важно, чем все данные ЦСУ, помноженные на многие данные наших наркоматов. Сотни тысяч беспартийных рабочих, теперь целиком, со всей убежденностью, преданностью и верой, поддерживают нас и убедились в нашей правоте,— в том, что новая экономическая политика не есть новая эксплоатация пролетариата, все они смотрят на нашу партию, как на *свою* партию. Они убедились, что наша политика была правильна и потому, что правильность ее можно уже осязать руками. И действительно, теперь самые широкие слои рабочего класса убедились в этом. Это обстоятельство имеет громадную важность, громадное значение. У нас произошло как бы вторичное завоевание рабочего класса. Во второй раз мы во всех прослойках, во всех его группировках завоевали его на свою сторону, как впервые в 1917 году. Но это не значит, конечно, что мы должны почить на лаврах. Мы должны „завоевывать" его каждый день, каждый день мы должны приводить новые доказательства нашей правоты примерами улучшения нашего хозяйства, на каждый конкретный поворот нашего хозяйства мы должны обращать его внимание и должны доказывать нашу правоту. Но, в отличие от 1921 года, мы находимся теперь в счастливом положении, потому что мы можем сказать, что мы уже имеем опыт, мы можем приводить доказательства в тех слоях, которые нас больше всего интересуют; мы должны смотреть туда, где лежат, по выражению т. Ленина, самые глубокие корни нашей диктатуры. Это относится к рабочим, которые целиком поддерживают нас, и которые из мелочей повседневной жизни убеждаются в нашей правоте.

Вот почему мы имеем право, не обольщаясь, сказать, что нам принадлежит теперь безраздельная поддержка рабочего класса во всех его прослойках. Это глубокое доказательство правоты политики нашей партии.

Надо разделить термины: НЭП и новая экономическая политика. Вы, вероятно сами ловите себя, когда говорите НЭП, что вам рисуются *нэпман* и его неприятные черты. Мы часто говорим: „победа над НЭП'ом". В интересной речи т. Раковского на Украине, которую я недавно читал, он говорит: Мы подняли сахарную промышленность, что является лучшей победой над НЭП'ом! Почему это победа над НЭП'ом? Я не виню тов. Раковского, ибо мы сами часто употребляем такое выражение. Это происходит оттого, что мы НЭП смешиваем с нэпманом, а это не совсем так, поэтому нам будет лучше, может-быть, условиться говорить вместо НЭП'а новая экономическая политика. Это звучит серьезнее, лучше. И я думаю, товарищи, что новая экономическая политика в смысле смычки с крестьянством, в смысле применения методов, которые до сих пор применялись, доказала свою правоту, и нам остается ее развивать и уточнять.

Позвольте мне теперь перейти к вопросу о крестьянстве. Это один из важнейших вопросов нашего съезда. Мы кое-что начали достигать в области поднятия крестьянского хозяйства. Мы видим, что у нас озимый клин расширился в этом году на 16—18%. Имеются также виды приблизительно на такое же расширение ярового клина. По всем данным относительно урожая, которые мы имеем до сих пор, мы можем ожидать в этом году урожая не худшего, чем в прошлом году, а лучшего.

Состояние озимых по выходе из-под снега по пятибалльной системе дает следующую картину:

В Крыму 3,6,
на юге Украины не ниже 4 и даже 5,
на севере до 3,
на Дону выше среднего,
в Предкавказье близко к среднему.

Перспективы на Украине, в Крыму и на Юго-Востоке более благоприятны, чем в 1922 году.

Валовой сбор в 1922 г. равнялся 3 миллиардам пудов, и если урожай будет даже не лучше, чем в прошлом году, то все-таки валовой сбор в 1923 году составит $3^1/_2$ миллиарда пудов.

С землеустройством дело обстоит следующим образом:

В 1922 г. землеустройство было проведено в 44 губерниях на площади 17 миллионов десятин, из коих около 13 миллионов приходилось на долю *группового* землеустройства, 800 тысяч десятин отведено единоличным хозяевам, 500 тысяч десятин—коллективам и совхозам, около 300 тысяч—учреждениям.

В общем можно констатировать, что в этом году кое-где начался уже перелом к лучшему в области сельского хозяйства.

Но вопрос относительно нашего отношения к крестьянству, как политическая проблема, вновь и вновь становится перед нами во всю величину. Я должен сказать прямо, что у нас есть два таких вопроса, где мы часто высказываем правильные мысли, но которые очень трудно претворяются в дело. Это—отношение к крестьянству и национальный вопрос. В особенности в отношении к крестьянству мы много говорим о смычке, много пропагандируем, много внушаем друг-другу, агитируем, но в области деловой сделано мало. Это вопрос для нас громадной политической важности. Не ловите ли вы себя часто на мысли,—я, по крайней мере, часто ловлю себя на ней,—что когда мы ставим вопрос об отношении рабочего класса к крестьянству, то каждый раз звучит это как-то по-новому? Казалось бы, вопрос довольно старый, но всегда мы видим его в новом аспекте, всегда он выявляется под новым углом зрения. В чем дело? Дело вот чем объясняется.

Мы—партия городская, родившаяся в рабочих кварталах, десятки лет работавшая только в этих рабочих кварталах. Мы только начали продвигаться в деревню, а, между тем, работаем мы на фоне многомиллионного крестьянства, работаем в крестьянской стране. Мы теоре-

тически уяснили важность правильных взаимоотношений с крестьянством, но практически это дается с громадным трудом. На каждом повороте мы видим это. На каждом повороте эта проблема становится по-новому.

И если вы посмотрите на этот вопрос в международном масштабе, то вы увидите то же самое. Я вижу это по работе Коминтерна. Если есть кусочки Второго Интернационала в Третьем, так это в аграрном вопросе, в вопросе о крестьянстве. Возьмите итальянских коммунистов, польских коммунистов, целый ряд других товарищей,—они до сих пор не могут занять правильной позиции по отношению к крестьянству. Они до сих пор третируют его свысока, до сих пор повторяют стародедовскую мудрость относительно „крестьянского черепа", проповедуют „ортодоксальный марксизм" в кавычках и не понимают, что если идет речь о победе мировой революции не для красного словца, то надо суметь сомкнуться с крестьянством. Мы видим это на каждом шагу. Итальянские коммунисты недостаточно поняли, что им нужна смычка с крестьянством, а Муссолини понял, и если устроил не смычку, то сделал в этом вопросе некоторую перемычку, запутал дело и сам связался некоторыми нитями с частью крестьянства.

III Интернационал есть великая организация. Но он не с неба свалился готовенький, а он родился из того же II Интернационала, из тех же рабочих масс, которые раньше шли за социал-демократией и принесли оттуда много старого,—это надо изжить, и это изживается как в международном масштабе, так и в русском. Я думаю, попросту говоря, что те, которые пытаются подчеркнуть наши чрезмерные „уклоны" в сторону крестьянства, они в этом смысле отражают ту же самую старую идеологию II Интернационала или меньшевизма. Ничего другого тут нет. Если взять эти взгляды под лупу, то это течение, которое иногда рядится в тогу „левого", как бывшая „рабочая оппозиция",—не что иное, как отказ от руководства крестьянством, отказ от гегемонии пролетариата, преподнесенный под соусом более или менее меньшевистским. Вот к чему дело сводится. Вот почему это есть коренной вопрос. Обратите внимание, что наш противник все ходит вокруг да около этого вопроса. Он прекрасно знает, что это есть наше единственное слабое место. Я бы сказал так: если у нас есть теперь какое-нибудь политическое облачко на нашем небосклоне,—это крестьянский вопрос вопрос о налогах и дороговизне цен на продукты, идущие из городов Никакой другой серьезной политической опасности у партии сейчас нет, все остальное обстоит более или менее благополучно. Это прекрасно чует буржуазия, которая скачет и играет как-раз вокруг этого вопроса и даже пытается иногда писать и говорить так, как она писала перед Кронштадтом. Предо мной статья Милюкова. Это—человек с нюхом. В статье „Компартия и крестьянство" он говорит:

„Крестьянство—это единственная социальная группа, перед которой останавливалось тактическое озорство коммунистической партии,—единственная, в угоду которой были допускаемы с самого начала отступления от строгих принципов коммунистической тактики".

Милюков обвиняет нас в „оппортунизме" в крестьянском вопросе!

Большевики, говорит он, отступают от строгой коммунистической тактики, они допускают, говоря современным слогом, „крестьянский уклон“. Много лучше было бы для меня, Милюкова, если бы они были „непримиримы“ в этом вопросе, и не было бы „уклонов“. Намотайте это на ус, товарищи, обвиняющие нас в крестьянском уклоне. В момент, который теперь переживает наш крестьянин, разоренный после войны, когда мы гоним с него налог за налогом, как это было до сих пор; гоним, как прекрасно описано у тов. Яковлева, относительно „пенюшек“; когда наш крестьянин не успел заплатить одну пенюшку, а с него гонят другую; когда он вынужден продавать хлеб за 20—30 коп., а он не коммунист, а мелкий хозяин-крестьянин; когда он находится в таком положении, а мы должны брать большой налог, иначе не поднять промышленности,—в этот момент вы приходите с обвинением в крестьянском уклоне. А Милюков только и ждет, чтобы мы насчет этого уклона сделали ошибку. Когда т. Ларин при таком положении кричит о нашем крестьянском „уклоне“, то это напоминает того народного героя, который на свадьбе поет „господи, помилуй“.

Это надо запомнить. Крестьянский вопрос есть коренной вопрос нашей революции.

Позвольте поделиться с вами статьей виднейшего представителя эсеров Бунакова. Он на первом Всероссийском съезде крестьян играл большую роль, чем Чернов. Недавно он написал серию статей о земле, крайне интересных. Он так ставит вопрос о земле: выполнила ли революция поставленные ей задания в земельном вопросе? И отвечает:

„Во время февральской революции окончательное решение земельного вопроса было отложено до Учредительного Собрания. В настоящее время многие считают эту тактику ошибочной и приведшей к победе большевиков. В социалистических кругах вину за оттяжку земельной реформы легко возлагают на буржуазные партии. На самом деле это было не так“.

Другими словами, виднейший вождь партии эсеров признает, что в земельном вопросе тем фактом, что мы не сдали этот вопрос Учредительному Собранию и осуществили земельную реформу, мы их победили, и „ошибка“ эсеров в том, что они „откладывали“ до Учредительного Собрания. Вот что он пишет:

„Земельная реформа проходила так: у помещиков взяли всю землю; в некоторых местах бывшим помещикам дали „трудовые“ наделы; в других местах не дали ничего“.

„Современная Россия страна не просто крестьянского хозяйства, а крестьянского хозяйства исключительно трудового характера. Взятая у крупных крестьян земля вместе с помещичьей была распределена между крестьянами малоземельными“.

Бунаков заявляет буквально:

„Главное задание революции выполнено полностью: земля перешла от нетрудовых владельцев в руки крестьян, землей не обеспеченных“.

Это сделали мы, большевики. Согласитесь, что такое признание из уст такого противника имеет цену.

Вот, товарищи, что вам говорит виднейший вождь эсеровской партии. Он говорит, что сила большевиков заключается в том, что они сумели чутко прислушаться к крестьянину, что они сумели приложить ухо к земле, что они сумели во-время провести то, что требовали крестьяне.

Сейчас влияние партии на крестьянство растет.

Вот данные о партийном составе волостных Исполкомов и уездных съездов Советов:

	Волисполкомы.	
	1921	1922
Коммун	30,1	38,7
др. партий	0,0	0,0
беспартийных	69,9	61,3

	Уездн. съезды Советов.		
	1920	1921	1922
коммун	43,0	44,0	48,5
др. партий	0,7	0,3	0,2
беспартийных	56,3	55,7	51,3

Это свидетельствует о медленном, но здоровом росте влияния нашей партии на крестьянство.

Многому, товарищи, нам надо учиться. Наши противники теперь скачут и играют во всех белогвардейских газетах по поводу того, что как-раз на крестьянском вопросе большевики, дескать, сделают теперь ошибку и пролетят на этом. Они ждут, не дождутся этого, скачут и играют вокруг налогов и вокруг остальных трудностей в крестьянском вопросе, ждут, не дождутся, что мы сделаем здесь ошибку. Но я думаю, товарищи, что мы ни в каком случае здесь ошибки не сделаем, Тов. Ленин в брошюре „О продналоге“ говорит: разверстка,—это разве коммунизм? Конечно, нет. Это было военной необходимостью. Переход к продналогу,—разве это переход к коммунизму? Нет, это только маленькое облегчение крестьянину. Настоящие нормальные отношения установятся тогда, когда мы будем правильно обменивать продукты городской промышленности на продукты сельского хозяйства.

Как вы видите, т. Ленин отстаивал „крестьянский уклон“. Если бы я не боялся гнева т. Ларина, я бы сказал, что первый, кто повинен в крестьянском уклоне,—это т. Ленин. Мы должны сказать: не тот серьезный пролетарский революционер, кто склоняет во всех падежах слово „пролетариат“ и брюзжит на крестьянство, но тот, кто служит своему классу, пролетариату, и умеет вести за собою крестьянина, который решает дело. И когда мне говорят: у вас „уклон“, вы уклоняетесь в сторону крестьянства,—я отвечаю: да, мы не только „уклоняться“ должны в сторону крестьянства и его хозяйственных потребностей, но нам надо поклониться и, если нужно, преклониться перед хозяйственными потребностями того крестьянина, который идет за нашим пролетариатом, и который нам даст полную победу. (Аплодисменты).

Я думаю, товарищи, что крестьянский вопрос теперь слагается из следующих пунктов:

Первый вопрос—налоги: не взять слишком много. Мы „гадали" в 1922 году на 240 миллионов пудов продналога. Мы собрали много больше.

Взять меньше нельзя было в этом году. Но чтобы не вызывать излишних осложнений, нужно не только говорить о смычке с крестьянством, а проводить ее на деле. Нужно видеть, что кое-что эту смычку разрывает, и это вызывает то справедливое раздражение, которое мы видим в некоторых местах у крестьян.

Второе—цены на хлеб. Я уже упоминал, что путем экспорта мы должны во что бы то ни стало поднять цены на хлеб на такую высоту, чтобы крестьянин не попал в такое положение, в каком были рабочие в 1919 и 1920 году, когда у них не было стимула к производству. Эта опасность имеется и по отношению к крестьянам, в виду необычайно низких цен на хлеб.

Третье—национальный вопрос, тесно связанный с крестьянским вопросом. Конечно, он не имеет большого значения для Великороссии, но он имеет громадное значение для крестьянского населения на Украине и в целом ряде других союзных республик. Товарищи, мы должны на этот счет твердо сказать, что ни малейших уступок „великодержавной" точке зрения и ни малейшего отступления от школы Ленина в национальном вопросе мы не можем допустить и не допустим. Мы должны помнить, что этот вопрос стоит именно так. Я не могу согласиться с теми товарищами, которые говорили на Украинской конференции: на Украине борются две культуры; которая победит,—нам все равно. Так, товарищи, рассуждать нельзя. Школа тов. Ленина учит нас в национальном вопросе тому, что мы должны активно помогать тем нациям, которые до сих пор были угнетенными и загнанными. Вот почему этот национальный вопрос имеет ближайшее отношение к крестьянскому вопросу в целом ряде мест.

Четвертый вопрос—это вопрос о дешевом государственном аппарате. Я не буду останавливаться на этом вопросе, потому что о нем будет говорить тов. Сталин в своем докладе. Он остановится на нашем государственном аппарате и на предложениях по этому вопросу нашего ЦК.

Пятый вопрос—сельскохозяйственная кооперация и сельскохозяйственный кредит.

Я уже указывал цифры, свидетельствующие о крайне медленном росте сельскохозяйственной кооперации. Ее нам необходимо развернуть. Я вам приводил данные и о том, что сельскохозяйственный кредит стал нами осуществляться, но пока через час по столовой ложке.

Шестой вопрос—школа. Кое-чего, надо сказать, в этой области мы достигли. После статей тов. Ленина, после постановления X Всероссийского съезда и ассигнования дополнительных кредитов дело пошло нехудо. Надо обратить особое внимание на договорную кампанию о школах. Надо поддержать во что бы то ни стало работу

Наркомпроса, продвинуть ее к крестьянству, а также продвинуть и работу Госиздата в крестьянство.

Пара слов насчет антирелигиозной пропаганды. Мы на этом фронте зарвались, и даже очень. Не надо нам в таком большом количестве вести эту „антирелигиозную пропаганду“. Я, товарищи, совершенно не понимаю, зачем нам нужно было агитировать, чтобы праздновали на Украине не воскресенье, а понедельник. Подумайте, что скажет на это украинский мужик. И нужна ли была эта агитация? Я решительно не вижу, зачем нам нужно было с Пасхой так залезать вперед. Нам нужна серьезная марксистская антирелигиозная пропаганда, нам нужны серьезная школьная подготовка, серьезная работа в деревне и городах, соответствующее воспитание молодежи.

Словом, в нашей работе нам нужно быть легче на поворотах и не дразнить крестьянина.

Я слышал много курьезов. Тов. Буденый рассказал мне один факт: „У нас в деревне, говорит он, обошлось хорошо, поп пошел в суфлеры, и кончилось дело к общему удовольствию. В церкви бегают мыши, а поп суфлировал в театре“.

Очень хорошо,—я спорить не буду. Но чтобы поставили это своей задачей мы, как партия,—это неправильно. Тысячу раз прав ЦК КПУ, который Донецкую губернию просил не очень забегать вперед с комсомольской пасхой (голос: запретил) и даже прямо запретил это делать. Я думаю, в этой области необходима гораздо большая осторожность, потому что нужно помнить о крестьянине, от которого очень и очень много зависит. Мы его воспитаем, но для этого требуются годы. Мы не отказываемся ни на иоту от атеистических взглядов, ни на иоту от Маркса, но мы должны помнить, что к этому вопросу необходимо подходить осторожно.

Союз рабочего класса и крестьянства мы должны закрепить еще и еще раз. На новой стадии развития мы должны во что бы то ни стало еще раз разочаровать Милюкова. О, Милюков был бы очень рад, если бы перед ним стоял не Центральный Комитет партии, который обвиняют в „крестьянском уклоне“! Он был бы гораздо более рад иметь дело с людьми, которые ни в коем случае не „уклоняются“ в сторону крестьянства, и которые считают, что осуществлять диктатуру пролетариата в стране—это по одной доске пройтись, и являются очень большими революционерами в статьях. Милюков был бы гораздо более рад иметь дело с политикой Партии, руководимой тов. Лариным, чем с политикой, руководимой Центральным Комитетом, которой нас научил Владимир Ильич Ленин. (Аплодисменты).

Вот почему, товарищи, я вас очень просил бы, чтобы вы по этому вопросу дали ответ совершенно ясный и недвусмысленный, и чтобы крестьянин знал, и вся Россия, и Интернационал, и все бы мы знали и помнили: политика, которой мы и вся наша партия научились у тов. Ленина в крестьянском вопросе,—эта политика незыблема, и к этой политике мы никому не позволим прикоснуться. А если кто попробует и потянется, мы ударим по рукам (аплодисменты), по-

тому что от этого, товарищи, зависит не более, не менее, как судьба нашей революции.

Я скажу еще несколько слов на тему: партия и государство. Тема эта заслуживает большого внимания. Но мой доклад затянулся. Вопрос этот стал и должен был стать теперь неизбежно. Он не мог стать в 18, 19, 20, 21 годах, когда партия—это была Красная армия на девять-десятых, когда государство—это была организованная война, когда все дело сводилось к победе над белыми, и когда все понимали, что партия ставит на карту все, партия ставит на карту голову. Если она выиграет все, то выиграет; если проиграет, то проиграет все.

Сейчас, когда даже Ст. Иванович говорит, что мы еще 5 лет просуществуем, в настоящий момент вопрос ставится в другой плоскости. И неудивительно, что появляются голоса, которые предлагают пересмотреть эту координату. В тот самый момент, когда беспартийные массы, когда сотни тысяч рабочих повсюду голосуют за диктатуру партии, потому что в этом заключается отношение беспартийных к нам,—в это время у нас появляются голоса: а не надо ли тут чего-нибудь пересмотреть, чего-нибудь ослабить, перестроить и т. д. Я уже в литературе доказал рядом цитат, что этот вопрос идет из сменовеховского лагеря, об этом пишут в ряде статей Лукьянов и др. И к этому довольно внимательным ухом стал прислушиваться кое-кто у нас.

Вот вам маленький кусочек взаимоотношений между партией и государством. Я говорю о трестах. Важность наших трестов вам ясна.

По вопросу о трестах у нас были созданы Центральным Комитетом две большие комиссии: комиссия т. Каменева и комиссия т. Куйбышева. Комиссия т. Каменева имела задачей оформить юридическое положение трестов. Наши тресты по статистике, которую мне дали из ВСНХ, и которая маловероятна,—наши тресты (российские, губернские, областные) имеют в своем распоряжении основной и оборотный капитал в 2½ миллиарда рублей. Цифра, по-моему, списана с потолка. Я говорил об этом с тов. Кржижановским, и он думает также.

Но приблизительный намек на то, чем владеют наши тресты, этим дается. Цифра гигантская, и тресты надо было оформить в смысле их юридического положения. ЦК была проделана большая работа в этом отношении. Он совершенно отверг попытку, исходящую из внепартийных кругов, чтобы закрепить в собственность за трестами ту часть, которой они распоряжаются; с нашей точки зрения трест есть не что иное, как государственное учреждение с известной автономией, но находящееся целиком под контролем государства.

Комиссия тов. Куйбышева выполнила работу, которая в некоторой степени напоминает работу, которую будет делать реорганизованная ЦКК. Эта комиссия обследовала персональный состав трестов с точки зрения партийности руководителей и способности их к хозяйствованию. Комиссии удалось обследовать 28 трестов.

Первоначальные данные работ этой комиссии имеются относительно 293 трестов:

Всего членов Правления 875

По партийности:

Коммунистов	325	37%
Беспартийных	501	57%
Неизвестных	48	6%

По социальному составу:

Рабочих	203	23%
Служащих	183	21%
Крестьян	209	24%
Прочих	280	32%

В 56 центральных трестах:

Коммунистов	95	37%
Беспартийных	110	44%
Рабочих	48	19%

Данные ВЦСПС несколько пессимистичнее. Процент коммунистов в заводоуправлениях упал с 28,8% (1921 г.) до 23% (1922 г.).

Я считаю, что это есть опаснейшее явление, которому мы должны дать отпор. У нас растет новое поколение, у нас растет прекрасная молодежь, которой принадлежит будущее. Окончательная смена аппарата произойдет, когде подрастет это поколение, когда оно не будет нуждаться в нашей агитации, а само займет место в государственном и в партийном аппарате. Жизнь создаст тогда новый аппарат, новые машины, новые навыки и новую, коммунистическую культуру. Мы должны построить прекрасные школы с хорошим подбором преподавателей для подготовки этой молодежи. Но партия не может ждать, пока эта молодежь научится. Не надо забывать украинскую пословицу: „Пока солнце встанет, роса очи выест". Мы должны сейчас добиться того, чтобы и на нынешнем новом этапе революции руководящая роль партии или диктатура партии была закреплена. У нас есть товарищи, которые говорят: „диктатура партии—это делают, но об этом не говорят". Почему не говорят? Это стыдливое отношение неправильно. Даже партии II Интернационала призывали в своих программах к завоеванию власти социал-демократической партией. Чем это отличается от диктатуры партии? Ничем. Почему мы должны стыдиться сказать то, что есть, и чего нельзя спрятать? Диктатура рабочего класса имеет своей предпосылкой руководящую роль его авангарда, т.-е. диктатуру лучшей его части, его партии. Это нужно иметь мужество смело сказать и защитить, особенно теперь, когда беспартийные рабочие это видят совершенно ясно. Вот почему в этой области нам нельзя допускать никаких ревизий. Без губкомов мы не можем провести ни натурналога, ни регулировать заработную плату, ни руководить хозяйством. Вы знаете, что наши губкомы теперь уже не те, что они уже подросли и не лезут в мелочи, они понимают, что необходим план, и они умеют чутко прислушиваться к тому, что

происходит. Мы должны помнить, что без их действительно руководящей роли проводить подлинную диктатуру невозможно, чуточку отстранить губкомы—это значит растрясти все. Разделение труда—да, разделение власти—нет. Вот наша формулировка. Разделение труда, конечно, необходимо, но мы попросим некоторых наших товарищей, которые слишком часто суются к нам со словом „не компетентны“, чтобы они забыли это слово. В каждой губернии вы вспомните какого-нибудь хозяйственника, который говорит реже или чаще (скорее чаще, чем реже): „товарищи, вы в хозяйственных вопросах не компетентны“. Я знаю, это говорят вам, говорят это и нам, как вы увидите из одной статьи, которую я буду цитировать. Я говорю, что это неправильно. Партия и ее хозяйственный опыт будут расти вместе с ростом самого хозяйства. Я думаю, что наша партия не так уж некомпетентна в хозяйственных вопросах. Наша партия состоит теперь почти наполовину из рабочих, которые имеют громадный хозяйственный и вообще жизненный опыт. Это не то, что в области построения Красной армии. Наша партия имеет большую компетентность в этой области. Никто другой ее не имеет. И компетентность партии будет расти вместе с ростом хозяйства. Наша партия будет ошибаться еще, но в 20 раз лучше ошибка, которую вы исправите, чем попытка ревизовать вопрос о диктатуре партии вообще. Вы знаете статью тов. Красина. Он полемизирует с тов. Мартыновым. Напоминаю, что тов. Мартынов—бывший старый меньшевик, а тов. Красин—старый большевик. И, тем не менее, вышло так, что бывший старый меньшевик совершенно прав, а старый большевик тов. Красин совершенно неправ и находится на грани того, чтобы сделать очень и очень большую ошибку. Посудите сами: тов. Красин останавливается на вопросе о роли политики в государстве и говорит: „кесарево кесареви“. „Строго выдержанная политическая линия партии в государстве не должна мешать восстановлению производства“. Политика—это, выходит, неизбежное зло, но, по крайней мере, пускай она не мешает восстановлению производства. Ему и невдомек, что политика не только не мешает, но и помогает.

Как он относится к роли коммуниста?

„Глядишь: не зависящая от тебя сила уже перебросила нужного работника в другое учреждение, иногда совсем в другую область, а тебе, даже не спрашивая, нужно или нет, подсыпают дюжину-другую партийного человеческого материала, иногда абсолютно непригодного ни для работы, ни для контроля в данной области“.

Вы представляете себе психологию товарища, написавшего эти строки! Ему „подсыпают“ коммунистов, с которыми он не знает, что делать! Я знаю, что бывают назначения неправильные, что нужны перемещения и пр., но я должен напомнить тов. Красину: кто вывозил в тяжелых условиях,—да те же самые коммунисты, которых „подсыпают“ вам, тов. Красин. Неужели вы это забываете? Ясно, что вы находитесь на грани очень больших ошибок.

Затем относительно организации руководящего органа партии.

Тов. Красин в своей статье говорит: „Между тем, верхи нашей партии до сих пор построены так, как это было два десятка лет назад“. Подумайте, что здесь сказано! Центр нашей партии, ЦК, действительно имеет ядро, которое, примерно, два десятка лет назад тоже стояло у партийного руля и ни на момент не отходило от нашей партии. Но разве это так уж плохо? Я думаю, что это едва ли можно назвать ненормальным. И совершенно неверно выражение тов. Красина: „газетчики, литераторы и пр.“. Само собой понятно, что мы должны иметь определенное количество хозяйственников, и мы с гордостью смотрели на последнее заседание нашего пленума ЦК, когда тов. Томский подсчитал и сказал, что тут присутствует 18 рабочих. Вполне прав тов. Мартынов, когда говорит, что политика имеет первенствующее значение. Ведь, Ллойд Джордж тоже не агроном. Пуанкаре тоже не инженер путей сообщения, и если буржуазия имеет своих политиков, то, право, не грех и рабочему классу, который был угнетаем десятками лет и, в конце-концов, завоевал власть, тоже иметь своих политических вождей. (Аплодисменты). Я прочту вам следующую сводную таблицу, которая вам должна дать ответ в цифрах о том, как наш ЦК работал в этом году. Это—первый опыт для нас. Мы разработали подробно протоколы нашего пленума и Политбюро. Получилась следующая картина:

Общее число рассмотренных вопросов 1322:

1) Хозяйственных вопросов		210	16,3%
в том числе текущих	92		
общ. дирек.	118		
2) Административных вопросов		83	6,4%
3) Политических		218	16,5%
текущих	146		
общ. дирек.	72		
4) Личн. назнач.		176	13,3%
хозяйств.	74		
общесов.	82		
партийн.	20		
5) НКИД		139	10,5%
6) Внутрипартийные		113	8,5%
7) Организационные		54	4%
8) Агит-пропаганд.		92	6,8%
9) По комиссариатам		21	2,1%
10) Основн. хоз.		73	5,1%
натурналог	3		
бюджет	3		
зарплата	24		
хлеб	23		
концессии	17		
смешан. общ.	3		
11) Коминтерн, Профинтерн . . .		49	

Если сложить, как это следует, чисто-политические вопросы с Наркоминделом, то получится, что чисто-политические вопросы занимали 27 процентов, чисто-хозяйственные—21 процент, при чем хозяйственные делятся еще на общедирективные, основные и текущие.

Два слова об НКИнделе. Вы обратили внимание на то, что тов. Ленин раза два специально подчеркивает, что НКИндел имеет большие преимущества перед другими комиссариатами, и даже считает его в известном смысле идеальным. Он объясняет это, во-первых, тем, что там личный состав новый, более коммунистический, и, во-вторых, тем, что там вмешательство партии имело место в более чистом виде, там Центральный Комитет и Политбюро руководили работой непосредственно в полном контакте с нашими прекрасными руководителями этого ведомства. Мы должны намотать себе это на ус; тов. Ленин хвалит именно то место, где происходила наибольшая смычка с партией, и за то, что эта смычка происходила.

Если вы возьмете соотношение вопросов, разве это не нормально, что рядом с чисто-политическими вопросами и вопросами Наркоминдела у нас идет группа чисто-хозяйственных вопросов. Мы обсуждали бюджет три раза, хлеб—23 раза, концессии—7 раз, смешанные общества—3 раза, и т. д. Я не говорю, что работа Политбюро и Центрального Комитета идет идеально. Несомненно, нам необходимы улучшения. Особенно теперь, когда у нас временно выбыл тов. Ленин, нам необходимо, может-быть, больше потратить времени, внести больше плана, больше порядка, может-быть, чаще заседать, может-быть, одно заседание Политбюро в неделю выделить специально для общеплановых директивных вопросов.

Я ни в коем случае не хочу сказать, что все обстоит идеально. Но я хочу сказать, что не было гипертрофии вмешательства партии в хозяйственные органы. Я уже упоминал, что комиссия тов. Куйбышева, прообраз будущей реорганизованной ЦКК, обследовала 28 трестов, и первый вывод, к которому эта комиссия пришла, был тот, что партия недостаточно вмешивалась в наши хозяйственные дела.

Вот ее заключения по этому поводу:

„1. Значительная доля вины за тяжелое и бесхозяйственное состояние ряда трестов лежит на неумелом, бессистемном, неосторожном подборе состава Правлений Трестов.

2. Для ответственного кадра руководителей промышленности партией выделено недостаточное количество испытанных и устойчивых членов РКП.

3. Роль партии (как ЦК, так и МК РКП) в деле формирований Правлений Московских Трестов может быть оценена, как пассивная, незначительная, при полном отсутствии системы подбора крепкого коммунистического кадра трестов“.

Так, МК утвердил только 15 назначений за квартал. Питерский комитет, про который говорят и который изображают, что он только и делает, что занимается хозяйственными вопросами,—этот комитет больше чем за год утвердил 62 назначения. Это для громадного центра не так много. Все это совершенно недопустимо. Я вовсе не хочу сказать, товарищи, что каждое партийное назначение бывало хорошо, но когда вы прочитаете доклад комиссии Куйбышева, то увидите, что часть наших хозяйственников, выдвинутая по условиям работы в ла-

герь буржуазии, находится на пути того, чтобы заразиться нэповскими настроениями. И, конечно, ни один серьезный хозяйственник не обидится за то, что я это говорю. Мы прекрасно знаем, что среди них есть лучшие, самоотверженнейшие товарищи, преданные партии до последнего, и мы всегда стеной будем стоять за них. Но серьезные хозяйственники не могут обидеться, когда мы говорим, что группы и группочки наших хозяйственников, выдвинутые в лагерь НЭП'а, заражаются там нэповскими взглядами. Это подтвердит целиком тов. Куйбышев.

Это доказывает то, что необходимо принять немедленно меры. Ведь, это происходит в Москве, а не в какой-нибудь Чухломе. И лучшие из хозяйственников поймут и вместе с партийным съездом помогут ЦК принять меры для избежания перерождения хотя бы одной маленькой клеточки нашего организма. Вот почему вопрос о диктатуре партии, о взаимоотношениях партии с государством опять и опять подчеркивается нами, и мы, старые большевики-ленинцы, мы настаиваем, чтобы партия вмешивалась в область, занимающую $^9/_{10}$ всей работы,—в область хозяйственную.

Для нас опыт, истекший с XI до XII съезда, звучит так: еще ближе к хозяйству. Партия должна еще ближе подойти к этому вопросу, еще организованнее, планомернее и ближе. Ты отвечаешь, ты руководишь; никто другой, а ты. Ты должна расти вместе с ростом хозяйства всей страны. Ты должна помочь в этом деле, и если ты дашь себя оттеснить на роль агитатора, учраспреда,—для партии это гибель. Мы никогда не решили бы вопроса о заработной плате без губкомов. Это—деликатный вопрос. Меньшевики надеялись, что они здесь вызовут стачки и пр. А нам надо было выбрать среднюю между нажимом рабочих и наших хозяйственников. То же самое нужно сказать и по вопросу о натурналоге. Буквально во всех областях нашего хозяйства должна руководить партия. „Довлеет дневи злоба его“. Россия живет сейчас хозяйственными вопросами, и наша страна будет жить еще продолжительное время этими вопросами. И партия должна жить этими вопросами, и все наши губкомы должны жить этими вопросами. Они должны лучше организоваться, они за это отвечают. Они должны самым решительным образом отвергнуть те соображения, которые исходят из архитектоники и желания, чтобы все было покрасивее, чтобы было больше „по плану“. Надо не выплеснуть ребенка вместе с водою из ванны. Нужно помнить, что говорил тов. Ленин. Мы часто увлекаемся новой брошенной мыслью. Как бы не случилось того же „с планом“. У нас все преувеличивают. Дойдет дело до того, что человек не просто выпивает стакан воды, но обязательно говорит, что „имеет план“ выпить стакан воды. (Аплодисменты). От этого надо предостеречь партию. У нас есть план по электрификации, по которому мы будем работать. У нас есть план по топливу, который исполнен на 90%. У нас есть план тракторного строительства,—это еще лучше.

Партия будет еще больше руководить. Нельзя сказать, что наступило время, когда нужно отказаться от руководства партии в хозяйстве. Напротив, организованное и планомерное вмешательство

партии одно только приведет к той цели, которая перед нами стоит.

Теперь еще два слова о нашем внутрипартийном положении.

Партия стала здоровее, чем год назад. Это бесспорно. Мы все чувствуем железную волю к единству. Бывшие группировки отходят в прошлое. Рабочие верят в свою партию, как никогда. Вы видели это по губернским конференциям. Это вовсе не значит, что у нас, однако, нет охотников все-таки и в этот момент маленечко поколебать единство партии и придумать какую-нибудь платформу, подписанную или не подписанную. Последнее, что я знаю, это новая платформа, в которой пытаются свести в одно все остальные платформы. Прямо предлагают разным бывшим группировкам,—тем, которые в партии и вне партии,—объединиться для создания внепартийной группы, которая должна исправить нашу партию. Я говорю: пусть лучше они сами себя исправят. Нашу партию им исправлять нечего. Я боюсь, что есть люди, про которых придется сказать: горбатого могила исправит. (Аплодисменты).

В нашей партии, конечно, есть кое-что, что нужно исправить. Мы будем учиться на опыте. Мы не зарекаемся от исправления того или иного звена. Но общий путь был правилен. Общее направление было правильно. Это ясно и другу, и недругу. И с этого пути мы никому не позволим нас сбить.

Товарищи, две опасности, по-моему, угрожают нам, особенно сейчас, когда, может-быть, еще на ряд месяцев мы вынуждены будем работать без Владимира Ильича. Первая опасность — это, если у нас не будет ясности в решениях. Полбеды было раньше, когда на съездах проходили решения, формулированные не вполне ясно. Когда возникало сомнение,—был человек, который мог истолковать их от имени всей партии. И мы знали, что это толкование есть действительно толкование всей партии. Теперь мы должны принимать такие решения, которые никто бы не мог истолковать иначе. Они должны быть ясны. Они не должны быть каучуковыми, резиновыми. Они должны быть такими, чтобы ни один талмудист, ни один „опытный“ литератор не мог бы в них вложить то, что ему нужно; чтобы было сказано то, что хотят наши партийные рабочие, наша партия.

Вторая опасность,—чтобы в тот момент, когда империализм, который прямо подумывает: если нет Ленина, не попробовать ли зубок насчет интервенции еще раз,—чтобы в это время мы насчет единства партии не допускали ни малейшей двусмысленности, никаких кривотолков. Если есть хорошие „платформы“ относительно создания других партий, скатертью дорога. (Бурные аплодисменты, продолжающиеся несколько минут, оратору не дают продолжать).

Мы же с вами, товарищи, должны знать следующее. Всякая критика партийной линии, хотя бы так-называемая „левая“, является ныне объективно-меньшевистской критикой. Мы видели это на примере бывшей „рабочей оппозиции“. Разве теперь не ясно, что они шли в

одну дверь, а попали в другую? В 1921 году, когда они говорили: „гегемоны без сапог“, если бы мы послушались их и не начали с крестьян и с хлеба,—где бы мы были? Мы начали правильно и понемножку одели и обули рабочих, помогли крестьянам. Мы говорили, что ты, голодный рабочий, держи все-таки знамя, ибо ты — класс, руководящий крестьянством. То же и сейчас. Всякая критика с „левого“ фланга становится ныне меньшевистской. Объективно это есть поддержка меньшевизма. Меньшевизм старой классической марки погиб. Со смертью Мартова,—это был последний человек, у которого, может-быть, была искра совести,—меньшевизм теперь пойдет за савинковцем Ивановичем. Этот меньшевизм не страшен, а опасна та „левая“ критика, которая вертится около нас, путается между ног,—она опасна, и мы должны ей дать отпор.

У нас положение поправляется. Рабочий класс за нами. Крестьянство идет за нами. Мы вступили в полосу учобы. Интеллигенция поворачивается к нам. Мы имеем рабфаки, готовим лучших людей, которые будут через 2—3 года на важнейших местах. В тот момент, когда мы не слышим компетентного слова Владимира Ильича, мы должны заменить его коллективной волей, коллективной мыслью, коллективной энергией и коллективной настойчивостью. (Аплодисменты).

Мы не собираемся пересмотреть формулу диктатуры, как нас учат господа сменовеховцы. Они божатся: „чем же мы не коммунисты, мы не хотим буржуазии, мы хотим только смягчить диктатуру, пусть труд преобладает“ и т. д. А мы им говорим: по крайней мере, на 10 лет вся международная и вся внутренняя обстановка такова, что мы никак этой диктатуры, которую знали до сих пор, изменять не можем. И это не потому, что мы особенно ужасные диктаторы, а потому, что все соотношение сил не позволяет этого. Это потому, что голова рабочего класса и всей страны стоит на карте. Поэтому вы должны знать, что самым опасным является не тот меньшевик, который с физической смертью Мартова и с политической смертью Дана пошел к Ивановичу, а опасен тот, кто хочет прикрыться нашей партией, который ходит вокруг да около партии и говорит, что и с уставом, и с программой он совсем согласен, но хочет „только“ немножечко пересмотреть крестьянский вопрос, чуть-чуть изменить положение в национальном вопросе, пытаясь в той же форме протащить великодержавный шовинизм и хоть немножко насчет диктатуры партии пересмотреть. А мы им говорим: мы в этих коренных вопросах кое-чему научились от Владимира Ильича и от опыта нашей революции. Здесь мы стоим и ни одной пяди не отступим, защищая нашу партию, как она есть, с тем опытом, который она нам дала, и с тем опытом, который нас привел и еще приведет к полнейшей победе. (Бурные, долго не смолкающие аплодисменты).

Председательствующий. Товарищи, прежде чем закрыть заседание, я дам слово тов. Бубнову от редакционной комиссии.

Бубнов. Товарищи, редакционная комиссия считает необходимым обратиться к вам со следующим. Протоколы XI съезда вышли почти

ровно через год после съезда, и, кроме того, они представляют из себя такой документ, который ни в какой степени в шкап Истпарта поставить невозможно. В нынешнем году мы хотим иметь отличный протокол и, со своей стороны, приняли все меры. Обращаемся к вам с категорической просьбой, которая сводится, во-первых, к тому, чтобы вы, каждый из говорящих, свои речи здесь же, не откладывая ни минуты, просматривали, при чем мы вас предупреждаем, что ни одна стенограмма, не просмотренная оратором, не будет помещена в „Бюллетене", и мы пойдем на то, чтобы выпустить пустой „Бюллетень", если вы не будете давать нам просмотренные стенограммы. Во-вторых, мы просим вас все вставки, цитаты и резолюции, которые вы будете здесь оглашать, представлять самим, заходя в редакционную комнату. До сих пор непредставление таких цитат, вставок и резолюций приводило к величайшей неразберихе и очень крупным ошибкам и, прямо сказать, даже к безобразиям. В-третьих, после напечатания „Бюллетеня" и стенограммы каждый из вас, заметивший какие-нибудь неточности, должен немедленно сообщить в редакционную комиссию. Только в таком случае мы будем иметь настоящий протокол.

Председательствующий. Я даю слово тов. Угланову для заявления.

Угланов. Комиссию по рассмотрению заявлений и жалоб просим собраться за 20 минут до открытия вечернего заседания.

Председательствующий. Вечернее заседание по регламенту начинается в 6 часов. Сейчас заседание закрывается.

Заседание второе.

(17 апреля 1923 года, вечернее).

Каменев (председательствующий). Заседание возобновляется. Слово для отчета ЦК имеет тов. Сталин.

Сталин. Товарищи, в виду плохой акустики, я вынужден говорить медленно.

Я думаю, что отчет ЦК, напечатанный в „Известиях ЦК", в смысле деталей является совершенно достаточным, и здесь, в орготчете ЦК, его повторять не стоит.

Я полагаю, что организационный отчет ЦК должен состоять из трех частей. Первая часть должна трактовать об организационных связях партии с рабочим классом,—о тех связях и тех аппаратах массового характера, которые облегают партию, и при помощи которых партия осуществляет руководство рабочим классом, а рабочий класс превращается в армию партии. Вторая часть отчета, по-моему, должна трактовать о тех организационных связях и о тех аппаратах массового характера, при помощи которых рабочий класс связывается с крестьянством. Это—госаппарат. При помощи госаппарата рабочий класс, под руководством партии, осуществляет руководство над крестьянством. Третья часть и последняя должна касаться самой партии, как организма, живущего своей особой жизнью, и как аппарата, дающего лозунги и проверяющего их осуществление.

Я перехожу к первой части отчета. Я говорю о партии, как об авангарде, и о рабочем классе, как об армии нашей партии. Может показаться по аналогии, что тут отношения такие же, как и в области военной, т.-е. партия дает приказы, по телеграфу передаются лозунги, а армия, т.-е. рабочий класс, осуществляет эти приказы. Такое представление в корне неверно. В политической области дело обстоит много сложнее. Дело в том, что в военной области армию создает сам командный состав, он сам ее формирует. Здесь же, в политической области, партия своей армии не создает, а ее находит,—это рабочий класс. Второе отличие состоит в том, что в военной области командный состав не только создает армию, но и кормит ее, одевает и обувает. В политической области таких явлений мы не имеем. Партия не

кормит, не обувает и не одевает свою армию, рабочий класс. Именно поэтому в политике дело обстоит много сложнее. Именно поэтому в политике не класс зависит от партии, а наоборот. Вот почему в политической области для того, чтобы осуществить руководство авангарда класса, т.-е. партии, необходимо, чтобы партия облегалась широкой сетью беспартийных массовых аппаратов, являющихся щупальцами в руках партии, при помощи которых она передает свою волю рабочему классу, а рабочий класс из распыленной массы превращается в армию партии.

Так вот я перехожу к рассмотрению того, каковы эти аппараты, эти приводные ремни, соединяющие партию с классом, каковы эти аппараты, и что успела сделать партия за год в смысле укрепления этих аппаратов.

Первый, основной приводный ремень, первый основной передаточный аппарат, при помощи которого партия связывается с рабочим классом,—это профсоюзы. За год деятельности, если брать цифры по укреплению этого основного приводного ремня, ведущего партию к классу, партия усилила, укрепила свое влияние в руководящих органах союзов. Я не касаюсь ВЦСПС. Его состав всем известен. Я не касаюсь также ЦК союзов. Я имею в виду, главным образом, Губпрофсоветы. В прошлом году, к XI съезду нашей партии, с доктябрьским стажем имелось председателей губернских советов профсоюзов 27%, а в этом году больше 57%. Успех не очень велик, но все же успех. Он говорит о том, что руководящие элементы нашей партии со стажем доктябрьским держат в руках основные нити союзов, при помощи которых они связывают партию с рабочим классом.

Я не буду касаться состава профсоюзов рабочих в целом. Цифры говорят, что к прошлому съезду членов союзов числилось около 6 миллионов. В нынешнем году, к этому съезду, 4.800.000. Как-будто шаг назад, но это только кажется. В прошлом году,—да будет мне позволено сказать здесь правду!—союзы представляли дутые величины. Цифры, которые давались, не имели точного отношения к действительности. Цифры, данные к этому съезду, хотя и меньше прошлогодних, но более реальны и более жизненны. В этом я усматриваю шаг вперед, несмотря на уменьшение численного состава профсоюзов. Таким образом, превращение профсоюзов из дутых и полуказенных в действительно живые союзы, живущие общей жизнью со своими руководящими органами, с одной стороны, и повышение процента руководящих элементов партии в губернских органах союзов от 27 до 57—с другой,—вот тот успех, который мы за этот год констатируем в деятельности нашей партии по укреплению профсоюзов.

Но нельзя сказать, чтобы в этой области все обстояло благополучно. Первичные ячейки союзов—фабзавкомы—не везде еще наши. Так, например, из 146 существующих в Харьковской губернии фабзавкомов 70 не имеют в своем составе ни одного коммуниста. Но эти явления единичны. В общем нужно признать, что развитие профсоюзов в смысле укрепления влияния партии как в губернских, так и

в низовых ячейках безусловно пошло вперед. Этот фронт надо считать обеспеченным за партией. В области союзов у нас сильных противников нет.

Второй приводный ремень, второй передаточный аппарат массового характера, при помощи которого партия связывается с классом,— это кооперативы. Прежде всего я имею в виду потребительскую кооперацию, ее рабочую часть, затем сельскохозяйственную кооперацию, поскольку она охватывает деревенскую бедноту. К XI съезду состояло в рабочих секциях Центросоюза около трех миллионов человек. В этом году, к данному съезду, есть некоторый прирост: 3.300.000,— это очень мало. Но все же в наших условиях, в условиях НЭП'а, это представляет шаг вперед. Если считать на каждого рабочего по 3 едока в семье, то выходит, что кооперативы имеют около 9 миллионов рабочего населения, организованного, как потребители, вокруг потребительской кооперации, где влияние партии растет изо дня в день...

К прошлому съезду у нас не было данных относительно того, насколько силы партии велики в потребительской кооперации,—2—3—5%, не больше. К этому съезду мы уже имеем в губернских органах Центросоюза не менее 50% коммунистов. Это опять-таки шаг вперед.

Немного хуже обстоит дело в сельскохозяйственных кооперативах. Сами-то они растут безусловно. В прошлом году, к съезду, с.-х. кооперативы объединяли не меньше 1.700.000 крестьянских хозяйств. В этом году, к этому съезду, они объединяют не меньше 4.000.000 крестьянских хозяйств. Тут есть известная часть бедноты, которая тяготеет к пролетариату; именно поэтому интересно выяснить, как росло влияние партии в области с.-х. кооперации. Цифр по прошлому году мы не имеем. В этом году оказывается (хотя эти цифры мне кажутся сомнительными) коммунистов в губернских органах с.-х. кооперации не меньше 50%. Если это верно, то это—колоссальный шаг вперед. Хуже обстоит дело в низовых ячейках, где мы все еще не в силах высвободить первичные кооперативы из-под влияния враждебных нам сил.

Третий приводный ремень, соединяющий класс с партией, — это союзы молодежи. Едва ли нужно доказывать все колоссальное значение союза молодежи и вообще молодежи в деле развития нашей партии. Цифры, имеющиеся у нас, говорят о том, что в прошлом году, к XI съезду, считалось у нас в составе союза молодежи не менее 400.000 членов. Потом в середине 1922 года, когда пошло сокращение штатов, когда броня была еще недостаточно осуществлена, когда союз молодежи еще не был в состоянии приспособиться к новым условиям, число членов упало до 200.000. Теперь, особенно с осени прошлого года, мы имеем колоссальный рост союза молодежи; в составе союза насчитывается не меньше 400.000 членов. Самое отрадное—это то, что союзы молодежи растут в первую очередь за счет рабочей молодежи. Рост их падает прежде всего на районы, где у нас поднимается промышленность.

Вы знаете, что основная деятельность союза молодежи—это школы фабзавуча. Цифры в этой области говорят, что в прошлом году, к XI съезду, мы имели около 500 школ фабзавуча с количеством членов в 44 тысячи. К январю этого года мы имеем свыше 700 школ с количеством членов в 50 тысяч. Но главное то, что прирост падает на рабочий состав союза молодежи.

Как и предыдущий фронт,—фронт сельскохозяйственной кооперации,—фронт молодежи надо считать особо угрожаемым, в виду того, что атаки противников нашей партии в этой области особенно настойчивы. Именно здесь, в этих двух областях, необходимо, чтобы партия и ее организации напрягли все силы, чтобы обеспечить себе преобладающее влияние.

Дальше я перехожу к делегатским собраниям работниц. Это тоже может-быть, и незаметный для наших организаций, но очень важный, существеннейший приводный механизм, соединяющий нашу партию с женской частью рабочего класса. Цифры, имеющиеся у нас, говорят следующее: в 57 губерниях и 3 областях в прошлом году, к XI съезду, мы имели около 16.000 делегаток с преобладанием работниц. В этом году, к этому съезду, в тех же губерниях и областях мы имеем не менее 52.000 делегаток, при чем из них 33.000 работниц. Это колоссальный шаг вперед. Надо принять во внимание, что это—фронт, на который мы до сих пор обращали мало внимания, а он имеет для нас колоссальное значение. Раз дело двигается вперед, раз есть почва для того, чтобы этот аппарат тоже укрепить, расширить и направить щупальцы партии для подрыва влияния попов среди молодежи, которую воспитывают женщины, естественно, что одной из очередных задач партии должно быть то, чтобы и на этом фронте, безусловно угрожаемом, был развит максимум энергии.

Перехожу к школе. Я говорю о школах политических, о совпартшколах и о коммунистических университетах. Это—тоже аппарат, при помощи которого партия развивает коммунистическое просвещение, фабрикует командный состав по просвещению, который сеет среди рабочего населения семена социализма, семена коммунизма и тем связывает партию духовными связями с рабочим классом. Цифры говорят, что количество слушателей совпартшкол в прошлом году составляло около 22 тысяч. В этом году их не менее 33.000, если считать и городские школы политграмоты, финансируемые Главполитпросветом. Что касается коммунистических университетов, имеющих громадное значение для компросвещения, то тут прирост маленький: было около 6 тысяч школ, стало 6.400. Задача партии состоит в том, чтобы напрячь усилия на этом фронте, усилить работу по выработке, по выковке командного состава компросвещения.

Перехожу к печати. Печать не является массовым аппаратом, массовой организацией, но, тем не менее, она прокладывает неуловимую связь между партией и рабочим классом,—связь, которая по своей силе равняется любому передаточному аппарату массового характера. Говорят, что печать—шестая держава. Я не знаю, какая она

держава, но что она имеет силу, большой удельный вес,—это бесспорно. Печать—единственное орудие, при помощи которого партия ежедневно, ежечасно говорит с рабочим классом на своем, нужном ему языке. Других средств протянуть духовные нити между партией и классом, другого такого гибкого аппарата в природе не имеется. Вот почему на эту область партия должна обратить особое внимание, и нужно сказать, что тут уже мы имеем некоторый успех. Возьмем газеты; по сообщенным цифрам, в прошлом году мы имели 380 газет, в этом году не менее 528, тираж в прошлом году 2 500 000, но тираж этот полуказенный, не живой. Летом, когда печать претерпела сокращение субсидий, когда печать оказалась перед необходимостью стать на собственные ноги, тираж пал до 900 тысяч. К настоящему съезду мы имеем тираж около двух миллионов. Значит, печать становится менее казенной, живет на свои средства и является острым оружием в руках партии, давая ей связь с массами, иначе тираж не мог бы возрастать и держаться.

Перехожу к следующему передаточному аппарату,—к армии. На армию привыкли смотреть, как на аппарат обороны или наступления. Я же рассматриваю армию как сборный пункт рабочих и крестьян. Истории всех революций говорят, что армия—это единственный сборный пункт, где рабочие и крестьяне разных губерний, оторванные друг от друга, сходятся и, сходясь, выковывают свою политическую мысль. Не случайно, что большие мобилизации и серьезные войны всегда вызывают тот или иной социальный конфликт, то или иное массовое революционное движение. Это происходит потому, что в армии крестьяне и рабочие самых отдаленных углов впервые встречаются друг с другом. Ведь, обычно воронежский мужик не встречается с питерцем, пскович не видит сибиряка, в армии же они встречаются. Армия является школой, сборным пунктом рабочих и крестьян, и с этой точки зрения сила и влияние партии на армию имеют колоссальное значение, и в этом смысле армия есть величайший аппарат, соединяющий партию с рабочими и беднейшим крестьянством. Армия—это единственный всероссийский, всефедеративный сборный пункт, где люди разных губерний и областей, сходясь, учатся и приучаются к политической жизни. И в этом в высшей степени серьезном передаточном массовом аппарате мы имеем следующие изменения: процент коммунистов к предыдущему съезду составлял $7^1/_2$, в этом году он доходит до $10^1/_2$. Армия за это время сократилась, но качество армии улучшилось. Влияние партии увеличилось, и в этом основном сборном пункте мы одержали победу в смысле увеличения коммунистического влияния.

Коммунистов среди комсостава, если взять весь комсостав до комвзводов включительно, в прошлом году было 10%, а в этом году 13%. Если взять комсостав, исключая комвзводы, то в прошлом году было 16%, а нынче 24%.

Таковы те приводные ремни, те массовые аппараты, которые облегают нашу партию, и которые, связывая партию с рабочим классом, дают ей возможность превратиться в авангард, а рабочий класс

превратить в армию. Так сложна сеть связи и сеть передаточных пунктов, при помощи которых партия, в отличие от военного командного состава, превращается в авангард, а рабочий класс из распыленной массы превращается в действительную политическую армию.

Успехи, проявленные нашей партией в этих областях по части укрепления этих связей, объясняются не только тем, что опыт партии вырос в этой части, не только тем, что самые средства воздействия на эти передаточные аппараты усовершенствовались, но и тем, что общее политическое состояние страны помогало, способствовало этому.

В прошлом году мы имели голод, результаты голода, ужасающую депрессию промышленности, распыление рабочего класса и пр. В этом году, наоборот, мы имели урожай, частичный подъем промышленности, открывшийся процесс собирания пролетариата, улучшение положения рабочих. Старые рабочие, вынужденные раньше разбрасываться по деревням, вновь притекают к фабрикам и заводам, и все это создает обстановку политически в высшей степени благоприятную для того, чтобы партия развернула широко работу по части укрепления упомянутых выше аппаратов.

Перехожу ко второй части отчета: о партии и государственном аппарате. Государственный аппарат есть основной массовый аппарат, соединяющий рабочий класс, стоящий у власти, в лице его партии, с крестьянством, и дающий возможность рабочему классу, в лице его партии, руководить крестьянством. Эту часть своего отчета я связываю непосредственно с двумя известными статьями тов. Ленина. Многим показалась идея, развитая тов. Лениным в двух статьях, совершенно новой. По-моему, та идея, которая развита в этих статьях, сверлила мозг Владимира Ильича еще в прошлом году. Вы помните, должно-быть, его политический отчет в прошлом году. Он говорил о том, что политика наша верна, но аппарат фальшивит, что поэтому машина двигается не туда, куда нужно, а сворачивает. На это, как помнится, т. Шляпников заметил, что шоферы не годятся. Это неверно. Совершенно неверно. Политика верна, шофер великолепен, тип самой машины хорош, он советский, а вот составные части машины плохи, не наши. Поэтому в целом машина фальшивит, и получается в целом искажение правильной политической линии. Не осуществление, а искажение. Госаппарат, повторяю, по типу правильный, но составные части его еще чуждые, казенные, наполовину царско-буржуазные. Мы хотим иметь госаппарат, как средство обслуживания народных масс, а части этого госаппарата хотят превратить его в статью кормления. Вот почему аппарат в целом фальшивит. Если мы его не исправим, то одной лишь правильной политической линией мы не уйдем далеко: она будет искажена, получится разрыв между рабочим классом и крестьянством. Получится то, что хотя мы и у руля, но машина не будет подчиняться. Выйдет крах. Вот те мысли, которые еще в прошлом году тов. Ленин развивал, и которые только в этом году он оформил в стройную систему реорганизации ЦКК и РКИ в

том смысле, чтобы реорганизованный ревизионный аппарат превратился в рычаг для перестройки всех составных частей машины, для замены старых негодных частей новыми, если мы действительно хотим машину двигать туда, куда ей надлежит двигаться. В этом суть предложения тов. Ленина.

Я мог бы сослаться на такой факт, как ревизия Орехово-Зуевского треста, организованного по советскому типу, призванному к тому, чтобы вырабатывать максимум фабрикатов и снабжать крестьянство, между тем как этот по-советски организованный трест перекачивал вырабатываемые фабрикаты в частный карман в ущерб интересам государства. Машина шла не туда, куда ей нужно было итти. Я мог бы сослаться на такой факт, который мне на-днях рассказал тов. Ворошилов. Есть у нас такое учреждение,—называемое Промбюро. Было такое учреждение на юго-востоке. В этом аппарате состояло около 2 тыс. работников. Этот аппарат был призван руководить промышленностью юго-востока. Тов. Ворошилов с отчаянием говорил мне, что нелегко было управиться с этим аппаратом, и для управления его нужно было создать добавочный маленький аппаратик, т.-е. для управления аппаратом управления. Нашлись добрые люди: Ворошилов, Эйсмонт и Микоян, которые взялись за дело по-настоящему. И оказалось, что вместо 2 тыс. работников в аппарате можно иметь 170. И что же? Теперь дела идут, оказывается, гораздо лучше, чем раньше. Раньше аппарат съедал все, что вырабатывал. Теперь аппарат обслуживает промышленность. Таких фактов уйма, их много, их больше, чем у меня волос на голове. Все эти факты говорят лишь об одном,—что наши советские аппараты, по типу правильные, состоят из таких людей, имеют такие навыки и традиции, которые опрокидывают по существу правильную политическую линию. От этого вся машина фальшивит, и получаются громадный политический минус, опасность разрыва пролетариата с крестьянством.

Вопрос стоит так: либо мы хозаппараты улучшим, сократим их состав, упростим их, удешевим, укомплектовав их составом, близким нашей партии по духу, и тогда мы добьемся того, для чего мы ввели так-называемый НЭП, т.-е. промышленность будет вырабатывать максимум фабрикатов для того, чтобы снабжать деревню, получать необходимые продукты, и, таким образом, мы установим смычку экономики крестьянства с экономикой промышленности. Либо мы этого не добьемся, и будет крах. Или еще: либо самый государственный аппарат, налоговый аппарат будет упрощен, сокращен, из него будут изгнаны воры и мошенники, и тогда нам придется брать с крестьян меньше, чем теперь, и тогда народное хозяйство выдержит; либо этот аппарат превратится в самоцель, как было на юго-востоке, и все, что берется у крестьянства, придется тратить на содержание самого аппарата,—и тогда политический крах. Вот те соображения, которые, по моему убеждению, руководили Владимиром Ильичем, когда он писал эти статьи.

Тут в предложениях тов. Ленина есть еще одна сторона. Он не только добивается того, чтобы аппарат был улучшен, и руководящая

роль партии была усилена максимально,—ибо партия строила государство, она должна и улучшить,—но он имеет в виду, очевидно, и моральную сторону. Он хочет добиться того, чтобы в стране не осталось ни одного сановника, хотя бы самого высокопоставленного, по отношению к которому простой обыватель мог бы сказать: на него управы нет. Вот эта моральная сторона представляет третью сторону предложения Ильича, именно это предложение ставит задачу очистить не только госаппарат, но и партию от тех сановнических традиций и навыков, которые компрометируют нашу партию.

Перехожу к вопросу о подборе работников, т.-е. к тому вопросу, о котором говорил Ильич еще на XI съезде. Если ясно для нас, что наш госаппарат по своим составу, навыкам и традициям негоден, в виду чего угрожает разрыв между рабочими и крестьянством, то ясно, что руководящая роль партии должна выразиться не только в том, чтобы давать директивы, но и в том, чтобы на известные посты ставились люди, способные понять наши директивы и способные провести их честно. Не нужно доказывать, что между политической работой ЦК и организационной нельзя провести непроходимую грань.

Едва ли кто-либо из вас будет утверждать, что достаточно дать хорошую политическую линию, и дело кончено. Нет, это только полдела. После того, как дана правильная политическая линия, необходимо подобрать работников так, чтобы на постах стояли люди, умеющие осуществлять директивы, могущие понять директивы, могущие принять эти директивы, как свои родные, и умеющие проводить их в жизнь. В противном случае политика теряет смысл, превращается в махание руками. Вот почему учраспред, т.-е. тот орган ЦК, который призван учитывать наших основных работников как на низах, так и вверху и распределять их, приобретает громадное значение. Доселе дело велось так, что дело учраспреда ограничивалось учетом и распределением товарищей по укомам, губкомам и обкомам. Дальше этого учраспред, попросту говоря, не совал носа. Теперь, когда война кончена, когда массовые огульные мобилизации не имеют места, когда они потеряли всякий смысл, что доказала мобилизация тысячи, которая была взвалена на плечи Центрального Комитета в прошлом году и провалилась, ибо огульные мобилизации при наших условиях, когда работа ушла вглубь, когда мы держим курс на специализацию, когда необходимо каждого работника изучать по косточкам,—огульные мобилизации только портят дело, не давая никакого плюса местам,—теперь учраспред уже не может замыкаться в рамках губкомов и укомов. Я мог бы сослаться на некоторые цифры. Было заказано XI съездом Центральному Комитету мобилизовать не менее тысячи московских работников. Центральный Комитет учел для мобилизации около 1.500. В виду болезни мобилизованных и всяких причин удалось мобилизовать только 700; из них сколько-нибудь годными оказались, по отзывам мест, 300 человек. Вот вам факт, говорящий о том, что огульные мобилизации старого типа, которые производились в старое время, теперь уже не годятся, потому что наша партийная работа

ушла вглубь, она диференцировалась по разным отраслям хозяйства, и огульно перебрасывать людей значит, во-первых, обрекать их на бездеятельность и, во вторых, не удовлетворять минимальных потребностей самих организаций, требующих новых работников.

Я хотел бы привести некоторые цифры изучения нашего промышленного комсостава по известной брошюре, составленной тов. Сорокиным, работающим в учраспреде. Но прежде чем перейти к этим цифрам, я должен сказать о той реформе, которую Центральный Комитет в ходе своей работы по учету работников произвел в учраспреде. Раньше, как я говорил уже, учраспред ограничивался рамками губкомов и укомов, теперь, когда работа ушла вглубь, когда строительская работа развернулась повсюду, замыкаться в рамки укомов и губкомов нельзя. Необходимо охватить все без исключения отрасли управления и весь промышленный комсостав, при помощи которого партия держит в руках наш хозаппарат и осуществляет свое руководство. В этом смысле и было решено Центральным Комитетом расширить аппарат учраспреда как в центре, так и на местах. с тем, чтобы у заведующего были заместители по хозяйственной и по советской части, и чтобы у них были свои помощники по учету нашего комсостава по предприятиям и по трестам, по хозорганам на местах и в центре, в советах и в партии.

Результаты этой реформы не замедлили сказаться. За короткий срок удалось учесть наш промышленный комсостав, охватывающий около 1.300 директоров. Из них оказывается 29% партийных и 70% беспартийных. Может показаться, что беспартийные преобладают в смысле их удельного веса в основных предприятиях, но это неверно. Оказывается, что 29% коммунистов руководят самыми крупными предприятиями, объединяющими более 800 тыс. рабочих, а 70% беспартийных директоров руководят предприятиями, охватывающими не более 250 тыс. промышленных рабочих. Мелкими предприятиями руководят беспартийные, а крупными партийные. Далее среди директоров-партийцев рабочих втрое больше, чем нерабочих. Это говорит о том, что внизу по промышленному строительству, в основных ячейках, не в пример верхам, ВСНХ и его отделам, где коммунистов мало, уже началось овладевание предприятиями силами коммунистов и прежде всего рабочими. Интересно, что по качеству своему, по пригодности среди коммунистов директоров оказалось годных больше, чем среди беспартийных. Из этого следует, что партия, распределяя коммунистов по предприятиям, руководствуется не только чисто-партийными соображениями, не только тем, чтобы усилить влияние партии в предприятии, но и деловыми соображениями. От этого выигрывает не только партия, как партия, но и строительство всего хозяйства, ибо годных директоров оказывается среди коммунистов гораздо больше, чем среди беспартийных.

Вот первый опыт учета нашего промышленного комсостава,—новый опыт, как я сказал, охватывающий далеко не все предприятия, ибо 1.300 директоров, учтенных в этой брошюре, составляют только

около половины всех тех предприятий, которые еще должны быть учтены. Но опыт показывает, что здесь поле неисчерпаемо богато, и работа учраспреда должна быть развернута во-всю, чтобы дать партии возможность управляющие органы наших основных предприятий укомплектовать коммунистами и тем осуществить руководство партии госаппаратом.

Товарищи должны быть знакомы с теми предположениями, которые ЦК вносит на рассмотрение съезда по организационному вопросу, имея в виду и партийную, и советскую сторону. Что касается советской стороны, о которой я только-что говорил во второй части своего отчета, то этот вопрос ЦК предполагал представить на детальное рассмотрение специальной секции, которая должна рассматривать и партийную, и советскую сторону этого вопроса и потом уже должна предложить на усмотрение съезда.

Перехожу к третьей части отчета: о партии, как организме, и партии, как аппарате.

Прежде всего следует сказать два слова о количественном составе нашей партии. Цифры говорят о том, что в прошлом году, к XI съезду, партия насчитывала на несколько десятков тысяч больше 400 тысяч человек. В этом году, в виду дальнейшего сокращения партии, в виду того, что по целому ряду областей партия освободилась от непролетарских элементов, партия стала меньше,—немного меньше 400 тысяч. Это—не минус, это плюс, ибо по социальному составу партия улучшилась. Самое интересное в развитии нашей партии в смысле улучшения ее социального состава,—это то, что имевшаяся раньше тенденция роста непролетарских элементов партии за счет рабочего элемента прекратилась в отчетном году, что наступил перелом, наметился определенный уклон в сторону увеличения процента рабочего состава нашей партии за счет непролетарского его состава. Это именно тот успех, которого мы добивались до времени чистки, и которого мы добились теперь. Я не скажу, что в этой области сделано все,—далеко еще не все. Но перелома мы достигли, известного минимума однородности мы достигли, рабочий состав партии обеспечили, и, очевидно, в дальнейшем придется итти по этому пути в смысле дальнейшего сокращения непролетарских элементов партии и дальнейшего роста элементов рабочих. Те мероприятия, которые ЦК предлагает для дальнейшего улучшения состава нашей партии, в предложениях ЦК изложены, я их повторять не буду. Очевидно, что придется усилить преграды против наплыва непролетарских элементов, ибо в данный момент, в условиях НЭП'а, когда партия безусловно подвержена тлетворным влияниям нэповских элементов, необходимо добиться максимума однородности нашей партии и, во всяком случае, решительного преобладания рабочего состава за счет нерабочего состава; партия должна и обязана сделать это, если она хочет сохранить себя, как партия рабочего класса.

Я перехожу к жизни губкомов и к их деятельности. В печать часто проникают в некоторых статьях иронические нотки по адресу

губкомов, часто высмеивают губкомы, не дооценивают их деятельность. А я должен сказать, товарищи, что губкомы—это основная опора нашей партии, и без них, без губкомов, без их работы по руководству как советской, так и партийной работой партия осталась бы без ног. Несмотря на все недостатки губкомов, несмотря на то, что недочеты до сих пор еще имеются, несмотря на так-называемые склоки в губкомах, на дрязги иногда, в целом губкомы—это основная опора нашей партии.

Как живут и как развиваются губкомы? Я читал письма от губкомов месяцев 10 назад, когда секретари наших губкомов еще путались в делах хозяйственных, не приспособившись к новым условиям. Я читал далее новые письма, спустя 10 месяцев, с удовольствием, с радостью, потому что из них видно, что губкомы выросли, они уже вошли в курс, вплотную подошли к строительной работе, поставили местный бюджет, овладели хозяйством местного масштаба и действительно сумели стать во главе всей хозяйственной и политической жизни в своей губернии. Это, товарищи, большое завоевание. Несомненно, имеются и недочеты в губкомах, но я должен сказать, что если бы не было этого роста партийного и хозяйственного опыта губкомов, если бы мы не имели этого громадного шага вперед в смысле роста зрелости губкомов в деле руководства местной хозяйственной и политической жизнью, то мы не имели бы тогда возможности даже мечтать о том, чтобы партия когда-либо взялась руководить государственным аппаратом.

Говорят о склоках и трениях в губкомах. Я должен сказать, что склоки и трения, кроме отрицательных сторон, имеют и хорошие стороны. Основным источником склок и дрязг является стремление губкомов создать внутри себя спаянное ядро, сплоченное ядро, могущее руководить как один. Эта цель, это стремление здоровые и законные, хотя добиваются их часто путями, не соответствующими целям. Объясняется это разнородностью нашей партии,—тем, что в партии имеются коренники и недавно пришедшие, пролетарии и интеллигенты, молодые и старики, центровые и окраинные люди, люди разных национальностей, при чем все эти разнородные элементы, входящие в губкомы, вносят различные нравы, традиции, вкус, и на этой почве возникают трения, склоки. Все же $^{9}/_{10}$ склок и трений, несмотря на непозволительность их форм, имеют здоровое стремление—добиться того, чтобы сколотить ядро, могущее руководить работой. Не нужно доказывать, что если бы таких руководящих групп в губкомах не было, если бы все было сколочено так, чтобы „хорошие“ и „плохие“ уравновешивали друг-друга, никакого руководства в губернии не было бы, никакого продналога мы не собрали бы и никаких кампаний не провели бы. Вот та здоровая сторона склок, которая не должна быть заслонена тем, что она иногда принимает страшно уродливые формы, в виду разнородности и разношерстности нашей партии. Это не значит, конечно, что партия не должна бороться со склоками, особенно когда они возникают на личной почве.

Так обстоит дело с губкомами. Но сила нашей партии, к сожалению, ниже губкомов, еще не так велика, как это могло бы казаться. Основная слабость нашей партии в области аппарата—это именно слабость наших уездных комитетов, отсутствие резервов, уездных секретарей. Я думаю, что если мы основные аппараты, связывающие нашу партию с рабочим классом,—аппараты, о которых я говорил в первой части своего отчета,—не вполне еще получили в свои руки (я имею в виду низшие ячейки, кооперативы, делегатские собрания женщин, союзы молодежи и т. д.), если губернские органы этих аппаратов еще не достигли полного обладания этими аппаратами, то это именно потому, что мы слишком слабы в уездах.

Я считаю это основным вопросом. Я думаю, что одной из основных задач нашей партии является создание при ЦК школы уездных секретарей из людей, наиболее преданных и способных, из крестьян, из рабочих. Если бы партия могла добиться в будущем году того, чтобы сколотить вокруг себя резерв в 200 или в 300 уездных секретарей, которых можно было бы отдать потом на помощь губкомам, чтобы облегчить им руководство работой в уездах, то этим она обеспечила бы полное овладение всеми передаточными аппаратами массового характера. Ни одного потребительского кооператива, ни одного сельскохозяйственного кооператива, ни одного фабзавкома, ни одного делегатского собрания женщин, ни одной ячейки союза молодежи, ни одного аппарата массового характера мы не имели бы вне преобладающего влияния партии.

Теперь об областных органах. Прошлый год показал, что партия и ЦК были правы, создав областные органы, частью выборные, частью назначенные. Обсуждая в целом вопрос о районировании, ЦК пришел к тому выводу, что в деле постройки областных органов партии необходимо перейти постепенно от принципа назначенства к принципу выборности, имея в виду, что такой переход, несомненно, создаст благоприятную моральную атмосферу вокруг областного комитета партии и облегчит ЦК руководство партией.

Перехожу к улучшению центральных органов партии. Вы, должно-быть, читали предложения ЦК о том, чтобы функции Секретариата ЦК от функций Оргбюро и Политбюро были отграничены вполне ясно и точно. Едва ли этот вопрос нуждается в особой трактовке, ибо он сам собой ясен. Но есть один вопрос,—о расширении самого ЦК,—вопрос, который несколько раз обсуждался у нас внутри ЦК, и который вызвал одно время серьезные прения. Есть некоторые члены среди ЦК, которые думают, что следовало бы не расширять, а даже сократить число членов ЦК. Я их мотивов не излагаю: пусть товарищи сами выскажутся. Я вкратце изложу мотивы, говорящие в пользу расширения ЦК.

Ныне положение вещей в центральном аппарате нашей партии таково: есть у нас 27 членов ЦК; ЦК собирается раз в 2 месяца. Внутри ЦК имеется ядро в 10—15 человек, которые до того наловчились в деле руководства политической и хозяйственной работой наших

органов, что рискуют превратиться в своего рода жрецов по руководству. Это, может-быть, и хорошо, но это имеет и очень опасную сторону: эти товарищи, набравшись большого опыта по руководству, могут заразиться самомнением, замкнуться в себе самом и оторваться от работы в массах. Ежели члены ЦК или, скажем, ядро человек в 15 навострились так, что их уже Антанта не надует, а в деле выработки указаний и лозунгов в 9 случаях из 10 они не ошибутся, то это очень хорошо; но если они не имеют вокруг себя нового поколения будущих руководителей, тесно связанных с работой на местах, то эти высококвалифицированные люди имеют все шансы закостенеть и оторваться от масс.

Во-вторых, то ядро внутри ЦК, которое навострилось в деле руководства, становится старым, ему нужна смена. Вам известно состояние здоровья Владимира Ильича; вы знаете, что и остальные члены основного ядра ЦК достаточно поизносились. А новой смены еще нет,—вот в чем беда. Создавать руководителей партии очень трудно: для этого нужны годы, 5—10 лет, более 10-ти; гораздо легче завоевать ту илу другую страну при помощи кавалерии тов. Буденого, чем выковать 2—3-х руководителей из низов, могущих в будущем действительно стать руководителями страны. И пора подумать о том, чтобы выковать новую смену. Для этого есть одно средство—втянуть в работу ЦК новых, свежих работников и в ходе работ поднять их вверх, наиболее способных и независимых, имеющих головы на плечах. Книжкой руководителей не создашь; книжка помогает двигаться вперед, но сама руководителя не создает. Работники-руководители растут только в ходе самой работы. Только выбрав в ЦК новых товарищей, дав им испытать всю тяжесть работы, мы можем добиться выработки столь необходимой для нас при настоящем положении вещей смены. Вот почему я полагаю, что было бы глубочайшей ошибкой со стороны съезда, если бы он не согласился с предложением ЦК о расширении его, по крайней мере, до 40 человек.

Наконец, я должен отметить один факт, который,—может-быть, потому, что он слишком известен,—не бросается в глаза, но который отметить надо. Это та спаянность нашей партии, та сплоченность беспримерная, которая дала нашей партии возможность при таком повороте, как НЭП, избежать раскола. Ни одна партия в мире, ни одна политическая партия такого крутого поворота не выдержала бы без замешательства, раскола, без того, чтобы с партийного воза не упала та или иная группа. Как известно, такие повороты влекут за собою то, что известная группа падает с воза, и в партии начинается если не раскол, то замешательство. Мы имели такой поворот в истории нашей партии в 7-м и 8-м годах, когда после 5-го и 6-го года мы, приученные к революционной борьбе, не желали перейти на работу будничную, легальную, не хотели итти в Думу, не хотели использовать легальных учреждений, не хотели усиливать своих позиций в легальных органах и вообще отнекивались от новых путей. Это был поворот не такой уже крутой, как НЭП, но, очевидно, мы еще были тогда мо-

лоды, как партия, мы не имели опыта по части маневрирования, и дело разрешилось тем, что целых две группы тогда упали у нас с тележки. Нынешний поворот к НЭП'у после нашей политики наступления на Варшаву—поворот крутой, когда пролетариат должен был отойти на старые позиции, отказавшись от наступления, когда пролетариат должен был обратиться в сторону крестьянского тыла, чтобы с ним не порвать связи, когда пролетариат должен был подумать о том, чтобы резервы свои на Востоке и на Западе усилить, укрепить,—при таком повороте партия обошлась не только без раскола, но и проделала его без замешательства.

Это говорит о беспримерной гибкости, спаянности, невероятной сплоченности партии. В этом залог того, что партия наша победит.

В прошлом году, да и в этом году, каркали и каркают наши враги, что в партии нашей разложение. Однако, вступая в НЭП, мы сохранили наши позиции, сохранили нити народного хозяйства в своих руках, и партия продолжает спаянно, как один, итти вперед, в то время как наши противники действительно разлагаются и ликвидируются. Вы, наверно, слыхали, товарищи, что недавно состоялся съезд эсеров в Москве. Съезд решил обратиться к нашему съезду с просьбой открыть им двери нашей партии. Вы, должно-быть, слыхали, кроме того, что бывшая цитадель меньшевизма, Грузия, где имеется не менее 10.000 членов партии меньшевиков,—эта крепость меньшевизма уже рушится, и около 2 тысяч членов партии ушло из рядов меньшевиков. Это как-будто говорит не о том, что у нас партия разлагается, а о том, что они, наши противники, разлагаются. Наконец, вы, наверно, знаете, что один из самых честных и дельных работников меньшевизма – тов. Мартынов—ушел из рядов меньшевиков, при чем ЦК принял его в партию и вносит свое предложение на съезд, чтобы съезд утвердил это принятие. (Частичные аплодисменты). Все эти факты, товарищи, говорят не о том, что у нас плохо обстоят дела в партии, но о том, что у них, у наших противников, пошло разложение по всей линии, а наша партия осталась спаянной, сплоченной, выдержавшей величайший поворот, идущей вперед с широко развернутым знаменем. (Громкие, продолжительные аплодисменты).

Председательствующий. Товарищи, Президиум завален заявлениями о том, что в зале плохо слышно, и что зал выбран неудачно. Я думаю, что обсуждать этот вопрос на съезде и искать совместного выхода совершенно невозможно. Но сегодня же вечером Президиум обсудит вопрос, можно ли найти лучшее помещение, или нельзя ли так пересесться, чтобы улучшить положение, так что прошу потерпеть до решения Президиума. Есть предложение сделать перерыв. Я напоминаю, товарищи, что у нас до прений должен быть доклад ревизионной комиссии. Голосую. Кто за перерыв? Кто против?

Большинство против перерыва.

Слово для доклада от ревизионной комиссии имеет тов. Ногин.

Ногин. Товарищи, прежде всего я должен отметить, что в теку-

щем году ревизионная комиссия может сделать более полный доклад, чем в прошлом году. Это объясняется тем, что мы получали в свое распоряжение все материалы и все документы, которое мы только требовали от ЦК. Во-вторых, в отделах ЦК нас встречали не так, как в прошлом году, а, наоборот, в каждом отделе и подотделе мы были приняты очень внимательно и предупредительно, и это позволяет нам сделать более полный и объективный доклад.

Кроме того, должен отметить, что все почти предложения, которые ревизионная комиссия в прошлом году сделала, были секретариатом ЦК проведены в жизнь. Тов. Сталин в своем докладе указывал на те приводные ремни, которые объединяют нашу партию с широкими массами,—мы сейчас должны посмотреть, как двигаются шестерни, которые приводят в движение эти ремни. В сущности, ЦК и есть тот основной аппарат, который приводит в движение всю политическую работу в нашей стране. Самым важным в этом аппарате является Бюро секретариата. Тт., мы должны признать, что в своем докладе в прошлом году мы не отметили тех крупных недостатков, которые имелись тогда. Эти недостатки в этом году устранены. Прежде всего мы должны констатировать наличие систематичности, ясной системы в работе,—системы, которая позволила ЦК более планомерно распределить работу между ответственными работниками и достигнуть лучших результатов. Иной раз мероприятия небольшого значения, небольшого размера принесли колоссальные результаты. Это выразилось прежде всего в соответствующем, более правильном подборе подсобных технических работников внутри секретариата, в правильном установлении связи, хотя бы в проверке адресов организаций и в уничтожении завала бумаг. Дальше, когда мы рассматриваем со стороны общую работу секретариата и ищем каких-либо недостатков, то все, что мы могли бы отметить, сводится к сравнительно небольшому, а именно к пожеланию, чтобы те, так-называемые секретные бумаги, которые мы решительно все получаем, были действительно секретными, а остальные шли без этой пометки. Вы, вероятно, все знаете, как иногда посылаются с подписью „совершенно секретно", „в собственные руки" и т. д. совершенные пустяки, а это обременяет аппарат ЦК и нас, которые хотят все-таки быть дисциплинированными членами партии и соблюдать конспирацию. Вот это пожелание мы высказываем, а во всем остальном по сравнению с тем, что было прошлым годом, работа секретариата должна быть признана образцовой.

Когда мы переходим к работам главнейшего отдела ЦК, к организационно-инструкторскому отделу, то мы должны вспомнить, что говорила ревизионная комиссия в прошлом году. Тогда нам пришлось сказать, что единого организационно-инструкторского отдела не было, что многочисленные его п/отделы разделялись глухими стенами, сквозь которые ничего не просачивалось,—теперь эти стены прорублены, теперь отдел единый, очень хорошо сработавшийся внутри и прекрасно намечающий ту общую работу, которая вытекает из учета опыта, который он производит. Должен сказать, что при помощи бюро секре-

тариата и этого отдела установлена живая связь с нашими провинциальными организациями, и эта связь оставляет глубокий след в самом аппарате ЦК, который безусловно лучше и легче и скорее и правильнее учитывает местный опыт, чем это было раньше.

Это делается не кустарно, а систематически, по совершенно точно разработанному плану. Правда, необходимо отметить, что в этой работе есть недостатки, которые происходят, может-быть, оттого, что не все работники Орготдела в достаточной мере прошли нужную школу работы, отчасти, может-быть, это объясняется тем, что вообще состав служащих ЦК слишком часто меняется. Переходя к некоторым деталям, мы можем сказать, что информационный подотдел, который разрабатывает сведения, получаемые с мест, в этом году значительно расширен: книг сведений вместо 39 в прошлом году мы имеем теперь 100. Эти книги сведений немного растрепались, что объясняется отчасти небрежностью некоторых информаторов, отчасти некоторым кустарничеством, которое есть в работе. До сих пор информаторы не имеют необходимых пособий как старых, так и новых, которые облегчили бы эту работу и сделали бы книги сведений действительно идеальными для того, чтобы можно было свободно ориентироваться в жизни той или иной нашей партийной организации. Но я должен сказать, что тут сделан определенный шаг вперед, и доделать это дело до конца будет очень нетрудно проведением одной технической меры.

Переходя к работе ответственных инструкторов, я должен сказать, что и этот аппарат ЦК значительно увеличен и улучшен. Однако, нужно отметить, что качество инструкторов не одинаково. Касаясь же системы их работы, я должен отметить, что она не идеальна в том смысле, что не исключена возможность субъективности отчетов и докладов инструкторов.

Теперь остановлюсь на работе так-называемого подотдела учета местного опыта. Он является нововведением, которое сделано в этом году, и которое необходимо приветствовать. Этот подотдел позволяет ЦК изучать разные проявления партийной жизни,—например болезненные явления внутри нашей партии. Понятно, что он не может работать с такой точностью, с какой работает наш статистический отдел, но, во всяком случае, обобщая весь материал, этот аппарат позволяет ориентироваться в вопросах, которые наиболее интересуют ЦК. Я должен сказать, что этот хорошо задуманный аппарат требует для своего улучшения, подкрепления более высококвалифицированными работниками.

Теперь, касаясь других подотделов, я должен сказать, к сожалению, об одном подотделе, именно об архиве. В прошлом году я его похваливал. В этом году он находится в худшем положении. Общий же подотдел, который был очень неважен в прошлом году, в этом году улучшился. Я не буду на этом подробно останавливаться, перейду к циркулярам ЦК.

Вы помните, в прошлом году мы жаловались на слишком большое количество циркуляров. В этом году вместо 250 прошлого года

мы имеем 150 более систематизированных, более сжатых, которые, по моему мнению, более достигают цели. Работа по систематизации распоряжений и постановлений ЦК, издание различных партийных сборников и т. д. в высшей степени важна и интересна для партии, особенно благодаря обилию всяких постановлений, которые надо теперь знать партийным работникам. К сожалению, эта работа проводится хотя, быть-может, и хорошими работниками, но не имеющими специальных знаний.

В прошлом году я указывал, что в орготделе существует особый стол заграничных ячеек, сейчас там имеется бюро заграничных организаций, которое по отношению к заграничным ячейкам играет роль руководящего органа; благодаря его работе заграничные ячейки упорядочились.

Переходя к работе литературного бюро, необходимо и тут отметить значительные шаги вперед. Вы помните, с каким большим трудом заметки о жизни партии пробивались в наши газеты, и как эти заметки не получали отзыва. Сейчас заметки, помещаемые в „Правде“ и „Известиях“, информируют довольно широко о текущей работе партийных организаций. Что касается журнала „Известий ЦК“, о котором приходилось говорить раньше, как о скучном сухом органе, в этом году, прочитав его внимательно от доски до доски, следует признать, что это очень ценный орган, позволяющий хорошо ориентироваться в жизни всей партии. Он будет более живым, если статьи, посвященные жизни местных организаций, будут помещаться более часто и систематично. Обращение его в какой-нибудь журнал другого типа, как это сделано в последнем номере, будет менее удачно и нежелательно.

Транспортный подотдел в прошлом году был пустой комнатой, в которой ходил товарищ, не знавший своего начальства. В этом году имеется руководитель подотдела, который знает, что он руководит Транспортным подотделом, и, надо сказать, руководит хорошо. Работа, проводимая этим подотделом, может быть иллюстрирована „страничкой“ в газете „Гудок“. Эта страничка одно время прекратила свое существование, что отразилось на числе подписчиков газеты. Как только вновь появилась страничка, тираж газеты опять увеличился. Подводя общие итоги работы организационно-инструкторского отдела, я должен сказать, что здесь сделаны большие шаги вперед. Результаты его работы позволяют судить вполне точно о состоянии нашей партии. Правда, иногда выводы орготдела не очень отрадны. На один из таких выводов я обращаю ваше внимание. Это—вопрос о политической безграмотности нашей партии. По данным этого отдела и агитпропа, процент политически неграмотных очень высок; в земледельческих губерниях он доходит от 80 до 90, в промышленных—до 50 процентов. Мы полагаем, что эти цифры преувеличены, но, во всяком случае, к ним необходимо относиться с большим вниманием.

Перехожу к работе учетно-распределительного отдела. Этому отделу не надо было реорганизовываться, он мог приступить просто к улучшению работы. В прошлом году пришлось констатировать, что

в работе по выявлению учета партийных работников имелись недостатки. Отсутствовали точные характеристики, которые позволили бы в партийных силах точно разобраться: учетно-распред. отдел поставил целью этот пробел устранить путем перекрестных характеристик и сопоставлений. Теперь он добился выявления физиономии каждого партийного работника, находящегося у него на учете. Правда, работа эта очень тяжелая и медленная, но кое-что уже сделано, и теперь нет пустых конвертов, о которых я в прошлом году рассказывал. При просмотре соответствующих дел я убедился, что мы можем рассчитывать, что в ближайшее время наша партия будет действительно иметь прекрасный каталог своих сил, где будет можно разобраться человеку, даже самому новому, в жизни партии. Теперь, что касается промахов, которые к этому отделу относятся, я бы отметил очень немногие. Это прежде всего вопрос о выдаче единого партийного билета. По моему мнению, можно было бы несколько изменить систему выдачи партбилета, так как сейчас требуется несколько недель, а иногда и месяц, чтобы получить этот билет новому члену нашей партии. Кроме того, учраспред, по моему мнению, недостаточно энергично отстаивал перед Центральным Комитетом право получить в свое распоряжение совместно с Истпартом документы после чистки партии. Все писали соответствующие биографии, все приводили подробнейшие данные о своем житье-бытье, и товарищу Сырцову они были бы очень и очень полезны. Но, к сожалению, этих материалов нет почти, за исключением очень немногих. Постановлением оргбюро от 4/XII было признано абсолютно необходимым поручить учраспреду и учет ответственных беспартийных работников. С этим вопросом мне пришлось внимательно познакомиться, и я должен высказать свое мнение и мнение ревизионной комиссии, которое сводится к тому, что мы видим в этом работу очень полезную и необходимую, но в то же время представляющую некоторую опасность в том отношении, что партийный аппарат постепенно сможет перейти на работу, которую должен выполнять наш советский аппарат.

В сущности, когда мы более внимательно присмотрелись к работе всех 6-ти помощников заведующего, каждому из которых поручено соответствующее дело, то увидели, что буквально в каждом Наркомате, который они обслуживают, существует большой пробел в смысле правильной постановки организационной работы, что нет совершенно соответствующих аппаратов в целом ряде учреждений, и в результате партийному аппарату приходится собою заменять наш советский аппарат. Можно было бы направить туда соответствующие силы, а учраспреду наблюдать за этими специальными работниками, не пытаясь собою заменить всех, а то, в конце-концов, получается так, что товарищи, решающие судьбу не только председателей и членов правления трестов, но даже директоров фабрик, фактически распоряжаются, ни разу не побывав в той отрасли промышленности, которой они практически руководят, будучи совершенно неориентированными в тех вопросах, которые определяют работу той или иной отрасли промышленности. Эта опасность есть, но ее легко можно устранить.

Теперь о другой работе, тесно связанной с предыдущей, о которой говорил в своем докладе т. Зиновьев. Это—работа комиссии по пересмотру трестов. О ней я должен рассказать следующее: комиссия организована 2-го декабря. К началу марта я получил сведения, что из тех 16 трестов, которые были просмотрены, вопрос разрешен только по отношению к 3 трестам,—таков результат 4-месячной работы.

Но факт тот, что сама по себе комиссия, которая сейчас производит большую серьезную работу, ведет ее, мягко выражаясь, кустарно, потому что оперирует такими архивами и документами, которые не могут дать возможности судить достаточно объективно и подробно о положении дел в различных отраслях промышленности. Я ставил вопрос, чем вызвана организация этой комиссии. Мое мнение таково: слабостью ВСНХ. Если бы он был крепче, этой комиссии не потребовалось бы. По моему мнению, надо было бы обратить внимание на укрепление ВСНХ, а не заменять его при помощи комиссии, которая состоит из пяти членов ЦК.

Переходя теперь к вопросу относительно работы агитационно-пропагандистского отдела, я должен отметить следующее. Во главе этого отдела стоит тов. Бубнов, кандидат в члены ЦК. Это позволяет ему вести свою работу несколько иначе, чем ведут другие заведующие. Он пользуется большой самостоятельностью, и вопросы, которые у него возникают, решаются поэтому быстрее. Вместе с тем, я должен сказать, что этот отдел, очевидно, до прошлого года представлял собою, выражаясь мягко, первобытный хаос. Когда я осматривал общую канцелярию этого отдела, то оказалось, что осенью, в сентябре, только были ликвидированы диваны, которые были битком набиты всякого рода бумагами агитпропа от тех времен, когда во главе его стояли тт. Катаньян и Соловьев. Из этих диванов пришлось извлечь наиболее ценные документы, которые были отправлены в архив. Потом в общем архиве я их видел, они еще и там не разобраны до сих пор.

До сих пор в агитпропе,—а вы представьте себе это учреждение, оно равно по объему среднему наркомату,—в этом агитпропе, помещающемся в особом доме, бумаги не записываются никак: нет ни входящих, ни исходящих. Само собою разумеется, при этих условиях...

Троцкий (с места). Бюрократизма нет.

Ногин. Бюрократизма нет, но зато есть хаос.

Теперь, товарищи, когда мы посмотрим на то, что сделано этим отделом, то должны отметить, что работа здесь тоже проделана громадная, и прежде всего в подотделе печати. Товарищи, наша печать действительно имеет значение рычага, при помощи которого мы толкаем массы, но этот рычаг может быть и гнилым, а если мы ознакомимся с некоторыми выдержками из наших партийных органов, то увидим, что они из себя представляют. Я возьму на-удачу один из номеров „Красной Печати", в котором помещена такая выдержка из „Брянского Рабочего" (№ 147):

„Женщина—двигатель, обновляющий (два восклицательных знака) поколение, дающий лучший детский цветник в суровость жизни,

рождающая строителей жизни и поборников труда и правды, должна стать свободной. Привет вам, женщины, вступившие на путь открытой борьбы за равноправную бесклассовую жизнь (два восклицательных знака), за безмолвие полей, взрастающих свободные семена".

Дальше, товарищи, идет выдержка из органов Сызранского укома „Красный Октябрь". Это—просто грязная порнография, и читать ее я не буду. Я только указываю на факт, что в наших партийных органах иногда печатается. Само собою разумеется, что расчистить такую Авгиеву конюшню и привести ее хоть в сколько-нибудь приличное состояние—великая заслуга. Подотдел печати именно этой работой и занимается, и сделал очень много. При помощи особого инструктивного органа „Красной Печати",—тех бюллетеней, которые издает Прессбюро,—он улучшает нашу прессу. Но должен отметить, что пресса наша, по отзывам той же самой „Красной Печати", еще далеко не на высоте положения. Если вы возьмете номера газет, изданные к пятилетию октябрьской революции, то увидите, что они были далеко не такими, какие желательны.

С другой стороны, мы должны отметить, что тот орган, который фактически питает сейчас своими материалами всю провинциальную прессу, издавая бюллетени Прессбюро, дает не всегда то, что, по-моему, надо. В нем мало чисто-партийных, коммунистических статей. Предложение подотдела печати о том, чтобы принять меры к закрытию некоторых органов, к улучшению качества печати, более правильному распределению сил, мне кажется, необходимо приветствовать, а со стороны местных организаций подотделу печати должна быть оказана в работе всяческая поддержка. Говоря о подотделе печати, мы должны обратить еще внимание на общее положение нашего партийного и советского книжного рынка. За последнее время тут иной раз происходят в высшей степени странные случаи. Я не буду приводить выписок, которых у меня достаточно много, и которые свидетельствуют, какие иногда у нас перепечатываются книжки, и к чему это приводит. Регулятора у нас нет, и, благодаря этому, мы заставляем государство напрасно тратить громадные деньги, а читателя читать такие вещи, которые вводят иной раз в заблуждение. Само собой разумеется, что регулятор, который бы это упорядочил и вообще опорядочил бы работу наших газет и журналов, необходим, и в особенности нужен в деле с объявлениями.

Перейдем теперь к подотделу распределения литературы. Летом прошлого года, после съезда, нами было обращено внимание на то, что иной раз подотдел распространяет книжки, в роде книги Берлина: „Русская буржуазия в старое и новое время", издательства „Книга", когда во главе его стоял еще Ежов, известный меньшевик. Книжка эта—точная перепечатка издания царского времени, со всеми пошлостями, которые только можно себе представить,—с нашей, коммунистической точки зрения это вредная книжка. Однако, тысячу экземпляров этой книги разослали по всем губкомам. Рассылали также книжку Николаевского („Древний Израиль") и специальную с.-х. литературу в ущерб литературе социально-политической.

Предложение тов. Скворцова, обратившего на это внимание, не имело результата; только под влиянием НКФина, пересмотревшего смету отдела и сократившего ее, произошло то, что такие вещи теперь не повторяются.

Далее необходимо остановиться на работе учета местного опыта. Он дает, между прочим, в высшей степени важный факт, на который съезд должен обратить внимание: из 54 заведующих агитпропами в 54 обследованных губерниях 27 человек не на высоте своего положения.

Подотдел агитации за последнее время постепенно освобождается от тех специальных советских кампаний, которые раньше он проводил в помощь соответствующим наркоматам. Из работы этого подотдела видно, что чем сильнее какой-нибудь наркомат, тем меньше для него нужна работа, и наоборот. Другой вывод, который делает подотдел, заключается в том, что наши деревенские ячейки постепенно вырождаются в чисто-административные органы.

Перехожу к подотделу пропаганды, которому я придаю особо большое значение. Он делится на следующие отделения: 1) школьная работа,—во главе стоит товарищ, работающий в партии с 15 года; 2) внутрипартийная пропаганда,—руководит работой товарищ, состоящий в партии с 18 года; 3) методическое отделение,—заведующий также член РКП с 18 г. Подсобных работников у этих товарищей нет; работа ведется при помощи различных комиссий. В то же время на их плечах лежит главнейшая забота о нашем партийном воспитании.

Я обращаю внимание съезда на то, что у нас высшей партийной школы нет. Вместе с тем, я обращаю внимание съезда на следующую справку. В Изюмском уезде Харьковской губернии из ответственных работников 50% политически безграмотных. Присматриваясь к состоянию мест, мы должны признать безусловный недостаток сил и, вместе с тем, обратить внимание на те факты, которые наблюдаются на некоторых рабфаках и в коммунистических университетах: это уклоны от марксизма, о которых все товарищи, вероятно, знают. При этих условиях на работу подотдела пропаганды должно быть обращено сугубое внимание.

Перехожу к подотделу национальных меньшинств. В подотделе имеется 11 секций. Комиссия посетила только 3 из них. В башкирско-татарской секции наблюдается некоторый порядок, в еврейской секции полный хаос, в немецкой секции почти образцовый порядок.

Необходимо отметить, что работа секций подотдела национальных меньшинств имеет колоссальное значение. По словам работающих в подотделе, местные организации недостаточно учитывают громадное значение этой работы.

Характеризуя работу агитпропа в целом, центральная ревизионная комиссия считает своим долгом поддержать предложение работников агитпропа, заключающееся в том, чтобы партия обратила побольше внимания на работу отдела и направляла в отдел лучшие силы.

Я полагаю, что всякий из нас, кто знает, какие громаднейшие задачи стоят перед партией, и как необходимы нам сплоченность, дисциплина и идейная выдержанность, поймет, что текущий год должен быть еще более ударным в смысле постановки нашей агитационно-пропагандистской работы.

Перехожу к отделу работниц. Необходимо отметить, что в этом году отдел уже равноправен с другими. Им проделана очень большая работа. Незначительный процент женщин в партии—7,8%—заставляет нас особенно внимательно отнестись к работе женотдела. Необходимо подчеркнуть, что работа отдела работниц направлена, главным образом, на вовлечение женщин в коммунистическую среду, что по своему характеру она гораздо резче отличается от работы других отделов. Я не буду подробно говорить о работе отдела работниц. Укажу лишь, что та большая работа, которая ведется отделом, заслуживает всяческого внимания и поддержки. Три журнала, которые издаются отделом, прекрасны, и местам не следовало бы выпускать вместо них другие органы, особенно в духе тех, выдержки из которых я читал. „Коммунистка“, „Работница“ и „Крестьянка“ издаются в достаточно большом количестве экземпляров и могут обслуживать местные нужды. Помещение у женотдела самое скверное из всех, какие имеются в ЦК. Оно тесное, сырое, холодное, мебели недостаточно. Все дела организационно-инструкторского подотдела сложены в одну конторку без замка, и там разбираться секретарям довольно трудно.

Переходя к статистическому отделу, необходимо отметить ту, может-быть, незаметную для большинства товарищей работу, но работу героическую, которую он проделал по партийной переписи. Из тех отчетов, с которыми мне пришлось ознакомиться, видно, что кое-кто из статистиков совершает целые подвиги. Например, на Кавказе некоторым товарищам пришлось подвергаться опасностям во время обвалов. В Самарской губернии им пришлось точно так же испытать целый ряд лишений, вследствие того, что тех лошадей, на которых они двигались, съедали, и т. д.

Целый ряд фактов безусловно подчеркивает, что работа была очень трудная. Значение ее преуменьшить нельзя, и мы должны подчеркнуть ее ценность и большую трудность.

Перехожу к Финотделу. Финотдел в этом году имел возможность представить в ревизионную комиссию баланс на 1 октября и баланс на 1 марта. Ознакомившись с этими балансами, ревизионная комиссия предлагает съезду их утвердить, но в то же врема она отмечает факт, совершенно недопустимый в жизни нашей партии,—целый ряд организаций (список очень длинный,—гораздо более длинный, чем в прошлом году) не отсчитался перед ЦК. Необходимо принять меры, чтобы губкомы обратили серьезное внимание на эту сторону. Некоторые другие наши организации, центральные, тоже не особенно торопятся со сдачей необходимых отчетов,—напр., „Правда“ до сих пор не отсчиталась. Для „Правды“ тоже нужно было бы иметь лучшую бухгалтерию. Должен еще отметить, что Финотдел в своем отчете подчер-

кивает то обстоятельство, что большинство местных отчетов присылается в совершенно недопустимом виде,—в них не только не соблюдены правила Финансового Отдела, но даже не соблюдены элементарнейшие правила бухгалтерии.

Что касается Управления Делами, то оно было занято в течение года: 1) организацией усовершенствования медико-санитарного лечения партийных товарищей, 2) организацией помощи нуждающимся членам РКП, 3) техническим обслуживанием аппарата ЦК и 4) заведыванием общей регистратурой и архивом ЦК.

Организация санаторного лечения партийных товарищей—дело, конечно, очень нужное, но, по-моему, никакого отношения к Управлению Делами секретариата ЦК не имеющее, и было бы правильным снять с него эту работу и оставить в Управлении Делами только то, что ему действительно присуще, тем паче что когда мы рассматривали постановку самой управдельческой работы, то оказалось многое не так, как следовало бы. Одна часть управления делами поставлена блестяще, а в другой полный хаос. Что это означает? Это означает, что нет лица, которое поставило бы и эту сторону более согласованно, хотя Управлению Делами самому поставить это в вину нельзя, потому что ему право это не дано.

Обращаясь к вопросу о штатах ЦК, приведу такую справку: на 1 марта 1922 г. состояло 705 служащих, на 1 марта 1923 г.—741; за этот период уволено 1.498 человек. Получается какое-то противоречие, но оно объясняется тем, что вообще служащие ЦК долго не засиживаются, так как там очень много проходящих, командированных, уходящих в учебные заведения.

Во всяком случае, это отметить приходится, и мне кажется, надо было бы на это обратить внимание, с тем, чтобы аппарат более усовершенствовать. Для этого нужна несколько более продолжительная работа в том аппарате, который нам очень нужен. По постановлению секретариата Центрального К-та, все хозяйственные учреждения, которые имелись при Управлении Делами, переданы ныне во ВЦИК. Центральная ревизионная комиссия пока воздерживается от высказывания мнения по поводу этого мероприятия, так как мы еще не убедились в целесообразности его.

Теперь, товарищи, позвольте отметить еще маленький факт, касающийся Управления Делами. В прошлом году, как вы, может-быть, помните, Управление Делами издавало приказы. В этом году приказов оно не издает, а издает распоряжения. От перемены названия дело не изменилось. Правда, эти распоряжения уже не печатаются типографским способом, а распространяются в сравнительно небольшом количестве экземпляров.

Перехожу к Истпарту. В прошлом году мы его не обследовали, а в этом году мы выяснили следующее. Истпарт состоит, собственно, из двух отделов: из отдела истории партии, которым руководят тт. Лепешинский и Невский, и из отдела истории революции, которым руководит т. Покровский. Орган Истпарта „Пролетарская Революция" вы-

ходит в количестве 11.000 экземпляров. Значение его вполне понятно, но необходимо отметить еще следующее: мы все ждали к юбилею партии соответствующего сборника и материалов, и нам пришлось выслушать со стороны многих товарищей запросы, почему Истпарт не издал таковых. Мы обследовали эту сторону и принуждены были признать, что эта вина должна быть снята с Истпарта, ибо тут типографские причины. Более подробно я не буду говорить об этом. Говоря об общем положении Истпарта, необходимо отметить, что он до сих пор не мог связаться ближе с другими отделами Центрального Комитета. Например, ответственные инструктора, которые решительно всеми отделами ныне использовываются, Истпартом не использовываются, а своих инструкторов у него нет. Поэтому связь с местами недостаточно крепка, он даже не получает всех местных изданий. С другой стороны, использование архивов ему не всегда удается. Так, сейчас у Истпарта конфликт с Петроградом, благодаря чему он сомневается в возможности полностью использовать эти архивы. Центральная ревизионная комиссия полагает, что, во-первых, необходимо скорее издать положение иб Истпарте, которое регулировало бы его взаимоотношения с местными организациями; во-вторых, признать, что петроградский архив, в котором имеются материалы департамента полиции, находится в ведении Истпарта. Вообще необходимо установить более правильные взаимоотношения Истпарта с местными организациями.

Теперь, товарищи, позвольте перейти к центральной контрольной комиссии. По нашему положению, мы имеем право ревизовать все центральные учреждения партии, и, по просьбе товарищей из центральной контрольной комиссии, мы осмотрели работу технического аппарата центральной контрольной комиссии. Естественно, мы не касались внутренней работы ЦКК. Мы должны отметить следующее: в этом году центральная контрольная комиссия имеет несколько больший аппарат, чем в прошлом. В ЦКК работает 18 человек, из коих лишь два беспартийных. Основным рабочим аппаратом является следовательский аппарат, состоящий из 7 человек, из которых партийный стаж у одного с 6-го года, у одного—с 7-го, у двух—с 18-го, двух—с 19-го года и одного с 20-го. Из семи человек двое рабочих. Лиц с высшим образованием ни одного. Юридического образования точно так же ни у одного. Большинство со средним образованием.

Условия, в которых работает ЦКК, таковы: дом, ей предоставленный, слишком тесен. Правда, он больше прежнего помещения, но все-таки недостаточен; может-быть, отчасти этим и объясняются те недостатки, которые мы нашли при обследовании. Во-первых, в общей канцелярии на шкапах, где хранятся бумаги, лежит громадное количество старых партийных билетов, и карточки, разложенные в ящиках на столах, покрыты большим слоем пыли. На окнах зала заседаний, когда заседания не было, мы нашли большую кучу бумаг, среди которых оказался документ, относящийся еще к незаконченному делу. Следователи допрашивают вчетвером в одной комнате, что, конечно,

неправильно. Поэтому мы обращаем внимание съезда на необходимость предоставить ЦКК более удобное помещение.

Троцкий (с места). Съезд сам об этом просит.

Ногин. А с другой стороны, мы обращаем внимание на несовершенство технического аппарата ЦКК. Теперь позвольте перейти к работе местных ревизионных комиссий, которые работали в течение первого полугодия без утвержденного положения. Положение это было выработано весной, а утверждено осенью. Благодаря этому, положение о местных ревизионных комиссиях было не устойчиво. Из тех отчетов и документов, которые мы имеем, видно, что работали ревизионные комиссии на местах, как бог на душу положит. Отношение организации к ревизионным комиссиям было различно. Очевидно, что необходимо какое-то общее руководство в работе, нужна какая-то инструкция, которая бы определяла, чем должны заниматься ревизионные комиссии, потому что в некоторых организациях члены ревизионных комиссий пользовались доверием и приносили большую пользу, а в других организациях их на порог не пускали. И мы предлагаем, чтобы съезд поручил секретариату совместно с ревизионной комиссией выработать инструкцию о местных ревизионных комиссиях и установить более живую связь и руководство их деятельностью. Теперь я подхожу к подведению общего итога обследованной работы ЦК. За истекший период действительно сделан громадный шаг вперед, но, вместе с тем, мы должны обратить внимание на целый ряд условий, которые мешают этому аппарату быть лучше, чем сейчас. Это происходит потому, что окончательное разделение труда еще не вполне проведено. Если мы обратимся хотя бы к тому, как разбираются дела в оргбюро и секретариате, то мы увидим прежде всего колоссальную цифру разобранных дел: по 1 марта разобрано 6.318 вопросов. Естественно, когда в день приходится решать по 70 или 100 вопросов, то нет времени для внимательного рассмотрения, и при этом оказывается, что есть такие дела, что не требуется вносить в секретариат.

Например: „разрешить товарищу такой-то в доме отдыха иметь ребенка", „разрешить перевести товарища такого-то из вольнослушателей в действительные студенты Соц. Академии". Вопросы такого рода могут быть с успехом разрешены любыми ответственными партийными работниками, не к чему обсуждать такие дела коллегиально. А как разрешаются вопросы в оргбюро и секретариате? Я спросил всех заведующих и получил такую любопытную справку. Из предложений, которые вносит орготдел в оргбюро, 90% решаются так, как это предлагает отдел. Учраспред говорит, что 95% решений принимаются в том виде, как они предлагаются. Агитпроп точно так же подтверждает эту цифру. Оказывается, что отдел настолько детально проработал и обсосал этот вопрос со всех сторон, что совершенно ясно: другого решения быть не может.

Я полагаю, если мы во главе отдела ЦК поставим члена ЦК, то, само собою разумеется, можно ему доверить разрешать целый ряд

вопросов. Мы еще раз настойчиво предлагаем съезду провести такое постановление, которое обязывало бы ЦК выделить для наиболее ответственной работы своих членов. Это обеспечит нас от создания бюрократического аппарата.

Сейчас аппарат отряхается от пыли, становится прекрасным, но остается бюрократическим. Он несет работу по управлению нашей партией, живет жизнью наших организаций, учитывает их опыт, и мы не можем все это узнать помимо него. Если привлечь членов ЦК к этой работе, то получится живая связь между ЦК и нашими организациями. Бюрократизм отпадет, и быстрота решений дел будет увеличена. Пример агитпропа очень характерен. Тов. Бубнов—человек решительный. Он отвоевал себе это право, и его примеру надо последовать. Тогда наше оргбюро и секретариат вместе с политбюро приблизятся к нашей партии.

Мы считаем необходимым, чтобы политбюро точно так же было поближе к нашим партийным вопросам. Политбюро вместе с пленумом ЦК рассмотрело 1.229 вопросов, из них о партийном строительстве—9, об агитпропаганде—9, о марксистском воспитании—6, о тезисах, инструкциях, циркулярных письмах—3, а все остальное—другие вопросы. Мы полагаем, что если оргбюро совместно с политбюро будет обсуждать вопросы партийного строительства и партийного воспитания, не оставляя и других главнейших задач, то от этого партия только выиграет.

Позвольте мне на этом кончить свой доклад. Разрешите то письменное заключение, которое написано нами по всем отделам и подотделам, не читать, а прочитать только нижеследующий конец, передав все остальное в Президиум:

Подводя общие итоги работы аппаратов центральных учреждений РКП за время с XI по XII съезд, ЦРК признает, что за истекший период секретариат ЦК достиг значительного улучшения работы всего аппарата, что повело к более правильному разделению труда внутри его и, вместе с тем, установило большую связь между отделами и подотделами, а также укрепило и развило связь аппарата с местами, позволив ему быстрее и полнее учитывать широкий опыт партийных организаций и правильнее реагировать на выдвигаемые жизнью требования.

Частичные указания на дефекты в организации отделов, отмеченные в докладе, ЦРК предлагает передать на рассмотрение ЦК нового состава для принятия мер к их устранению.

Вместе с тем, ЦРК основным моментом улучшения партийного аппарата считает большее приближение политбюро и оргбюро к непосредственному руководству парторганизацией. ЦК, сосредоточивая свое внимание на руководстве внешней и внутренней политикой, организуя и руководя советским аппаратом и оказывая ему помощь, не должен выпускать из своих рук дела руководства и воспитания партийных сил и партийного аппарата и оставлять без непосредственного своего наблюдения работу по вовлечению в ряды коммунистической

партии новых кадров. Только при наличии предлагаемой ЦРК постановки партийного аппарата возможно устранение болезненных явлений в партии, и в частности ликвидация значительного процента политически неграмотных, каковые явления определенно отмечаются организационно-инструкторским отделом ЦК.

Между тем, рассматривая работу политбюро, оргбюро и секретариата, приходится констатировать такое разделение труда: политбюро, занимаясь по преимуществу вопросами внешней политики и финансовыми, уделяя также свое внимание хозяйственным вопросам, вопросами партийного строительства почти не занимается, оставляя их всецело оргбюро и секретариату. Решения же последних подготовляются совещаниями заведующих отделами. При громадном числе вопросов, рассмотренных секретариатом и оргбюро (6312 с 4/IV—1922 г. по 1/III—1923 г.), члены оргбюро и секретариата лишены возможности внимательно рассматривать все вносимые к ним предложения и по большей части соглашаются с решениями, предлагаемыми отделами, что подтверждается тем, что, по свидетельству заведующих Организационным, Учетно-Распределительным и Агитационно-Пропагандистским отделами, из всех вносимых ими предложений отклонено или значительно изменено не более 5%. ЦРК полагает, что, при условии возглавления всех важнейших отделов секретариата членами ЦК, будет возможно разгрузить основные органы ЦК от большого числа вопросов, поручив их разрешение заведующим отделами.

В настоящей своей постановке партийный центр будет развиваться в сторону партийного бюрократизма, когда важнейшие вопросы фактически решаются лицами, не избранными съездом и перед ним не ответственными.

При условии, если все важнейшие вопросы партийного строительства будут рассматриваться на соединенных заседаниях полит- и оргбюро, они получат более глубокое решение, а ответственнейшие руководители партии будут глубже ознакомлены с ее жизнью. Такое укрепление партийного аппарата избавит партию также и от другой опасности—сделаться по преимуществу организационным аппаратом советов, а иногда переходя даже к подмене собою наиболее слабого советского органа.

Председательствующий. Относительно дальнейших наших занятий сегодня мы в Президиуме решили вам предложить следующий план: прения перенести назавтра, а сейчас заслушать имеющиеся здесь приветствия от Коминтерна и от партий, входящих в Коминтерн.

Если этот порядок утверждается, позвольте раньше, чем дать слово представителю Коминтерна, напомнить вам, что первый день съезда происходит как-раз в годовщину Ленского расстрела. 11 лет назад, на пороге к новому подъему рабочего движения, царским правительством на берегах Лены были расстреляны десятки и сотни рабочих. С тех пор память об этих расстрелах стояла постоянным призывом к возмущению, к восстанию рабочего класса против царизма и капита-

лизма. Предлагаю съезду в 11-ю годовщину расстрела почтить память павших вставанием. (Все встают).

Первое слово для приветствия предоставляется представителю Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала т. Нейрату.

Нейрат (говорит на немецком языке).

Председательствующий. Для перевода слово имеет т. Левин.

Левин. Дорогие товарищи! Приветствую съезд по поручению Президиума Исполкома Коминтерна, т.-е. от имени классово-сознательного пролетариата всех стран. Значение съезда велико не только для русского, но и для всего международного пролетариата. На основании 25-летнего политического опыта, который имеет за собой РКП, теперь уже можно утверждать, что русская коммунистическая партия всегда была во все критические моменты лучшим, надежнейшим и проницательнейшим вождем и советником всемирного пролетариата. Позицией большевистской партии и вождей ее в отношении наиважнейших проблем рабочего движения до начала войны,—массовой стачки, всеобщей стачки, колониальной политики, движения 1905 года, сообщившего мощный толчок западно-европейской рабочей организации,—вот чем объясняется доминирующее положение РКП в Интернационале Рабочих. Когда 9 лет назад большая часть всемирного пролетариата была направлена на темный, ошибочный путь, РКП первая своими тезисами, речами, листовками и брошюрами раскрыла суть дела классово-сознательному пролетариату всех стран. В 1915 или 1916 г. тов. Зиновьев в одной из написанных в Швейцарии статей цитировал прекрасное содержательное изречение: „Чем ночь темней, тем ярче звезды“. Несомненно, в ту пору, когда значительная часть всемирного пролетариата переживала смутные времена, яркие труды большевистских теоретиков дали возможность сознательным рабочим всего мира ориентироваться в положении и найти из него выход.

Вновь всемирный пролетариат находится в чрезвычайно критическом положении, и вновь русская большевистская партия призвана намечать и отчасти прокладывать путь, которым он должен итти. Но есть одна существенная разница между тем, что было 9 лет назад, и теперешним положением международного пролетариата: от имени свыше 50 секций Коминтерна смею утверждать, что всемирный пролетариат теперь уже не со скрещенными руками смотрит на исполинскую работу, ведущуюся русским пролетариатом, в ожидании ее результатов; классово-сознательный пролетариат капиталистических государств в последние годы сам выдержал грандиозные кровавые битвы. Этот пролетариат знает, что съезд сумеет принять резолюции, не только обеспечивающие экономическое восстановление Сов. России, но и имеющие громадное значение для политической борьбы всемирного пролетариата. Сознательные рабочие всего мира в настоящее время способны и готовы, в тесном союзе с русским пролетариатом и опираясь на его опыт, работать и бороться, создавая таким образом предпосылки для победы международной социальной революции. (Аплодисменты).

Председательствующий. Товарищи, для приветствия от имени коммунистической партии Польши слово имеет тов. Домбаль.

Домбаль (говорит по-польски).

Председательствующий. Слово для перевода имеет тов. Фрумкина.

Фрумкина. Тов. Домбаль приветствует съезд от имени коммунистической партии Польши. Этот съезд имеет для коммунистической партии Польши особое значение. Тов. обращается к съезду, говоря: вы занимаете самое ответственное положение в мировом революционном движении, вы стали авангардом мировой революции, на вас обращено внимание пролетариата всего мира, и особенно присматривается к вашей работе польский пролетариат. Польские рабочие коммунисты не только боролись вместе с вами еще во времена царизма и вместе со многими, находящимися здесь, были в тюрьмах царских, но особые условия рабочего движения Польши сближают польский и русский пролетариат. Тов. Зиновьев говорил здесь об аграрном вопросе. Нашей партии можно сделать упрек, что она еще не заняла окончательной позиции в этом вопросе и еще не осуществила решений II и IV конгрессов Коминтерна. Значение этого вопроса в Польше огромно, и именно потому так трудно притти к его окончательному решению. Но сейчас огромное большинство в партии безоговорочно принимает решения конгрессов Коминтерна, и эти решения скоро будут осуществлены. В польской революции крестьянство будет играть огромную роль в виду аграрного характера Польши.

Еще один вопрос,—вопрос национальный. В Польше есть так же много национальностей, как и в России, и нам нужно будет в этом вопросе прибегнуть к тем же методам, к каким прибегаете вы.

Нынешняя Польша есть очаг контр-революции,—эту Польшу мы хотим уничтожить. Хозяйства России и Польши вместе могут составить одну могучую силу, но этому мешает контр-революционная Польша. Мы хотим смести и уничтожить это препятствие, уничтожить эту буржуазную Польшу и создать советскую Польшу. Мы надеемся, что Польша вскоре будет ареной социальной революции. На полях Польши будут решаться судьбы революции. Тов. Домбаль еще раз подчеркивает важность для пролетариата Польши работы вместе с нами. Пролетариат Польши знает, какими жертвами достигнута ваша победа. Вы теперь входите в фазис борьбы за укрепление того, что завоевано в первый фазис. У вас стоит в порядке дня вопрос о союзе рабочих и крестьян; и этот вопрос особенно важен для нас, ибо только союз рабочих и крестьян обеспечит победу революции в Польше. И у нас родился этот союз, и у нас рядом с рабочими и крестьяне становятся под знамя коммунизма. Беднейшее крестьянство Польши становится под руководство пролетариата. Мы пойдем по тому же пути, что и вы, и верим, что скоро над Польшей будет развеваться красное знамя серпа и молота.

У нас буржуазия всячески старается разбить, задушить пролетариат, но ей не удастся сломить его, сломить его волю. Товарищ гово-

рит о себе самом, что в том, что он представляет собою здесь коммунистическую партию Польши, есть символ. Он раньше не был коммунистом. Он был представителем беднейшего крестьянства, а здесь он представляет коммунистическую партию Польши, как символ союза этого крестьянства с пролетариатом. Польские массы видят в российском пролетариате, в российской коммунистической партии своего вождя, на них смотрят, за ними пойдут. Т. Домбаль кончает свою речь возгласом: „Да здравствует союз рабочих и крестьян, да здравствуют РКП, авангард мировой революции, и ее вождь, товарищ Ленин!". (Аплодисменты).

Председательствующий. Слово предоставляется представителю коммунистической партии Англии тов. Мак-Манусу.

Мак-Манус (речь на английском языке).

Председатель Слово для перевода имеет тов. Рейнштейн.

Рейнштейн. Товарищ Мак-Манус приветствует съезд отчасти как член Исполкома Коммунистического Интернационала, отчасти от имени Британской Коммунистической Партии. Он говорит, что в настоящей стадии коммунистического движения в его стране, в Англии, нельзя пока ничего сколько-нибудь крупного, большого обещать. Он этого и не делает. Но, говорит он, развитие классовой борьбы в Англии, во-первых, указывает на то, что наступление капитала, начавшееся в последние годы, повидимому, уже приближается к концу. Он указывает вообще, что положение буржуазии в Англии проявляется с каждым днем все более и более, как положение неустойчивое и в экономическом, и в политическом отношениях. Правительство, в течение нескольких лет столь стойкое и несменяемое, пало, и теперь там происходит то, что одни выходят, другие входят. Это шаткое положение в действительности начало развиваться еще с момента великих событий 17 года, в частности с событий здесь, в России. Но теперь движение все более и более принимает революционный характер, хотя в количественном отношении на что-нибудь крупное указывать пока нельзя. Но тот факт, что борьба между капиталом и трудом, между рабочим классом и правительством, ведется все более под красным знаменем, указывает, что рабочее движение все более и более революционизируется даже в этой классически-консервативной стране, в Англии.

Там происходит процесс сближения либеральной и консервативной части буржуазии для совместной борьбы против пролетариата.

Англия в общем, несмотря на то, что она принадлежит к странам-победительницам и как-будто много выиграла от войны, в сущности, в экономическом отношении находится в состоянии длительного и безвыходного кризиса. Теперь события в Англии вступают в ту стадию, когда на очереди становится вопрос о переходе власти в руки так-называемой „Лейбор Парти", рабочей партии. Это было бы английским изданием нашей керенщины, и когда этот момент настанет, - а он должен настать уже в близком будущем,—тогда перед рабочим классом будет стоять последний оплот буржуазной власти, и тогда „Лейбор Парти" (возглавляемая Гендерсонами и пр.) проявит себя,

как проявила себя керенщина в России, как партия, и неспособная, и не желающая защищать рабочий класс, и тогда настанет нужный психологический момент для проникновения коммунистических идей в массы английского пролетариата. Тов. Мак-Манус заканчивает свое слово, принося от лица английских товарищей привет и благодарность русской партии, путеводной звезде мировой коммунистической революции. (Аплодисменты).

Председательствующий. Товарищи, для приветствия от Коммунистической Партии Франции слово имеет депутат французского парламента т. Леви. (Аплодисменты).

Леви (говорит по-французски).

Председательствующий. Слово для перевода имеет тов. Мануильский.

Мануильский. Товарищи, этот съезд Российской Коммунистической Партии имеет значение для всего международного пролетариата.

Французская партия медленно, но упорно изживает тот тяжелый кризис, с которым она боролась со времени Турского конгресса 1920 г. Этот кризис заключается в том, что под огнем рурских событий Французской Коммунистической Партии приходится перестраивать свои кадры при наличии измены старых вождей, - как, например, Фроссара,— ставить задачу быстрой перестройки своих кадров, привлечения новых элементов и создания из них настоящей революционной партии по типу Российской Коммунистической Партии. Но сейчас, при наличии продолжения войны иными средствами, как сказал тов. Зиновьев, это продолжение войны—рурские события—налагает на партию величайшую ответственность. И молодая Французская Коммунистическая Партия выполнила честно свой долг. Ее вождь Кашен находится сейчас в тюрьме. Вождь революционных синдикалистов, тов. Монмуссо, также в тюрьме. Перед партией сейчас стоит задача, с одной стороны, оказать сопротивление рурскому насилию, а с другой стороны вырвать из тюрьмы Политбюро Франции и вырвать также лучшего представителя революционного синдикализма, который в рурской кампании идет нога в ногу с Французской коммунистической партией. Товарищи, здесь один чрезвычайно важный факт, на который надлежит обратить внимание: до сих пор во Франции коммунизм, с одной стороны, и революционный синдикализм—с другой, были двумя революционными потоками, по которым устремлялась революционная энергия пролетариата Франции. Монмуссо подошел сейчас близко к коммунизму, и это показывает, что у революционных синдикалистов происходит глубокий процесс, приводящий лучшие элементы французского рабочего класса к коммунизму. Товарищи, это является лучшим залогом того, что сейчас, в ту минуту, когда вы с тревогой на этом съезде оглядываетесь на Запад и ожидаете оттуда помощи, французские товарищи говорят: эта помощь придет, ибо французский пролетариат под влиянием русской прекрасной школы кует прекрасную коммунистическую партию. (Аплодисменты).

Председательствующий. Слово имеет представитель коммунистических рабочих Японии тов. Катаяма.

Катаяма (говорит по-английски).

Председательствующий. Слово для перевода имеет тов. Рейнштейн.

Рейнштейн. Тов. Катаяма приветствует съезд от имени недавно организованной определенно коммунистической партии Японии и от имени революционного пролетариата Японии. Тов. Катаяма говорит, что японский империализм ничуть не отставал в своих хищнических актах и тактике от империализма западных стран. Он захватил навремя часть Сибири. Но русский победоносный пролетариат и революционное крестьянство не только сумели изгнать его из Сибири, но вдобавок еще вбили клин коммунистического движения в самую Японию. (Аплодисменты). Тов. Катаяма указывает на пробуждающийся японский пролетариат и на его борьбу, которая нередко теперь сопровождается кровопролитием. В частности он указывает на недавний расстрел японских рабочих, матросов и говорит, что хотя японский пролетариат в общем отстал от большинства рабочих западно-европейских стран, но он очень настойчиво и интенсивно пробивается к рядам наиболее передовых элементов международного пролетариата. Он говорит, что в этом отношении пример русского пролетариата действовал зажигающе на японский пролетариат. Тов. Катаяма говорит, что он может утверждать, не опасаясь упрека в излишнем оптимизме, что японский пролетариат теперь уже стал на правильную дорогу, и никакие усилия хищнического японского империализма его не сдержат: он пробьется к первым рядам мировой пролетарской революции. В заключение он благодарит русскую партию за вдохновляющий и руководящий пример, который она дала. (Аплодисменты).

Председательствующий. Президиум к завтрашнему заседанию приготовит предложения съезду для ответа на заслушанные нами приветствия, а также приветствия тем многочисленным арестованным товарищам, которые сидят в капиталистических тюрьмах. Сейчас позвольте предложить от имени Президиума съезда, по предложению некоторых делегатов, прочесть следующий текст приветствия Владимиру Ильичу. (Продолжительные аплодисменты).

Приветствие Владимиру Ильичу.

От глубины сердца партии, пролетариата, всех трудящихся съезд посылает своему вождю, гению пролетарской мысли и революционного действия, привет и слова горячей любви Ильичу, который и в эти дни тяжелой болезни и длительного отсутствия не менее, чем всегда, сплачивает съезд и всю партию своей личностью.

Более чем когда-либо партия сознает свою ответственность перед пролетариатом и историей. Более чем когда-либо она хочет быть и будет достойной своего знамени и своего вождя. Она твердо верит, что недалек день, когда кормчий вернется к кормилу.

Съезд посылает свое товарищеское и братское сочувствие Надежде

Константиновне, жене-соратнице, и Марии Ильиничне, сестре-другу Ильича, и просит их помнить, что все тяжкие тревоги переживаются вместе с ними изо дня в день той великой семьей, которая называется РКП. (*Бурные и продолжительные аплодисменты*).

Председательствующий. Президиум просит вас дополнительно в состав редакционной комиссии ввести в качестве членов ее тов. Антонова-Овсеенко, Дивильковского и Товстуху. Возражений нет? Принимается.

Согласно регламенту, объявляю заседание закрытым.

Заседание третье.

(18 апреля 1923 г., дневное).

Каменев (председательствующий). Объявляю заседание съезда открытым. Раньше, чем перейти к прениям по заслушанным докладам ЦК, я предоставляю слово для приветствия съезду представителю беспартийных крестьян Ярославской губернии, тов. Карасеву. (Аплодисменты).

Карасев (Ярославск. губ.). Товарищи, с чувством величайшего удовольствия я выступаю здесь от рабочих, которые заняты в работе на территории Ярославского уезда, и от трудового крестьянства для того, чтобы приветствовать вас, руководителей нашей дорогой республики. Ярославское трудовое крестьянство и рабочие сегодня считают себя в высшей степени счастливыми тем, что они имеют возможность через своих представителей выразить вам здесь свою величайшую, глубокую, искреннюю преданность, вам, как руководителям нашего великого строительства, небывалого во всем мире за всю историю. Ярославское трудовое крестьянство считает большим счастьем представить вам знамя, на которое, как оно полагает, вы имеете большое право, ибо в той борьбе, которую выдержали граждане Советской республики, главными руководителями являются те товарищи, которые присутствуют на Всероссийском съезде Коммунистической Партии большевиков. Крестьянство и рабочие Ярославского уезда выражают свою искреннюю преданность главарям нашего освободительного движения: уважаемому всеми товарищу Владимиру Ильичу Ленину (аплодисменты), великому народному вождю Красной армии тов. Троцкому (аплодисменты) и всем другим соратникам нашей великой грозной армии—тт. Зиновьеву, Каменеву (аплодисменты) и вам всем товарищам вкупе (аплодисменты). Заканчивая свое небольшое слово, я хотел бы сказать вам, что мы, крестьяне и рабочие Ярославского уезда, принося вам свою признательность, хотим сказать, что в той борьбе, которую вы уже провели, и в которой много легло славных товарищей коммунистов, точно так же пали и те верные беспартийные товарищи, которые шли нога в ногу вместе с вами. (Рукоплескания). Конечно, товарищи, среди нас, беспартийных, тоже

есть такие люди, которые, пристроившись к нам, беспартийным, может-быть, и не думают итти вместе с нами, которые, может-быть, своими поступками и делами даже разрушают строительство нашей дорогой республики. Так этих граждан мы, беспартийные, в известный момент, когда нужно будет, постараемся, во всяком случае, обезвредить. (Рукоплескания). Теперь мы говорим, что мы, рабочие Ярославского уезда и трудящиеся крестьяне, под знаменами Росс. Ком. Партии большевиков, при тех лозунгах, которые на этих знаменах выставлены, при том громадном опыте, который вы, товарищи, имеете на своих плечах в результате 6-летней борьбы и за все 25 лет существования Росс. Ком. Партии, под руководством тех товарищей, которые так долго на своих плечах несли эти в высшей степени хорошие (я не хочу сказать святые, потому что слово „святой“ уже немного истрепано) (рукоплескания, смех) и дорогие для нашего сердца лозунги, выйдем из той разрухи, в которой были и из которой уже выходим. Только вы, товарищи, поможете нам в этой борьбе и в строительстве нашей дорогой республики.

Сегодня мы в высшей степени счастливы, что вы разрешили нам здесь выступить, увидеть вас и тех дорогих наших вождей, с именами которых мы знакомы по газетам и портретам. Мы счастливы, что сегодня мы вместе с вами будем творить то великое дело, от которого дрожат вся буржуазия и вес мировой капитал. (Рукоплескания).

Товарищи, с величайшим чувством особенного благоговения перед Коммунистической партией разрешите мне прочесть тот адрес, который ярославские рабочие и ярославские трудовые крестьяне считают для себя высшим счастьем вам преподнести:

XII Всероссийскому съезду Российской Коммунистической Партии (б.).

Рабочие и крестьяне Ярославского уезда приветствуют XII Всероссийский съезд РКП, собравшийся в историческую годовщину 25-летия своего существования.

Лучшим доказательством правильности курса, взятого РКП на смычку рабочего класса с крестьянством, является присутствие нас, беспартийных рабочих и крестьян, на этом партийном съезде.

В то время, когда международный капитал душит мировое движение рабочего класса, когда еще не успела остыть кровь расстрелянных французскими генералами эссенских рабочих, мы, беспартийные рабочие и крестьяне, горячо приветствуем стремление РКП оказать поддержку германскому пролетариату посылкой хлеба голодающим рурским рабочим и считаем это одним из лучших способов укрепления международной солидарности рабочего класса.

С глубоким огорчением мы отмечаем отсутствие среди делегатов Всероссийского партийного съезда гениального вождя международной революции, незаменимого руководителя РКП, пораженного тяжкой болезнью, Владимира Ильича Ленина.

Но как бы ни была тяжела болезнь Владимира Ильича, мы уверены, что снова увидим его на славном посту вождя мировой революции. От имени пославших нас сюда рабочих и крестьян Ярославского уезда мы требуем самого бережного к нему отношения.

Да здравствует РКП!

Да здравствует тов. Ленин!

Да здравствует международная солидарность рабочего класса!

Рабочие и крестьяне Ярославского уезда.

Товарищи, вот перед вами это знамя, которое представляется искренно, от всего чистого крестьянского и рабочего сердца. Это знамя пускай, красуясь здесь, будет служить залогом нашей преданности Российской Коммунистической Партии, как вождю мировой революции. (Аплодисменты). И мы, товарищи, уверены, что совместно с вами, нога в ногу, когда это потребуется, выйдем на великую мировую битву, и мы глубоко уверены, что победа за вами и за нами. Да здравствует Российская Коммунистическая Партия большевиков! (Аплодисменты). Товарищи, я хотел бы от имени делегации Ярославского уезда беспартийных просить вас осчастливить нас и дальнейшим присутствием на вашем съезде, так как мы, будучи у вас, постараемся разнести те золотые слова, которые сегодня у вас услышим, по всему Ярославскому уезду и заставим этим самым граждан Ярославского уезда понять, насколько Российская Коммунистическая Партия является вождем в той борьбе, которую мы продолжаем вести с буржуазией. Будьте здоровы, товарищи! (Бурные аплодисменты).

Председательствующий. Слово для приветствия имеет представитель беспартийной делегации Юзовского рудника Донбасса имени тов. Буденого, тов. Рябуха.

Рябуха. (Продолжительные аплодисменты). Тт., от имени рабочих Донбасса, Юзовского района, Буденовского рудника, я послан сюда, как делегат, для того, чтобы передать горячий привет съезду и Красное знамя. Тт., мы, рабочие Донбаса, Юзовского района, Буденовского рудника, учитывая трудный момент, переживаемый нашей компартией, и в честь 25-летия, в течение которого вы шли непоколебимо, когда из ваших рядов выбывали самые лучшие работники, шли на каторгу и в тюрьмы и в особенности гибли в гражданской войне, когда вы тоже потеряли немало,—мы передаем вам горячий привет. Тт., это Красное знамя было поднято мозолистыми руками рабочих еще в 1905 году, реакция хотела его вырвать, но рабочий класс взял, спрятал его и сейчас преподносит Всероссийскому XII съезду Ком. Партии. (Аплодисменты).

Тт., рабочим Донбасса после гражданской войны досталось наследство очень печальное, очень скверное. Кроме того, стихийные бедствия и неурожай привели к тому, что рабочие сидели на одной восьмушке хлеба, но они спасли горную промышленность. (Аплодисменты). Мы надеемся, тт., сделать еще больше. Мы уверены,

что после XII съезда наши рабочие с железным кайлом в руках еще больше будут рубить уголь. Мы достигаем сейчас уровня 1914 года, несмотря на то, что ресурсы у нас очень скверные. Но пусть буржуазия всех стран знает, что рабочий класс, рабочие Донбасса в правой руке держат кирку и достают черное золото, а в левой руке — винтовку, и всякое посягательство на дорогую нам свободу может быть только тогда, когда они перейдут через наши трупы. (Аплодисменты).

Я заканчиваю, тт., и надеюсь, что мы после XII съезда еще больше напряжем все силы к тому, чтобы добыть черное золото.

Да здравствует Коммунистическая Партия!

Да здравствует XII Всероссийский съезд, да здравствуют наши вожди тов. Ленин и тов. Зиновьев!

Разрешите зачитать вам грамоту от рабочих Буденовского рудника:

XII съезду Российской Коммунистической Партии.

Мы, 5 тысяч рабочих-горняков Буденовского рудника, Юзовского района, на своем собрании постановили послать на ваш съезд свою делегацию для вручения вам Красного знамени.

Мы отмечаем этим 25 лет вашего существования и борьбы, достойной величайшей награды.

Для нас, беспартийных рабочих-горняков, ваш 25-летний юбилей — большое, радостное событие.

Ваша партия четверть века, во главе с Ильичем, стойко боролась за рабочее дело. Многие из ваших рядов погибли в борьбе, многие сгнили в тюрьмах и ссылках, но знамя не выпадало из ваших рук, и за ним рабочий класс России беззаветно шел к решительным схваткам, под ним он ковал свое оружие и победил.

25 лет существует ваша партия, и 25 лет непоколебимо верим мы ей. Лишь на вашем пути рабочий класс нашел свою победу.

Мы шли за вами и верили вам, как партии рабочих, как кости от кости рабочего класса, как своему детищу. Ваша партия сильна своей пролетарской сущностью, своим рабочим составом. Рабочий состав партии—лучшая гарантия соответствия политики партии интересам пролетариата.

Вступая во вторую четверть века, вы смело можете сказать, что рабочие с вами. Как в тяжелые годы гражданской войны грудью под вашей командой отражали мы натиск врагов, не страшась жертв и лишений, так и теперь мы, беспартийные горняки, заявляем вам нашу полную готовность упорным, тяжелым трудом, не теряя уверенности от отдельных частных неудач, работать над возрождением Донбасса, вместе с вами вытаскивать из тяжелой разрухи нашу промышленность.

Мы сожалеем, что наши делегаты не могут передать нашего горячего братского привета Ильичу.

Он не работает сейчас, и крупнейшие, основные для момента вопросы вы решаете без него.

Мы уверены, что съезд и в этих обстоятельствах с присущими партии ясностью и глубиной правильно решит их.

Работайте и будьте уверены в нашей постоянной и полной поддержке!

Наше знамя мы вручаем вам, как символ нашей неразрывной связи с Коммунистической партией.

Примите его, и пусть это для нас будет порукой единства и бодрости в ваших рядах, порукой вашей неутомимой борьбы за коммунизм.

Да здравствует Коммунистическая партия!

Да здравствует мировая коммуна!

Рабочие-горняки Буденовского рудника
Юзовского района.

7 апреля 1923 года.

Председательствующий. Следующее слово для приветствия имеет представитель рабочих Чулковских государственных рудников имени тов. Калинина, тов. Соболев.

Соболев. Дорогие вожди! От имени Чулковских государственных рудников имени тов. Калинина приветствую XII съезд Коммунистической партии (б.), стойких борцов, освободивших рабочих и крестьян из-под гнета царизма и капитала. Коммунистическая партия за 25-летнюю борьбу не опускала своего знамени, поднятого за освобождение рабочих и крестьян. Мы, рабочие рудников Донбасса, обещаем все, как один человек, под руководством коммунистической партии разрушить всемирный капитал и уничтожить всемирную буржуазию. Мы все, рабочие рудников Донбасса, идем с Коммунистической партией в дальнейшую борьбу за коммунизм. Передайте дорогому вождю, тов. Ильичу, что рабочие рудников Донбасса, поднявшие свои кирки, не опустят их и будут выбрасывать миллионы пудов черного золота для постройки начатого всемирного дворца освобождения трудящихся. (Аплодисменты). Мы уверены, что Коммунистическая партия, как всемирный вождь, достроит начатое тов. Ильичем здание. И мы вместе с Коммунистической партией, не опуская свои кирки, вонзим их в сердце всемирного капитала и буржуазии. Мы уверены, что недалек тот час, когда мы увидим воздвигнутое III Коммунистическим Интернационалом знамя над всей землей. (Аплодисменты). И мы, рабочие Донбасса, то же самое все стремимся в ряды Коммунистической партии. Может-быть, пройдет немного времени, как среди нас не будет ни одного беспартийного. Все будут коммунисты! (Аплодисменты).

Да здравствует международный пролетариат! Да здравствует Коммунистическая партия! Да здравствуют Ильич, Троцкий!

Разрешите прочесть грамоту:

Дорогому вождю пролетариата, XII съезду Коммунистической партии Союза Советских Социалистических Республик.

Мы, рабочие механического и электрического отделов рудника имени тов. Калинина, Юзовского района, Донецкого бассейна, шлем тебе горячий пролетарский привет и самые наилучшие пожелания в твоей работе по восстановлению и укреплению нашего народного хозяйства, которую вы безусловно проделаете, во главе с Центральным Комитетом, сердцем Коммунистической партии и вождем рабочего класса. Мы учитываем проделанную вами работу за годы революции, где вы, как львы, дрались за интересы рабочих и крестьян, а также учитываем вашу борьбу в течение 25 лет, когда вы боролись за освобождение рабочих и крестьян еще небольшими группами, подчас в одиночку, за что вас награждали цари и его опричники виселицей и вечной ссылкой. Мы это все учли и ценим Коммунистическую партию, как действительную защитницу интересов рабочих и крестьян, и в честь нашей пролетарской братской солидарности преподносим Центральному Комитету Коммунистической Партии Союза Советских Социалистических Республик в день юбилея 25-летия партии наше трудовое Красное знамя и великий пролетарский привет дорогому вождю революции В. И. Ленину. Стоя на посту пролетарской революции, как часовые, знайте, что у вас есть подчаски,—это рабочие и крестьяне, которые всегда в нужную минуту, на первый выстрел, будут в полном вашем распоряжении.

Да здравствует XII съезд Коммунистической Партии Союза Советских Социалистических Республик!

Да здравствуют мировые вожди пролетарской революции тт. Ленин и Троцкий!

Да здравствует мировая революция!

Да здравствует штаб мировой революции — III Коммунистический Интернационал!

Рабочие механического и электрического отделов рудника имени тов. Калинина.

Итак, дорогие вожди, здесь (показывает на знамя) рабочие Донбасса дают тот лозунг, под которым они шли и идут. Не будет никакого отступления! Кто помешает этому лозунгу, будет сметен! (Аплодисменты).

Председательствующий. Слово имеет тов. Удалов, от Ярославской текстильной фабрики „Красный Перекоп".

Удалов. Товарищи, делегация Ярославской текстильной фабрики „Красный Перекоп" приветствует XII съезд Российской Коммунистической Партии и, в знак солидарности и единения, преподносит Красное знамя и адрес, который разрешите прочесть:

XII Всероссийскому съезду Российской Коммунистической Партии (б.).

В славную историческую годовщину 25-летия Российской Коммунистической Партии собрался руководитель мирового движения рабочего класса — XII съезд Партии.

Взоры рабочего класса России, взоры трудящихся всего мира обращены сюда, где выковываются стальная мощь и сила пролетариата.

Делегаты съезда! В исторический день открытия съезда мы, представители семи тысяч рабочих фабрики „Красный Перекоп", не можем без волнения не отметить отсутствия среди вас нашего любимого вождя Владимира Ильича Ленина.

Отсутствие его возлагает на вас сугубую ответственность за те решения, которые будут приняты на этом съезде. Но мы, краснoперекоповцы, уверены, что коллективная мысль и воля пролетариата найдут яркое отражение на этом съезде лучших представителей рабочего класса.

Да здравствует XII съезд РКП!

Да здравствует вождь РКП тов. Ленин! (Аплодисменты).

Председательствующий. Слово имеет тов. Кононова.

Кононова. Дорогие товарищи коммунисты! Я с простым сердцем и с открытой душой приветствую вас от Женотдела и от делегаток „Красного Перекопа". От имени работниц передаю вам глубокую благодарность за ваше просвещение. Вы нам дали свет. Мы находились в тюрьме, и тюрьма эта — наши дармоеды-попы, которые нас всю жизнь затемняли.

Дорогие товарищи, просим вас и вперед не оставить нашего просвещения и заглянуть в те уголки, где у нас еще много несознательных женщин. Товарищи мужчины, идите за своими вождями и помогите им просветить женщин, чтобы мы шли вместе нога в ногу и рука-об-руку. Да здравствует наш дорогой вождь Владимир Ильич Ленин! Да здравствует наша дорогая организаторша женщин Клара Цеткин! Да здравствуют тт. Троцкий, Зиновьев и тов. Каменев! (Аплодисменты).

Председательствующий. Последнее приветствие от рабочих фабрики „Заря Социализма" сделает тов. Патов.

Патов. Товарищи, разрешите мне приветствовать вас от 3.000 рабочих фабрики „Заря Социализма". Товарищи, рабочие фабрики выражают свою глубокую солидарность с Российской Коммунистической Партией большевиков и выносят свое пожелание итти нога в ногу с нашим вождем для свержения мирового капитала.

Товарищи, рабочие фабрики в знак солидарности преподносят XII съезду РКП свой скромный подарок — скатерть, выработанную своими мозолистыми руками. Рабочие выносят свое сожаление, что здесь среди делегатов съезда отсутствует наш дорогой вождь Владимир Ильич Ленин, и выносят пожелание скорейшего ему выздоровления.

Да здравствует наш высший орган—XII съезд Российской Коммунистической Партии!

Да здравствуют наши вожди Ленин, Троцкий, Зиновьев и Каменев!

Вечная память борцам, погибшим в эти тяжелые 25 лет борьбы дорогой для всех Коммунистической партии! (Аплодисменты).

Председательствующий. Разрешите, товарищи, скатерть эту переслать Владимиру Ильичу. (Аплодисменты).

Председательствующий. Слово имеет тов. Башмакова.

Башмакова. Товарищи, разрешите теперь приветствовать вас от имени женщин фабрики льняной мануфактуры „Заря Социализма", от имени работниц-текстильщиц, а также от крестьянок Ярославского уезда.

Работницы, товарищи, тоже все время стояли на боевом посту. В то время, когда началась гражданская война, они несли все тяжести этой борьбы, заменяя мужчин у станков, шли в Красную армию сестрами и везде помогали мужчинам. Товарищи, женщины велели выразить вам, представителям Российской Коммунистической Партии, свою глубокую солидарность и привет за ваш героизм, за то, что вы отстояли великие завоевания революции. Работницы шлют привет XII Всероссийскому съезду РКП и 25-летнему юбилею Российской Коммунистической Партии (б.)!

Товарищи, все женщины в один голос велели передать:

Да здравствуют наш мировой вождь тов. Ленин (аплодисменты) и наши стальные вожди тт. Троцкий, Зиновьев и Каменев! (Аплодисменты). Товарищи, да здравствуют наш XII съезд Российской Коммунистической партии и участие в нем женщины! (Аплодисменты).

Председательствующий. Слово имеет тов. Петровский.

Петровский. Дорогие товарищи рабочие и работницы Ярославской губ. и наши черные богатыри всероссийской кочегарки! Съезд вас приветствует и принимает из ваших мозолистых рук те знамена, которые вы преподнесли партии рабочих к ее 25-летнему существованию. (Аплодисменты).

Товарищи рабочие, работницы, крестьяне и крестьянки! Долог был наш путь, пока мы сумели сорганизовать свою партию, которая, как и вы, в гражданской войне то побеждала, то терпела поражения. Когда мы были окружены со всех сторон нашими врагами, только великое трудолюбие, хлеб и картошка ярославского крестьянина спасали революцию. Теперь мы спасли революцию. Черные богатыри, наши донбассовцы, как буденовцы, карьером врезаются в черное золото, и, по их заявлению, эти горы черного золота они накопят для того, чтобы обогатить им все наши Советские Республики. Партия глубоко уверена в напряженной производительности труда рабочего класса и всего крестьянства, которая в недалеком будущем скажется. Передайте, товарищи, всем рабочим и работницам, крестьянам и крестьянкам, что наша партия, неизменно 25 лет служившая рабочим и беднейшим крестьянам, и сейчас остается служить им от начала и до конца, до победы за полный коммунизм. (Аплодисменты). Пусть

ваши заявления, дорогие товарищи, вольют в наши ряды, в нашу партию уверенность, что общими, сомкнутыми рядами партия рабочего класса перейдет вместе с вами Красный Перекоп и завоюет не только Зарю Социализма, но, как сказал один товарищ, добьется своей упорной борьбой того, что и весь мир будет озарен солнцем коммунизма.

Да здравствует единая партия с революционным пролетариатом, работницами и революционными крестьянами! (Аплодисменты).

Председательствующий. Товарищи, вчера мы заслушали ряд приветствий представителей иностранных братских коммунистических партий. Президиум поручил тов. Евдокимову сделать по поводу заслушанных приветствий предложение съезду.

Евдокимов. Товарищи, первое слово XII съезда нащей партии в ответ на те приветствия, которые мы здесь выслушали, должно быть посвящено бесчисленному количеству борцов за наше общее дело, которые брошены сейчас по всему миру в застенки капиталистических тюрем. Международная буржуазия в своем стремлении удержать власть в своих руках, в своем стремлении методами капиталистического рабства восстановить нарушенное хозяйственное равновесие, прибегает к озлобленным репрессиям по отношению к рабочему классу и его представителям везде, где рабочие пробуют хоть одним звуком, одним жестом проявить свой протест против усиливающегося закабаления. Товарищи, нелишне будет нашему съезду, хотя бы на несколько минут, остановиться на тех жертвах, которые международный пролетариат приносит сейчас изо дня в день на алтарь нашего общего дела. В Германии к осени прошлого года, несмотря на ряд амнистий, в тюрьмах сидело еще 5.000 заключенных, обвиняемых в политических преступлениях. Много тысяч лет каторжных работ должны отбыть революционные рабочие по приговорам германских демократических судов. Последнее время отмечено ударами, обрушившимися на германского рабочего не только со стороны своей отечественной буржуазии, но также и со стороны иностранных оккупантов. У всех нас в памяти такие события, как арест тов. Клары Цеткин в Рейнской области, тов. Клейна в Париже, как Эссенская бойня, гонения на коммунистическую печать в Германии, фашистские нападения на наши коммунистические газеты, усиление фашистских организаций, бесстыдное гнусное предательство германских социал-демократов Во Франции арестовано в связи с рурскими событиями 25 активнейших руководителей революционного французского пролетариата, и среди них такие товарищи, как Кашен, Монмуссо, Маран, Массон и др. В Италии свыше 3.000 арестованных рабочих, и среди них имеются виднейшие вожди итальянской коммунистической партии, более 70 выдающихся вождей итальянского рабочего класса, все почти редакторы итальянских коммунистических газет. Эти массовые аресты являются только слабым отражением того, в каком положении находится итальянский рабочий класс. Ни один итальянский рабочий, отправляясь на работу, не уверен в том, что он вечером вернется с работы к своей семье. Ни один из революционных борцов за освобождение итальянского

рабочего класса, ложась спать в постель, не уверен в том, что он утром встанет из этой постели живым.

И здесь, так же, как повсюду, разгул буржуазной ненависти и репрессий, и здесь предательство социал-демократов не имеет никаких границ. Чем наглее буржуазия, тем подлее социал-демократия. Если мы перейдем от Италии к Бельгии, мы также увидим, что в этой стране, свободами которой так кичился господин Вандервельде перед русскими рабочими во время процесса эсеров, сейчас разыгрывается озлобленнейшая кампания, направленная против коммунистов. 17 виднейших товарищей за последнее время брошены в бельгийские тюрьмы. Эти преследования особенно обострились в связи с рурскими событиями. В Англии английское демократическое правительство арестовывает безработных только за то, что эти безработные осмеливаются просить куска хлеба. Поход против союзов, бесчисленные локауты,— вот что представляет сейчас положение рабочих в Англии. В Ирландии 12 членов нашей братской коммунистической партии брошены в тюрьмы за участие в ирландской революционной армии. От господ не отстают и вассалы. Если мы перейдем к наймитам английской и французской бирж, мы там увидим те же преследования. В Испании тысячи рабочих сидят в тюрьмах. Совсем недавно вновь арестовано 300 человек. Около 150 товарищей уже приговорены ко многим годам каторги. 20 товарищей обвиняются в связи с убийством Като. В Чехо-Словакии чехо-словацкая буржуазия, испробовавшая все меры насилия и репрессий, наконец, додумалась до издания специального закона против коммунистов, а чехо-словацкие социал-демократы в своем усердном служении чехо-словацкой буржуазии с отменным успехом защищали этот законопроект в законодательных учреждениях Чехо-Словакии. В Венгрии, по официальным данным самого правительства Хорти, за время его владычествования 70 тыс. заключено в тюрьмы, около 10 тыс. казнены, 25 тыс. эмигрантов. Это число жертв близко к числу жертв Парижской Коммуны. Юго-Славия, Греция, Литва, Латвия, Эстония,—возьмите любую из этих стран,—повсюду и везде вы увидите массовые репрессии, направленные против революционных рабочих. Наблюдая эту картину, мы можем повторить по отношению к нашим братским коммунистическим партиям слова Маркса, посвященные им членам I Интернационала, участникам Парижской Коммуны: „Где бы ни проявлялась классовая борьба, какие бы формы она ни принимала, в каких бы условиях она ни происходила, каково бы ни было ее содержание, повсюду, само собою разумеется, на первом месте члены нашего международного товарищества рабочих“. И, отмечая эти усиленные преследования, направленные против коммунистических партий и против революционных рабочих во всем мире, мы, XII съезд Российской Коммунистической партии, на-ряду со словами приветствия и товарищеского ободрения томящимся в тюрьмах товарищам, должны обратиться с призывом как к нашим братским коммунистическим партиям, так и ко всему международному рабочему классу, с товарищеским призывом укреплять международный единый

рабочий фронт, сплачивая теснее свои ряды вокруг III Коммунистического Интернационала. Мы имеем право, — и зарубежные наши товарищи признают его за нами, — обращаться с такими призывами. Мы должны указать западно-европейским рабочим и рабочим всего мира, что если есть где-нибудь путь избавления от тех репрессий, которым подвергается сейчас рабочий класс, если есть где-нибудь путь для улучшения того кабального положения, в котором находится сейчас международный рабочий класс,—так это путь, на который русский рабочий класс стал в октябре 1917 г. Мы знаем, как тяжел этот путь; мы знаем, какие лишения, страдания, какие кровавые жертвы приходится нести рабочему классу в тяжелую гражданскую войну. Но мы знаем также и другое, — что этот путь все-таки дешевле, чем те пути, по которым намереваются вести международный рабочий класс вожди 2 и $2^1/_2$ Интернационалов. Этот путь приведет через лишения и кровавые жертвы все-таки к освобождению рабочего класса. Призывая международный рабочий класс на путь гражданской войны, я думаю, что выражу единодушное мнение нашего съезда, если скажу всем товарищам, которые здесь выступали от имени съезда: „товарищи, делайте все, что в ваших силах, чтобы объединить под руководством коммунистических партий рабочих и крестьянскую бедноту во всем мире. Делайте все, чтобы укрепить единый пролетарский фронт, чтобы подготовить последний штурм на международный капитал. А мы, со своей стороны, сделаем все, чтобы помочь III Интернационалу в должный момент, в должном месте нанести решительный удар по твердыням мирового капитализма.

Товарищи, из того бесчисленного списка товарищей, которые подверглись репрессиям со стороны правительств разных стран, мы предлагаем следующих избрать почетными членами нашего съезда: от Германии—К. Цеткин и Гелейн; от Франции—Кашен, Монмуссо, Трен, Маран, Массон, Лемар, Жакоб, Ляпорт, Пери и Фежи; от Италии—Бордига, Серрати, Ладзари, Греко, Леонетти и Полано; от Америки—Фостер и Рутенберг; от Бельгии—Ван-Оверстратен и Жакмот. (Рукоплескания.)

Председательствующий. Позвольте товарищей, которых предложил тов. Евдокимов, выбрать почетными членами нашего съезда и считать их избранными единогласно. (Рукоплескания).

Тт., теперь мы переходим к прениям по заслушанным докладам ЦК. Слово имеет тов. Косиор Владимир.

Косиор (Вл.). Товарищи, в своем обстоятельном докладе по организационной политике Центрального К-та т. Сталин, к сожалению, на мой взгляд, почти не коснулся некоторых больных вопросов внутри нашей партии. Я не буду говорить уже о докладе т. Зиновьева, который эти вопросы обошел, то ли потому, что доклад его был политическим докладом, то ли потому, что он не считает нужным вообще ставить эти вопросы.

Я позволю себе на одном из таких вопросов остановить внимание партийного съезда. Я имею в виду вопрос об единстве нашей партии.

Я считаю, что партийный съезд в праве заинтересоваться вопросом о том, есть ли у нас внутри партии и в наших руководящих партийных органах все необходимые условия для того, чтобы единство партии было на деле проведено. Мне кажется, товарищи, что таких условий внутри нашей партии в данный момент нет, или они имеются не в той степени, в которой это необходимо, чтобы партия действительно на деле сохранила свое единство.

Основной вопрос, по моему мнению, заключается в том, что руководящая группа Центрального Комитета в своей организационной политике в значительной степени проводит групповую политику,—политику, которая, по моему мнению, сплошь и рядом не совпадает с интересами партии. Эта, товарищи, политика в первую голову проявляется в той организационной форме, в которой у нас происходят подбор и использование ответственных работников для советской и партийной работы. Десятки наших товарищей стоят вне партийной и советской работы. Эти товарищи стоят вне этой работы не потому, что они худые организаторы, не потому, что они плохие коммунисты, но исключительно потому, что в различное время и по различным поводам они участвовали в тех или иных группировках, что они принимали участие в дискуссиях против официальной линии, которая проводилась Центральным Комитетом. Товарищи, если бы партийный съезд захотел, он мог бы выделить достаточно объективную, достаточно авторитетную комиссию, которая могла бы проделать следующую работу: у целого ряда наших товарищей она персонально попросила бы сделать отчет, что́ ими в течение года сделано для партии. И эта же комиссия могла бы дать достаточно объективную оценку каждому из этих товарищей на предмет того, что́ могли бы они при других условиях сделать для партии.

Товарищи, эта организационная линия, на мой взгляд, порождает внутри партии совершенно ненужное недовольство, она создает атмосферу и почву для известных группировок, для мелочной групповой борьбы, которая не в интересах нашей партии. Эта до известной степени групповая политика, по моему мнению, проводится также у нас при подборе руководящих органов нашей партии. Я должен констатировать, что тем товарищам, которые почему-либо принимали участие в тех или иных группировках, почти закрыта дорога в эти руководящие органы: иногда, как сквозь игольное ушко, то там, то здесь проскочит тот или другой из оппозиции, но в общем и целом руководящие органы у нас подбираются таким образом, что туда попадают товарищи, которые связаны в прошлом или настоящем с руководящей группой Центрального Комитета.

Я приведу хотя бы такие примеры: вы знаете о том, что после XI партсъезда почти все руководители партийной организации Урала, целый ряд руководителей парторганизаций Питера были сняты и переброшены в другие места. Я утверждаю, что они были переброшены вовсе не потому, что не были достаточно дисциплинированными членами партии, что они не были достаточно выдержанными комму-

нистами, а по соображениям другого характера. (Шум, голоса: „Давайте имена!“.) Вы прекрасно знаете эти имена, и если их не знают, то пусть справятся в Учраспреде нашего ЦК. Тт., внутри партии у нас создалась обстановка, при которой всякая практическая, организационная критика весьма и весьма затрудняется. Достаточно выступить с критикой СНК, с предложением по тем или иным узко-организационным вопросам, как сейчас же целый ряд руководителей нашей партии ищет за этими практическими предложениями принципиальных разногласий, ищет эти принципиальные разногласия там, где их совершенно нет. Достаточно проследить, как велась дискуссия перед партсъездом, чтобы в этом убедиться. Ведь, т. Зиновьев написал целую статью в двух подвалах. Эта статья была написана для того, чтобы предупредить партию от появившегося, будто бы, нового течения, которое, видите ли, состоит в том, что кто-то хочет отделить совершенно партию от Советов. Я надеюсь, что мы не будем видеть этого течения на съезде. Спрашивается: по какому же поводу шум и порох? Зачем писать на двух страницах длинную статью? Если бы были действительные разногласия, тогда другое дело, но нет надобности отдельные практические предложения возводить в принципиальные разногласия и создавать групповую атмосферу, которая совсем не в интересах нашей партии.

Я хочу остановиться на внутреннем положении партии,—на том, насколько мы успели в смысле поднятия активности и самодеятельности нашей партии. Это первый съезд, когда среди нас нет всеми признанного и уважаемого вождя тов. Ленина. Долго или коротко, но тов. Ленин будет отсутствовать, и, во всяком случае, перед партией стоит задача выработать в себе те внутренние силы, которые должны нам до известной степени возместить гениальный ум и гениальный опыт тов. Ленина. Я целиком присоединяюсь к мнению тов. Зиновьева, что это можно сделать только путем коллективного опыта партии. Но можно ли при настоящих условиях выработать коллективный опыт, есть ли для этого подходящие условия? Я утверждаю, что их нет.

У нас, тт., есть резолюция, принятая на X партийном съезде, которою вменяется в обязанность ЦК следить за тем, чтобы внутри партии не было никаких группировок. Вот эта резолюция, которая была принята и продиктована исключительно обстоятельствами X съезда партии,—а эти обстоятельства вам в достаточной степени известны: Кронштадт, наличность внутреннего кризиса партии,—эта резолюция, тт., сейчас превратилась чуть ли не в систему управления нашей партии. Я понимаю, что рабочий класс в нашей стране при исключительных условиях должен применять исключительные меры по отношению к другим классам в борьбе за свою диктатуру. Но я не понимаю, зачем сейчас, когда мы находимся в условиях мирного строительства, когда сам т. Зиновьев свидетельствует, что в партии всякого рода группировки отмирают,—зачем нам сейчас этот исключительный закон? А вместе с тем, тт., ведь, это исключительный закон. (Смех, шум.)

Я не предлагаю вам его отменять. (Голоса: „Чего же вы хо-

тите?“). Этот исключительный закон возведен в систему управления нашей партии. Тов. Зиновьев говорит о коллективном мнении партии. Но, тт., как возможно коллективное мнение в партии? Коллективное мнение в партии не может вырабатываться индивидуально. Коллективное мнение должно вырабатываться в организационных формах. У нас нет ни клубов, ни других организаций, где бы члены партии могли обмениваться мнениями, где бы они могли вырабатывать этот коллективный опыт. (Шум). Активность партии нам нужна для того, чтобы на деле бороться с настоящими недостатками и настоящими уклонами организационного характера внутри нашей партии.

Партия, которая взяла власть, которая строит хозяйство, совершает колоссальное дело, она не может не делать ошибок. Только самодеятельность партии в целом может эти ошибки предупреждать. Нам нужны самодеятельность партии и активность еще и для того, чтобы предупреждать условия внутреннего разложения, которые, несомненно, имеются на почве НЭП'а внутри нашей партии, и которым поддаются отдельные члены партии. Только активностью и самодеятельностью, развитием общественной жизни внутри нашей партии мы, конечно, сможем с этим недугом бороться.

Если эта резолюция будет истолковываться так, что всякое коллективное мнение 3—6 членов партии возводится во фракцию и подвергается этому самому закону, вполне понятно, что никакой активности, никакого коллективного опыта мы развить не сможем. Я задаю себе часто вопрос: каким образом я, член партии, имею возможность бороться с теми десятками недочетов, которые я вижу в хозяйственной и другой жизни? Писать в газетах? Но в газетах пишут много о недостатках, и товарищи, от которых зависит устранить их, вряд ли каждый день читают эти газеты. Вокруг недочетов должно быть сосредоточено общественное мнение партии, а поэтому, я повторяю, не нужно возводить этой резолюции в систему управления, при которой всякая общественная жизнь внутри партии, если она не укладывается в рамки официальных органов партии, в рамки ячеек, районных или городских комитетов, по существу дела становится невозможной. Мне кажется, что настоящее единство и предохранение партии от личных трений и влияний, о которых пишет тов. Ленин в своей первой статье, возможны будут только тогда, когда мы изменим систему и способ подбора руководящих органов нашей партии...

Я не предлагаю партийному съезду пускаться в поиски нового состава ЦК. Для этого нет ни сил, ни возможности. Но если партсъезд не создаст настоящий барьер, который был бы достаточно самостоятельным, чтобы противостоять всякого рода личным влияниям, я уверен, это не будет в интересах единства партии. Только при таких условиях мы сумеем сохранять действительное единство партии.

Председательствующий. Слово имеет тов. Бумажный.

Бумажный. Товарищи, я думаю, что прения по докладу ЦК следовало начать со статей тов. Ленина, потому что тов. Ленин сделал и для XII съезда почти столько же, сколько он сделал для предыдущих

съездов в смысле его подготовки. Я бы даже сказал больше: не только в смысле подготовки, но и в смысле предопределения его решений, ибо в тех условиях, в каких находится и находился В. И. за последнее время, его статьи действительно являются политическим отчетом и намечают очередные задачи, стоящие перед партией, перед Советской властью, перед Коммунистическим Интернационалом. В самом деле, товарищи, если мы возьмем выступления тов. Ленина на конгрессе Коминтерна и на пленуме Московского Совета осенью прошлого года и сопоставим эти выступления, прочитаем внимательно то, что он там говорил о недостатках, существующих в нашем аппарате, и о том, что он только сверху покрашен, что у него холостой ход и т. д., если мы вспомним его выступление на XI съезде партии и до этого (возьмите хотя бы его речь на съезде Политпросветов в середине 1921 г.), мы увидим, как звено за звеном, непрерывной цепью следуют идеи и мысли В. И., в первую очередь о задачах партии. Никто другой в нашей партии не может так брать быка за рога, как это делает Владимир Ильич.

Если взять его первую статью, „Как реорганизовать Рабкрин“, то и здесь говорится больше всего о партии, о работе ЦК и о том, что эта работа немного поскрипывает, что в условиях НЭП'а ЦК, а вместе с ним и партия в целом может кое-что проглядеть, если в работу ЦК не будут внесены те или иные коррективы. Между рабочим и крестьянином вклинится нэпман; получатся раскол между союзом рабочих и крестьян, разрыв между классами. Я думаю, что те, кто не является новичком в партии, великолепно поймут Ильича и его мысли. Если некоторые товарищи считали первую статью В. И. чем-то в роде разорвавшейся бомбы, то вторая статья помогла им понять то, о чем он говорил в первой. Товарищи, я лично знаю, что еще в середине 1921 г. Владимир Ильич всячески подходил к тому, чтобы вскрыть язвы, имеющиеся в нашем аппарате. Здесь, вероятно, присутствует т. Коростелев, который был председателем специальной комиссии СТО, комиссии содействия московским фабрикам и заводам.

Эта комиссия имела задачей связаться с 5—6 заводами и фабриками Москвы, побывать в фабричных стенах, цехах, поговорить с рабочими, с завкомами, с ячейками содействия РКИ. Тов. Коростелев был тогда членом Коллегии РКИ, выдвинутым с мест. Последняя его работа была на транспорте в Оренбурге, и мне приходилось часто говорить с ним, так как, работая в ВЦСПС, мне приходилось согласовывать с ним вопрос об ячейках содействия РКИ. Он мог бы много интересного рассказать относительно того, как преломляются в жизни наши декреты, и как они искажаются. Помимо этого, тов. Смольянинов, секретарь СТО, имел гонку от Владимира Ильича по фабрикам и заводам. Это была попытка посмотреть, как в жизни проводятся постановления Совнаркома и СТО. Мы знаем, что относительно контрольных комиссий и расширения их прав предложение тоже не случайно. Откройте протокол XI съезда партии и прочтите речь тов. Ленина. Он тогда был за расширение прав КК, когда раздавались голоса о том,

что КК должны быть упразднены. Это предложение делал тогда тов. Мышкин,—не знаю, присутствует ли он сейчас, или нет. (Голоса: „Присутствует"). Он собрал 89 голосов. Я уверен, что сейчас он откажется от этого, ибо что представляет нынешнее положение КК, и что они должны представлять по мнению тов. Ленина? Сейчас это в значительной степени учреждения жалоб, которые поступают в местные контрольные комиссии, а Центральная Контрольная Комиссия является в большой мере апелляционной инстанцией. Проявляют ли инициативу сами члены Контрольных Комиссий на местах? Если бы они продолжали так существовать, как до XI съезда, то, пожалуй, существование их не имело бы смысла. Сейчас наша задача заключается в том, чтобы коренным образом реорганизовать работу контрольных комиссий, чтобы инициатива шла сверху, чтобы члены ЦКК выполняли то, о чем говорит тов. Троцкий в последней статье „Кончик большого вопроса", чтобы они ловили бюрократов, разумеется, не превращаясь в советских Хлестаковых. Я думаю, что тов. Красин больше всего боится именно этого. Но представим себе, если член ЦКК придет в качестве просителя в советское учреждение или в Наркомат или попытается проявить инициативу в проведении того или другого вопроса в советском, профессиональном, кооперативном или партийном порядке и посмотрит, где пробка, где волокита, как скоро проходят вопросы, серьезно или с-кондачка они решаются, и пр. Это лучший способ для поимки сотни бюрократов, о которых говорит тов. Троцкий. Товарищи, мы знаем, что не кто иной, как Владимир Ильич, является лучшим цекакистом. На XI съезде он сообщил случай, который очень рассмешил всех, но который сразу показал всю волокиту и рутину, существующие в наших органах. Взять в пример хотя знаменитые консервы, которые покупало, с разрешения Наркомвнешторга, МПО, а т. Каменев и т. Красин долго согласовывали эту покупку.

Тов. Ленин завел даже специальное дело через тов. Горбунова. Интересно получить справку, чем это дело кончилось, поскольку о нем говорили на XI съезде.

Но, товарищи, если ЦКК, каждый член ее, а не только в исключительных случаях товарищ Ленин или другие товарищи, работающие в ЦК, разберет хотя бы один случай в месяц, это будет на первое время очень хорошо. Тут плана, системы, циркулярных проектов не может быть заранее, но если каждый из них постарается вникнуть, изучить хотя бы один случай, то тут мы сразу подойдем ко всему аппарату в целом. В чем вся беда наша? В том, что у нас мало сил, или, как выражается всегда тов. Ленин, „культура ни к чорту не годится", отсталость, неграмотность. А когда налицо неграмотность, нельзя бороться со взяточничеством. Когда существует взяточничество, нельзя говорить о политике, выражаясь словами Владимира Ильича.

Нельзя говорить о политике там, где существует взятка (см. речь на съезде Политпросветов осенью 21 г.).

Товарищ Красин предлагает перестроить аппарат. Он предлагает метод американской техники. Метод очень хороший, самое последнее

слово, т.-е. построить такой аппарат, чтобы в нем составные части не скрипели, чтобы коленчатый вал, как он говорит, сам показывал крен. Но тов. Красин—очень хороший специалист, очень хороший организатор. Если бы у нас таких организаторов, как тов. Красин, было хотя бы 2—3 сотни, тогда, может-быть, не нужно было бы частично или целиком РКИ, а может-быть, и контрольных комиссий. Однако, вся беда наша в том, что у нас этого нет, что мы не можем прямо, сразу приступить к этому, а, как учил нас Владимир Ильич, должны итти зигзагами, не прямым путем и, пользуясь разными путями, подойти к разрешению столь серьезного вопроса, как реорганизация нашего госаппарата. Я хочу остановиться на вопросе о внутреннем состоянии, о чем говорил т. Косиор, с которым я несогласен. Я, тт. Косиор и Андреев во время дискуссии были ярыми цектранистами, и скажу, что считаю неосновательными такие выступления, беспочвенные, носящие в себе только лишь элемент раздражения или личной неуравновешенности. Я не знаю, товарищи, может-быть, тов. Бухарин, может, Дзержинский, Сокольников, не говоря уже о нас, рядовых, может-быть, они будут выступать и скажут,—они во время дискуссии о профсоюзах тоже были цектранистами,—да и сам товарищ Троцкий, может-быть, скажет нам, прав ли т. Косиор. Под теми документами, которые были в свое время разосланы Центральным Комитетом, мы видели подписи всех членов ЦК о полном единстве в нашей партии. Какое же еще единство нужно больше, чем подтвержденное товарищами, которые в момент дискуссии, как говорит Косиор, расходились на девятку и десятку? Мы эту историю помним. Далее, товарищи, я хотел сказать вот о чем. Я считаю, что делегатам нужно, вне всякого сомнения, в организационной секции практически разработать вопрос о задачах ЦКК и Рабкрина. Те материалы, которые нам представляются, недостаточны, они общи, они повторяют статьи тов. Ленина, но они их не развивают практически. Это дело организационной секции. Там мы проработаем, внесем практические предложения, как лучше осуществить предложения тов. Ленина и в смысле связи с низовыми ячейками, и в смысле устройства всяческих вечеров „вопросов и ответов", и в смысле освещения в печати работы членов ЦКК и т. д. Но съезду нужно, помимо этого, выпустить специальное обращение,—политически это имеет огромное значение для беспартийных рабочих и крестьян,—мотивируя всю важность и своевременность предложения тов. Ленина, которое, вне всякого сомнения, будет единодушно принято. Или это нужно сделать в советском порядке, через ближайшую сессию ВЦИК вместе с наркоматом РКИ.

Нужно прямо указать, что мы знаем, что наш аппарат ни к чорту не годится, что мы знаем, что наши законы очень хороши, но слабо претворяются в жизнь, с указанием причины, почему они не выполняются на все 100% или даже на половину, и что к устранению этого зла мы сейчас и подходим вплотную.

Товарищи, я хотел сказать о правах членов ЦКК. Я думаю, что эти члены ЦКК должны быть не только ревизорами и инспекторами,

но они должны иметь возможность сразу разрешать те жалобы, которые к ним поступают. А мы видим, что жалобы за последнее время в контрольную комиссию поступают часто от беспартийных. Что беспартийные симпатизируют нашей партии,—мы это видим на примере только-что выступавших здесь беспартийных товарищей. Мы это видим и у нас, и не только в торжественных случаях. Я взял справку от нашей губернской контрольной комиссии. На 100 обращений 40 или даже выше процентов падает на беспартийных. В низах такие явления очень часты, там беспартийные смотрят так на коммуниста, что он должен быть кристаллически-чистым.

Товарищи, мне думается, что тов. Красин и тов. Осинский, которые хвалят Владимира Ильича, особенно тов. Красин в своей статье, и тов. Осинский, который делает, так-сказать, историческую справку и цитату с прошлого съезда,—оба они не свели концы с концами. Оба они отвергают его предложение о РКИ, отвергают его предложение о ЦКК. Спрашивается, товарищи, что же нужно позаимствовать у тт. Осинского и Красина; пусть они выйдут и скажут, ибо в статьях тов. Красин обещался специально указать, каков должен быть контроль. Тов. В. Смирнов тоже ничего практического не предлагает,—кажется, разница между ними невелика. Мне кажется, товарищи, что нашим руководителям учреждений необходимо практически помочь проведению реформы РКИ. Нечего бояться нашим партийным хозяйственникам и партийным руководителям похода партийцев. Такого деления на хозяйственников, литературных работников, газетчиков партия не может допускать. Это есть извращение понимания революционного марксизма и традиций нашей партии. Мы должны, товарищи, попросить и потребовать, чтобы нам практическими указаниями помогли более опытные товарищи. А если партия хочет притти в помощь хозяйственнику против нэпмановских влияний, и в виде такого противоядия т. Ленин предлагает в интересах не только советской работы, но и партии реорганизовать ЦКК и РКИ, то нужно это единодушно принять и возможно лучше практически разрешить, как это надо сделать.

Председательствующий. Слово имеет тов. Урываев. Следующий тов. Ларин.

Урываев. Товарищи, я полагаю, что XII партийному съезду из заслушанного доклада нашего ЦК в первую очередь необходимо было сделать основной вывод о том, как за истекший год проходила общая наша политическая линия. И я полагаю, что для более правильного вывода об этом нам необходимо сейчас, поскольку в нашей памяти еще свеж этот отчет ЦК, сравнить его с настроением на местах, откуда вы явились сюда. И на основе этого я полагаю, товарищи, мы совершенно правильно и бесспорно можем сказать свое веское слово.

Когда я слушал доклад нашего ЦК, то в моей памяти за целый год встали отдельные этапы работы, проделанной нашими советскими и партийными аппаратами под руководством ЦК нашей партии. Я должен отметить маленькие штрихи, которые могут быть в высшей степени характерны. Они отмечались сплошной рабоче-крестьянской

массой, которая, товарищи, идет за нами, и отдельными прослойками в среде населения, когда шел вопрос, как выдержать основную политическую линию руководящего органа коммунистической партии.

И в частных обширных беседах с этим рабоче-крестьянским элементом, окружающим партию, можно было, товарищи, слышать одно: да, основная линия, на которой сходится в настоящее время все мышление,—мышление всех элементов страны, совершенно правильная линия партии. Далее мы подходим к нашему 25-летнему юбилею партии. Только-что здесь мы видели представителей всего 4 делегаций рабочих, а их по Республике, товарищи, проходила не одна сотня. Это о чем говорит? Это говорит за то, что последний год работы естественно и точно доказал, что основная политическая линия нашей коммунистической партии, руководимой Центральным Комитетом, не вызывает никакого сомнения, что эта основная линия правильна. И я думаю, что если мы сделаем такой вывод,—а я полагаю, что этот вывод совершенно неоспорим,—тогда, мне кажется, нужно было бы здесь сейчас же логически последовательно сделать некоторое сопоставление с тем выступлением, которое мы имели сейчас со стороны т. Косиора. Товарищи, единство партии,—да, это действительно все, и тем более в настоящий момент. И если тов. Косиор или последующие товарищи, которые работают здесь в центральных учреждениях (быть-может, они знают более того, чем знаем мы, работники непосредственно на местах), на настоящем этом съезде называют факты, то мы, товарищи, должны заявить: если бы не было в партии этого единства, если бы не было этой спайки, мы на XII съезд нашей партии не пришли бы с теми результатами, которые мы имеем в настоящий момент. (Голоса: „Правильно!". Аплодисменты).

Товарищи, нельзя совершенно закрывать глаза на обстоятельство следующего порядка, в котором нет сомнения, что мы, как партия в целом, как спаянный организм, выдержали основное наступление в связи с развивающимся НЭП'ом за последний год. Из этого, конечно, нельзя еще делать того вывода, что мы уже настолько закрепили свои основные позиции, что здесь можно было бы поставить вопрос, принципиальный вопрос, и резкий вопрос относительно (как это некоторые товарищи начинают очень эластично выражаться) маленького отталкивания партии от общего управления нашим государственным аппаратом. Товарищи, я считаю, что XII съезд нашей партии,—а у меня это мнение сложилось не сейчас, товарищи, у меня это мнение сложилось, как у хозяйственного работника, в процессе работы года НЭП'а,—что наша партия, как таковая, в настоящий момент в этом отношении еще крепче должна взять в свои руки общее руководство государственным аппаратом. (Голоса: „Правильно!" Аплодисменты). Если мы будем логически подходить к анализу прошедшего годового периода, то мы должны твердо и определенно сказать: условия НЭП'а нанесли нам по известной части выдвинутого нами вперед хозяйственного авангарда кое-какие раны и занозы. Для того, чтобы эти раны лечить, для того, чтобы не оставлять совершенно незащищенной

одной части нашего партийного организма, мы должны сказать, что здесь должна быть самая тесная, неразрывная связь.

Товарищи, теперь несколько слов относительно внутрипартийной обстановки. Я уже сказал и полагаю, что это нам нужно так или иначе отметить, и что, по моему мнению, было очень к месту и очень кстати отмечено тов. Зиновьевым во вступлении к его докладу,—это о том, что перед нами в настоящее время более тяжелая перспектива, что тот, кто намечал нам общую линию год назад, к великому нашему сожалению, теперь временно не с нами, и это дает, с одной стороны, кое-какую надежду тем, кто пять лет думает, а как бы, между прочим, пошатнуть этот железный скелет. Наш съезд, вне всякого сомнения, знает, что этот железный скелет не пошатнется, но мы должны сугубо осторожно посмотреть и заявить, что это обстоятельство накладывает на нас в 10 раз сугубейшую ответственность за разрешение всех положительных вопросов государственного порядка. Это одно должно еще теснее спаять весь наш партийный организм. Если мы примем такие положительные решения на XII съезде, то мы можем совершенно спокойно заявить, что наша партийная работа выйдет отсюда окрепшей, пойдет в дальнейшем по намеченной дороге и приведет нас к тем окончательным результатам и успехам, которые мы ставим в настоящее время перед собой, и на которые надеются самые широкие рабоче-крестьянские массы. (Аплодисменты).

Председательствующий. Слово имеет тов. Ларин.

Ларин. Мы с вами, товарищи, ребята стрелянные: сами мы умеем говорить слова страшные и не боимся слов страшных, когда их нам говорят, тем более что хорошо помним пословицу: „он страшен на словах, посмотрим-ка на деле". И вот раньше всего в вопросе, который поднят и широко развернут тов. Зиновьевым, в вопросе о взаимоотношениях между рабочим и крестьянином, о котором подробно мы будем говорить в другом пункте порядка дня, об обложении деревни, я хочу дать указания только по одному пункту,—это о засилии меньшевизма в нашей партии. Вы знаете, что вопрос об обложении деревни был поставлен мною несколько месяцев назад в газетах таким образом, что я предложил усилить на 20% обложение деревни путем усиления обложения верхушки. Из-за этого загорелся сырбор. Было объявлено, что это есть проявление меньшевизма, грозящее разрывом союза между рабочими и крестьянами. Началась дискуссия, она продолжалась пару месяцев,—и что же теперь произошло?

Вы должны знать, что все обложение крестьян натурой, деньгами, государственными и местными налогами, по докладу НКФина на совещании Уполнаркомфинов, которое было на-днях, 13 апреля, составляет теперь в год сумму около 400.000.000 рублей зол. Доклад опубликован во всех газетах, и я предполагаю, что вы его знаете. Сюда входят и все косвенные налоги, акцизы, таможенные и другие. Если вы их вычтете, то для прямого денежного и натурального обложения вместе остается менее 350 миллионов рублей. Эту величину, следовательно, я и предлагал увеличить на 20%, за счет верхушки для по-

мощи промышленности и низам самой деревни. Была развернута широкая кампания по всей России о том, что это страшнейший меньшевизм.

После того, как в дискуссии, которая развивалась, конечно, главным образом, не на страницах печати, скрещены были все шпаги, последовал практический вывод: Политбюро ЦК нашей партии дало указание относительно размера налога с крестьян на предстоящий год. Вы ожидаете, вероятно, после этой дискуссии, что оно уменьшило этот налог? Я говорил, что нужно прибавить 20%, а Политбюро, доверяя, очевидно, моим экономическим талантам и знаниям или не знаю уж каким другим качествам, установило налог с крестьян, прямое обложение, на будущий год в размере 420 миллионов, т.-е. прибавило ровно те самые 20%, о прибавке которых я говорил, выступая в газетах. Это маленькое обстоятельство совершенно оригинальным светом освещает вам выступление тов. Зиновьева о меньшевизме в нашей партии. Из него следует или тот вывод, что главный штаб меньшевизма—это Политбюро ЦК РКП, или же из него следует нечто другое, а именно некоторая забывчивость т. Зиновьева о том, что он решает в Политбюро,—забывчивость в тот момент, когда он приходит сюда на съезд, чтобы выступить против меня с целью ослабить впечатление моих выступлений и речей и разыграть некоторого рода такую картину: мы чрезвычайно хорошо относимся к крестьянам, а вот есть скверный т. Ларин, который разрушает союз рабочих и крестьян, и мы, конечно, боремся против него на пространстве всей Российской республики от Харькова до Москвы включительно. Я ничего не имею против того, чтобы в интересах общего дела было так устроено, я ничего не имею против того, чтобы в интересах инсценирования надлежащих отношений был избран т. Ларин, как 2 года назад был избран т. Троцкий для взваливания на него одного ответственности за военные методы. Но тогда партийному съезду надо было объяснить, в чем дело, а не прятаться и здесь за атаки против меня.

Следовательно, первое, что я в этой моей речи делаю,—это защищаю ЦК нашей партии от того обвинения, которое выставил против него т. Зиновьев, ибо т. Зиновьев выставил против него то обвинение,—таков логический вывод из этих замечаний,—что ЦК в разрез с существующим экономическим положением страны, будто бы, так относится к крестьянскому обложению, что это тяжело отразилось бы на нашей промышленности и на возможности вырвать из рук верхушки крестьянства ту низшую половину деревни, которая сейчас закабалена более зажиточными элементами, и притти к которой на помощь мы можем, только достав для этого средства из добавочного обложения верхушки. Что в данном случае дело обстоит именно таким образом,—видно из резолюции, принятой на Всероссийском съезде Советов 3 месяца назад. Как известно, такие резолюции принимаются по предложению партии, а следовательно, с санкции Центрального Комитета.

Вот первый пункт резолюции съезда о финансовой политике:

„Основной задачей политики Советской власти (подчеркиваю: основной) является такое перераспределение ресурсов между сельским хозяйством и промышленностью, торговлей и транспортом, которое в наибольшей степени способствует развитию производительных сил всего народного хозяйства. Такое перераспределение совершенно необходимо не только для индустрии, но и для земледелия, которое без восстановления транспорта, портов, элеваторов, производства искусственных удобрений, сельскохозяйственного машиностроения и всех связанных с ними отраслей промышленности не может с выгодой реализовать на внутреннем и внешнем рынках свою возрастающую продукцию“.

Вы видите, таким образом, что это знаменитое перераспределение средств из деревни в город является не только личным моим достоянием, — оно является партийной позицией, проведенной 3 месяца назад на Всероссийском съезде Советов. Стало-быть, тем, кто выступает против него, не мешает помнить хотя бы такие правила, которые были опубликованы мною незадолго до съезда в приложении к „Правде“, где я написал статью „История РКП“, и там сказано: „РКП никогда не ошибается, РКП всегда права, РКП всегда предвидит правильно ход событий, РКП обладает в максимальной мере талантом, умом и характером. В промежутке между партийными съездами этими качествами обладает ЦК РКП, а в промежутках между заседаниями пленума они принадлежат Политбюро ЦК“. (Смех). А так как резолюция Всероссийского съезда Советов была принята в декабре 1922 г., понятно, не без участия ЦК, то, следовательно, я как-раз и являюсь защитником партийной линии, которая до сих пор никем не отменена, и которой ЦК, как вы видели, следует и в действительности в налоговой практике, так что выступление тов. Зиновьева можно назвать попыткой с негодными средствами создать видимость принципиальных разногласий, предпринимаемую, прибавлю я, затем, чтобы за этим скрыть, замолчать наличность действительных правых опасностей, в силу неправильного понимания методов борьбы с ними.

Когда тов. Зиновьев говорил о деятельности ЦК нашей партии, он совершенно не осветил одной стороны этой деятельности, — стороны очень важной, интересной, и притом положительной, — это борьба Политбюро ЦК и самого ЦК против различного рода правых предложений очень серьезного характера. То, что Политбюро и ЦК эту борьбу вели, — это очень хорошо. То, что тов. Зиновьев об этой стороне деятельности в политическом отчете ЦК не говорил, — это очень плохо. Но будем думать, что он этого не говорил из простой скромности, потому что неловко, ведь, человеку самого себя хвалить. Поэтому это упущение тов. Зиновьева я постараюсь поправить. (Смех).

За последние месяцы перед съездом Политбюро отклонило, — и достойно за это всяческой похвалы, — между прочим, следующие предложения. Предложение тов. Каменева о том, чтобы было разрешено продавать за долги государственные предприятия, фабрики, заводы, горные промыслы. Это предложение фактически открывало дорогу

для самой хаотической денационализации государственной промышленности в порядке продажи. Во-вторых, оно отклонило предложение о пересмотре взаимоотношений между хозяйственными органами и профсоюзами, как эти взаимоотношения сложились в настоящее время. В-третьих, когда началась агитация по поводу заработной платы (вы помните о ней по некоторым литературным проявлениям,—например, по статье Нольде об уменьшении заработной платы), оно отклонило неправильную позицию в вопросе о заработной плате и приняло правильное положение о необходимости повышения заработной платы в отставших отраслях производства до уровня лучших отраслей, о приостановке на это время роста в этих делеко ушедших лучших отраслях и о дальнейшем общем продвижении вверх по мере улучшения положения промышленности. В-четвертых, оно отклонило прорыв монополии внешней торговли, который фактически существовал. Здесь тов. Зиновьев, когда он говорил о внешней торговле, мне кажется, недостаточно остановился на этом моменте, и он указал на сравнительную мелочь, что вот у нас есть 8 смешанных обществ с общим капиталом 17 миллионов немецких марок. Что такое 17 миллионов немецких марок? В переводе на золото это составляет 1.700 довоенных рублей, если я правильно расслышал т. Зиновьева, что речь идет о бумажных марках,—пусть он поправит в заключительном слове. Для страны с 140 миллионами жителей это уж не такая большая вещь, чтобы очень серьезно этим хвастаться. Она годится больше для Демьяна Бедного, для его басен. Гораздо важнее то, что Политбюро отклонило и уничтожает тот прорыв монополии внешней торговли, который недавно имел место, и который грозил бы нам чрезвычайным разорением. Я не буду касаться разных более мелких вопросов, в роде известного отклонения концессии Уркарта, которая была уже предварительно подписана в Берлине. Теперь т. Зиновьев всячески этого Уркарта ругает, издевается над ним, называет его „святым“ и т. д. Но, ведь, концессию в Берлине т. Красин не самовольно подписал, а когда т. Ленин выздоровел и вступил в дела, то хотя концессия и была в предварительном порядке подписана, но он предложил ее отклонить и отказать в ее ратификации. Это—секрет, который известен всем галкам в России и Европе. (Смех). Т. Зиновьев это забыл (и об этом нам не рассказал). Таким образом, вы видите, что если т. Зиновьев а надо сказать, что он, я должен отдать ему справедливость, в Политбюро обычно выступает против правых предложений,—если он здесь умалчивает о том обстоятельстве, что бывают такие, хотя и отклоняемые, правые предложения, такие серьезные правые попытки, то он поступает так в силу недостатка медицинского образования, т.-е. считает, что лучше замалчивать „дурную болезнь“, вместо того, чтобы ее лечить.

Председательствующий. Тов. Ларин, ваше время истекло.

Ларин. Остальное я скажу при другом случае. (Смех).

Председательствующий. Слово имеет тов. Лутовинов.

Лутовинов. Товарищи, доклад т. Зиновьева, особенно в части о внутреннем положении партии, привел меня в большое уныние. От-

кровенно говоря, несмотря на то, что много нового от доклада т. Зиновьева я лично не ожидал, все же где-то в глубине души моей теплилась искорка надежды на то, что т. Зиновьев подойдет поближе, объективнее и конкретнее к разрешению глубоко всех нас волнующего вопроса о внутрипартийном положении. Но,—увы и ах!—надежда, как и всегда в таких случаях, и на сей раз обманула...

Товарищи, вчера тов. Зиновьев не только не поставил вопроса во весь рост, как он должен был поставить его по-марксистски, не говоря о всякого рода явлениях, чрезвычайно ненормальных в нашей партии, но он не вскрыл главных причин этих явлений и т. д. Такая постановка безусловно неправильна и крайне вредна. Тов. Зиновьев говорил, что партия стала здоровее, всякие группировки исчезли бесследно. Так ли это, товарищи? Так ли это на местах и в центре? Я знаю, что группировки существуют,—об этом свидетельствовал в своем докладе и тов. Зиновьев. Угрозы тов. Зиновьева по адресу каких-то анонимов свидетельствуют лишь о том, что ЦК не желает поставить этого вопроса, что ЦК, как страус, прячет свою голову в песок. Группировки существуют,—это подтверждает сам тов. Зиновьев, говоря, что имеются некоторые лица, брюзжащие лица, которые пытаются сейчас объединиться, начиная от „Рабочей Правды" и кончая „рабочей оппозицией", включая в то же число и товарищей по группировке „демократического централизма", которые стремятся всех их объединить на одной платформе, являющейся программой будущей новой партии. Все это, конечно, товарищи, не ново; анонимная платформа, которая неизвестно кем написана, все-таки существует; существует также нечто в роде программы группы так наз. „Рабочей Правды"; написана еще целая брошюра,—это верно. Но это все свидетельствует о том, что эти группировки не только не исчезли бесследно, но что они существуют в подполье, куда их загнали (Шум). Товарищи, я очень прошу не перебивать меня, вы выйдете и, конечно, „накладете" не только Лутовинову, но и всем несогласным с вами, а сейчас вы не имеете ришительно никакого права мешать мне говорить. Я хочу сказать, что, поскольку существуют все эти группировки, поскольку существуют все эти платформы, очевидно, основания для этого имеются. Если появляются всякого рода анонимные тезисы, если анонимам приходится издавать какие-то платформы, то это лишь потому, что в нашей РКП не существует возможности нормальным путем высказать своих соображений, точек зрения по тем или иным вопросам. Это доказывает, что если вы в РКП попытаетесь критиковать не политическую линию, а чисто практическое проведение этой линии, то вас сейчас же, немедленно зачислят в меньшевики, в с.-р., в кого-угодно. Это мы слышали из доклада тов. Зиновьева, я записал у него следующую фразу: „При настоящих условиях всякая критика, хотя бы и слева, неизбежно должна будет превращаться в меньшевистскую".

Что это такое? (Голоса „Правильно!"). Я слышу много голосов „правильно". Но что это значит? Зиновьев: или весь ЦК? (Голоса: „Вся партия!".) Выходит, что не вся партия, а только лишь Полит-

бюро является непогрешимым папой: все, что я делаю,—я делаю правильно, не смей возражать, и никто не имеет права никакой критики наводить. Это положение не только не марксистское, но и крайне вредное на практике, которое неизбежно приводит к столкновениям. Я здесь не собираюсь разводить какой бы то ни было оппозиции, но я указываю на существующий порядок. И если дальше так будет продолжаться, само собою разумеется, как бы логическое завершение всего этого, в результате будут всякого рода группировки. Партия сейчас находится в чрезвычайно тяжелых условиях. Единство, товарищи, необходимо, как никогда. Но какими мерами нужно достичь этого единства? Путем репрессий, зажимания ртов желающим высказаться по тому или иному вопросу, вносящим те или иные конкретные предложения? Факты такие существуют. Поскольку такие факты существуют, постольку с ними, если нет возможности бороться на местах и в центре, по крайней мере, необходимо бороться на самом съезде. Партия, которая называется партией пролетариата, насчитывая в губерниях 40% рабочих, в уездах—30%, в городах—54%, следовательно, в значительном меньшинстве сравнительно со всеми элементами, находящимися в партии, которые не принадлежали к классу пролетариата, и которые сейчас разлагают партию, находится перед большой опасностью. Не подлежит никакому сомнению, что перед этой опасностью необходимо остановиться съезду и повернуть руль несколько в другую сторону, ослабить режим, в котором сейчас неизбежно возникают всякого рода оппозиции. Метод спасения партии тов. Зиновьева, который, выступая от ЦК, несомненно, выражал мнение ЦК в целом, никуда не годится.

Такое монопольное право, что мы спасем партию без участия всех членов партии, мне напоминает монопольное право нашего Внешторга на внешнюю торговлю без соответствующих специалистов, без организации. Я считаю, что монопольное право на спасение партии должен иметь не только ЦК, но и каждый активный член партии, который не в меньшей степени принимал участие в постройке этой партии, который работал в ней до революции, создавая ее, и остается работать в ней и до сих пор и болеет всеми ее болезнями. Отказывать этим активным членам партии в правах на спасение партии нет решительно никакого основания. И здесь т. Зиновьев совершенно неправ, когда он говорит, что мы не позволим, не потерпим и т. д. Этот метод нужно признать совершенно негодным. Этот метод может дать эффект, пока партия еще более или менее сохраняет единство, пока партия еще не разъедена всякими раздорами, группировками, но чем больше будет всяких группировок, чем больше будет расти недовольство среди широких рабочих масс, тем менее можно спасти партию такими методами и управлять ею. Я хотел сказать еще несколько слов по поводу участия партии или вмешательства, как говорит тов. Зиновьев, в наши хозяйственные органы. Тов. Зиновьев жалуется на то, что хозяйственники поступают неправильно, заявляя, когда ЦК вмешивается в те или иные функции хозяйственных органов, что вы, ЦК, не в курсе этого дела,

и т. д. Конечно, точка зрения хозяйственников неправильна. Сейчас нельзя себе мыслить, чтобы наши хозяйственники могли получить право распоряжаться всей промышленностью, расходовать имеющиеся ресурсы, не научившись хозяйствовать. Это, конечно, совершенно недопустимо, совершенно неправильно, но, нужно сказать, и политику ЦК в этом отношении, о которой сейчас тов. Ларин довольно образно здесь говорил, необходимо изменить. Если Политбюро, где находятся лишь 2 человека, активно принимающих участие в хозяйственной жизни страны, практически разрешает от мала до велика все вопросы хозяйственной жизни, то, конечно, если бы Политбюро было и десяти пядей во лбу, безусловно оно не смогло бы совершенно правильно, безошибочно разрешать эти вопросы. Конечно, это было бы совершенно ненормально. И здесь кое-какие права, конечно, необходимо дать хозяйственникам. Я считаю, что в этой отрасли до тех пор, пока мы не соединим политической работы нашей партии с чисто-хозяйственной, т.-е. персонально не соединим таких членов Политбюро, которые работают не только в политической области, но и в области хозяйства, положение будет ненормальным. Только при изменении этих условий мыслимо правильное разрешение всех вопросов. Время мое истекло, и поэтому я кончаю.

Председательствующий. Слово имеет т. Беленький.

Беленький. Товарищи, я не буду говорить о гонениях и репрессиях, о которых говорил тов. Косиор. В Московской организации я никаких репрессий за этот год не видел. В центральном масштабе я не знаю, были ли они. Представитель ЦК на это ответит. Я лично про это ничего не могу сказать. Тов. Косиор хотел во имя единства найти к партийной работе правильный подход. Подход этот нужен, нужны нормальные условия для существования партии, нужно широкое обсуждение всех вопросов. Но это существует. Тов. Косиор начал с жалоб, а потом дошел до принципиального вопроса. Нужно, мол, отменить исключительное положение в партии. Когда он сформулировал выражение „исключительный закон", я хотел спросить его, про какой исключительный закон идет речь. Тов. Косиор сам разъяснил, что речь идет об отмене права на существование группировок в партии, о легализации группировок. Этот закон был введен X съездом, является сейчас законом для партии и запрещает партии какие бы то ни было группировки, которые нарушают ее единство. Этот закон тов. Косиор считает „исключительным" и желает отменить. Я думаю, что съезд должен сказать свое слово, внести ясность и в этот вопрос и строже отнестись к тому, чтобы, с одной стороны, было широкое обсуждение всех вопросов в рамках партии, и в то же время была борьба против каких бы то ни было группировок, которые могут ослабить единство партии. В период, когда мы окружены мелкобуржуазной стихией, особенно нужно единство, и недопустимы никакие группировки. Таким образом, об отмене этого закона сейчас говорить рано.

Теперь насчет политики ЦК. Мы, москвичи, более близко сопри-

касаемся с деятельностью ЦК партии и более часто заслушиваем доклады о политической и организационной линии ЦК. Я думаю, что те товарищи, которые знакомы с политикой и тактикой ЦК РКП, должны сказать, что ЦК этого состава проводил линию, являющуюся продолжением всей нашей политики, начиная с 1903 года. Возьмем первый вопрос. Тов. Ларин является всегда живым фельетоном и говорит интересно, но я должен заявить, что сейчас он говорил мягче, чем писал, и мягче, нежели говорил, когда он выступал в районах. Между прочим, что обсуждение вопросов у нас существует,—видно уже из того, что, когда мы узнали о существовании у тов. Ларина особого мнения, мы пригласили его и заслушали. На одном таком собрании после его доклада выявились протесты против чрезмерных налогов на крестьянство. Один довольно развитой политически красноармеец, прослушав его доклад, спросил: а что скажет крестьянство? Тов. Ларин говорил, что нужно часть налогов переложить на плечи крестьянства во имя пролетариата. А мы отвечаем: вы окажете этим медвежью услугу партии и революции, ибо кто ослабляет крепость союза пролетариата и крестьянства, тот рубит сук, на котором сидит партия, уничтожает почву, на которой зиждется пролетарская диктатура. Сейчас тов. Ларин говорит уже не о перенесении центра тяжести налогов вообще на крестьянство, а лишь на верхушки деревни,—это вопрос деловой, дискуссионный. Несомненно, что Ларин своим предложением имел в виду быть благодетелем рабочему классу, поднять заработную плату рабочих за счет крестьянства. Не видя вокруг себя других ресурсов, он в налогах на крестьянство усматривает единственный источник для повышения заработной платы. Если бы мы такую постановку вопроса признали большевистской, то тогда точка зрения ЦК была бы меньшевистской. Повидимому, т. Ларин сам немножко уклонился вправо, если относит к ЦК такой правый уклон. Если есть где меньшевистский уклон, то это у т. Ларина.

Что касается политики международной, союза крестьянства и пролетариата, то об этом у ЦК очень ясная и определенная линия, которая является продолжением испытанной тактики всей нашей партии в целом.

Теперь насчет хозяйственников. Я думаю, товарищи, что если принять предложение тов. Красина, то мы превратили бы нашу партию в известного „мавра“. Партия превратилась бы просто в агитпункт: во время выборных кампаний партия ведет огромную агитацию, она призывает население голосовать за коммунистов, а когда партия поставила своих членов на хозяйственные и советские посты, то тогда: „мавр сделал свое дело, мавр может уйти“. На это ни один партийный работник, ни одна ячейка не согласятся.

Каждый понимает, что диктатура пролетариата будет прочна только тогда, когда все отрасли советской и партийной работы будут соединены единым крепким кулаком. А единый крепкий кулак—это партия. Сведение всей партийной и советской правительственной работы воедино есть наша насущная задача. Конечно, мелочная опека, вмешательство, придирчивость к хозяйственникам—это, несомненно,

большое зло. Я не знаю крупных ошибок, которые Московская организация совершила бы по отношению к хозяйственникам.

Теперь о борьбе с уклонами. По-моему, наша партия укрепилась за последний год. Никогда еще не было в партии такого оживления, как сейчас. И это вызывается тем, что мы перенесли центр тяжести всей нашей партийной работы из центрального аппарата в низовые ячейки. Говорят, что нет обсуждения вопросов. Я думаю, наоборот. Именно за последний год середняки партийные выросли; они обсуждают широко у себя в ячейках вопросы партийные, советские, профессиональные. Они обсуждают эти вопросы у себя на широких партийных конференциях, на своих губернских конференциях. Кто знает, как прошла Московская губернская конференция партии, тот подтвердит, что там записывалось в прениях по 50 человек, а высказывалось по 20. Это именно показывает, как вырос середняк, который с фабрики идет на губернскую конференцию. Как можно еще шире обсуждать вопросы? Перед вами доклады Центрального Комитета, доклады хозяйственников, доклады профессионалистов и т. д., в которых вы можете широко принимать участие. Здесь, конечно, идет вопрос не о широком обсуждении вопросов, а о праве легализации группировок. Я думаю, что товарищи, говорящие это, прячут свое лицо, и они, говоря „а", не желают сказать „б". Уклоны есть, вот уклон Красина, уклон Ларина, когда он желает центр тяжести налогов перенести на крестьянство,—я думаю, это есть нарушение нашего блока с крестьянством,—уклон „Рабочей Правды", которая, наверно, находится вне нашей партии, но с которой могут быть связаны коекто из коммунистов. С этими уклонами нужно бороться решительно, всеми мерами; если среди нас есть такие, которые идут за „Рабочей Правдой", нужно поставить их вне рядов нашей партии.

Что касается национального вопроса, то я должен сказать, что наша партия все время стояла в этом вопросе на правильном пути, и только благодаря тому, что она правильно поставила национальный вопрос, она могла использовать национальные трения, национальные недовольства и направить их против царизма. Только благодаря тому, что она правильно ставила национальный вопрос, она вышла победительницей. Мы должны решительно бороться против таких уклонов, которые могут вызвать неудовольствие у национальных меньшинств против нашей республики и нашей партии. Но о национальном вопросе я не буду говорить сейчас. Об этом еще речь будет.

Теперь о расширении ЦК. Я думаю, что идея, выдвинутая тов. Лениным, вполне правильна, и тов. Сталин это подтвердил. Несомненно, какой бы качественный состав ни был у ЦК и других организаций, губернских и т. д., но деловые люди могут иногда действительно превратиться в касту и действительно делать некоторые уклоны, и для того, чтобы именно аппарат постоянно работал под их контролем, необходимо обязательно ввести в ЦК товарищей с мест, которые их окружили бы и внесли бы новую свежую струю с мест. При этом, товарищи, вопрос не стоит о том, чтобы освежить высший кадр испытанных членов. Кто это рекомендует, тот желает лишить последова-

тельности и гибкости наш аппарат. Нужно влить в ЦК новых свежих работников, но в то же самое время сохранить то главное ядро, которое обеспечит проведение всей нашей партийной линии.

Насчет „свободы критики“ я не хочу ничего говорить. Товарищи, позволю лишь в заключение своей речи сослаться на брошюру тов. Ленина „Что делать“, которая случайно попалась в мои руки. По поводу вновь поднятой дискуссии вокруг неделовой критики и „свободы критики“ я, товарищи, прочту вам цитату из этой брошюры:

„Мы идем тесной кучкой по обрывистому и трудному пути, крепко взявшись за руки. Мы окружены со всех сторон врагами, и нам приходится почти всегда итти под их огнем“ (это относится к другому времени, но сейчас мы тоже окружены не меньшим числом врагов). „Мы соединились, по свободно принятому решению, именно для того, чтобы бороться с врагами и не оступаться в соседнее болото, обитатели которого с самого начала порицали нас за то, что мы выделились в особую группу и выбрали путь борьбы, а не путь примирения. И вот некоторые из нас принимаются кричать: пойдемте в это болото. А когда их начинают стыдить, они возражают: какие вы отсталые люди, и как вам не совестно отрицать за нами свободу звать вас на лучшую дорогу. О, да, господа, вы свободны не только звать, но и итти куда вам угодно, хотя бы в болото; мы находим даже, что ваше настоящее место именно в болоте, и мы готовы оказать вам посильное содействие к вашему переселению туда. Но только оставьте тогда наши руки, не хватайтесь за нас и не пачкайте великого слова „свобода“, потому что мы, ведь, тоже „свободны“ итти, куда мы хотим, свободны бороться не только с болотом, но и с теми, кто поворачивает к болоту“.

Товарищи, я эти строки отношу не к тем ораторам, которые здесь выступали, но ко всем тем, кто не деловито, демагогически критикует партию. Эта тирада к ним вполне относится.

Председательствующий. Товарищи, у меня есть предложение устроить краткий десятиминутный перерыв. Нет возражений устроить 10-минутный перерыв? Объявляю перерыв.

* * *

Председательствующий. Слово имеет тов. Зелинский.

Зелинский. Товарищи, прежде всего я хотел бы остановиться в двух словах на вопросе о внутрипартийной обстановке. Я полагаю, что совершенно зря и неосновательно (и это сейчас можно доказать) товарищи пытаются сгустить краски по вопросу о состоянии партии и внутрипартийном положении. Если все партийные организации, в своих самых низовых частях, ощущают все усиливающийся авторитет нашей партии в рабочей массе, если партия в целом укрепляется и упрочивается, если рабочий класс сам по себе оздоровляется с каждым днем, то спрашивается: где объективные данные для того, чтобы делать вывод о каком-то крайне трудном положении внутри партии, который здесь делает, например, тов. Лутовинов? И если в этих условиях мы даже допустим, что такое крайне трудное положение внутри партии

есть, если, расшифровывая и продолжая мысль тов. Лутовинова, партия начинает разбиваться на какие-то группировки и т. д., если в этих условиях предлагают распустить вожжи в нашей партии, то я лично думаю, что здесь одно из двух: или недомыслие, или это предложение, к которому надо отнестись крайне осторожно, и в котором, может-быть, при некотором наличии осторожности можно усмотреть определенный смысл.

Товарищи, я сейчас не буду детально останавливаться на критике этого настроения, потому что другие товарищи будут на этом останавливаться гораздо сильнее и сделают это более удачно, чем я. Я хочу остановиться на одном вопросе, который в настоящее время, на мой взгляд, имеет для партии очень важное значение, и на котором ни в докладе политическом, ни в докладе организационном товарищи достаточно внимательно не останавливались. Я говорю о тех плановых заданиях в смысле замены самого человеческого кадра нашего советского аппарата, который вихляет, который, как здесь говорил т. Зиновьев, искажает курс рулевого, я говорю о работе по подготовке этого кадра,—кадра общественников, партийцев, хозяйственников, красных организаторов и т. д., о работе по созданию нового кадра будущих спецов, о работе среди пролетарского студенчества и о комплектовании этого самого студенчества. Я думаю, здесь не мешает привести некоторые цифры, которые для съезда будут далеко не безынтересны. Если мы в таких организациях, как Московская, имеем примерно до 26% членов партии студентов, не считая комсомольцев, если мы в партии в целом имеем всего коммунистического студенчества примерно до 5% (я беру цифры грубые), то задача работы среди них безусловно должна останавливать на себе определенное внимание. Партийное студенчество в большинстве является партийным молодняком, который нуждается в систематическом воспитании. Оно выдвинуто вперед в смысле влияния НЭП'а и буржуазной идеологии, может-быть, не меньше, чем выдвинуты наши хозяйственники. Товарищи, совершенно не зря и не случайно в этих самых анонимных платформах, по крайней мере, в тех двух, которые я читал, мы найдем указание на всю важность вопроса о работе этих группировок среди студенчества.

Это—вопрос, на который мы должны обратить серьезное внимание. И сейчас мы можем уже сказать, что коммунистическое студенчество, в какой бы мере на него ни возлагали надежд наши явные и скрытые враги, оно на эту удочку не пойдет, ибо оно растет вместе с партией, и оно понимает, где лежат линии правильные и неправильные.

Но все же мы должны здесь сказать точно и ясно: в среде пролетарского студенчества имеет место определенная опасность выявления элементов ревизионизма и узкого академизма,—опасность, которая лечится двумя путями. Во-первых, партия должна решить,—она этого до сих пор ясно и определенно не сказала,—что она должна дать больше сил для того, чтобы эту молодежь, которая сейчас тянется к

знанию и строит себе миросозерцание, научно обоснованное, чтобы эту молодежь учить и воспитывать, ибо иначе переучивать и перевоспитывать потом будет гораздо труднее. И не зря, и не случайно петербургская организация, которая недостаточное внимание уделила работе среди студенчества, через некоторое время столкнулась с тем, что среди партийных,—как они выражаются,—„сопляков", среди студенческой молодежи начали пользоваться большим успехом господа в роде проф. Боричевского, открытого ревизиониста. И лучше мы больше страха сделаем вначале, чтобы потом легче было лечить.

Еще на одном положении я хочу здесь остановиться. Сейчас партия бросает лозунги, что надо создавать будущих пролетарских спецов, но она не дает ответа на вопрос, как выйти из такого положения, что губпрофсовет отправляет пачками молодых людей в школы, концентрирует их в крупных количествах в центре, и эти люди вынуждены голодать, что они разлагаются, при чем разлагаются не только в общепролетарской части, но и в коммунистической. Надо поставить себе такую задачу: если НКПрос не может на будущий год получить нужные средства для этого дела в полной мере, то об этом нужно заявить, потому что на этой почве могут возникать самые болезненные явления.

Еще вопрос, на котором я хочу остановиться,—это о студенческих организациях. Как же партия в целом, которая до сих пор достаточно внимания этому делу не уделяла, как она до сих пор к нему подходила, и как она к нему должна подходить в дальнейшем? Я думаю, что было ошибкой со стороны ЦК партии, когда он стал на путь организации студенческих коммунистических обособленных организаций. Я считаю, что это противоречит в общем тем внутрипартийным и организационным принципам, которым мы до сих пор следовали, и что этот путь при нынешних условиях чреват осложнениями в нашей внутрипартийной жизни. Если мы посмотрим протоколы некоторых губернских бюро коммунистического студенчества, мы увидим, что эти бюро решают вопросы о приеме и исключении членов партии, формулируют директивы той или иной ячейки, решают такое-то бюро распустить, такого-то организатора назначить и т. д. Такие попытки вызываются излишней активностью этих товарищей студентов, с одной стороны, а с другой—излишним доверием партийных организаций.

(Голос: „Вы содействуете этому").

Нет, дорогой товарищ, мы не содействуем этому, я могу доказать это документами, и вы совершенно зря бросаете здесь эти упреки. Вы ровно ничего не знаете.

Но сейчас мы говорим, что партия в целом должна свой подрастающий кадр воспитывать и им руководить. Надо, чтобы партия при помощи своего аппарата вела эту работу. Она должна организовывать пролетарское студенчество и там через соответствующие партийные фракции осуществлять свое влияние.

Я лично думаю, что будет правильным здесь в заключение указать на те предложения, которые будут вноситься по линии агита-

ционно-пропагандистской работы. Работа среди учащейся молодежи должна быть выдвинута на первый план и признана одной из важнейших задач. В области партийного просвещения необходимы следующие меры: во-первых, усиление внимания партии по отношению к административным органам ВУЗ'ов. Дальше мы говорим об укреплении организационной связи с партией. С одной стороны, учите студенчество марксистскому мышлению, а с другой—вываривайте его в котле партийной работы. Это будет лучшей гарантией за то, что все покушения и попытки со стороны буржуазных идеологов будут отбиты, и отбиты удачно. (*Голос*: „*Америку открыл!*").

Председательствующий. Слово имеет т. Красин.

Красин. Товарищ Зиновьев пользуется давно, и заслуженно, репутацией одного из лучших партийных агитаторов и полемистов. Я думаю, что эти его особенности несколько невыгодно сказались на его политическом докладе. Я коснусь доклада тов. Зиновьева в обратном порядке его собственного изложения, начиная от вещей менее важных и переходя к более важным пунктам. Я начну с той полемики, довольно резкой, которой я удостоился в начале и в конечной части его доклада. Поводом для этого тов. Зиновьеву послужила моя статья „Ответ тов. Мартынову". И вот из нее он выбрал несколько мест, приведших его в особенное негодование. Я отметил эти места. Вот одно из них: „кесарево кесареви". „Строго-выдержанная политическая линия партии и государственной власти не должна мешать восстановлению производства, а чтобы этого не было, надо, чтобы в самом государственном и руководящем партийном аппарате производственникам и хозяйственникам,—конечно, *партийным*,—была отведена, по меньшей мере, такая же доля влияния, как газетчикам, литераторам и чистым политикам".

Фраза, которая возбудила весьма большое негодование тов. Зиновьева (*голос из президиума*: „*И кое-кого другого*"). Я спрашиваю: и кое-кого другого? (*Голос*: „*И многих других*"). Я спрашиваю: и многих других? Что же, вы думаете вести успешно политику, мешая восстановлению производства? Я не думаю, чтобы много нашлось сторонников такого принципа. (*Голос*: „*А мыслима такая политика?*"). Мыслима. У меня сказано, что избежать этого можно тогда, когда в руководящих аппаратах партии будут не только политики, но и организаторы, администраторы, хозяйственники. Несколько резко, может-быть, сказано о литераторах и политиках. Может-быть, это выражение коробит некоторых товарищей, приобревших на высоких постах изрядную сановитость. Но мне, как старому большевику, некоторая резкость извинительна. И, наконец, по сути дела, когда техника, финансы и пр., и пр. изо дня в день приобретают все более и более важное значение, если я на основании опыта десятилетия говорю вам: „учтите это обстоятельство в построении партийного аппарата",—разве я в этом неправ? Я предлагаю тов. Зиновьеву: давайте устроим диспут перед рабочими любой фабрики Петрограда и Москвы. И я уверен, что рабочие присоединятся к этому моему по-

ложению, именно, что, в виду изменившихся коренным образом условий и обстоятельств деятельности нашей партии, не мешает усилить представительство вышеуказанных элементов нашей партии.

Дальше, второе место моей статьи—о необходимости продолжительной выучки и умения, где я говорю, что эта истина не вполне усвоена нашими верхами; и в виде примера привожу факт частых перебросок из учреждения в учреждение, которые не достигают своих целей. Но во вчерашнем докладе ревизионной комиссии съезда тов. Ногин документально удостоверил, что действительно это зло есть, что оно встречается у нас повседневно. И я не думаю, чтобы была какая-нибудь ересь в указании этого очень серьезного дефекта нашей партии, и в частности верхов нашего партийного аппарата. Спросите любого наркома, хотя я не знаю, выйдут ли они на это место, потому что оно не вполне безопасно для таких заявлений (смех), спросите также местных работников. Я говорил со многими местными товарищами в кулуарах, и они, я думаю, это подтвердят безусловно.

Третье место моей статьи, кажется, более всего вызвало негодование тов. Зиновьева. Я там говорю следующее: „Верхи нашей партии построены, примерно, так, как это было два десятка лет назад, тогда как теперь задачи партии изменились и количественно, и качественно". Я говорю вам: сейчас вы не подпольная партия, а вы—правительство огромной страны, работающее в труднейшей внутренней обстановке, созданной годами войны, интервенции и блокады, и в сложнейшей международной обстановке, при таких трудных условиях, в каких ни одно правительство в мире никогда не работало.

Для такой работы необходимо учесть весь партийный опыт прошлого и настоящего времени, и не только опыт политический,—необходимо учесть опыт административный, хозяйственный, организаторский. При этом я везде и всюду подчеркиваю жирным шрифтом **„партийный"** опыт, а вы говорите, что здесь есть меньшевистский уклон. Не понимаю, каким образом это место, где я говорю не об ослаблении и не об уничтожении политического руководства, а о возведении его на высшую ступень, можно приводить как доказательство какого-то уклона. Послушайте:

„Не за ослабление или уничтожение политического руководства мы боремся, а за возведение этого руководства на высшую ступень, за пополнение приобретенного в политической борьбе опыта опытом, заимствованным из непосредственного процесса труда, борьбы со стихией вещества и силы, опытом не спецов, а наших же партийных товарищей".

Вот, товарищи, точная цитата из моей статьи. Дает ли она основания причислять меня к лику неприемлющих партийную диктатуру? Я утверждаю, что ничего подобного нет. Я и в первой моей статье, и в ответе т. Мартынову совершенно определенно заявил, что я считаю, что вплоть до победы мировой революции вся государственная работа должна стоять под строжайшим контролем партии, что только партия, только Центральный Комитет партии может быть тем

последним решающим органом, который всякий вопрос, имеющий жизненное значение для нашего государства, должен решать. Я должен сказать, что если у тов. Зиновьева не нашлось лучшего аргумента против высказанного мною взгляда, как обвинение меня в уклоне к меньшевизму, то очевидно, что позиция его, как он, повидимому, и сам это чувствовал, очень слаба.

Ведь, к чему, собственно говоря, в глазах т. Зиновьева сводится вредоносность моих заблуждений? Она сводится к тому, что, по мнению т. Зиновьева, повидимому, надо все оставить по-старому.

Но, товарищи, позвольте вам заметить, что вы забыли безделицу, что по-старому оставить нельзя. Потому нельзя, что важнейший элемент этого старого,—Владимир Ильич,—к общему нашему несчастью, на довольно значительный срок вышел из работы. Когда нам говорят: все оставим по-старому, то я говорю, что оставить по-старому вы не можете, потому что важнейший фокус, который сосредоточивал весь опыт нашей партии, и перед которым каждый готов был преклониться и оставить за ним право безапелляционно решать вопросы, товарищ Ленин, на долгое время выбыл из строя. Мы знаем, что даже и ошибки Ленина, при наличности такого его значения, когда он мог авторитетно говорить и выступать за всю партию, были приемлемы, были даже плюсом и для нас, и для нашей партиии, и для нашей государственности. Но когда мне говорят, что какая бы то ни было тройка или пятерка заменит т. Ленина, и что мы „все оставляем по-старому“, то я говорю: нет, тт., по-старому мы оставить не можем, и старого этого не будет до того момента, пока Владимир Ильич снова не возьмет в свои руки руль государственного корабля. При наличности всего сказанного, товарищи, я, оставаясь в пределах парламентарных выражений, не могу обозначить обвинение в уклоне к меньшевизму, брошенное мне т. Зиновьевым, иначе, как панической демагогией.

Я перехожу к другой части доклада т. Зиновьева, к вопросу о внутреннем положении. Она, собственно говоря, довольна кратка и приблизительно может быть выражена так: нельзя не сознаться, что то и другое будет у нас не совсем хорошо, но в то же время надо признаться, что многое идет хорошо. Словом, все обстоит более или менее благополучно, и даже и враги наши пророчат, что мы лет пять просуществуем, продержимся,—на этом политический доклад в этой части и кончается. Но товарищ Зиновьев не указал главной опасности нашего современного внутреннего положения. В чем она заключается? Главная опасность заключается в области производства, главная опасность заключается в том, что мы тратим, расходуем, проедаем больше, чем мы производим. Вот, товарищи, центральный пункт всей нашей внутренней политики; вот причина, из которой вытекает наш бюджетный дефицит, вытекает падение курса рубля. Все это не что иное, как финансовое отражение этого основного факта нашей действительности. Момент производства,—добиться, чтобы мы начали больше производить, дабы начать накоплять,—вот, товарищи, основная задача новой экономической политики,—термин, который я отличаю от „НЭП'а“, ибо „НЭП“

есть лишь меркантилизированное извращение новой экономической политики.

Именно против замазывания этой главной трудности,—трудности той, что мы не смогли до сих пор, не сумели наладить производство так, чтобы производить больше, чем мы потребляем, замазывание этой трудности,—вот против чего я восставал, полемизируя с тов. Мартыновым. Тов. Мартынов, подобно другим тт., чистым политикам пугает меня внутренними политическими трудностями, он пугает меня опасностью НЭП'а. Я же вам говорю, тт., все эти опасности, наличность которых я не отрицаю, сущая чепуха по сравнению с той основной трудностью, на которую я указал, с основной опасностью, которая состоит в том, что мы все еще не можем столько производить, сколько потребляем. Вот против этого замазывания политической замазкой той основной хозяйственной производственной трудности, около которой, как около оси, вертится вся наша внутренняя политика,—против этого замазывания я протестовал и буду протестовать в своих выступлениях.

В чем трудность? Трудность в том, что в стране, разоренной войной, интервенцией и блокадой, нужно помочь прежде всего крестьянину, ибо без восстановления крестьянского хозяйства мы ничего не сделаем.

Председательствующий. Ваше время истекло. (Голоса с мест: „Просим, просим"). Сколько вам нужно для окончания? (Красин: „15 минут").

(Голос с места: „5 минут"). Голосую: кто за 15? Кто за 5? В виду равенства голосов, тов. Красину дается 10 минут.

Красин. Может ли крестьянству в восстановлении его хозяйства оказать существенную помощь советская казна? Не может. Может ли оказать существенную помощь промышленность? Не может, потому что сама промышленность идет еще на костылях. Ведь, надо сказать честно правду: помочь крестьянству не из чего, а, наоборот, мы все, Красная армия, промышленность, государственный аппарат, сидим у крестьянства на хребте. И обесценение рубля, и падение стоимости хлеба, льна и т. д.,—все это наваливается на крестьянина. Как выйти из этой трудности,—тов. Зиновьев в своем политическом докладе не упомянул ни одним словечком... „Все помаленьку улучшается... Все как-нибудь обойдется",—вот все, что стало известно нам из его доклада. А я говорю: подъем производства, настоятельная необходимость все партийные и государственные силы сконцентрировать около этого места, на проблеме производства,—вот в чем основная задача, основной вопрос нашей партии и нашего государства во внутренней политике.

Я перехожу к обсуждению внешней политики. Можно было бы думать из доклада тов. Зиновьева, что внешняя политика сводится к тому, чтобы не итти ни на какие уступки, и на все наглые попытки буржуазии изнасиловать нас давать сдачу. Все это великолепно, и мы знаем, что ЦК умеет это делать превосходно, но это еще не внешняя политика.

Ведь, это только чисто-отрицательные моменты. В политическом докладе надо же было выявить основные задачи внешней политики Сов. власти, в чем они заключаются. Они заключаются, во-первых, в развязывании мировой революции, во-вторых, в том, чтобы добиться максимальных условий, обеспечивающих мир, т.-е. признания де-юре, и, в-третьих, в получении экономической помощи: займов, кредитов и т. п. Мировая революция идет трудными путями, у нас нет чудодейственных средств, чтобы развязать ее. Насколько развязывает мировую революцию наша политика преследования попов и т. д.,—вопрос, о котором можно спорить или соглашаться. Но у нас, во всяком случае, нет магического ключика развязать ее. Но действительным способом развязывания мировой революции и помощи ей является, по моему мнению, укрепление Советского государства, рабоче-крестьянского государства, как главного очага, как главной опоры этой мировой революции.

Таким образом, мы здесь получаем то, что и здесь наша задача совпадает с задачами внутренней политики, т.-е. опять-таки переносится в область производства. Если мы наладим минимально производство, обеспечим возможность содержания хоть небольшой, но хорошей Красной армии, оборудованной аэропланами, минной защитой, хорошей конницей и т. д., то это будет лучшим содействием развитию мировой революции, чем сотни великолепных резолюций, которые можно принять на тех или иных собраниях. Несколько легкое отношение к признанию де-юре меня удивило в речи тов. Зиновьева, потому что признание де-юре, поскольку оно отодвигает возможность нападения таких хищников, как Польша, Румыния и т. д., важно также для мореплавания, для торговли, для защиты материальных интересов,—это не безделица, которою можно кидаться. Но, конечно, главная цель нашей внешней политики есть получение кредитов, которые нам нужны для восстановления крестьянского хозяйства, для транспорта, для промышленности и для стабилизации нашего рубля. Но не утопия, не наивность ли ждать от наших капиталистических врагов какой-то помощи? Нет, не утопия, ибо капиталистический мир весь состоит из противоречивых интересов. И, играя умелым образом на этих интересах, мы добивались и добиваемся материальной помощи. Заключение Рапалльского договора было тоже определенным плюсом для Советской России. В целом ряде наших торговых сделок, в нашей торговой политике мы прошибли целый ряд блокад,—блокаду золотую, лесную, нефтяную и т. д. Мы добились большего,—добились того, что сейчас имеем уже кредиты. На 1-е апреля наше Лондонское Общество „Аркос“ выдало золотых кредитов нашим органам из английских источников на 49 милл. руб. Из этого факта вы видите, что не утопия при определенной политике (конечно, это должна быть п о л и т и к а) заставить наших врагов нам определенным образом помогать. Ведется ли такая политика,—политика, которая должна быть основана на том, чтобы обострять противоречия, разжигать жадность, стравливая одних из наших врагов с другими и в междунациональном масштабе, и в пре-

делах одной страны, внутри определенного класса промышленников, чтобы использовывать всех их? Нет, такой политики не ведется, и я заявляю вам, что мы не использовываем и десятой доли тех реальных возможностей, которые имеются, ибо мы, в сущности говоря, не ведем определенной внешней политики. Я не могу подробно развивать здесь, за краткостью времени, основ нашей внешней политики. Основа должна быть такова: никаких принципиальных уступок, никаких уступок в области суверенитета, в области территории, никаких уступок в области отказа от нашего законодательства. Но это уже завоеванная позиция; и в Генуе, и в Гааге эта позиция Сов. России была закреплена, поэтому я отметаю заранее всякие упреки в том, будто советую какую-то кабалу и т. д. Об этом разговора нет. Речь идет о том, чтобы выяснить, каковы могут быть условия соглашения, на каких условиях можно получить соглашение, и что мы теряем от затяжки экономического восстановления.

И вот этого-то у нас не делается. Эту задачу ЦК не ставил никогда. Он никогда не ставил задачу выяснить, сколько мы в один год теряем в золотых рублях от того, что наше хозяйство сейчас разрушено по сравнению с 1913 годом. Приблизительная цифра этого ежегодного убытка—8 миллиардов зол. руб., по подсчетам статистиков. При наличности того, что весь наш долг, включая претензии, может быть урегулирован в сумме, может-быть, 10—15 миллиардов зол. руб., с рассрочкой платежа процентов, может-быть, на 5 и даже на 10 лет, при этих условиях нам стоит подумать, чтобы практически поставить себе задачу искать соглашения, потому что нам дозарезу нужна помощь извне, потому что мы не можем собственными усилиями сколько-нибудь быстро восстановить хозяйство. И, если мы будем это обещать кому-нибудь, мы будем его обманывать; мы не в состоянии без иностранной поддержки быстро восстановить тяжелую промышленность. Не восстанавливая ее, мы рискуем вконец погубить и в значительной степени растратить тот социальный слой, на который мы опираемся. Еще ни в одной стране, за исключением, может-быть, Германии, не было быстрого восстановления промышленности без той или иной помощи иностранного капитала. Я вынужден кончить, вы не дали мне время развить подробно мои мысли. Я должен сказать только, что мы должны предложить Центральному Комитету использовать все средства для ведения активной, реальной внешней политики с целью максимального использования всех тех возможностей, которые нам уже представляются. Не лобовая атака в данный момент нужна,—мы не отказываемся и от этого,—в данный момент нам нужен известный стратегический обход, нужно известное маневрированное движение, подобно тому гениальному стратегическому маневру, который тов. Ленин предпринял в 1921 году. В разговоре с тов. Зиновьевым я указал, что, может-быть, в области внешней политики нам нужен своего рода „НЭП“ именно в том смысле, что необходимо изучение заботливое, пристальное тех возможностей, которые фактически нам представляются уже в настоящее время за границей, без,—повторяю,—какой бы то ни было капитуляции, без намека на какую бы то ни было ка

питуляцию, без намека на какую бы то ни было сдачу. Я считаю, что этот поворот во внешней политике диктуется нам как непосредственными интересами рабочих и крестьян, которых мы представляем, так и интересами,—и, может-быть, даже в большей степени,—мировой революции. (Аплодисменты).

Председательствующий. Слово имеет т. Осинский.

Осинский. Я должен заранее предупредить товарищей, что могу в течение срока, мне отведенного, коснуться самое большее двух-трех тем. Предупреждаю об этом с той целью, чтобы товарищи, имеющие заключительное слово, в дальнейшем не утверждали, что Осинский остановился только на одной стороне вопроса, не поставив его в целом, и потому был неправ. Я должен сказать также следующее: у меня имеются темы двоякого характера: с одной стороны, я бы сказал, серьезные темы, с другой стороны—веселые. Веселые темы я отвожу на конец, если хватит на них время. К ним относится в первую очередь, и вопрос о ревизии ленинизма, которую я производжу, по мнению тт. Зиновьева и Каменева. Если у меня нехватит времени, я совершенно согласен остаться в глазах именно только тт. Зиновьева и Каменева и сменовеховцем, и либералом, и ревизионистом, и даже человеком, убившим свою родную тетку. (Смех). Позвольте мне перейти к темам серьезным, а именно к теме о взаимоотношениях партии и государства...

По этому вопросу здесь была выставлена тов. Зиновьевым формулировка такого свойства: „не разделение властей, а разделение труда". Это—во-первых; во-вторых, т. Зиновьев говорил, что в этом вопросе, как и в других, нужна ясность. Я и должен сказать; во-первых, эта формулировка крайне неясна, и, во-вторых, никакими формулами в этом вопросе не поможешь, и никакие конституции и писания на бумаге не помогут в смысле установления правильного разделения труда и в определении того, кто что должен делать, что принадлежит Политбюро, что Совнаркому, что Губкому, и что Губисполкому. Я бы сказал даже следующее против Зиновьева,—что и эта формула неверна. Формула правильная,—и это, может-быть, неожиданно для тех, кто подготовлен канонадой тов. Зиновьева,—с моей точки зрения такова: вся власть партии. И я говорю это не на ветер и не для демагогии. Это могут подтвердить те товарищи, присутствующие здесь, которым приходилось со мной работать на местах, ибо для того, чтобы показать, какие должны быть взаимоотношения между партией и советами, придется мне обратиться к очень приятным воспоминаниям о работе на местах, в противоположность весьма неприятному воспоминанию о недавней моей работе в Москве. Был ли у нас, в местной работе, разговор о том, что нужно разделение труда, а тем паче разделение властей? Никогда такого разговора и не было, и надобности в нем не было. Почему этого не было? Этого не было вот почему. Я—работник в местной работе, преимущественно советской, и вот когда, напр., я оказывался председателем исполкома, как ставился вопрос? Мы имеем, с одной стороны, президиум губисполкома. В этот прези-

диум входят, допустим, я и ряд ответственных руководителей советской работой. Но в него обязательно входит представитель губкома, представитель политической работы. Он даже должен,—этого мы, советские работники, усиленно добивались от губкома,—сидеть на заседаниях президиума все время. С другой стороны, мы являемся членами губкома, присутствуем на всех его заседаниях, принимаем ближайшее участие в работе губкома, не прерывая с ним связи ни на одну минуту. Эта персональная взаимная связь и создавала ту спайку, которая давала нам возможность собирать сто процентов разверстки, мобилизовать в две недели людей в кавалерию, давала возможность ликвидировать быстро забастовки, давала возможность проводить выборы в зараженной меньшевистской среде, в совершенно открытой полемике прямо у станков и получать коммунистическое большинство. Такого рода спайка давала возможность это делать. И когда начиналось,—беру крайний случай,—какое-либо восстание в нашей Тульской губернии (беру последний по времени пример моей работы),—как мы поступали? Был разговор о том, что губком должен руководить этим вопросом, сносясь непосредственно с губчека, и пр., как этот вопрос всегда в Москве ставится? Ничего подобного: образовывалась тройка, в которой должны были принимать участие председатель губисполкома, военный комиссар, и в которую обязательно входил секретарь губкома. Губком доверял нам потому, что в губисполкоме сидели люди ответственные, партийные, органически слитые с губкомом, который был для нас последней инстанцией, где органически сливалась советская и партийная работа. Губком—это был очаг, у которого мы всегда могли найти приют, и который давал нам директивы, что нужно делать. Мы не должны быть идиотами (смех), и я не желаю, чтобы меня считали идиотом, чтобы меня понимали так, что я предлагаю оторваться от партийного органа и создать какой-нибудь второй независимый аппарат. Поскольку здесь тов. Красин ставил вопрос так, что есть какое-то разделение все-таки между политиками, с одной стороны, и хозяйственниками—с другой, что есть две такие разные породы людей, я совершенно не согласен с этой постановкой вопроса. Я себя не чувствовал „только хозяйственником" в Москве и никогда себя не чувствовал только советским работником на месте. Я чувствовал всегда себя членом партии, который принимает активнейшее участие в делах этой партии. Так и должен быть поставлен этот вопрос. Он сводится не к формулам о разделении труда, о том, что должен делать губком или губисполком. Не к этому он сводится. Он, правда, может-быть, конкретными гвоздиками забит. Но эти гвоздики суть предложения о составе и объеме органов и о персональной их связи. Но от забития этих-то конкретных гвоздиков товарищи Зиновьев и Каменев уклоняются. „Гвоздики" эти можно пояснить выявлением того, что у нас есть на местах, и чего нет в центре. Первое, чтобы Совнарком или какая-нибудь другая формально высшая советская инстанция не были только техническим органом, куда боятся сажать ответственных людей потому, что они сидят в Политбюро, окажут ему конкурен-

цию. Такой подход к вопросу есть поразительно вредная, самая вредная на свете политика. С другой стороны, хотят, чтобы все советские дела были в компетенции Политбюро, партийного органа. А в то же время отказываются из Политбюро управлять, потому что и невозможно из партийного органа управлять. Что это так,—оставим разговоры о том, что Осинский занимается оппозицией, ревизионизмом и т. д.,—что это так, могу вам сказать, я убедился на горьком опыте. Об этом я говорил уже на прошлом съезде. Я добивался целый год у Центрального Комитета, у Политбюро, чтобы мне дали директивы по аграрному вопросу; нельзя же, ведь, принимать такие вещи, как переход к свободной форме землепользования на свой страх и риск. Это невозможное дело. И я добивался у Политбюро, чтобы мне дали директиву, хотя бы санкцию. Однако, Политбюро этих вопросов не рассматривало.

О чем шла тут речь? О том ли, что я предлагал отделить партию от государства? Ничего подобного, друзья,—как-раз наоборот. Я просил: дайте мне директиву, ваше указание, ваше распоряжение. И не получал ответа. С другой стороны, я в Совнаркоме искал, чтобы кто-нибудь сказал мне, как, например, мне согласовать свою работу с ВСНХ. Мне говорят: „Разговаривайте об этом с тов. Богдановым“. Но тов. Богданов, извините, товарищи, за непарламентское выражение, сидит в своем ведомственном кутке, я тоже сижу в своем кутке. Мы знаем только свое положение, свои ведомственные дела, у нас нет спайки, нет связи, у нас нет перспективы. У нас их нет, и все отказываются их нам дать.

Вот я вам и говорю, товарищи, что такого положения на местах нет. Это—простейшая вещь, и об этой простейшей вещи я и говорю. Я говорю о том безобразнейшем положении, которое имеется в центре, и которое я по опыту знаю. И вам не удастся заставить меня поверить обратному, ибо это значило бы сделать из меня дурака. Я видел на местах другие порядки и знаю, что их м о ж н о осуществить. Точно так же, когда до революции меня хотели убедить в том, как делали это социал-демократы ревизионисты, что с республикой повременить надо, когда шли такие разговоры о республике в с.-д. среде, что социал-демократия и в пределах монархии может проводить свои реформы, я, к сожалению, как упрямая большевистская голова того типа ленинского ученика, о котором говорил Сталин (самостоятельные и независимые головы), верить не хотел и в дурака превращаться отказывался. Кстати о независимых людях: это—та формула, за которую на IX съезде партии тов. Сапронову влетело по первое число, когда он говорил о привлечении в ЦК людей, самостоятельно мыслящих и независимых. За это Сапронову влетело так, что он оказался „независимцем“, т.-е. меньшевиком. Так вот, имея такую голову упрямого большевика, я не мог отказаться от республики, с одной стороны, как технически наиболее совершенной формы для буржуазного господства, и тем паче единственной формы диктатуры пролетариата. И точно так же я, пока меня не убедят деловыми аргументами,—чего

не делают, от чего увиливают,—пока меня не убедят в том, что правильное взаимоотношение наших центров невозможно, что это вредно, тогда я готов отступить. Позвольте еще одну вещь подчеркнуть, товарищи. Товарищ Зиновьев, который усиленно старается привязать ко мне анонимную платформу, подобно тому, как озорные мальчишки привязывают жестянку к хвосту кошке,—тов. Зиновьев старается привязать меня и к неумному предложению об устранении из Центрального Комитета Зиновьева, Каменева, Сталина.

Так позвольте мне сказать, товарищи, что нам людьми бросаться не приходится. Вопрос идет не о том, кого нам выбрасывать, а весь вопрос в том, как правильно подчеркнул товарищ Сталин, каким образом нам новых людей воспитать. Каким же образом мы можем тогда бросаться такими людьми, как товарищ Сталин, бросаться такими людьми, как товарищ Каменев. Что касается товарища Зиновьева, то тут я должен выяснить лично мое мнение о тов. Зиновьеве, которое позвольте мне высказать.

Если тов. Сталин здесь говорил относительно „жрецов", которые от партийных товарищей откалываются, если он говорил о тех партийных работниках, которые превращаются в генералов, то к тов. Зиновьеву, если этот процесс действительно уже происходит, такое замечание, по-моему, и относится. Этому в последнее время мы имеем ряд доказательств.

Председательствующий. Одна минута.

Осинский. Может-быть, пять минут дадут сказать.

Голоса с мест. Довольно!

Осинский. Петроградская делегация не хочет.

Председательствующий. Поддерживает кто-нибудь просьбу тов. Осинского?

Голоса. Нет.

Председательствующий. Одна минута.

Осинский. В эту минуту я хочу сказать следующее. Меня крайне порадовал доклад, сделанный тов. Сталиным. Я думаю, что если тов. Сталин на этом съезде, в конце съезда, а также после него осуществит те предложения, которые он сделал в начале, то это будет для партии большим благом, и, вероятно, в нашей партии действительно установится настоящее единство. Но, к сожалению, товарищи, мы видели не на одном съезде, как тов. Зиновьев выступал со словами о рабочей демократии, внутрипартийной демократии и т. д., а потом все оставалось по-старому. И если тов. Сталин выступает здесь с таким заявлением, что он хочет концентрировать в ЦК людей с самостоятельными головами с мест, умеющих независимо думать и т. д., я приветствую всей душой и этот принцип, и эти слова, но дожидаюсь реального осуществления, ибо, к сожалению, реальное осуществление от слов всегда отличалось и, может-быть, будет отличаться и сейчас.

Председательствующий. Слово имеет тов. Радек.

Радек. (Аплодисменты). Товарищи, после выступления первых ораторов у меня получилось впечатление, что мы зря теряем время, по-

тому что если на съезде партии, которая руководит государством в 150 миллионов населения, после отчета Центрального Комитета выступает т. Косиор и в качестве обвинения против политики партийного центра выдвигает то, что вы того или другого обидели, не так вы его поместили, как надо, то это, товарищи, есть прямо смехотворная вещь. Я понимаю значение для всякого товарища и для партии в целом, когда распределение сил в том или другом месте не совсем соответствует интересам партии. Но на один момент только представить такой Центральный Комитет, который в этой области не делает ошибок,—это значит требовать, чтобы мы на 6-й год революции имели не только идеальное экономическое и политическое положение, но чтобы мы имели еще людей, которые в суждении своем не ошибаются. Если т. Косиор подкреплял свое суждение тем, что это было сделано из групповых соображений, а не с точки зрения дела, то это уже есть тягчайшее обвинение, которое можно выдвинуть против Центрального Комитета. И я считаю, товарищи, что таких обвинений нельзя бросать, не доказывая их. Не только рядовые члены партии бывают недовольны тем или иным решением, но и члены Центрального Комитета. Ведь, достаточно назвать: в истории партии сколько раз Сталин был недоволен решением против него, или Троцкий, или Орджоникидзе, но никому не пришла в голову мысль, что Центральный Комитет партии здесь выступал по групповым интересам. Какие тут групповые интересы, если Центральный Комитет считает, что в интересах дела или партии надо товарищей так или иначе переместить. Возражения тов. Лутовинова были не менее несерьезны. Тов. Лутовинов ни одним словом не критиковал политики партии. А что он сказал? Партия вгоняет в подполье критику. Какую критику? Мы знаем три группы, которые перед съездом выступали в подполье. Брошюра Мясникова, не члена партии, который призывает к организации новой партии. Платформа „Рабочей Правды“, которая считает, что главная заслуга Октябрьской революции есть то, что она открыла простор для капитализма. Товарищи, эти две группы—подпольные группы наших врагов. Как же здесь выступать с упреками, что они нами не легализованы? Тогда требуйте, тов. Лутовинов, легализации партии меньшевиков! Ничего другого, чего бы не требовали меньшевики, не требуют ни группа „Рабочей Правды“, ни Мясников, крылатая формула которого „Свобода слова от коммуниста до монархиста“ выявляет меньшевистский смысл позиции Мясникова. Смысл этой позиции, таким образом, оценен не нами только, оценен Коминтерном, где старые товарищи, не русские, разбирали позицию Мясникова и заявили, что это позиция меньшевистская. Остается третья платформа, которая могла бы быть напечатана (хотя она в значительной степени является антипартийной платформой), если бы автор имел мужество выступать с этой платформой публично. Можно ли требовать от ЦК, чтобы он людей, не имеющих мужества выступать со своим мнением, принудил легализоваться? К этому сводятся упреки тов. Лутовинова, если не остановиться на некоторых принципах, которые он выдвигал

о свободе критики,—точнее, не свободы критики, а возмещения расходов по проезду для критиков.

Товарищи, первые критики доказали, что политически они ничего не критикуют, они заявляют сами, что согласны с партией,—я был бы очень рад, если бы так было на деле. Но речь тов. Красина требует политического ответа. Тов. Красин очень обижался на определение, что его точка зрения меньшевистская. Я не слышал этого в реферате тов. Зиновьева. Я слышал только, как тов. Зиновьев сказал, что многие старые меньшевики правильнее рассуждают о положении, чем некоторые старые большевики. Переходя к возражению по существу, надо сказать, что т. Красин дает Центральному Комитету бой по двум пунктам. Первый пункт—строительство центральных органов партии, второй пункт—конкретная политика партии. Тов. Красин ставит вопрос так: нужны ли в ЦК люди, которые воплощают хозяйственный опыт партии? Товарищи, кто должен этих „хозяйственников“ назначать? Я думаю, что если бы „хозяйственники“ сами назначали своих цекистов, то многие товарищи, которые считают, что они воплощают этот хозяйственный опыт, не попали бы в ЦК из курии хозяйственников. В ЦК партии сидят товарищи, которые или руководят целым рядом экономических отраслей, или стоят в ближайшей связи с этой работой. Сидит т. Рыков, сидит т. Сокольников, сидят тт. Зиновьев и Каменев, которые по долгу службы, как председатели Советов в больших центрах, близки к хозяйственной работе, и говорить, что эти люди не имеют понятия в хозяйстве, нельзя. Не буду говорить о других членах ЦК и кандидатах, как тт. Пятаков, Смилга. Поэтому ставить вопрос так, чтобы впустить туда хозяйственников,—это значит ломиться в открытую дверь. Но, может быть, вы поставите вопрос так: впустите туда определенных хозяйственников; но тогда будет стоять вопрос не об участии хозяйственников, а об участии данного хозяйственника. Тут я перехожу ко второй части речи т. Красина.

Я не считаю, что она была кандидатской речь хозяйственников. Но если бы она и была кандидатской речью, то она была бы отклонена съездом, и на основании этой второй части „хозяйственники“ не попали бы в ЦК.

Я должен сказать, что я со многим, о чем говорил т. Красин, в конкретной критике согласен,—я скажу сейчас конкретно, в чем дело. Но я должен сказать, что если была какая-нибудь личная помеха к проведению нужных решений, то этой помехой был тов. Красин. Тов. Красин дал такой анализ положения: крестьянство находится в таком состоянии, что из него нельзя черпать силы для восстановления промышленности. Промышленность, в свою очередь, на костылях. Значит, источник, из которого можно черпать силы для восстановления промышленности,—это есть иностранный кредит. И тут он свою хозяйственную речь окончил критикой нашей внешней политики. В чем состоит его критика? Не пользуетесь-де противоречиями иностранных капиталистов между собой и не делаете часто необходимых уступок. Я скажу открыто, что я был один из немногих членов ЦК, которые

были за подписание концессии Уркарта. Это уже доказывает, что есть известное сходство в оценке международного положения между т. Красиным и мною, но я спрашиваю: почему ЦК эту политику отклонил? Он отклонил ее по двум причинам. Первая: ЦК партии считал, что нельзя заключать сделок в тот момент, когда ты особенно слаб, когда существует голод, и когда Ллойд-Джордж приставляет тебе к горлу нож. Вторая причина, почему ЦК отклонял эту политику,—это политика тов. Красина, политика беспрерывных паник.

И очень часто, когда тов. Ленин выступал против того или другого подобного предложения, я спрашивал себя: почему он выступает? Выступает, видно, для того, чтобы Красину, одному из представителей нашей дипломатии, немного укрепить спину. Поэтому много раз совершенно приемлемые предложения должны были быть отклонены для того, чтобы люди, которые вели переговоры, не впадали в панику. Тов. Красин принужден был опровергать в печати сведения, идущие из официальных английских источников и гласящие, что Ллойд-Джордж, уезжая в Геную, сказал: „Я имею обещание от Красина, что Россией будет возвращена частная собственность иностранцев, и уплачены долги“. Я думаю, что тов. Красин мог опровергнуть, что он Ллойд-Джорджу этого не говорил, но не подлежит ни малейшему сомнению, что эти версии исходили из кругов тов. Красина. Кто читал протоколы „Вилла Альбертис“, тот помнит, что Ллойд-Джордж пришел туда с полным убеждением в нашей капитуляции.

Я схожусь во взглядах с тов. Красиным, что нам не обойтись без иностранных кредитов, если мы хотим скоро восстановить нашу промышленность. Но из этого не следует, в какой момент мы эту сделку заключим. И кто на съезде партии выступает таким образом, что говорит во всеуслышание: „мы сами не сможем справиться“, тот, может-быть, думает, что это заявление равно всегдашней критической холодной оценке Владимира Ильича. Но он ошибается. Это есть заявление, которое затрудняет нам всякие сделки, и, к счастью, это заявление не отвечает действительности. Собственными силами мы сможем выйти из положения, хотя это будет очень долго продолжаться. ЦК и теперь говорит: „мы готовы на уступки“, но если бы мы в действительности отвечали то, что говорил тов. Красин: „нет другого выхода, чем итти на эту сделку“,—сделка была бы кабальная. И поэтому более плохих услуг тов. Красин не мог оказать, чем той речью, которую он говорил.

В этой дискуссии очень часто бросался упрек в меньшевизме, в разных уклонах, которые живут не только в Грузии, но и в других частях Советской республики. Везде кто-то от чего-то отклоняется. Нельзя эти упреки принимать, как обиду,—это смешно. Я вспоминаю дебаты на Стокгольмском съезде. Там мне бросился в глаза один аргумент Павла Борисовича Аксельрода, который хотя и меньшевик, но очень умный человек. Он говорил: „Методологически является правильным то, чтобы продумать точку зрения моего противника до конца и судить его по неизбежным выводам, хотя он их не делает, потому

что вещи имеют свою логику, независимую от логики, которую имеют или не имеют люди". И тут, я думаю, Зиновьев был абсолютно прав, когда говорил, что необходимо продумать до конца предпосылки критики в „Рабочей Правде", бывшей рабочей оппозиции. Продумайте эти предпосылки, и вы получите в результате позицию меньшевизма. Кто этого не понял, кто видел в этом клевету, тот не продумал до конца не только того, чего он хочет, но и общего положения и выводов, которые другие делают. Поэтому тут бить тревогу надо, и когда Зиновьев говорил „скатертью дорога", то, наверное, ни один партийный рабочий не думал, что тут Зиновьев легко отделяется от старых работников, которые, возмущенные часто неслыханными вещами, примыкают к рабочей оппозиции.

Поэтому я думаю, что в ЦК не было ни одного товарища, который,—это касается политической линии,—не был бы вполне согласен с тов. Зиновьевым. Единогласие в ЦК было полное, и в этом смысле реферат Зиновьева, который, как всегда, в изложении содержит много нового и личного,—этот реферат был фактически докладом ЦК.

Председательствующий. Объявляю заседание закрытым до 6 часов.

Заседание четвертое.

(*18 апреля 1923 года, вечернее*).

Каменев (председательствующий). Заседание возобновляется. Слово имеет т. Стуков.

Стуков. Товарищи! Разумеется, нет никакой возможности остановить ваше внимание на всех тех моментах и положениях, которые были выдвинуты в докладах тт. Зиновьева и Сталина. Поэтому нам приходится выбирать, какое из тех положений, которые приведены в этих докладах, имеет наиболее актуальный характер, наиболее важно для нас, чтобы мы в работах нашего съезда могли, на основании анализа этих моментов, получить более или менее точную ориентировку для всей нашей будущей практической работы.

С этой точки зрения я считаю, что в докладе т. Сталина имеется положение, на которое следовало бы обратить внимание всем присутствующим товарищам. Это—третья часть его доклада, которая трактует о внутрипартийном положении, о нашем партийном аппарате, о том, как он живет, и как он действует. Но для того, товарищи, чтобы ясно себе представить картину того, как живет наш аппарат, едина ли мысль внутри нашей партии,—для этого разрешите мне высказать несколько общих соображений, которые, я полагаю, имеют, тем не менее, очень тесное отношение к тем докладам, которые были сделаны и Зиновьевым, и Сталиным.

Вы, товарищи, помните, что и в предсъездовской дискуссии, и на самом съезде мы очень много говорили о тактике нашей партии. Если нашу большевистскую тактику понимать таким образом, что в ней имеются не только элементы прямого натиска, прямого напора, но и элементы соглашения, элементы уступок, элементы компромисса, которые опираются на революционную основу и вытекают из нее, то этим самым мы можем себе представить нашу большевистскую тактику, как тактику гибкую, имеющую в виду разные ситуации и разную обстановку. Надо подчеркнуть с особой силой, что эти элементы компромисса у нас всегда подчиняются революционному стержню, и в разные моменты эти элементы компромисса играют то большую, то меньшую актуальную роль. И вот сейчас, после гражданской войны,

в условиях новой экономической политики, мы, конечно, можем констатировать тот факт, что элементы компромисса играют весьма существенную роль, и тут нужен весь наш большевистский прозорливый взгляд, чтобы, практикуя элементы компромисса, мы тем самым не увлеклись и не оторвались от революционных основ нашей тактики.

В этом, тт., я полагаю, заключается основная задача нашей партии. Без компромиссов, без обходов, без уступок, без соглашений мы сейчас не можем вести нашу работу в интересах революции. Но нужно строго блюсти себя в этой практике соглашений и уступок. Нужно смотреть в-оба, чтобы мы незаметно для самих себя не оторвались от революционного стержня. И если вы теперь с этой точки зрения подойдете к тому, что делается в нашей партии, то, ссылаясь в данном случае хотя бы на заявление т. Зиновьева о том, что внутри нашей партии имеются некоторые уклоны, наметившиеся хотя бы в образе одной только математической точки (я сознательно преуменьшаю),— то, тем не менее, мы должны сейчас же обратить на это наше внимание, должны взглянуть на это в-оба, должны коллективно отмечать эти уклоны, какие бы малые они ни принимали размеры, ибо мы знаем, что обстановка черезчур сложна, ибо мы знаем, что в этой обстановке очень быстро могут развиваться всяческие уклоны.

Какие же эти уклоны? Судя по тому, что говорил тов. Зиновьев, и судя по тем фактам и соображениям, которые имеются лично у меня, я полагаю, что эти уклоны носят, несомненно, характер правых уклонов. Эти уклоны имеются не только в области внешней политики, о которых говорил т. Зиновьев, как о попытке поколебать нашу монополию внешней торговли, но они (эти уклоны) имеют в одинаковой мере место и в области внутренней хозяйственной политики. Здесь две стороны одного и того же явления. И я в заключение делаю вывод, который сводится вот к чему: мы должны смотреть, чтобы в нашей партии не появлялись такие тт., которые во всей сложной совокупности условий, при которых приходится работать, не перегнули бы палку слишком в один конец, т.-е. чтобы те самые моменты компромиссов, которые входят как составной элемент в нашу большевистскую тактику, чтобы эти элементы компромиссов не превратились в головах некоторых товарищей в самостоятельный, самодовлеющий элемент основного порядка, чтобы они не превратили нашу тактику в типичную подлинно-соглашательскую тактику.

Если эти тт. появились, за ними надо смотреть в-оба, нужно с ними бороться. Но как?

Мы теперь должны бороться и работать, как в одном месте говорил, кажется, т. Зиновьев, только коллективно. Мы имеем сейчас в нашем ЦК ряд товарищей, на которых мы не можем всецело положиться с точки зрения их умения во-время и правильно ориентироваться. Историческая проверка в отношении к некоторым из этих тт. дает нам много отрицательного, поэтому у меня лично существует относительно них большое сомнение. Если мы сейчас на съезде не по-

ставим вопроса о новом ЦК самым серьезным образом, если мы не придадим этому вопросу кардинальнейшего значения, если мы действительно не сделаем Центральный Комитет большой коллективно работающей силой, направляющей всю партию, помогающей внутри друг-другу, советующей друг-другу и т. д.,—мы не сделаем основного; но коллективно работать можно только тогда, когда связи руководящих аппаратов с массами партийных работников будут таковы, что они будут постоянно, систематически обеспечивать выдвижение все новых и новых слоев. Прав был тов. Сталин, говоря, что руководящие элементы не родятся, не падают с неба, что для того, чтобы сделаться цекистом, нужно человеку сначала попасть в соответствующую обстановку; для того, чтобы развить те или другие задатки и качества, нужно человеку попасть на соответствующую работу. Без этого, без такого понимания вопроса и коллективная работа, и самое выдвижение новых сил, и улучшение госаппарата не будут достигнуты. Нам, товарищи, рассчитывать не на кого. Мы испытали буржуазных спецов, мы знаем, что эти спецы строят наш госаппарат по образу и подобию старых госаппаратов, мы не можем рассчитывать на старую интеллигенцию,—мы должны рассчитывать только на себя, только на свои внутрипартийные силы.

Вот почему я считаю, что совершенно необходимо сделать таким образом, чтобы касты жрецов, о которых говорил тов. Сталин, не было. Это не вина, а может быть, беда наша, что у нас в ходе работ создались эти касты. Я считаю, что тов. Сталин несколько непоследователен в том, что он констатировал наличие этих несколько оторванных товарищей, эту касту жрецов, как он выразился, только в руководящем органе, в ЦК. Я полагаю, что эту мысль надо продолжить и дальше. Я думаю, что и на местах, в силу объективной обстановки, особенно той, которая была в период гражданской войны, тоже создались касты. И надо стенку между этими кастами и остальной партийной массой пробить таким образом, чтобы в ней было больше пор, чтобы, по закону дифузии, был обмен соков и сил со всей партийной периферией. Только таким образом мы можем разрешить вопрос о выдвижении новых сил.

Председательствующий. Слово имеет тов. Преображенский.

Преображенский. Товарищи, доклад тов. Зиновьева был очень полным и содержательным в той части, где он касался иностранной политики и общей политики. В той же части, где он касался хозяйства и анализа новой экономической политики, его нельзя признать удовлетворительным. Я думаю, что вы и сами это почувствовали. Мы, товарищи, все читали брошюру тов. Ленина о продналоге. Мы очень многим ей обязаны. Но с тех пор, как писалась эта брошюра, прошло 2 года. За эти два года река жизни текла вперед, и за это время произошло много нового в нашей экономике,—много такого нового, что завтра отразится в нашей политике. Все эти новые образования подлежат тщательному изучению. И мы не были бы марксистами, если бы не использовали всех преимуществ метода, ко-

торым мы владеем, если бы не дали научного марксистского анализа того, что вокруг нас происходит. Нам нужно сделать такой анализ, взвешенный, продуманный, подтвержденный опытом партии. Он облегчит нам делать практические выводы. Я должен сказать, что до сих пор наша партия не имеет не только программы, которая не была бы совсем устаревшей, но мы не имеем ни одной принципиальной резолюции по вопросу о НЭП'е, которая касалась бы вопроса о переходе от капитализма к социализму в такой крестьянской стране, как Россия. Я вносил в ЦК за 3 месяца до съезда предложение назначить специальную комиссию к настоящему съезду и подработать этот вопрос. Это предложение, к сожалению, не было принято ЦК. Мы не имеем ни одной принципиальной резолюции, которая освещала бы путь вперед. Я вынужден апеллировать поэтому к партийному съезду и прошу съезд поручить ЦК нового состава назначить специальную комиссию и внести соответствующее предложение на ближайшей партийной конференции.

Я предлагаю, чтобы на настоящем съезде было вынесено решение иметь принципиальную платформу о НЭП'е. Тов. Зиновьев в своем докладе сказал, что мы должны так записывать наши резолюции, чтобы потом они никаких двусмысленных толкований не допускали. Я очень хотел бы, чтобы на настоящем съезде и на следующей конференции насчет основных, самых важных директив действительно были вынесены такие резолюции, которые не позволили бы ничего изменять без согласия большинства нашей партии.

Перехожу к следующему вопросу,—относительно отношения партии к хозяйственным органам. Я в этой части в основном согласен с тов. Зиновьевым, но должен сказать некоторое „но". Я здесь слушал тов. Красина и формулировал бы свое мнение так: если бы меня спросили, что я предпочитаю, чтобы чрезвычайно дельный и понимающий свое дело тов. Красин подвергал нас опасности (в качестве, скажем, того же члена ЦК) неверного решения в самом главном и основном, или чтобы тов. Зиновьев ошибся в том или другом хозяйственном вопросе, а в главном оказался прав, то я, ни минуты не колеблясь, предпочту не особенно компетентное вмешательство тов. Зиновьева в хозяйственные вопросы и буду против того, чтобы тов. Красин подвергал нас коренной опасности. (Аплодисменты). Итак, политические вопросы в основном, я считаю, решались и будут решаться ЦК правильно. Но я ставлю другой вопрос: нельзя ли нам так устроиться, чтобы по части хозяйственного руководства дело обстояло несколько благополучнее, чем теперь? Сказать, что теперь дело обстоит прекрасно, я по совести не могу. При всем желании политически поддержать т. Зиновьева в основном,—в этом вопросе, где дело касается компетентного или некомпетентного вмешательства, на основании своего, хотя и небольшого, опыта, на основании наблюдений,—я этого сделать не могу. Товарищи, здесь дело обстоит у нас следующим образом: нам угрожают при НЭП'е, вообще говоря, две опасности. Первая заключается в том, что наше государственное хозяйство построено на базе мелко-

буржуазного производства, которое по размерам своей продукции в пять раз превосходит гос. хозяйство. Мы задаем себе вопрос: если бы вместо нашей государственной промышленности, работающей на вольный рынок,—промышленности, которая плывет по волнам НЭП'а, т.-е. товарного хозяйства, вместо нее на минуту представим себе Рябушинских и Коноваловых, промышленность нашу дореволюционную, — как бы она сейчас существовала, как бы функционировала, в каком направлении плыла бы? И мы должны на этот вопрос ответить, что, в сущности говоря, капиталистическая промышленность во многом плыла бы в том же самом направлении, в каком плывем мы. Почему? Потому что наш мелкобуржуазный базис, базис товарного хозяйства, имеет собственное течение, и, хотя наш советский хозяйственный корабль тоже имеет свое течение, все же он больше держится по течению этого товарного хозяйства. И при таких условиях, когда мы во многом принуждены копировать тот путь, по которому пошел бы капитализм, доделывать то, что не доделал капитализм,—при этих условиях, товарищи, мы имеем огромную опасность, заключающуюся в следующем. На базе этого мелкого производства наше социалистическое хозяйство еще не в состоянии предъявить нам все свои хозяйственные выгоды, и когда в это время купец, торговец, хозяйственник, капиталист, воспитанные на протяжении столетий, подвергавшиеся на протяжении столетий подбору путем банкротства и разорения худших и выдвигания лучших,—когда они на базе мелкого хозяйства начинают строить то, что смела революция, то мы, товарищи, здесь в опасности, потому что с объективно-хозяйственной точки зрения, ведем дело менее выгодно.

В некоторых отраслях,—например, в торговле,—мы уже теперь должны отметить вытеснение нас частным капиталом. Опасность заключается в том, что пока наше крупное производство еще не в состоянии нормальным экономическим путем,—не путем внеэкономическим, не путем давления государственного, налогового и пр., а тем путем, каким Морозовская мануфактура душила мелкого ремесленника-ткача,—стать на твердую почву и задушить зародыш частного капитала, мы в опасности от этого частного капитала. Его аппарат дешевле, нежели наш, он обращается удобнее и быстрее. При этой обстановке и при таких условиях наш корабль, естественно, будет чем дальше, тем больше сталкиваться в то русло, на основе конкуренции, по которому он шел бы, если бы во главе стояли Рябушинские и Коноваловы.

Это, товарищи, первая опасность. Вторая опасность заключается в том, что при таких условиях, в условиях НЭП'а, когда товарное хозяйство имеет свое собственное течение, объективно не зависящее от нашей воли, желаний, платформ, программ и т. д.,—в этих условиях наше хозяйство вынуждено конкурировать с частным хозяйством и считаться с законами этой конкуренции. При такой обстановке, возможно, даже наиболее талантливые руководители хозяйства,—те, которые дадут нам наибольшие прибыли, которые получат от нас

красные знамена за успехи на хозяйственном фронте, по законам, которые снизу прут, которые сильнее нашей воли и нашей программы, эти самые лучшие хозяйственники, заслуживающие получения красного знамени, они как-раз будут представителями того течения, которое будет отклоняться от партийного контроля. Почему это? Потому что они плохие коммунисты? Совсем не поэтому, а потому, что мы переживаем опасный период, когда у нас может быть известное расхождение между линией пролетарской диктатуры, которая должна осуществлять наши общие задачи и, главное, оберегать наше будущее, и отдельными хозяйственными интересами отдельных отраслей, и очень крупных отраслей, нашей промышленности, а может-быть, интересами сегодняшнего дня и большей части предприятий в противовес завтрашнему дню диктатуры пролетариата. Вы знаете, товарищи, что теперь у нас существует большая мания торговли. Каждый отдельный трест стремится торговать. С точки зрения всего государственного хозяйства в целом мы несем огромные убытки, а отдельный трест может выиграть. Он по балансу, и даже не по фальшивому балансу, а по настоящему, покажет вам прибыль, но все хозяйство в целом имеет убыток. Такое явление может быть и по целым отраслям хозяйства. Но когда наша партия не только по хозяйственной, но и по общеполитической линии будет исправлять положение, она будет сталкиваться тогда с оппозицией хозяйственных работников, бессознательно отражающих переход промышленности на рельсы товарного хозяйства. И тогда, товарищи, я спрошу вас, кто годика через два-три будет главой этих хозяйственников, тов. Красин или тов. Зиновьев. Тов. Красин,—я нисколько в этом не сомневаюсь и думаю, что это будет политически очень опасно. Между тем, теперь мы сами идем этому навстречу. Мы, товарищи, сплошь и рядом видим, что наши партийные органы не имеют никакой физической возможности войти не только в детали, но даже в основные цифры тех вопросов, которые они вынуждены решать, и часто делают ничем не вызванные ошибки. Я, товарищи, не раз встречался с такими товарищами, которые возвращались после решения Ц. К. И даже те, которые имели успех, часто сознавались в том, что особо компетентного отношения к их делу они не встретили, хотя имели успех и провели решение. Я не говорю уже о тех, которые успеха не имели, и решение которых провалилось. Таких случаев можно было бы привести гораздо больше, если бы партийный съезд занимался этими вопросами, а он когда-нибудь должен заняться этим.

Отсюда вывод. Вывод заключается вот в чем. Для того, чтобы не усиливать антипартийных тенденций среди хозяйственников и не упустить из своих рук постепенно руководство хозяйством, ЦК должен пойти навстречу тому, что назрело; он должен так переконструировать свою работу, чтобы по важным вопросам, требующим знания, решали или голосовали люди понимающие. Это—вещь элементарная, без нее мы не двинемся вперед. И поэтому я, товарищи, предлагаю то, что я предлагал в печати. Я, товарищи, считаю абсолютно назревшим,—и

товарищи по целому ряду отраслей это подтверждают,—что пора и ЦК, а быть-может, и некоторым нашим губкомам (некоторым,—я не говорю: всем) перейти на систему комиссионной работы.

Необходимо привлечь больше членов, которые несут формальную ответственность за свои решения, привлечь новые силы, которые просто не использованы для руководящей партийной работы. В частности необходимо при Ц. К. организовать целый ряд постоянных комиссий. Товарищи, это нужно и на другом полюсе нашей работы. У нас растет молодежь. Перед нами усложняются вопросы теоретической работы, вопросы воспитания; утверждаю, товарищи, что на этом фронте у нас не благополучно. У нас есть ряд теоретических разногласий между виднейшими марксистами, по которым мнения партии нет, и его не будет до тех пор, пока и на эту сторону мы не обратим внимания. И здесь, как и в других вопросах, нужна комиссия, о которой я говорил, научно-теоретическая комиссия ЦК, которая следила бы за всеми новыми течениями, которая следила бы за тем, что делается среди молодежи, и которая не допускала бы прорыва на нашем теоретическом фронте. Напомню вам, что Владимир Ильич, перезанятый до горла, всегда этим вопросом интересовался и всегда волновался по поводу той или другой опасности, нам особенно здесь угрожавшей.

В заключение два слова относительно доклада тов. Сталина. Доклад тов. Сталина был чрезвычайно содержательным,—я бы сказал, что это был очень умный доклад. Но докладчик, по-моему, не коснулся одного вопроса, имеющего опасную сторону. Дело идет о следующем. Вы, товарищи, должны знать, что у нас приблизительно 30% всех секретарей наших губкомов являются секретарями, как это принято выражаться, „рекомендованными“ Центральным Комитетом. Я очень боюсь, товарищи, что если так дело пойдет дальше, и практика „рекомендаций“ превратится в систему, то у нас может получиться то, что есть в некоторых организациях: товарищи, которые прибыли на места, и которые не встречают достаточной поддержки,—часто совершенно неосновательно не встречают поддержки, в результате группируют вокруг себя некоторых товарищей, которые расходятся с местными, и в результате у нас получается государство в государстве. Я не знаю, насколько этот процесс далеко шагнул. Но есть несколько организаций, в которых это имелось. Я думаю, право Центрального Комитета на переброску, на усиление некоторых организаций, на расскассирование тех, которые на важнейших участках, чрезвычайно важных и опасных, теряют работоспособность, бесспорно, но вводить в систему то, что является исключением, что должно быть результатом крайней необходимости, и что партии политически опасно, ни в каком случае не следовало бы.

Председательствующий. Слово имеет тов. Сорин.

Сорин. Товарищи, я прежде всего хотел бы указать на те недочеты, которые имели место в работе Центрального Комитета. Эти недочеты, на мой взгляд, носят второстепенный характер,—они отхо-

дят на задний план перед тем большим и положительным, что сделано Центральным Комитетом. Но все-таки, я думаю, не лишнее будет об этих недочетах упомянуть. Прежде всего я хочу сказать несколько слов относительно нашей внешней политики. Эта внешняя политика была такого рода, что она в общем и целом получила полное одобрение партии, поскольку мы все могли изо дня в день наблюдать ход нашей политики на ряде этапов: в Генуе, Гааге и т. д. Но был один эпизод в этой внешней политике, который, сдается мне, все же не получил своевременно быстрого ответа со стороны нашей партии. Я имею в виду Рур или, несколько шире, франко-германский конфликт. Конечно, товарищи, нельзя требовать того, чтобы в таком вопросе, как обострение франко-германских отношений, у нас сейчас же, в момент конфликта, была создана, образована соответствующая политическая линия.

Это, конечно, сделать очень трудно по той простой причине, что иногда нужно выждать, чтобы постепенно в ходе изменения обстановки наметить ту или иную политическую линию. В конце-концов, эта линия была партией создана, и вчера тов. Зиновьев формулировал достаточно ясно наше отношение к рурскому конфликту. Но, тем не менее, некоторые звенья были вначале недостаточно ясны. Товарищи должны помнить, что в один из этапов в назревании этого франко-германского конфликта в „Правде“ появилась передовая статья, по всей вероятности, продиктованная Центральным Комитетом,—да так и должно быть во всех важных случаях, когд ЦК сам должен непосредственно давать директивы нашему партийному органу,—статья, которая среди целого ряда товарищей произвела такое впечатление, как-будто мы предлагаем Германии активную поддержку почти даже в виде военного союза. Такое впечатление, по крайней мере, на первых порах, создалось. Позже эта неясность была сглажена, но я думаю, что тут нужно упомянуть о ней, поскольку речь идет об общей политике Центрального Комитета.

Второе обстоятельство—это то, которое давно уже привлекает к себе внимание партии, но о котором никогда не следует забывать поговорить еще лишний раз. Товарищи, когда мы принимаем в партию тов. Мартынова,—человека, проделавшего, несомненно, сложную духовную эволюцию,—я не возражаю. Но когда мы производим массовый прием в нашу партию из других организаций, и когда я вчера или позавчера прочел в отчете ЦК, что у нас в партии выходцев из других мелкобуржуазных партий около 30 тысяч, я сказал бы, что это немножко страшно. Мы знаем, что старых большевиков в партии только 10 тысяч по самым оптимистическим подсчетам, и из этих 10 тыс. надо скостить тех, которые не принимают участия теперь в политической работе, потому что они уже несколько устарели. У нас есть немало старых работников, которые не поспевают за общим развитием партии, и которые остановились на периоде дооктябрьской революции, другие застыли на эпохе брест-литовского мира,—так что из этих 10 тысяч надо часть скостить. И если мы имеем слева это идейное,

наше большевистское, старое ядро, то, с другой стороны, мы имеем довольно сильный противовес. Я не хочу брать кого бы то ни было под подозрение, но я хочу сказать, что из этих 30—28 тыс. большое число мы имеем с известным идейным багажом. Поэтому я думаю, что ЦК надо в высшей степени осторожно относиться к дальнейшему приему в нашу партию различных выходцев из мелкобуржуазных организаций.

Далее я хочу перейти к тем вопросам, которые сейчас являются наиболее кардинальными, которые больше всего здесь, на съезде нашей партии, обсуждаются. Прежде всего относительно тех уклонов, которые у нас в партии имеются. Об этих уклонах говорилось уже достаточно много. Я остановлюсь только на тов. Осинском. Тов. Осинский заявил, что он является ленинским учеником. Должен сказать, что это заявление, вероятно, для многих из вас является в известной мере неожиданным. Конечно, в широком смысле все мы, вся партия большевиков, являемся ленинскими учениками, но когда мы говорим, что вот такой-то есть ленинский ученик по преимуществу, то мы предполагаем, что этот товарищ очень хорошо усвоил основные идеи ленинского учения или проявил себя серьезным образом в проведении этих идей. Ничего подобного о тов. Осинском мы сказать не можем, но, тем не менее, тов. Осинский заявляет, что он является ленинским учеником. Согласимся на этом. Но, ведь, ученики бывают разные: ученики бывают способные и бывают ученики неспособные. (Смех. Аплодисменты). Бывают ученики, которые хорошо усвоили учение Ленина, и бывают ученики, которые искажают его, сами того не желая.

Как же в этом отношении обстоит дело с тов. Осинским? Я позволю себе процитировать очень короткую цитатку, которую приводит т. Осинский из сочинений т. Ленина. Она всем известна, но повторить ее не мешает. Тов. Ленин говорит: „Управлять хозяйством мы сможем если коммунисты сумеют построить это хозяйство чужими руками, а сами будут учиться у этой буржуазии и направлять ее по тому пути, по которому они хотят". Это положение для нас не ново. Оно проводится партией уже в течение пяти лет. Но какой вывод делает из этой в высшей степени привычной для нас цитаты т. Осинский? Он предостерегает т. Ленина от того, чтобы, основываясь на этой идее, мы не предприняли передачи ключей от нашего хозяйства буржуазным спецам, людям не нашим. Что это значит? Это значит, что т. Осинский предостерегает т. Ленина и нашу партию от того, чтобы мы не отдали нашей промышленности в руки буржуазии. Таков смысл этой фразы, если ее освободить от ее конспиративной оболочки. Но даже при самой прилипчивой критике, даже при критике т. Осинского, мы нигде не найдем у т. Ленина, что пролетариат должен отказаться от своей экономической диктатуры. Конечно, т. Осинский ничего подобного там не найдет. Тут хотелось бы привести т. Осинскому в дополнение еще то, что он сам прекрасно знает, — что т. Ленин всегда отстаивал идею государственного капитализма. А что же эта идея

предполагает, как не то, что в данном случае государство пролетариата командует промышленностью? Эта идея является для т. Ленина основной, так что никакого намека, даже в самой косвенной форме, на то, что тов. Ленин рекомендует передачу ключей буржуазным спецам, у тов. Ленина нет, так что тов. Осинский без всякого достаточно законного основания мог сказать, что он является в каком бы то ни было смысле ленинским учеником. Я позволю себе смело сказать, что если бы т. Ленин узнал, что т. Осинский является его „учеником" и так излагает его идеи, то я думаю, что т. Ленин мог бы сказать то же самое, что сказал Маркс о некоторых своих учениках: „я сеял драконов, но, к сожалению, я собрал урожай блох".

Теперь перейду к тому вопросу, который является кардинальным вопросом для всего нашего партийного съезда и для нашей дальнейшей работы,—это вопрос относительно состава нашего ЦК партии. Тут т. Сталин употребил словечко „независимые кандидатуры", говоря о том, что в ЦК нужны „независимые". Конечно, он употребил это слово в том смысле, что нам нужны люди самостоятельные, которые умеют думать, и которые способны не подчиняться пассивно чужим влияниям. Но некоторые товарищи в это словечко „независимые" вкладывают совершенно другое содержание. Я думаю, что мы должны сказать так: да, нам нужны в ЦК люди с независимым образом мыслей в том смысле, что они не подчиняются персонально посторонним влияниям, но нам нужно, чтобы эти люди „зависели" от того круга людей, который является основным для нашей партии. Это положение нельзя забывать. Т. Сталин выдвинул положение, которое не является совершенно новым, о том, что ЦК нашей партии нужно немного расширить. Сколько помнится, у нас на каждом съезде ЦК нашей партии постепенно расширяется. Но я решительно восстаю против такого толкования той мысли, что ЦК есть прежде всего „школа" управления. Да, это есть „школа" управления, но только это, между прочим, на десятом месте. От ЦК мы требуем прежде всего, чтобы ЦК был руководящим, управляющим органом, и только тогда, когда эта функция будет выполнена, мы можем подбирать таких людей, которые переросли рамки местной работы и по своим личным качествам, по партийному стажу и т. д. смогут войти в ЦК нашей партии...

Тут относительно ЦК тов. Косиор употребил фразу: „нам нужно в этом ЦК создать „барьер", который должен служить противовесом той основной группе, которая ведет работу в нашем ЦК". Тов. Косиор, я думаю, что этот „барьер" в вашем изложении есть не что иное, как кол, который вы хотите вбить в ЦК. Нам же нужно создать ЦК с таким расчетом, чтобы та линия, которую проводит наша партия в течение 25 лет, была обеспечена и на будущее время. Надо вспомнить, что в 1920 году у нас единого ЦК не было, и нам этой ошибки надо в дальнейшем избежать. Тут тов. Осинский горячо ополчился против анонимной брошюры, которая предлагает изъять из ЦК основную, всей партии известную, группу из 3-х человек. Тов. Осинский доказывал нам, что он не согласен с этим анонимным заявлением.

Но сказав, что он не разделяет идеи этой анонимной платформы, тов. Осинский сделал попытку одного из товарищей извлечь из числа членов ЦК, и сделал это, на мой взгляд, в таких тонах и выражениях, от которых мы хотели бы наш партийный съезд освободить. (Голоса: „Правильно!". Рукоплескания).

В заключение я хочу сказать в связи с мыслью тов. Сталина, что в наш ЦК мы должны ввести новых работников, выдвинувшихся на местной работе, которые могли бы обогатить опыт ЦК. Но мы при этом должны помнить, что новый ЦК должен быть таким же, как и раньше,—настоящим твердокаменным, большевистским, ленинским ЦК. (Аплодисменты).

Председательствующий. Слово имеет тов. Сафаров.

Сафаров. Товарищи, критика руководящей линии нашей партии началась с литературной атаки, более или менее ожесточенной. Во-первых, тов. Осинский поведал миру об известном уклоне т. Ленина, о том, что, будто бы, тов. Ленин желает передать ключи от управления хозяйством в руки буржуазии. Тов. Осинский сегодня здесь, на этой трибуне, выступал, но, однако, по каким-то совершенно неизвестным нам мотивам, этого основного своего аргумента он не повторил. Он умолчал. Очевидно, здесь, на партийном съезде, фигура умолчания ему показалась более выгодной (в виду настроения подавляющего большинства партии), чем прямое и ясное изложение своей политической линии.

Выступление тов. Красина в значительной степени, и даже в сильной, отличалось от того выступления (это могут подтвердить тт. петроградцы), которое он делал в петроградском дискуссионном клубе, где он очень категорически предлагал (слушайте, товарищи, я это буквально записал) применять „производственный принцип во внешней политике". Как же он излагал этот „принцип"? Он говорил, что единственный выход—это „разумная" внешняя политика весьма и весьма ликвидаторского оттенка.

И тут, конечно, дело идет о совершенно определенной политической линии, которую иначе, как ликвидаторской, назвать нельзя. Я констатирую, что предсъездовская литературная атака здесь, на съезде, путем диалектического развития в противоречиях перешла в бунт на коленях. Этот бунт был уснащен целым рядом ругательских выражений по адресу Центрального Комитета нашей партии; однако, по существу критики не попытались защищать основные тезисы и взгляды, выдвинувшиеся в предсъездовской дискуссии. В условиях новой экономической политики заложена совершенно определенная опасность для нашей партии,—эта опасность заключается в отрыве отдельных отрядов нашей партии от партийного целого, от партийного организма. Это очень большая опасность. И тут, товарищи, разрешите напомнить вопрос о взаимоотношениях между отдельными частями партийной работы, отдельными отрядами партийной армии и партией в целом. В рабочем движении это вопрос не новый. Я не хочу старого большевика т. Красина упрекать в том, что он становится на путь

парламентского и профсоюзного ревизионизма прошлых лет, но по существу дела противопоставление партийного целого задачам хозяйственного возрождения отдает кое-чем от наших споров о „независимости“ парламентских фракций и профсоюзных фракций от партии. Партии грозит определенная опасность со стороны отдельных товарищей, которые настолько заражаются ведомственностью, что забывают о партийности. Происходит подмена партийной политики, партийной линии ведомственным кругозором, ведомственной линией, ведомственной политикой. Тут все товарищи, критиковавшие основную линию Центрального Комитета партии, весьма возмущались всякими намеками на их меньшевизм, всякими намеками на антипартийный уклон; однако, товарищи, некоторый единый фронт между т. Лариным, тов. Осинским и т. Красиным существует. (Голос с места: „Ясно, конечно!“). Тов. Осинский, который борется против известного „уклона“ т. Ленина,—т. Осинский в то же самое время полностью, обеими руками, как он заявил в последнем дискуссионном листке, подписывается под аргументацией т. Красина по поводу вредности реорганизации нашего государственного аппарата в связи с предложением т. Ленина о контроле. Т. Красин, с другой стороны,—очевидно, по пословице, что кукушка хвалит петуха за то, что петух хвалит кукушку,—пишет следующее:

„Ратуя и проповедуя всемерно усиление контроля, вы не замечаете, что этим самым вы предоставляете производство и торговлю в значительной степени в руки нэпмана, ибо связываете по рукам и ногам государственного производителя и купца“.

Если это заявление Красина сопоставить с его рецептом в области международной политики, то нужно сказать, что это заявление прежде всего демагогическое, а если сопоставить это заявление с заявлением тов. Осинского, то вы увидите, как далеко зашел т. Красин в своей защите бюрократического уклона определенных групп хозяйственников и в попытке наладить смычку с позицией Осинского. С другой стороны, тов. Ларин приводит статистические данные,—а они у него так быстро пекутся, точно приключения в известных похождениях барона Мюнхгаузена. Статистика у него, наверное, уже имеется на 1930 год, он, наверное, уже установил, как будет выглядеть Советская Россия в 1926 году. В выпущенной недавно книжке т. Ларин совершенно определенно выступает против основной линии партии. В чем фокус, в чем основной момент у нас сейчас, поскольку дело идет о смычке пролетариата с крестьянством? Гвоздь вопроса в падении хлебных цен. Это падение может иметь определенные политические последствия. И в это время тов. Ларин выступает и заявляет, что значительное большинство России заинтересовано в неповышении хлебных цен. Такова точка зрения, которая стремится отвести партию от основных конкретных задач. И поэтому такая точка зрения является вредной для партии. И посмотрите, какая симметрия в этом триумвирате! Все три товарища крайне возмущаются намеками на связь их взглядов с меньшевистской тенденцией. А посмотрите, еще

в 1921 году меньшевики точно устанавливали, что РКП должна вырodиться в „бюрократическую верхушку“, должна передать ключи от хозяйства буржуазии, а, с другой стороны, эта бюрократическая верхушка должна предавать интересы рабочей массы интересам мелкой крестьянской буржуазии, на которую она „опирается“, и которая „является“ основным стержнем в развитии Советской России. Такой диагноз устанавливали меньшевики. И теперь посмотрите: заявление тов. Ларина о лжекрестьянском уклоне, с одной стороны, и заявление т. Осинского об уклоне Ленина—с другой,—они в высшей степени по своим тенденциям (мы будем надеяться, что тт. не будут развивать в будущем эти весьма вредные тенденции), показательны и определенно скатываются в меньшевистское болото. Тут отдельные тт. выступали и говорили, что они крайне недовольны тем, что внутрипартийная обстановка не благоприятствует группировкам, что эта внутрипартийная обстановка такова, что кажется, что существует исключительный закон против группировок. Это хорошенькая фраза... По сути дела тт., выступавшие по поводу исключительного закона, правы в том смысле, что партия настолько проникнута сейчас твердой, непоколебимой волей к единству на основе ленинской линии, что она в своей повседневной практике самым решительным образом восстает против всяких попыток ревизии того ленинизма, с помощью которого мы прошли свою 25-летнюю историю.

Рудзутак (председательствующий). Слово имеет тов. Каменев. (Аплодисменты).

Каменев. Товарищи, ЦК в очень трудный момент для партии пришел к партийному съезду, ко всему коллективному, партийному общественному мнению с просьбой выбрать между теми оттенками политики, которые предъявлены на рассмотрение партийного общественного мнения. Да, конечно, наша политика едина, как едина наша партия. Но партия наша была бы мертва, если бы в этой единой политике не намечались отдельные оттенки, постановки ударений на отдельных моментах партийной политики. А ЦК был бы слеп, если бы он не замечал нарастающих политических настроений, если бы он не пытался формулировать, если бы он не предъявлял этих настроений партии и не требовал бы, чтобы партия выбрала те или другие элементы. Вот политическая задача, которая сейчас стоит перед партийным съездом.

Мы знаем, что нас обвиняли в том, что ради всяких целей,—это говорилось в анонимной платформе и в отнюдь не анонимных речах,—политика партии направляется нами не во имя определенных идей, а теми или другими групповыми комбинациями, и, исходя из таких обвинений, указывали, что анонимную платформу кто-то вытащил и зачем-то усиленно ею перед партией машет. Указывали, что раздуваются разногласия, что было бы лучше, если бы об этом не говорить; мало ли что написал тот или другой литератор, ту или другую статью и в этой статье сделал ту или другую ошибку! Зачем дискуссировать по этому поводу перед партией? Эта точка зрения абсолютно неверна.

Мы живем в стране, в которой не только существует диктатура пролетариата, но в которой мы принуждены развитие собственной внутрипартийной дискуссии держать в определенных рамках. И мы знаем, почему это нужно делать; и мы убеждены, что только совершенно безответственные демагоги могут оспаривать необходимость этого в стране, где пролетариат и коммунистическая партия держат в своих руках диктатуру, окруженные не только международными врагами, но и мелкобуржуазной и нэповской стихией внутри своей собственной страны. При этих условиях каждая строчка, каждый оттенок мысли должны быть внимательным образом проанализированы. Только по этому можно судить о тех процессах и настроениях, которые зреют в глубине нашей партии, и если их учитывать не будем, мы попадем через один-два месяца впросак. Вот почему мы взялись за анонимную платформу, вот почему статьи Осинского и речи Осинского и Красина есть политические документы.

Тут были предъявлены политические линии, и то, что они предъявлены с этой трибуны, свидетельствует о том, что мы были правы, когда за два месяца до съезда начали бить тревогу. Эти требования были предъявлены Осинским, Лариным и лучше всего и больше всего Красиным. Я жалею, что ни у Осинского, ни у Ларина не нашлось той откровенности, которая есть у Красина, которому я готов аплодировать. У нас нет в стране другого собрания, перед которым ответственный политически человек должен сказать, что он думает, как надо спасти страну и партию.

К сожалению, ни Ларин, ни Осинский не вышли и не сказали этого так откровенно, как сказал тов. Красин. Ларин попытался отделаться шуточками. Он всегда приходит на собрания с видом, что он все знает. Он, как всезнайка, как умеющий на всякие вопросы в каждый момент привести груду цифр, справок и пр., хорошо известен.

Он сообщает, что Политбюро по поводу налога на крестьян приняло ту цифру, которую за месяц или несколько недель предъявил Ларин, и за которую он подвергся всяким поношениям и гонениям. Тов. Ларин и тт. делегаты съезда, смею вас уверить, что когда Политбюро обсуждало, в какой мере определить налог, оно не знало, что проповедует в течение нескольких недель тов. Ларин. Напрасно он приписывает себе это. Комиссия из всех ведомств (тов. Ларин начал оглашать цифры, и я принужден пойти по этому пути) предложила определить размер налога гораздо выше того, который приняло Политбюро. Политбюро понизило, по крайней мере, на 20% тот общий размер налога, который был предложен комиссией, в которой были представлены различные ведомства. Мы взяли $^2/_3$ того, что предлагали нам принять ведомства. Вот в чем заключается действительно политический вопрос, а не в том, как тов. Ларин рассказывает, что он осмелился предложить на 20% выше, и его за это объявили еретиком, меньшевиком и т. д., а потом сами приняли эту цифру. Это пустяки, тов. Ларин: нигде никогда члены Политбюро против вас по этому поводу похода не поднимали.

Мы взяли $^{2}/_{3}$ того, что предложили нам советские ведомства. Почему? Мы будем говорить об этих мотивах дальше, при обсуждении одного из следующих пунктов порядка дня. Это—вопрос политический, и Политбюро, выслушав ведомства, собрав комиссии, проверив счета, сказало после этого: мы находим по политическим причинам для укрепления союза рабочих и крестьян необходимым понизить на $^{1}/_{3}$ то, что предлагало нам взять одно из ведомств. Партия наша, конечно, способна в отдельных клеточках перерождаться, способна в отдельных частях подчиняться разным влияниям. Когда мы коммуниста, который дрался на баррикадах, который умеет, как выражается тов. Ленин, „рассказать о революционной борьбе", берем из этой горячей атмосферы и говорим: иди, управляй банком, мы знаем, что мы сажаем этого человека в такое место, что, когда он придет к нам через месяца два-три назад в ЦК, в нем будет кое-что от той работы, на которую мы его посадили. Мы должны помогать не поддаваться этому влиянию. Партия не изолирована, не отрезана стеклянной или чугунной стеной от мелкобуржуазной стихии. Наш государственный аппарат, который отнюдь и далеко не состоит сплошь из коммунистов, который набран из старья, гораздо больше и автоматически подчиняется этой чуждой нам классовой стихии. Что определяет работу этого аппарата? Коммунистические директивы или давление отнюдь некоммунистической среды, не социалистических отношений, а отношений собственности, отношений купли и продажи, конкуренции на рынке, среди которых эти ведомства работают? Когда эти товарищи, посланные в эти мелкобуржуазные отношения, поддаваясь этому влиянию, приходят потом в Политбюро и говорят: дайте окончательное решение, мы говорим: да, мы знаем, что тов. Ларин и Красин будут ругать Политбюро в некомпетентности. Компетентные люди, мол, подробно обсудили этот вопрос, было 10 спецовских комиссий, выслушивали агрономов, инженеров, а литераторы Политбюро будут отменять наше решение. Мы говорим: да, потому что в этом Политбюро сосредоточен в данный момент, на данный период времени политический мандат рабочего класса, в то время как у вас есть мандат от статистики, от опыта в данной конкретной области жизни. Кто-нибудь должен пересмотреть это, перетряхнуть эти комиссии с точки зрения общей политики. Кто это сделает? Только наша партия. Тов. Красин говорит: „когда я написал, что нужно ввести в ЦК производственников, а не только чистых литераторов, то чистые литераторы обиделись". Нет, тов. Красин, дело не в обиде литераторов, а дело в том, что у нас действительно есть тенденция, за которой мы должны самым внимательным образом наблюдать. Тов. Осинский позволяет себе на партсъезде сказать в речи (позвольте мне это сказать), которая представляет далеко не платформу тов. Осинского, в которой он не повторил $^{1}/_{10}$ части того, что написано в статьях,—тов. Осинский говорит: Политбюро боится сажать в Совнарком ответственных людей, чтобы они не съели Политбюро. Позвольте, тт., это есть обвинение, к сожалению, не только политическое, и тов. Осинский тем и плох,

что он не отделяет политических обвинений от обвинений личных и персональных. Если он на партсъезде говорит: „боятся сажать в СНК ответственных людей, чтобы не съели Политбюро“, это не только политическое обвинение, а то самое обвинение, которое прописано всеми буквами в анонимной платформе. Я знаю, что вы ее не писали, вы пытались доказать здесь, что эта платформа напрасно навязывается вам. Пусть будет так. Но никогда вы марксиста, прошедшего 25-летнюю школу, не заставите ставить вопрос только персонально и забывать о связи идей. Мы не спрашиваем, кто писал анонимную платформу, какая машинистка ее переписывала, а спрашиваем, есть ли идейная связь между выступлением такой-то, такой-то и такой-то группы в такой-то момент, по такому-то вопросу. И утверждаем, что эта связь есть, она выглядывает из каждой строки, кто бы ее ни писал. То же самое было, когда будущие меньшевики переходили к экономистам, и т. Ленин обвинял и говорил: вы становитесь экономистами, покойный Мартов говорил тогда: как ты можешь меня в этом обвинить? И Ильич ответил: дело не идет о личном обвинении, но ты есть орудие определенной исторической тенденции, и эта тенденция делает тебя продолжателем дела экономистов. Тов. Осинский! Чуждая нам классовая стихия и тенденция делают вас своим орудием! (Аплодисменты). И мы это обязаны сказать именно теперь, тт. Если бы Владимир Ильич мог выступать против Осинского, мог бы писать статьи, достаточно было бы тов. Ленину написать, чтобы все это знали. Но этого авторитетного мнения нет. Съезд разъедется, но эта тенденция останется. Это не тенденция пера тов. Осинского, а глубокая социальная тенденция, которая не может найти другого выхода. У нас нет свободы печати, чтобы соразмерить и оценить общественное мнение нового крестьянства, новой буржуазии, ее клиентеллы или группы „спецов“. У нас нет свободы печати, к которой мы могли бы прислушаться. То, что живет в душах новой буржуазии, нэпманов, нового крестьянства, доходит к нам в отраженной форме и не перестает существовать. Ильич знал, что если мы закроем глаза и подумаем, что то, что есть в зале,—это все, то мы провалились бы через несколько дней.

Мы по Осинскому и по Красину судим о тех настроениях, которые есть за пределами этого зала. Поэтому если вникать в это не с точки зрения того, что мы с Зиновьевым хотим или не хотим, чтобы нас кто-то не съел, а с точки зрения основных, идейных, принципиальных основ, то надо сказать, что уклон, какой наметился сейчас, покуда дает маленький лишь угол расхождения, но этот угол расхождения в нашей обстановке имеет тенденцию расти и будет, несомненно, расти. И то, что мы не можем рассчитывать сейчас на авторитетный голос Владимира Ильича,—к чему послужит? К тому, что эти уклоны сгладятся, или к тому, что они будут более развиваться? Я уверен в том, что они будут более развиваться, и потому нам нужно быть крепче. Тов. Красин говорил не от себя,—он говорил за целую группу. Тов. Красин ссылался на наркомов. Он сказал: наркомы боят-

ся выступить здесь. Красин говорил, что он выступает не от своего имени, а от имени тех наркомов, которые по коридорам говорят. (Смех). Хорошо. Я думаю предложить от имени всего съезда попросить всех этих наркомов выступить и сказать, где их партия теснит, в каком месте этот сапог им жмет. Посмотрим, вместе обсудим. Но Красин сказал речь,—я говорил уже,—речь смелую, блестящую речь, которая есть, по-моему, политический манифест тех товарищей, которые во всей нашей политике поняли и приняли только НЭП. Вот центр тяжести речи тов. Красина. (Голоса: „Правильно!"). Речь тов. Красина характеризуется таким распределением света и теней: глубочайший пессимизм по отношению к нашим внутренним силам, величайший оптимизм насчет великодушия европейского капитализма. (Смех и голоса: „Правильно!"). Вот распределение света и тени. И поэтому тов. Красин не оговорился, когда он сказал: нам дозарезу нужна помощь. Да, тов. Красин, нам нужна помощь, но если мы с вами вместе,—а вы же хотели бы, чтобы то, что вы предлагаете, съездом было принято,—но если мы вместе с вами заговорили бы этим языком, что нам дозарезу нужна помощь иностранных капиталистов, если бы мы, по-вашему, поставили свою задачу так, что нам надо искать соглашения, то это была бы худая политика. Тов. Красин, позвольте уж напомнить вам, что вы сказали „без кабалы". Но кто же будет решать этот вопрос, с какого момента соглашение с европейским империализмом переходит в форму кабалы или нет? И я утверждаю, что этот вопрос должны решать те, которые вами называются чистыми литераторами, и которые фактически есть политики. Почему? Потому, что если есть паническое настроение, то не у тов. Зиновьева, как думает Красин, а паническое настроение у тов. Красина. (Рукоплескания). И эта паника диктует тов. Красину определенные практические шаги. Как, тов. Красин, соглашение с Уркартом следовало бы подписать?.. (Красин с места: „Вы мне слова не дали"). Тов. Красин давно стоит на этой почве. Нет, товарищи, в Политбюро человека, которого мы слушали бы с большим вниманием, чем тов. Красина, когда он приезжает из-за границы; нет, товарищи, из деловых наших советских людей человека, к которому бы мы относились с большим уважением, чем к тов. Красину; нет, товарищи, из деловых наших людей товарища, которого больше любил бы Ленин, и это засвидетельствуют все ближайшие помошники тов. Ленина. И в то же время, когда тов. Красин, исходя из панических настроений, говорит: „давайте подпишем соглашение с Уркартом, иначе мы погибнем", мы говорим: нет, тов. Красин, не впадайте в панику. Мы лучше знаем внутренние отношения, и потому, если вы, в порыве лучших чувств, подписали это соглашение, то мы эту вашу подпись отменим и снимем. Вот одно. Но не это одно было. Вспомним о Генуе. Были ли тогда колебания? Руководящие центры были во всем едины. Но за пределами центров те, которые были настроены более панически, которые думали, что никакого выхода нет, говорили: надо пойти на предложения, которые сделаны были там. Нам говорили тогда: если вы отка-

жетесь от соглашения в Генуе, то через три месяца вы получите новую блокаду и интервенцию. Руководящий центр сказал: не пугайте, давайте попытаемся побороться и не пойдем на кабальное соглашение. Мы не пошли. Прошел год с тех пор,—и где же пророчества паникеров?

И вот, товарищи, это паническое настроение чрезвычайно опасно, и нам нужно делать определенные выводы. Надо договаривать до конца, — как сказал товарищ Красин. Это настроение тех групп, которые не понимают, что НЭП есть пена на новой экономической политике, а новая экономическая политика отнюдь не есть еще весь наш коммунизм, не частица коммунизма, а только одно из орудий, одно из обходных движений коммунизма. Те, которые не понимают этого, склоняются к мысли о том, что следует советы немножечко отодвинуть от партии, которая вмешивается во всякий шаг хозяйственников. Нельзя ли дать хозяйственникам больше автономии? Нельзя ли изменить такое положение, когда 25 лет партией руководят какие-то литераторы? Нельзя ли ввести туда хозяйственников?

Не об этом идет речь. Когда мы выбираем работников, мы не разбираем, инженер ли он, или литератор. Совсем нет. Мы выбираем тех, которые способны вести политику. Но чего мы никогда не делали,— это того разделения, которое требуется действительно линией НЭП'а: разделения между советским аппаратом и партией. Советский аппарат, как я уже сказал, больше, чем партия, подчинен всякого рода перерождениям, подчинен мелкобуржуазной стихии. Возьмите, например, тех, кто может действительно явиться идеологом НЭП'а. Возьмите умного врага,—такого врага, который не будет в этом году итти против нас с лозунгом учредительного собрания или с лозунгом „власть советов без коммунистов". Таких дураков мало на свете осталось. У нас есть умные враги. Это—новая буржуазия и ее идеологи. И разве они не могут создать группу идеологов-политиков, которые скажут: бороться с коммунистической партией невозможно, но нужно попытаться сдвинуть чуточку коммунистическую партию в сторону от советского аппарата, дать возможность советскому аппарату самостоятельно похозяйничать, чтобы не так влияла партия, чтобы направление и контроль коммунизма не были так близки к советскому аппарату? Это лежит в основах нашего компромиссного строя.

Товарищ Красин одно забыл: все на производство,—говорит он. Однако, он ошибается, не умея вложить в этот лозунг классового содержания. Когда сменовеховцы и кадеты говорят: смотрите, Россия возрождается, они в понятие „России" вкладывают присущие им понятия о будущей России, „России буржуазной ограниченности", как писал тов. Ленин в последней статье. Эта стихия идет, она не выдумана ни Красиным, ни Милюковым, ни эсерами. Это—Россия мелкобуржуазной ограниченности, Россия, торгующая хлебом, Россия, получившая в свои руки землю, но желающая на этой земле вести частное хозяйство. Она идет, она существует, она есть реальная действительность. Мы не забудем никогда, что когда мы идем на компромисс с

мелкобуржуазной крестьянской стихией, мелкая буржуазия есть зачаток крупной буржуазии. Если же мы это забудем, то мы ничего не поймем в политике. Против этого нам нужно построить свои батареи Мы должны маневрировать, и наша партия,—тот, кто руководит маневрами,—должна видеть все это, и не должна впускать в свои ряды тех, которые способны этот маневр превратить в капитуляцию. И вот почему мы говорим, что тот, кто говорит против партии, кто требует разделения функций советского аппарата и партии, хочет нам навязать такое же разделение властей, какое есть и в других государствах. У нас теперь, слава богу, есть советский купец, есть советская биржа, и теперь нам предлагают советское разделение властей. Пускай-де советский государственный аппарат государствует, а партия пускай занимается агитацией, пропагандой, углублением коммунистического сознания и пр. Нет, товарищи, это было бы слишком большой радостью для наших врагов.

И поэтому, когда нас подталкивают на этот путь,—смело, как делает тов. Красин, робко, как делал сегодня тов. Осинский,—мы говорим: нет, товарищи, это начало не литературной кампании, а начало политической кампании. Мы должны ее зафиксировать, мы должны сказать: тут мы стоим и отсюда никуда не пойдем. И когда говорят на это: позвольте, вы рассуждаете,—как Лутовинов говорит,—вы рассуждаете, как Керенский (я председательствовал в этот момент; „Керенский“—бранное слово, я должен был остановить тов. Лутовинова, но, к сожалению, не успел этого сделать), мы должны оценить политический смысл этого заявления. Тов. Лутовинов не первый день в партии, не первый раз выступает на съездах. Что это значит? Вскройте политический смысл этого заявления.

Вот предо мной платформа, о которой говорил тов. Зиновьев. Платформа эта, конечно, анонимная. И вот эта платформа говорит: „мы зовем все пролетарские честные элементы, группирующиеся вокруг демократического централизма, „Рабочей Правды“ и примыкающие к рабочей оппозиции, как состоящие в партии, так и находящиеся вне рядов ее, объединяться на основах манифеста „рабочей группы РКП“. Это, товарищи, тоже надо как-нибудь оценить. Почему действительно не зовут честные рабочие элементы, группирующиеся вокруг Центрального Комитета нашей партии, а только честные пролетарские элементы, группирующиеся вокруг демократического централизма? Тут, конечно, тов. Осинский и тов. Сапронов в праве будут заявить: мы к этому никакого отношения не имеем. Мы в этом уверены. Но, тов. Осинский и тов. Сапронов, вы сделали политический шаг, который классовым врагам нашим дал право зачислить вас в свою церковь, в свой приход. Платформа—великое дело. Платформа не зависит от того, что я ее прочитал, разорвал и бросил. Платформа есть политическая линия. Ее подхватывает мелкобуржуазное окружение. Они подхватывают все, что делается в нашей партии. И когда против этого нового объединения, против объединения элементов, примыкающих к „демократическому централизму“, „Рабочей Правде“ и

„рабочей оппозиции“, говорят, как это сказал от нашего общего имени Зиновьев: скатертью дорога, то так и должен сказать тот Центральный Комитет, который сознает свою ответственность за партию. (Продолжительные аплодисменты).

Председательствующий. Поступило предложение сделать перерыв на 10 минут. Возражений нет? Объявляется перерыв на 10 минут.

Председательствующий. Товарищи, прошу занять места, объявляю заседание продолжающимся. В президиум поступило несколько записок с предложением прекратить прения. Тов. Петровский имеет слово против этого предложения.

Петровский. Товарищи, мы здесь выслушали несколько товарищей, почти исключительно работающих в столице. Не было еще совершенно критики с мест, и вот, исходя из этого и учитывая это серьезное обстоятельство, президиум предлагает съезду не прекращать прений. И еще одна серьезная просьба со стороны президиума: дать ему возможность сделать некоторую перегруппировку в списке, с тем, чтобы можно было выпускать ораторов из разных областей.

Председательствующий. Итак, голосую прежде всего вопрос о прекращении прений. Кто за прекращение? Кто против? Прения продолжаются. Затем имеются ли возражения против того, чтобы разрешить президиуму произвести перемещение ораторов, с тем, чтобы дать высказаться представителям различных мест? Возражений не будет? Слово имеет тов. Евдокимов.

Евдокимов. Товарищи, я сначала остановлюсь на некоторых деталях,—деталях, с которыми мы встречаемся, как с общим правилом, на каждом нашем съезде.

Тов. Косиор в своем выступлении снова и снова жалуется на то, что некоторые члены ЦК выступают на съезде с докладами, в которых они распинаются за демократию внутри партии, а затем на деле ЦК этой демократии не допускает. Остановлюсь сначала на вопросе о том, если такие факты имеют место, то кто виноват,—тот ли, кто выступает с докладами и обещает демократию, или тот, кто этой демократии потом не дает. Я думаю, что если дело обстоит так, то виноват тот, кто не выполняет обещаний, данных от его лица, т.-е. ЦК в целом, и тогда личные выпады против отдельных товарищей, мягко выражаясь, неуместны. А теперь по существу о внутрипартийной демократии.

Все жалобы на слишком диктаторский характер поведения ЦК сводились у тов. Косиора к тому, что ЦК не дает возможности выявить коллективную мысль, а у тов. Лутовинова к тому, что некоторые группировочки, выявившиеся в анонимных платформах, загнаны в подполье. Товарищу Лутовинову великолепно ответил тов. Радек, а тов. Косиору я должен, со своей стороны, сделать несколько товарищеских замечаний. Он говорит, что нет возможности выявления коллективной мысли,— он, редактор газеты ВЦСПС. Неужели тов. Косиор лишен возможности в этом профессиональном органе те вопросы, которые его интересуют, подвергнуть обсуждению общественного мнения партии? Он

говорит, что некоторые члены ЦК не читают газет. Пусть так. Зато их читает партия. Но если предположим, что не читают или мало читают, то неужели наша партийная организация, в которую доступ открыт всем и каждому, не дает возможности выявить то, что хочешь, таким товарищам, как тов. Косиор. Этот путь он тоже, по его словам, пробовал, писал заявление в МК,—не обращали внимания. Ну, тогда у нас, ведь, есть другие органы, в роде, например, дискуссионного клуба. Товарищ Косиор живет внутри живой партии, имеет общение с этой партией во всех направлениях, имеет все возможности выявить свою мысль и подвергнуть ее коллективному обсуждению. В этой возможности коллективного обсуждения любого вопроса у нас нет недостатка. На что угодно пожаловаться, только не на недостаток коллективного обсуждения различных вопросов.

Товарищи с мест, как у нас проходит обсуждение любого хозяйственного вопроса? Не жуем ли мы его в наших партийных комитетах, на собраниях организаторов и агитаторов, в президиумах исполкомов, профсоюзах и т. д.? Какие еще другие формы можно придумать для выявления коллективного творчества партии? Эти жалобы—пустые жалобы, и вызываются они, по моему мнению, не тем, что нет возможности выявить коллективную мысль, а тем, не в обиду будь сказано, что у жалующихся товарищей есть мысли, которые к партии никак не прививаются. Но тут партия не при чем, внутрипартийная демократия тоже не при чем.

Теперь перейду к общему вопросу. Тов. Преображенский, касаясь платформы т. Красина, сказал: „кто тогда, т.-е. в будущем, когда определенные тенденции выявятся более сильно, чем сейчас, будет героем хозяйственников—тов. Красин или тов. Зиновьев?“,—и отвечает на это: „героем будет Красин“.

Я позволю себе поправить т. Преображенского. Тов. Красин не будет героем, а он уже сейчас является героем определенной группы хозяйственников. Что у хозяйственников есть настроение отодвинуть немного партию от хозаппаратов,—это не подлежит никакому сомнению. Кто это отрицает, тот закрывает глаза на действительность. А если это течение на данном съезде не проявилось более выпукло, то это произошло только благодаря единодушному настроению съезда, идущему против этой тенденции. Т. Красин и т. Осинский серьезно открещивались от навязывания им, как они выражались, обвинения в ревизии ленинизма. Но возьмем не это заявление, а их заявление во время предсъездовской дискуссии. Там вы у Осинского найдете обвинение т. Ленина (я извиняюсь, что мне приходится повторять, так как об этом здесь было говорено) в том, что он вел линию, которая могла бы,—буде не нашлось спасителей,—привести к сдаче экономических позиций буржуазии. Есть там еще одно обвинение, не менее важное, высказанное мимоходом,—обвинение в том, что т. Ленин не дооценивает сил пролетариата. Это то место, где он говорит о преувеличении некультурности пролетариата. Если это не ревизия ленинизма, то чем это назвать? Если в двух основных вопросах—овладевания экономикой

со стороны пролетариата, завоевавшего политическую власть, и в оценке сил пролетариата—т. Ленин неправ, а прав т. Осинский, то как же это назвать? И рядом с этим заявление т. Красина, что ЦК никогда даже не задавался целью вести внешнюю реальную политику. А какая еще может быть политика?

Идеальная, пропагандистская, агитационная, что ли? Сведите все это, что получится? Кто шел за Лениным, вел неправильную линию в области овладевания экономикой, неправильно оценивал силы пролетариата,—это внутри, а во вне вели неправильную международную политику. Это уже не только ревизия ленинизма,—это ревизия всей нашей революции, всего поведения нашей партии во время этой революции. Дальше итти некуда, и я повторяю, товарищи, если бы не единодушное настроение съезда, то с определенным настроением хозяйственников мы встретились бы в более определенной форме, и если здесь сейчас товарищи открещивались от этой тенденции, если они, бия себя в грудь, заявляют: да, мы тоже за то, чтобы партия управляла, и т. д., то мы на это отвечаем: товарищи, мы обязаны не только выслушивать ваши заявления,—мы должны в зародыше прослеживать те или иные отрицательные явления и тенденции, с которыми партия неизбежно встретится, и с которыми она должна будет бороться.

Рудзутак (председательствующий). Товарищ Иванов.

Иванов. Товарищи, на 26-м году существования партии, на 6-м году ее легального существования пора научиться чувствовать личную ответственность, тем более на столь ответственном собрании, каким является высший законодательный орган нашей партии. Что видим здесь мы, приехавшие с мест в центр нашей коммунистической культуры? Ведь, тут была дискуссия, не обсуждение вопроса, а дискуссия, и еще личные разговоры отдельных товарищей. И это на деловом законодательном собрании партии! Тов. Косиор, центрального масштаба работник, как я его знаю,—какими аргументами он пользуется? Мы слышали из его уст целый ряд безответственных заявлений, необоснованных обвинений всей партии в целом. Мы требуем, чтобы товарищи, выступая здесь, были точны, были правдивы по существу. Мы начинаем понимать, после пятилетней практической работы под руководством ЦК мы начинаем различать всякие тонкости.

Выступил т. Осинский... Человек, выдвигающий определенные принципиальные положения. Разве он не говорил об отдалении советского аппарата от партийной власти, разве он не предлагал для партии то же самое, что предлагали для РКИ, когда она имела контроль предварительный, а потом последующий? Разве это не принципиальный момент?

Тов. Осинский, где же ваше мужество? Я помню, что раз по платформам запросили выкинуть трех, а потом сошлись на одном. Т. Осинский сегодня говорил об одном, отсюда у меня закрадывается подозрение в его близости к этой платформе. Тов. Лутовинов, как это полагается, стоит за широчайший демократизм, за широчайшую самодеятельность и т. д., и т. п. Тов. Лутовинов, в том, родном для вас,

Донбассе, для того, чтобы поднимать политический уровень, насаждать культурность, очень мало сил. Что нам сейчас требуется, так это учиться, и учиться, и учиться, как сказал Ильич. Нельзя надеяться на широчайшее проведение этого демократизма при наличных у нас силах и уровне культуры. Т. Лутовинов, как старый партиец, должен быть использован, никто его не отставляет от строительства, ему дана ответственнейшая работа среди тружеников, представляющих уши и глаза республики, в телеграфном ведомстве, в школе коммунизма. Если вы не довольны этой работой, докажите свои способности на большем, и вам предоставят работу еще большего характера, помимо тех заграничных поездок, которые вы совершаете. (Смех).

Тт., все это было бы смешно, если бы не было так грустно. У нас периодическая коммунистическая печать доходит до работника-низовика. Такого рода дискуссии, которые называют парламентским способом борьбы, вводят публику в заблуждение. (Аплодисменты). И мы это начинаем понимать и говорим, что дискуссия, конечно, вещь хорошая, приемлемая, желательная и даже обязательная, но когда мы ведем печатную дискуссию, надо помнить, что ЦК партии должен регулировать ее через свою редакцию, которая должна знать, что можно помещать, а чего нельзя. И потом надо каждому из товарищей помнить, что нельзя на самом деле оперировать такими фактами, как вот это делает Осинский: мол, я статью написал, Каменев ее прочитал и не помещал до тех пор, пока он ответ не написал. Правильно. В этом и есть руководство ЦК. Что же, вы дураков ищете? (Аплодисменты. Смех). Так и должно быть.

В заключение я должен заявить еще одно. Есть один больной момент. Я не знаю, как обстоит дело в Петрограде, а у нас в Харькове мы бучу поднимали. У нас хозяйственники договорились до особой хозяйственной корпорации. Мы там эти тезисы читали, разбирали и скандальчики поднимали и борьбу вели.

Мы уже научились понимать вещи. Ведь, и меньшевики говорят, что они марксисты, и вы многим из них не откажете в знании Маркса. И если вы сравните их с нашим братом, который томы „Капитала" мало читал, так, ведь, мы уши перед ними должны развесить. Но все-таки они меньшевики. А я, мало читавший „Капитал" Маркса, большевиком остался. Но помните, т. Осинский, ко всякой критике, особенно того, что вошло в историю под именем ленинизма, мы относимся серьезно. И за всякие подобного сорта отрыжки и попыточки будем одергивать. Всех тех, кто в порядке критики, вольно или невольно, будет скатываться к недопустимым приемам борьбы, Центральный Комитет должен пресекать в корне, и если наставительным путем эту публику нельзя поставить на путь истинный, тогда нужно натягивать партийные вожжи. (Аплодисменты).

Председательствующий. Слово принадлежит тов. Мдивани.

Мдивани. Товарищи, о больших вопросах, общих вопросах говорили большие люди; большие же люди им и возражали. Мне, как местному, провинциальному работнику, приличествует говорить о тех

недостатках и достоинствах, если таковые были, которые имели место на очень маленьком кусочке советской земли, называемой Грузией, где я и работал несколько месяцев. И мне хочется краешек этой работы приоткрыть здесь перед вами. Товарищи, в работе ЦК и его органа, краевого комитета в Грузии, я должен констатировать за этот год большие и постоянные колебания как в отношении политики, так и в отношении лиц, проводящих эту политику.

В прошлый год у ЦК было мнение устраивать объединения в закавказском масштабе, объединяя только хозяйственные усилия, отнюдь не оформляя их в какие-либо государственные учреждения. Потом мнение изменилось. Мы узнали, что надо устраивать федерацию. Затем мы узнали, что нужно устроить не федерацию, а автономизацию всех республик, и т. д. (Смех). Я думаю, товарищи, что хотя здесь тем, кто слушает, очень весело, но думаю, что там, благодаря таким колебаниям, невесело было ни партии, ни тем беспартийным массам, для которых во что бы то ни стало надо было найти политический приводный ремень. Очевидно, „в пандан" к таким колебаниям по политической линии были колебания и в отношении лиц. Я знаю, что в конце прошлой зимы, в начале 22 года, известная группа товарищей, весьма и весьма ответственных, была оттуда отозвана. Далее другие второсортные товарищи тоже были взяты, но так как ЦК думал, что в Закавказье нужно менять политику, то через месяц их послали обратно. Дальше точно так же несколько месяцев назад было постановление забрать оттуда четырех товарищей, а потом, очевидно, надоело все время целиком аннулировать свои постановления, и двух оставили, а двух забрали. Все это еще бы ничего. Но я утверждаю, что гораздо хуже обстояло дело, когда ЦК пошел навстречу нашему желанию, в конце-концов, выяснить, что это такое творится в этой Грузии. У нас была комиссия, во главе которой стоял очень энергичный товарищ—тов. Дзержинский: был очень спокойный товарищ—тов. Мицкевич-Капцукас; был очень деловой, юркий товарищ Мануильский. Казалось бы, что при таком составе будет полная возможность выяснить действительность и положить конец тому, что там творится. Комиссия сделала свое заключение, и Оргбюро подтвердило его. Заключение это сразу подхвачено было местными организациями, и везде и всюду эти заключения стали принимать, распространять и встречать с восторгом, как мнение ЦК.

А там особенно хорошо доставалось некоторым товарищам, так-называемым уклонистам. Вслед за этим вопрос был перенесен в Политбюро. И в этом Политбюро утвердили одну часть этого заключения, т.-е. четырех перевели, потом из четырех двух оставили, как я вам сказал уже. Мне думается, товарищи, что при таком положении, конечно, мы не будем иметь тех независимых людей, которых тов. Сталин в своей прекрасной речи, очень обоснованной речи, хочет найти. Не будете вы их иметь, товарищ Сталин, если будете все время тащить за шиворот то в одну, то в другую сторону. Вы не будете иметь этих „независимых" людей или, как вас думает

поправить тов. Сорин в защиту русского языка, самостоятельных людей.

Конечно, товарищи, я признаю партийное использование сил, переброску с одного места на другое и партийные репрессии. Я, как старый партиец, признаю, нахожу все это нужным и даже такую переброску приветствую в интересах дела, если это нужно. Но надо помнить, товарищи из Оргбюро, из ЦК и из Политбюро, и об этом я говорил уже в Политбюро, что одно дело, товарищи, когда вы перебрасываете товарища из Тамбовской губернии в Орловскую, а другое дело, когда вы из Грузии в Москву перебрасываете. Если, товарищи, это нужно, то мы, коммунисты, против этого не можем протестовать, и лично нам было бы в высшей степени приятно вот здесь, в Москве, вблизи наших товарищей, под непосредственным их руководством работать и хоть в минимальной степени прикасаться к тому месту, где наши большие, и очень большие, товарищи, которых мы всегда уважаем, работают. Но одно дело наши личные ощущения, одно дело отношение к этим перебросккам партии и нашей организации, а другое дело отношение к этим перебросккам той самой беспартийной массы, приисканием приводных ремней к которой так усердно занят тов. Сталин. Такие переброски всегда рассматриваются, как наказание со стороны русской части, данной грузинской части, данной национальности. (Голос с места: „Неправда!“) „Неправда“ может говорить тот, кто неправду эту делает там, а я говорю совершеннейшую правду, и прошу мне не мешать. Далее, товарищи, мне кажется, что в особенности это неудобно было бы теперь, когда вся беспартийная масса думает, что эти переброски являются наказанием за защиту этой группой определенной позиции в национальном вопросе.

Рудзутак (председательствующий). Ваш срок, тов. Мдивани, истек.

Мдивани. Разрешите еще три минуты.

Голоса: Просим.

Председательствующий. Возражений нет? Пожалуйста, еще три минуты.

Мдивани. После закрытого письма ЦК, опять-таки колебнувшегося по этому вопросу в другую сторону, была командирована комиссия из двух лиц: тов. Куйбышева и Каменева, оба члены ЦК. И что же оказалось? Оказалось, что товарищи „националисты“ опять-таки оказались правыми, и политика их по национальному вопросу оказалась совершенно верной. Мы видим, таким образом, поворот то в одну, то в другую сторону. И теперь мы находимся в такой стадии, что там, в ЦК, эта политика признана, да и признается теперь в тезисах товарища Сталина, поскольку я вообще могу понять тов. Сталина, но... (жест недоумения)... но, товарищи, прав тов. Сталин, который в своей речи указал, что для определенной политики нужно определенное лицо. Он прав был, но если наша политика по национальному вопросу правильна, так в чем же тут дело? Где те лица, которые нужны для проведения этой правильной линии? Разве по организа-

ционному вопросу не установил тов. Сталин незыблемого принципа полнейшего соответствия лиц политике? Сейчас создано такое положение, когда политика одна, а лица другие. Что же, тов. Сталин, задаю я вам вопрос: политика для лиц, или лица подбираются под политику? Если вы одобрили нашу национальную политику, так ставьте соответствующих лиц. Мне кажется, пора покончить со всеми колебаниями. Они задевают нас острием. Чем сильнее острие, чем сильнее оно пускается из рук больших и больших людей, тем больше оно поражает массу. Бросьте эту политику постоянных колебаний и скажите нам, где же ваша национальная политика. И не есть ли там, на Кавказе, национальная политика самая сильная, самая первейшая, определяющая все другие области нашей политики? Говорить о каких-нибудь других уклонах, аграрном уклоне, наркомюстовском уклоне, о котором говорят, религиозном уклоне,—это шутки да прибаутки. Этих разногласий не было и не будет никогда, а по национальному вопросу были разногласия, и эти разногласия решены теперь в пользу нашей группы. Группа эта существует. Политика их должна проводиться там, а люди остаются здесь. Так что же, тов. Сталин, политика для лиц, или лица для политики?

Каменев (председательствующий). Слово имеет товарищ Орахелашвили.

Орахелашвили. Товарищи! В лице тов. Мдивани перед съездом предстал тип грузинского уклониста, который октавой уверяет, что он в три погибели гнется перед партийной дисциплиной. Но я должен тут сделать маленькую поправку и разоблачение. Нигде, ни на одном участке территории РКП, партийные постановления не приходилось протаскивать через такие проволочные заграждения, как на том клочке земли, о котором говорил тов. Мдивани, и возвращения куда он так желает. Он уверяет, что уклонисты послушны всегда и всюду. Товарищи, я самым решительным образом заявляю перед съездом, что, начиная с весны 21 года, т.-е. с медового месяца Советской Грузии, мы только и знаем борьбу именно с этой группой товарищей, которые самым бешеным образом сопротивлялись проведению партийных решений. Когда тов. Ленин в начале весны 21 года посоветовал нам заняться созданием краевого закавказского хозяйственного органа, эта группа по телеграфу опротестовала в ЦК соответствующее решение. Москва не ставила вопроса о Закфедерации,—это была инициатива наших закавказских организаций,—и Москва только потом санкционировала все эти решения, возникшие стихийно на месте, в процессе работы, в своеобразных условиях Советского Закавказья. И по вопросу о федерации группа тов. Мдивани повела борьбу.

Тов. Мдивани говорит, что у группы, которая возглавляется им, национальная политика наиболее правильная. Эта политика, будто бы, признана правильной всеми комиссиями, которые посылались в Грузию Центральным Комитетом, а под конец тт. Каменевым и Куйбышевым. Названные товарищи реагируют на такое заявление. Я же приведу вам несколько фактов, на которых, как на оселке, можно проверить при-

роду грузинского уклонизма. Я не думаю трогать уклониста т. Мдивани целиком,—это дело неподходящее,—я только возьму с поверхности несколько фактов, которые будут характеризовать нутро грузинского уклонизма. Казалось бы, что после советизации Грузии, после того, как Соввласть проложила путь к Черному морю, казалось бы, что ни у одного из товарищей, которые прошли через горнило гражданской войны, и которые создали Советское отечество, у них никакого сомнения не могло быть насчет того, что в этой республике таможенные рогатки будут снесены. Ведь, даже грузинские меньшевики, соседи муссаватистов, готовы были снести эти рогатки, разумеется, из любви к бакинской нефти, в которой меньшевики нуждались. В Советской Грузии таможенные рогатки в сторону Сов. Азербейджана и Армении остались, несмотря на неоднократные постановления высшего партийного органа, и только недавно после нажима нам удалось снести эти таможенные рогатки, но этим, конечно, не вытравлены еще те настроения, которые существуют у группы товарищей, добивающихся изолированного существования Сов. Грузии. Вот как товарищ Нариманов характеризовал в декабре 1922 г., на первом Закавказском съезде советов положение в разгороженном Закавказье: „Союзному Совету много приходилось бороться с таможенными рогатками... О безобразиях, творимых заградительными отрядами на границах, достаточно известно всем“... Это в вопросе о таможнях, который, повторяю, кажется, аксиоматическим, а в практике грузинского уклонизма он принял уродливые формы. Возьмем другой факт,—один из многих фактов,—который указывает на определенное настроение некоторых товарищей в отношении всей советской федерации. Казалось бы, что на советской территории, где утвердилась классовая власть пролетариата, острее этой власти должно быть направлено в самое сердце капиталистического строя, в сердце внутренней и, поскольку возможно, внешней буржуазии, если она не убирается или лезет на советскую территорию. Такими пунктами, где мы могли разить самым легким образом буржуазное сердце, были банки. Мы их вначале закрыли. Но именно у этой группы товарищей появилось непреодолимое желание во что бы то ни стало воссоздать иностранные банки, т.-е. воссоздать на советской территории очаги, цитадели буржуазного влияния, ячейки буржуазной власти.

Отсюда английский и французский капитал должен был просунуть свои щупальцы и в Персию, и в другие страны Передней и Средней Азии. Я знаю, что этот недуг,—страсть к иностранным банкам,—был у товарища Мдивани в скрытом состоянии еще в 1921 г. Он сам ставил этот вопрос в ЦК Грузии, но тогда это не прошло. И что удивительного в том, что по таким вопросам и делам высшие парторганы одергивали кое-кого?!. Надо было дергать почаще. Вот еще один из многих фактов, характерных для практики уклонизма. Угнанный Врангелем из Черного моря и проданный там заграничным спекулянтам пароход РСФСР попадает в наши советские руки. Казалось бы, что мы должны цепко за него держаться и или возвратить в Советскую

Россию, или, по крайней мере, оставить в Советской Грузии. Пароход „Владимир" был угнан в Константинополь и там продан. Закавказский объединенный внешторг сумел этот пароход приобрести через подставное лицо Джакели, заплатив сравнительно небольшую сумму. Вместо того, чтобы этот пароход пригнать в Батум или продать в Одессу или Новороссийск советскому Добровольному флоту, вместо этого уклонисты снова пытаются продать этот пароход. Этот факт достаточно характеризует то умонастроение, которое создалось у определенной группы, которая говорит о недопустимости одергивания. Я полагаю, что в Закавказье, где мы имеем такой пестрый переплет национальных интересов, конгломерат народностей и их осколков, такая игра может поставить под смертную угрозу всю нашу Советскую власть. Я полагаю, что задача нашей партии—это продолжение той линии национальной политики, которая проводилась ЦК партии и его Закавказским бюро. Тов. Мдивани говорит о настроении в грузинской организации. Там устойчивость и в среде пролетариата, и в среде крестьянства; неустойчивость, колебание и разложение среди антикоммунистических элементов—меньшевиков, помещиков и т. д. Мы спокойны за будущее, спокойны все, кроме уклонистов.

Председательствующий. Для сообщения слово имеет т. Енукидзе

Енукидзе. Товарищи, президиум предлагает завтра пленум съезда назначить в 1 час, а в 10 час. просят собраться членов сеньорен-конвента для обсуждения некоторых вопросов.

Председательствующий. Объявляю заседание закрытым.

Заседание пятое.

(19 апреля 1923 года, дневное).

Каменев (председательствующий). Заседание возобновляется. Товарищи, перед нами длинный список ораторов. Президиум пришел к такому заключению, чтобы сегодняшнее утреннее заседание, от которого осталось только 2 часа, посвятить продолжению прений, с тем, чтобы заключительные слова были перенесены на вечер. Исходя из этого, мы имеем 2 часа для прений. Тах как у нас осталось в записи не менее 30 товарищей, то президиум сжал этот список до 8 человек. Если вы оставите этот список в таком порядке, в каком наметил президиум, то мы и будем соответственно вести прения. Разрешите считать, что очень сильных возражений нет. Я уже говорил, что из 30 выбрали 8,—следовательно, сократили на 22. Разрешите этим руководствоваться. Тогда прошу т. Махарадзе.

Махарадзе. Товарищи, мы немного отвлеклись в сторону обсуждения грузинского вопроса. Я думаю, когда мы подойдем к VI п. порядка дня нашего съезда, то тогда более подробно, может-быть, придется обсуждать этот вопрос. Сейчас же у нас обсуждаются общая линия или общая политика партии, а также организационный вопрос. Я думаю, прения наши должны вестись именно в этой плоскости. Тем не менее, товарищи, я не могу обойти молчанием то выступление, которое сделал вчера т. Орахелашвили. Я не буду останавливаться на нем, а только сделаю следующее заявление. Прежде всего по поводу слова „уклон", употребленного т. Орахелашвили по адресу известной части товарищей, я заявляю, что после тех фактов, которые хорошо известны и т. Орахелашвили, это слово должно быть изъято из употребления, по крайней мере, в отношении тех товарищей, которых имел в виду т. Орахелашвили. Во всяком случае, этот термин должен быть отнесен, пожалуй, к той части или к тем товарищам, которые действительно уклонились от нашей национальной программы и, главным образом, от учения по этому вопросу т. Ленина. Во-вторых, вчера т. Радек здесь, на съезде, заметил, что нецелесообразно обсуждать нам частные случаи, какие-нибудь, допустим даже ошибки,—съезд должен обсуждать общую линию и общее направление. В-третьих, раз

т. Орахелашвили все же сделал вчера несколько обвинений, брошенных в сторону известных товарищей, то я полагаю, что он должен все материалы, относящиеся к этим обвинениям, сдать туда, куда это следует, т.-е в Контрольную Комиссию, чтобы раз навсегда положить конец всяким таким слухам, недостойным оглашения с этой кафедры. Я то же самое посоветовал бы сделать и т. Орджоникидзе, который сегодня в своем ответе на мою статью тоже напечатал или опубликовал один очень сомнительный документ, ибо нужно раз навсегда положить конец такого рода способам борьбы.

Переходя к главному и основному вопросу, я все же еще хочу заявить следующее: есть вещи, о которых на партийном съезде неудобно говорить; в комиссии, в самом ЦК, я понимаю, говорить о них можно, но не здесь. Я перехожу теперь к грузинской организации. Я вам должен открыто заявить, что эта организация нашей партии, одна из старейших организаций, воспитанная в духе последовательного революционного марксизма и ленинизма,—эта организация переживает сейчас глубокий кризис. Она, товарищи, больна.

В чем же дело? В октябре прошлого года старый ЦК, который, худо ли, хорошо ли (все мы люди и, как таковые, обладаем всеми недостатками, и как коммунисты тоже, не застрахованы от разных ошибок и недостатков), так вот этот старый комитет, худо или хорошо, все же в продолжение полутора лет руководил работой Грузии. И вот он подал в отставку. Это, правда, очень редкий случай в жизни нашей партии. Некоторые товарищи склонны объяснять этот факт тем, что существовали разногласия между ЦК Грузии и закрайкомом, руководимым единоначально товарищем Орджоникидзе. Я не отрицаю, что эти разногласия по национальному вопросу существовали и, к сожалению, существуют и до сих пор. Но, тем не менее, было бы большим заблуждением, если бы кто-нибудь подумал, что только на этой почве комитет мог подать в отставку. Мы, тт., старые, обстреленные большевики, прошедшие большую школу, чтобы из-за таких каких-нибудь разногласий мы могли делать такой шаг. Это может сделать какой-нибудь буржуазный кабинет, буржуазное правительство, но не могут сделать старые коммунисты. Вот тут-то и зарыта собака. В чем же дело? О нас, о нашей организации в центр систематически посылалась неправильная информация. К сожалению, центр верил этой информации. Отсюда недоверие центра к местным товарищам. А вы знаете, товарищи, что значит недоверие центра. Хуже ничего нет. Помимо того, за полтора года существования Советской власти в Грузии мы были свидетелями таких экспериментов, которых не знает другая какая-нибудь организация. Ежедневно нам что-нибудь новое преподносили, и мы не знали, что преподнесется завтра. Вот на этой почве безусловно могло создаться состояние, не позволявшее работать более или менее плодотворно. А тут вдобавок случился такой грех: когда в прошлом году пленум ЦК РКП высказался за образование Союза Советских Социалистических Республик, ЦК Грузии всецело приветствовал это постановление, но выразил мнение о непосредственном

вхождении Закавказских республик в этот союз республик. Этот факт послужил причиной того, что руководящий партийный орган Закавказья наше ходатайство нашел до такой степени недопустимым, даже преступлением, что на этой почве ЦК был окрещен названием шовинистов, меньшевиков и т. д., и т. д. Я не желаю повторять здесь еще тех крепких слов, которые были употреблены по адресу ЦК Грузии. Закрайком непосредственно, без ведома ЦК, руководил организациями, которые находятся в ведении ЦК. Так, например, Совет профессиональных союзов,—личный состав его был пересмотрен без ведома ЦК. Тифлисский комитет руководился через голову ЦК. И масса других фактов, которые и сейчас продолжаются. Само собой разумеется, если не нужен ЦК Грузии,— это вопрос другой, но пока он существует, должны же быть какие-нибудь взаимоотношения, должны же быть какие нибудь определенные рамки для той и другой организации. И вот в этих условиях ЦК не мог уже продолжать работу, и он вынужден был подать в отставку. Был создан новый комитет, и с этого дня начинается то кошмарное положение, которому до сих пор нет конца. Товарищи, которые подали в отставку, компрометируются, ведутся систематическая травля и дискредитирование старейших членов грузинской организации.

Товарищи, нужно сказать, что этих товарищей все-таки грузинская организация знала, и не так легко она могла примириться с мыслью о том, что эти товарищи могли отклониться от коммунистической линии. Недопустимо положение, когда руководящий орган, облеченный властью, направляет всю свою энергию против определенной части партии. Как должны реагировать на это рядовые члены партии, что они должны были делать в этом случае. Создалось действительно невыносимое положение. Дело перенеслось на улицу. Беспартийные уже знали, что происходит в нашей организации.

Товарищи, мы обратились в ЦК для того, чтобы ЦК разобрался в этом деле. И действительно, к нам была прислана комиссия, во главе с тов. Дзержинским, о чем вчера тов. Мдивани здесь упомянул. К сожалению, при всем уважении к этим товарищам я должен сказать, что эта комиссия не оказалась на высоте своего положения. Она вынесла слишком одностороннее постановление, которое даже Политбюро, несмотря на то, что Политбюро не могло быть настолько осведомлено, не утвердило. Это постановление сделалось достоянием всей партийной массы, и его старались всячески использовать.

Положение и после этой комиссии нисколько не улучшилось. Наоборот, оно еще больше обострилось, и так продолжалось несколько месяцев. ЦК послал в Грузию других товарищей, членов ЦК, тт. Каменева и Куйбышева. Я должен сказать, что эта последняя комиссия безусловно более объективно отнеслась к тому положению, которое создалось в нашей организации. К сожалению, товарищи слишком торопились и не могли докончить дело оздоровления нашей организации, потому что они спешили в Москву. Было получено очень тревожное известие о здоровье В. И., и мы не могли настаивать на

том, чтобы эти товарищи до конца остались у нас. Сейчас положение по существу, можно сказать, остается таким же. Травля, которая была, немножко приостановилась, но еще далеко до того, чтобы мы могли сказать: грузинская организация здорова. Съезд должен по этому вопросу вынести определенное постановление, потому что вы знаете, товарищи, как ни мала наша организация, но все-таки на нее сейчас обращены взоры не только советской федерации, но и всего буржуазного мира.

В виду того, что я не могу докончить, я хочу сформулировать свои мысли. Съезд должен безусловно осудить те приемы и методы борьбы, которые практиковались в грузинской организации. Есть еще один вопрос,—вопрос о Закрайкоме. Это—громадный орган, могущий заменить все центральные комитеты, которые существуют в Закавказье, – и Азербейджанский, и Грузинский, и Армянский. Закрайком переходит пределы общего руководства организациями. Этот орган через головы существующих партийных органов руководит местами. Получаются путаница, неразбериха, которые осложняют и без того сложное положение, которое мы имеем в Закавказье. На это тоже должно быть обращено внимание. Должны быть определены рамки и Закрайкома, и других организаций, если таковые должны существовать, и поскольку они существуют. Иначе невозможно работать. Я хочу указать еще на одну черту,—это ставка на левизну, на самую левую левизну. Этого тоже не должно быть. Мы знаем, на какие элементы опирается т. Орджоникидзе,—это элементы самые неустойчивые или недавно только вступившие в нашу партию. Эти элементы держат сейчас курс на самую левую левизну. Результатом этого мы имеем, между прочим, некоторые нетактичности в религиозном вопросе. В заключение я хотел бы только, чтобы тов. Сталин в своем заключительном слове сказал нам или ответил на следующие вопросы: во-первых, можно ли допустить те методы борьбы, которые практиковались и отчасти и теперь практикуются в грузинской организации? Во-вторых, доверяет ли ЦК местным товарищам, долгие годы работавшим в революционном движении, проведение своих директив? Если нет, то почему? И, в-третьих, имеют ли местные организации или, конкретно выражаясь, Центральные Комитеты отдельных республик право инициативы и право обсуждения некоторых постановлений ЦК РКП, если местные условия требуют пересмотра или временной приостановки этих постановлений?

Я думаю, что т. Сталин даст нам исчерпывающий и вполне ясный ответ на эти вопросы для того, чтобы раз навсегда изжить те ненормальные явления, которые у нас до этого имели место.

Председательствующий. Тов. Орджоникидзе имеет слово.

Орджоникидзе. Товарищи, тут т. Махарадзе нарисовал картину ужасов: как их травят и т. д. Я не скажу, товарищи, чтобы не было обостренных отношений внутри грузинской партии. Ненормальные явления, несомненно, имели место, но на это были свои причины. Травля была, говорит т. Махарадзе, но он сам также травил, и даже больше, чем те, которые травили его. Но это все не имеет особенного зна-

чения. Значение имеет то, что вызвало эту историю. Тов. Махарадзе заявил здесь о том, что он—старый ленинец по национальному вопросу. Национальный вопрос сейчас не обсуждается. Когда он будет обсуждаться, мы тоже надеемся кое-что сказать, но я должен поправить т. Махарадзе. На апрельской конференции в 1917 г. он был отъявленным русотяпом и выступал против Ленина по национальному вопросу. Теперь другое: т. Махарадзе говорит об уклоне, удивляется, что его называют уклонистом. Да, т. Махарадзе, называют известную группу грузинской коммунистической партии, во главе с Мдивани, Цинцадзе, Кавтарадзе и Махарадзе, уклонистами. Но кто же их называет? Первый съезд коммунистической партии Грузии 1922 г. Возьмем речь т. Махарадзе: „Я подтверждаю существование в центральном комитете двух групп. Меньшинство было с так-называемым националистическим уклоном. Мне вспоминается, что сейчас же по приезде т. Мдивани из Ангоры, когда он был во Внешторге, у нас с ними начались разногласия. Впоследствии это вылилось в то, что мы называем националистическим уклоном. Этот уклон безусловно компрометирует нашу партию, роняет ее престиж в глазах трудящихся".

Вот, товарищи, что говорил т. Махарадзе по адресу нынешних своих союзников—Мдивани и др. Относительно уклона т. Махарадзе написал резолюцию, осуждающую этот уклон, и провел на том же съезде коммунистической партии Грузии. После этого он выходит здесь и удивленно говорит: „нас называют уклонистами". Вы называли их, т. Махарадзе, уклонистами, и вы были правы тогда. Теперь вы переметнулись к тем, и вся партия и вас называет вместе с Буду Мдивани и др. уклонистом. В чем здесь все-таки дело? Тов. Махарадзе заявил, что напечатанный сегодня мною документ является подозрительным документом. Я не знаю, товарищи, почему он называет это документом подозрительным. Об этом Махарадзе ничего не сказал. Но вот этот документ говорит следующее: в начале 1922 г. начинается движение беженцев с Северного Кавказа и Поволжья. Обезумевшие от голода люди бегут и ищут спасения. И что же, как ответили на это группа Махарадзе—Мдивани? Закрытием границ. Они дали задачу Наркомвнуделу, в то время т. Кавтарадзе, поставить соответствующие кордоны.

31 марта 1922 г., за подписью Председателя ЦИК т. Махарадзе и Зам. Предсовнаркома т. Окуджава посылается следующая телеграмма: „Ростов-Дон, Исполкому, копия Центроэваку; Новороссийск, Исполком, копия Начэваку; Владикавказ, ПредЦИК'а Горреспублики, копия Предсовнаркому; Батум, Предсовнаркому Аджаристана, копия Предисполкому, ПредЗакЧК, Наркомвнудел Грузии, ПредЧК Грузии, Начальнику желдорог Закреспублики, ПредЦИК'а Абхазии, Наркоминдел Грузии: „От сего числа границы республики Грузии объявляются закрытыми, и дальнейший пропуск беженцев на территорию ССР Грузии прекращен. Просим срочно зависящих распоряжений соответственным органам. Просьба подтвердить получение настоящей телеграммы".

В чем тут подозрительность, тов. Махарадзе? Надо было разъ-

яснить съезду, нельзя было требовать от съезда вынесения осуждения за политику, только сказав, что это подозрительный документ. Надо было разъяснить, на каком основании и из каких соображений тов. Махарадзе исходил 31 марта 1922 г., когда закрывал границы Грузии перед беженцами с Волги. Но этого мало, товарищи. Что же дальше мы видим? Представитель Грузинского Совнаркома тов. Ешба в Батуме выносит следующее постановление:

„Все лица, прибывшие в пределы Грузии без соблюдения указанных правил, подлежат аресту и выселению на родину за свой счет исключительно в этапном порядке, на арестантском положении".

Что подозрительного, тов. Мдивани, в этом? Надо было разъяснить съезду эти факты, а после говорить о том, что мы вас сжимаем, не даем вам жить и т. д. Да, заявляю я перед всем съездом: из-за таких кордонов и безрассудных распоряжений мы вас сжимали, тов. Махарадзе, и будем сжимать. (Аплодисменты).

Но, товарищи, в том документе, который я сегодня опубликовал,— о чем там говорится? О том, чтобы сжимать Грузию кордонами со всех сторон. Останавливаться на этом я не буду. Я думаю, что товарищи поинтересуются и прочтут. Там имеется еще такое место, а именно: „рабочие, которые не пробыли в профессиональных союзах 6 месяцев, не имеют права жительства, а немедленно высылаются из Грузии". Дальше: „Ни один человек не может въехать в Грузию или выехать из Грузии, чтобы не платить за это". Обратите внимание на следующее:

§ 1.

Лица, получающие разрешения на право въезда в пределы Грузии своих родственников, платят за выдаваемые им разрешения 50.000 руб. (Это грузинскими бонами: 1 миллион равняется 10 руб. золотом).

§ 2.

Правительственные учреждения, возбуждающие ходатайство о выдаче разрешения на въезд лицам, кои по своим специальным познаниям необходимы, платят 500.000 руб.

§ 3.

Лица, выезжающие из пределов Грузии по своим личным делам с тем, чтобы вернуться обратно, платят за разрешение на обратный въезд 500.000 руб.

§ 4.

Лица, пребывающие в пределах Грузии, согласно §§ 1 и 2 настоящей инструкции, за разрешение на право жительство в пределах Грузии платят 100.000 руб.

§ 5.

Лица, после 13 августа 1917 г. прибывшие в пределы Грузии и желающие получить право на постоянное жительство в Грузии, в случае

удовлетворения их просьбы платят за выдаваемые им разрешения 1 милл. рублей.

§ 6.

Лица, коим к 13 августа 1922 г. исполнилось 5 лет пребывания в пределах Грузии, но не будучи признаны гражданами Грузии, за право на дальнейшее пребывание в пределах Грузии платят 1 милл. руб.

§ 7.

Лица, прибывающие в пределы Грузии по торговым делам, за право жительства в пределах Грузии платят за каждый месяц пребывания в Грузии 1 милл. руб.

Примечание. Каждый неполный месяц считается за 1 месяц.

§ 8.

Право на дальнейшее пребывание в пределах Грузии из лиц, прибывающих в ее пределы после 13 августа 1917 г., имеют:

1) лица, состоящие на службе в правительственных учреждениях и состоящие членами профессиональных союзов;

2) специалисты: профессора, инженеры, юристы, врачи, агрономы и пр., если о них соответствующими Наркоматами возбуждается надлежащее ходатайство;

3) все члены профессиональных союзов, состоящие в союзе 6 месяцев ко дню издания настоящего постановления;

4) граждане, кои связаны с Грузией деловыми отношениями.

Дальше, товарищи, государственное творчество наших товарищей из группы Махарадзе—Мдивани можно иллюстрировать еще следующим документом. Вот вам декрет „о гражданстве Социалистической Советской Республики Грузии“:

„Гражданство Грузии теряют: грузинская гражданка в том случае, если она выйдет замуж за иностранца“.

Сомнительный документ, тов. Махарадзе? Случилось, к примеру, такое несчастье, что грузинка влюбилась в армянина, татарина или русского и вышла замуж за него вот и перестает она за это быть гражданкой Грузии. (Аплодисменты). Говорят, нас сжимают. Какого чорта сжимают? Если бы мы вас сжимали, товарищи, этих документов не было бы. (Аплодисменты). Вот, товарищи, история и происхождение сомнительных документов. Вчера тов. Мдивани говорил: у нас разногласия только по национальному вопросу. Извините, у нас разногласия были не только по национальному вопросу, но и по вопросу, как дать землю крестьянам, как бороться с меньшевиками и по многим другим вопросам. Тов. Мдивани вчера заявил: земля и т. д.— это шутки и прибаутки. Он говорил: большие люди здесь говорили о больших делах, а вот я, маленький человек, буду говорить о маленьких делах, хотя едва ли тов. Мдивани меньше ростом нашего Бухарина. В чем дело? Какие шутки-прибаутки насчет земли? Два года существует Советская власть в Грузии, а в деревнях князья и по-

мещики живут и берут налог за пользование землей с крестьян, подати берут с крестьян. Что это: шутки-прибаутки? Основной вопрос Октябрьской революции—разрешение земельного вопроса. Без радикального разрешения этого вопроса нет Советской власти. И этот вопрос не был разрешен в Грузии. Тов. Махарадзе, тов. Мдивани заявляли как раз в присутствии тов. Каменева и тов. Куйбышева,—заявляли, что в этом вопросе все обстоит благополучно. Тов. Мдивани давал на отсечение правую руку, если вы найдете хоть клочок земли в Грузии, не переданный крестьянам, или одного помещика. А тов. Махарадзе заявил: вы, мол, вызываете крестьянскую стихию. Посмотрим, как вы с ней справитесь. А другой мудрец, бывший наркомзем, тов Тодрия, говорил в присутствии тт. Куйбышева и Каменева: что же вы выгоняете бывших помещиков и дворян, а куда они пойдут? (Смех). Тов. Махарадзе говорил: вы разрушаете производительные силы деревни. А как было на деле? В одном только Горийском уезде, в двух часах езды от Тифлиса, осталось более 40 тысяч десятин земли у помещиков и дворян. И эта земля теперь отбирается. Тов Махарадзе, что это левая левизна, на которую вы указываете? Тов. Махарадзе считает передачу земли помещиков крестьянам за левизну из левизны? Извините, тов Махарадзе, вы сами принуждены были на втором съезде, происходившем в марте в Тифлисе, заявить, что вы приветствуете земельную политику, которую проводит новый Цека. А за вами тов. Мдивани был вынужден выйти на трибуну и заявить: мы проморгали земельный вопрос. До какого скандала доходило дело,—видно из того, что у горийского помещика служит секретарь коммунистической ячейки прислугой, и когда комиссия по очистке была в этом доме, этот секретарь на вопрос комиссии: „Ты что здесь делаешь?“, ответил: „Дай бог здоровья нашему князю, без него я с голода сдох бы“. Вот, тов. Махарадзе, какие у нас порядки в грузинской деревне. (Аплодисменты).

Мдивани (с места). А что вы сделали, тов. Орджоникидзе, как представитель высшей власти, для уничтожения этих порядков?

Председательствующий. Здесь надо подчиняться дисциплине, которая господствует в РКП.

Орджоникидзе. Я отвечаю тов. Мдивани. Тов. Мдивани своей репликой подтверждает существование тех безобразий, которые были в грузинской деревне. Он спрашивает, что я делал. Еще в декабре 1921 года на конференции тифлисской организации, делая доклад о задачах коммунистической партии в Грузии, я указывал на эти безобразия, указывал, что земельный вопрос в Грузии не разрешен, и что во что бы то ни стало его надо разрешить. В резолюции тифлисской организации по моему докладу ясно и определенно на это указывалось. На первом съезде грузинской коммунистической партии этот вопрос ставился уездными делегатами, и пока группа Махарадзе и Мдивани была во главе советских и партийных органов, этот вопрос не двинулся с мертвой точки. Разрешение этого вопроса двинулось вперед только после ухода упомянутой группы.

Дальше о меньшевиках. Мы, товарищи, при вступлении в Грузию объявили амнистию всем и вся. Этого требовала и внешняя наша политика, этого требовали и тов. Ленин, и наш ЦК. Но дальше, товарищи, случилось так, что меньшевики стали организовывать и организовываться, и те, которые раньше удрали, вернулись обратно. Что же, арестовывать этих меньшевиков или нет? Мы сказали, что надо вести решительную борьбу, меньшевистская амнистия кончилась, и надо их сажать, а наши противники в этом вопросе колебались.

Что же здесь случилось после того, как мы этих меньшевиков полупили и земельную реформу провели?

А случилось следующее:

Тов. Мдивани заявлял здесь, что все волнуются, все нервничают там,—совершенно верно, нервничают меньшевики, нервничают Мдивани и его маленькая группка, но крестьяне говорят следующее: „только теперь пришла Советская власть, после того, как мы получили землю и выгнали князей-помещиков". Меньшевистская партия, самая сильная партия в Грузии в свое время, разложилась окончательно и не только вследствие репрессий, а, главным образом, вследствие разрешения земельного вопроса. Вы, товарищи, читали здесь, что целыми сотнями и десятками меньшевики 1900 года 1898 года выходят из партии, посылая проклятия меньшевистской партии; в 25-ю годовщину в одной из наших ячеек железнодорожных мастерских они преподносят Красное знамя,—тов. Махарадзе был на этом собрании,—и говорят: „Мы отныне идем с коммунистической партией и стоим за Советскую власть". Вот, товарищи, результат.

Вот, товарищи, при такой обстановке, при таких условиях и при таком желании проводить нашу коммунистическую политику в Грузии, конечно, единства достигнуть было нельзя. Драка была, и была самая уродливая, но причины на это были свои. И прежде чем жаловаться на то, что их прижимают, надо было доказать, что земельный вопрос был разрешен товарищем Махарадзе, что борьба с меньшевиками была поставлена на должную высоту, и что этих проклятых позорных кордонов не было вокруг Грузии.

Председательствующий. Слово имеет тов. Рютин.

Рютин. Товарищи, политические этикетки, которые иногда приклеивают себе различные политититические группировки, обманывают иногда не только массы, но и тех, к кому они приклеиваются. Это, товарищи, мы в достаточной степени основательно видели в прошлом на протяжении 25-летия существования нашей партии, это мы видели в революции 48 г. во Франции, в Германии, это мы видели и в революцию Октябрьскую. Поэтому, товарищи, с особой осторожностью нужно подходить к вопросу, когда мы говорим о правых и левых уклонах. Мы знаем, товарищи, что в период Октябрьской революции левые эсеры склонны были выступить, как весьма левая политическая группировка. На деле левые эсеры оказались в определенный период злейшими контр-революционерами, на деле они оказались врагами рабочего класса и крестьянства. Это же мы видели и в отношении анар-

хистов В последнее время мы видим, что и меньшевики склонны критиковать коммунистическую партию, руководящую Советской властью слева. Я полагаю, что те документы, которые в этом отношении в нашей партии имеются, в достаточной степени известны товарищам. Я полагаю, что мы также должны учитывать и разговоры т. Ларина о правых уклонах в нашей партии. Мы здесь должны отбросить этикетку, которую склонен приклеивать к себе т. Ларин, и разобраться в том, что, в сущности, говорит т. Ларин. Каково же содержание его позиции? В основном оно направлено бесспорно на ослабление союза между рабочим классом и крестьянством. Мы знаем, как у нас обстоит дело с обложением крестьянства. Мы, работающие на местах, знаем, что в общем приходится говорить скорее не о легкости, а о тяжести обложения.

Тов. Ларин говорит о том, что он не берет всех крестьян, что он берет одну группу,—главным образом, кулацкий элемент. Но надо сказать, товарищи, что и тут мы должны подходить к вопросу так, как диктует нам новая экономическая политика, как диктуют нам те принципы, по которым мы ее строим. Мы сейчас, к сожалению, не можем заниматься разрушением и тех крестьянских хозяйств, которые могут быть названы кулацкими; мы должны облагать кулацкое хозяйство так, чтобы оно и в дальнейшем могло давать нам продукты сельского хозяйства и налоги. Мы это видели и в отношении частной промышленности, когда проводили прогрессивный подоходно-поимущественный налог; мы брали максимум того, что можно было взять, но в то же время старались, чтобы и в дальнейшем можно было брать. Что касается так-называемого „крестьянского уклона", руководства пролетариатом крестьянскими массами, то он вообще был присущ нашей партии. Достаточно просмотреть статьи тов. Ленина, достаточно просмотреть статьи других руководителей нашей партии, чтобы это видеть. Я полагаю, кроме того, что этот „крестьянский уклон" свойственен и всему Коммунистическому Интернационалу. Если бы мы не учитывали крестьянского вопроса так, как он сейчас стоит в колониальных странах, если бы сейчас Коммунистический Интернационал и международный рабочий класс не брали курс на руководство угнетенными колониальными народами, конечно, мы не могли бы рассчитывать на успешность борьбы с международным империализмом. Мировая коммунистическая революция бесспорно победит только в том случае, если у нас этот самый страшный т. Ларину „крестьянский уклон" будет, если мы сможем помочь Индии, помочь Китаю и др. отсталым народам. Если мы этого не сможем сделать, то едва ли пролетарская революция сможет быть победоносной,

Переходя к конкретным вопросам, приходится сказать, что то плановое руководство, о котором говорил тов. Осинский, на местах осуществляется не так просто, как он был бы склонен думать. В действительности того примитивного разделения труда между партией и советскими органами нет; по необходимости иногда по отдельным вопросам приходится обращаться в Партийный Комитет для разрешения. Когда Партийный Комитет видит, что советский орган допускает

ту или другую ошибку, то разве он будет смотреть на план и разбираться, входит это в его план или нет. Конечно, он сейчас же направляет работу по нужной линии.

Тов. Косиор остановился на том, что ЦК не ведет общей линии, а ведет групповую политику. Что это такое? Если в ЦК имеется определенная руководящая группа товарищей, то мы знаем, что это не страшно. Это нормально. Мы в достаточной степени за 5 лет научились. Мы знаем не только взаимоотношения между партией и рабочим классом, но и те отношения, которые должны существовать между партией и ее вождями. Партия не может быть без вождей. Партия, которая не имеет хороших вождей, распадается. Партия, которая дискредитирует своих вождей, неизбежно ослабляется, дезорганизуется.

Партиями всегда руководят вожди. Сейчас, когда общепризнанный наш вождь болен, когда он,—будем надеяться, временно,—не может работать,—сейчас, товарищи, эта руководящая группа ЦК бесспорно должна остаться. Бесспорно для наших врагов было бы лучшим достижением разбить эту руководящую группу. Мы знаем, что именно этим наши враги внесли бы разброд в нашу партию, именно этим облегчили бы дальнейшие задачи, которые ставят перед собой меньшевики и эсеры. Поэтому если т. Косиор хотел сказать что-то иное, то он должен был сказать это яснее и определеннее. А то, что он сказал, можно истолковать только так, как истолковал я, как истолковали и другие товарищи.

Что значит коллективный опыт? Конечно, наша партия всегда считала необходимым в полной мере использовать коллективный опыт, но коллективный опыт отнюдь не означает партийного разброда. Мы ни в коей мере не можем добиваться „коллективного опыта", который имеется в партии эсеров, где столько же тактических линий, сколько эсеров. Если бы мы стали бить не кулаком, а растопыренными пальцами, нас бы победили наши враги. Или нам, может-быть, нужен такой коллективный опыт в кавычках, который имеется сейчас у меньшевиков, где мы видим на одной стороне Мартова, а на другой стороне Ивановича, явного монархиста?

Нам такой коллективный опыт не нужен. В этом отношении нас опыт научил, как нам нужно бороться и как побеждать наших врагов. Дальше, кажется, тов. Лутовинов говорил о казарменном режиме. Это, товарищи, или демагогия, или полнейшая беспринципность. Что значит казарменный режим? Надо раскрыть скобки. Наши враги так называют железную дисциплину, которая существовала, существует и будет существовать в нашей партии; дисциплина, которая дала нам возможность безоговорочно бросать десятки тысяч коммунистов на фронт, которая дала возможность бить наших врагов таким образом, каким образом не могли бить нас наши враги.

В конечном счете, на мой взгляд, все упирается в организационный вопрос. Одни товарищи склонны напирать на слово „демократический", другие делают ударение на слове „централизм". Меньшевики и те мелкобуржуазные группы, с которыми нам приходилось сталки-

ваться, всегда склонны были много говорить о демократизме. Мы же всегда принципы демократизма подчиняли революционной целесообразности. Это мы будем делать и в дальнейшем.

Председательствующий. Тов. Сосновский имеет слово.

Сосновский. Товарищи, я хочу остановиться раньше на печатном, а затем на устном выступлении т. Красина, ибо мне представляется, что мнения, развиваемые им, гораздо важнее, чем мнения других здесь высказывавшихся. Здесь говорили по вопросу о возможном отделении руководства партии от хозяйственных вопросов. Когда я слушал эти прения, мне казалось, что я слышал уже это несколько раньше где-то, но мне трудно было вспомнить, где именно. Но затем я вспомнил, что в 1919 г., во время объезда Тверской губернии, в одной волости, на большом крестьянском митинге, после моей речи выступил один мелкий кулачок, по удивительному совпадению носивший фамилию Капиталов. И вот этот Капиталов ответил мне следующим образом:

„Товарищ Сосновский, мы против коммунизьмы ничего не имеем. Мы только просим коммунизьму от нас отдалить. Пущай коммунизьма будет сама по себе, а мы сами по себе".

Этот маленький кулачок дал еще до НЭП'а великолепную формулу желаний деревенских капиталистов. Они не против коммунизма, при условии, что коммунизм их не касается, они ничего против него не имеют. И это обстоятельство бросает свет на желания кругов, стоящих ближе к ключам экономической жизни, чем деревенский кулачок Капиталов. Буржуазия, с тех пор появившаяся, в конце-концов, также отчасти ничего не имеет против коммунизма, при условии, чтобы ее поменьше касались. Отсюда, товарищи, мы переходим ко второму вопросу. На какие силы рассчитывает тов. Красин, когда представляет себе развитие нашей хозяйственной жизни? Он сомневается в возможности развития промышленности нашими собственными ресурсами; от с. х. он также не ждет больших ресурсов для подкрепления промышленности, и потому он ставит вопрос совершенно определенно: только иностранный капитал может подвинуть наше хозяйственное развитие. Товарищи, во-первых, нужно сказать, что если бы даже мы приняли в расчет цифры тов. Красина, а именно допустили бы, что мы действительно терпим 8 миллиардов убытка в год оттого, что не подписали условий буржуазии и не получили от иностранного капитала помощи,—допустим, что это верно. Вторая цифра, которую он приводил, что все внешние долги равняются, примерно, 12 миллиардам, и что нам, очевидно, нужно согласиться на признание этих долгов. Платежи одних процентов по этим долгам, по средним нынешним европейским процентам, должны составлять приблизительно 600—700 миллионов золотом ежегодно, что равно $^3/_4$ нашего нынешнего бюджета, о котором вы сами знаете, что он очень тяжел, от него скрипят и промышленность, и сельское хозяйство. Что же, товарищи, может дать нам признание иностранного капитала? Допустим, что он горит желанием помочь нам и только ждет с нашей стороны соответствующих

любезных жестов. Во время Генуэзской конференции присутствовали самые большие экономисты, и тов. Преображенский вел, напр., беседу с известным экономистом и финансистом Кейнсом; тот указывал, что сумм, которые требуются на восстановление нашего хозяйства, Европа дать не может. То же говорили другие видные знатоки экономического положения Европы. Что же, товарищи, нам рекомендует тов. Красин? Он говорит: сделайте НЭП во внешней политике, признайте долги и начинайте через пару лет платить проценты по этим долгам. А что мы получим взамен?.. Этого сам Красин не знает. На Генуэзской конференции определенно говорилось, что больших средств Европа дать не может. Если посмотреть протоколы беседы в вилле Альберти, где мы спрашивали Ллойд-Джорджа: „а что вы дадите, когда мы подпишем ваши требования?“, то Ллойд-Джордж не мог сказать, дадут ли они нам значительную сумму даже и в этом случае.

Но самое главное, что они нам ни в коем случае не дадут и не захотят дать, ибо не в их расчете поднимать нас. В их интересах держать нас в лихорадке, в изнурительной лихорадке кризиса, в вечном напряжении, но ни в коем случае не дать нам сразу такую внушительную сумму, которая позволила бы рабочим всего мира сказать: вот люди, совершившие революцию, получают даже от буржуазии деньги на восстановление, и, значит, революция—дело верное. Такой глупости буржуазия не сделает. Может-быть, тов. Красин надеется ее съагитировать? Таким образом, остается вопрос о том, в какой мере мы можем рассчитывать на свои собственные ресурсы на ближайший период времени, покуда конъюнктура в Европе изменится. И тут я расхожусь с Красиным, ибо думаю, что и он, и многие другие не дооценивают совершенно наши материальные и всякие другие ресурсы. При такой психологии, при такой оценке наших собственных сил, сил революции, конечно, можно сделать выводы самые пораженческие. Тов. Радек назвал это панической психологией,—я называю пораженческой психологией в отношении к нашему хозяйственному развитию.

Теперь, во-вторых,—это уже дело маленькое,—по поводу пренебрежительного отношения тов. Красина к газетчикам, литераторам и политикам. (Смех). Я, наконец, доволен, что очутился в хорошей компании с газетчиками Лениным, Зиновьевым, Троцким и, вообще говоря, с газетчиками из Политбюро, наркомами, потому что до сих пор мне приходилось один-на-один воевать с тов. в роде Красина, Лежавы и многими другими. Теперь, надеюсь, профессиональная солидарность газетчиков из-за стола Президиума заставит их взглянуть на этот вопрос несколько иначе. А к чему сводилась эта борьба газетчиков,—я могу иллюстрировать на одном примере. Скажем, не-газетчик Красин приходит однажды к убеждению, что нужно сдать старым или новым хозяевам резиновую промышленность. Газетчики думают, что ее можно поднять собственными средствами. Газетчики выкладывают это в газете. Не-газетчик Красин бомбардирует Ильича из Лондона самыми паническими телеграммами, требуя, чтобы это было прекращено, и чтобы всякие препятствия на этом пути были сняты. Его заместитель посы-

лает в Политбюро бумагу, которая начинается с такой фразы: „что мне делать с Сосновским?!. Не посмотрев в святцы, он бухает в колокола“. Между прочим, эти колокола кстати и некстати упоминают все наркомы и замнаркомы. После этого проходит два года, и председатель ВСНХ тов. Богданов, который два года назад был не таким решительным, правда, как Красин, но сторонником сдачи в концессии и привлечения иностранного капитала, на съезде химиков и в „Экономической Жизни“ заявляет, что произошло следующее: „Резиновая промышленность без всякой помощи иностранного капитала, собственными средствами поднялась на ноги, быстро приближается к производительности довоенного времени, и что разговор об иностранном капитале надо вообще бросить“.

И это спустя два года после того, как об этом заговорили газетчики. Если бы газетчики из Политбюро чаще поддавались паническим телеграммам из Лондона или из других комиссариатов, я убежден, что мы таких лакомых кусочков рассовали бы в хайло иностранного капитала гораздо больше. И поэтому, конечно, надо дать отпор попыткам разделения на хозяйственников и газетчиков. Я думаю, что газетчикам еще придется порядочно побеспокоить хозяйственников, и мы будем посильно это делать.

Теперь перейду к вопросу о ресурсах сельского хозяйства. Утверждаю, что ЦК повинен в том, что он совершенно не дооценивает возможностей развития продукции с. х. даже при нашей бедности в оборудовании, транспорте и в чем-угодно. Это пренебрежение, неправильная оценка замечаются в течение последних лет. И на-ряду с пышными декларациями на съезде Советов и во всех других местах, на-ряду с этим замечается совершенно недопустимая трактовка этого вопроса. Возьмем брошюру тов. Ленина о продналоге. Он говорит, что „важнее всего осуществлять те меры, которые могут поднять производительные силы крестьянского хозяйства немедленно“.

К январю этого года, в декабре ЦК выпускает циркуляр о проведении беспартийных крестьянских волостных конференций, который вы все получили на местах. И в нем, перечисляя порядок дня для этих конференций, ЦК пишет: „вопроса о поднятии с. х. в смысле массового проведения кампании ставить не надо, так как-де время таких кампаний изжито“. Когда я прочитал циркуляр, я обратился к секретарям ЦК, к Наркомзему с просьбой убедить меня, что время массовых кампаний по улучшению с. х. изжито. И секретари, конечно, не могли убедить меня в этом, и не только не могли, а тов. Куйбышев даже удивился, как эта фраза попала в циркуляр, подписанный им, Куйбышевым. Такие казусы в крестьянской стране совершенно недопустимы. К счастью, очень многие губкомы ослушались этого приказа, и на волостных конференциях ставили вопрос о поднятии сельского хозяйства, что, вероятно, подтвердят присутствующие здесь товарищи. Но дело не только в циркулярах, а в целом ряде мероприятий. Возьмем такой очень важный пример: Госсельсклады, Губсельсклады, кооперативы если не очень ломятся от сельскохозяйственных орудий,

то заваль там порядочная. Покупать за наличный расчет деревня не может, а мы ждем, пока она придет, купит и на прилавок положит деньги. Это курам на смех. Мы на золото закупаем машины за границей, чтобы они бесполезно валялись в складах, тогда как они могут реально увеличить доход сельского хозяйства. Для этого нужно поставить вопрос о сельскохозяйственном кредите не так, как он поставлен. Принято постановление о сельскохозяйственном кредите на съезде Советов, но до сих пор выполняется лишь ничтожная часть того, что было решено. Таким образом, ряд мероприятий, вполне нам сейчас доступных, необходимо было бы провести, и тогда вопрос о низких ценах и об их губительном влиянии на сельское хозяйство был бы поставлен совсем не так, как он сейчас трактуется в докладе тов. Зиновьева и, вероятно, в предстоящем докладе тов. Каменева. Они считают бесспорным, что выход только в повышении цен на хлеб. Это совсем не так бесспорно со многих точек зрения, и по докладу тов. Каменева я попытаюсь доказать, что это поверхностное, скороспелое решение вопроса, которое может причинить нам бедствия. Примите во внимание, что, по обследованию тов. Яковлева и др. товарищей, процент покупающих хлеб крестьян громаден. Примите во внимание, что процент продающих излишки не так велик. На ближайшее время не может быть того, чтобы они резко повысились. Поэтому вопрос заключается в том, чтобы та десятина, которая дает 40 пудов дешевого хлеба и потому убыточна, принесла 70—80 пуд. и была доходна даже при низких ценах. Можем мы или не можем этого добиться? Если ЦК и вся партия установят правильную политику, то года в два мы могли бы совершить чудо: довести урожай до 80 п. с десятины.

Председательствующий. Слово имеет т. Бухарин.

Бухарин. Товарищи, позвольте мне прежде всего сделать одно маленькое замечание, которое касается вопроса, который мы будем обсуждать позже,—это именно национального вопроса. Я здесь сейчас его не стану разбирать, но только расскажу вам про один конкретный случай, который случился со мной вчера. Встречаю одного товарища, приехавшего из одной окраины. Спрашиваю его: „Ну, что у вас нового?“—„Да что, ничего нового, вот националов душим“. (Смех). Такая черточка сейчас и такая психология существуют в известной части нашей партии. И я должен здесь сказать, что если мы эту психологию не уничтожим решительно, со всей энергией, тогда мы получим такую неприятность, чтобы не сказать хуже, которая может подвергнуть риску самое существование Советской республики. (Аплодисменты). Я это, товарищи, с тем большей уверенностью говорю, что в национальном вопросе, как все вы отлично знаете, я раньше занимал точку зрения, которая, при всем своем видимом благородстве, тактически являлась крайне глупой, в чем здесь и сознаюсь. (Аплодисменты).

Товарищи, не бойтесь, что я буду здесь защищать профессиональную честь и профессиональные добродетели корпорации литераторов

против корпорации хозяйственников, что уже сделано моим коллегой по этому цеху, т. Сосновским, но все же разрешите мне обратиться к чему-то, что имеет отношение к литературе, именно к печатному слову. Я, к сожалению, не мог вчера выслушать здесь прений, мне приходится поэтому полемизировать не по устному, так-сказать, тексту, а по печатному тексту речей, которые вчера были произнесены в дискуссии, связанной с отчетом нашего ЦК. Начну свой анализ с речи тов. Косиора. Т. Косиор выставляет целый ряд упреков по отношению к ЦК. Первый упрек: нельзя ЦК, мол, протестовать, если вносят некоторые товарищи узко-организационные вопросы, нельзя из этого делать принципиальных вопросов. Однако, под этими оргвопросами разумеется соотношение между Совнаркомом и Политбюро ЦК, т.-е. основной вопрос соотношения между государственным аппаратом в целом и той партийной машиной, которая этим аппаратом управляет. Если этот вопрос считать мелочным организационным вопросом, это значит абсолютно ничего не понимать в тех опасностях, которые нам грозят, ибо совершенно ясно,—я не буду на этом долго останавливаться, товарищи,—что одна из крупнейших опасностей заключается в том, что наш советский аппарат может оторваться от партийного руководства и пойти по совершенно другим рельсам. Совершенно естественно поэтому, что ЦК был совершенно прав, когда он и этот вопрос рассматривал не как „мелкий, узкий организационный вопрос", а как один из тех вопросов, которые имеют довольно крупное политическое значение. И вот эта-то легкомысленность т. Косиора,—она сейчас же сказывается и на целом ряде других вопросов. Он говорит: почему поднимают такой шум? Зачем же такой шум, как-будто боятся нового течения? „Кто то" „чего-то" хочет, „кто-то" хочет отделить партию от советов, и т. д., и т. д. Т. Косиор здесь очень благодушен. Существуют известные платформы, существуют известные выступления,—это есть реальные факты. А вот, посмотрите, другой из оппозиционеров, Лутовинов, говорит, что ЦК этого всего не замечает, а держится как страус, который прячет голову под крыло. Дело в том, что эти два почтенные оппозиционера не спелись. Тов. Лутовинов говорит: смотрите, что происходит у нас,—у нас происходит полное разложение партии, группировки одна за другой возникают, а ЦК прячет голову под крыло! Т. Косиор говорит: „кто-то" „чего-то" хочет. Зачем такой шум?

Почему такая разница в оценках? Одни уверяют, что слишком много шума; другие говорят: ЦК является страусом, который не только шума не поднимает, но и черезчур мало видит фактов. Ясно, товарищи, что это происходит по той простой причине, что ЦК действует в меру той пропорции, которая необходима. Он не поднимает излишнего шума в кавычках, как думают одни, и он не прячет голову, как страус, как думают другие. На самом деле это есть спокойная, выдержанная политика ЦК, которая оценивает известные политические факты в той пропорции, которой они заслуживают.

Основной аргумент тов. Косиора направлен против постановле-

ния одного из предыдущих съездов, а именно постановления, касающегося запрещения группировок. Это вопрос, товарищи, который я лично считаю довольно важным; если мы будем его рассматривать и обсуждать, то, мне кажется, нужно решить, чего же хотят эти товарищи. Товарищи в роде Косиора хотят превратить нашу централизованную партию в федерацию различных группировок, которые могут между собою блокироваться, когда это нужно, которые будут вступать между собою в известного рода взаимоотношения, но которые в общем и целом будут представлять из себя решительно все, что угодно, но только не большевистскую партию. И вы посмотрели бы, с чем связана эта мысль о федерации различных группировок в партийной организации у тов. Косиора. Я беру бюллетень и там читаю: „Должно-быть, вокруг недочетов сосредоточено общественное мнение партии, а поэтому, я повторяю, не нужно возводить этой резолюции в систему управления, при которой всякая общественная жизнь внутри партии, если она не укладывается в рамки официальных органов партии, в рамки ячеек, районных или городских комитетов, по существу дела становится невозможной“. Что это значит? Это значит, что тов. Косиора партия не удовлетворяет. Ему не хочется обсуждать различных партийных вопросов в рамках ячеек, районных организаций, конференций, съездов и пр., т.-е. в рамках партии, а ему хочется обсуждать партийные вопросы по существу вне рамок партии. Что это такое? Разве это средство оживления партийной жизни? Милые друзья, если вы жалуетесь, что у нас партийная жизнь плоха, и желаете ее оживить, то какой самый первый основной вывод отсюда? А вывод вот какой: обсуждать эти вопросы в рамках партии, на районных собраниях, конференциях и т. д. А если у вас какое-то странное мнение, что нужно все эти вопросы обсуждать вне рамок партии, партийных ячеек и т. д., то что это значит? Это значит, что вас тянет от партии, что вы хотите оживить не партийную организацию, а что-то другое. Раскройте же, товарищи, ваши карты, что сей сон означает! Мне представляется, что с точки зрения оживления нашей партийной жизни вопрос должен быть поставлен иначе. Некоторым товарищам не нравится, что у нас всякие обсуждения в организациях после решения прекращаются по данному вопросу, и начинаются исполнения, т.-е., другими словами, им не нравится основа демократического централизма, основная структура нашей партии, как большевистской партии. Вы, может-быть, желаете превратить нашу партию в сеть дискуссионных клубов, которые будут отстоять от партии, как „коммунизм“ Капиталова от мужика в стороне? Но это будет не наша партия. Мы, партийцы, должны во что бы то ни стало для оживления нашей партии предпринять все шаги, чтобы именно оживить в первую очередь наши партийные ячейки. Одна из основных трудностей для партии заключается в том, что мы тысячи всевозможных споров ведем, а оживления партийной жизни внутри ячеек до сих пор не провели. Вот сюда нужно перенести центр нашего внимания, на оживле-

ние жизни наших ячеек, а не на оживление того, что стоит „вне организационных рамок нашей партии“.

Теперь позвольте мне перейти дальше и сделать ряд замечаний по поводу речи тов. Лутовинова. Речь докладчика от ЦК, тов. Зиновьева, привела тов. Лутовинова „в большое уныние“. Вообще тов. Лутовинов—человек эмоциональный. Он приходит легко в состояние одной большой эмоции или уныния. Почему тов. Лутовинов пришел на этот раз в такое „уныние“? Потому что,—говорит он,—у нас появилось чрезвычайно много всевозможных группировок, а ЦК, как страус, прячет голову в песок. Я не знаю, каким образом ЦК прячет голову в песок. Вы все отлично знаете, что по поводу платформ, которые появились, были сделаны соответствующие контр-выступления в печати, ряд статей и т. д., но, правда, особенно большого шума ЦК по этому поводу не поднимал. Почему он не поднимал? Потому что нужно соблюсти все ту же пропорцию, о которой я говорил. В самом деле, перед нами вовсе не всеобщее разложение партии, отрыв от рабочего класса и прочие ужасы. Я не говорю, что этого не может быть никогда, но сейчас этого вовсе нет, а есть несколько человек, которые пишут и манифесты, и платформы, и под одним соусом выступают, и под другим, и под третьим, и пр. Это мы все знаем, мы отлично знаем, что корни группы „Рабочей Правды“, брошюра и манифест которой появились недавно, что все это один и тот же источник, это один и тот же господь в трех лицах, это та самая пресвятая троица, которая имеет свое воплощение в очень небольшом количестве лиц. Ее вовсе не нужно представлять в виде громадной массоголовой гидры, которая рисуется „унылому“ тов. Лутовинову. Не нужно унывать, потому что основа положения—это именно то, о чем говорил тов. Зиновьев: наша партия теперь здоровее, чем когда бы то ни было. И это есть совершенно правильное утверждение, и совершенно нетрудно прощупать экономическую основу этого утверждения. Почему у нас такая связь с беспартийными? Да потому, что нам стало экономически легче, и от этого основного фактора нельзя отбрыкаться ничем. Эти экономические условия в значительной степени оздоровили наш пролетариат, они оздоровили и нашу партию. И посмотрите, чем аргументировал тов. Лутовинов. Прежде всего он изобразил эту многоголовую гидру, которая на самом деле сводится к очень незначительной группе лиц, и потом начинает уныло по этому поводу соображать: Куда вы их загнали? Не лучше ли было бы, чтобы они высказывали свою точку зрения „нормальным путем“? Тов. Лутовинов говорит: „Если появляются всякого рода анонимные тезисы, если анонимам приходится издавать какие-то платформы, то это лишь потому, что в нашей РКП не существует возможности нормальным путем высказывать своих соображений, точек зрений по тем или иным вопросам“. Соображения соображениям рознь. В одном из этих анонимных соображений сказано: нужно выходить из партии и организовать всем честным пролетарским элементам новую партию. Это „соображение“ терпимо ли в рамках нашей партии? Или ему нужно искать другое место не совсем

открытое? Если бы мы хоть на одну минуту допустили, чтобы у нас в партии „нормальным путем“ высказывались такие соображения, мы были бы дураками. Что значит „нормальным путем“ такие соображения высказывать? Мы должны сохранить всю нашу старую революционную добродетель. Мы отличались от всех остальных группировок и западно-европейских крайних правых, шовинистических и других, которые говорили: „Зачем шнуровать мысль, вы нарушаете принцип свободы!“. Извините. На это тов. Ленин отвечал: „Мы—союз людей, которые устроили добровольное объединение на основе определенной платформы, и если желают нормально высказывать мысли, которые идут в разрез с этим, благоволите стать за борт нашей организации“. И это ненормальное требование, чтобы у нас „нормальным путем“ высказывались совершенно антибольшевистские мысли. Ничего общего это не имеет с тем, что нужно для единства нашей партии.

Далее тов. Лутовинов в качестве подавляющего аргумента высказывает такую мысль: партия наша имеет мало действительно рабочих элементов, и приводит цифры. Цифры, насколько я знаю, верные. Мы знаем, что нужно, чтобы в нашей партии было больше рабочего элемента, и ЦК всеми силами старается в этом направлении. Но позвольте напомнить тов. Лутовинову, что в известной анонимной платформе сказано, что „пролетаризация“ нашей партии есть демагогия; там сказано: чистка, выталкивание непролетарских элементов есть демагогия и должна быть похерена. Так вот эту самую платформу т. Лутовинов объективно защищает. С одной стороны, он обвиняет нас за то, что у нас в партии так мало пролетариата. Почему?—спрашивает он. И отвечает: потому что вы не допускаете анонимной платформы. А в этих анонимных платформах разве сказано, чтобы партия стала пролетарской? Нет, наоборот, там сказано: чистка—очень плохая вещь. Где же тут связаны концы с концами, где здесь хоть какой-нибудь минимум логики? Абсолютно никакого минимума логики, кроме желания критиковать во что бы то ни стало. Потом у т. Лутовинова еще сказано: „как можно вырабатывать коллективную волю, и как можно спасать партию без участия всех членов партии?“. Ну, позвольте, на это я вам скажу, что вот как раз эти не коллективные спасатели, а индивидуальные „спасатели“ партии,—это и есть именно зло. Кто такие авторы всех этих брошюр? Кто такие эти люди, стоящие отчасти вне партии, которые на себя берут смелость спасать партию? (В последнем манифесте они кричат: караул, спасайте партию!) Это называется „коллективным спасением партии“? А когда весь съезд решает, и представители с мест высказываются против этих платформ,—это индивидуалистическое спасение партии? Опять: где здесь логика? У них рассуждение такое: если от нас, от оппозиции выступают два человека, мы выступаем коллективно, а если запрещает весь съезд, например, группировку,—это есть индивидуальное спасение партии. Тут нет абсолютно никакого смысла. Если вы стоите за коллективную волю, то будьте любезны подчиняться и коллективному решению и не накладывайте

„коллективных“ этикеток на тех, которые выступили из рамок партии, не напяливайте на них „коллективного“ ярлыка.

Позвольте теперь сказать несколько слов насчет речи т. Красина. Речь т. Красина, мне кажется, можно характеризовать как точку зрения так-называемых „чистых производственников“. У них производство то же самое стоит где-то вне политики, у них производство существует без людей, с их чувствованиями и пр., и пр. Когда они говорят о восстановлении производительных сил, их совершенно не печалит вопрос о том, по какому руслу пойдет это развитие производительных сил, по капиталистическому или по социалистическому, лишь бы оно шло на подъем. Вот как они ставят вопрос. Это есть специальная инженерская точка зрения: ей совершенно безразлично, кто будет, капитализм или не капитализм, пролетариат или нет, нужно лишь, чтобы производство увеличивалось и росло с каждым днем, чтобы техника налаживалась, и т. д. Это есть „чисто-производственная“ точка зрения. И вот, если подойти с этой „чисто-производственной“ точки зрения, то тогда можно сказать: в ЦК нужно, без особой заботы о выдержанности в политическом отношении данных товарищей, сажать хозяйственников, они помогут во что бы то ни стало; нам нужен НЭП и в области международной политики, хотя бы все, решительно все, сдать иностранному капиталу. Он, этот капитал, поможет и вывезет...

Совершенно верно, если бы мы все сдали иностранному капиталу, если бы мы сейчас пригласили, например, американский капитал на тех условиях, на которых соглашается это сделать и т. Красин (потому что он формулирует свою речь таким образом: никаких принципиальных уступок, никаких уступок в области суверенитета, в области отказа от нашего законодательства), то мы получим производство, но без коммунизма. А если, например, мы сдадим всю нашу промышленность, это не есть отказ принципиальный, потому что „принципиальное“— это то, что касается нашей власти. Если мы три четверти нашей крупной промышленности сдадим, это не „принципиальная“ уступка, это в горизонт т. Красина не входит. Я боюсь, что именно такие выводы может сделать за тов. Красина кто-либо из его не в меру ретивых сторонников. Совершенно естественно, что при такой постановке вопроса мы подняли бы производство, но это была бы линия поднятия нашего производства не на социалистических основах, а на основах капиталистических. С точки зрения „чистого производственника“ это совершенно понятно. Если т. Красин будет мне говорить, что это не так, и пр., то я, даже с точки зрения его терминологии, могу доказать, что именно такой подход у него всегда был. Он говорит о „замазывании политической замазкой“. Что значит такое пренебрежение к „политической замазке“, позвольте вас спросить, когда у нас основная опасность именно в том, что эта „замазка“ может исчезнуть?

Когда у нас основное не то, пойдем ли мы по пути восстановления или нет, а то, по какому пути это восстановление пойдет? Извините, „политическая замазка“—это вовсе не презрительная величина, ибо момент требует, чтобы производство поднималось, но чтобы, вместе

с тем, оно направлялось и смазывалось соответствующей политической замазкой. Конечно, если мы имеем таких хозяйственно-компетентных лиц, которые всегда стояли и стоят на-страже коммунистических идей партии, если они имеют громадный хозяйственный опыт, то, несомненно, из них нужно было бы составить наш ЦК. При таких условиях сочетания этих добродетелей хозяйственного опыта и, с другой стороны, надежной политической квалификации мы имели бы то, что нам нужно. Но что у нас опасно у тов. Красина,—это некоторое „неглиже с отвагой", как выражаются на буршикозном языке, по отношению к „политической замазке". Мы должны не просто восстановлять хозяйство, а это восстановление должно итти в коммунистическом разрезе. Вот что основное, чего нельзя забывать ни в настоящий, ни в какой-либо другой момент.

Я, товарищи, несколько слов скажу по поводу некоторых других ораторов. Что касается тов. Осинского, то мне кажется, выступая на съезде, он просто-напросто вместе с жестянкой, которую он выволок, позабыл или скрыл и тот хвост, на котором эта жестянка держится. Действительно, если сравнить выступление тов. Осинского на съезде с выступлением его в печати, то получится большая разница. Тогда он обещал нам показать на съезде бог знает что. И вдруг, трах,—бросился в кусты. Хвостик, может-быть, не торчит, но мы все понимаем, в чем тут дело. Основная идея у него заключается в гипертрофированном разделении труда между партийными организациями и советским аппаратом. И так как эта гипертрофия в данных условиях, когда нам во что бы то ни стало необходимо не уменьшать, а увеличивать партийное влияние, вредна и ведет к отрыву партии от соваппарата, то вполне правильными были и выступления против тов. Осинского. В противоположность „унылому" товарищу Лутовинову у нас есть специально веселый тов. Ларин. Тов. Ларин, как великий магистр черной магии, всегда доказывает, что белое есть черное, а черное есть белое, и всегда говорит так, что если Ленин говорит, что нужно сделать уступку мужику, потому-то и потому-то, то Ларин в этих случаях говорит, что нам нужно не делать уступки, потому что сам Ленин говорит, что нужно уступить. В таком духе тов. Ларин выступал неоднократно. Он обычно делает так: берет цитату Ленина, огораживается Зиновьевым и Сталиным, со всех сторон окружает себя цитатами и под этим окружением говорит совершенно другое. Так, напр., на этом съезде он сказал: я должен защищать Политбюро, отстаивать его точку зрения и т. д. А послушайте тов. Ларина на его докладах, во что он превращается? Зачем же очки втирать всем? Для партии это вещь известная, и никакими цитатами вы убедить никого не сможете. Но позвольте сказать мне, в чем тут дело. Прежде всего я должен сообщить, что это явление не только русское. Есть люди, у которых уступки оппортунизму одеваются в своеобразную форму. Если поставить вопрос так, что мы защищаем цеховые интересы рабочего класса, тогда мы должны выступить под лозунгами, что рабочий класс должен драть с кого почем зря, как можно больше. Но совершенно другой оборот

принимает дело, если стать на точку зрения господствующего рабочего класса, который распоряжается страной, как ее хозяин, и который должен поэтому рассчитывать, с какой курицы сколько перьев нужно взять. Если поставить так вопрос, это будет точка зрения рабочего класса, как хозяина. И вот против этой точки зрения оппортунистическое нутро тов. Ларина и борется, надев на себя очень яркие и цветистые позументы. Его, Ларина, позиция сбивается на такую идеологию: советское государство—не рабочее, рабочий класс в нем эксплоатируется, нужна „независимая политика" по отношению к государственной власти, и т. д.

Вот как надо ставить вопрос. Я не хочу одного из своих лучших друзей, т. Ларина, обвинять в семи смертных грехах. Но надо, ведь, подходить не с точки зрения субъективных симпатий, а с точки зрения объективной оценки. Поэтому партийному съезду надо этот ларинский уклон, во всяком случае, не принимать, как добродетель. У нас есть сейчас целый ряд опасностей: опасность отрыва государственного аппарата от партии, опасность проникновения в нашу среду чуждых элементов и т. д. По всем вопросам наш партийный съезд с бо́льшим единодушием, чем когда бы то ни было, должен высказаться. Он должен высказаться за партийное единство и против превращения нашей единой, мощной, дисциплинированной организации в такую организацию, которая не может уложиться в организационные формы нашей партии, лучшей из всех партий. (Аплодисменты.)

Председательствующий. Время приближается к моменту закрытия заседания. У меня есть несколько записок с предложением прения прекратить. У нас останется 10 минут. Если мы прекратим прения, то Президиум предлагает эти 10 минут предоставить товарищу от молодежи, которая не имела возможности высказаться, и на этом прения по отчету Центрального Комитета прекратить, а вечером начать заключительные слова. (Голоса с мест: „Рыкову надо дать слово, Раковскому"). Тов. Рыкова нет в зале. (Голоса: „Раковскому").

Богуславский. Я вношу следующее предложение: предоставить еще слово Раковскому и Рыкову. Мы вчера тоже кончили на полчаса позже. Ничего от этого не произошло. Таким образом, мы исчерпываем прения.

Председательствующий. Товарищи, я предоставляю слово тов. Раковскому; если захочет, то и т. Рыкову, и затем будем считать прения закрытыми. Голосую, товарищи. Первое предложение—о полном прекращении прений. Кто за него? Кто за то, чтобы сделать исключение? Прения, товарищи, прекращены. Заключительные слова переносятся на вечер. Сейчас я должен огласить письменное заявление т. Красина.

Фактическое замечание.

Тов. Сосновский приписывает мне мнение, будто без иностранной помощи мы не в состоянии восстановить хозяйство России.

Никогда и нигде я такого утверждения не делал, и т. Сосновский не приведет ни одной подобной цитаты из моих статей или речей.

Я говорил и утверждаю и теперь, что без кредитов и займов извне экономическое восстановление будет долгим мучительным процессом, при котором России угрожает превращение в чисто-крестьянскую страну.

Красин.

Заседание закрывается.

Заседание шестое.

(19 апреля 1923 г., вечернее).

Каменев (председательствующий). Заседание возобновляется. Переходим к заключительным словам. Первое заключительное слово принадлежит тов. Ногину.

(С места возгласы: „Не надо. К чему?").

Ногин. Товарищи, я с удовольствием отказался бы от того, чтобы отнимать у вас время, если вы не пожелаете, но я должен ответить на несколько записок, которые поступили ко мне. Кроме того, необходимо сделать несколько разъяснений. Само собою разумеется, не все довольны тем, что я сказал, и чего я не сказал. Поэтому разрешите занять ваше внимание на несколько минут.

Прежде всего, тт., необходимо отметить ту неточность, которая была допущена в моем докладе относительно еврейской секции. Товарищи указывают, что момент нашей ревизии был неудачный,—мы, застали момент переезда, и вся хорошая работа, которая у них была, нам была не видна. Мы действительно в глубь работы секции не входили. Может-быть, это так, как они говорят. Я только должен констатировать некоторые факты, в роде сорванных дверей со шкапов и других мелочей, которые меня заставляют и до сих пор несколько усомниться, что там идеальный порядок. Но что результаты работы вообще хороши,—об этом свидетельствует тов. Ярославский, который мне прислал записку. В ней он подтверждает большие успехи работы этой секции, в чем я не сомневаюсь.

Теперь другой вопрос, относительно Агитпропа. Товарищи точно так же остались недовольны тем, что я сказал относительно того хаоса, который был в Агитпропе, и который во многом,—может-быть, на 90—95%,—ныне уничтожен. Маленькие частички этого старого хаоса все же остаются. Они сохранились не по вине работников Агитпропа, а против их желания, и несмотря на все их попытки устранить этот хаос. Все дело в том, что им по штату не полагается необходимого числа служащих, которые могли бы устранить эти пережитки. Во всяком случае, я подчеркиваю, что в данном случае этим отделом сделана большая работа. Того положения, которое было в прошлом году, уже нет.

Теперь я отвечу на записки, поданные мне здесь несколькими товарищами. Они особенно интересуются вопросом о том, как прошла работа Учраспреда по мобилизации „1000“. Я не стал об этом говорить в докладе потому, что тт. Сталин и Зиновьев коснулись в своих докладах об этом. Правда, цифры, которые они сообщили, несколько разнятся от моих. По моим данным, было мобилизовано 800 человек, а не 700. Выводы, которые по этой работе сделал докладчик, были совершенно правильны, поэтому я не считаю нужным на них подробно останавливаться. Далее записка о том, каков аппарат ЦК. Товарищ задает вопрос: не следует ли нам упрощение госаппарата начать с ЦК РКП? Товарищ, ставивший такой вопрос, во-первых, путает некоторые понятия, а во-вторых, я должен заявить, что большое число отделов и подотделов отнюдь не свидетельствует о громоздкости аппарата, а о том, что там есть определенное планомерное разделение труда, которое необходимо, и которое, само собою разумеется, правильно. Это отнюдь не обозначает громоздкости, а, наоборот, обеспечивает согласованность и быстроту разрешения дел.

Несколько товарищей спрашивают о работах местных ревизионных комиссий. Я уже указывал, что, по обследованию, произведенному, по моей просьбе Орготделом, мы имеем данные о 62 губерниях, в которых ревизионные комиссии работали. Отчетов из этих губерний имеется всего 7, и очень неполных, при чем, на основании всех этих данных, приходится сказать, что большая часть ревизионных комиссий совсем не работала. Какой процент,—я установить не могу: этих данных у меня нет. Некоторые комиссии работали в теснейшем контакте с губкомами, но у некоторых, очень немногих, были склоки с губкомами. Общее впечатление таково: отсутствие определенной инструкции, определенного руководства в работе этих организаций сильно мешает.

Эту инструкцию безусловно необходимо поскорее издать для того, чтобы работу ревизионных комиссий поставить на твердые ноги.

Перейду к последнему вопросу: не раздуты ли штаты ЦК, каков у них процент технических работников, нет ли нужды в сокращении, и насколько в аппарате ЦК обращаются по-коммунистически с приходящими? Товарищи, я уже подчеркнул, что раздутости штатов нет, цифры я сообщал, повторять не к нему. Что касается процента технических работников по отношению к ответственным, то, к сожалению, у меня точных данных нет. Работы штатной комиссии, которая разрабатывала вопрос о штатах губкомов, были напечатаны в последнем докладе, помещенном в „Известиях ЦК“. Эти работы, вероятно, коснулись и самого аппарата ЦК. Повторяю, что во всех отделах и подотделах я натыкался на сжатость, на недостаток технических работников, и нигде я не видел, чтобы они были лишними. Теперь, что касается последнего вопроса,—насколько коммунистически встречают в ЦК товарищей,—то, помню, я в прошлом году отмечал в докладе приемную Учраспреда. В этом году я не сказал по поводу этого: приемная переведена в другое помещение, лучше, чем в прошлом году. (Голос с места: „Ну, немного лучше“). Что делать, роскошных комнат у нас в

ЦК не так много; когда будет лучший дом, тогда будет и лучшее помещение вообще. Поскольку товарищ ставит этот вопрос, необходимо его осветить несколько подробнее. Я побывал в комендатуре и получил такие сведения, что среди посетителей ЦК отнюдь не всегда бывают исключительно наши товарищи, члены партии. Сюда иногда заходят лица, которых очень усиленно ищет уголовный розыск.

Среди посетителей немало таких, которые приходят с подложными документами. Само собой разумеется, при этих условиях надо быть все-таки на-чеку. Иногда бывает, что этих лиц тут же и берут. Если кто-нибудь из товарищей заметит, когда какого-нибудь вора тащат в милицию, это может показаться ему не совсем коммунистическим. Я нарочно просидел в приемной, когда не все товарищи знали, что я пришел, как член ревизионной комиссии, чтобы посмотреть, как происходит прием. Я был в приемной около тов. Сталина и около тов. Сырцова. Я должен сказать, что там были большой порядок и большая предупредительность как к работающим в ЦК товарищам, чтобы не обременять их лишними делами, так и предупредительность к тем, которые приходят. Я должен засвидетельствовать, что мне неизвестно о том, что в ЦК не по-коммунистически обращались с нашими товарищами. Разумеется, я не могу поклясться за каждого из служащих ЦК.

Теперь я хотел остановиться на некотором упущении, сделанном мною в докладе, на которое меня просили обратить внимание,—это на то, что в последнее время в нашей партии происходит некоторое оттирание старых партийных работников.

Мне необходимо указать, что со стороны Центрального Комитета принимаются всяческие меры к тому, чтобы это явление урегулировать и устранить: происходит учет подпольников, у всех ответственных работников эти товарищи на особом счету, и это поможет им в соответствующее время проверить жалобу того или другого работника, если его действительно оттерли, несмотря на большие партийные заслуги и соответствующие качества, так что в отношении Центрального Комитета так ставить вопрос не приходится. Заканчивая свою речь, я хотел бы обратить внимание на одно обстоятельство, которое было мною недостаточно подчеркнуто, именно на то, насколько используются тот богатейший материал и те работы, которые производятся самим ЦК. Я должен сказать, что те сборники, которые выпущены к съезду партии, представляют величайшую ценность, и будет плохо, если их мало кто прочтет. Никто не пожалеет того времени, которое затратит на ознакомление с ними, потому что он получит яркую картину партии со всеми ее болезнями и со всеми хорошими сторонами. Это ознакомление необходимо для всех ответственных работников партии, оно необходимо в постоянной работе самому ЦК, тем более что такое ознакомление членов ЦК и даже членов секретариата не всегда приходится делать отдельным заведующим. Секретариат не имеет возможности за недостатком времени уделять достаточно внимания и выслушивать такие доклады, и это заставляет меня еще раз подчеркнуть необхо-

димость разгрузки секретариата от мелких дел, которые мешают производить эту более близкую спайку между нашим верховным аппаратом партии и всеми ее организациями. Аппарат прекрасный, дает великолепнейшие, интереснейшие выводы, но их недостаточно, может-быть, быстро и четко учитывают на самом верху. Сделать это при той постановке работы, которая есть, будет нетрудно, и я думаю, что укрепление партийного аппарата, его дальнейшее развитие сейчас обеспечены прежде всего тем,—не говоря о всех остальных причинах, о которых нет надобности говорить,—что мы знаем свою партию гораздо лучше, полнее, яснее, чем знали, когда бы то ни было, и ЦК с этим аппаратом, само собой разумеется, будет стоять твердо во главе нашей партии в той борьбе, которою он руководит.

Председательствующий. Заключительное слово имеет т. Сталин.

Сталин. Товарищи, заключительное слово мое будет состоять из двух частей: из первой, которая будет говорить об организационной практике ЦК, поскольку ее критиковали ораторы, и из второй части, где я буду говорить о тех организационных предложениях ЦК, которых ораторы не критиковали, и с которыми, видимо, съезд солидаризируется. Я скажу сначала несколько слов о критиковавших доклад ЦК ораторах. О тов. Лутовинове. Он недоволен режимом нашей партии: нет свободы слова в нашей партии, нет легальности, нет демократизма. Он знает, конечно, что за последние шесть лет ЦК ни разу так не подготовлял съезд, как в данный момент. Он знает, что непосредственно после февральского пленума члены ЦК и кандидаты ЦК разъехались по всем уголкам нашей федерации и делали доклады о работе ЦК. Он, тов. Лутовинов, должен знать, что мы имеем уже четыре номера дискуссионного листка, где вкривь и вкось, именно вкривь и вкось, разбирают и толкуют о деятельности ЦК. Но этого ему, тов. Лутовинову, мало. Он хочет настоящего демократизма, чтобы все, по крайней мере, важнейшие вопросы обсуждались по всем ячейкам снизу доверху, чтобы вся партия приходила по каждому вопросу в движение и принимала участие в обсуждении вопроса. Но, товарищи, теперь, когда мы стоим у власти, когда у нас не менее 400 тысяч членов партии, когда мы имеем не менее 20 тыс. ячеек, я не знаю, к чему бы привел такой порядок. При таком порядке партия превратилась бы у нас в дискуссионный клуб вечно болтающих и ничего не решающих, а, между тем, наша партия должна быть прежде всего действующей, ибо мы стоим у власти. Кроме того, тов. Лутовинов забывает, что хотя мы внутри федерации и стоим у власти и пользуемся всеми льготами легальности, но с точки зрения международной мы переживаем период, аналогичный тому, который переживали в 1912 году, когда партия была полулегальна, скорее всего нелегальна, когда у партии были некоторые либеральные зацепки в виде думской фракции, в виде либеральных газет, в виде клубов, когда партия, вместе с тем, была окружена противниками, и когда она, партия, старалась накопить свои силы для того, чтобы двинуться вперед и расширить легальные рамки. Подобный период мы переживаем теперь в международном масштабе.

Мы окружены врагами,—это ясно всем. Волки империализма, нас окружающие, не дремлют. Нет того момента, когда бы наши враги не старались захватить какую-нибудь щелочку, в которую можно было бы пролезть и повредить нам. Нет оснований утверждать, что не ведется нашими врагами, нас окружающими, какая-либо подготовительная работа по части блокады или по части интервенции. Вот каково положение. Можно ли при таком положении вещей все вопросы войны и мира выносить на улицу? Ведь, обсуждать вопрос в 20 тыс. ячеек—это значит выносить вопрос на улицу. Что сталось бы с нами, если бы мы всю нашу предварительную работу по Генуэзской конференции вынесли предварительно на улицу? Мы провалились бы с треском. Следует помнить, что в условиях, когда мы окружены врагами, внезапный удар с нашей стороны, неожиданный маневр, быстрота решают все. Что сталось бы с нами, если бы мы вместо того, чтобы в тесном кругу доверенных лиц партии обсуждали нашу политическую кампанию на Лозаннской конференции, вынесли бы на улицу всю эту работу, раскрыли бы свои карты? Враги учли бы все минусы и плюсы, сорвали бы нашу кампанию, и мы уехали бы из Лозанны с позором. Что сталось бы с нами, если бы мы вопросы войны и мира, самые важные вопросы из всех важных вопросов, предварительно вынесли на улицу, ибо, повторяю, вынести вопросы на обсуждение 20 тысяч ячеек—это значит вынести вопросы на улицу? Нас бы распушили в два счета. Ясно, товарищи, что как по организационным, так и по политическим соображениям демократизм тов. Лутовинова есть утопия, демократизм маниловщины. Он негоден и не нужен. Нам с тов. Лутовиновым не по дороге.

Перехожу к тов. Осинскому. Он уцепился за мою фразу о том, что, расширяя ЦК, мы должны ввести в его состав людей независимых. Да, да, т. Сорин, независимых, а не самостоятельных. Тов. Осинский полагает, что я в этом пункте устроил некоторую смычку с тов. Осинским, с демократическим централизмом. Я действительно говорил о том, что необходимо пополнить ЦК товарищами независимыми. Независимыми от чего,—я этого не сказал, заранее зная, что невыгодно исчерпать все вопросы в основной речи, надо кое-что отложить и для заключительного слова. (Смех. Аплодисменты). Нам нужны независимые люди в ЦК, но независимые не от ленинизма,—нет, товарищи, упаси бог,—независимые, свободные не от нашей партийной линии,—нет, товарищи, упаси бог. Нам нужны независимые люди, свободные от личных влияний, от тех навыков и традиций борьбы внутри ЦК, которые у нас сложились, и которые иногда создают внутри ЦК тревогу. Вы помните статью т. Ленина. Там говорится о том, что мы имеем перспективу раскола. Так как по этому месту статьи тов. Ленина могло показаться организациям, что у нас уже назревает раскол, то члены ЦК совершенно единогласно решили рассеять могущие возникнуть сомнения и сказали, что никакого раскола в ЦК нет, что вполне соответствует действительности. Но ЦК также сказал, что перспектива раскола не исключена. И это совершенно правильно. В ходе работы внутри ЦК

за последние 6 лет сложились (не могли не сложиться) некоторые навыки и некоторые традиции внутрицекистской борьбы, создающие иногда атмосферу не совсем хорошую. Я наблюдал эту атмосферу на одном из последних пленумов ЦК в феврале, и тут-то я заметил, что вмешательство людей с мест часто решает все. Нам нужны независимые от этих традиций и от этих личных влияний люди для того, чтобы они, войдя в ЦК и принеся туда опыт положительной работы и связи с местами, послужили тем цементом, который бы мог скрепить ЦК, как единый и нераздельный коллектив, руководящий нашей партией. Такие независимые товарищи, свободные от старых традиций, выкованных внутри ЦК, нам нужны именно как люди, вносящие новый, освежающий элемент, скрепляющий ЦК и предупреждающий все и всякие возможности раскола внутри ЦК. В этом смысле я говорил о независимых.

Я не могу, товарищи, пройти мимо той выходки тов. Осинского, которую он допустил,—некрасивой выходки, неприличной,—которую он допустил в отношении тов. Зиновьева. Он похвалил тов. Сталина, похвалил тов. Каменева и лягнул тов. Зиновьева, решив, что пока достаточно отстранить одного, а потом дойдет очередь и до других. Он взял курс на разложение того ядра, которое создалось внутри ЦК за годы работы, с тем, чтобы постепенно, шаг за шагом, разложить все. Если он серьезно думает преследовать такую цель, если тов. Осинский серьезно думает предпринять такие атаки против того или иного члена ядра нашего ЦК, я должен его предупредить, что он наткнется на сплошную стену, о которую, я боюсь, он расшибет себе голову. Пусть пожалеет себя тов. Осинский.

Наконец, о тов. Мдивани. Да будет мне разрешено сказать несколько слов по этому надоевшему всему съезду вопросу. Он говорил о колебаниях в ЦК: сегодня, дескать, решают объединение хозяйственных усилий трех республик Закавказья, завтра приходит решение о том, чтобы эти республики объединились в федерацию, послезавтра третье решение о том, чтобы все советские республики объединились в союз республик. Это он называет колебаниями ЦК. Верно ли это? Нет, товарищи, тут нет колебаний, тут система. Республики независимые сначала сближаются на хозяйственной основе. Этот шаг был предпринят еще в 1921 году. После того, как оказывается, что опыт сближения республик дает благие результаты, делается следующий шаг—объединение в федерацию. Особенно в таком месте, как Закавказье, где без специального органа национального мира обойтись нельзя. Вы знаете, Закавказье—это страна, где имели место татарско-армянская резня еще при царе и война при муссаватистах, дашнаках и меньшевиках. Чтобы прекратить эту грызню, нужен орган национального мира, т.-е. высшая власть, которая могла бы сказать веское слово. Создание такого органа национального мира без грузинской национальности абсолютно невозможно. Так вот спустя несколько месяцев после объединения хозяйственных усилий делается следующий шаг—федерация республик, а спустя год после этого еще сле-

дующий шаг, как заключительный этап по пути объединения республик,— создание союза республик. Где же тут колебания? Это—система нашей национальной политики. Тов. Мдивани просто не уловил всей сути нашей политики, хотя он мнит себя очень старым большевиком.

Он задал ряд вопросов, намекая на то, что важнейшие вопросы, касающиеся национальной стороны дела Закавказья, особенно в Грузии, решались, будто бы, не то ЦК, не то отдельными лицами. Основной вопрос в Закавказье — это вопрос о федерации Закавказья. Позвольте мне прочесть маленький документ, говорящий об истории директивы ЦК РКП о закавказской федерации.

28/XI 1921 г. тов. Ленин присылает мне проект своего предложения об образовании федерации Закавказских республик. Там сказано: „1) признать федерацию Закавказских республик принципиально абсолютно правильной и безусловно подлежащей осуществлению, но в смысле немедленного практического осуществления преждевременной, т.-е. требующей нескольких недель для обсуждения, пропаганды и проведения снизу; 2) предложить центральным комитетам Грузии, Армении, Азербейджана провести это решение в жизнь“. Я списываюсь с тов. Лениным и предлагаю не торопиться с этим, подождать, дать некоторый период времени местным работникам для проведеняя федерации. Я пишу ему: „Тов. Ленин, против вашей резолюции я не возражаю, если согласитесь принять следующую поправку: вместо слов „требующей нескольких недель обсуждения“ в пункте 1 сказать: „требующей известного периода времени для обсуждения“ и т. д., согласно вашей резолюции. Дело в том, что „провести“ федерацию в Грузии „снизу“ в „советском порядке“ в „несколько недель“ нельзя, так как в Грузии советы только начинают строиться. Они еще не достроены. Месяц назад их не было вовсе, и созвать там съезд советов в „несколько недель“ немыслимо,—ну, а федерация без Грузии будет бумажной федерацией. Думаю, что нужно положить 2—3 месяца на то, чтобы идея федерации одержала победу в широких массах Грузии. Сталин“. Тов. Ленин отвечает: „Я принимаю эту поправку“. Через день это предложение принимается голосами тт. Ленина, Троцкого, Каменева, Молотова, Сталина. Зиновьев отсутствовал, его заменял Молотов. Это решение было принято Политбюро в конце 1921 г., как видите, единогласно. С этого же времени ведет свое начало борьба группы грузинских коммунистов, во главе с т. Мдивани, против директивы ЦК о федерации. Вы видите, товарищи, что дело обстояло не так, как тут его изображал тов. Мдивани. Этот документ я привожу против тех неприличных намеков, которые здесь тов. Мдивани пустил в ход.

Второй вопрос: чем, собственно, объясняется тот факт, что группа товарищей, во главе с Мдивани, отозвана Центральным Комитетом Партии, в чем тут причина? Тут две основных и, вместе с тем, формальных причины. Я обязан это сказать, так как были упреки против ЦК, и в частности против меня. Первая причина — это та, что группа тов. Мдивани не пользуется влиянем в своей грузинской партии, что ее отвергает сама грузинская компартия. Эта партия имела два съезда: в 1921 г.,

в начале года, был первый съезд, и в 1923 г., в начале года, был второй съезд. На обоих съездах группа Мдивани с ее идеей отрицания федерации встретила решительный отпор со стороны своей же партии. На первом съезде, кажется, из 122 голосов он собрал что-то около 18 голосов; на втором съезде из 144 голосов он собрал около 20 голосов; его упорно не выбирали в ЦК, его позицию систематически отвергали. В первый раз в начале 1922 г. мы в ЦК предприняли давление на компартию Грузии и, вопреки воле компартии Грузии, заставили принять старых товарищей (безусловно тов. Мдивани — старый товарищ, и тов. Махарадзе—тоже старый товарищ), думая, что обе группы, большинство и меньшинство, сработаются. В промежутки между первым и вторым съездами был, однако, ряд конференций, городских и общегрузинских, где всякий раз группа тов. Мдивани получала тумаки от своей партии, и, наконец, на последнем съезде тов. Мдивани еле-еле собрал 18 голосов из 140.

Закавказская федерация — это организация, затрогивающая не только Грузию, но и все Закавказье. Обычно вслед за грузинским партийным съездом собирается съезд Общезакавказский. Там такая же картина. На последнем Общезакавказском съезде из 244, кажется, голосов Мдивани еле собрал около 10. Таковы факты. Как же быть Центральному Комитету Партии при таком положении, ежели партия, ежели сама грузинская организация не переваривают группу тов. Мдивани? Я понимаю нашу политику в национальном вопросе, как политику уступок националам и национальным предрассудкам. Эта политика, несомненно, правильна. Но можно ли без конца насиловать волю партии, в рамках которой приходится работать группе т. Мдивани? Нельзя, по-моему. Наоборот, нужно по возможности согласовать свои действия с волей партии в Грузии. ЦК так и поступил, отозвав известных членов этой группы.

Вторая причина, продиктовавшая ЦК отзыв некоторых товарищей из этой группы, состоит в том, что они сплошь и рядом нарушали постановления ЦК РКП. Я вам уже изложил историю постановления о федерации; я говорил уже, что без этого органа национальный мир невозможен, что в Закавказье только Советская власть, поставив федерацию, добилась того, что мир национальный установился. Поэтому мы считали в ЦК, что это постановление безусловно обязательно. Между тем, что же мы видим? Неподчинение группы т. Мдивани этому постановлению,—более того: борьбу с ним. Это установлено как комиссией т. Дзержинского, так и комиссией тт. Каменева—Куйбышева. Даже теперь, после решения мартовского пленума о Грузии, тов. Мдивани продолжает борьбу против федерации. Что это, как не издевка над решениями ЦК?

Таковы обстоятельства, заставившие ЦК партии отозвать тов. Мдивани. Т. Мдивани изображает дело так, что, несмотря на его отзыв, все-таки он победил. Я не знаю, что назвать тогда поражением. Впрочем, известно, что блаженной памяти Дон-Кихот тоже считал себя победителем, когда его расшибло ветряными мельницами. Я думаю, что

у некоторых товарищей, работающих на некотором кусочке советской территории, называемой Грузией, там, в верхнем этаже, повидимому, не все в порядке.

Перехожу к тов. Махарадзе. Он заявил здесь, что он — старый большевик в национальном вопросе, из школы Ленина. Это неверно, товарищи. В апреле 1917 г. на конференции я вместе с т. Лениным вели борьбу против т. Махарадзе. Он стоял тогда против самоопределения национальностей, против основы нашей программы, против права народов на самостоятельное государственное существование. Он стоял на этой точке зрения и боролся. Потом он изменил свой взгляд (это, конечно, делает ему честь), но все-таки не нужно ему было бы этого забывать!

Это уже не старый большевик по национальному вопросу, а более или менее молодой.

Т. Махарадзе предъявил мне парламентский запрос о том, признаю ли я, или признает ли ЦК организацию грузинских коммунистов действительной организацией, которой надо доверять, и если признает, то соглашается ли ЦК, что эта организация имеет право ставить вопросы и предлагать свои предложения. Если все это признается, то считает ли ЦК, что режим, установившийся там, в Грузии, нестерпим.

Я отвечу на этот парламентский запрос.

Конечно, ЦК доверяет Компартии Грузии,—кому же еще доверять?!

Компартия Грузии представляет соки, лучшие элементы грузинского народа, без которых управлять Грузией нельзя.

Но каждая организация состоит из большинства и меньшинства. У нас нет ни одной организации, где бы не было большинства и меньшинства. И практически мы видим, что ЦК Компартии Грузии состоит из большинства, которое проводит линию партии, и из меньшинства, которое не всегда проводит эту линию. Речь идет, очевидно, о доверии организации в лице ее большинства.

Второй вопрос: имеют ли право национальные ЦК на инициативу, на постановку вопросов, имеют ли они право вносить предложения?

Само собой имеют,—это ясно. Почему тов. Махарадзе не рассказал нам о том, что ЦК Компартии Грузии не дают ставить вопросов, не дают вносить предложения и обсуждать их?

Я таких фактов не знаю. Я думаю, что т. Махарадзе представит ЦК материалы по этой части.

Третий вопрос: можно ли допустить тот режим, который создался в Грузии?

К сожалению, вопрос не конкретизирован, — какой режим? Если речь идет о том режиме, при котором Советская власть Грузии стала вышибать в последнее время дворян из их гнезд, а также меньшевиков, пристреливая контр-революционеров, если речь идет об этом режиме, то этот режим не представляет, по-моему, чего-либо плохого. Если речь идет о том, что Закавказский Краевой Комитет создал условия, невозможные для развития Компартии Грузии, то я таких фактов не имею. Тот ЦК Грузии, который избран на последнем съезде Ком-

партии Грузии большинством 110 голосов против 18, этих вопросов перед нами не ставил. Он работает в полном контакте с Закавказским Краевым Комитетом нашей партии. Если есть маленькая группа, течение, группочка, все равно,—словом, члены партии, которые недовольны партийным режимом, то необходимо соответствующие материалы представить в ЦК. Там, в Грузии, уже было две комиссии, одна комиссия Дзержинского, другая — Каменева и Куйбышева, можно третью создать, если это нужно.

Этим я кончаю первую часть моего заключительного слова по организационной практике ЦК за год.

Перехожу ко второй части, к организационным предложениям ЦК, внесенным на усмотрение съезда. Насколько я знаю, никто из ораторов не затрогивал с точки зрения критики ни одно из предложений, внесенных ЦК. Я это понимаю, как выражение полной солидарности с теми предложениями ЦК, которые мы внесли на ваше усмотрение. Тем не менее, я хотел бы помочь и внести ряд поправок. Я внесу эти поправки в ту секцию, которая, по идее ЦК, должна быть создана, в организационную секцию, в которой основная работа по партийной линии будет вестись тов. Молотовым, а по советской—тов. Дзержинским.

Первая поправка о том, чтобы число кандидатов в ЦК с пяти человек было увеличено, по крайней мере, до 15.

Вторая поправка о том, чтобы было обращено специальное внимание на укрепление и расширение органов учета и распределения как в верхах, так и в низах, ибо эти органы приобретают теперь колоссальное и первостепенное значение, ибо это наиболее реальное средство держать в руках партии все нити хозяйства и советского аппарата.

Третья поправка будет касаться того, чтобы съезд закрепил мое предложение о создании школы уездных секретарей при ЦК, с тем, чтобы в конце года губкомы имели 200—300 секретарей уездного масштаба. Если мы укрепимся в уездах, то безусловно мы завоюем все.

И четвертая поправка—о печати. Я ничего конкретного не имею внести по этой части, но я хотел бы обратить особое внимание съезда на то, чтобы печать была поднята на должную высоту. Она идет вперед, она далеко шагнула вперед, но не в такой степени, как это нужно. Печать должна расти не по дням, а по часам, — это самое острое и самое сильное оружие нашей партии.

В заключение я считаю нужным поделиться с вами некоторыми впечатлениями о съезде, некоторыми итоговыми впечатлениями. Я должен сказать, что давно я не видал такого спаянного, одушевленного одной идеей съезда. Я с радостью слушал таких тт., как Иванов, Евдокимов, Урываев и др. пролетариев, которые резко и определенно выступали за линию нашей партии, за ленинизм, провозглашая идею абсолютной необходимости сплочения нашей партии.

Тт., я должен сказать, что партия, которая имеет таких рабочих, партия, которая сумела породить таких пролетариев, не погибнет,—она все победит. Я жалею, что тут нет тов. Ленина. Если бы он был здесь,

он бы мог сказать: „25 лет пестовал я партию и выпестовал ее, великую и сильную". (Продолжительные аплодисменты).

Председательствующий. Слово имеет тов. Зиновьев.

Зиновьев. Товарищи, я должен вновь начать с международных вопросов. Непосредственно после окончания своего доклада я было немного пожалел, что слишком долго задержался на этой группе вопросов, и от этого пострадала вторая часть моего доклада, в особенности та часть, которая трактовала хозяйственные вопросы. Но из хода прений я убедился в том, что поступил правильно, остановившись довольно подробно на вопросах международных. Это доказано в особенности речью нашего товарища Красина.

Сначала два слова относительно внешней торговли. Здесь говорили т. Преображенский и, кажется, кое-кто еще, что в вопросах внешней торговли ЦК допустил значительные ошибки, которые потом пришлось поправлять. Чтобы не создавалось легенд, я должен сказать более точно, какие были у нас расхождения, хотя на этом вскользь я останавливался и в первой речи. В ЦК не было ни малейших споров насчет незыблемости монополии внешней торговли. В ЦК одно время был спор насчет того, может ли, должен ли,—как выражались в ЦК,—Внешторг торговать за всю Россию, и в том числе за все наши же хозяйственные советские органы. И мы в результате длительных прений пришли к тому выводу, что окончательный контроль, руководство, право „вето", разумеется, должны остаться в руках Внешторга, как такового, но что это не должно мешать крупнейшим нашим отдельным хозяйственным единицам и в первую очередь крупнейшим областным единицам несколько более самостоятельно вести внешнюю торговлю,—повторяю,—под общим контролем и с правом „вето" для Внешторга. В результате прений был принят при участии Владимира Ильича тот декрет, который действует ныне.

Было немало также у нас споров по вопросу об аппарате Внешторга. Аппараты у нас, разумеется, все сильно хромают, хромал и аппарат Внешторга, который за последнее время совместным усилиями лучших работников, руководителей Внешторга и ЦК начинает поправляться и, по-моему, в значительной мере уже поправился.

Именно в этой плоскости мы обсуждали вопрос об аппарате Внешторга, как важнейшего нашего органа.

По предложению тов. Красина, я советовал представителям делегаций, вносящих проект резолюции по отчету ЦК, в вопросе о незыблемости режима монополии внешней торговли выразиться особенно категорически. И мы твердо рассчитываем, что съезд согласится с нами в этой части.

Теперь я перехожу непосредственно к международной политике. Это—вопрос колоссальной важности. Я должен с самого начала сказать, что если была у нас группа вопросов, в которых и у пленума ЦК, и у Политбюро было максимальное единодушие, так это группа вопросов, относящихся к международной политике. Я не запомню ни одного сколько-нибудь существенного расхождения по этим вопросам

в нашей среде за весь отчетный период. Только в самых маленьких деталях бывали иногда расхождения. Последний предсъездовский пленум ЦК, который особенно тщательно и подробно обсуждал этот вопрос, единогласно, если не ошибаюсь, максимум при одном воздержавшемся, полностью одобрил, после подробнейшего заслушания представителей нашей дипломатии, все мероприятия Политбюро в этой области. И то же самое было в Политбюро. Я думаю, что не ошибусь, если скажу, что в 99 случаях из 100 мы в Политбюро по вопросам международной политики выносили вполне единодушные решения. Так и должно быть. Ведь, эти вопросы имеют для нас гигантской важности значение. Дело идет о том, как мы маневрируем по отношению ко всему внешнему миру. Эта группа вопросов определяет также нашу внутреннюю политику. Между всей внешней и внутренней политикой не так легко провести механическое разделение. Нельзя так представить, что на одном блюде лежит внешняя политика, а на другом внутренняя. Один немецкий политик, выпустивший книгу по вопросу о взаимоотношениях внешней и внутренней политики, дал такую формулу: Die innere Politik denkt, die aüssere lenkt. В переводе на русский язык это, примерно, значит, что внутренняя политика полагает, а внешняя политика часто располагает. Другими словами, я хотел сказать, что налицо теснейшая взаимная связь. Это относится и к советскому государству, и к советской политике. Наша внутренняя политика стоит в теснейшей и неразрывной связи с внешней политикой. Уже по одному этому имеет огромный интерес то, что было здесь сказано по вопросу о внешней политике.

Само собою понятно, тов. Красин поступил совершенно правильно,—так и подобает поступать каждому большевику,—когда он на съезд своей партии вынес свои сомнения по такому крупному циклу вопросов, как вопросы международной политики. Мы должны разобрать их, и решения съезда будут для всех нас законом. И для того, чтобы иметь возможность в отношении ко всему внешнему миру продолжать такую же дружную политику, какую мы до сих пор вели, мы должны остановиться на возражениях тов. Красина.

Я совершенно согласен в оценке этой речи, сделанной тов. Каменевым. Это была действительно одна из наиболее значительных речей, отличавшихся и смелостью, и размахом. Т. Красин сделал тут мне комплимент насчет способностей полемиста. Думаю, что этот комплимент я должен с полным правом ему вернуть. Он тоже полемист не из плохих, и в защиту, на мой взгляд, неверных взглядов сделал все возможное. Но я должен сказать, что смел-то он смел, т. Красин; однако, одну маленькую военную хитрость он допустил. Он критиковал политику, руководившуюся Владимиром Ильичем Лениным, а делал вид, что критикует политику только его учеников. Вот эта-то маленькая военная хитрость едва ли была уместна. Надо, чтобы съезд ясно отдавал себе отчет в том, что за отчетный период международная политика во всех ее важнейших пунктах,—как-раз там, где ее пытался критиковать тов. Красин,—определялась Владимиром Ильичем и,

конечно, его ближайшими сотрудниками. Эту военную хитрость допустили и некоторые другие, я поэтому на ней и останавливаюсь.

В самом деле, возьмите такие вопросы,—я перечислю только три: Генуэзская конференция, Итальянский договор, Уркартовская концессия. В этих трех вопросах мы больше всего разошлись с тов. Красиным и по существу решили против него. Его предложения о Генуе сводились к принятию целого ряда условий, предлагавшихся нашими противниками, которые были равны полукабале. Мы отвергли их, и отвергли при самом деятельном участии и по инициативе т. Ленина. Наша делегация, ездившая в Геную, получила письменные директивы, набросанные рукой никого другого, как Владимира Ильича Ленина, и при его же участии принимались решения в ответ на телеграммы, посылавшиеся тов. Красиным.

Дальше нам дважды пришлось отменить уже подписанные государственные акты: договор с Италией и предварительный договор с Уркартом. Оба раза подпись была сделана т. Красиным, оба раза эти подписи были аннулированы по инициативе т. Ленина или с его согласия. Это надо знать точно. Был подписан договор с Италией, который, по нашему мнению, был ошибочен, потому что мы ничего не получали, а взамен отдавали чуть не полную монополию на торговлю в Черном море итальянским купцам. Мы отвечали: мы торговать с Италией согласны, но мы должны получить за это определенные взаимные выгоды. Хотя мы вполне сознавали, что отменять подпись, данную столь авторитетным нашим представителем, как тов. Красин (Красин с места: „И Чичериным!"), да и Чичериным, неудобно, но мы это сделали в соответствующем постановлении Политбюро, с участием Ленина. И я думаю, что, если мы вас спросим, как мы спрашивали пленум ЦК, где было 50 участников, вы нам сможете единодушно ответить: вы поступили правильно, отклонив этот договор. (Аплодисменты).

И то же самое, товарищи, относительно концессии Уркарта. Конечно, у нас были сомнения, колебания, так как дело было слишком крупное. Я не знаю ни одного члена Политбюро, который сразу имел бы готовый ответ на это. Вопрос был слишком трудный, слишком большой по размерам, слишком новый, но мы приняли постановление об отмене предварительной подписи под этой концессией совершенно единогласно и опять-таки при участии тов. Ленина.

Товарищи, я повторяю, руководство внешней политикой есть, я думаю, около половины всей работы нашего ЦК, потому что тут дело идет о взаимоотношениях со всем остальным буржуазным миром. Тут не может быть никакого сомнения. Если партия поступила неправильно, то вы должны сказать, в чем была эта неправильность. Если же правильна была взятая линия, мы будем просить вас об утверждении этой линии. Товарищ Красин тут говорил: нам-де кредиты нужны,—восемь миллиардов убытков в год. Эта цифра, на мой взгляд, списана с потолка. Но подумайте, что выходит. Выходит так, что кто-то предлагает нам кредиты, а мы, в силу своей недостаточной опытности,

что ли, не берем их. Товарищи, но, ведь, вы знаете, как обстоит дело. Мы ставили одинаково на всех конференциях один вопрос: мы согласны на признание старых долгов, на известные уступки, но ставим предварительным условием, чтобы вы нам дали какие-нибудь кредиты. Нам на это отвечали и отвечают теперь все наши дипломаты, что это утопия, что они вам ничего не дадут. Но мы знаем, что если в настоящий момент не дадут, то придет время, когда дадут. Но, во всяком случае, смешно представлять наши разногласия так, что мы, будто бы, не понимаем пользы кредита. Мы очень хорошо понимаем эту пользу, но надо ясно видеть, что при настоящем положении вещей с нас требуют уступки, не давая нам кредитов. У нас хотят вырвать хотя бы предварительное согласие на уступки без того, чтобы нам дать кредит, без того, чтобы нас компенсировать в той или иной форме. О, все эти господа буржуазные политики хотели бы иметь дело в России с такими людьми, которые „принципиально" не потребуют ничего от буржуазного мира, и сами ни на какие компромиссы не пойдут! Мы не таковы. Мы очень уступчивы. Но позвольте нам все-таки взвешивать, подсчитывать, что требуют от нас, что дают нам.

Я бы просил тов. Красина вдуматься в следующее место из последней статьи тов. Ленина, которую я вам прочту, хотя вы ее помните и без того. Тов. Ленин в конце своей статьи говорит:

„Западно-европейские капиталистические державы, частью сознательно, частью стихийно, сделали все возможное, чтобы отбросить нас назад, чтобы использовать элементы гражданской войны в России для возможно большего разорения страны. Именно такой выход из империалистической войны представлялся, конечно, имеющим значительные выгоды: если мы не опрокинем революционного строя в России, то, во всяком случае, мы затрудним его развитие к социализму,—так, примерно, рассуждали эти державы, и с их точки зрения они не могли рассуждать иначе. В итоге они получили полурешение своей задачи".

Совершенно правильный диагноз. Тов. Ленин учит нас тому, что мы теперь можем осязать рукой. Они хотели нас взять лобовой атакой, прямой атакой, прямой посылкой войск. Это им не удалось. Они в то же самое время вели тихую сапу, не только не давая кредитов, но и всячески подрывая экономические возможности подъема у нас. По этой простой и ясной причине они не дают кредитов. Здесь не так обстоит дело, что кредиты очень легко получить, а Политбюро, в силу доктринерства, их не получает. Дело обстоит так, что международная буржуазия (может-быть, у них нет своего Политбюро в смысле международного центра, но все-таки у них есть свой мозг, который думает о положении Советской республики, их врага, будущего их могильщика),—эта международная буржуазия пока-что действительно по этой линии идет: не только кредитов никаких не давать, но и всячески подрывать объективные возможности восстановления нашего хозяйства.

И в результате,—говорит Владимир Ильич,—получается их полу-

победа. Они в первое время нас зашнуровали, не дали возможности сноситься с международным рынком; во второй период подставляли ножку, где только было можно. В результате они получили полупобеду в том смысле, что не дали возможности нам быстро развернуть производительные силы в нашей стране и быстро приступить к подъему хозяйства.

Вот, товарищи, как обстоит дело. И мы думаем, что на основе такого диагноза мы должны были действовать так, как действовали до сих пор. Я не хотел ловить тов. Красина на слове в международной политике. Но он сам рыцарски подхватил и сказал, что это его слова: „НЭП в международной политике". Раз так, то мы должны договориться до конца. Можем ли мы принять формулу „НЭП в международной политике"?

Если понять это буквально, то это, как я уже в прошлый раз сказал, значит уничтожение монополии внешней торговли. Если это понять фигурально, то это значит итти на большие уступки международному капиталу.

Но тогда мы просим сказать: *какие* уступки? Мы ни в коем случае не зарекались, мы никогда не были доктринерами и шли по реальному пути. Мы согласны на уступки, но только ценою взаимности. Вот почему, товарищи, мы просим вас решительно в вашей будущей резолюции подчеркнуть для того, чтобы не было неясности ни у тов. Красина, ни у партии, ни у всего мира, что та политика, которую вел ЦК в области международных отношений, до сих пор есть единственно правильная политика самозащиты первой победоносной пролетарской революции. (*Аплодисменты*).

Я думаю, товарищи, что на этом я могу кончить ту часть, которая трактует о международной политике.

Теперь я перехожу к другой группе вопросов. Меня упрекали,— и в частности упрекали некоторые близкие друзья,—что в моей оценке положения сквозил некоторый чрезмерный оптимизм. Я думаю, товарищи, что это обвинение едва ли правильно. Я указал с самого начала, что самодовольство вовсе никогда не принадлежало к большевистским качествам. Наоборот, нам нужно священное недовольство собою. Нам нужно себя критиковать. Но когда XII съезд происходит в обстановке выздоравливающей страны, в обстановке начала поднятия нашего хозяйства, в обстановке второго завоевания души рабочего класса,—то подчеркнуть улучшение это для того, чтобы иметь точную пропорцию, мне кажется, было необходимо. Я надеюсь, что никто меня не поймет в том смысле, что давайте почием на лаврах. Всякий поймет, что становится чуточку лучше, и давайте, друзья, наляжем, чтобы дело пошло еще лучше. Не далее, как сегодня, появилось в „Экономической Жизни" в высшей степени интересное письмо тов. Ленина к Госплану, написанное 16 мая 1921 г. и только нынче увидавшее свет. Я думаю, что вы с ним либо уже знакомы, либо познакомитесь. И когда читаешь это интересное письмо, то видишь сразу две вещи. Во-первых, что плановое начало не есть нечто особен-

но новое, что об этом давным-давно ставился вопрос в ЦК. Подготовлялся Госплан тов. Лениным. И, во-вторых, видишь, насколько мы все-таки в хозяйственном отношении выросли и шагнули вперед. Нет еще двух лет с того времени, как было написано это письмо, но прочитайте его. Владимир Ильич мечтает, как о величайшем, почти недосягаемом благе, иметь разработанный план на три случая: на двести миллионов, на двести пятьдесят миллионов и на триста миллионов пудов хлеба. Исходный пункт,—говорит он,—это вопрос продовольственный. Именно здесь, в этом вопросе, и лежит крупнейшее затруднение. И действительно, пару лет назад именно так стоял этот вопрос, когда мы закупали на последнее золото хлеб за границей, мечтая, как о недосягаемом счастье, об этих 200—300 миллионах пудов хлеба государственного запаса. И вы знаете, что через год мы получили цифру почти в два раза большую.

Каждый из нас знает по своему опыту, что вопрос о пайке, к счастью, отходит и в значительной мере отошел на задний план. Вы видите по одному этому живому месту из крайне интересного документа, как мы растем, и как некоторые трудности, казавшиеся Владимиру Ильичу и всем нам пару лет назад совершенно непреодолимыми или трудно преодолимыми, мы стали уже забывать. И другое, о чем он мечтает в упомянутом письме,—это уголь, топливо. Вы помните, что мы переживали как-раз в то время отчаянное топливное положение, систематический топливный кризис. В этом году все-таки мы имеем право сказать, что топливный план выполнен во всей федерации по всем видам топлива, вместе взятым, на 99%. Это уже кое-что.

Конечно, если кто-нибудь из этого заключит, вот он какой оптимист, и нагоняет оптимизм и на нас, то это будет ошибка. Конечно, я говорю не к тому, чтобы мы перестали трудиться над Донбассом. Но когда мы в первый раз имеем определенное достижение, то для того, чтобы получить должное настроение в партии, мы должны это подчеркнуть. И я повторяю: нужно абсолютно не иметь ощущения нашей страны, России, чтобы не видеть, что страна выздоравливает, что в этом смысле первые успехи налицо. Имеет большое политическое значение это осознать и почувствовать. Это отражается на нашей политике. Возьмите такой глубокий, колоссальной важности вопрос, как концессионный. Наше настроение в этой области имеет громадное значение. Мы не против концессий, мы за концессии, мы их будем давать, но все-таки если у нас было бы настроение такое, как у т. Красина,—8 миллиардов в год убытка,—то, понятно, полезешь, очертя голову, в любую концессию. Но теперь, когда мы кое-в-чем успели, подвинулись вперед,—через год будем еще больше иметь,—мы уже не будем так легко разбрасываться концессиями Уркарту и т. д. Вот этот „оптимизм“, он имеет большое политическое значение. На деле же, конечно, наш съезд можно будет обвинить в чем-угодно, только не в мальчишеском розовом оптимизме. Этой вины за нами не будет, но пропорция должна быть соблюдена. У нас будет другой подход, если мы будем ощущать Россию так, как она есть. А она

выздоравливает и поправляется, и мы уже не находимся в таком состоянии, когда на исходе последние запасы, когда нет топлива, и т. д. Много еще у нас плохого, но мы продвинулись на большой шаг вперед в области хозяйственной. Вы это можете видеть из сравнения теперешнего положения с прошлогодним письмом тов. Ленина. Это можно прямо ощутить.

Мы имеем большие трудности с рублем, мы дошли до того, что наша эмиссия почти совершенно обесценена, что она начинает становиться минусом. Однако, тов. Ленин, которого безусловно нельзя назвать зеленым оптимистом, на IV конгрессе Коминтерна говорил: „Не смотрите на астрономические цифры, наш рубль все-таки стабилизируется". И такой „оптимизм", я думаю, нисколько не мешал ЦК, не мешал Наркомфину принимать целый ряд мер, чтобы рубль наш улучшать. Напомню еще раз цифры. В январе 1922 г. прирост цен равнялся 145%, в феврале—100%, в марте этот прирост был равен 118%. Соответствующие цифры в нынешнем году: 26%, 26% и 23%. Эти цифры говорят о том, это начинается оздоровление. У нас в Донбассе в 1922 г. был минус в добыче по отдельным месяцам, а за целый год все-таки плюс. Мы с нефтью в 1921 году подумывали, что надо там щедрее пойти на концессию. А теперь видим, что, к счастью, этой ошибки, на которую нас подталкивали усиленно, мы не совершили. Перед нами большие трудности, но все-таки золотое дно для нашей республики находится в наших руках, и с каждым днем дело улучшается при поддержке нашей партии. У нас масса трудностей в отношении хозяйства. Конечно, крупная промышленность у нас в общем убыточна, никто не станет этого отрицать. Насчет легкой промышленности тоже нельзя сказать, что дело идет вполне благополучно. Там еще много неясного и плохого, о чем мы будем подробно говорить по докладу тов. Троцкого. Поэтому я этого вопроса специально и не затрогиваю.

Мы недавно слышали на съезде Советов доклад председателя ВСНХ тов. Богданова и услышим здесь подробнейший доклад тов. Троцкого, который будет от имени ЦК эту тему развивать. Но что мы шагнули в этом году вперед,—это факт несомненный. Вы, товарищи с мест, не нуждаетесь в том, чтобы вас в этом убеждать. Вы сами варитесь в этом котле и видите, что дело идет уже лучше, хотя и не совсем гладко. У нас есть важнейшие щупальцы—губкомы: эта группа товарищей, которые ведут крупнейшую, ответственную, полезнейшую для нас работу, чувства пессимизма не имеет, в чем вы могли убедиться во время прений. Нам важно не терять голову, не видеть все в розовом свете, но и не чувствовать себя пессимистами. Нельзя говорить, что если не приедет заграничный барин и не осчастливит нас, то мы не справимся. Нам нужны реальные пропорции, и эти реальные пропорции в общем и целом ЦК соблюдались.

Я перехожу к вопросу о крестьянстве и так-называемом „крестьянском уклоне". Я думаю, что мне нужно точнее сказать, в каком смысле я говорил, что в III Интернационале есть в этом вопросе ча-

стичка II Интернационала. Было время, когда рабочие партии, в том числе лучшие рабочие партии, смотрели на себя лишь как на партии непримиримой пролетарской классовой оппозиции. Это было в эпоху II Интернационала. Это был неизбежный период накопления сил, и мы тогда организовывали работу на почве классовой борьбы против буржуазии, не ставя себе определенных задач низвержения буржуазии немедленно. Мы строили камешек за камешком наши профсоюзы. Это было эпохой накопления сил, длившейся больше четверти века, и тогда пролетарские партии были только партиями более или менее непримиримой классовой борьбы.

После возникновения войны 1914 года,—и в этом смысл рождения III Интернационала,—начинается новый период. Мы хотим теперь не только организовывать рабочих, как непримиримую пролетарскую оппозицию против буржуазного строя, но и организуем их и для непосредственной победы над буржуазией, для ниспровержения этой буржуазии. Вот почему вопрос о крестьянстве входит в новую орбиту, и мы смотрим на него с другой перспективы. В предыдущий период накопления сил партии, партии пролетарской оппозиции в рамках буржуазного строя, даже лучшие руководители рабочего класса,—Бебель, старый Либкнехт и некоторые из нас,—считали своей задачей организацию рабочих масс на ряд лет для борьбы непосредственно за свои требования и для постоянной пропаганды социализма. Но никто не исходил из реальной перспективы назавтра, послезавтра (а в историческом смысле пять-шесть лет—тоже завтра), никто не ставил вопроса, что нам надо прямо свергать буржуазию сегодня, прямо скинуть ее сейчас. Вот в чем разница между тогдашней эпохой и нынешней. Раз ныне дело идет о прямой борьбе за власть, то мы тогда крестьянство должны взять на буксир, тогда рабочий класс должен выступить в роли гегемона, он должен взять крестьянство под-руку и увлечь его в борьбу. И в этом смысле мы говорим, что молодые коммунистические партии кое-где еще подвержены старым традициям, повторяют формулы, что крестьяне не могут быть социалистами, что у них ограниченные черепа, а мы—партия социализма, стало-быть, нам с крестьянством делать, якобы, нечего. Это ручейки II Интернационала в III; они быстро ликвидируются, а у нас в России они должны были бы быть изжиты давным-давно. И вот почему, если у нас в России вы крики о „крестьянском уклоне" возьмете под лупу, то вы в этом отношении к крестьянству опять получите психологию II Интернационала или меньшевиков: чур меня, я буду подальше от крестьянина, я буду пролетарский революционер, а не видит человек того, что если он, якобы, пролетарский революционер, хочет победить и закрепить победу, то он должен уметь работать над укреплением союза рабочих и крестьян, должен на каждом шагу поддерживать и закреплять существование этого союза. Вот действительная почва для расхождения с некоторыми товарищами. Может-быть, их мнение неокончательное, недодуманное, они часто идут от случая к случаю. Но суть дела заключается в этой неправильной оценке.

И вот, если вы так подойдете к речи тов. Ларина, тогда вы многое поймете. Товарищ Ларин несколько преувеличил роль личности в истории, когда изображал дело так, что все пошло с того, что он статью написал, предложил столько-то процентов взять, а Политбюро это подхватило, по всей России поскакали 100.000 курьеров, и, в конце-концов, ЦК установил ту цифру налога, которую предложил тов Ларин. Это народнический взгляд (смех) придавать такое большое значение личности. Тов. Ларин придает слишком большое значение роли личности вообще, и данной конкретной личности в частности (Смех). Дело объяснялось гораздо более серьезными соображениями. Тов. Ларин говорил так, как-будто он не только сидел в Политбюро, а там родился, как-будто там днюет и ночует. Он приводил целый ряд таких фактов, которые абсолютно не верны, и которые он цитировал с апломбом. Вероятно, вы все думали, что факты эти, во всяком случае, верны,—впрочем, многие из нас научены по горькому опыту предыдущих съездов.

Как он изображал дело? Есть правый уклон в партии, и тов. Каменев—главный представитель этого уклона. Тов. Каменев совершил если не семь смертных грехов, то, по крайней мере, четыре. Он перечислил эти грехи. Во-первых, тов. Каменев предложил, чтобы тресты имели право брать кредит под основной капитал. Он это характеризовал, как продаж фабрик и заводов капиталистам. Во-вторых, тов. Каменев предложил, чтобы профсоюзы потеряли свои права по отношению к хозяйственным органам. В-третьих, тов. Каменев предложил понизить заработную плату рабочим. Правда, здесь тов. Ларин назвал фамилию Нольде. Нольде предложил, а не Каменев, но выходило все едино, что Нольде, что Каменев. В-четвертых, прорыв фронта во внешней торговле.

Прежде всего об этих фактах. Тов. Ларин! После всех уроков, которые вам дал Владимир Ильич на аналогичных собраниях, надо проверять факты. Возьмите первый вопрос. Тов. Ларин дал мне аттестат человека, который в Политбюро не поддается правому уклону. Я подумал: не наделал ли я действительно „левых“ глупостей в Политбюро, что меня хвалит Ларин? (Аплодисменты). Дело, однако, не так страшно, больших осложнений не было. По вопросу о кредите под основной капитал у нас были расхождения, и они остаются. По инициативе тов. Троцкого, мы переносим дискуссию по этому вопросу в „Экономическую Жизнь“. Это—вопрос деловой, хотя есть в нем некоторые элементы принципиальности.

И тов. Ларин либо не знал, либо забыл сказать, что было в Политбюро по этому вопросу. А дело было вот как. При первом голосовании по этому вопросу за право кредитоваться были тт. Троцкий, Каменев, Калинин, против: тт. Зиновьев, Молотов и Рыков. Тов. Сталин в этот день хворал. Через час после этого совещания, когда мы сообщили ему, как прошло голосование, он присоединился ко второй группе. Получилось большинство против кредитования. В комиссии, в которой разрабатывался этот вопрос, находился тов. Пята-

ков. Он был целиком за право кредитования. Вопрос трудный, деловой, его надо хорошенько обдумать. Я продолжаю стоять на точке зрения, что мы правильно поступили, отвергнув это предложение. Но при чем тут смертные грехи, правое крыло, и т. д.? Хотя бы из этого переименования голосовавших вы ясно видите что т. Ларин неправ. Перед нами возникает на каждом шагу целый ряд труднейших, сложнейших деловых вопросов. Мы, конечно, к этим вопросам не так чтобы уж очень были подготовлены. Правду говорили тов. Красин и другие, что мы многие многие годы занимались чем-угодно, только не кредитованием под основной капитал. У нас не было ни основного капитала, ни кредитов. (Смех). Мы занимались кое-чем другим. Вопрос, повторяю, трудный и сложный, и нам приходится, может-быть, иногда спотыкаться и обдумывать еще и еще раз. Если по таким вопросам у нас создается такое настроение, что будут кричать: „правое крыло“ и т. д., тогда мы ошибок будем делать в сто раз больше, и в партии создастся положение совершенно никуда не годное.

Неверно заявление относительно взаимоотношений хозорганов и профсоюзов. Мы сошлись на том, что менять это в связи с законом о трестах не надо. Взаимоотношения остаются старыми. Я сознаюсь, что не особенно следил за полемикой, которая была по вопросу о зарплате в „Экономической Жизни“. Но вопрос этот остается крайне трудным. Вы знаете это по местной практике. Рабочие этот год напирали: поднимай заработную плату! Потому что голодно, потому что война довела положение их до отчаяния. Хозяйственники, в свою очередь, приходят с цифрами на руках и заявляют, и справедливо заявляют: не можем поднять в такой мере заработную плату, мы загубим наше хозяйство. Нам приходилось здесь в центре, а вам на местах (губкомам) выбирать среднюю линию. Это был, как я уже сказал, наиболее деликатный, щепетильный вопрос. Меньшевики собирались погреть руки, стать во главе кампании борьбы за повышение заработной платы. Мы не могли допустить и не допустили этого положения. Дело осталось целиком в наших руках, потому что у нас есть такой несравненный инструмент, как наша партия, потому что у нас есть такие чудесные незаменимые организации, как наши местные организации.

Губкомы связаны с рабочими, они умеют даже в таком архибольном вопросе, который интересует жену и мать каждого рабочего,—в таком вопросе удержать руль в наших руках. Мы приняли по этому вопросу решение на последнем предсъездовском собрании Пленума Цека,—решение единогласное. Я спрашиваю: можно на этом вопросе играть? Это не предмет для игры на съезде или вне съезда. Кто не понимает, что это—самая больная струна души рабочего, потому что он голодал, потому что он только теперь начал немного поправляться, потому что его разжигают меньшевики, потому что, к сожалению, каждая группа рабочих не может думать о рабочем классе в целом? Это самый больной вопрос. Бередить эту рану можно? Нельзя! Легкомысленно, если не хуже! Нельзя говорить того, чего не

было. Нельзя разжигать полемики, а надо понимать, что наша партия прекрасно знает, как тяжело рабочему, как надо поднять плату, и знает, вместе с тем, если мы выпустим в трубу то, что сохранили из хозяйственных единиц, то мы прогорим и политически погибнем. Вот почему в таких вопросах было архиединодушным наше решение. И мы просим вас, чтобы вы честью попросили тов. Ларина и ему подобных, чтобы они в таких вопросах не играли, не позволяли получать нашим противникам материалы и не разводили демагогии о заработной плате, и чтобы помнили, в каком трудном положении находятся наш класс и наша партия, которая во многих вопросах вынуждена принимать архиосторожное решение. Вы все имели в маленьком масштабе это на местах. Что бы вы сказали, если бы вам на местах стали говорить, что вы понижаете заработную плату, что вы отрекаетесь этим от рабочего класса, предаете его, совершаете уклон и пр. Я думаю, что вы серьезно поговорили бы с такими людьми. (Аплодисменты).

Наконец, прорыв внешней торговли. Я объяснил, что никакого прорыва не было, и, стало-быть, тов. Ларину нечего было спасать. Наконец, дело с концессией Уркарта. Тов. Ларин твердо знает, во всех подробностях, как было дело. „Когда тов. Ленин выздоровел, тогда, конечно,—говорит он,—отменили Уркартовскую концессию", и прибавляет: „это же известно всем галкам",—всем галкам плюс т. Ларину, прибавили мы от себя. (Смех). А я вам скажу, что все это списано с потолка. Верно то, товарищи, что Владимир Ильич тогда был к сожалению, болен, но немножко выздоравливал и возвращался к работе, чему мы были все рады. Абсолютно неверно, что было, будто бы, такое положение, что т. Ленин против концессии, а другие за концессию. Я уже сказал, как обстояло дело. И это может подтвердить любой член ЦК и Политбюро. Мы, конечно, не думали, что вопрос о концессии такой простой,—концессии такой величины и важности не так часто заключаются. Нам приходилось очень хорошо подумать, прежде чем решить, но мы приняли решение абсолютно единодушно. Конечно, вопрос этот не маленький. Вокруг этого вопроса скачет и играет вся международная буржуазия. Мыслимо ли тут, товарищи, допускать недомолвки, высасывание из пальца в момент, когда Владимира Ильича нет с нами, и когда нам нужно самим принимать то или иное решение как по большим, так и по более мелким вопросам. Это тов. Ларину нужно оставить. Теперь, чтобы покончить с речью т. Ларина, еще одну маленькую деталь. Т. Ларин говорил, возражая мне: „Что же, какое значение имеет 8 смешанных обществ с 17 милл. герм. марок"?, и тут же (т. Ларин отличается математическими способностями) высчитывает „всего 1.600 руб. зол., какая важность?!". А Зиновьев о таком пустяке сообщает съезду. Правда, через час тов. Ларин подходил ко мне и говорил совершенно по-дружески: „вы сказали: золотых марок". Да, т. Ларин, здесь маленькая разница. На XI съезде т. Ларин оказался слабым на том же самом месте. Он говорил по поводу консервов, и говорил тоже, что это в советских рублях, а потом оказалось, что дело шло о золотых рублях. Т. Ленин

ему разъяснил и говорил ему: тов. Ларин, у вас великолепные способности, великолепная фантазия,—пишите учебники, но зачем вы на съезде говорите то, чего нет. И вот история повторяется, и приходится снова просить т. Ларина, как просил его т. Ленин о том же. Я думаю, что на этом можно расстаться с тов. Лариным и сказать ему: не нужно говорить того, что вам неизвестно.

Два слова я должен сказать тов. Косиору. Тов. Косиор явно не от себя одного говорил и обвинял нас в том, что у нас мелочная политика, подозрительность, что мы не даем возможности работать товарищам, которые год или два назад принадлежали к другой группировке, чем мы. Если бы это обвинение было верно, то нас надо было бы гнать в шею. Я думаю, что нас партия может считать чем-угодно, но не последними дурнями. В самом деле, надо быть последними дурнями чтобы, управляя такой страной, как наша, во главе которой стоит партия, как наша, кто нибудь стал бы разглядывать работников под углом зрения того, кто два года назад принадлежал к другой группировке. Разве возможно было бы тогда руководить нашей страной? Конечно, этого, товарищи, не было. И первый же товарищ, выступавший после тов. Косиора, тов. Бумажный, напомнил ему, что сам он, тов. Бумажный, принадлежал к другой группировке,—в этом ценность его заявления,—что он ничего подобного не видит, и напомнил ряд имен, известных всей нашей партии и за пределами нашей страны, которые год-два назад имели крупные расхождения с нами, и с которыми мы теперь и которые с нами вполне солидарны, и у нас нет ни малейшего намека на воспоминания о том, что два года назад они принадлежали к другим группировкам. Когда мы должны руководить страной, поднимать хозяйство, участвовать в руководящих органах Коминтерна, когда к нам прислушиваются рабочие всего мира, мы не можем так поступать, и, конечно, ничего подобного нет. Тов. Косиор в прошлом году произнес совершенно такую же речь. Пожалуй, можно здесь отметить даже некоторый прогресс: в этом году он говорил несколько поумереннее, чувствуя настроение этого съезда, а в прошлом году после доклада, не случайного докладчика, как я, а после доклада Владимира Ильича, он обрушился на ЦК с филиппикой, гораздо более яростной, чем вчера. Повидимому, это его профессия, так что тут ничего не поделаешь. Я думаю, что хорошо бы, если бы тов. Косиор, в виду того, что он еще сравнительно молод, эту профессию переменил, найдя себе другую. (Аплодисменты).

Еще одно место в его речи. Тов. Косиор, опять-таки явно не от себя одного, требовал одного, как он выражался: отменить исключительный закон, состоящий в том, что у нас запрещены организованные фракции и группировки И тут он употребил тоже военную хитрость. По созвучию получилось так, что, якобы, запрещение это было проведено нами, учениками Владимира Ильича, а не им самим. Это стратегия очень простая: обрушиваются против раба божьего Зиновьева, а требуют опровержения того, что требовал и провел тов. Ленин.

Выступал здесь тов. Осинский. Я расскажу маленькую историю маленького примечания, имеющую очень большой политический смысл. В конце последней статьи Осинского, которую вы знаете, имеется обвинение против меня в том, что я провел исключительный закон, запрещающий фракции и группировки. У нас доброжелательный редактор „Правды“ тов. Бухарин, который делает примечание: „запрещение фракций и группировок проведено не Зиновьевым, а Владимиром Ильичем Лениным“. Это примечание в рукописи становится известным тов. Осинскому. Тогда тов. Осинский вычеркивает и это обвинение против меня, а равно и примечание тов. Бухарина. Над этим надо подумать: что это значит? Это есть то, что тов. Каменев правильно назвал ревизией ленинизма. Конечно, трудно выступать с открытым забралом и требовать отмены того, что провел Владимир Ильич, гораздо легче напасть на Зиновьева и сказать, что я или кто-нибудь другой это провел. А вы знаете: на X съезде партии никто другой, как Владимир Ильич вышел и предложил определенную резолюцию, которая была принята, и на XI съезде мы ее подтвердили и конкретизировали. По-моему, было бы правильнее, когда хотят что отменить, пускай скажут прямо, на кого это направлено. Нехорошо играть в прятки, в особенности в момент, когда Владимира Ильича здесь нет.

Вот почему я говорю, что с этой игрой вокруг „исключительного закона“ мы должны покончить и дать здесь ясный, определенный ответ. Это—не исключительный закон,—это орудие самозащиты пролетарской партии, которая окружена со всех сторон разлагающим буржуазным и мелкобуржуазным влиянием. В нашей партии (спросите любого члена Коминтерна),—в нашей партии достаточно свободы для обсуждения любого мнения. Только тот, кто хочет разложить партию, не получит свободы; а чтобы у нас нельзя было сказать того, что надо для того, чтобы исправить партию,—это клевета на нашу партию. Вот почему я думаю, что исключительного закона у нас нет, и по этой причине его отменить никак нельзя.

Тов. Лутовинов был сильно разочарован моей речью. Я тоже сильно разочарован его речью. (Смех). Он говорит, что я кому-то угрожал. Он говорит, что я, будто бы, кому-то угрожал из товарищей. Меж тем я, говорил только о дезертирах.

Вы помните, у меня вырвались совершенно непроизвольно слова: „скатертью дорога тем, кто хочет новую партию строить“? Вы помните, как вы реагировали? Вы долго не давали мне аплодисментами говорить, и я тогда понял, что здесь есть что-то такое, что особенно горячо чувствует весь наш съезд. И это называется угрозой? Это тов. Лутовинов угрожал, а не я; правда, это—холостые угрозы: „если так дальше будет продолжаться, то неизбежно будут группировки“,—говорил он. Это есть угроза в устах одиночки или в устах товарища, который представляет бывшую группу. А мы говорим, что продолжаться это будет именно так, как учил нас тов. Ленин.

В идейных вопросах мы будем непримиримы до конца, в личных нет.

Конечно, ЦК обязан группировать все силы, он обязан давать каждому работу по способностям. Он обязан к каждому товарищу индивидуально прислушиваться, лечить его и политически, и всячески. Конечно, у нас не так много людей, чтобы ими швыряться, и наш ЦК понимает это. Но с тем же Мясниковым, как ЦК поступил, представляют это дело так, что рабочий был против нас, и мы его, не долго думая, исключили, вздор это! Я лично возился с ним почти год. Владимир Ильич специально занимался Мясниковым, писал и уговаривал его. Была даже целая комиссия уговаривающих с участием Бухарина, и бесплодно. Так мы поступали и должны поступать с каждым ценным рабочим, имеющим заслуги перед партией, но нечего нам говорить: если вы не уступите нам, то будут стрелять, как когда-то либералы грозили царю. Товарищ Лутовинов сам, конечно, не принадлежит ни к каким особенным группировкам, но он говорит, что если так будет продолжаться, то группировки будут расти, как грибы после дождя. Мы говорим: не испугаете, потому что даже в 20 г., когда рабочие ходили еще без сапог, они вас тогда не послушали и теперь не послушают. Мне вспоминается то, что говорил т. Шляпникову тов. Ленин. Тов. Ленин призывал его к порядку и говорил ему, что не надо сеять паники, особенно при отступлении, что на войне за это выставляют пулеметы. По этому поводу т. Шляпников заявил: вот видите, Ленин хочет в меня из пулемета стрелять. А тов. Ленин на это отвечал: дело не так страшно, требуется только, чтобы ты подчинялся дисциплине. Так точно и здесь. Я думаю, что тов. Лутовинов не первый год в партии, и пора ему серьезно решить, с кем он идет: с тем самым Мясниковым, который изменил нашей партии, или с нами, которые конечно, делают ошибки, но которые не ошиблись в одном: гегемонию пролетариата отстояли в самых труднейших условиях и отстоят ее, я надеюсь, до конца. (Аплодисменты).

Я думаю, что так-называемой „рабочей“ оппозиции можно уже подвести итог. И для того, чтобы этот итог был окончательный, следовало бы ликвидировать и самое название,—по крайней мере, в нашем партийном обиходе. Это не была рабочая оппозиция. Это, объективно говоря, была антирабочая оппозиция, это была ликвидаторская оппозиция, которая шла в одну дверь, а попала в другую. Надо было в 1921 г. голодать, надо было начинать с крестьянства, и надо было итти по той дороге, по которой наша партия пошла и довела рабочий класс до победы.

Я буду совсем краток в своей полемике с тов. Осинским. Что касается личных выпадов, то я могу просто пройти мимо них. Но все же есть некоторые вопросы, имеющие принципиальное значение, на которые я, как докладчик от ЦК, должен ответить.

Тов Осинский говорил: вспомните, как мы работали на местах, вспомните наши губернские комитеты. Разве у нас есть там особое деление, а все же парторганизация имеет свои функции, губисполком—свои. Я думаю, товарищи, что определенный параллелизм между работой губкома, укома и ЦК партии провести, конечно, можно. Парал-

лелизм здесь есть в известных общих чертах. Конечно, в общем уком относится к уисполкому, как губком к губисполкому; отношение здесь в самых общих чертах одинаковое, но полного совпадения тут нет и быть не может. Большинство из нас, присутствующих здесь, работники губисполкомов. Можем ли мы сказать, что между губкомом и губисполкомом такое же отношение, как между укомом и уисполкомом? Есть ряд областей, где не может быть простого повторения. Теперь помножьте это на всю Россию. Что вы получите? Конечно, в самых общих чертах взаимоотношение, примерно, такое же, но есть целый ряд вопросов, вносящих отличие. Достаточно взять международную политику, и вы сразу поймете, что сравнение тов. Осинского хромает на обе ноги. В губкомах нет международной политики, а в центре она есть. Уже этот один момент показывает, какой холостой выстрел делает тов. Осинский. Как же он, не первый год стоящий за работой, не вдумается в конкретные условия работы и не поймет, что одно дело — губком, другое — уком и третье — ЦК. ЦК руководит политикой всей страны. Как я вам уже докладывал, ЦК за истекший год 38 раз обсуждал вопросы Коминтерна и более 100 раз вопросы Наркоминдела. Уже из самого характера работы, очевидно, вытекает разница, которую не кто-нибудь выдумывает. А тов. Осинский полагает, что это происходит от злых качеств, в частности моих. Тов. Осинский говорил: что позволено Ленину, то не позволено кому-нибудь другому. Само собой разумеется. Далее тов. Осинский сказал: когда Ленин сечет, то это еще куда ни шло. Вполне разделяю его вкусы: уж сечься, так сечься у мастера. (Смех). Я бы мог тов. Осинскому в виде уступки процитировать слова тов. Ленина о нем. Тов. Ленин ему напомнил на X съезде следующее (позволю себе уж действительно ему прочитать, раз на то пошло): „специфическая особенность Осинского во всем усматривать политиканство“. Действительно, надо сказать, что обвинение серьезное. Мы спорим о крупных организационных вопросах. Это, конечно, вопросы очень трудные. Война только что кончилась, и мы не знаем еще точно, как мы распределим нашу работу. Но Осинскому ясно, почему все это происходит: они, мол, не хотят выпускать власть. Он даже берется назвать главного зачинщика, который боится за власть. Как тут не вспомнить вышеприведенных слов тов. Ленина!

Тов. Осинский, бросьте это! Неужели вы не можете поверить, что каждый из нас, как и вы, прежде всего радеет о благе партии и ни о чем другом? Власти у нас, если уж на то пошло, у каждого хоть отбавляй, и никто не чувствует тоски по власти.

Дальше тов. Осинский говорил: „ни в чем не обвиняю, но нам не давали директив по земельному вопросу, и хоть плачь, а директив от ЦК не получаешь“. У него прямо тоска по директивам. Взалкал тов. Осинский по директивам. Бросьте, тов. Осинский, это все пустяки. Я вам цитировал Бунакова. Он, оглядываясь на пять лет нашей работы, говорит, что действительно в аграрной политике большевиками сделано чрезвычайно много, — все сделано. Трудно вырвать из уст злейшего противника такое признание, очень трудно. И я должен сказать

что это достижение, конечно, в первую очередь принадлежит т. Ленину. Конечно, не всегда Политбюро из за всяческого чихания того или другого ведомственного работника бросает все свои дела и дает ему директивы. Политбюро говорит: „каждому овощу свое время". Главным образом, гением Владимира Ильича мы добились правильного решения коренного вопроса революции и добились признания успехов из уст нашего злейшего врага. А тов. Осинский говорит, что он за год не мог получить директив. Нет, товарищи, на съезде таким сказкам никто не поверит!

Наконец, я хочу сказать насчет платформ. Я попытался, товарищи, проделать следующую работу: я поручил одному товарищу взять платформу демократического централизма и взять платформу анонимную и выписать в одном столбце то, что говорится в первой платформе, и с правой стороны то, что говорится во второй.

И получилось следующее: некоторые части, поскольку дело идет о НЭП'е, действительно сравнивать трудно, потому что первая платформа писалась, когда НЭП'а еще не было.

А в остальном совпадение на 99%. Если вы сомневаетесь, то я готов передать эту тетрадку любому из вас на руки для проверки. Читать это я здесь не имею возможности.

Я не хочу кого-либо обвинять лично, ошибки случалось делать каждому из нас, и никто не хочет обвинять в том, что два года назад у того или другого были ошибки,—дело не в том, чтобы вспоминать прошлогодний снег, а в том, чтобы не делать ошибок сейчас. Самое простое было бы заявить товарищам из бывшего „демократического централизма", что они не причастны к этой платформе, что они не разделяют ее. Вместо этого товарищи ходили вокруг да около, обвиняли Бухарина в „наветах" (Бухарин и наветы!..), заставляли Политбюро выносить специальные резолюции о том, что связь идей в двух платформах есть, и т. д. Лучше прямо было бы сказать партии: мы против этого.

Мы говорили им: товарищи, ведь, вы имеете долг не только по отношению к ЦК, но и перед провинциальными товарищами, ведь, на Украине, напр., есть товарищи, которые разделяли с вами вашу позицию в 1921 году, перед ними вы обязаны сказать, что вы этой позиции ныне не разделяете. Почему вы не скажете, что вы несогласны?

А они вместо этого обвиняли нас, что мы специально поднимаем этот вопрос, что мы занимаемся разжиганием споров в партии (это когда хворает Владимир Ильич!). Нет, мы не можем допустить, чтобы партию начали разъедать различные „Рабочие Правды" и т. д. Когда мы это увидели, мы определенно сказали: товарищи, на вас лежит долг открыто заявить о непричастности к „анонимной" платформе. Тов. Осинский говорил здесь относительно жестянки, и если оставаться в пределах тех зоологических сравнений — кошки, собаки и т. д., то кошка в белой шерсти всеми четырьмя лапами попала в сажу немножко испачкала эти лапы и физиономию, а потом начинает отмываться этими же лапами. Конечно, получается не столько отмывание,

сколько большее распространение на этой физиономии сажи. Вот что получается. Проще, чистосердечнее, партийнее было бы сказать: мы этого не разделяем, и конец. Никто не протестовал бы, не было бы десятков статей в заграничной печати, а сейчас они имеются. Я могу привести факт. Сегодня я читал статью Кусковой, которая небезынтересна. Кускова — персонаж не очень серьезный в политике, и мы не берем ее особенно всерьез. Полтора-два года назад, вы помните („прокукиш"), она претендовала, чтобы стать властью у нас в России, и кое-кто из тех, кто обвиняет нас, что мы не уступчивы по отношению к международной буржуазии, находил в то время, что мы не уступчивы и по отношению к „прокукишу". Название ее статьи: „Рождение лозунга". Лозунг, — что партия не руководит, что она „не компетентна". Этот „лозунг" подхватывает буржуазия, подхватывают меньшевики, подхватывают с.-р. Никому и в голову не приходило, и не до того нам было, чтобы искусственно поднимать разногласия. Нам нужен максимум сплочения в настоящий момент. Но, когда распространяются антипартийные вещи в анонимной форме, которые подхватываются Кусковыми, Даном, Милюковым и т. д., ваш долг был сказать: мы не причастны, мы не разделяем этого. Тогда не придется никакой мифологии разводить, тогда не придется ни о каких жестянках говорить, тогда не будет никаких споров. Я думаю, товарищи, что, пожалуй, я мог бы расстаться с тов. Осинским.

Я хочу сказать, однако, еще два слова и тов. Красину. Мы с ним разошлись не только по вопросу о международной политике, но еще и по вопросам партийного и советского строительства. Тов. Сталин сейчас говорил и, повидимому, выразил мнение всего съезда. Он внес предложение ЦК (по инициативе Владимира Ильича) относительно реорганизации РКИ и ЦКК. Это молчаливо принимается всем съездом. Как же относится тов. Красин к этому плану реорганизации? Он в своей злосчастной статье говорит: „Могу уверить, что мы все хозяйственники (это напечатано курсивом) буквально с ужасом (напечатано курсивом) ожидаем этих решений".

Мы единодушно принимаем определенную реформу. Ильич нам ее разжевал, мы ее поняли. И в это время нам говорят: мы все хозяйственники,—конечно, я надеюсь, что тов. Красин не имеет на этот счет мандата от „всех" хозяйственников, — с „ужасом" ожидаем этого решения. Что же это в самом деле такое? Почему мы говорим на столь различных языках?

Неужто мы так далеко стоим от хозяйства, от нашего аппарата, что надо с „ужасом" ожидать того, что наша партия, по инициативе Ильича, постановит? Бросьте ужасаться, тов. Красин! Никакого „ужаса" не надо, а пойдите навстречу решению партии, и вы увидите, что выйдет неплохо, если мы хорошо подберем людей. А мы это сделаем! Мы не можем рисковать провалить план, который выдвинут Ильичем Да, мы должны подобрать лучших людей, поставить дело, как следует, ужасаться тут нечего. Партия, которая не раз выручала наш госаппарат из очень больших трудностей, выручит его и

сейчас. Ничего, как говорится, плохого, окромя хорошего, из этого не выйдет.

В связи с этим два слова о госаппарате. Это не моя тема, но я все-таки хочу сказать на этот счет два слова. Тов. Ленин говорил, что самое важное — это ухватиться за звено, тогда вытащится и вся цепь. Тов. Ленин указал нам на это звено: госаппарат. Если теперь мы подберем, как следует, личный персонал, я уверен, что мы добьемся и здесь результатов, которые нужны партии. Партия должна будет вмешаться еще гуще в хозяйственную жизнь. Бояться нечего. Вы найдете у Владимира Ильича десятки определений, идущих дальше наших в этой области. Из 18-го тома, который каждый из вас перелистает с интересом, я могу взять целый ряд таких цитат, десятки таких определений бросаются в глаза. „Партия, — говорит Ленин — это непосредственно правящий авангард пролетариата, это руководитель". „Непосредственно правящий авангард", — это просто и по-русски сказано. Тут сказано прямо и ясно, что мы понимаем под партией. Мы знаем, что это у Ленина не слова, не литература. У Ильича эта литература облечена в плоть и кровь. Это — живая политика, ведущаяся рабочим классом. И мы говорим: не бойтесь, тов. Красин и товарищи хозяйственники. Хороший хозяйственник не будет этого бояться Партия, — говорит Ильич, — это непосредственно правящий авангард в нашей стране. Так дайте же ей все возможности стать этим авангардом. Конечно, она будет на вес золота ценить каждого крупного партийного опытного хозяйственника и будет у него учиться, но партия, как таковая, должна управлять.

Тов. Красин не соглашался с нами относительно структуры нашего ЦК, и он здесь говорил об этом, на мой взгляд, в несколько рискованной формулировке. Вы хотите, — говорит он, — оставить все по-старому, но по-старому не выйдет. До сих пор в центре непосредственно участвовал гениальный Владимир Ильич, на него все опирались, все понимали, он сказал, и кончено, а теперь по-старому, — говорит Красин, — ничего не выйдет.

Я спрашиваю: кто предлагал „по-старому"? Что же, мы хуже тов. Красина понимаем, что значит, когда хотя бы один день нет Владимира Ильича? Мы разве хуже его понимаем, что значит для нас, для партии и Коминтерна, Ильич? Его нет сейчас, но мы надеемся, что скоро он вернется. Но все же никто не предлагает оставить по-старому. Разве ЦК не предложил письменно, а тов. Сталин не изложил устно целый план расширения ЦК? Разве это значит оставить по-старому?

Подбирать новых людей будем, конечно, не мы с тов. Красиным, а съезд в целом. Он выберет хозяйственников, и литераторов, и организаторов. Никто не предлагает оставить по-старому, поскольку и до тех пор, пока нет Владимира Ильича, нам нужно в десять раз больше сплочения и работы коллективной мысли. У нас нет про запас другого гениального вождя, у Коминтерна его нет, и ни у кого его нет. Вот почему итальянские рабочие чувствовали отсутствие Ильича,

как и мы. Я видел товарища, приехавшего из Италии, и он мне рассказывал, как из итальянских тюрем приходили сотни писем арестованных рабочих, которые выражали свое соболезнование. Ильича недостает всем: и Коминтерну, и всему рабочему классу всего мира. Не зачем говорить такие вещи в трудный момент, когда все мы отдаем себе отчет в том, как тяжело. Никто не предлагает оставить по-старому, а все предлагают: давайте больше связи с местами, с рабочими, выдвинувшимися на работе, с лучшими испытанными организаторами. Большевистская партия найдет эти силы, поставит их на место.

Зачем же бросать такие слова, тов. Красин? Правильно было сказано т. Каменевым: мы все ценим вашу работу, мы все хорошо понимаем, насколько ценно ваше сотрудничество для нас, но не надо же говорить нам, как вы это говорите во втором лице: „вы" и „мы", „ваше правительство". Ваше правительство и наше—одно. Не должно быть „вы" и „мы". Надо понимать, что съезд, сюда собравшийся, кое-что отражает в партии и тоже крепко задумался над нынешним внутренним положением ее, и тоже отлично понимает, какие решения нам нужно принять, чтобы дело у нас пошло в то короткое, надеюсь, время, когда Владимира Ильича нет с нами. Теперь мне приходится вторично и окончательно расстаться с тов. Красиным. Мы с ним, если не ошибаюсь, с 1905 года довольно близкие друзья и такими же, надеюсь, останемся.

Еще два слова хотел сказать я относительно наших политических противников,—тема, которую я забыл затронуть в своем докладе. Мы за этот год ликвидировали партию эсеров,—процесс эсеров означал ликвидацию эсеров,—съезд рядовых эсеров теперь закончил это дело. Это есть новый метод агитации, который мы применили с громадным успехом. С неменьшим успехом нам, надеюсь, удастся ликвидировать и партию меньшевиков.

Еще, товарищи, надо обратить внимание на одну группу населения, на которую указывал Владимир Ильич,—на группу учительскую, на группу интеллигенции учительского типа. Нам нужны командные высоты, как мы правильно говорили, но нам нужны и известные скрепы. Учительство, как слой, является такой скрепой. Мы не можем длительно овладеть ни деревней, ни отчасти городом, если не перетянем на свою сторону учительство. Владимир Ильич дал нам указания, и мы должны теперь требовать проведения их в жизнь. Мы должны протестовать, если сейчас начнут резать бюджет Наркомпроса, мы должны протестовать против этого. Здесь ни одного шага нельзя делать назад. Надо итти вперед, в этой области нельзя допускать отступления. Нам надо после того, как мы завоевали рабочий класс, после того, как мы завоевали опору в деревне, нам надо завоевать не только ту новую, учащуюся молодежь, которую мы имеем, но и такой громадной важности слой, как учительский. (Аплодисменты).

Нам нужно дальше, товарищи, повести борьбу с бюрократизмом. Некоторых успехов в этой области мы достигли. Опять-таки не для

того, чтобы сеять безбрежный оптимизм, а для того, чтобы хоть немного порадовать вас, я укажу на следующие цифры: на 1 октября 1921 года (это был кульминационный пункт) советских служащих было у нас 2.666.000 человек, а к 1 октября 1922 г. их уже 1.320.000. Правда, не всякой цифре дословно верь, — это вы знаете не хуже меня, — но все-таки мы должны отметить, что это некоторый успех, — успех, который надо закрепить, и надо суметь вести борьбу против бюрократизма на новой основе.

Я хочу сказать в заключение относительно нашего будущего ЦК. У нас часто говорят, почему у нас нет других сильных центров, кроме ЦК.

И действительно, я должен сказать, что положение такое, что ЦК нашей партии в силу традиции, в силу истории за 25 лет существования сложился в такую группу, которая всасывает в себя все наиболее авторитетное из партии. Хорошо это или плохо, — это надо ставить прямо и определенно. Да, товарищи, у нас все остальные всероссийские центры по сравнению с ЦК нашей партии гораздо менее авторитетны и гораздо менее сильны. Это не случайно, и это объясняется исключительно тем, что мы действительно до сих пор для того, чтобы иметь партию централизованной, имеем ЦК, который был мозгом партии, ее правой рукой, — мы вводили в ЦК все, что у нас было самого сильного, самого лучшего. Такова была наша традиция.

В самом деле, много ли у нас хватит сил на несколько сильных центров? Думаю, что нет. Тут большевистская старая традиция, и эта старая большевистская традиция вполне правильна. Нам нужен **единый** сильный, мощный ЦК, который руководит всем

Нельзя согласиться с той парадоксальной точкой зрения, что, будто бы, Президиум ВЦИК должен быть для советов тем же, чем ЦК для партии. Это совершенно неверно. ЦК на то и ЦК, что он и для советов, и для профсоюзов, и для кооперативов, и для губисполкомов, и для всего рабочего класса есть ЦК. В этом и заключается его руководящая роль, в этом выражается диктатура партии

Это звучит иногда как-будто мягко: пусть Президиум ВЦИК будет тем, чем ЦК для партии. **Не может** этого быть. В тот момент, когда председатели губисполкомов будут подбираться не ЦК партии, — в этот момент у нас все вверх дном пойдет. Этого быть не может и быть не должно. Против ведомственного раздирания партии надо бороться самым решительным образом. В последнее время такая тенденция замечается. Против этого самым решительным образом надо бороться, и борьба в этой области будет иметь гигантское значение.

Огромное значение будет иметь организация учраспреда. Если мы поставим во главе учраспреда члена ЦК, а по отношению к комиссариатам он будет иметь помощников и при постоянном сотрудничестве с ними будет распределять работников, то опасность бюрократизма будет уменьшаться. Мы будем решительно бороться против ведомственного раздирания партии.

Партия—не артишок. Нельзя отрывать от нее листок за листком. Руководящая роль партии должна быть закреплена во всех формах и во всех областях. Без этого в нынешний период хозяйственного строительства все пойдет вверх дном, без этого действительно начнется ревизия формы диктатуры пролетариата.

Позвольте еще огласить пару цитат из статей людей, которые считаются „нашими“ людьми, сменовеховцев.

Сменовеховцы. Конечно, и они не так, чтобы очень серьезная политическая сила, немногим больше, чем Кускова, но все-таки сменовеховцы кое-что отражают. Вот что они пишут: „Не диктатура пролетариата... а трудовая рабоче-крестьянская государственность... Мы „хотим власти“ не для капиталистов... а для тех категорий трудящихся, интересы которых и без того неизбежно учитываются РКП и в значительной степени определяют собой политическую линию советского правительства“... „Диктатура была необходима и спасительна. Переход от нее к иным государственным, более совершенным нормам должен быть постепенным, всякий резкий шаг был бы гибелен“. Может ли быть что-нибудь яснее этого? Эти люди считают себя нашими друзьями. Тысячу раз прав был т. Каменев, когда говорил, что из этих каналов проникает кое-что в ряды нашей партии через „чутких“ ревизионистов. Можем ли мы сказать, что мы в какой бы то ни было мере смягчаем формулу диктатуры? Если спросят: на сколько лет вы хотите такой жесткой диктатуры, мы должны сказать (хотя о сроках вообще трудно торговаться): по всей мировой обстановке минимум на десять лет, а то и больше. Диктатура пролетариата в форме диктатуры нашей партии есть абсолютно неизбежная необходимость, если мы не хотим, чтобы Россия пошла вспять, если хотим поднимать хозяйство, если хотим, чтобы НЭП был не обходным маневром буржуазии по отношению к рабочему классу, а обходным маневром рабочего класса по отношению к буржуазии.

Если подвести итог всему тому, что мы говорили, то мы должны сказать следующее:

Положение таково: хозяйственный подъем начинается. В первый раз на нашем съезде мы имеем право без лишнего оптимизма сказать, что самое трудное позади,—страна начинает выздоравливать.

Экспорт хлеба есть одна из важнейших задач (и хотя нам сегодня тов. Сосновский обещал сделать чудо, чтобы урожай был вдвое больше, но если мы даже большинством голосов или даже всем съездом постановим сделать это чудо, то едва-ли кто-нибудь этому решению подчинится). Нам придется экспорт хлеба поднять до половины довоенного экспорта.

Учоба началась, и мы не для того, чтобы сеять оптимизм, констатируем факт: год назад мы проповедывали учобу, а в этом году учоба началась и идет неплохо.

Относительно экономии во всем нашем государственном строительстве и нашем государственном аппарате не может быть двух мнений. Это жгучая необходимость. Я вам цитировал данные о числе со-

ветских служащих, но мы должны создать действительно мощный и в то же время дешевый государственный аппарат, чтобы ни один крестьянин нам не мог сказать, что мы содержим лишних людей.

Нам нужна целая система мер социалистического протекционизма и для промышленности, и для сельского хозяйства.

Дальше оздоровление партии, воспитание молодежи,—вот наша главная задача. Партия наша все же еще мало подготовлена, но партия через 2—3 года или через 5 лет будет лучше, чем сейчас, и мы ее не узнаем. Посмотрите на наш съезд. Разве нет у нас чувства, что он, такой спокойный, уверенный в себе, выросший съезд, несмотря на то, что он работает сейчас в труднейшей обстановке, какую мы можем себе только представить, когда мы должны решать впервые такие важные вопросы без Ильича? Съезд показал уже не только свою политическую физиономию,—он показал свою душу. Он показал, что такое коммунистическая партия, созданная 25-ю годами борьбы, он показал, какой железобетонный фундамент партия имеет в лице лучших передовиков рабочего класса. Нужно понять нашу партию, нашу прекрасную молодежь, которая растет, которая, правда, переживает болезни роста, но которая в общем находится на правильной дороге.

Вот те великие задачи, которые стоят перед нами, и мы можем ручаться, что каждый на том месте, куда поставит его съезд, будет неизменно итти по линии ленинизма или,—что то же,—большевизма. Мы можем поручиться, что каждый на своем месте будет сознавать ту гигантскую ответственность, которая лежит на нем, пока нет с нами Ильича.

Самая большая мечта, которую мы лелеем,—это когда Владимир Ильич вернется, чтобы он сказал, что мы наделали, однако, не слишком много глупостей, что мы кое-чему научились, не растрясли накопленного, не напортили, а сохранили то, что завоевано... И я думаю, что общими усилиями того съезда, который уже доказал, чем он является, общими усилиями мы поведем нашу партию по тому пути, по которому она шла, по тому пути, который нам показал лучший вождь международного пролетариата Владимир Ильич Ленин. (Аплодисменты).

Председательствующий. Товарищи, есть ряд предложений об устройстве перерыва. (Голоса: „Да"). У нас уже девять часов. В порядке дня стоит голосование резолюции по отчету ЦК и доклад Центральной Контрольной комиссии. Желает ли съезд заслушать доклад сегодня? (Голоса: „Заслушать"). Голосую: объявить перерыв или закрыть заседание? Кто за перерыв? Итак, сейчас объявляю перерыв, а потом будет голосование резолюции и доклад т. Шкирятова.

* * *

Председательствующий. Заседание возобновляется. Товарищи, мы переходим к голосованию резолюции по отчету ЦК. Тов. Харитонов имеет слово для оглашения резолюции.

Харитонов. Проект резолюции, которую я сейчас оглашу, мы сегодня, утром, роздали в печатном виде. После этого он обсуждался

в ряде делегаций, а затем поступил целый ряд поправок, из которых часть не принципиального характера вошла в резолюцию. Одна поправка принципиального характера относится к национальному вопросу, но она не принята, главным образом, по тому соображению, что по вопросу национальному у нас будет специальный доклад и специальная резолюция. А в этой резолюции мы, авторы резолюции, считали нужным указать только основное по национальному вопросу. Теперь разрешите спросить: огласить резолюцию полностью или частично?

Председательствующий. Раз просит хотя бы часть, надо огласить полностью.

Харитонов. Резолюция гласит:

„XII съезд всецело одобряет политическую и организационную линию ЦК, обеспечившую партии и за этот год серьезные успехи.

Съезд в частности полностью одобряет международную политику, направлявшуюся ЦК, и решительно осуждает какие бы то ни было колебания в этой области. Съезд категорически подтверждает незыблемость монополии внешней торговли и недопустимость какого либо ее обхода или колебаний при ее проведении и поручает новому ЦК принять систематические меры к укреплению и развитию режима монополии внешней торговли.

Отношение широчайших масс рабочих к. РКП есть один из лучших критериев правильности политики партии за истекший год. Партия завоевала безраздельную поддержку со стороны всего пролетариата, внушив доверие к работе РКП даже тем более отсталым слоям рабочих, которые в течение пяти лет революции так или иначе чуждались работы коммунистов и с известным скептицизмом относились к Советской власти. Подняты производительность труда и зарплата рабочих, увеличился интерес рабочих к вопросам политического и хозяйственного строительства, значительно укрепился авторитет профсоюзов, сделала значительные завоевания кооперация.

Первые признаки начинающегося хозяйственного возрождения страны налицо. Начинается период уточнения и конкретизации методов хозяйствования при НЭП'е, значение которого усвоено всей партией.

Сельское хозяйство еще долго останется основой хозяйства Советской страны. Твердо памятуя это, рабочий класс, руководимый нашей партией, вместе с тем, направит самые энергичные усилия на поднятие государственной промышленности в городах, прежде всего в тяжелой индустрии, которая одна только может явиться прочным фундаментом действительно социалистического строительства.

Целесообразная постановка экспорта излишков русского хлеба за границу стала первостепенной важности задачей, ибо разрешение ее послужит стимулом крестьянину для увеличения запашек, даст возможность установить более правильное соотношение между ценами на хлеб и ценами на продукты промышленности, равно увеличит возможность обеспечить сельское хозяйство в нужной мере продуктами промышленности, необходимыми для земледелия страны, и, благодаря общему увеличению средств страны, поможет быстрее по-

ставить на ноги тяжелую индустрию; еще более тесная связь города с крестьянством, составляющим громадное большинство населения России, всестороннее обслуживание деревни передовыми рабочими, руководимыми нашей партией, широкая организация шефства и пр., осторожная линия, учитывающая действительную платежеспособность крестьянства при взимании налогов,—вот коренные практические вопросы, стоящие перед партией на ближайший период.

В тесной связи с этим стоит важнейшая политическая задача партии, определяющая весь исход революции: с величайшим вниманием и тщательностью оберегать и развивать союз рабочего класса с крестьянством. Под этим углом зрения партия должна подходить к разрешению всех важнейших очередных проблем, не упуская из вида, что удельный вес госпромышленности во всей экономике страны может увеличиваться лишь постепенно и лишь при неуклонной и систематической работе партии над улучшением организации промышленности, повышением ее прибыльности, и т. д.

XII съезд подтверждает к неуклонному исполнению резолюции предыдущих съездов о необходимости точного разделения труда между партийными и советскими организациями, о лучшей специализации хозяйственных и административных работников в каждой отрасли работы, о строгом соблюдении принципа личной ответственности за порученное дело. XII съезд подтверждает решение XI съезда о том, что „парторганизации сами разрешают хозяйственные вопросы лишь в тех случаях и в той части, когда эти вопросы действительно требуют принципиального решения партии“. Но съезд предостерегает против слишком расширительного истолкования упомянутых решений, могущего создать политические опасности для партии. В переживаемый период РКП руководит и должна руководить всей политической и культурной работой органов государственной власти, направляет и должна направлять деятельность всех хозяйственных органов республики. Задача партии не только в том, чтобы правильно распределить своих работников по отдельным отраслям государственной работы, но и в том, чтобы во всем существенном определять и проверять самый ход этой работы. Партия ни в коем случае не может теперь ограничиваться только общей пропагандой и агитацией. Диктатура рабочего класса не может быть обеспечена иначе, как в форме диктатуры его передового авангарда, т.-е. компартии. Систематически привлекая к хозяйственной и общегосударственной работе все, что есть ценного среди беспартийных рабочих и крестьян, партия, вместе с тем, не может ни на минуту забыть, что главная ответственность за работу хозяйственных и общегосударственных органов лежит на РКП, ибо она одна исторически призвана быть действительным проводником диктатуры рабочего класса. Еще ближе к хозяйству, еще больше внимания, руководства, сил хозорганам,—таков лозунг партии на ближайший период.

По мере усиления хозяйственной работы партии все большее значение постепенно должно завоевывать плановое начало. Съезд на-

поминает, что основной плановой хозработой на ряд лет остается утвержденный Советской властью план электрификации России, который должен остаться краеугольным камнем всех хозяйственных усилий республики.

В связи с необходимейшей смычкой с крестьянством стоит задача правильной политики в национальном вопросе. Крупнейшей опасностью для партии было бы недостаточно внимательное отношение к интересам трудящихся масс громадного количества ранее угнетенных национальностей на территории СССР. Партия обязана вести решительную борьбу прежде и раньше всего с остатками великорусского шовинизма. Только решительной борьбой с великорусским шовинизмом можно обеспечить прочность союза и обеспечить влияние партии среди трудящихся масс других стран.

Задача радикальной переделки и систематического улучшения всего госаппарата впервые теперь, после полного окончания гражданской войны, может быть поставлена партией на очередь, как первостепенная задача, которая будет выполнена лишь в течение ряда лет и лишь при величайшей осторожности и продуманности предпринимаемых мер реорганизации. Задача создания дешевого и действительно нового, действительно социалистического аппарата есть важнейшая задача ближайших лет. Только успешное разрешение ее обеспечивает неразрывный союз рабочих и крестьян.

С другой стороны, и сама партия постепенно перестраивается, самоочищается, перегруппировывает ряды, проверяет опытом принятые решения и заново формулирует ряд основных своих задач применительно ко всей переходной эпохе НЭП'а.

В частности партии приходится иметь в виду, что ее хозяйственное крыло (часть хозяйственников), имеющее громадное значение для судеб революции, уже по условиям своей работы ныне подвергается известной опасности воздействия со стороны буржуазных элементов НЭП'а. Партия выдвигает в число хозяйственников лучших своих людей. Но она вынуждена при этом иметь в виду не только строгую партийность, партстаж и т. п., но и хозяйственную практичность и деловитость. Оба эти критерия не всегда легко объединяются в одном лице. Приходится поступаться то тем, то другим из них. В виду этого, подбор кадра хозяйственников становится крупнейшим и труднейшим делом. Уменьшающееся кое-где число рабочих-коммунистов в хозорганах есть явление, опасное для партии, и ЦК должен принять ряд мер против этой опасности. Съезд полностью подтверждает постановление августовской 1922 г. Всероссийской партконференции, направленное к сокращению материального неравенства в партии (запрещение участия в прибылях, обязательные вычеты из высоких жалований в пользу партийных фондов взаимопомощи и т. д.), таящего в себе в условиях НЭП'а особенно большие опасности.

Съезд констатирует, что ЦК партии ни на одну минуту не закрывал глаза на существующие опасности перерождения отдельных клеточек партии, именно это позволяло ему во-время принимать надлежащие меры.

Реорганизованные РКИ и ЦКК могут и должны стать главным рычагом партии для разрешения указанных задач.

Одобряя план радикальной реорганизации РКИ и ЦКК, съезд убежден, что надлежащее улучшение центральных аппаратов госконтроля и партконтроля, при необходимой организационной связи между ними и систематическом сочетании их усилий, даст возможность достигнуть обеих целей: 1) приступить к решительному улучшению госаппарата и 2) обезопасить партию от искривления линии и фактического отрыва отдельных групп работников от партии в целом.

Съезд с удовлетворением отмечает улучшение Оргаппарта ЦК и всей организационной работы партийного центра вообще и поручает новому ЦК поднять на большую высоту дело Учраспреда, которому надлежит теперь сыграть в порядке правильного распределения сил особо большую роль для обеспечения за партией действительного руководства во всех без исключения областях управления. Съезд отмечает также улучшение партработы в таких областях, как партийная печать, работа среди РКСМ, работа среди работниц и крестьянок, учебная работа (совпартшколы, коммуниверситеты, рабфаки и Вузы) по подготовке пролетарской интеллигенции.

Съезд поручает ЦК уделить особое внимание двум задачам: а) систематическому улучшению социального состава партии в том смысле, чтобы добиться абсолютного численного преобладания промышленных рабочих в партии, и б) усилению во много раз работы по поднятию культурного уровня рядовых членов партии путем более интенсивной партийно-воспитательной работы и т. п.

XII съезд не может закрыть глаза на то, что обстановка НЭП'а создает почву для уклонов, опасность которых должна быть предусмотрена партией, и которым партия должна с самого же начала дать решительный идейный отпор. Особенно опасными и губительными для исторической миссии нашей партии являются те уклоны, которые противопоставляют советское государство рабочему классу и партию советскому государству.

Противопоставление советского государства, опирающегося на союз рабочих и крестьян, интересам рабочего класса и диктатуре партии является ныне главнейшим агитационным орудием всех врагов нашей партии и принимает в их руках явно контр-революционный характер. Но этот же ход мыслей принимает и другие формы,—формы доброжелательной „критики“ политики нашей партии „слева“ или „справа“ в виде попыток увеличить „независимость“ советских и хозяйственных органов от партии),—иногда не встречающие достаточно решительного отпора в рядах нашей партии, особенно среди ее молодых и недостаточно партийно-воспитанных элементов. Между тем, этот круг идей в своем развитии представляет не что иное, как ревизию (пересмотр) испытанной 5-летней тактики партии и ведет неизбежно к ликвидаторским выводам.

Поэтому XII съезд особо подчеркивает необходимость и в дальнейшем строго придерживаться тактики, ведущей к укреплению до-

верия крестьянства к пролетариату и, с другой стороны, обеспечивающей за партией фактическое руководство всем советским, и в частности хозяйственным аппаратом советской республики.

XII съезд выражает твердую уверенность, что ЦК РКП решительно отметет все попытки внести какие-либо колебания в наши ряды в этих существеннейших для диктатуры пролетариата вопросах.

XII съезд в частности возобновляет поручение, данное ЦК на XI съезде в связи с бывшей группой „Рабочая оппозиция", и распространяет его на всякого другого, кто будет колебать единство партии в настоящий решающий период революции. Съезд убежден в том, что констатированная среди самых широких слоев членов партии железная воля к единству обеспечит партии на ближайшие годы еще более прочные сплоченность и спайку, нежели это было до сих пор.

Съезд поручает ЦК не упускать из вида опасность возможных новых попыток интервенции со стороны наиболее непримиримых элементов империалистического лагеря. Чем более осложняется для буржуазии международное политическое положение (рурские события и т. п.), чем больше растет международная буржуазная реакция (фашизм), тем больше шансов на то, что в определенный момент будет сделана новая попытка военного нажима на СССР. Съезд считает, что партия в целом должна попрежнему уделять всемерное внимание материальным и культурным нуждам Красной армии и Красных флотов".

Харитонов. Всякие конкретные предложения по организационному вопросу, которые могут быть у отдельных делегатов и делегаций, должны быть внесены в ту секцию по организационному вопросу, организовать которую я предлагаю от имени этих делегаций, поручив это президиуму съезда. От имени следующих делегаций, список которых я сейчас оглашу, мы предлагаем резолюцию утвердить полностью. Резолюция вносится от следующих делегаций: Московской, Петроградской, Украинской, Уральской, Сибирской, Закавказской, Юго-Восточной, от делегаций губерний Поволжья, бюро делегаций промышленных центральных губерний и от товарищей от Киррреспублики.

Председательствующий. Есть какие-нибудь другие предложения? Если нет, мы будем голосовать резолюцию за основу, а затем будем голосовать поправки, если таковые найдутся. Кто за то, чтобы резолюцию взять на основу? Кто против? Нет. Принято единогласно. Есть ли поправки? Слово имеет тов. Полуян Ян.

Ян Полуян. У меня две поправки. Первая поправка—это к предпоследнему абзацу на четвертой странице. Я предлагаю выбросить слова „нежели это было до сих пор". Тогда пункт будет гласить следующее: „Съезд убежден в том, что констатированная среди самых широких слоев членов партии железная воля к единству обеспечит партии на ближайшие годы еще более прочные сплоченность и спайку".

Харитонов. Мы не возражаем.

Ян Полуян. Дальше на стр. 3, по вопросу о материальном положении членов партии. Мне кажется, что этот пункт недостаточно

хорошо формулирован. Я предлагаю следующую формулировку: „Съезд полностью подтверждает постановление августовской Всероссийской партконференции об урегулировании материального положения членов партии". На этой конференции мы констатировали относительное материальное неравенство членов партии, мы его узаконили тем, что выделили командную часть нашей партии и поставили вопрос об улучшении материального положения этого командного состава. Это—часть партии, притом довольно солидная. Нельзя в это же время говорить „о сокращении материального неравенства". Получается явная несогласованность. Что же касается „больших жалований", то это вопрос практически осуществляется. Я полагаю, что не надо предлагать новых решений, а надо проводить старые. И в этом отношении надо только подтвердить решение нашей августовской партийной конференции 1922 года.

Харитонов. Против этой поправки я категорически возражаю. Во-первых, тут нет речи о том, чтобы уничтожить неравенство. Мы констатировали на августовской конференции, что неравенство неизбежно, но партия обязана принять меры, чтобы это неравенство не достигло невероятных размеров, и было вынесено решение партийной конференции. Дело съезда подтвердить это постановление. Вот почему я против этой поправки.

Председательствующий. Первая поправка тов. Полуяна принята и не требует голосования. Вторую поправку голосую. Кто за нее? Кто против? Поправка отклоняется.

Слово имеет тов. Лисовский.

Лисовский. Я предлагаю следующую поправку. В конце второй страницы, третья строка снизу, где говорится: „партия обязана вести решительную борьбу", я предлагаю добавить и „с шовинизмом господствующих национальностей в отношении к своим национальным меньшинствам в автономных и независимых республиках". Если по национальному вопросу будет отдельная резолюция, то тогда не зачем было вставлять и прочитанное в эту резолюцию. Если не об этом говорится, то нужно отметить и эту вторую часть. Совершенно очевидно, что нам нужно на этом съезде заострить внимание на великорусском шовинизме. Совершенно ясно, что нужно сделать величайшее ударение именно на великорусском шовинизме. Эта цель достигается тем, что дважды о нем говорится. Но резолюция—это программа на ближайший год работы, и на другой день после съезда практическим работникам на местах придется исходить из нее, и это даст почву одним товарищам и выбьет почву из-под ногу других, которые, с одной стороны, борясь с великорусским шовинизмом, хотят оградить национальные меньшинства от подавления господствующих национальностей в независимых и автономных республиках, а это—вопрос актуальный и для Украины, и для Кавказа особенно. Я считаю необходимым, чтобы это было в резолюции отмечено.

Председательствующий. Слово имеет тов. Бухарин.

Бухарин. Товарищи, вниманию съезда предложены подробные

тезисы по национальному вопросу. В этих тезисах дана математически точная формулировка, и учтен тот элемент, о котором говорил тов. Лисовский. В такой резолюции по докладу ЦК, которая должна носить абсолютно ударный характер, где от партии требуется максимальная энергия, эта ударность и эта энергия и должны быть соответствующим образом выражены. Я думаю, громадное большинство съезда отлично понимает, какая огромная опасность грозит нам,—именно великорусский шовинизм. Несоизмеримой величиной является шовинизм среди других наций, и потому нужно ударить здесь. Поэтому нельзя вносить того смягчающего элемента, который вполне уместен и необходим в подробных тезисах, которые будут защищены тов. Сталиным.

Председательствующий. Кто поддерживает поправку тов. Лисовского? Поправка отпадает.

Разрешите проголосовать резолюцию в целом. Кто за эту резолюцию, прошу поднять карточки. Кто против? Нет таковых. Кто воздержался? Нет таковых. Принято единогласно. (Члены съезда все встают и поют Интернационал).

Тт., нам необходимо принять еще резолюцию по заслушанному докладу ревизионной комиссии. Слово имеет тов. Харитонов.

Харитонов. Тт., резолюция коротенькая:

„Доклад утвердить, а конкретные предложения передать в организационную комиссию".

Председательствующий. Нет возражений? Нет. Напоминаю: утверждение доклада ревизионной комиссии есть также утверждение баланса, представленного ревизионной комиссией.

Теперь следующее предложение. Съезд должен принять постановление, чтобы организационные проекты, касающиеся организации центральных учреждений партии, а равно практические предложения о реорганизации ЦКК в связи с предложением Ленина, были переданы на рассмотрение в организационную секцию, организовать которую поручается Президиуму. Завтра мы вам предложим тех товарищей, которые явятся руководителями этой секции. Возражений нет.

Теперь товарищи, я прошу выслушать следующее заявление тов. Бубнова:

В Президиум XII Партийного съезда.

Многие из присутствующих на съезде товарищей, наверное, помнят, что под платформой группы демократического централизма к X Партсъезду была и моя подпись. И так как тов. Зиновьев в заключительном слове, говоря об этой платформе, обращался, как мне показалось, ко всей бывшей группе демократического централизма, то я считаю необходимым заявить перед съездом следующее:

Я не заявлял о своей непричастности (во всех отношениях) к анонимной платформе, потому что был глубоко уверен, да и сейчас в этом уверен не менее, что никто, не только из партийных людей, меня знающих, не мог бы, хоть в какой-нибудь степени, связать мое имя с явно антипартийной и при этом анонимной платформой.

Для меня единство партии—это не пустой звук. Я дал этому за последние годы не один раз и не одно доказательство своим поведением не на словах, а на деле. И само собой разумеется, что тем более в настоящее время для меня всякая оппозиция представляется делом вредным, а всякие попытки организованной оппозиции делом безусловно антипартийным, т.-е. преступным.

А. Бубнов.

Прошу товарищи, заслушать еще два заявления: заявление тов. Махарадзе и заявление тов. Орджоникидзе.

В Президиум XII съезда РКП.

Заявление делегата XII съезда Ф. Махарадзе.

Тов. Орджоникидзе, оглашая документы, свидетельствующие, по его мнению, о националистической политике Центрального Комитета Компартии Грузии, предлагал мне опровергнуть их.

Не имея возможности за исчерпанием списка записавшихся ораторов сделать это устно, прошу Президиум огласить на съезде мое настоящее заявление и приобщить его к протоколам съезда.

1) Относительно закрытия границ для беженцев.—Неправда, что границы были закрыты для голодающих Поволжья. Наоборот, Грузия, сама в то время голодающая, широко открыла свои двери нескольким тысячам голодающих Поволжья, помимо значительных пожертвований, посланных из Грузии в ЦК Помгола, о чем имеются официальные отчеты.

Границы были закрыты для беженцев греков и армян, направлявшихся через Батум в Константинополь, в виду категорического предложения Наркоминдела РСФСР не пропускать их в Константинополь, вследствие чего в Батуме скопилось до 12 тысяч беженцев, разместившихся по улицам и площадям за абсолютным отсутствием помещений для их размещения, что создавало серьезную угрозу распространения эпидемических заболеваний. Дальнейший приток волны беженцев с Северного Кавказа грозил превратить Батум с его укрепленным районом в очаг заразы, которая могла захлестнуть расположенные там части Красной армии, на что было обращено начальником Батумского укрепленного района тов. Ремезовым внимание находившейся там в то время Полномочной Комиссии ЦК РКП, во главе с тов. Серебряковым, по распоряжению которой и была разослана та телеграмма о закрытии границ для этих беженцев, которая в политических целях была оглашена на партсъезде тов. Орджоникидзе.

Эти факты могут подтвердить, если понадобится, тт. Серебряков и Менжинский.

2) О кордонах.—Проект о кордонах был составлен НКВД Грузии Гегечкори, который является единомышленником т. Орджоникидзе; ЦК же Грузии, против которого пытается использовать Орджоникидзе этот документ, ознакомившись с его содержанием, немедленно, не дожидаясь чьих-либо указаний, аннулировал его, благодаря чему проект

Гегечкори не был утвержден. Все приведенные факты отлично известны и самому Орджоникидзе; тем не менее, в групповых целях на протяжении шести месяцев, на каждом партийном собрании эти документы демонстрируют в целях дискредитирования старых партийцев в глазах партийной массы, что несколько раз вынуждало нас просить его о передаче этих материалов в особую комиссию для выяснения обстоятельства их возникновения, но, к сожалению, просьба наша им до сего времени не удовлетворена.

Ф. Махарадзе.

Москва, 19 апреля 1923 года.

В Президиум XII съезда РКП.

По поводу заявления тов. Махарадзе считаю нужным заявить следующее:

1. Границы Грузии, согласно распоряжению Предцика тов. Махарадзе и Зампредсовнаркома тов. Окуджава, были закрыты абсолютно для всех беженцев, в том числе, конечно, и для голодающих из Поволжья и Северного Кавказа. Смешно говорить о том, что армяне из Советской России и Советского Закавказья бегут через Батум к туркам в Константинополь. Полагаю, всем известно, что как-раз происходит обратное: армяне бегут из Константинополя от турок к нам, спасая себя от резни в Турции.

2. Декрет о кордонах составлен на основании распоряжения тов. Махарадзе и Окуджава и принят на пленарном заседании Совнаркома Грузии от 29 сентября 1922 года под председательством тов. Кавтарадзе.

3. Комиссия для выяснения происхождения декрета была создана по заявлению тов. Махарадзе и Цинцадзе, но результаты работы этой комиссии никогда никому они не докладывали. На последнем съезде Компартии Грузии (в марте 1923 г.) бывший предсовнаркома Грузии тов. Кавтарадзе заявил, что он не возражал в Совнаркоме против принятого постановления о кордонах.

С. Орджоникидзе.

19 апреля 1923 года.

P. S. Указанное постановление не получило силы закона, повторяю, только благодаря категорическому запрету секретаря Закрайкома тов. Орахелашвили.

С. Орджоникидзе.

Председательствующий. Товарищи, к этим двум заявлениям, которые все-таки хотя и длинны, но читабельны, поступило заявление, которое превышает эти в два раза,— тов. Цинцадзе. Большинство Президиума постановило его здесь не оглашать, а приложить к протоколу, но, конечно, все товарищи получат возможность при обсуждении национального вопроса все, что им кажется недоговоренным, договорить.

Затем Президиум предлагает съезду запретить всем издательствам выпускать протоколы XII съезда, прежде чем редакционная комиссия не издаст их.

Возражений нет? Принимается. Объявляю заседание закрытым.

Заседание седьмое.

(20 апреля 1923 года, дневное).

Рудзутак (председательствующий). Объявляю заседание открытым. Следующий пункт порядка дня: отчет ЦКК. Слово для доклада имеет тов. Шкирятов.

Шкирятов. Т.т., чтобы подвести итоги за год работы ЦКК, нам пришлось подвести итоги деятельности как самой ЦКК, так и губернских КК. Мы должны суммировать работу Центральной комиссии и губернских в одно целое, чтобы показать руководителям наших партийных организаций, какие есть болезни в наших организациях, чтобы они смогли, приехав на места, принять соответствующие меры не только карательного, но и другого характера.

Подводить итоги этой работы было чрезвычайно трудно потому, что на местах аппарата не было.

Перехожу к работе Центральной контрольной комиссии. Пару слов о чистке. Нам, кроме основной работы ЦКК, пришлось еще закончить оставшийся материал по чистке партии. Некоторые товарищи не проходили чистки по уважительным причинам. Кроме того, был ряд товарищей, которые запоздали с обжалованием. Таких вопросов разрешалось всего 844 по губернским КК и 177 в самой ЦКК. Цифры этих не прошедших окончательно чистки партии как-будто большие. Мы восстановили из 1019 только 470. Эта цифра кажется большой. Надо сказать, что это были те товарищи, которые исключались в момент чистки по ошибке. Я хочу еще сказать, что как только мы приступили к работе, нас начали бомбардировать чуть ли не все исключенные из партии. Для того, чтобы избежать этого напора, нами совместно с ЦК нашей партии был издан циркуляр, что исключения во время проверки никто не может пересматривать: ни губернский комитет, ни губернская контрольная комиссия, ни даже ЦКК, иначе все исключенные подали бы апелляцию. Если будут какие-нибудь ошибки, их можно исправить в процессе общей работы, как возможно также и восстановление стажа для отдельных товарищей.

Перехожу к основной работе ЦКК. Наша работа носила характер чисто-апелляционный. Все те дела, которые поступали к нам, мы

направляли в губернские контрольные комиссии, ибо на месте яснее картина поведения данного товарища, какие на него поступили жалобы и т. д. Кроме того, на месте вообще виднее, что из себя представляет данный член партии, так как резолюция XI съезда требует при исключении за проступки вообще принимать во внимание, насколько данный товарищ достоин быть в рядах нашей партии. Всего апелляций было рассмотрено в ЦКК 1413.

Из этого количества 975 апелляционных, рассмотренных на местах, и 177, которые непосредственно поступали и разбирались в самой ЦКК. Я хочу остановиться на тех 177 вопросах, которые разбирались самой ЦКК. Я разобью их на две части. Первая часть—вопросы мелкие. В последнее время ЦК было принято постановление, что проверка партстажа принадлежит только ЦКК. Эта часть не носит характера разбора дел, а происходит механически, но все же носит характер исследования со всех сторон, а другая часть—это, во-первых, дела миссий, находящихся за границей; мы непосредственно эти дела разбирали; и, во-вторых, ряд вопросов, которые губернские контрольные комиссии сами непосредственно не разрешали, а передавали их на разрешение ЦКК, в виду того, что эти вопросы, которые они передавали, принимали иногда на местах обостренные формы, которые могли отразиться на общей партийной работе, если бы их разрешали сами губернские КК; поэтому они и передавались ЦКК. Теперь пару слов хочу сказать о миссиях, о вопросах, в которых нам приходилось разбираться. Здесь, товарищи, я должен указать, что ЦКК в этом отношении приняты соответствующие меры, поставлены кордоны, чтобы не попадали в работу миссий негодные лица. При ЦК в настоящее время функционирует около полугода комиссия, так-называемое „Бюро заграничных ячеек", через которую проходит всякий едущий за границу товарищ. Есть ряд миссий, о которых нельзя сказать, чтобы работники в них были подобраны один к одному. Но есть и такие, которые отличаются хорошим подбором работников. Это—заслуга Центрального Комитета.

Как же, товарищи, мы ведем свою работу? Чтобы исключить товарища, нужно не только найти то или другое его преступление с этической точки зрения, но нужно знать также, при каких обстоятельствах и при какой обстановке совершилось это дело. Контрольной комиссии иначе нельзя подходить к вопросу об исключении из партии. Мы так и делали. Мы в аппарате Центральной контрольной комиссии имеем следовательскую часть. Товарищем Ногиным в отчете Ревизионной комиссии указано, что в числе следователей есть молодые товарищи. У нас в последнее время было всего семь следователей, раньше их было пять. Из них только один имеет партстаж с 1920 года. Остальные старше. Но и его мы взяли только для опыта,—посмотреть, как он поведет свою работу.

В чем заключается работа следовательского аппарата? Как только поступает дело, мы передаем его следователю для того, чтобы собрать все положительные и отрицательные материалы, характеризующие

данного товарища. А на самое заседание контрольной комиссии мы всегда приглашали обвиняемого товарища, выслушивали его объяснения, приглашали на это же заседание всех тех товарищей, на которых ссылался обвиняемый, а также и тех свидетелей, которые характеризовали его.

При рассмотрении апелляции мы применяли другой способ. В особенности это касается второго полугодия нашей работы. Мы разбили губернии по следователям. У каждого следователя подбираются материалы для того, чтобы знать характер работы самой губернской контрольной комиссии.

Несмотря на большую или меньшую полноту данных, мы приглашали в контрольную комиссию исключенных, чтобы в присутствии их разобрать их дело. Для чего? Для того, чтобы не ошибиться в вопросе об исключении. Зачастую у товарищей, исключенных губернской контрольной комиссией, не бывает фактического материала, за что исключила их губернская контрольная комиссия. Но в присутствии члена губернской контрольной комиссии картина почти всегда становилась ясной: как та обстановка, в которой работал данный товарищ, так и его моральный облик. Кроме того, мы согласовывали свою работу с органами, близко соприкасающимися по характеру деятельности с контрольной комиссией: это—судебные органы и органы ГПУ. Зачастую члены партии судятся в судебных органах и попадают в ГПУ. Для этого у нас установлен контакт с Верхтрибом. Он нас извещает о том товарище, который попал под суд. Мы знакомимся с этим материалом, так как зачастую бывали случаи, что товарищ попадал на скамью подсудимых из-за личных счетов. Мы, ознакомившись с судебным материалом, видели, что посадили товарища на скамью подсудимых не в интересах нашей партии, что за ним нет такого материала, который позволил бы с точки зрения партийной предать его суду. Это потому, что если даже находящийся под судом будет оправдан, то независимо от этого на него ляжет пятно, которое, если он даже и хороший товарищ, не даст ему возможности работать в дальнейшем так интенсивно, как бы его могла использовать наша партия. С этими вопросами мы иногда входили в ЦК, с тем, чтобы он обратился в соответствующий судебный орган, стоит ли это дело вести в судебном порядке, но при этом мы ничуть не давили на соответствующий судебный орган. Если же факт оставался для нас невыясненным, и обнаружены были соответствующие злоупотребления, мы тогда предоставляли судебным органам карать товарищей в обычном порядке, как и всех замешанных в этом деле.

Также и с ГПУ. Мы поставили дело так: в ГПУ имеется наш следователь, и как только поступает туда дело о коммунисте, он ведет его сам, как следователь контрольной комиссии.

Каковы были наши взаимоотношения с военными организациями? В ПУР'е есть конфликтная комиссия, которой не принадлежит решающее право в делах, касающихся наших военных товарищей. Следователь, который находится в ПУР'е, ведет следствие по делам воен-

ных товарищей и вносит их в конфликтную комиссию, которая выносит то или другое решение по делу данных товарищей, а потом эти дела слушаются в Центральной контрольной комиссии, и там они уже получают свое окончательное решение.

Товарищи, если обратить внимание на цифровые данные ЦКК, указывающие, за что больше всего исключались наши товарищи, то я должен сказать, что таких преступлений довольно много. Кроме тех, которые здесь приведены в цифровых данных и разбиты на рубрики, есть такие дела, которые не поддаются соответствующей квалификации, и которые поэтому отнесены в разряд „разных". Пару слов о „разных". За последнее время некоторые товарищи,—в особенности это относится к работникам хозяйственных и советских органов,—дают свои рекомендации или лично хлопочут об арестованных товарищах в Ревтрибунале или в органах ГПУ. Такие хлопоты наших товарищей приняли эпидемический характер, при чем зачастую не молодые товарищи, а пробывшие годы в нашей партии хлопотали за лиц, которые не только никакого отношения к нашей партии не имеют, но враждебно относятся к Советской власти. Иногда эти товарищи писали таким образом: ручаюсь за такого-то гражданина, что он не убежит, ручаюсь за его честность и т. д. Такое вмешательство товарищей, иногда с большим стажем, давило на судебные и карающие органы. Я уже сказал вам, что это больше всего относится к хозяйственным и советским работникам. Это показывает отрыв этого ядра работников от партийной ответственности. Может-быть, это не их вина, их послала туда работать партия, но, вращаясь в кругу спецов и пр., они с ними иногда сближались, и у них атрофировались партийные чувства, и поэтому они так легко склонны к хлопотам за чуждых нам лиц.

В этом отношении мы принимали весьма строгие меры, иногда, может-быть, с болью в душе, по отношению к таким заслуженным работникам, с которыми я работал вместе в подполье не один год. Приходилось опубликовывать в печати их фамилии и предупреждать, что их придется покарать и поставить вне рядов нашей партии. На сей счет нами было даже опубликовано в печати предупреждение, что все губернские контрольные комиссии за эти проступки членов партии должны более жестоко карать.

Рассмотрим характер других преступлений. Что стоит на первом месте? На первом месте как в Центральной контрольной комиссии (в ее апелляционной части), так и в губернских контрольных комиссиях стоит пьянство. Наибольшее количество исключений из партии падает исключение за пьянство. Нормально ли такое положение, чтобы с пьянством боролись только органы карающие? Я думаю, что подходить с этой меркой только карающей нельзя, потому что если мы будем подходить с этой меркой, можно сделать много ошибок, которые вредно отразятся на нашей партии. Я привел эти факты только для того, чтобы показать вам, что нужно бороться другими мерами с этим злом,—мерами воспитательными, и я проследил за работой контрольных комиссий, за тем, как они подходили к этому злу в нашей

партии. Исключали ли они только за этот факт? Нет, не всегда. Так же действовали и мы. Мы брали только те моменты, когда это преступление вносило в нашу партию элемент разложения, когда пьянство принимало такие размеры, что это уже граничило с разложением нашей партии. Такие случаи указывались в закрытых письмах ЦК. На это же указывал в своей речи и т. Сталин, говоря о банкетах, которые в последнее время как будто сократились в количестве, но все же есть. Нужно положить этому предел. Зло банкетов заключалось, конечно, не в том, что товарищи собирались вместе, а в том, что в них принимали участие лица, не имевшие никакого отношения к нашей партии. Тут было единение со всеми теми лицами, которые далеко еще не сочувствуют нашей Советской власти. Вот какие размеры приняла эта банкетная эпидемия.

С этим нужно бороться. Я думаю, что руководители партийных организаций в борьбе с этим будут пользоваться не только мерами карающими, но и предупреждающими.

Теперь пару слов по поводу других причин исключения. Есть исключения за склоку. Я тут хочу остановиться на том, в чем же заключалась эта склока. За этот год мне пришлось выезжать на места раза три совместно с комиссией ЦК. Надо сказать, что вопрос о склоке часто носил чисто-шкурнический характер, а часто имел своей основой „подсиживание". Значит,—я это могу сказать на основании годичного результата,—склоки не носили никакого идейного характера, а были шкурнического содержания, или это было просто подсиживание. И тут мы карали жестоко.

Товарищи, конечно, были случаи и уголовных преступлений. Но когда я подойду к этому вопросу, то вы увидите, что эти преступления начались всерьез лишь вместе с НЭП'ом. Если мы перейдем к количеству исключенных за преступления уголовного характера, а также и за нарушения партдисциплины и преступления по должности, и разобьем их на группы по характеру работ, то на первом месте оказываются совработники, а за ними идут работники хозяйственники. Это вполне естественно. Хозяйственный работник, с одной стороны, поставлен в лучшие условия; кроме этого, он вращается в той чуждой нам среде, которая живет тем, чем она жила в старое время. И товарищ, работая в этих органах, воспринимает иногда ихние стороны уклада жизни.

Нужно ли в этих случаях прибегать только к исключению? По-моему, если бы партия поступала в дальнейшем так, то это будет плохо. Зачастую в хозяйственных и советских органах сидят не худшие работники нашей партии, а временами и лучшие. И вот их нужно беречь и чаще действовать предупреждающим способом. Наверное, новая Центральная контрольная комиссия, которая будет работать совместно с Рабкрином, с этой меркой и будет подходить к этим работникам. Нужно иногда во-время предупредить товарища, чтобы сохранить его таким образом для партии и не довести его до конца, до исключения. Обстановка, в которой работают товарищи, нелегкая.

Надо заставить спецов работать. Нужно уметь обходиться с ними так, чтобы у них была охота работать, и вот иногда наши товарищи, увлекаясь этой задачей, сближаются со спецами и идут по этому скользкому пути. И тут-то и надо их предупредить. Я думаю, эти меры предупреждения и будет принимать новая контрольная комиссия. Мы, товарищи, в своей работе независимо от узких ее задач (а наши задачи были узкие,—только смотреть за этической стороной дела), мы в своей работе все-таки иногда подходили с предупреждающими мерами. Независимо от узких рамок нашей работы, мы иногда принимали меры к тому, чтобы пересадить того или другого товарища в другое место, и действительно он становился совершенно другим.

Но могла ли наша контрольная комиссия сама вести эту работу? Нет, у нас не было для этого аппарата. Эту работу должны вести партийные органы, партийные комитеты,—это их задачи.

Теперь о наших взаимоотношениях с ЦК. Несмотря на то, что XI съезд нашей партии был настроен ликвидационно к КК, и существование их сохранено лишь маленьким большинством (в протоколах, кажется, указано, что только 89 голосов было против, но это не так), независимо от этого ликвидационного настроения, ЦК нашей партии за год работы моей в ЦКК ни разу не поддавался этому ликвидационному настроению. Со стороны ЦК была полная поддержка в работе ЦКК. ЦКК вела работу совершенно самостоятельно, никакого вмешательства со стороны ЦК не было,—даже более того: разрешение всех более или менее важных вопросов было согласовано с ЦК и не только в области исключения, но также и в области перемещения того или иного товарища, когда ЦКК рекомендовала перебросить товарища с советской работы на хозяйственную и обратно. Работа, которая подлежала ведению и разбору ЦКК, никогда не разбиралась ЦК, а всегда передавалась в ЦКК. Поэтому вполне понятно, что свою задачу ЦК понял больше, чем некоторые губкомы,—напр., Ставропольский губком.

Каковы органы ЦКК? Это не есть органы, стоящие над или под ЦК,—это органы самостоятельные, но работающие совместно с ЦК. Все вопросы склочного характера, а может-быть, и не склочного, должны непременно разрешаться другим органом, чтобы расчистить, таким образом, дорогу ЦК, чтобы ЦК становился авторитетнее, и ЦК в этом отношении свою задачу понял. Теперь я должен перейти к работе губернских КК.

XI съезд отразил ликвидационное настроение мест. Только после долгой и упорной работы КК можно сказать, что теперь стало лучшее отношение к ним товарищей. Часть губкомов стала лучше относиться к этому органу. Какие задачи указал ЦК для исполнения губернскими КК? Главная задача – подбор работников. Вы вспомните, как проходил у вас на местах подбор работников губ. КК. Вспомните XI съезд. Выбирались ли на нем работники центральной КК? Как я попал в ЦКК? Обсуждали ли вы, будучи на XI съезде, мою кандидатуру? Если бы не было московской организации, и она не обсудила бы вопрос о ЦКК,

вероятно, вам на съезде пришлось бы думать, кого выдвинуть. По этой же линии шел подбор работников и в губернских комитетах. Просто собиралось совещание, и говорили: вот Сидорова можно послать, он со стажем и будет отвечать своему назначению. Так подходить нельзя. Если действительно нужны КК, то нужно к ним подходить с бо́льшим вниманием. Этот способ подбора клал соответствующий отпечаток на губ. КК. Это же чувствовали и губ. комитеты при разрешении тех или других вопросов, потому что такие губ. КК делали иногда такие ошибки, что нелегко было и самому Губкомитету потом исправлять их. Вы знаете, что на местах КК имеют авторитет. И вот для того, чтобы отменить то или другое решение, исправить его, Губкому приходилось очень нелегко, а иногда это вредно отражалось и на его общей работе. Вот что было в результате такого подбора работников. Каковы же факты? Я их укажу. Мы три контрольные комиссии распустили. Вот какие меры иногда приходилось нам принимать. Распустили Астраханскую контрольную комиссию, распустили Тамбовскую и Вологодскую. Почему? Потому, что иногда эти контрольные комиссии, имея соответствующий авторитет, пользовались им, принимая участие в тех или иных группировках. Конечно, такая мера, которую в данном случае предприняла ЦКК, суровая, и в дальнейшей практике лучше было бы таких мер не применять. Это зависит и от вас, работников с мест. Вы должны обращать внимание на то, чтобы контрольные комиссии отвечали своему назначению, чтобы там были работники такие, которые могли бы выполнить возложенную на них работу, и чтобы они в то же время так подходили к делу, чтобы не мешать общей работе губкома.

Вы прекрасно понимаете, что при работе контрольных комиссий нельзя написать определенный циркуляр о том, что за такой-то проступок нужно исключить, а за такой-то не нужно. Это очень трудно сделать. Здесь необходим только общереволюционный подход. Если не ошибаюсь, Воронежский губком написал такую инструкцию, но я скажу, что вообще невозможно написать определенную инструкцию. Тут нужен особый подход, а поэтому и работников в контрольную комиссию надо подбирать особо тщательно. И за последнее полугодие в этом направлении можно отметить улучшение. На совещании контрольных комиссий, которое предшествовало этому съезду, приехавшие с мест товарищи—работники контрольных комиссий—совсем уже не те, что были раньше. Здесь встречаются товарищи с уже гораздо большим партийным стажем, и, кроме того, такие, которые иногда по своей работе не уступят работникам губернского масштаба, стоящим на ответственной руководящей партийной работе.

Относительно аппаратов контрольных комиссий нужно сказать, что в них иногда бывает только по одному техническому работнику. Зачастую этот работник совершенно не отвечает своему назначению. Зачастую ему даже не место в комнате контрольной комиссии. Иногда в аппарате контрольной комиссии сидит один товарищ на всю губернию. Как он может, товарищи, вести работу в губернском масштабе?

А вы от него будете требовать, чтобы он объезжал уезды и т. д. Ему нужно разрешать дела,—как же он может куда-либо ехать? А, ведь, как иногда легко ошибиться, исключить того или другого работника просто на-глазок... Оставлять в таком положении губернские КК нельзя. Когда мы будем в комиссии обсуждать этот вопрос, мы будем настаивать на том, чтобы губернским КК дали возможность работать на местах и в уезде. В последнее время получаются доклады с мест, из которых видно, что губернские КК занимались не только вопросами исключения тех или иных членов партии. Члены губернских КК делали отчеты на губернских собраниях и, кроме того, применяли и другие методы воспитательного характера. В этом отношении ЦКК настаивала, чтобы это не принимало характера перемывания костей у отдельных товарищей. Этот вопрос требует очень осторожного подхода. Товарищи с мест иногда делали объезды губерний, выступали на фабриках и заводах, где разрешали эти вопросы. В этой плоскости необходимо, может-быть, в дальнейшем подумать о том, нужно ли рассматривать губернские КК, как органы очищения партии, исключающие тех или иных членов ее, или, кроме того, они должны превратиться в органы воспитательного характера.

Сколько же мы вообще исключили товарищей? Мы собрали сведения только по 63 губерниям, да и то неполные, но и в этих губерниях цифра очень большая: 8.000 слишним исключенных членов партии, из того состава, который мы знаем,—400.000 человек. Товарищи, эта цифра очень большая, к тому же еще неполная, а, наверное, в общем получится не менее 12.000 за год исключенных товарищей.

Товарищи, я хочу закончить следующим. Опыт убедил меня, что необходимо при подборе работников давать им не более года работы в КК, чтобы они сделались спецами в этой работе, потому что, сделавшись такого рода спецом, иногда можно принести вред партии. Поэтому я и говорю: не больше года. То же самое нужно иметь в виду и по отношению самой ЦКК. С другой стороны, имейте в виду то обстоятельство, что эта работа требует необычайного нервного напряжения. Я сам убедился в этом. Если бы я за год своей работы только сидел в ЦКК, я бы давно убежал, но я свою работу разнообразил тем, что не отрывался (я просил, чтобы меня оставили на профессиональной работе) от работы в профессиональном органе. Поэтому я и говорю по отношению к тем работникам, которых вы будете сажать в КК, не доводите их до инвалидности и оторванности от масс.

Это, товарищи, нужно принять во внимание, когда вы будете делать соответствующий подбор ЦКК. Нужна ли ЦКК, об этом я не буду говорить, потому что вопрос этот предрешен, а буду говорить о губернских контрольных комиссиях. Я говорю: познакомьтесь с теми цифрами, которые характеризуют работу губернских контрольных комиссий. Они доказали необходимость своего существования уже тем, что исключали преступников и чуждый элемент, они очищали партию. Нам нужно и в дальнейшем вести эту работу.

На этом заканчиваю. Вы сами сделаете соответствующий вывод,

какие сделаны ошибки в общей работе ЦКК, и нужны ли нам губернские контрольные комиссии.

Председательствующий. Товарищи, в Президиум поступило предложение за подписью группы делегатов о том, чтобы прений по докладу ЦКК не открывать, с тем, чтобы все практические вопросы, которые из этого доклада вытекают, перенести в секцию по организационному вопросу. Угодно ли кому-нибудь высказаться по этому вопросу?

Мышкин. Позвольте мне высказаться, товарищи.

Председательствующий. Слово имеет тов. Мышкин.

Мышкин. Товарищи, вопрос о контрольных комиссиях, правда, т. Шкирятовым сейчас как-будто предрешается, поскольку было постановление съезда, принципиально признавшее необходимость существования контрольных комиссий. Но, товарищи, вопросы, связанные с работой контрольных комиссий и с освещением их деятельности в прошлом, в значительной мере нам говорят о том, какова их деятельность должна быть в будущем, в особенности в вопросе, связанном сейчас с предложением тов. Ленина, как с основным предложением. В этой области, товарищи, имеются некоторые соображения серьезного характера, поскольку этот вопрос сейчас связан с улучшением всего нашего госаппарата. Некоторые товарищи думают, что вопрос о перемене функций КК есть в известной степени ликвидация контрольных комиссий. Поэтому нужно будущие взаимоотношения КК с другими партийными органами обсудить здесь, ибо этот вопрос связан с деятельностью всех наших партийных организаций на местах. Поэтому, товарищи, по такому важному вопросу небольшие прения — часа на два — нужно открыть, чтобы дать высказаться представителям с мест.

Председательствующий. Голосую без дальнейших прений. Кто за то, чтобы прений по докладу тов. Шкирятова не открывать? Прошу поднять руки. Прошу опустить. Кто против? Меньше. Слово для предложения по докладу Центральной Контрольной Комиссии имеет тов. Косиор Станислав.

Косиор. Президиум предлагает по докладу ЦКК принять коротенькую резолюцию: „Заслушав доклад ЦКК, съезд признает ее работу правильной и доклад удовлетворительным“.

Шкирятов. Я бы просил дополнить эту резолюцию следующим: „Учитывая важность работы ЦКК в будущем, принимая во внимание углубление и расширение ее функций, совещание признает необходимым более тщательный подбор членов как губернских КК, так и ЦКК“. (Голоса с мест: „В секции обсудить“).

Председательствующий. Разрешите поставить на голосование прежде всего предложение тов. Косиора, а затем проголосовать дополнение т. Шкирятова, хотя сдается нам, что вопрос, возбужденный Шкирятовым, прежде подлежит обсуждению секции о порядке комплектования в Контрольной Комиссии.

Шкирятов. Ну, ладно, я снимаю.

Председательствующий, Кто за предложение, оглашенное Косиором? Против нег? Воздержавшихся нет? Принято единогласно.

Следующий пункт порядка дня—доклад Коминтерна. На 5 минут объявляю перерыв.

* * *

Рудзутак (председательствующий). Заседание продолжается. Слово для доклада имеет тов. Бухарин. (Аплодисменты).

Бухарин. Товарищи! Коммунистический Интернационал за короткое время своего существования стал крупнейшим политическим фактором. Теперь более, чем когда-либо, можно сказать, что за ним идет все, что есть революционного в международном движении пролетариата. Поскольку наша эпоха есть эпоха глубочайшей социальной катастрофы и полного преобразования общественных отношений, Коммунистический Интернационал является силой, которая выводит человечество на новую дорогу, вне которой гибель и разрушение. Коммунистический Интернационал является и боевой международной организацией пролетариата, и величайшей школой, в которой пролетариат учится „переделывать свою собственную природу" (Маркс), готовить себя к успешному выполнению своей исторической задачи. Здесь пролетариат из распыленной или одураченной своими врагами массы понемногу превращается в „класс для себя", выделяя руководящий слой, который ведет миллионы против их поработителей.

Размах борьбы невиданный: кроме европейского и американского пролетариата,—класса, являющегося единственно последовательным носителем коммунистического переворота,—в бой втягиваются сотни миллионов колониальных и полуколониальных рабов. Отсюда бесконечное разнообразие условий борьбы, разница ступеней этой борьбы, а следовательно, и разница конкретных целей и задач. И, тем не менее, несмотря на все эти различия, можно говорить об едином пульсе общественной жизни и революционной борьбы. Только тот, кто поймет эти явления в их взаимной связи, в их взаимной обусловленности, будет в состоянии дать себе отчет в объективном положении вещей. И только тот, кто сможет уяснить себе это положение, будет в состоянии правильно определить тактическую линию.

Таким образом, чтобы нащупать пульс мировой революции, необходимо затронуть комплекс вопросов, относящихся не только к движению континентального пролетариата, т.-е. пролетариата материка Европы и Америки, но, кроме того, ряд вопросов касающихся национального революционного и коммунистического движения в восточных странах, в колониях, а также дать при этом достаточно конкретный материал. Само собой разумеется, что, подходя к обозрению того положения, в котором сейчас находятся международное движение рабочего класса и революционное движение в колониях, необходимо волей-неволей исходить из анализа экономической конъюнктуры, которая складывается сейчас во всем масштабе того, что несколько лет назад с полным правом называлось мировым хозяйством. Предварительно следует обратить внимание на то, что, как вы увидите из последующего изложения, все развитие идет с замечатель-

ной, если можно так выразиться, эстетической закругленностью, согласно марксистским формулам. Вы увидите, что из теперешней экономической конъюнктуры с неизбежностью вытекает общая международная конъюнктура в смысле соотношения между различными государствами. С другой стороны, вы увидите, что из этой экономической конъюнкуры и растущей на ее базе международной государственной конъюнктуры в рамках всего мира с неизбежностью вытекает характеристика того этапа рабочего движения, которое мы сейчас наблюдаем, что опять-таки с такой же логической необходимостью предопределяет ту генеральную тактическую линию, которую Исполком Коминтерна и наше представительство в Коминтерне защищают в текущий период времени.

Если мы поставим общий вопрос относительно состояния капиталистической системы, то теперешний период можно определить, как период распада этой системы. Перед нами не восходящая кривая развития, а нисходящая. Внутри этих рамок упадка могут быть периоды оживления и особо резкого кризиса, но нет ничего, что напоминало бы времена прежнего капиталистического полнокровия. Капитализм изживает себя: он перестал уже быть прогрессивной оболочкой развития, он превратился в его оковы. Это выразилось прежде всего в мировой войне, которая означала „начало конца, взрыв противоречий", из которых капитал выпутаться не может, и которые тянут его ко дну.

Всем известен факт, что империалистская война привела прежде всего к громадному разрушению производительных сил. Этот основной факт можно иллюстрировать следующими цифрами. За промежуток времени от 1913 по 1919 г., мировая выплавка чугуна сократилась на 34,4 процента, производство хлопка—на 30,2%, производство пшеницы—на 38,5%. Этот основной факт сокращения производства в результате империалистской войны, однако, является только некоторой частичкой разрушительного действия войны, ибо даже то, что производилось, шло, как известно, в громадной своей части на непроизводительные цели.

Таким образом, мы имеем крайне расшатанным и суженным производственный базис того, что раньше называлось мировым хозяйством. Но, кроме этого, мы имеем величайшие изменения организационной структуры мирового хозяйства: во-первых, разрыв международных связей; полная балканизация Европы, т.-е. разрыв крупных политических комплексов на целый ряд мелких, что связано с новыми границами, связано с увеличением количества разнообразных валют, связано с громадным увеличением непроизводительных расходов, потому что всякое маленькое государствичко, как Латвия, Эстония и др., должно содержать свою армию, иметь пограничные таможни и т. д., и т. д. В результате этого в общем и целом в раскладке на всю Европу мы получим огромный непроизводительный расход сил и средств. Одновременно с этим необходимо отметить выпадение из мирового товарооборота больших областей. Стоит упомянуть хоть об одной России и отчасти также о некоторых областях Центральной Европы. В конце-кон-

цов, центр международной экономической жизни лежит уже не в Европе, а в Америке, в первую очередь в Соединенных Штатах, и отчасти в Японии. Вот общая линия развития или, вернее сказать, общая линия упадка капиталистической системы,—линия, которую можно назвать общим выражением глубочайшего кризиса всей этой системы. Определение теперешней эпохи, как эпохи упадка капитализма, таким образом, вытекает не из того, что мы этого желаем, а оно вытекает целиком из объективного анализа положения.

Внутри этого громадного цикла упадка мы имеем, однако, как мы уже упоминали, различные моменты, в которых этот развал капиталистических отношений шел неравномерно, с временными иногда подъемами и неравномерно распределяясь по различным частям территории нашей планеты. В общем и целом ход развития в послевоенное время можно разбить на несколько периодов и дать каждому периоду соответствующую характеристику. Общий ход кризиса капиталистической системы идет таким, примерно, образом.

1919—1920 гг.—первый период страшного обострения политического положения, общий кризис капиталистической системы, который прорывается в первую очередь по линии политических восстаний рабочего класса и громадных выступлений рабочих. Мы имеем захват фабрик в Италии, восстания в Германии и колоссальные английские стачки. Общее положение в рабочем движении можно характеризовать следующими цифрами, иллюстрирующими необычайно мощный подъем стачечной борьбы.

За этот период во время стачек было потеряно дней или бастовало рабочих (по странам):

Англия (потеряно дней).

1916	2.599.000
1919	34.483.000
1920	48.690.000

Франция (бастовало).

1915	9.000
1919	652.000
1920	2.493.000

Германия (потеряно дней).

1915		42.000
1919	34.512.000 экон. 12.934.000 пол.	47.446.000
1920		43.518.000

Япония (бастовало).

1914—1918 гг. в средн.	29 500
1919	62.000

Таким образом, мы имеем перед собой совершенно исключительную волну стачек, принимающих политический характер и явно угрожающих капиталистическому господству. Вместе с тем, мы наблюдаем за этот период и другие, еще более высокие по типу методы непосредственной борьбы.

Примерно в конце этого периода мы имеем ряд поражений рабочего класса, ряд колоссальнейших кровопусканий во время восстаний и выступлений в первую очередь в Германии и Центральной Европе, отчасти также в Италии и поражение крупнейших стачек в Англии. Таким образом, мы имеем некоторый выход для капиталистического строя, который преодолел первый громадный политический кризис.

Создалась, таким образом, предпосылка для второго периода, который датируется 20—21 гг. Но за этот период, который шел на почве подавления политического кризиса,—за этот период общекапиталистический кризис прорвался с другого конца, по линии чисто-экономической. И эту эпоху—20—21 гг.—можно назвать эпохой необычайно резкого и небывалого потрясения капиталистических отношений, гигантского мирового кризиса экономического характера. Кризис начался в Японии, перешел в Америку, оттуда перекинулся в Англию, Францию. Кризис начался и захватил в первую очередь страны с относительным капиталистическим полнокровием, которые лишились после войны и в результате заключения мира рынков сбыта военной продукции. И с крайнего Востока кризис перекинулся на все мировое хозяйство и произвел величайшие опустошения в сфере экономической жизни.

С одной стороны, эти годы были годами резкого экономического кризиса, но в то же время это были годы подытоживания для капиталистического класса политических поражений пролетариата. И из этой комбинации вытекла своеобразная социально-политическая конъюнктура. Капитал, пользуясь кризисом, с одной стороны, и величайшим подрывом сил рабочего класса—с другой, начал мобилизовать свои силы и наступать на рабочие массы. И этот год есть год величайшего наступления капитала на рабочий класс во всех решительно странах.

Для иллюстрации хода кризиса приведем максимумы и минимумы производства чугуна по разным странам (в тысячах метрических тонн):

	Соед. Штаты.	Англия.
	октябрь 1920 года.	март 1920 года.
Максимум	3.362	701
	июль 1921 года.	июль 1921 года.
Минимум	879	1 (стачка углекопов).
	Франция	Бельгия.
	октябрь 1920 года.	декабрь 1920 года.
Максимум	371	127
	сентябрь 1921 года.	сентябрь 1921 года.
Минимум	244	40

Следующий год, 1921—22, уже представляет собою другую картину. В развитии экономической конъюнктуры он может быть охарактеризован, с одной стороны, как начало промышленного оживления в некоторых странах, правда, очень медленного,—следовательно, начало некоторого выхода из того резкого экономического кризиса, который мы имели; с другой стороны, он характеризуется возрастающим давлением и возрастающим нажимом капитала на рабочий класс. 1922—23 гг. в общем и целом идут под знаком промышленного оживления в ряде стран.

Это оживление, а равно и ход его иллюстрируются нижеприведенными данными:

Соединенные Штаты.

	Индекс цен.	В тысячах тонн.		
		Уголь.	Чугун.	Сталь.
Средн. мес. 1922 г.	204	46.361	3.035	3.407
Минимум	115 (май 21 г.)	15.780 (апр. 22 г.)	865 (июль 21 г.)	918 (июль 21 г.)
Максимум	149 (нояб. 22 г.)	46.450 (дек. 22 г.)	3.230 (янв. 23 г.)	3.303 (нояб. 22 г.)

Англия.

		Средняя недельн. в тысяч. метр. тонн.		
Средн. мес. 1913 г.		5.620	869	659
Минимум		3.804 (июль 21 г.)	1 (июль 21 г.)	2 (июль 21 г.)
Максимум		5.365 (янв. 23 г.)	567.9 (янв. 23 г.)	707 (янв. 21 г.)

Франция.

		В тысячах метрич. тонн.		
Средн. мес. 1913 г.	100	3.400	434	396
Минимум	314 (апр. 22 г.)	2.100 (май 21 г.)	244 (сент. 21 г.)	223 (июль 21 г.)
Максимум	387	2.800 (окт. 22 г.)	514 (нояб 22 г.)	430 (окт. 22 г.)

Причинами выхода из этого кризиса и причинами начала оживления в некоторых странах являются две основных причины: во-первых, экспроприация части зарплаты рабочего класса; то обстоятельство, что капитализм выскочил из острых социальных противоречий, что ему удалось разбить рабочий класс в предыдущие годы, что ему путем наступления капитала оказалось возможным скопить, так-сказать, известную часть ценностей добавочным выжиманием соков из

рабочего класса, обращая эту выручку на репарацию, на восстановление капиталистического производственного аппарата.

Для иллюстрации берем пример С. Штатов. Соответствующие числа таковы:

Движение реальной заработной платы.

Июнь 21 г.	140,0	Октябрь 21 г.	124,5
Июль	133 6	Ноябрь	124,3
Август	128,0	Декабрь	129,8
Сентябрь	127,7		

Во-вторых, другой причиной, быть-может, не менее важной, явилось то обстоятельство, что целый ряд стран, в особенности стран с высокой валютой и с более дорогим производством, предпринял особые мероприятия, чтобы найти себе соответствующие рынки и чтобы отгородиться от конкуренции стран потерпевших, с дешевой себестоимостью производства, в первую очередь от Германии. Мировое хозяйство не восстановилось, но каждая из крупных империалистических держав-победительниц нашла себе до известной степени отдушину, нашла себе рынок. Например, С.-А. Соед. Штаты перестали выступать на внешнем рынке с такой интенсивностью, как раньше. Там ввели новый таможенный тариф против Европы, и в первую очередь против Германии. Отгородились высокими таможенными ставками. замкнувшись на своем американском материке, найдя себе добавочный дополнительный сбыт, с одной стороны, на внутреннем рынке, с другой—в Южной Америке. Англия нашла себе другую линию рынков; в первую очередь она снова связалась со своими колониями, со своими доминионами. Одно время эта связь в значительной мере перешла-было к Америке. Теперь вновь восстановилась связь с Англией. Затем она нашла себе рынок и в части Европы. Франция и Бельгия в первую очередь связались со своими вассалами на европейском рынке. Таким образом, общее международное мировое хозяйство не восстановилось, но каждая из империалистических группировок нашла себе соответствующий рынок сбыта и приложения капитала. Таким образом, картина в мировом масштабе может быть характеризована таким образом.

Высокая конъюнктура, промышленное оживление в Америке, стоящей особняком, работающей сейчас, если можно так выразиться, как автаркическая самостоятельная единица, у которой есть все производство—пшеница, сталь, уголь и т. д., у которой есть добавочное количество рынков в Южной Америке, которая представляет из себя свой мир в рамках прежнего мирового хозяйства,—там сейчас высокая конъюнктура, которая вряд ли, впрочем, продержится до 1924 г., но сейчас все признаки указывают на нее (в некоторых отраслях производства дело обстоит лучше, чем до войны).

Затем незначительное улучшение в грабительских странах европейских держав в группе: Англия, Франция и Бельгия.

Затем в Центральной Европе дезорганизация хозяйства Германии, Австрии, Польши, Венгрии и т. д. Здесь все идет книзу, и мы наблюдаем полную дезорганизацию хозяйства. И, наконец, мы имеем остатки кризиса еще 21 года, который не прошел в Японии и в такой большой стране, как Индия.

Вот та картина экономической конъюнктуры, которую мы имеем сейчас в рамках мирового хозяйства.

Необходимо сказать еще несколько добавочных слов насчет положения дел в Центральной Европе. Последняя экономическая сводка газеты „Франкфуртер Цейтунг" за 23 год характеризует положение дела в Германии следующим образом [1]). Финансовое положение: „Возможности финансового оздоровления отодвинуты дальше, чем когда бы то ни было" [2]). Социально-экономическое положение: „Растущая несправедливость, обнищание и социальные перегруппировки небывалой остроты" [3]). Перемена в области производственного аппарата: сводка отмечает громадный рост непроизводительного труда аппарата и развитие бешеной спекуляции. На крупнейших биржах число посетителей удвоилось. Соответствующие исследования так характеризуют положение в области производства: „Die Speculation blüht, die Industrie leidet", т.-е. „спекуляция процветает, производство страдает, производство болеет". Если мы посмотрим на рост цен в связи, с одной стороны, с положением дела в производстве, с другой стороны, с положением дела в области финансов и эмиссий, то вот несколько иллюстраций, чтобы показать, что Германия очень быстро догоняет на этом пути нас. Общий индекс цен на 98 товаров в середине 14 года, если примем этот индекс за 100, в январе 1923 г. поднимается до 205.417, а в феврале, т.-е. через месяц, 1923 г.—715.881. Следовательно, за последний только месяц вы имеете увеличение с 205.000 до 715 000.

Известный английский экономист Кейнс, имя которого вы все отлично знаете, потому что он неоднократно цитировался Владимиром Ильичем на наших партийных съездах, в своей последней работе о „Пересмотре мирного договора" [4]), которую он написал еще до последнего катастрофического падения марки, так характеризует положение: „Если нынешнее обесценение марки будет продолжаться, и уровень цен приспособится к нему, то вытекающее отсюда перераспределение богатств между различными классами общества превратится в социальную катастрофу".

Всякий теперь знает, что уровень цен в Германии не только приспособился к уровню падения марки, но рост цен в значительной степени даже обгоняет это падение марки. Таким образом, совершенно

---

[1]) I. Heft der Wirtschaftskurve von „Frankfurter Zeitung" für 1923.

[2]) Стр. 6.

[3]) Там же.

[4]) Дж. Кейнс: „Пересмотр мирного договора". Гос. изд., 1923 г.

ясно, что Центральная Европа находится в состоянии глубокой дезорганизации, которая представляется выражением общих последствий войны и дальнейшего грабительского похода на Германию. Центральная Европа идет сейчас книзу.

Теперь необходимо остановиться на последнем отдельчике этого отдела о международной экономике. Здесь необходимо выделить особо 1923 год. У нас уже есть сводки за первые месяцы 1923 г. И вот если мы выделим особо 1923 год и выключим из нашего рассмотрения Соединенные Штаты, где действительно еще имеется до сих пор высокая конъюнктура, то мы увидим, насколько мало то промышленное оживление, которое существует, и какие громадные затруднения стоят перед капиталистической системой в ее желании, антропоморфически выражаясь, выкарабкаться из того ужасного положения, в котором она находится.

За первые месяцы 1923 года мы имеем падение производства во Франции, несмотря на то, что несколько раньше шел подъем. Мы имеем дальнейшее падение производства в Германии и имеем падение производства в Италии, Польше, Венгрии, на Балканах. Мы имеем небольшое увеличение производства только в Англии и Чехо-Словакии,—оно связано с тем обстоятельством, что в результате рурского конфликта английский и чехо-словацкий уголь приобрел себе добавочный рынок из-за выключения того угля, который производился ранее в Рурском бассейне.

Еще одна серия последних цифр, которая является последним штрихом в анализе международного экономического положения. Это процент безработных.

В **Англии** процент безработных по отношению ко всем застрахованным рабочим за декабрь прошлого года—12; в январе 23 г.—12,4; затем—12,2; затем—12,7, в последний же месяц некоторое падение: 11,8. Но в общем и целом примерно тот же самый уровень.

Теперь дальше, в **Голандии** правильное увеличение роста безработицы по тем же месяцам: 9%; 9,4%; 10,9%; 14%; 17,7%.

Дания: 11,3%; 13,2%; 20,3%; 21,5%,—правильное увеличение роста безработицы.

Швеция: 15%; 17,1%; 20,7%; 19%,—правильное увеличение роста безработицы.

Норвегия: 11,3%; 11,8%; 13,8%,—тоже правильное увеличение роста безработицы.

Германия за это же время: 1,4%; 2% и 2,8%; 4,4%; 5,7%,—непрерывное увеличение безработицы.

Теперь необходимо привести те абсолютные цифры, которые у нас имеются за те же месяцы:

Швейцария: в тысячах зачетыре месяца 1923 года 48, 51, 53, 56,—непрерывное увеличение безработицы.

Франция: цифры только за последние два месяца: 3 и 12.

Италия: 321, 354, 382 тысячи безработных за последние 3

месяца [1]). Эти цифры говорят лучше всего другого. Мы имеем правильное увеличение количества безработных, которое совершенно естественно является следствием всей экономической жизни, и которое достаточно характеризует теперешнее положение вообще.

Переходя к общей характеристике теперешнего положения, можно сказать, что в нескольких странах есть все же промышленное оживление.

Но этот „подъем“ непрочен. Единственная страна, где действительно есть настоящий промышленный подъем, и, где можно и ныне говорить о высокой конъюнктуре,—это Соединенные Штаты Америки. Но именно в силу изоляции Соединенных Штатов Америки вряд ли можно думать, что эта высокая промышленная конъюнктура может держаться долго. Следовательно, мы имеем высокую промышленную конъюнктуру в Америке, совершенно мизерное, а за последние месяцы сильно подорванное оживление в грабительской группе европейских держав, дезорганизацию Центральной Европы, продолжающийся кризис в Японии и Индии,—вот та экономическая конъюнктура, которую мы сейчас имеем.

Если подвести общий генеральный баланс всего того, что происходит сейчас в области международной экономики, и если поставить общий вопрос относительно объективных задач эпохи и о том, разрешены ли, хотя бы в малейшей степени, объективные ее задачи, мы со спокойной совестью можем дать на это отрицательный ответ. Та задача, которая была объективно поставлена капиталистическим миром, и которую он пытался разрешить методом империализма,—задача организации мирового хозяйства,—она ни в малой степени не разрешена, и можно сказать, что мировое хозяйство ни в какой мере не восстановлено на прежнем базисе.

Мы имеем ряд самостоятельных, отрезанных каналов, из которых каждый находится под хозяйственной гегемонией какой-нибудь крупной грабительской империалистской державы. Но смычки между этими каналами мирового хозяйства, даже в том виде, в каком она была до войны, в сущности говоря, мы сейчас не имеем. Война не только не привела к тому, чтобы можно было говорить об организации мирового хозяйства,—наоборот, она привела к распаду этого мирового хозяйства со всеми вытекающими отсюда последствиями как для экономики, так и для политики, так и для борьбы рабочего класса.

Из вышеприведенного экономического анализа вытекает, как дважды два—четыре, то, что каждая попытка капиталистических держав вести какую-нибудь общую политику заранее обречена на крах, потому что общность политики не может висеть в безвоздушном простран-

[1]) Цифры взяты из последней немецкой сводки тов. Варги (первая четверть 23 года).

стве. Она должна базироваться на известной консолидации экономической сферы. И так как этой последней консолидации не было, то совершенно естественно, что и этой общей политики не получилось. Совершенно естественно также, что даже в области регулирования крупных частных вопросов современной экономической и политической жизни эти попытки были обречены на крах. Это нашло свое выражение в бесчисленном количестве всевозможных неудачных международных конференций. Мир сейчас не только не успокоился, но он находится в состоянии глубочайшего брожения, и если рассматривать межгосударственные отношения, мы имеем бесконечное количество различных конфликтов и различных столкновений.

Попробуем сделать некоторую сводку этих конфликтов и рубрицировать их.

Прежде всего конфликты крупных империалистов между собою. Мы имеем в настоящее время следующие конфликты:

Между Францией и Англией—из-за репарационного вопроса, из-за вопроса о военных долгах, из-за вопроса о вооружении, из-за вопроса об интересах и защите этих интересов на Ближнем Востоке.

Между Англией и Соед. Штатами—из-за вопроса о военных долгах, из-за вопроса о политике на Ближнем Востоке, из-за вопроса об английских колониях.

Конфликты между Соед. Штатами и Японией—из-за иммиграции японских рабочих в Америку, из-за вооружений, из-за Китая, из-за влияния на Сибирь и на РСФСР вообще, из-за конкуренции на островах Тихого океана.

Конфликт между Соед. Штатами и Францией—главный конфликт из-за политики по отношению к Германии.

Это—рубрика конфликтов империалистических держав между собою. Затем имеются конфликты между империалистами, как таковыми, и объектами эксплоатации, империалистическими колониями. Соед. Штаты и Мексика спорят из-за нефти и из-за нефтяных мексиканских источников. Затем имеется конфликт между Японией и Китаем; между Англией и Турцией из-за вопроса об условиях мира, из-за балканского вопроса вообще и из-за вопроса о моссульской нефти; между Англией и Ирландией, где идет гражданская война, то в более слабой, то в более сильной форме.

Затем конфликты, которые можно назвать конфликтами между побежденными и победителями, между империалистами настоящими и бывшими. Прежде всего столкновение между Францией и Германией из-за вопросов: версальского договора, репарации и рурского угля.

Затем конфликты между мелкими хищниками, между государственными образованиями, которые представляют из себя продукт распада и балканизации Европы. Здесь, примерно, такие конфликты: между Польшей и Чехо-Словакией—из-за вопроса о границах и вопросов торговой конкуренции, между Румынией и Венгрией.

Наконец, еще одна рубрика конфликтов—это конфликты между всеми капиталистическими державами, с одной стороны, и между Советской Россией—с другой, при чем эти конфликты принимают многообразную форму. Но этот вопрос известен очень хорошо,—больше, чем какой-либо другой вопрос.

Из этого конфликтного состояния вытекает с совершенной неизбежностью рост милитаризма в совершенно специфической форме. Борьба между империалистскими государствами, конкуренция и конфликты во всех странах, колоссальное количество горючего материала, национальные войны, колониальные восстания, социально-классовые конфликты и пр., и пр. вынуждают капиталистов прибегать к вооружению и к необычайному изощрению техники вооружения.

Если мы возьмем цифры бюджетов и цифры ассигновок на вооружения за последний год, то мы увидим относительное уменьшение затрат на вооружение:

Годы:	1921	1922
а) Франция	23,4%	—22,2%
б) Англия	19,7%	—15,2%
в) Япония	41,3%	+48,3%
г) Соед. Штаты	52,4%	—30,2%
д) Польша	За 1923 (по плану) почти 50% бюджета.	
е) Румыния	12,1%	+20,71%

Но если эти цифры попадут кому-нибудь на глаза, то он не должен делать из этого вывода, что капиталистические государства стали более миролюбивыми.

Факт уменьшения процентного отношения трат на милитаризм ко всему государственному бюджету объясняется следующими тремя обстоятельствами: во-первых, колоссальными затратами в предыдущем году; например, в Соединенных Штатах громадной судостроительной программой, которая предназначалась как-раз на 21 г., где больше половины всего колоссального бюджета Соединенных Штатов—52,4%— было потрачено на милитаристские цели. С другой стороны, это объясняется тем, что с началом промышленного подъема бюджет вообще оздоровился, увеличился,—следовательно, соответственный коэффициент трат должен быть уменьшен, как коэффициент непроизводительных расходов; и, наконец, с третьей стороны,—и это самое важное,—то, что сейчас необычно прогрессирует сама военная техника, происходит невероятный технический прогресс в этой области. Позвольте привести несколько иллюстраций, которые, я думаю, для каждого из нас будут небезынтересны.

В области авиации можно зарегистрировать расширение сферы военного применения самолета как в сторону разнообразия и специализации аэропланов, так и в сторону увеличения количества типов и затем в сторону увеличения сил моторов. Так, в 1913 г. рекордный мотор имел 100 лошадиных сил, а теперь соответствующие цифры: 1000—2400—3200 лошадиных сил, т.-е. увеличение от 10 до 32 раз.

Затем нужно отметить особые аэропланные пушки и самолеты, которые имеют возможность поднимать более 5000 килограммов бомб, т.-е., на наш расчет, 312 с половиной пудов. Затем аэропланы без пилотов, т.-е. самоуправляемые; они управляются по радио из любого кабинета; они летают без человека. Сюда же относятся телебомбы. Это одно из новейших завоеваний в военной технике. Такие самолеты изготовляются во Франции, где они называются „вуазен“ [1]); что значит „сосед“. Летает этакий „сосед“ и сбрасывает на тебя 312 пудов бомб!

Если перейти к обыкновенной артиллерии, то тут главное изобретение—это так-называемая сверхдальняя стрельба, т.-е. пушки, которые могут стрелять на расстоянии 150 верст. Какие преследуют цели, создавая эти пушки? Цели этих пушек объясняются таким образом и совершенно хладнокровно: „эти пушки служат для разрушения столиц, промышленных центров и жизненных центров противника вообще“, т.-е. задачи, которые ставит себе военная техника,—это не взять какую-нибудь деревню, а подорвать жизненный центр противника, разрушить парочку-другую столиц, городов; и мы можем думать, что с божьей помощью будет изобретена пушка, при помощи которой можно будет утопить в море континент.

Теперь относительно усовершенствования скорости стрельбы. Изобретены автоматические пистолеты, которые могут выбрасывать 1500 пуль в минуту,—так-наз. пистолет Томсона. В Америке самолеты берут сейчас с собою 35 автоматических пистолетов Томсона и выпускают около 35.000 пуль в минуту, т.-е. устраивают настоящую свинцовую поливку.

Затем последнее изобретение в этой области—это прогресс в применении газов. В Америке изобретен новый газ, про который сказано в одном американском журнале, что „от действия этого газа поражаются дыхательные пути, кожа покрывается нарывами, и появляется обильное слезотечение. В течение 2-х дней можно громадную область сделать непроходимой для войск, и так как маски не помогают, надо иметь соответствующую одежду“.

Последнее достижение военной техники—это „бактериологические“ бомбы, которые подготовляются в весьма гуманном учреждении, институте Пастера во Франции. Мы имеем еще удовольствие получить бомбу, которая будет распространять разные холерные, тифозные и т. п. бациллы.

После того, как прочтешь такую сводку, у каждого коммуниста, естественно, возникает мощный порыв к беспощадной борьбе с этими истребителями человечества, иначе, совершенно ясно, мы будем иметь не только такое положение, когда наша республика, Советская Республика, будет подвержена ударам, но когда наше ближайшее поколение принуждено будет, одичав, обросши волосами, пахать землю в какой-нибудь Южной Африке. Это вытекает из сказанного совершен-

---

[1]) По имени инженера-изобретателя.

но ясно, и это случится, если рабочий класс не добьет капиталистической системы в ближайшие десятилетия.

Вот та общая экономическая конъюнктура и вытекающая из нее политическая конъюнктура — конфликты, имеющиеся между отдельными странами, и подготовка к грядущим благам американской и общеевропейской „цивилизации", которые стоят у нашего порога, и против которых мы должны вести ожесточенную и священную войну.

Теперь мы переходим к общему анализу революционного движения в широком смысле этого слова; мы начнем этот анализ не с обычно принятой манеры; мы начнем этот анализ с востока. В последней статье Владимира Ильича выставлено одно из положений, которое обращает наше усиленное внимание на восточную часть земного шара.

Это совершенно справедливо, мы чрезвычайно мало знаем об этом самом востоке, а, тем не менее, при настоящей сложной международной обстановке не обращать внимания на эту часть света было бы в высшей степени легкомысленно, чтобы не сказать: преступно. Необходимо, в конце-концов, обратить внимание на эту часть света еще и потому, что специально это должно иметь интерес и для нашей партии; те разногласия, которые теперь у нас имеются, или оттенки мнений по национальному вопросу, в частности грузинскому вопросу, получают совершенно иное освещение, если мы все знаем или будем знать, какое значение решение этого вопроса может иметь для всего того огромного населения, которое сейчас приходит в движение в восточной части нашего полушария.

Тов. Ленин в частных разговорах определял нашу международную ситуацию, примерно, таким образом: Советская Россия и географически, и политически лежит между двумя гигантскими мирами: еще сильным, к сожалению, капиталистическим империалистским миром Запада и колоссальным количеством населения Востока, которое сейчас находится в процессе возрастающего революционного брожения. И Советская республика балансирует между этими двумя огромными силами, которые в значительной степени уравновешивают друг-друга. Из этого своеобразного положения Советской Республики, несмотря на ее маленькие силы, вытекает то обстоятельство, что она твердо стоит на ногах. И это совершенно правильное определение общего международного положения в таких гигантских разрезах и громадных обхватах, на которые был способен только Владимир Ильич. Именно Советская Республика стоит на гребне этого громаднейшего противоречия между многомиллионными массами Востока и империалистами, в первую очередь западными державами.

Обратите ваше внимание на удельный вес этого восточного народонаселения. Его удельный вес можно выразить несколькими цифрами, которые прямо кричат о значении этой огромной махины. Из всего населения земного шара в 1.700 милл. на один Китай приходится 441 милл., на Индию—около 320 милл., т.-е. всего около 800 милл. на

$1\frac{1}{2}$ миллиарда, тогда как на собственно Англию приходится 46 милл. Вот эту пропорцию нам всегда нужно иметь в виду для того, чтобы не делать крупнейших политических ошибок и с достаточной внимательностью относиться к проблемам, которые имеют непосредственное отношение к такому колоссальному количеству живого человеческого материала. Если мы возьмем общую характеристику положения дел на Востоке, мы увидим, что весь Восток, равно как и другие колонии, самым решительным образом втягивается в орбиту общей революционной борьбы.

Возьмем по странам.

Япония сейчас переживает, примерно, канун 1905 года, как мы это определяем. Там громадное брожение среди рабочих, крестьянства, отчасти арендаторов.

В Индии мы имеем непрерывное национальное революционное крестьянское брожение.

В Китае мы имеем непрерывную гражданскую войну. Мы на этом будем останавливаться еще тогда, когда будем специально говорить о Китае, но совершенно ясно, что это есть симптом революционизирования положения, потому что гражданская война, какая бы она там ни была, есть показатель громадной неустойчивости во всем социально-экономическом организме страны.

Затем мы имеем такой фактор, как Турция, которая, при всех преследованиях коммунистов, играет революционную роль, потому что является инструментом, разрушительным по отношению ко всей империалистской системе в ее целом.

Дальше можно указать на целый ряд колоний: Голландская Индия, африканские колонии Франции и Англии и т. д.

Следовательно, мы можем здесь с абсолютной точностью сказать, что весь восточный мир находится в полосе глубочайшего революционного брожения.

При этом совершенно особое значение имеет то обстоятельство, что здесь, посредственно или непосредственно, основной базой и глубочайшим источником является аграрное крестьянское движение. Это аграрное крестьянское движение переплетается частью с рабочим движением, особенно в тех странах, где рабочий класс поднялся на более высокую ступень своего развития, частью с движением буржуазным, направленным против западно-европейского или американского империализма. Переплеты, узоры и типы блокировок, которые там получаются, очень разнообразны. Но самым мощным революционным пластом по своему количеству, по своему колоссальному удельному социальному весу является крестьянство, которое в подавляющем большинстве в тех странах, в том числе в Китае, в Индии, является материалом революционизирующимся, который неизбежно будет в возрастающей степени выступать на арену революционной борьбы.

Таким образом, западно-европейский пролетариат и русский пролетариат имеют в этих восточных колониях гигантскую резервную революционную пехоту, которую

надо втягивать в бой, которая только теперь начинает втягиваться в этот бой. Если Коминтерн, если наша русская партия не усвоят себе, не зарубят себе на носу, что они должны сделать решительно все, дабы эта пехота вводилась в бой под нашим руководством, мы сделаем политическую ошибку мирового значения

Переходим к некоторым иллюстрациям. Возьмем Индию. Основная трудность, которая возникает там, заключается в том обстоятельстве, что Индия и не дозрела, и перезрела. Рабочий класс у нее уже сильно возрос. Буржуазия хочет бороться с англичанами. В то же самое время сильно возросший рабочий класс и крестьянство вступают в бой. Отпугивают буржуазию. Поэтому создание общего единого блока, направленного против англичан, в особенности за последнее время,—создание блока, который включал бы в себя все антианглийские группировки, необычайно трудно, а с целым рядом группировок совершенно невозможно. Но из этого вовсе не следует, что не может быть никаких объединений; такие объединения могут быть. Сейчас мы увидим, как они должны выглядеть.

Прежде всего необходимо сказать несколько слов о конкретном характере движения. 1921 год был в Индии годом наибольшего подъема движения в деревне и в городах. В 1921 году происходит восстание мусульманских крестьян „мопля“ Чтобы представить себе его размеры, позвольте привести несколько цифр. За 9 мес. 1921 года в стычках с англичанами были убиты и казнены англичанами 2.000 чел., зарегистрированных английскими властями раненых в этих боях насчитывалось 1.800 чел., арестованных более 6.000 чел., сдалось с оружием в руках после поражения 38.000 чел. Это только в одном округе Индии. Происходили правильные сражения, при чем крестьяне ковали мечи, выделывали доморощенное оружие, таскали ружья и выступали, как правильно организованная сила, как настоящие бойцы.

В 1921 же году, когда происходило движение мусульманских крестьян мопля, в городах шла колоссальная волна стачек, в том числе и вооруженных стачек,—стачек с вооруженным отпором. Так же бешено проводилось и бойкотистское движение. Там был сперва „четверной“, а потом так-называемый „тройной“ бойкот: бойкот английского суда, бойкот английского платья и бойкот английских товаров. Этот тройной бойкот проводился в 1921 году с бешеной энергией. В 1922 году мы имеем несколько крупнейших крестьянских движений: так-называемое движение „акалисикхов“ в Пенджабе, движение „айка“ в центральной Индии и восстание в Чаури-Чура. Первые три движения носят чисто-аграрный характер. По требованиям, которые они выставляют, вы ясно видите аграрную подкладку. Там были требования по поводу налогов, по поводу голодной арендной платы, против помещиков и т. д., и т. д. Совершенно специфические требования крестьян, платящих голодную арендную плату. Это восстание было усмирено англичанами кровавым путем. В настоящую минуту остаются движение в Пенджабе и остатки восстаний на северной границе Индии, где англичане прибегают к бросанию бомб с аэропла-

нов и к довольно значительному количеству казней. Национально-революционный блок, мы не можем, к сожалению, пускаться в подробности,—в общем распадается, но есть радикальное крыло буржуазной интеллигенции, так-называемая группа Даса, паназиатского характера, заигрывающая с крестьянами и рабочими, настроенная антианглийски, у которой возможен, таким образом, блок в борьбе против английского империализма. Что касается коммунистического движения, то там есть три городских группы, и замечательно то, что марксистская программа,—первая программа, которая появилась там недавно, совсем недавно, и была распространена в Индии,—нашла колоссальнейший отклик во всей стране. Все буржуазные фракции, вся буржуазная печать, индийская печать перепечатывают эту программу тов. Роя почти целиком.

Такой нервно повышенный интерес даже со стороны противников показывает, что у нас есть почва. Это—создание рабочих групп в городах, блокировка с крестьянами, усиленная работа среди крестьян и блокировка с частью националистической буржуазии, которая там есть, и которая может бороться. Старый антианглийский блок распался, это верно, но новый антианглийский блок может быть и будет создан. Вот каково положение в Индии.

Теперь о положении в Китае. По поводу Китая у нас был целый ряд споров, в частности не считалось установленным, каков характер социально-экономической структуры Китая. Это—страна с огромным количеством народонаселения, более 400 миллионов, как мы уже упоминали. Колоссальное количество населения состоит из крестьян, парцелярных крестьян, ведущих карликовое хозяйство, но нельзя сказать, чтобы там не было и более высоких социальных слоев, напоминающих помещиков. Так, в каждой из провинций имеется небольшое количество крупных землевладельцев, имеющих в своем распоряжении более 10 тыс. му (му равняется приблизительно одной восьмой десятины). Затем имеется ряд капиталистических товариществ, которые имеют землю. Имеется около 20 или 30 тыс. средних землевладельцев, мелких помещиков, обладающих, примерно, 1.000-му земли. И затем целая градация арендаторов, которые, в свою очередь, передают в аренду землю и прочее, вплоть до колоссального разливного моря крестьянской бедноты. Что касается рабочего класса, то там имеется 2.000.000 крупного индустриального пролетариата, три миллиона мелкого кустарного пролетариата и ремесленников и около 300 тыс. рабочих, объединенных в профессиональные союзы. Главная масса крестьянства страдает от малоземелья, налогов, голодной аренды и прочее. Гражданская война, которая сейчас там идет,—эта гражданская война есть война между губернаторами, из которых один находится под влиянием одной империалистической группы, а другой—под влиянием другой группы. Они ведут войну друг с другом, как могло быть у нас, когда был, скажем, генерал Краснов, который ориентировался на немцев, а с другой стороны,

был Колчак, который ориентировался на англичан, и они друг с другом грызлись на территории России, при чем опирались на несколько разные слои нашей буржуазии. Вот примерно, как можно было бы иллюстрировать современную гражданскую войну, которая происходит в Китае, за одним лишь исключением, поскольку туда вклиниваются еще небольшие войска Сун-Ят-Сена, которого некоторые наши товарищи считают таким же дзюн-дзюном, т. е. таким же губернатором, как и других генералов. А, по нашему убеждению, это совершенно иное социальное образование, с которым мы должны быть в блоке, и которое мы должны поддерживать. Некоторые товарищи считают у нас, что там вообще все группировки, которые ведут войну, висят в воздухе и ни на какой класс не опираются. Этого никогда в истории не было и быть не может. То же самое и тут этого не происходит, и тут этого быть не может. Партия, на которую опирается Сун-Ят-Сен, в своем последнем проекте, в своем программно-подобном документе, между прочим, требует уравнения крестьян с помещиками. Она в своих рядах имеет не только городскую мелкую буржуазию и часть торговой буржуазии и интеллигенции, но она опирается и на некоторую часть крестьян и на часть рабочих, которые не оторвались еще от общенациональной пуповины. При таком положении вещей, когда там есть помещики, есть монастыри, когда страшно страдают от налогов крестьяне, когда сейчас в Китае основным источником государственных доходов являются соляная монополия и таможенные налоги, которые находятся в руках иностранцев, в первую очередь английского капитала, когда поднимается разговор о том, чтобы все финансы Китая перешли в руки иностранцев,—священная задача коммунистов заключается в первую очередь в том, чтобы натравить мужика, с одной стороны, на своих мандаринов, помещиков, администраторов, откупщиков налогов и пр., с другой стороны, вести бешеную антиимпериалистическую пропаганду против иностранного капитала. При таком положении вещей в стране, мелкобуржуазный характер которой в десять раз превышает мелкобуржуазный характер России, было бы бессмысленно рвать с партией гоминдан, во главе которой стоит Сун-Ят-Сен. Наоборот, обязанность коммунистов—создание общереволюционного блока, который в первую очередь пошел бы по линии борьбы за национальное освобождение Китая, при укреплении, конечно, социальной позиции рабочего класса. Насколько рабочий класс сейчас вырос, и почему коммунисты обязаны ввести также и рабочий класс в борьбу против империализма и от этой задачи не отказываться,—совершенно понятно: Китай сам представляет из себя такую революционную почву, которую коммунисты в первую очередь должны использовать в борьбе против иностранного капитала. Этого мы не должны забывать.

Чем же, каким путем коммунисты имеют возможность повести китайские рабочие массы на линию огня, что следует из таких вещей?

Стачечное движение в Китае сейчас чрезвычайно возросло. Характерным признаком стачек является их комбинированный

характер, т.-е. стачки, которые идут сейчас, не являются только экономическими, они сопровождаются почти всегда политическими требованиями и в значительной степени требованиями, направленными против англичан. Позвольте сделать некоторые перечисления. За 1922 год должны быть отмечены такие стачки: стачка гонконгских моряков—сперва бастовало 23.000, потом 200.000. Стачка направлена против англичан, потому что пароходные компании находятся под руководством англичан. Июньская стачка текстильщиков в Шанхае—5.000 человек, там же стачка почтовых служащих; в июне снова текстильная стачка в Шанхае. В июле забастовка металлистов в Ханькоу, в октябре стачка текстильщиков и табачников—5.000 чел., стачка горнорабочих в Ханькоу. В августе волна забастовок по всем железным дорогам—более 35.000 стачечников; затем 40.000 стачечников в каменноугольных копях; стачка эта была подавлена, подчеркиваем это, вооруженной силой англичан. Далее в декабре текстильная стачка в Ханькоу, подавленная вооруженной силой англичан, там же стачка табачников. Громадная стачка на Пекинско-Ханькоуской железной дороге с убийствами, расстрелами вождей рабочего движения, с террором и прочее.

Вот состояние рабочего движения. Значит, есть складывающаяся самостоятельная сила, которую коммунисты обязаны использовать, и которую они могут бросить на линию антианглийского огня.

Влияние небольшой коммунистической группы возрастает; фактически мы там держим рабочее движение в своих руках. 1 мая 1922 года был первый всекитайский съезд профсоюзов, где мы вели борьбу на два фронта: против анархического уклона и за самостоятельную коммунистическую линию.

Мы руководили этим съездом и одержали полную победу.

Итак, вот положение в Китае: создание национального фронта борьбы против англичан, объединение между национальными и революционными элементами мелкой буржуазии и крестьянства, а в первую очередь блокирование их по линии антианглийского и антиимпериалистического огня и т. д. Вот задачи коммунистов. Резервы огромны, значение колоссальное.

Мы должны остановиться еще на двух восточных странах: на одной известной и на другой весьма экзотической.

Во-первых, Япония. Япония есть единственная азиатская империалистская держава. Эта Япония переживает сейчас действительно канун 1905 г., который может обратиться и в 1917 год. Там сейчас большое политическое движение, идущее по линии борьбы за всеобщее избирательное право и демократию против феодального, почти самодержавного правительства микадо. Таким образом, имеется некоторая блокировка сил. Коммунисты, со своей стороны, эту блокировку сил в данной стадии борьбы поддерживают и считают необходимым поддерживать. Но нашей главной задачей сейчас является, однако, создание блока между рабочим классом и крестьянством. В Японии уже появился фашизм, который, кстати сказать,

возглавляется одним из профессоров токийского университета, бывшим переводчиком Маркса. Явление это нужно запомнить. Оно повторяется в различных видах и наблюдается во многих странах. Борьба за крестьянство—сейчас одна из центральных задач всякой правительственной партии, партий не-правительственных и революционных. Наша партия борется тоже за влияние на крестьян. Здесь мы имеем большие шансы. Система голодной аренды там процветает. В начале текущего года был всеяпонский съезд арендаторов, на котором принята резолюция, что все арендаторы, т. е. мелкие крестьяне, должны итти нога в ногу с городским рабочим классом. Эта резолюция была принята в большой степени под влиянием коммунистов. Агитаторами в деревнях являются в значительной степени городские рабочие. Кроме того, там в профсоюзах есть еще два крыла: одно реформистское с верхушкой, которая была подвержена влиянию даже „зубатовской" организации, субсидировавшейся японским правительством, а с другой стороны, анархо-синдикалистское крыло. Но анархо-синдикалисты там мягки, как воск, и эта группа быстро поддается коммунистической обработке, так что мы имеем большой успех в профессиональном движении. И в январе текущего года впервые все-японская конфедерация труда „Ю Ай-Кай", главным образом, под влиянием коммунистов приняла резолюцию о необходимости участия в политической борьбе. Там речь идет в первую очередь о борьбе с японским милитаризмом, но и здесь есть известная блокировка, которая выражается в том, что рабочая партия плюс профсоюзы, опираясь на крестьянство, может в данном фазисе своего развития блокироваться с буржуазией, чтобы в следующей стадии развития накласть ей по шапке.

Теперь необходимо сказать несколько слов относительно одной весьма экзотической страны,—это о Голландской Индии. Мы еще мальчиками учили об островах Борнео, Целебес, Ява и пр. На этих самых островах мы имеем, во-первых, весьма внушительное движение освободительно-национального характера. Напр., там существует левая, так-называемая народная партия „Сарекат-Ислам". Это—революционная национальная группировка, которая ставит себе главной целью борьбу против иностранного капитала. В 1916—17 годах на этих островах имелось полтора миллиона членов этой партии. В 1915 г. из нее выделилось так-называемое „социал-демократическое объединение". В 1919 г это социал-демократическое объединение превратилось в коммунистическую партию Индонезии, и она имеет сейчас около 13.000 членов. Там осуществляется, точно так же в связи с общим положением вещей, и свой блок национально-революционного направления против иностранного империализма. Это так-называемая „радикальная концентрация", состоящая из национальной революционной партии, коммунистической партии, революционных профсоюзов и союза революционных солдат.

Голландское правительство время-от-времени обрушивается на революционеров с арестами и другими преследованиями, но все же национально-революционные пласты становятся все мощнее.

Несмотря на то, что эти острова довольно от нас далеко лежат, представьте себе все же общую картину: Индию, Китай, Японию, Целебес, Борнео, Яву и т. п.,—все это огромные массы на территории нашей земной планеты, которые коммунисты должны вести за собою.

Мы это делаем первыми; никакой Интернационал, существовавший до нас, этими вопросами не занимался, и существует еще в нашей партии такой нехороший предрассудок, что этими вопросами и не нужно заниматься. Мы имеем тут колоссальные задачи перед собою, и мы должны наши национальные вопросы решать под углом зрения того, какое впечатление произведет тот или иной конфликт на территории нашей Советской федерации на эту гигантскую человеческую машину, которая может быть нашим союзником, если мы не наглупим.

Теперь необходимо перейти к анализу положения между классами, в первую очередь в Европе. Это положение между классами, т.-е. соотношение сил между рабочим классом, с одной стороны, и капиталистической буржуазией —с другой, все время, конечно, изменяется, и мы здесь обнаруживаем удивительный параллелизм между развитием экономических отношений, политической конъюнктуры и тем соотношением между классами, к анализу которого мы и приступаем.

В общем и целом соотношение между классами в Европе может быть охарактеризовано как продолжение наступления капитала при чем оно идет по двум направлениям: в странах-победительницах это наступление капитала ставит своей целью и проходит на базе медленного улучшения экономического положения,—это есть добавочный нажим со стороны буржуазии для починки капиталистического хозяйства, чуть-чуть начавшего подниматься вверх в этих странах. Наоборот, в странах побежденных этот нажим на рабочий класс происходит на базе нищающей экономики, на базе народного хозяйства, которое идет книзу. И поэтому замечается именно в Центральной Европе ярко выраженный процесс обнищания широких масс. Именно здесь, именно в Центральной Европе, этот процесс социального обнищания масс стоит перед всеми, как факт необычайной остроты, как факт, являющийся угрожающим для капиталистического хозяйства вообще. В особенности ясно это по отношению к Германии.

По данным „Франкфуртер Цейтунг" за 1923 г., трата на пищу,—речь идет о средних бюджетах,—в среднем поднялась с 35% до 49%, т.-е. до половины бюджета. Потребление белого хлеба сократилось на 10%, мяса на 60%. Обзор „Франкфуртер Цейтунг" кончается таким выводом: „безнадежный голод и медленное вымирание являются участью миллионов". Должен вам в целях большей объективности сказать, что немецкие буржуазные источники сейчас рисуют положение дел хуже, чем оно есть на самом деле. Этим самым они пугают всевозможными ужасами международную буржуазию,

в первую очередь буржуазию Антанты, и стремятся разжалобить буржуазию Америки и пр. призраками социалистической революции. Небольшой корректив к этим источникам буржуазного ла еря нужно сделать. В то же время совершенно ясно, что здесь имеется общий процесс обнищания И целый ряд исследований реальной заработной платы в Германии,—например, работы известного Кучинского,—все указывает на этот процесс.

„Реальный недельный заработок квалифицированного рабочего в Германии упал с 36 марок (довоенный уровень) до 14 18 марок в ноябре; у не валифицированного рабочего он скатился с 24 до 13—16½ марок в неделю. Месячный заработок обученного металлиста в 1913 году доходил в среднем до 140—150 марок, а в ноябре составлял едва ли более 50—60 марок. При этом надо еще иметь в виду возможные преувеличения этих цифр, вследствие различных осложняющих обстоятельств при переводе номинальных величин в реальные. Реальная заработная плата германских рабочих пала не менее, чем вдвое. У высших групп служащих она опустилась относительно еще резче (4—5 раз ниже довоенного уровня)“ [1]).

В связи с этим интересно отметить факт роста реальной заработной платы в Сов. России. Вот сводка данных по Московской губернии за 1922 г.:

„В течение первой трети заработок колеблется в пределах 31—37% довоенного (в зависимости от применяемого при переводе в довоенные рубли индекса вздорожания), т.-е. составлял всего ⅓ заработка 1913 года. Во второй трети он достигает половины довоенного, а в конце года 60—70%. В общем за весь 1922 г. средний заработок московских рабочих составляет около 50% довоенного“ [2]).

В 1923 г. повышение в Сов. России продолжалось, так что теперь реальный заработок ряда раб чих групп в Москве и Питере выше, чем соответствующий заработок в Берлине.

Следовательно, основное соотношение между классами—это продолжение процесса социально-экономического наступления капитала, который находит свое выражение в области политических отношений, а именно в усилении реакции, с одной стороны, и, с другой стороны,—в повсеместном распространении фашизма, который выступает во всех соответствующих странах, как некоторая поправка или как некоторый корректив к так-называемым нормальным методам буржуазного управления.

Глубочайший корень фашизма заключается в том, что при теперешнем соотношении между классами европейская буржуазия не в состоянии управлять всей хозяйственной жизнью стра-

---

[1]) „Професс. движение“, февраль 1923 г., стр. 18.

[2]) „Бюллетени статистики труда Моск. губ.“, № 1, март 1923 г., стр. 9.

ны на таких началах, которые соответствуют нормальному ходу капиталистического развития. Она не может сейчас править нормальными буржуазными методами и нуждается в каком-нибудь инструменте, в экстраординарном средстве, которое бы давало ей некоторый добавочный кулак, долженствующий гулять по спине рабочего класса. Этот добавочный кулак есть фашистские организации. Даже почти либеральный радикал Ллойд Джордж насчет Англии изволил не так давно разъяснить, что парламентская система сейчас нуждается в таком коррективе, который представляют собой фашистские организации. Таким образом, фашистские организации являются величайшим симптомом коренной, основной неустойчивости буржуазного режима и своеобразной формой легализации гражданской войны, потому что фашистские организации и функции этих фашистских организаций по сути дела представляют собой не что иное, как легализованную, в совершенно своеобразных формах протекающую гражданскую войну. Террор со стороны буржуазии и фашизма особенно усилился за это время в связи с еще большим нарушением европейского равновесия, в связи с походом французов на Рур.

Позвольте привести некоторые факты. Фашистские организации растут в настоящее время повсеместно. В Италии фашистская партия стала правящей и государственной партией. В Германии имеется громадное количество всевозможных конспиративных организаций, наиболее крупной из которых являются баварская организация „национальных социалистов", во главе с Гитлером, и организация Оргеша, военно-конспиративная организация милитаристских германских кругов. Во Франции фашистская организация выступает, как так-называемая „национальная федерация гражданских союзов", во главе которой стоит генерал действующей французской армии Бальфурье. Такое же положение вещей в Бельгии, которая как в области социальных, так и политических отношений является до известной степени сколком с Французской республики. В Америке очень много организаций фашистского и полуфашистского характера. В Швеции организация действует под именем „союза охотников". В Греции— под именем „фалангитов". Фашисты есть и в Японии, и в целом ряде стран, которые мы не будем перечислять. Характерным для методов фашистской борьбы является то, что они больше, чем какая бы то ни было партия, усвоили себе и применяют на практике опыт русской революции. Если их рассматривать с формальной точки зрения, т. е. с точки зрения техники их политических приемов, то это полное применение большевистской тактики и специально русского большевизма: в смысле быстрого собирания сил, энергичного действия очень крепко сколоченной военной организации, в смысле определенной системы бросания своих сил, „учраспредов", мобилизации и т. п. и беспощадного уничтожения противника, когда это нужно, и когда это вызывается обстоятельствами. Их главной целью является уничтожение основных организующих сил рабочего класса, и они система-

тически в первую очередь выбивают наиболее выдающихся представителей рабочего движения, чтобы, таким образом получив аморфную массу рабочих, заставить их распыляться, обрезая все организующие нити, которые делают из масс класс и придают ему известную организационную спайку.

Усиление реакции было связано с рурским походом и сопровождалось следующими событиями арестом французских коммунистов, арестом бельгийских коммунистов (слишком 40 человек их обвиняются в государственной измене), законом об охране государства в Чехо-Словакии, затем целым рядом мероприятий в Баварии, которая кокетничает с французами.

С другой стороны, те же самые рурские события создали, нам кажется, с точки зрения рабочего движения обстановку, которой раньше не было в истории рабочего движения. По сути дела там происходит война, по сути дела там имеется большая оккупированная область с военными действиями, там стоит французская армия, и среди членов французской армии есть французские коммунисты и французские рабочие, приходящие в соприкосновение с немецкими рабочими. Это есть промежуточное положение, получившееся в результате оккупирования Рурской области, фактически представляющей из себя известный стык, промежуточную зону между Германией и Францией, вокруг которой можно вести работу по объединению национальных коммунистических сил, т.-е. в первую очередь вести координированную работу между французскими и немецкими коммунистами. Вот общее положение и общая характеристика движения.

После этой общей характеристики переходим теперь к характеристике отдельных этапов рабочего движения, которое, как мы увидим сейчас, будет дальше итти в ногу с теми этапами экономического развития и ходом экономического кризиса, о которых мы говорили раньше.

1919—20 гг. были отмечены, как мы видели, массовым, необычайным движением пролетарских сил, политическим кризисом капитализма. 1920 и 1921 гг. в области экономической были годами экономического кризиса и наступления капитала, вызываемого этим. Этот период характеризуется и изменением в позиции рабочего класса, и в характере борьбы рабочего класса.

Прежде всего если в 1919—20 годах рабочий класс ставил перед собой в ряде стран непосредственные цели захвата власти, то в следующий период—1920—21 гг.—он уже, главным образом, ведет борьбу в экономической области. Тут перспектива непосредственного захвата власти отдалилась. В 1919—20 гг. основная социальная позиция заключалась в том, что рабочий класс наступал, а буржуазия оборонялась. После поражения рабочего касса в конце этого периода совершенно естественно получилась обратная диспозиция сил: капитал наступает, рабочий класс обороняется. В 1919—20 гг. лозунгами движения были принципиальные лозунги классовой борьбы. В последующий период

это уже лозунги другого характера: борьба с дороговизной, безработицей, удержание 8-часового рабочего дня и т. д.

В области исхода стачек и исхода борьбы опять-таки большая разница. В начале того периода мы имели борьбу рабочих, развертывание борьбы, затем поражение. В тот период, когда рабочий класс перешел на оборону, большинство стачек кончалось поражением рабочего класса, и самое количество стачек также сокращалось.

Следующий период—1921—22 гг.—можно характеризовать, как продолжение этих основных тенденций. Из наиболее крупных стачек за этот период упомянем о некоторых наиболее крупных:

В Германии в 1922 году, в феврале, большая стачка железнодорожных рабочих,—она охватила 80 тыс. железнодорожных рабочих. Она отличалась колоссальным предательством социал-демократов. Стачку вели коммунисты. Кончилась безрезультатно. В марте в Баварии и в Вюртемберге была большая стачка металлистов. Затем в Южной Германии бастовало около 100 тыс. рабочих. Эта стачка кончилась полупоражением, полупобедой: повышения заработной платы удалось добиться, но, вместе с тем, произошло удлинение рабочего дня. Затем безрезультатная стачка углекопов в Дортмунде (ок. 25.000), затем стачка текстилей в Рейнской области (ок. 70.000). В июле волна стачек в помещичьих экономиях.

Во Франции за 1921 год,—вернее, за первые 8 месяцев,—общее количество забастовщиков—116 тысяч. В августе 1921 года должна быть отмечена всеобщая стачка ткачей в Северной Франции. В сентябре всеобщая стачка тоже в Сев. Франции (в стачке принимают участие все профсоюзы), она закончилась поражением. В ноябре всеобщая стачка углекопов под лозунгом „против обнищания". В 1922 году стачка в Гавре, сперва портовых рабочих, потом металлических заводов; коммунистическая партия объявила всеобщую стачку в Париже, которая не удалась. Гаврская стачка сопровождалась столкновениями, были убитые и раненые,—это новое явление в истории французского рабочего движения.

В Италии в 1922 году всеобщая стачка, которая была предана реформистскими вождями и кончилась поражением.

В Англии вообще все снижение рабочего движения идет от поражения колоссальной стачки горнорабочих 1921 года, которая довела производство в горном деле в крупнейших областях почти до ноля, вызвав колоссальное потрясение хозяйственной жизни Англии. Она закончилась поражением, и это поражение датирует дальнейшее снижение рабочего движения. Все дальнейшие стачки в большинстве случаев кончаются тоже поражением. В июле бастовало 800.000 рабочих, стачки кончились поражением, в августе бастовало 310.000, в сентябре—115.000.

В Соединенных Штатах в апреле 1922 года нужно отметить колоссальную стачку горнорабочих.

Если мы перейдем теперь к 1923 году и к анализу положения здесь, то мы можем сказать, что мы имеем некоторое оживление

рабочего движения, которое объясняется двумя главными фактами. Во-первых, ростом дороговизны во Франции и вообще ухудшением положения рабочего класса за последнее время (как мы уже упоминали при анализе экономического положения, за последние месяцы, как показывают цифры, имеется некоторое ухудшение даже во Франции), и, во вторых, имеется и политическая основа, именно рурская оккупация, при чем этих двух пунктов нельзя строго отделять друг от друга, потому что рурская оккупация отразилась в дурную сторону для французского народного хозяйства. Таким образом, мы имеем оживление рабочего движения, и так как здесь, кроме того, выступил на сцену политический момент рурской оккупации, угроза войны и пр., мы имеем в то же время и повышение типа стачек, т.-е. стачки из чисто-экономических становятся комбинированными: выставляются политические лозунги борьбы с войной, с французским империализмом, с наступлением на Рур и т. д. Следовательно, тип стачки повышается, и стачки вновь поднимаются в известной степени до уровня классовой политической борьбы. Так, возникает грандиозная стачка горнорабочих во Франции в феврале, вовлекшая более 200.000 человек, если верить „Юманите"; стачка в Эльзас-Лотарингии, которая кончилась совсем недавно, к сожалению, поражением. Затем стачка углекопов в Бельгии, которая началась с количества 30 тыс. человек, быстро распространилась на соседние округа,—стачка, которая предавалась социал-патриотами, на которой мы заработали очень большой политический капитал, и которая носила тоже полуполитический характер борьбы с рурской оккупацией на ряду с борьбой за улучшение экономического положения углекопов. И, наконец, ряд стачек в Германии, которые тоже, как известно из газет, были связаны с протестом против выступления французского империализма. В общем и целом за первую четверть 1923 г. мы видим, таким образом, оживление рабочего движения, имеющее и экономический, и политический корень, с одной стороны, и, с другой повышение типа стачек. Общее положение рабочего движения за текущий, за самый последний момент можно охарактеризовать, примерно, следующим образом: идет процесс подготовки рабочего класса к борьбе, процесс подытоживания уроков частичных поражений, когда рабочие в последний период выступали изолированно и бывали биты; это есть период стихийной, а отчасти и продуманной, поскольку идет процесс осознания, тяги к единому фронту и к консолидации всех рабочих сил.

Это есть процесс осознания тех новых угроз, которые вытекают из теперешнего международного положения, из повсеместного усиления реакции и угроз, связанных с могущими произойти войнами, что находит свое выражение в рурском конфликте. В связи с этим стоит для нас один из самых важных процессов положительного ха-

рактера,—процесс основательного, глубоко идущего разложения социал-демократических партий. Вот характеристика рабочего движения по периодам и общая характеристика. Она, как пробка к графину, притерта к характеристике экономического положения.

Вместе с колебаниями экономической и политической конъюнктуры идут колебания в темпе, характере и размерах рабочего движения. Вместе с изменением всех этих факторов идет и перегруппировка сил внутри рабочего класса. Главным препятствием в развитии революционного движения, если рассматривать те из препятствий, которые лежат в самом рабочем классе, является сила социал-демократических партий и так-называемого Амстердамского Интернационала профессиональных союзов. До сих пор за ними стоит в Америке и Европе подавляющее большинство рабочего класса этих огромных континентов.

Достаточно привести такие сравнительные цифры:

	Коммунисты:	Реформисты:
Англия	5.000	4.000 000 (Labor Party) [1]
Германия	218.000	около 1 милл. (с.-д.)
Франция	78 000	около 40.000 (лонгетисты) [2]
Австрия	16.000	около 400.000 (с.-д.)
Норвегия	ок. 50 000	5.000
Чехо-Словакия . . .	ок. 135.000 и ок. 100 000 симпатизирующих.	с.-д. почти сведены на-нет.

Таким образом, в Англии, Германии и Австрии явный перевес сил находится пока на стороне противника.

В других странах дело обстоит гораздо лучше, а в странах колониальных мы имеем во многих местах громадный перевес сил. Если мы посмотрим на свою собственную армию в общем и целом, на армию Коммунистического Интернационала, то у нас сейчас насчитывается 55 формально присоединенных к Коммунистическому Интернационалу партий, не считая различных группировок, которые формально еще не присоединены. В примыкающих к нам партиях мы имеем около 2 миллионов человек, не считая революционных профсоюзов, которые идут с нами, и которые примыкают к Профинтерну. Общее количество газет 979, а если не считать нашего союза ССР и Коммунистического Интернационала Молодежи, 503. Тираж газет коммунистических партий, за исключением русских и Коммунистического Интернационала Молодежи, примерно, тоже около 2-х милл экз.

Теперь несколько слов о силах Профинтерна. Как известно, одной из важнейших отраслей революционной работы является работа в профессиональных союзах. Бюрократия оппортунистических проф-

1) „L. P.", т.-наз. „Рабочая Партия", не есть политическая партия в обычном смысле этого слова; в нее входят также и тред-юнионы.

2) Цифра явно преувеличенная.

союзов, на-ряду с социал-демократией, представляется самым опасным и могущественным врагом. Однако, здесь уже удалось проделать довольно значительную работу.

К сожалению, точная статистика, на которую можно безусловно полагаться, здесь отсутствует. Мы поэтому приводим два ряда цифр, а именно цифры за 1922 г., официально приводимые амстердамцами, и цифры за 1923 г., по подсчету ген. секретаря Профинтерна тов. Лозовского:

	Профинтерн.	Амстердам.
Германия	1 250.000	8.500.000
Франция	300.000	956.000 (?)
Англия	300.000	6.559.000
Чехо-Словакия . .	367.000	822.000
Австрия	90.000	1.000.000 [1])

По подсчетам тов. Лозовского, к 1923 году мы имеем следующее положение вещей в области профдвижения:

Общая цифра организованных рабочих, примыкающих к Амстердамскому Инт-лу . . . . — ок. 20 000.000
Из них примыкают к Профинтерну . . . . — ок. 6—7 мил. [2])

В странах, являющихся оплотом Амстердама, процент сторонников Профинтерна (по отношению к общему числу организованных рабочих) составляет:

Германия	35%
Англия	15%
Австрия	12%
Бельгия	ок. 10%

В целом ряде стран Профинтерн имеет национальные объединения (СССР, Франция, Юго-Славия, Бавария, Норвегия и т. д.) и пользуется большим влиянием во внеевропейских странах и колониях (австралийские союзы примыкают к Профинтерну, затем меньшинства в Соед. Штатах, Канаде, Ю. Африке и т. д.).

Общие цифры безусловных сторонников Амстердама и Профинтерна, по данным т. Лозовского, таковы:

Амстердам	Профинтерн
14—15 миллионов.	12—13 миллионов.

Кроме этих двух основных организаций, Коминтерна и Профинтерна, необходимо иметь в виду и работу Коммунистического Союза Молодежи, секции которого играют очень видную роль в революционном движении.

---

[1]) Эти цифры взяты из „Ежегодника" амстердамцев за 1922 г. (supplement VII), октябрьского № „Inprekor", посвященного Профинтерну, и частью „Ежегодника" тов. Варги (Jahrbuch etc.).

[2]) Профинтерн в целях завоевания профсоюзов рекомендует своим сторонникам не уходить из реформистских национальных союзов, примыкающих к Амстердаму.

Если мы обратимся теперь к изучению изменений в соотношении сил, то мы придем к следующему результату: в общем и целом движение числа членов можно характеризовать, как такое движение, где почти нет роста, потому что на одной стороне у нас убыль числа членов партии, главным образом, под влиянием разгромов, особенно сильных в Италии и Юго-Славии (в последней первоклассная партия сошла на степень нелегальных кружков). С другой стороны, увеличение числа членов, как, напр., в германской партии. Но при всех этих условиях в основных странах, которые являются решающими для революции, мы, даже при стационарном количестве членов партии, имеем безусловное увеличение, безусловный рост влияния компартий. Наоборот, социал-демократические профсоюзы и партии медленно, неуклонно и постепенно, отнюдь не катастрофически, но все-таки совершенно определенно, теряют свое влияние. В социал-демократических партиях происходит двойной процесс: с одной стороны, уменьшается количество членов, и одновременно уменьшается удельный вес влияния социал-демократических партий среди широких масс, с другой стороны, социал-демократические партии все больше и больше нащупывают себе другую социальную базу, и точно так же, как в ходе нашей революции, меньшевики от рабочего класса передвигались на служащих, кооператоров и т. д.,—точно такой же процесс происходит, и в очень резкой форме, в германской социал-демократии, одной из важнейших социал-демократических партий. Она передвигается от рабочего класса вообще в сторону квалифицированного рабочего, от него в сторону банковских служащих, конторщиков и др. служащих и в заключение к интеллигентским группам и к так-называемому „новому среднему сословию". Таким образом, происходит изменение идеологии социал-демократических партий и их социальной роли.

Этот общий процесс распада социал-демократии и передвижки социальных основ социал-демократических партий находит свое выражение также в усилении трений между различными частями социал-демократии. И если, с одной стороны, происходит объединение второго и двухсполовинного Интернационалов (на ближайшем съезде в Гамбурге они формально и по всему фронту закрепляют эту позицию), то, с другой стороны, происходит процесс внутреннего молекулярного разъединения социал-демократических партий в виде роста целого ряда оппозиционных группировок, образования в международном масштабе так-называемой „левой" Амстердамского Интернационала, которая не прочь пококетничать с Третьим Интернационалом и с русскими профсоюзами. Этот процесс мы можем констатировать с полной уверенностью. И так как у нас нет большего врага, чем социал-демократия, так как социал-демократия является единственной опорой буржуазного трона, то этот процесс является одним из самых важных процессов, которые мы можем с полной уверенностью констатировать в рабочем движении. Распад социал-демократии объясняется следующими причинами:

Во-первых, ее политикой в вопросе о войне и рурской оккупации. Социал-демократическая синица готовилась сжечь целое море на Гаагском конгрессе и на целом ряде своих совещаний и провалилась самым позорным, самым постыдным и самым подлым образом. Сейчас в Амстердамском и во II Интернационалах, а отчасти и в двухсполовинном Интернационале, происходит распад на свои национальные секции, происходит распределение по линии интересов своих собственных держав. Проявляются такое бессилие, такая импотенция, такое предательство, что на этой почве мы видим массовую оппозицию среди рядовых членов социал-демократических партий, что нашло отражение в колебаниях верхушек Амстердамского и Второго Интернационалов.

Для того, чтобы увидеть, как в пух и прах разлетелся реформистский „интернационал", и как социал-демократические собачки заползли в хозяйскую конуру в ту же самую минуту, когда запахло порохом, достаточно привести несколько выдержек из их речей и писаний. Чем ближе дело подходило к военным действиям, тем трусливее и подлее становилась социал-демократия.

В Гааге с.-д. и амстердамцы клялись употреблять „все средства, имеющиеся в распоряжении рабочего движения", вплоть до всеобщей стачки. Но уже 4 января „Форвертс" обращал свои взоры... к „Лиге Наций"; 8 и 9 января Исполком Амстердамского Иинтернационала требует посредничества этой „Лиги". А 10 января французы и бельгийцы вторгаются в Рур.

В тот же день г. Вандервельде в бельгийской палате депутатов произносит речь, в которой, между прочим, говорит:

> „Мы все, как один человек, согласны в том, что наши требования долгов (с Германии, Н. Б.) являются, как французские и итальянские, священными требованиями, которые должны быть выполнены Германией... Франция платила своей кровью.
>
> Нет более тяжкой ответственности, чем ответственность немецкого правительства. Немецкая крупная индустрия остается постоянной угрозой миру".

В то же время собирается пленум ЦК бельгийских социал-демократов. Вот выдержки из речей, которые там имели место:

Жорж Юбэн: „Я согласен с речью Вандервельде в палате. Я сожалею, что „Форвертс" рекомендует рабочим Рурской области стачку протеста. Немецкие соц.-демократы, которые ничего не сделали, чтобы немецкий пролетариат перестал обогащать Стиннеса, рекомендуют всеобщую стачку (речь идет о получасовой стачке! Н. Б.), когда идет речь о том, чтобы работать для уплаты репараций. Германия виновата в мировой войне... Мы тоже нуждаемся в репарациях. Социализм это не только мир, но и справедливость".

Де-Брукэр: „Имя „Шейдеман" будет вечно покрыто позором".

Бранкер: „Если оккупация Рура что-нибудь нам принесет, я готов подписаться под этой политикой. Когда я вспомню о немецких

зверствах... то у меня нет мужества сказать, что нельзя итти на Рур, чтобы не доставлять беспокойства бошам".

Жюль Дюстре: „Весь мир знает, что репарации—это справедливость... Я думаю, что наше правительство поступило умно, когда оно пошло вместе с Францией"...

Этих подлых речей достаточно, чтобы оценить поведение бельгийских социал-патриотов. Поистине здесь излишни всякие комментарии. Бельгийские с-д. стали целиком на сторону своего буржуазно-королевского правительства.

Французские социал-патриоты, в виду издержек, связанных с оккупацией Рура, только умоляли и уговаривали французское правительство в невыгодности этой операции. Жуо в газете „Пепль" (от 13/I) пугал вмешательством Америки и утверждал, что справедливые требования имеют лучшую гарантию в хозяйственном возрождении.

Британская „Рабочая Партия" обращала свои взоры то к Лиге Наций, то к своему правительству; крайняя правая партия (шотландские лейбуристы) упрекала английский капитал в том, что он спит, отдает все французам; четыре „вождя" этой группы требовали „интернационализации" Рура, т.-е. отнятия его у Германии и передачи антантовскому консорциуму.

Наконец, германские соц.-демократы целиком и полностью стали на сторону своего правительства, голосовали в рейхстаге за мандат Куно на всяческие средства борьбы и т. д.

Исполком Амстердамского Интернационала на совместном заседании с исполкомом 2 и 2½ „Интернационала" 26/27 января возвысился до апелляции к Лиге Наций! Затем важнейшая часть Амстердама, немецкая A.D.G.B. (по-нашему ВЦСПС), обратилась через посредство Гомперса к американскому сенату и конгрессу. Успех был такой же. Кроме того, Гомперс заявил, что он хотя и против принудительных работ в Руре, но требования Франции поддерживает...

Немудрено, что среди немецких с.-д. рабочих, на своей спине испытывающих прелести этакого „интернационализма", стала возникать оппозиция, и ряд организаций протестовал против своих собственных и „интернациональных" вождей. Протесты масс проникли и в верхушки. Так, Фиммен, один из секретарей Амстердамского Интернационала, в своем турне, которое он проделал в Германии, во время агитационной поездки, заявил 9-го января в Гамбурге: „Рурская оккупация стала фактом, и до сего дня со стороны Интернационала чертовски мало сделано было, хотя то, что сейчас происходит во Франции, до чорта похоже на войну".

Немецкий ВЦСПС, который вынужден был отвечать на нападки Фиммена, который должен был считаться с настроениями рядовых рабочих социал-демократов и членов социал-демократических профсоюзов, отвечает, что они „не менее разочарованы в отказе Интернационала".

Дисман, один из вождей оппортунистического профдвижения в Гер-

мании, в газете „Хемницер Фольксцейтунг“ от 26/III заявляет: „Интернационал в очень большой мере отказался служить“.

Он прямо говорит, что дело заключается не в организационных формах, а в том, что в рядах Интернационала не было воли к борьбе. Когда имеются факты возмутительного империалистического грабежа, открытого, совершенно циничного, разбойничьего похода, отсутствует воля к борьбе! Это сознают вожди, которые сейчас кокетничают с более радикальными элементами, отражающими то глубокое недовольство рядовых социал-демократических рабочих, которое имеется. Итак, поведение с.-д. во время рурских событий было *первой* причиной развала внутри с.-демократии.

Второй причиной этого развала и падения социал-демократического влияния было *совершенно подлое, неслыханное поведение социал-демократических вождей во время стачек*. В *Германии* происходит, например, процесс резкого социального обнищания, иногда возникает ничем не сдерживаемое желание отпора со стороны рабочего класса. В это время Стиннес шушукается с французами, чтобы обеспечить себе при дележе возможно больше прибыли. Все социал-демократы ориентируются против стачек, так как нужен „подъем национальной индустрии“. *Грасман*, второй председатель A.D.G.B., заявил в Эльберфельде: „Я не могу согласиться, чтобы мы выставляли требования немецким предпринимателям“.

В *Бельгии* в связи с понижением заработной платы и отчасти с рурским конфликтом происходит большая стачка углекопов. Коммунисты этой стачкой в значительной мере руководят. Маленькая коммунистическая бельгийская партия на этой стачке и на антирурской кампании заработала громадный политический капитал. Правительство, поддерживаемое Вандервельде, арестовало около 40 коммунистов, предъявив им обвинение в государственной измене. Позиция Вандервельде и социал-демократов была такая: сперва легкий протест, что не совсем-де удобно арестовывать, а потом фактическое одобрение. Вот выдержка из газеты „Бельгийская Нация“: „В парламентских кругах шаги, предпринятые против коммунистов, в общем одобряются. Даже социал-демократы заявляют, что в том случае, если Жакмот, Оверстратен и их друзья получали поддержку из-за границы, чтобы вызвать движение в Бельгии, то их арест вполне оправдывается“. Рабочие массы не в силах выносить нажима со стороны капиталистов и этих рурских безобразий, непосредственным участником которых является бельгийское правительство. Социал-демократия одобряет прямые репрессии против вождей этой стачки. В Германии предательство соц.-демократии особенно ярко проявилось во время стачки железнодорожников, с этого началось. Так же обстояло дело с коммунальной стачкой в Берлине и пр. Всюду социал-демократия предавала рабочих-забастовщиков. Это систематическое предательство во время стачек было *второй причиной* внутреннего разложения социал-демократии.

Затем *третья рубрика — это борьба с реакцией*. Капи-

тал наступает, фашисты наступают, повсюду возникают тайные организации милитаристов... Рабочие пытаются создавать организации самообороны. Только наша партия это дело ведет, а социал-демократы против этого борются в печати и обрушиваются на коммунистов со всеми инструментами репрессий и только в некоторых случаях легко кокетничают, где дело слишком жарко горит, и где нужно сделать определенный шаг, чтобы выйти из неприятного положения. Но так как рабочий угрожает непосредственно, то совершенно естественно, что поведение социал-демократии в этом вопросе точно так же необычайно расстраивает социал-демократические массовые ряды. Наконец, на почве предыдущих поражений создается стихийная тяга к единству, и сейчас здесь мы имеем позицию совершенно другую, чем имели мы раньше. Теперь мы выступаем сторонниками единства, и мы вынудили социал-демократию стать в такое положение, что она против единства борется; она стремится вышибить коммунистов из профсоюзов, она стремится расколоть фактически рабочее движение, тогда как мы на всех перекрестках вопим, кричим, призываем к этому единству. Так как лозунг этого единства вытекает из всей создавшейся конъюнктуры, то мы политически выигрываем, а социал-демократия политически проигрывает.

Наконец, весьма крупным фактором в оживлении борьбы с западной социал-демократией и в приросте влияния коммунистической партии за последний период является улучшение положения дел в Советской России. Для всякой коммунистической партии было необычайно трудно отвечать противнику, когда у нас были случаи людоедства, и когда вся наша страна терпела неслыханные муки от голода, когда Советская Республика клянчила во всех уголках и просила о помощи. Этот период прошел, а реакция в Европе торжествует, и рабочий-металлист в Берлине теперь, наверное, получает меньше, чем московский и питерский металлист. Поэтому улучшение положения Советской России, при одновременном упадке в Центральной Европе, является активнейшим фактором величайшего значения, величайшего веса, и эта сила точно так же входит в общую равнодействующую, которая получается в нашу пользу. Наконец, не последним фактором является сознательное использование со стороны Коминтерна и входящих в него секций данной политической конъюнктуры и использование того соотношения сил, которое получается и нарастает в рабочем движении: тактика единого фронта и прочие связанные с этим вещи.

Из теперешней экономической конъюнктуры, вытекающей из нее политики, вытекающего отсюда же соотношения между классами и вытекающего из этого соотношения классов соотношения между нами и социал-демократами, между Коммунистическим Интернационалом и интернационалами реформистскими, включая Амстердамский Интернационал профсоюзов, вытекает с математической ясностью и генеральная линия нашей тактики. А генеральная ли-

ния нашей тактики идет под лозунгом завоевания масс.

Если время сейчас работает за нас, если соотношение сил сейчас таково, что рабочее движение находится под нашим возрастающим влиянием, если история идет к тому, что мы должны будем в возрастающей степени выдвинуться на авансцену, то из этого совершенно ясно, что мы должны, как принято было выражаться, быть сознательными выразителями этого бессознательного процесса и итти по этой линии, т.-е. выставляя в первую очередь лозунг, директиву, генеральную линию нашей работы: „ближе к массам!". Лозунг завоевания масс, разложения социал-демократической партии, лозунг борьбы с оппортунистической идеологией,—вот основные условия концентрации сил и дальнейшего наступления на капиталистический мир.

Само собою разумеется, что этот разгром социал-демократии, который мы должны вести изо дня в день, и эта политика завоевания широких масс должны использовать решительно каждое событие общественной жизни, начиная с мелких фактов и кончая крупными вопросами международной политики. Отсюда вытекает в первую очередь тактика единого фронта.

Тактика единого фронта—это есть непосредственное выражение борьбы за влияние на массы. До IV конгресса Коминтерна, когда эта идея единого фронта была сравнительно еще новой, она встречала на своем пути целый ряд препятствий даже внутри коммунистических партий. Эти препятствия объяснялись, с одной стороны, тем, что еще не было практического применения тактики единого фронта, а, с другой стороны, еще тем, что целый ряд партий не усвоил еще себе, что такое представляет из себя эта тактика единого фронта. Незадолго до IV конгресса Коминтерна Исполнительный Комитет предпринял специальную анкету среди членов коммунистических партий,—анкету, которая должна была осветить мнения, господствующие в данной партии по поводу тактики единого фронта. Эта анкета чрезвычайно интересна. К сожалению, сейчас нельзя долго останавливаться на всех ее результатах. Возьмем только несколько цифр. Специальная анкета дала такой конечный итог: в Германии сорок процентов ответов, полученных от коммунистов, т.-е. почти половина, говорили за то, что в Германии есть среди членов партии противники тактики единого фронта, во Франции 69%, в Италии 26%, в Англии 24%. При этом если мы возьмем ответы по странам, то наибольшее количество путанных ответов, которые указывают на ненормальное положение вещей, где спутываются все решительно вопросы, дала Франция, что потом было подтверждено и в ходе работ IV конгресса Коминтерна.

Какие основные здесь были ошибки, и каковы были мотивы отрицания тактики единого фронта? Отрицание тактики единого фронта шло, главным образом, со стороны оппортунистов, которые прикрывались левизною. Так было в первую очередь во Франции со стороны французских центристов. Французские центристы,

часть которых потом была исключена из партии, вели подкоп под Коминтерн, и им нужно было некоторое прикрытие для того, чтобы показаться в глазах масс настоящими революционерами. С этой целью они поднимали крик против тактики единого фронта. В этом был определенный шахматный ход со стороны оппортунистов.

Были также возражения против тактики единого фронта со стороны наших итальянских коммунистических товарищей. Эта ошибка основывалась на догматизме итальянских коммунистов, которые ориентировались не на массовые партии, усиливающие свое влияние в возрастающей степени, а ориентировались на так-называемую чистую коммунистическую партию, которая не должна иметь дела с „нечистыми" элементами в рамках рабочего движения. Центральная проблема коммунизма в международном масштабе, смычка с массами, для них отсутствовала.

Ошибка в интерпретации тактики единого фронта сводится, если мы подытожим тот опыт, который мы имеем в тактике единого фронта, к следующим ошибкам. Во-первых, к тенденции в пользу организационного единства с оппортунистами. Для нас тактика единого фронта в первую очередь является большим стратегическим маневром для того, чтобы подорвать влияние социал-демократии на почве требований совместной борьбы против наступления капитала. Были убеждения такие, что из этих действий вытечет организационное единство с оппортунистами. Эти тенденции, к счастью, были очень незначительны, но они все-таки были. Например, они нашли свое отражение в некоторых статьях Транмеля в Норвегии, который говорил, что с лучшей частью социал-демократии можно объединиться.

Вот один неправильный уклон в толковании тактики единого фронта; он очень вреден, потому что он может скомпрометировать самую идею, которая имеет глубочайшее основание во всей конъюнктуре. Затем другой уклон в толковании тактики единого фронта: делается вывод, что нужно блокироваться в парламенте во всех случаях и выступать совместно с социал-демократами и т. д. Такое положение вещей мы имеем в Англии, где товарищи полагали, что нужно выступать вместе с „лейбор парти". Это—другой уклон по этой линии. Третий уклон, когда противник принял тактику единого фронта и соглашается на общее выступление. Основной тип ошибки здесь заключается в том, что наши товарищи, наша партия в этом ходе общих выступлений теряют свое лицо, делая такой вывод, что если я иду с социал-демократами вместе, то я не могу критиковать их, не могу выставлять своих специфических лозунгов и т. д.; переговоры только с верхами. Отчасти такая ошибка была сделана нашей германской коммунистической партией во время кампании после смерти Ратенау. Это не только мнение Исполкома Коминтерна, но это было признано и на последнем конгрессе германской компартии, и в лейпцигских резолюциях мы видим, что вся партия до одного человека признала, что здесь была сделана ошибка. Вот эти три вида уклонов, основанных на неправильной интерпретации

тактики единого фронта. Наконец, есть уклон, который наблюдается у немецких левых, считающих, что тактика единого фронта—это есть какое-то грязное занятие, и что нужно вести эту тактику таким образом, чтобы противник во что бы то ни стало не принял наших предложений тактики единого фронта. Само собой разумеется, что иногда такая стратегия может быть и полезна. Могут быть и такие случаи, когда нам выгодно, чтобы противник не принял наших предложений, случаи эти могут вызываться специфической конъюнктурой, но возводить это в догму и сказать, что всегда нужно вести такую тактику, это ни из чего не вытекает, а особенно в такие острые моменты, когда мы должны завоевывать свои позиции в ходе непосредственной борьбы, как мы это делаем, например, во время корниловских выступлений, предприняв совместные действия с меньшевиками и околпачив меньшевиков в ходе непосредственной борьбы.

Наконец, еще один уклон—очень часто недостаточная агитационная кампания, недостаточное приведение в движение всего аппарата партии, когда не использовывается все общественное мнение партии, и не бросаются на чашку весов все наши силы. Это бывает сравнительно часто.

Если мы возьмем по странам применение тактики единого фронта, то большинство конкретных предложений падает в первую очередь на Германию, затем на Чехо-Словакию. Вообще же тактика единого фронта более или менее регулярно проводится повсеместно. О результатах этой тактики можно судить по тому, что не только наша партия предлагает единый фронт, а что часто сами рабочие требуют проведения тактики единого фронта.

Для иллюстрации практики в этой области приведем примеры из работы во Франции за 23 год.

25-е января Унитарная Конфедерация и партия предлагают фронт Амстердамскому Интернационалу (отклонено).

27-го партия предлагает Тому Шоу и Ф. Адлеру фронт против оккупантов (отклонено).

3 февраля партия предлагает фронт съезду социалистов в Лилле (борьба против рурской оккупации и репрессий).

Рабочие требуют сами единого фронта.

Железнодорожники Fécamp требуют от оппортунистической Конфедерации Труда единого фронта с Унитарной Конфед. Труда.

Железнодорожники Lemain требуют от оппортунистической Конфедерации Труда единого фронта с Унитарной Конфед. Труда.

Железнодорожники P. d. M. et Midi требуют от оппортунистической Конфедерации Труда единого фронта с Унитарной Конфед. Труда.

Железнодорожники из Конфед. Труда P. d. M. et Midi требуют общего фронта.

Федерация горнорабочих У. К. Т. требует от правых горнорабочих единства (принято).

Персонал подземной железной дороги в Париже требует единого фронта.

Рабочие коммунальные.

Районный союз коммунальных рабочих из К. Т. требует от своих вождей единого фронта.

То же de Haute-Vienne.
То же Haute-Garonne.
То же союз кожевников (К. Т.).
У. К. Т. обращается к госуд. и коммунальным рабочим Парижа (борьба против Рура и реакции); принято на собрании 6.000 человек.
23 марта У. К. Т. предложила К. Т. образовать общий комитет для борьбы с реакцией и рурским наступлением (отклонено).

Со стороны И. К. К. И. [1]) после IV конгресса были сделаны следующие предложения: 1) представителям 2 и $2^1/_2$ Интернационалов о совместной борьбе против фашизма (без ответа); 2) то же и амстердамцам по вопросу о Руре (без ответа); 3) приглашение на франкфуртскую конференцию (положит. ответ только от группы Ледебура); далее многочисленные предложения через секции К. И.

Тактика единого фронта повсеместно дала благоприятные результаты. Перед лицом широчайших масс коммунисты выступают теперь не как раскольники, а как объединители движения, и, наоборот, социал-демократы вынуждены вести линию раскола.

Особо яркие результаты тактики единого фронта видны на движении фабзавкомов в Германии, на работе в профессиональных союзах и на движении по организации масс в борьбе с реакцией. Как уже упоминалось, в связи с этим стоит и разложение социал-демократии.

Лозунг „рабочего правительства“ вытекает из тактики единого фронта. Точно так же, как русская партия выставляла одно время лозунг: „Долой министров-капиталистов“, приспособляясь к политическому уровню масс, боявшихся тогда непосредственного лозунга диктатуры, так и Коминтерн выставляет теперь лозунг рабочего правительства. Он является в настоящее время более или менее актуальным в Германии, в Болгарии, отчасти Чехо-Словакии, хотя и выставляется в качестве общего пропагандистского лозунга рабочей борьбы повсюду. Ошибки в этой области мы распределяем точно так же по типам. Во-первых, исключительно парламентское толкование лозунга рабочего правительства, когда думают, что рабочее правительство можно получить без борьбы, и что оно вытекает из парламентских комбинаций, и больше ничего, в роде лозунга: „правительство Блюм—Фроссар“ во Франции. С этим связана недооценка борьбы за лозунг рабочего правительства. Затем есть еще такой уклончик, который можно определить, как недооценку возможности скомпрометировать лозунг рабочего правительства, осуществляя его в неудачный момент. Мы с немецкими товарищами спорили на IV конгрессе Коминтерна по поводу вхождения в саксонское правительство. Мы могли туда войти. Но там нас придушили бы, и мы либо не во-время начали бы борьбу, либо вынуждены были бы сделать соц.-демократам уступки, либо выйти из правительства, что, несомненно, скомпрометировало бы лозунг рабочего правительства. Наконец, очень часто со стороны левых товари-

[1]) Исполком Коминтерна.

щей рабочее правительство толкуется, как исключительно чистая диктатура пролетариата; они не представляют себе возможности целого ряда промежуточных этапов в развивающейся борьбе и поэтому весьма скептически относятся к лозунгу рабочего правительства вообще.

Одной из актуальнейших задач Коммунистического Интернационала и его секций является проведение борьбы с фашизмом, который в ряде стран угрожает истребить цвет рабочего класса. С этой целью была проведена международная кампания по борьбе с фашизмом, в первую голову с фашизмом итальянским. Эта кампания, решенная в феврале Исполкомом КИ, волной прокатилась по Европе и за пределами Европы; кроме того, в этой борьбе с фашизмом коммунисты организовали в Берлине особый комитет из представителей революционных организаций, и в первую очередь Коммунистического Интернационала, Профинтерна и Коммунистического Союза Молодежи. Организован также был специальный фонд. Само собой разумеется, что центр борьбы против фашизма, распространяющегося повсюду, лежит на самих местах. Повсюду правительства не только не запрещают, но и всячески поощряют фашистские организации. Социал-демократия очень часто, прямо или косвенно, сотрудничает с этими бандитами. Формы борьбы с фашизмом крайне разнообразны, начиная с вхождения в фашистские профсоюзы (Италия) с целью „использования легальных возможностей" и разложения противника и кончая организацией отрядов самообороны (Германия, Франция). Угроза со стороны фашизма настолько реальна, что в этой антифашистской кампании чрезвычайно целесообразно применение тактики единого фронта. Социал демократия разоблачает себя очень интенсивно: напр., когда с.-д. Зеверинг разоружает рабочих и терпит оргешевцев,—это лучшая агитация за коммунизм.

Лозунг пролетарской самообороны является сейчас одним из популярнейших лозунгов в Центральной Европе. В Германии вооружение рабочих—не новость, это было новостью во Франции, где рабочие стихийно, а отчасти под нашим давлением, стали на путь вооружения и дали один раз отпор роялистам, которые пытались разгромить наши редакции.

Рурский поход французского империализма явился центром внимания со стороны всех классов. Он сыграл роль нового дополнительного клина, который въехал в вылезшее из всех пазов хозяйство Европы и, вместе с тем, еще резче подчеркнул то состояние всеобщей неустойчивости и неуверенности, которое так характерно для теперешнего периода капиталистического упадка. Угроза новой войны, усиление гнета реакции и добавочная тяжесть на плечах германского пролетариата обострили и без того острое положение.

Реформистский Интернационал, как мы уже видели, потерпел еще одно поистине гнусное банкротство.

Единственной силой в рабочем классе, которая повела борьбу

против рурского нашествия, были Коммунистический Интернационал и его секции.

Прежде всего во Франции наши товарищи повели энергичную борьбу. Аресты сыпались за арестами, но в первый раз рабочий класс Франции пошел решительным шагом против авантюры своей буржуазии. В самой оккупированной области, главным образом, руками французской и немецкой коммунистической молодежи велась и ведется пропаганда среди войск; братанье между солдатами и рабочими является одним из паролей нашей политики, и не так редки случаи революционного „разложения“ армии Пуанкаре, превращаемой в прямых расстрельщиков и палачей немецкого пролетариата. Кооперация французских и немецких коммунистов—факт очень крупного принципиального значения. Братанье, работа среди войск, совместные выступления французов и немцев, хлеб русских рабочих, посланный немецким рабочим,—это уже серьезный шаг вперед.

В то время, как социал-демократы разбежались по отведенным им буржуазией сучьим куткам и вновь завыли песни 1914 года, коммунистические пролетарии, а вместе с ними и сочувствующие честные рабочие вообще сделали еще несколько шагов вперед в деле настоящей интернационально-пролетарской борьбы.

Первой попыткой объединения усилий была Эссенская конференция, которая заложила основу для следующего шага, конференции во Франкфурте.

Эта конференция была созвана по инициативе рейнско-вестфальских фабзавкомов, находящихся под влиянием коммунистов, была энергично поддержана Коминтерном и Профинтерном. Приглашение на нее было послано ряду с.-д. организаций. „Центры“ не соизволили принять предложение, но ряд местных соц.-демократических организаций принял тактику единого фронта вопреки запрещению вождей.

На конференции всего участвовало 243 делегата. Из них 10 делегатов от французских компартии и Унитарной Конфедерации Труда, 2 делегата от Англии, 9 делегатов от голландских компартии и синдикалистов, 3 делегата от революционных профсоюзов и компартии Чехо-Словакии, по 1-му делегату от Австрии, Швейцарии, Болгарии, Индии; 6 делегатов от ВЦСПС и русских профсоюзов, 1 представитель от Коминтерна, 1—от Ком. Интернационала Молодежи, 1—от Коммун Интернационала женщин, 1—от Межд. К-тов Пропаганды, 1—от Профинтерна, 1—от Временного Комитета борьбы с фашизмом, 1—от Международного Комитета рабочей помощи, 2 делегата от бастующих рабочих Саарской области, 33 делегата от фабзавсоветов различных частей Германии, 3 делегата от Исполн. Комит. Германских Фабзавсоветов, 8 делегатов—от контрольных комитетов, 10 делегатов—от Центр. Комитета Германской компартии, 22 делегата от окружных организаций компартии, 25 делегатов различных картелей профсоюзов Германии, 8 делегатов—от „Униона физического и умственного труда“, 50 делегатов от ряда германских заводов, 17 делегатов от германских независимых социал-демократов, 9—от германских социал-демократов и 2—от беспартийных рабочих.

Конференция во Франкфурте дала ряд директив по борьбе с войной и фашизмом в духе Коммунистического Интернационала, создала

Международный Комитет Действия, высказалась решительно за единый фронт.

Самым характерным было появление на этой конференции рабочих социал-демократов, порывающих тем самым со своими вождями Приводим для наглядности выдержики из декларации социал-демократической фракции на франкфуртской конференции:

„...основной задачей пролетариата является образование единого фронта как в национальном, так и в международном масштабе для того, чтобы бороться с бешенством победоносных империалистов, с опасностью войны, вызванной оккупацией Рура, и с фашизмом во всех странах. Только тогда, как рабочие выступят сомкнутыми рядами, они победят в этой борьбе. Поэтому мы требуем, чтобы Объединенная Социал-демократическая Партия Германии и Всеобщее Объединение Германских Профсоюзов покончили со всякой коалицией и со всяким соглашательством с германским капиталом и вступили в борьбу за создание рабочего правительства в имперском и национальном масштабах.

Германская буржуазия тоже повинна в войне и в оккупации Рура.

Вместо соглашения с буржуазией должно быть достигнуто соглашение с революционным пролетариатом, с Объединенной Социал-демократической Партией и с Коммунистической Партией Германии.

Только в том случае, если мы начнем борьбу с германской буржуазией, мы сможем восстановить единый боевой фронт с рабочими Франции, Бельгии и Англии и всех прочих стран. Эта борьба должна нас повести на сторону Советской России, первого и единственного пролетарского государства мира“.

Франкфуртская конференция еще более подчеркнула то обстоятельство, что Коминтерн является центром притяжения всех боевых и революционных сил рабочего класса.

Таким образом, на деле складывается действительно боевая кооперация представителей рабочих нескольких цивилизованных стран, о чем говорил когда-то Маркс, и эта фактическая борьба и материальная помощь, и координация политических выступлений представляют факт, который является показателем значительного роста интернационализации в рабочем движении.

Несколько слов по национальному вопросу. Как это ни странно, национальный вопрос у нас также начал немного выдвигаться. Обо всем значении национального вопроса на Востоке и о всей серьезности этого национального вопроса не только для Коммунистического Интернационала, но и специально для русской партии было сказано выше. Но и на Западе национальный вопрос, иногда в своеобразных формах, тоже выдвигается. Он ставился перед нами несколько месяцев назад с большой остротой по поводу Ирландии, когда мы совершенно ясно обнаруживали, что английская коммунистическая партия, исходя из того соображения, что в Ирландии пролетариат должен вести классовую борьбу, недостаточно ясно понимала сущность вопроса и необходимость поддержки ирландских революционеров в борьбе против английского империализма. Мы принуждены были оказать давление на английскую партию по этой линии.

Перед нами национальный вопрос встал в своеобразной форме и при обсуждении положения в Германии, ибо конфликт между Фран-

цией и Германией не есть простое повторение конфликта 1914 г., ибо Германия не может вести империалистической политики: она находится на положении угнетенной нации. В Германии сейчас мы обязаны нажить определенный политический капитал среди мелкой буржуазии и промежуточных слоев, которые угнетены французским нашествием. Поэтому совершенно естественно, что это своеобразное положение требует от Коммунистического Интернационала, чтобы он различал между французским империализмом и немецкой национальной буржуазией. Это не есть простое повторение конфликта 14 года, и поэтому мы можем сейчас брать для Германии более резкие „национальные тона". Это значит, что мы считаем необходимым, чтобы коммунистическая партия в Германии выступала и имела смелость сказать немецкому рабочему классу, что она сейчас защищает и будет вести за собой весь немецкий трудящийся народ. Она действительно выступает защитником немецкой нации против буржуазии, которая национальные интересы Германии предает. Таким образом, даже в центре Европы национальный вопрос выплыл в чрезвычайно оригинальных и своеобразных формах.

Есть еще у нас в Европе национальный вопрос второстепенного значения по сравнению с этим гигантским вопросом касательно Германии, но все же заставляющий чрезвычайно внимательно прислушиваться к этому самому делу.

Мы в Юго-Славии потеряли половину нашей партии благодаря глупости в национальном вопросе. Часть тамошней партии, которая находится в Славонии, перешла в лагерь национал-социалистов, перешли всамделешние рабочие, потому что товарищи из другой части говорили, что для пролетариата никаких наций не существует, что вообще это дело пустяковое, и им нечего заниматься. Так как они вели такую политику в национальном вопросе, они достукались до того, что мы большие кадры рабочих потеряли. Они перешли в лагерь нашего противника. Вот какие бывают ошибки. С ними мы должны считаться.

Перейдем теперь к обзору внутреннего состояния Коммунистических партий.

До IV конгресса Коминтерна мы имели во Франции необычайную дробность внутри коммунистической партии. Там было около пяти различных направлений и группировок, их было даже больше, но самых важных было пять, которые дрались между собою:

1. Левая (Суварин, Трэн, Росмер)—в общем тактика III Интернационала.

2. Центр (Фроссар, Кашэн, Кэр)—принятие тактики К. И. на словах; вначале против единого фронта; пассивность.

3. Так-называемая „правая" (Группа Д. Рену, Дюрэ)—против единого фронта; конфузионизм (путаница).

4. Правая (Верфейль и К⁰) — против Красной армии, за пасифизм, против НЭП'а, за автономию и пр.

5. „Крайняя левая" (Heine)—„советская система" в партии.

Главные, которые встали друг против друга,—это левая и центр. На конгрессе была произведена громадная работа над французской коммунистической партией. Конгресс решил составить определен-

ным образом ЦК, распределив соответствующим образом голоса так, чтобы это распределение шло по линии блока левой и центра, чтобы эти две основных группировки взяли власть внутри партии. Таким образом, была назначена редакция центрального органа. Было произведено исключение „масонов“, дрянного элемента, совершенно непригодного для какой бы то ни было революционной партии. Было произведено в целом объединение с французскими синдикалистами ценою уступки в области отношений между Коминтерном и Профинтерном. Вместо того, чтобы Коминтерн был высшей инстанцией над Профинтерном, мы решили устроить такую конструкцию, когде обе эти организации были бы формально равны, были бы представлены на паритетных началах в общем „Комитете Действия“, и, таким образом, авторитет, престиж и пр. интернациональной организации красных профсоюзов были бы утверждены на незыблемых основах. Этим мы купили себе симпатию французских синдикалистов, обеспечили отношения сотрудничества между нашей партией и революционными синдикалистами во Франции и обеспечили приток французских синдикалистов в ряды коммунистической партии. После конгресса во французской партии началось восстание оппортунистов. Одна группа была исключена, а затем целый ряд групп по периферии. Но Фроссар еще оставался в партии и сам принимал участие в исключении. Затем образовался оппозиционный комитет (comité de résistance). Этот комитет вскоре превратился в „комитет коммунистического единства“. Фроссар вышел из партии и образовал новую партию, во главе с новым органом „Равенство“—„Эгалите“. Но, к счастью, рабочие за Фроссаром не пошли, и партия очистилась. Выступление французских империалистов, аресты вождей рабочего движения, очищение партии путем дачи касторового масла на IV конгрессе и, с другой стороны, нападение французских империалистов привели к тому, что партия чрезвычайно подняла свою активность. Центральный орган стал революционным боевым органом,—органом, освещающим статечное движение, открыта „солдатская трибуна“, тираж поднялся с 160 тыс. экз. при Фроссаре до 180 тыс. экз., а во время рурских событий доходил до 300 тыс. экз., и газета приняла боевой, революционный вид. За участие французской партии на Эссенской международной конференции французские товарищи были арестованы, это подняло их престиж, позволило им поставить такой вопрос, как вооружение рабочих и работа среди войск,—словом, получились большое оздоровление и активизация французской партии. В общем и целом мы отмечаем усиление ее влияния среди рабочих масс, руководство целым рядом стачек, руководство в области движения фабрично-заводских комитетов, руководство в газете, руководство в борьбе против рурских событий.

Фроссар, платформа которого, опубликованная в „Эгалите“, состоит в отрицании интернациональной дисциплины, тактики ячеек, метода исключений и т. д., в настоящее время кокетничает с анархистами и пытается отколоть часть синдикалистов; но в общем его группа

вместе с верфейлевской „union soc.-révolutionnaire“ и „fédération socialiste de Jura“ составляет не более 3—5 тысяч человек.

Положение германской партии может быть обрисовано следующими чертами: усиление влияния партии среди широких рабочих масс, в общем успешная борьба в профсоюзах; рост связи с предприятиями; руководство движением фабрично-заводских комитетов. Это во вне.

Внутри партии тяжелый кризис. Уже до IV конгресса были трения между ЦК и берлинской организацией. Разногласия шли по линии различной интерпретации единого фронта, вопроса о рабочем правительстве (специально саксонском), частичных требований и т. д.; в последнее время появились разногласия в связи с тактикой по отношению к рурским событиям, где левые берлинцы настаивают на лозунге захвата производства снизу, уже при французах.

На IV конгрессе выяснилось, что ошибки ЦК были (поведение партии во время „кампании Ратенау“, напр.), но что, с другой стороны, „левые“ раздувают так-называемую оппортунистическую опасность. Рурская делегация, выступая против ошибок левых, советовала ЦК считаться с оппозицией, ввести ее представителей в ЦК и т. д. Представители ЦК отвечали, что мы переоцениваем силы оппозиции.

На лейпцигском съезде положение было крайне острое. Оппозиция оказалась весьма сильной (больше трети, в том числе Берлин, Гамбург, Эссен, Франкфурт и т. д.). В ЦК были введены не самые выдающиеся представители оппозиции. В результате после временного затишья сейчас имеется новое обострение борьбы, политически идущее по прежним линиям.

Положение осложняется крайней трудностью общеполитической ситуации, именно так-называемой борьбой на два фронта. В связи с Руром левые выдвинули, как мы уже упоминали, лозунг захвата предприятий, ЦК, правильно отвергнув „берлинское предложение“, в то же время давал не совсем правильную мотивировку отрицательного отношения.

В последнее время в главной организации оппозиции (Берлин—Бранденбург) произошло отделение более примирительно настроенной группы, которая во главу угла ставит единство партии. Если левые иногда опускаются до демагогии, то ЦК не раз делал ошибку, угрожая прямой репрессией против больших организаций (больше трети партии). К. И. во что бы то ни стало должен сыграть здесь роль суперарбитра. Вопрос должен быть решен на расширенном собрании ИККИ.

В общем же наша партия в Германии увеличивает свое влияние и имеет там очень крепкие корни и является одной из лучших партий в Коминтерне [1]).

Что касается Италии, то там мы имеем громадный разгром дви-

[1]) Совсем недавно между Ц.К. и оппозицией произошло соглашение под руководством ИККИ; принята общая политическая платформа, отказ от фракционной борьбы, но в ЦК введены 4 представителя оппозиционных округов.

жения фашистами. Этот разгром движения в значительной степени может служить образцом того, как можно неправильной тактикой провалить все дело.

На IV-м конгрессе Коминтерна мы советовали коммунистам объединиться с итальянской социалистической партией, потому что Серрати во главе с большим количеством товарищей повернул к нам.

Объективное положение вещей требовало объединения. Полевение серратианских рабочих масс произошло в результате учета крайне тяжелого опыта; обстановка кричала о концентрации сил. Серрати шел на объединение, подчиняясь всем условиям, которые выработает IV конгресс. На этом конгрессе имела место длительная дискуссия, в которой итальянские коммунисты всеми силами противились объединению, рекомендуемому большинством конгресса. Между условиями объединения были: исключение группы Велла, который стоял за сохранение старого названия партии, за ее „автономию" по отношению к Интернационалу и за фактическую борьбу с основами революционной тактики; далее условиями объединения фактически обеспечивалась руководящая роль коммунистов (это касалось редакции ЦО, состава ЦК и т. д.). В своем упорстве итальянские коммунисты, которые являются одними из самых мужественных и крепких товарищей в Интернационале, еще раз обнаружили негибкость тактики и догматизм. После решений конгресса они подчинились им, исходя из соображений международной дисциплины. В Москве осталась объединенная комиссия, которая выработала точные условия объединения. Но еще до приезда комиссии в Италию, а затем и позднее обстановка изменилась к худшему.

Коммунисты вместо того, чтобы самым энергичным образом связаться со сторонниками объединения из рядов ИСП, проделывали всю работу нехотя и скрепя сердце. Левая И.С.П. вместо того, чтобы сплотить быстро фракцию, медлила. Наоборот, антифузионисты, во главе с Ненни, повели бешеную работу, создали свой фракционный центр и т. д. Правительство Муссолини чрезвычайно ловко повело политику со своей стороны. Оно стало громить коммунистов (арест т. Бордиги и разгром важнейших партийных организаций), арестовывать сторонников объединения (арест Серрати и др.) и предоставило полную свободу противникам объединения. Таким образом, в рамках ИСП получило перевес реформистское крыло.

С полной переменой обстановки пришлось считаться и ИККИ. Последний решил отменить постановление о немедленном слиянии, отменить решение об обязательном выходе фузионистов из партии, если они получат меньшинство. Наоборот, были даны новые директивы, чтобы оставаться в рядах ИСП, чтобы в некоторых местах коммунистам входить в социалистические организации (в целях легального прикрытия и вербовки в свои ряды рабочих), чтобы пароль немедленного объединения заменить паролем „пролетарского фронта", т.-е. координированием действий на местах и в низовых ячейках, подготовляя таким образом почву для фактического единства снизу.

Эти перемены в области международной тактики диктовались всем ходом вещей. Но как-раз тогда, товарищи коммунисты внезапно превратились в пламенных сторонников объединения и стали настаивать на немедленном проведении решений IV конгресса.

Благодаря правительственным репрессиям, с одной стороны, ошибкам коммунистов—с другой, положение дел в Италии стало отнюдь не блестящим. На поверхности сейчас плавают фашисты и реформисты. Продолжается разгром рабочих организаций. Однако, несмотря ни на какие преследования, коммунистическая организация продолжает существовать нелегально и ведет работу во всех крупных центрах, а также и в провинции, несмотря на зверский террор со стороны фашистов.

На состоявшемся недавно съезде ИСП сторонники единства оказались в меньшинстве. Тем более необходима тактика, рекомендуемая Исполкомом Коминтерна. Объективное положение таково, что громадная масса трудящихся неизбежно пойдет против Муссолини, который, начав со своеобразного черносотенного национал-социализма, быстро движется вправо, отменяя одно за другим социальные завоевания рабочего класса, мелкой буржуазии и крестьян и открыто блокируясь с банками, аграриями и даже Ватиканом.

До IV конгресса спорным вопросом в жизни чехо-словацкой партии было отношение между ЦК партии и „левой оппозицией“ (Вейтауэр, Штурц, Болен, Гесс и др.). Эти разногласия сводились к неопределенным обвинениям ЦК в оппортунизме, стремлении блока с буржуазией и т. д. Перед конгрессом ЦК, в связи с нарушением партийной дисциплины членами оппозиции исключил последних из партии, в том числе и председателя партии, старого рабочего Штурца. Исполком Коминтерна отменил это решение, считая, что так скоропалительно поступать нельзя, и что наказание не соответствует партийной вине. На IV конгрессе теоретический лидер оппозиции, Вейтауэр, обнаружил себя, как прудонистский полуанархист. Конгресс подтвердил решение Исполкома.

На партийном съезде, последовавшем за конгрессом, вожди оппозиции были назначены на ответственнейшие должности, но подали заявление о своем отказе. Вейтауэр отошел от партийной жизни, Штурц выполняет ответственную работу в кооперативном движении и в партии, остальные фактически саботируют. Но самым важным фактом является то обстоятельство, что оппозиции нет в партийных м а с с а х. В общем и целом партия здорова и имеет будущее, считаясь одной из самых сильных наших секций. Нужно упомянуть, что иногда те или иные вожди партии совершают ошибки оппортунистического характера (визит т. Буриана министру Бенешу, некоторые речи т. Шмераля). Но в общем партия держит совершенно правильный курс.

В настоящее время наиболее крупными вопросами являются вопросы, связанные с промышленным кризисом, а также с наступлением реакции („закон об охране государства“). В связи с последним законом на 1 апреля был созван э к с т р а о р д и н а р н ы й с ъ е з д п а р т и и, на котором участвовало более 1000 делегатов со всей страны.

Общая политическая ситуация такова. Среди правящей коалиции происходит раскол между нац.-демократами (финансовый капитал, концерн, во главе с Живностенским банком) и аграрно-крестьянскими кругами; не так давно произошел раскол национал-социалистов, „левая“ была исключена, после чего в партию вступил министр иностр. дел Бенеш. С другой стороны, следует отметить тягу к единому блоку: коммунисты, левая нац.-социалов, легионеры и т. д. Лозунг рабочего правительства играет важную роль. К числу отрицательных явлений относятся проигрыш стачки горнорабочих и симптомы депрессии среди пролетариата на почве острого промышленного кризиса.

Главная работа сейчас—мобилизация и организация масс против реакции и наступления капитала, а также подготовка к этому всего партийного аппарата.

Норвежская партия по своему влиянию на всю массу пролетариата стоит на одном из первых мест. До самого последнего времени она отличалась своеобразной структурой: в нее входили целые профсоюзы, и, таким образом, беспартийные, в сущности, люди являлись членами партии.

Коммунизм в Норвегии завоевал старую соц.-дем. партию почти целиком. Но партия до сих пор сохраняла остатки соц.-демократических вывесок (название ЦО и других газет, название самой партии и т. д.).

Внутри партии и до IV конгресса, и после борются две фракции: „фракция Транмеля“ и „фракция Шефло“.

По своему *происхождению* эти фракции отличаются таким образом: „транмелиты“ выросли из так называемой „оппозиции в профессиональных союзах“ („fag-opposition“), тогда как „шефлиты“ имели своей исторической базой „союз молодежи“; общее *политическо-тактическое различие* можно характеризовать, как различие между уклоном в сторону синдикализма у Транмеля и марксистской тактикой у группы Шефло.

Эти основные разногласия находят свое конкретное выражение в целом ряде вопросов текущей политики.

Во-первых, в вопросе об отношении к крестьянству. Здесь транмелиты не понимают необходимости завоевания крестьянства, как революционной пехоты. В связи с этим стоит и вопрос о маневренной тактике, которая почти отрицается этой фракцией. С другой стороны, следует, однако, отметить, что другая фракция делала ошибки, главным образом, в своей парламентской работе (напр., голосовала за принудительный государственный арбитраж в случае стачек).

Во-вторых, разногласия имеются по вопросу о партийной реорганизации. Необходимость последней признается теперь всеми, но транмелиты, связанные узко-профессионалистской традицией, проделывают эту работу без особого усердия.

В-третьих, спорным является в партии вопрос о централизации и децентрализации. Здесь транмелиты защищают по сути дела синдикалистско-федеративную структуру партийной организации,

В-четвертых, в связи с последним вопросом стоит и вопрос об отношении к Интернационалу, где транмелиты отстаивают „самоопределение" партии, т.-е. переносят принцип федерации и на Интернационал.

Транмелитов поддерживает группа академиков „Mot Dag", которая „автономию" партии обосновывает в значительной мере соображениями провинциального национализма. Вся буржуазия Норвегии считает за последовательных „противников родины" группу Шефло.

На последнем партийном съезде в Христиании транмелиты получили двумя голосами больше. Динамика развития, однако, указывает на растущее влияние чисто-марксистской группы Шефло. Несмотря на то, что съезд тем же, примерно, большинством отверг предложение ИККИ, он заявил о полном подчинении решениям 3 и 4 конгрессов. Съезд молодежи подавляющим большинством голосов принял все предложения Исполкома.

Очередная внутрипартийная задача—разъяснение ошибок т. Транмеля и выправление линии, что может быть достигнуто путем упорной внутренней работы.

В Америке главная проблема заключалась в следующем. Там имелась тенденция революционного коммунистического движения, образовавшегося в начале войны. Но тогда Америка находилась в таком положении, что там велась, и должна была вестись, нелегальная работа. Зачинщиками коммунистического движения там являлись, главным образом, эмигрантские слои: русские, украинцы, латыши, финны и прочие.

Но когда Америка вышла из войны, когда Америка стала на совершенно другие рельсы, и общая политическая конъюнктура изменилась, некоторые товарищи, не понимавшие, что нужно резко изменить тактику, стали долбить, что всякий, кто проповедует легальную партию, тот оппортунист, изменник пролетариата, ничего не понимает, изменник русской революции и т. д. На IV конгрессе была бешеная борьба за легальную партию в Америке. Теперь эту легальную партию мы в Америке получили,—это так-называемая „рабочая партия" (Workers Party), которая делает большие успехи, ведет работу в профсоюзах, перетягивает на свою сторону часть союзов, и главное,—чего еще не было до сих пор в коммунистическом движении в Америке,—начинает получать базу не только среди русских, евреев, украинцев, латышей и пр., но и среди настоящих американцев.

Этих последних еще не так много. Примерно, из 20 тысяч членов Workers Party около 5 тысяч являются коренными американцами. Но все же прогресс в этом отношении замечается. С другой стороны, крайне отрадным фактом является усилившееся влияние революционной идеологии на членов профессиональных союзов. Оппозиция внутри Амер. Федер. Труда (во главе ее стоит известный соц.-предатель Самуил Гомперс) постоянно увеличивается. Можно считать, что под идейным влиянием партии стоит около $1^1/_2$ миллионов рабочих. Осо-

бенно нужно приметить превосходную работу так-наз. „Образовательной Лиги“, во главе которой стоит недавно судившийся тов. Фостер.

Мы рассмотрели лишь несколько главных партий Коммунистического Интернационала и бегло проанализировали внутреннее положение в этих партиях. Те недостатки, которые можно было наблюдать в этих партиях, целесообразно свести к следующим трем главными рубрикам:

а) Недостаточно квалифицированные партийные штабы. Этот недостаток встречается наиболее часто. В то время, как средний член партии по своему общекультурному уровню, организационным навыкам, политической сознательности и т. д. стоит довольно высоко, руководящий штаб лишь немногим (относительно) поднимается над этим уровнем. Это, конечно, объясняется всем ходом исторического развития. Не было достаточного опыта, чтобы мог подобраться и закалиться опытный и знающий штаб руководителей. Для хорошего руководства недостаточно иметь общетеоретические знания,—нужно иметь соответствующий нюх, который образуется годами и десятилетиями; нужно по детали уметь разгадывать целое, по части конъюнктуры угадывать ее всю, по высказываниям противника и его отдельным шагам уметь расшифровывать весь его план; нужно уметь предугадывать ход событий и взвешивать как все положение в целом, так и каждую его деталь. Только тогда можно правильно руководить и, если нужно, круто поворачивать руль. Таких штабов еще нет в большинстве наших секций.

б) Вторым недостатком, встречающимся в некоторых партиях, недостатком, связанным с тем, что мы только-что говорили,—является недостаточная эластичность тактики. Очень часто правильные для своего времени лозунги, приемы работы, организационные принципы, догматически, без всякой критики переносятся на другое время, когда они объективно становятся вредными. Но сила традиции, своеобразный фетишизм догмы, талмудическое, а не живое понимание марксизма приводят к ужасным, трудно поправимым ошибкам. Такую картину мы видим в Италии. Аналогичную картину мы видели в Америке со стороны хороших, но недостаточно опытных товарищей, которые боролись против всякой мысли о легальной партии и искусственно сами себя загоняли в подполье, когда в этом не было уже той необходимости, какая была раньше, и какая, по всей вероятности, будет позднее.

в) Недостаточная зрелось в смысле интернационализма. Это явление наблюдается, главным образом, если можно так выразиться, на провинциальных окраинах Европы,—главным образом, в скандинавских странах: Швеции и Норвегии. Движение скандинавских рабочих вообще было „на отлете“, связей живых с движением международного пролетариата было меньше, чем в других странах; война не вовлекла Скандинавии в общий водоворот. Все движение вырастало „в своем доме“. Немудрено, что это сказалось и на наших партиях: нигде не было стольких трудностей на пути международной

централизации движения, как именно здесь. Однако, ход кризиса капитализма потрясает общими судорогами и эти страны. Детскую болезнь доморощенной ограниченности он преодолеет и в этих уголках Европы.

Потребности в централизации движения лежат в самой основе интернациональной организации пролетариата. С развитием движения Коммунистический Интернационал не смог уже ограничиваться одними общими указаниями и директивами. Во-первых, необходимо было учитывать опыт движения на самых различных его ступенях. Отдельная партия при всем желании не может этого сделать в потребном масштабе; между тем, учет этого опыта явился совершенной необходимостью. Во-вторых, многочисленные трения и конфликты внутри отдельных секций; борьба фракций и группировок потребовала вмешательства высшей инстанции, наиболее авторитетной,—такой неизбежно должны были стать Коммунистический Интернационал и его Исполнительный Комитет. Уже из краткого обзора, приведенного выше, мы видим, что в целом ряде важнейших вопросов вмешательство Коммунистического Интернационала „во внутренние дела“ секций оказало положительное действие. Так было в Чехо-Словакии, так было во Франции, где партия распалась бы на несколько групп, если бы не вмешался Коминтерн. Так обстоит дело в Германии, где (в значительной мере) роль Коминтерна, как авторитетного суперарбитра, помогает предотвращать тяжелый для партии ход событий. (Мы уже не говорим о повороте на III конгрессе, без которого немецкой партии угрожала смертельная опасность). Особенно ярко эту сторону дела показал IV конгресс. Значение IV конгресса и состояло на $^9/_{10}$ в том, что он „вмешался“ в дела национальных секций. (Неудачный ход событий в Италии в значительной мере объясняется тем, что линия, предложенная Коминтерном, осталась на большой процент на бумаге). На IV конгрессе все партии познакомились друг с другом, обменялись своим опытом, обобщили его, помогли друг-другу исправить свои ошибки. Руководящие органы КИ ознакомились и с кадровым составом секций, без какового знакомства почти невозможна руководящая роль.

Именно в силу совершенно очевидной пользы для дела IV конгресс сделал маленький шаг в сторону дальнейшей централизации движения в международном масштабе, а именно выборы ИККИ постановлено было производить на съезде, т.-е. не на основе представительства от партий, посылающих того, кого хочет именно данная партия; кроме того, было решено, что национальные съезды проходят после международного, а подготовка к международному съезду производится на конференциях, созываемых до интернациональных конгрессов; для большей связи с партиями одобрен был институт расширенных пленумов Исполкома, т.-е. внушительных международных конференций.

Однако, эти шаги по линии централизации встретили на своем пути ряд препятствий. Часть этих препятствий лежала, как уже

упоминалось выше, вне аппарата Коминтерна, а именно она коренилась в недостаточной связанности некоторых партий с международным пролетарским движением вообще.

Но были и причины, которые лежали в самом аппарате Коминтерна и в его организационных недостатках. На некоторых из этих недостатков здесь приходится остановиться.

1) Недостаточно близкая связь с партиями. При всем неоспоримом росте международных революционных связей в ряде случаев у нас не бывало достаточно близкой связи с отдельными партиями (запаздывание взаимной информацией, плохой обмен взаимным представительством, отсутствие представителя в Москве и т. д.).

2) Недостаточная квалификация уполномоченных ИККИ. Этот грех наблюдался в прошлый период и в значительной степени уже исчез. После ряда поездок ответственных товарищей и их докладов ИККИ пришел к единодушному заключению, что необходимо посылать либо очень квалифицированных товарищей, либо вовсе никого не посылать.

3) Перегрузка партий директивами. Статистический подсчет циркуляров, воззваний, директив, писем и т. д., адресованных разным секциям Коминтерна, показал, что здесь делается много лишнего, что имеется некоторая гипертрофия отзывчивости к событиям в отдельных секциях (так-называемое „дерганье“). Само собой разумеется, что этот недостаток при слабом интернациональном пульсе некоторых секций неизбежно вызывает нежелательную реакцию.

4) Недостаточный предварительный обмен мнениями. Решения по важным вопросам большею частью принимались, как обязательные решения, без предварительного опроса соответствующей секции. Отсюда ряд конфликтов, которых можно было бы избежать. Это точно так же урок, вынесенный целым рядом товарищей из заграничных поездок.

В настоящее время организационная структура аппарата Коминтерна представляется в следующем виде:

1. Конгресс, как высшая инстанция.
2. ИККИ, выбираемый на конгрессе (председ., 24 члена и 10 канд.).
3. Расширенный пленум (конференция).
4. Президиум ИККИ (выбирается на расширенном пленуме).
5. Секретариат.
6. Отделы: организационный, агит-пропагандистский, информац.-статистический, восточный (последний имеет еще бюро во Владивостоке).
7. Институт референтов по странам (из членов Исполкома).
8. Журнал „Комм. Интерн.“ и издательство в России и в Берлине.
9. Ряд комиссий (бюджетная, ревизионная и т. д.).

Вместе с Профинтерном КИ образует общий „Комитет Действия“ по борьбе с наступлением капитала и т. д.

Под непосредственным руководством КИ стоит Коммунистический Интернационал Молодежи, объединяющий в настоя-

щее время 600.000 членов (420 т. СССР; 30 т.—Германия; 15 т.—Чехо-Словакия; 14 т. Норвегия; 22 т. Америка, и т. д.).

Наконец, следует упомянуть о международной спортивной пролетарской организации („Спортинтерн"), которая стоит в организационной и идейной связи с КИ.

Для иллюстрации работы Исполкома и его президиума приводим табличку разбиравшихся вопросов.

С апреля 1922 г. по апрель 1923 г. вопрос об отдельных странах разбирался:

Австралия	5 раз.	Испания	4 раза
Австрия	6 „	Италия	26 „
Америка	14 „	Китай	3 „
Англия	13 „	Корея	3 „
Аргентина	— „	Латвия	1 „
Армения	2 „	Литва	1 „
Балканы	4 „	Люксембург	3 „
Бельгия	2 „	Норвегия	20 „
Буковина	1 „	Польша	5 „
Венгрия	10 „	Турция	5 „
Галиция	2 „	Финляндия	2 „
Германия	14 „	Франция	21 „
Греция	2 „	Чехо-Словакия	12 „
Дания	7 „	Швейцария	4 „
Египет	2 „	Швеция	4 „
Индия	— „	Юго-Славия	4 „
Ирландия	4 „	Ю. Америка	3 „
Исландия	1 „	Япония	3 „

Общие вопросы разбирались (за тот же период):

Молодежь	13 раз
Принципиальные политические вопросы общего характера	99 „
Общие организационные вопросы	211 „

Таким образом, с точки зрения аппарата Коминтерн представляет из себя обширную организацию, которая для своего обслуживания требует достаточного количества сил и средств. Чтобы эта машина правильно функционировала, необходимо, чтобы партии давали на это дело своих лучших людей, ибо КИ — это не интернациональная декорация, а действующий боевой пролетарский орган, на котором лежит тяжелая ответственность за судьбы международного революционного движения.

Истекшие годы войны и ряда революций позволяют теперь видеть многое, что не было видно раньше.

Крах II Интернационала,—это ясно теперь как день,—имел глубочайшие исторические причины, коренившиеся во всем развитии мирового хозяйства. Среди бесконечных узоров производственных связей и отношений „великие державы" были крепостями капиталистической эксплоатации. Раскинув свои щупальцы по всему миру, эти спруты выкачивали соки из всех уголков земного шара. Рабочие этих „великих держав" объективно соучаствовали в эксплоатации миллионов отсталых стран. Чем более монопольное положение занимала

данная страна на мировом рынке, тем более прочной цепью приковывал капитал своего наемного раба относительной общностью интересов. И чем более квалифицированным технически был данный слой рабочих, тем крепче была эта его связь со своим хозяином. Так вырастало объективное противоречие в бытии рабочего класса империалистических государств. С одной стороны, рабочий класс технически и культурно созревал для выполнения своей исторической миссии, с другой—он отдалялся от ее выполнения и „ручнел". Идеологическим выражением этого процесса и был II Интернационал, с его защитой империалистического государства.

Как могла быть выбита эта идеология, которая является самой могучей поддержкой буржуазного трона? Только изменением привилегированного бытия. А это изменение в бытии должно было начаться тогда, когда разверзлись и дошли до своего крайнего напряжения противоречия капиталистической системы. Этот процесс начался с войной. Этот процесс продолжается в нашу эпоху капиталистического упадка.

Можно нарисовать показательную кривую революционизирования рабочего класса. И она в точности соответствовала бы степени распада империалистского монопольного положения соответствующих государств. Крайний левый фланг движения обозначился в России именно потому, что в империалистской войне рухнула российская великодержавность, еще не успевшая расцвесть. Наиболее революционным отрядом пролетариев в Европе является германский пролетариат опять-таки потому, что исчезли (или, вернее, исчезают) перспективы империалистского благоденствия. То же в Италии. Во Франции, несмотря на Рур, репарации и т. д., все чувствуют относительную неустойчивость режима,—отсюда нарастающая революционная идеология. Наоборот, там, где эти империалистские перспективы еще живут, и для их жизни есть еще (пока!) реальные основания, там рабочий класс еще крайне консервативен: таково положение дел в Англии, еще больше в Америке. Когда рабочий класс Европы освободится от социал-патриотизма окончательно, американский пролетариат еще будет игрушкой в руках Гомперсов.

Но есть объективная логика фактов. Капиталистический мир, несмотря на всю свою цепкость и живучесть, продолжает расползаться.

Этот процесс ускоряется выступлением на историческую арену колониальных и полуколониальных народов, которые объективно играют роль тарана, наносящего удар империалистской системе с тыла. Конечно, это не социализм, что их движет. Но это есть колоссальная разрушительная сила, которая подкапывает самые основы империалистского господства. Именно поэтому в кругах II Интернационала и амстердамцев такое пренебрежительное и враждебное отношение к „низшим расам", „туркестанцам" и т. д. И именно потому революционный авангард пролетариата, который хочет не чинить капитализм, а его ниспровергнуть, подает руку помощи колониальным народам.

Если рассматривать положение вещей в их всемирно-историческом масштабе, можно сказать, что крупные промышленные государства — это города мирового хозяйства, а колонии и полуколонии — это его деревня. И вот когда капиталистическая система зашаталась в своих основах, когда в „городе“ начинается революционное брожение, и в деревне начинают пускать красного петуха, необходимо создание небывалого, но уже начавшего осуществляться, великого единого фронта между революционным пролетариатом мирового „города“ и крестьянством мировой „деревни“. На этот путь история вступила бесповоротно. Какие смертоносные орудия ни будет изобретать буржуазия, рано или поздно она будет выбита из всех позиций, когда тяжелая масса миллионов начнет поворачивать эти орудия против капиталистических владык. (Аплодисменты).

Председательствующий. Группой делегатов внесено предложение, поддерживаемое Президиумом, чтобы по отчету Коминтерна прений не открывать. Разрешите проголосовать. Есть ли возражающие? Нет. Слово имеет тов. Каменев.

Каменев. Товарищи, я предлагаю нашему съезду принять единогласно следующую резолюцию:

XII съезд РКП всецело одобряет деятельность делегации РКП в Исполкоме Коминтерна.

РКП отдает себе полный отчет в тех трудностях, которые переживаются рабочими партиями ряда стран в связи с ростом фашизма и обрушившимися на головы рабочих бешеными репрессиями буржуазной реакции.

Съезд заявляет Коминтерну, что его российская секция считает своей первейшей обязанностью более, чем когда-либо, всеми силами помогать братским партиям других стран в их борьбе за коммунизм под испытанным руководством III Интернационала.

Председательствующий. Других предложений нет? Нет. Голосую. Кто за это предложение, прошу поднять руки. Есть против? Нет. Принято единогласно. (Аплодисменты).

Объявляю заседание закрытым.

В Президиум 12 съезда РКП.

В докладе т. Бухарина даны неверные цифры о состоянии мирового профдвижения, а равно недостаточно освещена роль Франкфуртской конференции, как в высшей степени важного этапа в борьбе Коминтерна и Профинтерна за единый фронт. Настоящим вношу необходимые исправления:

I.

1. Амстердамский Интернационал к началу 1923 года охватывал около 20 миллионов профессионально-организованных рабочих.

2. Амстердамский Интернационал является исключительно евро-

пейским объединением, ибо вне европейских стран к нему примыкают только лишь профсоюзы Канады.

3. Из 20 миллионов организованных рабочих, входящих в Амстердамский Интернационал, около $^1/_3$ стоят на точке зрения Профинтерна и организационно не порывают с реформистскими организациями, осуществляя лозунг Коминтерна и Профинтерна,—завоевания, а не разрушения профсоюзов.

4. Основной базис Амстердамского Интернационала—это профсоюзы Англии, Германии, Бельгии и Австрии. Но этот же состав делает Амстердамский Интернационал абсолютно бессильным, в виду националистических противоречий руководителей профдвижения этих стран.

5. Профинтерн имеет в этих странах: в Германии—35%, в Англии—15%, в Австрии—12%, и в Бельгии—около 10%. Эти страны и дают количественный перевес Амстердамскому Интернационалу.

6. Профинтерн, помимо целых национальных объединений в ряде европейских стран (Россия, Франция, Юго-Славия, Болгария, Норвегия, Голландия и т. д.), имеет во всех амстердамских союзах свои меньшинства и целые организации и меньшинства во всех частях земного шара. К Профинтерну примыкают: профсоюзы Австралии, меньшинства Соединенных Штатов, Канады и Южной Африки, профсоюзы Египта, целые союзы и меньшинства в Японии, Китае, Индии, Индонезии, Персии, Турции, Корее и т. д.

7. Все 24 международных объединения по производствам (металлистов, горнорабочих, текстильщиков и т. д.) формально примыкают к Амстердамскому Интернационалу, имея в своем составе почти везде серьезные меньшинства и целые союзы, примыкающие к Профинтерну. По некоторым производствам (транспортники, строители, деревообделочники) мы имеем в международном масштабе одинаковое количество членов с Амстердамом. В других (горнорабочие, металлисты, кожевники) серьезные меньшинства.

8. В общем если подсчитать точное количество рабочих, безусловно стоящих за Амстердамским Интернационалом во всех странах, то оно доходит до 14, максимум 15 миллионов. Количество сторонников Профинтерна сейчас доходит до 13 миллионов.

II.

Международная Конференция во Франкфурте, помимо коммунистов и синдикалистов, привлекла также рабочих, примыкающих к социал-демократической партии и к партии независимых. Ряд профессиональных организаций, фабкомов Германии с преобладающим социал-демократическим большинством принял участие на Франкфуртской конференции, вопреки запрещениям Центрального Комитета Германской Социал-Демократической партии и Главного Правления Общегерманского Объединения Профессиональных Союзов. На Франкфуртской конференции, помимо фракции и сторонников Коминтерна и

Профинтерна, были фракции социал-демократов и независимых. Социал-демократы в своем заявлении, прочитанном на конференции, требовали от своих вождей отказа от коалиции с буржуазией и заключения блока с коммунистами. Это выступление социал-демократических рабочих вызвало бешеные нападки социал-демократических верхов, что еще более обострило борьбу между рядовой рабочей массой и руководителями реформистского движения в Германии. Борьба там в последнее время особенно заострилась вокруг создания дружин самообороны, за которые высказываются социал-демократические рабочие, против которых со всей решительностью выступают социал-демократические министры.

Франкфуртская конференция выработала платформу для революционных рабочих всех направлений, и этим она вогнала клин в реформистские политические и профессиональные организации. Она создала Международный Комитет борьбы против опасности войны и фашизма, куда вошли, вопреки своим вождям, социал-демократические рабочие. Этим самым Франкфуртская конференция была серьезным шагом на пути к осуществлению единого фронта и сплочения рабочих масс вокруг лозунга беспощадной борьбы против буржуазии. Лозунги Франкфуртской конференции стоят сейчас в центре внимания европейских рабочих, и особенно рабочих Германии и Франции. Конференция еще больше сблизила революционных рабочих этих обеих стран, что в данной обстановке имеет колоссальное значение.

III.

Все эти факты я считал необходимым сообщить для того, чтобы у делегатов съезда не сложилось неправильного представления о степени влияния коммунизма в международном профессиональном движении. События развиваются, правда, медленно. Но мы имеем уже во всем мире такие организационные не только чисто-партийные, но и профессиональные опорные пункты, которые дают право рассчитывать на полную победу. Беда мирового рабочего движения в настоящий момент заключается в том, что ни коммунистические партии, ни руководители революционных союзов не успевают организационно закреплять политическое полевение масс. В этом кроется опасность для всего движения, но поскольку эта опасность Коминтерном сознана, она в ближайшие годы, несомненно, будет устранена.

А. Лозовский.

Заседание восьмое.

(*20 апреля 1923 г., вечернее*).

Председательствующий. Заседание возобновляется. Переходим к рассмотрению 5 пункта порядка дня. Слово имеет для доклада тов. Троцкий. (Продолжительные аплодисменты).

Троцкий. Товарищи, мне поручено сделать не отчетный, разумеется, доклад. Для отчетного доклада о работе промышленности за год Центральный Комитет выбрал бы докладчика, непосредственнее и ближе стоящего к управлению самой промышленностью. Доклад, который мне поручено сделать, имеет более директивный характер, и поэтому заранее предваряю, что не буду пытаться дать сколько-нибудь законченный отчет о работе нашей промышленности. Но, вместе с тем, для того, чтобы сделать те основные выводы, которые намечены в тезисах ЦК, я должен буду обратиться к некоторым итоговым данным не в смысле отчета за прошедший год, а в смысле опоры для директив на будущий год. Мне придется,—я заранее опять-таки об этом предваряю,—начать с установления некоторых элементарных экономических положений относительно нашей, все еще так-называемой „новой“ экономической политики. На 4 конгрессе Коммунистического Интернационала мы рассуждали с иностранными партиями о том, придется ли им также проходить через НЭП. На это мы все, в общем и целом, солидарно отвечали: поскольку НЭП есть использование рабочим государством методов, приемов и учреждений капиталистического общества для построения или для подхода к построению социалистического хозяйства, все рабочие государства пройдут через подобный период, одни довольно пространно, другие по более сокращенному учебнику. Конечно, чем культурнее, чем образованнее страна тем более сокращенный учебник по НЭП'у ей понадобится.

Почему, собственно, рабочее государство оказывается вынуждено использовать на первых своих шагах методы и учреждения капиталистического строя, рынка? Потому, что новых методов для распределения производительных сил и средств между разными отраслями хозяйства еще нет. Надо пользоваться старыми, рыночными, пока не создали новых—централизованных, плановых, учетных. Такова общая формула новой экономической политики. Но она слишком обща, слишком „алгебраична“ для того, чтобы понять ее специфический смысл в условиях Советской России.

У нас вопрос распределения сил и средств прежде всего наталкивается на соотношение между городом и деревней. Сельское хозяйство у нас—преобладающее занятие населения. Стало-быть, если

в Европе рыночные отношения и учреждения будут необходимы в течение известного периода для правильного распределения сил и средств (правильного, поскольку вообще методы капитализма могут дать и как-никак дают известное соотношение между разными отраслями хозяйства), постольку у нас рыночные отношения должны в первую голову регулировать отношения между городом и деревней. Вот специфический характер нашего российского или нынешнего „союзного“ НЭП‘а. И нам надо себя спросить: за эти два года новой экономической политики разрешили ли, приблизились ли мы к разрешению тех задач, во имя которых мы рыночного дьявола вызвали на свет? Да или нет?

Каковы эти задачи? Первое и основное „поручение“, которое было, так-сказать, дано НЭП‘у нашей партией, состоит в том, чтобы подтолкнуть вверх производительные силы страны. Вторая задача, которую мы разрешаем впервые в истории, состоит в том, чтобы эти поднимающиеся или долженствующие подняться производительные силы направлять по возможности в русло рабочего государства на социалистический путь. Это совсем, товарищи, не один и тот же вопрос. Что на почве рынка производительные силы поднимаются,—это мы видим кое-где и помимо нашей страны. Крестьянство, ремесленники, кустари, увеличение оборота, развитие производительных сил,—это мы наблюдали у себя до революции, до войны. Это мы наблюдаем в Индии, это наблюдаем в Китае... Рынок на известной стадии развития способствует поднятию производительных сил, но это не есть, конечно, последний или решающий для нас факт. Наша подлинная, настоящая работа начинается где? *Там, где мы эти поднимающиеся производительные силы направляем по каналу социалистического строительства.* Надо всегда строго иметь в виду эти две стороны вопроса, чтобы не обманывать себя фактами, данными, цифрами, которые мы извлекаем из нашей, не очень точно подсчитываемой экономической жизни. И вот если мы поставим первый вопрос,—способствовал ли рынок за эти два года подъему производительных сил в стране,—то мы должны будем ответить без всякого колебания положительно. Цифры наши, я уже говорил об этом, очень несовершенны. При помощи Центрального Статистического Управления я пытался получить суммарные данные о нашем хозяйстве. Они касаются наших доходов, доходов от всех отраслей хозяйства, в 1913, 1921 и 1922 гг.

Продукция по ценам довоенного времени.

	Промышлен. (стоимость окончат. продуктов).			Сельское хоз. (валовая продукция).	Всего.	В том числе арендованная промышлен.	% к общей сумме продукции промыш.
	Крупная и средняя.	Ремеслен.-кустарная.	Итого.				
1913 г.	3.721	370	4.451	6.714	11.165	—	—
1921 г.	669 } +43%	260	929	3.535	4.464	46,0	6,3
1922 г.	954	415	1.369	4.005	5.374	68,0	4,9

1913 г. взят, как предвоенный, для сравнения. Цифры не точны, но динамику, изменение, движение они все же характеризуют достаточно. Общий валовой доход от всех отраслей хозяйства, и сельского, и промышленного, в 1913 г. было 11 с чем-то миллиардов в зол. руб. В 1921 году—меньше, чем $4^1/_2$ миллиарда. В 1922 году—5 миллиардов с третью. Значит, с 1921 года на 1922 год наблюдается рост с $4^1/_2$ до 5 с третью миллиарда. Я должен, однако, сказать, что цифры взяты такие: для промышленности за календарный год, а для сельского хозяйства—за сельскохозяйственный год, от октября до октября. С точки зрения формальной, канцелярской это не вполне правильно, но для того, чтобы в короткий период видеть динамику, движение,—это в данном случае более правильный метод. Во всяком случае, я о нем вас предупредил.

Сельское хозяйство за 1913 год дало 6,7 миллиардов золотых руб. За 1921 год—$3^1/_2$ миллиарда, за 1922 год—4 миллиарда. Значит, с 1921 на 1922 год подъем с $3^1/_2$ до 4 миллиардов. По сравнению же с 1913 годом мы имеем сейчас меньше, чем две трети.

Как обстоит дело по отношению к промышленности? Промышленность в целом в 1913 г. дала 4 миллиарда 400 миллионов валового дохода. В 1921 г.—929 миллионов, т.-е. меньше одного миллиарда, и в 1922 г.—один миллиард с третью,—следовательно, значительный подъем.

Но нас интересует крупная и средняя промышленность, т.-е. наша государственная национализированная промышленность, с одной стороны, кустарная и ремесленная—с другой. Вот на эти цифры, товарищи, я обращаю ваше внимание. В 1913 году крупная и средняя промышленность дала валового дохода 3,7 миллиарда. В 1921 году—669 миллионов, т.-е. больше полумиллиарда. В 1922 г.—954 миллиона, т.-е. почти уже миллиард. Другими словами, с 1921 г. до 1922 календарного года промышленность, крупная и средняя вместе, возросла на 43%. Другие исчисления от этих несколько отличаются, но, повторяю, это самые последние данные Центрального Статистического Управления.

А ремесло и кустари? До войны, в 1913 году, ремесло и кустарная промышленность давали валового дохода 730 миллионов, т. е. три четверти миллиарда в год. В 1921 году эта цифра падает до 260 миллионов, т.-е. немножко больше четверти миллиарда. В 1922 г. поднимается до 415 миллионов. Таковы данные по кустарной и ремесленной промышленности. Они свидетельствуют об ее чрезвычайно возросшем удельном весе.

Товарищи, это цифры и факты в высшей степени для нас важные. Они указывают прежде всего, что самую элементарную, основную задачу, которую можно формулировать так: не дать стране погибнуть (прекращение хозяйственного развития исключает, разумеется, возможность как социализма, так и капитализма; для того, чтобы можно было строить социализм, нужно, чтобы страна хозяйственно поднималась, а не падала,—это элементарное условие),—вот эту свою

задачу новая экономическая политика, несомненно, начала серьезно разрешать. Это основной факт. Подъем бесспорный. Увеличился обмен между городом и деревней. Цифры можно привести; многие из вас знают их и без того. Наши газеты сейчас дают довольно обильный цифровой материал, а некоторые из них печатаются так, что цифры иногда можно даже разобрать,—бывает и это. (Смех). Но обращаю тут же ваше внимание на факт чрезвычайной важности: товарный оборот между городом и деревней за истекший год имел, главным образом, потребительский характер, т.-е. город получал от деревни предметы личного питания, а крестьянин, в свою очередь, получал от города, главным образом, предметы личного потребления или домашнего обихода. Это означает, что так-называемая смычка—экономический обмен между городом и деревней—проходит через первоначальную стадию, т.-е. как обмен потребительских благ. Следующий этап, большой новый этап, начнется тогда, когда главное место в товарообмене между городом и деревней займут производственные, а не потребительские блага, когда деревня даст городу промышленное сырье, когда город даст деревне сел.-хоз. орудия, удобрение и пр., и пр. Но мы только подходим к порогу этого второго периода, и как он развернется,—еще не знаем. Примитивность оживления нашего хозяйства характеризуется этими двумя обстоятельствами: потребительским характером обмена между городом и деревней—раз, и непропорционально большой ролью кустарной и ремесленной промышленности—два. Кустарная и ремесленная промышленность, работающая, главным образом, на крестьянина, дает продукции на 415 милл. руб. золотом, а промышленность, крупная и средняя, на 954 милл.,—значит, лишь в два с немногим раза больше.

И вот здесь перед нами встает во весь рост вопрос: по какому же руслу развивается товарообмен между городом и деревней, в какую сторону перевес, в сторону,—если говорить отчетливо,—капитализма или социализма? Производительные силы возросли немного, но возросли, страна стала богаче. Но из этого прироста, из этой прибавки кто получил пока-что большую долю: рабочее государство или частный капитал? Нэп есть признанная нами законодательным порядком арена борьбы между нами и частным капиталом. Мы эту арену воссоздали, легализовали и на ней борьбу ведем всерьез и надолго, но борьбу эту нужно вести с подсчетом на каждом повороте, на каждом этапе, а таким этапом является не в последнем счете и партийный съезд. Это важнейший вопрос: кто от хозяйственного прироста больше получает, какую тенденцию обнаруживает на этот счет развитие, кто захватывает львиную долю? В этом вопросе нельзя теоретически предсказывать. Тут нужно иметь зоркие глаза, загребастые руки и тянуть к себе, практически решая, таким образом, этот вопрос, но по мере практического решения нужно его статистически и экономически проверять.

И вот, товарищи, цифра эта,—400 слишним миллионов руб. продукции кустарной и ремесленной промышленности,—это есть тот факт,

который, на-ряду с ролью частного торгового капитала, нам прежде всего нужно ввести в наше сознание. Когда я делал доклад по вопросу о нашем хозяйстве на IV конгрессе Коминтерна, я этой цифры еще не имел, и того значения, которое ей нужно придать, не придавал: она тогда еще не обнаружилась. Разумеется, факт оживления кустарничества, как и крестьянского сельского хозяйства, есть положительный факт огромного значения. На этой основе можно строить. Но если отстанем, на этой основе будут строить другие, и строить против нас. Что такое ремесло и кустарничество? Это тот питательный бульон, из которого в прошлом развивался наш капитализм, по крайней мере, одним своим крылом. Другим крылом он развивался через бельгийский, французский, английский капитал, который насаждал у нас,—например, в наших южных степях,—целые заводы, до последнего гвоздя, из Бельгии, Америки и т. д.

Но иностранный капитал мог революционизировать нашу экономику постольку, поскольку у нас появился уже собственный капитал, торговый и промышленный. Последний появлялся в значительной мере из соединения кустарно-ремесленной сферы (главным образом, кустарной; ремесленная у нас была ничтожна) и торговой. Торговец находил свою „смычку" с кустарем: либо его подчинял себе, либо сам строил фабрику, и т. д. И из сочетания торгового капитала и кустарничества вырастали русские, истинно-русские, не из-за границы ввезенные фабрички, заводики и пр., и пр. Эта кустарная промышленность живет, так-сказать, налегке, с примитивным оборудованием; как только рынок появился, наш Ванька-Встанька тут как тут, и в год дал продукции на 415 миллионов рублей золотом, в то время как вся государственная промышленность вместе с арендной, которая, правда, занимает всего менее 5%, дала на 954 миллиона.

Вы знаете, что частный капитал у нас в промышленность, крупную и среднюю, почти не проник. Арендная промышленность (а в ней частного капитала немножко больше половины) всего произвела за год на 68 милл. руб. Но в торговле частный капитал играет у нас крупную роль, особенно, конечно, в мелкой, посреднической, спекулянтской, в мелкой торговле явно преобладающую роль. Вот два элемента: торговый частный капитал, с одной стороны, кустарничество—с другой; их смычка, если мы в нашей промышленной и торговой работе зазеваемся и отстанем, может оказаться целиком направленной против нас. Этому пойдет навстречу крестьянский хлебный рынок, который тоже в случае нашей пассивности и неумелости может составить питательный бульон для произрастания торгового, а в дальнейшем и всякого другого частного капитала. Как же обстоит дело в области отношений между государственной промышленностью и рынком? Есть ли у нас здесь успехи? И если есть, то в чем они состоят?

Промышленность существует для того, чтобы производить полезные вещи. Мы их производим ныне больше, чем год назад, мы их производим немного лучше. Производительность труда повысилась. И как результат этого и условие для дальнейших успехов,—что для нас

особенно важно,—повысилась заработная плата рабочих, Все это чрезвычайно важные завоевания. Но: спросим мы тут же это оживление промышленности, означает ли оно уже сейчас обогащение государства, да или нет? Кто-нибудь скажет: а как же, раз промышленность оживляется, то тем самым и государство обогащается. Нет, такой вывод был бы слишком поспешным. Это не одно и то же, совершенно не одно то же. Вот вам пример. Мы имели до вчерашнего дня Германию, которая в то время, когда вся Европа стояла под знаком ужасающего кризиса, переживала период бешеного промышленного оживления; но в немецкую историю этот период вошел под названием Ausverkauf, т.-е. распродажа. Продавая за границу продукты своего труда, Германия распродавала себя в том смысле, что получала за них ниже себестоимости. Отдельные капиталисты, спекулянты, наживались, но железные дороги не восстановлялись, водопроводы в городах не восстановлялись, дома, где жили рабочие, не восстановлялись. Весь материальный скелет государства приходил и приходит в упадок, а частицы этого государственного скелета уносились за границу в виде дешевых товаров. И эта спекулятивная горячка означала и означает разорение Германии. Там это связано к тому же с грабительским вторжением во внутреннюю жизнь страны чужеземной военной руки, которая вырывает самые жирные куски. Внешность германской экономической жизни до недавнего времени давала явления подъема. А на деле шло разорение. Мы имели перед собой как бы фильму, которую показывают сзади наперед. Это иногда делают для шутки. Человек лезет на дерево, но фильму показывают нам в обратном порядке; и вы видите, как сползает с дерева вниз человек, а движения делает такие, как-будто он лезет вверх. Так и с германским хозяйством: все движения подъема, а сползает вниз, ниже и ниже. Но там, повторяю, контрибуция. Мы же контрибуции никому не платим: мы в октябре все долги заплатили. (Смех. Аплодисменты). В этом отношении у нас привилегия. Поэтому если у нас государственная промышленность терпит убытки,—а это так,—то не в пользу иностранцев, как в Германии, а, очевидно, в пользу каких-то внутренних третьих лиц. Кто эти „третьи лица“? Это мелкая буржуазия, появляющаяся средняя буржуазия, спекулянт, отчасти деревня,—но о деревне будем говорить особо. И мы должны себе сказать, что за первый период НЭП'а наша промышленность работала в убыток. И тут еще нет ничего страшного или угрожающего,—это неизбежный этап; но мы должны себе все-таки сказать всю правду целиком: мы за этот год работали в убыток. Если мы возьмем легкую и тяжелую промышленность вместе,—можем еще и транспорт прибавить, можем ему отдельный счет вести, это все равно,—то окажется, что государственная промышленность работала в убыток. Это значит, что если взять ту сумму материальных ценностей, которые имелись у государства в области промышленности год назад и сегодня, то мы сегодня беднее, чем год назад. В этом нужно отдать себе ясный отчет.

Отдельные отрасли промышленности у нас, правда, хвалятся при-

былью. Об этом я еще кое-что скажу позже. Кое-где она, может-быть и есть, а кое-где ее производят на свет при помощи сложных и таинственных арифметических упражнений, которые новая ЦКК вместе с Рабкрином, надеюсь, рассмотрят, как следует быть. (Смех). Но в общем и целом легкая и средняя промышленность питалась за счет бюджета, а бюджет, главным образом, за счет крестьянского хозяйства. Я сказал уже, что у нас налицо повышение на 43% всей промышленной продукции. Если возьмем горное дело, уголь, нефть, то тут повышение ничтожное. Больше всего повышение на хлопчатобумажной промышленности: с 86 милл. до 191 миллиона,—более, чем в два раза, и на шерстяной с 72 до 137 миллионов, почти вдвое. Это в миллионах золотых рублей довоенной оценки [1]).

Здесь, стало-быть, ясно видна та основная черта, которая характеризует весь вообще первый период нашего хозяйственного оживления: потребительский характер товарообмена между городом и деревней; Урал опережает Юг; легкая промышленность забегает вперед; еще больше вперед забегает кустарь; арьергард, тяжелая промышленность, сильно отстает, делая только первые шаги, а в совокупности легкая и тяжелая промышленность дает государству пока-что убыток. Неизбежность этого этапа можно понять, даже не вдаваясь в более детальный экономический анализ размеров и причин убытка; можно с самого начала понять, что раз весь аппарат нашего промышленного хозяйства пришел в состояние почти полного замерзания, то для того, чтобы эту огромную машину разогреть и сдвинуть, необходимо было какое-то дополнительное количество топлива. Наш убыток это и есть

[1]) Валовая продукция в миллионах золотых рублей:

Отрасли промышленности	1921 г.	1922 г.
1. Цементная	1,1	1,4
2. Рудная	1,6	1,4
3. Добыча золота	1,7	7.3
4. „ платины	0,4	1,9
5. „ соли	4,3	5,5
6. „ кам. угля	51,4	60,9
7. „ нефти	51,9	62.3
8. „ торфа	16,2	14,4
9. Металлическая	85,8	84,2
10. Электротехническая	8,2	17,4
11. Резиновая	17,8	38,5
12. Спичечная	4,8	4,6
13. Табачная	49,1	30,3
14. Кожевенная	68,9	53,6
15. Хлопчатобумажная	85,9	191,1
16. Шерстяная	71,7	137,4
17. Льняная	17,0	42,6
18. Шелковая	1,7	10,5
19. Пеньковая	6,9	8,3
20. Трикотажная	4,0	5,5
Итого	550,3	778,8

чрезвычайный расход на растопку машины, которая почти совсем-было застыла, дойдя в некоторых местах, на некоторых заводах до физического, до метеорологического ноля и даже значительно ниже этого. Наш убыток—это дополнительные жертвы, потребовавшиеся с нас для того, чтобы привести в первоначальное движение нашу промышленность. В этом смысле, повторяю, в убыточности, самой по себе, нет еще ничего угрожающего. Чтобы быть еще более точным, скажу: немыслимо было иначе, нельзя было сразу начать с прибыли. Конечно, мы хватили через край, убыток мог бы, несомненно, быть меньше. Но нельзя было полумертвой промышленности начать с прибыльной работы. Убыток на первых порах был неизбежен. Из этого, однако, никак нельзя сделать тот вывод, будто допустимо, чтобы этот убыток вошел в привычку. (Смех). Это есть только наша плата за вход в период оживления хозяйства. Один раз заплатили, и довольно. Дальше уже надо приноравливаться к тому, чтобы работать с прибылью. Из конкурентов работают с прибылью уже сейчас кустарь и торговец, которые, если мы зазеваемся, пойдут навстречу друг-другу к ущербу не только для пролетариата, но и для кустаря. И от этого монополией торговли дверей не затворишь, ибо и торговый капитал, и кустарь, тут же у нас внутри, везде и всюду. И мы сами для того, чтобы возможно было возрождение государственного хозяйства, дали волю и торговцу, и кустарю, и хлебному рынку, и должны были дать. Но если не сумеем овладеть этим процессом, то из него может вырасти опасный противник.

Мы часто говорим, что занимаем командные высоты в промышленности. И это абсолютно правильно. Транспорт в наших руках, металлургия, топливо, важнейшие заводы, банки,—все это решающие командные высоты. Но эти командные высоты, в отличие от геологических высот, либо нарастают, либо падают, понижаются. Гомза не так устойчива, как Эльбрус и даже как Воробьевы горы. (Смех). Если мы спросим себя: совокупность наших командных высот сильнее сегодня, крепче, чем год назад?—то придется ответить двойственно. Наши промышленные объединения начинают работать и работают,—в этом обнаруживается их возросшая жизненная энергия, и это огромнейший плюс. Но по совокупности материальных ценностей, которые имеются в их инвентаре, они беднее, чем были год назад. Вот двойственный ответ, и он заключает в себе указание при развитии убыточности на реальную опасность. Сейчас можно сказать, что в ней еще нет ничего угрожающего, но при одном условии: если будем ее ясно видеть. А если станем закрывать на нее глаза, то погибнем неизбежно.

Каковы выводы из этого первоначального анализа?

Во-первых, мы переживаем начальную стадию хозяйственного оживления. Это нас спасает от хозяйственного и культурного умирания, которое выражалось, между прочим, и в том, что меньшевики злорадно называли „аграризацией“ России, понимая под этим распадение городов, бегство рабочих в деревню. Это—первое капитальнейшее за-

воевание. Другое завоевание — повышение заработной платы, что является первейшим условием роста жизненной энергии самого пролетариата.

На второй из двух поставленных нами вопросов,—кому идет непосредственно в данный момент на пользу хозяйственное оживление,—мы должны сказать, что в истекший период оно пошло на пользу в первую голову торговому капиталу, мелкой и легкой промышленности, в том числе и кустарю. А мы на растопку нашей большой машины затратили известную часть нашего основного капитала.

Кто желает ярче, конкретнее представить себе один из теоретически возможных вариантов дальнейшего процесса,—вариант, враждебный нам,—тот пусть прочтет те главы из книги Владимира Ильича „Развитие капитализма в России", где говорится о капиталистическом „оплодотворении" кустарничества торговым капиталом.

Я сказал, что мы работали в убыток. Это не моя личная только оценка. Ее разделяют очень авторитетные хозяйственники. Я рекомендую взять вышедшую к съезду книжку т. Халатова „О заработной плате". В ней имеется предисловие тов. Рыкова, который говорит: „Вступая в третий год новой экономической политики, необходимо признать, что успехи истекших двух лет еще недостаточны, что они нам не сумели обеспечить даже полной приостановки процесса уменьшения основного и оборотного капиталов, не говоря уже о переходе к накоплению и увеличению производительных сил Республики. Третий год должен сделать наши промышленность и транспорт в их главнейших частях доходными". Значит, тов. Рыков констатирует, что основной и оборотный капиталы за этот год продолжали уменьшаться. „Третий год,—говорит он,—должен сделать наши промышленность и транспорт в их главнейших частях доходными". К пожеланию тов. Рыкова я присоединяюсь охотно; что же касается оптимистической надежды на третий год, я воздержусь. Чтобы уже на третий год мы сделали основные отрасли нашей промышленности прибыльными, я этого не думаю и считаю, что будет очень хорошо, если мы, во-первых, лучше подсчитаем наши убытки в третьем году НЭП'а, чем мы это сделали во втором, и если мы сможем доказать, что в третьем году наши убытки по важнейшим отраслям хозяйства—транспорту, топливу и металлургии—будут меньше, чем во втором году. Здесь самое важное—установить тенденцию развития и помочь ей. Если убыток уменьшается, а промышленность растет, то наше дело в шляпе,—тогда мы дойдем до победы, т.-е. до прибыли, но нужно, чтобы кривая разворачивалась в нашу пользу.

Таков итог первого периода НЭП'а, и из этого итога вытекают задачи второго периода. Задачи эти в их самом общем виде я, в сущности, уже назвал: нужно сделать все, чтобы общехозяйственное оживление продолжалось, т.-е. мы нашей политикой должны внимательно, умело и настойчиво содействовать дальнейшему развитию производительных сил; обмен между городом и деревней должен, в соответствии с этим, принимать все более производственный, а не потребительский

характер; наконец, самое главное для нас, как для рабочего государства, чтобы все это оживление направлялось чем дальше, тем более по государственному, социалистическому каналу, т.-е. умелой, целесообразной политикой и хозяйственной организацией мы должны отводить на мельницу социализма максимальную часть того, что мы условно назовем прибавочной стоимостью, создаваемой всем трудовым населением нашего Союза.

Примерное душевое потребление главнейших промышленных продуктов в крестьянском хозяйстве.

	Норма душевого потребления.	1913 г.		1922 г. 15 дек.		1923 г. 15 апр.	
		Цена в фун. ржан. муки.	Стоимость в фунтах ржан. муки.	Цена в фун. ржан. муки.	Стоимость в фунтах ржан. муки.	Цена в фун. ржан. муки.	Стоимость в фунтах ржан. муки.
Мануфактура	9,4 арш.	4,33	40,7	13,84	130,1	20,07	188,7
Мыло	4,8 фун.	5	24,0	9,2	44,2	13,84	66,4
Керосин	14 фун.	1,67	23.4	1,97	27,6	3,22	45,1
Кожтовар	1 п. сапог	233	233.0	550	550	545,70	545,7
Спички	2,3 пачки	3,3	7,6	7,7	17,7	6,33	14,6
Соль	30,4 фун.	0,3	9,1	1,5	45,6	2,35	71,4
Сахар	10 фун.	4,33	43,3	26,61	261,6	18,30	183,0
Раст. масло	5 фун.	7,33	36,6	7,72	33,6	7,39	37,0
Всего на одну душу.	—	—	417,7	—	1.115,4	—	1.151,9
Повышение в % (за 100 взят 1913 г.). .	—	—	100	—	267	—	275

Какие же пути к этому? Первый и основной путь мы как-будто знаем твердо: это смычка города с деревней. Смычка—это превосходное выражение, но мы его так часто употребляем, что сплошь да рядом забываем его содержание. Поэтому нужно сейчас подойти к вопросу о смычке несколько более конкретно. Вопрос касается в первую голову обмена продуктов сельского хозяйства на продукты промышленности. Перед крестьянином, с одной стороны, кустарь, частный промышленник, торговец, контрабандист, с другой стороны—объединенная национализированная промышленность. Доступны ли крестьянину продукты этой последней? Каково соотношение цен между продукцией сельского хозяйства и промышленностью? У нас есть комиссия внутренней торговли, во главе с т. Лежавой, которая подсчитала месяца три назад,—эти цифры вам, вероятно, известны,—что крестьянин

за мануфактуру, за мыло, за керосин, за кожевенные товары, за спички, соль, сахар и растительные масла, в том количестве, которое ему нужно в обрез в его обиходе, должен теперь платить на 167% больше, чем он платил в 1913 г., т.-е. он должен давать вместо 1 фунта хлеба за соответственное количество продуктов 2,67 фунта, в $2^2/_3$ раза больше. Я вчера справлялся у т. Лежавы, как обстоит дело сейчас, спустя эти три месяца. Ответ: ожидали облегчения, оказалось ухудшение. Коэффициент повысился до 175%, т.-е. крестьянин уже платит за необходимые ему продукты городской промышленности в $2^3/_4$ раза больше хлеба, чем в 1913 г. [1]).

Для наглядности, товарищи, я вам представляю вот эту простую диаграмму,—одну-единственную, больше показывать не буду. Она очень выразительна. Три линии изображают движение цен. Это—уровень цен в виде синей линии и красной линии, а вот здесь черная линия—это общий уровень цен, который был в 1918 г. Синяя линия выражает цены на промышленные товары. Они в августе прошлого года были ниже уровня 1913 г., затем стали подниматься, скоро превысили довоенные цены и все ползут и ползут вверх. А вот цены сельскохозяйственные в виде красной линии: они в августе стояли выше цен 1913 г., потом опустились до довоенного уровня, а вот здесь вы видите сегодняшний день. Это,—увы!—называется „смычкой", пока-что. (Смех). Нужно твердо в этот образ вдуматься; две основные линии идут все более врозь, и эта раскаряка называется „смычкой". На самом деле это есть сегодняшняя основная проблема российской хозяйственной жизни. Эта диаграмма говорит нам без слов, на каком пути нужно искать ключ к социалистическому развитию.

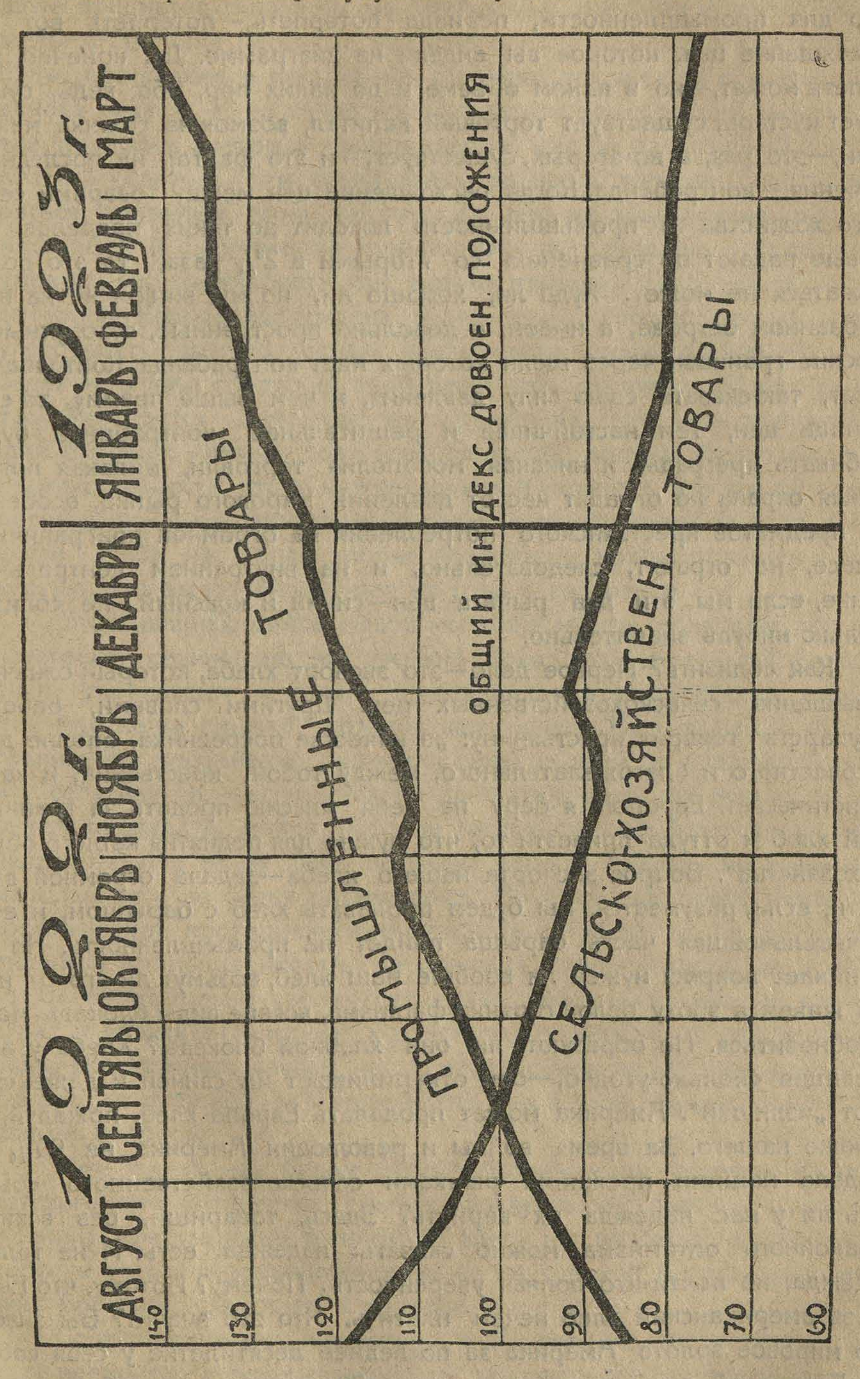
Правда, есть целый ряд соображений, которые смягчают тяжкий характер этой диаграммы,—вот этих ножниц. Некоторые из этих соображений, очень меткие и ценные, приведены в только-что вышедшей книжке тов. Ларина [2]). Я из этой книжки прочитал только одну главу,—очень, повидимому, счастливую главу, хотя и здесь тов. Ларин виноват в чрезмерном оптимизме... Тут много говорилось о неправильных взглядах тов. Ларина на вопрос о соотношении между пролетариатом и крестьянством. Тов. Ларин, со своей стороны, доказывал, что он защищал повышение налоговых ставок на 20 проц., и что это было проведено. Весьма возможно. Но, ведь, совсем не в этом вопрос. Я допускаю, что тов. Ларин в таких подсчетах очень многим даст несколько очков вперед: иной раз он, правда, жестоко ошибается, а в другой раз проявит счастливую инициативу. Но вопрос о размере налогов на крестьянина—не платформенный вопрос на тему о крестьянофильстве,—нет, это вопрос классовой бухгалтерии пролетариата, как господствующего класса. Ошибка тов. Ларина не в том, что он говорит: „налоги в данное время надо повысить на 20 процентов"; это

---

[1]) См. таблицу „Примерное душевое потребление".

[2]) „Итоги, пути, выводы новой экономической политики". Изд. „Московский Рабочий". 1923 г.

вопрос практический, надо с карандашом подсчитать, до какой точки можно налоги повышать, чтобы крестьянское хозяйство могло повышаться, чтобы крестьянин в будущем году стал богаче, чем в нынешнем.

Но если из этого повышения налогов сделать „платформу“, то она довольно неожиданно может превратиться в платформу класса против класса. Вот в чем гвоздь вопроса. Но насчет соотношения цен

тов. Ларин делает некоторые правильные замечания. Действительно, уровень 13-го года вовсе необязателен для 1923 года. Тов. Ларин говорит, что крестьянин может в течение известного, наиболее тяжелого для промышленности, периода потерпеть,—потерпеть вот это расхождение цен, которое вы видели на диаграмме. Да, конечно, потерпеть может,—но в каком объеме и до каких пор, ибо, ведь, существует кустарь, существует торговый капитал, возможна смычка между ними,—это раз, а во-вторых, существует,—и это фактор не последнего значения,—контрабанда. Когда расхождение цен между товарами сельского хозяйства и промышленности доходит до таких пределов, что первые падают по сравнению со вторыми в $2^3/_4$ раза, то это долго держаться не может. Худо ли, хорошо ли, но мы живем не на изолированном острове, а имеем, и довольно пространные, сухопутные и морские границы, через щели которых идет контрабанда. Контрабанда имеет, так-сказать, свою силу давления, и чем выше премия, то-есть разница цен, тем настойчивее и решительнее контрабанда будет разбивать преграды, и никакая монополия торговли, никакая пограничная охрана не оградят нас от давления мирового рынка, особенно для предметов крестьянского потребления на огромной приграничной полосе, не оградят, следовательно, и на внутреннем центральном рынке, если мы эти два рычага цен—синий и красный - не сблизим сколько-нибудь значительно.

Как сблизить? Первое дело—это экспорт хлеба, который означает повышение сельскохозяйственных цен. Другими словами, рабочее государство говорит крестьянину: „в качестве посредника, вполне добросовестного и благожелательного, между тобой, крестьянин, и капиталистической Европой я беру на себя миссию продать за границей твой хлеб и оттуда привезти то, что нужно для поднятия нашего общего хозяйства". Вопрос экспорта нашего хлеба—задача огромной важности, если, разумеется, мы будем продавать хлеб с барышом, и если значительнейшая часть барыша пойдет на промышленность. Но тут возникает вопрос: нужен ли вообще наш хлеб, возьмут ли его от нас? Мы живем в эпоху белой горячки фашизма, всякие виды блокады могут возобновиться. Не образуют ли они хлебной блокады? Хлеба у американцев сколько-угодно,—они откармливают им свиней и даже сжигают „излишки". Америка может продавать Европе хлеб, пожалуй, не дороже нашего. За время войны и революции Америка на 90% завладела нашими прежними рынками сельскохозяйственного сбыта. Есть ли у нас надежда их вернуть? Здесь, товарищи, без всякого незаконного оптимизма можно сказать: надежда есть. И не только надежда, но почти-что полная уверенность. Почему? Потому, что Европе за американский хлеб нечем платить. Что это значит? Вы знаете, что мировое золото Америка за последнее десятилетие у себя собрала. Европа ей должна сейчас свыше 20 миллиардов руб. зол. и не может, кроме Англии, даже процентов платить. Тем более Европа не может, не рискуя окончательно погубить свою валюту, уплачивать золотом за американский хлеб; она могла бы платить только продукта-

ми промышленности. Но беда в том, что Америке от Европы ничего не нужно: ни средств производства, ни предметов потребления, ни даже предметов роскоши; на брильянты, жемчуга и пр. сейчас наложены в Америке бешеные ввозные пошлины. Голодная Европа, стало-быть, поставлена в положение, не очень похожее на положение буриданова осла, т.-е. на такое положение, где есть свобода выбора между американским хлебом и нашим хлебом, ибо за заокеанский хлеб надо платить золотом, т.-е. увеличивать дефицит, торговый пассив и разоряться, подрывая свою валюту. За наш же хлеб можно платить нам машинами и фабричными предметами потребления (последних, разумеется, мы будем брать как можно меньше). Стало-быть, капиталистическая Европа вынуждена будет есть...—говорю: „есть", чтобы не употреблять другого, более невежливого слова (смех),—вынуждена будет есть наш советский хлеб даже при фашизме. (Аплодисменты). Разумеется, Внешторг постарается на этом деле получить большие барыши; главная доля этих барышей должна будет питать нашу промышленность, столь нуждающуюся в капитале. Это все перспективы, несомненно, очень отрадные. И главное, перспективы вывоза крестьянского хлеба на Запад вполне реальны, и можно полагать с уверенностью, что вывоз наш будет из года в год расти.

Этот начинающийся вывоз мы тоже иногда подводим под общую категорию смычки, но эта смычка пока-что намечается между русским, украинским и иным крестьянином и европейским капиталом. Это еще не та смычка, которая нам нужна. При помощи вывоза за границу мы, несомненно, поднимем цены на хлеб, на крестьянское сырье и у себя внутри,—разумеется, не до того уровня, по какому в Европе будем продавать, иначе рабочее государство не будет иметь на этом деле прибыли, наши рабочие будут дорого платить за хлеб, и промышленность не будет подниматься. Но если мы будем иметь только торговую или посредническую прибыль от экспорта, не улучшая собственной промышленности, не понижая себестоимости ее продуктов, то это будет только увеличивать связь между крестьянским хозяйством у нас и капиталистическим хозяйством на Западе, а это, в свою очередь, может иметь совсем не те последствия, какие нам нужны; сама монополия внешней торговли могла бы в этом случае оказаться под знаком вопроса.

Нам нужна,—не будем этого забывать,—как условие нашего советского самосохранения, смычка между нашей госпромышленностью и нашим крестьянским рынком. И здесь мы вплотную подходим к вопросу о нашей промышленности, ее внутренней организации, ее детских болезнях, слабостях и пороках.

Соотношение цен изменилось в $2^2/_3$ раза по сравнению с довоенным временем, а промышленность работает, тем не менее, в убыток. Чем это объясняется? Тем, что промышленность организована нерационально. Как это ни парадоксально, мы страдаем не только от бедности, но и от „богатства": мы слишком тяжело вооружены для борьбы на нынешнем слабом рынке. У нас сохранилось оборудование если

не на 100%, то на 75% довоенного и военного производства, а мы пользуем это оборудование на 17—20%, максимум на 25%. Между тем, все национализованное оборудование мы тащим на себе.

Наши тресты во многих отношениях похожи на наши старые партизанские „армии“: 500 штыков, 3 отряда самолетов, 2 радиостанции и пр., и пр. Я не говорю уже о количестве салон-вагонов и маршрутов с разными „пособниками“ обоих полов. (Смех). Наши тресты в значительной мере имеют еще эту партизанскую структуру не только по их вине, не только по нашей вине,—конечно, и вина тут есть,—но и потому, что оборудование, аппарат, оснастка объективно не отвечают той производственной энергии, которую они пока-что могут развивать.

Первый вывод, который отсюда следует сделать,—это концентрация промышленности, сосредоточение производства на ближайшие годы на наилучше оборудованных, наилучше расположенных в географическом и торговом смысле предприятиях. Эта работа производится, но медленно, вяло. Она, правда, наталкивается на величайшие затруднения и материального характера, и политического, и морального. Мы сталкиваемся с необходимостью увольнять рабочих и работниц. Это твердый, очень твердый орех, который нашей партии придется в течение ближайшего года разгрызать. Уклониться, однако, нельзя, ибо было бы величайшим малодушием со стороны рабочего класса в целом и его партии, если бы они маскировали безработицу, т.-е. содержали на заводах лишнее количество рабочих и работниц, еле работающих, полуработающих, на треть работающих, для того только, чтобы не обрекать их на открытую безработицу. Не может быть никакого сомнения в том, что замаскированная безработица представляет собою худшую, наименее действительную, наиболее дорого стоящую форму социального обеспечения. И прежде всего эта фальшивая форма социального обеспечения развращает наш хозяйственный аппарат, который не может в этих условиях правильно считать, подводить итоги, калькулировать, предвидеть, который воспитывается в духе бессмысленной расточительности и безответственности. Поэтому наша партия должна будет со всей настойчивостью, твердостью и осмотрительностью помочь хозяйственным органам и профсоюзам в течение ближайшего времени произвести эту в высшей степени ответственную и тяжелую работу промышленной концентрации. Разумеется, проводить мы ее будем со всею обдуманностью, с величайшей предусмотрительностью, ибо тут грубые ошибки были бы особенно пагубны. Мы скажем при этом совершенно открыто рабочим и работницам страны: чем только рабочее государство сможет помочь безработным, оно поможет им, и через профсоюзы, и через местные советы, и другими путями. Но при данном состоянии нашего хозяйства вертеть весь нынешний аппарат промышленности нам не под-силу, и поддерживать рабочих через этот вертящийся на $^3/_4$ на холостом ходу аппарат невозможно, недопустимо, преступно. Лучше, правильнее и здоровее непосредственно и открыто поддерживать безработных, чем замаскированным путем. Нельзя вести хозяйство с потушенным фонарем.

Реорганизация трестов производится сейчас ВСНХ. Нужно эту работу поддержать, углубить и ускорить. Первая нарезка трестов была суммарная, примитивная, на-глаз, были грубые ошибки и несообразности,—да и как иначе? Это была по необходимости бюрократическая, канцелярская нарезка трестов: промышленно-торговые объединения, рассчитанные на приспособление их к рынку, созидались методами военного коммунизма, т.-е. методами централистического главкократического предугадывания и усмотрения сверху. Теперь мы уже значительно лучше знаем соотношение между трестами и рынком, имеем некоторую проверку планов сверху опытом снизу. И новая нарезка или перегруппировка, которая производится сейчас, будет, вероятно, значительно более совершенна. Но она должна производиться более решительным темпом на основе жесткой концентрации производства.

Накладные расходы,—о них пишет теперь вся наша пресса,—представляют поистине бич нашей промышленности. Они разного порядка. Одни вытекают из неправильной постановки дела на заводах, из внутренней природы нынешних трестов, из надстроек над ними, из свойств вавилонской башни бюрократического хозяйственного аппарата; другие являются совершенно внешними и посторонними делу промышленности, наваливаемыми извне нашим хозяйственным органам, только потому, что кто-нибудь должен же платить...

Эти лишние, неправильные, нецелесообразные и незаконные накладные расходы имеют не только огромное материальное, но и крайне важное воспитательное значение, разумеется, целиком и полностью отрицательное. Там, где трестовики, директора, вообще хозяйственники считают возможным по собственному произволу направлять средства из своего оборотного капитала на цели и задачи, очень почтенные, очень важные, но не имеющие ничего общего с производством и промышленностью; или там, где предмет, который из данной мастерской выходит стоимостью в золотой рубль, пройдя через все инстанции, наверху стоит уже 3 целковых, а докатившись до потребителя,—5 или 6 рублей; там, где расходы так безобразно навертываются, как лавина,—там забота об экономии исчезает, хозяйство становится расточительным, чувство ответственности у хозяйственника не укрепляется, а расшатывается. Более правильная, более научная организация труда на фабрике и заводе; более правильное использование рабочей силы; упразднение всяких лишних пристроек и надстроек; беспощадное сокращение штатов; ликвидация лишних представительств, агентур, всяких вообще бездельников!

Крайне развращающее влияние имеют, как сказано, посторонние промышленности расходы: на культурно-просветительные задачи, на шефство, в том числе и военное, на так-называемую „нерациональную рекламу“, и прочее, и прочее, и прочее. Остановлюсь на шефстве. 20 ноября 1921 г. в Туле я обратился в исполком с просьбой позаботиться о тамошней дивизии, которую мы тогда же вместе решили назвать Тульской, и взять на себя шефство над ней, позаботиться о казармах, о красноармейцах, о командном составе, который находился в

тяжелом положении. Тульский губисполком и губком пошли навстречу. Это было в период, когда хозяйственный расчет, баланс, калькуляция были еще более туманны, чем сейчас. Примеру Тульского губисполкома последовали другие. Это потом перебросилось (сознаюсь, при моем участии) на комиссариаты, на тресты и пр., и пр. В известный период это было спасением для армии... Очень приятная вещь—оказывать поддержку и получать ее. Но в то же время, если хорошо вдуматься, это никак не метод правильного, рационального хозяйствования. Экономить, экономить на всем,—призывал т. Ленин,—урезывать расходы даже в культурно-просветительной области. Сбережения! Для чего? В первую голову для промышленности, и особенно для тяжелой. Экономить всюду и на всем, урезывать до крайности расходы на культурно-просветительные нужды, на армию, на печать,—все это с тем, чтобы поддержать промышленность, снабдить ее необходимыми оборотными средствами. Но как только эти самые средства дошли до треста, тут и Наркомпрос, и Наркомвоен, и местные власти, и губкомы, и райкомы, и профсоюзы обступают этот самый трест со всех сторон: у всех требования, предложения, поручения, и все с самыми лучшими целями. И уже это не трест, ради которого сделана экономия во всех областях, а нечто в роде смехотворного чеховского дачного мужа, который обвешан покупками, посылками, поручениями со всех сторон... Идейное, морально-политическое шефство должно сохраниться и углубиться. Но расходование на это государственных, бюджетных средств должно быть сведено к строго-определенному минимуму. Гораздо целесообразнее повысить прямые расходы государства на армию, чем передавать эти средства косвенно, через тресты, в бесконтрольном порядке. Во всяком случае, это дело требует серьезной и обдуманной регулировки.

К этому присоединяются уже явно бессмысленные и преступные расходы, например, под видом рекламы. Я встретил такую формулу: „нерациональная реклама“,—это в интересной обзорной статье т. Кактыня в „Экономической Жизни“. „Нерациональная реклама“—это, как вы сейчас убедитесь, очень „парламентское“, слишком парламентское выражение... Когда тов. Ногин здесь рассказывал, как в диване нашли деловые бумаги (хорошо, что только бумаги: в иных советских диванах можно иногда найти кое-что другое (смех),—то т. Ногин сказал так: „мягко выражаясь, это—абсолютный хаос“. Вот и я говорю, мягко выражаясь, у нас процветает „нерациональная реклама“. По правде говоря, огромная часть печати живет на счет этой „нерациональной“ рекламы. Везде, во всех городах, нимало не исключая Петербурга (голоса из Петроградской делегации: „знаем“). Что вы это знаете,—я в этом не сомневаюсь. Но не все знают, я и другим покажу! (Смех). Вот эта книга: „Справочник для агитаторов и пропагандистов“. Очень хороший справочник. В нем 180 страниц полезнейшего текста, а потом 96 страниц объявлений! 96 страниц! Тут все комиссариаты отличаются, все хотят быть „полезны“ партии; Наркомвнешторг публикует здесь об аукционе картин, бронзы, фарфора, хрусталя, ковров. Как же,

в самом деле, партийному агитатору без бронзы и хрусталя! (Смех). Конечно, и Финотдел тут как тут. Он публикует по 86 статье объявление „для сведения всех владельцев торговых и промышленных предприятий“. Мне, к сожалению, неизвестен процент владельцев торговых предприятий среди петербургских агитаторов! (Смех). Конечно, Петролес не отстает от других. Хороший партийный товарищ, стоящий во главе Петролеса и желающий оказать содействие партии, дает объявления об экспорте леса. Военная промышленность тут как тут,—ведь, и она не лыком шита. Словом, тут сосредоточено все, что нужно хорошему партийному агитатору. (Смех). А вот маленькое издание „Свердловец“... Можно ли товарищи, удивляться, если милейшие наши свердловцы, наша молодежь, пишут тут статьи на тему о том, что НЭП их не затронет. Что бы там ни было, но их-то НЭП не затронет! И это правда. В этом мы не сомневаемся. Но объявления ради „хозрасчета“ есть и у них. Заглянем сюда: на первом месте объявление Главного Управления государственных автомобильных заводов. Для свердловцев, конечно, вещь необходимая. Наиболее целесообразным считаю объявление чаеуправления: наша молодежь пьет чай, по крайней мере, иногда. Объявления о „лучших винах“... Насчет этого ничего не могу сказать. (Смех). Товарищи, если мы потратили на так-называемую „нерациональную рекламу“ пять минут, то это оправдывается не только тем, что мы попутно посмеялись немножко; думаю, что мы все-таки положим после съезда этому безобразию конец. (Аплодисменты). Вопрос имеет как-никак и материальное значение. В справочнике, который должен быть всегда подрукой, испортили 100 страниц абсолютно бессмысленными, никому не нужными объявлениями. Увеличили книжку на одну треть,—стало-быть, она обходится на треть дороже издательству, которое, пожалуй, еще гордится своей деловитостью. Ведь, это „самоокупаемость“ и „хозяйственный расчет“! Расточение денег, расточение бумаги называется самоокупаемостью! Какое влияние это окажет на пропагандиста, на агитатора? Он обязан разъяснять: у нас теперь в порядке дня экономия, хозяйственный расчет, калькуляция, точность! Ни одной копейки даром не тратить! Ведь, именно этому учит его своими статьями „Спутник агитатора“. А чему он учит его своими объявлениями? С этим нужно радикальнейшим образом покончить,—так, чтобы следов не осталось. Но покончить с этим, как и со многими другими грехами, мы сможем только в том случае, если заведем режим отчетности и ответственности.

В „Экономической Жизни“ была не так давно статья: „Когда же мы, наконец, наладим государственную отчетность?“. Эта статья обошла белую печать и значительную часть иностранной буржуазной печати, где, конечно, злорадствовали. Но статья эта, по моему мнению, прекрасная, хотя и горько было читать ее. Нам нужна отчетность, как воздух, как вода. Без отчетности мелкий лавочник не может торговать селедкой и колбасой, а мы имеем „лавочку“, которая, как нередко повторяют, занимает одну шестую часть земной поверхности, отчетно-

сти же мы до сих пор не завели. Немудрено и проторговаться. При рассуждениях об отчетности обычно выдвигается, что отчетность необходима для таких-то и таких-то высоких учетных, плановых и прочих целей. Все это верно. Но прежде всего отчетность нужна для того, чтобы не воровали. Это есть первая функция отчетности: чтобы не воровали! (Аплодисменты).

И тот факт, что у нас отчетности нет, есть прямая провокация на воровство, есть школа развращения хозяйственников, управляющих всякими предприятиями,—школа, от которой мы погибнем, если партия не возьмет в руки, я уже не знаю какого инструмента (в эпоху новой экономической политики нельзя применять очень жестких инструментов!), какого-либо крепкого инструмента, при помощи которого заставит всех завести отчетность. Это первое условие. Отчетность еще не значит, товарищи, баланс, не значит калькуляция. Последнее—гораздо более сложные вещи. Но просто записать, закрепить, заштемпелевать так, чтобы нельзя было украсть, чтобы не лежало без призора,—в этом начало спасения и предпосылка всей остальной хозяйственной мудрости.

Отчетность должна будет стать исходным пунктом для калькуляции, для баланса, потому что нельзя торговать с прибылью, если воруют, нельзя уберечь от воровства, если нет отчетности. Но нельзя торговать с прибылью, если нет калькуляции, т.-е. подсчета, чего это стоит тебе, и что тебе за это дают, и сколько у тебя при этом получается барыша или убытка. Как у нас обстоит дело с калькуляцией? Есть данные РКИ, которые говорят, что, примерно, на 80% наша калькуляция произвольна. (А что и на остальные 20% она хромает на обе ноги,—об этом хотя и не сказано, но это можно принять на веру заранее). На 80%, по официальному признанию РКИ, наша калькуляция произвольна. Из трестов, которые были обследованы комиссией тов. Куйбышева (одно из лучших обследований по подходу; есть некоторые недостатки, но существо подхода, по-моему, правильно и дало ценные результаты), один трест показал прибыль в 4 триллиона, а РКИ доказывает, что у этого прибыльного треста 750 тыс. золотом убытка!

В чем состоит это чернокнижное искусство калькуляции? Относительно нашей хлопчатобумажной и шерстяной промышленности сейчас не секрет, что та и другая проторговались. Каким путем? Они спустили свое сырье, хлопок и шерсть по фиктивным ценам. Я приведу вам данные относительно одного из лучших, насколько я осведомлен, трестов,—Моссукно. Это данные инженера калькулятора Спроге. Я вызывал его по этому делу и с ним толковал. Вот его таблица. Сырье входило в 1913 году в себестоимость штуки или аршина сукна в количестве 70%, т.-е. если аршин сукна стоил рубль, то тем самым ты платил 70 коп. за сырье и 30 коп. за все остальное, вместе с прибылью. А в январе 1922 года сырье входило в себестоимость сукна в размере лишь 26%. Не 70 коп. на рубль, а 26 копеек. В апреле на сырье клали 36%, в июле—27%, в сентябре—43%... Что это зна-

чит? Это значит, что тресту нужен был оборотный кипитал. Рынок не поглощает сукна. Но продать нужно, чтобы получить деньги. Продать ниже себестоимости,—это не соответствует, так-сказать, принципам НЭП'а. Поэтому нужна „калькуляция". Она и приходит на помощь. Калькулируют по фиктивным ценам сырье. И это так везде и всюду. Разумеется, в калькуляцию не вносят процентов на основной, а иногда и на оборотный капитал. В калькуляцию сплошь да рядом не входит амортизация, и уж всегда и без исключения в калькуляцию не вносят земельную ренту. Мы, славу богу, страна социалистическая! Земля у нас национализована, т. е. земля у нас ничья, „божья", поэтому ренту считать—это почти нарушение партийной программы. (Смех). Вот я сейчас покажу это на одном примере,—на Азнефти. Азнефть—немалое предприятие, дает доход! Я даже с одного очень ответственного работника Азнефти взял расписочку: „У меня, говорит, не помню, не то миллион семьсот тысяч, не то около этого прибыли золотом". „Распишитесь". Расписался. У меня лежит документ. Но если возьмем аренду нефтеносной земли, то она прежде входила в себестоимость в размере 20%, а сейчас против этой графы стоит ноль. Почему? Да как же! Мы живем в советской республике (Азербейджан, ведь, советская республика), земля национализована. Что же, мы будем сами себе ренту платить, что ли? Я даже читал в одной очень умной статье в „Экономической Жизни" рассуждение в таком роде: „если даже признать, что вопрос о ренте является спорным при нашем строе, то амортизация капитала—это совершенно бесспорно". Почему это вопрос о ренте является спорным? Возьмем вопрос в масштабе земного шара. Советское государство есть собственник советской земли рядом с другими собственниками за нашими границами. Мы добываем нефть. Но мы можем эту нефтеносную землю сдать и в аренду: мы, ведь, концессии допускаем. Что же, если явится к нам концессионер и скажет: ренту в каком размере включить в договор,—не ответим ли мы ему: ренту? Это только презренные буржуи берут ренту. Мы—честная советская страна!

Хлеб мы вывозим. И в этот хлеб мы ренту должны вколотить. Мы должны получить ее с рынка, а для этого должны учесть ее. Это ребяческий предрассудок, будто при советском строе мы должны игнорировать ренту. Мы обязаны рассуждать так: вот, милый человек, от Азнефти у тебя дохода столько-то. Ну, а если бы мы эту землю сдали иностранному концессионеру, он бы ренту платил нам, и, может-быть, было бы выгоднее. Надо различать земельную ренту, процент на капитал, промышленную прибыль и торговую прибыль.

Вот эту, товарищи, черную и белую магию калькуляции нужно истреблять тем же самым жестким инструментом, как и отсутствие отчетности вообще, ибо и воровство, и хищничество, и расточение нашего государственного достояния под формой произвольной, фальшивой калькуляции можно вести с еще большим успехом, чем без всякой отчетности. Прежде, во времена военного коммунизма, у нас при хищении говорили: „реквизнул". Потом пошла эпоха: „спекульнул",

Я боюсь, что мы подходим к эпохе, когда станут говорить: „калькульнул". (Смех). Завести калькуляцию, которая не была бы прикрытием хищничества, а давала бы возможность, а стало-быть, и оперирования на рынке, есть, товарищи, одна из важнейших наших задач. Мы раньше говорили: социализм—это учет. Это остается в общем и целом правильным и в нынешнюю переходную эпоху. Социализм есть учет. Но калькуляция есть форма учета, приноровленная к рынку, т.-е. свойственная новой экономической политике. Стало-быть, калькуляция есть путь к социализму, а не булгахтерская, канцелярская, техническая подробность. Без калькуляции мы не придем никогда к подъему промышленности, не говоря уж о социализме. Один раз Владимир Ильич на съезде сказал о плане электрификации, как о второй партийной программе. Конечно, калькуляцию на такую высоту никто из нас поднимать не возьмется. Мы даже и в устав ее не поместим. Но привести ее в соприкосновение с партийным билетом придется, т.-е. отсутствие калькуляции вписывать в партийный билет: это один из путей к тому, чтобы показать государственно-партийную важность этого вопроса.

Основой хозяйственной деятельчости является отдельное предприятие: фабрика и завод, а на фабрике и на заводе—цех, и отсюда нужно исходить. Общественное мнение нашей партии начинает, повидимому, отдавать себе отчет в том, что во взаимоотношениях государства, треста и завода мы до сих пор, т.-е. в первом периоде, наблюдали два зла. Тресты были чрезвычайно центробежны по отношению к государству, по отношению к ВСНХ, как высшему промышленному органу государства, т.-е. маневрировали и оперировали, как в голову приходило, вплоть до раздачи денежных средств на посторонние цели.

Если тресты дошли до такой самостоятельности, безусловно неправильной, беззаконной, если они развили такую страшную „трестобежную" энергию по отношению к государству, то, с другой стороны, по отношению к отдельным предприятиям внутри трестов они проявляют до сих пор чрезвычайно „трестостремительную" энергию, т.-е. не дают дышать отдельным заводам. И задача положения, которое вырабатывалось в комиссии т. Каменева и сейчас опубликовано (в нем с моей точки зрения есть ряд существенных дефектов, но в общем это большой шаг вперед),—задача этого положения и дальнейших положений и инструкций, которые должны быть выработаны по отношению к отдельным предприятиям, состоит в установлении необходимого равновесия между государством, трестом и заводом. Разумеется, тут не может быть и речи о каком-нибудь шаблоне, т.-е. об общей норме отношений между трестами и предприятиями. Это зависит от характера данного производства, от степени концентрации его производственной деятельности и торговли, от объема и размаха рынка, но общим законом должно быть, что трест централизует и подминает под себя только те производственные и торговые операции, которые для этого созрели, т.-е. подготовлены к этому объективным развитием самого производства и рынка.

Предпосылкой такого подвижного равновесия является самостоятельная калькуляция каждого завода и каждой фабрики и самостоятельный баланс. Каждое предприятие должно быть не неподвижной, а эластической пружиной соединено с трестом, и каждый завод должен иметь возможность проверять, выгодны ли для него те или другие операции треста, или невыгодны, и наоборот. Завод должен иметь возможность доказать тресту, что ему выгодно действовать именно так, а не иначе, ибо в противном случае мы будем иметь в лице трестов старую главкократию, которая только загримировалась применительно к условиям новой экономической политики. Через самостоятельную калькуляцию и баланс отдельных предприятий можно будет, как через прозрачное стекло, проверить, какую степень централизации допускают данная область промышленности, данный трест.

В области заработной платы у нас, товарищи, нет каких-либо принципиальных затруднений. Был момент, когда казалось, что между хозяйственниками и профессионалистами назревают недоразумения в этом вопросе. Центральный Комитет организовал комиссию под председательством т. Рыкова, которая проделала серьезную работу. По поручению этой комиссии, я, между прочим, принимал участие в обследовании заработной платы на Краснопресненской Трехгорной Мануфактуре. Была определена роль заработной платы в себестоимости и роль накладных расходов. Предприятия брались из разных отраслей промышленности, и несомненно, что те факты, которые установлены, являются сейчас более или менее бесспорными. Эти факты таковы: значительный подъем заработной платы, столь же и еще большее повышение производительности труда, улучшение качества производимого продукта; забегание вперед заработной платы в легкой промышленности; чрезвычайное отставание заработной платы в тяжелой промышленности и транспорте. Отсюда вывод, который был сделан совершенно единогласно, в том смысле, что нужно выравнять фронт, т.-е. не допускать того, чтобы спазмы нашего еще неустойчивого, капризного рынка определяли заработок различных отраслей промышленности. Нужно, чтобы профсоюзы рука-об-руку с государственным аппаратом и его хозяйственными органами выравняли этот фронт, и чтобы тот временный избыток прибыли,—если можно сказать это про наши предприятия,—какой получается в легкой промышленности, шел не только рабочим легкой промышленности, но содействовал и повышению заработка в тяжелой промышленности и в транспорте. Общего вопроса об отношении профессиональных союзов и хозяйственных органов не существует, как вопроса. Резолюция XI съезда партии, которая была подтверждением резолюции, написанной Владимиром Ильичем и принятой единогласно Центральным Комитетом между X и XI съездами, остается целиком бесспорной и ныне для определения политики профсоюзов в условиях переходной эпохи.

Финансирование предприятий: и на этот счет будет достигнуто, мы надеемся, единогласие. Финансирование предприятий есть руководство предприятиями, есть на три четверти или, по крайней мере,

на половину управление промышленностью. Кто финансирует,—тот командует. В Европе и в Америке объединение промышленности, централизация ее, перестройка ее совершались за последние десятилетия прежде всего через посредство банков, через посредство финансового капитала. И у нас при централизованном характере нашей промышленности (централизованном прежде всего в смысле принадлежности государству, единому распорядителю) финансовый аппарат является, и чем дальше, тем больше будет становиться, основным аппаратом управления промышленностью. Конечно, управление не в смысле администрирования на каждом заводе,—управление в том смысле, что одному заводу разрешается жить, а другому приказывается умереть. Это делает банк путем финансирования или отказа от финансирования. И ВСНХ останется, несомненно, пятой спицей в колеснице, если не будет иметь в своих руках аппарата финансирования промышленности. Это нужно ясно и отчетливо понять. Разумеется, ВСНХ может односторонне подходить к задаче, но, ведь, и ВСНХ ходит под законом. Есть СТО, над СТО есть другие учреждения, и есть партия. Программа дается ВСНХ сверху; над выполнением этой программы надлежит, разумеется, наблюдать; но для проведения программы должен быть дан в руки ВСНХ финансовый насос. Вот почему финансирование промышленности, чем дальше, тем больше, должно быть сосредоточено в одном кредитном учреждении—в Торгово-Промышленном Банке, который при нашей структуре будет по существу филиалом Государственного банка, предназначенным для специальной миссии. Финансирование будет совершаться не с точки зрения того, что вот, например, колбасные предприятия дают сегодня прибыль, а поэтому имеют право на кредит, а с точки зрения заглядывания вперед на ряд лет.

Перехожу к внутренней торговле. Руководители ВСНХ, как вам небезызвестно, требуют, чтобы ВСНХ, комиссия внутренней торговли и комиссариат Внешторга были объединены в один комиссариат торговли и промышленности. Я не думаю, что мы на этом съезде вынесем такое решение, и прибавлю, что у меня отнюдь нет уверенности, что развитие пойдет по этому именно пути. Но так как производство сейчас ведется полностью и целиком в товарной форме, прямо поступая на рынок или исчисляясь по рыночным нормам, то промышленность должна быть поставлена в большую согласованность с нашей внутренней и нашей внешней торговлей. Формы для этого нужно найти.

Что касается внешней торговли, то, как вы помните, X съезд Советов вынес чрезвычайно важную резолюцию о необходимости планового характера внешней торговли в том смысле, что внешняя торговля не есть только торговля а является составной частью советского хозяйства и должна не противодействовать развитию промышленности, а обслуживать ее. Для этого плановое нормирование внешней торговли, заглядывание вперед и согласование с интересами промышленности. Конечно, предпосылкой всему этому является монополия

внешней торговли. В резолюции по докладу Центрального Комитета вы дали отчетливое подтверждение монополии внешней торговли, и это необходимо было сделать для того, чтобы устранить возможность каких бы то ни было колебаний и шатаний в этом вопросе, какие были у нас в течение последнего года, и каких мы не можем допустить, ибо этот вопрос основной.

Если спросить, на чем зиждутся наши надежды на развитие социализма в нашей стране, то мы скажем: во-первых, политическая власть партии, подкрепленная Красной армией; во-вторых, национализация средств производства; в-третьих, монополия внешней торговли. При отсутствии одного из этих элементов все здание падает. Если нет национализации средств производства, диктатура партии есть пустая форма без содержания. Если нет монополии внешней торговли, национализация средств производства есть жалкий самообман. Почему? Потому, товарищи, что мы дьявольски бедны, а враги наши богаты. Я вот проделал для себя небольшое арифметическое упражнение, которым с вами поделюсь. Если Американские Соединенные Штаты сравнить с нашими Соединенными Советскими Штатами,—количество населения не столь уж отличается от нашего, — то увидим ужасающий контраст богатства и нищеты. Наш годовой доход — 5 миллиардов, чуть-чуть больше. Доход Соединенных Штатов—130 миллиардов золотых рублей в год. На душу это составляет, считая и младенцев, в Америке 1.300 руб., а у нас—38 руб. Капитала, вложенного в промышленность, у нас считается 2½ миллиарда золотых рублей, а в Америке 90 миллиардов, то-есть в 36 раз больше. Золотой резерв 31 государства, без России, составляет 16 миллиардов довоенных рублей (сколько с Россией,—мы говорить не будем). 16 миллиардов золотых рублей на 31 государство, а на долю Америки приходится 6,4 миллиарда золотых рублей, т.-е. ее резерв составляет 40% мирового золота. У нас, повторяю, во всю национализированную промышленность вложено 2½ миллиарда. Так ли трудно им купить нас с потрохами? Они могут в один год своим долларом убить всякие шансы на социалистическое развитие нашей страны. Поэтому для нас монополия внешней торговли в нынешнем империалистическом окружении, при нашей бедности и при их богатстве есть такое незыблемое правило, такой же незыблемый закон, как диктатура нашей партии и национализация средств производства. Одно без другого падает. Я упомянул о шатаниях, которые были по этому вопросу, и которые кое где продолжаются, и я считаю, что общественное партийное мнение должно отдать себе ясный отчет в важности этого вопроса. Никто, конечно, не говорит: „я против монополии внешней торговли“,—нет, противники монополии только за „усовершенствование“ ее. Но путем соответственного „усовершенствования“ монополию можно фактически свести на-нет, не декларируя ее отмены. Никто не говорит, что у сей бочки нужно высадить дно,—наоборот, „принципиально“ все противники монополии за сохранение дна, но с тем, чтобы десяток дырочек просверлить в нем. Вот, товарищи, против этого десятка дырочек у прин-

ципиального дна мы должны принять самые решительные меры (аплодисменты), ибо разница тут только в пропорции: вытечет ли то, что у нас есть, сразу или в рассрочку.

Я перехожу от работы отдельных предприятий, зарплаты, финансирования, торговли, к вопросу, который я считаю,—и это выражено в резолюции, одобренной ЦК, — для данного момента и для нашего съезда центральным, основным: к вопросу о плановой хозяйственной работе, без чего никаких успехов мы иметь не можем. Что такое хозяйственный план? Этим вопросом надо заняться серьезно, ибо путаницы в этой области еще сколько-угодно. В нашей резолюции вы эту путаницу попытались устранить, и думаю, что можно спокойно рекомендовать партии те формулировки и те перспективы, которые намечены в наших тезисах.

Что такое хозяйственный план? Два слова из области экономической азбуки. При капиталистическом строе есть план? Нет. Он заменяется рынком, свободной игрой сил, конкуренцией, спросом, предложением, кризисами и пр., и пр. Таким образом, устанавливается определенное распределение средств и сил. План есть, однако, и при капиталистическом хозяйстве, но в рамках отдельного предприятия, треста, а если трест монопольный, то соответственный план распространяется на весь национальный рынок и даже на рынок мировой. При переходе от капитализма к нашему революционному строительству, которое мы потом называли военным коммунизмом, мы попытались, — вынуждены были к тому всем ходом гражданской войны, — заменить все эти сложные махинации торговли, спроса и предложения, биржи централизованным усмотрением наших главков. Общей задачи организации хозяйства мы на этом пути не разрешили и разрешить не могли, но текущие нужды армии и рабочих, хоть и в очень скудном размере, удовлетворяли. Мы открыто признали затем, что хозяйство построить таким путем невозможно, — одним централизованным плановым усмотрением в нашей стране при нашем экономическом уровне мы не можем производить регулировку хозяйственной жизни,— и мы обратились к дьяволу рынка: „Приходи на помощь". В первый период новой экономической политики некоторые из хозяйственников возлагали явно преувеличенные надежды на рынок. Нашу металлургию, нашу угольную промышленность, нефтяную, машиностроительную из сухого дока—военного коммунизма—мы можем только постепенно спускать на воды рынка, постепенно и медленно. Если бы мы обрекли тяжелую промышленность свободной игре рынка, она села бы на мель, потому что наша тяжелая промышленность слишком „тяжела" для нашего рынка. Нам надо держать нашу тяжелую промышленность на бюджетных домкратах, чтобы она не свалилась и не села на дно. А это и есть подход к плану.

Товарищи, каковы основные устои планового хозяйства? Во-первых, армия: она никогда не живет на основах рынка. Армия есть плановое хозяйство. Во-вторых, транспорт. Транспорт у нас (железнодорожный) весь государственный. В-третьих, тяжелая промышленность,

которая работает у нас либо на транспорт, либо на армию, либо на другие отрасли государственной промышленности... Вот три государственных кита, и если спустить сих китов в лужу нашего рынка, не выйдет ничего: киты велики, а лужа еще пока лужа. Вот где исходный момент вопроса о плане. Когда мы, спустив с цепей стихию рынка, увидали, что сия стихия довольно скромная, мы начали искать правильного соотношения между плановым предвидением и согласованием работ государственных хозорганов и стихийной работой рынка. Это соотношение жестокое или эластичное? Оно эластичное, подвижное, оно изменяется. Но согласование всегда необходимо. Если бы мы не вырабатывали хозяйственного плана, проверяя, его, регулируя его и перерабатывая в процессе исполнения, то наш транспорт, наша тяжелая промышленность пошли бы на слом. Конечно, тяжелая промышленность через рынок возродилась бы лет через 10—20, но уже как частная капиталистическая промышленность. Вот в чем суть дела, товарищи.

Оглянемся на свежий опыт. У нас было несколько кризисов за последние годы. В начале 21 года нас постиг топливный кризис, в 22 г.—кризис сбыта, сейчас у нас—кризис сырья. Остановимся в двух словах на вопросе: что это за явление такое, кризис топливный? Вы помните на этот счет слова Владимира Ильича на десятом партийном съезде: „мы просчитались“. Да, насчет топлива мы тогда просчитались. Что это значит: „просчитались“? Это значит: вышла невязка двух или более частей плана, промышленность пустили слишком широко, топлива нехватило, получился страшный отбой. В чем же существо топливного кризиса 21 г.? Это „кризис“ планового происхождения, невязка, как говорится у нас, а не кризис, стихийно вырастающий из игры капиталистических сил, и против которого ничего не попишешь. А это есть кризис специфический, наш, советский, выросший из беспланового или недостаточно планового подхода к делу. Это не обвинение,—может-быть, тогда лучше и нельзя было сделать; но, во всяком случае, это неустойка, и крупная, потому что крупно просчитались.

В начале 22 г. у нас был кризис сбыта. Чем это объясняется? Общее объяснение таково, что рынок узок, емкость рынка мала. Но самое это объяснение слицком широко, потому что крисис сбыта начался прежде, чем мы добрались до пределов рынка. Мы не могли товар продать потребителю, у нас не было торгового аппарата. Кризис 22 г. был кризисом торговой беспомощности, коммерческой немощности нашей. Борьба с ним в развитии и упорядочении торгового аппарата, государственного и кооперативного.

Наконец, нынешний кризис—кризис сырья. Мануфактуре нехватает сырья. Почему? Потому, что она его „прокалькулировала“, спустила по таким ценам, которые не обеспечивают его восстановления. Это вопрос очень важный, очень серьезный. Он уже более рыночного происхождения, но опять-таки вызван не так-называемыми железными законами рынка, а нашей организационной беспомощностью в подходе к этим законам рынка. С топливом просчитались, с хлопком и

шерстью прокалькулировали. Вот вам соотношение планового начала и рыночного. Наши кризисы до сих пор являются гораздо более кризисами, вырастающими из недостаточности или неправильности планового подхода, из организационной беспомощности или неприлаженности госаппарата к новым методам работы, к новой экономической политике, чем из рынка, так такового.

До настоящих капиталистических кризисов мы еще не доросли, и, кто знает, может-быть, когда по размерам оборота дорастем до них, то разовьем одновременно плановое начало в такой мере (ведь, важнейшие средства производства и транспорт у государства!), что сможем если не на 10/10, то, может-быть, для начала на 5/10, потом на 6/10 преодолевать кризисы, вырастающие из рынка.

Чтобы подойти еще ближе к делу, к вопросу о плановом начале, я воспользуюсь одним пожеланием т. Зиновьева, которое все, конечно, мы разделяем: „чтобы в Донбассе не было больше кризисов". Не только донецкая делегация этому аплодировала,—вероятно, были и другие, ибо все мы хотим, чтобы в Донбассе кризисов не было. Но давайте попробуем понять, что это, собственно, означает, т.-е. как достигнуть того, чтобы не было кризисов в угольной промышленности. Декрет такой издать? Этого, конечно, никто не предложит. Декретом кризиса не упразднить. Что же в таком случае означает, чтобы в Донбассе не было больше кризисов, если это не голое только пожелание? Я думаю, об этом можно спросить т. Чубаря. Он Донбасс знает, знает его хозяйственное положение. Я возьму одну его статью, недавно напечатанную в „Экономической Жизни". Там, в Донбассе, положение обследовала комиссия, кажется, Рабкриновская, что отнюдь не значит, что она обследовала непременно хорошо (Чубарь находит, что плохо). И в своей статье он пишет: „По нашему мнению, обследование положения каменноугольной промышленности Донбасса нужно начать с обследования центральных учреждений, от коих зависят плановая регламентация жизни Донбасса и обеспечение его всеми необходимыми для производства ресурсами". Это очень неплохо сказано! Если вы хотите понять кризис в Донбассе, уважаемые товарищи из Рабкрина, от вы начинайте с обследования центральных плановых учреждений, которые снабжают, финансируют, регламентируют, регулируют Донбасс. И т. Чубарь приводит пример: „Донбасс отдает большую часть своей продукции плановым потребителям по твердым ценам. Он вынужден заготовлять все материалы на основах коммерческих соглашений, и эта неувязка (продавай по твердым ценам, а покупай по рыночным,—это у нас называется неувязка) всегда бьет Донбасс, но остается незаметной для планирующих и контролирующих органов". Вот как выражается, и правильно выражается, тов. Чубарь. Ясно, что кризис Донбасса имеет источником своим неувязку планов в центре страны. В этом существо дела. И других кризисов в Донбассе нет и не может быть сейчас, поелику государство является основным покупателем продукции Донбасса и его финансистом. И кто хочет понять,—а мы все хотим это понять,—как нам сделать, чтобы в Донбассе не было больше кризисов,

подрывающих фундамент нашего хозяйства, тот должен последовать приглашению тов. Чубаря и начать дело с устроения или упорядочения плановых органов. Разумеется, не в виде обвинения плановым органам я говорю это, а на самопоучение: чем точнее будет увязана работа различных отраслей хозяйства, тем лучше будут согласованы те суммы, которые Донбасс получает за уголь по твердым ценам, и которые он платит за необходимые предметы по рыночным ценам,—чем все это будет лучше, крепче, плотнее согласовано в органах, которым заниматься этим надлежит, тем меньше будет опасность кризисов в Донбассе. Отсюда видно, как наивны те люди, которые говорят: „вы не рассказывайте нам про планирование, а устройте лучше так, чтобы Донбасс работал без кризисов".

Я, товарищи, настаиваю на этом особенно потому, что вопрос о планировании есть по существу вопрос о руководстве. Мы слишком обще говорим о руководстве хозяйством, но, ведь, руководство хозяйством и есть прежде всего планирование, т.-е. предвидение и согласование. Нет другого пути, кроме планового,—планового необязательно в смысле жесткого администрирования, как было при военном коммунизме, а планового прежде всего в смысле маневрирования, то-есть предвидения и согласования в условиях рынка, с одной стороны, и работы на твердого потребителя—государство, с другой стороны. Это—основа вопроса, и мы должны научиться, наконец, не смешивать это текущее, оперативное, маневренное планирование, без которого мы будем из кризиса падать в кризис, с длительными ориентировочными планами отдельных учреждений, ведомств и т. д. Связь между тем и другим есть, но это не одно и то же.

Я возьму в качестве примера самый большой перспективный план, самый значительный, именно план электрификации. Это исторический план десятилетия. Наступит момент, когда электрификация, достигнув необходимого насыщения в стране, станет технически, энергетически основой всего хозяйственного плана, так что колеса промышленности и сельского хозяйства будут вертеться, повинуясь электрической кнопке, которая будет в руках либо ЦК нашей партии,—если к тому времени еще нужен будет ЦК партии, что будет зависеть от темпа развития социализма в других странах. Итак, только насытив хозяйственный организм страны, т.-е. снабжая ее достаточной энергией, электрификация явится технической основой всех вообще хозяйственных планов, если, конечно, какая-нибудь другая энергия не перережет нам дороги, за что я не ручаюсь и не отвечаю. Но, товарищи, электрификация на 23 г.,—а мы живем и хозяйничаем в 23 году,—представляет собою, к сожалению, пока еще только небольшую частицу нашего операционного годового хозяйственного плана. В 24 году эта частица, мы надеемся, будет больше, чем в этом году, особенно если у нас будет хороший урожай; в 25 г. еще больше, а лет через 10 займет, может-быть, доминирующее положение. Пока же планирование состоит в согласовании различных составных частей хозяйства, в том числе и работ по электрификации, как очень еще в данное

время, к сожалению, слабой области хозяйства. И товарищ Буденый был прав, когда напомнил на съезде Советов, что в наш хозяйственный план на-ряду с электрификацией входит сегодня и „конификация“, как очень важный фактор сельского хозяйства и Красной армии.

То, что я сказал об электрификации, как о перспективном плане, относится в еще более резкой ограничительной формулировке ко всяким другим перспективным планам отдельных отраслей хозяйства. Например, вопрос о производстве сельскохозяйственных орудий, тракторов. Можно выработать, и с пользой для дела, 10-летний план строительства тракторов, но это будет перспективный план, очень условный, т. е. такой, который осуществится, может-быть, на 25%, а может-быть, и на 150%, в зависимости от того, насколько реалистично угадан общий темп хозяйственного развития. Но и самое частичное выполнение плана тракторостроительства в нынешнем, 1923 г. немыслимо без согласования его с Донбассом, с Югосталью, с Наркомфином и пр., и пр. И вот такого рода согласование путем предвидения, учета, поправок к неоправдавшемуся предвидению,—это и есть постоянное, непрерывное, недремлющее планирование маневренного характера, и если это планирование приостанавливается, если оно задремлет или просчитается, выскакивает кризис, как результат неувязки.

Конечно, и в этой области может быть допущено много ошибок, пустяков, увлечений. В тезисах у нас определенно сказано, что могут быть две типические ошибки в этой области. Одна—это попытка планировать в такой сфере, которая еще экономически для этого не подготовлена, что на практике означает зря подавлять самостоятельность и приводить к заторам и пробкам. Другая, прямо противоположная ошибка—это не применять во-время плановых методов там, где условия для этого созрели, и тем предоставлять регулирующую работу рынку, который ее выполнит позже, хуже и расточительнее. Не мы выдумали планирование,—это в принципе та же работа, которую Морган или его штаб проделывает (только лучше нас) по отношению к моргановскому тресту: предвидение, согласование, направление, руководство. Разница та, и разница немалая, что мы должны плановые методы применять по отношению к нашему всероссийскому тресту трестов, к нашему хозяйству в целом.

Надеюсь, теперь ясно видно, что вопрос о плановом руководстве никак нельзя отождествлять с планоманией, по поводу которой можно, конечно, отпускать много шуточек. Никаких плановых безбрежностей и абстракций мы не допустим. Универсальный план мы пытались установить на IX съезде: сперва будем производить только средства производства для производства средств производства, потом средства производства для производства предметов потребления, потом предметы потребления... С этими этапами связывались определенные этапы электрификации. Это была первая грубая попытка планового подхода,—мы учились ходить в области планирования и руководства в ту эпоху и кое-чему научились. И если бы сейчас кто-либо попытался выработать и преподнести нам такого рода всеобъемлющий универсальный

план, мы ответили бы: это только перевод на язык хозяйства плана „пролетарской культуры“ или же „единой революционной военной доктрины“ и других подобных не очень зрелых доктринерских изобретений. От этого, товарищи, надеюсь, мы все радикальнейшим образом излечились. Мы говорим о планировании, как о маневренном руководстве, которое исходит из более или менее устойчивых элементов нашего хозяйства, согласуя их друг с другом и с хаотическим элементом рынка.

И здесь мы приходим к бюджету, как к составной части этого планирования. Поелику мы переводим все на деньги, тем самым бюджет становится одной из важнейших составных частей нашего хозяйственного плана. Разумеется, можно здесь стать на такую унылую точку зрения: так как нам до сих пор не удалось в этой области сделать ничего (это неверно, конечно,—кое-что удалось), так как мы пока еще не создали даже месячного бюджета (месячного-то и нельзя создать!), то где уж нам разговаривать о планах и т. д. Но, ведь, это же чистейшее пораженчество. Конечно, урегулирование бюджета—очень трудное дело. Но вопрос стоит не так, трудно это или легко, достигнем ли мы крупных успехов в два месяца или в два года,—вопрос стоит так, что если мы на этот путь не станем, то никаких успехов не будем иметь и через 100 лет. Вот что для нас должно стать безусловно ясно. Без упрочения плановой бюджетной линии нашего хозяйства, без планового руководства различными отраслями нашего хозяйства, без установления соответствия между ресурсами и задачами мы с настоящего места не сдвинемся. „Лучше меньше, да верже!“—вот наш основной бюджетный лозунг. Я читал недавно в той же „Экономической Жизни“ по поводу бюджета почти лирическую статью члена коллегии украинского Госплана тов. Шапиро. Он пишет: „На пять шестых работа федерации протекает в безбюджетных условиях. Регулирование финансового хозяйства на деле происходит во внебюджетной форме текущего усмотрения“... У нас выражаться научились очень хорошо: „внебюджетная форма текущего усмотрения“.

Богуславский (с места). Совсем непонятно.

Очень понятно. Даже немножко по Гераклиту: все течет, и „усмотрение“ течет. (Смех). „Живем в атмосфере неожиданностей и сюрпризов,—продолжает т. Шапиро,—то огорчительных, то радостных“... Я просил бы тов. Раковского записаться и рассказать нам о радостных сюрпризах,—об огорчительных мы и сами кое-что знаем.

Что такое эта статья? Это вопль по поводу беспланового, безбюджетного характера нашего хозяйства. И тут нам нужно добиться перелома. Повторяю, всю эту самокритику надо понимать исторически. Дело идет не столько о том, чтобы бранить самих себя за то, что мы в прошлом этого не сумели сделать, а о том, чтобы помочь себе самим на пятьдесят, на семьдесят, а потом и на сто процентов сделать это в будущем.

Если хотите, самая наша коренная отечественная плановая после-

вица такова: „Ладь телегу зимой, а сани летом". Это есть плановая мудрость крестьянского хозяйства: предвидение и согласование. Нам надо правило это применить ко всему нашему союзному хозяйству. Я думаю, что эту пословицу хорошо бы над входной дверью в Госплан и в СТО выгравировать: „Ладь телегу зимой, а сани летом". Тогда всем стало бы яснее, что́ такое планирование. Это есть предвидение, согласование, заглядывающее вперед практическое руководство. По отношению к крестьянскому хозяйству задача сравнительно проста, и в течение немногих лет крестьянин обучает своего сына всему этому до тонкости.

Богуславский (с места). А в совхозе это трудно.

Совершенно правильно, в совхозе это трудно, а особенно трудно в том совхозе, который называется СССР. (Смех). Вот почему мы, товарищи, и пришли к необходимости иметь особый плановый орган или, как он называется в тезисах ЦК, главный штаб нашего хозяйства. Если мы хотим охвата различных отраслей хозяйства, и государственного планового, и полупланового, и чисто-рыночного, чтобы согласовать их, то нам необходимо иметь высококвалифицированный орган, который прорабатывает непрерывно все элементы операционного плана во всей их конкретности и представляет этот проработанный материал хозяйственному главному командованию. Хозяйственное главное командование наше,—и по советской линии, и по партийной,— вы знаете прекрасно.

Госплан—очень важный орган в нашем строительстве, и значение его будет расти. Сам он не командует, не управляет, но учитывает все элементы командования, администрирования, управления, руководства; предвидит, загадывает, согласует, предлагает, напоминает, вносит поправки,—другими словами, создает для хозяйственного командования все необходимые штабные предпосылки, согласует операцию со снабжением, транспортом и пр. Без такой непрерывной, подготовляющей, объединяющей, согласующей, учетно-контролирующей, направляющей работы днем и ночью не может быть активного, действительного руководства хозяйством. Вот откуда огромное значение Госплана, и, повторяю, чем дальше, тем больше оно будет вырастать, при одном, однако, условии: если вся наша хозяйственная работа пойдет удовлетворительно. Если же будем иметь неуспех, если крестьянин, если кустарь вместе с ремесленником, вместе с торговцем выдвинут крупного капиталиста, прежде чем мы успеем выравнять хозяйственный фронт, то, конечно, Госплан будет отходить на задний двор. Но это пораженческая перспектива. Если же мы возрастающую производительность страны будем умело, последовательно и твердо отводить на советскую социалистическую мельницу, то тем самым значение планирующего органа в общей системе хозяйства будет возрастать.

Тов. Кржижановский, председатель Госплана, по моей просьбе, формулировал в превосходной на мой взгляд форме,—я лично стоял бы за то, чтобы тов. Кржижановский опубликовал свою небольшую

работу,—вопрос о взаимоотношении перспективных планов, ориентирующих и текущего операционного плана и о вытекающих отсюда задачах и методах Госплана. Я прочту только одну заключительную формулировку, касающуюся организационной стороны вопроса: „Мне думается,—пишет тов. Кржижановский,—что наиболее удачен будет выход в сторону дальнейшего укрепления и развития СТО, как единого центрального органа, руководящего всем народным хозяйством, при условии высвобождения его от моментов, приводящих к слишком вермишельной повестке заседаний, а это предполагает дальнейшее развитие и укрепление Госплана, плановых органов при хозяйственных наркоматах и в важнейших экономических районах, и дальнейшую согласованность работ СТО с Госпланом“.

К этому я присоединяюсь целиком. По советской линии непосредственно управляет хозяйством СТО. Госплан не командует. Госплан есть штаб при СТО и, как полагается штабу, прорабатывает все вопросы в смысле проверки, согласования, предвидения и направления.

Мы восстановили рынок с его конкуренцией, сохранив в своих руках государственную власть, национализированные средства производства и монополию внешней торговли. Мы знали: нам придется жестоко померяться силами на основе рынка с рыночными отношениями. Каким путем? Да путем рыночных же отношений, но дополняемых все более искусным, умелым, точным плановым вмешательством. Успех социализма чем будет измеряться? Ростом планового руководства на основе возрастающих материальных ценностей. Рост нерегулированных рыночных отношений дальше известного предела означал бы для нас опасность оказаться захлестнутыми рынком. Вот почему в этом вопросе, мне кажется, тов. Зиновьев допустил неточную формулировку, которая может привести к недоразумениям,—это по вопросу о победах наших над НЭП'ом. Я думаю, формулировка тов. Раковского более правильна, и теоретически, и политически. Т. Раковский сказал оппозиционерам: „вы боитесь НЭП'а, стихии рынка; но когда мы имеем успех в сахарной промышленности, производим больше сахара и лучшего качества и выгодно продаем его, то этот успех на почве НЭП'а есть в то же время удар по НЭП'у“. Новая экономическая политика нами установлена всерьез и надолго, но не навсегда. „Новую“ политику мы завели для того, чтобы на ее основе и в значительной мере ее же методами победить ее. Как? Умело пользуясь действием законов рынка, опираясь на эти законы, вводя в их игру аппарат нашего государственного производства, систематически расширяя плановое начало. В конечном счете это плановое начало мы распространим на весь рынок, тем самым поглотив и уничтожив его. Другими словами, наши успехи на основе новой экономической политики автоматически приближают ее ликвидацию, ее замену новейшей экономической политикой, которая будет социалистической политикой. В этом смысле мы можем с полным правом сказать, что успехи нашего государственного хозяйства будут означать ряд побед наших над новой экономической политикой при помощи ее же собственных методов.

Но, товарищи, дело, конечно, не в том, чтобы диалектически охарактеризовать эти победы, а в том, чтобы их фактически одержать. В этом и состоит задача. Мыслимо ли ее разрешение? Вполне мыслимо. Обеспечена ли победа? Нет, еще не обеспечена. Начали ли мы уже побеждать? По-моему, нет. Мы подошли к такой позиции, где можно начать побеждать, но только подошли, ибо поскольку мы имели за предшествующй период убыток, постольку, конечно, нельзя еще говорить о том, что мы начали побеждать. Мы создали предпосылки для победы,—подъем страны. Чего же нам нехватает для самой победы?

Вот здесь, товарищи, в этом вопросе, я хочу опереться на книжку, которую вам всем роздали, но которую вы, вероятно, еще не успели прочитать. Нам вообще роздали здесь много ценной литературы, и я истинно порадовался, когда увидал, как мы все же выросли. Будем, однако, просить все ведомства и учреждения, в том числе ЦК партии, чтобы к следующему съезду эти книжки появились недели за две до съезда, иначе чувствуешь себя в полной растерянности, за какую книжку раньше ухватиться. Вот эта небольшая книжка: „Вопрос организации государственной промышленности на частном примере Подмосковного бассейна (Материал к XII съезду РКП)“. Это результат обследования, не статистического подсчета,—это совсем не то,— а живого экспедиционного обследования на месте, притом обследования, совершонного людьми, у которых есть глаз, которые хотели видеть и сумели подвести виденному итоги. Я не знаю автора, пытался узнать по телефону, но в суматохе съезда не удалось. Обращаю внимание особенно на заключительную главу этой брошюры. Если бы не ограниченное время, я бы вам ее всю прочитал, но, надеюсь, вы это сделаете сами. Авторы брошюры спрашивают себя: „В чем наши плюсы и в чем наши минусы?“. Плюсов у нас, т.-е. у государства, владеющего важнейшими отраслями промышленности, очень много, они их перечисляют: „мы имеем возможность (в отличие от частного капитала или, вернее сказать, от частно-капиталистического хозяйства), мы имеем возможность и практически уже начинаем, вести свое хозяйство по определенному плану, зная свои производственные возможности и свои потребности“. Вот чего нет при капитализме! Второе: „мы имеем некоторую возможность сознательно, в интересах всего народного хозяйства, воздействовать на взаимоотношения промышленности с сельским хозяйством“, заставляя поочередно то промышленность поддерживать сельское хозяйство (пока-что, скажу от себя, таких опытов мало), то сельское хозяйство дать ссуду промышленности. Но мы проводим это централизованным плановым порядком, через аппарат фиска, через государство, имея возможность производить такую перекидку сил и средств, прежде всего средств из промышленности в сельскохозяйственный оборот, чего, конечно, в такой степени не может делать частно-капиталистический режим. Третье: „мы можем наши государственные ресурсы сознательно распределять между различными отраслями промышленности, питая важнейшие ее отрасли и во-

все закрывая те, которые нам не нужны". Четвертое: „внутри промышленности мы можем также сознательно распределять свои средства между различными предприятиями": одно закроем, другое оживет. Таких преимуществ частно-капиталистический режим также не имеет. Пятое преимущество: „у нас имеются неизмеримо большие, чем при капитализме, возможности целесообразного согласования работы отдельных предприятий между собой". Взяли такой-то завод, отдали другому тресту, произвели новую комбинацию, горизонтальную или вертикальную. В Америке это сложная игра оторвать предприятие, включить его в другую комбинацию, а у нас это росчерк пера. Шестой пункт очень интересный: „рабочий класс, стоя у власти, имеет возможность, когда это вызывается классовыми интересами, предоставлять промышленности кредит за счет рабочей платы". Другими словами, могут быть моменты, когда государство заработка не выплачивает или платит только половину, и ты, рабочий, кредитуешь свое государство за счет заработной платы. Это формулировка не тред-юнионистская, это говорит профессионалист-коммунист, социалистический государственник, не цеховик. У нас насчитывается, стало - быть, шесть принципиальных преимуществ, одно другого важнее, а в результате все-таки пока терпим убытки.

Авторы книжки спрашивают: почему это, откуда это? И дают ответ, и ответ, по-моему, совершенно правильный. „Мы считаем,—говорят они,—что основных затруднений, встречаемых в нашей государственной промышленности, по существу, весьма немного, всего только одно". Оно состоит в том, „что правления наших трестов, а затем и директора наших предприятий не являются настоящими хозяевами, которые бы за всем смотрели, за все болели душой, дорожили бы каждой минутой времени, берегли бы каждую копейку, проводили бы дни и ночи в заботах о нуждах наших фабрик, заводов, рудников и т. д.". „Как - будто банальнейшая мысль, простейшая мысль, это даже не калькуляция, не плановое руководство, а, между тем, тут именно гвоздь". „Нет в заводе хозяина, нет и в тресте хозяина". Это говорят нам профессионалисты, и они подтверждают это и иллюстрируют прямо превосходно. Почему же это у нас нет хозяина? Не потому ли, что прогнали старых хозяев? Нет, не потому. Ибо разве крупные капиталисты сами заведуют своими предприятиями? Ничего подобного. У них спецы-наемники, они и заведуют. Но у них, у капиталистов, прдприятия давали прибыль, а у нас нет. Вот как об этом говорит наша брошюра: „Мы должны это признать (насчет убытка) со всей откровенностью, ибо только это даст возможность бить в ту точку, которую бить следует". „Что эта задача должна быть поставлена и разрешена,—следует из того, что наша государственная промышленность даже в предприятиях, находящихся в исключительно хороших условиях работ,—при больших, чем до войны, средствах, при полном обеспечении технической силы, при нормальной производительности труда рабочих и т. п.,—дает убыток, в то время как капиталисты в этих предприятиях имели прибыль,—так велики накладные расходы на

содержание Главков, на содержание громаднейших штатов служащих, на содержание подсобных категорий рабочих и на оплату торговых расходов по сбыту продукции". Отлично сказано по точности, по сжатости, по правдивости, без прикрашивания, без розовой водицы.

„Мы до сих пор вопроса о прибыли не ставили. Однако, теперь или через некоторое время мы должны будем его поставить, ибо вне накопления прибыли у пролетариата нет иных способов перехода к социализму".

Краткий, но превосходный ответ „Рабочей Правде",—ее кстати вернее было бы называть „Рабочей Кривдой",—которая изображает дело так, что государственный аппарат есть аппарат эксплоатации рабочего класса. Есть старая теория забытого ныне Махайского,—махаевщина, которая учила, что при социализме государство будет аппаратом эксплоатации рабочего класса. А ЦК горнорабочих отвечает четко и резко, что если рабочий класс не даст прибавочной стоимости в распоряжение своего государства, то не пойдем вперед. Без прибыли не может быть расширения предприятия, не может быть расширенного воспроизводства, не может быть подъема культуры, не говоря уже о социалистическом строительстве. И этот вопрос ЦК горнорабочих ставит ребром.

Всякий раз, когда мы начинаем говорить о промышленности,—заявляет брошюра,—мы ограничиваемся общими вопросами, но до точки не доходим. А что такое эта точка? А вот что: „нужно говорить лишь о том, как начать более бережно расходовать наши средства, как беречь копейку и в производстве, и в торговле, и во всех прочих случаях". Самое простое правило: береги советскую копейку, а советская копеечка социалистический рубль сбережет. Без этого не пойдешь вперед. Надо беречь копейку и на сырье, и в производстве, и в освещении, и в отоплении, всюду и везде. Из этого прибыль и слагается, и растет. „Наше больное место в том,—продолжает ЦК горнорабочих,—что мы не нашли еще способа заставить своих управляющих и дозеренных во всех отряслях народного хозяйства беречь по-хозяйски каждую копейку, беречь действительно и серьезно". Как действуют капиталисты? Они оплачивают хорошо своих директоров, но, главное, для директоров у них есть определенный режим. Репутация директора—его капитал. Существуют аттестационные списки. Если ты просадил предприятие, твоя репутация погибла. Таким образом, помимо вопроса о вознаграждении, о жалованье, есть еще вопрос об общественном мнении, о репутации, о деловом самолюбии.

Нужно добиться того,—говорит ЦК горнорабочих,—чтобы наших директоров, хороших, дельных, знали так же, как мы знаем лучших наших командиров, героев Красной армии в эпоху гражданской войны. Нужно создать на этот счет в партии и стране устойчивое общественное мнение, в котором удельный вес командиров промышленности был бы правильно измерен. С этим должны быть согласованы разные формы премиальности. У нас есть партийное постановление

о том, что директора не могут получать премии выше известной суммы, не могут участвовать в прибылях и т. п. Это совершенно правильно,—дальше определенной суммы жалованья и премии не должны итти. Но, вместе с тем, надо бы с профессионалистами обсудить и всесторонне обдумать такую меру: если предприятие дает доход и полагается высокая премия, а директор партийный, то можно предоставить ему право эту премию распределять уже не по произволу, как ныне, а по закону, на культурные нужды, на больницу, на шефство и т. п., не из оборотного капитала, как ныне, а из премии, которую директор-некоммунист при равных условиях может получить в собственное свое распоряжение. Это, конечно, не есть единственное средство, а одно из многих средств заинтересовать и подтянуть директора. В общем же путь, который указывают горняки, безусловно правильный: подбор людей, воспитание хозяйственников есть то самое, о чем Владимир Ильич на XI съезде говорил, как о центральном вопросе всего периода. И вот здесь есть очень интересное место, которое я тоже прочту: „Само собою понятно, что такие директора должны быть совершенно спокойны за то, что, отдавая свои силы, свои добрые отношения с местными организациями и людьми (отказ в удовлетворении некоторых требований государственных организаций и людей, и даже рабочих, хотя бы и сделанный в интересах рабочего класса, не всегда спасает сохранение добрых отношений),—так напечатано!—эти директора, отдающие все силы и здоровье интересам государственной промышленности, а стало-быть, интересам рабочего государства, в целом они не останутся вне внимания государства". Горняки настаивают на создании определенного, более устойчивого режима по отношению к красным директорам. Они предлагают (я пока этой мысли не критикую, а только сообщаю) провести положение о красных директорах через ВЦИК, которое определяло бы права и обязанности красных директоров и делало бы их ответственными должностными лицами на службе советского государства, с предоставлением им большой инициативы. Эта система мероприятий, товарищи, должна быть обсуждена детальнейшим образом всеми профессиональными союзами, продискуссирована в нашей печати и затем должна быть рассмотрена в нашей партии. Здесь затронут вопрос очень интересный. Средства производства в наших руках, мы можем совершать концентрацию, мы—монополист, мы располагаем законодательным аппаратом, мы хотим научиться производить с прибылью. Кажется, чего нехватет? А вот нехватает этого хозяина в тресте. Конечно, этого не получить в месяц, в год, но можно и нужно добиться этого постепенно, путем искусственного, отчасти естественного, но, главным образом, продуманного подбора работников, взяв их, конечно, на соответственный учет и создав для них условия, в которых они могли бы проявлять инициативу.

Далеко мы ушли в этой области? Пока очень недалеко. Сошлюсь на результат работы комиссии тов. Куйбышева, которая составила очень интересный доклад, еще не прошедший через ЦК, а предва-

рительно только через Оргбюро. Несомненно, что тот ЦК, который вы создадите, одну из своих важнейших задач будет иметь в анализе материалов этой комиссии, которая обследовала 28 трестов,—главным образом, московских. Очень важный и центральный вопрос, который интересовал комиссию,—это вопрос о подборе личного состава трестов и предприятий. Я процитирую некоторые выводы из доклада тов. Куйбышева, сделанного им на основе работ комиссии:

„Значительная доля вина за тяжелое и бесхозяйственное состояние ряда трестов лежит на неумелом, бессистемном, неосторожном подборе состава правлений трестов.

Роль партии (как ЦК, так и МК РКП) в деле формирования правлений московских трестов может быть оценена как пассивная, незначительная, при полном отсутствии системы подбора крепкого коммунистического кадра трестов".

На странице 52 по вопросу о недостатках существующей системы подбора людей тов. Куйбышев пишет:

„Помимо всех вышеуказанных недостатков, результатом которых является слабое, неустойчивое и бесхозяйственное управление, я считаю необходимым остановиться еще на одном факте крупнейшего значения, связанном самым тесным образом с существующей системой или, вернее, бессистемностью в подборе правлений.

Таким фактом я считаю распыление ответственности, формальной и политической, на результат подбора состава правлений.

В самом деле, при описанной выше системе одновременного подбора (вернее, намеков на подбор) хозяйственного кадра и профессиональными, и хозяйственными, и партийными органами ни одна из указанных организаций не несет или, вернее, психологически не чувствует себя единственно ответственной за результаты неудачного подбора.

Доминирующий в последнее время партийный и советский лозунг—возрождение хозяйства—ни в какой мере (если говорить о серьезном подходе к делу) не был поддержан на деле реальным притоком партийных сил в хозяйственные органы.

Это настолько неоспоримый факт, что без лишней натяжки можно утверждать о пассивном участии партии в целом в деле перераспределения партийных сил в соответствии с хозяйственными нуждами республики".

Я думаю, что никто не посетует на меня за эти длинные цитаты, ибо они бьют по тому же самому центральному вопросу, который ребром поставлен ЦК горнорабочих, и который год назад был поставлен на съезде Владимиром Ильичем.

Итак, о подборе работников. Разумеется, поскольку здесь прощупаны тресты, прощупаны комиссией высококвалифицированной, состоящей из нескольких цекистов, она могла на живом разрезе увидеть плохое состояние этого решающего винтика—хозяина-директора. Насколько я знаю, Оргбюро ЦК на основании этого доклада постановило, чтобы по отношению к всероссийским или всесоюзным трестам

ЦК совместно с ВСНХ определял состав правлений. Я думаю, что новый ЦК должен будет это решение подтвердить также и по отношению к губернским трестам, а именно губком вместе с губсоветом народного хозяйства утверждает состав правления треста. Но этим дело не ограничивается. Это только „головки"...

Дальше идет вопрос о подборе руководящих работников в предприятии, в группе предприятий. И здесь надо создать режим устойчивый, режим правильных взаимоотношений, режим правильного руководства, режим ответственности, когда хозяин в предприятии (т.-е. хозяин, уполномоченный государством) чувствует и несет всю полноту ответственности за каждую советскую копейку. Это есть центральный вопрос, и мимо него партия не пройдет в ближайшем году. Это означает, что вопрос о руководстве партии хозяйством должен также стать на более систематические, более плановые рельсы. Но если бы эта фраза кем-нибудь была понята так, будто руководство партии откладывается до того, как мы установим план, это значило бы опрокинуть вещи на голову, потому что, ведь, когда мы установим план во всех областях, вряд ли нужно будет руководство партии, и вряд ли нужна будет сама партия. На ближайший период партия должна поставить задачей и себе, и хозорганам подбор хозработников, ведение ими правильных списков, периодическую проверку, правильное продвижение вверх по известной системе. Это вопрос всех вопросов,—это есть один из центральных моментов в тезисах по руководству промышленностью.

Товарищи! Резолюцию по докладу ЦК вы приняли. В этой резолюции сказано со всей решительностью, что руководство нашей партии государством в целом и хозяйством не только остается незыблемым, но и должно быть упрочено, укреплено и поднято на более высокую ступень. Если вопрос формулировать так,—а его только так коммунист и может формулировать,—то всякого, кто попытался бы против руководства партии государством и хозяйством направить свою энергию, мы, все совместно, поставили бы по ту сторону баррикады. Так же, как в октябре 1917 года мы единодушно боролись за диктатуру партии,— так же, если понадобится, пойдем против всякой попытки, направленной против диктатуры партии, против ее всестороннего руководства во всех областях, и будем единодушно бороться, если бы эта опасность возникла перед нами серьезно, а она может возникнуть, ибо стихией НЭП'а мы не овладели, и мы не знаем, что несет она нам через год, два или пять лет.

Есть, однако, еще задача, которая составляет вывод из этой основной задачи: повышать квалификацию нашего руководства, приводить его в соответствие с потребностями самого хозяйства, придавать руководству более плановый, более систематический характер. Это относится и к подбору работников. То, что вытекает из работ комиссии т. Куйбышева, то, чего требует ЦК горнорабочих,—это постановки планового, систематического подбора хозяйственников. Разумеется, это еще не все руководство, но это важнейшая сейчас часть его. Посколь-

ку мы осудили на этом съезде всякий намек на ослабление руководства партии,—я это говорю, товарищи, с тем большей энергией, что некоторые товарищи считают, будто и у меня есть ошибки по этой линии,—я заявляю, что в отношении резолюции, которая говорит о необходимости укрепления и упрочения руководства партии во всех областях, я буду не последним в вашей среде в деле ее защиты, проведения и беспощадной борьбы со всяким, кто на нее покусится. (Аплодисменты).

Товарищи, я знаю, как чутко и настороженно наш съезд относится ко всем вопросам этого рода. Я понимаю настроение съезда, настроение всей партии. Оно объясняется и общими мировыми причинами, сгустившимся снова империалистским окружением, белой горячкой фашизма, и нашей внутренней причиной как бы личной, но в то же время общегосударственной и в то же время мировой причиной,—это болезнь Владимира Ильича. Эти две причины, пересекаясь, создают у партии тревожное, настороженное настроение. Это есть симптом бдительности партии, ее политического и морального здоровья, ее революционной упругости. Если она в этом своем состоянии двумя чертами или тремя чертами подчеркнет то, что ей представляется опасным, если она даже преувеличит, она права, потому что то, что при других условиях могло бы не быть опасным, сейчас должно быть взято под подозрение вдвойне и втройне. Это есть реакция здорового революционного организма, поставленного в труднейшие условия,—реакция на тысячи опасностей, из которых каждая в отдельности мала, а сочетаясь, группируясь и помножаясь друг на друга, они могут вырасти в грозную силу. Эта реакция здоровая, реакция революционного самосохранения того большого организма, каким является наша партия. Но это, товарищи, только оборонительная сторона задачи. Конечно, без своевременной обороны нельзя победить. Если задремлет сторожевой пост, беда может постигнуть всю армию. Но это все же только оборонительная сторона задачи, а у нас есть и наступательная,—это хозяйство. Их надо сочетать одну с другой,—оборонительную против всякой попытки, направленнной против руководства партии, с наступательной хозяйственной задачей, для которой нам надо будет в ближайшие годы высшее сосредоточение и напряжение партийной воли, иначе мы не разрешим хозяйственных вопросов, ибо первый итог НЭП'а таков: оживление есть, но пока-что с убытком для нас. Этот убыток есть плата за право учения в приготовительном или, вернее, в первом классе хозяйства,—в приготовительном классе мы были в период военного коммунизма. Во втором классе надо уменьшить плату, а затем уже дальше не платить, а хозяйничать с прибылью Мы перевезем хлеб за границу и будем оттуда везти товары в обмен на этот хлеб. Мы увеличим нажим капиталистической стихии на наше молодое хозяйство с основным и оборотным капиталом в государственной промышленности в два с половиной миллиарда рублей. Я не знаю, какой будет урожай, будем надеяться все, что хороший, но хороший урожай означает, если мы отстанем,

что увеличится соперник, ибо хороший урожай есть расширение емкости рынка не только для государственной промышленности, но и для частного капитала. У нас есть конкурент,—он будет расти, поднимать голову, и, если мы будем торговать в убыток, он будет торговать с прибылью, а с Запада будет нажим европейского капитала, с которым мы приводим в соприкосновение нашего крестьянина через посредство хлебного экспорта. Начинается эпоха роста и развития капиталистической стихии.

И кто знает, не придется ли нам в ближайшие годы каждую пядь нашей социалистической территории, т.-е. каждую частицу государственного хозяйства под нашими ногами, отстаивать зубами, когтями против центробежных тенденций и частно-капиталистических сил? Как голландцы отстаивали свою прибрежную полосу от океана, отвоевывали сваями, шлюзами, плотинами каждый квадратный метр территории, так и нам, коммунистам, имеющим в руках государственный аппарат, в ближайший период борьбы со стихией капитализма придется, планируя, предвидя, маневрируя, бороться за каждый квадратный метр социалистической территории, за каждую частицу государственного капитала. И здесь нашей партии нужна в высокой степени концентрированная воля,—направленная на что? На обогащение нашей страны. Мы собираемся проходить через стадию первоначального социалистического накопления. Это меткое выражение было впервые употреблено, кажется, т. В. С. Смирновым, работником Госплана. Первоначальное социалистическое накопление! Вы помните, по Марксу, что такое первоначальное капиталистическое накопление, какое напряжение энергии оно предполагает у мелкого хозяйчика. Этот маленький эксплоататор проявляет чудеса героизма, спит 4 часа в сутки, питается черствым хлебом, эксплоатирует жизненную энергию своей жены, детей, свою собственную, урезывает каждый пятак. Так проходит период первоначального капиталистического накопления. Это отвратительная картина, потому что здесь в основе лежит индивидуальный пятак мелкого хищника. Нам нужно бороться с такой же страстью, но за пятак советский, социалистический, который имеет право на весь героизм пролетариата и на всю проницательность, энергию, волю нашей партии. Лозунг экономии и накопления, о котором мы сейчас говорим, это не лозунг философов мелкобуржуазного сбережения, Рихтеров, Смайльсов и всяких других пошляков, которые его бросали кабальному рабу капитала,—лозунг сбережения, экономии копейки к копейке, пятачка к пятачку мы сейчас бросаем нашей партии и всей стране, как лозунг хозяйственного спасения и культурного возрождения. Мы должны с таким же вниманием, с такой же горячей преданностью, как когда-то относились к нелегальным адресам,—не потерять, не выдать, не просыпать,—относиться ныне к каждой частице народного достояния, приумножая, накопляя, подготовляя полную победу. И я, товарищи, хочу надеяться, что, несмотря на тяжелый для нас момент, несмотря на то, что партия прежде всего поглощена заботами революционного самосохранения, я наде-

юсь, я верю, что этот съезд явится в то же время исходным пунктом более дружного, более сосредоточенного хозяйственного наступления. И если то настроение, которое выразилось в докладе горняков, которое есть у многих товарищей, здесь присутствующих, охватит руководящие круги нашей партии и профессиональных союзов, то мы скажем с несокрушимой уверенностью: несмотря на нашу жалкую, постыдную сегодняшнюю бедность и неумелость, запряжемся все, как один, и страну нашу из нищеты, из рабства выведем и капиталу не сдадим. (Бурные, долго не смолкающие аплодисменты.)

Председательствующий. Товарищи, время 20 минут десятого. Необходим перерыв, но возможно и полное прекращение заседания. (Голоса: „Закрыть заседание".) Даю слово для заявления. Заседание затем будет закрыто.

Енукидзе. Президиум предлагает образовать четыре секции: по организационному вопросу под руководством т. Молотова, по ЦКК и РКИ под руководством тов. Дзержинского, по работе в деревне под руководством тов. Куйбышева и по агитационно-пропагандистской работе под руководством т. Бубнова. Поэтому предлагается делегациям записаться у руководителей, наметить своих представителей, а также и желающих записаться в эти секции.

Председательствующий. Заседание закрывается.

Заседание девятое.

(21 апреля 1923 г., дневное).

Рудзутак (председательствующий). Заседание съезда возобновляется. Приступаем к прениям по докладу тов. Троцкого. Слово имеет т. Смилга.

Смилга. Товарищи, разрешите мне вначале остановиться на аргументации ряда положений т. Троцкого, а потом внести некоторые поправки к его конкретным выводам. Вчера тов. Троцкий, с обычным для него блеском, поставил перед съездом все основные вопросы, волнующие в настоящее время промышленность. Но, если я могу сказать, что с большинством его выводов я согласен, то, к сожалению, сказать это же самое по поводу его аргументации не могу. Мне кажется, что целый ряд важнейших вопросов тов. Троцким освещен недостаточно правильно. Попробую это сейчас доказать. Я буду следить за ходом его мысли.

Тов. Троцкий, говоря об опасностях, грозящих нам со стороны мелкого и кустарного производства, по-моему, не совсем правильно расценивает положение. Товарищи, кустарное и мелкое производство наиболее сохранилось в России за все время революции, и к моменту перехода к новой экономической политике, само собой разумеется, мы должны были первое наше внимание обратить именно на эту мелкую промышленность. И я должен сказать, что в деле смычки пролетариата с крестьянством государственная поддержка мелкой промышленности была первым крупным этапом, чрезвычайно положительным, ибо именно эти отрасли нашего народного хозяйства наиболее легко, наиболее быстро приспособлялись к новым условиям. Думать, товарищи, что в России в скором времени можно установить такой хозяйственный строй, при котором крупная промышленность будет монопольна, устанавливать меновые рыночные отношения с крестьянством,—думать об этом в настоящее время не приходится. Не приходится, по-моему, и по теоретическим, и по практическим соображениям. Мне кажется, что гораздо правильнее была бы следующая перспектива: крупная промышленность, развиваясь, создает сама себе внутренний рынок, и в России она, конечно, главным образом, будет

базироваться на внутреннем рынке. Но это образование внутреннего рынка включает два момента: непосредственное производство для потребления и производство для производительного потребления. Мне кажется, что нам сейчас предстоит пережить этап, когда крупная промышленность будет обрастать мелкой промышленностью, мелкой торговлей.

И только действуя через посредство ее, мы будем устанавливать смычку с крестьянином. Самое покорение мелкой промышленности крупной происходит следующим образом. Сперва крупное производство, крупный капитал экономически подчиняет себе мелкую промышленность, держит ее в своих руках. Это — первый этап, который, к сожалению, нами сейчас еще не изжит. Мы только приступаем к его осуществлению. И уже только вторым этапом надо считать экономическое поглощение мелкой промышленности крупной. Это есть перспектива очень долгая. Выставить эту перспективу на авансцену значит построить неправильную перспективу, которая может быть чревата большими практическими последствиями, если она будет прямолинейно применяться в нашей экономической политике.

Второй вопрос, где с моей точки зрения тоже перспектива не была обрисована достаточно правильно,—это вопрос о смычке с крестьянином. Тов. Троцкий вам вчера демонстрировал расходящуюся вилку. Я должен сказать, что я мог бы эту вилку вам продемонстрировать, только острием не к крестьянину, а к городу. Первый период НЭП'а, переход на хозрасчет, который, как вам известно, происходил в обстановке голодной катастрофы, в обстановке отсутствия внутреннего рынка, был крайне невыгоден для промышленности, и до осени прошлого года мы вынуждены были сбывать нашу продукцию крестьянству по чрезвычайно пониженным ценам. И если мы, подсчитывая экономический итог первого года НЭП'а, констатируем некоторую пустоту в своем кошельке, то в значительной степени благодаря этому первому периоду. Осенью в связи с урожаем мы имели революцию цен. Положение резко меняется в пользу продукции города. Городская продукция перегоняет цены на предметы сельского хозяйства.

В настоящее время мы имеем уже третий период; мы кое-где имеем рост цен на хлеб, правда, еще кое-где; кое-где уменьшение цен на продукты промышленности, опять-таки кое-где. Но этот третий период в настоящее время еще настолько неясен, что здесь его экономически анализировать с полной ответственностью за каждое слово я пока не берусь. Какой вывод, товарищи, из этого можно сделать? Вывод единственный,—что до сих пор, т.-е. в первый период, в первые годы НЭП'а, отношения города и деревни носят крайне неустойчивый, конвульсивный характер: сегодня так, а завтра этак. Понятно, на таких конвульсиях серьезной устойчивой политики „всерьез и надолго“ не построишь. Здесь т. Троцкий совершенно правильно указывает на путь изживания этого периода. Конечно, с одной стороны, мы должны форсировать наш хлебный экспорт, хотя промышленность всегда была сторонницей низких цен на хлеб, но тоже не до

бесчувствия. Это верно, рабочим и городскому населению нужен дешевый хлеб, но когда низкие цены на хлеб сводят к нолю покупательную способность крестьянина, то этот же факт бьет промышленность, только с другого конца. Следовательно, здесь форсирование вывоза может быть одним из крупных мероприятий в смысле установления более устойчивых взаимоотношений города с деревней. В отношении промышленности такой основной мерой является концентрация, о которой вчера тов. Троцкий высказал много совершенно справедливых мыслей. Действительно, государство не может позволить себе роскоши вести ненагруженные предприятия, ибо тогда накладные расходы, всякие расходы на единицу продукта, будут чрезвычайно велики. Наша партия вместе с союзами и с государством должна эту задачу перед собой поставить и ее решить, ибо рабочему классу в целом выгоднее перенести все наши затруднения, связанные с концентрацией. Не будем здесь замазывать этот вопрос: речь идет о безработице. Но, повторяю, все эти огромные затруднения государству выгоднее открыто нести, чем нести их замаскированными и получить в результате нездоровую промышленную конъюнктуру.

Я вчера из речи тов. Троцкого не понял, в чем заключается опасность смычки русского хлеба с иностранным капиталом,—смычки русского крестьянства через вывоз хлеба с иностранным капиталом. Мне кажется, здесь абсолютно никакой опасности нет. Это самое лучшее в мире, чего можно было желать. Эта смычка самая выгодная и самая желательная, ибо хлеб скупает государство, и государственные торговые органы этот хлеб продают за границу, получают оттуда валюту, которая в наших условиях чрезвычайно необходима как для поднятия нашего денежного обращения, так и для закупки необходимых нам предметов оборудования. Я здесь никакой опасности не вижу. Опасность смычки русского крестьянского хозяйства с иностранным капиталом заключается совершенно в другом. И эта опасность совершенно отчетлива и ясна. Она заключается в том, что из-за высоких цен на наши отечественные продукты промышленности у фритредерски настроенного крестьянина является желание ввозить в Россию капитал в самой для нас невыгодной товарной форме. Вот в чем здесь опасность. И если монополии внешней торговли и угрожает опасность прорыва, то именно с этой стороны, ибо, крестьянин, взятый в отдельности, крестьянин, не обладающий марксистским, коммунистическим мировоззрением, относится довольно беззаботно относительно того, какие судьбы ожидают нашу промышленность. Ему нужен дешевый товар. Если в России он дорог, он будет стремиться получить этот дешевый товар из-за границы. И в этом смысле смычка действительно опасна; в смычке же вывозимого русского хлеба с иностранным капиталом опасности абсолютно никакой нет.

Я хочу остановиться на вопросе о плане в условиях НЭП'а. Мне кажется, что целый ряд товарищей из речи тов. Троцкого сделал такой вывод, что мы должны в этой области перейти к некоей принципиально иной политике, чем какую мы вели до сих пор. Я с этим не

согласен. И мне кажется, что я имею все основания с этим не согласиться. Я утверждаю, товарищи, что в первые два года НЭП'а в области плановой работы сделано гораздо больше, чем за все предъидущие годы.

Почему сделано больше? Потому, что мы отказались от универсального планирования всего и вся и сосредоточили свои усилия на определенных пунктах этой работы,—если применить истасканное выражение, взялись за планирование командных высот. Чего же мы достигли? Мы достигли таких, примерно, результатов к сегодняшнему дню: мы имеем продовольственный план, выполнение которого сейчас почти совпадает с плановыми назначениями. Это есть огромное достижение нашего хозяйства. Далее мы имеем план топливный. Мы за эти годы учли свои топливные ресурсы, не умножив их абсолютно. Мы находимся в перманентном топливном кризисе попрежнему, мы изживаем его в течение нескольких лет, ибо топлива у нас нет, но мы учли все, что у нас в стране имеется, и сейчас живем по средствам. Если в прошлом году мы могли сказать, что план выполнен в 99%, то это есть некоторое достижение. Даже при тех ресурсах, какие мы имеем, мы обеспечим нашему хозяйству спокойное развитие в пределах возможности, и уже эта часть хозяйства не сулит нам никаких неожиданных сюрпризов.

Далее на наших глазах вырабатывается и делает огромные успехи транспортный план. Скоро наши ж. д. будут прекрасно знать свои ресурсы, свои возможности и учтут их. Это будет большое достижение. Сейчас мы работаем и размышляем над самым основным, но и над самым трудным планом в нашем хозяйстве,—над нашим финансовым планом, над бюджетом. Здесь мы в свое время вели политику истребления денег, а потом вынуждены были эту политику изменить, и получили совершенно расшатанную машину. Пока мы принуждены жить месячным планом, пока нам не удалось создать сколько-нибудь серьезных квартальных, полугодовых или годовых планов. Но что мы и в этой области имеем серьезный успех,—этого отрицать совершенно не приходится.

Председательствующий. Тов. Смилга, ваше время истекло.

Смилга. Я прошу дать мне еще 10 минут.

Председательствующий. Тов. Смилга просит дать ему еще 10 мин. Какие предложения имеются на этот счет? (Голоса: „10 мин., 5 мин.“). Так как имеются предложения продлить на 10 и на 5 мин., то я ставлю этот вопрос на голосование. Кто за 5 минут? Кто за 10? Тов. Смилга, вы имеете еще 5 минут.

Смилга. Попробую уложиться в пять минут. Тт., что касается оценки самого НЭП'а, то здесь тов. Троцкий делает одну очень большую ошибку в смысле оценки нашего нынешнего положения. Тов. Зиновьев в свое время совершенно верно поправил т. Раковского, что некоторый успех, достигнутый в сахарной промышленности, является успехом, достигнутым на основе новой экономической политики, а не в смысле ее преодоления, удара или лучшей победы над НЭП'ом,

ибо то, что достигнуто в сахарной промышленности,—это самое элементарное, маленькое достижение. На основах НЭП'а мы должны будем иметь таких достижений в 100 раз больше, прежде чем мы сумеем поставить вопрос о преодолении НЭП'а. Что такое победа над НЭП'ом? Победа над НЭП'ом есть победа над государственным капитализмом, переход снова к высшей, к распределительной форме общества. Вот что такое победа над НЭП'ом. А мы сейчас изживаем еще в значительной степени наследие военного коммунизма. Ошибка здесь заключается в том, что начальный период и конечный период даются в одинаковой перспективе, и эта ошибка чревата грозными последствиями. Мне кажется, что мы здесь забываем завет т. Ленина, преподанный нам на XI съезде. Ленин сказал, что при наших условиях мы можем итти вперед и развиваться архимедленно, учитывая каждый наш шаг, закрепляя каждую позицию. Стремление вперед, более быстрое, чем это по силам для нашего хозяйственного организма, чревато огромными последствиями. Мы все великолепно знаем, что НЭП не вечен, что НЭП есть только период в нашей работе, в нашей политике, но этот период находится пока еще только в начале. Его преодоление с этой точки зрения находится в теснейшей связи именно с событиями на Западе. А сейчас наша задача заключается в том, чтобы именно на этих позициях укреплять и развивать те первые значительные успехи, которые мы имеем уже за эти годы.

Дальше по вопросу о прибыли, об аренде и о калькуляции. Товарищи, наша тяжелая индустрия работает, отпускает потребителям свою продукцию по установленным плановым ценам. Эти плановые цены до сих пор исключали понятие прибыли. Государство не было в состоянии расплачиваться за продукцию с таким расчетом, чтобы еще создавался резервный капитал из прибыли, и пр. Ведь, у нас не было сначала цен вовсе. В прошлом году у нас были цены бумажные, гораздо ниже себестоимости. Потом мы перешли к ценам золотым, более устойчивым. Это было громадным достижением, возможным только на фоне общего улучшения нашего хозяйства. И я уверен, что, идя по этому пути, если урожай в этом году будет снова хороший, мы сумеем наши цены калькулировать таким образом, что учтем совершенно необходимую прибыль. Тов. Троцкий прав, говоря, что без резервного капитала, без правильно поставленного дела амортизации, без соответственного накопления не может быть и речи об устойчивости положения. Но опять-таки это все достижимо в результате конкретной работы на основе возрождающегося сельского хозяйства, в первую очередь на основе улучшения промышленной конъюнктуры в целом.

Теперь относительно калькуляции. Калькуляция—вещь совершенно необходимая, и все слова т. Троцкого в высокой степени справедливы. Я только хотел вас предостеречь от одного вывода. Какбудто калькуляция имеет какое-то отношение к цене. Никакого отношения к цене калькуляция не имеет. Калькуляция может только ориентировать. Это совершенно необходимая операция, смысл которой

заключается в том, что если тебе предмет стоит 10 коп., а ты на рынке вынужден продавать по 7 коп., то ты точно знаешь, что имеешь на этом деле убытка 3 коп. Я великолепно понимаю, что калькуляция есть основа для расчета цен, и что в современных условиях без нее обойтись нельзя. Но на рынке действуют совершенно другие экономические факторы.

Председательствующий. Слово имеет т. Хинчук.

Хинчук. Товарищи, в мою задачу не входят ни оценка доклада т. Троцкого, ни его критика, ибо со всеми положениями, которые развивал т. Троцкий об общих перспективах нашей промышленности и сельского хозяйства, я вполне и целиком согласен. Мне приходится указать только на один пробел, который был допущен т. Троцким: этот пробел касается той роли кооперации, которую она должна занять и фактически занимает в деле восстановления сел. хозяйства и крупной промышленности.

Чтобы иметь право поставить этот вопрос, я должен прежде всего вам сказать, что кооперация глубоко проникла в толщу населения и имеет достаточно разветвленный аппарат сети первичных кооперативов. И она работает сейчас рука-об-руку с нашими государственными органами, она ставит перед собой задачу такую же, какую ставит государство. Нам надо знать, что вопросы промышленности тесно связаны с вопросами сбыта; промышленная политика тесно связана с торговой. В этом отношении прав тов. Троцкий, который говорит, что наша задача общая, что мы должны добиться вместо новой экономической политики новейшей; мы должны победить НЭП. А победить мы можем только при том условии, когда мы будем говорить о согласованной работе как государственных, так и кооперативных организаций как в области производства промышленного, так и в области сбыта. О развитии нашей кооперативной сети говорят следующие цифры: одна только потребительская кооперация имеет 24.657 потребительских обществ и свыше 35.000 потребительских лавок. Это только одна потребительская кооперация. Если мы сюда присоединим с.-хоз. и производственную кооперацию, то будем иметь уже такой большой аппарат, что государству надо обязательно установить ту роль, которую кооперация должна занять в общем нашем плановом хозяйстве. И, ведь, недаром не было ни одного выступления руководителей Советской власти, которые бы в общем своем докладе не указывали на роль кооперации. Конечно, директивный доклад тов. Троцкого, заключая в себе более или менее абстрактные перспективы, мог эту деталь упустить; но она так существенна, что обязательно надо на нее указать.

Я остановлюсь, товарищи, на том, как кооперация осуществляет свою плановую работу вместе с государством. Возьмите, товарищи, прежде всего условия, при каких вступила Советская власть в новую экономическую политику. Вы знаете те хлебные заготовки 1921 года, когда единственный аппарат (правда, тоже в достаточной степени бюрократический) представляла из себя потребительская кооперация,

и она целиком была привлечена к этой государственной работе. Правда, это привлечение ее к государственной работе имело существенное и громадное значение для развития всей сети потребительской кооперации, ибо, вступив в новую экономическую политику с капиталом, товарными ценностями в 3 миллиона рублей, с товарами барахольного характера, естественно, она не могла бы подняться на ноги, если бы государство не предоставило ей этой чрезвычайно важной работы по заготовке хлеба. Сейчас, товарищи, положение такое, и некоторые цифры покажут это, что хотя эта организация по своему масштабу далеко не обнимает тех задач, которые ставит себе государство, но, тем не менее, как опыт, эта организация, которая (и это все знают) действительно, на деле, фактически существует только лишь на одни свои средства, так-сказать, исключительно на хозяйственном расчете, провела этот опыт. Каким образом действительно можно вести плановое хозяйство в небольшом масштабе? Это настолько важно, что две цифры будут иметь существенное значение. В 1914 году, в год расцвета потреб. кооперации, только один центр ее дал оборот в 10 м. руб. золотом (это исключительно один Центросоюз), при чем надо сказать, что своих товарных ценностей в то время у Центросоюза было товаров на 12 милл. руб. Выступая на сцену в 1921 году с 3-миллионным капиталом, Центросоюз в 1922 г. дает оборот в 65 м. р. Таким образом, Центросоюз со значительно меньшим капиталом выступил на сцену, но сделал оборот в $6^1/_2$ раз больше, чем в расцветное время Центросоюза. Этот опыт, строго-согласованный, я бы сказал, с возможностями, несомненно (в большем масштабе тоже), может дать известные результаты. Я, товарищи, счел необходимым это заявить для того, чтобы еще больше подчеркнуть, что наша потребительская кооперация тоже должна занять соответствующую роль и место в тех задачах, которые ставит перед собою государство. Поэтому я считаю необходимым, что, так же, как и до сих пор, необходимо уделить достаточное внимание кооперации, и надо, товарищи, точно и ясно определить ту роль, которую кооперация должна занять в нашем плановом хозяйстве, которое, как мы слышали от т. Троцкого, наш Центральный Комитет представляет для нас в дальнейшем, как исключительно необходимую задачу. Это, товарищи, для нас чрезвычайно важно, и я счел необходимым об этом сказать. Думаю, что т. Троцкий в своем заключительном слове скажет, нужна ли кооперация в том плановом хозяйстве, о котором он говорил в своем докладе, должен ли этот орган занять соответствующее место в общем плане хозяйства, или нет, и если нет (а этого, я думаю, он сказать не сумеет), то тогда надо из этого сделать соответствующие выводы. Я полагаю совершенно определенно, что кооперация рука-об-руку с государственными органами поведет ту работу, которую надлежит повести Советской власти в области развития промышленности и поднятия сельского хозяйства.

Председательствующий. Слово имеет тов. Богданов.

Богданов. Тт., нам приходится бороться со всеми отрицатель-

ными сторонами НЭП'а, но в то же время в тех рамках, которые партия поставила, мы должны сделать еще очень многое, чтобы принципы новой экономической политики были нами использованы в полной мере. И в этом отношении я, со своей стороны, считаю, что постановка вопроса у тов. Зиновьева правильнее, чем у тов. Троцкого. Крупная госпромышленность может у нас развиваться при условии, если, с одной стороны, государство в качестве потребителя будет иметь достаточно средств для оплаты нужной ему продукции, а с другой стороны, если рынок будет иметь возможность покупать продукцию, идущую для непосредственного потребителя, в первую очередь для крестьянина. И в первом, и во втором случаях усиление товарооборота, усиление крестьянина как покупательной силы, усиление мелкой и кустарной промышленности является необходимым условием. Кустарная промышленность, крестьянство и мелкий торговец дают государству те необходимые налоги, акцизы, сборы, которые дают возможность построить здоровый финансовый бюджет и развивать государственную крупную промышленность, оплачивая ее продукцию, идущую для государства, а, с другой стороны, кустарь и мелкий промышленник в качестве потребителя металла и других изделий крупной промышленности способствуют ее развитию. В этом смысле цифры, которые указывал тов. Троцкий, противопоставляя продукцию мелкой и кустарной промышленности, 400 с чем-то милл. зол. против продукции крупной промышленности—900 с чем-то милл. золотом, перестают быть такими страшными, и рано еще говорить о борьбе с НЭП'ом, поскольку мы понимаем под НЭП'ом здоровую работу в новых условиях экономической политики.

Тезисы, которые вносит ЦК партии, на настоящем съезде должны, за исключением немногих пунктов, полностью удовлетворить работников промышленности, и я с удовлетворением констатируя, что, наконец, после двух лет мы имеем резкую, яркую постановку вопроса о промышленности, постановку ее во главу угла нашей хозяйственной политики. Но если подойти к отдельным положениям тезисов и уточнить их, то с точки зрения интересов промышленности необходимо сделать ряд замечаний. Производительность промышленности поднимается, но основа подъема производства, если оставить в стороне рынок, а взять самые элементы производства, т.-е. топливо и сырье, то здесь мы наблюдаем крайне тяжелое положение. С топливом продолжает быть исключительно тяжело. План топлива, составленный на текущий год, не даст увеличения угля, получаемого из наших недр, а некоторое увеличение только за счет заграничного и использования штыба дает также уменьшение по нефти, не по добыче, а по расходу. И дровяное топливо, от которого мы начинали отказываться, фигурирует в топливном плане в этом году в тех же размерах, как и в прошлом. (См. „Вопросы Промышленности и Торговли", розданные делегатам).

Не менее тяжелое положение с сырьем. Это заставляет нас вопросы финансирования государственной промышленности поставить на первое место. И в тезисах совершенно необходимо уточнить, что фи-

нансовые ассигновки со стороны государства на основную тяжелую индустрию должны не уменьшаться, а должны остаться хотя бы в том размере, который нашими государственными плановыми органами сейчас утвержден. Исходя из тяжелого положения нашей основной промышленности и недостатков капиталов для того, чтобы поднять на должную высоту ее оборудование, усилить капитальными сооружениями (как бурение в Баку, котловое хозяйство в Донбассе) и т. д., нам приходится говорить и об иностранном капитале, о котором тов. Троцкий ничего не сказал в своем докладе. Мы, промышленники, не говорим, о том, что нам иностранный капитал нужен дозарезу, но мы говорим, что без иностранного капитала мы не в состоянии поднять целого ряда отраслей нашей промышленности. Если учесть, что, по нашему бюджету, по скромным ассигновкам на промышленность, мы все-таки получаем не более $^2/_3$ того, что нами минимально заявлено, то острота с привлечением иностранного капитала остается. Поэтому, совершенно не затрогивая общеполитической линии, которая одобрена съездом в резолюции по докладу ЦК, мы говорим о необходимости делового оживления в области привлечения иностранного капитала в те области, которые нами предназначены, которые мы выбрали, и которые мы считаем возможным передать концессионерам. Здесь работа промышленности за эти два года подвела значительно более устойчивый фундамент в наши переговоры, чем это было года полтора назад. И по целому ряду отраслей промышленности мы с совершенно твердыми данными можем говорить, что здесь мы справимся сами. Это укрепление промышленности мы должны использовать в переговорах с иностранцами, но, во всяком случае, вопрос о привлечении иностранного капитала для подъема нашей промышленности при нашей бедности средств остается актуальной деловой задачей, которая должна стоять у нас на очереди.

В вопросах рынка доклад ничего не сказал о той роли, которую играют в организующем смысле наши тресты и синдикаты на рынке. В вопросе о выступлении госпромышленности на рынке мы не имели до сих пор партийных директив, и крайне важно, чтобы съезд этому вопросу уделил некоторое внимание. Государственная оптовая торговля на 73% находится в руках наших госорганов, здесь мы являемся монополистами, при чем эта цифра по месяцам не уменьшается за последнее полугодие. В первый период торговли каждый трест, каждое предприятие старались сами выступить на рынок. Это создавало излишнее накладные расходы, взаимную конкуренцию и тем самым било по промышленности. Мы выдвинули идею организации синдикатов, очень осторожно проводили ее в жизнь, и сейчас мы имеем самые разнообразные формы синдикатов, начиная от жестко-принудительных синдикатов и кончая синдикатскими соглашениями между отдельными трестами. Анализ работы за последние месяцы говорит, что наши синдикаты пропускают в пределах учтенных оборотов госорганов более 20% нашей продукции и увеличивают свое влияние на рынке. Мы считаем, что это влияние в общем благоприятно. Ряд трестов передает

свою продукцию синдикатам, использует отделения синдикатов и уменьшает свой торговый аппарат или передает его полностью синдикатам. Организующее влияние синдикатов благоприятно, конечно, при условии, что параллельно ставится вопрос о понижении цен и всех тех накладных и иных расходов, о которых здесь говорил тов. Троцкий, и я не буду их повторять. Это условие сейчас налицо, так как тресты и синдикаты стали сейчас на путь понижения своих накладных расходов, и лозунг уменьшения себестоимости является основным лозунгом наших синдикатов; они воздействуют в этом смысле на тресты, заставляя их считаться с требованиями рынка.

Вопрос цен. На них уже останавливался тов. Смилга. Я укажу только, что в тех накладных расходах, которые нам приходится сейчас особенно тщательно учитывать в нашей себестоимости продукции, данные комиссии, которая работала по инициативе Политбюро (работу еще не закончила, но материал из деловых подкомиссий у меня имеется), говорят о том, что накладные расходы распадаются на две части, при чем почти половина накладных расходов не зависит от самих предприятий и трестов и вызывается увеличением налогов, железнодорожного тарифа, ускоренными сроками погашения займов Госбанку, увеличением затрат на капитальный ремонт и восстановительные работы за этот год и т. д. Здесь круг сокращения накладных расходов ограничен, и промышленность, со своей стороны, может только в известной части повлиять на это сокращение.

Теперь вопрос общего регулирования рынка. Здесь тезисы Центрального Комитета дают директивные указания о необходимости согласования действий нашей промышленности и торговых руководящих органов. Мы приветствуем это предложение, которое идет навстречу жизни. Но, со своей стороны, мы выдвигаем более резкую формулу организационного объединения органов, регулирующих торговлю и руководящих промышленностью. Действительно, промышленность реализует непосредственно 70 слишним процентов своей продукции. Она является главным оптовым торговцем. Она прежде всего заинтересована в быстрой реализации своей продукции на рынке, и здесь интересы наших государственных крупных промышленных объединений и интересы кооперации тесно связаны. Далее возьмем внешнюю торговлю. Внешняя торговля сейчас в своей оперативной части постепенно уходит из рук Наркомвнешторга, и с полным сохранением контроля Наркомвнешторга целый ряд наших отраслей промышленности получил право самостоятельно вести свои торговые операции на внешнем рынке. Создано лесо-экспортное бюро, текстильный синдикат, кожевенный и т. д. имеют свои закупочные и заготовительные конторы за границей. Даже если взять операции по экспорту хлеба, то и здесь эти операции будут проводиться в жизнь специальным акционерным обществом, объединяющим целый ряд наших заготовительных органов внутри республики.

И это объединенное общество будет находиться только под контролем Наркомвнешторга. Таким образом, функции Наркомвнешторга по-

степенно сходят к контрольно-регулирующим и наблюдающим за выполнением монополии торговли и соответствующих декретов. Наша внутренняя торговля к тому же тесно связана с внешней, а промышленность тесно связана с экспортом, давая в целом ряде отраслей свои продукты на внешний рынок. Заготовка экспортного сырья тесно связывается с заготовкой сырья для наших предприятий. Наши оперативные органы как Внешторга, так и ВСНХ и отдельных трестов и т. д. постоянно сталкиваются в своей работе. Поэтому совершенно естественно говорить о том, чтобы общее регулирование этого громадного механизма всеми нитями, которые действуют на рынок, было объединено. Воздействие на рынок в порядке принудительного установления цен потерпело фиаско, такая проба была сделана, и единственным методом остается оперативная переброска товаров, усиление заготовки в том или другом районе и т. д. Эти оперативные меры под-силу только органу, который в своих руках держит и промышленность, и регулирование торговли, и внешний заготовительный и закупочный аппарат. Боязнь, что при этом пострадают интересы кооперации или частного рынка, несостоятельна. Государство, передоверяя этому органу, объединяющему торговлю и промышленность, защиту интересов республики в целом, заставит установить соответствующие нормальные взаимоотношения между кооперацией и частным рынком, поддерживая их в мере, которая будет в интересах государства. Боязнь, что пострадает промышленность в смысле управления, также не имеет места, ибо орган управления промышленностью остается внутри этого объединенного комиссариата, и, поскольку мы имеем декрет о трестах, точно устанавливающий юридическую форму треста и расширяющий права правлений трестов, постольку эти общие функции управления внутри комиссариата не будут слишком многосложны. Я не предлагаю съезду менять тезисы, предложенные ЦК, но в дополнение предлагаю, чтобы было поручено новому ЦК рассмотреть выдвигаемый промышленниками в течение 8 месяцев и поддерживаемый и работниками из среды торговой (предлагаю прочесть статью тов. Лежавы в „Эконом. Жизни") вопрос об организационном слиянии и объединении в едином комиссариате промышленности и торговли ВСНХ, НКВТ и Комвнуторг. Практика на местах уже привела к этому во многих случаях.

Вопрос руководства промышленностью упирается в вопрос руководства его со стороны наших высших органов. Здесь необходимо, чтобы в тезисах была подчеркнута необходимость единства такого руководства. В этом смысле промышленность больше, чем кто-либо другой, страдает от того, что она зависит сразу от трех „замов": от председателя СТО (Рыков), по финансовой линии от финансового комитета (Каменев) и, в-третьих, от „зама", который специально наблюдает над промышленностью (Цюрупа). Мы имеем трех „пестунов" над промышленностью, и к каждому из этих пестунов должны обращаться по нашим нуждам! Единое руководство должно быть обеспечено в про-

мышленности. Еще одно слово, связанное с организацией руководства хозяйством нашей Республики.

Промышленность играет доминирующую роль в разрешаемых вопросах хозяйственной жизни, и поэтому работа такого органа, как работа СТО, имеет для нас исключительно важное влияние. Созданием комиссариата промышленности и торговли мы сразу концентрируем ряд вопросов в одном месте; учитывая далее, что Наркомпрод теряет свое значение как самостоятельный орган и начинает играть роль органа налогового, тем самым подходя к слиянию с Наркомфином, было бы правильно иметь конструкцию СТО в таком виде: председателя СТО и 5 основных хозяйственных комиссариатов (комисс. промышл. и торговли, НКПС, НКФ, НКЗем, НКПрод, при чем ВЦСПС, Госплан и НКвоен входили бы с совещательным голосом, последний с решающим по своим вопросам), и мы имели бы совершенно четкий, небольшой, авторитетный хозяйственный, руководящий орган, который вел бы полное управление нашей хозяйственной работой. Товарищи, мое время истекло, заканчиваю еще одним предложением: вопрос об отношении хозяйственников и партии закреплен уже резолюцией, принятой съездом по докладу ЦК. В резолюцию по промышленности необходимо все-таки внести некоторые уточнения, поскольку этот тезис имеется у ЦК. Я считаю, что основные должности, которые возглавляют промышленность, т.-е. председатели центральных трестов, председатели губернских трестов, должны быть на учете ЦК,—это те опорные пункты, те должности, через которые партия руководит хозяйственной работой, но эти лица должны быть поставлены в условия полной самостоятельности и ответственности за свою работу. Об этом говорит декрет о трестах, изданный недавно. Поэтому было бы совершенно логично, если бы в тезисах было подчеркнуто, что, давая партийных работников в промышленность, самое распоряжение ими и руководство было бы поручено полностью тем основным товарищам-партийцам, пользующимся полным доверием, которых партия поставит на вышеуказанные основные места.

Председательствующий. Слово имеет тов. Рухимович.

Рухимович. Тов. Красин в дискуссионной статье, а затем здесь, на съезде, устно указал на те опасности, которые нам угрожают, ежели мы в дальнейшем будет проедать остатки материальных благ, государственные ресурсы нашей страны. Он предлагает следующие мероприятия: первое—внешний кредит, без чего мы обойтись не можем, и второе—дать хозяйственникам больший простор, избавить их от покровительства литераторов, журналистов и газетчиков. Тов. Троцкий вчера в 3-часовой речи своей указал нам также на опасность, которая угрожает нам. В цифрах своих на основании роста ремесленного и кустарного производства в стране за прошлый год на 62% и роста крупной и средней промышленности, примерно, на 40% он указал на эту опасность. Не знаю, согласен ли он с выводами т. Красина по части покровительства литераторов, я себе это неясно представляю на основании его вчерашней речи, но он предлагает следую-

щее: во-первых, экономия, т.-е. то, о чем говорил т. Ленин еще в прошлом году, затем план, без которого мы дальше работать не можем; т. Смилга, выступавший здесь, говорил уже, что это не новость: план есть, мы плануем. Да, товарищи, мы плануем, но нужно остановиться на том, как у нас этот план проходит, и нужен ли нам этот единый план. Он безусловно нужен, но он в данных условиях неосуществим. Я постараюсь это сейчас доказать.

Товарищи, многие знают, как в течение последних лет этот самый план во многих отраслях нашей крупной промышленности создавался и проводился, и притом не один, а несколько, и как они один за другим проваливались, благодаря неувязке и размаху. Это доказывается тем, что в такой огромной стране, с такой бедной экономикой нельзя всего сразу охватить. Вот почему в последние годы перешли на так-называемое областничество, на районирование. Об этом тов. Троцкий здесь ничего не говорил, а, ведь, только на базе их, на учете их, на выявлении инициативы использования всех ресурсов мест можно впоследствии создать действительно единый план, к которому мы все стремимся.

Как же мы плануем до сих пор? Товарищи, несколько фактов. Начнем с концентрации. Мы о ней уже, по крайней мере, всерьез говорили весь прошлый год. И вот перед нами молодой хозяйственник, всего полтора года работающий в тресте, в химическом тресте. Химическая промышленность должна в будущем играть, очевидно, большую роль, поскольку тов. Бухарин нас пугал здесь многопудовыми бомбами. Так вот, товарищи, вам на эту химическую промышленность, которая не играет сейчас такой большой роли, приходится обращать пока второстепенное внимание. В сентябре прошлого года, собравшись на заседание правления нашего треста, мы решили дальше не играть в-темную, а предложить центру высказаться по поводу необходимости жестокой концентрации, и даже, я здесь скажу совершенно открыто, с провокационной целью была написана нами докладная записка в ВСНХ: вот, мол, наша калькуляция,—скажу в скобках,—взятая почти с потолка, поскольку и сейчас еще никто не может сказать, что у него точная калькуляция. И я тов. Троцкому записки на полтора миллиона золотом никогда не дал бы. Когда мы вошли с калькуляцией и остальными материалами и указали, что наша химическая продукция стоит дороже уральской, дороже по сравнению с уральской калькуляцией, у нас производство слишком дорогое, благодаря слабой нагрузке предприятия, у нас целый ряд минусов, будьте добры закрыть один из этих трестов, будьте добры провести концентрацию. Мы не возражаем против закрытия и нашего. Но после целого ряда комиссий, совещаний, вынесено было Соломоново решение: должны крутиться оба. Это, товарищи, концентрация, которая не является уже результатом рассмотрения вопросов с мест, а это концентрация, идущая из центра.

Теперь, товарищи, относительно субсидии. Тов. Троцкий уже указал на ту огромную роль, правда, с некоторой опаской, насчет возмож-

ного урожая, на ту огромную роль, которую может играть количество добавочного золота, идущего на промышленность из ресурсов экспорта. Но, товарищи, надо же это учесть, пока на первое время, конечно, если мы будем экспортом заниматься, а не будут элеваторы, как в Николаеве, сгорать, и если в этой области будут дела обстоять лучше, чем обстоят сейчас. Надо эту субсидию как-то умело раздавать, надо, очевидно, сосредоточиться на основном, не распыляясь. Тут тов. Смилга говорил о командных высотах. Разрешите и мне обратиться к этим командным высотам и сказать следующее. Разрешите мне обратиться также в частности и к ГУТ'у. Может-быть, это и ГУТ, а может-быть, это и совсем не ГУТ.

Тов. Троцкий вчера цитировал выдержки из книжки ЦК ВСГ. Хорошая вещь, очень хорошая, что профессиональные организации этим делом занимаются, интересуются, хотя это им не положено по штату, а положено по штату это, очевидно, другим организациям. И вот, товарищи, здесь напрашивается вывод.

Скажем еще относительно цен. Тов. Троцкий говорит: имейте в виду, и это действительно так,—те, которые в пограничных районах находятся, они знают, а тов. Троцкий это знает лучше других,—какое значение имеет контрабанда. Нам приходится учитывать, что нашу калькуляцию приходится подсчитывать, имея в виду и внешнюю конкуренцию.

Когда т. Троцкий говорит об этой самой смычке русского крестьянина своим хлебом с иностранным капиталом, я здесь присоединяюсь к тов. Смилге. Но вот, товарищи, какое имеет значение опасность цен. ГУТ говорит: в Донецком бассейне себестоимость угля в некоторых шахтах достигает до 1 р. 6 коп. Колоссальная цена! Отсюда вывод: надо цены поднять вместо того, чтобы отобрать то, что имеется самого лучшего, и сказать: на это нужно дать государственные дотации, субсидии из экспорта или внутренних ресурсов или чего бы то ни было, а это все должно итти по определенной линии и средним ценам для того, чтобы восстановить наше хозяйство. Если тов. Дзержинский будет выступать, он, очевидно скажет, что означают эти цены в первую очередь для транспорта и затем для других отраслей промышленности, и что они означают для тех ножниц, о которых говорил вчера тов. Троцкий в смысле расширения их. Я относительно этих ножниц долго останавливаться не буду. Я хочу перейти к следующему на основании этих фактов, что у нас в наших высших инстанциях и во многих низших (тут мы скрывать, товарищи, не будем), у нас тут обстоит дело далеко не так, как тов. Смилга говорит в смысле наших больших достижений. Мы, правда, не будем выступать здесь в смысле пораженческого настроения, что у нас ничего не сделано. У нас в области хозяйственно-производственной много сделано, но мы могли бы в несколько раз больше сделать, если бы каждый был ответствен за то, что он делает.

Товарищи, на основании этих фактов я должен сделать вывод, почему это происходит. Причина: аппарат не наш. Прав был тов. Ле-

нин. Не только в области советского строительства, но и в области хозяйственной, главным образом, аппарат чужой. И вот если бы вместо этого огромного плана, который мы предлагаем на этот год или на ближайшие годы (нужно в перспективе иметь в виду такой план), если бы мы занялись пересмотром, как дело обстоит в тех плановых организациях, которые уже у нас имеются, тогда, товарищи, будут напрашиваться более широкие ножницы, чем тов. Троцкий вчера указал, но для другой цели: для срезывания кое-каких аппаратов. Товарищи, здесь нужно остановиться на этом подробнее. Когда первый раз получилась статья тов. Ленина насчет Рабкрина, для меня, грешным делом, она не понятна была, тем более при воспоминании, какое значение Рабкрин у нас вообще имел раньше. Когда тов. Шмидт был в Донбассе, я спросил его, не нужно ли его вообще ликвидировать, потому что Рабкрин дискредитирует. Там нет работников, которые, совершая инспекцию, ничего, кроме смешного, ничтожно малого, не находили, потому что нет специалиста такого, который бы щупальцами мог взяться за это дело. Но когда появилась вторая статья, тогда, товарищи, я понял, что здесь нужно создать щупальцы другого рода, и сюда надо направить аппарат партии, который мог бы, не строя пока ничего нового,—новым слишком увлекаться не нужно,—посмотреть на все старое и там все перестроить, перекроить, а кое-что и уничтожить. И тогда, товарищи, в ближайшее время у нас в этой области пойдет работа куда-куда лучше.

Теперь относительно этой самой цифры 60 и 42%. Товарищи, я склонен думать, что этих цифр, даже 60, может-быть, мало, потому что не все мелкое, не находящееся в руках государства, может быть учтено. Может-быть, разница даже больше.

Но вот, товарищи, я коснусь маленького вопроса,—это вопроса, поднятого в Донбассе. Когда мы два года под-ряд говорим, что имеется крупная промышленность и мелкая, при чем мелкая уходит в руки частного капитала, давайте мы ее организуем и будем в своих руках держать для того, чтобы, как тов. Смилга говорил, вначале подчинить, а затем поглотить. Два года идет борьба на этой почве, и ничего. Только после того, как тов. Ленин в прошлом году вмешался в эту историю, она была разрешена, и после этого, благодаря целому ряду тормозов извне и изнутри, снова застой. Почему это происходит? Потому, что у нас аппарат чужой, стоящие там во главе товарищи, может быть, прекрасные товарищи, может-быть, просящиеся в список нового состава ЦК, но, товарищи, аппарат не наш. Вот в чем суть. Вот больное место, которое необходимо исправить сейчас.

Товарищи, относительно подбора работников. Здесь тысячу раз прав тов. Троцкий. В этом отношении партия мало делала, и я на Украинской конференции говорил, что не мало делала, а до сих пор, может-быть, ничего не делала. Тут, товарищи, не вмешательство журналистов и литераторов нужно,—тут нужно всю партию вовлечь в работу. Из этого не следует делать вывод такой, что каждый секретарь комячейки будет мешать производственной работе, но тут нужно всех

втянуть в работу для того, чтобы можно было действительно пересмотреть и все перетряхнуть.

Маленькое недоумение вызвано у меня еще по поводу предложения тов. Троцкого насчет коммунистов, премий и всего прочего. Я понимаю, премии нужны, мы должны к ним стремиться, и многие к ним уже переходят, но когда речь идет о коммунистах, которые будут получать и заниматься благотворительностью, я думаю, что к этому мы, как Савва Морозов, еще не подошли. (Аплодисменты).

Председательствующий. Слово имеет тов. Андреев.

Андреев. Я не собираюсь спорить с докладом и положениями, которые зафиксированы в тезисах тов. Троцкого, ибо не только я, но и все мы, профессионалисты, в общем и целом с этими положениями согласны. Еще тогда, когда эти тезисы были в проекте, нами со стороны ВЦСПС были предложены поправки, и эти поправки были целиком и полностью приняты. Я хочу только сказать несколько слов в связи с той брошюрой ЦК горнорабочих, о которой говорил вчера тов. Троцкий, и в связи с этим я хочу коснуться вопроса об общем отношении профсоюзов к тем важнейшим вопросам организации нашей промышленности, которые были затронуты в тезисах Троцкого. Тем более это необходимо сделать, чтобы партийному съезду была ясна современная позиция профсоюзов в области организации промышленности, что в недавно закончившейся дискуссии о заработной плате со стороны хозяйственников нередко делались утверждения, что заработная плата увеличивает себестоимость нашей продукции, и что политика профсоюзов в этом отношении недостаточно отвечает директивам нашей партии. Прежде всего основной вопрос по организации нашей промышленности—это вопрос о производительности труда, вопрос о том, как это сказано в брошюре ЦК горняков, что благоприятные условия организации нашей государственной промышленности состоят в том, что иногда рабочий дает в кредит государству часть его заработка на усиление развития нашей советской промышленности. Как профсоюзы ответили на этот основной вопрос в своей политике заработной платы?

И тут, товарищи, еще в декабре прошлого года профсоюзы на своем пленуме ВЦСПС сказали: необходимо приостановить дальнейший рост заработной платы в тех отраслях промышленности, в которых уже достигнут общий средний уровень. Эта директива была принята в декабре. Последний пленум ВЦСПС подтвердил еще раз эту директиву. Но, товарищи, означает ли это, что профсоюзы молчаливо признали чрезмерный рост заработной платы у нас в стране? Ничуть не бывало, ибо заработная плата у нас в стране сейчас все-таки равняется 50% довоенного размера, а если мы примем во внимание, что заработная плата до войны вообще не может служить каким-либо мерилом, потому что она была у нас низкая и покоилась на чудовищной эксплоатации и неорганизованности рабочих, значит, директива о приостановке заработной платы была принята не от жира, которого, якобы, мы достигли в области повышения заработной платы, а профсоюзы

совершенно здраво оценили ту обстановку, в которой находится сейчас развитие нашей государственной промышленности. Эта обстановка говорит о том, что дальнейший рост заработной платы невозможен в тех отраслях легкой индустрии, где уже достигнута более высокая заработная плата, что сейчас должен быть сделан уклон в другую сторону,—на подтягивание тех отраслей труда, которые отстали в этом отношении. Транспорт и связь до сих пор у нас дают лишь 50% заработной платы промышленных рабочих. Бюджет транспортных работников составляется на 40% из нелегальных доходов. Что это значит: нелегальные доходы? Ответ на этот вопрос совершенно ясен: взяточничество, которое царит у нас на транспорте. Такое положение совершенно немыслимо, потому что государство тратит больше на борьбе со взяточничеством и с хищениями грузов, чем этого можно достичь посредством повышения заработной платы. Вы можете спросить нас, работников профдвижения: а может-быть, ваша директива, в декабре вынесенная, может-быть, она никакого значения не имела в смысле приостановки дальнейшего роста заработной платы? Мы должны на этот вопрос ответить так: нет, эта директива имеет значение существенное, потому что январь, февраль, март при заключении коллективных договоров не дают повышения тарифной ставки. Значит, эта директива жизненная. Но одновременно с вынесением такого решения о приостановке повышения зарплаты мы вынесли решение о том, чтобы усилить нашу работу в области поднятия производительности труда. Этим мы отвечаем на вопрос, какова позиция профсоюзов в вопросе о роли прибавочной стоимости в деле накопления ресурсов нашей промышленности. Но эта позиция профсоюзов означает и кое-что другое. Она означает, что центр внимания профсоюзов сейчас будет направлен на то, чтобы добиться такого положения, когда бы производительность труда не распылялась. Тут мы упираемся в вопрос о правильном хозяйствовании нашей промышленности. Мы говорим: мы согласны увеличить производительность труда, но, товарищи хозяйственники, подтянитесь так, чтобы эта производительность рабочего не распылялась, а выявлялась в общих результатах хозяйства. И тут, когда товарищи хозяйственники говорят (т. Богданов говорил на пленуме ВЦСПС), что достигнуты результаты в деле восстановления нашей промышленности, то мы им прямо будем отвечать и отвечали на пленуме ВЦСПС: товарищи, не увлекайтесь,—лучше не дооценить, чем переоценить то, что есть. Я хотел бы ответить фактически на вопрос о концентрации нашей промышленности, этом основном достижении в области организации хозяйства. Но как мы двигаемся здесь вперед? Мы еле-еле подвигаемся. По сравнению с прошлым годом мы ушли только на 10% вперед по всем отраслям промышленности. Это очень медленный шаг. Загрузка наших предприятий равна только 30%. А что это означает? Это означает увеличение себестоимости продукции, увеличение расходов топлива на единицу изготовляемых изделий. Мы знаем, что мы тратим сейчас топлива на 69% больше, чем это было в довоенное время. И тут мы должны будем

целиком согласиться с положениями т. Троцкого: как бы болезненно ни отразилась на состоянии рабочих масс концентрация производства, ее надо проводить, проводить с величайшей осторожностью, но, вместе с тем, с величайшей решительностью. А этого у нас было недостаточно.

Второй момент распыления результатов производительности труда рабочих—это уменьшение основного производственного персонала рабочих. В Донбассе мы имеем уменьшение с 20 забойщиков на 100 рабочих до 9 забойщиков. Наша промышленность имеет уменьшение квалифицированных рабочих до 20%. На это надо обратить серьезное внимание, и к вопросу подходить серьезно и осторожно.

Третий момент распыления—это момент накладных расходов, момент расходов на наш аппарат.

Четвертый момент—это момент трестомании. В книжке ВСНХ даны цифры, которые говорят, что у нас 459 трестов на 840.000 рабочих.

В среднем у нас падает 2.000 рабочих на трест, а 59% таких трестов объединяют только 500 рабочих. Нельзя ли, товарищи, тут посократиться, потому что на этот аппарат мы убиваем огромные средства нашей промышленности. 500 человек—это маленькое предприятие, а не трест. У нас действительного хозяйственного расчета еще нет, мы до него еще не доползли.

Мы еле-еле вступаем только на путь этого действительного хозяйственного расчета, и у нас нет еще в достаточной степени хозяйственной психологии, хозяйственного подхода в области организации промышленности,—того, о чем говорит брошюра горняков. Эта брошюра горнорабочих—точка зрения Центрального К-та горнорабочих—не является каким-нибудь счастливым исключением,—это общая позиция профессиональных союзов, и эта брошюра является только сколком с общей позиции профсоюзов, а эта общая позиция профессиональных союзов была закреплена десятки раз, но ее, может-быть, некоторые товарищи не замечали. Я думаю, товарищи, хотя я и хотел еще дать некоторые сведения, но я думаю, что можно и на этом закончить. Я не хотел бы, товарищи, чтобы моя речь была понята как какой-то выпад против товарищей хозяйственников, но надо, товарищи, на партийном съезде говорить то, что есть, чтобы наметить правильные перспективы, чтобы общими усилиями поставить вопрос об организации промышленности, об изгнании тех недостатков, которые мы имеем в результате двухлетнего осуществления опыта НЭП'а, чтобы этот вопрос поставить действительно центральной задачей и партии, и профсою ов, и всего рабочего класса. (Аплодисменты).

Харитонов (председательствующий). Слово имеет т. Чубарь.

Чубарь. В аргументации т. Троцкого можно отметить целый ряд моментов, с которыми трудно согласиться. Один из основных, несколько раз подчеркнутых т. Троцким аргументов,—это то, что мы бедны, и промышленность наша, может-быть, сейчас беднее, чем год назад. Вся хозяйственная обстановка, в которой мы живем, которую мы чувствуем, опровергает это положение. И если опровергнуть это положение, то к целому ряду выводов можно подойти с другой точки зрения.

Мы бедны, мы еще недостаточно богаты, но мы в то же самое время не спустились ниже, не хуже хозяйствуем, не хуже накопляем ценности, чем это было год назад. Это положение можно подтвердить целым рядом цифр. Тов. Троцкий и тезисы Центрального К-та выдвигают целый ряд перспектив в области развития нашего планового хозяйства. В области планирования я хочу здесь отметить только один момент,—что плановое хозяйство, планирование в будущем году будет итти и развиваться под совершенно иным критерием, чем это было в предыдущем году. В предыдущий период мы планировали по техническим возможностям, по нашей производственной схеме, игнорируя целый ряд экономических моментов, даже иногда экономических деталей, влияющих на осуществление этих планов. Вся проблема трестирования промышленности, все наши планы в этой области и вся наша предстоящая работа должны быть переоценены под новым углом зрения. Нам нужно в переоценку вложить экономический критерий. Но с чем мы здесь сталкиваемся,—это то, что НЭП выявил чрезвычайно резкие основные противоречия. Нашему крестьянскому рынку, нашей промышленности, и легкой, и тяжелой, нужна дешевая продукция, нужно дешевое сырье. До сих пор наш план восстановления промышленности базировался на крупнейших предприятиях, крупнейших по схеме, не всегда экономически наиболее выгодных и почти всегда наиболее невыгодных экономически в данной обстановке настоящего момента. Экономические выгоды этих планов кроятся в хозяйственных перспективах, но в данных тягчайших условиях экономических противоречий, погони за дешевкой продукции, погони за наибольшими коммерческими выгодами, прежние планы этих преимуществ не имели и не имеют. Но что же, под этими новыми требованиями НЭП'а, под гнетом погони за дешевкой, должны ли мы упустить основные наши задачи,—задачи восстановления крупнейших предприятий? Опасность такая возможна.

По-моему, в тезисах проблему восстановления наших основных предприятий мы должны особенно резко оттенить. На-ряду с удешевлением всей нашей хозяйственной работы и в части упорядочения самого хозяйствования, упорядочения торговли, меньше накладных расходов не нужно затушевывать основных задач, т.-е. тех неизбежных вкладов новых средств, о которых тов. Троцкий сказал, что „нужно заплатить за вход раз, и достаточно". Нужно взвесить, можно ли ограничиться вкладыванием только один раз и подстричь все отрасли под одну скобку, или же нужно кое-где заплатить еще десять раз, конечно, взвесив, учтя, сколько нужно заплатить, но признав, что заплатить нужно,—заплатить, не поскупившись, иначе через год или через два мы можем остаться у разбитого корыта. Для иллюстрации возьмем хотя бы такой пример. Мы не можем отказаться от поддержания крупнейших шахт, мы не можем консервировать их, как можно консервировать крупные заводы, как текстильные фабрики, так как, не находясь в состоянии эксплоатации, горные предприятия разрушаются в силу естественных условий.

Мы неизбежно должны нести эти тяготы, должны итти на удорожание продукции, хотя, вместе с тем, под этим лозунгом не должны прикрывать бесхозяйственность, неумение упорядочить производственный процесс и целый ряд других наших погрешностей. Перспективное развитие хозяйства сейчас накладывает на нас тяжелые обязанности: вопреки требованиям НЭП'а, надо производить дополнительные затраты, вкладывая капиталы в промышленность, и от этих тягот не отказываться. Тов. Андреев говорил, что нужно упорядочить процесс хозяйствования, и что нужно сугубо осторожно подходить к вопросу о подростках. В горной промышленности, по закону об обязательном бронировании подростков, мы имеем их процентов 8 от общего числа рабочих, и подземных, и поверхностных, но на подземные работы подростков мы не можем пускать по тому же закону, и у нас подростки остаются на поверхности и отягощают общее положение промышленности, нарушая довоенные соотношения между подземными и поверхностными группами не готовясь к подземным квалификациям. Кроме подростков-учеников, нам приходится под землей иметь еще взрослых учеников.

У нас общий производственный процесс построен таким образом, что требуется много исправлений, чтобы достигнуть этих правильных отношений, которые как-будто были налажены в 12—13 гг. И тут нужно говорить не только о подростках, а нужно заняться пересмотром целого ряда регламентирующих положений, и поэтому совершенно правильно решение ЦК, что в области производства нужно пересмотреть все те положения, которые были приняты по инерции с переходом от военного коммунизма к НЭП'у. Сейчас сугубая необходимость этого пересмотра имеется, и его нужно сделать.

Перехожу к вопросу о калькуляции и отчетности. Конечно, при экономическом взвешивании сил данной обстановки главнейшим орудием, которое обеспечит нас от ошибочных выводов, являются правильная отчетность, правильная калькуляция.

Калькуляция выявляет роль отдельных элементов производственного процесса в себестоимости продукции и в общехозяйственном балансе. Здесь т. Троцкий говорил: из-за того, что у нас нет калькуляции, у нас воруют, и т. д. Конечно, можно так истолковывать, что отсутствие правильной калькуляции, отсутствие правильной отчетности способствуют воровству, но все-таки нужно сказать, что воровству способствует и основные предпосылки: недостаточность материальной обеспеченности сотрудников. Может-быть, в центральных учреждениях это уже устранено, но на местах это еще играет роль. Чтобы отчетность и калькуляция не были использованы в целях более совершенного воровства и наживания за счет государства ряда акул, партии предстоит громаднейшая работа. Нужно поставить задачу подготовки красных счетоводов, которых гораздо скорее нужно подготовить, чем красных техников и кадры квалифицированных рабочих. Нам нужно напрячь все усилия, чтобы вся отчетность и калькуляция были проникнуты коммунистическими устремлениями, а не устремлениями капиталистическими мелкобуржуазных спецов, которые всякую

калькуляцию и отчетность могут повернуть на то, что здесь иллюстрировал т. Троцкий, так как они заинтересованы в получении прибыли, тантьем и т. д. и поэтому выводят активный баланс и прибыль по своему усмотрению. Можно ли это проверить при отсутствии единого критерия, единого мерила для оценки нашей отчетности? И здесь та проблема, которую ставит Госплан, о постановке единой государственной отчетности, о подготовке кадров наших счетных работников приобретает для нашей партии решающее значение в ближайший период, иначе спецы своей отчетностью могут нас путать так же, как путали разными прожектами, если не больше. И здесь т. Троцкий, когда он так безапелляционно принимает выводы ЦК горняков, упускает из вида один существенный момент,—что сейчас поставить заинтересованность работников целиком от этой отчетности было бы не совсем правильно. И еще один момент тов. Троцкий упускает, а именно горняки не поставили точек над „и". Они говорят, что директор-спец будет получать в зависимости от результатов работы. Старый спец относился очень рьяно к получению барышей, к выколачиванию прибыли, к выжиманию пота, потому что он в перспективе имел приобретение своего предприятия. Большинство спецов имели эту задачу в перспективе. Сейчас мы говорим, что каждый спец должен будет накопить и через два-три года выгодной работы предприятия может приобрести себе завод. Мы этого не говорим. Я этот вопрос ставлю вот почему. Мы живем, как здесь правильно отмечалось, в значительной части за счет кредита рабочих. Рабочие и крестьяне кредитуют свое государство, но не всякий спец еще хочет кредитовать, многие из них хотят в суматохе сорвать то, что поможет им встать прочнее на ноги как собственникам и показать кукиш Советской власти. С этими стремлениями еще приходится считаться, особенно в условиях НЭП'а, когда перспективы обогащения имеются. Мера, которая предложена, принципиально правильна, но она должна вселять в нас сугубо осторожное отношение к ее проведению в жизнь. И ни в коем случае нельзя итти на тот путь, который рекомендовал тов. Троцкий в отношении коммунистов. Делать из коммунистов благотворителей за счет личного качества—это такая вещь, которая внесет колоссальное разложение в среду партии, которая ничего хорошего не даст и в общем повредит нашей работе...

Я хотел еще остановиться на вопросе о необходимости включения в калькуляцию земельной ренты. За весь истекший период мы очень много применяли педагогических методов. И сейчас выдвинуто положение, что нужно включить земельную ренту в себестоимость. Имеет ли эта мера практическое значение в наших условиях? Принципиально это будет правильно, но необходимо ли это сейчас, когда у нас себестоимость выше того, что может принять рынок, не только рынок наш, но и рынок внешний, и в области нефтяной промышленности, и в других отраслях (металлургии и т. д.), которые уже пытаются связаться с внешним рынком? Включение таких элементов в калькуляцию, которые имеют педагогическое значение, дает плюс или минус? Мы

уже имели практику с нашими акцизами. Многие товарищи знают, как государство здесь берет авансом вперед, раньше чем у хозоргана сведены концы с концами. Даже сахаротрест, который в связи с урожаем увеличил количество продукции, сейчас еле-еле сводит концы с концами, он неплатежеспособен, потому что не может сбыть продукции, нет притока живой копейки в дело, он как-будто дает государству прибыль, а фактически фиктивно перекладывает из своего государственного кармана в государственный карман НКФина. В заключение я хочу сказать, что задачи, которые стоят перед плановыми органами, сейчас нам рисуются несколько иными, чем те, которые были до сих пор, иные в технике работы, в самом практическом подходе к разрешению плановых задач. Может-быть, не столько надо гнаться за тем учетом того, сколько гвоздей пойдет на ту или иную работу, но выявить общее направление, темп развития, сопоставить основные отрасли промышленности между собою в таком сочетании, чтобы не получалось того, что они живут со дня на день. Нужна перспектива на год, а может-быть, и на пять лет, чтобы крупнейшие хозяйства не жили тем, что сегодня дают, а завтра отнимают, сегодня одна репрессия, а завтра другая, сегодня один срыв, а завтра другой. В нашем плановом хозяйстве допускать такие вещи, как блокада Донецкого бассейна со стороны транспорта, задержка на две недели необходимых для производства грузов, вследствие чего происходит остановка целого ряда шахт, и наносится ущерб всему хозяйству, нельзя. Это в плановом хозяйстве недопустимо. Вот, примерно, какие директивы общего построения должны быть в области нашей плановой работы, и тогда, конечно, те ножницы, о которых говорил тов. Троцкий, и задачи, которые стоят перед каждым хозяйственником, будут разрешены легче потому, что хозяйственникам не придется итти в-темную, а придется планомерно, с ясными перспективами, с определенной почвой под ногами вести то дело, которое им поручено.

Председательствующий. Поступило предложение о перерыве. Затем есть предложение о прекращении прений. Президиум полагает, что прекратить прения рано. Раньше, чем устраивать перерыв, мы решим вопрос о ходе наших занятий, кончим ли мы прения и заключительное слово до обеда, или перенесем на время после обеда. (Голоса: „Предлагаем не предрешать".) Таким образом, вопрос о дальнейшем ходе занятий мы не предрешаем. Кто за прекращение прений? Кто за перерыв? Объявляется перерыв.

* * *

Председательствующий. Заседание возобновляется. Вносится предложение о сокращении времени ораторам до 10 минут. Кто за сокращение? Кто против? Время сокращается до 10 минут.

Слово в порядке прений имеет тов. Ломов.

Ломов. Товарищи, одним из центральных мест доклада тов. Троцкого был вопрос об отчетности, он правильно фиксирует на нем внимание съезда, но мне хотелось бы указать, что тов. Троцкий не совсем прав, когда говорит, что отчетности нет. Я утверждаю, что ее

слишком много, и в этом наша беда. Как можно построить какую-нибудь калькуляцию более или менее пристойно, когда у нас нет твердых директив, какой порядок, какую счетную единицу ставить в основу калькуляции. Вначале предложили исходить из эквивалента: золотой рубль равен 200, но почему, — неизвестно. Бухгалтер в округе на заводе сидел, пыхтел и составлял отчетность. Затем новая директива: перейти к довоенному рублю. Вся отчетность на-смарку и перефасонивается по-новому. Затем шел золотой рубль, товарный и т. д. Поэтому-то и была неразбериха; при таких условиях говорить о том, что мы должны выявить отчетность, невозможно. Создались такие условия, что отчетность сколько нибудь в удовлетворительном виде получить было нельзя. Чья вина? Здесь нечего искать вину,—здесь наша беда. Надо в основе обратить внимание на то, чтобы установить какой-то порядок, который на длительное время обеспечил бы правильное ведение отчетности в предприятии. Мы вместо этого все мудрствуем. Вспомните съезд бухгалтеров, который созывался приблизительно в декабре, и вспомните, как бухгалтера подошли к этому вопросу. Когда я, человек, немножко искушенный в этих вопросах, посмотрел, то оказалось, что нет ни одной бухгалтерской формулы, которую можно было бы распутать без применения высшей математики. Если эту „высшую математику“ послать на заводы в первичные ячейки, то ровно ни чорта не получится. Поэтому в этом отношении вина в значительной мере падает на то, что мы слишком много злоумствуем и мудрствуем. Надо установить определенную систему и порядок, тогда будет легче ввести и отчетность. Я утверждаю, что хозяйственный расчет в отношении трестов далеко не прошел во всех первичных ячейках. Если вы возьмете металлические уральские тресты, то я утверждаю, что группа первичных заводов и округа еще не нюхала хозяйственного коммерческого расчета. В отношении треста в целом с тысячью оговорок еще можно говорить. Но до завода он не добрался, завод не знает, что он должен дать, и что на это он получит. Чтобы поставить отчетность, надо совершенно отчетливо сказать, что надо перейти к меньшей по размерам первичной хозяйственной ячейке, которая должна иметь свой собственный баланс. Я хотел бы указать и на другой пробел, мне кажется, что он требует отражения в тезисах тов. Троцкого: это—вопрос о спецах. Если мы подойдем с точки зрения первичного завода, с точки зрения округа и посмотрим, какие там имеются спецы, то мы должны сказать, что спецы, оставшиеся на производстве,—это герои, которые на своих плечах выносят всю техническую сторону предприятий. Они далеко не самые первоклассные, так как громадное большинство лучших спецов застряло в Москве, Харькове, Екатеринбурге, в столицах и наиболее крупных областных центрах. Их оттуда не выгонишь, и надо сказать, что определенной политики со стороны центра и партии к тому, чтобы спецов передвинуть на заводы, в цехи, не проводится.

Вопрос о спецах есть один из составных вопросов восстановления нашей промышленности. И я полагаю, что тезисы т. Троцкого

абсолютно обошли вопрос о спецах, нуждаются в серьезном дополнении, а именно в том отношении, что партия должна создавать определенное настроение, определенную тягу спецов на завод, чтобы та этика спецовская, инженерская, которая сейчас разлагает по существу среду спецов (ведь, в спецовской среде сейчас появился спец-коммерсант, спец-торговец, спец-шибер, типичнейший спекулянт, спец-планщик), гнала их к станкам. Спецы научились, приспособились к городу, их не тянет больше на завод. Самые крупные, самые лучшие, самые талантливые из них, прежде всю жизнь проводившие на заводе, теперь остаются в стороне от процесса роста и развития промышленности. В их талантливости город не заинтересован в такой мере, в какой заинтересована наша промышленность. В этом смысле я и предлагаю определенным тезисом дополнить положения тов. Троцкого. Я, кроме того, хотел бы указать на п. 13 в тезисах т. Троцкого, где он нашел возможным говорить о типографиях, о типографском деле. Мне кажется, что это типографское дело в тезисах т. Троцкого вскочило, как прыщик на носу. Я бы полагал, что здесь гораздо целесообразнее было бы этот пункт заменить фиксированием внимания всей партии, фиксированием внимания всех товарищей на восстановление той отрасли промышленности, без которой вообще серьезное восстановление хозяйства невозможно. Этой отраслью является та, о которой говорил т. Богданов, как о находящейся в тяжелом положении, именно топливное хозяйство, прежде всего Донецкий бассейн, восстановление его, восстановление каменноугольного хозяйства. На этом, я полагаю, необходима фиксация внимания в тезисах вместо типографий. Давайте лучше восстанавливать каменноугольное хозяйство, восстанавливать Донбасс, чтобы это было определенно декретировано, чтобы это было обязанностью, чтобы не встречались такие случаи, о которых рассказывал т. Чубарь, и т. д. Я, товарищи, в общем итоге остановлюсь на этих нескольких конкретных поправках к тезисам тов. Троцкого. В заключение своего слова я хотел бы остановить ваше внимание и внимание т. Троцкого на одном. Мне кажется, что начало тов. Троцкого не сходится с концом т. Троцкого. И здесь т. Троцкий, по-моему, не сбалансировал, говоря бухгалтерским языком, своего доклада, показывая ножницы, которые свидетельствовали о том, что цены на изделия фабрично-заводские непомерно растут вверх, выше нормальных цен, которые были высокими; в заключение т. Троцкий приводил нам целый ряд примеров о том, как прокалькулировались все: прокалькулировались шерсть и хлопок, текстильная промышленность, прокалькулировалось Моссукно. Он говорил также о том, как Азербейджанская нефть вывела прибыль, тогда как на самом деле у нее прибыли не оказывается, т.-е. что цена на эти фабрично-заводские изделия, которая устанавливалась, очевидно, недостаточно высока; очевидно, здесь опять-таки не такой расчет, который должен был бы давать цены на товары. И в этом отношении мне кажется, что начало и конец т. Троцкого не совсем сводимы к одному. Между ними имеются определенные противоречия. Я, товарищи, хотел бы указать на то,

что в общем итоге нам необходимо вот эту детализацию в отношении отчетности непременно провести и сделать несколько закреплений в самых тезисах. Это значит: твердый какой-то порядок исчисления, твердая форма отчетности,—раз; переход на первичную, более мелкую, хозяйственную единицу, которая имеет свой собственный баланс,—два; о спецах необходимо внести специальный тезис. Затем я предлагаю выкинуть вопрос о типографиях, который, по-моему, все-таки пришит за уши к этому вопросу, и вставить тезис относительно восстановления Донбасса, этого черного алмаза Советской республики.

Председательствующий. Слово имеет тов. Владимиров.

Владимиров. Товарищи, некоторые хотели несколько смягчить ту тяжелую характеристику, которую здесь дал тов. Троцкий. Я думаю, что их попытка совершенно не правильна. На мой взгляд, положение вещей даже еще несколько тяжелее, чем охарактеризовал тов. Троцкий. Достаточно привести такую небольшую справку, которую нам дает сам ВСНХ. ВСНХ только на 10% повышает программу будущего года, но промышленность выходит с дефицитом, примерно, в 220 милл. рублей. Товарищи, этот дефицит только внешний, фактически он гораздо больший. Необходимо принять во внимание, что те цены, по которым мы оплачиваем продукты, превышающие, примерно, в два раза довоенные, формально еще в два раза выше, ибо довоенные цены включают в себя и процент на оборотный капитал, и земельную ренту,—то, что сейчас не уплачивается. Дефицит по нашей промышленности мы покрываем сейчас в порядке непосредственного расходования средств государства, в порядке субсидии и дотации и в порядке более высокой оплаты продукции. Принимая во внимание суммы прибыли, приходим к выводу о пока еще продолжающемся расходовании основного капитала промышленности. Товарищи, первая наша, основная задача в отношении нашей государственной промышленности приостановить этот процесс.

Как обстоит дело в области частной промышленности?

Товарищи, на наших глазах совершенно незаметно денежный капитал уже превратился в очень крупную и серьезную величину. В Москве и в Петрограде нам уже приходится с ним все больше считаться. В области торгового капитала опять-таки на наших глазах происходят закрытие целого ряда мелких предприятий и превращение их в крупные торговые предприятия. Движение статистики наших патентных сборов блестяще доказывает это в целом ряде крупных городов.

Товарищи, в деревнях, на-ряду с кооперацией, над кооперацией все больше возвышается частный торговец, который умеет подойти к крестьянину и умеет дешевле продать.

Таким образом, на-ряду с очень тяжелым положением нашей промышленности, мы видим, как частный капитал все больше возрождается.

Я сейчас перехожу к третьему крупному моменту, который был затронут тов. Троцким, но который до сих пор должного внимания, к

сожалению, не встречал. Тут все время очень многие товарищи обвиняют Наркомфин в том, что даже те небольшие ассигновки, которые намечены, полностью не выдаются. Тов. Троцкий правильно указал и на Украине, и в своих тезисах, что лучше выдавать поменьше, но потверже.

Товарищи, в течение почти года именно эту мысль мы стараемся прободить. Нельзя строить никакого хозяйства и в области нашей промышленности, и в области торговли, если вы будете спекулировать на ту сумму средств, которой вы не получите. Товарищи, мы жили так в течение года и продолжаем жить по сей день. Товарищи, мы говорим и доказываем, что у страны нет возможности содержать такой государственный аппарат и такую государственную промышленность. Мы можем содержать только в том случае, если расходы государства сократим на одну треть, и, тем не менее, товарищи, нам каждый месяц навязывают непосильные расходы, в результате чего получается то, что никто не получает того, что он должен получать.

Я думаю, что если партийный съезд не поможет, наконец, этому хозяйству, никакого оздоровления промышленности мы иметь не будем.

В чем наша главная беда? Промышленность каждый раз, когда она пыталась построить ту или другую программу, не подсчитывала сначала, сколько ей нужно денег для этого. Мы исходили из того, из чего исходили в прежнее время,—из нашей потребности, из необходимости иметь столько-то продукции. Но, товарищи, в состоянии ли мы это произвести по нашим ресурсам, мы до самого последнего времени не задумывались. Поэтому, когда мы нашу программу строили, и ее, в конце-концов, приходилось осуществлять, тут мы спотыкались. И, товарищи, мы с каждым днем будем спотыкаться все больше и больше.

Тут, товарищи, по всей вероятности, когда будут прения по хозяйственным налогам, придется ближе подойти к этому вопросу. Я сейчас для иллюстрации нашего необычайно тяжелого положения приведу маленькую справку, что мы сейчас в Советской России, несмотря на то, что наше народное хозяйство развивается необычайно слабо, что мы сейчас берем налогов, примерно, на 35 миллионов рублей больше, чем мы брали в прошлом году. Откуда мы их берем? Эти налоги мы берем из того же самого слабейшего народного хозяйства. Поэтому, поскольку мы больше не в состоянии брать, нам волей-неволей нужно уложиться в рамках того, что имеется,—поменьше, но потверже.

Товарищи, еще только один маленький вопрос относительно финансирования промышленности. Тов. Троцкий в своем заключительном слове, может-быть, более подробно остановится на этом. Но для меня вопрос остается неясным. Что означает финансирование промышленности? Мы имеем два способа финансирования промышленности: типичный, характерный—кредит,—он характерен и для Франции, допустим. Второй—вкладывание крупного капитала в промышленность

без того, чтобы сегодня получить прибыль, исходя из перспектив, что предприятие будет развиваться.

Товарищи, первое финансирование возможно в стране, где промышленность в высокой степени развита, где имеется громадный временный освобождающийся капитал, ищущий помещения. Товарищи, у нас, когда мы живем только незначительными бюджетными ассигнованиями, о таком финансировании говорить не приходится. Тогда остается второй способ финансирования, и тут сосредоточение кредита в одном банке для самой промышленности вредно. Неужели вы запретили бы нашей промышленности кредитоваться в Московском городском банке или Юго-Восточном промышленном банке? Но если вы будете финансировать промышленность в порядке долгосрочных ссуд, на это средств у нас нет. Вы их не найдете, но вы только создадите впечатление, что государство эти деньги может давать, и будет опять планирование работы на те ресурсы, которых у нас не имеется. Поэтому, мне кажется, этот пункт требует большего уточнения и большей ясности.

Председательствующий. Слово имеет тов. Раковский.

Раковский. Товарищи, я взял слово для того, чтобы по поводу тезисов тов. Троцкого внести предложение, которое было принято на Украинской партийной конференции. В нашей хозяйственной работе на Украине, где нам приходится иметь дело с крупной промышленностью, имеющей значение не только для Украины, но и для всего союза, металлургией, угольной промышленностью, мы отдали себе отчет, что за последнее время связь между крупной промышленностью на Украине и местными украинскими партийными и хозяйственными центральными органами недостаточна. Нужно сказать, что после того, как был ликвидирован главкизм, и началась новая экономическая политика, все-таки старая рутина продолжалась, и наши хозяйственные работники в этом сами сознаются. В нашей резолюции, которая была защищена тов. Чубарем на партийной конференции, этот момент предусмотрен. Я его прочту и прошу тов. Троцкого иметь в виду этот момент при окончательной редакции своей резолюции. Он небольшой:

„Опыт прошлого показал, что попытки оперативного руководства из единого центра для всего СССР, при нищете страны и окостеневшем бюрократизме нашего аппарата, превращались в свою противоположность, т.-е. происходило отсутствие всякого руководства. Отсюда вопрос об областном хозяйственном районировании является задачей, требующей скорого и, вместе с тем, полного разрешения.

Это относится, однако, и к тем отраслям промышленности, которые имеют общесоюзное значение и находятся под непосредственным руководством центральных союзных органов, как угольная, железная, сахарная и др. отрасли крупной промышленности на Украине. Конференция считает необходимым усиление влияния центральных органов Украины, партийных и советских, на вышеприведенные отрасли крупной промышленности, находящиеся на Украине“.

Теперь по поводу НЭП'а. Я стал здесь невольной причиной малень-

кого недоразумения. У нас, на Украинской конференции, как в моем докладе, так и в прениях, нужно сознаться, НЭП занял чрезвычайно большое место. Между прочим, тов. Зиновьев привел маленькую цитату из моего доклада. Из одного этого вы могли сделать заключение о том месте, какое НЭП занимал в нашей полемике. Это не совсем случайно. Нужно сказать, что в конце второго года НЭП'а нам пришлось констатировать, что у нас в значительной части партии в области теории не сведены концы с концами. Может-быть, это не есть общее явление, т.-е., может-быть, его нет здесь, в России, собственно говоря, но на Украине мы констатировали два очень серьезных уклона,—серьезных потому, что эти уклоны отражаются во всяких анонимных платформах. Мы констатировали один уклон, который может называться уклоном бывшей рабочей оппозиции; другой уклон, который можно назвать уклоном производственников. Первый уклон заключается в том, что многие из хороших наших товарищей еще плачут над нашей политикой СЭП, который предшествовал НЭП'у, т.-е. над главкизмом, и спрашивают нас, когда же кончится отступление. То, что мы проделали, для них является величайшим злом. Некоторые из них впали в такие противоречия, что мы на этой почве отмечали факты трагического характера. О них я не буду говорить. Здесь вскользь намекнули на это, кажется, в одной из реплик. Этот уклон является отрыжкой старой рабочей оппозиции, которая в НЭП'е видела удар по нашей партии, по рабочему классу, по Советской власти. У этих товарищей есть одна надежда: мы уступили на 50 или 100 верст, но надо, по крайней мере, чтобы мы дальше не уступали в ожидании мировой революции, которая поможет нам завоевать опять эти потерянные 100 верст. Второй уклон тоже ссылается на мировую революцию, тоже ожидает событий Запада,—слова „события Запада" были использованы тоже тов. Смилгой,—а до этого времени широкую дорогу НЭП'у.

И вот здесь нам пришлось по поводу этих двух уклонов, которые тем опаснее, что они проникают в партийную гущу, уделить очень большое место в наших дискуссиях и напомнить то, что, между прочим, напомнил т. Зиновьев в одной из статей „Правды", напомнил слова Владимира Ильича, что НЭП—это есть гораздо более сложный маневр, чем простое отступление, что это есть маневренный обход.

Нам не приходится, как евреям на Сионских горах, плакать над развалинами Иерусалима, нам не приходится все время смотреть назад в золотой век главкизма, а нам приходится в условиях новой экономической политики вести борьбу за социалистическое производство. Что это означает? Позвольте напомнить вам здесь еще другие слова Владимира Ильича. На IV съезде Коминтерна он сказал: „через государственный капитализм—к социалистическому производству!" Вот к чему сводится этот обходный маневр. Спрашивается: НЭП,—может ли он покрыть понятие „государственного социализма"? Нет, товарищи. Это была бы грубейшая ошибка. В НЭП'е мы имеем и государственный капитализм, то-есть поскольку промышленность находится в ру-

ках государства, но одновременно при НЭП'е из тех цифр, которые вчера вам привел т. Троцкий, мы видели, что мы имеем и частный капитализм, мелкий капитализм, крестьянский капитализм, кустарный капитализм и т. д. НЭП не покрывается понятием государственного капитализма. Конечно, это не значит, что не нужно относиться со вниманием ко всем этим формам капитализма, но не нужно терять и перспективу. Вчера говорили о том, что наша государственная промышленность дает 950 миллионов зол. руб. в год, при чем т. Троцкий не упомянул о той цифре, которую приводит т. Рыков, что наша промышленность потеряла около 400 милл. зол. руб. из своего основного капитала, так что эту продукцию в 950 миллионов рублей нужно уменьшить, может-быть, на половину. Для нас ясно, что в условиях НЭП'а идет борьба между государственным капитализмом, между тем капитализмом, который рабочий направляет сознательно к определенной цели, и между частным капитализмом. И что говорит взятая у меня т. Зиновьевым цитата? То, что он цитировал здесь, говорит, что государственный капитализм, побеждающий частный капитализм в условиях капиталистического рынка,—это есть удар по НЭП'у; таким образом, через государственный капитализм мы идем к социалистическому производству.

Председательствующий. Слово имеет тов. Красин.

Красин. Товарищи, главнейшими препятствиями для успешного разрешения проблемы восстановления промышленности являются: обнищание страны за эти 10 лет войны, интервенции, блокады и революции, обнищание крестьянства, как такового, исчезновение сельскохозяйственного рынка для крупной промышленности, изношенность оборудования, которая в отдельных отраслях промышленности превосходит пределы описания, затем разрушение самого производственного аппарата, со значительной дезорганизацией в деле управления отдельными отраслями промышленности. Тов. Троцкий в своем докладе чрезвычайно ярко отметил величайшую степень обнищания и разрушения материальных ресурсов, в какой находится сейчас наша страна.

Но он не сделал из этого факта необходимых выводов, он до такой степени как-то подпал под влияние идеи действительно громадного значения, идеи плана, планового хозяйства, что в своих выводах совершенно упустил из вида кардинальное значение тех самых материальных факторов, которые он сам в цифрах с такой наглядностью здесь изложил. Это есть существеннейший недостаток доклада Льва Давыдовича. Он нам блестяще показал, как возникает и осуществляется первоначальное накопление капитала. Но, товарищи, во-первых, я замечу, что первоначальное накопление в капиталистическом обществе отнюдь не ограничивалось собиранием пятаков и самоотверженной работой лавочника, который, накопляя, жестоко эксплоатирует и самого себя, и свою семью. Вспомните об ограблении колоний и целых материков, вспомните об уничтожении крестьянского хозяйства во всей Англии в целях развития овцеводства, вспомните о костях индийских

ткачей, которыми белели равнины Индии в эпоху развития машинного ткачества, и т. д., и т. д.

Троцкий (с места). Я этого не предлагаю.

Красин. Я знаю, что тов. Троцкий этого не предлагает, но я хочу сказать, что „первоначальное накопление" для восстановления промышленности должно и у нас стать на какую-то высшую ступень, должно не ограничиваться крохоборством, должно применять методы более широкие и более грандиозные, подводящие более прочные и твердые основы под нашу промышленность, чем это можно сделать собиранием пятаков. Мы должны это обстоятельство учесть и понять, что путем только экономного собирания крох, путем только экономии мы нашу крупную промышленность возродить не сможем. И вот хотите вы этого или нет, а вы неизбежно приходите к вопросу о привлечении капитала для нашей промышленности.

Руководитель финансового ведомства сказал здесь нам только-что: „по одежке протягивайте ножки". Но если мы нашу промышленность будем строить и восстанавливать по одежке, которая имеется сейчас у Наркомфина, то мы Аридовы веки ее не восстановим. Проблема привлечения внешнего капитала для промышленности, проблема финансирования—это есть проблема, от которой вы не отвертитесь. И я утверждаю, что проблема эта реально разрешима, хотя и не так, как мы это пытались сделать в Генуе.

Получить заем в 2—3 миллиарда от правительств было, конечно, утопией, и мы это говорили еще до Генуи. Если вы возьмете протоколы совещаний, которые были у Чичерина, вы найдете там и мои заявления и заявления т. Литвинова в этом же смысле. Но получить кредит от отдельных государств, входя с ними в переговоры, используя противоречия капитализма, о которых я упомянул в первой моей речи,—вполне возможная и вполне реальная перспектива. Я скажу, что у нас от одной из стран уже было предложение, примерно, такого рода: мы, во-первых, вас признаем де-юре, во-вторых, мы вам даем 400 миллионов крон в виде займа, при чем из этого займа 200 миллионов вы оставляете нам, чтобы мы могли разделаться с так-называемыми кредиторами России. Не то, чтобы Россия признавала и платила долг нам, а вы просто 200 миллионов оставляете нам, а 200 миллионов идет вам на ваши нужды, а все претензии к Советской России считаются этим погашенными. Если этот заем будет, например, из 6%, с тем, чтобы он был амортизирован через 40—50 лет, то мы можем эту сделку повернуть так, что мы берем как бы заем только в 200 миллионов крон, но из 12% годовых. Конечно, это высокий процент, но я вас спрашиваю, а сколько Госбанк берет, например, с Северолеса и других трестов,—36% и больше. Я сам против того, чтобы пропорция была 200 и 200 миллионов. и об этом соотношении можно поговорить и поторговаться. но что тут есть уже конкретная почва для разговоров и для соглашения,—нет никакого сомнения.

Лев Давыдович великолепно показал, почему именно Западная Европа не может в будущем покупать хлеб и сырье в Америке, а

вынуждена соваться в Россию и будет кушать советский хлеб, хотя бы даже не хотела того. Вот основания, по которым крупный заем на восстановление нашего крестьянского хозяйства, заграничный заем не есть утопия, ибо это восстановление лежит в интересах самих капиталистических промышленных стран Западной Европы. Тут есть, несомненно, реальная почва для разговоров с заграницей, и пока, товарищи, общего соглашения нет, вы крупного займа не добьетесь, вы будете все время вращаться в небольшом кругу отдельных сделок. В общем на сотню миллионов зол. руб. мы, пожалуй, имеем кредит уже сейчас. Но этот кредит больше для средней промышленности и для торговли, а частью для кооперации, или для того и другого более или менее мелкого и среднего объединения.

Я утверждаю, товарищи, что без серьезной постановки вопроса о привлечении капитала мы не разрешим проблемы восстановления крупной индустрии. Не нужно забывать и другой стороны дела: перед нами стоит, ведь, задача не только восстановления материального производственного аппарата и изношенных орудий, но и кредита на оборотный капитал, на покупку сырья. Например, как в самом деле мы справимся с хлопком без кредита? Надо хлопок закупать, а без кредита большое его количество закупить невозможно.

Но и в области восстановления административного аппарата, усовершенствования нашего советского управления промышленностью и т. д. привлечение иностранного капитала в виде концессий имеет громадное и положительное значение. Я могу это утверждать на основании опыта, сегодня у нас уже имеющегося.

Год слишним назад мною были образованы смешанные общества: Русанглолес и Русголландлес. Эти концессионеры сейчас уже работают у нас на Севере, и т. Данишевский, начальник ЦУЛП'а, возвратившийся из продолжительной служебной поездки, говорил мне о значении того влияния, которое эти концессионные предприятия уже оказывают на наши собственные предприятия. Оказывается, что там, где у нас в советских предприятиях работает 500 человек, у них 300; и когда наши руководители пошли и осмотрели их предприятия, то они сказали: да, надо и нам подтянуться и немедленно вот то-то и то-то изменить, так что эти предприятия концессионеров уже начинают быть показательными.

То же относится к концессии Уркарта, о которой я, с разрешения ЦК, когда нибудь да сделаю исчерпывающий подробный доклад. Уркарт гарантировал в течение двух-трех лет восстановить довоенную продукцию своих предприятий; это значит, что 40.000 советских пролетариев работали бы на бывших его заводах, и работали бы не в каких-либо тяжелых условиях эксплоатации, ибо Уркарт шел в договоре на то, чтобы высота заработной платы определялась нашими Наркомтрудом и Профсоюзами.

Председательствующий. Ваше время истекло, я уже продолжил вам четыре минуты.

(Голоса с мест: „Продолжить еще пять минут“, „Придерживаться регламента“, „Продолжить еще 10 минут“).

Председательствующий. Голосую: кто за то, чтобы придерживаться регламента?

Продолжить 10 минут? Меньшинство. Продолжить 5 минут? Тов. Красин, вы имеете еще 5 минут.

Красин. Теперь о признании и уплате долгов.

Франция и Италия признают свои долги Англии и Америке, но совершенно определенно и открыто заявляют, что платить по этим долгам они не будут и не платят даже и процентов.

(Голоса с мест: „А Англия платит?“).

Красин. Это верно. Англия платит Америке, но это есть не что иное, как весьма ловкий дипломатический ход Англии в той борьбе, которую она ведет с Францией за гегемонию по эксплоатации всего европейского континента. Англичанам важно запастись союзом с Америкой, и вот они платят им свои долги из $3^1/_2\%$ годовых, при чем на 2—3 года высота этого процента им уменьшена на половину.

Нам говорят, что если мы заявим о признании долгов, то капиталистические страны из нас будут выколачивать эти долги. Но, товарищи, у нас есть факт: в октябре 21 года после долгих размышлений мы признали в принципе государственные долги, но разве мы обеднели от этого признания хоть на один рубль? Разве у нас увеличилась какая-либо опасность во-вне от того, что мы сделали это признание? По-моему, как-раз наоборот. Ведь, Антанта уже пробовала выколачивать из нас долги в период с 18 по 20 год. Вся интервенция была не чем иным, как попыткой выколачивания долгов, но все это у них провалилось.

Затем я вас спрашиваю: а где же ваша вера в победу мировой революции? Почему вы не учитываете, что если даже в обстановке капиталистической возможно всегда неблагоприятный государственный заем со временем конвертировать, то-есть смягчить, улучшить, то мы можем с полным правом рассчитывать на конверсию всяких наших внешних займов при посредстве мировой революции?

Нам говорят, что отдельное соглашение опасно потому, что оно создаст прецедент, и что если мы одним государствам признаем долги на такой основе, тогда и Франция тоже предъявит счета к уплате.

Но если мы, например, со скандинавскими государствами заключили бы заем на такой основе: заем 200 миллионов, которые идут нам, а 50 миллионов им, чтобы заткнуть рты гражданам-претендетам, то если даже Франция придет к нам с таким же предложением, мы скажем: милости просим, и тогда Франции пришлось бы дать уже не 200 миллионов, а многомиллиардный заем.

Если же нам дали бы, например, 10 миллиардов займа, мы бы тогда приняли, пожалуй, даже довольно серьезные долговые обязательства, ибо мы, таким образом, получили бы возможность быстро отремонтировать наши фабрики, заводы и транспорт, получили бы возможность широкого кредитования крестьянства и возможность полного

финансового оздоровления, возможность укрепления нашего рубля, стабилизации рубля, которую без этого мы стараемся осуществить все еще с малым успехом, и которая есть также основа нашего экономического возрождения. (Аплодисменты).

Председательствующий. Поступило предложение о прекращении прений. Кто за прекращение прений? Меньшинство. Прения продолжаются. Слово имеет тов. Вайнштейн.

Вайнштейн. Товарищи, позвольте мне с высоты тех возможностей, которые рисовал нам тов. Красин, но которые остаются только возможностями, все-таки вернуться к нашей грешной действительности. Это будет более правильно. Мне кажется, что одновременно сильным и слабым местом в докладе тов. Троцкого было то, что он давал слишком отдаленные обобщения и недостаточно конкретно затрогивал те вопросы, которые у нас являются действительно больными. Я в своей речи освещу только один вопрос,—вопрос о нашей торговле.

В тезисах тов. Троцкого этому вопросу, кроме общих мест, почти ничего не уделено. Как обстоит дело фактически с торговлей? Товарищ Троцкий ищет опасность накопления частного капитала у мелких ремесленников, у кустарей. Я думаю, что мы сами содействуем накоплению этого частного капитала в самой торговле, и боюсь, что перспективы более или менее благоприятные для нас рисуются, главным образом, в Москве. Но как только мы удаляемся от Москвы, получается очень грустное положение. Я приведу несколько фактов и цифр из той действительности, с которой нам приходится иметь дело.

Возьмем Оренбург, центр Киргизской республики. В этом городе, который имеет всего около 100 тысяч жителей, имеется 66 государственных органов, которые торгуют. Но когда вы присмотритесь к участию этих 66 государственных органов в общем обороте, то вы получите такое соотношение (я беру соотношение за 3 месяца): из приблизительно 20 с половиной миллионов рублей оборота на государственные органы падает около 8-ми миллионов, даже меньше; на кооперативные—около 2-х миллионов, даже меньше; на частный капитал падает больше 11-ти миллионов. Процентное соотношение такое: на государственные органы падает 36%, на кооперативные 9%, на частный капитал 55%. Вот этот частный капитал и смыкает нас с деревней. Смычка эта происходит не здесь, не в резолюциях, а там, в глубокой провинции. В этой смычке принимает участие почти исключительно частный капитал, при чем нет никакого сомнения, что мы сами взращиваем этот частный капитал. Я возьму для характеристики еще одну цифру. Мы попробовали изучить биржевые сделки, и получилась такая картина. Это, между прочим, данные, сообщенные на нашей областной партийной конференции, за которые несет ответственность партия. И мы имеем из 106 биржевых сделок 92 случая, когда в них принимал участие частный капитал, при чем к содействию частного капитала в тех сделках, которые прошли через биржу, прибегали государственные органы. Я хочу дать еще одну небольшую картину. Товарищи знают, что Киргизия является страной заготовок. Само собой

разумеется, что наша смычка с крестьянством состоит не только в том, что мы сбываем ему продукты, но и в том, что мы покупаем в деревне сырье. И в этой области в течение целого года мы не можем распутаться с основным вопросом нашей политики в области торговли. Формально заготовку ведут государственные органы; фактически мы почти исключительно имеем дело с частными контрагентами, при чем эти контрагенты, когда они приезжают к нам, ни к кооперации, ни к государственным органам не обращаются, сами заводят свой частный аппарат и проникают в деревню лучше нашего. Всякие попытки вовлечь местные государственные кооперативные органы в дело заготовок разбиваются об их упорство. Мы сами содействуем накоплению частного капитала. И нет сомнения, что частный капитал именно в вопросах смычки нас бьет. Я считаю, что та поправка, то дополнение, которое вносит тов. Хинчук, являются в высшей степени существенными. Но, к сожалению, он поставил его несколько ведомственно, желая выдвинуть то, что дала кооперация; нас не надо агитировать на этот счет. Второй вопрос,—и он занимает видное место,—это вопрос об организации нашей собственной государственной торговли. Я считаю, что тот вопрос, который здесь был выдвинут т. Смилгой и другими, об объединении и сближении наших государственных органов, торгующих с промышленностью, является вопросом жизни. Наша областная конференция по этому вопросу заняла совершенно определенную позицию, она и в своей резолюции учитывала пока-что свой местный опыт и практику. Я должен сказать, что практика эта там богатая и привела к заключению, что нет необходимости существования двух параллельных аппаратов, что их можно безусловно объединить (промышленно-торговый аппарат и аппарат Внешторга). Мы отдаем себе отчет, что в центре этот вопрос труднее разрешить, но я полагаю, что наш съезд должен этот вопрос приблизить к решению. Координировать мы научились, и, в конце-концов, работа координации и происходит. Что такое СТО? Это, в конце-концов, очень мощный орган, который соглашает и координирует, но практического дела торговли разрешить не сможет. Нам во что бы то ни стало необходимы упорядочение, объединение торгового аппарата, сокращение расходов и концентрация всей энергии на том, чтобы наш государственный аппарат вместе с кооперацией проник глубоко в деревню.

Председательствующий. Слово имеет т. Юркин.

Юркин. Товарищи, я хотел немножко спуститься пониже с тех высоких материй, о которых с этой трибуны вам рассказывали. Я хотел обратить особое внимание на тот пункт из речи тов. Троцкого, где говорится, что основная производственная ячейка есть фабрики, заводы, низшие ячейки. И вот с этого вопроса я хочу, товарищи, подойти к тем взаимоотношениям, в которых находятся между собой тресты и заводоуправления. Товарищи, здесь в наших высших, руководящих органах в этой области есть большая мания к тому главкизму, который мы раз навсегда заклеймили.

Тов. Шейн в своей „Торгово-Промышленной Газете“ пишет следую-

щее: „Бухгалтер, заведующий счетоводством, занимает ответственное положение в заводоуправлении и назначается правлением треста, по соглашению с заводоуправлением. В своей работе он находится в двойственном подчинении: заводоуправлению и правлению треста. Товарищи, это маленький вопрос, но, по-моему, это один из важнейших вопросов. Как вы можете поставить подчиненного в действительную зависимость директору, руководителю предприятия, и непосредственно тресту? Эта двойственность не дает возможности ни наладить счетоводство, ни наладить калькуляцию, о чем говорит тов. Троцкий. Здесь нужна ясная, твердая директива, и я считаю, что поскольку мы отвергли коллегиальность в управлении промышленности, постольку нужно нам и в этом вопросе уничтожить двойственность и возможность разного толкования.

В той же статье тов. Шейн дальше указывает: назначение заведующих отдельными цехами, т.-е. мастеров, т.-е. тех руководителей низовых производственных ячеек, производится правлениеи треста по соглашению с заводоуправлением,—такая независимость от заводоуправления есть вреднейшая тенденция наших высших хозяйственных органов.

Я, товарищи, хотел остановиться еще на вопросе о концентрации. Мы вообще очень много говорим о концентрации, но вплотную к этому вопросу мы еще не подошли. Здесь, товарищи говорили о том, что нужно закрывать отдельные предприятия и отдельные заводы для того, чтобы ввести концентрацию. Я думаю, что к этому моменту нам приступить будет чрезвычайно трудно и тяжело, а я считаю, товарищи, что концентрацию нужно начинать с уничтожения вспомогательного персонала в основном рабочем производстве. Вот с какого момента надо начать эту концентрацию. И здесь, товарищи, мы знаем, как тресты распределяют заказы. Они распределяют заказы поровну на каждую единицу вместо того, чтобы выбрать лучшие предприятия в своем объединении и их полностью нагрузить.

У нас, я знаю, в Московском тресте есть разговорец о том, чтобы некоторые предприятия закрыть. Это в металлообрабатывающей промышленности! Такой завод, как бывш. Доброва и Набгольц предполагается закрыть. Товарищи, этот завод связан непосредственно с рынком. Он вырабатывает ткацкие станки и мельничные постава, и его связь с рынком ясна, и если вы его закроете, будет непосредственный убыток, будет непосредственный минус нашей промышленности.

Здесь нужно к концентрации подходить с точки зрения не закрытия того или другого предприятия, а рационального распределения тех заказов и тех возможностей, какие мы имеем.

Я хотел перейти к вопросу об изучении нашего рынка. У т. Троцкого в тезисах довольно туманно сказано по этому вопросу, а, между тем, если мы посмотрим, как велась промышленность старыми капиталистами, то увидим, что они прежде всего изучают рынок, они прежде всего изготовляют продукцию таким образом, чтобы она шла на рынок. А у нас, товарищи, этого нет, и поэтому имеется большая

заваль на наших складах. Товарищи, у нас сейчас в машиностроении есть один вопрос, который чрезвычайно важен для нашей действительности, для России. У нас нет ни одного завода, который строил бы локомобили. Эти машины в наших условиях являются одними из важнейших, тогда как мы не имеем в достаточном количестве нефти и угля, а локомобиль крестьянин может отапливать дровами и торфом. Поэтому это одна из важнейших задач, которую наши высшие органы должны поставить себе.

Вот как обстоит вопрос в смысле изучения нашего рынка, и здесь у т. Троцкого на этот счет очень туманно сказано.

Я хотел, товарищи, еще несколько слов сказать о нашей завали продукции.

Вы знаете, что каждый трест, особенно текстильный, машиностроительный, жалуется на то, что у них на складах лежит огромное количество продукции, и они не идут на рынки. Почему же это так, товарищи? Каким образом происходит это? Я думаю, здесь нужно поставить серьезно вопрос о кредите. Если вы посмотрите на старого капиталиста, каким образом он продавал свои сельскохозяйственные орудия, то увидите, что он никогда денег на бочку, конечно, не требовал, а всегда давал эти орудия в кредит. Пусть лучше эти машины находятся среди крестьян, и мы получим за это хлеб из нового урожая, чем они будут пролеживать наши склады, чем на них будет нарастать цена, а каждый товар, который лежит у нас на складе, на него растет цена.

Председательствующий. Слово имеет тов. Лядов.

Лядов. Тов. Красин нарисовал, в сущности, весьма пессимистическую картину, несмотря на радостные виды в смысле привлечения западно-европейского капитала. По его мнению, выходит так: если нам не удастся получить от западно-европейских капиталистов денег, мы пропали.

Товарищи, прежде всего нужно поставить тов. Красину вопрос: а дадут ли нам эти деньги на каких-угодно условиях? Все переговоры в Гааге, как это видно, явно обнаружили, что при всем желании иностранного капитала для нашей промышленности мы не найдем, потому что его нет, потому что гораздо выгоднее сейчас капитал вкладывать во всякие спекулятивные предприятия, а не в нашу основную промышленность.

Товарищи, нам не приходится забывать, что если Западная Европа в царские времена снабжала Россию деньгами, и крупными деньгами, то только потому, что у нас условия труда были хуже, чем где бы то ни было, что у нас рабочий работал на таких условиях, как нигде в Зап. Европе не работают. Эта главная приманка для западно-европейского капитала существовала раньше. И поэтому теперь мало, если мы признаем только долги. Второе требование капиталистов будет заключаться в том, чтобы изменить условия охраны труда, изменить условия зарплаты,—словом, дать возможность получать западно-

европейскому капиталу те условия, на которых он может получать нужные ему барыши.

Таким образом, с этой точки зрения я глубоко убежден, что, не смотря на всякие уступки с нашей стороны, на большой приток капиталов Западной Европы мы не должны рассчитывать. Мы должны рассчитывать исключительно на свои силы. Но должны ли мы в этом отношении быть такими пессимистами, каким фактически является тов. Красин? Я уверен в том, что пессимизму здесь нет места. Что скверно наше дело,—это так, но это скверное положение объясняется в значительной степени нашим неумелым подходом. Мы до сих пор не усвоили основ государственного капитализма. Мы с переходом к НЭП'у сразу перешли не к основам госкапитализма, а к основам простого капитализма. Возьмите ту конкуренцию, которая существует между гострестами. Эти гостресты совершенно забыли, что они являются приказчиками одного и того же хозяина, они начинают между собой торговать, начинают между собой спекулировать. Если мы говорим о росте нашей государственной торговли, то этот рост сводится к тому, что за наш счет вырастают в лице комиссионеров новые нэпачи. Вся та прибыль, которую ищет т. Троцкий и не находит, она имелась, но она не вошла в государственную кассу, а дала возможность за государственный счет создаться новой буржуазии, и именно благодаря нашему неумению торговать, благодаря нашему неумению действительно понимать сущность государственного капитализма.

Тт., в этом отношении, конечно, чрезвычайно трудно сразу ввести в новое русло всю нашу промышленность. Мы в этом отношении действительно должны выработать определенный план. Мы поднять, наладить государственные капиталистические отношения во всей промышленности не можем. Мы должны выделить определенные категории этой промышленности, которую мы должны поставить в твердые, жесткие рамки. Это прежде всего для всей тяжелой индустрии, которая составляет наш основной капитал, и тут, товарищи, мы ее должны избавить от власти НЭП'а. Это—первое условие для возрождения нашей промышленности. Сейчас возьмите такое положение вещей: возьмем для иллюстрации Нижегородскую губернию. Там Выксунский горный округ ГОМЗ'ы работает исключительно на транспорт, и становится втупик. Рабочие не получают зарплаты за свою продукцию от НКПС, потому что у НКПС денег нет, а НКПС не выдает целый ряд грузов для того же самого Выксунского округа, потому что у Выксунского округа нет денег, чтобы расплатиться с НКПС. А НКПС требует, как говорится, деньги на бочку.

Вот это „деньги на бочку" должно исчезнуть в отношениях между нашими крупными государственными предприятиями, которые должны работать исключительно на государство. Ведь, они на рынок не работают. Лишь ничтожная часть нашей тяжелой индустрии действительно обслуживает рынок. Она работает только на государственного потребителя, и поэтому она должна целиком остаться на государственном снабжении. Вся наша тяжелая индустрия, которая создает

основной капитал, должна остаться на государственном снабжении. Никаких наличных расчетов здесь не должно быть. Она должна сноситься между собой через сметные перечисления. Вот тогда у нас, несомненно, уменьшится потребность в эмиссии, потребность в наличных деньгах, уменьшится и даст возможность действительно оздоровить эту часть крупной промышленности. Остальная промышленность, которая работает на широкий рынок, вся легкая индустрия, она ни на какую субсидию от государства рассчитывать не должна. Она получила свой основной капитал, получила свой оборотный капитал, и им она должна пробиваться и добиваться того, чтобы проникнуть и овладеть рынком. Она на рынок не проникает. Вы посмотрите, опять-таки за ее счет,—за счет легкой индустрии,—выросла вся эта новая буржуазия, которая захватывает в свои руки смычку с крестьянством. В этом отношении ничего не сделано. В этом отношении наши хозяйственники не помогли кооперации действительно сомкнуться с крестьянством, так что мое предложение, товарищи,—и оно было принято нашей Нижегородской конференцией,—сводится к тому, чтобы всю промышленность нашу резко разделить на две части: одна часть—это вся тяжелая индустрия, вся индустрия, которая обслуживает, главным образом, нужды самого государства,—должна остаться на государственном снабжении. Она не может сейчас быть прибыльной, она не может давать доходы, она только накапливает основной капитал, и в этом отношении нельзя жалеть никаких затрат. Мы должны на это найти средства, и средства эти есть, если мы именно только на эту промышленность будем отдавать те дотации, те субсидии, которыми сейчас пользуется вся промышленность. Нам безразлично, если какая-нибудь конфетная или папиросная фабрика будет работать с убытком. Она прогорит и закроется. Нам важно, чтобы работал без перебоев Донбасс, чтобы работал без перебоя Баку, работали без перебоя наша Гомза, вся транспортная промышленность, вся наша металлургия, и все, что мы можем извлечь из наших сейчас скудных средств, должно быть направлено ударным порядком в эту отрасль промышленности.

Легкая индустрия должна уметь работать на хозяйственном расчете, и в этом отношении, товарищи, мы можем быть уверены, что она может быть прибыльна, если там ввести настоящее хозяйственное управление, потому что если сейчас она не прибыльна, то это благодаря бесхозяйственному ведению дела в этой отрасли промышленности, благодаря тому, что там она находится целиком в подчинении старых спецов, которые спекулируют на то, чтобы сорвать нашу промышленность. Отсутствие государственных субсидий заставит легкую индустрию вести дело на хозяйственный лад. При таких условиях мы смело можем сказать, что хотя и не быстро, но мы все-таки пойдем к восстановлению нашей промышленности.

Председательствующий. Слово имеет тов. Ногин.

Ногин. Товарищи, тов. Ленин предостерегал нас от комвранья. К сожалению, предостережение не всегда доходит до тех, которым

прежде всего надо бы с этим предостережением считаться. И очень часто, благодаря этому, мы подрубаем сук, на котором сидим. Тов. Лядов занимался как-раз именно этим делом. Он о той промышленности, которая для нас сейчас является самой жизненной, единственно питающей страну,—он распространяет такие вещи, которые он, очевидно слышал где-то издалека, не проверил и приводил их здесь как истину. Заявлять о том, что вся наша так-называемая легкая индустрия бесхозяйственно ведется, что она всецело в руках у спецов, которые ведут курс на разорение,—это слишком легкомысленное обвинение. Правда, товарищи, это легкомысленное обвинение отчасти, может-быть, объясняется той общей постановкой вопроса и отношением к легкой промышленности, которое проводится и многими другими товарищами.

Нам необходимо разобраться в этих тяжких обвинениях, которые бросаются по адресу нашей промышленности. И, к сожалению, тов. Троцкий тоже выдвинул два очень серьезных, тяжких обвинения против нас. Он, рисуя соотношение между ценами на предметы промышленности и на предметы сельского хозяйства, указал расходящиеся линии, и получилось такое впечатление, что это происходит по вине промышленности. И вот во второй своей части он указал на то, что наша промышленность слишком плохо калькулирует, и что в частности текстильная промышленность прокалькулировалась.

Надо рассмотреть, верно ли, что промышленность идет сознательно к тому, чтобы поставить высокие цены деревне, а также верно ли, что текстильная промышленность прокалькулировалась. Я должен указать, что вопрос о сырье так, как его поставил тов. Троцкий, недостаточно полно освещен. Каковы факты в действительности? Если мы посмотрим, сколько производилось всего текстильного сырья до войны, то увидим, что мировой сбор сырья был равен тогда 491 миллиону пудов. Россия из этого количества производила 78 с половиной миллионов, т.-е. наша добыча текстильного сырья равнялась 16% мировой добычи. Каково положение сейчас? В мире добывается текстильного сырья вместо указанной цифры всего 385 миллионов пудов, а Россия—всего одиннадцать с половиной миллионов, т.-е. всего 3% мирового сбора. Это означает, что в течение последних лет у нас происходило сокращение посевов технических культур, которое произошло не под влиянием высоких цен на какие-либо товары, а в силу определенных условий, которые создались у нас, и которые привели к этому положению. У нас кризис сырья очень велик, но, между тем, это не наша только болезнь, а это есть общий кризис всех стран, и с этим большим бедствием, которое определит в дальнейшем очень многое, которое продиктует будущую международную политику,—с этим кризисом нельзя разделаться только придаточными предложениями, как это сделано в тезисах тов. Троцкого. Слишком велика эта проблема, слишком велик этот вопрос, чтобы об этом можно говорить только мимоходом, а потом делать не совсем точные и правильные выводы. Я полагаю, что этому вопросу нужно уделить больше внимания, поставить его более серьезно и сделать более широкие выводы.

В этих целях после съезда мы устраиваем сейчас же специальные совещания тт., заинтересованных вопросами сырья, куда мы приглашаем всех членов съезда.

Переходя к вопросу, который отсюда вытекает, я должен указать на следующий в высшей степени важный факт: как отразился мировой кризис сырья на соотношении цен между предметами промышленности и предметами сельского хозяйства в других странах?

Мы видим, что, например, в Америке цены на ткани по отношению к 1913 г. поднялись на 94%, а на предметы фермерского, сельскохозяйственного производства—на 45%. Значит, в Америке цены на ткани поднялись вдвое цен на с.-х. продукты. В Англии, по данным „Экономиста“, продовольственный индекс в 1914 г. в январе был 49%, текстильный—96%, а если мы исключим льняные, шерстяные и пр., и оставим только хлопчатобумажные, то выходит 110%. Таким образом, мы видим, что не только у нас, в России, такая резкая разница между ценами на хлеб и ценами в текстильной промышленности. Очевидно, тут есть какие-то другие, более глубокие причины, которые нужно изучить и так или иначе устранить. И вот когда мы переходим к анализу особых причин у нас в России, то что мы видим? Почему хлеб так низко упал в цене в этом году? Не потому, что мы были принуждены поднимать свои цены, а потому, что хлеб после голодного года появился на рынке в таком количестве, которое создало низкие цены, в то время как основной, главнейший покупатель, всегда покупающий на рынке хлеб, был снабжен Наркомпродом из продналога, а экспорта не было. Вот основная причина падения хлебной цены, и ставить это в вину промышленности отнюдь нельзя.

Но в то же время мы должны, понятно, признать, что с ценами у нас в течение этого года положение обстояло далеко не благополучно. Настоящей калькуляции не было, ориентировки не было, и это приводило в первое время к разбазариванию товаров. Наши тресты проторговывались. Говорить, что это положение продолжается,—это значит проявить незнакомство с делом.

В прошлом году мы слышали от Владимира Ильича призыв, что самое главное, что сейчас предстоит,—это учиться торговать. Почему это так? Потому, что мы переходим на коммерческий расчет, на хозяйственный расчет, при котором торговля является единственным средством получать деньги. Мы действительно других источников на поддержание нашей промышленности не имеем, от т. Владимирова немного получишь. При этих условиях торговля есть для нас самое главное, и вот мы учились торговать.

Я полагал, что в тезисах ЦК по хозяйственному вопросу будет достаточно отведено места для вопроса о торговле, будут подсчитаны итоги, чему мы научились, к чему пришли, и что мы можем дать, как руководящую директиву для будущей торговли. Этого у нас в тезисах т. Троцкого нет, и не его вина в этом, а вина заключается в том, что фактически у нас до сих пор нет такого учреждения, которое могло бы сосредоточить в себе вопросы государственной торговли. Комвнуторг

интересуется, главным образом, вопросами частной торговли, а изучение вопросов государственной торговли приходится вести до сих пор полулегальному учреждению, совету синдикатов.

Синдикаты явились на свет божий совершенно никем не признанными. Они выросли, как такие учреждения, которые действительно требуются жизнью. Почему? Потому что действительно в нашей торговле был хаос. Чем занимались тресты, как они продавали? У них действительно калькуляции не было, они просто равнялись по рынку. Чем занялись в первую голову синдикаты? Установлением калькуляции. И вот если вы возьмете здесь историю борьбы за цены, то вы увидите, какую роль сыграли синдикаты в этом вопросе, как постепенно стали они выравнивать то положение промышленности, которое могло быть губительно. Было выяснено, что тресты торговали ниже себестоимости. Вот эти задачи: покрытие ценой себестоимости, с одной стороны, и, с другой стороны, понижение себестоимости,—это те основные задачи, на которых нам надо сосредоточить все внимание, и на которых было сосредоточено внимание синдикатов. Но какая форма государственной торговли наиболее соответствует моим задачам, т. е. на кого в государственной торговле нужно ориентироваться? Торгуют Губторги, торгуют отдельные тресты, торгуют синдикаты. Какой из этих государственных органов мы можем признать рациональным? Тут, товарищи, достаточно говорилось о необходимости определенного подчинения себе НЭП'а, но мы видим, как стихийная торговля охватывает наши тресты, уклоняет их в сторону спекуляции и нэпоманства.

Какие же органы требуют государственной поддержки, кто проводит действительно задачи, общие с задачами партии? Если вы посмотрите торговлю наших текстильных трестов, то увидите, что в 22 году продажа ими частным лицам была равна 90% всей продажи. Это было в феврале. В мае мы имеем 70%. Под влиянием организации синдиката положение дел изменилось. Сейчас тресты торгуют уже не более 30—40%. А как торгует сам синдикат? Сам синдикат продает только 11% частным торговцам, а остальное идет государственным учреждениям и кооперации.

Необходимо поэтому пункт 5 тезисов тов. Троцкого изменить, чтобы провести совершенно определенную директиву, которая указывала бы, какой вид государственной торговли мы считаем наиболее правильным, и ориентироваться на государственный орган, линия которого совпадает с линией нашей партии.

Председательствующий. Товарищи, Президиум предлагает, чтобы не слишком растянуть работу съезда, окончить прения по докладу т. Троцкого до обеда, в начале вечернего заседания заслушать заключительное слово, проголосовать резолюцию и сдать ее в комиссию. Тогда мы сегодня, вечером, сможем поставить доклад по налоговому вопросу, а завтра будут работать секции.

Скрыпник (с места). Нужно поставить так, чтобы национальный вопрос был здесь обсужден без переноса в секцию.

Председательствующий. Товарищи, я не говорил о националь-

ном вопросе, он будет поставлен после доклада по налоговому вопросу в пленуме. Разрешите мне не голосовать дальнейшего порядка, а только вопрос о прекращении прений до обеда. Кто за предложение Президиума? Явное большинство. Таким образом, прения прекращены.

Я, товарищи, сейчас оглашу последний бюллетень о здоровье Владимира Ильича:

„В течение последних двух дней наблюдалось повышение температуры до 37,8, повлекшее за собой некоторую общую слабость. Несмотря на это, в области речи и движения правой руки и правой ноги улучшение продолжается Сегодня температура: 37,0 и 36,8. Пульс—104. Дыхание—22. Бюллетень относится к 20 апреля, 6 час. вечера. Подписи профессоров и тов. Семашко".

Заседание закрывается.

Заседание десятое.

(21 апреля 1923 года, вечернее).

Каменев (председательствующий). Объявляю заседание открытым. Для заключительной речи слово имеет тов. Троцкий. (Громкие, продолжительные аплодисменты).

(Зажигаются бенгальские огни для кино-съемки).

Троцкий. Я не могу начать, пока не прекратятся эти бенгальские огни.

(Кино-съемщик при общих аплодисментах съезда делает съемку тов. Троцкого).

Товарищи, я потому еще, между прочим, настаивал на том, чтобы потушили это бенгальское освещение, что прежде, чем перейти к существу вопроса, я вынужден в двух-трех словах чисто-формально ликвидировать инцидент, который был поднят в связи со мною и в то же время без связи со мною. Я имею в виду, на мой взгляд, совершенно неуместное обо мне заявление тов. Косиора о недостаточном использовании моих сил и о дальнейшем развитии, которое получил этот инцидент. Я не думаю, чтобы съезд был местом, где такого рода инциденты разбираются. И мы по отношению к другим аналогичным в некоторых отношениях инцидентам приняли другой метод работы. Если бы съезд потребовал, то я на вопрос съезда дал бы, разумеется, все необходимые разъяснения. И я не сомневаюсь в том, что съезд сделал бы тот вывод, что я действовал в интересах партии, как я их понимаю. Если бы съезд решил иначе, то я стал бы действовать так, как постановил бы съезд. Если же съезд не считает нужным вопрос развивать дальше, то я, со своей стороны, никакой инициативы не беру и считаю, что он в данной стадии для съезда исчерпан. (Аплодисменты).

Теперь позвольте перейти к тем докладам и к тем прениям, которые здесь по докладу развернулись.

Тт., страна наша—особенная страна. До войны мы имели на одном полюсе кочевое хозяйство, варварское, полудикое, и в высокой степени концентрированную промышленность—на другом полюсе. Все переходные ступени, все противоположности у нас в тесном соприкос-

новении, иногда на расстоянии нескольких десятков верст,—и все это на базе чрезвычайной хозяйственной отсталости, на базе нашего крестьянства, которое в огромной своей части пользуется самыми примитивными способами обработки земли.

Россию теперь некоторая мудрящая часть заштатной интеллигенции называет Евразией, т.-е. сочетанием Европы и Азии. Как хотите, это в точку попадает. И Москва наша искони была евразийской, т.-е. имела, с одной стороны, архиевропейский характер, даже с намеком на американизм, и в то же время несла на себе черты чисто-азиатские. Роль торгового капитала, напр., у нас была евразийской, больше азийской, чем европейской. Колоссальная страна, разбросанное население, торговый капитал охватывал огромную территорию. Почему? В Европе преобладало в свое время городское ремесло, а у нас деревенское кустарничество, не отрывавшееся от крестьянского хозяйства. Ремесло работало в Европе на свой ближайший округ, а у нас кустари работали на разбросанный по огромным пространствам сбыт, и смычка торгового капитала с этим кустарничеством, как я вчера напоминал, являлась важнейшим источником развития нашей истинно-русской промышленности, особенно текстильной, но также и других.

Вот с этакой противоречивой хозяйственной структурой мы вошли в империалистическую войну. Война в этом евразийском комплексе произвела большие изменения, поскольку она промышленность мобилизовала для своих целей, а крестьянство сперва наделила денежными средствами, как бы обогатила, а в последнем счете истощила. Потом пришла революция. Она получила в наследство уже охарактеризованное мною противоречивое хозяйство—от кочевника до высококвалифицированной машиноделательной промышленности, вконец к тому же деформированное, изуродованное войной. Гражданская война произвела дальнейшие деформации, механические изменения в хозяйственной структуре. Соотношение разных областей промышленности, соотношение промышленности и сельского хозяйства нарушалось все больше, и в таком виде страна вошла в советский режим, который все это наследство сжал тисками революционной диктатуры, а потом подморозил режимом военно-хозяйственного коммунизма, который служил нам, во-первых, для политической самообороны, а во-вторых, для того, чтобы из хаотического и распадавшегося все больше хозяйственного комплекта по прямым линиям, кратчайшим путем извлечь то, что нужно было нам немедленно для ведения гражданской войны. Но под режимом военного коммунизма происходили заглушенно, замедленно, чуть-чуть те хозяйственные процессы, которые мы, как я выразился, подморозили. В кустарничестве, в деревне, в городе вся жизнь протекала, так-сказать, в одну четвертую или в одну десятую часть своего прежнего нормального тонуса. Полного прекращения процеса товарообмена даже индивидуального накопления не наступало, но эти процессы были придавлены, сжаты, подморожены и совершались крайне медленным темпом и нередко получали попятное движение.

Потом явился НЭП, который позволил хозяйственному организму

слегка отогреться. Но отогреться такому организму, конечно, нельзя ни в день, ни в месяц, ни даже в год. Оттаивание началось с периферии. А что такое наша хозяйственная периферия? Это прежде всего деревня и связанный с ней кустарь, тот ремесленник, который работает на крестьянина, тот торговец, который посредничает между крестьянином и кустарем или городским ремесленником. Затем оттаивать начала легкая промышленность, которая работает непосредственно на человека—потребителя, городского или деревенского. Вот первые этапы рыночного отогревания нашего хозяйственного организма после установления новой экономической политики. Поэтому, тт., если кто спросит: то, что мужик стал вывозить на рынок капусту, брюкву, ячмень, положительный ли это факт, или нет? Разумеется, ответим мы, факт огромного прогрессивного значения. Для этого и был произведен перелом политики. То, что кустарь заработал на рынок,—положительный ли факт? Еще бы, факт огромного значения. Кустарные мастерские—это клеточки очень примитивные, но живые клеточки того хозяйственного организма, об оттаивании которого идет у нас речь. Если бы между этими клеточками не было своего физиологического,—точнее, экономического, обмена веществ, то нельзя было бы вообще в стране жить,—она замерла бы окончательно. Тогда пришлось бы говорить не о социализме и даже не о самостоятельном капитализме,—тогда пришлось бы признать, что наша страна как-раз созрела для того, чтобы распасться и превратиться в колонию.

Поэтому, товарищи, тот, кто выходит на эту трибуну и начинает доказывать, что факт развития кустарничества, его рост и оживление есть прогрессивный факт, и что я, дескать, напрасно выступаю „против кустарничества“, тот,—я извиняюсь,—либо не отдает себе отчета в основных элементах вопроса, либо почему-то считает нужным ломиться в открытую дверь. Новая экономическая политика имела своей первой задачей создать предпосылки для хозяйственной жизни вообще. Только на этой основе и начинается диференциация. Материя этой оживающей экономики, протоплазма ее, ползет по двум каналам—по каналу государственного хозяйства и по каналу частного торгового и промышленного капитала. Вопрос об этих двух каналах есть вопрос более высокого этажа, вопрос второго порядка. Я об этом говорил в своем докладе, строго расчленяя два момента и два критерия. Когда мы находимся в первом этаже хозяйственного анализа,—критерий один, более простой; когда мы находимся во втором этаже,—критерий другой, более сложный. Эти два критерия, разумеется, не противоречат друг-другу, а дополняют друг-друга. Поскольку я выставляю только первый или предварительный критерий, я констатирую: кустарничество оживает. Хорошо это? Как же не хорошо? Это необходимо, нормально, неизбежно, прогрессивно. Без этого мы не пойдем вперед. Это создает основу, рынок. Нормально, неизбежно, прогрессивно, но это и азбучно. Долго на этом останавливаться нет надобности. Дальше встает, однако, второй вопрос: что собой кустарь знаменует? Тут некоторые говорили, что, дескать, не то я сам испугался кустаря, не то стал других им

пугать. Не так надо вопрос ставить, товарищи; не с того конца подходить. Кустарь сам по себе—сейчас прогрессивный факт. Рост его—необходимое явление. Но кустарь этот, при недостаточном или нерациональном параллельном росте и развитии государственной промышленности, при ее недостаточной способности приспособляться к рынку, при ее дальнейшей затяжной работе в убыток,—этот кустарь начнет подпадать под влияние не нашей кооперации, не нами организованного государственного кредита, а под господство частного торгового капитала. А смычка торгового капитала, который у нас уже сейчас получает довольно широкое влияние, с кустарем-кулаком, который постепенно станет подчинять себе слабых кустарей, может во второй раз создать у нас истинно-русский, почвенный капитализм. Вот объективный анализ. Велика ли опасность осуществления такой перспективы? Как сказать? Этой опасности статистически нельзя учесть заранее, она определяется динамикой, борьбой живых сил, и мы—главная сила в этой борьбе. Но не видеть этой перспективы, не оценивать ее значит страдать слепотой и итти навстречу верной беде.

Кустарничество за год дало вместе с ремеслом продукции на 415 миллионов. Цифра крупная! Какой же отсюда вывод: уж не тот ли, что пора придавить кустаря или подморозить вновь нашу крестьянскую экономику? Такой вывод мог бы сделать только сумасшедший. Совершенно ясно, что мы не только не собираемся этого кустаря давить,—наоборот, будем чем дальше, тем больше делать, со своей стороны, все, чтобы найти и с ним смычку через кооперацию и государственный кредит, чтобы и его, кустаря, постепенно и безболезненно вплести в государственную хозяйственную ткань. Мы должны и будем учиться наш налоговый аппарат все больше и больше приспособлять к особенностям и крестьянского, и кустарного хозяйства, т.-е. больше нажимать на крестьянина-кулака и на кустаря-кулака. Во то же время развитию сельского хозяйства и кустарничества мы всячески будем помогать, стремясь, однако, это развитие связать и сплести с нашим государственным хозяйством.

Но все это задачи, к разрешению которых мы только-только подходим. И нужно глядеть в оба, чтобы развитие не обогнало нас. Закрывать глаза на оживление мелкобуржуазного хозяйственного оборота, как на возможный источник другого развития, направленного против нас, как на питательный бульон возможного частно-капиталистического процесса, было бы легкомысленно, преступно, и об этом я считаю необходимым сказать полным голосом. Можем ли мы, как бы это выразиться, на-спех изнасиловать хозяйственное развитие деревни, кустарничества в пользу государственного хозяйства, механическим путем перенеся производительные силы из сельского хозяйства и из кустарничества в промышленность? Нет, не можем. Экономически это привело бы, в конце-концов, к катастрофе. Но прежде, чем эта катастрофа развернулась бы экономически, мы имели бы катастрофу политическую. Предупреждений мы имели достаточно... Политическое ис-

кусство нашего хозяйствования должно состоять в том, чтобы развитие промышленности до того времени, пока к нам притечет иностранный капитал (о котором мы будем еще говорить особо), ставить в теснейшую связь с сельским, то-есть крестьянским, хозяйством. Эта связь—зависимость устанавливается сложными путями. С одной стороны, мы прощупываем рынок через государственную торговлю, через нашу кооперацию, через работу нами контролируемого частного торгового оборота, а рынок у нас есть прежде всего покупательная способность крестьян; с другой стороны, мы определяем хозяйственную упругость деревни через фиск, через налоговый аппарат. Этот последний сильно нажимает ныне на крестьянство; и мы хотим все сделать для того, чтобы фискальный нажим свести к необходимому минимуму. Крестьянин должен дать столько, чтобы в будущем году его хозяйство стало более исправным, чем в нынешнем. Промышленность наша одним крылом пытается непосредственно опереться на крестьянский рынок,—это легкая промышленность,—другим крылом держится на бюджете, а бюджет черпает, главным образом, из того же крестьянского источника. Если здесь мы равновесия не соблюдем, если в промышленном отношении крестьянства не удовлетворим, хозяйственно не сомкнемся с ним, или если налоговый пресс слишком нажмем и нарушим равновесие, тогда промышленность может с одного из устоев соскользнуть и опрокинуться, а с ней вместе и кое-что другое. Это—вопрос о правильном практическом учете мощности или слабости крестьянина и его упругости, хозяйственной и политической...

Но если мы не можем себе ставить задачей перескочить через крестьянское хозяйство или обогнать его на автомобиле, то еще менее смеем мы отставать от него. Это—другая сторона вопроса, и наши тезисы на этот счет точно говорят: „Столь же важно для государственной промышленности не отставать от земледелия, иначе на основе последнего создалась бы частная индустрия, которая, в конце-концов, поглотила бы или рассосала государственную". Это опасность не меньшая, чем первая. В эпоху военного коммунизма мы зарвались, оторвавшись от крестьянской массы. Но есть опасность с противоположного конца опрокинуть диктатуру рабочего класса: это отстать от крестьянского хозяйства, от накопления в нем избытков, ибо это означало бы расшибить себе лоб о частный капитал, который неизбежно распухнет на основе накопления избытков в крестьянском хозяйстве. Об этих, товарищи, опасностях я и говорил в основной части своего вчерашнего доклада.

Не пойти в ногу, скажем, вот с урожаем этого и следующего года—большая опасность. Два-три года хорошего урожая, разумеется, будет для нас колоссальным подарком судьбы. Этот урожай, естественно, будет искать реализации и внутри страны, и за границей. Сколько за границу мы сможем перевезти,—это зависит, конечно, от покупательной способности Европы, но, главным образом, все же от условий транспорта и нашей техники.

Внутри страны, можно ожидать, окажется большой избыток сель-

скохозяйственных продуктов, не потребленных самой деревней. Что это: плюс или минус? Колоссальнейший плюс. Но этот плюс создает базис как для государственной промышленности, так и для частного капитала. Если государственная промышленность не пойдет в ногу с накоплением этого избытка в деревне, тогда на его основе создастся частный капитал, т.-е. этот избыток оплодотворит смычку торгового капитала с кустарем, с кулаком и т. д. В этом существо вопроса. И как-раз в этот период оживления всего хозяйственного организма мы входим с одним очень серьезным кризисом,—кризисом нашего промышленного сырья. И идем навстречу другому кризису, гораздо более глубокому,—кризису основного капитала, т.-е. возрастающей изношенности нашего оборудования, на обновление которого государству нужны большие средства.

Вот, товарищи, общая картина; но мы воссоздаем ее не для того, чтобы пугаться ее, а для того, чтобы ясно видеть свой путь и действовать не впотьмах. Хозяйство в стране оживает; два-три урожая —и оживление пойдет вперед крупными шагами. Слишком обогнать развитие деревни опасно, но и отставать нельзя! Отсюда вытекает, что ни в каком случае нельзя нам просто с пассивным удовлетворением констатировать рост кустарной промышленности,—надо искать способов понижения себестоимости государственной промышленности.

И вот, подходя к вопросу под этим углом зрения, я, товарищи, был немножко удивлен выступлением двух наших наиболее компетентных хозяйственников, представителей ВСНХ: тов. Богданова и тов. Смилги. Скажу, чтобы устранить всякие недоразумения, что я не принадлежу к тем (а таких довольно много у нас, в Союзе Советских Республик), которые вешают всех собак на ВСНХ; я знаю, какие трудности представляет его работа. Но тот подход к вопросу, который обнаружил т. Богданов, внушает мне некоторую тревогу; он вышел на эту трибуну со страшно философским складом мысли: вопросы действия он отводит доводами от созерцания...

В своем изложении я довел анализ нашего хозяйственного состояния до следующего пункта: дальнейшее развитие кустарничества, ремесла, мелкой промышленности, арендной промышленности и оплодотворение их торговым капиталом на основе подъема сельского хозяйства, как ни желательны эти прогрессивные факты, при дальнейшей убыточности нашей государственной промышленности грозят нам тем, что наш государственный капитал рассосется, разбазарится на наших глазах, не успеем и оглянуться. В ответ т. Богданов с этого пункта моего доклада возвратил нас всех назад и стал доказывать, что... новая экономическая политика имеет, видите ли, прогрессивное значение, потому что она привела в движение деревню, кустарей, ремесло, мелкую промышленность, потому что она создает торговый оборот, а это все, видите ли, факты очень прогрессивные. Но, позвольте, уважаемый, через этот приготовительный класс мы прошли во вступительной части моего доклада, и что же вы: моим добром да мне же челом!.. Конечно, философский склад мысли—прекрасная вещь,

но, ведь, перед нами стоят кое-какие практические задачи, и тут не мешает иметь план действий. Тов. Богданов (и, к моему большому удивлению, тов. Смилга ему в этом немного подражал) выступал здесь как бы защитником кустарей и мелкой промышленности от моих почти-что сокрушительных намерений. Это же совершенно ни с чем несообразно: я берусь на любом собрании кустарей выдержать самую жестокую избирательную конкуренцию с т. Богдановым по части моей благожелательности к кустарям. (Смех). Однако, я должен все же напомнить т. Богданову, что Высший Совет Народного Хозяйства не есть общество покровительства кустарям, а есть организация, которая имеет своей задачей вести государственную объединенную промышленность вперед, понижая себестоимость продукции, завоевывая рынок экономически, подчиняя своему влиянию кустарей, технически и хозяйственно и, таким образом, овладевая всей экономикой страны. В этом задача.

Кустарь, крестьянин, торговец, государственная промышленность,— все это, говорят нам, дополняет друг-друга. Это теория всеобщей гармонии интересов в советском обществе. Прекрасная теория, что и говорить: союз пролетариата с крестьянством есть бесспорно основа всего. Но не забудем, что из крестьянства вырастает кулак: если мы через кооперацию не овладеем крестьянским товарооборотом, то им овладеет кулак, а кулак нам уже не друг, и в гармонию интересов советских классов его никак не включишь. Формула Богданова слишком уж широка.

То же самое с торговцем, то же самое с кулаком-кустарем, скупщиком, прасолом и т. д. Тут „гармонии интересов“ не выйдет. Тов. Богданов рисовал положение немножко односторонне и слишком созерцательно; у него даже выходило так, что убытки государственной промышленности и развитие хозяйства в целом довольно счастливо дополняют друг-друга в общей гармонии. Разумеется, убытки государственной промышленности кого-то обогащают,—закон сохранения материи и тут имеет свою силу. Но они обогащают не государство, а за счет государства кого-то третьего: этот третий есть частный капитал. Тут зевать нельзя. А насчет кустарей т. Богданову беспокоиться нечего. Никто не собирается их обижать. Более того: если Центральный Комитет с такой осторожностью подходит к вопросу о слиянии ВСНХ, Внуторга и Наркомвнешторга в один Комиссариат торговли и промышленности (на чем особенно настаивает ВСНХ), так это именно потому, что не хочет отдать кустаря и крестьянина в объятия Высшего Совета Народного Хозяйства, несмотря на столь теплые чувства к ним т. Богданова. Центральный Комитет считает необходимым регулировать с общегосударственной точки зрения взаимоотношения этих групп населения и отраслей хозяйства, а не отдавать их целиком в руки ВСНХ. Когда же зовут к отчету ВСНХ и спрашивают: а нет ли опасности в том, что темп развития государственной промышленности отстанет от частно-капиталистического хозяйственного процесса, то в ответ объясняются... в любви к кустарю. Это же не ответ, а недораз-

умение! Поменьше фатализма. Созерцательность и фатализм здесь абсолютно неуместны; между тем, председатель ВСНХ сильно склоняется к буддистской философии. (Смех).

Более осторожный, т. Смилга впадает, однако, в те же принципиальные ошибки. В самом деле. Я указывал, товарищи, на другую опасность, которая может при известных условиях вырасти из смычки нашего крестьянства с европейским капиталом. А т. Смилга говорит: „стало-быть, вы против экспорта хлеба". (Смилга с места: „Я этого не говорил"). Дословно не говорили, но вывод у вас был именно такой. „Вы, стало-быть,—говорил Смилга,—считаете смычку нашего крестьянства с европейским капиталом минусом, а не плюсом". Таков был смысл его критики. Конечно, это совершенные пустяки. Сошлюсь хотя бы на то, что одно из первых предложений по этому поводу было написано мною (тов. Каменев, как видите, тоже вспоминает об этом) о необходимости нам подготовлять экспорт хлеба, скупая его централизованно и пр., и посейчас я являюсь, разумеется, горячим сторонником этого дела Но быть сторонником—не значит не задумываться о послезавтрашнем дне.

Хлеб, вывозимый за границу, будем продавать, надеюсь, по хорошей цене, будем получать прибыль. И возможно большую часть этой прибыли мы будем вливать в государственную промышленность, которая должна подготовиться к тому, чтобы рационально этот капитал использовать. В чем же опасность? А вот в тех же самых „ножницах", которые в мое распоряжение предоставил т. Лежава, заведующий делом внутренней торговли, и которые я здесь демонстрировал. Опасность в слишком резком расхождении между ценами промышленности в Европе и у нас. Разумеется, у нас монополия и ключ от границ. Но я уже говорил о том, что и в этой стене пробивается брешь контрабандой. Контрабанда неизбежна, если разница между внутренними и внешними ценами переходит известную черту. Но, товарищи, контрабанда—это только одна сторона, хотя и она подрывает и размывает монополию, когда развивается выше известного предела. Есть и другая, более грозная сторона. Если бы ВСНХ заразился фаталистическим настроением и терпел нынешнюю чудовищную себестоимость в течение слишком долгого времени, то крестьянин этого фатализма не разделил бы, крестьянин сказал бы: „Открывай границу", „Долой монополию внешней торговли", ибо он захочет иметь дешевые товары. Крестьянин уже привык мыслить в более широком масштабе, чем уезд и губерния. Ну, а если крестьянин скажет: „Долой монополию внешней торговли",—это будет пострашнее наших московских колебаний и шатаний в этом вопросе. Вот в чем опасность, которую не хотели усмотреть т. Смилга, а за ним и коекто другой.

Тов. Смилга спрашивал меня о плановой работе, почти-что допрашивал: означает ли то, что предлагает в этой области ЦК, перемену того, что делается ныне, или же речь идет лишь о продолжении того, что делается ныне? Во-первых, я очень жалею, что тов.

Смилга не поставил мне этого вопроса в комиссии, где мы вместе с ним вырабатывали нашу резолюцию, и где он вносил разные поправки (отчасти принятые, отчасти отклоненные), но где он не внес ни одной поправки к большой главе о плановой работе. Должен сказать, что к этой главе никто вообще не внес ни одной поправки, хотя почти во всех главах были внесены поправки, к некоторым очень существенные. Думаю, что некоторые критики воздерживались от поправок просто потому, что не читали самых тезисов, тем более что и здесь три четверти аргументов против моих соображений о плановой работе были как бы заранее формулированы и преподнесены с полным игнорированием того, что я здесь говорил, и со священным неведением того, что сказано в тезисах ЦК.

Позвольте, товарищи, прочитать вам эту главу с некоторыми пропусками (она очень длинна); это абсолютно необходимо, потому что нельзя же все время в этих трех соснах путаться. Когда говорят нам, что мы не можем осуществлять универсальный план, что мы не должны продолжать на сей счет традиций военного коммунизма, то ничего не остается, как прочитать то, что ЦК здесь говорит. А говорит он вот что:

„В Советской России, где главные средства промышленности и транспорта принадлежат одному владельцу—государству, активное вмешательство последнего в хозяйственную жизнь должно по необходимости получать плановый характер, и, в виду господствующей роли государства, как собственника и хозяина, плановое начало приобретает тем самым уже на первых порах исключительное значение.

Весь предшествующий опыт показал, однако, что план социалистического хозяйства не может быть установлен априори, теоретическим или бюрократическим путем.

Действительный социалистический хозяйственный план, объемлющий все отрасли промышленности в их отношении друг к другу и взаимоотношению всей промышленности в целом с сельским хозяйством, возможен только в результате длительного и подготовительного хозяйственного опыта на основах национализации непрерывных усилий практического согласования работы разных отраслей хозяйства и правильного учета результатов.

На ближайший период задача имеет, таким образом, общедирективный и в значительной мере подготовительный характер. Она не может быть определена одной какой-либо формулой, а предполагает постоянное и бдительное приспособление руководящего хозяйственного аппарата, его основных заданий, его методов, его практики к рыночным явлениям и отношениям.

Отсюда совершенно ясны две опасности, связанные с применением государственных плановых методов хозяйства в ближайшую эпоху: а) при попытке опередить путем планового вмешательства хозяйственное развитие, заменить регулирующую работу рынка административными мероприятиями, для которых живой хозяйственный опыт еще не создал необходимой опоры, совершенно неизбежны частич-

ные или общие хозяйственные кризисы того специфического типа, какие мы наблюдали в эпоху военного коммунизма („заторы“, „пробки“ и пр.); б) при отставании централизованного регулирования от явно назревших потребностей в нем мы будем иметь разрешение хозяйственных вопросов неэкономными методами рынка и в тех случаях, когда своевременное административно-хозяйственное вмешательство могло бы достигнуть тех же результатов в более короткий срок и с меньшей затратой сил и средств.

Взаимоотношения между легкой промышленностью и тяжелой никак не могут разрешаться только рыночным путем, ибо это фактически грозило бы в ближайшие годы разрушением тяжелой промышленности, с перспективой восстановления ее затем в результате стихийной работы рынка, но уже на основах частной собственности“.

Это последнее место по адресу т. Чубаря, который упрекал, будто в тезисах не выделяется вопрос о тяжелой промышленности... В этой части тезисов имеется и совершенно законченная формулировка: „главкократическое администрирование эпохи военного коммунизма,—написано здесь черным по белому,—сменяется хозяйственным маневрированием“, то-есть согласованием работы различных отраслей хозяйства на основе рынка.

Спрашивается: есть ли это изменение того, что было до сих пор, или же простое повторение? На этот замысловатый вопрос т. Смилги мы вместе с тов. Смилгой ответили в комиссии ЦК. Я ему напомню этот ответ: „совершенно очевидно,—говорит наша резолюция (это очень важное место!),—что основное планирование промышленности не может быть достигнуто внутри самой промышленности, т.-е. одними лишь усилиями ее руководящего административного органа—ВСНХ, а должно составлять задачу особого органа, стоящего над организацией промышленности и связывающего эту последнюю с финансами, транспортом и пр. Таким органом является по положению своему Госплан. Необходимо однако,—писали опять-таки мы с т. Смилгой,—придать Госплану более определенное положение, более твердую организацию, более ясные и беспорные права, а особенно обязанности“.

Значит, нужно делать не то, что делали раньше, а что-то другое? На этот вопрос нельзя ответить одним словом. Нужно продожать то, что делали раньше, но продолжать гораздо лучше, тверже и систематичнее. „Должно быть установлено, как незыблемое начало: ни один общегосударственный хозяйственный вопрос не проводится в высших органах республики помимо Госплана. Этот последний, независимо от того, исходит ли инициатива от него самого, или от какого-либо из ведомств, должен проанализировать новый вопрос в связи со всей остальной хозяйственной работой. Далее наши тезисы устанавливают, что при такой систематической работе Госплана мы сможем дать отпор и, в конце-концов, победить „административную партизанщину“, последние слова напечатаны жирным шрифтом! Значит, мы собираемся в наступающую эпоху развития нашего государствен-

ного аппарата и хозяйственной деятельности бороться при содействии Госплана против тех черт режима, которые названы „административной партизанщиной“.

Тов. Чубарь попытался подойти к вопросу с другой стороны и неожиданно взял под подозрение то, чего не оспаривали ни тов. Богданов, ни тов. Смилга,—именно факт убыточности нашей промышленности. Тов. Чубарь, который должен бы, казалось, иметь более точное представление о состоянии нашей промышленности, оспаривал мое утверждение, что наша промышленность в целом пока еще убыточна. Я буду ждать развития этой его мысли в нашей экономической печати. Пока он этого не сделал, я считаю факт убыточности нашей промышленности установленным. Но, товарищи, нужно уметь и к этому вопросу правильно подойти. Если вы спросите, оздоровилась ли наша промышленность по сравнению с тем, что было год назад,—я скажу: безусловно она развивается, хотя медленно, в некоторых отраслях кривобоко, но развивается. А если вы спросите, богаче ли она сейчас, чем год назад,—я отвечу: нет, она беднее, она заплатила часть своего достояния за то, чтобы иметь возможность развиваться. Теперь наша промышленность уже способна обогащаться, ибо она живет... Но именно за это наша промышленность с начала новой экономической политики до сегодняшнего дня заплатила тяжелую дань за то, чтобы от полусмерти перейти к началу жизни. Хорошо, однако, и то, что хоть дорогой ценой она все же купила себе возможность развития. Однако, дальше итти по пути уплаты такой дани безусловно нельзя, так как это означало бы расточение нашей промышленности. Это не имеет, однако, ничего общего с вопросом о способах финансирования тяжелой промышленности. Тов. Чубарь почему-то вообразил, что если я настаивал на необходимости работать без убытков, то это равносильно отказу от вложения новых средств в тяжелую промышленность. Тут явное недоразумение. Разумеется, в тяжелую промышленность мы будем вкладывать еще больше средств и в виде долгосрочного кредита, и в виде наращения основного капитала, но каждый такой вклад—только перенесение средств из государственного бюджета в промышленность, а вовсе не убыток. Новая эпоха нашей промышленности начнется тогда, когда доходы промышленности плюс прибавка из бюджета будут равняться расходам промышленности или будут больше этих расходов. Мы, как видите, не собираемся сразу требовать от нашей промышленности, чтобы она давала прибыль. Это немыслимо. Но мы хотим, чтобы дефицит промышленности не был больше той суммы, которую государственный бюджет способен внести в промышленность, т.-е. чтобы основной фонд нашей промышленности перестал таять, а начал потихоньку нарастать. Если тов. Чубарь жалуется что от него требуют уголь по твердым ценам, а покупать материалы ему приходится по рыночным, то я задаюсь прежде всего вопросом: кто то третье лицо, в пользу которого идет эта разница между ценами твердыми и теми, по которым вы покупаете? Если железная дорога получает уголь по твердым

ценам, а те спекулянты, которые этой железной дорогой пользуются для торговли, продают вам товар по рыночным ценам, то каждая единица товара заключает в себе некоторую неоплаченную часть угля Чубаря. Происходит, стало-быть, переливание части государственного достояния в руки частных владельцев. На этот процесс нельзя закрывать глаз. Его нужно приостановить. Я считаю совершенно необходимой борьбу как против розового фатализма одних, так и против совершенно неосновательного оптимизма других наших хозяйственников.

Теперь позвольте, товарищи, устранить эпизод с речью т. Рухимовича, которая была явным исключением из других речей и представляла собой, так-сказать, „плановую" речь, как бы построенную заранее так, чтобы игнорировать то, что говорил я, и то, что написал Центральный Комитет. Оставляю в стороне вопрос о приписываемом мне здесь „едином всеохватывающем плане",—я уже говорил, что единый всеобъемлющий план в эпоху НЭП'а я причисляю к таким же идеям, как „единая военная доктрина", „пролетарская культура" и т. п. ребяческие химеры. Около второго заявления т. Рухимовича, будто я говорил „с опаской насчет урожая", я только ставлю восклицательный знак и прохожу мимо. Но вот несколько слов относительно моего предложения премии коммунисту,—я, видите ли, за превращение коммуниста в Савву Морозова. Тут приходится остановиться хотя бы ради тех товарищей, которые свои сомнения по этому вопросу выражали в более достойной форме. Товарищи, мы имеем сейчас такое положение, когда коммунист, сидящий в правлении треста или управляющий отдельным заводом, производит очень большие расходы на предприятия культурного, просветительного, военного характера,—расходы, никаким законом не предусмотренные, никем фактически не контролируемые и в производство не входящие. Факт это или нет? (Голоса с мест: „Факт"). И мы знаем, что и партийные, и профессиональные организации зачастую являются соучастниками этого. Это тоже несомненный факт. Конечно, можно просто-напросто запретить это, и баста. Но я думаю, что мы можем нынешнее злоупотребление урегулировав его, превратить в орудие воспитания, если, напр., мы, скажем, что известную часть своего растущего дохода предприятие может расходовать на определенные нужды: культурно-просветительные, на шефство и т. п. Вы можете возразить, что нельзя это предоставлять на усмотрение одного правления треста или одного директора завода, может-быть. Но, ведь, сейчас правление любого нашего треста, заведомо убыточного, расходует, сколько хочет, куда хочет и на что хочет. Я же хочу, чтобы были определенный контроль, определенные нормы, определенные правила, регулирующие это дело. Пример: коммунист-директор, стоящий во главе завода, повел дело так серьезно, что предприятие дает прибыли государству 50.000 руб. в год. За это заводу дается право расходовать, скажем, 3 или 5 тысяч на культурные и пр. нужды. Мы заявляем, что Иванов, красный директор завода, при содействии завкома, состоящего из таких-то и таких-то товарищей, дал государству такую-то прибыль, и что за это полагается премия, которую

они могут на такие-то нужды расходовать. Можно ли против этого возражать? Не думаю. Это будет, во всяком случае, в тысячу раз лучше, чем то, что происходит теперь, когда нерадивый, неряшливый директор может расходовать оборотные средства, на что хочет, а экономный директор не расходует, при чем последнего считают „скупым", а тот, другой, слывет „щедрым", „тороватым"... Лишить предприятие возможности производить известную часть расходов самостоятельно значило бы лишить его в этой области всякой инициативы. Мне кажется, так далеко нельзя итти: известная самостоятельность есть та „изюминка", без которой у человека нет „игры", нет стремления лучше сделать, лучше действовать, опередить других. Эту изюминку нужно ввести в дело и использовать. Но нужно организовать это правильно, под серьезным контролем. Формы нормы и контроля мы найдем. Во всяком случае, премиальность должна быть не анонимной, а связанной с определенным директором, чтобы знали, что такой-то красный директор в таком-то предприятии фонд на культрасходы получил, а другой директор их не получил. При чем же тут Савва Морозов?

Очень-очень странная речь. Напомню, однако, что т. Рухимович сам рассказал, что они посылали (кто это они?) „провокационную записку в центр с потолочной калькуляцией". Дословно! Что это значит? Если центр плох, то жалуйтесь на этот центр в ЦК, а не посылайте „с провокационной целью" калькуляцию с потолка... Что за нравы! Не знаю, может-быть, некоторые заявления т. Рухимовича относительно меня были сделаны с такими же целями. Надеюсь, что тот центр, куда посылались „потолочные" калькуляции, не поддался на провокацию; я постараюсь также не поддаться. (Смех).

Тов. Андреев говорил, что профессионалисты будут требовать, чтобы та рабочая энергия, которая все еще оплачивается по низкой заработной плате, и которая дает все более и более интенсивный труд, использовалась хозяйственниками рационально. Я думаю, что профессионалисты стали тут на правильный путь. Образчик конкретной постановки этого вопроса я цитировал уже из брошюры ЦК горнорабочих. Мы здесь слышали авторитетное заявление от имени ВЦСПС, что это есть не счастливое исключение, а общее настроение профессионалистов, их убеждение, их линия поведения. Такое устремление мысли и воли наших руководящих профессионалистов есть величайшее наше партийное завоевание за последнее время!

Тов. Ногин сделал несколько замечаний по поводу текстильной промышленности,—между прочим, и в том смысле, что моя критика пристрастна, что калькуляция улучшается, и пр. Я не оспариваю того, что к тому времени, когда не осталось сырья, калькуляция стала улучшаться. (Смех). Тов Ногин уверяет, что текстильный синдикат проводит ту линию, которая является линией партии. Конечно, партии очень лестно, что синдикат по ней равняется. Но мы хотели бы знать, какая часть оборота текстильной промышленности находится в руках текстильного синдиката? Было бы очень интересно знать этот процент.

(Ногин с места: „60 процентов"). 60 процентов всех торговых операций по закупкам и продажам? Будто бы?.. Но лучше уж, т. Ногин, не будем заниматься статистической полемикой, потому что она кончилась бы не авантажно для текстильного синдиката. Резолюция ЦК говорит о том, что синдикат—вещь превосходная, но во благовремении, т.-е. там, где объем синдиката соответствует объему рынка, причем синдикат должен централизовать те торговые функции, централизация которых подготовлена состоянием рынка. А если синдикат зарывается вперед, то он превращается в торговую главкократию, то-есть в гнуснейшую из всех главкократий.

Тов. Ломов здесь жаловался на то, что калькуляция затрудняется разнообразием измерителей. Верно, в счетоводство нужно ввести единство. Комиссия при СТО работает над этим вопросом. Спецов, говорит еще т. Ломов, нужно на фабрики. Правильно. Такую поправку мы охотно примем... Но вот насчет типографского дела т. Ломов не прав. Он утверждает, будто у Троцкого, как журналиста, есть влечение к печатному станку, что у него это в роде... прыщика на носу. (Смех). Тт., дело совсем не так просто обстоит. В нашем полиграфическом деле в целом наблюдается ныне уклон, в высокой степени нездоровый. С одной стороны, у нас появляются превосходные, роскошные издания: у Госиздата есть выпуски, которые сделали бы честь любому европейскому издательству: монографии о новых художниках и пр. И уж, конечно, все это „на хозяйственном расчете," все сделано по самой лучшей калькуляции, даже, будто бы, и выгода есть от этого. А с другой стороны, все, что предназначено для масс, у нас печатается в высшей степени скверно и в смысле краски, и в смысле четкости шрифта, и в смысле опечаток, и в смысле бумаги, и в смысле брошюровки. Терпеть этого нельзя дальше, тт. (Аплодисменты). А газеты наши? Совершенно верно, как старый газетчик, я питаю некоторое пристрастие к газете. Когда читаешь изо дня в день, не так замечаешь. Но вот, готовясь к этому докладу, пришлось, чтобы проверить ход развития разных отраслей промышленности, перечитать за большой период „Экономическую Жизнь". Хорошая газета, нельзя брать греха на душу. Но когда начинаешь ее читать,—нет живой цифры; не то 3, не то 5, не то 8! А, ведь, это негоже сомневаться: 3 милл., 8 милл., или 6 милл.,—ведь, цифра имеет некоторое значение. (Смех). Полиграфическая промышленность объясняет это тем, что цифры сбиты, стары и т. д. Если стары, надо обновить. Мы не сможем поднять наше хозяйство, если не улучшим цифирь для наших газет. Газеты, ведь, предназначены для массового сбыта. А без массы хозяйства не поднимешь. И это, по-вашему, пустяковый вопрос? Нет, не пустяковый. Нельзя воспитать себя в духе точного хозяйственного мышления, если наша газета таким образом оповещает нас об экономических фактах. Постановка типографского дела на большую высоту есть вопрос создания не только орудия пропаганды, но и орудия наглядного воспитания. Когда газета чище, то ее и малокультурный человек лучше читает, внимательнее, больше запоминает, больше учится. А то полу-

чаешь грязную тряпку, читаешь через слово в третье, и остается впечатление, будто десять раз ты эту тряпку жевал. Нельзя воспитывать рабочую массу, давая плохие, неряшливые газеты. (Аплодисменты).

Если полиграфический трест не научится давать лучших газет, так попробуем иначе сделать: отдадим типографии газетам. (Аплодисменты). Братья-газетчики немедленно зааплодировали (смех), это для меня не неожиданность, ибо я по этому вопросу производил анкету, обращался ко всем издательствам, к газетам и к самому полиграфическому тресту с вопросом: как лучше организовать дело? На этот раз ЦК не предлагает еще вынести решение—распустить трест и раздать типографии издательствам. Но мы не скрываем, что, может-быть, придется на этот путь встать, потому что типография не есть самоцель: это инструмент для важнейшего дела, для дела пропаганды и воспитания.

Наконец, тов. Ломов обвинил меня в „роковом противоречии“, и это повторил за ним другой товарищ. Это довольно забавный анекдот, хотя самый вопрос очень серьезен... Троцкий, говорят нам, не сбалансировал своего доклада: у него вначале вышло так, что цена продукции страшно высока, а потом оказалось, что промышленность дает убыток. Как же так, цены высокие, а промышленность работает в убыток? Это, говорят, „противоречие Троцкого“. Поистине чудеса. Нет, т. Ломов, это противоречие нашей промышленности, а не Троцкого! (Смех. Аплодисменты). Разве вы думаете, что прибыль всегда пропорциональна цене? Где это сказано? Ничего подобного. Наоборот, мы знаем, что развитие капитализма шло таким образом, что предметы становились все более и более доступными, все более и более ходкими, а капиталист наживался и богател. Тут противоречия никакого нет: капиталисты завоевывали более широкий рынок, производство ставилось на более массовую основу. У нас же при нашем основном капитале, при вавилонской башне нашей хозяйственной иерархии, при нерациональном использовании рабочей силы, при нерациональной постановке работ на каждом предприятии и в каждой мастерской, при неполной загруженности,—у нас себестоимость получается, скажем, в 5 раз больше, чем до войны, и когда мы продаем предмет в 4 раза дороже, чем до войны, то имеем 20% убытка от продажной цены. Нет, это не мое противоречие. Это основное противоречие в положении нашей промышленности в данный момент. Этому-то вопросу и посвящен был весь мой доклад, чего, к сожалению, не заметил тов. Ломов.

Тов. Хинчук указывает на то, что мы упустили кооперацию. Да, мы старались в этих тезисах схватить минимум необходимых вопросов; но я готов признать, что будет правильно, если мы в эти тезисы включим ясное и отчетливое упоминание о кооперации. Сделаем это хотя бы для того, чтобы неупоминание не было понято, как-будто мы отныне придаем ей меньшее значение, чем раньше,—об этом, разумеется, не может быть и речи. С тов. Хинчуком, членом комиссии, мы найдем соответствующую формулу для включения в наши тезисы.

Тов. Юркин возражал совершенно справедливо против пережитков главкизма, против того, что я назвал трестостремительностью по отношению к отдельным предприятиям, против главкократического режима уравнительного распределения заказов по соображениям формального характера (иногда политического), но не по деловым, не по производственным соображениям. Это необходимо принять во внимание.

Тов. Смидович просила меня отметить, чтобы при сокращении рабочих и работниц обратить внимание на необходимость в известной пропорции сохранять женщин-работниц в производстве. Я думаю, что хотя мы все это дело подчиняем экономической целесообразности, необходимость сохранения известного кадра женского пролетариата должна быть при этом все же принята во внимание.

Вопрос о понижении себестоимости есть вопрос о научной организации труда. Меня в записке обвиняли в том, что я слишком свел это дело к нецелесообразной рекламе. Разумеется, вопрос о понижении себестоимости очень сложен: это—вопрос о концентрации, о правильном использовании рабочей силы, о научной организации труда, и в том числе об уничтожении лишних штатов, лишних торговых представительств, о чем совершенно правильно в записке говорит тов. Голощекин.

Тов. Красин подошел к делу с более радикальной точки зрения. Он в общем и целом признал правильной картину нашего хозяйственного состояния, которую я дал, но он обвиняет меня в слишком крохоборческом, так-сказать, „мелкобуржуазном“ подходе к разрешению стоящих перед нами задач. Внутреннее накопление, по Красину, совершенно недостаточно. Как оно может быть достигнуто? Путем налогов на сельское хозяйство, путем комиссионных на продаже крестьянского хлеба за границу, путем сокращения советского чиновничества, удешевления нашего государственного аппарата. Это все, конечно, хорошо, говорит т. Красин. Но буржуазия развивалась не только путем „сбережений“. Она, конечно, и накопляла, но она ускоряла процесс, воздвигая свои богатства на индийских костях. Мы с т. Красиным не можем, конечно, принять таких методов, да нам никто колоний и не предлагает. Но вот насчет займа заграничного другое дело: это сильно ускорило бы ход нашего хозяйственного развития. Нам говорят нужно уметь взять деньги; это правильно, поэтому мы и послали в Лондон одного из самых умелых. Никто другой, как т. Красин Леонид Борисович, переводил нашу советскую нужду в деньгах на английский язык; для этого он и был послан. Но, ведь, это не секрет, что из этого ничего не вышло (Смех).

В Генуе чего от нас требовали? Требовали не только признания государственных долгов, но и восстановления частной собственности на средства производства, возвращения заводов и фабрик или, по крайней мере, уплаты за них. Когда же мы справлялись: „а как насчет чистогана?“, нам отвечали: „когда вы признаете все долги, тогда мы... будем посмотреть“... Если понимать дело так, будто мы отклонили несколько сот миллионов фунтов или долларов, то это будет

простое извращение дела. Не было и речи о займе в Генуе по той причине, что у европейских правительств нет денег. У них лишь бюджетные средства. Правда, у них оказался какой то фондик, из которого они как-будто собирались дать нам до 200 миллионов франков. (Голос из Президиума Раковского: „Но не нам“). Совершенно правильно, это имеет тоже значение: нам или не нам. (Смех). Они собирались поговорить в парламенте, чтобы 200 миллионов франков дать своим купцам за те товары, которые эти купцы соблаговолят к нам вывезти. Стало-быть, товары будут вывозить к нам по своему усмотрению, а деньги-то, 200 миллионов франков, у них!.. Разве это серьезное предложение?

Говорят, что у меня ничего не сказано об иностранном капитале. Неверно. В тезисах есть об этом пункт, к которому мы относимся очень серьезно. Если бы была реальная возможность притока европейского или иного капитала, то неужели же мы не пошли бы навстречу целиком, не сделали бы всего, чтобы облегчить привлечение иностранного капитала? Разве мы действительно не доказали практикой этих полутора-двух лет НЭП'а, что мы хотим, что мы способны создать для частного капитала, в том числе и для иностранного, условия, в которых он может работать? Разве мы не установили твердых условий, в которых частный капитал пользуется неприкосновенностью в тех пределах, в которых она совместима с советским режимом, то-есть в очень широких пределах? Разве не ввели мы в наш гражданский кодекс, в наш уголовный кодекс необходимые гарантии рыночного оборота, разве не взяли на себя определенных обязательств, разве мы не доказали на деле нашего серьезнейшего отношения к этим обязательствам? Очевидно, есть более веские причины, которые мешают. У Европы нет свободных средств, а если какие и есть, она не хочет решиться, выжидает. Тут действуют факторы более тяжеловесные, чем форма заявления насчет долгов. Мы нуждаемся в иностранных капиталах и готовы предоставить им широкое поле и высокие барыши. Но мы будем работать и без них. И дело свое сделаем.

Позвольте закончить. В основном своем докладе я сказал, что все наши надежды на развитие социалистического хозяйства основаны на четырех элементах: диктатура партии, Красная армия, как необходимое орудие этой диктатуры, национализация средств производства и монополия внешней торговли. В резолюции по докладу ЦК мы формулировали диктатуру партии в более категорических, чем когда бы то ни было, терминах. Национализация средств производства остается и после Генуи,—слава советскому богу,—основным фактором нашей хозяйственной жизни. Монополия внешней торговли у нас закреплена не только принципиально, но, надеемся на этот раз и практически в смысле дальнейшего придания ей строго-согласованного, планового и действительно монопольного характера. И позвольте, товарищи, в заключение сказать еще несколько слов о четвертом элементе—о Красной армии.

Сейчас численность ее доведена до 610 тысяч человек. Это зна-

чит, что мы имеем по существу кадровую армию. Это значит, что с точки зрения обороны мы опираемся, главным образом, на тяжеловесные резервы, имеющиеся в стране. Это значит, вместе с тем, что вопрос об обороне страны зависит более, чем когда бы то ни было от состояния нашей военной промышленности, а стало-быть, и всей промышленности в целом. Если мы свою армию кадрового состава стремимся и будем стремиться качественно повышать, то это значит, что нам для тех больших масс, которые придется мобилизовать в случае нового военного конфликта, необходимо иметь очень большие, очень тяжеловесные мобилизационные запасы. Эти мобилизационные запасы стоят дорого, а мы страна—бедная.

И потому нам сюда тоже нужно ввести очень точную калькуляцию, очень точную проверку и очень строгий план. Мы не можем создать в течение одного полугодия или одного года необходимые запасы для армии военного времени; нам, стало-быть, нужно разработать план постепенного снабжения, постепенного обеспечения армии наиболее необходимыми предметами вещевого, боевого и всякого иного снабжения в течение нескольких лет. Нам необходимо попытаться, несмотря на все затруднения, какие с этим связаны, установить в ближайшее время для армии бюджет или хотя бы только бюджетный скелет не на полгода и не на год, а на несколько лет; сжать его для ближайшего года, но в прогрессивном нарастании такую программу дать на несколько лет. Иначе руководство военной работой, создание мобилизационных запасов, развитие и укрепление военно-учебных заведений не могут быть поставлены на почву длительного плана. А нам в военном деле больше, чем где бы то ни было, необходимо обратить сейчас наиболее серьезное внимание на плановую работу.

Мы три года армию строили на-спех, импровизировали, полтора года сокращали ее на-спех, под давлением экономической необходимости. Теперь мы ее свели к предельному минимуму. Дальше, товарищи, армию сокращать нельзя, потому что ткань армии тогда станет слишком жидкой и будет расползаться. Есть известный минимум при нашей территории, ниже которого мы спускаться не можем, по крайней мере, при данном экономическом и культурном уровне. Стало-быть, нужно внести более систематический характер в работу по обеспечению этой армии всем необходимым в дальнейшем. Мы этим сейчас заняты. Это будет одна из важнейших задач того ЦК, который вы выберете. Эта задача должна будет разрешаться, товарищи, по большому чертежу,—по чертежу, который должен будет предвидеть не за два, три, а может-быть, за пять лет вперед. Но эта работа должна в то же время выполняться более мелким инструментом. В этом я вообще вижу характер того периода, в который мы вступаем. Мы должны вести работу по большому замыслу, но более точным инструментом, работа должна быть более детальной, более тщательной, более кропотливой. Тут приходится переучиваться,—скажу о себе самом,—доучиваться, чтобы такую задачу выполнять. В военном ведомстве предстоит работа колоссальная. В военной промышленности точно

так же. Нужна помощь партии. И партия в ней, конечно, не откажет...

Взаимоотношения между армией и партией за эти годы изменились в организационной своей форме. Был период, когда партия на местах непосредственно строила кавалерийские эскадроны, пехотные полки, укомы и губкомы непосредственно вели эту работу. Был период, когда губвоенкомы входили виднейшими членами в губком, когда войска находились в непосредственном ведении губкомов или губисполкомов. Сейчас с внешней, технической, организационной стороны эта пуповина как-будто перерезана. Сейчас войска у нас организованы в виде дивизий и корпусов и имеют свою собственную централизованную организацию, которая не совпадает с организацией губкомов и укомов. Но если взять армию с политической стороны, то никогда господство в ней партии как через партийный аппарат в армии, так и через местные партийные комитеты по всему настроению армии, по всему духу ее,—никогда господство нашей партии в армии не было так полно, так безраздельно, так глубоко, так неоспоримо, как в настоящее время. (Аплодисменты).

Председательствующий. Товарищи, прения по вопросу о промышленности закончены. Мы переходим к голосованию. Я буду голосовать сначала принятие за основу тезисов, опубликованных и оглашенных тов. Троцким. Кто за то, чтобы взять тезисы в основу? Принимаются. Для поправки имеет слово тов. Скрыпник. (Голоса: „В комиссию"). Вы предлагаете не заслушивать здесь никаких поправок, а сразу передать в комиссию? Тов. Скрыпник пишет в своей записке, что поправка не редакционного, а принципиального характера. (Голоса: „Все равно"). Итак, предложено сдать резолюцию, принятую за основу, в комиссию. Нет возражений? Нет. По составу комиссии тов. Енукидзе.

Енукидзе. Товарищи, Президиум предлагает следующий состав комиссии для выработки резолюции: Троцкий, Рыков, Смилга, Богданов, Сокольников, Пятаков, Андреев, Ногин, Хинчук, Красин, Раковский, Микоян, Лепсе, Ломов (Урал), Сулимов, Позерн, Иванов (Сев.-Зап. область), Чубарь (Украина), Рухимович (Украина), Лашевич (Сибирь), Климохин (Москва), Уханов (Москва), Вейцер (Тула), Урываев (Коломенский завод) и Шварц.

Председательствующий. Есть ли, товарищи, какие-нибудь предложения к составу комиссии? (Голоса: „Утвердить. Включить Скрыпника"). Есть возражения против того, чтобы добавить тов. Скрыпника? Нет. Итак, голосую всю комиссию целиком, включая и тов. Скрыпника. Кто за утверждение комиссии? Кто против? Нет. Состав комиссии утверждается.

Теперь мы можем перейти к дальнейшим занятиям. Есть предложение о перерыве. Со своей стороны, Президиум предлагает следующий ход занятий: сейчас заслушать доклад мандатной комиссии. Доклады по вопросу о налогах, по которым имеются три докладчика, потребуют много времени. У нас осталось, по регламенту, только пол-

тора часа, и потому предлагаю перенести их на завтра. Таким образом, мы сегодня выслушаем доклад мандатной комиссии, закроем заседание, и соберутся комиссии и секции. Завтра, утром, пленум, на котором будут сделаны доклад о налоговой политике и затем доклад по районированию. Завтрашний вечер для отдыха и для собрания делегаций в секциях. В понедельник, утром, доклад по нацвопросу и прения по нему. Этот порядок я ставлю сейчас на голосование. Кто за предложение Президиума? Принимается. Слово для доклада мандатной комиссии имеет тов. Каганович.

Каганович. Мандатная комиссия утвердила 408 решающих мандатов и 417 совещательных. За основу выдачи мандатов были взяты статистические данные партийной переписи, корректированные теми данными, которые получились после переписи в статистическом отделе, а также сведениями, которые нам давали делегаты с мест. Общее количество членов партии, представляемых на партсъезде, 386 000. Здесь надо оговориться, что эта цифра не является цифрой, характеризующей полный состав нашей партии, ибо к нам в мандатную комиссию поступил ряд заявлений от делегатов с мест, которые показывают, что членов партии у них на местах имеется больше. Однако, мандатная комиссия принимала во внимание при выдаче мандатов только те данные и сведения, которые были достаточно обоснованы. Количество выданных решающих мандатов на полные тысячи 332, остальные 76 мандатов выданы на неполные тысячи, что в среднем дает 726 членов на каждый мандат.

Здесь, товарищи, мандатная комиссия делает следующий вывод. К будущему съезду необходимо, чтобы на местах при выборах делегатов на партийный съезд записывались в протоколе точное количество членов партии на то число, когда производятся выборы, а также и списки кандидатов, в том порядке, в каком они выбираются. Это необходимо для того, что когда придется лишать того или другого делегата решающего мандата, чтобы можно было исходить из голосования, бывшего на той конференции, которая выбирала делегатов. Выданные 408 мандатов разделяются по областям и районам следующим образом: промышленные районы, в том числе Москва и Петроград,—118, земледельческий район—78, итого по центральной России—196, Украина—54, Кавказ—26, Юго-Восток — 23, Сибирь — 36, Дальне-Восточная область—6, автономные республики и области—22, Киррес-публика — 13, Туркестан — 15, Бухара и Хива — 3, Красная армия – 14. Здесь, товарищи, я должен оговориться, что, как общее правило, Красная армия выбирает вместе с территориальными партийными организациями. Но ЦК партии сделал исключение для некоторых фронтов и округов, в частности для западного фронта, для Туркфронта, для Северо-Кавказского военного округа и особой кавказской армии.

Совещательных голосов я не буду подробно разделять по районам. Скажу только, что из 417 совещательных голосов 128 голосов принадлежат работникам центра. В том числе 24 националов, т. е. работников с мест, намеченных ЦК партии для участия в национальной

секции съезда. 27 голосов принадлежат Коминтерну, Профинтерну и Коммунистическому Интернационалу молодежи, и 262 делегата принадлежат местным организациям, в том числе и представителям губернских контрольных комиссий. Все утвержденные мандаты в большинстве своем бесспорны. Я не стану здесь затруднять вашего внимания подробным изложением всех отдельных вопросов, какие возникли в процессе обсуждения в мандатной комиссии. Остановлюсь только на 2-х вопросах, которые требуют особого освещения, которые требуют вашего утверждения. Прежде всего об Енисейской губернии. В Енисейской губернии делегаты были избраны на конференцию в ноябре. ЦК партии дал телеграмму всем губерниям, что на партийный съезд можно выбирать делегатов только лишь тогда, когда будет объявлен порядок дня партийного съезда. Все выбранные вне этого порядка будут лишены решающего голоса. Несмотря на это, в Енисейской губернии делегаты были избраны, и к моменту партийного съезда как-раз все эти делегаты уже оказались не работающими в Енисейской губернии. Пленум губкома, собравшись, выбрал других делегатов на съезд, но мандатная комиссия и этим делегатам не могла предоставить решающего голоса, так как необходимо, чтобы делегаты были выбираемы на партийной конференции. Поэтому мы дали им только совещательные голоса. Затем об Якутской области. Здесь мы им сделали исключение. В Якутской области делегаты были выбраны на пленуме губернского партийного комитета, но, принимая во внимание, что в Якуте все коммунисты вооружены и ведут борьбу с белогвардейцами, мы сочли возможным сделать Якутской области исключение и предоставить делегатам решающий голос.

Перейду к краткой характеристике состава нашего партийного съезда.

Чтобы не загромождать вашего внимания большим количеством цифр, не стану подробно характеризовать совещательные голоса. Наши данные будут приложены к протоколу съезда, и все желающие могут с ними ознакомиться. Сейчас остановлюсь только на решающих голосах.

Прежде всего возрастный состав. Здесь надо отметить, что партийный съезд вырос не только политически, как отмечали докладчики, но он вырос и по возрасту, если сравнить с предыдущими съездами, начиная с X (а я должен предупредить, что все сравнения я буду делать, начиная с X съезда, как с переломного периода). На X съезде в возрасте от 20 до 29 лет присутствовало 53,5%, на XI съезде — 36,6%, а на XII — 34,6%. В возрасте от 30 до 39 лет: на X съезде — 39,6%, на XI — 49,8%, на XII—52,9%. В возрасте от 40 до 49 лет: на X съезде — 6,6%, на XI — 11,1%, на XII — 10,5%.

По образованию наибольший процент делегатов с низшим образованием — 49,7%. Некоторый рост замечается со средним образованием: на X съезде — 25,7%, на XI — 28,5%, на XII — 29,4%.

По национальностям партийный съезд делится так: в первую очередь идут русские—60,8%, затем евреи—11,3%, латыши и эстонцы—

7,1%, украинцы — 4,7%, грузины — 2,7%, армяне — 2,4%, белоруссы — 1,2%, киргизы — 1,7%, татары — 1% и прочих — 7.1. В „прочие“ входят единичные товарищи различных национальностей. Затем надо отметить крайне нежелательное и неотрадное явление, — это то, что на нашем съезде присутствует ничтожное количество женщин. Начиная с X съезда, этот процент неуклонно падает. На X съезде женщин с решающими голосами было 2,8%, на XI — 1,7%, на XII — 1%. Всего 4 женщины с решающим голосом на партийном съезде, и то, товарищи, эти женщины делегированы Москвой и Питером, и одна женщина от Кавказа; все остальные районы ни одной женщины не послали.

Отсюда надо будет сделать соответствующие выводы. У нас, в партии, имеется около 30 000 женщин, если даже считать то, что „по закону полагается“, то и то должно быть 30 женщин у нас на партийном съезде. Теперь, товарищи, я перейду к двум основным моментам, которые бросают наиболее яркий свет на характеристику состава нашего съезда. Прежде всего о социальном составе нашего съезда. Здесь мы наблюдаем весьма отрадное явление, начиная с X партийного съезда. Если на X партийном съезде, т. е. до чистки, присутствовало рабочих всего 37,2% на XI съезде этот % возрастает до 47,9, а на XII съезде мы уже имеем 53% рабочих. (Аплодисменты.) В то же время мы имеем обратный процесс: количество служащих и крестьян неуклонно падает по сравнению с прошлыми съездами. На X съезде служащих было 35,8%, на XI съезде — 45%, а на XII съезде — только 29,7%. Крестьян на X съезде было 3% на XI съезде — 7,1%, а на XII съезде — 1,9% Графа „прочих“ имеет 15,4%. В эти „прочие“ входят учащиеся, которые до революции не имели никакой профессии, главным образом, молодежь и затем профессионалы революционеры. И здесь, товарищи, относительно профессионалов и революционеров надо также отметить, что на X съезде последних было всего 2%, а на XII съезде мы имеем 7,2%. По выполняемой работе в настоящий момент мы имеем громаднейший рост работников на партийной работе. На настоящем съезде 55,1% делегатов ведут исключительно партийную работу; работающих в советских учреждениях 15,9%, профессиональных органах — 4,2%, в Красной армии — 8,6% по совместительству в той и другой работе — 28,8% (Голоса с мест: „А хозяйственники?“). Хозяйственники входят в графу советских работников, т. е. 15,9%. Затем остановлюсь на партийном стаже нашего партийного съезда. Прежде всего надо отметить уменьшение количества выходцев из других партий. Так, например, на X съезде мы имели выходцев из других партий 24,6%, на XI съезде — 16,7%, а на XII — 14,7%. Это, товарищи, показывает, что у нас в партии идет отбор лучших элементов из выходцев из других партий. В составе этих выходцев главное место занимают бывшие меньшевики — 55%, затем идут бывшие эсеры — 28,3%, бывш. бундовцы — 10%, и т. д.

Что касается партийного стажа делегатов партийного съезда вообще, то здесь мы имеем небывалое ни на одном съезде с момента Октябрьской революции явление, — это резкое увеличение числа под-

польщиков, коренных большевиков. Если мы сравним с предыдущим съездом, то получим следующую картину: на X съезде процент подпольщиков был 35,4%, на XI съезде — 48,2%, на XII мы имеем 59,2%, т.-е. около 60 проц. коренных подпольщиков-большевиков. Со стажем до Октябрьской революции на съезде 20,9%. Таким образом, на нашем съезде присутствует 80,1% делегатов со стажем до Октябрьской революции. Вкратце я еще остановлюсь на характеристике партстажа и социального положения по районам. Промышленный район, в том числе Москва и Петроград, дает наибольший процент рабочих и подпольщиков. Здесь мы имеем 123 рабочих, т.-е. 61%, а подпольщиков 75,4%. Земледельческий район: рабочих 65,4%, подпольщиков — 62,8%; Украина: рабочих — 51,1%, подпольщиков — 70,4%; Сибирь: рабочих — 33,3%, подпольщиков — 44,4%; Кавказ: рабочих — 23%, подпольщиков — 42%; Юго-Восток: рабочих — 47%, подпольщиков — 34%; Туркестан: рабочих — 33%, подпольщиков — 13%. Стаж самих подпольщиков разделяется следующим образом: до 1905 года мы имеем 16,2%, с 1905 г. по 1907 — 18,9%, с 1908 по 1916 — 24,1%. Вот, тт., в основном характеристика наших партсъездов. Я не буду подробно останавливаться на причинах той весьма отрадной эволюции, которую наша партия сделала с X съезда партии. Я в заключение хочу только сказать, что эти цифры являются наиболее ярким и красноречивым ответом критикам, которые говорят о том, что в нашей партии уменьшается пролетарское влияние. Эти цифры показывают, что молодежь нашей партии сплачивается и объединяется тесно вокруг старых коренных большевиков. Это есть лучший залог того, что единодушие, которое наблюдается на этом съезде, будет закреплено и в будущем. (Аплодисменты).

Каменев. Голосую утверждение доклада мандатной комиссии. Кто за утверждение? Кто против? Нет. Доклад утверждается. Оглашаю заявление.

В Президиум XII съезда РКП (большевиков).

Заявление т. Ворошилова.

В докладе XII съезду тов. Сталин сослался на разговор со мной по поводу сокращений, произведенных в Промбюро Юго-Востока. Общий смысл нашего разговора тов. Сталин передал верно; что же касается цифр и названных т. Сталиным лиц, то здесь произошло досадное недоразумение, не вполне отвечающее действительному положению дела.

Ворошилов.

Объявляю заседание закрытым.

Заседание одиннадцатое.

(*22 апреля 1923 года, дневное*).

Рудзутак (председательствующий). Объявляю заседание открытым. В порядке дня сегодня вопрос о налоговой политике в деревне. Слово для доклада имеет тов. Каменев. (Аплодисменты).

Каменев. Товарищи, вопрос о налоговой политике в деревне непосредственно связан, как всем вам понятно, с вопросом о взаимоотношении пролетариата и крестьянства в советской стране. Вопрос этот представляет собою основной вопрос пролетарской диктатуры в нынешнее время. Поэтому совершенно естественно, что съезд уже неоднократно, почти во всех заслушанных докладах и прениях, подходил к нему с разных сторон. Моя задача будет заключаться лишь в том, чтобы систематизировать взгляды партии на этот вопрос и перед лицом съезда, а также перед лицом всего крестьянства изложить те политические и социально-экономические основания, которые привели партию к необходимости ряда мер, направленных к улучшению положения крестьянства. Вслед за тем тов. Сокольников изложит эти меры, а также оценит их с точки зрения как крестьянского хозяйства в отдельности, так и всей экономики нашей страны.

При обсуждении любых мер нашей политики мы обладаем оружием, которым не обладает ни одна другая партия. Наше оружие— научный анализ экономической действительности, и из этого анализа мы исходим. Поэтому раньше, чем подойти к практическим мерам, направленным к урегулированию отношений между классами, существующими в Советской России, мы, естественно, должны отдать себе отчет: есть ли классы в Советской России, и каково взаимоотношение между этими классами?

Довольно часто можно встретить точку зрения элементарную и примитивную, которая считает, что раз у нас Советская республика, то классы уже уничтожены, и вопрос о взаимоотношении классов снят с очереди. Эта точка зрения, конечно, неверна, и в основу всякого практического мероприятия, в основу любой меры мы должны, по-моему, положить, казалось бы, очень элементарную и простую истину, высказанную не кем иным, как Владимиром Ильичем, которая, однако, представляет ключ к пониманию нашей действительности и политики Советской власти.

В своей предпоследней статье 23 января 1923 г. Владимир Ильич писал: „В нашей Советской республике социальный строй основан на сотрудничестве двух классов—рабочих и крестьян, к которому теперь допущена на известных условиях и новая буржуазия“. Я особенно обращаю внимание, товарищи, на это слово „сотрудничество“. Было бы глубочайшей ошибкой думать, что „сотрудничество“,—слово употребленное здесь Владимиром Ильичем,—между рабочими и крестьянами началось только теперь, только с момента НЭП'а или хотя бы с 1917 г. Тот не знает истории большевистской партии, кто не отдает себе отчета, что идея сотрудничества между пролетариатом и революционным крестьянством есть основная, конститутивная, начальная идея большевизма. С 1905 г. идея сотрудничества рабочих и крестьян является отличным признаком для большевизма. И мы ничего не поймем в политической борьбе в России, и в борьбе различных групп, в борьбе между меньшевиками и большевиками, если не усвоим себе, что в продолжение 20 лет с момента начала революционной эпохи, с 1903 - 1904 гг. и до нынешнего дня, различие между нами и всеми другими так-наз. „социалистическими“ партиями, во главе с меньшевиками, заключалось в том, что мы с самого начала твердим: „Русская революция победит, как результат сотрудничества рабочих и крестьян“, в то время как основная формула меньшевизма, насчитывающая уже 20 лет, говорит: „надо пролетарию итти вместе с буржуазией, ибо, оценивали они, крестьянство представляет собой экономически отсталую формацию, не способную к созданию широкой базы для широкого развития промышленности, на которой только и может базироваться диктатура пролетариата“. Возьмите такого умнейшего противника большевизма, как покойник Плеханов, и спросите: в чем заключалась его основная ошибка, которая тем самым подтверждает правильность большевизма? Разве он был плохим марксистом? Нет. Мы с вами затрачиваем народные деньги на то, чтобы систематически издавать его сочинения, чтобы по ним молодое поколение пролетариев училось марксизму. Он был прекрасным марксистом. Был ли он революционером? Он был революционером. Если революционером считать того, кто понимает, что в классовом обществе революционное насилие есть необходимый элемент рождения нового социалистического строя, кто не отступает перед этим классовым насилием, кто не предается мещанским иллюзиям,—тот революционер. Плеханов был революционером. А в то же время он попал в такое положение, что оказался не пособником пролетариата, а противником его в самый важный момент развития пролетарской революции. Почему? Он не понял, он не ощутил, он не представлял себе той связи между пролетариатом и крестьянством, той роли, которую в русской революции суждено было играть крестьянству. И рядом с ним и против него стоит действительно гениальный вождь, который к учению Плеханова, к марксизму Плеханова, к революционизму Плеханова прибавил великолепную чуткость, великолепное понимание роли этого крестьянства, прекрасное проникновение в

массовую психологию крестьянства, прибавил понимание того, что без крестьянства, если пролетариат не сумеет наладить и поддерживать известные отношения с крестьянством, революции русской не быть, а если она и будет, то при нарушении этих отношений она погибнет. Таким образом, сотрудничество пролетариата и крестьянства есть действительно основная черта большевизма, как революционного течения в продолжение 20 лет. Тем же, кто с легким сердцем говорит нам о крестьянском уклоне в наших рядах, или кто не дооценивает роли крестьянства, мы посоветуем только одно: перечитать историю нашей партии.

Владимир Ильич говорит: социальный строй, в котором мы живем, социальный строй, который необходимо удержать, социальный строй, который позволит нам продержаться до нового взрыва революционного движения на Западе и Востоке, есть сотрудничество рабочих и крестьян.

Формы и содержание этого сотрудничества, политические формы и экономическое содержание его все время в ходе революции меняются. И тактический гений тов. Ленина, который позволил ему придать нашей партии силу, который дал нам возможность держаться все это время и дает нам возможность твердо рассчитывать, что враги не дождутся того момента, когда они могли бы обрадоваться нашей гибели,— этот тактический гений Ленина заключается в том, что он понимал изменение формы и содержания союза рабочих и крестьян, в каждый нужный момент сигнализировал любую опасность, которая шла оттуда, и умел менять и формы, и содержание этого сотрудничества. Я, товарищи, не буду пересматривать всей истории изменения взаимоотношений между рабочими и крестьянами и изменений самых форм этого сотрудничества. Я возьму только тот момент, с которого датирует Октябрьская революция.

Это сотрудничество тогда имело форму определенного договора между рабочими и крестьянами, и когда я говорю „договор“, то это не нужно понимать в том смысле, как это понимается в буржуазных странах, когда представители различных партий, сидя за столом, создают пункты договора между различными группами. Нет, наш договор создавался в самом развитии революционной жизни. Первый договор, который мы заключили с крестьянством, как партия, был наш закон о земле. И так как теперь эта политика снова подвергается сомнению, так как крестьянство в связи с тяжелым положением, в котором находится наша партия, смотрит и на этот съезд, и на всю нашу партию с одним вопросом, а будет ли продолжена та политика по отношению к крестьянству, представителем которой для всей массы крестьянства являлся тов. Ленин, то, мне кажется, не грех уделить несколько минут на анализ того первого победоносного договора, которому жизнью уже подведена черта, который мы можем проверить по его итогам. Этот первый договор и был закон о земле, заключенный 25 октября 1917 года. Закон о земле был усвоением нашей партией не той программы аграрного переворота, которая была записана в наших

книжках и блокнотах, а той аграрной программы революции, которая создана была самим крестьянством в низах. Мы знали, ведь, что эта программа не что иное, как социализация земли, с которой мы теоретически в продолжение десятилетий боролись. Почему бы тогда не притти какому-нибудь критику и не сказать: это что же за уклон такой крестьянский? Как может коммунистическая партия, десятилетиями вырабатывавшая коммунистическую программу по аграрному вопросу, взять программу социализации, сформулированную эсерами? Вы знаете, что господин Чернов после того, как он в продолжение нескольких лет пытался с оружием в руках бороться против нас,—после того, как он, потерпев на этом поле поражение, оказался за границей, воспользовался любимой им свободой печати буржуазной страны для того, чтобы завопить на весь мир: „Ленин украл у меня программу". Это его буквальные слова. Не было ли здесь действительно уклона, не сделали ли мы здесь ошибки? Не было ли здесь великого оппортунизма и крестьянофильства?

Посмотрим на итоги и взвесим их. Это уже такая страница нашей истории, которую можно взвесить целиком. За пять лет программа аграрного переворота осуществлена,—осуществлена в неслыханно тяжелых формах. Прав был Энгельс, когда он 30 лет назад, споря с нашими народниками, говорил: „Замещение полумиллиона помещиков новым крестьянством неизбежно будет самой жестокой страницей русской истории, наполненной мучительными страданиями". Вот эти пять лет и были заполнены этим процессом замещения старых дворян-помещиков новым крестьянством. Итоги подведены, и поэтому мы можем оценить, какую роль сыграл здесь этот первый наш уклон. Для того, чтобы оценить это, лучше всего обратиться к врагам. Нам не приличествует хвалить себя, но мы никогда не отказываемся слушать оценку нашего дела со стороны врагов.

Вот статья Бунакова, видного эсера, человека, который наполняет буквально все заграничные органы статьями о земле и об аграрной реформе. Мы читаем его статью, которую он, видимо, писал специально для съезда недели две назад в заграничной берлинской газете „Дни": „Советская власть в вопросах земли обычно действовала оппортунистически. Если в других областях она ломала жизнь в угоду доктрине, в вопросах земли она предпочитала итти за стихией".

Оттого-то крестьяне охотно принимают ту форму владения, которая фактически утвердилась в жизни и возведена в норму принятым ВЦИК земельным кодексом. И вся статья в дальнейшем подтверждает, что то, что мы закрепили в своем земельном кодексе, как итог пятилетней аграрной революции, как величайшее завоевание этой революции, вполне соответствует жизни, отражает действительные стремления крестьянства и, таким образом, укрепляет, как на основном фундаменте, на фундаменте доверия крестьянства, Советскую власть. Еще несколько слов оттуда же: „Не останется ли земельный кодекс мертвым законом? - спрашивает Бунаков и говорит:—В земельном коде-

ксе много недостатков и неясностей". Это и мы признаем. Конечно, в этом законе много неясностей и недостатков, которые мы будем исправлять. „Но. —заметьте: пишет эсер, наш отъявленный враг, – в своих основах он разумен, он (кодекс) жизненен, он создан под давлением жизни и оформляет то, что жизнью уже осуществляется".

Действительно, со сжатыми зубами этот заядлый наш враг должен был написать в контр-революционной газете эти свои слова: „Большевистская власть провела аграрную революцию, закрепила в твердую законодательную форму то, что сделано революцией, оттого крестьяне охотно принимают ту форму владения, которая фактически утвердилась в жизни и возведена в норму „земельным кодексом". И дальше: „Не останется ли земельный кодекс мертвым законом? Об этом судить трудно. Но в своих основаниях он разумен и жизненен. В нем не чувствуется духа мертвящей большевистской догматики. Он создан под давлением жизни и оформляет лишь то, что жизнью уже осуществляется".

Теперь послушаем, что говорит милюковец относительно этого вопроса и о результатах нашей аграрной революции. Опять-таки он толкует о том громадной важности акте, который называется земельным кодексом. Этот милюковец—человек, который достаточно внимателен к развивающимся процессам жизни, чтобы понять, что с прежними лозунгами к нам, в Россию, не сунешься, он рисует положение таким образом: „Какие же последствия будет иметь новый земельный кодекс для Советской власти в том случае, если он не останется на бумаге, а будет проводиться в жизнь? Первым и непосредственным результатом проведения в жизнь нового земельного кодекса будет создание независимого и обеспеченного землей крестьянского класса, который будет обладать на прочных основаниях землей, за ним закрепленной". На суконном языке, языке профессорских лекций, рассчитанном на буржуазных сынков, излагает он здесь величайшие события мировой истории и признает, что: „То значение, которое крестьянский класс и сейчас имеет в Советской России,—ибо советские олигархи уже и сейчас весьма считаются с интересами и требованиями крестьянства,—еще более увеличится". Это признание врага. Вот второй враг, который свидетельствует о том, правилен ли был тот уклон „оппортунизма", – так они его называют,—который выразился в такой форме, что в результате дал возможность Чернову сказать: „Ленин украл мою программу".

Пойдем дальше, возьмем монархиста, человека, который пишет в органе „Крестьянская Россия", и который всю свою политику зиждет на расколе между крестьянством и рабочим классом, ибо раскол между рабочими и крестьянами в практической, экономической действительности есть та единственная надежда, на которой строят свои утопические мечты все наши противники, имеющие еще хоть грамм ума (а мы должны говорить не о дураках, а о тех крупицах разума, которые имеются в противоположном нам лагере). Вот что пишет профессор Кизеветтер, виднейший русский историк, в этом журнале, для

издания которого они пользуются деньгами не крестьянскими, а деньгами заграничных банкиров.

Этот историк пишет:

„Впоследствии, при свете исторического анализа. все, что ныне усиленно выдвигается за основную сущность переживаемого Россией переворота, окажется не более, как поверхностной пеной событий, и, наоборот, то, что теперь представляется побочным придатком совершившегося переворота, впоследствии будет признано его основным двигательным нервом и его единственным прочным результатом. Коммунизм в оправе „НЭП'а"—это пена. Округление земельного фонда деревни это центральный факт переживаемого пароксизма. Пена отшипит и исчезнет".

Конечно, мы не можем требовать от нашего врага, чтобы он признал, что коммунизм есть основное, и не для того я цитирую, чтобы узнать мнение Кизеветтера о коммунизме (там нечему учиться и нечего узнавать), но интересно, что думает этот бывший либерал, член кадетской партии, о нашем аграрном уклоне, сделанном в 1917 году, как он оценивает то, что сделано. Он говорит (конечно, на профессорском языке, который не воспринимает ни одного революционного выражения): „округление земельного фонда деревни есть основной факт переживаемой нами революции". Вот эти факты, отзывы наших врагов, говорят, что первый договор, заключенный Владимиром Ильичем в речи 25 октября 1917 г., выполнен; ему подведены итоги не только в реальной жизни наших деревень и сел, в нашей экономике, но он оценен и нашими врагами в таких выражениях и формулах, которые не оставляют никакого сомнения, что даже через их предрассудки, через их узость, через их меднолобость в их головах появляется правильная оценка сделанного нами в области крестьянской. Тут вопрос решен,—к крестьянину не сунешься. Оставьте ваши надежды, господа контр-революционеры,—вот что они сами говорят себе в тех цитатах, которые я привел.

Какова была наша политика в тот момент? Как оправдывали мы этот компромисс, это принятие социализации, этот „уклон"? Вот что говорит Ленин, и я цитирую это, потому что эти слова представляют ключ ко всей нашей политике в крестьянском вопросе с первых дней Октябрьской революции в дальнейшем. Обосновывая декрет о земле 25 октября 1917 года, Ленин говорит (вы найдете эту речь в XV томе его сочинений):

„Здесь раздаются голоса, что самый декрет и наказ составлен С.-Р. Пусть так. Не все ли равно, кем он составлен, но мы не можем обойти постановление народных низов, **хотя бы мы с ними были не согласны**. В огне жизни, применяя его на практике, проводя его на местах, крестьяне сами поймут, где правда... Жизнь заставит нас, рабочих и крестьян, сблизиться в общем потоке революционного творчества. . Мы должны следовать за жизнью, мы должны предоставить полную свободу творчества народным массам".

Это было выражение от имени партии, взявшей в этот час власть,

величайшего доверия к революционному творчеству крестьянских масс. Чем ответило на это крестьянство? Выражением величайшего доверия то у рабочему классу, который в этот момент захватил власть. Вот каков был тот „оппортунизм", о котором говорит Бунаков. Вот то отсутствие „мертвящей схоластики и догматики", о котором он теперь сообразил. Если бы мы проявили те черты, которые хотели бы видеть господа Кизеветтеры, Бунаковы и др., если бы мы проявили „мертвящую схоластику и догматику", мы не дожили бы до того момента, когда мы с полным удовлетворением можем читать вражескую оценку революционной работы нашей партии.

Таково было, товарищи, политическое и экономическое содержание первого нашего договора.

Наш второй договор—продналог.

Я перехожу теперь ко второму договору, на основании которого мы живем, для того чтобы его оценить и спросить съезд: можем ли мы сделать, и должны ли мы сделать следующий шаг? В чем же второй договор между нами и крестьянством? Мы знаем, что этот договор называется продналогом. Он нигде не записан, нет таких юридических актов под которыми стояли бы подписи, но по существу продналог, пришедший на место продразверстки, есть установление экономических отношений с крестьянством, на которых зиждется диктатура пролетариата в данный момент. Да, товарищи, мы должны отдать себе полный отчет в разрешении загадки экономического основания нашей диктатуры. Конечно, диктатура пролетариата сильна и крепка, когда экономическим фундаментом ее является преобладающая роль крупной машинной индустрии в экономике страны. Но мы никак не можем сказать, что эта крупная машинная индустрия и есть в данный момент экономический базис диктатуры пролетариата. Самое опасное в политике принимать то, что нам желательно, то, к чему мы стремимся, то что осуществляться будет завтра за то, что уже есть. Да, мы посвящаем все силы тому, чтобы создать эту железобетонную основу диктатуры пролетариата, в виде крупной машинной индустрии. Сейчас же эта основа не в диктатуре промышленности, а в союзе пролетариата с крестьянством, в том, что пролетариат руководит крестьянством. Что же такое с этой точки зрения второй договор с крестьянством?

Что же такое то, что мы называем НЭП, новая экономическая политика? Глубоко ошибочно, тт., когда думают, что НЭП есть соглашение или договор с буржуазией. Когда мы ходим по улицам Москвы или Петрограда и видим эти шикарные магазины, шикарные кабаки, видим порнографическую литературу и все те отвратительные явления, которые можно наблюдать на улицах больших городов, то, естественно, возникает мысль: вот кому мы сделали уступку!.. Нет, тт., это не так! Я все это называл уже пеной. Да, все это,—шикарные магазины, кабаки и пр., и пр.,—все это только пена на сути дела, которая заключается в том, что нов. эконом. политика есть соглашение не с буржуазией, а с крестьянством. Эта мелкобуржуазная стихия крестьянства,

конечно, может в ходе истории породить из себя и крупный капитал, но мы сделали бы глубочайшую политическую ошибку, если бы не умели провести разницы между крестьянством и буржуазией. Новая экономическая политика состоит не в том, чтобы мы усвоили приемы рынка, буржуазное счетоводство и рыночную конкуренцию, а в том, что мы создали этот рынок, в том, что на этом рынке сейчас при всей нашей бедности, при нашей нищете обращаются сотни миллионов пудов крестьянского хлеба. Вот в чем НЭП. Все эти кабаки, магазины, аренда.—все это есть только последствие этого основного факта. Мы дали возможность сотням миллионов пудов крестьянского хлеба вращаться на рынке,—вот в чем основа. И, конечно, из этого нужно делать соответствующие выводы. Опасность не от этой цены, не от этих шикарных магазинов, не от того, что идеологи НЭП'а, различные профессора, той или другой статьей развращают ту или другую часть населения. Опасность не в этом,—опасность в том, что из мелкобуржуазной крестьянской стихии развиваются и могут развиться просто буржуазные отношения. На эту опасность с первого момента заключения нового договора с крестьянством указывал т. Ленин. И теперь мы должны совершенно ясно глядеть в глаза этой опасности. Эту опасность тов. Ленин подтвердил и в своей последней статье. Немедленно после тех слов, в которых он говорил о сотрудничестве двух классов, он писал: „если возникнут серьезные классовые разногласия между этими классами (помните, тт., не закрывайте глаза на то, что особенно подчеркивает тов. Ленин: могут возникнуть серьезные классовые разногласия), тогда раскол будет неизбежен". „Но,—продолжает тов. Ленин,—в нашем социальном строе не заложены с необходимостью основания для такого раскола. В последнем счете судьба нашей Республики будет зависеть от того, пойдет ли крестьянская масса с рабочим классом, сохраняя верность союзу с ним, или она даст „нэпманам", т.-е. новой буржуазии, разъединить себя с рабочими, расколоть себя с ними. Чем яснее мы будем видеть перед собою этот двоякий исход тем скорее мы избегнем опасностей нового капитализма".

Наша партия, как активная сила, должна, следовательно, вмешаться в выбор этих двух путей, которые возможны, теоретическая возможность которых коренится в экономике, вмешаться, как активная сила, и направить этот процесс по определенному пути, по пути укрепления союза с крестьянством. И поэтому всякая мера, будет ли это мелкая мера изменения строения волисполкомов или уисполкомов, будет ли это вопрос продналога, будут ли это цифры и ставки этого продналога, его распределение, его формы и т. д.,—все эти вопросы мы должны оценивать с точки зрения того, по какому из двух указанных тов. Лениным путей эта реформа может толкнуть экономическое развитие России,—следовательно, в какой мере она может укрепить основы пролетарской диктатуры в России.

Что было бы, если бы действительно мы пришли к тому выводу, что развивающаяся экономика деревни обращается неизбежно против нас, что растущие элементы мелкой промышленности, кустарничества,

ремесленничества неизбежной силой экономической необходимости обращаются против нас и являются нашими социальными врагами?

Я справился в ЦСУ и мне сказали: в 20 г. кустарничество деревенское обнимало 800 тысяч человек, а в 22—23 гг.—1 миллион 700 тысяч. Заметьте, это—рост, который выражает рост рынка, товарных отношений в деревне, и если этот рост идет таким гигантским темпом (а он будет итти и дальше, если мы будем богатеть, а крестьянин будет обречен не на усиление бедности, а на увеличение подъема своего благосостояния), если вся наша страна представит из себя расширяющийся рынок, то этот прогресс, за два года от 800 тыс. достигший до 1 милл. 700 тыс., будет итти еще скорее. Если это был бы рост наших врагов, социальных и экономических,—а вы знаете, что идея и политика приходят после экономики,—если это социально и экономически наш враг, тогда надо сказать, что наше дело более или менее безнадежно. Вл. Ил. совершенно правильно пишет: „есть двоякий путь, но нет в нашем социальном строе оснований для раскола". Действительно, этих оснований для раскола нет. Наш социальный враг—скупщик, ростовщик, тот, который развивающийся крестьянский промысел объединяет и сплачивает в определенную социальную силу. И тут перед нами встает вопрос, как построить налог таким образом, чтобы ударить не по тому кустарю и ремесленнику, развитие производства которого есть ныне прямой вклад в усиление мощи пролетариата (так складывается диалектика истории), а чтобы этот налог ударил по тому, кто этого поднимающегося кустаря закабаляет, как эксплоататор, с помощью ростовщического или торгового капитала.

Но если прав Владимир Ильич в том, что нет оснований в нашем социальном строе для раскола, и что поэтому эти вырастающие из нынешнего состояния противоречия не направляются острием против диктатуры пролетариата, то одно мы должны помнить постоянно: нет оснований для раскола, но есть основания для неизбежных колебаний мелкобуржуазной массы, которая окружает стальной остов нашего государства, пролетариат. Этого мы не должны забывать. Колебания мелкобуржуазной массы есть ее характерный признак. Мы вступаем в такую полосу, когда эти колебания, повороты к нам и от нас будут определять всю политику и экономику нашей страны. Эта масса, растущее крестьянство, будет пробовать нас, она будет допрашивать нас: кто даст ей кредит, кто даст ей возможность экспорта, кто даст ей хорошую цену за хлеб и дешевый гвоздь? И по ответам на эти вопросы эта колеблющаяся мелкобуржуазная масса будет или примыкать к нам, или отходить. Это маятниковое колебание мы должны предвидеть, если хотим остаться реалистами, если не хотим представить себе исторический путь и союз рабочих и крестьян, как прямой тротуар, по которому мы легонечко под-руку с крестьянином пройдем. Это был бы ни на чем не основанный оптимизм. Крестьянская масса в условиях НЭП'а неизбежно должна будет проявлять мелкобуржуазные колебания к пролетарской диктатуре и от нее. Эти колебания продолжатся долго, и в основе их будут лежать и налог, и его

форма, и то, сумеем ли мы организовать крестьянский кредит и дать крестьянскому хлебу выход на внешний рынок, и то, обеспечит ли государство такую цену для крестьянского хлеба, при которой крестьянин не будет разоряться, и то, разовьем ли мы промышленность так, чтобы дать крестьянину дешевый гвоздь, дешевый ситец, и т. д. В эту щель между основным скелетом нашего пролетарского государства и обволакивающей нас экономически мелкобуржуазной массой направляются все наши враги.

Мы, конечно, можем смотреть на это спокойно. Но если мы с удовлетворением читаем о том, как враг признает наши победы на основном аграрном фронте, мы должны также посмотреть, на что же они надеются. А надеются они вот на что. „Крестьянин,—сказал милюковец, которого я цитировал,—хозяйственно все растет, а затем он потребует и изменения общей экономической политики коммунизма в здоровую экономическую, т.-е буржуазную, политику". Вот их надежда! Крестьянин, получивший землю, которого мы освободили от необходимости платить царские налоги, оправившись, подкормившись, не имея войны на своих плечах, скажет: „благоволите изменить вашу коммунистическую политику на „народную" „здоровую", т.-е., как мечтает буржуазная контр-революция, на капиталистическую политику. Вот на чем зиждятся надежды всех наших врагов. Вот почему глава монархизма Струве пишет: „нам нужен крестьянин-собственник".

Тут, товарищи, мы, подходя к вопросу, должны ли сделать следующий шаг в развитии договора между рабочим и крестьянином, как построить налог, чтобы не оправдались предвидения и надежды нашего врага, а укрепился союз, который нам необходим,—мы должны оценить, есть ли признаки уменьшения или увеличения щели между рабочим государством и крестьянином. Мы должны сказать: эта щель в данный момент есть. И самое замечательное то, что в то время, когда мы с вами наблюдали в жизни и практике на местах, как складываются реальные отношения между пролетариатом и крестьянством, и приходили к выводу: тут надо что-то и поскорее сделать, мы должны на это место обратить внимание,—в это самое время тов. Ленин, не знавший и не имевший возможности знать о том, что занимает наши умы, как реально, фактически в деревне складываются отношения, писал: „только тогда мы в состоянии будем пересесть, выражаясь фигурально, с одной лошади на другую, именно с лошади крестьянской, мужицкой, обнищалой, с лошади экономики, рассчитанной на разоренную крестьянскую страну, на лошадь, которую ищет и не может не искать для себя пролетариат,—на лошадь крупной машинной индустрии".

Вот, товарищи, те слова, которые, так же, как абсолютно правильные афоризмы, которые рекомендовал тов. Троцкий прибить над некоторыми советскими учреждениями, должны быть прибиты над воротами всего нашего государства. Мы должны отдать себе отчет, что здесь говорит тов. Ленин, и почему в марте 23 года он заговорил таким языком? Потому, что гениальная чуткость и тактический гений

Владимира Ильича сказали ему: тот договор с крестьянством, который мы в форме продналога заключили два года назад, нуждается в некоторых поправках и дополнениях, направленных к облегчению положения крестьянства, что иначе мы проявим неумение управлять лошадкой, как говорил Владимир Ильич, крестьянской, мужицкой, обнищалой, на которой, товарищи, держится сейчас весь социальный строй России, и от которого мы только ищем ту лошадь, которая нужна пролетариату, лошадь крупной машинной индустрии Это было несомненнейшее предупреждение. И если у нас в партии еще не сознали в достаточной мере, что в области отношений с крестьянством должны быть сделаны кое-какие решительные шаги, то указание Владимира Ильича ярко формулирует это положение. Оно заключается в следующем: помни, пролетарий, о крестьянине, равняйся по крестьянской силе, помни, что всякая цепь измеряется по слабому звену, и что цепь наша, на которой держится все здание Советской России, которая определяет, следовательно, политическое и международное значение величайшей в мире страны, состоит из пролетарского и из крестьянского звена; помни, что самое слабое звено, экономическое, культурное, есть крестьянство; не перетягивай этого звена, как можно чаще прислушивайся к тому, что в этом звене происходит, нет ли там надлома или трещины, или щели, на которой может сорваться вся постройка, щели, в которую с неизбежным упорством будут лезть и меньшевик, и эсер, и сменовеховец, и милюковец, и всякий враг советской диктатуры. Поэтому, товарищи, для нас стала совершенно ясна необходимость сделать следующий шаг. Мы должны облегчить и облегчим участие крестьянства в тех тяготах, которые несет все население страны для поддержания Советской власти, для развития ее промышленности. Почти одновременно с тем, как Владимир Ильич писал вот процитированные сейчас мною строки, в ЦК получилось письмо одного из членов ЦК, тов. Фрунзе. Я его процитирую, как образец десятков заявлений, сотен впечатлений, которые получала наша партия, и как образец великого преимущества нашей партии, которая имеет возможность непосредственно окунаться, так-сказать, в экономическое положение крестьянства и в каждый данный момент сигнализировать всякую опасность, которая есть в этой области. Тов. Фрунзе пишет в январе этого года „Я только-что вернулся из поездки по Иваново Вознесенской губ За время поездки мне пришлось столкнуться с фактом сильного недовольства крестьянства политикой Советской власти Недовольство это выражается в ухудшении отношений к коммунистической партии". Тов Фрунзе делает политический вывод: „очевидно, нами перейдены те грани, которые допустимы политически, и это определенно вызывает опасность ослабления смычки с крестьянством". Я процитировал это письмо потому, что в этом документе есть две стороны чрезвычайно важные. Первая: в нем формулировано то действительное, то реальное положение, в котором сейчас находится вопрос о смычке пролетариата и крестьянства; с другой стороны, потому, что этот документ является документом члена ЦК, который имел возможность просмотреть это на месте.

И вот перед этим вопросом, перед этим письмом, которое так замечательно совпало во времени с тем, что Владимир Ильич продумывал, лежа в постели, с тем, что он писал: „помните о смычке с крестьянством, помните что мы едем на крестьянской заморенной лошадке, и попытка перепрыгнуть на пролетарского рысака, неумение жить с этой крестьянской лошадкой обозначали бы доказательство того, что пролетариат плохой, неумелый, нерасчетливый хозяин". А в это время член ЦК тов. Фрунзе формулировал то, что каждый наш губисполком и уисполком, каждый наш комитетчик чувствовал у себя, и сигнализировал нам эту опасность. Значит, надо нам пересмотреть тот договор, который есть у нас с крестьянством, его улучшить, надо положением крестьянства заняться. Правда, тут возникает вопрос: в какой мере? Можем ли мы значительно облегчить положение крестьянства тем, чтобы снизить ту долю его расходов, которую он несет по поддержанию всего государственного здания?

Вы знаете, товарищи, здесь выходил тов. Ларин и говорил, что нужно поступить наоборот, что надо эту долю увеличить. Как? В каких пределах увеличить? Я не знаю. В книге тов. Ларина „Итоги, пути и выводы новой экономической политики", в которой тов. Троцкому удалось прочесть, как он выразился, счастливую главу, мне удалось прочесть по видимому, несчастную главу, но как-раз ту главу, которая имеет отношение к моей теме ибо глава эта называется: „Обложение деревни и хлебные цены". Я должен сказать, что это не только несчастная глава, но и глава, формулирующая самую крупную из возможных политических ошибок, которую могла бы сделать наша партия весной 1923 года. Мы рассуждаем весной 1923 года, рассуждаем на собрании, каждое решение которого не останется на бумаге, а скажется в каждом крестьянском хозяйстве. О том, что мы с вами решаем, узнает каждый крестьянский ребенок и будет знать: это решение коммунистов, а тот, кто пришел выполнять это решение, выполняет волю коммунистов. И по этому он будет судить о нас: или будет свое ухо подставлять рассуждениям и разговорам эсеров, кулаков, скупщиков, кадетов, или будет гнать их в шею. Вот как стоит реально вопрос, и вот почему я говорю, что непонимание этого было бы крупнейшей политической ошибкой. Послушайте, что пишет тов. Ларин: „Крестьянство не несет на себе почти никакого бремени для возрождения хозяйства страны в целом, а только ограничивается пропорциональным участием в поддержке армии, транспорта и т. п.".

Кому же поверить, товарищу ли Фрунзе, который на месте ухватил политические отношения, и который, сигнализируя нам опасность, говорит: „Очевидно, нами перейдена та грань экономическая, которая допустима политически", или тов. Ларину, который написал вот этакую толстую книгу со счастливыми и несчастными главами и который говорит: „Крестьянство почти не несет на себе никакого бремени"? „Давайте,—говорит он,—увеличим это бремя". Как увеличить? Об этом тов. Ларин рассказывает таким образом: „Предел можно мыслить, как установление пределом крестьянского обложения половины той

относительной величины, какая существовала до революции, т.-е. 20 проц. от продукции вместо довоенных 40 проц. То и другое вместе способно было бы дать государству добавочных около 200 миллионов золотых довоенных рублей в год".

Я должен сказать, что эта фраза, эти расчеты очень неясны.

Сколько действительно предложил тов. Ларин взять с крестьян для улучшения нашего договора с крестьянством, — мне неясно. Я пытался вчера интервьюировать тов. Ларина, чтобы он пояснил эту цифру. К сожалению, ясности я не получил. Но это, мне кажется, звучит ясно: „то и другое вместе должно дать государству добавочных около 200 миллионов довоенных золотых рублей". Вот и надо выбирать: то ли итти по линии тов. Ленина, который говорит: „помните, что мы едем на обнищалой, разоренной мужицкой лошадке", или тов. Фрунзе, который говорит: „перейдена некая политическая грань," то ли по линии тов. Ларина, который говорит: „по моей цифре выходит, еще 200 миллионов золотых рублей с крестьянства взять было бы совсем не вредно". Да, товарищи, когда мы обсуждали вопрос о размере этого налога, перед нами вопрос стоял совершенно ясно: экономически нам необходимы, конечно, средства, средства необходимы дозарезу, но политически мы должны соразмерить это с подлинной крестьянской силой.

Политбюро, в котором, как известно, заседают „газетчики", было представлено несколько вариантов цифр. Эти варианты простирались от 600 миллионов золотых рублей до 400 миллионов золотых рублей. Каким образом должны были мы подсчитать, сколько мы можем взять с крестьянства? Вот для этого я позволю себе процитировать парочку цифр о доле крестьянства в расходах, которое несет наше государство. Я должен, товарищи, сказать, как и все прочие докладчики, что цифры наши представляют лишь приблизительную картину. Я пользуюсь цифрами Центрального Статистического Управления,—цифрами, представленными мне тов. Поповым, цифрами Завед. Московским Статистическим отделом, цифрами Наркомпрода, Наркомзема и Наркомфина. Между всеми ними есть вариации, но путем сопоставления отдельных цифр и не претендуя на абсолютную точность, можно все-таки получить тут общую картину и ответ на тот вопрос, который нас интересует. Средства Республики в 22 и 23 году общим бюджетом нашим измерялись в $1^1/_2$ миллиарда золотых рублей. Из них от сельского хозяйства мы получили 25 / всех доходов государства. Столько же почти было получено от эмиссии, остальные от промышленности, торговли, транспорта, от прибылей на имущество государственных предприятий и т. д. Прямыми налогами мы взяли с крестьянства 250 миллионов, т.-е. $17^0/_0$ всех государственных доходов было внесено не вообще крестьянством, а только прямыми налогами с крестьянства. Какой бюджет наш будет в 23—24 году? Подсчитывая очень осторожно и сокращая всячески, мы как-будто приходим к выводу, что нам необходимо будет расходовать на все наши нужды в предстоящем бюджетном году до 2 миллиардов золотых рублей. Это есть половина цар-

ского бюджета или даже меньше половины. Если мы предположим, что крестьянство внесет в этот общий наш расход 420 миллионов золотых рублей, то при расходном бюджете в 2 миллиарда это будет обозначать, что крестьянство внесет 21% всех государственных доходов. Итак, в прошлом году 17% и в этом году 21%. Правда, для этого есть достаточные основания, и прежде всего расширение посевов. Расширение посевов в этом году дает, по приблизительному подсчету, 15—16%, и сообразно этому доля крестьянства в несении расходов Советского государства, естественно, должна увеличиться. Если предположить, что действительно крестьянство должно только прямыми налогами,—косвенных мы не считаем—внести, 21% всех государственных доходов, то это обозначает, что крестьянство даст государству в виде налога 10% всей чистой продукции всего сельского хозяйства. Мы поэтому должны обратить внимание и взвесить: способно ли крестьянство это заплатить, не будет ли тут перенапряжения, и каким образом можем мы облегчить это внесение? Конечно, потребности наши громадны. Нам бы немножко деньжонок дать на нефть немного деньжонок на развитие металлургической промышленности не мешало бы дать на транспорт. Надо бы дать и на электрификацию и если мы захотим,—а мы обязательно захотим,—экспортировать хлеб то надо дать порядочную толику денег и на исправление подъездных путей, и на исправление портов, и на приведение в порядок элеваторов, и т. д. На все это нужны деньги. Но тов. Ленин сказал,—об этом я должен предупредить, и крестьянство это будет знать:—„несмотря на всю эту нужду, мы хотим и мы будем равняться по крестьянской силе, и поэтому мы будем рассчитывать так, как должен рассчитывать расчетливый хозяин, которым является пролетариат“. Он должен быть расчетлив, он должен взять с крестьянина так, чтобы крестьянин в следующем году был не беднее, а богаче. Как это сделать? Вот те цифры, которые находятся в моем распоряжении, и которые в общем и целом мне кажутся правильными. Они говорят, что продукция крестьянского хозяйства за вычетом корма, скота и семян даст нам в этом году 4 миллиарда руб. золотом. Это—около 70% всей довоенной продукции сельского хозяйства. Довоенная продукция (без прокорма скота и без семян) давала свыше 6 миллиардов. Теперь сельское хозяйство у нас поднялось до 75% довоенного. До войны,—и это следовало бы вспомнить и запомнить нашим агитаторам среди крестьянства и самому крестьянству,—до войны правительство, купечество и дворянство брали разными видами от крестьянина 20% этой продукции, и если бы мы хотели придерживаться той же нормы, которой придерживался союз помещика, дворянина и купца при обложении крестьянства, то мы должны были бы взять 20% всей продукции, т.-е. 800 милл. руб. золотом. Если же государство возьмет 420 миллионов, то это значит, что мы возьмем от 10 до 12 процентов, а это значит, что мы сравнительно с царским правительством понижаем обложение крестьянства на его продукцию в 2 раза.

Но взглянем с другой стороны. Может ли крестьянство это запла-

тить? Оно заплатит нам 420 милл. зол. руб. в виде прямых налогов. Оно, судя по бюджетным исследованиям, должно будет купить, чтобы просуществовать, всяких товаров и продуктов городской промышленности миллионов не менее, чем на 500. Следовательно, из своей продукции, из того, что крестьянство выработает, оно должно будет отдать около 420 милл. в виде налогов, и более 500 милл. зол. руб. в виде оплаты всякого рода городских товаров, начиная от спичек, керосина, соли и т. д., и т. д. Следовательно, все, что оно должно будет отчудить от своего хозяйства, выражается приблизительно в 1 миллиарде зол. руб., а, вместе с тем, со всего хозяйства оно получит 4 миллиарда золот. руб. и должно будет отдать 1 миллиард руб. для того, чтобы выполнить свою обязанность перед государством и чтобы ввести в свое хозяйство необходимые ему продукты городской промышленности. Вот расчет на следующий год. Ну, а сколько в прошлом году крестьянство смогло отчудить? Сможет ли оно в следующем году взять из своего хозяйства, без его потрясения, без его разрушения этот 1 миллиард зол. руб. В 1921—22 гг., итоги которых подведены, вся платежепокупательная способность крестьянина, т.-е. все те средства, которые он мог выделить из своего хозяйства на уплату налога и приобретение продуктов промышленности, исчислялась в 700 миллионов руб. В этом году мы рассчитываем, что крестьянство должно будет отчудить не 700 милл. зол. руб., а 1 миллиард, т.-е. на 300 мил. зол. рублей больше. И вот политический вопрос: может ли крестьянство, не разрушая своего хозяйства, а поднимая его (потому что, если приостановятся рост сельского хозяйства и увеличение его продукции, это будет означать приостановку роста всех производительных сил нашей страны и продолжение разрушения и разорения), сможет ли оно выдержать добавочную тяжесть в виде отчуждения от хозяйства по сравнению с 21—22 гг. больше на 300 миллионов, т.-е. на $^{1}/_{3}$? Мы считаем, что в связи с развитием посевов, увеличением товарности хозяйства, с увеличением вывоза хлеба за границу, с ростом городов и городского населения (а города у нас растут, и это один из очень важных факторов, характеризующих наше состояние; Москва и Петербург увеличили за последний год свое население от 40 до 50%), и благодаря этому росту городов и сельскохозяйственной продукции покупательные силы крестьянства возрастут настолько, что новый налог, даже при увеличении участия крестьянства в общих расходах нашего государства, будет ему по силам, и крестьянство, уплатив этот налог, станет не беднее, чем оно было в прошлом году, а выйдет из этой кампании с усиленным хозяйством. Мы должны сказать себе и крестьянству: сделать облегчение в сторону того, что скостить прямо то, что крестьянство вносит, мы не можем. Мы с крестьянством не хитрим. Мы крестьянству говорим прямо: мы взялись вместе с тобой в чрезвычайно трудных условиях построить страну без помещиков и капиталистов. Это требует жертв. Жертвы несет рабочий в виде недостаточной оплаты труда, жертвы несет крестьянин в виде продналога, и общую сумму в данный момент в абсолютных

цифрах скостить мы значительно еще не можем. Тогда мы должны, значит, найти другие формы облегчения этого налогового бремени, и нам кажется, что Коммунистическая Партия может эти формы найти и провести в жизнь.

Первое облегчение, которое мы представляем на ваше обсуждение, заключается в том, чтобы натуральный налог, который целиком вносится в натуральной форме, чтобы ему придать, хотя бы частично, денежную форму. Это означает предоставление крестьянину большей возможности, чем до сих пор, распоряжаться продуктами своего труда. И пускай никто не думает, что это чисто-финансовая операция, в ней есть некоторая принципиально важная черта. Переходя в 21 г. от продразверстки к продналогу, мы сказали крестьянину: внеся государственный налог натурой, в остальном ты хозяин. Теперь мы говорим: мы расширяем возможность для крестьянина распоряжаться продуктами своего труда тем, что даем возможность вносить то, что необходимо, в форме денег. Затем эта замена делает то, что мы освобождаем его от дополнительных расходов, которые сопровождали внесение налога в натуральной форме, и даем ему возможность расширить рынок и приспособляться к рынку.

Обращу ваше внимание на несколько очень важных цифр, которые покажут, что переход от натурального к денежному налогу не есть только финансовое мероприятие, а является мероприятием социально-экономическим и политическим. Нам прежде всего надо обратить внимание на технические культуры и посмотреть, как обстоит дело с посевами, которые дают сырье для нашей промышленности. Льна сеялось в 16 г. 1.300.000 десятин, в 22 г.—700.000 десятин; конопли в 16 г. засевалось 584.000 десятин, в 22 г.—173.000 десятин; хлопка в 16 г.—500.000 десятин, в 22 г.—50.000 десятин.

Если обратить внимание на молочное хозяйство, то окажется, что в 16 году крупного рогатого скота было 50.000.000 голов, в 21 г.—38.000.000 голов, в 22 г.—33.000.000 голов. Это надо кончить! Сокращение технических культур, сокращение количества рогатого скота,—следовательно, натурализация крестьянского хозяйства,—снижает это хозяйство от высокого технического уровня к уровню потребительского хозяйства. Это есть такой регресс, такое попятное движение во всей экономической структуре советского строя, которое, если мы хотим победить капитализм,—а мы этого хотим,—должно быть прекращено! И вот, давая возможность крестьянину вносить налог не натурой, а деньгами, мы тем самым даем ему возможность более приспособляться к рынку, переходить к высоким культурам, где для этого есть соответствующие условия. Наконец, переход к денежному налогу создает то, что в деревне появится спрос на нашу советскую деньгу. Теперь крестьянин платит нам хлебом, и поэтому наши советские деньги в такой степени ему не нужны. Выходит так, что мы сами бойкотируем советские деньги.

Нет, ты денег нам не вноси, ты подай нам натурой. Ясное дело, что спрос крестянина на эти деньги понижается, и на рынке денеж-

ный оборот, денежные операции крестьянского хозяйства сокращаются. Крестьянство не поглощает наших денег в той мере, как это нам необходимо. А между тем, крепкая, настоящая советская деньга есть самое главное из того, что требует от нас сейчас крестьянин. Ведь, рубль приходит к крестьянину извне, из города, от власти, и я думаю, что рубль советский является главным агитатором, в плохую или хорошую сторону, для крестьянского хозяйства. Когда крестьянин желает продать свой хлеб, он должен продавать его на рубль, который не представляет средства накопления потому, что курс его через неделю упадет, и крестьянин потерпит на этом убыток. Поэтому крестьянин или должен воздерживаться от продажи, или должен требовать натурального обмена, и, конечно, при таких условиях наш рубль служит агитатором против нас, против города, против власти. А крепкий советский рубль по мере того, как он будет крепнуть, будет главным агитатором в деревне в нашу пользу. Эти синие бумажки, цветные бумажки в смысле политического просвещения деревни дают больше, чем какая бы то ни было специальная книжка по политграмоте. Вот почему, товарищи, этот переход от натурального к денежному налогу, непосредственно облегчая положение крестьянства, имеет другое значение,—значение оздоровления всего нашего народного хозяйства в целом и оздоровление нашего рубля. Создавая для него спрос, он, вместе с тем, и обратно ведет к укреплению устойчивости крестьянского хозяйства. Это хозяйственный круговорот, при котором улучшение крестьянского хозяйства сказывается на улучшении общей экономики страны, а общая экономика страны сказывается на укреплении устойчивости крестьянского хозяйства, т.-е. процесс оздоровления страны должен начаться с крестьянства, и мы должны всеми силами итти по этому пути. Но мы должны помнить, что мы не можем форсировать этого процесса. Было бы глубочайшей ошибкой, если бы, вступая на путь денежной, хозяйственной товаризации, мы задержались на этом пути и захотели победить законы политической экономии. Мы научены революцией, что надо закон познать, чтобы им овладеть. Но, исходя из этого, мы не должны допустить и форсирования перехода от натурального налога к денежному. Крестьянин не может платить нам деньги в той мере, в которой это было бы желательно, потому что этих денег у него нет. Налог есть величайший регулятор народного хозяйства,—это верно, но если бы мы предъявили крестьянству требование заплатить налог в весьма значительной части деньгами, то крестьянство ответило бы на это невозможностью подать нам чистоганом, невозможностью быстро перейти от натуральных форм хозяйства к тем денежным формам, к которым оно, несомненно, переходит. Форсирование здесь было бы так же опасно, как если бы мы задержались слишком долго на натуральном налоге. Здесь нужна та гибкость, которая отличала и в будущем будет отличать Советскую власть. Не форсировать перехода к денежным формам, а дать возможность самого гибкого, самого тонкого подхода к действительному состоянию крестьянского хозяйства по разным районам, сделать налог

не тем, что он сверху приходит и совершает переворот в крестьянской экономике, а сделать налог тем тонким и гибким орудием, которое, повышая техническую культуру хозяйства, повышало бы товаризацию крестьянского хозяйства и в то же самое время пришлось бы по плечу крестьянскому хозяйству,—вот наша задача.

Это—первое облегчение. Второе облегчение, которое мы крестьянину можем дать и должны дать,—это объединение налогов. Тов. Сокольников будет об этом говорить подробно, я же остановлюсь только на общих принципах этого объединения. В замену множественности налогов, при которых три органа теперь ходят к крестьянину за получением их, в замену неожиданности введения отдельных налогов, в замену местного налогового творчества, в замену отрыва сроков внесения налога от сроков накопления денег у крестьянина мы должны ввести единый сельскохозяйственный налог, который даст крестьянину то, чего у него нет, то, что мы требуем от себя, и что мы должны дать крестьянину,—хозяйственный расчет. Заранее в твердой цифре, раз в год пролетарское государство должно предъявить свою потребность крестьянину.

Крестьянин раз в год, с полной гарантией, что среди года его не потревожат, должен знать его обязательство перед государством. Только тогда создается возможность точного хозяйственного расчета у крестьянина. А крестьянин такой человек, что если мы будем мешать его ведению хозяйства, его расчетам в самом процессе его хозяйствования и опрокидывать все эти расчеты среди года, то он этого не потерпит. Этот налог должен быть прямой и прогрессивный. Прогрессивный в том смысле, что при обложении мы учитываем мощь крестьянского хозяйства. Мы облагаем крестьянское хозяйство по его мощи, выдвигая все те объекты,—в виде скота, объема площади, количества едоков и урожайности,—которые дают возможность нам облагать отдельное крестьянское хозяйство по его мощности, и в этом смысле равняться опять-таки по крестьянской силе. Мы не забудем, так как мы хотим быть реальными политиками, так как мы рассуждаем не по алгебраической таблице, а по тем живым материалам крестьянского быта, которые преподносит нам страна,—мы должны дать себе отчет в диференцировании деревни, в разделении ее на более богатых и бедных крестьян. Это разделение в обстановке Нэп'а будет увеличиваться, и поэтому наш налог должен быть построен таким образом, чтобы он справедливо распределял тяжесть налога по крестьянским хозяйствам, справедливо оберегая бедных и в то же время облагая больше высшие группы, но таким образом, чтобы не подорвать личной заинтересованности крестьянина в увеличении производительности его труда. Нужно ли сейчас ставить, как основную задачу, срезать верхушку? Да, мы верхушку капиталистического накопления, даже в деревне, резать будем, но с умом, не забывая при этом, что говорил по этому поводу тов. Ленин: при данном этапе нам надо начать исходить из личной заинтересованности крестьянина в увеличении посева, улучшении культуры и т. д. Резать верхушку при помощи

прогрессивного налога надо, но надо делать это с умом, показать, что мы действительно не забыли ставки на старательного хозяина. Прогрессивный налог будет ограждать и бедняка, ибо он дает возможность всю тяжесть, которая ложится на крестьянина, распределить пропорционально, считаясь с мощью того или иного крестьянина.

И последний вопрос, который относится к этой области,—это вопрос о том, что мы идем в деревню теперь с прямыми налогами, это потребует от нашей партии специального напряжения наших агитаторских сил. Мы должны будем разъяснить крестьянству, что прямые налоги, хотя они и выше тех прямых налогов, которые платило раньше крестьянство, но они по общей сумме гораздо меньше, на $^1/_3$ меньше того, что платило крестьянство при старом строе в виде прямых налогов, косвенных и, главным образом, налогов на водку. Пусть каждый крестьянин знает, что мы на одну душу сельского населения берем прямыми налогами 2 р. 50 к., в то время как один налог на водку, только на водку, только чистая прибыль царя с водки в 1912 г. составляла 2 р. 27 к. Таким образом, вы видите, что пролетарское государство в виде прямых налогов требует от крестьянина для того, чтобы поддержать, укрепить, закрепить крестьянскую землю в крестьянских руках, власть в руках трудящихся, независимость нашей страны, первую победу трудящихся над капиталом,—требует только ту сумму, которую крестьянин отдавал в виде чистой прибыли за водку. Пусть это будет написано в каждом волисполкоме. Чистая прибыль от водки была в 1903 г. 40 милл. зол. руб., а в 1913 г., через 10 лет,—69 милл. зол. руб., т.-е. за 10 лет эта прибыль увеличилась на 75%. Вот в какой прогрессии рос налог, который платило крестьянство царю. Мы должны отдать себе отчет, крестьянин должен уяснить себе, что он платит рабоче-крестьянскому правительству на нужды, на удовлетворение народных потребностей, и что он платил царю. Вот маленькая и, надеюсь, последняя табличка платежей крестьян в 1912 году по 43 губерниям, которые теперь составляют Сов. Россию без Польши и тех губерний, которые отошли к Латвии, Эстонии и т. п.: прямых налогов государственных и местных—145 милл., за водку в виде чистого налога, чистой прибыли платилось до 300 миллионов, плата за купчие и арендованные земли помещикам, банкам и купцам равнялась 340 милл; итого помещику, казне и банку крестьянство платило в 1912 г. по 43 губерниям около 800 милл. руб. Из этого следует, что в 12 г. каждый третий сноп крестьянин отдавал помещику, казне или купцу. Мы не только дали крестьянину землю, но и освободили крестьянство от долгов заграничным капиталистам. Этого нельзя забывать, ибо если бы сейчас осталось крестьянство под властью господ Милюковых или Керенских, то крестьянству только процентов по этим долгам нужно было бы заплатить в 4 раза больше, чем весь продналог, собранный в этом году, или, по некоторым расчетам, по 40 зол. рублей ежегодно на семью. Освободив крестьянство от гнета помещика, от уплаты процентов по этим долгам, от платы за аренду и купчие земли, освободив крестьянство от платы за винную монополию, про-

летарское государство обращается теперь к крестьянству с просьбой, с предложением, которое, в виду того, что в нем выражена воля действительно миллионов трудящихся, превращается в требование—содействовать развитию страны, развитию пролетарско-крестьянского государства со всей той степенью напряжения, которое крестьянство может сделать.

И, наконец, товарищи, третье облегчение, которое должно стать нашей задачей сейчас и должно быть формулировано таким образом: Советское государство должно вновь завоевать (при чем я говорю здесь, конечно, не о войне с оружием в руках) своим давлением, экономическими приемами, давлением своей дипломатии для крестьянского хлеба те иностранные рынки, которые империалистская война у него отняла.

Мы не повезем, конечно, на заграничный рынок тот хлеб, который нужен трудящемуся населению самой страны, но, зная наш рынок, зная, сколько крестьянство может отчуждать на этот рынок, мы приходим к абсолютному убеждению в необходимости для крестьянства вывоза хлеба за границу. Конечно, этот вывоз приемлется нами, как способ оздоровления всего народного хозяйства. Экспорт хлеба есть в данный момент важнейшая задача всего государственного плана. И действительно, взвешивая емкость нашего рынка, зная, что наш город способен потреблять сейчас не более 300 миллионов пудов, зная, что крестьянство должно купить на 500 миллионов золотых руб. всякого рода изделий и фабрикатов города, мы приходим к убеждению, что 200 миллионов пудов, как минимум, должны быть подготовлены к экспорту за границу. И это, как я уже сказал, есть наш основной план. Что это значит в действительности? Это значит купить у отдельных мелких производителей, рассыпанных по всей стране, до 200 миллионов пудов хлеба, сложить их, перевезти, продать с выгодой за границу, на эти деньги купить необходимые продукты для восстановления промышленности и для восстановления сельского хозяйства. Не требует ли это согласованной работы не только НКПрода, но и кооперации, и Хлебопродукта? Не требует ли это прямого участия Госбанка по финансированию этих операций? Не требует ли это приспособления всех наших железных дорог к выполнению этой задачи? Не требует ли это определенной работы в портах, в элеваторах и т. д.? Не есть ли это тот план, в котором все, начиная с мелкой кооперативной ячейки в деревне и кончая Государственным банком, железнодорожным ведомством и всеми другими центральными учреждениями, связывается в единый план, который должен действовать, как часовой механизм, для того, чтобы крестьянство знало, что государство рабочих и крестьян, не допуская скупщиков, не допуская ростовщика, само является приказчиком крестьянской многомиллионной массы,—приказчиком, который верой и правдой служит экономическим интересам крестьянства, с наибольшей выгодой для него, с наименьшим расходом продает его хлеб? Если мы этот план выполним и в этом году покажем, что мы в деле продажи крестьянского хлеба являемся точным механизмом и

покорным слугой крестьянства, и что крестьянству нет необходимости обращаться к частному посреднику, что нет необходимости давить на нас, чтобы мы разрешили в отдельности каждой группе выскакивать из монополии внешней торговли со своим кулем хлеба, — тогда действительно крестьянство поймет, что эта власть умеет хозяйствовать, что она не только говорит о союзе рабочих и крестьян в речах и прокламациях, но и умеет в экономике, в копейке, в рубле осуществить этот союз. Крестьянину, как говорит тов. Ленин, мы должны доказать, что умеем хозяйствовать. И вот попробуем выполнить этот план, покажем на этом, что мы действительно умеем это сделать. Велик ли этот план? Нет. Тов. Цюрупа, наблюдающий за ходом нашего экспорта, радует нас телеграммами, которые сообщают нам, что дело вывоза хлеба, которое мы начали только 3—4 месяца назад (не зная и не предполагая, что придется обратиться к этому средству в начале сельскохозяйственной кампании прошлого года), ежедневно растет.

Последняя цифра говорит о 22 миллионах вывезенного хлеба. Это есть наше завоевание, и это завоевание имеет не только внутреннее значение, — оно имеет значение в мировой политике. Тов. Зиновьев уже упоминал о договоре с Германией, который дает возможность для нас $^1/_3$ всего экспорта считать заранее запроданной германскому правительству. Это обозначает действительно реальную смычку наших отсталых аграрных отношений с индустриальной Германией. Это есть прообраз тех отношений, которые установятся между рабочими и крестьянами России и рабочим классом более нас развитой в индустриальном отношении Германии, которые, конечно, окончательную форму получат тогда, когда и там будет стоять рабочий класс во главе государства. Благодаря этому, наше крестьянство становится более способным производить продукты хозяйства. Мы ввезем из Германии не продукты потребления, что делал бы частный посредник, мы, как государственный монополист, вывозим хлеб, ввозя оттуда продукты, которые необходимы для развития тяжелой машинной индустрии и для развития сельского хозяйства. И, позвольте мне на этом примере показать еще разочек, на минутку прикоснуться еще раз к вопросу, что такое в действительности наш „государственный капитализм". Если мы хотим 200 миллионов пудов хлеба в отдельных мелких крестьянских хозяйствах собрать, если мы этот хлеб покупаем, если затем мы его перевозим, продаем за границей, ввозя сюда и возвращая крестьянству на началах кредита часть того, что было получено в виде прибыли, то это есть основные элементы капиталистической сделки. В основе лежит продажа и покупка, и она должна быть выгодна. Но так как это делаем мы, так как монополия внешней торговли делает нас единственными осуществителями этого плана, то это и есть государственный капитализм. Собрать с мелких хозяйств двести миллионов пудов, сделать из них блок и этот блок хлебный направить против капитала, против капиталистического производства, против посредника, превратить его в орудие обогащения не отдельного человека, а в орудие обогащения и подъема всей страны, и прежде всего крупной индустрии, и так, как

это делаем мы, государство пролетарское,—то это и есть тот самый, чрезвычайно своеобразный государственный капитализм, находящийся в руках пролетариата, о котором говорил т. Ленин.

Еще один вопрос. Но если мы начнем вывозить, то это, пожалуй, подействует на повышение цен внутри рынка, внутри России. Должны ли мы этого опасаться? Тов. Сосновский, немножко раньше, чем я прочитал свой доклад, уже авансом прокритиковал меня и сказал таким образом, что точка зрения эта неправильная в смысле повышения цен, и что решение заключается в том, чтобы та десятина, которая дает 40 пуд. дешевого хлеба и потому убыточна, приносила 70—80 пудов и была доходна даже при низких ценах. Да, товарищи, я должен сказать, абсолютного ответа на вопрос о высоких и низких ценах у марксистов никогда не было и не будет. Для нас это вопрос практики и может решаться в различные исторические моменты и даже в различных районах в один и тот же момент различно. Но мы должны строго различать здесь потребительскую точку зрения от государственной. Потребительская точка зрения говорит: так как часть крестьянства, приблизительно до 30 проц., покупает хлеб, так как хлеб входит в бюджет рабочего, то мы, коммунисты, должны стоять во что бы то ни стало за низкие цены. Это точка зрения, товарищи, потребительская, а не народно-хозяйственная, не государственная. Государственная точка зрения должна нам диктовать такой ответ на этот вопрос, который помогал бы нам решить основную проблему поднятия покупательной силы крестьянина. До тех пор, пока покупательная сила основного населения страны, крестьянской массы, не будет поднята, до тех пор развитие промышленности невозможно, до тех пор кризисы сбыта, сырьевые кризисы будут неизбежны, какие бы планы мы с вами ни писали на бумаге. Основная задача, основная предпосылка нашего развития есть развитие и повышение покупательной силы крестьянства. Это есть не точка зрения потребителя. Конечно, если бы нам пришлось выбирать между таким фактом, что эти продукты входят громаднейшей долей в бюджет рабочего, и что повышение цен на хлеб обозначает ухудшение положения рабочего класса, тогда, конечно, вопрос стоял бы гораздо резче и гораздо трагичнее. Но мы теперь совершенно точно знаем, что доля этих продуктов в бюджете рабочего все более уменьшается, несмотря на общее повышение этого бюджета. Мы можем парировать повышение цен на хлеб тем повышением заработной платы, которое неизбежно идет, а с гарантированием бюджета рабочего класса во всем остальном мы должны расценивать с точки зрения увеличения покупательной силы крестьянского рынка. А это в данный момент должно от нас требовать мер, которые бы предотвратили пауперизацию крестьянства, обнищание той части крестьянства, которая сидит на земле, и которая производит хлеб.

Не забывайте, что в крестьянстве развиваются различные тенденции: на одном конце пауперизация, обнищание крестьянства, которое мы не можем поглотить на фабрики и заводы, которые не представляют

еще достаточно широкого круга для поглощения рабочей силы, а на другом конце деревни развиваются и увеличиваются буржуазные и кулацкие элементы. И для того, чтобы этого не было, нужно устранить то соотношение цен, которое вчера демонстрировал т. Троцкий. Он избавил меня от необходимости приводить эти самые „ножницы", которые показывают расхождение цен на продукты сельского хозяйства и городской промышленности, а следовательно, понижение возможности для крестьянства покупать продукты промышленности. Эти ножницы при недостаточно умелой нашей политике могут подрезать тот сук, на котором сейчас держится союз рабочих и крестьян. Экспорт хлеба неизбежно повысит несколько цены не от довоенного, а от того низкого уровня, ведущего к пауперизации, на отором эти цены сейчас находятся. Повышение это не представляет для нас никакой опасности, а, напротив, является желательным элементом. Конечно, налог есть тот регулятор, который позволит нам срезать все то, что при высоких ценах захочет сделаться элементом буржуазного накопления. Но мы должны сказать крестьянину, что нынешнее соотношение между ценами на сельскохозяйственные продукты и ценами на продукты промышленности не есть нормальное соотношение, что мы против этого будем принимать меры, и что одной из важнейших мер в этом направлении является организованный государственный экспорт хлеба. Но, может-быть, есть другие способы поднятия цен. Тов. Сосновский указывает такой способ: пускай-де крестьянин больше производит и больше продает, тогда он получит ровно столько же, сколько он получил бы, если бы продавал меньше, но дороже. Но, спрашивается, товарищи: где рынок? Где тот рынок, который поглотит повышенное производство? Тов. Сосновский говорит: если ЦК и вся партия установят правильную политику, то мы могли бы года в 2—3 совершить чудо, т. е. сделать так, чтобы десятина земли, дающая 40 пуд., производила 80. Будем, товарищи, работать для такого чуда, неустанно, всеми силами, которые есть, но давайте сначала сделаем чудо поменьше, и в этом году поставим своей задачей и осуществим: 1) сбор налога в денежной и натуральной форме и 2) вывоз 200 миллионов пудов хлеба. Это не такое большое чудо, как в два года увеличить производительность крестьянства в два раза, а это есть та реальная и практическая задача, на которой мы можем доказать крестьянству, что мы—рачительные хозяева, старательные хозяева, что мы умеем распоряжаться народным достоянием, и что когда союз рабочих и крестьян вверяет коммунистической партии распоряжение плодами труда и пота крестьянина, то крестьянство в этой коммунистической партии находит действительно счастливого приказчика, которому оно может довериться.

Одновременно должен быть указан еще один момент: кто будет проводить эту смычку? Это наш государственный аппарат. Вопрос о реорганизации нашего государственного аппарата, — после того, как т. Ленин очень хорошо обмазал дегтем ворота этого аппарата перед всем миром,—вопрос о реорганизации государственного аппа-

рата есть очередная задача. Но, товарищи, не забывайте, что крестьянин судит о Советской власти не по тем речам, которые раздаются здесь, не по тем людям, которые сидят в этом зале, а судит по тому, кто сидит в деревне, каков советский чиновник, как исполнитель советских приказаний, следит изо дня в день, кто является выполнителем всех его административных распоряжений, кто является сборщиком налогов, кто теперь, при государственном капитализме, для вывоза 200 миллионов пудов хлеба явится государственным скупщиком хлеба.

Вот по этим элементам крестьянин в живой, будничной жизни судит, что такое Советская власть. И прочистка этого аппарата должна быть проведена систематически. Над этим надо работать партийным учреждениям с такой же пристальной внимательностью, с какой мы будем работать над пересмотром директоров и управляющих наших трестов. Если там нам нужны честность, старательность и умение, то здесь нам нужно создавать живой аппарат честных людей, в которых крестьянин видел бы действительных воплотителей воли миллионов трудящихся, а не отрыжку, не оттиск старого нашего аппарата, чтобы он не напоминал царского урядника и царского акцизного чиновника.

Мы должны себе отдать отчет: договор с крестьянством, заветы тов. Ленина партии о лошадке крестьянской обнищалой, облегчение проводятся не только в размерах продналога, не только в формах налога, не только в облегчениях по налогу, но и в организации живого аппарата, который это проделывает. И поэтому если мы, как партия, от этого аппарата потребуем выполнения полностью тех заданий, которые будут ему даны, то мы будем оценивать эту работу не только с точки зрения: „собрал ли ты все“, но и „как ты собрал сумел ли ты собрать это так, чтобы не раздражать крестьян сверх всякой меры, чтобы не создать тех отношений, не расширить ту щель, в которую вползет враг-капитал“. Мы должны крестьянину сказать еще: если мы выдираем, буквально выдираем страну из той ямы разорения, в которую она ввергнута, если мы требуем напряжения мускулов от рабочих и крестьян, то в то же время мы железной рукой будем сокращать все те расходы, которые мы должны производить из тощего крестьянского кармана. Всем расходам на барские и полубарские затеи, как говорил Владимир Ильич, должен быть действительно положен конец. Крестьянин должен знать, что каждая копейка, взятая из его обнищалого хозяйства, идет на действительные потребности народа, что здесь мы не допустим никакой расточительности, что каждая копейка найдет свое место, и что в каждой копейке правительство способно будет отчитаться. Мы должны ко всему тому, что уже сделано коммунистами для рабочего класса, добавить еще одно: чтобы крестьянство знало, что мы—самое дешевое правительство, которое может только существовать в России. И если нам это удастся; если мы научимся смеяться над теми, кто говорит в этот момент о крестьянском уклоне; если мы проникнемся мыслью о том, что обо-

значает для нас союз рабочих и крестьян в данный момент, в данный переходный период; если мы во-время, как мы делали до сих пор, будем вносить поправки в те отношения, которые у нас создались с крестьянством; если не будем запаздывать, будем внимательно прислушиваться к тому, что делается в крестьянской среде, — тогда мы снова расстроим расчеты наших врагов. Надо не забывать, что здесь идет последний бой. Не в военной сфере, не на поприще гражданской войны, а именно в сфере крестьянской экономики идет последний бой между капитализмом и коммунизмом. Кто завоюет крестьянство не на словах, а на деле, в его хозяйственной жизни,—тем, что поставит экспорт, тем, что организует кредит, тем, что организует кооперацию, которая будет служить крестьянству, тем, что даст хорошую цену за хлеб и даст дешевую продукцию промышленности,—мы или скупщик, мы или растущий торговец-ростовщик, мы или растущий кулак? Кто кого? — сказал тов. Ленин. И вы знаете, что все наши враги говорят: „эта мелкобуржуазная стихия вас сметет". Мы отвечаем: „Нет, рано пташечка капитализма запела, очень рано". Один из делегатов мне говорил,—и я считаю это весьма умным наблюдением,— крестьяне теперь рассуждают так: когда был спор о продразверстке и продналоге, то был спор между коммунистами и большевиками. Большевики хотели облегчить долю крестьян, а коммунисты упирались. Но был тогда т. Ленин, и Ленин стал на точку зрения большевиков, и крестьянам вышло облегчение, а теперь Ленин болен, и неизвестно, что будет. Этот съезд должен ответить. Наша коммунистическая партия будет делать то, что указал тов. Ленин, наша партия в области обращения с крестьянством будет проводить ту политику, которую в продолжение пяти лет проводил тов. Ленин, и только вместе с крестьянами, мы думаем, мы надеемся, мы верим, нам удастся осуществить наши коренные задачи. Поэтому мы должны сказать: да, пташка капитализма, надеющаяся на раскол между крестьянами и рабочими, запела ты слишком рано. Рабочие и крестьяне вместе не только мелких пташек, эсерство, меньшевизм, но и самого ястреба, капитализм, уничтожат и поглотят. (Аплодисменты).

Лашевич (председательствующий). Поступила целая куча записок о перерыве. Президиум предупреждает, что осталось до обеда сегодня пропустить два доклада о налоговой политике. Поэтому объявляю перерыв не более, чем на 10 минут.

Председательствующий. Заседание продолжается. Слово для доклада имеет т. Калинин. (Продолжительные аплодисменты).

Калинин. Товарищи, мой доклад втиснут между двумя докладами: тов. Каменева и тов. Сокольникова. Уже из одного этого факта вы понимаете, что мне по существу самого вопроса останавливаться и говорить почти нечего. Я буду говорить около налоговой политики, если можно так выразиться, сделав небольшую прокладочку между докладами Каменева и Сокольникова. Основа нашей политики общепризнана: это есть союз рабочих и крестьян,—союз, который растет, крепнет, развивается, и, кажется, нет никаких симптомов разложения

этого союза. Наоборот, за всю почти шестилетнюю русскую революцию были только исключительно редкие моменты некоторого колебания этого союза, а по существу, я говорю, этот союз развивается. И сейчас, казалось бы, нет особо острых моментов, а, между тем, наша партийная пресса, почти все собрания, сама партия, наши враги,—все они к этому вопросу относятся очень остро. Если вы наблюдали за заграничной прессой, то там почти в каждом номере в той или другой форме описывается, что в Датском царстве, сиречь, в Советском, не все благополучно. Точкой неблагополучия почти всегда указывается вопрос об отношении советской власти к крестьянству и взаимоотношениях рабочего класса и крестьянства. Одним словом, к этому вопросу и мы, и наши враги относимся особенно внимательно. Почему же мы к этому вопросу относимся столь обостренно? Я не буду здесь производить анализа классовых отношений рабочих и крестьян. Я приведу два-три конкретных примера, бытовых примера отношений рабочих и крестьян, наблюденных мною при поездках и на собраниях среди рабоче-крестьянских масс. Это было, кажется, приблизительно в 1921 году. Я был на Иваново-Вознесенской конференции. Там шел целый день бой,—была беспартийная губернская крестьянская конференция. Там было много эсеров и меньшевиков. Бой начался с первого момента. И вот во время заключительного слова я получил одну из ядовитейших записок, которая гласила: а что дороже для советской власти—рабочий или крестьянин? И кто больше сделал для революции — рабочий или крестьянин? Когда я огласил эту записку,—буря аплодисментов и ядовитого смеха: все думали, а ну-ка, как Калинин выкрутится из этого положения. (Смех). Вопрос был неожиданный, и я тогда ответил: „а что для человека дороже: правая или левая нога? Я говорю, что в нашей революции сказать, что дороже рабочий, а дешевле крестьянин, это все равно, что отрубать у революции, как у человека, левую или правую ногу". Так я ответил на записку. После этого получилось море аплодисментов, и в конечном счете крестьяне удовлетворились тем, что советская власть признает значение крестьянина.

После целого дня боя, в конце заседания, уже в 12 часов ночи, поднимается один из крестьян и заявляет: „от имени крестьян я имею претензию к председателю ВЦИК, к Калинину. Вчера Калинин был на рабочем собрании и приветствовал рабочих, а сегодня Калинин, когда начал свою речь, не начал с приветствия крестьянам. Вот здесь мы видим разницу отношений". Я ответил: „Когда я выступал перед рабочими, перед моею речью выступил рабочий с приветствием мне, как председателю ВЦИК'а, а здесь крестьяне вместо того, чтобы приветствовать, чуть не забаллотировали председателя Иваново-Вознесенского Совета в президиум конференции". Прошло 5—10 минут, вдруг выступает представитель от крестьян с приветствием председателю ВЦИК. (Смех). Я после этого, разумеется, тоже выступил с приветствием крестьянам. (Смех. Аплодисменты).

Товарищи, я не привык говорить по запискам, и вот потерял

одну из важнейших записочек (аплодисменты, смех), которую хотел здесь огласить перед вами. Эту записку я получил на прошлой неделе в Курских мастерских. Надо заметить, что среди рабочих было исключительное настроение. В этой записке рабочий спрашивает меня (эта записочка, как документ, где-нибудь около меня есть): „т. Калинин, а кто лучше кушает: рабочий или крестьянин?“.

Вот, товарищи, эти три маленькие эпизода, типичные, обыкновенные, маленькие эпизоды,—они ярко рисуют отношения между рабочими и крестьянами. С одной стороны, мы видим середняка-крестьянина, который хочет играть роль в революции, хочет, чтобы эта роль была признана советской властью, а с другой стороны, мы видим рядового рабочего, который чувствует всю тяжесть, выпадающую на его долю. И действительно, фигурально выражаясь, в течение всей русской революции, т.-е. в течение 6 ее лет, они как два брата тянут величайшую тяжесть, и эти два брата ревниво смотрят друг на друга: а не переложена ли черезчур эта тяжесть на него, не слабее ли тянет пристяжная. В записке рабочего этот вопрос как-раз и поставлен. Это есть быт, а коль скоро есть такой быт, у этого быта является и своя идеология. Это ясно: раз появился соответствующий быт, он должен быть где-нибудь выявлен идеологически. Представленный в записке железнодорожника быт среднего рабочего, который чувствует на себе тяжесть русской революции, этот быт идеологически, несомненно, представлен у нас тов. Лариным. Хочет ли он этого, или не хочет, но, несомненно, во всех своих политических выступлениях он выявляет быт этого середняка-рабочего. Мы, коммунисты, великолепно понимаем тяжелое положение среднего рабочего, мы понимаем его настроение, мы ему говорим: смешно думать, что тебе может быть легко двигать революцию; если бы это было легко, то тебе не удивлялся бы весь мир. Несомненно, это тяжело, и ты должен понять, что, строя свое коммунистическое государство, ты должен преодолевать величайшее сопротивление. А вот эти идеологи, они стремятся оправдать это состряние. Если бы мы, как государство, следовали указаниям т. Ларина, то я не сомневаюсь, что это значило бы, что мы производим довольно сильную нагрузку на одну сторону корабля. А вы, товарищи, знаете, что опытный капитан никогда не позволит, отправляясь в плавание, перегрузить один борт корабля, ибо при малейшей волне, при перегрузке на один борт корабль пойдет ко дну. Мне кажется, что коммунистическая партия—слишком опытный капитан, чтобы позволить себе такую неосмотрительность. Поэтому к этому вопросу коммунистическая партия и подходит так осторожно. С другой стороны, если выразителем середняка-рабочего является Ларин, то т. Осинский стремится отнять хлеб у т. Яковенко, Петровского и меня, стремясь быть выразителем и защитником интересов крестьянства. (Смех).

Я думаю, товарищи, что Осинский занял в этом вопросе неправильную позицию. Мы, которые до известной степени понимаем быт крестьянина, вынуждены сказать: отстаивая интересы крестьян самым решительным образом, мы все-таки говорим, что уменьшение нало-

гового бремени—это еще не значит целиком отстаивание интересов крестьян. Это, по существу говоря, самое примитивное отстаивание интересов крестьян, ибо если рабочий, изнемогая в работе, строит свое коммунистическое государство, то это нужно и для крестьянской массы. Ведь, 90% крестьянской массы, как вам известно из истории, имело в прошлом только порабощение и невежество. Значит, и у сознательного крестьянина, если его кругозор возвышается настолько, что он пробивает пелену своего личного хозяйственного интереса, для такого сознательного крестьянина другого выхода нет, кроме как итти совместно с рабочей массой к коммунистическому строю. Конечно, товарищи, еще и сейчас многие говорят, что перед крестьянином нельзя говорить о коммунистическом строе. Я лично придерживаюсь другого мнения. Сейчас уже прошла опасность, невозможность говорить перед крестьянством о коммунистическом строе. В настоящее время коммунистический строй несет крестьянину свою лицевую сторону. В чем выявляется приближение к коммунистическому строю советской республики, в чем оно должно конкретно выявляться по отношению к крестьянину? Оно должно выявляться в увеличении мощи рядового крестьянина, в увеличении материального обеспечения неимущих крестьян и, наконец, в усилении их культурности. В настоящее время борьба за коммунистический строй есть устройство электрических станций, театров, устройство новых дорог и т. д.,—одним словом, непосредственное культурное улучшение деревни. Других способов, других методов в советской республике при диктатуре пролетариата нет. Поэтому приближение к коммунистическому строю, вместе с тем, систематически будет улучшать и положение крестьянина. И поэтому крестьянский мир, 90% его (исключая 10%, головку, я беру только 90% крестьян бедняков и середняков),—они, по существу говоря, точно так же кровно заинтересованы в приближении к коммунистическому строю, как и рабочие, ибо коммунистический строй несет не только раскрепощение рабочему классу,—ценность его также и в том, что он создается не только для рабочего, который в момент завоевания этого коммунистического строя превращается в рядового гражданина общесоветской трудовой республики, но в этот строй равноправным членом входит и крестьянин. И в коммунистическом обществе крестьянину будет безусловно лучше, чем в любом буржуазном, архидемократическом государстве, и заинтересован он в осуществлении коммунизма не меньше, чем рабочий.

Вы представьте себе, насколько у нас симптоматично идет сближение РКП с крестьянскими массами! Это было два года назад, когда на одной сессии поднялся вопрос, пустить ли беспартийных крестьян на фракционные заседания сессии ВЦИК. Я тогда советовался с тт. Лениным и Зиновьевым, как поступить; они согласились, и мы на эту сессию допустили во фракцию крестьян. После это стало нормальным, и крестьяне присутствуют на всех фракционных заседаниях сессий. Это—серьезный симптом, когда главенствующая партия на свои фракционные заседания пускает непартийных крестьян. После этого на

последнем съезде Советов они также были на фракционных заседаниях. А теперь, на XII съезде партии, с начала до конца у нас присутствуют 30 непартийных крестьян. Более тесного общения, мне кажется, трудно в мире и придумать. Разумеется, товарищи, рычагом, который регулирует, направляет, координирует эти две силы, силу рабочую и крестьянскую, цементом, так сказать, объединяющим эти силы, связывающим эти силы, является коммунистическая партия. И когда мы подходим к вопросу о налоговой политике, к вопросу об обложении крестьян, о тяжести этого обложения, комиссия, которая назначала сумму обложения, исходила из двух тенденций: с одной стороны, из того, чтобы это обложение не сильно давило крестьян, не тормозило развития крестьянского хозяйства, а с другой стороны, она хотела, чтобы это обложение давало реальные результаты для нормального существования государства ибо мы великолепно понимаем, что в этом заинтересованы не только рабочие, но кровно заинтересованы и крестьяне, потому что стабилизация рубля приносит пользу не только рабочим, но и крестьянам.

Я нарочно попросил выписку расходов 1913 года и расходов 1923 г. В 1913 г. расход был следующий: например, по императорскому двору—16 миллионов; в настоящее время, как вы знаете, от этого расхода нас избавила заграница, взяв на себя содержание остатков императорского дома. Церковь, духовенство и министерство внутренних дел в его части, связанной с духовенством,—46 миллионов рублей: в настоящее время у нас этого расхода нет. Высшие государственные учреждения: государственный совет, государственная дума, канцелярия совета министров, собственная его величества канцелярия по приему прошений и т. д.—8 миллионов 815 тысяч; у нас соответствующие органы, как ВЦИК, Совнарком, СТО, Госплан, расходуют 7.754 тыс. Это сравнительно большая сумма. Здесь нужно сказать, что большая часть этой суммы составляется из расходов на обслуживание съездов, ибо достаточно вам напомнить, что один съезд Советов бывает 8—10 дней, и на нем присутствует не одна тысяча человек. Затем расход, которого у нас теперь нет, по оплате процентов по займам. Суд и тюрьмы в 1913 году—88 милл.; у нас—6 милл. Я не буду вам оглашать все статьи расхода. Я хочу остановиться на тех статьях, которые имеют сравнительно большое значение: расход на высшие административные управления в центре и на местах; этот расход у нас составляет довольно солидную цифру—323 миллиона 916 тысяч; из них местные административные расходы поглощают сумму 127 миллионов. Сумма солидная. Она составляет 20% всего нашего бюджета и 79% по сравнению с расходами 1913 года на приблизительно соответствующие учреждения. Казалось бы, что для людей, которые все время говорили об уменьшении расходов на управление, эта сумма—79% довоенных расходов—должна казаться большой. Оправдание этому расходу можно найти в том, что наша власть в высшей степени разветвлена. Не надо забывать, что в связи с национальным раскрепощением создался целый ряд национальных центров, требующих, раз-

умеется, расходов. Затем, как я уже сказал, нужны расходы на обслуживание ряда съездов центральных, губернских, уездных, волостных и т. д. Затем создание новых учреждений, которых не было прежде, как НКЗдрав, Собез, НКТруд. Вначале массовое управление всегда почти стоит дороже, чем смененное бюрократическое управление. И только потом, при совершенствовании этого массового управления, аппарат его удешевляется. Несомненно, в этой области расходов мы должны по возможности стремиться к уменьшению.

Следующая главная статья расходов, которая занимает третью часть нашего бюджета, падая на каждого гражданина в размере 3 р. 30 к.,—это расход на транспорт и связь. Это составляет 32% всего государственного расхода Здесь крестьянин может сказать: „но я-то меньше всего пользуюсь транспортом“. Крестьяне как-будто не столько заинтересованы в транспорте, как все остальное городское население.

Я не буду доказывать доводами, о которых говорил тов. Каменев, но я приведу другой довод, что расход на транспорт для крестьян так же необходим, как для каждого городского жителя. Вот у меня таблица работы транспорта на голод. И что же? В наши голодающие губернии за этот период времени, за период Помгола, было отправлено 150 тыс. вагонов, и переправлено водой 14 милл. пуд. груза. Если бы не было железных дорог, транспорта, я не сомневаюсь, ³/₄ крестьянского населения в этих местах вымерло бы. Этот маленький конкретный случай показывает, что расходы на транспорт, которые очень тяжело ложатся на бюджет, так же необходимы и крестьянским массам, как и рабочему классу. Я останавливаюсь на обороне страны, она в советской республике берет 1 р. 65 коп. с души. Прежде каждый гражданин бывшей царской империи расходовал 4 р. 45 коп.,—значит, сейчас расход уменьшился почти в 3 раза. Нет сомнения, что настоящая внешняя обстановка не дает возможности не только этот расход уменьшить,—наоборот, я думаю, что если бы наступил опасный момент, если бы была объявлена война, и мы были бы побиты из-за неподготовленности, то что крестьянин предъявил бы советской власти? Он сказал бы: милостивые государи, вы виновны, вы не подготовились к защите. Но мы ответили бы, что мы не хотели много налогов брать с тебя. Он сказал бы: извините, это не ответ, вы не должны брать так много налогов, чтобы останавливать производство, но не должны брать и настолько мало, чтобы привести к гибели советскую власть. Вы—преступники!

И если взять эти три графы: управления пути, связи и оборону, к ним надо прибавить содержание промышленности, то они составляют ²/₃ всех расходов советской власти. Все остальные статьи расхода уже не играют такой роли. Можем ли мы уменьшить расход по этим статьям? Я думаю, не стоит доказывать, что нет, и ни один рабочий и крестьянин этого не скажет. Каждый скажет, что нельзя. Если невозможно уменьшить по этим статьям, то о других статьях расходов пока-что и говорить не стоит.

Как происходит расходование бюджетных сумм? Возьмем хотя бы военный бюджет. Что было раньше? Львиная часть суммы военного бюджета шла в руки дворянства в лице офицерских сыновей и пр. А теперь эта сумма куда идет? Большей частью она идет на крестьянских сыновей, находящихся у нас курсантами в военно-учебных заведениях, и крестьянских сыновей, находящихся на командных должностях нашей армии.

Теперь, пользуясь случаем, я хочу еще огласить, что за этот период времени из средств государства в период голодовки, с сентября 1921 года, государство передало крестьянам 160 миллионов пудов хлеба; в настоящем году в комиссию по ликвидации последствий голода государство передало крестьянам 41 милл пуд. хлеба, из них 6 милл. пуд. на борьбу непосредственно с последствиями голода и, наконец, на проведение семкампании озимой—14 милл. пудов, и на проведение яровой кампании—20 мил. пудов; всего, как я сказал, в круглых цифрах 41 миллион пудов. Оглашаю еще расход, произведенный в связи с голодом на крестьянское население. Между прочим, я должен сказать, в сумму количества хлеба, посланного и истраченного в голодающих местностях, входит и сумма снятого продналога. Я теперь оглашу сумму денежных средств в золотой валюте, которые государство израсходовало за эти два года на борьбу с голодом. Эта сумма (не буду детально ее докладывать) равняется 156 милл. рублей золотом. Из этого вы видите, что наше крестьянство, которому, конечно, тяжело, участвует и в расходовании государственных средств. И потому, когда комиссия ЦК изучала вопрос об обложении крестьянских масс, она, конечно, исходила из расчета, с одной стороны, не тормозить, не задерживать развития крестьянского хозяйства, а с другой стороны, товарищи, она не забывала, что у государства есть такие повелительные потребности, которых оно ни в каком случае не выполнить не может, которые оно обязано выполнить, с невыполнением которых, несомненно, сама крестьянская масса самым решительным образом не согласится. Будет ли особенно тягостно, и увеличится ли тяжесть нового обложения от введения единого сельскохозяйственного налога? Я, товарищи, говорю, что налог, вообще как всякий налог, есть огромная тяжесть. Налог наш не является легким,—это несомненно. Но все-таки я думаю, что общая его сумма по сравнению с суммой прошлого года, если эта сумма в некоторой степени и увеличена, по сравнению с прошлым годом, при форме взимания, при объединении всех налогов в единый налог, при расчленении на целый год по срокам этого налога, при всех этих преимуществах, которые несет новый налог, я думаю, в огромной степени компенсируется то сравнительно небольшое увеличение, которое нашла возможным сделать комиссия, которое вы здесь рассмотрите, и которое, я почти не сомневаюсь, будет утверждено вами. На этом, товарищи, я хотел бы остановиться. Я только дополню еще маленьким соображением. Товарищи, я уже сказал: уменьшить бюджет нельзя. Я вам привел краткие цифры, самые яркие, бросающиеся в глаза цифры этого бюджета.

Недостаток времени,—а время быстро бежит,—не дает мне возможности остановиться на другой стороне,—это на качественном различии нашего бюджета от старого: в старом государственном бюджете каждая статья расхода вызывала новое закабаление крестьянства, новое закабаление рабочего класса и усиление мощи врагов крестьянства и врагов рабочего класса; здесь же у нас, в рабоче-крестьянском правительстве, в бюджете рабоче-крестьянского правительства, наоборот, каждая статья несет не закабаление, а укрепление, я смело могу сказать, культурного развития крестьянства и рабочего класса. Поэтому, когда они несут ряд жертв и чувствуют тяжесть этих жертв, они все-таки не должны забывать, что эти жертвы другим каналом возвращаются в ту же крестьянскую, в ту же рабочую среду. Вот на этом товарищи, я заканчиваю свое краткое сообщение. (Продолжительные аплодисменты).

Председательствующий. Слово для доклада имеет тов. Сокольников. (Аплодисменты).

Сокольников. Товарищи, ЦК нашей партии поставил вопрос о налоговой политике на съезде, в виду того, что, несомненно, в ряду других вопросов этот вопрос, связываясь с нашей общей принципиальной политической линией, имеет для всего предстоящего года, быть-может, наиболее крупное значение,—тем более крупное, что он выходит за пределы городов, фабричных поселений и выводит нас и нашу партию в деревню, в гущу миллионов крестьянства, о значении союза с которым в речах почти всех докладчиков говорилось уже достаточно.

Товарищи, тем более необходимо, чтобы вопрос о нашей налоговой политике был разрешен на этом съезде вне всякой двусмысленности для того, чтобы крестьянские массы после нашего партийного съезда в самом деле точно знали, в какой степени коммунистическая партия намерена считаться с состоянием крестьянского хозяйства, и в какой степени она через свой советский аппарат действительно проведет эти намерения в жизнь. Прежде всего мы должны категорически от имени нашей партии сказать, что между нашей партийной линией и между нашей советской линией, между обещанием и между претворением его в жизнь не будет расхождения, и не будет разницы.

Товарищи, здесь уже, если не ошибаюсь, в одном из выступлений тов. Каменев указывал на то, что при определении размера единого сельскохозяйственного налога на предстоящий год были сделаны исчисления в ЦСУ и в Наркомфине (эти числа совпали), и получилось, что обложение крестьянста могло бы быть доведено при едином сельскохозяйственном налоге до 600 миллионов рублей золотом. Но, конечно, я должен сказать, что и в ЦСУ, и в Наркомфине эта цифра рассматривалась, как цифра теоретическая и предельная, т.-е. такая, дальше которой, во всяком случае, невозможно было бы итти,—такая, которая только при каких-нибудь совершенно исключительных обстоятельствах могла бы приниматься в расчет. Практически размеры обложения и ЦСУ, и Наркомфином были предложены и ЦК нашей партии установлены

значительно ниже этого возможного теоретического предела, в цифрах, которые здесь назывались, примерно, около 400 миллионов рублей. Товарищи, означает ли эта цифра увеличение крестьянского обложения в 1923—24 году по сравнению с 1922—23 г.? В виду того, что этот вопрос имеет чрезвычайно большой интерес, позвольте вам привести цифры о том, что представляло собой крестьянское обложение за истекший год. Оно составляло, по нашим подсчетам, около 390 миллионов рублей в переводе на золото. 390 миллионов рублей охватывают как государственные, так и местные налоги и в значительной степени, хотя, может-быть, и не полностью, охватывают и то обложение, которое было произведено в волостях, волостными налогами и сборами. Из этой цифры в 390 миллионов рублей нужно исходить при установлении размера обложения на предстоящий год. Как же его установить? Товарищ Ларин указывал на то, что Центральный Комитет нашей партии пошел на увеличение обложения крестьянства. Выходило, таким образом, что по сравнению со своими намерениями ЦК нашей партии сделал политическую ошибку. Но, товарищи, здесь не политическая ошибка ЦК нашей партии, а здесь арифметическая ошибка т. Ларина. Дело в том, что т. Ларин забыл один пустяк, который состоит в том, что посевная площадь предстоящего года на 16—18%, по всем исчислениям, будет превосходить посевную площадь 22—23 гг. И, таким образом, в пределах этих 16—18% увеличение размера продукции от налогов не обозначает увеличения налоговой тяжести потому, что она падает на увеличивающуюся продукцию сельского хозяйства. В действительности, если бы мы на 390 миллионов обложения прикинули 18% увеличения вследствие увеличения посевной площади, мы получили бы цифру, которая на несколько десятков миллионов пудов превосходит те цифры обложения, которые намечены были решением ЦК нашей партии.

Итак, посевная площадь увеличилась, продукция увеличилась, а обложение крестьянства увеличивается не в соответствии с этим увеличением, но ниже его. Таков объективный факт.

Но, товарищи, исходя из того, что эту сторону дела мы можем совершенно точно установить и крестьянству сказать, мы, кроме того, должны для себя наметить вполне твердо наш налоговый подход к крестьянскому хозяйству,—тот подход, которым будет руководствоваться коммунистическая партия и не только сейчас, и не только в этом году, но и на годы. Я в частности скажу, что, исходя именно из этого подхода, я защищал в ЦК нашей партии минимальные цифры обложения. Может-быть, т. Ларин обвинит меня в крестьянском уклоне, но я постараюсь мотивировать эту точку зрения. Товарищи, мы не можем рассматривать крестьянское хозяйство, как какое-то чужое нам хозяйство, как такое хозяйство, интересы которого при определении интересов подъема нашего хозяйства в узком смысле слова, т.-е. того хозяйства, которое принадлежит государству, мы, будто бы, не принимаем в расчет. Нет, интересы миллионов крестьянских сельских хозяйств, мелких и средних,—это наши интересы. Хотя эти хозяйства принадлежат крестьянам,

хотя они не являются национализированными. хотя они не подчинены ВСНХ, тем не менее, они входят в то народное хозяйство, интересы которого в целом защищает партия пролетариата. Конечно, если мы будем подходить к крестьянскому хозяйству так, что это чужое хозяйство, что оно нас не интересует, мы за его интересы не стоим горой, мы его развитием не болеем, то тогда наше дело было бы делом пропащим, мы не могли бы удержать хозяйственного союза рабочего класса и крестьянства, который должен лежать в основе нашего политического союза.

В то же время, если бы мы попробовали исходить в самом деле только из интересов того хозяйства, которое является непосредственно государственным, которое уже национализировано, забывая о тех хозяйствах, которые еще только постепенно и с величайщим трудом и косвенно будут вовлекаться под влияние уже прямо принадлежащего пролетариату хозяйства,—если бы мы попробовали это сделать, мы бы подорвали действительно всякую возможность подъема нашей промышленности, принадлежащей государству. Я не буду останавливаться долго на вопросе о том, что для того, чтобы наша промышленность поднялась, ей нужен рынок, что этот рынок может быть на ближайшее время, во всяком случае, только внутренним рынком. Я не знаю, станет ли кто из нас доказывать, что наша промышленность может подняться за счет завоевания внешних рынков. По этому пути шел царизм, но царизм, идя по этому пути, держал ставку на обнищание крестьянства, а для нас сейчас при отказе от империалистической политики целиком остается ставка на внутренний рынок, т.-е. на подъем крестьянского хозяйства, который только в этом случае обеспечит подъем нашей промышленности. Нужен план, но никакой план не обеспечит безубыточности нашей промышленности до тех пор, пока для нее не будут созданы условия, обеспечивающие сбыт этой промышленной продукции.

Другая сторона дела заключается в том, что наша промышленность в очень значительной степени зависит от крестьянского сырья. И если мы в своей налоговой политике повели бы дело так, что подрезали бы возможность подъема крестьянского хозяйства, которое должно обеспечить сырьем нашу промышленность, то мы этим именно погубили бы нашу промышленность. Шерсть, хлопок, кожа и целый ряд других продуктов сырья, которые идут из крестьянского хозяйства, только в том случае действительно притекают в нашу промышленность, обеспечивают ее работу, если наша налоговая политика сумеет сохранить интересы подъема крестьянского хозяйства. Это наш собственный интерес, интерес советской власти, интерес коммунистической партии, интерес пролетариата. Это мы можем сказать и можем доказать крестьянству. В вопросе о хлебной продукции дело обстоит точно так же.

Не только интересы промыслового крестьянского хозяйства и не только технические культуры нужны для нашей промышленности. В этом году мы имеем уже положение, при котором наша текстильная

промышленность поставлена перед величайшей угрозой, вследствие полнейшего оскудения старых запасов хлопка и вследствие почти полной гибели туркестанского хлопководства, площадь которого остается до сих пор совершенно ничтожной. Как же можно обеспечить нашу промышленность хлопком, как можно обеспечить наш центральный район, нашу мануфактурную промышленность сырьем? Это возможно только таким образом, если на ближайшее время, пока не восстановится туркестанское хлопководство, мы сумеем вывезти за границу хлеб, и если на валюту, полученную от вывоза этого хлеба, сумеем закупить за границей хлопок и ввезти его в Россию для того, чтобы обеспечить продукцию текстильной промышленности и бросить ее назад в крестьянство. Это — более сложный путь. Тут нет, на мой взгляд, никакой смычки между крестьянством и западно-европейским и американским капиталом, хотя этот круг между промышленностью и сельским хозяйством надо провести через мировой рынок. Конечно, идея, будто мы можем существовать изолированно, без мирового рынка,—эта идея, если только она у кого-нибудь есть, реакционнейшая утопия. Поэтому вопрос о размерах хлебной продукции, хлебного экспорта, для получения того сырья, которого мы не имеем в России, и для получения того машинного оборудования, которого мы также не имеем, — все эти вопросы суть вопросы жизни и смерти нашей промышленности, возможности ее развития. И поэтому, если мы хотим проводить план осмысленный, план, не взятый с потолка, план, который охватывает не только непосредственные интересы промышленности, но план, который исходит из перспектив развития хозяйства в целом, то мы должны эту точку зрения зафиксировать и суметь ее провести во что бы то ни стало. Тут, конечно, огромные трудности, потому что каждый из нас, я убежден, каждый из делегатов съезда, если он поставит себе этот вопрос, скажет, что когда из этого положения о сокращении, об ограничении крестьянского обложения будет вытекать тот вывод, что в ближайшем году этим определится замедление темпа поддержки нашей государственной промышленности,— то, я думаю, каждый делегат съезда скажет себе, что это в действительности есть столкновение в собственном его сознании двух начал. С одной стороны, мы склонны к тому, чтобы возможно быстрее обеспечить подъем нашей промышленности, а с другой стороны, мы сокращаем ресурсы для этого подъема, поскольку сокращаем размер крестьянского обложения, примерно, на 100 миллионов.

Я стою за полную ясность в этом вопросе. Я думаю, что мы достаточно окрепли хозяйственно и политически чтобы иметь право на эту ясность, чтобы иметь право на эту честность. Если мы 100.000.000 пудов хлеба с крестьянства не берем, это значит, что мы в ближайшем году лишаем металлургию, нашу нефть, нашу промышленность, наш транспорт,—лишаем их непосредственной добавочной поддержки из государственных средств в 60.000.000 рублей. Дело идет не о пустяках не о фразах, а о реальной политике. Может-быть, существует такое настроение, что все то, что мы говорим на этом съезде, не имеет прак-

тического значения. Если бы это было так, то мы срывали бы все наши положения. Товарищ Ленин на X партийном съезде сказал, что „есть люди, которые под политикой понимают разные мелкие приемы, сводящиеся иногда к обману. Такие люди должны быть осуждаемы. Классов обмануть нельзя“. Совершенно верно, что классов обмануть нельзя; политика—это не обман, и мы должны серьезно и на деле провести такую политику и в налоговом вопросе, которая обеспечила бы возможность подъема крестьянского хозяйства. Как это мы сделаем? При введении единого сельскохозяйственного налога дело не идет о том, чтобы изменять самую основу договора, который был заключен с крестьянством в форме перехода от разверстки к налогу; единый сельскохозяйственный налог не вносит никакого существенного изменения в характере взаимоотношений наших с крестьянами. Наши отношения с крестьянством установлены твердо, и мера, которую мы проводим, не есть мера революционная, изменяющая отношения классов. Это мера чистой реформы, не больше и не меньше.

Крестьянство, которое платит налог, для которого этот налог является одним из основных моментов его хозяйственного существования, конечно, имеет полное право требовать от советского государства, чтобы этот налог был организован наиболее рационально (и это тоже в наших интересах, чтобы он при наименьшей тяжести для плательщика давал наибольшую выгоду государству). Если мы посмотрим, что делается до сих пор в этом отношении, то увидим, что существующую налоговую систему никак нельзя назвать рациональной. У нас, в сущности, не было единой системы, а мы имеем осколки трех систем: с одной стороны, продналог; с другой стороны, в течение этого года мы собирали подворно-денежный и гражданский налоги, которые шли на местные губернские нужды; и, наконец, мы имеем группу обложений, проводимых низовыми советскими ячейками, которые переходят сплошь и рядом в незаконное обложение. Что касается подворно-денежного обложения и общегражданского налога, то они дали 15.000.000 золотых рублей, т.-е. сумму, ничтожную по сравнению с продналогом.

Большее значение имеют местные самочинные налоги, так-называемые самочинные, которые вытекли из того обстоятельства, что стал развиваться местный бюджет, и это развитие местного бюджета застало советскую власть, ее центр и т. д. совершенно неподготовленными. Этот налог или, вернее, эти налоги,—ибо их насчитывают в разных местах от 16 до 35 —дали в общем со всей России около 70.000 руб. золотом. Товарищи, унификация сельскохозяйственного обложения должна покончить совершенно с разделением на трудгужналог, подворно-денежный, гражданский и т. д., и она должна также в очень значительной, решающей мере положить предел и так-называемому самочинному, т.-е. волостному, обложению. В этой области, товарищи, может быть, в особенности нам здесь, в Москве, не вполне известно, что имеются совершенно вопиющие вещи: разнобой налоговый, непредвиденность, множественность и т. д., на которые жалуется крестьянство, и которые прекрасно иллюстрируются материалом, из которого

я позволю себе огласить кое-какие справки об этих налогах, введенных на местах. Вот, например, сообщают из Алтайской губернии: „введен целевой сбор на содержание в Змеиногорском уезде больницы и почтово-телеграфной конторы“. Конечно, ни Наркомздрав, ни Наркомпочтель не имеют понятия о том, на что содержатся больница и почтово-телеграфная контора в Змеиногорском уезде. Покровский комитет взаимопомощи устанавливает налог, по которому взимается за развод 50 руб., за бракосочетание 25 руб. На юго-востоке России, в Кубано-Черноморской области „средства на содержание волисполкома и всех его учреждений, как-то: милиции, земорганов, здравотдела и т. п., добываются от населения путем платное услуг, самообложения, проведенного по три пуда десять фунтов с пая“.

Что такое самообложение добровольное,—это было прекрасно иллюстрировано в циркуляре одного из наших советских органов, где было сказано: „Проводить добровольное самообложение на такие-то цели“. И далее: „Меры обеспечения волостного бюджета, общественной запашки и других волостных нужд также проводятся путем самообложения, при чем общественный клин в этом году засеян не был, и вместо общественной запашки был взят налог“. Очевидно, тоже „добровольный“. Из Кубанской области сообщают: введен налог за регистрацию актов гражданского состояния: брак—25 руб., 15 руб. и 5 руб., в зависимости от благосостояния совершающих акт. Рождение 5 руб., смерть бесплатно. (Смех). Товарищи, я точно цитирую этот эпический документ инспектора, что смерть „бесплатно“. Но такой порядок существует не только на Кубани. Бежецкий Губисполком получил следующее отношение: постановлением волостного съезда комитетов взаимопомощи (опять комитеты взаимопомощи, если спросить у т. Калинина или т. Каменева, предусмотрены ли советским законодательством такие налоги, они скажут, что нет),—постановлением волостного съезда комитетов взаимопомощи от 23 июня постановлено взимать в фонд комитетов взаимопомощи: „с мельников по 2 пуда хлеба в месяц, с крупорушек по 2 пуда проса в месяц, с маслобоек по 2 пуда конопли в месяц, шерстобоек по 1 пуду ржи в месяц, с кузниц по 1 пуду ржи в месяц, с овчинников по 1 п. ржи в месяц, с арендаторов садов по 10 пуд. ржи с десятины, с работодержателей по 1 пуду хлеба ржаного в месяц, с торговцев по 2 пуда ржи в месяц, с пчеловодов по 5 фун. ржи, с рабочих по 3 фун. с ульев за регистрацию браков по 1 пуду ржи, хлеба, за регистрацию рождения по 10 ф., за расторжение брака 3 пуда хлеба“.

Товарищи, все эти обложения крестьянская секция Бежецкого усобеса утвердила, а посему волисполком просит дать разъяснение, можно ли приступить к изысканию изложенных средств.

Можно было бы привести целый ряд таких примеров. Я приведу только два. Вот процентное отчисление самогонщиков в комитет самообложения. Это происходило в Павлоградском уезде. А вот Новоторжский уезд побил рекорд,—он ввел подужный сбор с дуги с катающихся на масленице. По сравнению с этим, конечно, бледнеют такие

налоги, как налог за право посещения базара или налог за увеселительный вечер молодежи, или за семейный вечер. И мы должны прямо сказать, что если крестьянство указывает на неправильность, на нерегулярность нашего обложения, на хаос, который есть в этой области, то мы не должны препираться с крестьянином, а должны сказать: да, вы правы, и мы, коммунистическая партия, мы, съезд, укажем Советскому правительству, чтобы с этим покончить и перейти к упорядочению, урегулированию обложения. Тут, товарищи, мне подсказывают, что нужно обратить внимание на волисполкомы. Совершенно верно! Сейчас нужно подумать о том, как организовать волостной бюджет, как упорядочить волостное хозяйство, как из единого сельскохозяйственного налога обеспечить достаточное отчисление на нужды волисполкома, чтобы избавить если не полностью, то в значительной степени от каких бы то ни было дополнительных отчислений и сборов с крестьянства. Товарищи, о том, какое облегчение даст унификация налоговой системы крестьянству, уже говорил тов. Каменев, и позвольте мне на этом не останавливаться. Ясно, что крестьянин будет иметь то преимущество, что он будет знать, сколько он должен уплатить. Он должен будет знать сроки, и я замечу, что по сравнению с предшествующим годом крестьянин будет иметь ту выгоду, что налог не будет взыскиваться сразу, а он будет рассрочен в три или в четыре срока.

Но какие опасности возникают при унификации?.. Когда бывало несколько налогов, то на каждого отдельного крестьянина один налог мог упасть тяжелее, а другой—случайно меньше. Таким образом, могла бы происходить известная компенсация неточности одного при помощи ошибки другого. Но когда мы все сводим к единому налогу, тогда опасность ошибки по отношению к каждому плательщику представляется особенно грозной. И это нужно учесть при проведении обложения.

Товарищи, налог и проведение его не есть только установление здесь на нашем съезде общих цифр обложения. Налог должен действительно взиматься соответственно платежеспособности, соответственно реальному доходу плательщиков, которые его уплачивают. Мы должны изгнать следы разверсточного способа уплаты налога. Пока фактически сохраняется простая раскладка налогов между плательщиками-крестьянами, нет возможности произвести обложение, которое щадило бы бедняка и в большей степени переносилось бы на зажиточного крестьянина. Целый ряд сведений из различных частей России говорит, что в целом ряде волостей, деревень и т. д налог раскладывается так, что в действительности он не есть налог который предъявляется к каждому плательщику в соответствии с действительной способностью отдельного хозяйства и с теми требованиями, которые можно предъявить. В этом году это одна из основных задач. В противном случае наши налоги не будут носить того классового характера, который они должны носить, в особенности теперь, когда мы от натуральных методов переходим к методам денежным, когда появляется тенденция к развитию капиталистических отношений, т.-е. отношений, основанных на неравенстве.

Товарищи, в вопросе о переходе от натурального обложения к денежному нужно, с одной стороны, отдать себе ясный отчет в том, что если продналог, натуральный налог стоял у колыбели НЭП'а, то в своем развитии НЭП неизбежно должен был опрокинуть эту колыбель, должен был привести к замене натуральных отношений денежными. Правда, я не скажу, что мы проявили здесь особенно ясное понимание пути, по которому мы шли, но, по крайней мере, сейчас можно отдать себе ясный отчет в том, что сначала от разверстки, потом через продналог и теперь, подходя к с.-х. налогу, мы пришли к известной налоговой системе, которая будет составлять в течение длительного времени основной камень финансового существования советской республики. Прямой налог заменяет собой в большой мере косвенные налоги, которые царизм брал с крестьян.

Товарищи, но, может-быть, при переходе от натурального обложения к денежному мы совершаем вновь принципиальное отступление, переоцениваем свою точку зрения по отношению к характеру денежного обложения. Я думаю, что это не вполне так. Нет никакого принципиального различия для нас, взимать ли налог натурой, или деньгами. И при свете этого перехода мы можем только одно сказать: в течение 19 и 20 года некоторые из нас были склонны представлять себе, что мы идем к полному аннулированию денежной системы, полному аннулированию денег и т. д., но в действительности это не было аннулированием вообще денежного хозяйства. Это было аннулированием конкретной денежной системы старой России, аннулированием определенного денежного капитала, который был в форме денег накоплен в старой России. Теперь, при переходе к денежному обложению, для нас особенно важно было произвести его так, чтобы не вызвать потрясений в крестьянском хозяйстве. Поэтому невозможно, конечно, предполагать в этом году полную замену натуральных налогов денежными, нужно произвести это, как замену частичную, разбив при этом всю территорию Советской России на районы.

Если мы попробуем составить карту Советской России и поглядеть, в каких районах в этом году должен быть произведен в большей степени переход на денежные налоги, в каких районах в меньшей степени, то можно в общем и целом сказать, что весь северный район и промышленный район, т.-е. районы, которые не являются производящими хлеб, могут быть в большей степени переведены на денежное обложение. Районы же, производящие хлеб, не могут быть в этом году в большей решающей пропорции переведены на денежное обложение. Почему именно? Потому, что те районы, которые не производят хлеб, потребляют его больше, чем производят на своей территории. Надо с точки зрения развития народного хозяйства стремиться толкать крестьянство на культуры более выгодные в этих районах, технически-промысловые и т. д. Введение денежного обложения в этих районах позволяет крестьянству уплачивать денежный налог не за счет продажи своего хлеба на рынке, а за счет продажи других продуктов—льна, масла, отчуждения продукции кустарничества и т. д.

В губерниях, производящих хлеб, нельзя итти на риск принуждения крестьянства выносить на рынок сразу большое количество хлеба, это вызовет понижение хлебных цен и хозяйственную катастрофу для крестьянства. Необходимо обеспечить еще гибкий механизм в пределах общего распределения между деньгами и натурой. Это общее распределение, примерно, таково: две пятых налога должно быть взято натурой по всей России в среднем, три пятых налога будет взято деньгами в пределах этого общегосударственного плана. В каждой губернии путем соглашений с губисполкомами должна устанавливаться конкретная норма, по которой будет распределяться эта денежная и натуральная доля.

Товарищи, я уже упоминал о том, что развитие денежного обложения, которое будет обозначать, что крестьянство должно будет притти к большему соприкосновению с рынком, т.-е. не всегда с нашей государственной торговлей, не всегда с кооперативами, но и с частным рынком, вызывает опасность большего развития в деревне отношений неравенства. Она возлагает на нашу партию необходимость еще больше сил, еще больше внимания уделить работе в деревне, суметь поставить коммунистов во главе практической работы в деревне. В этом отношении, товарищи, наш съезд должен принять ряд решений, которые, может-быть, составят поворотный пункт в нашей партийной работе именно в смысле большего сосредоточения внимания партии на работе в деревне, большого уделения сил для работы волостных ячеек, большего внимания для работы в деревенских партийных организациях.

Товарищи, те перспективы, которые мы перед собой ставим,— развитие хлебного экспорта, с.-х. кредит, усиление кооперации,—все это повиснет в воздухе, если мы не сумеем обеспечить гораздо большее влияние для нашей партии в деревне. Этого требует во что бы то ни стало самый характер того периода, в который мы сейчас вступили, когда после „штурма“ началась „осада“, когда с крестьянством заключен мир, когда мы находимся в состоянии фактического перемирия с капиталистическими странами. Этот длительный, может-быть, период, в течение которого, по определению тов. Ленина, основной вопрос заключается в том, чтобы сохранить доверие крестьянства к партии пролетариата.

Нужно показать, что не только с налогами идем мы в деревню, что мы идем в деревню с программой действительно культурного и хозяйственного подъема, и это мы можем сделать только в том случае, если наша партия ныне в известном смысле „пойдет в народ“.

В 70 годах народники-бунтари шли в крестьянство для того, чтобы поднимать его для борьбы против царизма. Нам пора понять необходимость и действительно провести новое движение „в народ“, нам нужно тысячи коммунистов бросить в деревенские советские и партийные ячейки, конечно, ни в коем случае не для того, чтобы там провести программу немедленного перехода к коммунизму, а для того, чтобы этих коммунистов в самых низах ставить во главе подъема

школьного и кооперативного дела, во главе осуществления с.-хозяйственных и агрономических улучшений, во главе действительного проведения земельной революции, для того, чтобы спаяться с крестьянством, для того, чтобы из этого движения в народ вернуться в город, с сознанием того, что партия пролетариата подкрепила себя миллионами и миллионами новых союзников, вместе с которыми она будет наступать дальше. (Аплодисменты).

Председательствующий. Раньше, чем закрыть заседание, нужно решить два вопроса. Первый вопрос: Президиум съезда решил сегодня, вечером, заседаний не устраивать. Возражений нет? Нет. Второе: записалось по вопросу о налоговой политике 19 чел. Есть предложение Президиума прений не открывать и перенести их в секцию. Есть возражения? Нет. Предложение принимается.

Объявляю заседание закрытым.

Заседание двенадцатое.

(23 апреля 1923 года, дневное).

Лашевич (председательствующий). Объявляю заседание открытым. Слово для доклада по вопросу о районировании имеет тов. Рыков. (Аплодисменты).

Рыков. Товарищи, вопрос о районировании и о новом административно-хозяйственном делении республики попал в повестку съезда последним, и вы не имели возможности ни получить тезисов, ни предварительно обсудить его на предсъездовских партийных конференциях. Произошло это потому, что мы колебались по вопросу о том, нужно или нет XII Всероссийскому съезду нашей партии выносить свое решение по вопросу о районировании. Раздавались голоса, что с этим можно подождать, что вопрос еще недостаточен назрел, что административно-хозяйственное деление республики можно проводить в советском порядке, от случая к случаю, не принимая общих директив со стороны партийного съезда.

Я явился противником этой точки зрения. И если я в настоящее время выступаю с докладом по вопросу об административно-хозяйственном делении нашей республики, то это отнюдь не потому, чтобы я по своей партийной или советской работе стоял наиболее близко именно к этой группе вопросов. Вы знаете, что моя специальность,—если можно говорить о специальности в нашей среде,—была несколько иного порядка, но я согласился сделать доклад на настоящем съезде по вопросу о новом административно-хозяйственном делении республики потому, что на протяжении ряда лет мне, как члену правительства Советской республики, изо дня в день, из недели в неделю, из месяца в месяц приходилось убеждаться в том, что управлять страной, которая насчитывает более 130 миллионов жителей, управлять страной, которая охватывает одну шестую часть суши, управлять ею из Москвы на основе бюрократического централизма невозможно. Часто приезжие товарищи удивляются той громадной массе дел, которая залеживается в правительстве, в СТО, в СНК и в других центральных учреждениях республики.

Я должен сказать, что наша партийная и советская верхушка, что

правительство нашей республики из всех правительств, которые знало человечество, является наиболее переобремененным и перегруженным громадной работой. И, несмотря на чрезмерную напряженность своей работы, оно не может справиться с массой тех дел, вопросов, конфликтов, которые выплывают на рассмотрение центральных органов.

Кроме этого, самое существо вопросов, которые ставятся на обсуждение в Москве, в громадном большинстве случаев требует полного знания местных условий, местной жизни в губернском, областном или районном масштабе. Такого знания у членов центрального правительства нет и быть не может, и мы часто разрешаем их без полного учета той среды и той обстановки, в которой эти вопросы возникли. Ошибки в таких случаях совершенно неизбежны. При более толковой и обдуманной организации государства и правительства большую часть текущих вопросов можно было бы передать на окончательное разрешение областных органов.

Я высказывался за то, чтобы этот вопрос о новом административно-хозяйственном делении был поставлен на обсуждение настоящего съезда еще и потому, что по громадной груде материалов, которая накопилась по этому вопросу в Москве, мне стало ясно, что вопрос в низах, в местных организациях, иногда вплоть до беспартийных крестьянских конференций,—как, например, в Ставрополе,—был в достаточной степени обсужден, в достаточной степени выяснен, и партия должна определить то или другое его практическое разрешение. ЦК в целом ряде своих предыдущих решений принимал ряд мер для того, чтобы получить наиболее полное выражение мнения товарищей с местным опытом по этому вопросу. Несмотря на свое „техническое" название, вопрос об административно-хозяйственном делении или районировании государства имеет колоссальное, гигантское значение для всего переходного периода Октябрьской революции, для всего переходного периода от НЭП'а к коммунизму. В виду его громадной важности, мы и считали необходимым относиться к нему с величайшей осторожностью, потому что речь идет о том, чтобы переместить, чтобы реорганизовать громадную сеть советских органов, от областей и Совнаркома до волости и сельского совета, т.-е. реорганизовать всю систему организации диктатуры рабочего класса в переходный период. Я говорю, всю систему, так как реорганизация советского аппарата определит соответствующие изменения и в системе наших партийных органов.

Для советов это несколько труднее, чем это было для буржуазного общества. А в буржуазном обществе изменения строения государств, изменения административного деления страны происходили в столетия раз. Советы возникли и развились как органы диктатуры рабочего класса и в политической, и в чисто-хозяйственной области и исполняют целый ряд функций, которые в задачи буржуазного государства ни в какой степени не входят. Советы отличаются от буржуазной демократии в первую очередь демократизмом, т.-е. тем, что представители народа, трудящееся население, рабочие и крестьяне не

ограничивают свое участие в государственной жизни выборами один раз в три или пять лет, но они через советы управляют одной величайшей из республик мира. Притронуться к органам с таким объемом прав и полномочий, с такими задачами и переместить их в короткое время с места на место и изменить права и полномочия различных звеньев советской системы мы не решались. Но, вместе с тем, нельзя тянуть этот вопрос до бесконечности. Мне кажется, что настоящий переходный в новой экономической политике период, т. е. когда мы переживаем только первые признаки подъема хозяйства и хозяйственного оживления, когда весь аппарат наш еще только приспособляется к новым задачам,—этот период является наиболее удобным для разрешения и этого вопроса. Дальше будет труднее осуществить эту задачу, так как и жизнь сама по себе в целом ряде стихийных изменений, которые уже происходят в каждой местности, в каждой губернии, будет приспособляться к новым задачам. Но едва ли можно допустить господство стихии в деле, успешное разрешение которого необходимо не только для целесообразной организации советского аппарата, но и для разрешения всей хозяйственной, плановой задачи рабочего класса. Советский аппарат во всей своей структуре должен быть приспособлен к новым, в первую очередь хозяйственным, задачам рабочего класса.

В системе районирования и новом административно-хозяйственном делении республики нужно различать два главнейших звена, две главнейших организационных задачи: волость и область. Я уже сказал, что я не принадлежу к тем товарищам, которые этот вопрос наиболее внимательно изучали. Но те сравнительно случайные документы, те сравнительно случайные корреспонденции и обследования, которые мне удалось прочесть по вопросу о волости, меня убедили с полной несомненностью, что дело здесь обстоит более чем неблагополучно. Если вы возьмете весь аппарат советской власти, то волость отличается той особенностью, что она является самой рабочей частью всей нашей советской машины. Волость непосредственно соприкасается с громадной массой крестьянства, волость есть конечный пункт, через который проводятся в жизнь все наши мероприятия в области земледелия, в области агрономии, в области налоговой политики, в области культурной работы среди крестьян и т. д., и т. п. Если целый ряд звеньев можно рассматривать, как простые передаточные ремни, то в волости мы имеем резец, который связывает нас с крестьянином и с массой крестьянского населения. Поэтому значение волости гигантское. По волости крестьяне судят, какую власть организовали коммунисты в советской России, ибо губернии, Совнаркома, столицы они не видят. Если вы прочтете сообщения относительно организации волости, то вы вынесете впечатление, что мы здесь упустили столько, что уже нужно как можно скорее поправить. Я ограничусь сообщением из газеты „Правда“, случайно попавшейся мне в руки, которое касается крестьянского вопроса и организации волости. Речь идет о Церковской волости Смоленской губернии, о характеристике местной власти. „Местная власть

скорее на стороне экономически более сильных хозяев. Эти хозяева масс й всевозможных нитей опутывают власть. Создание независимой от влияний зажиточных (т. е. кулаков) местной власти— очередная, очень серьезная задача. Руководители маломощной молодежи, преимущественно красноармейцы, прошли хорошую школу в Красной армии, сыграют огромную роль в деревне, но они не чувствуют опоры в волости (в волостной власти) и т. д. И самое главное— влить в волисполкомы коммунистов-секретарей независимых от зажиточных (от кулаков)".

Товарищи, корреспондент пишет, что мы в лице данного волисполкома организовали кулацкую власть и дали возможность использовать диктатуру рабочих и организацию советской власти кулакам для борьбы с малоимущими и середняками. Приблизительно то же самое в этой же газете пишет другой корресподент уже из Киевской губернии,—он указывает, что во всей волости всего 2 коммуниста, и что ни одного путного работника нет.

Я думаю, что эти характеристики не являются случайными. Конечно, у нас найдется немало волостей, в которых организация советской власти лучше, чем та, которая была описана в этой корреспонденции. Но в общем и целом опорный пункт отношений советской власти и партии к крестьянству—волисполком—в настоящий момент одна из наиболее плохо организованных ячеек советского аппарата, отнюдь не отвечающая тем задачам, которые мы должны себе поставить по отношению к этой, наиболее рабочей части нашего советского аппарата,—к той части, которая соприкасается с массой населения, которая должна бы быть менее всего бюрократична, и от которой зависит успех работы и партии и советского аппарата в целом.

Я думаю, что это происходит в значительной части оттого, что волости сами по себе слишком малы, что в них нельзя найти сил для лучшей организации, что они не могут поставить себе таких задач, которые бы могли заинтересовать массы крестьянского населения. Отличие советов от любой другой системы организации и управления государства заключается в том, что масса населения проходит через советы, участвует в государственном управлении и в организации нового общества. По отношению к власти их компетенция, их предел прав, объем их работы настолько ничтожны, что крестьянин часто в волисполкоме видит олицетворение стражника, который взимает налог, карает за невзнос налога и этим ограничивает свою работу. Если крестьянин по такой волости будет иметь представление о всем советском аппарате, то это далеко не будет содействовать смычке крестьянина и рабоче о в их совместной работе над созданием нового общества.

Я оглашу небольшую справку из статьи Северо-Двинского губисполкома. В этой статье взято число волостей на губернию, и перечислено, сколько и каких агрономических, ветеринарных и других участков имеется: по Северо Двинской губ. насчитывается 97 волостей. На эти 97 волостей мы имеем 16 агрономических участков, ветеринарных участков 9, ветеринарно-фельдшерских пунктов 31, землеустроительных

участков 18, лесничеств 35, волостных финансовых агентов 35, инспекторов районных по косналогам 17, контор губсоюза 12, судебных участков 31, больниц 22, и т. д., и т. п. Когда я читал эту таблицу, я не нашел ни одной цифры, которая бы совпадала с количеством волостей. Вся организация нашей помощи крестьянству, все обслуживание крестьянских нужд создано по этой таблице между волисполкомом и уездисполкомом.

Агрономическую, ветеринарную, фельдшерскую, учительскую и прочую помощь мы оторвали и от волости, и от уезда, от ежедневного, организованного контроля крестьянства.

Вывод, который делают товарищи из Северо-Двинска, заключается в том, что волость нужно укрепить, что агрономические пункты и другие должны по возможности совпадать с центрами волости. Таким путем мы подходим к организации мелкой советской единицы. Я несколько извиняюсь за этот термин, потому что он напоминает старую платформу земцев, когда они боролись за мелкую земскую единицу. Но я не думаю, чтобы мы были правы, если бы взялись отрицать все то, что имелось в программе земцев в смысле их работы среди крестьян, в смысле организации помощи крестьянству. Эта идея об организации мелкой крестьянской единицы,—земской в старое время и советской мелкой единицы в настоящее время,—является безусловно жизненной, соответствующей интересам как самого крестьянства, так и интересам нашей партии и советской власти.

Создав более крупную волостную единицу, мы сумеем сосредоточить там большее количество и более квалифицированных коммунистических и советских сил, сумеем обратить эту низовую рабочую организацию в такой орган, который приносил бы пользу крестьянству, а не вред, сумеем проверить их и добиться того, чтобы волисполкомы являлись опорой крестьянской бедноты, а не деревенского кулака.

Особенное значение это имеет в период НЭП'а. Тут уже была маленькая дискуссия по вопросу о кустарях. Кустарная промышленность по ценности своей продукции дает половину государственной промышленности. Был небольшой оттенок в мнениях о том, враг или друг нам кустарь. Кустарь плюс посредник является той средой, в которой возникает частный капитал. Но, ведь, организация и развитие капитала подразумевают организацию и развитие двух антиподов—собственника и рабочего. И вот кустарная масса в деревнях—это резерв, из которого капитализм черпал пролетарские силы, из которых образовался рабочий класс. Посредник, который вырастал на почве эксплоатации кустаря, обращался в Морозовых. Кустарь, по роду своей жизни, по своей идеологии, по своим занятиям и в значительной части по своему будущему, наиболее родственная часть крестьянству и рабочему классу. Те, кто вырастает на почве эксплоатации, посредники—это будущие капиталисты. В виду таких социальных отношений, возникающих на почве кустарного и ремесленного труда, необходимо обратить особое внимание на организацию кустарной кооперации. При помощи кооперации мы должны организовать кустаря против посредника. Те

успехи, которые сделаны в этой области, говорят о том, что эта задача— одна из тех, которую можно и нужно осуществить.

Но как осуществление этой задачи, так и вообще борьбы за то, чтобы излишки земледелия не приводили к созданию новой буржуазии, определяют в первую очередь необходимость создания прочной опоры первичной базы—волисполкома.

Это заставляет меня с особенной настойчивостью подчеркивать необходимость обратить величайшее внимание именно на организацию волости.

Против системы, которая предлагает расширение волости в несколько раз, укрупнение волости, возражают, главным образом, потому, что крестьянин в настоящее время с волостью связан гораздо крепче и посещает ее гораздо чаще, чем до революции. И если мы укрупним ее в три-четыре раза и заставим крестьянина гонять лошадь в 3—4 раза дальше, то это, мол, вызовет недовольство в крестьянстве. Я думаю, что эти возражения легко отвести. Вместе с укрупнением волости она должна быть очищена от целого ряда чисто-бюрократических регистрационных задач.

Я потребовал справку о том, как разделяется регистрационная работа в волости, т.-е. что она больше всего регистрирует, и зачем теперь больше всего крестьянин в волость ездит. Оказывается, что 60% всей регистрационной работы в волости падает на запись актов гражданского состояния. Если употребить старый бюрократический термин по-русски, это значит: запись рождений, браков и смертей. Я думаю, что мы можем с полной смелостью поручить запись рождений, браков и смертей сельским советам и сельским общинам. Если мы передадим такого рода государственные функции, как запись смертей или запись браков, в сельские советы, то волость сама по себе, как один из главнейших центров советской и партийной работы, от этого не проиграет, а выиграет. И крестьянин будет освобожден от необходимости проходить из-за смертей бюрократическую волокиту и ездить иногда больше десятка верст.

Эти две меры,—укрупнение волости и объединение волостной организации с такими главнейшими хозяйственными и культурными функциями, как медицинская, агрономическая, школьная, культурно-просветительная и т. п.,—должны создать из волости базу для советской и партийной работы, освободить волисполком от регистрационных функций и должны помочь нам в борьбе за то, чтобы наша главнейшая, наиболее ответственная ячейка советского аппарата была базой коммунистической партии и советской власти, а не кулака и зажиточного крестьянина и посредника, как это иногда случается в настоящее время.

Я перехожу к другому, точно так же спорному вопросу,—к вопросу об организации области. Как известно, новый план административно хозяйственного деления государства построен на том, что за укрупненной волостью идет округ, организация, близкая к губернии, и за округом идет район или область, организация, охватывающая не-

сколько губерний и имеющая права и функции выше, чем имеют в настоящее время губернские исполнительные комитеты.

Если острее вопроса об организации волости направлено в сторону улучшения нашей работы среди масс крестьянства, то организация области теснейшим образом связана с вопросом централизма, планирования и возможности систематически управлять государством и систематически заниматься восстановлением нашего хозяйства.

Как я уже указал в начале своего доклада, опыт шести лет убедил меня в полной невозможности систематического, планового правления страной, в особенности же руководства экономикой страны, опираясь на ту систему, которую мы имеем в настоящее время. Мне думается, что все хозяйственное развитие нашей республики и будущая система административно-хозяйственной организации советского государства должны будут покоиться на организации областей.

Самое составление единого плана (а о плане мы говорили уж много лет), самое составление единого плана, в Москве, без опорных пунктов в областях, без увязки отдельных хозяйственных задач в пределах области или в пределах районов, является совершенно неосуществимым. Более того: я лично совершенно убежден в том, что дальнейшее развитие хозяйственной жизни нашей страны чем дальше, тем больше будет покоиться на все большей спецификации отдельных районов на тех или других хозяйственных и экономических задачах. Это относится не только к Донецкому району. Это относится и к Уралу, это относится и к Сибири, это относится к засушливому району Поволжья и т. п. По этому принципу вынужден будет организоваться и московский центральный текстильный район и т. д., и т. п.

Приблизительно с год назад мы условились с товарищами из Госплана, что они на-ряду с работой по составлению ведомственных всероссийских планов организуют в составе Госплана районные и областные секции и попробуют учесть, как обрезки единого текстильного, топливного, железнодорожного, школьного и т. д. плана, как эти обрезки умещаются и увязываются в том или другом районе или в той или другой области. Из разговоров с товарищами из Госплана я вынес заключение, что они наблюдали уже здесь любопытные картины при этой работе. Мы вырабатываем план, допустим, по вопросу о металлургии и забрасываем его в тот или другой металлургический район. Но все остальное, что связано с осуществлением этого плана, и что не находится в ведении этого Наркомата или соответствующего отдела данного Наркомата или какого-нибудь подотдела его, какой-нибудь комиссии,—вот все это, совершенно необходимое для проведения плана в жизнь, все это не поспевает, отстает или попадает в совершенно другой пропорции и в других отношениях.

В функции советской власти и в ведение советов вошли громадные области жизни, которые до октябрьского переворота никакого отношения к ведению государственной власти не имели. В системе советской власти, в лице губисполкома, СНК и т. д. мы имеем своего рода государственный комбинированный трест или государственный

синдикат, который через свои отделы должен согласованно руководить самой разнообразной работой: и хозяйственной, и здравоохранения, и народного просвещения, и местных путей сообщения и т. д., и т. п. Партия мало того, что руководит работой губисполкомов, Совнаркома, и т д., но через все партийные организации контролирует, проверяет, толкает, агитирует и всем авторитетом партийной организации в гигантской степени содействует достижению тех или иных задач. Эта увязка всех советских организаций между собой и с партией является совершенно неизбежной, если вы хотите добиться какого-нибудь толка, добиться успеха в тех гигантских задачах, которые стоят перед рабочим классом.

Эта увязка необходима и в областном масштабе, так как хозяйственные задачи не укладываются в пределах существующих административных делений. Вся система организации нашего хозяйства, в частности нашей промышленности, разбита по трем линиям. Мы имеем централизованную промышленность, районную промышленность и промышленность губернскую. Я оглашу главнейшие цифры. Так, у центральных Наркоматов, т.-е. в так-называемых предприятиях первой категории, которые подведомственны только центру, там количество трестов 71, количество предприятий в них 996, количество рабочих 343.883. Областные тресты. Их по числу 64, предприятий там 633, число рабочих 183.539. Это областные тресты и областные объединения, которые подчинены областным организациям, промбюро и т. д. Губернских трестов имеется по числу 349, количество предприятий в них 2.653 и количество рабочих 291.612. Таким образом, из этого списка вы видите, что наша промышленность, со значительным уклоном в сторону централизованных трестов, разбита на три части: местную, районную и центральную. Но вся она опирается в каждой области на одну и ту же общую для всех них сумму хозяйственных ресурсов района и его партийных и советских организаций. Отдельные части промышленности, отдельные стороны хозяйственной жизни края зависят друг от друга и от всей экономической и политической жизни района, и наоборот. Поэтому увязка в пределах области как хозяйственного плана, так и текущих советских и партийных мероприятий для проведения его в жизнь является совершенно обязательной. Внимание центральных органов, главным образом, устремлено на организацию и помощь так-называемым командующим высотам нашей промышленности, но для целесообразного управления этими высотами ВСНХ был вынужден создать свои областные организации.

По этому же пути децентрализации пошли и железные дороги. В настоящее время с областями связаны и полностью совпадают железные дороги: Закавказья с управлением в Тифлисе, Юго-Восточная с управлением в Ростове, жел. дороги в Сибири, Пермская дорога на Урале, ж. д. на северо-западе, на Украине, на Дальнем Востоке и в Туркестане. Управление ж.-д. транспортом пошло по линии областного районирования, главным образом, для увязки с хозяйственными партийными и советскими организациями области. Еще большее значение

местная и областная жизнь имеет для шоссейных и иных дорог местного и областного значения из громадного количества дорог, которых за центром оставлено около 36.000. Все остальные переданы в ведение местных органов.

Я спрашиваю: можно ли увязать в центре организацию хозяйства, в котором громадное значение имеет промышленность кустарная, у которого одна третья часть крупной промышленности передана на места, а другая треть передана областным органам, у которого ж. д. организованы в областном масштабе, у которого кредитные учреждения имеют областной тип,—возможно ли составление плана без организации областей?

То обстоятельство, что мы с планом и плановым хозяйством до сих пор топчемся на месте, объясняется, главным образом, тем, что мы не сумели организовать места, не сумели организовать области, не сумели поставить перед областными работниками задачу увязки нашей плановой жизни в ее областном масштабе. Я не думаю, чтобы в этом деле можно было ограничиться только тем, что мы дадим ряд ведомственных планов на области и скажем, чтобы они исполнили эти планы. Я не думаю, чтобы можно было ограничиться и тем, чтобы области составили план, чтобы мы сложили и получили арифметическую сумму этих планов в центре. Нам необходимо достичь в этом отношении максимального синтеза — безусловно полнейшего использования всех сил области, всех сил района, полного учета его местных ресурсов, специальных навыков местной культуры с теми общефедеративными и общесоюзными задачами, которые стоят перед республикой.

В настоящее время неизбежность усиления системы областных организаций и создания новых областей вполне осознана как Госпланом и центральными органами, так и громадным количеством местных организаций.

Областные партийные организации практикой своей работы пополнили недочеты советского законодательства об областных органах и помогли им проделать громадную работу, например, на Урале и на Северном Кавказе.

Я предлагаю съезду принять следующие главнейшие решения. Первое, прежде чем осуществить весь план нового административно-хозяйственного деления республики от волости до области, по всей территории республики произвести опыт этой организации на протяжении ближайшего года, по меньшей мере, в двух крупных наилучше организованных областях. Организовать там областные исполнительные комитеты, предоставить им целый ряд финансовых и налоговых прав, заставить Совнарком передоверить часть функций центрального правительства областным исполкомам.

Во всех других областях перейти к выборности областных органов, не проводя немедленно реформу до конца, но производя постепенно укрепление волостей, сводку уездных исполкомов и подготовку к общей реформе по плану районирования.

Я предлагаю принять и третье решение о переходе к выборно-

сти областных партийных органов. До сих пор все областные бюро ЦК назначались ЦК партии. Эту реформу необходимо провести с наибольшей осторожностью, строго учитывая каждый шаг и соразмеряя каждое мероприятие со сплоченностью и с составом партийных организаций. Речь, ведь, идет о том, чтобы не было нарушено единство партийной линии и партийной практики. Поэтому не во всех районах и не сразу назначенные бюро ЦК должны быть заменены выборными. В некоторых областях необходимо перейти всецело на выборность областных партийных органов. В других областях областные партийные органы должны составляться отчасти из выборных, а отчасти из командированных ЦК партии.

Я не предлагаю съезду принять теперь более решительные и резкие решения, потому что вопрос настолько важен и задевает настолько большие интересы широких крестьянских и рабочих масс, что осторожность в этом деле должна быть обязательна как для ЦК, так и для всей партии.

Но какое-нибудь решение принять нужно, так как не только дискуссия зашла уже слишком далеко, но и целый ряд партийных и советских организаций, в том числе вся Украина, от слов перешли к делу и проводят районирование в его отдельных частях в жизнь. Мы должны или приостановить подготовительные меры к проведению системы районирования и частичное осуществление этой системы, или поручить ЦК взять это дело в свои руки и вести его систематически и организованно.

В заключение я оглашу коротенькую справку об истории этого вопроса. Еще в сентябре 1919 г. была организована специальная комиссия при участии тт. Владимирского, Каменева, Покровского и др. по вопросу о районировании и центральном делении. VII съезд Советов в 19-м же году принял решение, согласно которому было поручено ВЦИК в 1919 г. разрешить практически вопрос о новом административно-хозяйственном делении РСФСР. В 1920 г. при Президиуме ВЦИК образуется административная комиссия для разработки принципов районирования и разрешения основных вопросов нового административного деления. Эта комиссия опять докладывала ВЦИК, и в 20 г. VIII съезд Советов поручил ВЦИК ускорить, наконец, работу по районированию. Вторая сессия ВЦИК опять утверждает решение и т. д., и т. п. Эта волокита идет не только в центральных учреждениях, но идет в каждой области, в каждом районе, в каждой губернии и Госплане. Съезд должен положить конец этой совершенно невиданной издевательской волоките, которая отнимает громадное количество сил и средств, создает неуверенность в главнейших вопросах организации нашего государства, и предложить ЦК взять это в свои руки. Какое-либо решение является совершенно необходимым. Я думаю, что предварительная подготовка этого вопроса на местах даст возможность съезду предложить ЦК и центральным советским учреждениям перейти и в этом вопросе от слов к делу. (Аплодисменты).

Председательствующий. Товарищи, Президиум предлагает по заслушанному докладу прений не открывать, а резолюцию передать

на разработку секции, которая будет организована. Нет возражений? Нет. Следующий на очереди доклад по национальному вопросу. Есть предложения о перерыве. Возражений нет? Объявляется перерыв на 10 минут.

* * *

Каменев (председательствующий). Заседание возобновляется. Для предложения о дальнейшей работе съезда от имени Президиума слово имеет тов. Рудзутак.

Рудзутак. Товарищи, Президиум предлагает съезду следующий порядок работы. Сегодняшнее заседание продолжить до 4-х часов, посвятив его прениям по национальному вопросу, сначала заслушать доклад и после этого открыть прения. Сегодня, вечером, заседания съезда не устраивать, поскольку сегодня в Большом театре происходит торжественное приветствие московских рабочих. Сегодня же в Большом театре созвать сеньорен-конвент для обсуждения состава будущего ЦК и ЦКК. Завтра, утром, до 2-х часов, продолжение прений по национальному вопросу и от 2-х до 4-х выборы Центрального Комитета и ЦКК. Завтра после обеда секции и после завтра, утром, закрытие съезда.

Председательствующий. Итак, товарищи, вы заслушали предложение. Слово имеет тов. Махарадзе.

Махарадзе. Я боюсь, чтобы прения по очень важному вопросу не были пресечены, и я особенно советую не торопиться и хотя бы один вечер или одно утро посвятить еще заседанию. Я предлагаю здесь заранее не предрешать, что съезд закроется в тот или другой день, а дать возможность съезду в полном объеме исчерпать предстоящий, в высшей степени злободневный вопрос.

Председательствующий. Товарищи, Президиум единогласно полагает, что прения по национальному вопросу должны иметь возможность развернуться полностью, и отнюдь не собирается предлагать съезду в какой бы то ни было степени их комкать. Именно поэтому мы предлагаем сегодня продолжить заседание до 4-х часов и все завтрашнее утро уделить этим прениям. Я думаю, что покуда этого решения достаточно. Если завтра, к 2-м часам, выяснится, что прения еще недостаточно развернуты, то мы будем иметь возможность пересмотреть вопрос и посвятить им еще несколько часов. Но пока я предложил бы регулировать нашу работу тем предложением, которое сделано т. Рудзутаком. Нет возражений? (Голоса с мест: „Нет!“). Итак, мы приступаем к докладу по национальному вопросу. Слово по докладу имеет тов. Сталин. (Продолжительные аплодисменты).

Сталин. Товарищи, со времени Октябрьской революции мы третий раз обсуждаем национальный вопрос: первый раз—на VIII съезде, второй—на X и третий—на XII. Не есть ли это признак того, что кое-что изменилось принципиально в наших взглядах на национальный вопрос? Нет, принципиальный взгляд на национальный вопрос остался тот же, что и до Октября, и после. Но со времени X съезда изменилась международная обстановка в смысле усиления удельного веса тех тяжелых резервов революции, какие ныне представляют страны Востока.

Это во-первых. Во-вторых, со времени X съезда наша партия во внутреннем положении в связи с НЭП'ом тоже имела некоторые изменения. Все эти новые факторы необходимо учесть, подвести им итог. В этом смысле можно говорить о новой постановке национального вопроса на XII съезде.

Международное значение национального вопроса. Вам известно, тт., что мы представляем, мы, как советская федерация, ныне волею исторических судеб представляем передовой отряд мировой революции. Вам известно, что мы впервые прорвали общекапиталистический фронт, оказавшись, волею судеб, впереди всех. Вам известно, что в своем движении вперед мы дошли до Варшавы, а потом отступили, укрепившись на тех позициях, которые мы считали наиболее прочными. С этого момента мы перешли к НЭП'у, и с этого момента мы учли замедление темпа международного революционного движения, с этого момента наша политика стала уже не наступательной, а оборонительной. Уйти вперед после того, как мы под Варшавой потерпели неудачу (не будем скрывать правду), уйти вперед мы не могли, ибо мы рисковали оторваться от тыла, а он у нас крестьянский, и, наконец, мы рисковали забежать слишком далеко от тех резервов революции, которые даны волею судеб, резервов западных и восточных. Вот почему мы предприняли поворот внутри в сторону НЭП'а и вне в сторону замедления движения вперед, решив, что надо передохнуть, залечить свои раны,—раны передового отряда, пролетариата, учинить контакт с крестьянским тылом, повести дальнейшую работу среди резервов, которые отстали от нас,—резервов западных и резервов восточных, тяжелых, составляющих основной тыл мирового капитализма. Вот об этих резервах,—резервах тяжелых, восточных, составляющих, вместе с тем, тыл мирового империализма,—идет речь при обсуждении национального вопроса.

Одно из двух: либо мы глубокий тыл империализма—восточные колониальные и полуколониальные страны—расшевелим, революционируем и тем ускорим падение империализма, либо мы промажем здесь, и тем укрепим империализм, и тем ослабим силу нашего движения. Так стоит вопрос.

Дело в том, что на наш союз республик весь Восток смотрит, как на опытное поле. Либо мы в рамках этого союза правильно разрешим национальный вопрос в его практическом применении, либо мы здесь, в рамках этого союза, установим действительно братские отношения между народами, действительное сотрудничество,—и тогда весь Восток увидит, что в лице нашей федерации он имеет знамя освобождения, имеет передовой отряд, по стопам которого он должен итти, и это будет началом краха мирового империализма. Либо мы здесь, в составе всей федерации, допустим ошибку, подорвем доверие ранее угнетенных народов к пролетариату России, отнимем у союза республик ту притягательную силу в глазах Востока, которую он имеет,—и тогда выиграет империализм, проиграем мы.

В этом международное значение национального вопроса.

Национальный вопрос имеет для нас значение и с точки зрения внутреннего положения, не только потому, что в численном отношении бывшая державная нация представляет около 75 милл., а остальные нации—65 (это все-таки немало), и не только потому, что ранее угнетенные национальности занимают наиболее нужные для хозяйственного развития районы и наиболее важные с точки зрения военной стратегии пункты, не только поэтому, но прежде всего потому, что за эти два года мы ввели так-называемый НЭП, а в связи с этим национализм русский стал нарастать, усиливаться родилась идея сменовеховства, бродят желания устроить в мирном порядке то, чего не удалось устроить Деникину, т.-е. создать так-называемую единую и неделимую.

И, таким образом, в связи с НЭП'ом во внутренней нашей жизни нарождается новая сила—великорусский шовинизм, гнездящийся в наших учреждениях, проникающий не только в советские, но и в партийные учреждения, бродящий по всем углам нашей федерации и ведущий к тому, что если мы этой новой силе не дадим решительного отпора, если мы ее не подсечем в корне,—а НЭП'овские условия ее взращивают,—мы рискуем оказаться перед картиной разрыва между пролетариатом бывшей державной нации и крестьянами ранее угнетенных наций, что равняется подрыву диктатуры пролетариата.

Но НЭП взращивает не только шовинизм русский,—он взращивает и шовинизмы местные, особенно в тех республиках, которые имеют несколько национальностей. Я имею в виду Грузию, Азербейджан, Бухару, отчасти можно принять к сведению Туркестан, где мы имеем несколько национальностей, передовые элементы которых, может быть, скоро начнут конкурировать между собой за первенство. Эти местные шовинизмы, конечно, не представляют по своей силе той опасности, которую представляет шовинизм великорусский. Но они все-таки представляют опасность, грозя нам превратить некоторые республики в арену национальной склоки, подорвать там узы интернационализма.

Таковы основания международного и внутреннего характера, говорящие о важном, первостепенном значении национального вопроса вообще, в данный момент в особенности.

В чем состоит классовая сущность национального вопроса? Что такое национальный вопрос? Классовая сущность национального вопроса состоит в определении взаимоотношений,—я говорю о нашей обстановке, советской,—в определении правильных взаимоотношений между пролетариатом бывшей державной нации и крестьянством бывших угнетенных национальностей. Вопрос смычки здесь обсужден более чем достаточно, но при обсуждении вопроса смычки по докладу тов. Каменева, Калинина, Сокольникова, даже по докладу т. Рыкова и т. Троцкого, при обсуждении имелось в виду, главным образом, отношение пролетариата русского к русскому крестьянству. Здесь, в национальной области, мы имеем более сложную механику. Здесь мы имеем дело с вопросом об установлении правильных взаимоотношений между пролетариатом бывшей державной нации, представляющим наиболее культурный слой пролетариата всей нашей федерации, и

крестьянством, по преимуществу крестьянством национальностей ранее угнетенных. В этом—классовая сущность национального вопроса. Если пролетариату удастся установить с крестьянством инонациональным отношения, могущие подорвать все пережитки недоверия ко всему русскому, которое десятилетиями воспитывалось и внедрялось политикой царизма, если русскому пролетариату удастся, более того, добиться полного взаимного понимания и доверия, установить действительный союз не только между пролетариатом и крестьянством русским, но и между пролетариатом русским и крестьянством иных национальностей, то задача будет разрешена. Для этого необходимо, чтобы власть пролетариата была столь же родной для инонационального крестьянства, как и для русского. Для того, чтобы Советская власть стала и для инонационального крестьянства родной, необходимо, чтобы она была понятна для него, чтобы она функционировала на родном языке, чтобы школы и органы власти строились из людей местных, знающих язык, нравы, обычаи, быт. Только тогда, и только постольку Советская власть, до последнего времени являвшаяся властью русской, станет властью не только русской, но и междунациональной, родной для крестьян ранее угнетенных национальностей, когда учреждения и органы власти в республиках этих стран заговорят и заработают на родном языке. В этом одна из основ национального вопроса вообще, в обстановке советской в особенности.

В чем состоит характерная черта разрешения национального вопроса в данный момент, в 1923 году? Какую форму вопросы, требующие разрешения по национальной линии, приняли в 23 году? Форму установления сотрудничества между народами нашей федерации по линии хозяйственной, по линии военной, по линии политической. Я имею в виду междунациональные отношения. Национальный вопрос, имеющий в своей основе задачи установления правильных отношений между пролетариатом бывшей державной нации и между крестьянством инонациональным, в данный момент принимает особую форму установления сотрудничества и братского сожительства тех народов, которые раньше были разобщены, и которые теперь объединяются в рамках единого государства. Вот суть национального вопроса в той форме, которую он в 23 году принял. Конкретную форму этого государственного объединения представляет тот союз республик, о котором мы говорили еще в конце прошлого года на съезде Советов, и который мы учинили тогда.

Основа этого союза—добровольность и правовое равенство членов союза. Добровольность и равенство потому что исходным пунктом нашей национальной программы является пункт о праве национальностей на самостоятельное государственное существование,—то, что раньше называлось правом на самоопределение. Исходя из этого, мы должны определенно сказать, что никакой союз народов, никакое объединение народов в единое государство не может быть прочным, если оно не имеет в своей основе полной добровольности, если данный народ, если сами народы не хотят объединяться. Вторая основа—

правовое равенство народов, входящих в состав союза. И это понятно. Я не говорю о фактическом равенстве, об этом я в дальнейшем скажу, ибо установление фактического равенства между национальностями, ушедшими вперед, и национальностями отсталыми, дело очень сложное, очень тяжелое, требующее ряда лет. Я говорю тут о равенстве правовом. Равенство тут выражается в том, что все республики, в данном случае 4 республики: Закавказье, Белоруссия, Украина и РСФСР, входящие в состав союза, в одинаковой степени пользуются благами союза и одновременно в одинаковой степени отказываются от некоторых своих прав независимости в пользу союза. Если не будет Наркоминдела у РСФСР, у Украины, у Белоруссии, у Закавказской республики, то ясно, что при упразднении этих Наркоминделов и при создании общего Наркоминдела в союзе республик произойдет некоторое ограничение той независимости, которая была у этих республик и которая ограничена равномерно для всех республик, входящих в союз. Ясно, что если раньше у этих республик существовали свои Внешторги, а теперь эти Внешторги упраздняются как в РСФСР, так и в прочих республиках, для того, чтобы создать общий Внешторг при союзе республик, то и тут происходит некоторое ограничение независимости, которая имела раньше место в полном виде, и которая теперь сократилась в пользу общего союза и т. д., и т. д. Некоторые задают чисто-схоластический вопрос: а что же, после объединения остаются ли республики независимыми? Этот вопрос, схоластический. Их независимость ограничивается, ибо всякое объединение есть некое ограничение ранее имевшихся прав у тех, которые объединились. Но тут элементы независимости остаются безусловно за каждой республикой, ибо каждая республика имеет право одностороннего выхода из состава союза. Вот где элементы независимости, вот максимум независимости в потенции, который у каждой из республик, входящих в союз, остается, и который она может всегда осуществить.

Итак, конкретная форма национального вопроса в нашей обстановке в данный момент свелась к вопросу об установлении сотрудничества народов, хозяйственного, внешне-политического и военного. Мы должны объединить эти республики по этим линиям в единый союз, называемый СССР. К этому свелись конкретные формы национального вопроса в данный момент.

Но легко сказка сказывается, да не скоро дело делается.

Дело в том, что в нашей обстановке мы имеем целый ряд факторов, не только содействующих объединению народов в одно государство, но и тормозящих это объединение.

Содействующие факторы вам известны, прежде всего хозяйственное сближение народов, установленное еще до Советской власти и укрепленное Советской властью, некоторое разделение труда между народами, установленное до нас и укрепленное нами, Советской властью,—оно является основным фактором, содействующим объединению республик в союз. Вторым фактором, содействующим объединению следует считать природу Советской власти. Это понятно. Советская

власть есть власть рабочих, диктатура пролетариата, которая по своей природе располагает к тому, чтобы трудящиеся элементы республик и народов, входящих в союз, настраивались на дружественный лад друг к другу. Это понятно. И третий фактор, содействующий объединению,—это империалистическое окружение, составляющее среду, в условиях которой приходится действовать союзу республик.

Но есть и факторы, препятствующие этому объединению, тормозящие это объединение. Основная сила, тормозящая дело объединения республик в единый союз,—это та сила, которая нарастает у нас, как я уже говорил, в условиях НЭПа: это великорусский шовинизм. Вовсе не случайность, товарищи, что сменовеховцы приобрели массу сторонников среди советских чиновников. Это вовсе не случайность. Не случайность и то, что господа сменовеховцы похваливают коммунистов-большевиков, как бы говоря: вы о большевизме сколько-угодно говорите, о ваших интернационалистских тенденциях сколько-угодно болтайте, а мы-то знаем, что то, что не удалось устроить Деникину, вы это устроите, что великую идею великой России вы, большевики, восстановили, или вы ее, во всяком случае, восстановите. Все это не случайность. Не случайность и то, что даже в некоторые наши партийные учреждения проникла эта идея. Я был свидетелем того, как на февральском пленуме, где впервые ставился вопрос о второй палате, в составе ЦК раздавались речи несоответствующие коммунизму,—речи, не имеющие ничего общего с интернационализмом. Все это знамение времени, поветрие. Основная опасность, отсюда проистекающая,—опасность, проистекающая от того, что в связи с НЭП'ом у нас растет не по дням, а по часам великодержавный шовинизм, самый заскорузлый национализм, старающийся стереть все нерусское, собрать все нити управления вокруг русского начала и придавить нерусское. Основная опасность состоит в том, что при этакой политике мы рискуем потерять то доверие к русским пролетариям со стороны бывших угнетенных народов, которое приобрели они в октябрьские дни, когда русские пролетарии скинули помещиков, русских капиталистов, когда они, русские пролетарии, разбили национальный гнет, вывели войска из Персии, из Монголии, провозгласили независимость Финляндии, Армении и вообще поставили национальный вопрос на совершенно новые основы. То доверие, которое мы тогда приобрели, мы можем растерять до последних остатков, если мы все не вооружимся против этого нового, повторяю, великорусского шовинизма, который бесформенно, без физиономии ползет, капля за каплей впитываясь в уши и в глаза, капля за каплей изменяя дух, всю душу наших работников так, что этих работников рискуешь не узнать совершенно. Вот эту опасность, товарищи, мы должны во что бы то ни стало свалить на обе лопатки, иначе нам грозит перспектива потери доверия рабочих и крестьян ранее угнетенных народов, нам грозит перспектива разрыва связи между этими народностями и российским пролетариатом, и этим самым нам грозит опасность допустить некую трещину в системе нашей диктатуры. Не забудьте, товарищи, что если мы с развернутыми знаменами

шли против Керенского и свалили временное правительство, то. между прочим, потому, что там за спиной мы имели доверие тех угнетенных народов, которые ждали от русских пролетариев освобождения. Не забудьте о таких резервах, как угнетенные народы, которые молчат, но своим молчанием давят и решают многое. Часто это не чувствуется, но они, эти народы, живут, они есть, и о них нельзя забывать. Да, товарищи, опасно о них забывать. Не забудьте, что если бы мы в тылу у Колчака, Деникина, Врангеля и Юденича не имели так-называемых „инородцев", не имели ранее угнетенных народов которые подрывали тыл этих генералов своим молчаливым сочувствием русским пролетариям,—товарищи, это особый фактор в нашем развитии: молчаливое сочувствие, его никто не видит и не слышит, но оно решает все,—если бы не это сочувствие, мы бы не сковырнули ни одного из этих генералов. В то время, когда мы шли на них, в тылу у них начался развал. Почему? Потому. что эти генералы опирались на колонизаторский элемент из казаков, они рисовали перед угнетенными народами перспективу их дальнейшего угнетения, и угнетенные народы вынуждены были итти к нам в объятия, между тем как мы развертывали знамя освобождения этих угнетенных народов. Вот что решило судьбу этих генералов, вот сумма факторов, которые заслонены успехами наших войск, но которые в последнем счете решили все. Этого забывать нельзя. Вот почему мы обязаны круто повернуть в смысле борьбы с новыми шовинистическими настроениями и пригвоздить к позорному столбу тех чиновников наших учреждений и тех партийных товарищей, которые забывают о нашем завоевании в октябре, именно о доверии ранее угнетенных народов, которым мы должны дорожить.

Таков первый и самый опасный фактор, тормозящий дело объединения народов и республик в единый союз. Нужно понять, что если такая сила, как великорусский шовинизм, расцветет пышным цветом и пойдет гулять,—никакого доверия со стороны угнетенных ранее народов не будет, никакого сотрудничества в едином союзе мы не построим, и никакого Союза республик у нас не будет.

Второй фактор, товарищи, тоже препятствующий объединению ранее угнетенных народов вокруг русского пролетариата,—это то фактическое неравенство, которое мы унаследовали от периода царизма.

Равенство правовое мы провозгласили и проводим его, но от правового равенства, имеющего само собой величайшее значение в истории развития советских республик, все-таки далеко до равенства фактического. Все отсталые национальности и все племена формально имеют столько же прав, сколько и все другие ушедшие вперед национальности в составе нашей федерации. Но беда в том, что некоторые национальности не имеют своих пролетариев, промышленного развития не прошли, даже не начинали, в культурном отношении страшно отстали и совершенно не в силах использовать те права, которые им предоставлены революцией. Это, товарищи, более важный вопрос. чем вопрос о школах. Тут некоторые из наших товарищей думают, что, выпятив на первый план вопрос о школах и языке, этим самым мож-

но разрубить узел. Неверно, товарищи, на школах тут далеко не уедешь, они, эти самые школы, развиваются, язык тоже развивается, но неравенство фактически—это основа всех недовольств и всех трений. Тут школами и языком не отговоришься, тут нужна действительная систематическая, искренняя, настоящая пролетарская помощь с нашей стороны трудящимся массам отсталых в культурном и хозяйственном отношении национальностей. Необходимо, чтобы, кроме школ и языка, российский пролетариат принял все меры к тому, чтобы на окраинах, в отставших в культурном отношении республиках,—а отстали они не по своей вине, а потому, что их рассматривали раньше, как источники сырья,—необходимо добиться того, чтобы в этих республиках были устроены очаги промышленности. Некоторые попытки в этом направлении сделаны. Грузия взяла одну фабрику из Москвы, и она, должно-быть, в скором времени заработает. Бухара взяла одну фабрику, а могла взять 4 фабрики. Туркестан берет одну большую фабрику, и, таким образом, есть все данные, что эти республики, в хозяйственном отношении отставшие и не имеющие пролетариата, должны с помощью русского пролетариата основать у себя очаги промышленности, хотя бы маленькие очажки, с тем, чтобы в этих очажках были группы пролетариев местных, могущих послужить передаточным мостиком от русских пролетариев и крестьян к трудящимся массам этих республик. Вот в этой области нам придется серьезно поработать, и тут одними школами и языком не отговориться.

Но есть еще третий фактор, тормозящий объединение республик в один союз,—это национализм в отдельных республиках. НЭП действует не только на русское население, но и на нерусское. НЭП развивает частную торговлю и промышленность не только в центре России, но и в отдельных республиках. Вот этот-то самый НЭП и связанный с ним частный капитал питают, взращивают национализм грузинский, азербейджанский, узбекский и пр. Конечно, если бы не было великорусского шовинизма, который является наступательным, потому что он силен, потому что он и раньше был силен, и навыки угнетать и принижать у него остались,—если бы великорусского шовинизма не было, то, может-быть, и шовинизм местный, как ответ на шовинизм великорусский, существовал бы, так-сказать, в минимальном, в миниатюрном виде, потому что в последнем счете антирусский национализм есть оборонительная форма, некоторая уродливая форма обороны против национализма русского, против шовинизма русского. Если бы этот национализм был только оборонительный, можно было бы еще не поднимать из-за него шума. Можно было бы сосредоточить всю силу своих действий и всю силу своей борьбы на шовинизме великорусском, надеясь, что коль скоро этот сильный враг будет повален, то, вместе с тем, будет повален и национализм антирусский, ибо он, этот национализм, повторяю, в конечном счете является реакцией на национализм великорусский, ответом на него, известной обороной. Да, это было бы так, если бы на местах национализм антирусский дальше реакции на национализм русский не уходил. Но беда в том, что в некоторых рес-

публиках этот национализм оборонительный превращается в наступательный.

Возьмем Грузию. Там имеется более 30% негрузинского населения. Среди них: армяне, абхазцы, аджарцы, осетины, татары. Во главе стоят грузины. Среди части грузинских коммунистов родилась и развивается идея—не очень считаться с этими мелкими национальностями: они менее культурны, менее, мол, развиты, а посему можно и не считаться с ними. Это есть шовинизм,—шовинизм вредный и опасный, ибо он может превратить маленькую Грузинскую республику в арену склоки, и он уже превратил ее в эту арену склоки.

Азербейджан. Основная национальность—азербейджанская, но там есть и армяне. Среди одной части азербейджанцев тоже имеется такая тенденция, иногда очень неприкрытая, на тему о том, что мы, дескать, азербейджанцы коренные, а они, армяне,—пришельцы. Нельзя ли их по этому случаю немного отодвинуть назад, не считаться с их интересами. Это—тоже шовинизм. Это подрывает то равенство национальностей, на основе которого строится Советская власть.

Бухара. Там, в Бухаре, имеются три национальности: узбеки—основная национальность, туркмены, „менее важная“ с точки зрения бухарского шовинизма национальность, и киргизы; там их мало, и они менее важны.

В Хорезме—то же самое: туркмены и узбеки. Узбеки—основная национальность, а туркмены—„менее важная“.

Все это ведет к конфликтам, к ослаблению Соввласти. Эта тенденция к местному шовинизму также должна быть в корне пресечена. Конечно, в сравнении с великорусским шовинизмом, составляющим в общей системе национального вопроса три четверти целого, шовинизм местный не так важен, но для местной работы, для местных людей, для мирного развития самих национальных республик этот шовинизм имеет первостепенное значение.

Шовинизм этот иногда начинает претерпевать очень интересную эволюцию. Я имею в виду Закавказье. Вы знаете, что Закавказье состоит из трех республик, имеющих в своем составе 10 национальностей. Закавказье с ранних времен представляло арену резни и склоки, а потом, при меньшевизме и националистах, арену войны. Вы знаете грузино-армянскую войну. Резня в начале 1904 года и в конце 1905 года вам тоже известна. Я могу назвать целый ряд районов где большинство армян всю остальную часть населения, состоящую из татар, вырезали,—например, Зангезур. Есть такая область, где большинство—армяне, и там они вырезали всех татар. Могу указать на другую провинцию—Нахичевань. Там татары преобладали, и они вырезали всех армян. Это было как раз перед освобождением Армении и Грузии от ига империализма. (Голос с места: „По своему разрешили национальный вопрос“.) Это тоже, конечно, известная форма разрешения национального вопроса. Но это не советская форма разрешения. В этой обстановке взаимной национальной вражды русские, конечно, не при чем, ибо борются татары и армяне, без русских. Вот

почему необходим в Закавказье специальный орган, который мог бы регулировать взаимоотношения между национальностями. Можно сказать смело, что взаимоотношения между пролетариатом бывшей державной России и между трудящимися всех остальных национальностей представляют три четверти всего национального вопроса. Но одну четверть этого вопроса надо оставить на долю взаимных отношений между самими ранее угнетенными национальностями.

И вот в этой обстановке взаимного недоверия, если бы Советская власть не сумела в Закавказье поставить орган национального мира, могущий урегулировать трения и конфликты, мы вернулись бы к эпохе царизма или эпохе дашнаков, муссаватистов, меньшевиков, когда люди жгли и резали друг-друга. Вот почему ЦК трижды подтверждал необходимость сохранения Закавказской федерации, как органа национального мира.

Тут была и остается одна группа грузин-коммунистов, которая не возражает против того, чтобы Грузия объединилась с союзом республик, но возражает против того, чтобы это объединение прошло через Закавказскую федерацию. Им, видите ли, хочется поближе к союзу, дескать, не нужно этого средостения между нами, грузинами, и между союзом республик в виде Закавказской федерации, не нужно, дескать, федерации. Это, будто бы, звучит очень революционно. Но тут есть другой умысел. Во-первых, эти заявления говорят о том, что в области национального вопроса в Грузии отношение к русским играет второстепенное значение, ибо эти товарищи-уклонисты (их так называют) ничего не имеют против того, чтобы Грузия прямо объединилась с союзом, т.-е. не боятся великорусского шовинизма, считая, что он так или иначе подрублен, либо не имеет решающего значения. Они, очевидно, больше боятся федерации Закавказья. Почему? Почему три народа, живущие в Закавказье, дравшиеся между собою столько времени, резавшие друг-друга, воевавшие друг с другом, — почему эти народы теперь, когда, наконец, Советская власть установила узы братского союза между ними в виде федерации, когда эта федерация дала настоящие плоды взаимного братства, почему теперь эти узы федерации нужно рвать? В чем дело, товарищи? Дело в том, товарищи, что узы федерации Закавказья лишают Грузию той доли привилегированного положения, которое она могла бы занять по своему географическому положению. Судите сами. Грузия имеет свой порт Батум, откуда притекают товары с Запада, Грузия имеет такой железнодорожный узел, как Тифлис, которого не минуют армяне, не минует Азербейджан, получающий свои товары из Батума. Если бы Грузия была отдельной республикой, если бы она не входила в Закавказскую федерацию, она могла бы некоторый маленький ультиматум поставить и Армении, которая без Тифлиса не может обойтись, и Азербейджану, который без Батума не может обойтись. Тут были бы некоторые выгоды. Это не случайность, товарищи, что такой дикий декрет о кордоне вырабатывается именно в Грузии. Теперь эту вину взваливают на Серебрякова. Допустим. Но, ведь, родился-то он в Грузии, а не в Азербейджане и не

в Армении. Это не случайность, что был такой декрет, которым хотели регулировать отношение населения для того, чтобы задержать кое-что в пользу Грузии и дать возможность Грузии использовать то выгодное географическое положение, которое она имеет безусловно, и которое она в лице уклонистов терять не хочет. Затем тут есть еще и другая причина. Тифлис—столица Грузии, но в нем грузин не более 25%, армян не менее 35%, затем идут все остальные национальности. Вот вам и столица Грузии. Ежели бы Грузия представляла из себя отдельную республику, то тут можно было бы сделать некоторое перемещение населения,—например, армянского из Тифлиса. Был же такой декрет, о котором тов. Махарадзе заявил, что он был направлен против армян. Можно было бы некоторое перемещение произвести так, чтобы армян из года в год оказывалось меньше в Тифлисе, чем грузин, и, таким образом, превратить Тифлис в настоящую грузинскую столицу. Я допускаю, что декрет о выселении они сняли. Но у них в руках имеется масса возможностей, масса таких гибких форм, например, „разгрузка",—при помощи которых можно было бы, соблюдая видимость интернационализма, устроить дело так, что армян в Тифлисе оказалось бы меньше. Вот эти выгоды в географическом отношении, которые уклонисты терять не хотят, и невыгодное положение Грузии в самом Тифлисе, где грузин меньше, чем армян, и заставляют наших уклонистов бороться против федерации. Меньшевики просто выселяли из Тифлиса армян и татар. Теперь же при Советской власти выселять нельзя, и поэтому надо выделиться из федерации, и тогда будут юридические возможности, чтобы самостоятельно произвести некоторые такие операции, которые приведут к тому, что выгодное положение грузин будет использовано полностью против Азербейджана и Армении.

И в результате всего этого создалось бы привилегированное положение грузин внутри Закавказья. В этом вся опасность. Можем ли мы, игнорируя интересы национального мира в Закавказье, можем ли мы создать такие условия, при которых грузины находились бы в привилегированном положении в отношении армянской и азербейджанской республик? Нет. Мы этого допустить не можем.

Есть старая специальная система управления, когда буржуазная власть приближает к себе некоторые национальности, дает им привилегии, а остальные нации принижает, не желая возиться с ними. Таким образом, приближая одну национальность, она давит через нее на остальные. Так управляли, напр., в Австрии. Всем памятно заявление австрийского министра Бейста, когда он позвал венгерского министра и сказал: „ты управляй своими ордами, а я со своими справлюсь", ты, мол, жми и дави свои национальности в Венгрии, а я буду давить свои. Ты и я—привилегированные нации, а остальных дави. То же самое было с поляками внутри самой Австрии. Австрийцы приблизили к себе поляков, давали им привилегии, чтобы поляки помогли укрепить австрийцам свои позиции в Польше, и за это давали полякам возможность душить Галицию. Это особая, чисто-австрийская система—выделить некоторые национальности и давать им привилегии,

чтобы затем справиться с остальными. С точки зрения бюрократии это экономный образ управления, потому что приходится возиться с одной национальностью, но с точки зрения политической это верная смерть, ибо нарушать принципы равенства национальностей и допускать какие-нибудь привилегии одной национальности—это значит обречь свою национальную политику на смерть.

Точно так же управляет теперь Англия Индией. Чтобы с точки зрения бюрократии полегче справиться с национальностями и племенами Индии, Англия поделила Индию на Британскую Индию (240.000.000 населения) и Туземную Индию (72.000.000). На каком основании? А на том, что Англия хотела одну группу наций выделить и дать ей привилегии, чтобы тем удобнее управлять остальными национальностями. В самой Индии не менее 800 национальностей, и Англия решила: чем мне возиться с 800 отдельными национальностями, лучше выделить несколько наций, дать им некоторые привилегии и через них управлять другими, ибо, во-первых, недовольство остальных наций будет направляться в таком случае против этих привилегированных, а не против Англии, а во-вторых, дешевле обойдется „возня" с двумя-тремя нациями, чем с 800.

Это тоже системочка управления, английская. К чему она ведет? К удешевлению аппарата,—это верно. Но, тт., если отвлечься от бюрократических удобств, то тут смерть английскому господству в Индии, тут, в этой системе, смерть наверняка, как дважды два—четыре, всей системе английского управления и английского владычества.

На этот опасный путь нас толкают наши тт. грузины-уклонисты, поскольку они борются против федерации, нарушая все законы партии, поскольку они хотят выделиться из федерации, чтобы сохранить выгодное положение. Они толкают нас на путь предоставления им некоторых привилегий за счет армянской и азербейджанской республик. На этот путь мы не можем пойти, ибо это верная смерть всей нашей политике и Советской власти на Кавказе.

Не случайность, что эту опасность учуяли наши товарищи в Грузии. Этот грузинский шовинизм, перешедший в наступление, направленное против армян и азербейджанцев, взбудоражил компартию Грузии. Не случайность, что компартия Грузии, имевшая со времени ее легального существования два съезда, каждый раз единодушно отвергала позицию товарищей-уклонистов, ибо без Закавказской федерации мира на Кавказе сохранить нельзя, равенства установить нельзя. Нельзя допустить, чтобы одна нация была привилегированнее, чем другая. Это почуяли наши товарищи. Вот почему за два года борьбы группа Мдивани представляет собою маленькую кучку, то-и-дело вышибаемую партией в самой Грузии.

Не случайно также, что тов. Ленин так торопился и так напирал на то, чтобы федерация была введена немедленно. Не случайно и то, что трижды наш ЦК подтверждал необходимость федерации в Закавказье, имеющей свой ЦИК и свою исполнительную власть, решения которой обязательны для республик. Не случайно то, что обе комис-

сии,—и тов. Дзержинского, и тов. Каменева с Куйбышевым,—приехав в Москву, сказали, что без федерации обойтись нельзя.

Не случайно, наконец, и то, что меньшевики „Социалистического Вестника“ хвалят наших товарищей уклонистов за борьбу с федерацией, носят их на руках: рыбак рыбака видит издалека.

Перехожу, тт., к разбору тех средств, тех путей, при помощи которых нам необходимо преодолеть эти три основных фактора, тормозящих объединение: великорусский шовинизм, фактическое неравенство и национализм местный, особенно в том случае, когда он переходит в шовинизм. Из средств, могущих помочь нам безболезненно изжить все это наследие, старое наследие, тормозящее сближение народов, я отмечу только три.

Первое средство: принять все меры к тому, чтобы Советская власть в республиках стала понятной и родной, чтобы Советская власть была у нас не только русской, но и междунациональной. Для этого необходимо, чтобы не только школы, но и все учреждения, все органы, как партийные, так и советские, шаг за шагом национализировались, чтобы они действовали на языке, понятном для масс, чтобы они функционировали в условиях, соответствующих быту данного народа. Только при этом условии мы получим возможность Советскую власть из русской сделать междунациональной, близкой, понятной и родной для трудящихся масс всех республик, и особенно для тех, которые отстали в хозяйственном и культурном отношениях.

Второе средство, могущее облегчить нам дело безболезненного изживания наследия, полученного от царизма и от буржуазии,—это такая конструкция комиссариатов в союзе республик, которая бы дала возможность, по крайней мере, основным национальностям иметь своих людей в составе коллегий, и которая создала бы такую обстановку, когда нужды и потребности отдельных республик безусловно удовлетворялись бы.

Третье средство: необходимо, чтобы в составе наших высших органов был такой орган, который служил бы отражением нужд и потребностей всех без исключения республик и национальностей. На это последнее я хочу специально обратить ваше внимание.

Если бы мы могли в составе Союзного ЦИК'а учредить две палаты, из которых первая выбиралась бы на Союзном съезде Советов, независимо от национальностей, а вторая палата выбиралась бы республиками и областями (республики поровну и национальные области тоже поровну) и утверждалась бы тем же съездом Советов Союза республик, я думаю, что мы тогда имели бы в составе наших верховных учреждений отражение не только классовых интересов всех без исключения пролетарских групп, но и запросов чисто-национальных. Мы имели бы орган, который отражал бы особые интересы национальностей, народов и племен, обитающих на территории Союза республик. Нельзя, товарищи, при наших условиях, когда Союз объединяет в общем не менее 140 миллионов людей, из которых миллионов 65 нерусских,—нельзя в этаком государстве управлять, не имея перед

собой здесь, в Москве, в высшем органе посланников этих национальностей, которые отражали бы не только общие для всего пролетариата интересы, но и особые, специальные, специфические, национальные интересы. Без этого, товарищи, управлять нельзя. Не имея этого барометра в руках и людей, которые способны формулировать эти специальные нужды отдельных национальностей, управлять нельзя.

Есть два способа управления страной: один способ, когда аппарат упрощен, и во главе его сидит, скажем, группа или один человек, у которого есть руки и глаза на местах в виде губернаторов. Это очень простая форма управления, при чем глава, управляя страной, получает те сведения, которые могут быть получены от губернаторов, и глава утешает себя надеждой, что он честно и правильно управляет. Потом возникают трения, трения переходят в конфликты, конфликты в восстания. Потом восстания подавляются. Такая система управления—не наша система, к тому же она слишком дорога, хотя и проста. Мы в советской стране должны усвоить ту систему управления, которая дает возможность предугадывать все изменения до точности, все обстоятельства и среди крестьян, и среди националов, и среди так-называемых инородцев, и среди русских, чтобы в системе высших органов был ряд барометров, угадывающих всякое изменение, учитывающих и предупреждающих и басмаческое движение, и бандитское, и Кронштадт, и всякую возможную бурю и невзгоды. Это есть советская система управления. Она потому называется Советской властью, народной властью, что, опираясь на самые низы, она раньше всех улавливает всякое изменение, принимает соответствующие меры и исправляет линию во-время, если она искривилась,—сама себя критикует, и исправляет линию. Эта система управления есть советская система, и она требует, чтобы в системе высших органов у нас были органы, отражающие национальные нужды и потребности без остатка.

Есть возражение, что это усложнит всю систему управления, что это нагромоздит новые органы. Это верно. До сих пор был у нас ЦИК РСФСР, потом создали ЦИК Союза, теперь ЦИК Союза придется, кажется, раскалывать на две части. Ничего не поделаешь. Я указал, что самая простая форма управления—посадить одного человека и дать ему губернаторов, но после Октября такими экспериментами заниматься уже нельзя. Система усложнилась, но она облегчает управление и делает все управление глубоко советским. Вот почему я думаю, что съезд должен принять учреждение специального органа — второй палаты в составе ЦИК'а Союза, как органа абсолютно необходимого.

Я не скажу, что это совершенная форма налаживания сотрудничества между народами союза, не скажу, что это последнее слово науки, отнюдь нет. Национальный вопрос мы будем ставить еще не раз, ибо условия национальные и международные меняются и еще могут измениться. Я не зарекаюсь от того, что, быть-может, нам придется некоторые комиссариаты, которые мы сливаем в составе Союза республик, потом разъединить, если опыт покажет, что некоторые комиссариаты, слившись, дали минус.

Но одно ясно,—что в данных условиях и в данной обстановке лучшего метода и другого более подходящего органа в нашем распоряжении нет. Лучшего средства и другого пути для создания органа, могущего отражать все колебания и все изменения внутри отдельных частей республики, чем учреждение второй палаты, у нас пока-что не имеется. Само собой понятно, что во второй палате должны быть представлены не только эти четыре республики, которые объединились, но и все народы, ибо речь идет не только о республиках, формально объединившихся (их четыре), но и о всех народах и народностях. Поэтому нам необходимо иметь такую форму, которая давала бы отражение запросов всех без исключения народностей и республик.

Я резюмирую, товарищи. Стало-быть, важность национального вопроса определяется новой ситуацией в международном положении, тем, что мы должны здесь, в России, в нашей федерации, национальный вопрос разрешить правильно, образцово, чтобы дать пример Востоку, представляющему тяжелые резервы нашей революции, и тем усилить их доверие, тягу к нашей федерации. С точки зрения внутреннего положения условия НЭП, усиливающийся великорусский шовинизм и шовинизм местный также обязывают нас подчеркнуть особую важность национального вопроса.

Я сказал дальше, что сущность национального вопроса—это определение правильных отношений между пролетариатом бывшей державной нации и крестьянством бывших недержавных наций, что с этой точки зрения конкретная форма национального вопроса в данный момент выражается в том, чтобы изыскать пути, изыскать средства для налаживания сотрудничества и сожительства народов в Союзе республик, в едином государстве.

Я говорил дальше о факторах, содействующих такому сближению народов; я говорил о факторах, тормозящих такое объединение. Я останавливался специально на великорусском шовинизме, как силе укрепляющейся. Эта сила есть основная опасность, могущая подорвать доверие ранее угнетенных народов к русскому пролетариату. Это—наш опаснейший враг, которого мы должны свалить, ибо если мы его свалим, то на $^{9}/_{10}$ свалим и тот национализм, который сохранился, и который развивается в отдельных республиках.

Далее. Мы стоим перед опасностью, что некоторые группы товарищей нас могут толкнуть на путь предоставления привилегий одним национальностям в ущерб другим. Я заявил, что мы на этот путь становиться не можем, ибо это есть развитие местного национализма в самой уродливой, самой шовинистической форме, ибо он может подорвать национальный мир и убить доверие инонациональных масс к Соввласти.

Я дальше говорил, что основным средством, могущим дать нам возможность наиболее безболезненным путем изжить эти факторы, мешающие объединению, является вторая палата в составе ЦИК, о которой я более открыто говорил на февральском пленуме ЦК, и о кото-

рой в тезисах говорится в более прикрытой форме, чтобы дать возможность товарищам самим, может-быть, наметить, нащупать другую, более гибкую форму, другой, более подходящий орган, могущий отражать интересы национальностей. Таковы выводы.

Я думаю, что, только стоя на этом пути, мы добьемся правильного разрешения национального вопроса, мы добьемся того, что широко развернем знамя пролетарской революции и соберем вокруг него сочувствие и доверие стран Востока, представляющего тяжелые резервы нашей революции и могущего сыграть решающую роль в будущих схватках пролетариата с империализмом. (Аплодисменты).

Председательствующий. Товарищи, мы переходим к прениям по заслушанному докладу. Слово имеет тов. Мдивани.

Мдивани. Товарищи, в секции по национальному вопросу нам придется гораздо больше говорить, чем здесь, за недостатком времени. Здесь придется, к сожалению, только схематически, декларативно высказаться и выставить те положения, которые придется там развивать; о том, как у нас там разрешался вопрос, поговорят следующие товарищи, из так-называемых уклонистов: тов. Махарадзе и тов. Цинцадзе.

Если у меня будет время, я постараюсь ответить тов. Сталину в той части, в которой он так ожесточенно нападал на этих грузин-коммунистов, которые чуть ли не грозят заразить всю коммунистическую партию своим шовинистическим настроением.

Товарищи, мы, коммунисты российские, всегда гордились своим разрешением национального вопроса. Весь буржуазный и социалистический мир, а тем более коммунистический, знает, что у нас существует школа Ильича по национальному вопросу,—школа которая раз и навсегда разрешила национальный вопрос. Мы гордились этим, мы с высоко-поднятой головой смотрели на всех и вся и указывали: смотрите и учитесь, как мы умеем разрешать национальный вопрос в нашей программе.

Нужно было показать это и на практике. В этом отношении мы дали маху. Я заявляю, что только потому, что мы не сумели свою национальную программу развернуть в жизни, потому-то и появились так-называемые уклоны, о которых здесь с таким подчеркиванием и нажимом говорят. Я утверждаю, товарищи, что многие наши товарищи не отвергли национальную программу в том виде, в каком она у нас имеется, не забыли ее, а отодвинули в сторону. Я имел случай присутствовать на одном из ответственных заседаний, где один из членов ЦК заявил, что вопрос национальный для нас—вопрос тактики. Этот член ЦК забыл, что это не тактический вопрос, а вопрос программный.

Затем я встречался со многими товарищами, которые выражали нам снисхождение,—нам, отдельным нациям, и говорили: мы вам уступим кое-что. Такое настроение есть, товарищи, и здесь нечего скрывать эту болезнь, надо ее вскрывать здесь, на съезде.

Что же, товарищи, нам, собственно говоря, нужно в этом национальном вопросе? Нам нужно то, чему нас учил всегда тов. Ильич и

к чему нас призывал в последних своих письмах, известных съезду только через отдельные делегации. Эту обязанность история наложила на российский пролетариат учить всех, показывать пример всем и своим доброжелательным подходом к каждой нации втягивать эту нацию в общее мировое движение.

Я заявляю, что имевшее место здесь же противопоставление интернационализма нашему „национализму“ в корне неверно, если понимать интернационализм так, как понимает тов. Ильич. А вот в своих письмах Ильич говорит, что настоящий интернационализм состоит в том, чтобы мы, т.-е. российский пролетариат, не только говорили о формальном равенстве и вообще о равенстве, но российский пролетариат должен говорить о возмещении тому пролетариату и трудящимся тех национальностей, которые до сих пор были угнетены. Вот о чем говорит тов. Ильич, и не потому, конечно, что Ильич стал на меркантильную точку зрения, что вот проценты нам подавай, а потому, что Ильич знает, что в интересах самого российского пролетариата и в интересах руководства трудящимися массами отдельных национальностей российский пролетариат так должен подходить к разрешению национального вопроса. Это и есть пролетарский интернационализм.

Эти вопросы у нас были поставлены так скоропалительно, так быстро шло разрешение этих вопросов, что нужно было некоторым товарищам вмешаться и призвать кое-кого к порядку.

Нечего спешить с разрешением этих вопросов, нечего выказывать административное рвение, нечего руководствоваться озлоблением против пресловутого социал-национализма, ибо если вы этим думаете заниматься, то, поспешив, вы создадите такие формы, которые вам придется пересматривать.

Конечно, когда тов. Сталин заявляет, что он не зарекается от того положения, когда ему придется объединенные комиссариаты пересмотреть и сократить, то это тоже есть мнение Ильича, приведенное в его письме.

Для того, чтобы этого не было, мы предлагали всегда с этим вопросом не спешить, этот серьезный вопрос изучать и проводить так, как в данном месте и в данной национальности требуется, а не ставить формальный абстрактный вопрос об объединении вообще.

Товарищи, чего же мы хотим сами? (Голос: „Кто: „мы“?). Кто? Вы спросите об этом тех, кто нас окрестил уклонистами.

Мы, товарищи, утверждаем, что национальный вопрос вовсе не состоит в том, как это часто, к сожалению, в высшей степени многие авторитетные товарищи понимают,—в вопросе об языке или о культурной и национальной автономии.

Для Советской власти, для коммунистов, для марксистов прежде всего хозяйственная деятельность есть все и все определяет.

Мы утверждаем, что хозяйственный момент никоим образом не должен быть исключен из национальной проблемы. Напротив, этот хозяйственный момент должен наполнять эту национальную проблему, иначе нам особенно не зачем изучать этот язык, если ему особого

хода не будет, нечего эту национальную культуру создавать, если не будет для нее экономической базы. Вот самое главное, что мы должны усвоить и твердо установить здесь.

Можно говорить о максимуме и минимуме этой хозяйственной деятельности, которую можно предоставить отдельным национальностям, но прежде всего твердо надо установить здесь, что хозяйственный момент в области разрешения национального вопроса есть первый вопрос. Из него надо исходить, а все остальное приложится. Мы утверждаем, товарищи, что у отдельных национальностей имеются отрасли хозяйства, которые не могут остаться в полном ведении этих отдельных национальностей, не только потому, что у этих национальностей нехватит никаких средств вести это хозяйство, но и потому, что они имеют решающее значение для всесоюзного объединения. Такие отрасли хозяйства, без сомнения, должны быть изъяты из ведения местных хозяйственных органов данной национальности и должны быть объединены в общесоюзном масштабе. В первую очередь вопросы топлива, а затем ввоза и вывоза и всего, что требуется для этого ввоза и вывоза (порты).

В письмах Владимира Ильича очень твердо и выразительно сказано как-раз то, из-за чего мы там боролись.

Орджоникидзе (с места). Гении...

Мдивани. Нет, не мы гении! У нас имеются другие возведенные в сан гениев люди, но мы простые коммунисты, которые думают о национальной программе. Если мы издалека подошли к правильному разрешению национальной программы, так это сделали наши коммунистические и интернациональные головы, а не ваши.

Мне приходится возражать, чего я не думал делать, тов. докладчику. Тов. докладчик очень много места уделил Грузии и грузинскому шовинизму.

Сталин (с места). В знак особого уважения!

Мдивани. Спасибо, тов. Сталин. Но разрешите мне в знак „особеннейшего" уважения напомнить вам кое-что из прошлой нашей жизни. Нам говорят, что мы – шовинисты, потому что мы стоим за привилегии для себя и сами давим некоторые национальности,—например, абхазцев, осетин и аджарцев.

Заявляю, что Абхазия,—здесь имеются ее представители,—она была самостоятельна.

Орджоникидзе (с места). Против вашей воли.

Мдивани. Простите, тов. Орджоникидзе. Из уважения к вам должен сказать, что когда эта самостоятельность Абхазии была объявлена, я не мог употребить никакой воли, потому что я был в Турции, так что самостоятельность этой самой Абхазии была уничтожена под непосредственным влиянием и давлением наших противников, которые командировали тов. Назаретяна, и там они ее уничтожили. При чем тут мы, уклонисты?!. Ведь, это исходит из той группы. Бить нас этой самой ошибкой неудобно.

Дальше аджарцы. Я должен напомнить здесь тов. Сталину. Когда

вы были там, а я был председателем ревкома, вы мне говорили: надо быть очень осторожным по отношению к этой народности.

Вот причина, почему разрешение тех или других вопросов уклоняется в сторону. Когда это делается с распоряжения тов. Сталина, я должен сказать: слушаюсь, тов. Сталин. Мне было дано указание сделать так, чтобы аджарцы не хозяйничали в Батуме. С этого и началось их недовольство. Все это басни, что говорят, об языке и т. д., это чистейшая выдумка! А аджарцам автономию мы дали.

Дальше Южная Осетия. Говорят тоже, что „вы давите на Южную Осетию". В чем это выражается?

Председательствующий. Ваше время кончилось. Сколько вы просите?

Мдивани. Тов. Сталин предлагает 10 минут.

(Голоса: „пять минут".)

Председательствующий. Я голосую. Кто за 10 минут, прошу поднять руки. Кто за 5 минут? Меньше. 10 минут.

Мдивани. Теперь о другой национальности, которую мы, будто бы, обижали,—об Южной Осетии. В чем было дело? Автономию этой самой Южной Осетии мы дали. Вопрос был об их столице, так-сказать. Там есть один город—Цхинвали, туда их надо было впустить. У нас были сведения, что, благодаря прежнему хозяйничанью меньшевиков, между грузинами и осетинами были известные трения. Господа меньшевики сжигали некоторые деревни грузин, и грузины обвиняли в этом осетин. Положение таково, что если пустить их в город, то будет резня. Мы послали комиссию, и когда убедились, что эти страхи неверны, мы этих юго-осетин впустили в этот самый город Цхинвали. (Голос с места: „Вы голосовали против".) Да, я голосовал против до тех пор, пока не был этот вопрос ясен, но когда мы обследовали и узнали, что резни не ожидается, мы сказали: посылайте. Чтобы прекратить весь этот разговор, я должен сослаться на резолюцию, которую вынесли сами осетины,—резолюцию, одобряющую политику старого ЦК этих так-называемых уклонистов и их работу по национальному вопросу. Сами юго-осетины одобряют нас, а здесь нас ругают. Почему это, если для смягчения национальных трений нужно объединение, вы, тов. Сталин, Горскую республику разделили на несколько частей: Чечню и Кабарду выделили? Я думаю, что одним из решающих моментов был момент национального трения. (Голос с места: „И отсутствие экономического единства".) Об этом экономическом единстве мы поговорим в секции.

Существовала известная национальная вражда, и поэтому предпочли Чечню и Кабарду выделить, создать известное расстояние друг от друга. Наконец, я остановлюсь на речи тов. Сталина в Грузии в 1921 г., где Сталин рекомендовал политического органа не создавать, чтобы не иметь национальных трений. Это ваши слова, тов. Сталин, они зафиксированы. Тут высказывается принципиальное положение, что в вопросе изживания национального трения надо изыскать другие способы, а не присоединение одной национальности к другой.

Теперь, товарищи, самое ужасное это то, что мы против Закавказской федерации. Во-первых, это не так формулировано: мы не против Закавказской федерации, а против той самой Закавказской единой республики, которую создали. Наконец, я напомню товарищам Каменеву и Куйбышеву (к сожалению, тов. Куйбышева здесь нет). На заседании ответственных работников, когда цекистская комиссия приехала к нам и изложила свое мнение относительно этой федерации, то Куйбышев сказал: „зачем эта федерация в такой форме, разве нельзя федерировать по вопросу экономическому и создать экономический совет?". Товарищи, это сказал секретарь ЦК. Другой член ЦК, тов. Каменев, сидит тут же, молчит и не протестует. И вот в результате они не уклонисты, а мы уклонисты и ужасные люди.

Теперь у нас создали единую Закавказскую республику. По воле пролетариата мы объединяемся во всеобщий союз, куда входит известное количество комиссариатов, штук пять. Штук пять комиссариатов остаются за отдельными республиками: за Грузией, Арменией и Азербейджаном. Из остальных директивных комиссариатов Закавказской республики партийный съезд, с одобрения Закрайкома, еще 3 комиссариата передает этим национальным республикам. Значит, есть комиссариаты, которые отходят сюда, и комиссариаты, которые отходят к отдельным республикам. Остаются у этой Закавказской республики 2 комиссарита, из коих один Комиссариат Финансов.

Значит, председатель Совнаркома, у которого только 2 Наркома,— это немножко неудобная форма объединения! (Смех). Это неудобство чувствуют и они сами. И товарищи из Закавказской республики хотят у Всесоюзного объединения взять кое-что, чтобы оставить себе и часть передать независимым республикам, лишь бы только существовал этот Закавказский Совнарком, срезаемый и справа, и слева.

Так, товарищи, не ставится и не разрешается национальный вопрос. В чем дело, чего вы хотите, собственно говоря? Да, мы всесоветское объединение! Дайте в это всесоветское объединение самые главные комиссариаты, определяющие нашу внешнюю политику, защиту нашей республики. Вот это объединение здесь во всесоветском масштабе! Отдайте этим отдельным национальностям другие комиссариаты, где они могут проявить свою волю, свое умение хозяйничать, свое умение творить новую жизнь. К чему вы создаете эти посредствующие звенья, которые не служат к устранению национальных трений. Я заявляю во всеуслышание, что выявление национальных трений было уничтожено с момента утверждения Советской власти в этих республиках. Сама Советская власть, как таковая, раз там сидят коммунисты, раз мы советскую экономику будем разводить, не создаст условий для каких бы то ни было выявлений человеконенавистнических, шовинистических чувств. Там и не было ни одного такого случая. Вы не укажете, товарищи, чтобы армяне, азербейджанцы или грузины друг в друга вцепились и захотели грызть друг другу горло с того момента, как вступила туда Красная армия, и как укрепилась там Советская власть. Сама Советская

власть, как таковая, есть условие предупреждения национальных трений и изживания пережитков национальных трений.

Товарищи, еще два слова относительно того, кто и как на нас смотрит. Я могу сослаться на свои частые путешествия, которые мне приходилось совершать по воле Центрального К-та, и на один разговор мой с одним турецким деятелем. Это было еще в 1921 г., когда я был в Турции. Этот турецкий деятель в серьезной и долгой беседе осведомлялся, что у нас делается здесь, на советской земле. И услышал от меня все, что я говорил ему с гордостью,—что наша Красная армия вышвырнула всякую белогвардейщину, она опрокинула Врангеля в море. Вы видите, как мы победили и дальше будем побеждать.

Турецкий деятель заинтересовался очень: а как дальше вы будете поступать, как вы будете устраивать свою государственность? Воевать многие умеют, и человечество воюет со дня первых своих исторических шагов. Это все знают, а устроить новую государственность, разрешить вопросы администрирования, управления, установления новой экономической жизни,—в этих серьезных вопросах покажете ли вы свой талант? И, конечно, во исполнение воли всех своих товарищей я заявил, что и на этом пути мы попробуем свои силы и окажемся и на этом фронте такими же победителями, на фронте устроения новой жизни, как и на фронте кровавом...

И вот, тт., я убежден, что 90 проц. смысла этого вопроса заключается в том: а как вы разрешите национальный вопрос?

И мы теперь, в третий, четвертый раз, ставим этот вопрос, и мы должны показать и через голову этого турецкого деятеля сказать всему Востоку, о котором говорил здесь тов. Бухарин, со слов Ильича, что мы умеем настоящим образом разрешить этот вопрос, умеем вырешить так, что самостоятельность этих отдельных государств вовсе не мешает самостоятельности Советской власти, что мы умеем наладить эту самостоятельность так, что пролетариат останется не раздробленным и сконцентрированным. Мы создаем и централизм, и децентрализм, дополняющие один другого, и чем сильнее будут развиваться наши отдельные республики, тем сильнее будет наш Союз республик.

Председательствующий. Слово предоставляется тов. Гринько.

Гринько. Тт., я не думаю в своем выступлении касаться принципиальной стороны вопроса, я считаю, что и в тезисах ЦК, и в последних предсъездовских работах руководителей партии, и в сегодняшнем выступлении тов. Сталина принципиальная постановка вопроса, его важность и неотложность аргументированы достаточно. И если я взял слово, то исключительно для того, чтобы сделать здесь несколько замечаний по поводу условий осуществимости, условий проведения этого нового курса нашей национальной политики. Я начну со справки, как проходил национальный вопрос на последней Всеукраинской партийной конференции. После доклада тов. Фрунзе и оживленных прений один из старейших членов нашей партии, т. Скрыпник, знающий и чувствующий партию хорошо, сказал, что, несмотря на то, что вся обстановка конференции гарантирует единогласно принятие тезисов

ЦК, у него есть все-таки пессимистическое настроение насчет того, чтобы и на этот раз эти тезисы не остались пропавшей грамотой. Тов. Фрунзе также подчеркнул в своем заключительном слове, что и у него есть некоторая доля пессимизма, вызываемая уверенностью, что в зале находится большое количество тт., которые могли бы возражать и не возражали, которые не усваивают нынешнего курса национальной политики. И мне думается, что это впечатление от одной из крупнейших партконференций подводит нас вплотную к тем затруднениям и препятствиям, которые мы встречаем прежде всего внутри нашей партии при проведении нашей национальной политики.

И мне кажется, что здесь, на съезде, должны быть вскрыты эти внутренние препятствия, здесь мы должны волей съезда постараться эти препятствия устранить.

Я хочу эти препятствия подчеркнуть в двух направлениях: в области государственных взаимоотношений внутри Союза и в области национально-культурной. Ни для кого не секрет, что не только в нашем советском аппарате, о котором мы достаточно много плохого говорили в последнее время, но и внутри нашей партии есть глубочайшая централизаторская инерция. И эта глубочайшая централизаторская инерция давит, гнет, часто очень, ответственных руководителей наших и является одной из крупнейших преград для налаживания государственных взаимоотношений внутри Союза. Позвольте привести пару фактов. Мы приняли постановление на первом Союзном съезде относительно директивных наркоматов. Это постановление еще не успело войти в жизнь, ибо не было сессии союзного ЦИК'а, которая должна была утвердить это постановление, как началось весьма своеобразное проведение практики о директивных наркоматах. Мы подготовляемся к сбору единого сельскохозяйственного налога, о значении которого здесь много говорили. И вот Наркомпрод, который считает себя уже директивным, в этом году желает из Москвы определить не только сумму задания, но и все мельчайшие подробности построения скалы, техники, деталей работы и т. д. и в этом определении сразу же делает крупнейшие ошибки, основанные на неучете нашей обстановки, — ошибки, которые неизбежно ведут к осложнениям в селе. И нам приходится приводить в движение весь огромный аппарат, до председателя Совнаркома включительно, для того, чтобы отменить это постановление. Далее мы начали определять основу нового бюджета. И вот в заседании бюджетной комиссии союзного ЦИК'а ставится вопрос, примерно, в такой плоскости. Один из очень ответственных наших товарищей говорит так: я считаю, что республики могут лучше выявить отдельные налоговые возможности, нащупать их и собрать; я буду стоять за то, чтобы предоставить республикам некоторое право самостоятельного введения налогов, но при условии, если мы их свяжем по рукам и ногам в области бюджетной, в области расходования средств. А если вы дадите им право самостоятельного распоряжения в области бюджетной, то я против того, чтобы им давать самостоятельность в налоговой области. Это в комментариях не нуждается. Таких примеров

можно было бы привести десятки. Вот почему на Всеукраинской партийной конференции с особой настойчивостью подчеркивалось, что партийный съезд должен дать директиву при размежевании хозяйственной компетенции взять курс на расширение хозяйственной инициативы, на предоставление республикам больших прав в области бюджетной и хозяйственной вообще. Мне кажется, что мы должны на этом съезде вынести решение, которое сломало бы централизаторские тенденции и во сто крат облегчило бы всю нашу практическую работу.

Я перехожу к вопросу национально-культурному. Тот пессимизм на Всеукраинской партийной конференции, о котором я говорил, он в большей степени относился к национально-культурным моментам. Насколько мы можем быстро провести ту линию, которая здесь намечается? Позвольте вскрыть некоторую, чрезвычайно распространенную в нашей среде психологию, которая, как правило, в настоящий момент по национальному вопросу молчит.

Иногда, впрочем, она говорит, но именно то, что она молчит, является самым опасным. Если подытожить те речи, которые иногда раздавались на партийных конференциях, и особенно в кулуарах, если почитать некоторую литературу, то можно, примерно, наметить следующую основную черту этой идеологии или психологии. Национальный момент был для нас важен в 1919—1920 гг., когда он явился оружием идущего против нас крестьянства. Мы его изжили, ликвидировали. Сейчас национальный момент не представляет для нас опасности Второй мотив, который можно было бы назвать своего рода мнимо-экономическим пренебрежением к национальному моменту, звучит так: вопрос о смычке рабочих и крестьян разрешается экономически—махоркой, сел.-хоз. орудиям и т. д., национальный момент не играет здесь роли. Здесь происходит вредная подмена: вместо того, чтобы толковать на тему, какую роль играет национальный момент, и как его практически решить, оттирают эту проблему с мнимо-марксистским высокомерием и рассуждением о значении экономических обстоятельств в деле смычки города с селом. Дальше весьма часто личными впечатлениями хотят подменить анализ общественных фактов. Ответственнейшие товарищи из Украины говорят так: я всю Украину изъездил вдоль и поперек, я разговаривал с крестьянами, и я вынес впечатление, что они не хотят украинского языка. Вместо того, чтобы анализировать крупнейшие общественные движения, эпоху Центральной Рады, петлюровщины, национальных восстаний и т. д., довольствуются не-критическими методами личных впечатлений и на этом строят политику в национальном вопросе. Дальше эта психология или идеология, если угодно, в крайнем случае допускает свободную борьбу культур и т. д. и. наконец, приходит к выводу, что вся наша постановка в национальном вопросе в текущий период отличается излишней ноткой активизма. Вот цепь рассуждений, которые в полной или частичной мере являются характерными для огромного слоя партийных товарищей. И именно эта психология есть основное и крупнейшее препятствие при проведении нового курса национальной поли-

тики. Но нам именно придется активно эту политику проводить, ибо я глубоко убежден, что те поворотные моменты, которые намечает наша партия, подхватывают широкие массы, стоящие далеко за пределами нашей партии, в том числе мелкобуржуазные. Если партия не найдет себе во всех слоях, сверху донизу, силы немедленно и активно взять в руки инициативу проведения этой политики, то за нас ее будут проводить др гие. Тогда, конечно, она будет не только сфальшивлена, но она выродится в противоположность тем задачам, которые мы ставим. Я считаю, что основная задача этого съезда заключается в том, чтобы эту плотную инертную психологию, которая широко распространена в рядах нашей партии, разбить, чтобы не было этого тупого равнодушия в национальном вопросе, чтобы был сразу же дан именно активный характер проведению нашей национальной политики.

У нас за последнее время новый термин выдумали: „националы". И существует такое представление, что мы этих националов приспособим к проведению нашей национальной политики. Я считаю, что мы не можем и не должны допускать пассивность, потерю темпа, мы не можем допустить того, чтобы эту национальную политику подхватили силы, стоящие вне нас. Но было бы также ошибкой, если бы мы внутри партии передоверили это дело группе своего рода специалистов по национальному вопросу, так-называемым националам. Успех нашей национальной политики зависит от того, чтобы наша партия, ее основное рабочее ядро взяли инициативу, активность проведения национальной политики в свои руки.

Мы должны в эту точку бить, иначе получим в партии извращение национальной линии и потеряем темп в общегосударственном масштабе. Новые задачи в области национальной политики совпадают с организацией ЦКК и реформой Рабкрина, со встряской всего государственного аппарата, и я думаю, что нужно поставить вопрос о том, чтобы перед ЦКК и новой РКИ было поставлено, как важнейшая задача, строжайшее наблюдение за проведением нашей национальной политики всем государственным апп ратом сверху донизу.

Председательствующий. Слово имеет тов. Стуруа.

Стуруа. Товарищи, когда мне предоставили слово, меня даже в пот ударило. На таком большом собрании я никогда не выступал. Перед вами говорит рядовой рабочий, токарь по металлу. Мне легче справляться с молотком, с резцом, с ремнем, шестерней, чем разбирать национальный вопрос. Но я человек практики и скажу несколько слов. Для пролетариата, если мы остаемся верными Коммунистическому Манифесту Карла Маркса, вовсе нет никакой родины, и там не говорится: укрепитесь в национальных рамках и сделайте это, как отче наш. Но национальный вопрос в процессе всей эволюции и революции выплывает, и национальный вопрос—это сильнейшее орудие для буржуазии. Буржуазия и сейчас хочет спекулировать на нем. И вот мы должны построить нашу тактику так, чтобы использовать это орудие и вырвать его у буржуазии. Бебель сказал: если нужно для революции, и чорта, и чортову бабушку гладьте по голове. Мы идем на

уступки. Уступки бывают другой раз опасными. А идя на уступки в разрешении национального вопроса, мы должны с особой осторожностью подойти к вопросу. Но другой раз бывает так, что приходится в силу необходимости, исходя из тактических соображений, уступать. Запомним слова тов. Ленина, который наивным товарищам, когда они задали вопрос: „что такое коммунистическая мораль?“,—сказал: убивать, уничтожать, камня на камне не оставлять, когда это в пользу революции; но в другом случае гладьте по голове, называйте Александром Македонским, если это в пользу революции. Вот как нужно подойти к этому вопросу.

Национальный вопрос внутри федеративных республик не должен стать так остро, если некоторые товарищи в самом деле не питают национализма. А для внешней политики? Т. Бухарин говорил о Чехо-Словакии, где мы, говорит, допустили ошибку, и о Востоке, где лежит резерв социальной революции, и т. д. Зачем так далеко ходить? Вот близко от нас Турция. Здесь мы как отнеслись к движению Кемаля, вовсе не социалистическому? Ведь, их освобождение от антантовских кавычек, от антантовских крючков дает ход развитию национальностей. Но это зло меньшее, чем власть Антанты. Я не коснусь других окраин, но коснусь Закавказья. В чем дело там? В Закавказье федеративная республика, необходимость которой оспаривается некоторыми товарищами. Я понимаю еще, если бы можно было сказать, что Мдивани и Махарадзе, оспаривающие необходимость федерации, что они отражают желания, настроения масс Закавказской федерации. Но в том-то и беда, и стыд, и срам, что этого нет. В чем же тут дело? Чтобы это объяснить по мере возможности, я расскажу следующее: на первом легальном грузинском партийном съезде я был сторонником Мдивани. Я, Мдивани, Цинцадзе, Квиркелия и т. д., мы шли против т. Филиппа Махарадзе. На первом грузинском партийном съезде т. Филипп Махарадзе занимал центральное место. А мы составляли так-называемую группу Мдивани. В чем же были разногласия? В том, что тов. Буду Мдивани настаивал на том, что федерация нужна, что союз нужен, но нужно его проводить не скоропалительно, а постепенно. И я, грешный человек, поддерживал его. И вот на первом партийном съезде, когда стоял вопрос, тов. Филипп говорил о националистическом уклоне в нашей партии. Я говорил с другими товарищами: нет уклона, из-за подхода разгорелся сыр-бор. Мы настаивали на том, чтобы первый съезд коммунистической партии Грузии не принимал резолюции, что у нас есть уклонисты. А тов. Филипп Махарадзе всячески настаивал на этом: есть, говорит. Но через год, когда старый состав ЦК настаивал на своем и допустил такую небывалую штуку, как выход в отставку, уподобившись буржуазному парламентскому правительству, тогда тов. Филипп, когда поставлен был перед ним вопрос, есть уклон или нет, тов. Филипп ответил, что уклона нет и не было.

Это не годится, очень не годится лидеру, учителю, это значит сказать, что тогда я был не искренним. Значит, тут расчеты были какие-то, личные счеты какие-то. После того, товарищи, я будистом

перестал быть. И что же? Пока в отставку еще не подавал ЦК Грузинской коммунистической партии старого состава, я был на одном нелегальном собрании. Тов. Филипп на этом собрании был, и другие товарищи были, в числе их был и я. Там стоял вопрос, что „великодержавники“—это тт. Орджоникидзе, Сталин и пр., нужно дать им отпор, нужно их послать восвояси, как говорится, указать им свое место. Но каким образом? Это вышло так, как мыши хотели повесить кошке на шею колокольчик, чтобы звенел, когда она идет, но повесить не решался никто. Так же и тут. Хорошо, нужно дать отпор, но судили-рядили и пришли к заключению, что нам не уступят и нас побьют. Тогда выход нашли такой: мы выйдем из состава РКП и войдем в Коминтерн самостоятельно, как грузинская секция. После этого, признаться, я уже понял, что год назад, когда я был вместе с тов. Мдивани, когда у тех, будто бы, сыр-бор разгорелся из-за сроков, из-за подхода, теперь-то я понял, что не подход тут был, а нечто принципиальное и более сильное. И вспоминаются мне слова товарища, тогда в старой „Искре“ работавшего, Плеханова, который вел борьбу с народничеством. Так, он сказал своим противникам: „Тут умысел другой был, хозяин музыку любил“. Теперь я понял эту пословицу. Не в подходе тут дело. Теперь уже показали совершенно другую, принципиальную сторону спора, когда потребовали, чтобы независимость Грузинской социалистической республики была сохранена со всеми атрибутами, — уж теперь эти атрибуты понятны стали. Теперь Мдивани говорит: нас ждут там, ждут спасения. Мы спасения ищем в нем? Кто такое там, тов. Мдивани, „мы“? Ведь, мы вместе оттуда. Тов. Мдивани говорит: чуть не кондуктором меня сделали: постоянно в поезде, то в Геную, то в Гаагу, то в Лозанну и т. д. Но я постоянно там, в Грузии, живу, тов. Мдивани, и никакого недовольства там, в Грузии, не вижу. Наоборот, Закавказская федерация разрешила все спорные вопросы: Закатальский и Сигнахский уезды при меньшевиках дрались из-за пограничных земель. После образования федерации сигнахцы братски уступили азербейджанцам 700 дес. спорной земли. И теперь, после основания федерации я, грешный, невзрачный, но все же Наркомземом считаюсь в Грузии, я сказал азербейджанцам: идите, товарищи, работайте. Никакой драки там нет, и я не знаю, кто там недоволен, кроме тов. Буду Мдивани и некоторых других,—ни армянское трудовое рабочее население, ни азербейджанское, ни грузинское...

Тов. Мдивани говорил, что они старые марксисты с седыми головами, а теперь без них будут управлять Грузией Орджоникидзе и комсомольцы (так он называл новый ЦК). Верно. Есть к ним уважение за прошлое, но мне, помнится, где-то тов. Троцкий сказал, что вот за старое хорошее спасибо, дорогой мой, но за новое негодное и нехорошее отвечай! (Смех). Я не претендую быть старым марксистом. Я маленький человек, рядовой, но вам, товарищи, советую: о старом не будем говорить. В данный момент что мы делаем? Тов. Буду Мдивани добавил: без нас вам не управлять и лучших не найдете. А во время Брест-Литовского договора и не такие товарищи отошли от тов.

Ленина, как Буду Мдивани, а Ленин не испугался, и когда ему сказали: некому будет править, Ленин сказал: „При рабоче-крестьянской власти кухарка может править". Не пугайте, товарищи, сединами. У меня у самого больше волос седых, и не вводите меня в заблуждение, как в прошлом году сделали. В этом году на втором съезде закавказских организаций мы поклялись, что у нас будет единый партийный фронт. Теперь я кончаю, тт: закавказская федерация — это единственная форма, которая создала мирное сожительство и впредь будет поддерживать его в этих советских республиках. Что касается несоветских, как, например, Турция, то мы ее поддерживаем, пока она направляет свои стрелы против Антанты, а если она против нас направит, мы с ней иначе будем разговаривать. Национальный вопрос не решается везде по одному шаблону.

Председательствующий. Слово принадлежит тов. Уразбаевой.

Уразбаева. Тт., я не знаю, при составлении новых тезисов учтено ли отражение первого нашего постановления по национальному вопросу на практической работе мест. Боюсь, что это не совсем сделано, ибо здесь мы опять видим склонение этих слов: национализм, колонизаторство и т. п. Здесь очень полно и ясно сказано об уклонах националистических среди народностей, переживших великодержавный русский гнет, и об уклонах русских коммунистов, еще не отрешившихся от великодержавных привычек. Но, к сожалению, здесь очень мало и, кажется, совсем даже не сказано о росте сознательности трудящихся масс этих национальностей и о работе среди них. Хорошо, конечно, трактовать тем товарищам о необходимости тактики и осторожности среди этих национальностей, когда товарищи воочию не имеют удовольствия видеть у власти рядом с собой ожиревшего „бая" или его прихвостня-интеллигента, который мешает освобождению бедноты и всячески давит ее, который не только „обороняется" от великодержавного русского шовинизма, но и обороняется от бедноты своей нации. Ведь, не может же беднота этих национальностей сидеть и ждать, когда русские изживут в себе эти великодержавнические привычки, или же когда под недоброй рукой этих уклонистов восторжествует коммунизм. Народ в целом, будь то русский, будь то киргизский или грузинский, не может установить братского союза никогда. Это может сделать русский рабочий или трудящийся, интернационалист — киргиз и грузин. Только они могут установить этот братский союз, так необходимый для нас. А коли так, мы не имеем права ограничиваться в наших постановлениях общими фразами, общими постановлениями о работе среди национальностей и о борьбе с шовинизмом русским и с шовинизмом тех или других национальностей.

Мы должны здесь твердо сказать, поскольку в тезисах тов. Сталина говорится, что вернейшим средством для изживания националистического уклона является решительная борьба против русского шовинизма, мы в еще большей мере, еще сильнее должны сказать, что вернейшим средством для уничтожения этих националистических уклонов является углубленная серьезная работа среди трудящихся масс

этих народностей, среди бедноты. Наша работа направлена к поднятию классовой сознательности бедноты, трудящихся этих народностей. Между тем, в тезисах очень мало сказано об этом. Если мы не отметим своей классовой заинтересованности в проведении нашей национальной политики, то мы на долгое время не сможем отрешиться от склонения этих пресловутых слов: шовинизм русский, шовинизм татарский, киргизский и т. д., мы не сможем отрешиться от этого, потому что, повторяю, только бедняк, трудовой киргиз, грузин и татарин, только когда они проснутся, они намылят шею этим интеллигентам и байским сынкам, склоняющим эти пустые фразы: национализм, националистический уклон и т. д. До тех пор мы не установим правильных взаимоотношений между русскими пролетариями и пролетариями других народностей. Тов. Сталин был прав, когда говорил, что мы должны Советскую власть и партию сделать родной и близкой к соответствующим национальностям. Когда говорят, что надо „национализировать Советскую власть", мне хочется добавить: национализировать для рабочих и бедноты этих национальностей. В Киргизии для киргиза-бедняка опролетаризировать и национализировать Советскую власть, в Грузии за счет грузина-бедняка, и т. д.

Теперь мне хочется сказать несколько слов о работе среди женщин. Надо было включить в тезисы пункт, где указываются практические мероприятия о необходимости усиления работы среди женщин, особенно среди восточниц. Восточницы еще до сих пор переживают, как рабочая сила, не только гнет от бая, но они переживают гнет и в правовом отношении. Но нам нужно повести решительную борьбу против тех предрассудков, которые угнетают женщин и мешают их освобождению, мешают им принять участие в работе по созданию новой жизни. Мне кажется, обязательно нужно включить пункт об усилении работы среди женщин...

Председательствующий. Слово имеет тов. Рыскулов.

Рыскулов. Товарищи, выступая по вопросу национальному, я имею в виду, главным образом, касаться практической стороны этого вопроса. Дело в том, что теоретическая сторона постановки национального вопроса с точки зрения нашей партии достаточно разработана. Предыдущие конгрессы Коминтерна, предыдущие съезды нашей партии положили конкретную определенную теоретическую основу нашей политике в национальном вопросе. Но в связи с изменившейся как международной обстановкой, так и внутренней политикой, особенно в связи с НЭП'ом, безусловно возникают новые моменты в национальном вопросе, о которых должны быть преподаны известные тактические указания. Как никогда, в первый раз мы должны констатировать на этом съезде конкретность и правильность постановки национального вопроса. Прежде всего в речи тов. Бухарина, в докладе тов. Сталина и его тезисах относительно отношения вообще к Востоку, мы видим одно конкретное: мы установили твердо свой взгляд на национально-революционное движение на Востоке и на его

значение в общем развитии пролетарской революции. С другой стороны, немало обращено внимания на определение значения того классового движения, которое с каждым днем развивается на Востоке. К этим двум движениям (без сомнения, после долгих опытов, ряда ошибок) наша партия уже определила точно свой взгляд.

В отношении внутренней национальной политики мы от теоретической постановки вопроса переходим к конкретной постановке. Мне кажется, что национальный вопрос, как таковой, существует только внутри какого-нибудь многонационального государства; но если в мировом масштабе брать, то национальный вопрос превратился теперь в вопрос колониальный, о чем и указал тов. Сталин. Колонии делятся на две группы: одни колонии—это такие, которые находятся в самой Европе (в роде Ирландии, балканских народностей и срединных государств побежденной германской коалиции), и другой вид колоний—это, главным образом, Восток. Я не буду касаться колониального вопроса, но должен указать, что в этой части теоретическая сторона тезисов разработана, и дается источник к разработке уже практической части. Мы определили, что сотрудничество союза народов в Сов. республике имело три периода. Первый период непосредственно после Октябрьской революции, когда этот союз был оформлен, но создавался,—создавался внутренно-практически. Второй период во время интервенции, когда союз народов республик определился в виде военного союза против общей опасности. И, наконец, новейшая постановка этого вопроса—это постановка в связи с НЭП'ом. Мне кажется, что в практическом отношении национальный вопрос более всего стоит теперь в экономическом отношении, в разрешении экономических проблем, не разрешенных в отсталых республиках.

Вот в этой плоскости, главным образом, и стоит этот вопрос, т.-е. в плоскости претворения в жизнь намеченных ранее нами мероприятий, теперь в повседневном нашем хозяйственном и советском строительстве. И при новой экономической политике мы видим, что национальный вопрос приобретает довольно острый характер именно в связи с тем, что много отсталых республик, отсталых окраин, где нет промышленного пролетариата, где масса отсталого большинства состоит из крестьянства, и где теперь вновь развивается торгово-ростовщический капитал, вновь развивается кулачество, и последнее полностью наступает на беднейшие слои населения и на беднейшее крестьянство. Эта опасность рождает одновременно и опасность даже реставрации феодальных отношений, как, например, в Туркестане. С другой стороны, в связи с НЭП'ом мы наблюдаем, несомненно, некоторое обострение и великодержавного шовинизма со стороны бывших служителей царизма, которые теперь в качестве спецов работают в наших органах, и со стороны даже отдельных работников советских, которые точно не разбираются в национальном вопросе. Если мы будем конкретно говорить относительно форм союза, относительно тех путей, коими мы достигнем того союза народов, о котором мы говорили, то приходится отметить два момента. Один момент — точное выяснение

взаимоотношений центральной федеральной власти с соответствующими окраинами, и здесь выдвигается план создания в союзном органе особой национальной палаты, где отдельные национальности были бы представлены на равных началах. Конечно, такую постановку только приходится приветствовать, и эта постановка вопроса совершенно правильна, особенно в теперешней обстановке. Но хочется высказать одно пожелание, чтобы одновременно с созданием этой национальной палаты эта национальная палата обладала все-таки известными правами. В данном случае есть орган партии, который руководит высшим советским аппаратом, и здесь бояться, что союзный ЦИК или национальная палата будут выше друг-друга, нам не приходится, но, с другой стороны, нужно определенно оформить права этой национальной палаты. Эти права мы мыслим, как создание палаты, которая в отношении специфических вопросов окраин, национальных меньшинств имела бы почти одинаковые права с союзным ЦИК'ом или играла бы хотя бы решающую роль в этих вопросах. Если мы не оформим этих прав и ограничимся общими фразами, то это было бы неправильно. Поэтому нужно полагать, что партсъезд все-таки в отношении прав национальной палаты даст свои указания. Теперь второй момент, на котором я, главным образом, хочу остановиться,—это момент хозяйственный. Здесь тов. Мдивани в своем выступлении указал, что хозяйственный момент—это самый важный момент, но, тем не менее, конкретно не указал, в чем заключается важность этого момента. Я разумею совершенно иначе. У нас большинство отсталых автономных республик и окраин не прошло через ту революцию, тот аграрный переворот и экономический переворот, который произошел в центральной России. В центральной России крестьянство после революции получило землю, и у помещиков и фабрикантов земля, фабрики и заводы были отняты, но во многих окраинах, как Туркестан, Бухара и Хорезмская республика, аграрной революции фактически не было. Мы видим, что никаких изменений в социальном отношении в самом обществе,—например, в киргизском,—не было. И вот эта социальная проблема,—проблема создания классовой базы для Советской власти на окраинах, где этого сдвига социального не было,—становится во всем объеме при обсуждении национального вопроса.

Другой же момент, на который необходимо указать,—это относительно перенесения средств производства к источникам сырья, о чем указывал тов. Сталин. Мы в своей теоретической постановке говорим, что царизм отличался от Советской власти тем, что при царизме царский капитал, в частности центральная текстильная промышленность, превращал окраины в главный источник сырья и не давал возможности развиться местной туземной промышленности и, наоборот, поддерживал отсталость во всех отношениях. Мы должны обратно поставить вопрос, и эта обратная постановка национального вопроса соответствует постановке вопроса об экономическом районировании, ибо экон. районирование как-раз преследует цель создания и прикрепления к промышленным центрам соответствующих сельских местностей

и вообще сельского хозяйства. И в данном случае перенесение средств производства на места как-раз соответствует принципам экономического районирования. При осуществлении этой меры вытекает двойная выгода для Советской власти: с одной стороны, мы создаем пролетарскую базу, с другой—мы облегчаем выработку самого сырья, добываемого в этих окраинах, и, в-третьих, связь города с деревней. В этих трех моментах мы получаем определенную выгоду. Я хочу несколькими словами иллюстрировать свою мысль положением Туркестана и доказать, что социальный момент является чрезвычайно важным. Если мы возьмем население Туркестана, то на население городов приходится 24.4%, а на сельское—75,6%, т. е. Туркестан является страной крестьянской (декханской). Обрабатываемой земли, по данным 1915 г., числится 3,3 милл. дес., что составляет 2,5% всей территории Турк. республики. Из этих 3,3 милл. десятин на полевые земли приходится 40%, т.-е. 3/4 экономики Туркестана зависит от воды. Безземельные вместе с кочевым населением составляют 32,5% всего сельского населения в крае, которое нужно наделить землей. Средняя величина площади посевов на один двор составляет 3.5 десят., а в России - 4.5 дес. Вот приблизительная картина сельского хозяйства и аграрного вопроса в Туркестане. В аграрном вопросе имеется очень важный момент,—это переселенческий вопрос, это тот знаменитый вопрос, за разрешение которого взялась Советская власть, и который мы разрешаем. Противоречия между переселенцами, кочевым населением, в особенности киркизским населением Туркестана, имеются большие. Если возьмем статистические данные, относящиеся к 15 году, то видим: в расположении поселков и станиц, числом 941 селение, во всем крае находилось 1.900 тыс. дес., или 57,6% всей обрабатываемой земли в крае, т.-е. на каждого русского крестьянина приходилось 3,17% десятины, а на каждого туземного крестьянина—0 21 десятины, или в 15 раз меньше. Один из районов, где больше всего выявилась колонизационная деятельность царизма,—это Семиреченская область: там на каждое казачье хозяйство приходится около 90—120 дес., а на крестьянское 20—30 дес., при чем из этого количества обрабатывается не больше 8—12%, а все остальное сдается в аренду, при чем наемные рабочие доходят до 15 человек, начиная от 2 и 3.

И если принять во внимание падение скотоводческого хозяйства, обнищание скотоводческого населения в Туркестане и принять во внимание наемных рабочих у кулаков русских, то мы увидим, что в Семиреченской области имеется огромная армия батрачества и безземельников. Теперь, что делается в самом киркизском обществе? В киркизском обществе почти никаких социальных сдвигов не было. Имеются крупные скотоводы. Среди киркизского общества еще перед войной в связи с внедрением торгового капитала происходила некоторая концентрация земельной собственности. Имеются большие земельные собственники, несмотря на то, что родовые остатки обычая, первоначального родового коммунизма как-будто этому противоречат, тем не менее, торговый капитал давал возмож-

ность отдельным имущим элементам концентрировать в своих руках землю. Классовое неравенство в киркизском обществе существует, и при НЭП'е оно определенно возрастает. Кулацкий элемент совместно с духовенством играет диктующую роль. В таком положении возникают ребром аграрный вопрос и вопрос о революционном сдвиге в туземном обществе вообще. В этом отношении центральная федеральная власть и ЦК партии сделали огромное дело в свое время. В 1921—22 гг., по директиве ЦК партии, проведена была земельная реформа в Туркестане, и эта земельная реформа хотя имела небольшие результаты в хозяйственном отношении, ибо на изъятых у русского кулачества участках устроилось всего 7.000 семейств, но это имело огромное политическое значение. Земельной реформой наша партия и Советская власть сказали твердо: никакого неравенства между отдельными национальностями не должно быть. Русское кулачество не должно диктовать, русское кулачество должно смириться, оно должно жить мирно со всем населением и свой излишек отдать трудовым элементам. Эта земельная реформа установила политическое равновесие. Но, товарищи, говоря о Туркестане, я говорю это потому, чтобы мы при намечении мероприятий в национальном вопросе имели в виду этот важный момент. Если возьмем, например, оседлый район Туркестана, то мы видим, что среди сартовского (узбекского) населения никакого социального сдвига также не было. В узбекском районе главный вид хозяйства хлопковая промышленность. Она занимала 20,70% посевной площади всего края. В среднем безземельных насчитывалось до 30%, не имевших целой головы скота на хозяйство—40%, бездомных—25%. По Наманганскому уезду до 2 десятин имевших хозяйство было 74,4% всех хозяйств от 2 до 10—21,8% и свыше 10—3,8%. Малоземелье наблюдается огромное. Характернейшей формой хозяйства является мелкое земледелие. И вот когда мы собираемся разрешить аграрный вопрос, то приходится исходить из мелкого земледелия. Хлопковая промышленность в этом мелкоземельном районе должна была развиваться, ибо на клочке земли выгоднее было сеять интенсивные культуры, чем хлебные злаки. Вот почему хлопковая промышленность развилась в этих районах. Хлопковая монополия нами теперь отменяется. В хлопковые районы теперь внедряется частный капитал. Сюда идет туземный капитал, российский частный капитал и государственный капитал, где последний конкурирует с первыми.

Положение крестьянства при старом времени было самое ужасающее. Хлопководство развивалось вынужденно, по диктовке текстильной промышленности царской России. Крестьяне должны были получать кредит вперед и сеять хлопок, при этом задолженность крестьян перед фирмами, перед отдельными предпринимателями росла до неимоверных размеров. Если мы возьмем цифровые данные, то мы увидим, что к 1909 году задолженность крестьянства разным фирмам и предпринимателям равнялась 16 миллионам, а к 1911 году возросла до 30 миллионов. Взыскание задолженности шло самым зверским путем. В виду того, что крестьянин не мог заплатить задолженность,

продавали даже жен. Теперь, товарищи, в связи с новой экономической политикой, с отменой хлопковой монополии (это совсем не значит, что я выступаю против отмены монополии, я хочу только указать на те опасности, которые возникают в связи с этим), в связи с этим растет торгово-ростовщический капитал, и узбекское (сартовское) крестьянство находится перед опасностью нового закабаления. Затем в руках духовенсва имелись вакуфные земли, эти земли и вообще вакуфные имущества нами теперь отняты и используются Советской властью, главным образом, для школьных целей. Тем не менее надо указать, что наши политуступки, которые мы делали в свое время в связи с развитием басмаческого движения мелкой буржуазии, духовенству в Туркестане,—эти политуступки нанесли некоторый вред в том отношении, что духовенство успело за это время несколько укрепиться, и перед нами встала задача вновь отнять экономическую и политическую базу у духовенства. И в этом отношении кое-что сделано.

В виду того, что время мое истекает, мне приходится закончить, не успев сделать соответствующего вывода и особенно развить свою мысль относительно партстроительства, по которому имел целый ряд предложений. Заканчивая, я хочу все же в двух-трех словах указать на эту партийную работу. Вопрос о так-называемой борьбе с уклонами в сторону великодержавного шовинизма и в сторону местного национализма, конечно, всем ясен. Но я хочу указать на другой момент, а именно простое объявление борьбы с уклонами в сторону национализма и русского шовинизма внутри партии без принятия каких-либо мер к изживанию источников, из которых создаются эти уклоны, было бы неправильно. Источники эти кроются в тех экономических противоречиях, которые имеются в самом населении. Коммунисты, вышедшие из крестьянства, конечно, больше всего говорят о крестьянстве. Коммунисты, вышедшие из фабрично-заводского пролетариата, больше всего говорят о пролетариате. Поэтому, конечно, партия имеет внутри себя, отражает местную обстановку и соотношение отдельных групп, и мне кажется, эти противоречия больше всего и возникают на этих основаниях. Но я вынужден прервать свою речь за окончанием времени. (Аплодисменты).

Раковский (председательствующий). Слово имеет тов. Махарадзе.

Махарадзе. Товарищи, безусловно в смысле теоретическом национальный вопрос не вызывает здесь никаких возражений. То, что наша программа говорит, то, что говорит постановление X съезда, все это для всех товарищей является незыблемым. Но одно дело, товарищи, теория, программа, а другое дело—проведение этой программы и этих постановлений в жизнь. Я безусловно должен был бы здесь более всего остановиться на том, как мы должны проводить в будущем эти постановления, но, к сожалению, не имею времени. Может-быть, в другом месте это удастся. Я должен остановиться на тех условиях, при которых вообще вот эта наша программа и постановления X съезда находили хоть какое бы то ни было осуществление в нашей действительности. Това-

рищи, прежде всего я должен устранить несколько недоразумений. Здесь говорят о независимых, о самостоятельных республиках советских. Нужно быть в высшей степени тут осторожным, чтобы не преувеличивать чего бы то ни было. Товарищи, всем ясно, какая это самостоятельность, какая это независимость. Ведь, у нас одна партия, один центральный орган, который, в конечном счете определяет для всех республик, даже для всех малюсеньких, все решительно, и общие директивы, вплоть до назначения ответственных руководителей в тех или других республиках,—это все исходит от одного органа, так что говорить при этих условиях о самостоятельности, о независимости,—это в высшей степени непонятное само по себе положение. Товарищи, я хочу еще устранить одно недоразумение, о котором сегодня т. Сталин тоже упоминал. Товарищи, я имею в виду этот знаменитый отныне проект декрета о кордонах. Товарищи, я опять заявляю, что этот проект, принадлежащий перу интернационалиста Гегечкори, у нас, в Закавказье и в Грузии, не увидел света и пропал. Но, благодаря некоторому положению, которым некоторые злоупотребляют, этот проект в конечном счете удостоился черезчур большой чести. Он опубликован в центральном органе нашей партии, он здесь оглашался, и он же попал целиком в наш бюллетень. Я нахожу, товарищи, это недостойным для нашего съезда. Товарищи, здесь мне указывали, что я был когда-то русотяпом, что я не признавал прав наций на самоопределение. Было что-то в этом роде, это было в 1917 году. Я, исходя из положения Закавказья, где революционное движение развивалось, я опасался, товарищи, что лозунг этот может быть там несвоевременен. С этой точки зрения, разумеется, я был тогда против того, чтобы мы сразу бросили этот лозунг, для того, чтобы не распылить развивающееся революционное движение. Но что я никогда никаким „тяпом" не был,—это могут засвидетельствовать очень многие. Что же из этого, товарищи? Разве я тогда, выступая против права наций на самоопределение, я отстаивал то, чтобы не считаться с нуждами отдельных народностей?

Ничего подобного, товарищи. Тот комитет, закавказский, в который я входил в 1918, 1919, 1920 гг., яснее всего доказал, какой политики мы придерживались, как мы проводили нашу политику или политику Советской власти и нашей партии, каким образом при существовании там буржуазных государств мы вели работу, чтобы взрывать буржуазные государства. Но какова была наша политика,—об этом свидетельствуют бесчисленные факты.

Товарищи, мы установили Советскую власть не для того, чтобы взрывать государство, которое так или иначе существовало там. Это, мне думается, не входило в нашу программу тогда. Наша программа заключалась в том, чтобы приобщить массы к Советской власти и ликвидировать те условия, которые там были созданы при меньшевиках, а также и при советизации. Была провозглашена независимость, и мы должны были и на деле кое-что сделать. Какая же была наша поли-

тика? Я вам прочту здесь вот одну такую вещь: это „Правда“ Грузии от 19-го апреля 1921 года:

„16 апреля с. г. на состоявшемся во дворце заседании Верховной Комиссии под председательством т. С. Орджоникидзе, при участии командированных из Москвы членов: Командарма XI армии т. Геккера, Наркомпути РСФСР тов. Фомина, начальника кавказского округа путей сообщения тов. Маркова, начальников дорог: азербейджанской тов. Миронова, от грузинских т. Руцкого и армянского полномочного представителя в Грузии ССРА тов. Шавердова, по мотивированному докладу тов. Орджоникидзе вынесена резолюция, по которой азербейджанские (от Петровска), грузинские и армянские до Саракамыша дороги объединяются“.

Товарищи, это было почти на другой день после советизации. Ведь, вопрос идет не о том, чтобы железные дороги не были объединены. Вопрос идет о том, каким способом это происходит, а именно при полнейшем отсутствии членов грузинского правительства осуществляется объединение железных дорог. Ведь, дело не в том, что мы, коммунисты, можем это понимать, ведь, не для коммунистов только существует государственная власть, и как теперь принято всеми говорить „смычка“. „Смычка“ с кем? Не с товарищами коммунистами, разумеется, а с беспартийной рабоче-крестьянской массой. Вот это совершенно оказалось непонятным ей. И это так началось, так и продолжалось и продолжается до сих пор. Укажу, например, на такой факт. Высланы были офицеры из грузинской армии. Одна часть была выслана, другая же по ошибке освобождена, и тов. Орджоникидзе сам это знает; они были высланы в Россию. (О р д ж о н и к и д з е: „К о н т р - р е в о л ю ц и о н е р ы   б ы л и“). Мы все добивались их освобождения, и никак мы не могли этого добиться, чтобы их вернули. И сам тов. Орджоникидзе несколько раз об этом хлопотал. Такой порядок был установлен с самого начала, и это было неправильно, о чем мы говорили с самого начала.

Председательствующий. Тов. Махарадзе, осталась одна минута. Товарищи, есть предложение продолжить еще на 5 минут. Возражений нет? Принимается.

Махарадзе. Товарищи, я еще укажу ту точку зрения, которую здесь тов. Сталин развивал насчет федерации. Его переписка с тов. Лениным—это была наша точка зрения, товарищи. Я думаю, т. Сталин, на это существуют документы, и т. Сталин скажет, что это была как-раз наша позиция, а не позиция т. Орджоникидзе, который хотел его провести просто, по военному приказу. Здесь немало говорится о том, что значит великодержавничество, что значит колонизаторство. Товарищи, я вам должен сказать, что если мы после всех этих экспериментов говорили: товарищи, будьте очень осторожны с этим делом, с этим объединением, потому что через это объединение как-раз проскальзывают элементы сменовеховские, о которых сегодня т. Сталин говорил, я говорю именно чистейшие колонизаторы, обрусители, которые не признают ничего. Я вам должен сказать, что вы бу-

дете теперь, вероятно, говорить о том, что я против обрусения. Дело не в этом, а в том, какую политику мы, как Советская власть, можем проводить. Можем ли мы проводить великодержавническую или колонизаторскую политику? Если нет, то обеспечьте те условия, при которых этого не было бы. Вот в чем заключается главное несчастье. Я вам прочту отрывок из одного документа, и вы поймете, что значит национальный вопрос в такой обстановке, не здесь, в Москве, в Петрограде или на Урале, а там, где вся атмосфера отравлена, и тогда скажите, что это значит:

Полному игнорированию местных условий опять нет границ. Примером может служить опять тот же злополучный вопрос о бандитизме в Грузии. На заседании своем от 7 марта с. г. Закрайком решает вопрос о ликвидации бандитизма и подходит к этому вопросу по политическим и оперативным соображениям. Факт, кажется, достоин серьезного внимания, от неправильного подхода к которому можно принести большой вред, и вместо ожидаемых результатов можно получить противоположные дефекты. Разбираемый на заседании вопрос касался на 99% Грузии, но на заседании не видно несущего полную ответственность за контр-революцию и бандитизм на территории Грузии представителя грузинской ЧК.

(Голос: „Кто это пишет?").

Махарадзе. Это пишет Лордкипанидзе.

Орджоникидзе (с места). Лордкипанидзе не имел никакого отношения к ЧК.

Махарадзе. При таком отношении разрешение национального вопроса становится именно в плоскость отвлеченных решений. На самом деле этого быть не может. Вы создайте такие условия, чтобы можно было сказать, что мы разрешаем национальный вопрос.

Скажу еще два слова вот по какому поводу. Тов. Бухарин сказал, что он встретил приехавшего из провинции и спросил: что у вас там делается?

Ну, что же, говорит, нового ничего нет. Вот душим националистов. Тов. Бухарин выразил желание, чтобы этой психологии, этого настроения не было, чтобы его изжить. Когда тов. Орджоникидзе оглашал здесь знаменитый проект, он сказал: да, мы прижимаем. И с особым смакованием он это произнес. Товарищи, я должен сказать, что между этими двумя фразами нет никакой разницы, сказал ли он, что душат или что прижимают. Это не есть решение национального вопроса. Мы все хорошо знаем, какое и чье это мучение, что значит вся наша программа, кто вынес эту программу на своих плечах. Это все товарищи хорошо знают, все знают, кто первый сказал о великорусском шовинизме, и кто первый поднял именно против этого знамя борьбы. Это был тов. Ильич. Вы все это хорошо знаете. Теперь я вас спрашиваю: похоже ли то, что здесь провозглашается, на то, что говорил Владимир Ильич? Похоже ли то, что говорил Владимир Ильич, и то, что здесь провозглашается? Похоже ли это на то учение, на тот дух разрешения национального вопроса, которое здесь преподносит

вам тов. Орджоникидзе? Я надеюсь, что настоящий съезд, среди которого сейчас здесь, отсутствует Владимир Ильич, но который витает здесь среди нас,—я думаю, что съезд этот вынесет такое постановление и примет такие меры, которые действительно обеспечили бы проведение в жизнь именно той программы, отцом и творцом которой он был.

Председательствующий. Объявляю заседание закрытым.

Заседание тринадцатое.

(23 апреля 1923 года, вечернее).

Каменев (председательствующий). Объявляю очередное заседание XII съезда РКП открытым. Товарищи, съезд провел свои заседания в обычном помещении и перенес это заседание сюда, в Большой театр, для того, чтобы иметь возможность целиком и полностью соприкоснуться, войти в ближайшее общение с московскими рабочими, с московскими партийными организациями и с московским беспартийным пролетариатом. (Аплодисменты). Съезд хотел этим напомнить одну важнейшую черту истории нашей партии,—ту черту, которая придала нашей партии ту мощь и ту победоносную силу, которыми она отличалась за все долгое время в тяжкие периоды своего существования.

В этом году партия наша празднует 25-летие своей борьбы. Она вспоминает в этом году долгий и тяжкий путь, который она прошла. Она вспоминает то, что придало ей силы пройти этот путь. Первое, что я должен отметить, как самое острое оружие, которым вооружена была наша партия,—оружие, давшее ей победу, которое составляет в данный момент ее бранные доспехи, броню, через которую не могут пройти вражеские пули, то, что дает нам уверенность и в дальнейших победах,—это прежде всего революционное учение марксизма. Революционное учение величайшего социалиста и революционера, которое мы восприняли 25 лет назад, и которое дало нам возможность при всех перипетиях истории, при всех ее зигзагах как в моменты побед, так и в моменты поражения твердо знать свой путь и твердо верить в правоту нашего дела, в правильность избранного нами пути, в неизбежность окончательной нашей победы.

Если, товарищи, учение Карла Маркса было оружием в наших руках, то другой факт, который позволил нам с этим оружием в руках победить наших врагов,—это теснейшая связь, ближайшая, совместная работа, постоянное, непрерывное сотрудничество, которое осуществлялось нашей партией с рабочим классом.

Рабочий класс без коммунистов долго должен был бы еще влачить цепи рабства. Коммунистическая партия без ближайшего контакта,

без массовой поддержки миллионных пролетарских масс могла бы остаться революционной сектой, революционной школой, и никогда не превратилась бы в ту могучую политическую силу, которая заставляет теперь трепетать перед собой и считаться с собой весь буржуазный капиталистический мир. 25 лет назад первые русские революционеры-марксисты и, следовательно, коммунисты поняли свои задачи так, чтобы итти в рабочие кварталы и там, в подполье, под постоянной угрозой царской полиции и царского насилия формировать первые кружки сознательных рабочих.

В продолжение 25 лет лозунг просвещения и классовой организации пролетариата оставался тем верховным критерием, с которым мы согласовали каждый свой шаг. Вырабатывая тактические правила, вырабатывая практические шаги, мы всегда оценивали каждый наш шаг с одной точки зрения. „То хорошо, говорили мы, что содействует просвещению и сплочению пролетариата. То, что способно затемнить его классовый разум, то вредно, и тому должна быть с нашей стороны объявлена беспощадная борьба". Борьба со всеми проводниками буржуазного влияния на пролетариат, со всеми теориями, учениями, партиями, которые хотели бы предать пролетариат капитализму, как бы ни подделывались эти партии и учения под социализм или даже под марксизм,—борьба с этими учениями и партиями была неизменной и постоянной чертой нашей революционной практики.

Рабочий класс в результате долгих лет борьбы, в результате многих поражений, на которых он учился, одержал окончательную победу 25-го октября 1917 года. Эта победа была невиданной в мире победой угнетенных над угнетателями.

Мы знаем, что неоднократно в истории мира поднимались восстания угнетенных бедняков, восстания париев, поднимались восстания рабочих против насильников. Но впервые в мире униженное и оскорбленное человечество, униженное и оскорбленное большинство человечества одержало победу над тем меньшинством, которое при помощи всех орудий подавления и идейного обмана держало в рабстве массы человечества. Но сейчас же по одержании победы перед нами стала другая труднейшая задача—удержать в мозолистах руках трудящихся масс завоеванную победу. Наши враги предрекали нам, что наша революция будет не революцией, а бунтом, будет мятежом взбунтовавшихся рабочих, которые через две недели не справятся с той властью, которую они захватили, и с теми трудностями, перед которыми они стали, и вновь должны будут стать перед буржуазией на колени и просить править ими.

Против нас были выдвинуты не только пушки и пулеметы,—против нас были выдвинуты учения авторитетов, которые, прикрываясь идеями социалистов и социал-демократов, пытались сбить нас с нашего пути фальсификацией марксизма. Нас предавали проклятию во всех соборах европейской мысли, не только буржуазных, но и социалистических.

Но пролетариат посмеялся не только над пушками и пулеметами, но и над теми речами, над теми пророками, которые пророчествовали

нам гибель. Вопреки всему и несмотря ни на что, в нашей отсталой стране, которая, однако, объемлет одну шестую часть всей суши, в нужде, трудах, страданиях мы доказали, что пролетариат способен не только разрушить старый мир, но и умеет на развалинах старого мира, неустанно и систематически, не теряя веры, не падая духом, не поддаваясь унынию, сжав зубы и кулаки, строить новый мир,—мир, в котором власть будет принадлежать одним трудящимся. (Аплодисменты).

Тт., если российский пролетариат мог выполнить эту задачу, то потому, что он не остался одиноким, а нашел дорогу к сердцу, к пониманию и к историческому разуму всей трудящейся массы, которая в нашей стране состоит в громадной части из крестьянства. Наш союз с крестьянством, доверие крестьянства к пролетариям, умение рабочих вести крестьян против общего врага, умение пролетариев заставить крестьян видеть в нас его родных братьев по борьбе и по строительству,—вот что нам дало силы, вот что нас поддерживало в тяжкие моменты, вот что дает уверенность в том, что и дальше наша борьба будет победоносна, и что никому не удастся разорвать тот железный союз трудящихся, на котором зиждятся диктатура пролетариата и сила коммунистической партии.

Перед вами съезд, который более чем съезд партии. Перед вами съезд партии, которая управляет великим союзом народов. Перед вами съезд партии, которая несет ответственность за то, что делается, как развиваются экономика и политика величайшей страны.

Впервые в мире представители коммунистической партии перестали быть партией, борющейся за власть, а стали партией, осуществляющей власть. Тем больше наша ответственность. Мы знаем, что мы не можем быть уже клубом, в котором обсуждаются те или иные решения, что мы не группа пропагандистов, которая должна нести идейное знамя коммунизма, что мы строители, которым доверена судьба 130 милл. народов,—строители, каждое решение которых отзывается в каждой крестьянской хате на протяжении громадного расстояния от Белого моря до Кавказа, от Владивостока и до Петрограда. Каждое решение, каждое слово, которое сказано на этом съезде, предрешает жизнь миллионов. На нас возложена судьбой ответственность не только перед русским рабочим классом, не только перед русскими трудящимися, но и перед мировым пролетариатом, который смотрит на нас, как на передовой отряд, который он выслал для того, чтобы расчистить почву для построения пролетарского рабоче-крестьянского государства.

В сознании этой ответственности работает наш XII съезд, в полной уверенности, что вся страна, вся трудящаяся масса найдет в решениях, которые принимаются на этом съезде, отклик на свои нужды, ответы на свои запросы, удовлетворение своих потребностей. Мы можем уверить трудящихся, что с этого съезда партия наша выйдет еще более крепкой, еще более сплоченной, с еще большим сознанием своей ответственности, с еще большей готовностью принести себя в жертву интересам трудящихся, чем когда бы то ни было.

Наша партийная дисциплина, то, что превращает нас в железную силу, прославлена на весь мир. Нет большего врага у международной буржуазии, чем это сознание, что российская коммунистическая партия большевиков, опирающаяся на всю толщу трудящихся масс рабочих и крестьян, представляет из себя стальными узами связанный боевой отряд, представляет собой братскую семью, в которой каждый повинуется верховной воле партии. Это дает нам силу и возможность одерживать победы. Это дает нам возможность маневрировать перед лицом всего капиталистического мира. Это дает нам возможность твердо верить, что мы одержим окончательную победу.

Этот съезд происходит без того, кто учил нас марксизму, кто учил нас революционной тактике пролетариата, кто своей личностью, своими идеями сплачивал воедино рабочий класс и крестьянство, того, кто в продолжение 25 лет провел строгую учобу партийной дисциплины. (Аплодисменты).

На этом съезде Владимир Ильич не мог присутствовать, но все то, что проделал уже съезд, показывает, что хотя физически Владимир Ильич не был в том зале, где заседал съезд, но идейно и фактически он руководит этим съездом. (Аплодисменты). Его заветы выполняли мы, принимая свои решения. С его учением сверялись каждый раз, когда перед нами становилась та или иная проблема, тот или иной трудный вопрос. Мысленно каждый из нас спрашивал себя: а как бы ответил на это Владимир Ильич?

И так как вместе с ним мы работали долгие-долгие годы, так как партия знает своего вождя, так как 25 лет она училась у него, то поэтому мы можем надеяться, что наши решения совпадут вполне с тем, что сказал бы, что сделал бы Владимир Ильич.

Мы все чувствуем новую ответственность перед нашим вождем. Мы думаем о том, что, когда он встанет,—а мы верим все и всем напряжением своей воли хотим влить в ту комнату, в которой лежит больной вождь, нашу страстную жажду того, чтобы он вновь встал. (Продолжительные аплодисменты).

Вот эта новая ответственность и мысль о том, чтобы, когда встанет наш Ильич, мы могли дать ему смелый отчет в том, что мы делали, как руководили пролетариатом и крестьянством, как продолжали начатое им дело мировой пролетарской революции,—эта мысль об ответственности перед ним есть новая сила, которая нами руководит.

Товарищи, на соединенном заседании XII съезда с представителями московских рабочих мы вновь и вновь свидетельствуем, что единство коммунистов и рабочего класса есть единство, проникающее весь рабочий класс и всю коммунистическую партию. Наше заседание будет известно всем странам и всем скажет, что, когда Владимир Ильич болен, коммунистическая партия и рабочие Москвы, Питера, Иваново-Вознесенска, всей великой нашей страны—единая семья, единая железная когорта, пробивающая себе дорогу к будущему, не боясь никаких врагов, готовая перетерпеть все, что нужно, лишь бы востор-

жествовало наше рабочее дело (аплодисменты), лишь бы вился над миром наш стяг,—стяг мировой пролетарской революции.

Да здравствует, товарищи, Российская Коммунистическая Партия большевиков, да здравствует рабочий класс России, да здравствует мировая пролетарская революция, да здравствует наш Ильич! (Аплодисменты. Музыка играет Интернационал).

Первое слово для приветствия съезду от имени беспартийных рабочих Трехгорной Мануфактуры предоставляю тов. Бахвалову.

(Голос из зала: „Да здравствует Красная революционная Пресня!". Аплодисменты).

Бахвалов. Товарищи, от имени 10 тысяч рабочих Краснопресненской Трехгорной М-ры, Государственного тормозного завода, от фабрики Дукат, от фабрики Москвошвей имени Андреева, а также от завода Санитарной техники и др. позвольте преподнести вот это Красное знамя XII съезду, а также и адрес:

XII съезду РКП от рабочих и работниц Красной Пресни.

1923 г.

Адрес.

В 25 лет существования РКП, за 19 лет подполья и 6 лет легального существования, на всех поворотах, на всех участках боя в дни революции и реакции рабочий класс проверил свою партию, проверив, оценил ее и душевно слился с ней.

Рабочие и работницы Красной Пресни заявляют XII съезду о своей кровной связи с РКП.

В дни возрождения нашей промышленности роль крестьянского хозяйства в деле помощи городской промышленности раобчий класс ясно понимает и чутко ждет решения этого вопроса на XII съезде.

Наш наказ: решите так, чтобы крестьянское хозяйство возродилось и, возрождаясь, способствовало развитию промышленности.

Мы ждем, что XII съезд последует по пути предыдущих съездов в деле сплочения РКП: сплочение рядов коммунистической партии — сплочение рядов рабочего класса.

Мы твердо верим, что из XII съезда партия выйдет единой, крепкой, стальной, готовой к новым боям, и, как бы ни тяжела была борьба, победа будет обеспечена за РКП, за рабочим классом СССР.

(Аплодисменты. Оркестр исполняет Интернационал).

Да здравствует XII съезд РКП, да здравствует вождь тов. Ленин! Желаем ему скорого выздоровления! (Аплодисменты. Оркестр исполняет Интернационал).

Председательствующий. От Миусской трамвайной станции слово для приветствия имеет тов. Черноусов. (Аплодисменты. Оркестр исполняет Интернационал).

Черноусов. Товарищи коммунисты, мне поручено от беспартийных рабочих Миусской электрической трамвайной станции выразить здесь приветствие XII съезду Российской Коммунистической Партии и

вручить ему это знамя. Мы делаем это для того, чтобы лишний раз доказать врагам советской власти, что мы все идем за коммунистической партией. (Аплодисменты).

Хотя до сего времени мы еще не стали коммунистами, но все наши лучшие чувства и пожелания на стороне РКП. Мы понимаем, что коммунистическая партия, как наиболее сознательная часть рабочего класса, борется за идеалы и за осуществление идеалов рабочего класса.

25-летней борьбой и работой по руководству рабочим движением вы дали нам возможность так свободно выступать здесь и высказывать свои мысли. Ваше учение освещает путь к коммунизму и как электрический свет прорезывает тьму. (Аплодисменты).

Мы просим вас озаботиться, чтобы скорее восстановить здоровье нашего уважаемого вождя тов. Ленина (аплодисменты) и передать ему, что мы, беспартийные рабочие и работницы, металлисты трамвайной станции, идем под руководством коммунистической партии по пути восстановления промышленности и электрификации страны, для того, чтобы ускорить гибель проклятого капиталистического общества.

Позвольте мне приветствовать вас от имени пославших меня и выразить XII съезду пожелания успешного окончания работ и выразить надежду, что коммунистическая партия и в дальнейшем поведет нас, как и до сего времени, по пути к окончательной победе коммунизма во всем мире. (Аплодисменты).

Да здравствует XII съезд Российской Коммунистической Партии!

Да здравствует вождь мировой революции тов. Ленин!

Да здравствует коммунизм во всем мире! (Аплодисменты).

Товарищи, позвольте огласить резолюцию, принятую на общем собрании рабочих Миусской электрической трамвайной станции:

Резолюция рабочих и работниц Миусской Государственной Электрической трамвайной станции.

Мы, рабочие и работницы Миусской Государственной электрической трамвайной станции, поручаем нашим делегатам приветствовать XII съезд Российской Коммунистической Партии (большевиков) и вручить ему знамя.

В течение 25 лет существования РКП (б.) в 12-й раз собираются наши вожди, чтобы решить важнейшие вопросы революционной борьбы, собираются не в обстановке преследования царским правительством, не в обстановке гражданской войны, а в обстановке мирного хозяйственного строительства, окруженные горячими симпатиями всех нас, осознавших великую роль РКП, руководителя и вождя всемирного пролетариата.

Мы, беспартийные рабочие, в количестве 500 человек, заявляем, что мы шли и пойдем за вами всюду, отдадим все свои силы на развитие нашего хозяйства, а если понадобится, с винтовками в руках

пойдем под этим знаменем и под вашим руководством против мировых хищников-эксплоататоров.

Передавая это знамя в руки испытанного вождя рабочего класса— коммунистической партии, мы говорим: „Смелее дерзайте, рабочие батальоны с вами до конца!".

Да здравствует РКП (б.)!

Да здравствуют мировая революция и ее вождь тов. Ленин!

Товарищи, мы с вами не на словах, а на деле. (Аплодисменты).

Черноусов. Передайте это знамя в руки испытанного вождя— Российской Коммунистической Партии. Мы говорим: дерзайте, рабочие с вами! Да здравствует Российская Коммунистическая Партия! Да здравствуют мировая революция и ее вождь тов. Ленин. (Аплодисменты).

Председательствующий. Товарищи, к нам приехали из 1-й цитадели русской революции питерские беспартийные рабочие. (Продолжительные аплодисменты, все поют Интернационал). Я предоставляю первое слово тов. Кузнецову от Александровских вагонных заводов. (Аплодисменты. Возгласы „ура!". Голос: „Да здравствует бородач!").

Кузнецов. Товарищи, сюда приехала делегация от Красного стального города Петрограда. (Аплодисменты). Товарищи, приехали мы сюда, и нам беспартийные массы дали наказ приветствовать XII Всероссийский съезд коммунистической партии. (Аплодисменты). Товарищи, теперь я хочу вам сказать, что именно вы строители новой жизни. Товарищи, у нас помнят те времена, когда и кто был покровителем дворян и губителем крестьян. Этому мы сорвали корону с головы, отбросили его невежество и вручили всю власть вам, товарищи, т.-е. великой коммунистической партии России. (Аплодисменты). Товарищи, еще наказ был приветствовать вашего учителя Владимира Ильича Ленина. (Аплодисменты).

Товарищи, давайте я вам открою прохождение вашей великой истории. Вы руководители, вы Российская Коммунистическая Партия, правящий класс, вы правите всемогущественным кораблем, на вас устремлены взоры всего мира, буржуазия со скрежетом зубовным смотрит на вас. Но я вам одно могу сказать: много и много есть еще у вас врагов зарубежных, они называются картофельными и заплатанными государствами, они во все горло кричат в Европе, что в России творятся безобразия, Буткевича расстреляли. Но, товарищи, мы им говорим: мы, пролетарии, знаем, кто наш враг. Не ваше дело! Вы у себя смотрите, что вы делаете, и кого вы расстреливаете! (Аплодисменты). Мы открыто говорим им: вы расстреливаете честных тружеников, которые идут за светлое будущее рабочего класса.

Теперь, товарищи, я в коротких словах коснусь негодяйки Франции, которая душит рурских рабочих.

Товарищи, ваше слово выше всех, оно разнесется по всему миру. В Париже тузы и короли будут ниже вас. Генерал Дегут пошел на

безоружных рабочих с пушками и пулеметами: снял сапоги, снял пальто, снял фуражку. Но, товарищи, придет час расплаты, там тоже есть честные труженики коммунисты, которые в лице тов. Кашена гордо, с высоко-поднятой головой идут в тюрьму. Но придет час расплаты, и они с лихвой уплатят как буржуазии, так и всем.

Теперь, товарищи, вспомним, как Деникин-кровопийца и другие генералиссимусы обрабатывали русских рабочих и колотили русских крестьян. Но донской казак Буденый разбил их. (Аплодисменты).

Товарищи, заканчивая, я приветствую XII съезд Коммунистической партии, приветствую Владимира Ильича Ленина и желаю ему здоровья, и приветствую весь Президиум. (Аплодисменты. Все поют Интернационал).

Председательствующий. От петроградских беспартийных работниц слово имеет тов. Ефимова.

Ефимова. Товарищи, я прислана от петербургских наших работниц беспартийных приветствовать XII съезд. Они бодро и твердо, как они сказали, стоят и будут стоять так же вместе с коммунистической партией большевиков, как стояли до сих пор. Да здравствует XII съезд коммунистической партии большевиков! Да здравствует наш дорогой Владимир Ильич, и да здравствует сознательный пролетариат всего мира! (Аплодисменты).

(Голос: „Да здравствуют революционные работницы!“. Аплодисменты).

Председательствующий. Для приветствия съезда от рабочих Балтийского завода слово имеет тов. Цветков.

Цветков. Шлем сердечный привет XII всероссийскому съезду коммунистической партии мы, рабочие Красного революционного Петрограда. (Рукоплескания).

XII съезду Российской Коммунистической Партии (большевиков)

От беспартийных рабочих и работниц Петрограда.

Дорогие товарищи!

Двадцать шестой год рабочий класс России, руководимый Коммунистической Партией, тяжелой дорогой, через тысячи опасностей и испытаний, шествует на пути к коммунизму.

Сплоченной, спаянной единой волей, единым стремлением, с железной дисциплиной внутри себя, из застенков царских тюрем и участков, из гущи пролетарских масс России вышла партия большевиков, чтобы вести пролетариат от Февраля к Октябрю и от Октября к мировой коммуне.

Широкие массы рабочей республики, тесно спаянные испытанной в боях Коммунистической Партией, дружным натиском опрокинув власть буржуазии, победно отразили натиск мировой реакции, камень

за камнем, упорным нечеловеческим трудом построили свое государство и положили начало хозяйственному возрождению его.

В наиболее тяжелые для советской власти моменты отдельные группы рабочих и крестьян поддавались унынию, поддавались нашептываниям своих классовых врагов, меньшевиков и эсеров, и заслуга коммунистической партии в труднейшие дни, 18, 19, 20 гг., в дни Кронштадта, в том, что, дыша единой волей, ни на минуту не забывая конечных целей пролетарской революции, она умела находить правильный путь, умела правильно подчинить интересы временные, групповые и частные интересам общеклассовым, общерабочим.

Заслуга партии в том, что она за все 5 истекших лет ни на минуту не переставала осуществлять диктатуру рабочего класса и его руководство крестьянством. Она умела все время находить правильные формы взаимоотношения рабочего класса и крестьянства.

Что в том, что в 19—20 гг. мы сидели на „осьмушке", что до самого последнего времени, а частично и теперь, рабочие иногда имеют дырявые сапоги! Зато, оглянувшись на прошлое, мы можем смело сказать: да, нас партия большевиков вела по правильному пути, и мы находимся на вернейшей дороге к уничтожению классового господства, к уничтожению классов, к лучезарному коммунизму.

Мы можем смело сказать, что мировой пролетариат, объединенный усилиями РКП под знаменем Коминтерна, свергнет капитализм и над Берлином, Парижем, Лондоном, Вашингтоном водрузит знамя пролетарской Революции.

Товарищи!

Весь капиталистический мир, все остатки буржуазной России вне советских республик и внутри их, вся пыль и гниль мелкобуржуазных партий с напряженным вниманием следят за действиями рабочего класса России и ее Коммунистической Партии в первую голову, ибо они превосходно знают, кому доверила Рабочая Россия осуществление своей диктатуры.

Каждый раз, когда партия собирается на своих очередных съездах оглянуться на пройденный путь и наметить дальнейший, в сердцах наших смертельных врагов опять и опять возрождается надежда, что единство и спайка партии дадут трещину, которые позволят им легче и удобнее бороться с нами.

Но партия, под умелым руководством нашего беспримерного дорогого вождя Владимира Ильича Ленина, обманывала ожидания врагов и твердой рукой вела нас все вперед и вперед к коммунизму.

Сейчас временное отсутствие нашего дорогого Ильича вселяет в сердце врагов новые надежды на то, что партия собьется с пути.

Рабочие массы тоже всегда, как и сейчас, с напряжением следят за действием своей славной большевистской партии.

Рабочие массы уверены, что, несмотря на временное отсутствие Ильича, партия идет и будет итти по пути, предначертанному им.

Рабочие Питера заявляют, что теперь и впредь, как и в прошлом, они со своей Коммунистической Партией.

Рабочие Питера теперь, как и всегда, громогласно заявляют: мы доверяем осуществление нашей рабочей диктатуры нашему верному испытанному вождю—Российской Коммунистической Партии.

Рабочие Питера на весь мир заявляют: партия большевиков едина и сплочена не только внутри себя, но и со всем рабочим классом страны. Партия на своем XII съезде, так же, как и всегда, может быть уверена, что петроградские рабочие будут следовать ее указаниям.

Пусть трепещут враги Советской Республики!

Наших рядов никто не расстроит!

С пути нас никто и ничто не собьет.

Да здравствуют рабочий класс России и его Коммунистическая Партия!

Да здравствует наш вождь тов. Ленин!

Да здравствует III Коммунистический Интернационал!

Да здравствует Мировая Пролетарская Революция!

По уполномочию рабочих и работниц Петрограда (идет ряд подписей).

(Аплодисменты).

Председательствующий. Для приветствия съезда от беспартийных рабочих завода „Динамо“ слово имеет тов. Королев. (Бурные рукоплескания).

Королев. Товарищи, мы пришли сюда от рабочих и служащих беспартийного завода „Динамо“, чтобы приветствовать здесь вас, собравшихся воедино, чтобы приветствовать вот эту сидящую здесь главу, чтобы приветствовать товарища съезд. Я называю товарищем съезд потому, что вижу здесь массу голов, но единую мысль и единую волю. (Бурные рукоплескания).

Приветствуя вас, мы приветствуем также в лице вашем Российскую Коммунистическую Партию, во главе с ее вождем и вдохновителем Владимиром Ильичем. Товарищи, ваши заслуги перед революцией и рабочим классом велики и основательны. Благодаря вашему руководительству, вы ведете рабочий класс из угнетенного состояния на широкую дорогу творчества и учобы. Рабочий класс стал кузнецом своего собственного счастья и счастья всего пролетариата.

Товарищи, мы, беспартийная масса, в частности рабочие „Динамо“, сейчас только начинаем подсчитывать те труды, те усилия, ту героическую работу, которые проводила ячейка большевиков на нашем заводе, где она работала целых 20 лет. (Аплодисменты). Мы только теперь отдаем себе отчет в том, что действительно трудная работа, кропотливая работа была, и эта работа вместе со спайкой с беспартийными, при посредстве их поддержки, была проделана, и теперь мы видим ее результаты. Она не пропала даром.

Товарищи, как приятно смотреть, как приятно видеть все то, что мы сейчас творим, что мы делаем. Мы видим, что действительно мы стоим на правильном пути, и с этого правильного пути нас никто и никогда не собьет.

Но надо признать, что было и в нашей среде, в среде беспар-

тийных, в то время, когда не все шло, что-называется, как по маслу, были минуты, когда беспартийные, и в частности и мы, колебались и чуть-было не сошли с пути, но благодаря руководительству, благодаря правоте слов, которые нам говорили, мы снова стали под ваше руководительство и снова продолжаем дело борьбы.

Товарищи, поднося вот это знамя, мы не пишем новых лозунгов. Здесь написан старый лозунг, но он вечно новый лозунг: „пролетарии всех стран, соединяйтесь!". (Аплодисменты). Товарищи, поднося это знамя, мы вам говорим: держите его выше, помните заветы Ильича и продолжайте начатое дело до конца. (Аплодисменты): Не отступайте ни на один шаг перед мировой и нашей отечественной буржуазией. Стойте твердо на своем посту, а мы, беспартийные, мы будем зорко смотреть на это знамя, и если гнилой ветер Запада подует не в ту сторону, мы, как один, станем под это знамя и пронесем его по всему свету, чтобы не было уголка, где бы не было этого знамени. (Аплодисменты. Интернационал. Голос с места: „Да здравствуют революционные динамовцы. Ура!"). Товарищи, еще мы слышали и знаем из газет о том, что вы одобрили политику Центрального Комитета РКП; мы скажем, что не только вы одобряете, а все рабочие, вся беспартийная масса, а вместе с ней и все крестьянство. Мы подносим Центральному Комитету портрет тов. Ленина и говорим: храните его, ибо он у нас единственный,—тот, на которого есть большая надежда. (Аплодисменты).

Да здравствует XII съезд Российской Коммунистической Партии! Да здравствуют его благотворные работы по расчищению путей социализма! Да здравствуют вожди, тт. Ленин, Троцкий, Бухарин, Зиновьев и Сталин! (Аплодисменты).

Председательствующий. От объединенных предприятий Баумановского района: заводов Радио-аппаратного, Авто-броневого, Проводник, фабрики имени Петра Алексеева, Кардо-лентной, „Шерсть—Сукно", Семеновской мануфактуры, Русско-Американской фабрики „Универсаль", от беспартийных имеет слово тов. Фоменко.

Фоменко. Дорогие товарищи, позвольте вас приветствовать от 8 предприятий Баумановского района, позвольте приветствовать вас, товарищи, съехавшихся сюда из всех уголков России. Я не буду здесь много говорить, я прочту адрес и преподнесу подарок, на котором написаны те лозунги, которые послужат на благо Российской Коммунистической Партии для связи ее со всем миром и со всеми уголками нашей страны. (Продолжительные аплодисменты). Дорогие товарищи, насколько велика заслуга нашей коммунистической партии, настолько мы, ценя ее заслуги, приняли все меры интенсивности, дабы удешевить наше производство, и вот в таком виде выразилось наше стремление, что (показывает подарок) он стоит по нынешнему времени вместо 7 тысяч 1 тысячу руб. (Громкие, продолжительные аплодисменты). Я не могу здесь, товарищи, не высказать только, одного,—что наш завод затерли окаянные спецы. (Смех, аплодисменты). Но благодаря энергии нашего руководителя, коммуниста

тов. Никифорова, который помог отстоять нам завод, теперь завод уже имеет возможность поставить вместо 60 человек до 600. Я прочту вам свой адрес:

XII съезду Российской Коммунистической Партии.

От рабочих и работниц фабрик и заводов: Радио-аппаратного, Проводника, „Освобожденный Труд" (Петра Алексеева), Кардо-лентного, „Шерсть—Сукно", 2-го Авто-броне-танкового завода, Семеновской ткацко-белильной м-ры, Русско-Американского инструментального завода „Универсаль" горячий привет XII съезду коммунистов-большевиков.

В дни Октября на баррикадах, в дни гражданской войны на полях сражений, в дни упорного труда по возрождению Рабоче-Крестьянской страны, у станка и горна мы боролись и побеждали под твоим боевым знаменем. Ты выковала в нас стальную волю в борьбе, ты указала нам путь к коммунизму. С тобой нам не страшны мировые шакалы империализма.

Мы передаем тебе и твоему вождю тов. Ленину через делегатов XII съезда радио-приемник.

Пусть этот приемник послужит тому, чтобы с быстротой радио ты смогла направлять нас в борьбе за коммунизм, проникая во все уголки Советской России, и еще пусть этот радио-приемник свяжет каждую мастерскую, каждый завод с крестьянской избой и укрепит союз рабочих и крестьян для победы над мировым капиталом.

Да здравствует радио-связь Коммунистической Партии и рабочего класса!

Куханов. Тт., разрешите прочитать свое стихотворение, написанное в течение каких-нибудь 10 минут. (Аплодисменты).

Привет XII съезду РКП.

Нам баумановцы задачу поручили,
Чтоб мы привет несли XII съезду,
Подарки, адреса они для вас вручили,—
Все передайте к их разъезду.
Чтоб каждый делегат, попав к себе домой,
Уверен был в народ, в их стойкость, их желанье
Под знамя встать, итти к победе мировой,
Коммуны строить мирозданье.
И вот теперь привет мы вам передаем
И просим: к счастью нас ведите,
Наметили здесь путь мы вместе, им пойдем.
Лишь нас в ряды свои примите!
Одно лишь только жаль, что болен наш Ильич,
Давно его уже не видно,
С трибуны, как всегда, не бросил в массы клич,
Его не слышать так обидно!

В. Куханов.

22/IV-1923 г.

Председательствующий. От беспартийных рабочих трех заводов слово имеет тов. Чуканов.

Чуканов. Тт., приношу приветствие от трех металлургических заводов: Сокольнического механического завода, завода Маликова и завода Геофизики и точной механики, где вырабатываются инструменты геодезии, физики и ортопедии. От беспартийных рабочих Сокольнического маханического завода мы преподносим подарок XII съезду в знак своей солидарности. (Аплодисменты). Мы (показывает на подарок) это строили своими собственными руками. Тт., мы, беспартийные рабочие, за эти пять лет иногда откалывались от партии коммунистов, благодаря тому, что у нас еще имелись пропагандисты эсеры и меньшевики. Теперь мы впредь будем умнее и впредь будем держаться своей партии, которая стоит на защите интересов трудящихся. (Аплодисменты).

От Сокольнического механического завода.

Мы, беспартийные рабочие Сокольнического механического завода, горячо приветствуем XII съезд РКП. Мы видим, что 5 лет советская власть идет медленно, но неуклонно и заметно вперед. Всевозрастающее улучшение общего положения нам лишний раз показывает правильность взятого вами направления.

В этот знаменательный день вы собрались без нашего великого учителя, но мы верим, что съезд пройдет так, как будто между вами находится наш дорогой Ильич. Поднятие промышленности, тесная смычка пролетариата с беднейшим крестьянством дадут нам возможность победить разруху и в недалеком будущем освободить трудящихся мира от ига капитала.

Просим принять от нас выкованные нашими руками на нашем заводе серп и молот, эмблему Рабоче-Крестьянского Правительства.

Пусть это послужит символом того, что мы, беспартийные рабочие, всегда и всюду будем с нашей руководительницей РКП (б.).

Да здравствует XII съезд РКП!

Да здравствуют наши вожди тт. Ленин, Троцкий, Зиновьев!

Да здравствует всемирная революция!

(Аплодисменты).

Председательствующий. Слово имеет от фабрики Государственных знаков тов. Охальцев.

Охальцев. От имени 6-ти тысяч беспартийных рабочих 1-й Московской фабрики Гознак приветствую XII съезд Российской Коммунистической Партии большевиков. Разрешите прочесть адрес:

От беспартийных рабочих и служащих 1-й Московской фабрики Гознак.

„Пролетарии всех стран, соединяйтесь!“

Дорогие товарищи, члены Российской Коммунистической Партии.

В торжественный день пролетариата, в день 25-летнего юбилея РКП (б.), мы, беспартийные рабочие и служащие 1-й фабрики Гознак, шлем вам и в лице вас всей РКП (б.), горячий привет и свое восхищение стойкой и правильной работой этой единственной настоящей рабочей партии.

На всех этапах борьбы рабочих за свое освобождение от экономического и политического гнета буржуазии, когда агенты ее стремились затуманивать сознание рабочих и отвлечь их от понимания своих интересов, когда мелкобуржуазные партии под именем „рабочих партий“ призывали восставший против своих угнетателей пролетариат к постепенности и разбавлению своей ненависти к враждебному себе классу—буржуазии и соглашению с ней, только единственная рабочая партия большевиков кликнула правильный рабочий клич о необходимости самостоятельной, строго-классовой борьбы рабочих за трудовое государство, за власть Советов, за коммунизм через диктатуру пролетариата.

В урагане пролетарской революции, когда все старое сносилось этим ураганом, РКП была путеводной звездой для трудящихся, вселяя бодрость и решительно борясь со всем тем, что могло бы поколебать веру в победу борцов, сама принося чрезвычайные жертвы своим лучшим составом. Этой непоколебимой волей к окончательной победе труда над капиталом, правильными приемами борьбы рабочий класс в России разрушил фундамент капиталистического строя и повел за собой пролетариат всего света к полному освобождению от векового дурмана, навеянного эксплоататорами, открывая новую эру строения мира, свободного от насилия и неравенства, мира трудящихся.

Мы верим, что и в дальнейшем РКП явится выразительницей интересов рабочих и крестьян, руководя борьбой во имя новой жизни трудящихся.

Мы верим, что под стягом РКП и III Интернационала пролетариат придет к окончательной победе над буржуазией во всем мире.

Рабочий класс был, есть и будет с вами.

Да здравствует РКП (б.)!

Да здравствует вождь ее, вождь международной пролетарской революции тов. Ленин!

Да здравствует III Коммунистический Интернационал!

Позвольте огласить небольшое стихотворение рабочего первой рабочей фабрики Гознак:

Посвящается Российской Коммунистической Партии (большевиков).

Привет Российской Коммунистической Партии.

Уж четверть века миновало
Борьбы отважной и прямой;
Но ты идешь все так же прямо
Своей железною стопой.

В горниле мировых событий,
Как сталь, крепчаешь ты сильней.
Ведешь ты к царству коммунизма
Всех угнетаемых людей.

Нам путеводною звездою
Горит и манит твой маяк,
Среди насилия и боя
Ты освещаешь жизни мрак.

Прими ж привет от беспартийных,
Наш вождь могучий—РКП.
Веди же нас все так же прямо.
Горячий наш привет тебе!

От беспартийных 1-й ф-ки „Гознак“.

(Аплодисменты).

Председательствующий. Получена телеграмма из Омска: „Губернский съезд металлистов приветствует XII съезд РКП, желает плодотворной работы, выздоровления дорогого Ильича. Омский съезд металлистов“. (Аплодисменты).

От московской узловой железнодорожной конференции беспартийных слово для приветствия имеет тов. Фадеев.

Фадеев. Расширенная московская конференция, представляющая 75 тыс. рабочих, собравшихся 2 дня назад, первой своею мыслью вынесла свое приветствие нашему испытанному мировому машинисту, больному Владимиру Ильичу. (Аплодисменты). Она выразила твердую уверенность, что наш старый испытанный вождь станет снова на свой паровоз и поведет умелой рукой к окончательной победе. Вторая наша мысль на этой конференции, будет ли един XII партийный съезд, даст ли он повод нашим врагам лишний раз проползти через наши закрытые семафоры и сеять смуту среди железнодорожников. Мы уверены, что вы будете так же едины, как были до сих пор.

Наша конференция вынесла другое еще решение. Она единодушно приняла решение, что никаких прений о революционной совести, прений о борьбе с хищениями быть не может. Это наш долг бороться с хищениями, наша обязанность. Конференция единодушно отвергла прения. Вот почему эта широкая беспартийная конференция, от имени 500 делегатов, шлет вам искренний пламенный привет и уве-

ренность, что мы с вами единым фронтом доведем борьбу до победного конца. (Аплодисменты. Возгласы из зала: „Да здравствуют железнодорожники!“).

Председательствующий. От беспартийных Высоковской мануфактуры слово для приветствия имеет тов. Густов.

Густов. Дорогие товарищи, я неимоверно счастлив, что на мою долю выпала такая высокая честь приветствовать вас от имени 3.500 рабочих фабрики Высоковской мануфактуры, которая находится в Клинском уезде. Я еще, товарищи, не имел в своей жизни такого счастливого дня, как имею сейчас. Разрешите мне зачитать, дорогие товарищи, выписку из протокола общего собрания:

Выписка из протокола № 632 общего собрания рабочих и служащих фабрики Высоковской м-ры от 20 апреля 1923 года.

Слушали: 1. Поступило внеочередное предложение, в виду того, что в настоящее время происходит работа XII Всероссийского съезда Российской Коммунистической Партии, послать представителей с приветствием от имени рабочих съезду.

Постановили: 1. Общее собрание рабочих и служащих фабрики Высоковской м-ры Клинского уезда, объединенное в Профессиональный Союз Текстильщиков, в числе 3.500, приветствует XII Всероссийский съезд Коммунистической Партии и заявляет о своей готовности при каких бы то ни было трудностях оказать поддержку, как авангарду международного рабочего движения, оказавшему столько стойкости в период гражданской войны со всемирной буржуазией; мы из своих рядов делегируем пользующихся доверием наших товарищей: Густова И. И., Лебедева А. А. и Столярову А. М.

Председатель собрания (подпись).

Секретарь (подпись).

С подлинным верно: Секретарь Высоковского Фабзавкома (подпись).

В революционные годы во всей России мы имели много партий, и эти партии нас звали за собой, и рабочим своим маленьким умом пришлось немало призадуматься: куда же примкнуть?!. И рабочие поняли и, откинув весь мусор, который к ним примыкал, избрали себе единственную руководительницу,—это есть Российская Коммунистическая Партия. Российская Коммунистическая Партия есть единственная в мире партия, которая защищает рабочего, которая вывела его на светлый путь и ведет его к светлой жизни. Правда, нам вместе с вами, дорогие товарищи, приходилось испытывать и много тяжелого. Мы помним тяжелые годы, ужасные годы, я бы сказал: годы кошмарные, но мы, товарищи, терпеливо ждали, терпеливо выносили, вы нас призывали к этому, и мы, товарищи, были готовы вместе с вами терпеть. Мы

выносили, мы были стойкими. И теперь, товарищи, разрешите мне выразить от имени наших товарищей, которые поручили мне сказать, что они готовы, если вам понадобится, в трудные минуты так же постоять, как стояли и до сего времени. Они готовы все отдать, готовы отдать жен и детей для того, чтобы разбить, товарищи, нашу мировую контр-революцию, чтобы наше красное знамя развевалось над всем миром. Да здравствует наш мировой вождь и друг детей Владимир Ильич Ленин! (Аплодисменты). Да здравствует Российская Коммунистическая Партия, и да здравствует Штаб Мирового Пролетариата— III Коммунистический Интернационал! (Аплодисменты).

Председательствующий. Слово от беспартийных работниц той же фабрики имеет тов. Столярова. (Аплодисменты).

Столярова. Дорогие товарищи, прежде чем мне вас приветствовать, разрешите мне немножко оговориться. Я — женщина-работница, текстильщица, неграмотная и беспартийная (аплодисменты), от Клинского уезда фабрики Высоковской мануфактуры от 3 с половиной тысяч рабочих и двух слишком тысяч женщин-работниц. Разрешите мне вас приветствовать от имени женщин-работниц, от имени всех рабочих и союза молодежи и юных пионеров. (Аплодисменты).

Дорогие товарищи, теперь мне разрешите приветствовать Всероссийский XII съезд, это торжественное заседание. Теперь, товарищи, разрешите мне приветствовать вас за то, что вы нам, женщинам, дали свободу. (Аплодисменты). Товарищи, мы, женщины, теперь имеем такой же голос, можем также собираться в каком-либо помещении наряду с мужчинами. (Аплодисменты).

Дорогие товарищи, тяжелое мы с вами пережили время, прошли вы трудный путь. Теперь, товарищи, идем мы все за вами, даем мы вам в жертву своих сыновей на смену усталым коммунистам и в Красную армию. И мы надеемся, дорогие товарищи, что вы нас доведете до конца правильного пути. Товарищи, мы пережили время, когда мы по 72 дня хлеба не получали, и мы занимали свои посты и стойко держали свое красное знамя и не опускали его. Мы, товарищи, идем за вами, приносим вам в жертву сыновей своих и наказываем вам: будьте честны, будьте верны коммунистической партии. (Бурные аплодисменты).

Дорогие товарищи, есть у нас еще надежда на Красную армию, надежда на союз молодежи, на этих юных пионеров, которые приняли торжественное обещание в день 25-летнего юбилея коммунистической партии, и они давали такое обещание: итти по первому требованию и быть всегда готовыми.

Теперь, товарищи, я скажу в заключительном слове следующее:

Да здравствует Всероссийский XII съезд Коммунистической Партии!

Да здравствует это торжественное заседание!

Да здравствует партия коммунистов! Да здравствует наш вождь тов. Ленин! (Аплодисменты).

Да здравствует наш вождь красного фронта тов. Троцкий! (Аплодисменты).

Да здравствует всемирная революция! Да здравствует доблестная Красная армия! (Аплодисменты, овации).

Председательствующий. От беспартийных рабочих Курской железной дороги слово имеет тов. Ильин. (Аплодисменты).

Ильин (читает):

XII съезду Российской Коммунистической Партии.

Мы, беспартийные рабочие 1-го участка Службы Тяги Курской ж. д., отремонтированный во внеурочное время паровоз в подарок нашей комячейке в день ее юбилея, согласно общему желанию рабочих, по предложению комячейки, передаем его вождю российского пролетариата—XII съезду партии.

Мы, делегаты, избранные от рабочих для поднесения подарка, приветствуем XII съезд от лица 3.000 рабочих и, кроме приветствия, напоминаем, что все, как один, в трудное время встанем на защиту пролетариата под руководством партии. (Аплодисменты).

Товарищи делегаты XII съезда Коммунистической Партии, наши рабочие-транспортники просили передать вам, что разъезжающиеся по местам с Курского вокзала товарищи делегаты будут именно отправлены с этим паровозом, который мы преподносим XII съезду партии.

Председательствующий. От беспартийных рабочих фабрики имени Бабаева слово имеет тов. Кольцова.

Кольцова. Дорогие товарищи, разрешите мне приветствовать вас, XII съезд Коммунистической Партии (аплодисменты), от имени рабочих и работниц кондитерской государственной фабрики № 2, имени Бабаева. Посылая нас сюда, как беспартийных рабочих, нам наказали приветствовать XII съезд и вручить вот это знамя и сказать, что коммунистическая партия есть наша партия рабочих и крестьян, и позвольте мне прочесть резолюцию ту, которую вынесло общее собрание. (Голоса: „Просим!“).

Резолюция, принятая на общем собрании рабочих и работниц гос. конд. ф-ки № 2 имени Бабаева.

Общее собрание рабочих и работниц государственной кондитерской ф-ки № 2 имени рабочего Бабаева в количестве 800 человек приветствует XII съезд Российской Коммунистической Партии, который, как и в предыдущие съезды, является путеводной звездой рабочих и крестьян России.

Преподнося наше пролетарское знамя XII съезду, мы говорим: пусть это знамя выразит нашу братскую благодарность, преданность и любовь к нашей пролетарской партии. А когда осмелются международные кровожадные акулы переступить хотя бы одну пядь нашей советской границы, мы под этим знаменем вместе с коммунистической партией выступим на защиту нашей пролетарской страны и еще хотя

бы сто и тысячу раз докажем нашим международным врагам, что мы, пролетарии Советской России, если были способны после Октябрьской революции защищать нашу трудовую республику от тысячей посягательств, то теперь эта способность удесятерена солидарностью рабочих с крестьянами Советской России, крепче, чем когда-либо, спаянных со своей Коммунистической Партией. Наше пламенное приветствие XII съезду единственнной в мире партии, дерзнувшей свергнуть господство буржуазии!

Наш горячий пролетарский привет великому организатору коммунистической революции, любимому вождю угнетенного человечества Владимиру Ильичу Ленину!

Да здравствует XII съезд РКП (б-ков)!

Председатель общего собрания *Евсеев.*

Секретарь *(подпись).*

Председательствующий. От беспартийных рабочих завода „Красный Пролетарий", бывший Бромлей, слово имеет т. Величенко.

Величенко. Приветствуя XII съезд рабочей коммунистической партии, позвольте вам пожелать полного успеха в работе до конца, но, главное, нам хотелось бы в этом приветствии указать на некоторые моменты. Первый момент—это единство XII съезда, потому что если не будет полнейшего единства, то, поверьте, это отразится на каждом беспартийном, независимо от его толка. (Аплодисменты). Я говорю это к тому, что рабочие, независимо от того, партийные ли они, или непартийные (я бы сказал, что теперь нет беспартийных: все партийные, только одни активные, а другие лентяи) (смех), все мы следим за вашим съездом очень зорко, и те шероховатости, на которые указал т. Бухарин, должны быть абсолютно сглажены.

Желание беспартийных товарищей состоит в том, чтобы не только заграничной буржуазии, которая всем слетом следит за границей, не дать пищи, но чтобы этой пищи не было и здесь, потому что залог успеха вашей работы состоит в том, чтобы все стоящие перед вами задачи были разрешены единогласно. Здесь соль, и закон, и пророк, как это раньше говорили. Если это будет достигнуто, то ваша задача будет решена на пять с плюсом. Ильич выздоровеет, и тогда он экзамен произведет в своем кабинете и 5 с плюсом вам поставит, если задача будет разрешена. (Аплодисменты).

Я говорю это к тому, что перед вами есть задача большой важности, перед вами стоит программа огромная, и вы не смеяться будете, пожалуй, а будете грустны, потому что союз деревни с городом—это задача такая, которая, если вы разрешите ее на 4, то и это будет блестяще. Разрешать такую проблему—смычки города с деревней—я, как беспартийный, думаю, невозможно сгоряча и с-кондачка. В то время как бромлейский топор оценивается в 30 миллионов, а фунт масла в 12 миллионов, когда крестьянин при теперешних условиях знает, что за фунт масла он может получить семь-шесть фунтов соли,

тогда как раньше он мог получить полпуда или пуд, тут уже не смех перед XII съездом, а такая задача, что если вы ее разрешите, то мы будем на руках вас качать.

Третий момент послужит вам на укрепление вашей мысли и даст вам единство. Возьмите два года назад и теперь. Безусловно вы здесь — мозг Коммунистической Партии, т.-е. все, что есть лучшего в ней. Если два года назад наш завод в частности (я думаю, что и все заводы нашей федерации) шатался то туда, то сюда, как подчеркнул один из предыдущих ораторов, что шли и за эсерами и шатались туда и сюда, это и привело к тому, что мы с вами пережили ту колоссальнейшую разруху, которую мы теперь сразу не можем и охватить.

Я уже в день 25-летия партии говорил, что кого только ни выбирали в Московский совет, а хороших никого не выбирали. У нас могли пройти и Бармиш, и Чижиков (наверное, об этом все знают), а Михаила Ивановича мы провести не сумели, потому что шатались туда и сюда. Это уже кончилось, и это послужит для съезда большой подпорой.

XII съезд должен разрешить труднейшие задачи, потому что XII съезд есть первый съезд РКП, собравшийся при таких условиях, когда у нас нет фронта, а имеется атмосфера, при которой можно работать. И я полагаю, что, как мозг этой партии, вы и проработаете хорошо, потому что теперь положение совершенно другое. Теперь завод наш вот уже вторые выборы выбирает совершенно других и до конца будет выбирать Льва Борисовича Каменева. Беспартийные все безоговорочно доверяют Коммунистической Партии.

Мы, беспартийные, думаем, что все задачи и все вопросы, поставленные на повестку дня XII съезда РКП, будут разрешены полностью и единогласно.

В заключение позвольте мне прочитать резолюцию нашего завода, вынесенную 3 часа назад и принятую единогласно:

Резолюция, принятая на общем собрании рабочих завода „Красный Пролетарий“ 23 апреля 1923 г.

Общее собрание рабочих машиностроительного завода № 2 „Красный Пролетарий“ приветствует XII съезд РКП (б.), партию пролетарской диктатуры и коммунизма.

Выражая удовлетворение и одобрение решениям съезда, мы, рабочие, заявляем, что XII съезд и вся партия встретят в нас полную поддержку в проведении этих решений в жизнь. Мы особенно удовлетворены тем, что XII съезд РКП, воплотивший в себе весь пролетарский разум и волю, в основу своих решений положил те идеи, которые указывал испытанный, гениальный и наш любимый вождь тов. Ленин.

Да здравствует РКП, вождь пролетариата!

Да здравствует союз рабочих и крестьян!

Председатель *(подпись)*

Секретарь *(подпись)*.

Председательствующий. От беспартийных рабочих завода „Дукс" слово имеет тов. Яковлев.

Яковлев. Приветствую вас от имени очень небольшого количества людей, а именно от 1.500 человек пока, а в будущем, надеюсь, и больше. Выступаю от имени беспартийных. В виду небольшого количества времени зачитаю только адрес:

XII Всероссийскому съезду РКП от рабочих и служащих Государственного авиационного завода „Дукс".

Мы, рабочие и служащие Государственного авиационного завода „Дукс", собравшись на общем собрании 13 апреля, приветствуем XII съезд РКП и выражаем свое полное доверие в области как внутренней, так и международной политики.

Посылая свою делегацию, поручаем ей вручить наше знамя, как символ единения широких беспартийных масс с РКП, единственной в мире рабочей партии, которая в течение 25 лет неустанно боролась за освобождение трудящихся.

Мы, рабочие и служащие, выражаем полную уверенность, что РКП и в дальнейшем при нашем полном доверии и поддержке поведет рабочий класс по верному пути к окончательной победе.

Мы, рабочие, знаем, что на этом съезде будете обсуждать вопросы государственно-хозяйственного строительства, и надеемся, что вы не забудете обратить особое внимание на нашу авио-промышленность, призванную в будущем сыграть великую роль как в военной, так и в мирной обстановке.

Мы же, со своей стороны, заявляем, что весь свой опыт, знания и силы отдадим для восстановления Красного Воздушного Флота.

Мы подчеркиваем, что в момент общего производственного кризиса завод вынужден был почти совершенно прекратить наше авиостроение, но наступил момент, когда завоеваниям Октябрьской революции стала грозить опасность, рабочие, воодушевленные сознанием своего долга, напрягли все свои силы для сохранения нашего отечественного самолетостроения.

Мы считаем, что русская авио-промышленность должна стать на твердую почву и не быть зависимой от заграницы, поэтому считаем необходимым иметь в постройке самолеты, отвечающие количеством и качеством достоинству нашей Советской республики.

Тесно сомкнув ряды, пойдем мы за своими пролетарскими вождями по пути восстановления нашего государственного строительства.

Да здравствует XII съезд РКП! Да здравствует вождь мировой революции тов. Ленин! Да здравствует вождь Красной армии тов. Троцкий!

Председатель (*подпись*).

Секретарь (*подпись*).

Председательствующий. От беспартийных рабочих „Серп и Молот“ слово имеет тов. Лучков.

Лучков. От имени беспартийных рабочих завода „Серп и Молот“, бывший „Гужон“, приветствую XII Всероссийский съезд Российской Коммунистической Партии. (Аплодисменты).

Товарищи, уже 6 лет, как у власти рабоче-крестьянское правительство. Всем известно, что передовым авангардом была Рабочая Коммунистическая Партия. Товарищи, от имени беспартийных завода „Серп и Молот“ я смело здесь, на Всероссийском XII съезде, говорю, что мы, рабочие завода „Серп и Молот“, на первый зов Российской Коммунистической Партии выйдем и войдем в ряды Коммунистической Партии. (Аплодисменты). Товарищи, мне, например, пришлось лично наблюдать 18 апреля наш цех, когда принесли нам нашу „Рабочую Газету“, и в первых строках рабочие нашего цеха прочли заметку т. Каменева, который пишет, что „наш дорогой Владимир Ильич Ленин свою болезнь победит точно так же, как победил других врагов, которые хотели столкнуть власть рабочих и крестьян“. Товарищи, наши рабочие завода „Серп и Молот“ надеются, что XIII Всероссийский съезд уже будет совместно с нашим дорогим Ильичем Лениным.

Товарищи, рабочие завода „Серп и Молот“ поручили нам делегатам XII Всероссийского съезда преподнести вот этот гвоздь и этот молот, и совместно с рабочими „Серп и Молот“ мы вот этим молотом вобьем гвоздь в 2½ Интернационал. (Аплодисменты. Клики „ура!“. Интернационал).

Разрешите мне, как недавно демобилизованному из Красной армии и бывшему в боях, поблагодарить здесь одного красного генерала, который под Киевом, можно сказать, освободил меня из рук буржуазии. Это—наш дорогой красный генерал т. Буденый. (Аплодисменты).

Да здравствует Российская Коммунистическая Партия, да здравствует наш дорогой Владимир Ильич Ленин, да здравствует тов. Троцкий! Ура! (Клики „ура!“ Голос с места: „Да здравствуют красные молотобойцы! Ура!“).

Председательствующий. От беспартийных рабочих фабрики „Большевик“ для приветствия имеет слово тов. Колосова.

Колосова. От имени рабочих и работниц Государственной кондитерской и парфюмерной ф-ки „Большевик“ позвольте приветствовать XII съезд руководительницы нашей пролетарской революции Российской Коммунистической Партии.

Позвольте преподнести это знамя в лице XII съезда партии всей партии.

Мне поручено передать съезду, что наша фабрика единогласно идет с РКП и в дальнейшем готова бороться до тех пор, пока не укрепится наша пролетарская республика, и итти на помощь нашим заграничным братьям. Наша фабрика уверена, что съезд окончательно утвердит союз рабочих и крестьян и окончательно восстановит наше

хозяйство. Да здравствует XII съезд Российской Коммунистической Партии! (Громкие аплодисменты).

Председательствующий. Слово предоставляется от имени беспартийных рабочих I Образцовой типографии бывш. Сытина, тов. Астафьеву.

Астафьев. Позвольте мне от имени рабочих и работниц I Образцовой типографии в количестве 1.800 чел. приветствовать вас, собравшихся на XII съезд Рабочей Коммунистической Партии. Товарищи, посылавшие меня сюда, просили главным образом, снять с них позорное пятно, якобы, желтых сытинцев. К сожалению, был период в 17—20 году, когда желтые прохвосты сумели сыграть подчас на отсталых беспартийных, подчас старичках-рабочих и повлиять на них так сильно, что они как-будто и заслужили такое звание. Но отнюдь это так не было. В 20-м году, когда прибыли хорошие силы, рабочие убедились во лжи и клевете и стали выгонять клеветников с завода. Великая заслуга Российской Коммунистической Партии для тех, кто не сознавал ее и не хотел слушать,—это открытый процесс над с.-р., где беспартийные убедились во лжи предателей рабочего класса. Та спайка с беспартийными рабочими в 25-летний юбилей и та спайка с крестьянством, которая сейчас партией проводится, дает нам уверенность сказать, что мы можем добиться полной победы над капиталом.

Товарищи, я прочту от имени рабочих фабрики адрес и преподнесу скромный подарок:

XII съезду Российской Коммунистической Партии (большевиков).

Дорогие товарищи!

Недавно происходило празднование 25-летнего юбилея РКП. В эти дни вы подвели итоги своей борьбе, как авангарда российских рабочих масс. Что Российская Коммунистическая Партия действительно является авангардом рабочего класса, оправдала его доверие, осуществила его боевые лозунги,—свидетельствуют пятилетнее существование диктатуры пролетариата и бесчисленные победы под ее руководством.

В эти дни и мы, беспартийные рабочие I Образцовой типографии, бывш. Сытина, подвели итоги и нашим настроениям, убеждениям, нашей роли в русской революции и нашим отношениям к Российской Коммунистической Партии.

Мы, русские печатники вообще, и рабочие I Образцовой типографии, бывш. Сытина, в частности, всегда признавали главенство Политической Партии. Под ее знаменем мы сплачивали свои силы, под ее руководством мы боролись, о чем свидетельствуют наши боевые традиции в декабрьские дни 1905 года. Последовавшая за 1905 годом русская реакция внесла некоторое разочарование в наши ряды, чем не преминули воспользоваться меньшевики, распространив среди нас

свое влияние. Благодаря обескровлению нашей фабрики молодыми революционными силами, им удалось к моменту величайшей в мире революции свое влияние закрепить и вести нас долгое время за собой.

Таким образом, роль некоторых революционных рабочих I Образцовой типографии, бывш. Сытина, свелась в первые годы нашей революции к роли бессознательного орудия в руках предательских партий меньшевиков, чем они хвастались на всех перекрестках международной контр-революции.

Нужно было несколько определяющих лет победоносной пролетарской революции, чтобы мы поняли всю контр-революционность и предательство меньшевиков.

Отныне мы заявляем,—передайте это рабочим всей России, пусть это услышат рабочие всего мира: нет больше места предателям меньшевикам в наших рядах.

Единственная партия рабочего класса есть Российская Коммунистическая Партия. Под ее знаменем и руководством мы будем жить, бороться, а когда потребуется, и умирать.

Пролетарии всех стран соединяйтесь под знамена Коммунистических Партий!

Рабочие 1 Образцовой типографии, быв. Сытина.

(Аплодисменты).

(Голос с места: „Да здравствуют красные печатники!". Аплодисменты).

Председательствующий. От имени беспартийных рабочих фабрики электрических ламп слово имеет тов. Рябов.

Рябов. От 800 беспартийных рабочих фабрики электрических ламп мы пришли сюда приветствовать XII съезд РКП. Мы присланы сюда для преподнесения нашего труда—этой лампы для освещения XII Всероссийского съезда. Посылая нас для приветствия съезда, рабочие требовали, чтобы мы осветили нашего дорогого Владимира Ильича, а также пусть светит всем наша полуваттная лампа, которая сделана мозолистами руками во второй половине 22-го года. Да здравствует всемирная революция! Да здравствует III Коммунистический Интернационал! Да здравствует XII съезд РКП!

Тт., разрешите мне зачитать адрес:

XII Всероссийскому съезду РКП.

Мы, беспартийные рабочие 1-й и 2-й Государственных объединенных фабрик электрических ламп, в числе 800 человек, посылая свой пламенный привет руководителю пролетариата XII съезду Российской Коммунистической Партии, собравшемуся в юбилейный 25-й год ее существования, и желая ему благотворной и успешной работы на пользу рабочего класса, шлем также наш привет больному телом, но сильному духом, вождю партии и всемирного пролетариата В. И. Ленину и надеемся снова видеть его во главе русской и всемирной революции.

Мы просим съезд принять наш скромный дар—полуваттную лампу в 1000 свечей, продукт нашего производства; пусть светит она вам так же ярко, как красная звезда революции светит всему миру.

Полуваттные лампы—гордость и дело рук революционных рабочих фабрик электрических ламп, так как производство их организовано в России только после Октябрьской революции, во второй половине 1922 года, а до сего времени они привозились к нам из-за границы.

Эту гордость нашу мы разделяем с Коммунистической Партией, как идейной нашей руководительницей и вдохновительницей на подвиги в хозяйственном возрождении нашей республики.

Да здравствуют РКП и ее вождь XII съезд!

Да здравствует тов. Ленин!

Да здравствуют III Коммунистический Интернационал и Международная Социальная Революция! (Аплодисменты).

Председательствующий. Слово для приветствия имеет представительница работниц той же фабрики.

Товарищи, я тоже с той же фабрики, от беспартийных работниц. До сих пор мы были неграмотны.

Я хочу сказать, что я от 600 человек работниц той же фабрики, которые прислали меня сюда приветствовать XII партийный съезд и Российскую Коммунистическую Партию.

Тт., эта полуваттная лампочка,—что она представляла из себя раньше? Она раньше привозилась из-за границы, наши работницы не могли их делать, не имели понятия о том, как их делают. Они привозились из-за границы,—и кто ими освещался? Те, до которых мы не доходили. И это было не только у нас. Был целый ряд таких производств, которые у нас не вырабатывали, а привозили из-за границы. Почему? Потому все говорили, что русский—дурак, и не допускали нас до этого производства, а теперь мы идем все дальше и дальше и скоро придем к нашему светлому будущему.

Мы должны все итти рука об руку, крепко сплотившись.

Наши беспартийные работницы шлют привет Российской Коммунистической Партии, а также дорогому вождю Владимиру Ильичу; мы ждем, что скоро он выздоровеет, и жаждем увидеть его на своем посту. (Аплодисменты).

Председательствующий Слово от беспартийных рабочих Белорусско-Балтийской ж. д. имеет тов. Захаров.

Захаров. (От беспартийных рабочих Белорусско-Балтийской ж. д.) Товарищи, общее собрание беспартийных главных мастерских Белорусско-Балтийской дороги счастливо передать через своих представителей приветствие XII съезду. Мы, товарищи, в начале революции и по настоящее время верили в правоту вашего дела и верим, что наша Коммунистическая Партия выведет нас на истинный путь к светлому будущему; верим, что общими усилиями рабочих и крестьян под вашим руководством мы победим разруху и ем самым заключим союз с крестьянством.

Вот примите от нас это знамя в знак будущего залога или символа единения беспартийных с Коммунистической Партией.

Да здравствуют Российская Коммунистическая Партия и т. Ленин! (Аплодисменты).

Председательствующий. От беспартийных рабочих фабрики Гознак Замоскворецкого района слово имеет тов. Грингольд.

Грингольд. Товарищи, разрешите приветствовать вас от беспартийных рабочих 2-й Московской фабрики Гознак:

XII съезду Российской Коммунистической Партии (б.) от беспартийных рабочих 2-й Московской фабр. Гознак.

Дорогие товарищи, участники XII съезда Российской Коммунистической Партии (больш.). Привет, укрепляющий вас, привет, оздоровляющий всех, привет вам, народным вождям, шлют беспартийные 2-й фабрики Гознак.

Да здравствуете вы, сильные духом и мощные мыслью, и да прогремит ваша правда, да проникнет ваш яркий свет в самые темные углы всего мира и да озарит всех светом нового лучшего счастья!

Много труда неизмеримо тяжелого, бесконечно упорного положено вами и вашими предшественниками. Много пало коммунаров в тягчайшей борьбе за торжество правды и счастье народов. Много вражды было кругом, много пролито крови, но путь революции уже озаряется счастьем, расцветом. Мрак побежден, невежество пало, царство труда торжествует!

Радостно бьются сердца всех нас, участников общего дела, вздымается грудь, вдыхая живительный воздух свободы.

Да здравствуют борцы!

Да здравствует великий вождь и учитель Вл. Ильич Ленин!

Да здравствуют вожди мирового пролетариата!

Да здравствуют все, кто вместе с вами!

Беспартийные 2-й Московской фабрики „Гознак“.

(Аплодисменты).

Председательствующий. От беспартийных рабочих Глуховской мануфактуры слово имеет тов. Андреев и делегация, приехавшая с ним из Богородска. (Аплодисменты).

Андреев. Товарищи, позвольте приветствовать вас, XII съезд Российской Коммунистической Партии, от беспартийных рабочих Глуховской мануфактуры, гор. Богородска, фабрики имени Ленина,—от 2-х тысяч рабочих. (Аплодисменты).

Товарищи, на-днях, на этой неделе даже, мы праздновали юбилей своей ячейки, местной, Глуховской. Празднование 6-летней годовщины Глуховской ячейки совпало как-раз с XII съездом Российской Коммунистической Партии. Я должен оговориться, что мы скромно праздновали 6-летнюю годовщину и постановили пожаловать к вам сюда, дорогие товарищи, на XII съезд и сказать свое веское слово солидарно-

сти беспартийных рабочих, 2-тысячной массы Глуховской м-ры, что мы, одобряя начало вашей работы, следя за вашей работой, говорим: работа начата правильно, и всегда при первом требовании, при первом выстреле наши глуховские рабочие, которые раньше всегда стояли позади других рабочих, готовы мы, беспартийные рабочие Глуховской м-ры, всегда итти рука об руку и нога в ногу с Российской Коммунистической Партией (большевиков).

Товарищи, нужно отметить, прошли тяжелые денечки, настали более легкие, и произошел громадный сдвиг среди беспартийной массы рабочих в настоящее время Этот сдвиг вы знаете. Члены РКП должны твердо запомнить, что сдвиг основан на том, что недалек тот день, когда не будет у нас, среди рабочих, названий „беспартийный". (Аплодисменты. Возгласы из зала: „Добро пожаловать!").

Товарищи, в торжественном заседании, в заседании празднования 6-летнего юбилея местной ячейки, в присутствии рабочих беспартийных, количеством около 2 тысяч человек, постановили принять в свои почетные рабочие Глуховской м-ры имени Ленина тов. Троцкого почетным рабочим. Позвольте, товарищи, зачитать протокол данного собрания:

Тов. Троцкому через Президиум XII Всероссийского съезда РКП.

Выписка из протокола № 24 торжественного заседания ячейки РКП (б.) совместно с беспартийными.

Присутствуют: 1.200 тт., среди них уполномоченные от всех отделов, состоявшегося 22 апреля 1923 г., с 8 час. веч. до 2 час. ночи.

Слушали: Тт. беспартийные предлагают назначить тов. Троцкого почетным рабочим-прядильщиком на ф-ке имени Ленина.

Постановили: Назначить тов. Троцкого почетным рабочим-прядильщиком и предложить Заводоуправлению и РКК назначить ему оклад жалованья соответственно его квалификации.

Председатель собрания *Квасман.*

Секретарь *Сорокин.*

Протокол экстренного заседания Расценочно-Конфликтной Комис. при фабр. имени Ленина от 23 апреля 1923 г.

Присутствовали: от фабричного управления: А. М. Казас, Конст. Г. Томас, Н. П. Четвериков, Н. И. Барто, от Фабкома Квасман, Карпухин, Фролов.

Порядок дня: 1. О назначении тарифной ставки почетному прядильщику Глуховской ф-ки тов. Троцкому.

Председатель *Квасман.*

Секретарь *Казас.*

Слушали: 1. Выписки из прот. № 24 от 22 апреля с. г. торжественного заседания ячейки РКП совместно с беспартийными рабочими о назначении тарифной ставки почетному прядильщику т. Троцкому.

Постановили: 1. Зачислить тов. Троцкого почетным прядильщиком Глуховской ф-ки с 23 апреля с. г. и назначить тарифную ставку по седьмому разряду, руководствуясь тарифом союза текстильщиков (изд. 1922 г.).

Председатель *Квасман.*

Секретарь *Казас.*

Андреев (продолжает). Товарищи, следя за последними газетами, мы в этом времечке думали, и когда предыдущие ораторы говорили о смычке с крестьянами, мы говорили, что смычку города с деревней нужно поставить на должную высоту. Это одно, товарищи, и другое, нужно как следует распределить, что-называется, всех ответственных работников и коммунистов и некоммунистов, дабы ускорить тем поднятие промышленности и хозяйства вообще.

Товарищи, мы верим, что XII съезд своей плодотворной работой как-раз осуществит наши надежды, и с нашей стороны мы поддержим вас всегда, а этом можете быть вполне уверены. Заканчивая свое приветственное слово, товарищи, я должен сказать:

Да здравствует Российская Коммунистическая Партия большевиков!

Да здравствует XII съезд РКП!

Да здравствует III Коммунистический Интернационал!

Да здравствует международная революция!

Женщина-работница. Хотя мне слова и не дали, а буду говорить. Трудившись 45 лет на фабрике, я увидела в своей жизни, какая это была революция, как она свергла царизм. И когда буржуазия хотела из нас кровь пить и обратно все взять, то наши вожди и наша Красная армия пошли на защиту, и которые из них вернулись живы, а которые голову положили. И наши передовые вожди не дали пролетариату упасть. Они идут и за собою ведут Красную армию. Красная армия не спотыкается и идет. И везде, повсюду за нею вожди впереди Красной армии, а мы, товарищи, как беспартийные, мы не можем прямо к коммунизму выходить, но все-таки поддерживаем коммунистов и Красную армию и всех наших вождей.

Андреев (продолжает). И еще один наказ должен вам сказать от наших рабочих, что крайний срок явления тов. Троцкого на фабрику—это 1-го мая, и мы просим Президиум передать тов. Троцкому, чтобы он хоть раз за всю революцию заявился на нашу фабрику и сказал свое веское слово нашим рабочим. Заканчивая, товарищи, свое приветственное слово, я еще забыл передать одно чувствительное пожелание рабочего класса о здоровье Владимира Ильича Ленина, пожелание скорейшего выздоровления его. Да здравствует мировой вождь Владимир Ильич Ленин! (Аплодисменты. Возглас: „Да здравствуют красные ткачи, да здравствует красная фаланга беспартийных!“).

Председательствующий. От беспартийных рабочих Казанской ж. д., паровозных мастерских и Москва-депо, Октябрьской ж. д., вагонных мастерских и паровозных мастерских, Северной ж. д., первого участка тяги и 18 участка тяги, слово имеет тов. Борисов.

Борисов. От имени Казанской, Северной и Октябрьской ж. д. сегодняшнее общее собрание избрало нас, 4 делегатов, для того, чтобы здесь приветствовать XII Всероссийский Коммунистический съезд и выразить здесь наше приветствие и наше пожелание, наше стремление, товарищи, как можно скорее уничтожить разруху на транспорте, наше желание скорейшего выздоровления нашего дорогого вождя Ильича. (Аплодисменты). Для того, чтобы иностранные и наши внутренние враги не думали, что мы насильно или только на словах доказываем единство беспартийных с партией, Октябрьская ж. д. доказывает это на деле. Мы в честь XII съезда РКП выпускаем к 1 мая новый состав из 14 пассажирских вагонов. (Аплодисменты). Для приема этого состава и для оценки его, для того, чтобы судить, действительно ли мы достойны наших слов, и достойны ли мы вступить в ряды коммунистической партии, комиссия по проверке этого состава ныне, на общем собрании, решила просить присутствовать тт. Каменева и Калинина почетными ревизорами нашего завода. (Аплодисменты. Т. Каменев пожимает ему руку). Товарищи, сейчас у нас было рукопожатие. Это не простое рукопожатие, а в этом рукопожатии заключается наша самая тесная, крепкая спайка. (Аплодисменты). Я должен еще заявить, что мы желаем, чтобы мои слова проникли за пределы нашей Российской Социалистической Республики, к западным акулам, что мы ни одного состава с белыми и черными флагами не пропустим через наш семафор социалистической республики.

Разрешите приветствовать XII Всероссийский съезд РКП, разрешите приветствовать Российскую Коммунистическую Партию и штаб мировой революции—III Коммунистический Интернационал. Приветствую еще тов. Троцкого, красного вождя Красной армии. Да здравствует Коммунистическая партия, как авангард всемирной пролетарской революции! (Аплодисменты).

(Голоса: „Да здравствуют Красные Сокольники! Да здравствует Октябрьская железная дорога!").

Мы привезли сюда модель нашего производства—вагон, но вследствие технических соображений он сюда не мог быть доставлен. Наша цель будет достигнута, если мы его отправим в Истпарт.

Теперь разрешите зачитать адрес и преподнести вам вот эту папку „Российской Коммунистической Партии большевиков"...

Резолюция делегатского собрания при Московских паровозных мастерских Московско-Казанской жел. дор.

Мы, делегаты от 1.250 человек рабочих и мастеровых Московских Паровозных мастерских, с неимоверным прискорбием следим за бо-

лезнью нашего Дорогого Учителя Владимира Ильича. Мы уверены, что скоро снова у руля корабля Мировой Революции будет стоять наш зоркий кормчий тов. Ленин.

Мы знаем, что XII съезд РКП идет по пути, указанному тов. Лениным, и подводит итог работы партии по укреплению диктатуры пролетариата.

Приветствуя вас, дорогие товарищи, за вашу плодотворную работу, мы выражаем уверенность, что как партия, так и беспартийные рабочие, удесятерив революционную энергию, смогут продолжать дело временно выбывшего из строя тов. Ленина.

Да здравствует Всероссийский XII съезд РКП!

Да здравствует Ильич, руководитель РКП!

Да здравствует единение рабочих под знаменем РКП и III Коммунистического Интернационала!

Председатель (*подпись*).

Секретарь (*подпись*).

23 апреля 1923 г.

Председательствующий. От беспартийных рабочих завода „АМО" слово имеет тов. Зезюлин.

Зезюлин. Мы, рабочие и служащие Первого Государственного автомобильного завода „АМО", приехали сюда на изготовленных нами автомобилях приветствовать XII съезд РКП. (Аплодисменты).

Товарищи, приветствуем тот день, когда исполнилось 53 года вождю пролетарской революции Владимиру Ильичу. (Аплодисменты). Сравнивая настоящий съезд в связи с 25-летием Коммунистической Партии с первым съездом, происходившим в подполье, мы видим громадную разницу. Тот съезд был в подполье, а этот съезд происходит в самом роскошном здании нашей столицы. Это доказывает, какой громадный шаг сделали мы вперед за эти 25 лет. Если следовать этому и дальше, то мы можем надеяться, что большинство присутствующих здесь доживут до того момента, когда они своими глазами увидят мировой съезд коммунистической партии. (Аплодисменты).

Собравшись сегодня на собрание, мы, рабочие и служащие 1-го завода „АМО", вынесли следующую резолюцию: Нашему вождю в революционной борьбе, Российской Коммунистической Партии (большевиков), пролетарский привет.

Резолюция общего собрания рабочих и служащих 1-го Государственного автомобильного завода „АМО", 23 апреля 1923 года.

Нашему вождю в революционной борьбе, Российской Коммунистической Партии (большевиков), пролетарский привет.

Явившись сюда на съезд нашей партии на сделанных нами автомобилях, мы, беспартийные и партийные рабочие и служащие Пер-

вого Государственного автомобильного завода „АМО“, преподносим съезду простой железный молот.

Молотом мы бьем по хозяйственной разрухе.

Молотом под руководством РКП (б.) мы разбили контр-революцию.

Молотом нанесем решительный удар мировой буржуазии.

Да здравствует наша Партия РКП, союз которой с рабочими и крестьянами неразрывен!

Рабочие и служащие завода „АМО“.

Председатель собрания (*подпись*).

Секретарь (*подпись*).

Председательствующий. От беспартийных петербургских рабочих для приветствия московских рабочих слово имеет тов. Нилов.

(На сцену выходит группа петроградских рабочих. Бурные аплодисменты. Поют Интернационал. Клики: „Привет красным питерцам!“).

Нилов. Товарищи, разрешите перед Всероссийским XII Партийным съездом РКП засвидетельствовать единство двух красных столиц— Питера и Москвы. (Аплодисменты).

От лица беспартийных рабочих и работниц и от молодежи я жму руку представителя гор. Москвы тов. Каменева. (Аплодисменты.)

Товарищи, это есть свидетельство того, что мы, беспартийные как Москвы, так и Петрограда, не на словах, а в действительности, на деле доказываем нашей уважаемой партии РКП наше единство, единый фронт.

Товарищи, этот единый фронт наш против того единого фронта, который группируется, как вам известно, не в наших пределах. Мы вполне надеемся, что под умелым руководством нашей партии, которое она нам на фактах доказала в течение 25-летнего существования, никогда не отстанем и пойдем вперед к светлому будущему, к полному коммунизму.

Да здравствует тов. Ленин!

Да здравствует III Коммунистический Интернационал, да здравствует пролетариат всей России! (Аплодисменты. Голос с места: „Да здравствуют красные питерцы! Ура!“).

Один из членов питерской делегации. Да здравствует Красная Москва. Ура!

Председательствующий. От беспартийных рабочих Миусского трамвайного парка слово имеет тов. Осиков.

Осиков. Боевые и красные орлы, от имени рабочих и работниц Миусского трамвайного парка позвольте приветствовать вождя Его Величества Народа XII съезд Российской Коммунистической Партии. (Аплодисменты). И позвольте вам сказать, дорогие товарищи: держите руль правления крепко и твердо в своих руках и смотрите вперед ясно и зорко, ибо, так-сказать, опора ваша есть рабочие, которые думают с вами. Руль правления может крепко держать только та партия, которая опирается на титан-народ.

Затем позвольте, товарищи, сказать, что рабочие за вашей работой следили зорко и вашу работу видели и по газетам и этой работой очень интересуются. Например, на съезде, в речах некоторых ораторов были сказаны слова, что нужно полечить недостатки некоторых товарищей. Это было сказано тов. Сталиным по поводу окостенения некоторых товарищей, которые потеряли пролетарский дух. Он говорил, что нужно заняться их лечением и вселить в них этот пролетарский дух. Точно так же в речи т. Троцкого было сказано о трестах, о хищениях и о том, что это надо лечить. Рабочие смотрят на все это и убеждены в том, что все сказанное будет проведено в жизнь.

Затем позвольте прочесть данный нам наказ:

XII съезду РКП от Миусского трамвайного парка г. ж. д.

Мы, рабочие и работницы Миусского трамвайного парка г. ж. д. и Сл. Пути 1-го Уч. г. ж. д., совместно с комячейкой, на общем собрании в колич. 800 чел. постановили выделить к-ссию из 3-х т., которым поручаем выразить свою признательность XII Всероссийскому съезду и выразить полное доверие передовому авангарду рабочего класса, который на протяжении 25-ти лет вел непримиримую борьбу с буржуазией в интересах рабочего класса и приведет весь пролетариат к светлому будущему, к коммунизму.

Мы, беспартийные рабочие, в нужный момент на защиту партии и советской власти встанем, как один человек. Будем стараться всеми силами восстановить нашу промышленность и добиваться технически усовершенствовать производство и тем самым доведем труд человека не в тягость, а в удовольствие. Мы под руководством наших руководителей будем стремиться к тому, чтобы все пригороды Красной Москвы были соединены трамвайной сетью, на благо всех трудящихся.

В знак нашего обещания перед XII Всеросс. съездом подносим эмблему главных мастерских нашего парка с группой активных работников, которые в трудный момент для республики не оставляли предприятия

Да здравствует XII Всероссийский съезд РКП (большевиков)!

Да здравствуют мировая революция и вождь мирового пролетариата тов. Ленин! (Аплодисменты).

Москва, 23 апреля 1923 г.

Председательствующий. От беспартийных рабочих типографии „Красный Маяк“ слово имеет тов. Пивоваров.

Пивоваров. Дорогие товарищи, от имени беспартийных рабочих типографии „Красный Маяк“ я должен сказать, что мы считаем счастливейшим днем в нашей жизни сегодняшний день, когда мы имеем возможность приветствовать РКП!

Дорогие товарищи, мы приносим благодарность партии за те выполненные ею задания, которые были возложены на нее на предъидущем съезде. Дорогие товарищи, я упомяну, что в числе многочис-

ленных заданий, которые были возложены на предыдущем съезде, были возрождение промышленности, начало возрождения сельского хозяйства и улучшение быта рабочего класса.

Еще мы приносим благодарность за те строгие рамки, которые вы ввели нашим нэпорыловцам, стремящимся ущипнуть советскую власть, а также за ту работу, которую вы провели на конференциях в Гааге, Генуе и Лозанне. Эта работа приближает нас к победе. Дорогие товарищи, с болью в сердце я скажу, что на XII съезде, к нашему сожалению, мы не встретили нашего дорогого учителя Владимира Ильича. Мы знаем, что он задерживается тяжелой болезнью, большая часть которой является последствием покушения, совершонного на него в 18 году, 30 августа. Дорогие товарищи, я не долго буду останавливаться и скажу только, что недалек тот час, когда пролетариат всего мира пригвоздит этих мерзавцев к позорному столбу и скажет: „смерть вам, собаки!“. Дорогие товарищи, мы не теряем надежды на выздоровление Ильича и надеемся увидеть его опять у руля.

Да здравствует учитель наш, дорогой Ильич!

Среди наших скромных подарков есть еще альбом, который включает снимки нашего производства, а также редакции „Правды“ и „Известий“. (Аплодисменты).

Председательствующий. От беспартийных красноармейцев 42 полка 14 дивизии слово имеет тов. Великий. („Да здравствует Красная армия!“).

Великий. (Аплодисменты). Товарищи, от имени 42 полка, красноармейцев, комсостава и политсостава разрешите приветствовать XII съезд РКП.

25 лет работает Коммунистическая Партия со своим великим вождем Владимиром Ильичем Лениным. Она—единственная защитница пролетариата всего мира. Она, не щадя своей жизни, клала свои последние силы и стояла на защите пролетариата. Она организовала Красную армию, разрушила всю царскую армию, построила новое пролетарское государство, открыла в своих учреждениях клубы, школы, библиотеки и стала звать пролетариат для науки. Она учит пролетариат не так, как в царской армии, когда солдат знал только мордобитие и караул,—у нас Красная армия имеет просвещение политическое, научное, строевое и по всем гражданским делам.

Красноармейцы были неграмотные и темные, не умели читать, а теперь они ежедневно занимаются и придут домой культурно-просвещенными. Они никогда не боялись буржуазных сил. И когда у нас в 1917 г. вспыхнула Октябрьская революция, и когда в 1919—1920 гг. нас прижали в Таврической губернии к Днепру, когда шли Врангель и Деникин, мы не сдались, а рассыпались по полям и защемили в кольцо врага и согнали проклятых эксплоататоров со всей России.

Мы, красноармейцы, признаем Коммунистическую Партию и стремимся в вашу организацию. Мы видим, что Коммунистическая Партия не сидит на шее пролетариата, а она учит его быть вождем. Россий-

ская Коммунистическая Партия является руководительницей не только в России, но и всех коммунистов во всем земном шаре.

Да здравствует великая, непобедимая Коммунистическая Партия! Да здравствует великий вождь великой пролетарской революции Владимир Ильич!

Разрешите преподнести книгу о боевых заслугах В. И., которую мне вручили красноармейцы. (Аплодисменты).

Да здравствует Красная армия! Ура!

Председательствующий. Слово от беспартийных фабрики имени т. Урицкого имеет т. Цветков.

Цветков. Товарищи, позвольте приветствовать вас от имени беспартийных рабочих фабрики имени Урицкого. Прежде всего заметьте то, что на деле, на факте рабочие беспартийные ведут соединение с коммунистами.

Мы видим на Всероссийском XII съезде Коммунистической Партии, что действительно есть союз между рабочими и комм. партией. Вы сами видите: в лице представителей идут организации за организациями и преподносят вам в знак союза свои скудные подарки и этими подарками доказывают, что есть действительное соединение рабочих и крестьян, и поэтому мы видим, что здесь рабочих встречают рукоплесканиями.

Мы знаем, что за границей тоже собираются рабочие организации, но они собираются не для того, чтобы поднести подарки правительству, а для того, чтобы сплотиться воедино и свергнуть это иго, и мы видим, что там встречают их не рукопожатиями, а направляют на рабочий класс пулеметы. Вот что там! Вот какая большая разница между российской комм. партией и иностранной буржуазией во встрече рабочих.

Мы видим ту заслугу, которую завоевала комм. партия у беспартийных. Мы видим, что коммунисты побивали на всех военных фронтах, что они сумели оправдать доверие рабочих. Мы видели, что когда наступил неимоверный голод, капиталисты всех стран думали задушить советскую республику; они думали, что настал момент, когда в России нет хлеба, и коммунисты не смогут устоять у власти, что все голодные рабочие поднимутся, и они возьмут власть в свои руки. Но они ошиблись! Росс. Коммунистическая Партия нашла те средства, которыми можно было спасти голодающие миллионы людей, она сказала: „Довольно лежать золоту в церквах, отдайте его для спасения голодающим!“. (Аплодисменты).

Мало этого: теперь видим, что XII съезд собирается, и он видит, что на всех военных фронтах мы двигались вперед, видит, что рабочий класс находится в лучших условиях, чем крестьянин, и мы знаем, верим, хотя мы тоже из крестьян, знаем, что рабочая коммунистическая партия шла правильно и видела, что негде больше взять, как только у крестьян, чтобы удержать революцию в своих руках. Тогда кулаки нашептывали крестьянам и говорили: вот ваша власть берет у вас последнее, но мелкий крестьянин видел, что это надо для того,

чтобы удержать власть в своих руках. Но мы видим, поскольку рабочие в лучших условиях, чем крестьяне, и теперь XII съезд решает вопросы, а все крестьяне смотрят с надеждой, что XII съезд даст вздохнуть и крестьянам. Мы должны одно сказать: как мы побеждали на всех фронтах, мы должны победить и эту разруху у крестьян на всем пролетарском государстве. Тогда сказали: давайте золото, а теперь должны сказать, что довольно попам звонить в колокола, пусть они зазвонят на полях нашего производства. Теперь позвольте вам сказать, что товарищи с завода Урицкого приносят свой скудный подарок XII съезду — альбом, и тов. Ильичу, дорогому вождю, красную рубашку (Аплодисменты).

Пожелаем ему скорейшего выздоровления, чтобы увидеть нашего великого вождя в этой красной рубашке у руля мировой революции. (Аплодисменты). Теперь товарищи, мы приветствуем вас, Всероссийский XII съезд РКП. Вся беспартийная наша масса доверяет вам, что вы сумеете оправдать доверие.

Да здравствует XII съезд РКП! Да здравствует тов. Троцкий! Да здравствует тов. Ленин! Да здравствует Всемирная Революция! (Аплодисменты).

Председательствующий От беспартийных рабочих Русаковского трамвайного парка и Сокольнического вагонно-автомобильного завода слово имеет тов. Жаринов.

Жаринов. Приветствую XII съезд РКП партии большевиков от имени Русаковского трамвайного парка и Сокольнического вагонно-автомобильного завода. Разрешите, товарищи, прочитать и вручить XII съезду адрес, выработанный и принятый на общем собрании беспартийных:

XII съезду РКП (большевиков).

Мы, беспартийные рабочие и работницы Сокольнического вагонно-ремонтного завода, шлем свой горячий привет Двенадцатому съезду РКП (бол.), как представителю единственной и преданнейшей защитницы интересов рабочего класса — Российской Коммунистической Партии. Мы твердо уверены в том, что мы, рабочие, в братском союзе с крестьянством и под руководством своего вождя РКП (б.) осилим все трудности и невзгоды на пути строительства нашего хозяйства, и заявляем: мы с вами и каждую минуту готовы выступить на защиту своего социалистического отечества под знаменем коммунизма.

Пусть знают мировые банкиры, что им дешево не обойдется всякая попытка задушить нашу свободу.

Да здравствуют РКП (б.) и ее гениальный вождь тов. Ленин!

Да здравствует III Коммунистический Интернационал!

Да будет всемирный СССР!

Председатель общего собрания (*подпись*).

Секретарь *Жарин*.

(Аплодисменты).

Председательствующий. От беспартийных рабочих электрической станции бывш. 1886 г. слово для приветствия имеет тов. Фролов.

Фролов. Товарищи, приветствую от беспартийных рабочих XII съезд Российской Коммунистической Партии. Нас, рабочих, там не особенно много, всего 1.527 человек. Всегда мы находимся в разбросе. Объединения постоянного мы не имеем. Если и имеется у нас комячейка, то объединить нас она все-таки не смогла до этого времени. Это не потому, что она не умеет работать, а из-за нашей инертности, как тут один из рабочих сказал, благодаря нашему лодырничеству.

Но, вместе с тем, я пришел не только приветствовать. И маленькая просьба у нас есть. Когда вы будете заседать и обсуждать вопросы, то рабочие просят, чтобы вы не минули очень важного вопроса— объединения рабочих и крестьян. Это у вас есть и должно быть. У нас имеется в Москве машиностроительный завод сельскохозяйственных машин, бывш. американский. Его нужно пустить полным ходом, и те машины, которые будут вырабатываться в этой мастерской рабочими, их будет достаточное количество на ближайшее время, чтобы они целиком шли в пользование крестьян. А второй такой завод находится в Харьковской губернии, при станции Алмазной,—завод бывш. Васильева. Это будет объединение, и этим мы возблагодарим крестьян за то, что они нас поддерживали в голодное время.

Кроме того, нужно еще объединить науку и труд. А чем мы объединим науку и труд? Мы объединим это тем, что увеличим всячески самодеятельность рабочих, которые желают учиться, а после того, как они получат образование и придут на завод, они будут вполне нашими спецами. Это нужно для того, чтобы поднять нашу промышленность. Я, как представитель рабочих Московской государственной электрической станции, могу сказать, что очень много недочетов, которые мы видим в нашей промышленности. Мы их изживем. Недавно пришедшие из буржуазных заводов Америки машины оказались дороги и негодными, и мне кажется, что наши московские, петроградские и сормовские рабочие вполне сумеют делать такие же части гораздо лучше, чем те, которые нам присылают. И если съезд Коммунистической Партии это постановит, то вполне даст возможность объединить рабочих, крестьян, науку и труд.

И теперь я приветствую XII съезд, и рабочие наши страшно сожалеют, что нет среди нас нашего дорогого вождя Владимира Ильича, и желают ему скорейшего выздоровления и дальнейшего процветания нашей коммунистической партии.

Председательствующий. От беспартийных рабочих фабрик „Пищевик“, „Большевичка“, „№ 5“, затем от рабочих пищевиков Сокольнического и Красно-Пресненского районов слово имеет тов. Фролов.

Фролов. Товарищи, разрешите вас приветствовать от 25-ти предприятий пищевой промышленности Сокольнического района. (А п л о д и с м е н т ы). Товарищи, мы, пищевики, дарим сегодня XII съезду Коммунистической Партии пролетарский подарок—корабль рабочих.

На корабле помещается наш капитан, вождь мирового пролетариата тов. Ленин. Товарищи, рабочие пищевой промышленности желают нашему вождю пролетариата на корабле проехать Суэзский канал и Средиземное море.

Итак, товарищи, прошу заслушать резолюцию от данного предприятия и позвольте преподнести хлеб в знак смычки рабочих с крестьянами (аплодисменты), ибо крестьянин дает городу хлеб и другие продукты. Дальше, товарищи, позвольте преподнести еще подарок от пекарни № 1 МПО: три батона и торт (читает):

Мы, рабочие и служащие пекарни № 1 МПО, приветствуем XII съезд РКП и заявляем, что работа съезда, за которой мы следим с огромным интересом, показала нам, что РКП попрежнему высоко держит Красное знамя, врученное ей рабочим классом, что попрежнему для нее не существует другой цели, кроме одной—победы всего рабочего класса.

Да здравствует наш дорогой вождь Владимир Ильич, который, надеемся, будет руководить следующим съездом РКП!

Да здравствует передовой авангард рабочих и крестьян—РКП!

Да здравствует всемирная революция

Да здравствует Советская власть во всем мире!

Товарищи, нам ясно всем рабочим, что только коммунистическая партия может снять ярмо с рабочего класса, только коммунистическая партия дала права рабочим, только коммунистическая партия охраняет рабочих и крестьян от гнета капитала, только коммунистическая партия передала фабрики, заводы и землю в руки рабочих и крестьян. Товарищи, нам ясно, что под руководством коммунистической партии мы, рабочие, безусловно готовы все отдать последнее, и поэтому, товарищи, приветствуем Коммунистическую Партию, XII Коммунистический съезд и великого вождя Пролетарской Революции тов. Ленина (аплодисменты), а также, товарищи, приветствуем нашу победоносную Красную армию в лице ее вождей тов. Троцкого и Буденного. (Аплодисменты).

Председательствующий. От беспартийных рабочих двум делегациям предоставляется слово: 16 типографии и „Красной Обороне". Слово имеет тов. Никитин.

Никитин. Товарищи, разрешите вас приветствовать от имени рабочих и работниц беспартийных фабрики „Красной Обороны", которые шлют XII Всероссийскому съезду Российской Коммунистической Партии горячий сердечный привет. (Аплодисменты).

XII съезду РКП от беспартийных рабочих 16 типографии.

Дорогие товарищи!

Собравшись 19 апреля на общее собрание, мы, беспартийные рабочие и работницы 16-й типографии, единогласно постановили послать приветствие XII съезду РКП, как боевому авангарду рабочего

класса не только России, но и Западной Европы, борющегося за власть трудящихся рабочих и крестьян против эксплоататоров и угнетателей всего мира.

РКП переживает большое горе: наш любимый и лучший вождь товарищ Ленин болен, но вместе с РКП переживаем это горе и мы, беспартийные рабочие и работницы.

В тяжелые дни царского режима мы смело бросались на поддержку лучших вождей российских рабочих; в революционный период Красного октября многие из нас отстали и не были с вами в его тяжелые дни.

После тяжелых испытаний, пройденных нами, мы все видим, что РКП вывела рабочий класс России на широкую и правильную дорогу.

Мы видим, что хозяйство поднимается, положение рабочего класса улучшается, что на всех врагов рабочего класса твердо ложится карающая рука советской власти.

После первых октябрьских дней прошло уже более 5-ти лет, и теперь, в то время, как во всем капиталистическом мире идет наступление капитала, и царит фашистская нагайка, когда во Франции, Италии и других странах тюрьмы переполнены лучшими вождями рабочих, когда в Германии безнаказанно расстреливают рабочих, у нас, в России, существует рабоче-крестьянская власть, возглавляемая вождями РКП, защищающая интересы трудящихся масс.

Мы, беспартийные рабочие, печатники и печатницы 16 типографии „Мосполиграф", приветствуем не только XII съезд РКП, а также будем приветствовать и его постановления и проводить таковые в жизнь при каких бы то ни было тяжелых условиях жизни.

Мы, печатники, надеемся, что под руководством РКП займем то место среди революционных рабочих России, а также среди рабочих Красной Москвы, которое занимали в дни царского произвола.

Да здравствует мировая революция!

Да здравствует Коммунистический Интернационал!

Да здравствует наша испытанная в боях руководительница РКП!

Да здравствует ее вождь тов. Ленин!

Беспартийные рабочие и работницы 16-й типографии „Мосполиграф". Делегаты (подписи).

Председательствующий. От беспартийных рабочих фабрики Ливерс и „Красный Каучук" слово имеет тов. Марков.

Марков. Позвольте мне приветствовать, по поручению общего собрания рабочих и работниц фабрики „Красный Каучук", количеством 1000 человек, а также и фабрики Ливерс в количестве 800 человек, Всероссийский съезд, хозяина и руководителя Российской Коммунистической Партии. (Аплодисменты).

Дорогие товарищи, мы счастливы, что вы зовете нас на ваше торжественное заседание приветствовать вас в вашей плодотворной хозяйственной работе. Но будем еще счастливее, когда вы позовете

нас тогда, когда буржуазия посмеет еще раз поднять белогвардейский фронт. (Аплодисменты).

Я выражаю мысль рабочих и работниц фабрики „Красный Каучук“ и заявляю, что мы чутко следим за работой XII съезда и заявляем, что все наказы в смысле поднятия производства мы выполним и с удесятеренной энергией возьмемся за выполнение возложенных на нас задач. Мы клянемся, что мы своими трудами поднимем промышленность и никогда не отдадим своей промышленности иностранному капиталу. Позвольте прочесть вам адрес от беспартийных рабочих:

Российской Коммунистической Партии, защитнику интересов трудящихся, ее верховному органу—XII съезду—беспартийные рабочие государственного завода резиновой промышленности „Красный Каучук“ шлют свой пламенный пролетарский привет.

За время 25-летнего существования Российская Коммунистическая Партия неуклонно вела борьбу за освобождение рабочих от ига капитала.

Мы, беспартийные рабочие, все время шли нога в ногу с РКП (б.).

Еще в тот момент, когда в профсоюзе химиков преобладали желтые предатели социализма, то у нас, на „Красном Каучуке“, мы доверяли только одной Российской Коммунистической Партии и неизменно выбирали коммунистов во все наши органы.

Беспартийные рабочие „Красного Каучука“ чутко прислушивались к голосу XII съезда РКП (б.) и ждали новых указаний по восстановлению нашей промышленности.

Мы, в свою очередь, заявляем, что приступим к выполнению возложенных на нас задач с удесятеренной энергией.

Мы клянемся, что, под руководством Российской Коммунистической Партии, не отдадим нашу промышленность акулам капитала.

Беспартийные рабочие „Красного Каучука“ надеются, что XII съезд РКП (б.) еще крепче сольет рабочих и крестьян в одну дружную пролетарскую семью и этим выбьет из рук буржуазии ее последний козырь.

Да здравствуют Российская Коммунистическая Партия и наш пролетарский вождь Владимир Ильич Ленин, которому рабочие „Красного Каучука“ шлют свой горячий пролетарский привет!

Мы ждем, что этот гигант и борец за весь мировой пролетариат вскоре станет нами руководить.

Делегация беспартийных рабочих
„Красного Каучука“ (подписи).

Председательствующий. Осталось два выступления. Дальше идет привет от беспартийных рабочих Главсанупра.

Представитель от Главсанупра. От имени рабочих объединенных складов Главного Военно-Санитарного управления шлем пламенный привет Штабу Российской Коммунистической Партии; вместе с тем, мы заявляем, что по первому зову Коммунистической Партии мы будем согласны вступить в ряды на защиту пролетарского класса и на за-

щиту рабочих. Вместе с тем, мы выражаем свое полное удовлетворение по поводу предстоящего обсуждения вопросов, являющихся вопросами жгучими, больными и насущными...

Да здравствует руководитель трудящихся—XII съезд Российской Коммунистической Партии, да здравствует гениальный вождь всемирной революции Владимир Ильич Ленин! В знак солидарности беспартийных с коммунистической партией мы преподносим наше знамя. (Аплодисменты).

Председательствующий. От промышленно-показательной выставки ВСНХ слово имеет инженер Касатов.

Касатов. Дорогие товарищи, я сегодня присутствую при огромном празднике, сегодня радостный момент в нашей русской жизни. Я уполномочен собранием рабочих и служащих постоянной промышленно-показательной выставки ВСНХ приветствовать XII съезд Российской Коммунистической Партии с ее праздником. Товарищи, те минуты, которые я переживал, видя сегодняшнее торжество, заставляют меня сказать вам несколько слов о той великой работе, которую несет наша выставка...

Наша выставка является зародышем всемирного народного политехникума. Если можно коротко выразиться, это будет „Наукинтерн", как есть Профинтерн и Коминтерн. Я предлагаю уважаемым товарищам, членам XII съезда, сосредоточить мысль страны в ближайшее время и дать развитие этому славному высокому начинанию.

Все товарищи партийные и беспартийные сегодня единодушно просили передать вам, что они через меня посылают вам славный подарок: этот подарок есть та производственная феерия, которую вы увидите.

Производственная феерия—это коллективная работа всех наших технических, художественных, музыкальных и артистических сил. Мы от всей души желаем, чтобы она показала вам, каким образом в настоящее время может совершиться переворот в театральном деле.

Приветствую вас, дорогие товарищи, приветствую нашего дорогого вождя, которого мы здесь не видим, но которого присутствие мы чувствуем здесь, Владимира Ильича Ленина. (Аплодисменты).

Председательствующий. Для ответа всем делегациям от съезда слово имеет тов. Фрунзе.

Фрунзе. Дорогие товарищи рабочие, работницы и красноармейцы! XII съезд РКП (большевиков) с чувством глубочайшего волнения и величайшего внимания выслушал ваши приветствия и ваши наказы. Съезд просит вас передать всем пославшим вас сюда, что заветы и ваши наказы им приняты к руководству и к исполнению. (Аплодисменты).

В ваших речах особенно громкой нотой звучали опасение и тревога за единство нашей пролетарской партии. Товарищи, вы нам говорили, что в сердце каждого из вас глубокой болью отдается всякий намек на признак разъединения в наших рядах. И в наших сердцах, товарищи, это чувство является наиболее сильным.

Я вам рад заявить, что ни малейшего опасения, ни малейшего основания для такого чувства не существует. Наша партия крепка, как сталь, и тверда и едина, как монолит. И доказательством этому является выносимое нами решение.

Насколько я помню, еще не было ни одного съезда нашей партии, который проходил бы с таким единством. Основные решения у нас были вынесены единогласно, при отсутствии хотя бы одного воздержавшегося. (Аплодисменты).

В дальнейшем вы нам говорили, чтобы мы неуклонно шли по пути, завещанному нам Владимиром Ильичем, и в ответ на это, товарищи, я вам точно так же могу сообщить, что наш съезд, как один человек, идет именно этим испытанным ленинским путем. (Аплодисменты). Товарища Ленина не было с нами на съезде, но дух его, как неоднократно говорили выступавшие ораторы, постоянно был среди нас, и руководимые им мы шли тем путем, который был нам указан: к победе рабочего класса у нас и во всем мире. И в дальнейшем у вас не может быть сомнений в этом отношении. Наилучшим доказательством того, что мы остались верными заветам Ильича, является тот факт, что здесь, в этом зале, среди делегатов съезда, вы видите перед собою 60% старых подпольщиков-революционеров, выросших и закалившихся под руководством своего учителя и вождя Владимира Ильича Ленина. (Аплодисменты).

Вы нас дальше предостерегали от опасности разрыва партии и рабочего класса. Товарищи, ваше выступление здесь, ваши слова являются наилучшим доказательством того, что от этой опасности ныне нет и следа. Вы сказали нам, что было время, года 2—3 назад, когда вы шатались справа налево и слева направо. Но теперь от этого ничего не осталось. Лучшее подтверждение этому мы видим в выступлении здесь печатников, и в частности бывших сытинцев, которые когда-то были твердыней меньшевизма, а теперь же с меньшевизмом там все покончено, как об этом нам сказали товарищи печатники. И это говорит также о том, что покончено с язвой меньшевизма во всей толще рабочего класса всех Советских республик.

Вы дальше нам указали, чтобы мы думали над сплочением рабочего класса и крестьянства. Товарищи, и в этом отношении я могу вас заверить, что съезд уже сделал все то, что только возможно, для укрепления связи рабочего класса и крестьянства, ибо съезд и вся партия вместе с ним прекрасно понимают, так же, как понимаете это и вы, судя по вашим выступлениям, что только на основе нерушимого союза рабочего класса и крестьянства мы сумеем укрепить советскую власть. Мы сумеем удержать до тех пор господство в руках рабочего класса, когда к нам придет помощь извне.

Товарищи, вам нужно помнить об одном,—что немало найдется людей, готовых сыграть на интересах рабочего класса. Этими людьми являются вся партия меньшевиков и кое-кто другой, которые, как-будто желая защитить интересы рабочего класса, толкают к предъявлению крестьянством требований, превосходящих реальные

возможности, и этим самым толкают рабочий класс в пучину бедствия.

И здесь к голосам этих господ вы должны быть особенно чутки и внимательны, ибо здесь коренится способ сокрушить все завоевания революции. В этом наша партия и наш съезд дают себе полный отчет, об этом громко, перед лицом рабочего класса и крестьянства съезд сказал в своих постановлениях.

Тт., еще раз от имени съезда я обращаюсь к вам с выражением благодарности и признательности за выраженные чувства. Съезд просит передать пославшим вас товарищам, а в вашем лице всему рабочему классу Советского Социалистического Союза и всем трудящимся, что в нашей партии нет и тени сомнения в том, что, опираясь на вас, имея за своей спиной многомиллионные резервы крестьян, мы к победе придем, мы сумеем наладить производство, сумеем продержаться до тех пор, пока придет помощь.

Тт., мы этот молот и гвоздь пошлем в западные страны, чтобы наши товарищи в Германии, Италии и Франции вколотили его, как вы предложили, в спину $2^1/_2$ Интернационала. И когда они этот гвоздь в него вколотят, они этим самым подготовят возможность выковать новый гвоздь, который общими усилиями пролетариата всего мира мы вобьем в гроб и могилу мирового капитала. (Громкие, продолжительные аплодисменты).

Председательствующий. Объявляю заседание закрытым. (Все встают и поют Интернационал).

Приложение № 1.

Резолюция рабочих и служащих электрической станции им. Смидовича.

Общее собрание рабочих и служащих 1 Моск. гос. электрической станции имени Смидовича приветствует XII съезд, этот верховный орган Российской Коммунистической Партии, руководителя рабочего класса России.

Мы все ясно сознаем, как многое зависит от решения съезда. И тем более радостно нам приветствовать XII съезд, видя, с какими единодушием и отчетливостью разрешает съезд основные вопросы общего политического состояния советских республик, вопросы развития социалистической промышленности и укрепления союза рабочих и крестьян.

Зная, что от правильного разрешения этих вопросов, от правильного указания съездом пути зависит развитие нашей советской страны и дальнейших побед пролетариата, мы, рабочие М. Г. Э., заявляем:

Мы выживем назло врагам, товарищи.

Под руководством РКП и ее славных вождей мы перейдем через НЭП к торжеству коммунизма.

Вместе с вами нам больно, что дорогой наш Ильич не на съезде.

Но так же, как мы победим капитал, точно так же мы верим, что победит Ильич свою тяжкую болезнь.

Да здравствует РКП!

Да здравствует XII съезд РКП!

Приложение № 2.

Резолюция рабочих и служащих ткацкой фабрики имени тов. Урицкого.

Нашему славному вождю, вождю мирового пролетариата, Российской Коммунистической Партии и ее XII съезду.

Мы, беспартийные рабочие и работницы ф-ки имени тов. Урицкого, в числе 760 чел., считаем своим пролетарским долгом приветствовать тебя, наша родная и единственная Российская Коммунистическая Партия, в лице твоего XII Всероссийского съезда.

Вся твоя тяжелая работа, вся твоя трудная, но победная борьба со дня твоей организации в продолжение 25 лет была направлена исключительно на поднятие классового пролетарского самосознания и на победу рабочего класса над своим вековым врагом—капиталом.

Особенно ты показала себя в 1917 году, когда под твоим непосредственным руководством рабочие и бедное крестьянство выступили на борьбу против российской буржуазии и из этой борьбы вышли победителем, провозгласив свое рабочее правительство—Советы. Имя Октябрьской пролетарской революции, а вместе с ним и имя российского пролетариата стало известным всему миру и для пролетариата всех стран стало символом и путеводной звездой в борьбе с капиталом и завоеванием мировой пролетарской революции.

Последующие годы, годы организации советской власти, гражданской войны, восстановления хозяйства страны, окончательно показали и подтвердили, что ты, только одна ты, можешь быть нашим как политическим вождем, так и государственной партией.

Мы все, как один, доверяем тебе и твердо знаем, что наше доверие, наши надежды, наши желания будут Российской Коммунистической Партией оправданы и исполнены.

Будь же и дальше таким же умелым и верным руководителем рабочего класса!

Теснее сомкнись с нами, сама будь едина и тверда в коммунистическом духе, и твои, а вместе с тем, и наши победы тогда обеспечены!

Знай, что мы ежечасно, стоя у станка, следим за твоей работой и, сколько есть сил, помогаем тебе.

Мы вяжем петлю для наших врагов.

Мы ткем победное красное знамя мировой пролетарской революции.

Старому вождю партии и нашему вождю и отцу Владимиру Ильичу Ленину преподносим наш посильный подарок шерстяную рубашку, сотканную и связанную нашими рабочими руками. Пусть согревает она тебя, наш дорогой учитель и вождь, нашей рабочей, пролетарской любовью!

Рабочие и работницы фабрики им. тов. Урицкого.

Заседание четырнадцатое.

(24 апреля 1923 года, вечернее).

Петровский (председательствующий). Заседание съезда возобновляется. В порядке дня продолжение прений по национальному вопросу. Слово имеет тов. Саид-Галиев.

Саид-Галиев. Товарищи! Из самых тезисов, из статьи тов. Троцкого и речей ораторов, а также и из нашей практической жизни видно, что нам по национальному вопросу особое что-либо выдумывать не нужно. Мы не нуждаемся в каких-то новых рецептах в решении национального вопроса. Достаточно широко и с достаточной глубиной национальный вопрос освещен в нашей партии и, главным образом, в постановлениях VIII и X съездов партии. Но есть некоторый недостаток, который заключается в том, что этот вопрос обсуждался не в широких кругах: он обсуждался в небольшом кругу нашего ЦК и в небольших кругах партийных организаций, а на местах он не проник во всю толщу, во всю ширину нашей партийной организации, и для многих рядовых и даже нерядовых членов партии этот вопрос остается в лучшем случае принципиально решенным, а практическое проведение считается делом коммунистов национального меньшинства. Это обстоятельство ставит коммунистов национального меньшинства в такое положение, что они превращаются в исключительных защитников национальных интересов, в узких национальных работников. Таким образом, они отрекаются от общих партийных интересов, от общих партийных задач, и не имеют возможности расширить свой практический и теоретический кругозор. В течение ряда лет нашей пролетарской революции мы имеем только небольшой круг восточных работников, которые могли подняться из этой узкой работы и пойти в работу в общепартийном и общесоветском масштабе.

Такое отношение ставит нас в положение, что мелкобуржуазные беспартийные шовинисты и отчасти даже партийные молодые силы, вышедшие из среды национального меньшинства, монополизируют национальный вопрос и склонны извратить его сознательно и бессознательно (в последнем случае надо подразумевать партийных).

Таким образом, общее наблюдение, общее руководство в целом из рук наших парторганизаций переходят в руки небольших групп,

Заседание четырнадцатое.

(24 апреля 1923 года, дневное).

Петровский (председательствующий). Заседание съезда возобновляется. В порядке дня продолжение прений по национальному вопросу. Слово имеет тов. Саид-Галиев.

Саид-Галиев. Товарищи! Из самых тезисов, из статьи тов. Троцкого и речей ораторов, а также и из нашей практической жизни видно, что нам по национальному вопросу особое что-либо выдумывать не нужно. Мы не нуждаемся в каких-то новых рецептах в решении национального вопроса. Достаточно широко и с достаточной глубиной национальный вопрос освещен в нашей партии и, главным образом, в постановлениях VIII и X съездов партии. Но есть некоторый недостаток, который заключается в том, что этот вопрос обсуждался не в широких кругах; он обсуждался в небольшом кругу нашего ЦК и в небольших кругах партийных организаций, а на местах он не проник во всю толщу, во всю ширину нашей партийной организации, и для многих рядовых и даже нерядовых членов партии этот вопрос остается в лучшем случае принципиально решенным, а практическое проведение считается делом коммунистов национального меньшинства. Это обстоятельство ставит коммунистов национального меньшинства в такое положение, что они превращаются в исключительных защитников национальных интересов, в узких национальных работников. Таким образом, они отвлекаются от общих партийных интересов, от общих партийных задач, и не имеют возможности расширить свой практический и теоретический кругозор. В течение ряда лет нашей пролетарской революции мы имеем только небольшой круг восточных работников, которые могли подняться из этой узкой работы и пойти в работу в общепартийном и общесоветском масштабе.

Такое отношение ставит нас в положение, что мелкобуржуазные беспартийные шовинисты и отчасти даже партийные молодые силы, вышедшие из среды национального меньшинства, монополизируют национальный вопрос и склонны извратить его сознательно и бессознательно (в последнем случае надо подразумевать партийных).

Таким образом, общее наблюдение, общее руководство в целом из рук наших парторганизаций переходят в руки небольших групп,

не вполне стойких, не вполне испытанных, и из этих небольших групп плюс беспартийная интеллигенция нацменьшинств образуется единый фронт. Если наша партия в целом самым категорическим образом и громко не заявит, что дело уничтожения культурно-экономического фактического неравенства, что дело вовлечения широких масс трудящихся нацменьшинств в партийно-советское строительство есть дело всей партии в целом и дело каждого отдельного члена,—если это не будет твердо сказано, то мы рискуем потерять руководство национальным вопросом, и интересы беднейших трудящихся масс нацменьшинств будем защищать не мы, а их будут „защищать“ совершенно враждебные нам элементы. Я могу из опыта последней работы привести пример, где небольшая группа бывших официальных членов националистической партии „Милли-ферка“ именно таким образом и истолковывает среди крестьянских масс свою работу, спекулируя на голоде, и выставляет себя, как единственных защитников интересов трудящихся, интересов бедноты, при лойяльном отношении к этому партийно-советского аппарата. Пользуясь этой лойяльностью, они организовали национальный татарский кооператив. Они указывают широким массам, что этого, мол, улучшения добились исключительно они, а вот партия коммунистическая, она „неспособна“, она и „не желает“ защищать интересы угнетенных масс нацменьшинств.

Вот от такого вредного, от чреватого чрезвычайными последствиями для нашей партии положения нам необходимо отойти. Необходимо взять твердый курс в национальном вопросе и сказать, что дело проведения практического осуществления наших постановлений в этой области, как выражается тов. Троцкий, в повседневной жизни, необходимо в мелочах доказать угнетенным национальностям своими поведением, действиями, своей работой, что каждый отдельный член нашей партии и вся коммунистическая партия идут целиком навстречу и защищают интересы угнетенных масс всех национальностей. Вот этот курс должен быть взят.

Относительно группировок. Перед нами не те группировки склочного характера, которые были запрещены X съездом. Мы имеем вполне естественные, исторически-обоснованные группировки, до некоторой степени приближающиеся к характеру раскола российской соц.-демократической рабочей партии на две фракции—большевиков и меньшевиков. Формально, официально такого раскола нет, но, во всяком случае, ничем и никак нельзя прикрыть то разногласие, которое сейчас существует среди восточных работников. Они разделились резко на две части еще с первого дня революции, расходясь на том или ином вопросе. Одни утверждают, что, мол, у нас нет буржуев, что у нас нечего проводить классовую линию, нечего нам разделять. Другие говорят, что нет такой национальности, нет такой народности, где бы не было бедных и богатых. Вопрос не в том, чтобы копировать здесь русскую революцию, никто этого не предлагает,—вопрос в том, как произвести это классовое расслоение в соответствии с культурно-экономическим уровнем данной национальности, ибо нельзя

притуплять классовой диференциации, образуя единый фронт и мотивируя тем, что, якобы, у нас „помещиков нет“. В одной народности помещики могут быть, а в другой вместо них могут выступить ростовщики, кулачье. Во всяком случае, нет такой национальности, в которой социально-экономическое положение всех принадлежащих к ней было бы одинаково. Вот основное разногласие, по которому идет спор. И уже статья тов. Троцкого и известное письмо тов. Ленина истолковываются таким образом, что, мол, вы, классовики, как-раз и есть „обрусевшие“, как-раз и есть те, которых ругает Владимир Ильич. Я должен сказать, что среди нас есть именно такие, которых ругает и должен ругать Владимир Ильич. Это те, которые никогда и ни при каких условиях не различали одной национальности от другой. Некоторые из этих товарищей остались в партии, некоторые по тем или иным причинам выбыли, но имеется несколько единиц, два-три человека, которые говорили, что, дескать, не может быть никаких автономных республик, что должна быть единая граница, что никаких различий языков нет. Мы, дескать, должны стремиться к интернационализму. Вот вам единый язык,—говорили эти товарищи,— и по этому пути нужно итти. Я думаю, что упреки и нагоняй в письме тов. Ленина относятся именно к такого рода работникам, и ни в коем случае нельзя давать спекулировать на этом. Надо дать возможность развернуть работу действительно здоровым пролетарским элементам, классовикам, которые проводят в среде своей национальности классовую линию наравне с общими задачами поднятия ее культурно-экономического уровня и вовлечения в партийный и советский аппарат, и которые в то же время держат себя на известном расстоянии от мелкобуржуазных националистических элементов (Аплодисменты).

Председательствующий. Слово имеет тов. Скрыпник.

Скрыпник. Товарищи, обсуждение национального вопроса у нас в значительной мере свелось к обсуждению разногласий среди грузинской части нашей партии. Позвольте мне об этом не говорить, вопрос более широк, чем споры в одной части нашей партии, хотя, между прочим, споры эти могут весьма хорошо проявить имеющиеся разногласия по национальному вопросу. Я не думаю говорить и о государственных взаимоотношениях, выражающих национальный вопрос. Об этом скажут тт. по делегации. Я хотел бы здесь сказать относительно практического проведения нашей линии по национальному вопросу в одной области, а именно культурной и партийной работы, беря частную область этого вопроса, о работе среди украинской части населения. Украинцы в советском Союзе занимают не только территорию Украинской Советской Социалистической Республики, но размещены и по территории остальных республик, достигая в РСФСР численности свыше 7 миллионов человек. Посмотрим, как обслуживаются эти 7 миллионов населения, представляющие из себя в значительной части,—в иных местах на 40–50%, в других на 70%,—беднейшее крестьянство. Как обслуживается оно теперь Советской властью и нашей партией? Мы имеем на эти 7 миллионов населения во всей

РСФСР и других входящих в нее республиках, как Кирреспублика и Татреспублика, всего 500 школ на украинском языке и затем всего два техникума типа средних учебных заведений, при чем существование школ этих находится сейчас под вопросом. До сего времени уже закрылись 300 школ, а оба техникума находятся под вопросом и подлежат в ближайшее время сокращению и уменьшению. Я не думаю, чтобы такой процент удовлетворял культурно-просветительные нужды этого украинского населения и был признан в какой-нибудь мере благополучным. Очевидно, здесь практика наша расходится с нашей теорией. Необходимо по этому вопросу, чтобы наши тезисы воплощались в жизнь надлежащим образом.

Посмотрим, однако, как обслуживаются нац. меньшинства по партийной линии. Я имею данные, что в одной лишь Саратовской губернии в губкоме имеется единственная в России украинская секция. В некоторых губерниях у отдельных наробразов имеются работники, специально ведущие работу среди тамошнего украинского населения, на близком населению языке, но это все работники беспартийные. А, ведь, как-никак в Сибири 1.200.000 украинцев, в Кубанской области 2.273.000 и т. д. Партийной работы нами среди них совершенно не ведется. Когда агитпроп ЦК РКП запросил губкомы, то только Саратовский и Самарский губкомы признали необходимость такой работы на украинском языке. А что говорят остальные? Воронежский заявляет, что организация украинской секции не целесообразна, Царицынский: „не нужна и не целесообразна", Курский: „совершенно излишня", Кубанский: не последовало решительно никакого ответа. Надо указать, что такие же ответы о ненужности вести работу на украинском языке давали многие парткомы и в самой Украине. Говорят, можно вести работу и на русском языке. Но 7.000.000 украинских крестьян на территории РСФСР,—это число показывает, что нам необходимо в этой области принять меры для того, чтобы вести работу на местном языке.

Теперь вопрос: как же на практике мы ведем работу? Помогаем ли мы крестьянину на близком ему языке подняться из некультурного состояния? Возьму один пример. Мы производим мобилизации, последняя мобилизация взяла армию в 60.000 украинских крестьян, которые пошли в Россию. А на каком языке они получают просвещение? Ведется культурно-просветительная работа на украинском языке? Нет. Армия до сих пор остается орудием руссификации украинского населения и всего инородного населения. Правда, ПУР за последнее время начал выписывать газеты на национальных языках. Но вся эта работа еще впереди, и нам необходимо по этому вопросу принять меры, чтобы наша армия не была орудием руссификации. Я не говорю о командном языке, но необходимо, чтобы культурно-просветительная работа в Красной армии была орудием просвещения инородцев на близком им языке. Мы привыкли итти по веками проторенной дороге и не понимаем, что принимаемые нами положения по национальному вопросу кое-к-чему нас обязывают.

Что это обозначает? Откуда вытекает это противоречие между теорией и практикой? Не только на наших съездах, но и на втором конгрессе Коминтерна мы приняли резолюцию по национальному вопросу. Именно российская делегация внесла эту резолюцию. В ней говорилось, что пролетариат в области нацвопроса должен быть готов к величайшему самопожертвованию для того, чтобы образовать союз с колониальными народами и с крестьянами угнетавшихся народов. Вот этот вопрос, который должен быть перед нами поставлен.

Что же, эта готовность к самопожертвованию проявлена? Нет, не проявлена. Имеются только теоретические признания со стороны большинства, но когда доходит до дела, ни силы, ни воли нет у нас. Великодержавные предрассудки, всосанные с молоком матери, стали инстинктом у многих и многих товарищей. Припомните, как многие и многие из тт. у нас были шокированы, когда наш Союз республик принял название не РСФСР, а СССР. Припомните, какие недоуменные разговоры слышались среди тт. о переименовании Российской Комм. Партии в Комм. Партию СССР, как многие считали принципиально недопустимым самое поднятие вопроса об этом, чем-то оскорбительным, отказом от традиции и т. п., как-будто мы уже не отказались один раз от старого заслуженного наименования, и как-будто в этом отстаивании названия партии не по территории, а именно по русской национальности нет своеобразного великодержавия. Да, тт., эта готовность самопожертвования стоит перед нами, как необходимость, и мы должны еще много поработать над собою, чтобы быть в состоянии ее проявить.

упомянул относительно работы среди украинцев, которая должна вестись специально на украинском языке. Но у нас нет достаточного кадра работников, нам нужно еще создавать работников, могущих работать на украинском языке. Пример: у нас здесь, в составе съезда только 4,7% украинцев. В силу сложившихся условий на Украине нет достаточного кадра работников, владеющих украинским языком, которые могли бы вести среди крестьян работу на родном для них языке.

Мануильский (с места). В этом наша вина.

Скрыпник. Да, вина. Я сейчас о ней скажу. Нам удалось завоевать на Украине Украинскую Коммунистическую Партию „боротьбистов", которая влилась к нам в составе 4 тыс. чел. слишком, и которую нужно было обработать, сделать членов ее нашими в полном смысле этого слова. Сделали ли мы это? Нет. Сколько теперь у нас имеется бывших боротьбистов? Сейчас в Украине имеется только 118 боротьбистов,—а остальные? Некоторая часть переехала в Россию, а остальные частью ушли, а большею частью были выкинуты из партии при чистке и т. д. по мотивам, что у них сохранились националистические пережитки. Сумели ли мы их переработать? Нет не сумели.

Нам нужно было к ним подходить более внимательно, не с карательно-державным аршином, выискивая, не имеется ли у них пережитков, за которые их можно было бы исключить, а нужно было

раньше перерабатывать, умело и товарищески воздействовать на них, притягивать их к работе, постепенно продвигать в работе, чтобы сделать их проводниками наших идей. Этого нет.

Товарищи, в чем причина такого отношения, в чем причина того, что наша линия, давным-давно намеченная, так искажается при проведении? Разве что-нибудь новое предлагается в тезисах тов. Сталина? Ничего. Линия давно намечена, еще в 13—14 гг. она была намечена Лениным и проводима в статьях Ленина и его соработника Сталина в нашем журнале „Просвещение".

Так почему же мы практически в национальном вопросе топчемся на месте и при правильном принципиальном его разрешении остаемся на деле бессильными? Дело в том, что мы все время балансируем в области национального вопроса. Некоторые все время пытаются найти среднюю линию. Каждое указание на великодержавный шовинизм всегда считают необходимым компенсировать указанием противоположным на шовинизм народностей недержавных, и всегда получается двойная бухгалтерия. Каждое упоминание на великорусский шовинизм пытаются всегда дисквалифицировать предъявлением встречного иска: дескать, „сначала преодолейте свой собственный национализм". Так на деле с великодержавным шовинизмом у нас никакой борьбы не велось. Этому должен быть положен конец. Нам необходимо провести здесь некоторую грань!

Здесь т. Сталин указывал причины, почему перед нами сейчас остро встает национальный вопрос. Я не думаю, чтобы он иначе стоял в прошлом году. Так почему же, когда в прошлом году на XI съезде я выступил с положениями, которые фактически полностью проведены в тезисах Сталина на этом съезде, мое выступление было тогда дисквалифицировано и представителем Украинской делегации тов. Мануильским, и докладчиком ЦК? Разве только потому, что я уже тогда предвидел то „едино-неделимое" сменовеховское устремление наших советских аппаратов, которое теперь устанавливает тов. Сталин. Нам нужно в области национального вопроса поставить грань, повести резкую борьбу и практическую работу провести, наконец, соответственно принимаемым нами тезисам!

Конечно, теоретически правильно проводимое в тезисах тов. Сталина сопоставление двух национализмов: национализма великодержавного, господствующего и национализма бывших угнетенных национальностей. (Я не говорю о великодержавных тенденциях бывших угнетенных народов).

Но не слишком ли это выпячено у тов. Сталина? Не явится ли это противопоставление двух национализмов поводом для того, чтобы многие и многие на практике свою бездеятельность в области национального вопроса оправдывали таким противопоставлением? Я очень и очень боюсь этого.

В теории мы разрешили давным-давно этот вопрос, нам не нужно создавать новых теорий. Наша партия давно в лице тов. Ленина и его соратника т. Сталина разрешила этот вопрос теоретически. Резолюции

наших съездов теоретически разрешают этот вопрос. По национальному вопросу в нашей партии были различные точки зрения: точка зрения Розы Люксембург и точка зрения т. Ленина. Увы, товарищи, имеется еще и третья точка зрения, за которой стоит наибольшее число сторонников: это точка зрения партийного болота, точка зрения людей, которые боятся здесь выступить с определенной линией. Имеются ли противники тезисов тов. Сталина, или их нет? Имеются ли в нашей партии товарищи, которые являются принципиальными великодержавниками, русотяпами? Так почему же они здесь не выступают, а только на практике искажают партийную линию? Не важно принять резолюцию, а важно ее провести.

У нас на Всеукраинской партийной конференции была единогласно, всего при четырех воздержавшихся, принята резолюция по национальному вопросу, соответствующая тезисам тов. Сталина. Но мне рассказывали, что после принятия этой резолюции один из голосовавших за нее, председатель губисполкома, по выходе из зала заседаний, на сделанное к нему на украинском языке обращение какого-то беспартийного кооператора, ответил ничтоже сумняшеся: „говорите со мной на понятном языке“. Он „проголосовал“ резолюцию по национальному вопросу, он с нею „вполне согласен“. Вот это противоречие между теорией и практикой, эту линию болота необходимо выжечь каленым железом, необходимо, чтобы наша теория, принципиальная линия действительно осуществлялась на практике.

Председательствующий. Слово имеет тов. Элиава.

Элиава. Товарищи, я займу ваше внимание, главным образом, по вопросам, касающимся Грузии, тем более что товарищ Сталин свою позицию, изложенную здесь в докладе, иллюстрировал на примере национальностей в Закавказье, в частности Грузии.

Я должен заявить здесь, что те вопросы, которые волнуют тов. Скрыпника в отношении языка, в отношении подхода к массам, у нас не существуют. У нас нет положения, когда бы русский язык переплетался с грузинским при общении с массами населения. У нас в этом вопросе полная ясность: грузинский язык у нас господствует всюду и везде там, где приходится соприкасаться с массами грузинской национальности.

Но я хочу остановиться на вопросах несколько иного порядка. Конечно, здесь мне заниматься вопросами декларативными, как предлагал вчера тов. Мдивани, не приходится. Декларация давно сделана по национальному вопросу. Имеется великолепная формула разрешения национального вопроса, надо только практически проводить ее в жизнь. Поскольку вопрос стоит практически, мы и должны будем определять, каким образом подходить к этому вопросу, и оформлять отношения национальностей как державных, так и угнетенных в прошлом.

Здесь я займусь теми вопросами, которые были выдвинуты тт. Мдивани и Махарадзе. В них имеется несколько моментов, которые требуют освещения. Прежде, чем перейти к этим вопросам, я хотел бы зафиксировать внимание съезда на том, что тт. Махарадзе и Мдивани

ни одним словом не коснулись тех предложений, которые делал тов. Сталин, и тех соображений, на основании которых он делал свои предложения. Стало-быть, они согласились с тов. Сталиным по вопросу, который является у нас спорным, почему необходимо сохранить федерацию в Закавказье, и почему вредны, опасны ее разрушение, ее ликвидация сейчас. Несмотря на это, в своих жалобах они оба настаивали на упразднении этой федерации, хотя и клялись, что они за федерацию, но только против республики. Федерация есть государство, которое, стало-быть, имеет какую-то центральную федеративную власть. Это и есть республика. Противопоставление республики федерации непонятно в устах марксиста. И спор между нами идет не о том, федерация или республика, а о том, какие взаимоотношения установить между федерированными республиками, как расположить их органы, каковы будут их функции и права.

И вот, когда они подходят к разрешению национального вопроса, они говорят, что нормальные взаимоотношения наций, угнетавших в прошлом, с нациями угнетавшимися обеспечиваются самым фактом существования Советской власти и коммунистической партии. Никакого оформления взаимоотношений между государствами, возникшими на территории бывшей царской империи! Они самым фактом существования Соввласти разрешают этот вопрос. Им необходимы только примирительные камеры для согласования.

Тов. Махарадзе в „Правде" недавно писал: „нам нужен федеральный совет", а не республика. Тов. Мдивани говорит, что нам нужен орган, объединяющий некоторые усилия, и больше ничего. Он систематически проводит эту точку зрения на протяжении полутора лет. В прошлом году, когда был союзный совет, но не было Закавказской федеративной республики, они возбудили вопрос о том, имеет ли этот совет власть, имеет ли он „империум" на территории трех республик. Они говорили: нет, он не имеет власти. Значит, это примирительная камера. Мы вышли давно уже из стадии примирительных камер. На VIII съезде дебатировался этот самый вопрос, и в программе нашей говорится, что „государства, организованные по советскому типу,—не только советские республики, но и организованные по советскому типу,—должны объединяться в федеративную организацию". Это сказано и это отстаивал тов. Ленин в заключительном слове, когда полемизировал с Бухариным и др.

Затем они говорят: „Мы за федерацию, но против кавалерийского проведения ее". Говорят, что они хотели этот вопрос подготовить в партийном и советском порядке путем агитации и пропаганды и довести дело до того, чтобы население в результате само потребовало упразднения независимости. Позвольте заявить, товарищи, на съезде, что никаких шагов, намекающих на подготовку в агитпропагандистском смысле рабочих и крестьян в Грузии в этом направлении не делалось. Наоборот, как только возникала идея объединения, мы встречали самое упорное сопротивление ей.

Тов. Махарадзе говорит, что железные дороги были объединены

без участия представителей грузинского правительства. Это неверно. Он прочитал в „Правде“ заметку об этом, но эту заметку мы опровергли на другой день. На заседании по этому вопросу грузинского правительства участвовал тов. Орахелашвили, тогдашний заместитель т. Махарадзе, и ваш покорный слуга, член грузинского ревкома. Мы совершенно сознательно и официально этот документ подписывали. Ничего неожиданного в этом для нас не было.

После объединения железных дорог стал вопрос об объединении профессионального движения. Он вызвал принципиальные возражения, и, несмотря на постановление ряда партийных инстанций о том, что надо это объединение провести, ни один из товарищей, выступавших здесь, не делал доклада об этом вопросе ни на одном рабочем собрании. Наоборот, приходилось эти вопросы протаскивать в жизнь не в борьбе с другими партиями, а в борьбе с вождями нашей партии.

Есть ли тут ошибка в подходе к национальному вопросу? По-моему, нет. То, что диктуется жизнью и экономической необходимостью, это надо проводить, и коммунист обязан за это агитировать.

Грузинский вопрос, товарищи, стал вопросом общепартийным, общесоюзным вопросом, и я думаю, что съезд должен сегодня сказать свое веское слово по этому вопросу. Грузия является в Закавказье наиболее культурной страной, не считая Баку, рабочего центра. Грузия имеет большие традиции революционной борьбы, имеет слишком двадцатилетние традиции широкого рабочего движения, широкого социал-демократического движения, возглавляемого меньшевиками, имеет 3-летний опыт чистой демократии, учредилки, где подавляющее большинство имели меньшевики. И эта страна, где борьба классов за годы революции достигла кульминационной точки, совсем не такая, как Азербейджан или Туркестан. В самой Грузии имеются различные народности, стоящие на различных ступенях культурного развития. Поэтому этот вопрос является не только вопросом грузинской партии, а общепартийным, и съезд должен свое авторитетное решение принять, особенно после того, как споры, возникшие в грузинской партии, были перенесены сюда.

Председательствующий. Слово имеет тов. Раковский.

Раковский. Товарищи, я начну теми словами, которыми в феврале на пленуме ЦК начал свое заявление по национальному вопросу.

Если по целому ряду причин нам приходится жалеть об отсутствии Владимира Ильича в нашей среде, то национальный вопрос является одной из этих причин. Нужны были его авторитет, его понимание не только внутренней, но и международной обстановки, нужно было, чтобы он своим авторитетным словом громко ударил по нашей партии и показал ей, что она в национальном вопросе совершает фатальные ошибки.

Нужно откровенно сказать, что когда я смотрю на спокойствие, с которым в особенности русская часть нашей партии относится к

спорам, которые, к сожалению, приняли слишком местный колорит, я тревожусь за судьбу нашей партии.

Да, товарищи, это есть один из тех вопросов, который чреват самыми крупными осложнениями для Советской России и для нашей партии.

Это один из тех вопросов, который,—это нам нужно на партийном съезде открыто и честно сказать,—сулит гражданскую войну, если мы по отношению к нему не проявим необходимой чуткости и необходимого понимания. Это есть вопрос смычки революционного российского пролетариата с 60 миллионами крестьян-инородцев, которые под национальным флагом выдвигают свои требования на участие в экономической и политической жизни советского союза.

И вот я говорю: это обстоятельство нам здесь тов. Ленин показал бы со всей своей авторитетностью вождя и со всей проницательностью своего гения.

Почему, товарищи, у нас в третий раз встает национальный вопрос? Я боюсь, что и в четвертый раз, и в пятый раз он встанет перед нами,—еще через год и два мы будем говорить о национальном вопросе. Я должен перед вами сознаться: некоторое время мы питали надежду накануне съезда, что национальный вопрос, как предполагал Ильич, станет центром нашего съезда, а он стал хвостом нашего съезда. С нетерпением наши товарищи выдерживают спор по национальному вопросу. (Голоса с мест: „Ничего подобного!"). Я не думаю упрекать кого-нибудь, ибо в этом вопросе мы повинны все, и на Украине, когда я вижу, как туго нам удается заставить наши организации, которые работают там в условиях национальной борьбы, как туго нам удается заставить их понимать значение национального вопроса. Я начинаю тревожиться за Советскую власть. А еще более труден этот вопрос в России. В чем дело? Почему, товарищи, мы в третий раз ставим этот национальный вопрос? Потому что, чем больше мы ставим его, тем больше удаляемся от коммунистического понимания и решения национального вопроса.

Есть у нас по отношению к национальному вопросу предрассудок, глубокий предрассудок и тем более опасный предрассудок, что он является коммунистическим предрассудком, потому что у него видимость коммунистическая, потому что у него имеются корни в нашей программе, и потому что за этим предрассудком скрывается наше невежество по национальному вопросу. Я помню одно слово тов. Сталина, чрезвычайно характерное. Когда я вернулся из-за границы после принятия программы о союзе тов. Сталин мне говорил: „Вы знаете, многие спрашивали меня: это надолго, это не дипломатический ли шаг?". Да, товарищи, вся национальная политика, все наше советское правительство в межсоюзных отношениях для большинства у нас, на Украине, а здесь, в России, еще больше понимались, как известная стратегическая, дипломатическая игра: „Помилуйте, ведь, мы еще с Октябрьской революции решили национальный вопрос, ведь, у нас страна коммунистическая, ведь, мы же все за интернационализм".

Скажите, товарищи, сколько из вас могут сказать, в чем Октябрьская революция решила национальный вопрос? Ведь, вы не забывайте, что в 1919 году на партийном съезде авторитетные товарищи говорили, что национального вопроса больше нет, и один из этих товарищей здесь третьего дня перед вами сказал,—и это не была его первая ошибка, мы все делали ошибки,—это было сказано, и если авторитетные товарищи, авторы „Азбуки коммунизма“, сознаются в ошибке по национальному вопросу, то что же остается для рядового товарища? И вот у нас масса товарищей, ответственных, которые с улыбкой, с насмешкой относятся к национальному вопросу: „Ведь, мы—страна, которая уже перешла через национальности, мы—страна, где, — как выразился один товарищ, — материальная и экономическая культура противопоставляется национальной культуре. Национальная культура— это для отсталых стран, которые находятся по ту сторону баррикады, для стран капиталистических, а мы—страна-коммунистическая“. И я здесь должен напомнить глубоко-правильные слова т. Махарадзе, сказанные вчера: „Государственная власть создана не для коммунистов,— она существует для всех рабочих и крестьян“. Все время мы говорим о смычке рабочих и крестьян. Я спрашиваю вас: вот 140-миллионная масса, сколько в ней имеется интернационалистов? Если я возьму коммунистическую партию, то я не знаю, у какого процента среди нас залегло глубоко чувство интернационализма, и в какой части с интернационалистическим чувством спокойно мирятся националистические. Если речь идет о беспартийной массе, о массе крестьянской, то под каким знаменем эта самая крестьянская масса будет приобщаться к политической и культурной жизни? Ведь, не будем же мы, как царские жандармы, заставлять грузин изучать русский язык? Это было в царское время, и царское время мы не можем возвратить. Неужели же мы будем заставлять чекистов следить за тем, чтобы инородцы изучали русский язык? Ведь, за родным языком и родной школой идет национальное сознание, а за национальным сознанием идет желание знать, куда идет крестьянский рубль. Мы раньше брали у крестьян потому, что надо было отстаивать страну от помещиков и генералов, и они давали, не спрашивая, так как цель была всем известна. Но когда кончилась гражданская война, и когда начался учет, каждый хочет знать, куда идет его рубль, сколько он дает и сколько получает. Заодно с национальным сознанием идет чувство равенства, о котором говорил тов. Ильич в своем письме, — чувство равенства, которое у национальностей, бывших сотни лет угнетенными царским режимом, проникло гораздо глубже и сильнее, чем мы думаем. И вот я говорю: когда вы всю эту массу имеете перед собой, какой вопрос встает перед партией. Перед партией встает вопрос, как найти смычку между нашим пролетарским и коммунистическим интернационализмом и национальным развитием широких крестьянских масс, с их стремлением к своей национальной жизни, к своей национальной культуре, к своему национальному государству.

Через это национальное развитие отдельных автономных и незави-

симых республик и областей, к числу которых некоторые относятся с насмешкой, именно через эти новые республики мы приобщаем к Советской власти и к коммунистической партии те 60 миллионов нерусских крестьян, которые являются инородцами в нашем советском союзе. В этом именно заключается задача партии. Я позволю себе сказать вам, что тот коммунистический предрассудок, который существует у многих наших коммунистов,—он свойствен не нам одним: он был свойствен многим социалистам. Я вам напомню одно место из корреспонденции Маркса и Энгельса, чрезвычайно характерное место, приведенное и Владимиром Ильичем в своих старых статьях. Я его прочту. В письме к Энгельсу от 20 июня 1866 г., в разгар австропрусской войны, Маркс пишет: „вчера были прения в Совете Интернационала о теперешней войне... прения свелись, как и следовало ожидать, к „вопросу о национальностях“ и о нашем отношении к ним... Представители „молодой Франции“ (не-рабочие) выдвигают ту точку зрения, что национальность и нация — устарелые предрассудки... Англичане очень смеялись, когда я начал свою речь с того, что наш друг Лафарг и другие, отменившие национальности, обращаются к нам по-французски, т.-е. на языке, непонятном для $^{9}/_{10}$ собрания. Далее я намекнул, что Лафарг, сам того не сознавая, под отрицанием национальностей понимает, кажется, их поглощение образцовой французской нацией“.

Я вас спрашиваю: сколько раз вы, товарищи русские коммунисты, испытывали такие чувства по отношению к другим нациям? Приходилось мне слушать товарищей, называющих выдумкой украинский язык,—выдумкой галичан. Не проскальзывает ли здесь, в конце-концов, великодержавное чувство русского человека, который никогда не знал национального гнета, а, наоборот, угнетал сотни лет? Я жалею, что я не вижу здесь в списке тех товарищей, которые у нас на пленуме по национальному вопросу высказывали те же взгляды, которые высказал Лафарг шестьдесят лет назад.

Я прошу продолжить мне время. Прошу 15 минут. (Голоса: „10 минут“, „5 минут“). Я не сказал еще самого главного.

Председательствующий. Позвольте голосовать: 15, 10 и 5. Кто за 15 минут? Кто за 10 минут? Большинство за 10.

Раковский. Товарищи, я спрашиваю: в чем дело? Коммунистический предрассудок—это, по-моему, еще недостаточное объяснение. Я считаю, что тов. Сталин остановился как-раз на пороге выяснения подоплеки национального вопроса у нас. Он должен был пойти дальше и поставить здесь вопрос: почему мы в третий раз поднимаем этот вопрос перед съездом партии? Не только в связи с НЭП‘ом,—нет, есть другое более важное, не только в связи с международным положением, которое создалось с началом новой экономической политики. Повторяю, есть другое, более важное: есть то коренное расхождение, которое создается изо дня в день и делается все большим и большим между нашей партией, нашей программой, с одной стороны, и нашим государственным аппаратом—с другой. Да,

тут крупный, основной вопрос. Мы часто спорим о том, что партия должна руководить, и поводом к этому спору являются незначительные факты, но если есть факт, который должен в сто раз больше усилить убеждение, что партия должна твердо держать в своих руках руководство нашим государством,—это именно то обстоятельство, что наши партийные товарищи во многих случаях, и в частности в национальном вопросе, поддаются не партийной, не классовой пролетарской психологии, а тому, что мы можем назвать мягко ведомственной, аппаратной, бюрократической психологией, влиянию наших государственных органов. А эти центральные органы, что представляют из себя? Статьи Владимира Ильича давали характеристику этого аппарата. Это есть мешанина царского и буржуазного аппарата, подмазанного советским и коммунистическим миром. Только советское миро на лбу, и больше ничего. Вы скажете, что во главе наших советских органов стоят коммунисты. Но дело в том, что эти самые коммунисты поддаются психологии своего собственного аппарата, делаются ведомственными людьми. Я посоветовал бы прочесть предисловие Энгельса к его „Гражданской войне во Франции", его описание бюрократии вообще. Дело в том, что наши центральные органы начинают смотреть на управление всей страной с точки зрения их канцелярских удобств. Конечно, неудобно управлять двадцатью республиками, а вот если бы это все было одно, если бы, нажав на одну кнопку, можно было управлять всей страной,—это было бы удобно. С точки зрения ведомственной, конечно, это было бы легче, удобнее, приятнее. Если бы я рассказал вам историю борьбы, которую приходится республикам вести с нашим центральным аппаратом, это была бы история борьбы за их существование, переживаемая нами на окраинах. Сколько из этих наших центральных аппаратов знают советскую конституцию? Я получаю документы из Совнархоза: председателю украинской советской социалистической республики. Получаю из ЦК: „Всем губернским комитетам, областным комитетам и центральным комитетам автономных республик". Аппарат ЦК дальше не идет, для него дальше автономных республик других республик вовсе не существует. Я не буду говорить о той борьбе, которую нам приходится вести с бюрократическим аппаратом. Товарищи, я не болею специально судьбами Украины, а говорю об этих всех ошибках потому, что правильная или неправильная наша национальная политика неизбежно отражается на революционной роли всей нашей партии. Что получилось после создания союза республик? Союз—это было понято многими центральными органами в том смысле, что они могут обрушиться всей своей тяжестью на отдельные республики. Я бы мог привести десятки постановлений в этом направлении. Например, здешние Наркомзем и Наркомнац подписывают международный договор от имени Украины, тогда как никто им не давал полномочия на это. Даже на основании союзной конституции они этого права не имеют.

Что еще получилось? Приведу вам еще некоторые факты. Как только была вотирована союзная конституция, началась работа в ко-

миссариатах в смысле централизации. В „Известиях“ уже было напечатано сообщение, что при русских комиссариатах — в Совнархозе, Наркомтруде, Наркомфине—создаются секретариаты для управления союзными республиками. Что это значит? Это значит, что будет хуже, чем было даже раньше, и только, когда Секретариат ЦК одернул эти комиссариаты, они отказались от своего своеобразного строительства. Товарищи, вы скажете, что есть ЦК, но я должен заявить, что наша трагедия заключается в том, что эта ведомственная точка зрения, для которой управление страной не есть проблема политическая, международная и внутренняя, а есть проблема удобства, она так сильно нажимает на ЦК, что иногда и он соскальзывает с пути. У нас были чрезвычайно характерные случаи. На пленуме ЦК 24 февраля было постановлено: „Подтвердить в партийном порядке, что впредь до установления нормальных союзных органов существующая система взаимоотношений советских органов остается без изменения“. Это было в феврале,—значит, без изменения остаются все взаимоотношения. В марте мы очутились перед целой серией законодательных актов, за подписью СССР. Между прочим, самый характерный декрет был о концескоме. Что это означает? Это означает то, что концеском будет распоряжаться богатствами всех республик, он будет распоряжаться рудой на Украине, углем, нефтью, марганцем и т. д. на окраинах. Вот что такое концеском. По существу, конечно, против создания союзного концескома я не только не возражаю, но и являюсь его сторонником. Но не безразлично, как он создается. Нам отвечают из Секретариата ЦК, что Союзный съезд советов постановил, чтобы функции союзного строительства временно были предоставлены Русскому ЦИК'у, в котором нет ни одного национала, ни одна республика не представлена, и который решает теперь вопрос о том, каким образом нужно распоряжаться богатствами отдельных республик. А я спрашиваю: а постановление партийного пленума ЦК известно или неизвестно было ВЦИК'у? Я не знаю, что ответит на это Секретариат, но что в своем первом ответе об этом он забыл,—доказательства этого факта налицо. Когда мы имели уже в прошлом такие очевидные доказательства, что наши центральные советские органы поддаются ведомственной психологии, этим центральным органам было дано в десять, в двадцать раз больше прав, чем они имели раньше, до союзной конституции. Вместо того, чтобы их одернуть, вместо того, чтобы скостить их права, им, наоборот, как награждение, как награду, как премию за всю ту головотяпскую политику, которую они в национальном вопросе вели, в ущерб и партийной, и хозяйственной политике, и в ущерб нашей заграничной политике (у меня есть большой материал о том, как отражается наша политика за границей), этим органам были приданы еще новые функции. Они после декабря, после первого Союзного съезда советов, стали хозяевами всей нашей жизни. Нет такого шага, который можно было бы сделать национальной республике, и о котором можно было бы заранее сказать, что его можно сделать. Уездный исполком больше знает свои права, чем националь-

ные республики. Товарищи, я заявляю, что союзное строительство пошло по неправильному пути. Как вам известно, это есть мнение не только мое,—это есть мнение Владимира Ильича. Я сигнализировал в специальной докладной записке ЦК о подготовляющейся крупной ошибке еще в сентябре. Товарищи, какой из этого всего вывод? Вывод тот, что мы еще десять резолюций можем писать, но, кроме загромождения библиотек и архивов, это ничего не принесет. Нужно итти по пути практического разрешения вопроса. Тов. Сталин уже здесь внес крупную поправку с двухпалатной системой. Но нужно итти решительно дальше, нужно отнять от союзных комиссариатов девять десятых их прав и передать их национальным республикам. (Аплодисменты).

Председательствующий. Слово имеет тов. Цинцадзе.

Цинцадзе. Товарищи, как видно из прений, в понимании национального вопроса никаких разногласий нет. Мы абсолютно солидарны со школой тов. Ленина, с самим тов. Лениным. Такое понимание этого вопроса мы выдвигали и раньше у нас, у себя в Грузии. Мы еще больше выдвигали именно реальное осуществление национального вопроса, именно так, как его понимаем, мы именно поставили вопрос, каким образом реально его осуществить, претворить в жизнь нашу программу. Тут и начинается наше разногласие. В осуществлении на практике этого вопроса, кажется, будут и дальше разногласия, так как тов. Сталин тут заявил, касаясь практического разрешения в Закавказье этого вопроса, что те товарищи, которые выдвигали этот вопрос со всей остротой, ошибаются, что форма объединения, которая есть, останется и дальше. После установления в Грузии Советской власти мы, старые работники, убедились в том, что весьма осторожно надо подходить вообще к работе, а в особенности осторожный подход должен быть в разрешении национальной проблемы в Закавказье, в частности в Грузии.

Перед нами там стояли три основных задачи: во-первых, это убедить массу, националистически отравленную меньшевиками, в том, что Советская власть именно—единственная защитница интересов трудящихся масс,—это по советской линии; во-вторых, что Советская власть свою теорию по национальному вопросу, понимание свое претворяет в жизнь,—мы должны были на деле доказать, что именно мы разрешаем правильно этот вопрос, и, в-третьих, это то, что, имея исключительное географическое положение преддверия Востока, мы должны были доказать народам Востока, как разрешают коммунисты национальный вопрос, чтобы не отпугнуть от себя массы и народы Востока. Мы исходили не только из грузинского вопроса, не как грузинские коммунисты, а как самые лучшие интернационалисты. Мы говорили, что Советская власть имела сочувствие именно из-за этого вопроса среди народов Востока, бросив лозунг самоопределения наций, вплоть до отделения. Впоследствии был сделан шаг назад по этому вопросу, что выражалось в тезисах тов. Сталина, в автономизации независимых республик и в горячке объединения хозяйства и управления. Таким об-

разом, перед нами стоял не только грузинский вопрос, но и вопрос всесоветский.

Вот из каких главных заданий мы должны были исходить по советской работе. Мы доказали, что действительно защитницей трудящихся являются именно коммунистическая партия и Советская власть. Это легко было нам сделать в области социальных реформ, ибо меньшевики не могли с нами конкурировать. Это видно даже из того доклада, который прислал сюда в июле 1922 года тов. Орахелашвили,—не наш единомышленник, а противник, стоящий за хирургическое сечение ЦК Грузии,—что советская работа поставлена хорошо, великолепно. А тут все заявляли с иронией о „советской мудрости" старых коммунистов, работавших в Грузии. Прочтите этот доклад, если вам это интересно, каково было положение у нас. Теперь другой вопрос: решение национального вопроса на месте. Мы говорили, что тут нужно сделать уступки,—уступки, которые не отпугнут эти массы от нас, а, наоборот, привлекут к Советской власти, создадут сочувствие, настроение в пользу коммунистической партии. Я утверждаю, что через полтора месяца после советизации Грузии, когда хвосты меньшевистских армий еще были в Батуме, был поставлен вопрос об объединении железных дорог, мы говорили, что этого нельзя сделать сразу. Мы говорили, что лучше обождать немного, лучше подготовить почву для объединения, будет больше пользы, и самая идея объединения не пострадает. А сейчас она пострадала потому, что такое скороспелое объединение, без всякой подготовки, было расценено, как скрытое колонизаторство когда-то бывшей великодержавной нации. Так стоял перед нами вопрос. Антисоветские группы, меньшевики и нац.-демократы, как-раз учуяли это положение и пользовались всякими нашими прорехами, раздували их и натравливали массы на Советскую власть. Они поняли, что в области социальных реформ с нами конкурировать не могут. Какой же вопрос остается для них, которым можно козырять против нас? Это вопрос национальный. И все свои стрелы, всю артиллерию они направили на эту сторону нашей деятельности в Грузии. И мы им давали много фактов. Возьмите хотя бы объединение этой железной дороги. Вот телеграмма, которая после объединения была послана сюда, в Ростов. Я прочту ее. Тут выписываются рабочие из Ростова: „В дополнение к телеграмме от 12/IX за № 20/221 сообщаю, что для нужд Закавказья требуется агентов: по службе пути—нач. участка—1, помощников—3, техников—34, стар. дорож. мастеров—22, артельных старост—199, смотрителей—6, путевых сторожей—396, мастеров—317, проездных сторожей—180, мостовых стор.—4, кладовщиков—3, ремонтных рабочих—6.916, чернорабочих—2.209, ассенизаторов — 182, трубочистов—24, делопроизводителей—1, помощников и письмоводителей—33, старших счетоводов—14, счетоводов—32, конторщиков—153, машинисток—110, старш.—16 и т. д.". До 15 тысяч человек выписывали для замены целиком местных элементов. Скажите, как это могло расцениваться среди населения, отравленного националисти-

ческим ядом? Безусловно, как скрытое колонизаторство. Против этого мы и выступали.

Мы говорили, что так объединять, так действовать здесь невозможно. Дело не в людях, а в системе. Система была такова, как тов. Раковский говорил, которая способствовала тому, что в эту систему управления пробирались люди, одержанные великодержавностью. Мы от этого освободиться никак не можем. Это не ошибка отдельных личностей, а дело системы и управления. И эти ошибки будут, пока не будет изменена система управления на местах. То же самое делалось и при сокращении штатов И то же самое даже в партии.

За неимением времени я вынужден сократиться. Относительно объединения я хочу сказать еще несколько слов: мы говорили, что объединения должны происходить на готовой почве, чтобы они не были поняты массой, как ликвидация независимости, так как форма независимости нужна была еще на некоторое время, именно для преодоления националистических трений. Но на Кавказе приступили к бесшабашному объединению. Объединили ж. д., финансы, Внешторг и т. д. в таком порядке, как я рассказал. Я взял ж. д., как типичный пример: время объединения настало, объединяйтесь, и больше ничего.

Теперь я хочу еще остановиться на вопросе о федерации. Я должен разделить этот вопрос на две части: федерация до Союза Республик и после него. До союза вопрос стоял в плоскости только преждевременности и осторожности, и Политбюро ЦК РКП соглашалось с нами в этом. Они хотели провести через ревкомы, а мы через съезд советов. После Союза Республик условия фактом союзного объединения изменились, и мы говорили, что федерация сейчас после Союза Республик нужна совершенно иного типа. Политическое объединение здесь, а экономическое объединение внутри Закреспублик. Так мы поставили вопрос.

Защитники Закавказской республики и тов. Сталин в своем докладе говорят, что нужно оставить Закавказскую республику и федерацию только потому, что Грузия находится в привилегированном положении. Этого не должно быть среди братских республик. В чем состоит эта привилегия? Товарищи, привилегия состоит в том, что Грузия занимает важное географическое положение: имеет порт, есть узел Закавказских железных дорог,—в этом заключается привилегия Грузии. Но товарищи забывают всесоветское объединение республик. Эти комиссариаты, железные дороги, порт, таможня слиты уже в союзном объединении. Имеется, значит, единое большое политическое объединение. Сегодня я говорил с тов. Дзержинским, который не придает этому объединению большего значения. Если не придается этому объединению большего значения,—это другое дело. Или, когда тов. Оражелашвили докладывал вчера на одном собрании, что если придется выбирать между союзом Советских республик или Закавказской республикой, пожалуй, мы выбрали бы Закавказскую федерацию. Если так стоит вопрос, то не о чем говорить дальше. Но мы придавали значение союзу как в политическом, так и в экономическом отношении.

Поэтому вся эта привилегия, которая имеется у Грузии, отходит к союзу республик. Для чего же должна существовать тогда Закавказская республика, когда все те органы, которые имеют общегосударственное значение, объединяются в общем союзном масштабе? Остаются только один Наркомфин и председатель Совнаркома Закавказских республик, и больше никаких Наркоматов. Если говорить об экономическом объединении, пожалуй, для этого вполне достаточен Экономсовет, который будет регулировать как взаимоотношения экономического характера, так и пограничные споры, в роде пастбищ, торгово-промышленных дел и т. д., и т. д. Вот как мы ставили вопрос,—не так, как тут говорили. Но наша постановка вопроса в таком порядке расценивалась, как наш уклонизм, отступление от марксизма и т. д. Их агитация, агитация именно интернационалистов, привела к тому, что все мероприятия объединительного характера расценивались и расцениваются как великодержавный подход господствовавшей когда-то нацией, не только массой, но превратно понимались и многими партийными товарищами. Чтобы избежать того, что отделяет массу от нас, нужно было иначе действовать, нужно резко переменить политику, которая велась и ведется. Об остальных вопросах будем говорить в секции по национальному вопросу.

Председательствующий. Слово имеет тов. Енукидзе.

Енукидзе. Товарищи, я сначала два слова скажу о тов. Раковском. Он своим выступлением несколько удовлетворил мое национальное чувство. Вчера товарищи, видя горячность выступавших здесь товарищей грузин, шутили, что нужно обыскивать их перед выступлением, как бы не произошло столкновения, но т. Раковский затмил своей горячностью всех кавказцев, вместе взятых.

В самом деле, товарищи, вопрос национальный в том масштабе, в котором товарищи кавказцы и тов. Раковский его ставят, в масштабе украинском и грузинском,—в самом ли деле так остро он стоит? Я утверждаю совсем обратное. Здесь тов. Раковский недочетами местных советских аппаратов иллюстрирует остроту национальной политики между РСФСР и Украиной. Он указывает на некоторые курьезные или безграмотные с точки зрения Советской Конституции бумаги и объясняет это насыщенностью советских аппаратов прежними чиновниками царского времени или руссификаторски настроенными. Да разве на этом основании можно говорить о неправильности национальной политики центра? Разве советский аппарат плох только на бывших окраинах? Получается впечатление, что бывшие руссификаторы-чиновники как-будто нарочито посылаются на Украину, в Грузию и пр. Указанных тов. Раковским недостатков у нас, в центре РСФСР, тоже достаточно. Теперь два слова о том, что ВЦИК присвоил себе все права в отношении союзных и договорных республик. Я напомню т. Раковскому, что постановление о том, что до 2-й сессии союзного ЦИК'а все права переходят к ВЦИК, было принято на 1-й сессии союзного ЦИК'а, под председательством председ. ВУЦИК и союзного ЦИК'а т. Петровского. (Петровский с места: „Это было отменено

Пленумом ЦК"). Нет, не было отменено; в советском порядке было принято и в партийном порядке было подтверждено. Эта мера была принята, как кратковременная, так как предполагалось, как многие из вас помнят, что 2-я сессия ЦИК союза должна была состояться в апреле. Если сессия отложена, то по ходатайству в ЦК РКП тех же украинских товарищей.

Теперь перехожу к национальному вопросу. Конечно, национальный вопрос чрезвычайно важен, но и этот вопрос много раз стоял и, может-быть, еще много раз будет стоять перед нами. И вопрос, который выдвигает Владимир Ильич в своем известном вам письме, имеет колоссальное значение не по отношению к создавшемуся в связи с положением Грузии или Украины, или в отношении тех отдельных фактов, которыми он иллюстрирует общую свою мысль. Этот вопрос интересен в отношении нашего международного положения, ибо создалось теперь такое положение, в виду состояния пролетарских масс Западной Европы, что национальная политика, не национальный вопрос, а именно национальная политика для Советской власти, в виду нашего соседства с народами Востока, с народами, угнетаемыми западно-европейским империализмом, приобретает действительно чрезвычайно важное значение. Но что же получается тут, при выступлении товарищей? У товарищей грузин, у так-называемых уклонистов, все, как у старых астрономов, которые воображали, что и солнце, и звезды обращаются вокруг земли; так и товарищам грузинам кажется, что все эти важные вопросы национальной политики исключительно созданы для того, чтобы вращаться вокруг Грузии и вокруг отдельной группы работников Грузии. На деле же это не так. И это доказывается тем, что ни тов. Мдивани, ни тов. Махарадзе, которые выступали здесь, ни принципиально, ни на фактах не указали, что национальная политика нашей партии вообще, и в частности на Кавказе, неправильна или расходится с интересами народных масс. Они больше всего говорили об обиде или утеснении, направленных против отдельных товарищей. Тов. Махарадзе начал с того, что у нас принципиальных разногласий нет. Так ли это? Если это так, то в чем дело? Что касается тов. Мдивани, то, когда его спрашивали: чего же вы хотите?— он заявил: „Это я скажу в секции". А когда до съезда его спрашивали об этом в кулуарах, он говорил: „На съезде скажу", а когда в Тифлисе его спрашивали, он, вероятно, говорил: „Приеду в Москву, там скажу". Я уверен, что и в секции он ничего не сможет сказать, потому что ничего принципиально неверного в национальной политике ЦК РКП не было и нет.

Нечего тут пугать русских товарищей остротой национального вопроса, что они слишком равнодушно к нему относятся и т. д. Равнодушия тут нет, но и искусственно обострять вопроса не следует. Тут тов. Махарадзе жаловался, что целый ряд вопросов решился в Грузии помимо советских учреждений республики, что по многим вопросам государственного значения их не спрашивали. Я думаю, что это не так. Мне, товарищи, хорошо известны взаимоотношения между

центральными советским органами и центральным партийным органом РСФСР, и прямо скажу, что ни одно советское учреждение на территории РСФСР не пользуется такой свободой действий, как грузинский Совнарком или грузинский ЦИК в Грузии. Там целый ряд важнейших вопросов республиканского значения проводится без всякого ведома и ЦК Грузии, и Заккрайкома, чего в центре у нас не делается и не должно делаться, пока у нас партия руководит всей политикой. Поэтому тут жалобы эти нужно отвести совершенно.

Теперь, товарищи, много здесь было нареканий и больше всего это производило впечатлений на товарищей, что политика Орджоникидзе была там политикой насилия, политикой Держиморды. Это выражение, товарищи, употреблялось там и в письмах, и в выступлениях, и в разговорах, и в совещаниях. Это слово значится и в том документе тов. Ленина, который вам известен, но об этом документе я потом скажу несколько слов. На самом деле, была ли эта политика такой? Тов. Орджоникидзе проводил политику ЦК, и он должен был проводить эту политику, иначе он был бы негодным представителем центра. Далее я утверждаю здесь, что многие предписания центра т. Орджоникидзе задерживал там, тормозил, не проводил своевременно, дабы не вызывать того обострения (зная лучше местные настроения), которое могло там возникнуть. Он в нужных случаях проявлял именно ту уступчивость, ту терпимость, которые тов. Ленин постоянно преподавал и ему, и всем работникам, отправляющимся на Кавказ. Когда я при перевороте в Грузии был послан для переговоров с меньшевиками, меня тов. Ленин снабдил тоже определенными инструкциями, и было послано письмо Грузинской Коммунистической Партии, в котором подчеркивалось, что, в виду особого положения Советской власти тогда, в 1920 году, и в виду особых условий на Кавказе, нужно проявлять максимум уступчивости, терпимости и не надо приступать, как это у нас, в России, делалось в 1918—1919 годах, к реквизициям, конфискациям и т. д. Грузия—страна мелкобуржуазная, там нужно было вести иную политику, и там эта политика так и проводилась. Но всякой уступчивости есть граница. Если уступчивость граничит с тем, что мы уступаем всяким мелко-националистическим предрассудкам и мелко-националистическому шовинизму, то такую уступчивость надо пресечь в корне. И те товарищи, которых называют уклонистами, поддались этим предрассудкам. Что же это показывает? Тут часто говорили об угнетении и пр. В чем же заключается угнетение одной нации другою? Угнетение—это когда сильная нация при равных условиях отдельных лиц или групп всегда отдает преимущество своей нации и в деле администрации, и в деле предоставления той или иной работы, и в деле промышленности и торговли. Угнетение—это когда сильная нация вывозит в пользу свою все ценности и обездоливает другую, слабую нацию. Неужели что-нибудь подобное мы наблюдали в Грузии, или в Армении, или в Азербейджане? Ничего подобного, конечно.

Ни единого примера в этом роде не приведут эти товарищи, которые говорили об угнетении. Из Грузии в Россию ничего не было

вывезено за время Советской власти. Наоборот, Грузия получила большую помощь за последние годы. Грузия получила даже все свои старые регалии. Сто лет грузинская интеллигенция, националисты говорили во всеуслышание, что российское правительство их ограбило, отняло старые исторические регалии. И эти регалии при Советской власти были им возвращены целиком, и даже деньги были уплачены для доставки их в Тифлис. Она получила помощь и хлебом, и всевозможными предметами,—например, оборудованием для ткацкой фабрики, о которой говорил и т. Сталин, и ж.-д. материалом. Где же тут колонизаторская политика? (Голос с места: „А ничего не дали нам“).

Теперь вопрос о железных дорогах. Это—важный экономический вопрос. Тут тов. Филипп Махарадзе говорил, что приехали из России в 21 г., собрались и решили вопрос о железных дорогах. Я не знаю, может-быть, это имело место, но я напомню тов. Филиппу Махарадзе: в 20 г., когда я приехал при перевороте в Грузию, сейчас же, кажется, 18 или 19 марта 20 г., мы собрались с тов. Орджоникидзе, с представителями тогдашнего грузинского ревкома, вызвали из Азербейджана т. Гусейнова и обсудили вопрос о железных дорогах. При меньшевиках единая Закавказская ж. д. была разрезана на три части, и такое положение вещей нельзя было дольше сохранить. Надо было немедленно, чтобы сохранить дороги, сейчас же объединить их в общезакавказском масштабе. И этот вопрос в первые же дни нами был поставлен, и он был принят, никто против этой меры не возражал, кроме некоторых националистически-настроенных товарищей. Об этом же вопросе я говорил в своем докладе при проезде в Баку, когда ехал в Москву, в Бакинском совете. И в Бакинском совете тоже никаких возражений против этого не было, за исключением, кажется, тогдашнего азербейджанского наркома путей сообщения тов. Ильдрыма.

Теперь дальше, товарищи. Мне пришлось в сентябре быть на Кавказе, и присутствовать вместе с тов. Сокольниковым на одном заседании Центрального Комитета Грузинской Ком. Партии. Там был и тов. Орджоникидзе. Обсуждался вопрос о грузинских деньгах и о федерации. Еще тогда у группы товарищей, выступавшей здесь, ясно намечалось настроение и против федерации, и против введения в Грузии хождения российских денежных знаков. Положение, которое наблюдалось тогда с этим вопросом, было абсолютно нестерпимым, ни политически, ни экономически. И в этом отношении все, кто мог положить этому конец, и тов. Орджоникидзе в том числе, проявляли величайшую терпимость.

Теперь о письме тов. Ленина. Тут тов. Мдивани в своей речи ежесекундно склонял имя тов. Ильича, и он хотел создать впечатление, что тов. Ленин будто специально написал это письмо, чтобы поддержать товарищей уклонистов и оправдать всецело их политику. (Бухарин: „Конечно, с этой целью“.) Не с этой целью, т. Бухарин. Я позволю тут сказать, что т. Ленина мы тоже немножко знаем, и нам также приходилось с ним встречаться по разным вопросам, и

в частности по грузинскому вопросу. И я здесь утверждаю, товарищи, и я надеюсь, что когда тов. Ленин поправится, он согласится с тем, что много раз те вопросы, которые выдвигались здесь тов. уклонистами, ему были известны, но при правильном их освещении и разъяснении он соглашался с политикой, проводимой там т. Орджоникидзе. Иначе и не могло быть. Общая политика, которую проводил там т. Орджоникидзе, намечалась здесь. Она была правильна, и если были нарекания в способе ее проведения в Грузии,—в этом повинны местные условия и то шовинистическое по отношению к России настроение, которое осталось еще от меньшевиков. Товарищей, которые здесь жалуются на гонения, тов. Сталин в течение года всячески поддерживал, смягчал их ошибки, наставительно старался их поправлять, и если можно т. Сталина в чем обвинить, так только в том, что он определенную группу товарищей всячески поддерживал, и после того, как политика по отношению к этим товарищам был изменена по необходимости, это изменение, конечно, показалось очень резким: Ленин действительно верил этим товарищам, поддерживал их, в его таком к ним отношении большая доля принадлежит т. Сталину.

Большая часть известного вам письма т. Ленина посвящена общим вопросам нашей национальной политики, и против этих общих мыслей ни тов. Сталин, ни тов. Орджоникидзе, конечно, не возражают. Что касается частных вопросов, затронутых в его письме, в частности вопроса этого, то, мне кажется, т. Ленин сделался жертвой односторонней неправильной информации. Когда к человеку, по болезни не имеющему возможности следить за повседневной работой, приходят и говорят, что там-то и таких-то товарищей обижают, бьют, выгоняют, смещают и т. д., он, конечно, должен был написать такое резкое письмо. Но все то, что приписывается в этом письме тов. Орджоникидзе, ни малейшего отношения ни к национальному вопросу, ни к товарищам уклонистам не имело. Это, ведь, всем известный факт, товарищи, и зачем впутывать вопрос об инциденте т. Орджоникидзе с одним из товарищей который не был замешан в борьбе между уклонистами и Закрайкомом, в вопросы, затронутые т. Лениным?

Мдивани. Отчего не опубликовывают письмо?

Енукидзе. Письмо все делегаты читали.

Председательствующий. Прошу не нарушать порядка заседания съезла.

Енукидзе. Что касается комиссии Дзержинского, я должен сказать следующее. Все эти жалобы и вопли, о которых говорилось здесь, доходили сюда, и тогда ЦК решил послать туда комиссию. Сначала было предложено мне поехать туда в качестве председателя или члена комиссии, но я заявил, что я недавно вернулся из Грузии, знал положение вещей, знал этих товарищей, с которыми, кстати сказать, я связан дружбой и годами прежней работы, и у меня было уже определенное отношение к этим вопросам. Я политику тт. уклонистов считал неправильной. Я тогда отказался от поездки туда и выставил против моей поездки некоторые соображения личного харак-

тера. Была выбрана другая комиссия под председательством тов. Дзержинского. Ленин специально тогда меня спрашивал: „По-вашему, эта комиссия подходящая?“. Я чистосердечно ответил и сейчас подтверждаю, что комиссия была весьма подходящая и авторитетная. Никакая серьезная комиссия иного решения не могла оттуда привезти. Несмотря на то, что письмо т. Ленина написано после работ комиссии т. Дзержинского, я все же утверждаю, что тов. Ленин в частностях своего письма сделался жертвой неправильной информации.

Что касается земельного вопроса, то я должен отметить, что проведение землеустройства тормозилось указанной группой товарищей, стоявшей тогда у власти в Грузии, что они за все время своего нахождения у власти имели полнейшую возможность провести те или другие мероприятия в Грузии как в земельном, так и других отношениях, но они с этим не торопились. Какое положение мы застали в Грузии? За время господства меньшевиков национальный шовинизм достиг там такого предела, какого мы не наблюдали и не можем наблюдать ни в одной стране мира. Меньшевики открыли поход против всего русского, против всего армянского.

Как правительство мелкобуржуазное, меньшевистская власть вела прямо мстительную национальную политику по отношению к армянской и другим национальностям. И вот после этого пришла Советская власть. И даже то равенство, о котором тов. Ленин указал в своем письме, и которое принесла там Советская власть, эти шовинистически-настроенные грузинские мелкобуржуазные массы уже приняли, как насаждение руссификации, угнетения и т. д. И вот эти товарищи уклонисты, эти очень опытные и заслуженные товарищи по прежней работе, они, несомненно, сделались жертвой настроений этой мелкобуржуазной массы, которая умеет вопить и шуметь по пустякам. Вся их психология, этих товарищей, и все их настроение привезены из Тифлиса. Что касается грузинских масс, то они настроены совершенно иначе, и те мероприятия, которые проводятся в последнее время в аграрной области и других, они совершенно изменили отношение к Советской власти. Для характеристики настроения этих товарищей приведу вам один пример. В одном селе Рачинского уезда произошел печальный случай. Население одного села или волости собралось и постановило закрыть церковь. Но в этом селе (я лично знаю это село) большое скопление священников, уроженцев этого села, и вот они собрали женщин, стариков и детей, устроили шествие с белыми флагами, направились к церкви отпечатывать. Тут произошло столкновение с одним милиционером. Я не знаю точно, как это произошло, но он произвел выстрел и убил одну женщину. Это, конечно, печальный факт, но всякий коммунист об этом рассказал бы, как о печальном факте, и не ставил бы это в систему и в вину тому товарищу, который сейчас ответственен за политику Грузии. Как этот факт рассказал мне один из ответственных уклонистов, который выступал здесь? Я спрашиваю, что делается. Он говорит: знаешь село Бугеуль? Знаю. Там собрался народ, коммунисты хотели за-

крыть церковь, но против этого запротестовали, дали залп, масса убитых и т. д., и т. д. Все их заявления об угнетении, гонениях и т. д. в такой же пропорции относятся к действительности, как вот этот факт.

Председательствующий. Слово имеет тов. Орджоникидзе.

Орджоникидзе. Товарищи, конечно, очень трудно выслушивать здесь всю эту грузинскую склоку. Несомненно, что она надоела всем, но ничего не поделаешь. Я постараюсь в своей речи не полемизировать совершенно, а привести вам несколько цифр о том, каково положение этой „обиженной" и „угнетенной" Закрайкомом и мною Грузии. Но прежде чем к этому перейти, я вынужден, в виду письменного заявления и в виду вчерашней речи тов. Махарадзе, пытавшегося опорочить один из опубликованных мною документов, вернуться опять к этому документу. Что сказал тов. Махарадзе относительно кордонов? Он сказал: это было сделано по указанию Серебрякова.

Я должен сказать, что, несмотря на все мое уважение к тов. Серебрякову, ни я, ни тов. Махарадзе авторитетом в разрешении грузинского вопроса и наших отношений признавать его не можем; и если тов. Серебряков даже допустил какую-нибудь ошибку, то тов. Махарадзе не должен был выполнить. Тов. Серебряков был в Грузии в марте, а вот 10 ноября 21 г. в отношении Грузинского Центроэвака, за №1824, говорится следующее: „Необходимо возбудить ходатайство перед высшими органами власти о закрытии границ, ведущих в пределы Грузии, для предотвращения движения беженцев". Из этого документа ясно, что вопрос о закрытии границ появился еще до тов. Серебрякова, в 21 году 10 ноября. А вот еще другой документ того же порядка от 14 июля 21 года за подписью предревкома тов. Мдивани: „14 июля 1921 г. № 40. Грузревком постановляет разгрузить гор. Тифлис от всех лиц, кои: а) не связаны с городом Тифлисом коренным жительством, и б) не добывающие средств к существованию общественно-полезным трудом обязаны в течение двух недель со дня опубликования настоящего постановления выехать из пределов города Тифлиса".

Перехожу к положению этой „угнетенной" Грузии. Я должен заявить, что многие товарищи, которые начали заниматься национальным вопросом только перед XII съездом, весь национальный вопрос сводят к языку. Я думаю, что ни один из присутствующих здесь наших противников из грузин по этому вопросу не скажет, что в вопросе о родном языке, о привлечении интеллигенции у нас когда-либо были какие-нибудь разногласия.

В Тифлисе имеется 25% грузин, и вот многим товарищам кажется, что в Грузии имеются города с армянским и русским населением в большинстве, и грузины там угнетены, и вот эти города управляют сплошной грузинской деревней. Так ли это? Верно, в городе Тифлисе в 1917 г. было 25%. Может-быть, теперь, эта цифра дошла до 30%. У меня точных данных за последние годы нет.

Если бы это предположение было верно, то тогда в Тифлисском совете и в его органах мы должны были иметь большинство негрузин.

Так ли это на самом деле? Возьмем, товарищи, состав Тифлисского совета второго созыва: в совете имеется 43% грузин, 17% армян, 27% русских, 2% евреев, 3% мусульман. Граждан Грузинской республики 67%. Значит, во всем совете 43% грузин, несмотря на то, что грузинская столица имеет их только 25%. В горисполкоме из 36 человек 27 грузин, 4 армянина, 3 русских, 1 еврей, 1 мусульманин. В президиуме горисполкома из 11 человек 1 русский, представитель армии, и 10 грузин. Я спрашиваю, товарищи: где тут угнетение грузинской национальности? Далее, товарищи, перейдем к штатам горисполкомов: грузин 61%, армян 19%, русских 11%, евреев 0,5%, татар 0,2%, остальных национальностей 6%. В горисполкоме, несмотря на то, что грузины составляют $^1/_4$ населения Тифлиса, все делопроизводство идет на грузинском языке. Бухгалтерия, товарищи, бухгалтерские записи ведутся на грузинском языке. Я спрашиваю товарищей из окраин, из автономных независимых республик: где, в какой республике это имеется? Если этого нигде нет, то можно ли говорить об угнетении грузин великороссами армянами или кем-нибудь другим? Некоторые товарищи говорят об армянизации Грузии. Тов. Мдивани заявил т. Чичерину, что идет армянизация Грузии. Возьмем Отдел Управления, куда входят и милиция, и пожарная команда и др.; там в декабре прошлого года служащих было 788 человек, из них: грузин—530, или 67%, армян—117, или 15%, русских—73, или 9%, и т. д. Далее в грузинском Совнаркоме нет ни одного Наркома ни русского, ни армянина. (Голос с места: „А Аваков?"). Аваков не нарком, а заместитель Торешелидзе. В Центральном Комитете Грузинской Коммунистической Партии не было в прошлом составе ни одного русского, ни одного армянина, и после этого выступать здесь и говорить, что нас угнетают, нас жмут, нам не дают жить,—я считаю, по меньшей мере, неправильным. Я не говорю о том, что там нет русотяпов, я не говорю, что тот или другой старый царский чиновник не может выкинуть какой-нибудь глупости. Но что мы делаем с этими царскими чиновниками? Мы их выпроваживаем оттуда. Мы делаем больше,—вот вам маленький пример. Случилось такое несчастье, что на имя секретаря Закрайкома, т. Орахелашвили была написана бумажка на грузинском языке. Простой сотрудник Закрайкома, не зная грузинского языка, обратился с просьбой, чтобы перевели эту записку на русский язык. Что же случилось? Случилось то, что записка обошла всю Грузию. Смотрите-смотрите, что представляет из себя Закрайком, вот какие они русотяпы! И это, несмотря на то, что в Закрайкоме было 8 чел. грузин, и секретарь—грузин. Словом, эта бумажка обошла всю Грузию Что мы сделали с этим несчастным сотрудником? В тот же день сняли его с работы и откомандировали в Москву. Возьмем дальше прирост населения: в Тифлисе в 1921 г.—21.223, в 1922 г.—37.043, из них грузин в 1921 году—4.884, а в 1922 году—уже 12,247 чел., или увеличение в целых три раза. Говорить после этого, что идет армянизация,—это, по меньшей мере, несправедливо. Я мог бы привести аналогичные цифры относительно школ, детских домов, детских садов, детских

очагов, но времени у меня мало. Я только указываю, что везде и всюду в процентном отношении в гор. Тифлисе, где грузин только $^{1}/_{4}$, грузины занимают первое место. Берем жел. дорогу, объединенную ж. д. В центральном управлении там грузин меньшинство, но если вы возьмете линию ж. д, то увидите, что там грузин 66%,—это в то время, когда грузин во всей Грузии не более 63% азербейджанцев—меньше 1%, армян—$3^{1}/_{2}$%, русских—19%, прочих национальностей—$4^{1}/_{2}$%. Как вы видите из этой цифры, никакого угнетения великороссами грузин в Грузии - нет, а если даже когда и пытались это делать, то получали должное.

Вот вам два документа, характеризующих, каково там „угнетение". Вот пример: представитель Внешторга и уполномоченный юго-востока обращается к податному инспектору Батума с просьбой:

„Состоя на государственной службе и находясь с 12 октября с. г. в г. Батуме, проездом в Анатолию, ставлю вас в известность, что никаких частных и личных коммерческих дел в пределах ССРГ, и в частности в Батуме, не имею.

Посему, в виду необходимости срочно выехать в Анатолию по делам Внешторга ЮВР, прошу не задержать и выдать мне и сотруднику моему В. И. Кулимову справки о том, что за нами никаких податных налогов не числится. Представитель Уполнаркомвнешторга на ЮВР в Анатолии Хамейвер".

Просит дать ему визу и получает ответ:

„Согласно декрету ССР Грузии, вся переписка должна вестись на государственном языке. Под. инсп. (подпись) 13 октября".

И когда инспектор говорил с этим представителем по телефону, то разговаривал с ним по-русски и сказал: „хотя я и знаю русский язык, но требую дать бумажку на грузинском языке". Я отнюдь не хочу это приписывать тов. Мдивани или кому-нибудь другому, но это показывает, что податной инспектор, так отвечающий, может говорить так только в такой стране, где он чувствует себя хозяином и может требовать, чтобы писали только на его родном языке. Но против этого, конечно, тоже нужно бороться, и мы боролись и будем бороться. Родной язык-то родной, но если к тебе обращаются в госучреждение на другом языке, то ты позаботься дать ему ответ на его языке, а не заставляй изучать грузинский язык.

Тт., не только мы не покровительствовали колонизаторам, но очень часто очень серьезные предписания, которые, нам казалось, нельзя было проводить, мы не выполняли, несмотря на то, что такие предписания были подписаны в высшей степени авторитетными товарищами, дабы не дать пищи для всевозможных кривотолков.

Председательствующий. Слово имеет тов. Яковлев.

Яковлев. Тов. Сталин дал такую принципиальную постановку вопроса, которая по существу своему возражений не встретила. Но я думаю, что общее впечатление каждого делегата съезда таково, что это достоинство сталинской речи, т.-е. в высшей степени правильная принципиальная постановка вопроса, превращается в крупнейший не-

достаток. Почему? Потому что дело сейчас совсем не в том, чтобы в десятый или какой-либо другой раз давать правильную принципиальную постановку вопроса. Об этом сто раз уже говорилось. Дело в том, чтобы дать правильный практический лозунг, который хотя бы коечто изменил в нашей практике. Я думаю, в этом корень того чрезвычайно большого оптимизма, который Сталин в своем докладе проявлял. Пожалуй, не только в этом. Помните, тов. Сталин перечислял отдельные факторы, способствующие правильному разрешению национального вопроса, и факторы, препятствующие его правильному разрешению. Среди факторов, содействующих правильному решению национального вопроса, был и такой: „хозяйственное сближение народов, установленное еще до Советской власти и укрепленное Советской властью". А фактор, препятствующий, „тормозящий дело объединения республик в единый союз,—это та сила, которая нарастает у нас в условиях НЭП'а, великорусский шовинизм". И у Сталина выходило так, что мы будем уничтожать тормозящие факторы и параллельно будем содействовать развитию положительных факторов. Но в чем суть проблемы? В том, что так разделять эти факторы нельзя. Суть в том, что факторы положительные, факторы хозяйственного единства в наших конкретных условиях действуют так, что порождают великорусский национализм. Кто у нас осуществляет это самое хозяйственное единство? Каким механизмом оно осуществляется при НЭП'е? Вот основной вопрос. Если вы этот вопрос конкретно поставите, вы увидите, что торговец, агент государственного треста, осколок старой великорусской буржуазии—наш государственный аппарат, уже достаточно охарактеризованный, вот тот основной механизм, который прежде всего восстанавливает связь отдельных областей, разорванных в первый период революции. В противоречии этого механизма основным началам нашей национальной политики—основная трудность решения нац. вопроса.

Случайно или не случайно, но вышло так, что, перечисляя те случаи обсуждения национального вопроса, которые были, забыли о том, что национальный вопрос не три раза обсуждался партией, а четыре. Здесь перечисляли, что национальный вопрос обсуждался на VIII съезде, на X съезде и теперь на XII съезде. И докладчик, и тов. Раковский, которому больше других надлежало бы помнить об этом, забыли, что национальный вопрос обсуждался на декабрьской конференции в 1919 году, где тов. Ленин выступал с речью по национальному вопросу. Эта речь не попала даже в полное собрание его сочинений. Это—потерянная грамота, она тогда опубликована не была, боюсь, чтобы не было еще одной потерянной грамоты. (Голоса: „Правильно!"). Обсуждали ли вы здесь, на съезде, национальный вопрос так, как он сейчас обсуждается, если бы не было писем тов. Ленина? Нет. Я думаю, что одной основной гарантией того, что здесь не будет новой потерянной грамоты, а будет ряд практических шагов, является самое широкое распространение в партии тех идей и мыслей, которые развиты в письмах т. Ленина. Потому что это такие доку-

менты, которые каждого члена партии заставят задуматься, как через его аппарат проникает подлый великодержавный русский шовинизм.

Теперь посмотрите, т. Сталин вполне правильно в тезисах ставит вопрос о большом различии между формальным равенством и фактическим. Одна иллюстрация: в России имеется, примерно, сейчас 2 миллиона—1.800 тыс. слишним экземпляров русской газеты. Вся остальная половина населения советской России имеет, примерно, 70 тыс. газет. Это что? Это проявление фактического неравенства. Можно ли это фактическое неравенство уничтожить в два-три дня? Нет. Можно ли его уничтожить в год? Нет. Дело идет о годах. И поэтому-то здесь необходимо наметить соответствующую практическую работу для следующих годов, а не только ставить вопрос правильно теоретически. И я думаю, что неправ тов. Раковский, когда он сводит вопрос к объединению или разъединению комиссариатов. Я бы спросил тов. Раковского: в ваших самостоятельных комиссариатах, отделенных, в комиссариатах, на которые никто не претендует, разве не тот же дух великорусского шовинизма и национализма, не тот ли состав бюрократии из русских и руссифицированных евреев, являющихся наиболее последовательными проводниками великорусского национального угнетения, наиболее чистым осколком от старой буржуазии?

Они же проводят фактически ту же линию национального угнетения. На каком языке говорят в аппаратах уездов? На каком языке пишут бумаги в деревню, на каком языке говорят ваши комиссариаты? Дело не только в том, чтобы построить отношения между комиссариатами самостоятельных республик и объединенными, но дело в работе самих комиссариатов. Я знаю, какое огромное сопротивление,—бессознательное со стороны партии, в подавляющем большинстве великорусской, сознательное со стороны чиновничьего аппарата комиссариатов,—встречает такая простая вещь, как обязанность перейти на делопроизводство соответствующего языка, обязанность учиться такому-то языку соответствующей республики. Но, я думаю, съезд должен сказать, что лучше заставить 10 великорусских шовинистов и националистов выучиться языку той страны, в которой они живут, чем одного мужика заставить в соответствующем учреждении коверкать свой родной язык, ибо в сопротивлении этому элементы той психологии, которая может облегчить нашим врагам попытки превращения любого противосоветского движения в движение националистическое. Мы имеем такого рода опасность перед нами. Там, где развивается в настоящее время противосоветское крестьянское движение, оно одето в национальную форму. У нас нет противосоветского движения в русских местностях, но то движение, которое имеется в инонациональных областях, показывает, что национальная одежда и форма облегчает развитие движения против Советской власти. Отсюда деловая задача: затруднить буржуазным элементам одевать кулацкое противосоветское движение в национальную одежду. В связи с этим поставим другой вопрос. Тов. Скрыпник коснулся этого вопроса. Это—вопрос об армии. Но он не поставил точек над „и“. Ведь, нельзя забывать того, что

Красная армия объективно является не только аппаратом воспитания крестьянства в пролетарском духе,—она является аппаратом руссификации. Мы переводим десятки тысяч украинских крестьян в Тулу и заставляем их на русском языке воспринимать все. Правильно это или нет? Конечно, нет. Зачем это нужно пролетариату,—никто не скажет. Здесь есть инерция великорусского командного аппарата,—у нас в огромной массе командный состав русский. Ведь, можно даже переведенных в Тулу украинских крестьян при русском командовании политически и культурно воспитывать на украинском языке. Затем другой вопрос,—вопрос о создании кадров армий, говорящих на национальном языке. Вы скажете: зачем это? У нас прекрасная армия, где командный состав русский. Конечно, здесь нельзя ожидать быстрого успеха, здесь нужна тройная осторожность, здесь нужно десять раз проверить каждый шаг. Но если мы не хотим того, чтобы, как в 17 году, мелкобуржуазная стихия одевалась в национальную одежду, чтобы также и в нашей армии через год, два или три, в момент обострения отношений рабочего класса и крестьянства она, не оделась в эту одежду, мы должны предупредить эту возможность, мы должны кадр командного состава и войсковые части на соответствующем языке постепенно готовить, подбирать, отбирать. Еще о тех гарантиях, которые предлагает тов. Сталин. Является ли гарантией второй ЦИК? Я прошу спокойно вдуматься в это. Разве первый ЦИК может что-нибудь гарантировать практически, разве он решает самостоятельно основные принципиальные вопросы? А если вы к первому ЦИК прибавите второй ЦИК с такими же правами, то неужели эти два ЦИК'а будут содействовать вместе разрешению национального вопроса? Посмотрите прямо в глаза. На съезде партийном мы можем требовать, чтобы нам дали гарантию того, насколько будет проводиться это всерьез, а не только гарантии бумажные, потому что вопрос о расширении прав 1-го и 2-го ЦИК'а не стоит. Как нужно ставить вопрос? Нужно искать других гарантий, и одна из самых существенных гарантий—самое широкое распространение тех идей и мыслей, которые развиты в последних письмах тов. Ленина. Это то, что может заставить всю партию встряхнуться и задуматься. Эту гарантию, несомненно, нужно провести, поскольку там ставится вопрос с необыкновенной точностью и ясностью, поставить ясно перед сознанием всей партии. (Аплодисменты).

Председательствующий. Предлагается перерыв на 10 минут. (Шум, протесты). Товарищи, позвольте проголосовать. Кто за перерыв, прошу поднять карточки. Кто против? Большинство против перерыва. Тов. Ахундов имеет слово, следующий тов. Зиновьев. Тов. Ахундова нет. Предлагается следующим оратором выступить тов. Лукашину, а потом тов. Зиновьеву.

Лукашин. Товарищи, по-моему, перед съездом вопрос грузинский принял некоторый превратный характер. Получается картина, что дерутся как-будто две группы грузинских товарищей коммунистов на почве политики по национальному вопросу, а другие закавказские работники, в других республиках, в частности в Азербейджане и в

Армении,—они никакого отношения к этой „грызне“ не имеют. В „Правде“ была одна статья, кажется, тов. Квиркелия, где он протестовал, что товарищи коммунисты из Армении, из Азербейджана не могут сказать своего слова в нашем споре. Да, я думаю, что не только от имени работников Армении, но также с некоторым основанием и от имени работников Азербейджана могу сказать: поскольку, дорогие мои товарищи, маленькая группа, которая раньше вела определенную политику, столкнулась с большинством, с гущей коммунистической партии Грузии, нам, коммунистам других республик, нечего было вмешиваться в этот спор, ибо мы уверены были, что в этом споре вы свою голову расшибете. Но с тех пор, как только вопрос перешел на общекавказскую почву, и когда был поставлен в последнее время принципиальный вопрос: быть или не быть Закавказской федерации, мы считаем, что наше участие в этом деле должно быть не меньше, чем любого коммуниста Грузии. Фактически вопрос грузинский есть вопрос о Закавказской федерации, о сожительстве закавказских народов. Т. Сталин сказал здесь: национальный момент состоит на три четверти из вопроса великодержавного русского шовинизма и на четверть есть вопрос шовинизма местных национальностей.

Один товарищ из другой автономной республики, ознакомившись с положением дел со слов уклониста, сказал: „вы с жиру беситесь“. Вы посмотрели бы, как у нас развит великорусский шовинизм. Я должен сказать, что кто работал в Закавказской федерации после советизации, тот может сказать, что о великорусском шовинизме на три четверти не может быть и речи. Нужно повернуть это иначе. Если вы хотите быть последовательными и правильно ищете опасность в великорусском шовинизме больше, чем в шовинизме мелких национальностей, не забывайте, что конкретно в Закавказье при данном положении имеется, наоборот, примерно, не больше четверти великорусского шовинизма и три четверти местных шовинизмов. Весь закавказский спор, весь спор о великорусском шовинизме минимум на три четверти есть спор, если хотите, безрезультатный. Центр вопроса в национальных местных отношениях. Мы получили на Кавказе в высшей степени плохое наследство. В Армении как проявлялся национализм? В ненависти к Турции, в тенденциях, которые там испокон-века росли, в тенденции, подавляющей всю психологию армянских трудовых масс. В чем заключался грузинский национализм? В обороне того привилегированного положения, которое занимает Грузия. Здесь представлялась картина такого характера, что национальности закавказские дрались между собою испокон-веков и будут между собою драться, но это неверно. До 70-х годов острого национального вопроса на Кавказе не было. Начало его идет с 70-х годов или, вернее, даже с 90-х годов, когда армянская торговая буржуазия начинает появляться в городах и начинает покупать имения у грузинского дворянства. Вот тогда начинаются острые национальные трения. Они возникали в Тифлисе из-за городского самоуправления, из-за домов, в Баку из-за нефтяной промышленности и т. д., из-за борьбы буржуазии той или иной нации.

Когда крупная армянская торговая буржуазия в Грузии и Азербейджане стала давить мелкую буржуазию этих народов, эта мелкая буржуазия совокупно с землевладельцами придала острый характер национальным отношениям. Сейчас мы имеем такую картину: мы после меньшевиков, муссаватистов и дашнаков ликвидировали крупную буржуазию, помещичьи землевладения, но мелкая буржуазия осталась и с НЭП'ом окрепла и сейчас будет, разумеется, умножать национализм. То же самое и в Азербейджане. Какова же должна быть наша политика Закавказья? Правильная и последовательная политика должна заключаться в том, чтобы понять, что, искусственно разделяя горы и долы между этими республиками и отмежевывая их друг от друга, мы привели бы их к смерти и невозможности дальнейшего существования Советской власти в Закавказье. Вот почему политика нашей партии в Закавказье была с самого начала рассчитана на осторожное, но неуклонное объединение партийных и советских усилий и создание федерации, при которой единственно стало возможным правильное разрешение национального вопроса.

Сейчас же мы имеем дело с тенденциями, которые в мелкобуржуазных элементах, даже в некоторой части коммунистических организаций, преобладали над взаимоотношениями коммунистических организаций. Если взять, например, историю, как относилась группа т. Буду к федерации, достаточно сказать, что под федерацией разумели они создание двух комиссий: о мелиорации и электрификации, и эти две комиссии должны были объединять закавказские республики. Товарищи, для нас вопрос стоял и стоит таким образом в Закавказье: либо мы для того, чтобы серьезно бороться в этой конгломератной стране, должны взять твердо путь объединения, т. е. федерирования этих республик, либо разжигание национальной розни, оставшейся нам в наследство, или же, еще больше скажу, невозможность для нас управления там вообще. Товарищи уклонисты хотят самостоятельно войти в СССР, порвав свои связи с Азербейджаном и Арменией. Если это случится, тогда встанет вопрос не грузинский, как сейчас, а вопрос, скажем, армянский и азербейджанский. Спрашивается: в чем же дело? Здесь говорят: в том, что мы должны показать восточным народам, что мы уважаем и блюдем интересы и самостоятельность республик. Я думаю, наоборот, что лучше всего будет, если в преддверии Закавказья перед восточными народами коммунистическая партия, Советская власть вместо того, чтобы разделять народы, чересполосно живущие на Кавказе, разъединять их подобно меньшевикам, дашнакам и муссаватистам, вместо этого она напоказ всем восточным народам в этой части Азии докажет, что только коммунисты, только Советская власть могут создать сожительство народных масс в реальных формах в противовес всем тем, которые до сих пор управляли этой страной, создав там ад националистической травли друг против друга. Что это единственный и прямой путь утверждения и усиления Советской власти,— можно вывести из того, что массы народные безоговорочно и окончательно восприняли эту идею, и,—что еще характернее,—меньшевики,

дашнаки и муссаватисты сами за границей вынуждены были объединить свои усилия и создать федерацию закавказских желтых.

Пусть т. Мдивани скажет: чем будет чревата ликвидация федерации, пусть скажет, какое орудие мы даем меньшевикам—дашнакам?

Товарищи, еще несколько слов о политике Краевого Комитета и о том, что говорилось, будто там проводилась головотяпская политика. Товарищи, в действительности я должен сказать, большей осторожности не могло быть проявлено,—осторожности во всех мелочах, часто гораздо большей, чем следовало бы. И при таком положении вещей выступать и говорить о том, что Краевой Комитет проводил какую-то головотяпскую политику (это говорил тов. Буду, это говорили другие товарищи),—это, по меньшей мере, просто заявление, рассчитанное на то: что большинство съезда не знает сложных условий обстановкиЗакавказья.

Я спрашиваю товарищей из Грузии, Азербейджана и Армении разве неверно, что до сих пор, в течение 2-х лет, мы совершенно самостоятельно законодательствовали? И если все эти три республики пользуются в такой мере самостоятельностью, то Грузия была первая из них, она была самая привилегированная. В докладе тов. Сталина анализ закавказских взаимоотношений или скорее побуждений и отражений того, чем грузинский уклонизм вызывается, был схематически краток, сжат, но блестящ по своей верности. Мы считаем, что поскольку закавказский вопрос стал перед съездом и подвергся сейчас значительному вниманию со стороны съезда, он должен быть здесь раз навсегда решен, и мы иного пути не видим, как сплочения народов Закавказья под нашим знаменем у преддверья Востока, и это единственный путь, который нам даст возможность в дальнейшем разрешить национальный вопрос в духе нашей партии.

Председательствующий (Петровский). Слово принадлежит тов. Зиновьеву. (Аплодисменты).

Зиновьев. Грузинский вопрос оказал медвежью услугу нашему съезду. Он пересек нам прения по национальному вопросу в целом, А, между тем, это вопрос в высшей степени принципиальный и крайне важный не только для нашей партии, но и для всего Коминтерна. Я не буду совершенно останавливаться на грузинском вопросе. Я стою в этом вопросе на точке зрения решения, принятого Пленумом ЦК нашей партии громадным большинством голосов против одного или двух товарищей, — решения, которое сводится к тому, что в Грузии фракционной борьбе должен быть во что бы то ни стало и немедленно положен конец, чтобы не давать пищи меньшевизму российскому и международному; что обе группы должны работать вместе на основе тех тезисов, которые будут приняты на этом съезде, и на основе того большинства, которое сложилось в грузинской партии. Я думаю, что и наш съезд, если бы он стал специально заниматься грузинским вопросом, едва ли мог бы предложить что-нибудь другое.

Но я спешу перейти к вопросу основному, который занимает наш съезд, — к вопросу национальному, вопросу, действительно поставленному т. Лениным.

Как т. Ленин дал нам в своих подготовительных работах к съезду ясные указания по вопросу о крестьянстве, о диктатуре партии, так мы имеем от него совершенно точные указания и по национальному вопросу.

Тов. Яковлев требовал опубликования известного письма, принадлежащего т. Ленину. Президиум съезда принял по этому поводу единогласное решение: не публиковать пока этого документа, в виду характера тех указаний, которые дал сам В. И. Если письмо не опубликовано до сих пор, то исключительно по указанной причине. Само собой понятно, что никто другой не мог этого вопроса решить. Дело тут вовсе не в личных нападках. Товарищи, которые непосредственно заинтересованы, первые требовали публикации этого письма, и если оно не опубликовано, то по причине, которую я вам указал. Но, тем не менее, весь съезд знает принципиальный взгляд тов. Ленина на этот вопрос, и я думаю, что этот взгляд нашел себе полное отражение в тех исчерпывающих тезисах по национальному вопросу, которые предложили вашему вниманию тов. Сталин и весь ЦК нашей партии.

Существует ли у нас национальный вопрос? Тов. Стуруа вчера говорил очень остроумные и во многих отношениях интересные вещи. Но его речь была в высшей степени опасна по существу. Он говорил, что еще Карл Маркс в Коммунистическом Манифесте сказал, что пролетарии не имеют отечества, и отсюда делал вывод, что, стало-быть, у нас и национального вопроса нет.

Если бы у нас в нашей стране было миллионов 25 пролетариев, и из них миллионов 20 думало бы так, как тов. Стуруа, это было бы превосходно. Но и тогда все-таки нельзя было бы сказать, что у нас нет национального вопроса, потому что, кроме 20 миллионов убежденных коммунистов, было бы еще 100 миллионов крестьян не-коммунистов. Но тогда такое заявление звучало бы более полновесно. Да, конечно, тов. Стуруа, для нас с вами в известном смысле нет национального вопроса. Мы с вами интернационалисты. Но, ведь, мы сейчас говорим о России в целом, о десятках миллионов населения, и тут ни в каком случае нельзя сказать, что у нас нет отечества, нет национального вопроса. Маркс говорил это в свое время применительно к буржуазному строю. Мы же с вами прекрасно знаем, что, отказываясь защищать буржуазное отечество, мы отнюдь не отказывались и не отказываемся защищать социалистическое отечество. У нас это отечество теперь есть,—вопрос заключается в том, как устроиться, как наладить общежитие этой страны, населенной десятками народов. Разница между нами и буржуазией не в том, что мы говорим: у них есть национальный вопрос, а у нас нет национального вопроса,—разница в том, что они не могут решить национального вопроса, а мы можем и должны его разрешить, и мы разрешим его.

Мы тоже имеем национальную проблему, но мы, свергнув буржуазию и частную собственность, развязали себе руки. Мы можем и должны решить национальный вопрос. Было бы в высшей степени

опасно, если бы мы в такой стране, как наша, впали в нигилизм по национальному вопросу и решили бы, что национальный вопрос разрешается тем, что Маркс дал формулу: „пролетарии не имеют отечества“. Вопрос этой формулой отнюдь не разрешается.

Есть ли у нас национальный вопрос, есть ли у нас сейчас крупные национальные трения? Пока, к счастью, таких трений нет. Таких трений, какие мы имеем в Грузии, мы не имеем нигде и, надеюсь, не будем иметь. Но мы на то и марксисты, чтобы смотреть вперед, рассуждать диалектически и предвидеть то, что будет, и что должно быть. Мы потому победим НЭП, что мы с самого начала предвидели, как марксисты, его опасности и принимали меры, необходимые для преодоления этих опасностей. Также и с опасностью трений по национальному вопросу. Мы — марксисты, и поэтому мы слышим, как трава растет. „Мы видим на два аршина под землей“. И вот, если спросить, что у нас теперь растет, и что происходит на два аршина под землей, то, как правильно подчеркнул тов. Ленин, мы должны сказать: растет великодержавный русский шовинизм, поднимает голову и идет из тех кругов, которые обрисовали здесь тов. Сталин и другие ораторы. И не может не расти при нынешнем положении вещей. Мы видим зародыши местного шовинизма и на окраинах. Где бы он ни произрастал, этот чертополох, он остается чертополохом. Но у нас есть шовинизм великорусский, который имеет самое опасное значение, который имеет за собой 300 лет монархии и империалистическую политику, царскую политику, всю ту иностранную политику царизма, о которой еще Энгельс в 1890 году писал, что всякий, кто в этом отношении сделает хоть малейшую уступку шовинизму, неизбежно подаст руку и царизму. Вот почему надо иметь в виду, что перед нами, как партией всероссийской, стоит именно вопрос о великорусском шовинизме.

Сейчас поднимает голову великорусский шовинизм. Когда вас осыпают приятными комплиментами из лагеря сменовеховцев, которые говорят: „Да, мы за Коминтерн, потому что Коминтерн находится на услугах у Кремля и проводит в жизнь идею единой неделимой России“, когда вы слышите этакие сомнительные комплименты, когда вы видите, что буржуазия только того и ждет, чтобы мы на этом месте подрались, то это опасно. И тут мы должны сказать, что тов. Ленин во-время поставил национальный вопрос. Вот почему я не могу присоединиться к настроению, которое замечается в рядах части русских товарищей, которые считают, что весь национальный вопрос выдуман, высосан из пальца, что здесь кто-то жужжит, как надоедливая муха над ухом, в то время как вопроса этого совершенно нет.

Товарищи, было бы очень удивительно, если бы в такой стране, как Россия, с таким громадным количеством национальностей, не существовало этого вопроса. И если мы сейчас не начнем подсекать головку нашего русского шовинизма, то, может быть, через 2—3 года попадем в положение гораздо более трудное. Товарищ Раковский здесь выступал, может-быть, несколько преувеличенно. Некоторые

нотки в его черезчур страстной речи чуть-чуть напоминали австрийскую постановку вопроса. Это, может-быть, отчасти тоже вызвано нажимом „великодержавников“ и является реакцией. А надо сказать, что в Пленуме ЦК мы недавно слышали факты, от которых волосы дыбом становятся,— мы слышали факты, как у нас в Президиуме ВЦИК (около ВЦИК'а, а не его члены, конечно), в некоторых комиссариатах ставится национальный вопрос. Мы ни в каком случае не должны забывать того, что говорил т. Ленин. Он говорил, что наша задача,— задача коммунистов тех стран, которые принадлежат к бывшей великодержавной нации,— отличается от задачи коммунистов тех стран, которые раньше принадлежали к странам угнетенным. Я слушал тов. Мдивани очень внимательно, но я должен сказать, что в его словах я вижу двусмысленность. В вопросе о Закавказской федерации он не дает нам ясного ответа. Хорошо, тов. Мдивани, мы будем вместе с вами напоминать всем, кто это забывает, что вопрос о русском шовинизме есть альфа и омега всей нашей национальной политики. Но не забывайте, что тов. Ленин указывал и на задачу коммунистов, принадлежащих к странам, которые прежде были угнетены, и указывал, что эти коммунисты должны у себя пропагандировать полное тесное единство рабочих и крестьян всех национальностей. (Аплодисменты).

Мы должны безусловно ребром поставить вопрос о великорусском шовинизме. Мы должны это сделать сейчас, на этом съезде. И надо сказать, что в этом отношении известное вам письмо тов. Ленина поставило вопрос достаточно решительно. Мы должны прежде всего отвергнуть „теорию“ нейтрализма.

Не можем мы стоять на точке зрения нейтральности, на точке зрения того, что вот, пускай там, на Украине или еще где, борются две культуры, а мы подождем и посмотрим, что из этого выйдет. Это точка зрения не наша, особенно теперь, когда наша партия стоит у власти. Мы должны сыграть в этом вопросе активную роль; мы должны сделать так, чтобы азербейджанский крестьянин видел, что если у него рождается школа на его родном языке, то это благодаря коммунистам, и именно благодаря Российской Коммунистической Партии. Он сам не может себе пробить дорогу, а мы, как правящая партия, должны ему помочь создать свою школу, должны ему помочь создать свою администрацию на родном языке. То же относится и к Украине, и к крестьянам любой другой страны. Когда эти крестьяне увидят, что мы на деле помогаем им, помогаем народам, которые были угнетены, всей мощью нашего советского аппарата, всей силой нашей партии, тогда они будут целиком за нас. В их сознании должно непосредственно ассоциироваться, что свои школы, свою администрацию на своем языке они получили из наших рук, благодаря нашей активной и братской поддержке.

Вот почему ни к чорту не годится теория нейтральности. Она абсолютно не годится для советской России, где должно быть создано такое положение, при котором каждый пастух в Азербейджане будет знать, что если национальные школы у него существуют, то это не

потому, что коммунисты стояли в сторонке и выдумали мудреное слово „нейтральность“, а потому, что коммунисты активно помогали ему получить то, что ему нужно, и, таким образом, приобщают их к коммунизму.

Но этого мало. Совершенно правильно товарищами выдвинута вторая задача.

Здесь дело не только в языке и школе, хотя нельзя сказать, что дело с языком и школой обстоит вполне благополучно. Но, во всяком случае, я думаю, что не надо распространяться сейчас на эту тему. Вторая задача заключается в материальной помощи. О ней говорил докладчик Центрального Комитета т. Сталин. Мы должны, несмотря на то, что мы бедны, несмотря на то, что наши ресурсы скудны, мы должны сейчас уж, при скудном бюджете, при плохих ресурсах, оказать посильную материальную помощь крестьянам и прежде всего крестьянам окраин, говорящим на других языках, всем народам, которые были раньше угнетены. Это должно быть поставлено на очередь и должно быть в пределах того, чем мы располагаем, выполнено. Мы должны при составлении нашего бюджета думать не только об электрификации под Петроградом, но и об электрификации, как мы и подумали об этом, в Грузии, и подумать о посильной помощи, которую наша республика может сказать окраинам, потому что это имеет гигантское политическое значение. Если мы могли сказать, что во внутренней политике у нас есть одно облачко—недовольство крестьянства налоговым бременем, то в будущем, на предстоящий отрезок времени, если у нас есть какая-нибудь еще большая опасность, так это именно в национальном вопросе. Если бы у нас начались трения, сколько-нибудь похожие на трения в Грузии, если бы это перенеслось и на другие народности, то это создало бы гигантские трудности для Советской власти, гораздо большие, чем любая блокада, и гораздо большие, чем любой поход Деникина и Колчака. Это создало бы трудности не только для нашей партии, но и для всей нашей международной политики, для Коминтерна. Коминтерн страшно страдал за последний год, потому что Россия переживала голод. Все с.-д. газеты мира повторяли одно и то же: „вы говорите, что хотите Советской власти, а в Советской России голод“. Опасность эта была там велика потому, что середняк - рабочий не мог примириться с фактом людоедства и т. д. Но все же это ничто по сравнению с тем, что может быть, если у нас начнутся национальные трения. Если у нас в советской России начнутся массовые национальные трения, то это будет таким ударом Коммунистическому Интернационалу, от которого он не оправится много лет. Если бы у нас дело дошло до таких трений, это было бы гораздо опаснее, чем даже голод и людоедство, которые мы пережили.

Вы должны, товарищи, понять всю глубину стоящей перед нами проблемы. Я понимаю, что иваново-вознесенские, костромские, тульские, московские, питерские рабочие не знают о том, что есть на свете национальный вопрос, и они считают, что мы зря занимаем

внимание съезда национальным вопросом. Но вдумайтесь, товарищи, в положение. Мы должны остаться гегемонами не только в Иваново-Вознесенске и Костроме, а остаться гегемонами в союзе советских республик и показать образец всем народам Востока и всему миру. К вопросу, который вам может казаться скучным, всюду прислушиваются. Нашу конституцию изучают, по поводу наших споров идут дискуссии. К ним, понятно, прислушиваются всюду и везде. Поймите, перед каким грандиозным вопросом мы стоим. Может быть, в 1923 г. он кажется мелким, но сделайте так, чтобы в 1925 году он не сделался слишком большим.

Давайте сделаем так, чтобы мы его сейчас разрешили, давайте создадим атмосферу презрения и бойкота по отношению к каждому, кто не понимает важности национальной проблемы, кто позволяет себе шутить по этому поводу, кто не дает отпора каждому, у которого хотя бы даже только в шутке просвечивает нотка шовинизма, ибо от этого зависит не только будущее нашей страны, но зависит в значительной степени будущее Востока.

Вы все читали, тт., письмо Владимира Ильича, вы все прочувствовали эти пророческие строки. Владимир Ильич видит как бы живые массы поднимающегося Востока. Он видит эти сотни миллионов людей, и вот почему он досадует на малейшую возможную ошибку, которая может затруднить подъем этих сотен миллионов людей Востока. Вот почему вопрос поставлен сегодня на съезде архисвоевременно, и он должен быть разрешен так, чтобы к нему больше не возвращаться.

Я должен согласиться с тов. Сталиным, что вопрос о великодержавном шовинизме составляет не менее $^3/_4$ всего нац. вопроса. Вопрос должен быть разрешен, примерно, в такой цепи: русские рабочие, как принадлежавшие к самой великодержавной нации, показывают пример украинцам, украинские рабочие показывают пример полякам, грузины показывают пример армянам, и т. д. И мы доживем, тт., до того, когда у нас не будет такого захолустного местечка, где бы не звучал полновесно голос нашей партии, когда будет положен конец всякому, в том числе и местному, шовинизму. Но это не значит, тт., что вопрос будет разрешен сразу. Вопрос трудный, и вы видите это на нашем собственном примере. В январе 23 года мы проклaмировали Союз Советских Соц. Республик, а в марте мы сами, по нашей инициативе, вносим серьезнейшее предложение относительно двухпалатной системы. Мы чувствуем, что мы решили вопрос в этой области не вполне и не окончательно. Чертеж государства сложный, мы должны будем его искать, сразу разрешить этот вопрос трудно. Здесь искания не только допустимы, но и необходимы. Никто не может выложить готовый чертеж и сказать, что в него не будет внесено больше поправок. На этом примере вы видите, тт., как гигантски труден для разрешения этот вопрос. В январе мы его решили, а в марте мы его должны исправлять и, может-быть, если будет нужно, вернемся и назад, чтобы затем опять двинуться вперед. Вопрос

колоссально-трудный. Мы должны создать такое государство и такой госаппарат, который не причинял бы боли и препятствий той или иной нации. Это не так легко, это требует времени и опыта. Я должен, однако, сказать, что никакая вторая палата не поможет, если эта наша палата—съезд нашей партии—не решит окончательно для себя вопроса. Дело не в двух палатах, а дело в том, чтобы наша партия, которая решает, которая руководит нашим государством, чтобы она каленым огнем прижгла всюду, где есть хотя бы намек на великодержавный шовинизм. Это не значит, что мы пощадим местный национальный шовинизм, но пропорция требует, чтобы мы прижгли прежде всего великорусский шовинизм,—в этом месте величайшая опасность. Если тут не прижгем во-время, то, несмотря на советский характер нашего государства, мы можем попасть в положение, которое грозит чрезвычайными опасностями. И пусть наша партийная палата примет окончательное свое решение. Дело не только в принятии съездом тезисов. Я уже говорил в своем докладе о том, что мы часто принимаем и по нац., и по крестьянскому вопросу тезисы, плохо проводя их в жизнь. Всуе тезисы писать, если их не исполнять. Тезисы тов. Сталина и ЦК превосходны, исчерпывающи, они продуманы до конца, закончены, и никто не может сказать, что в них есть ошибка, мы примем их, наверно, единогласно. Но главное, тт., в том, чтобы мы сумели применить эти тезисы на практике, применить повсюду, и пусть тт. рабочие из Ив.-Вознесенска, Москвы, Тулы, Костромы не боятся, что то, что имеет российский пролетариат, т. е. фактическое первенство борцов и руководителей, у них кто-нибудь отнимет.

То, что имеет российский пролетариат, отнять у нас никто не может: культуру нашу никто у нас не отнимет; ту громадную роль в истории революции, которую русский рабочий сыграл, никто у нас отнять не может; тот удельный вес, который русский рабочий имеет на весах истории революции, никто у нас отнять не может,—никто, кроме как мы сами. Если мы допустим нотки великорусского шовинизма, который тов. Ленин назвал черносотенством, если мы не будем беспощадно бороться против него, как борются с антисемитизмом, со штрейкбрехерством, применяя самые высокие регистры, которые имеет в своем распоряжении Вл. Ильич,—если мы не поступим так, тогда действительно мы потеряем все то, что мы имеем. Дело идет о гегемонии пролетариата. Эту гегемонию нельзя осуществить правильно, если мы не разрешим национального вопроса. Не больше и не меньше, как такой именно вопрос перед нами стоит. Не бойтесь сказать решительное слово. Перед вами поставлена не выдуманная, не скучная проблема, а вопрос, который являеися вопросом жизни и смерти для нашей партии, для всего будущего и для Коммунистического Интернационала. (Бурные аплодисменты).

Председательствующий. Тт., вместо тов. Хайхундова будет выступать Рухула Ахундов.

Ахундов. Тт., доклад тов. Сталина в большей своей части касался вопроса о Закавказье. Поэтому некоторые ораторы, выступав-

шие после докладчика, шутили и указывали, что в докладе, будто бы есть своего рода закавказский уклон, что, будто бы, в большей части доклада освещается именно закавказский вопрос. Я думаю, тт., что этот так-называемый уклон в кавычках в докладе тов. Сталина имеет некоторое оправдание, потому что наступление против национальной политики в нашей партии именно, главным образом, идет со стороны грузинских товарищей уклонистов. Мне кажется, что как в докладе, так и в прениях надо было бы ответить на вопрос, существует ли наряду с русским великодержавным шовинизмом местнический национализм на окраинах, национальный уклонизм. В докладе тов. Сталин недостаточно резко указал на проявление этого национального уклона и именно в Грузии, в Закавказье. С Закавказьем я достаточно знаком, поэтому и буду говорить о Закавказье. По первой части доклада особых возражений не было, все сходились на том, что надо бороться с русским великодержавным шовинизмом, уклонизмом и т. д. Что касается второй части, то и уклонисты, и антиуклонисты об этом мало говорили. Мне кажется надо прежде всего установить, есть ли такой уклон, а если он есть, тогда говорить, как надо бороться против этого уклона. Вопрос этот стал остро в Закавказье с конца 20 г. и еще острее с начала 22 года. Я помню первое закавказское совещание, на котором в присутствии тов. Сталина в Тифлисе обсуждались некоторые вопросы нашей национальной политики в Закавказье. Там тт. Мдивани и Цинцадзе выступали и проводили определенную уклонистскую линию. Бакинские тт. выступали против них и называли их уклонистами. Тов. Сталин указывал, что грузинского и национального уклона нет, что этих тт. уклонистами назвать нельзя. Это не есть национальный уклон, это есть отражение мнения беспартийных крестьян и беспартийной мелкой буржуазии.

Еще тогда мы предупреждали, что если сейчас, с сегодняшнего дня, не начать беспощадную борьбу против этого уклонизма, то мы далеко не уйдем, во всей нашей работе мы будем встречать тормоз на каждом шагу. И тогда удалось провести резолюцию, где указывалось на уклон, но об этом уклоне опять решения не приняли. Сегодня, через два года, выясняется, что этот уклон развивается, принимая, по моему мнению, безобразную форму. В Азербейджане, конечно, тоже были уклоны. В Грузии он попадает сейчас в плоскость разрешения вопроса о Закавказской федерации. Уклонисты представляли из себя здесь казанских сирот, которые стремятся к гегемонии русского пролетариата, которые хотят объединиться вокруг Российской Коммунистической Партии, вокруг всей Советской республики, они не против объединения, но не через Закавказскую федерацию. Я должен констатировать, что все то, что было сказано по этому поводу уклонистами, есть на самом деле, по-моему, непростительная неискренность. В Закавказской федерации со стороны уклонистов выдвигается вопрос о своевременности и несвоевременности объединения всех советских республик вообще. Надо указать, что в Азербейджане по вопросу о федерации такой отчаянной борьбы, какая была в Грузии

нет. Уклонисты стояли совершенно в иной плоскости, выдвигая вопрос об отношении к мелкой буржуазии во время военного коммунизма, об отношении к буржуазии вообще, об экспроприации буржуазии, о земельных реформах, о привлечении тюркской интеллигенции к советскому строительству. В этой плоскости борьба велась. В конце-концов, опираясь на сознательную часть нашей партийной организации и на беспартийных рабочих и крестьян, нам удалось, можно сказать, окончательно изжить этот национальный уклон. Если он кое-где и существует в Азербейджане, то актуального значения он не имеет. Теперь, на XII съезде, следует вести борьбу с грузинским уклонизмом по вопросу о федерации. Тут уклонисты хотели, несмотря на то, что их побили на грузинском съезде компартии, от имени которого они, якобы, выступают с трибуны XII съезда, дать окончательный бой. У тов. Мдивани, конечно, очень красочная речь, хороший голос, но очень плохая память. Почему мы поставили вопрос о Закавказской федерации, о Союзе республик вообще? Мы говорили, что, принимая во внимание международное положение и все события, которые разъигрываются в Европе и во всем мире вообще, надо, чтобы Советская власть, Советская республика была больше, чем когда бы то ни было, крепка и на-чеку. Надо установить военный союз,—это ясно. Яснее ясного, что будет гораздо крепче та армия, которая руководится Троцким, нежели та армия, которая, примерно, руководилась бы т. Мдивани.

Я говорил о том, что когда перешли к НЭП'у, когда ставим вопрос о хозяйственном возрождении каждой страны в отдельности и всех советских республик вообще, нам надо больше стремиться к тому объединенному плану, о котором много было сказано на XII съезде, а для того, чтобы не было разрозненности и головотяпства в нашей хозяйственной политике, надо всем советским республикам объединиться и установить единый хозяйственный план нашей работы. И вот для того, чтобы в закавказском масштабе разрешить этот вопрос, мы подняли вопрос о том, что надо в первую очередь создать Закавказскую федерацию, и, исходя из тех же соображений, мы говорим, что все советские республики надо организовать вокруг единого союза. Товарищи уклонисты возражали против этого, против Закавказской федерации, как они говорят, при этом они указывают тут, что они совсем не против Закавказской федерации, но надо указать, что они именно против. Они говорят, что дело, будто бы, идет о темпе, о некоторой форме, но надо сказать, что вопрос ставится принципиально, и когда мы взяли и, опираясь на партию, на беспартийных рабочих и крестьян, создали и укрепляем ЗСФСР, нам сейчас говорят только о том, что мы не за Закавказскую федерацию, но против Закавказской республики. Они из двух больших зол выбирают наименьшее. Но надо напомнить и тов. Филиппу, и тов. Цинцадзе, и тов. Мдивани, что когда не было вопроса о Закавказской федеративной Республике, а стоял вопрос о Закавказской федерации, эти же товарищи на своих партийных собраниях везде и всюду говорили, что для того, чтобы можно было создать что-нибудь, надо подходить к этому вопросу с

точки зрения государственности, а государственность требует, чтобы были определены государственные организмы, а таковыми являются Грузия в отдельности, Армения в отдельности и Азербейджан, а тот союзный совет, который вы, мол, создали, который может править, но не управлять, тот союзный совет, говорят, есть труп, и когда вы ставите вопрос об укреплении союза между Закавказскими республиками, это означает, что вы беретесь за неблагодарную роль организации трупа. Вот как они выражались по поводу союзного совета, по поводу Закавказской федерации, которую сейчас так рьяно защищают уже против Закавказской федеративной республики. Тут тов. Махарадзе, выступая по вопросу о железных дорогах, говорил, что „мы не против объединения Закавказских железных дорог, но мы говорим, у нас были разногласия о темпе, и мы еще кого-то пригласили". Конечно, этого нет. Так я спрашиваю тов. Махарадзе: если сегодня ему XII съезд партии поручит судьбу железных дорог, что бы он сделал? Разве оставил бы объединенную закавказскую дорогу? Нет. Уверяю вас, что он разъединил бы ее на азербейджанскую, грузинскую и армянскую.

Тут, товарищи, уклон проявился еще в другом,—в том, что когда они ставят тут, на Всероссийском съезде, вопрос только о Закавказской федерации, они, если добьются,—они не добьются этого, я это знаю,—но они, если добьются того, что им разрешат расторгнуть Закавказскую федерацию, тут вопрос уже будет трещать по всем швам, они поставят и вопрос о расторжении союза советских республик, о чем мы мельком слышали, да будет мне позволено сказать, если я не ошибаюсь, тов. Раковский указывал на это. Я знаю, что уклонисты всех стран объединяются по этому вопросу. Если им разрешить хотя бы палец откусить в нашей национальной политике, я думаю, что уклонисты, объединившись, постараются откусить нам руку по вопросу о национальной политике. И я думаю, что тут никаких колебаний не должно быть. Опыт двухлетней борьбы в Азербейджане, в Закавказье, доказал, что те товарищи, которые отражали мнение беспартийных рабочих и крестьян и шли всегда против партийной линии, они не правы, и то, что они выставляют своим единственным аргументом, когда выступают тут, заключается в том, что если бы тов. Ленин был здесь, то он этого не потерпел бы. Конечно, мы все желаем, чтобы Владимир Ильич был здесь, но я не знаю, кого бы он шарахнул: тех ли, которые правильно подошли и осторожно ведут национальную политику нашей партии, ведут именно к той смычке, о которой так ратуют товарищи уклонисты, или их он шарахнул бы,—тех, которые говорят, что товарищ Владимир Ильич ударил бы нашу партию. Никогда этого еще не было в истории нашей партии, никогда этого не будет, чтобы Владимир Ильич или кто-нибудь еще, какой-либо отдельный член нашей партии, каким бы уважением он ни пользовался, чтобы он решился ударить по целой партии, по целой организации. И вот, товарищи, тут является еще масса вопросов.

Я думаю, что те аргументы, которые товарищи приводили тут,

все они говорят за то, что съезд по всем этим вопросам одобрит единогласно ту политику, которую наша партия проводила до сих пор.

Борясь против уклонистов, мы будем идти правильно в своей национальной политике.

Председательствующий. Слово имеет тов. Бухарин.

Бухарин. Товарищи, прежде всего несколько слов по поводу того, насколько остро стал у нас национальный вопрос. Мне кажется, что, может-быть, я буду ближе к истине, если скажу, что дело обстоит не так хорошо, как даже говорил об этом тов. Зиновьев в своей только-что произнесенной речи. Мы, например, отлично знаем, если мы возьмем Украину, что там есть очень сильное националистическое движение. На правобережной Украине сейчас дело в смысле простого равновесия классов и равновесия и соотношения между нашей государственной Советской властью и всевозможными силами, которые подземно борются против нее, во главе с петлюровщиной,—это соотношение не ахти как хорошо, потому что петлюровцы работают изо всех сил.

На совершенно другом конце нашей Советской федерации, в Сибири, мы отлично знаем, что у нас не так давно было очень крупное недовольство якутов, которое и сейчас еще продолжается; мы отлично знаем, что у нас в Туркестане до сих пор идет восстание басмачей, которое еще не ликвидировано,—басмачей, которые сейчас формируют у себя ярко националистическую идеологию, выступая против нас с оружием в руках. Мы имеем сейчас острый конфликт в Грузии, который прошел перед съездом во всей своей красе. И только-что говоривший здесь азербейджанский тов. Ахундов утешал нас тем, что-де готовится бой по всей линии, ибо „уклонисты“ всех стран соединяются между собою. В качестве аргумента он привел здесь то, что подготовляется этот блок, наивно полагая, что этот аргумент относительно подготовки уклона говорит за него.

Из этого короткого перечня (я мог бы привести и целый ряд других примеров) вытекает, что у нас национальный вопрос уже стоит очень остро, а что он будет стоят на очереди и завтра, что он будет стоять в десяти, если не больше, республиках, зависит прежде всего от той простой причины, что мы все время поднимаем новые пласты националов, создаем новую интеллигенцию, которая только теперь приобщается к культуре, которая только теперь осознает себя, которая только теперь становится у власти в смысле проникновения в наш государственный аппарат.

Сильнейшим аргументом, возмущением против той позиции, которую мы здесь защищали, является следующий аргумент, который неоднократно приводился и в прениях в ЦК нашей партии, и который отчасти слышался и здесь Говорят: „все это выдумки интеллигенции. Крестьянину нет никакого дела до национального вопроса. Нужно разрешить земельный вопрос, нужно разрешить целый ряд других вопросов. И от решения этих вопросов зависит разрешение национального вопроса“. Эти аргументы мы слышали давным-давно, этим

аргументом оперировали везде, и на Украине, и в Грузии, и, может-быть, на Марсе этот аргумент применяется. Но товарищи, которые так аргументируют, совершенно не понимают, что отчасти то недовольство, которое создается в крестьянстве в силу того, что мы берем с него налоги и т. д. (и не можем не брать), это недовольство получает национальную форму и формулировку, которая используется нашим противником. Если мы делаем ошибку в национальном вопросе в Грузии, то тем самым мы помогаем меньшевикам; если мы делаем ошибку в национальном вопросе на Украине, то тем самым мы прямо помогаем петлюровцам; если мы делаем ошибку в национальном вопросе в Туркестане, мы тем самым оказываем помощь сознательным идеологам басмачества. Товарищи, неужели это неясно после всех тех уроков, которые мы получили? Это нужно прежде всего иметь в виду.

Очень труден в особенности национальный вопрос там, где у нас нет достаточно национального ядра. На Украине, например, где состав партии русско-еврейский, главная наша задача лежит в работе среди украинцев, и именно потому очень часто на Украине часть наших товарищей с такой энергией, с таким бешенством борется против украинского национализма. Им для правильной политики нужно было бы переучиваться. А если мы хотим нести ответственность за судьбы страны, мы должны понять, в чем тут дело, и должны приложить все усилия к тому, чтобы против таких тенденций выступить возможно более остро и резко.

Сущность ленинизма по национальному вопросу у нас заключалась в первую очередь в борьбе с основным шовинизмом, который у нас есть, с великорусским шовинизмом. Товарищ Сталин здесь говорил совершенно правильно, что девять десятых вопроса заключается в великорусском шовинизме, а остальная часть заключается в местном шовинизме. И тут, товарищи, нам надо отдать себе в этом ясный отчет. И если мы в вопросе о великорусском шовинизме не поведем настоящей линии, то тогда эта неправильная политика, как по цепочке, будет отражаться на целом ряде местных шовинизмов. Если русские позволили бы себе взять неправильную линию, то и другая нация,—например, Грузия,—позволит взять себе националистическую линию, третья нация позволит взять себе неправильную линию, и, таким образом, мы сами будем питать этот местный национализм и местный шовинизм.

Если мы ударим по первому звену национализма, по самому главному и по самому основному, тем самым мы ударим по этим промежуточным звеньям вплоть до самых низших „местных" шовинизмов. И в этом весь вопрос. Нельзя даже подходить здесь с точки зрения равенства наций, и тов. Ленин неоднократно это доказывал. Наоборот, мы должны сказать, что мы в качестве бывшей великодержавной нации должны итти наперерез националистическим стремлениям и поставить себя в неравное положение в смысле еще больших уступок национальным течениям. Только при такой политике,

идя наперерез, только при такой политике, когда мы себя искусственно поставим в положение, более низкое по сравнению с другими, только этой ценой мы сможем купить себе настоящее доверие прежде угнетенных наций. То же самое вопрос хозяйственный. Тут многие товарищи говорили: ведь, хозяйственная целесообразность требует того-то, того-то и того-то, и с точки зрения хозяйственной целесообразности защищают ту позицию, которую защищают в гипертрофированной форме, скажем, уклонисты. А на это я, товарищи, скажу: спиливать телеграфные столбы на баррикады—хозяйственно очень неправильная политика; отбирать крупные имения помещиков и передавать их мужикам с точки зрения хозяйственной целесообразности, с точки зрения продуктивности труда—неправильная политика. А мы все-таки это делаем. И то же самое в национальном вопросе. Совершенно ясно, что, может-быть, с точки зрения чисто-аппаратной или с точки зрения чисто-хозяйственной то или иное мероприятие, если мы совершенно выбросим все политические и все прочие соображения, может быть вполне хозяйственно-целесообразно. Но если мы примем во внимание те национальные требования, которые существуют, те политические затруднения, которые на этом пути могут стоять, то мы должны очень часто поступиться хозяйственной целесообразностью для того, чтобы подвести под себя прочный фундамент для нашей власти, объединив национальности в союз. Тут совершенно запутали вопрос, когда прибавили целый ряд мелочей. В этих мелочах, которыми здесь оперировали, когда разбирали грузинский вопрос, на трех пленумах ЦК и здесь фигурировал, между прочим, пресловутый пароход, о котором товарищи антиуклонисты говорили по примеру всем известной русской песни про „Коровай“: „пароход, пароход, вот такой ширины, вот такой вышины“; и несомненно, этот пароход до последней степени всем нам надоел. Дело не в пароходе, а в общей постановке национального вопроса и в тех великорусских уклонах, которые здесь обнаружились. Если бы мы стали здесь, на съезде, разбирать вопрос о местных шовинизмах, мы бы вели неправильную политику. Ведь, почему тов. Ленин с такой бешеной энергией стал бить тревогу в грузинском вопросе? И почему тов. Ленин не сказал ни слова в своем письме об ошибках уклонистов и, наоборот, все слова сказал, и четырехъаршинные слова сказал, против политики, которая велась против уклонистов? Почему он это сделал? Потому, что не знал, что существует местный шовинизм? Или потому, что не мог перечислить десятка уездов с сепаратистскими тенденциями? Почему же он это сделал? А потому, что тов. Ленин—гениальный стратег. Он знает, что нужно бить главного врага, а не эклектически нанизывать оттеночки на оттеночки. Например, на этом съезде нечего говорить о местном шовинизме. Это—вторая фаза нашей борьбы. И если будем говорить в целях „объективной справедливости“ о великорусском шовинизме и в то же время будем рассуждать, что существует еще грузинский шовинизм, украинский шовинизм, ахалцыхский, гомель-гомельский шовинизм и какой-угодно шовинизм, этим мы потопим

основной вопрос. И поэтому совершенно ясно, что товарищ Ленин в своих письмах и в известном документе, о котором здесь говорилось, вовсе не стоял на точке зрения этой замечательной „объективной справедливости", а взял кое-кого за волосы и давай дергать направо и налево. И совершенно правильно сделал, именно потому, что только так можно повернуть общественное мнение партии по той дороге, которую тов. Ленин считает правильной. (Аплодисменты). Здесь надо соблюдать все-таки кое-какую пропорцию... Вы заметьте, что с тов. Зиновьевым произошло, когда он говорил против местного шовинизма,—гром аплодисментов отовсюду посыпался. Какая замечательная солидарность! Но что это означает?.. Это означает, что в тех местах речей, где речь идет о местных шовинизмах, все против, даже великороссы, которые выступают против грузинского шовинизма. Но когда речь идет о русском шовинизме, там только кончик торчит (аплодисменты, смех), и это есть самое опасное. Я понимаю, когда наш дорогой друг, тов. Коба Сталин, не так остро выступает против русского шовинизма, и что он, как грузин, выступает против грузинского шовинизма. Но позвольте мне, хотя я не грузин,— правда, меня некоторые дразнят „почетным грузином",—выступить против российского шовинизма. Это есть самая важная политическая задача наша, и эту задачу нужно решить таким образом, что гвоздь вопроса лежит здесь вовсе не в составлении каталога на предмет путешествий по местным шовинизмам, а вопрос идет насчет ликвидации русского шовинизма.

Товарищи, есть еще одно соображение: какое значение имеет, скажем, какой-нибудь узбекский шовинизм в международном масштабе? Никакого. А великорусский шовинизм имеет колоссальное значение в международном смысле. Если, например, тов. Мдивани делает некоторые ошибки по отношению к армянам, то это почти не отражается на международной политике... (шум, голоса: „нет"), это не будет иметь никакого отклика; но то обстоятельство, когда русские, которые выступают сейчас носителями русской государственной идеи в советской форме, когда они ущемляют другие национальности, тогда дело другое; совершенно естественно, что это есть самое опасное, и против этого мы должны протестовать. Если мы этой центральной нашей задачи не поймем, если мы не поставим в первую очередь борьбу с русским шовинизмом на нашем съезде, если мы не мобилизуем все основные силы нашей партии против великорусского шовинизма и против него не ударим, мы своей обязанности не выполним. Если бы тов. Ленин был здесь, он бы задал такую баню русским шовинистам, что они бы помнили лет десять.

В заключение я предлагаю, чтобы съезд по грузинскому вопросу вынес специальную резолюцию, которая должна состоять из следующих частей: во-первых, съезд должен подтвердить решение последнего Пленума ЦК, и, во-вторых, съезд должен поручить новому составу ЦК самым внимательным образом следить за тем, чтобы превосходные тезисы ЦК и тов. Сталина оставались не на бумаге, а действительно

проводились в жизнь, ибо всуе законы писать, ежели их не выполнять.

Председательствующий. Слово принадлежит тов. Радеку.

Радек. Съезд уже устал немного от этой дискуссии, но, несмотря на это, дискуссия эта имеет очень важное значение. Тов. Троцкий написал статью о том, что нам нужно повторить курс по национальному вопросу. На самом деле, кроме верхушки партии, в лучшем случае нескольких тысяч человек, партия, как таковая, курса по национальному вопросу еще не проходила. Большинство партии не понимает значения этого вопроса. Если кто имеет малейшие сомнения на этот счет, тому нужно не смотреть в зал отсюда, а слышать разговоры вокруг, из которых видно, что многие товарищи смотрят на происходящее, как на какой-то спектакль по национальному вопросу. Товарищи, многие из вас думают, что здесь перед нами только „грузинская склока". Это—ошибка: на деле в одной из наиболее культурных частей внерусской части советской федерации остро стал вопрос, актуальный во всех окраинах. Я согласен тут с тов. Бухариным, что национальный вопрос тут существует в более острых формах, чем это мы знаем в центре. Мне пришлось говорить вчера с одним из азербейджанских товарищей, и я получил совершенно другую картину, чем та, о которой говорил здесь тов. Ахундов. Я получил статистику о составе нашего советского и партийного аппарата в Баку. Процент тюркских рабочих очень незначителен в составе наших руководящих органов. А тов. Орджоникидзе дал мне в ответ на это сегодня другую статистику. Я боюсь, что за этой борьбой двух статистик кроется борьба течений там, которые здесь не все представлены. Если вы возьмете историю нашей политики в Туркестане,—разве там могут быть изжиты эти трения? Тут некоторые товарищи говорили, что когда тов. Бухарин видит мертвого воробья, то кричит: „все помрем через два дня!"—и впадает в панику. Я разделяю мнение о растущем значении национального вопроса; он, однако, в тысячу раз более прав, чем те товарищи, которые себя успокаивают. Если вы возьмете такой факт, как тот, о котором мне сообщали,—что в Белоруссии школьное дело неслыханно плохо поставлено, так как учителя в значительной мере с народническим уклоном, и из-за недоверия к этим учителям школьное дело пропадает,—если это верно, то понятно, что здесь национальный вопрос по мере развития крестьянских масс будет расти. И только благодаря тому, что рано забили тревогу, партия начнет к нему относиться внимательнее, чем до этого времени.

Сталин и Зиновьев говорили о громаднейшем международном значении этого вопроса. Я хочу для иллюстрации этого сообщить только один факт, который очень мало освещался в прессе. Меньшевик Ольберг пишет статью о нашей восточной политике, о состоянии национального вопроса на восточных окраинах бывшей России в английских империалистических журналах. Ответ дал тов. Бройдо в „Новом Востоке". Не прошло и месяца еще, как эта статья появляется в расширенном виде, где собирается все, что только можно собрать и

выдумать, чтобы доказать, что советская Россия на востоке ведет колониальную политику, политику угнетения. Товарищи, вам можно здесь представить индийскую прессу, где англичане распространяют среди индусов вырезки из этой статьи. Что это значит? Мы агитацией по национальному вопросу и созданием органов по национальному вопросу ничего не сделаем, если люди будут утверждать, что наши дела противоречат нашим словам. Мы имели тут неслыханно печальную картину, когда целый ряд товарищей, в первую очередь уклонистского направления, давал повод для подобных заключений. И не подлежит сомнению, что эта дискуссия на нашем съезде в ближайшее время даст орудие в руки Жордания и международному меньшевизму. Но было бы в тысячу раз хуже, если бы мы это скрыли. Дискуссия на этом съезде и, можем надеяться, дальнейшая политика партии покажут, что если в нашей политике были большие упущения и большие погрешности, то мы хотим их исправить и не закрываем на действительность глаза. И лучше, чтобы здесь т. Мдивани орал во-всю, чем мужики в Грузии. Это надо помнить. И как бы не относиться к положениям тов. Мдивани (об этом после), не надо брать линию запугивания, чтобы не отнять у товарищей смелости указывать партии на совершонные ошибки.

Доклад тов. Сталина и резолюция таковы, что к ним ничего нельзя теоретически нового прибавить. Вопрос стоит только так, чтобы съезд принял практические решения. Тут говорил тов. Мдивани и, кажется, думал, что он сказал что-то новое, что национальный вопрос заключается не только в языке, а что люди имеют зубы и хотят кушать. Если тов. Мдивани и думает, что он сказал новую вещь, то в резолюции Сталина еще на съезде в 1921 году предложено подчеркнуть, что одной из главных сторон национального вопроса является задача позитивной помощи экономическому развитию отсталых национальностей. Революция и контр-революция подчиняются одному правилу, закону одного котла: они кормятся из общих ресурсов страны. И вот во время гражданской войны, когда брали у наших крестян скот, то это не создавало национальных трений, а когда брали у киргизов, то их создавало. Характерным является то, что мы говорим о национальном вопросе в этом пункте порядка дня, а когда говорили о районировании, где в первую очередь надо было учесть национальный вопрос, то он ни одним звуком не выдвигался. Я думаю, что съезд должен обратить внимание партии и внимание ЦК на то, чтобы, несмотря на нашу бедность, повысить процент того, что мы можем давать на нужды экономического поднятия отсталых окраин и малых наций. Но надо сказать наперед, что мы в данной стадии развития мало можем сделать в этом отношении, и поэтому национальный вопрос в области равноправия, в области языка и, главным образом, в области бюрократизма имеет громадное значение. Если бы все, кто обвинял Орджоникидзе во всех смертных грехах, если бы те, кто обвинял т. Мдивани, пришли сюда со статистическими таблицами, показываю-

щими, какой процент великороссов находится в аппарате Закавказской федерации, то это был-бы деловой подход.

Я думаю, что в секции, которая будет работать по этому вопросу, не придется повторять любезных комплиментов, к вопросу надо подойти с другой точки зрения, проверить статистику, которуя дает часть бакинских товарищей, посмотреть, будет ли больше великорусского влияния при непосредственном союзе отдельных закавказских республик, или будет его больше при Закавказской федерации. Если есть, вопросы, в которых мы можем помочь, то к этим вопросам, несомненно, надо подойти вполне конкретно, не бросаясь голыми обвинениями.

Тут тов. Зиновьев сказал одну очень важную вещь: не одна или две палаты сами по себе важны, а важна партия, как таковая, и тут я должен сказать, что, несмотря на принципиальное согласие с тем, что говорил тов. Бухарин, и конкретное согласие с тем, какую роль будет играть национальный вопрос, я не согласен с тою „карт-бланш", которую т. Бухарин дает т. Мдивани и уклонистам. Как дело обстоит? Не подлежит ни малейшему сомнению, что когда т. Серго (Орджоникидзе) бросает упрек: „вы закрыли Грузию для беженцев",—он ничего не доказывает этим; он должен был доказать, что они могли прокормить беженцев и по национальным соображениям не пустили их. Надо, ведь, направлять поток беженцев целесообразно. Но в подобных выступлениях, как тов. Мдивани, слышен маленький националистический душок. Когда выступает коммунист, работающий в Грузии, и представляет себя съезду в таком виде: Москва приказала, а я принимаю, затем Москва другое приказала, и я снова принимаю, то, тов. Мдивани, вы себя с самой плохой стороны рекомендуете съезду. Как может съезд сказать, что можно доверить руководящую работу тов. Мдивани, который говорит: мне приказывали, а я делал. Коммунист обязан подчиняться партийной дисциплине, но коммунист должен бить тревогу, чтобы своевременно указать, что здесь есть опасность. Выступать же на съезде и говорить, что мне приказывали, а я выполнял, и меня вот отставили, не годится. Тов. Сталин говорит, что отношение к национальному вопросу есть вопрос об отношении к мужику. Он ставит перед собою вопрос не только о культурной, но и об экономической помощи. Он сказал, что мужику нужно делать и культурные и экономические уступки. Мы эти уступки делаем, но мы знаем, что делаем их другому классу, что подчиняемся необходимости,—другое дело, когда мы делаем это в силу наших собственных настроений и взглядов. Я приведу пример. Мы подошли к политике НЭП'а в силу необходимости. Это была уступка мелкой буржуазии, но если бы наши хозяйственники были нэпманами, то эта политика привела бы нас к гибели. Поэтому мы говорим: смотри зорко за малейшей нэпманской тенденцией среди хозяйственников. Мы должны подходить с самой большой бережливостью к мужику и инородцу в национальном вопросе Но когда, тов. Мдивани, в ваших речах проскальзывает мысль, что тут не забота о правильном или неправильном подходе к другому

классу, которому хотим помочь, а проскальзывает мысль, что т. Мдивани задет в своих собственных чувствах, то тут надо сказать, что есть нечто опасное. Тов. Бухарин сказал, что не страшно, если т. Мдивани будет притеснять армянина, а вот страшно и надо следить за тем, чтобы великоросс не притеснял грузина. Но если армяне в Азербейджане будут притеснять мусульман, то с международной точки зрения при нашей ставке на восточные народы это будет маленькая опасность. А я слышал на съезде, что такие тенденции в Азербейджане имеются. Я не мог этого проверить, но указываю, что нельзя давать таких карт-бланш „уклонистам" и говорить, что у Сталина здесь не было игры в „справедливость", когда он говорит о двух уклонах.

Когда мы принимали прошлую резолюцию по национальному вопросу в присутствии Владимира Ильича, то в ней говорилось о двух уклонах. И понятно, так как большинство съезда великороссы, то педагогически надо в первую очередь кричать против великороссов, но следует воздержаться хотя бы от предоставления свобод существующим уклонам, ибо если этого не сделать, то на следующем съезде придется снова раскаиваться. (Аплодисменты).

Председательствующий. Согласно регламенту, мы должны сделать перерыв, но необходимо решить вопрос, будем ли мы вести дальнейшие прения по этому вопросу, или же можно считать прения прекращенными, так как вопрос будет обсуждаться еще в секции.

Кто за то, чтобы на съезде продолжать прения по национальному вопросу, прошу поднять руки. Явное и незначительное меньшинство.

Заседание секции будет объявлено особо.

Заседание после перерыва будет посвящено выборам центральных учреждений. На вечернее заседание гости допущены не будут. На первоначальное заседание будут допущены только с совещательными голосами. При самой технике выборов товарищи с совещательными голосами также будут удалены. Заключительное слово по национальному вопросу тов. Сталин будет иметь после работ секции.

Заседание объявляю закрытым.

Заседание пятнадцатое.

(24 апреля 1923 г., утреннее).

Председательствующий. Прежде чем приступить к следующему пункту порядка дня, ЦК старого состава вносит на утверждение съезда одно из своих постановлений, принятое недавно в отступление от устава партии, именно постановление о принятии в РКП нашего старого идейного противника, бывшего меньшевика т. Мартынова без предварительного кандидатского стажа.

Я предоставляю слово самому тов. Мартынову.

Мартынов. Тт.! Я поднялся на эту вышку из долины, из низин революционного движения, поднялся с большим грузом лет и с большим грузом революционного опыта, и в частности опыта революционных поражений. И я должен сказать, что, поднявшись на эту вышку, я испытываю огромное облегчение не потому, что я нашел себе тихую пристань,—я на низинах революции хорошо видел те подводные камни и те рифы, о которые может разбиться советский корабль. Я знал, что коммунистической партии предстоят еще очень тяжелые битвы, что она идет навстречу еще очень тяжелым временам; но я знал также, что другого пути к победе революции нет, и что коммунистическая партия, закаленная 25-летней борьбой, сможет преодолеть эти великие затруднения.

Мне неоднократно приходилось слышать от обывателей и мещан,—а такими мещанами теперь,—увы!—являются все члены II Интернационала,—что советская власть ни в коем случае не справится с хозяйственной разрухой, что она обанкротится. Они говорили мне: даже западно-европейский капитал, вооруженный до ногтей, со своим командным составом, обладающим многовековым опытом, не может теперь залечить ран, которые нанесла ему война. Как же сможет залечить эти раны советская власть в нищей России,—в стране, где пролетариат тонет в мелкобуржуазной стихии, и где промышленность почти совершенно разрушена? Они говорили мне: смотрите, как беспомощно мечется эта власть, как она сегодня отменяет то, что она вчера постановила, и перекраивает свои вчерашние решения. Этим мещанам и обывателям я могу ответить одно: цыпленок, вылупив-

шийся из яйца, уже на второй, на третий день — готовая курица, а человек, вышедший из утробы матери, в течение целого года или даже больше того представляет собой самое беспомощное из животных, и это вполне понятно. Человек не курица. Те огромные возможности, которые заложены в человеке, не могут выявиться, развернуться так скоро и так легко, как возможности, заложенные в курице. То же можно сказать о нашем пролетариате и о стоящей во главе его коммунистической партии. Они еще очень молоды, но уже теперь видно, что это молодой великан, и уже на пятом году существования советской власти этот молодой великан потрясает всем буржуазным миром.

В чем сила его, в чем его преимущество перед всякой другой, перед буржуазной властью? Во-первых, советская власть жизненно заинтересована,—это для нее вопрос жизни и смерти,—в том, чтобы сбросить цепи, экономические и национальные, с миллионов людей трудящихся классов, и потому твердо идет к этой цели. Если она иногда спотыкается и сбивается в исполнении этой задачи, то она делает это вопреки своим собственным интересам. Если, например, как мы сегодня здесь слышали, наша коммунистическая партия иногда сбивается на великодержавный национализм, то это отнюдь не соответствует ее интересам, и потому партии легко исправиться от таких ошибок. Буржуазные правительства, напротив, именно заинтересованы жизненно в поддержании экономического и национального гнета, и если они идут иногда навстречу интересам трудящихся масс, то они это делают по нужде или из лицемерия. Второй источник силы нашей коммунистической партии и властвующего у нас пролетариата заключается в том, что они, низвергнув все кумиры, продолжают молиться одному богу, богине разума, исторического разума. Они выполняют лишь волю законов исторического развития, между тем как буржуазные правительства тщатся перехитрить историю, обмануть ее, повернуть назад ее колесо. Наши учителя Маркс и Энгельс говорили, что социалистическая революция есть скачок из царства необходимости в царство свободы. Это значит, что капиталистическим миром управляют слепые экономические силы, между тем как в социалистическом обществе экономической жизнью управляет разумная воля. Мы еще далеки от осуществления социализма в полном размере, мы еще нищие, но в одном отношении мы его уже осуществили. Мы уже перешли из царства необходимости в царство свободы. Наша коммунистическая партия уже планомерно направляет ход экономической жизни России, особенно с того момента, как она вступила на путь новой экономической политики. Таковы две причины растущего могущества нашей советской власти, и благодаря этим причинам она за пять лет своего существования уже успела совершить чудеса. Я остановлюсь на некоторых из этих чудес.

В войнах, которые мы наблюдали в буржуазном обществе, победу одерживала всегда та армия, которая опиралась на высшую технику, а у нас советская власть нищей и разоренной страны сумела

в течение 3-х лет отбивать нападение врагов, которые экономически бесконечно более могущественны. Откуда это чудо? Оно вытекает из великой моральной силы пролетариата, осуществляющего свою диктатуру. Советская Россия—как бы заколдованная страна. Как только неприятельские армии приходили к нам, они начинали разлагаться. И те страшные орудия истребления, которые теперь изобретает буржуазия на Западе, и про которые нам рассказывал здесь тов. Бухарин в своем докладе, нас не должны пугать, ибо рука, управляющая этим оружием, неизбежно дрогнет, когда она будет направлена против нашей революционной страны.

Второе чудо: на заре нашего социалистического движения мы все свыклись с мыслью, что колонии, что весь Восток есть лучшая питательная почва для империализма, что, питаясь соками колоний, капитализм растет и крепнет. Теперь, под влиянием восстания русского пролетариата, этот Восток превратился в величайшую угрозу для капитализма. Уже первая русская революция вызвала отклик на Востоке, вызвала революцию в Турции, Персии, Китае. Тогда это было лишь стихийным последствием нашей революции. Теперь же гениальный руководитель нашей коммунистической партии поставил перед ней сознательную задачу—превратить Восток в рычаг для низвержения европейского империализма, и ей это удается делать. Третье чудо: длительный союз пролетариата и крестьян. Здесь, на съезде, об этом много говорилось. Но мне хочется здесь осветить этот вопрос с той стороны, которой товарищи здесь мало касались. Тов. Каменев в своем докладе говорил, что в октябре наш пролетариат заключил неписанный договор с крестьянством. Этим договором служил декрет о социализации земли, соответствовавший не нашей программе, а эсеровской, и эсеры, как он нам рассказывал, по этому поводу жаловались, что большевики украли у них программу. Это верно, товарищи! Но я спрашиваю вас: значит ли это, что в старом споре марксистов с эсерами, правы были они, а не мы, марксисты? Отнюдь нет! Мы говорили, что невозможно вводить социализм по кусочкам, что социализация земли в буржуазной республике приведет не к осуществлению социализма, а к расцвету капитализма, и мы теперь можем с полной уверенностью повторить это: если бы у нас, в России, была сейчас буржуазная республика, во главе с Учредительным Собранием, если бы Россией управлял Чернов, то проведение закона о социализации земли лишь открыло бы простор для развития капитализма в деревне, и уже на второй день после осуществления этого аграрного переворота у нас бы начался раскол между пролетариатом и крестьянством. Но, к счастью, у нас не буржуазная республика. К счастью, у нас в республике осуществляет свою диктатуру пролетариат. И именно поэтому у нас совершилось чудо. Социализация земли, благодаря политике коммунистической партии, может не привести и не приведет к расколу между рабочими и крестьянами, а послужит, наоборот, почвой для их все более и более тесного сближения, ибо наша национализированная промышленность сможет поддержать среднее крестьян-

ство и крестьянскую бедноту в их борьбе с нарастающим деревенским кулачеством, и, наоборот, улучшение хозяйства крестьян-середняков сможет создать прочный фундамент для развития нашей государственной промышленности.

Но нам говорят,—и такие голоса, к сожалению, раздавались и здесь, на съезде,—что процесс развития нашей крупной промышленности, что так-называемое первоначальное социалистическое накопление—процесс очень долгий и мучительный, что пройдут десятилетия, раньше чем мы собственными силами сможем превратить нашу крестьянскую страну в страну индустриальную, способную к осуществлению социализма, что должны пройти долгие и долгие годы, пока мы своими силами сможем подняться до такого экономического уровня. Нам не обойтись, говорят, без иностранного капитала. Но на иностранный капитал нам рассчитывать не приходится, потому что западно-европейская буржуазия отчасти не хочет, отчасти не может нас кредитовать. Как же быть? К счастью, в основе этих рассуждений лежит очень крупная ошибка. Мы и не должны себе ставить задачу самостоятельно пройти весь этот длинный путь до конца. Задолго до того, как мы к этой цели пришли бы своими средствами, нам на помощь, на выручку явится западно-европейская революция, ибо революционные события на Западе назревают гораздо быстрее, чем может развиваться наше хозяйство. Наша задача поэтому гораздо более скромная. Нам нужно лишь продержаться до того, как вспыхнет социалистическая революция на Западе. А когда она вспыхнет, исход для нас будет найден. Между нашим сельским хозяйством и между западно-европейской промышленностью тогда образуются естественная смычка, естественное сотрудничество на основаниях братских, а не на основании эксплоатации индустриальным Западом отсталой России. Нам нужно только продержаться, а для этого достаточно, чтобы постепенно, хотя бы медленно, но заметно возрождалась наша хозяйственная жизнь, чтобы, хотя бы медленно, но заметно улучшалось экономическое положение пролетариата и крестьянства, при условии, чтобы удельный вес нашей государственной промышленности в общей экономической жизни страны не уменьшался, а увеличивался. Этого одного, одного факта экономического укрепления, хотя бы медленного, Советской власти будет достаточно для обострения революционных противоречий на Западе, ибо Советская власть есть величайшее бродило мировой революции. Мы не должны смущаться тем, что коммунистов-рабочих теперь жестоко преследуют фашисты в Европе. Мы не должны смущаться и тем, что коммунисты-рабочие теперь на Западе составляют еще меньшинство пролетариата. Зверские преследования фашистов являются хорошей революционной школой для европейского пролетариата. Наш пролетариат никогда бы не мог совершить великой революции, если бы он в течение полувека не проходил такую революционную школу. И сравнительная малочисленность западно-европейских коммунистов нас не должна смущать. При остром политическом кризисе в Европе картина может быстро и радикально

измениться. Достаточно, чтобы буржуазные государства там дали трещину, чтобы коммунисты сразу завоевали себе большинство. Я напомнил вам, товарищи, судьбу русских эсеров. Во время февральской революции они раздулись в огромный мыльный пузырь,—тогда это была огромная надутая лягушка. При наступлении Октябрьской революции эта надутая лягушка сразу лопнула, и эсеры сошли со сцены. Такой же надувшейся лягушкой является теперь II Интернационал. И он также быстро может лопнуть при революционном обороте событий на Западе.

Мы не можем загадывать, как сложатся события в будущем. Наверно, нам придется преодолеть еще великие трудности; наверно нам придется еще выдержать жестокие битвы. И все-таки я могу сказать про себя, и всякий из вас это скажет: я счастлив, что живу в такое время сейчас! Весело жить на свете! (Аплодисменты).

Председательствующий. Ставлю на голосование вопрос о принятии т. Мартынова в члены нашей партии. Кто за? Принято единогласно.

(В дальнейшем заседание происходит при закрытых дверях для выборов центральных органов партии).

Заседание шестнадцатое.

(*25 апреля 1923 г., вечернее*).

Председательствующий. Объявляю заседание открытым. Тт., Президиум и сеньорен-конвент предлагают вести нашу работу так, чтобы сегодня съезд закончить. Если нет возражений, то разрешите тогда сделать из этого соответствующие выводы. Первый относится к тому, чтобы те резолюции, по которым в секциях достигнуто соглашение, только оглашать, без подробных докладов о работах секции. Второй: проекты резолюций, вынесенные и разработанные секцией по агитпропагандистской работе, а равно по работе в деревне, не оглашать, в виду их очень большого объема, и передать на рассмотрение и окончательное утверждение нового Центрального Комитета. (Кто за? Принято). В таком случае мы можем перейти к заслушиванию резолюций. Я буду называть по порядку. Готовы резолюции секции по организационному вопросу? Нет. Резолюция по ЦКК? Нет. Резолюции комиссии по промышленности по тезисам тов. Троцкого? По районированию?

Енукидзе. Резолюция по районированию принята в секции. Разрешите мне огласить эту резолюцию.

Заслушав доклад о районировании, XII съезд РКП:

1. Признает прежнее административно-хозяйственное деление республики не соответствующим новым политическим и экономическим потребностям страны, но, вместе с тем, находит, что введение новой системы административно-хозяйственного деления требует осторожного подхода и большого срока для своего окончательного проведения.

2. Поручает ЦК партии принять меры к внесению большей планомерности в работу по изменению административно-хозяйственного деления республики, считая разработанный Госпланом и Административной Комиссией Президиума ВЦИК план нового хозяйственно-административного деления лишь предварительной рабочей гипотезой, нуждающейся в дополнении, проверке и разработке на основании опыта.

3. Поручает ЦК партии новый план административно-хозяйственного деления республики провести для начала, кроме производящихся

в этом направлении работ на Украине, в двух районах (промышленном и сельскохозяйственном), с организацией в них областных исполкомов.

4. По отношению к остальным областям, национальным республикам и губерниям поручает ЦК партии ограничиться продолжением разработки плана районирования, не допуская его фактического проведения в жизнь до учета опыта в указанных двух областях и за отдельными исключениями, с разрешения ЦК РКП.

В остальных областях (кроме двух указанных выше) существующие областные органы, как советские, так и партийные, должны быть реорганизованы в направлении постепенной замены назначения их членов выборностью их на областных конференциях и съездах.

Объем функций и прав как имеющих быть организованными, так и существующих областных органов должен быть расширен за счет передачи им некоторых прав и функций центральных правительственных учреждений, в частности в области бюджета и налогов.

5. Считает основной задачей реформы административно-хозяйственного деления СССР в целях упрощения, удешевления и приближения к массам советского аппарата такую организацию волости и других первичных органов власти, которая на-ряду с удешевлением всего административно-хозяйственного аппарата привела бы к укреплению и к развитию ближайших к массам органов валсти.

Определяемое этим укрупнение волостей необходимо производить с величайшей осторожностью и с полным учетом интересов широких масс крестьянского населения.

Председательствующий. Есть ли возражения или поправки к оглашенной резолюции по районированию? Если нет, голосую эту резолюцию. Кто за нее? Принято. Следующий вопрос о налогах в деревне. Слово имеет т. Калинин.

Калинин. Товарищи, существенных поправок, изменяющих резолюцию, не было, было только дополнение к п. 7, где добавлены указания о сроках взимания единого сельхозналога. Затем есть изменение в п. 8, в конце которого есть добавления к вопросу о государственном экспорте. К пп. 9 и 10 имеются чисто-редакционные поправки. Если желаете, я зачитаю те пункты, в которые внесены изменения. (Читает):

7. При установлении размеров единого сел.-хоз. налога, а также натуральной и денежной части его советская власть должна руководствоваться интересами развития и поднятия сельского хозяйства, тщательно оценивая действительную платежную силу крестьянского хозяйства как в целом, так и по отдельным районам. Необходимо поэтому учитывать особые условия отдельных районов, отличающихся более земледельческим или более промысловым характером, в целях наиболее полного соответствия размеров налога и его форм—денежной или смешанной—действительному состоянию крестьянского хозяйства данного района.

В тех же целях для внесения налога должны быть назначены

не один, а несколько сроков, согласованных с моментами снятия урожая, продажей излишков и т. д.

В целях содействия поднятию сельского хозяйства необходимо, вместе с тем провести в жизнь систему поощрений, доступных в данных условиях широким массам крестьянства, улучшенных приемов хозяйствования (ранние пары, вспашка на зябь, развитие технических и трудоемких культур, рационализация животноводства и т. п.). Районы, волости и коллективы, особо проявившие себя в этом отношении, по представлениям земорганов, подлежат премированию губисполкомами в форме частичной скидки причитающегося с них сельскохозяйственного налога в пределах одного процента с общей его суммы.

8. Одним из решительных способов борьбы с непомерно низкими ценами на хлеб, разоряющими крестьянское хозяйство и одновременно затрудняющими промышленность, должно явиться облегчение выхода за границу тех излишков крестьянского хлеба, которые не могут быть потреблены внутри страны.

В целях удовлетворения этой насущной потребности крестьянского хозяйства советское правительство должно добиться возможности беспрепятственной реализации крестьянского хлеба за границей; завоевание для сельского хозяйства заграничных рынков, утерянных в эпоху империалистической войны, должно явиться ближайшей задачей советской власти, ибо при отсутствии сел.-хоз. вывоза из России неизбежны крайне низкие цены на хлеб на внутреннем рынке, а это, в свою очередь, приведет к сокращению запашек, застою в крестьянском хозяйстве, а следовательно, и к общему хозяйственному застою государственного экспорта.

В целях устранения частного посредничества экспорт хлеба должен быть сосредоточен в руках государства и его органов.

Затем в п. 9 после слова: „аппарата“ внесены слова: „и его удешевления“. Разрешите п. 9 полностью не читать. В п. 10 есть одна ошибка: вместо „если“, надо читать „сил“. Разрешите на этом закончить.

Председательствующий. Есть ли предложения к заслушанной резолюции?

Евдокимов. Я предлагаю в п. 7 внести следующие изменения: „необходимо поэтому учитывать особые условия отдельных районов“. Дальше следует: „отличающихся более земледельческим или более промысловым характером“. Дело в том, что при проведении ставок налога нужно учитывать эти особенности, а также и другое, не менее важное,—например, формы землепользования, уровень состояния сельского хозяйства. Я имею в виду здесь такие районы, как Сибирь. Там система хищническая, система двойных ставок, система нецелесообразная. Я не предлагаю обсуждать этого сейчас по существу, но, повторяю, необходимо или выбросить эти слова, или определить тогда более детально признаки, которыми нужно руководствоваться при установлении отдельных ставок для отдельных районов.

Председательствующий. Пункт 7 говорит не о ставках, которые

рассмотрены в п. 6, где указано количество едоков и т. д., а в п. 7 устанавливается только, чем руководствоваться при определении доли натуральной и доли денежной. И здесь указано соотношение промыслового и земледельческого районов, ибо в промысловых районах можно увеличить доли, а в земледельческих нельзя.

Евдокимов. Я очень извиняюсь, но вы неправильно толкуете п. 7.

Председательствующий. Я голосую. Кто поддерживает поправку т. Евдокимова? Таких нет. Голосую резолюцию в целом. Кто за эту резолюцию? Кто против? Нет. Резолюция принята.

Переходим к резолюции о промышленности. Слово имеет тов. Троцкий. (Аплодисменты).

Троцкий. Товарищи, поправок довольно значительное количество, и это лишило меня возможности присутствовать на столь интересовавших меня прениях по национальному вопросу, потому что обработка этих поправок отняла много времени, но эти поправки, по мнению комиссии, целиком укладываются в рамки тех принципов, которые мы утвердили, приняв резолюцию за основу. В комиссии есть один спорный вопрос, который придется решать здесь. К этому вопросу мы перейдем. Первая поправка принята комиссией к разд. 3-му „Задачи и методы плановой работы". Она касается взаимоотношений между планом областных хозяйственных органов и национальных республик. При формулировке этих тезисов первоначально и при утверждении Центральным Комитетом мы сознательно обошли этот вопрос, так как параллельно работала комиссия по национальному вопросу и по районированию. Сейчас возможно достигнуть полного соглашения, хотя я должен предупредить, что по вопросу о промышленности и районированию в национальных республиках мы решили окончательно согласовать соответствующую формулировку в национальной секции. Я прочту принятую поправку. В конце 3-го раздела добавляется:

„Выработка общехозяйственного плана, особенно в условиях экономической и культурной отсталости СССР, может итти успешно лишь постольку, поскольку отдельным хозяйственным областям предоставляется необходимая самостоятельность в разрешении хозяйственных задач, вытекающих из их естественных и производственных условий. Общесоюзная плановая работа должна состоять прежде всего в правильном учете и направлении работы отдельных областей и в органическом объединении областных планов и хозяйственных задач общесоюзного порядка в единый план СССР.

При разрешении основных хозяйственных вопросов должны полностью учитываться интересы и права национальных республик. Разрешение общеплановых задач, падающих на национальные республики, должно проводиться через соответственные их органы в постоянном и тесном согласовании работы с ними.

Только таким образом будет постепенно достигнуто наиболее целесообразное распределение промышленности в соответствии с естественными условиями, источниками сырья, энергии и пр.".

Такова первая поправка. Вторая поправка принята к 4-му разделу

на стр. 35 брошюрки с официальным съездовским материалом. После 7-го абзаца раздела, кончающегося словами: „извлечением прибыли“, вставить:

„Распределение заказов должно в дальнейшем строго сообразоваться с интересами правильной концентрации производства“.

Распределение государственных заказов должно быть не безлично, уравнительно или случайно, а в соответствии с планом концентрации производства. Пятый раздел—„промышленность и торговля“. Я не называю авторов поправки, но протоколы велись, и авторство за всеми закреплено. „Без правильной организации сбыта успехи производства будут и впредь приводить“. После этих слов вставка: „к чрезмерному увеличению торговых накладных расходов“. Потом идет так, как было дальше. В том же разделе: „Что касается синдицирования“... О синдицировании говорят очень осторожно, чтобы не заскакивать вперед, чтобы синдицирование не порождало промышленного капитала, чтобы оно не выражалось в торговой главкократии и пр. Но мы ни одним словом не выразили нашего положительного отношения к синдицированию в нормальных и здоровых условиях, поэтому маленькая вставочка после слов: „что касается синдицирования“, вставлено: „призванного играть все возрастающую роль“, и дальше: „то оно должно в ближайший период проводиться с должной осмотрительностью“ и т. д. В пятом же разделе вставлен в конце первого абзаца, после слов: „коммерчески оправданы“, значительный абзац о кооперации, с одной стороны, по инициативе тов. Хинчука, и о всемерном сокращении торговых аппаратов, их штатов, лишних представительств и т. д., по инициативе тт. Микояна и Чубаря. Я его прочитаю:

„Съезд подтверждает все принятые ранее решения о кооперации, как торговом аппарате, долженствующем во все возрастающих размерах соединять государственную промышленность с сельским хозяйством. Дальнейшее улучшение этого аппарата, радикальное сокращение накладных расходов, создание со стороны всех государственных органов наиболее благоприятных условий для дальнейшего развития кооперативного аппарата с целью превращения его в основного посредника между государственной промышленностью и с.-х. производством являются одной из основных задач государственного регулирования народного хозяйства.

В виду крайнего несоответствия торгового аппарата размерам операций, надлежит направить все усилия к максимальному удешевлению торговых расходов путем сокращения торговых аппаратов, упорядочения процесса сбыта, ликвидации лишних представительств, в частности путем передачи ряда торговых функций наиболее жизненным местным государственным и кооперативным органам.

Торговые органы как государственные, так и кооперация, внимательно изучая рынок, должны побуждать предприятия легкой промышленности более систематически и внимательно приспособлять свое производство к потребностям рабочего и крестьянского потребителя“.

Последняя поправка принадлежит т. Позерну. К 7-му разделу:

„Калькуляция, баланс и контроль“ здесь мы приняли поправку т. Ломова после слов: „Выработка методов единообразного счетоводства“ начинается поправка:

„Установление твердой, обязательной для всех трестов и предприятий счетной единицы, единство руководства и инструктирования в деле организации счетоводства, наблюдения за его фактическим проведением, всемерным уточнением и усовершенствованием на-ряду с упрощением и сокращением нынешней бюрократической отчетности, всякого рода анкет, специальных обследований, перемены формуляров и пр.“, и дальше продолжается: „при чем целью этой работы должно быть и т. д.“. Вторая половина этой поправки была внесена тов. Урываевым. Вот, стало-быть, поправки. Комиссии они представляются бесспорными. К разделу 9-му есть поправка спорная, ее пока прохожу, оставляю под конец, придется, вероятно, немножечко подраться, а иду к бесспорным дальше, к разделу 10. Тут выкинуть слово „республика“ в конце раздела, потому что был вопрос: „республики или отдельных республик“. Поэтому мы это слово устранили,—стало-быть, тех руководящих органов, коим сие ведать надлежит. Затем раздел 11-й, страница 41 материалов к XII съезду РКП. Поправка принята по инициативе тов. Шварца и ЦК горнорабочих, на основании текста их брошюры. После пятого абзаца: „Нужно помочь рабочей массе понять“ и т. д. после слов: „и охранить его здоровье“ вставка такая:

„Хорошо справляющийся со своими обязанностями директор должен быть огражден от всяких неожиданностей и случайностей, от всяких, без крайней нужды, перебросок и перемещений.

На защиту и поддержку директора, зарекомендовавшего себя положительными результатами работ, центральные и местные органы партии должны бросать всю силу своего авторитета.

С другой стороны, необходимо со всей решительностью провести, как правило, обязательное на всей территории СССР, что директор, не выполнивший своих обязательств, не может быть приглашен вновь на такую же или высшую работу до тех пор, пока он работой на низших должностях не докажет, что им приобретен достаточный опыт для того, чтобы ему вновь можно было доверить серьезное дело“.

Затем через абзац, на той же 41 странице, после слов „наиболее существенные пробелы“ вставка по инициативе тов. Чубаря о счетоводах:

„Съезд считает в частности необходимым всемерно усилить подготовку счетных работников, направив на это дело значительное количество членов партии в целях обеспечения более успешного разрешения задач организации правильной отчетности“.

К тому же разделу 11-му поправка. Я прочитаю тот абзац, который имелся:

„Партия и профсоюзы должны обратить серьезнейшее внимание на увеличение кадра хозяйственников-рабочих, в особенности коммунистов, в органах управления промышленностью на всех ступенях хозяйственной иерархии“.

К этому прибавляется по предложению комиссии:

„поставив себе в первую голову задачу обеспечить заводы и фабрики соответственным кадром красных директоров".

Дальше, где говорится о студентах, мы заменяем это слово: „учащийся",—более широким словом.

Затем вставлен раздел 12-й, и благодаря этому общее количество разделов не 13, а 14, что некоторые считают более благоприятным предзнаменованием. Я прочитаю этот 12-й раздел „О привлечении специалистов в производство":

„Постановка промышленности на должную высоту требует усиления технических сил в производстве. Пополнение недостающих технических сил новыми кадрами техников и инженеров будет совершаться с неизбежной медленностью. Необходимы поэтому наилучшее использование и перераспределение имеющихся в стране технических сил. За период НЭП'а значительное число крупных специалистов, работавших раньше непосредственно в производстве, на фабриках и заводах, перешло на более спокойную или лучше обставленную работу в учреждениях, управлениях, канцеляриях или на торговую и комиссионерскую деятельность. Лозунгом дня должно быть: „назад к производству, на фабрику и завод!". Для достижения этого необходимо создать нормальные условия работы на предприятиях, могущие морально и материально удовлетворить привлекаемых в предприятия специалистов, проводя в частности принцип всемерного поощрения за достигаемые непосредственно в процессе производства технические или хозяйственные успехи (всякого вида экономия, новые изобретения, усовершенствования и т. д.). Администраторы и техники, зарекомендовавшие себя полезной и инициативной работой в течение продолжительного времени, должны отмечаться партией, советскими организациями и профсоюзами, как особенно ценные работники, с распространением на них того же общественного уважения, каким пользуются специалисты, успешно работающие в Красной армии".

Вот, стало-быть, поправка к 12-му параграфу.

Теперь у нас остается только спорная поправка. Спорная поправка была внесена к 9 параграфу по финансированию тов. Богдановым и поддержана большим количеством товарищей—14-ю товарищами. Я должен признаться, что я остался в меньшинстве. Нас было 8. Вот эта поправка. Тут, где говорится, что в дальнейшем, если средств нехватит, то нужно средства сокращать не путем оттяжки, например, выплаты денег на месяц, когда рубль превращается в четвертак или в полтинник (это в одной статье называли „текущим усмотрением"), так не в порядке „текущего усмотрения" сокращать смету, а в плановом же порядке пересматривать, урезывать, что нужно, и прочее. К этому месту „что нужно урезывать" внесена следующая поправка:

После 4-го абзаца вставить:

„Съезд, однако, обращает внимание Центрального Комитета на необходимость предусмотреть при этом в полной мере интересы тяжелой индустрии (минеральное топливо и металлургия), дабы достигнутые

в этих отраслях первые успехи, связанные с улучшенным их финансированием за последние месяцы, были во что бы то ни стало сохранены".

Первоначально эта поправка имела более развернутый и более точный характер. Она имела характер запрещения ЦК снижать те суммы, которые будут вноситься в тяжелую промышленность по сравнению с суммами ассигнования в настоящее время. Когда в таком виде она встретила бурную оппозицию меньшинства, то она была несколько замаскирована и формулирована так, что запретить ЦК снижать успехи металлургии. Тогда мы предложили придать такую формулировку вопроса, что за снижение успехов нет, конечно, никого, мы все против снижения, но не связывать заявление ЦК с вопросом финансирования, потому что если у нас будет неурожай,—а это не исключено,—то придется, может-быть, снижать и металлургию. Что металлургия есть первостепенное дело, что это основа всего,—сказано три раза. Но здесь по специфическому поводу, по финансированию, сделана попытка закрепить в бюджете определенную цифру. Мы произвели поименную перекличку по этому поводу. В комиссии нас было против—8 человек, за—14, и все—тяжелая промышленность, молодец к молодцу. Тут Ломов, Урываев, Позерн (я не знаю, относится ли товарищ Позерн к тяжелой промышленности,—во всяком случае, он тут был), тут был Красин—по старым связям, Богданов, Сулимов, Вейцер, Микоян, Рухимович, Лепсе, Шварц, Скрыпник, Уханов.

Против поправки голосовали: Рыков, Андреев, Пятаков, Ногин, Хинчук, Климохин, Лашевич и Троцкий. Против публики и там, и здесь ничего худого сказать нельзя (смех), но, тем не менее, я вам решительно рекомендую поправку, принятую большинством комиссии, отвергнуть, так как она свяжет по рукам и ногам. Мы можем оказаться в таком тяжелом положении, когда мы должны будем снижать финансирование. Но так как авторы или представители большинства выступят здесь, то самое лучшее я приведу свои доводы после их выступления. (Аплодисменты). Есть еще маленькая поправка к тому же разделу тов. Ногина, где говорится о социалистическом протекционизме: после шестого абзаца раздела добавить: „Равным образом необходимо согласование ж.-д. тарифов с потребностями расширения рынка (в частности вывоза на Восток)".

Председательствующий. Итак, оглашенные поправки нужно разделить на 2 части: поправки, по которым достигнуто соглашение в комиссии, и затем отдельно поправку к § 9, и отдельно их голосовать. Ставлю на голосование все поправки, кроме поправки к 9-му параграфу. Приняты. В защиту поправки к § 9 просит слово тов. Богданов.

Богданов. Товарищи, поправка эта идет после абзаца, где сказано следующее: „В случае обнаружения в дальнейшем несоответствия реальных поступлений со сметными назначениями надлежит производить сокращение путем перестройки бюджета с вытекающими отсюда определенными последствиями в смысле планового сокращения транс-

порта, промышленных предприятий, армии и пр.“. Я по докладу тов. Троцкого указывал, в каком тяжелом положении находятся сейчас минеральное топливо и металлургия. В той области мы только за последние месяцы, когда наладилось финансирование, можем констатировать первые успехи. В частности по минеральному топливу малейшее сокращение хотя бы на 10% ассигновок может повести уже к срыву работ, которые сейчас развернутым фронтом идут по бурению в Баку и восстановлению котельного хозяйства и оборудования в Донбассе. Поэтому, ничем не насилуя самого бюджета, поправка гласит следующее: „Съезд, однако, обращает внимание ЦК на необходимость предусмотреть при этом в полной мере интересы тяжелой индустрии (минерального топлива и металлургии), дабы достигнутые в этих отраслях первые успехи, связанные с улучшенным их финансированием за последние месяцы, были во что бы то ни стало сохранены“. Здесь, следовательно, не связываются финансовое ведомство и ЦК безусловным оставлением той цифры бюджета, которая сейчас зафиксирована, и мы не предлагаем съезду вмешаться в бюджетную работу Совнаркома. Мы указываем, что в случае необходимости сокращения интересы тяжелой индустрии должны быть в первую очередь приняты во внимание, и закреплены те успехи, которые сейчас достигнуты.

Мне кажется, что таким образом мы подводим известный базис под то оживление, которое сейчас наметилось в топливе и в металлургии, и на основе которого только и возможно дальнейшее восстановление промышленности. В комиссии указывалось одним из оппонентов, что сейчас мы, во имя поддержания тяжелой индустрии, даем заказы, которые для республики не слишком нужны,—например, заказы на вагоны, данные Брянскому заводу, тогда как с этими заказами можно было бы повременить. Но мы здесь говорим только о топливе и о металлургии, а количество чугуна, которое сейчас дают металлургические заводы, настолько в обрез удовлетворяет наши потребности, что тут никакое сокращение невозможно. Поэтому эта поправка не устанавливает никакой фиксированной цифры и не вмешивается в бюджетную политику Совнаркома, но при возможных сокращениях обращает внимание на необходимость сохранить тот твердый базис, на который за последние месяцы в связи с улучшением финансов поставлена тяжелая индустрия, и, конечно, не случайно, что за нее голосовали представители всех наших крупных промышленных районов тяжелой индустрии.

Председательствующий. Можно ли голосовать без дальнейших прений? Слово тов. Троцкому.

Троцкий. Если принять толкование тов. Богданова, если принять последнее, смягченное, парламентски-подготовленное тов. Богдановым толкование, то это не связывается никак с вопросом о финансировании. Тогда почему это попало в главу о финансировании? Ведь, у нас есть в главе 4-й о трестах такой абзац:

„Равным образом совершенно неправильной и гибельной была бы политика временного удешевления цен за счет нанесения прямого

или косвенного ущерба тяжелой промышленности. Без восстановления последней легкая промышленность, как и все хозяйственное строительство, была бы лишена фундамента. Уголь, нефть, металл,—вот те отрасли промышленности, успехи которых действительно обеспечат и хозяйственное процветание республики, и ее внешнюю безопасность".

Стало-быть, общая оценка тяжелой промышленности и того места, какое она должна занять здесь, дана с исчерпывающей полнотой и категоричностью. И надо, в конце-концов, думать, что и ЦК, и советские учреждения дают себе в этом ясный отчет. Но поправка проведена именно в главу о финансировании, и она, возлагая специально на ЦК обязанность не допускать снижения успехов против нынешней цифры, совершенно очевидно, ставит это в связь с вопросом об изменении бюджетных ассигнований. Никакого другого толкования этому придать нельзя, кроме как закрепления вотумом съезда определенной сметы для тяжелой промышленности. Для того, чтобы этот шаг сделать, нужно знать, во-первых, в каком положении мы будем через полгода и через год, а во-вторых, надо пересмотреть по существу бюджет, который мы перетянули на тяжелую промышленность. Может-быть, ее нужно сократить, а может-быть, нужно развивать медленнее, чем мы предполагали месяц или два назад. Это могут подтвердить те данные, которые даются в зависимости друг от друга, и вырывать это оттуда только потому, что в комиссии оказалось 10 металлистов при одном симпатизирующем, только потому зафиксировать эту цифру и дать ее, как мандат ЦК,—это в корне неправильно, это нарушает наше финансовое хозяйство.

Председательствующий. Кто поддерживает предложение т. Богданова и большинства комиссии? Кто против? Поправка отвергнута.

Микоян. Товарищи, мы в комиссии спорили и по другому вопросу. Я оказался в меньшинстве, и после некоторых встречных предложений тов. Троцкого оказался вовсе одним, но я считаю нужным поставить на съезд этот вопрос. По докладу ЦК и по организационному вопросу принят ряд решений, утверждающих необходимость усиления руководства партией работой хозяйственных органов, а также распределения хозяйственных работников. По этому вопросу в § 13 тезисов и в их окончательном виде сказано очень мало. Получаются противоречия: в одних резолюциях подчеркивается необходимость усиленного участия партии в руководстве распределением хозяйственных работников, а в другой резолюции по промышленности не сказано ничего или очень туманно. Тов. Троцкий в своем докладе подробно остановился на работах комиссии Куйбышева и присоединился к ее выводам, согласно коим одним из зол нашего хозяйства было недостаточное руководство партии делом подбора хозяйственных работников. Здесь эта мысль отсутствует. Здесь только говорится в одном месте о партии и хозяйственных работниках:

„Поэтому XII съезд находит, что не только правильное распределение работников, но и руководство в основном самой работой хозорганов, особенно в обстановке новой экономической политики, ко-

торая создает опасность внутреннего перерождения части кадрового состава хозяйственников и извращение пролетарской линии в экономическом строительстве, являются обязанностью партии".

Дальше есть § такой: „Одной из важных задач партии является всемерно поддерживать такой порядок, при котором компетентные хозорганы имели бы не только формальное право, но и фактическую возможность постепенного воспитания хозяйственных работников и их правильного продвижения вперед, по мере накопления ими опыта и развития своих качеств".

Ни одного слова о том, что партия руководит этой работой. Дать хозяйственным органам не только формальное право, но и фактическую возможность самостоятельно передвигать хозработников по-своему, без руководства партии, мы не можем. Если мы этого не исправим, у нас получатся путаница и противоречия в решениях съезда. На местах могут быть трения на этой почве: хозяйственники будут исходить из этой резолюции, а партийцы—из резолюции по докладу ЦК. Для того, чтобы не было трений, и была полная ясность в работах съезда, я полагаю, что мое добавление о том, что хозяйственники распределяются под руководством партии, надо принять.

Председательствующий. Мне думается, что в нашей резолюции достаточно ясно и твердо сказано о руководстве партии, и дальнейшее напоминание о руководстве не усиливает, а ослабляет. Так что я предлагаю поправку тов. Микояна отвергнуть. Голосую. Кто поддерживает поправку тов. Микояна? Кто против? Большинство против. Есть ли еще поправки? Нет таковых. Я голосую резолюцию в целом с теми поправками, которые приняты съездом. Резолюция принимается.

Теперь, товарищи, я должен довести до вашего сведения, что секция по налоговой политике в деревне, кроме тех тезисов и поправок, которые она приняла, обсудила ряд вопросов, связанных со сбором продналога, и приняла ряд пожеланий. Мы прямо передадим все это в новый ЦК. Возражений нет? Принято.

Оглашение результатов выборов решено приурочить к самому концу. Практические соображения этого всем понятны. Сейчас мы предлагаем перерыв до момента окончания работ оставшихся трех комиссий.

Молотов. Организационная секция сегодня заслушала два доклада. Первый доклад касался вопросов партийных, организационных, и в частности ЦКК. Второй доклад касался вопросов, связанных с реорганизацией Рабкрина. Я буду докладывать только по первой части и только те поправки, которые были приняты в тексте, имеющемся у вас на руках. Вторую часть доклада будет делать тов. Дзержинский. Первая поправка, принятая в предложении ЦК, по улучшению центральных партийных и советских учреждений касается первой фразы: „на съезде выбирается 40 членов ЦК и 15—20 кандидатов," согласно решению вчерашнего пленума съезда. Вторая поправка касается Оргбюро: „На заседаниях Оргбюро присутствуют три представителя ЦКК.

Приезжающие с докладом секретари губкомов имеют право совещательного голоса. На заседаниях Оргбюро члены областных бюро (здесь вставлены слова: „и бюро краевых комитетов“) также имеют право присутствовать, с правом совещательного голоса“. Затем весь 4-й отдел перередактирован. Я прочитаю его в окончательной редакции:

„Разделение труда между партийными органами и государственными органами (в духе постановления XI съезда РКП), разумеется, необходимо, но без малейшего ущерба для руководящей роли партии. Для того же, чтобы партия не на словах, а на деле могла осуществлять направляющее руководство государственными и хозяйственными органами, нужно, чтобы в таких центральных пунктах, каким должна стать реорганизованная РКИ, создана была наиболее тесная организационная связь между руководящими органами государственного и партийного контроля.

Съезд выбирает 50 членов ЦКК, преимущественно из рабочих и крестьян с серьезнейшим партийным стажем и пригодных для партийно-контрольной и советско-контрольной работ. Основной задачей ЦКК является работа по обеспечению во всех отношениях партийной линии в деятельности всех советских органов. В соответствии с этим функции ЦКК расширяются, с сохранением, однако, заданий, предусмотренных уставом партии. Президиум ЦКК избирается Пленумом ЦКК в количестве 9 товарищей высокого во всех отношениях стажа, т.-е. работников, примерно, цекистского типа. Наркомрабкрин назначается ЦК партии по возможности из состава Президиума ЦКК. Параллельно в состав коллегии наркомата должно войти несколько членов Президиума ЦКК. Не менее половины остальных членов ЦКК делегируются для работы в РКИ и в области выполнения возложенных на них советских заданий работают под руководством коллегии РКИ, согласно директивам инструкции и положению о совместной работе, вырабатываемым Президиумом ЦКК вместе с коллегией наркомата и утверждаемым ЦК партии.

Пленарные собрания ЦКК по правилу происходят каждые 2 месяца непосредственно перед Пленумом ЦК.

ЦК партии делегирует на пленарные заседания ЦКК своих представителей с совещательным голосом.

Предложения относительно необходимых изменений и мероприятий по усовершенствованию госаппарата, хозяйственно-административной работы и пр., а также касающиеся замены руководящих работников на местах и в центре, ЦКК через свой Президиум вносит в ЦК партии—Пленум, Полит- и Оргбюро, соответственно характеру вопроса.

Все основные вопросы, касающиеся работы РКИ и улучшения государственного аппарата, а также главнейшие практические мероприятия и распределение членов ЦКК для работы в РКИ подлежат обсуждению на постоянных совместных совещаниях Президиума ЦКК и коллегии РКИ, созываемых периодически не реже 2-х раз в месяц“.

Это все, что касается ЦКК. § 5-й остается без перемен. Относительно Всероссийской конференции окончательная редакция такая:

„Уставное положение конференции остается прежним, т.-е. ее решения подлежат утверждению ЦК. На Всероссийской конференции все члены ЦКК и кандидаты к ним участвуют с совещательным голосом“.

Дальше поправка касается организационного регулирования состава партии. Я не буду перечислять редакционных поправок, остановлюсь только на существенных поправках. Первая поправка следующая. После подпункта „а“ вставляется новый пункт, гласящий: „для приема в РКП членов РКСМ рабочих, имеющих 2-годичный производственный стаж, необходимы рекомендация одного члена партии с трехлетним стажем и положительное заключение местного комитета РКСМ“.

Дальше в конце пункта „г“ вставляется дополнение. Здесь говорится о посылке на фабрики и заводы товарищей для того, чтобы они могли рекомендовать рабочих, новых членов партии. Добавление такое: „Эта мера ни в коем случае не должна ослаблять работы самих партячеек по привлечению в партию новых членов из среды рабочих“. Следующая вставка в конце раздела 2-го гласит: „Учитывая пестроту социального состава некоторых парторганизаций, а также необходимость их укрепления, съезд считает целесообразным в нужных случаях производить проверку и чистку членов партии отдельных организаций. Такая проверка производится лишь по решению ЦК“.

Затем после 2-го раздела вставляется новый раздел 3. Он касается вопросов партийно-организационной работы и подбора работников. Я читаю его полностью:

„После чистки партии важнейшим методом организационного укрепления партии была теперь уже широко развернувшаяся система мер улучшения и подбора руководящего кадра работников партии, начиная от секретаря губкома и обкома и кончая секретарем ячейки.

Это выразилось в следующем: в установлении определенного партстажа для секретарей парторганизаций (начиная от ячейки), что дает возможность сосредоточить на партработе политически более воспитанных и выдержанных партийных товарищей; в проведении замены прежних секретарей ячеек, выполнявших преимущественно технические функции, парторганизаторами, способными руководить партработой ячейки и втягивать в эту работу всех членов ячейки, и,— что особенно важно,—это стало проводиться под активным руководством парткомов, в подборе этих организаторов ячеек (в первую очередь ячеек в промышленных предприятиях); в установлении инструкторского аппарата от ЦК до укома и райкома, являющегося, с одной стороны, способом связи и поднятия партработы, а с другой—способом практической подготовки новых кадров партийных работников, в выделении под особое наблюдение и оказание усиленной поддержки партийными силами, средствами, литературой партработе в рабочих центрах (как в промышленных районах, так и на отдельных, более крупных фабрично заводских предприятиях) и ряд других мер.

Съезд одобряет эти меры и признает необходимым дальнейшее проведение и закрепление развернувшейся в этом направлении работы парторганизаций.

Вместе с тем, съезд признает, что очередной задачей партии является усиление партийного руководства в деле подбора руководителей советских, в частности хозяйственных, и других органов, что должно осуществиться при помощи правильной и всесторонне поставленной системы учета и подбора руководителей и ответственных работников советских, хозяйственных, кооперативных и профессиональных организаций.

В этих целях съезд поручает ЦК принять все меры к расширению и укреплению учетно-распределительных органов партии в центре и на местах с целью охвата всей массы коммунистических и сочувствующих коммунизму работников во всех без исключения областях управления и хозяйствования".

Вот тот новый отдел, который входит в организационные предложения. Теперь в 4-е предложение ЦК вносятся следующие дополнения. Перед последним абзацем нашего текста делается следующая вставка: „Организовать в срочном порядке при ЦК школу секретарей уездных парткомов в 200—300 человек". Как помните, это было предложение тов. Сталина во время организационного отчета ЦК. Дальше: „Поручить ЦК принять все меры к неотложному получению делового и партийного состава работников периодических изданий в первую голову в промышленных районах в провинции".

Затем я остановлюсь на одном предложении, которое у нас вызвало в комиссии, избранной организационной секцией, разногласия и не получило утверждения: это вопрос о количестве губернских конференций, созываемых во время года. Было высказано предложение о том, что нужно изменить существующий порядок и сократить количество губернских конференций в течение одного года с двух до одной. Но, в виду того, что это предложение не собрало большинства, и члены комиссии заявили, что они этот вопрос переносят на пленум съезда, я думаю, что они после моего сообщения выступят здесь с защитой противоположного предложения. Наконец, я прочитаю еще предложение, касающееся работы конференций, принятое в нашей комиссии и вносимое на утверждение съезда:

„В целях способствования планомерному и скорейшему осуществлению задач, возложенных на Истпарт, съезд постановляет:

1) Подтвердить существующее постановление ЦК РКП о том, что органы Истпарта являются отделами соответствующих партийных комитетов.

2) Центральному Комитету обеспечить необходимое количество работников как в центре, так и на местах, занятых исключительно истпартовской работой.

3) Изыскать в твердом сметном порядке необходимые денежные средства как на содержание Истпарта и его органов, так и для обеспечения его издательской деятельности".

Это—основные предложения, которые приняты комиссией. Кроме того, наша комиссия рассмотрела и утвердила предложения, касающиеся вопроса о работе РКСМ и о работе среди женщин. Эти предложения будут оглашены тов. Смородиновым по РКСМ и тов. Смидович по работе среди женщин. Наши предложения в основном я перечислил.

Председательствующий. Есть ли, товарищи, какие-либо предложения, кроме тех, которые сделаны тов. Молотовым?

(Голоса с мест: „О губернских конференциях".)

Председательствующий. Я оглашу те, которые не оспариваются, а затем относительно губернских конференций дам одному слово за, другому против. Кто принимает все поправки, оглашенные тов. Молотовым, кроме пункта о губернских конференциях? Явное большинство.

По поводу губернских конференций кому угодно высказаться за и кому против? Слово имеет тов. Хатаевич.

Хатаевич. Товарищи, как я выяснил с делегатами съезда, на ряде губернских конференций поднимался вопрос о том, чтобы губернские конференции созывались один раз в год До сих пор одна губернская конференция созывалась в октябре, а другая перед партийным съездом, т. е. в марте От весенней до осенней конференции было семь месяцев, а от осенней до весенней было четыре, и бывало так, что не успеет губернский комитет быть избранным, как приходится готовиться к новой конференции. Раньше это было целесообразно, потому что тогда был иной период революции, иной темп работы и т. д. Теперь положение стало иным. Сейчас, если даже созывать конференции ровно через шесть месяцев, то, все равно, никакого плана нельзя осуществить, а также и тех заданий и директив, которые дает губернская конференция. Вследствие этого, я полагаю, что нужно принять соответствующее постановление. По этому вопросу в комиссии голоса разбились. За это предложение было семь, а против было восемь. Я полагаю, что те товарищи, которые были против, это были своего рода партийные консерваторы. Против были тов Угланов и тов. Лебедь, а, между тем, на нижегородской губернской конференции высказались за это. Поэтому я полагаю, что нужно особенно принять такое решение, и, вместе с тем, надо решить вопрос об уездных партийных конференциях. Товарищи, попутно с этим я вношу предложение вот какое: если мы решим собирать губернские конференции один раз в году, ясно, что они должны созываться осенью, потому что осенью начинается хозяйственный год, а так как осенью должны собираться губернские партийные конференции, то из этого должно вытечь предложение, чтобы партийные съезды созывать не весною, а осенью. Я полагаю, что сейчас нет причин, которые были раньше, в том, чтобы созывать партийные съезды в марте—апреле, потому что раньше это были наиболее критические месяцы для партии. Сейчас обстановка иная, и я вношу это предложение.

Председательствующий. Слово против имеет тов. Угланов.

Угланов. Товарищ Хатаевич несколько спутал. На нижегородской конференции не было принято решения о том, чтобы созывать губернские конференции один раз в год. Теперь по существу вопроса. Я полагаю, что мы сейчас живем не в военной период времени, несмотря на то, что на нашей партии лежат грандиознейшие, сложные задачи по руководству страной. Это не исключает возможности, что мы лишний раз созовем губернские партийные конференции, и что они могут нарушить наш планомерный ход работы.

Наоборот, если мы подойдем к этому с чисто-политической точки зрения, то мы знаем, что около губернских партийных конференций постоянно и больше, чем вокруг советских съездов, концентрируется внимание рабочих и крестьян. Вот почему с этой точки зрения гораздо важнее концентрировать два раза в год внимание рабочих и крестьян около работы наших съездов. С точки зрения хозяйственной это абсолютно никакого вреда не принесет. Это может принести вред только отдельным губерниям, в роде сибирских, которые находятся на далеком расстоянии от центра. Вот почему предложение тов. Хатаевича нецелесообразно.

Председательствующий. Имеется предложение тов. Хатаевича о том, чтобы губернские конференции созывались один раз в год. Ставлю это предложение на голосование. Кто за? Кто против? Меньшинство. Принято. Я думаю, что съезд поражен, что нашелся вопрос, где есть разногласия. Все-таки большинство приняло предложение тов. Хатаевича, и больше ничего мы не можем сделать. Переходим к следующему пункту. Слово для оглашения резолюции имеет тов. Смородинов от РКСМ.

Смородинов. Резолюция о молодежи была роздана всем делегатам, и я буду оглашать только те поправки, которые были внесены в организационную секцию. Вводная часть. Первые два абзаца совершенно выбрасываются, резолюция начинается со следующих слов:

„За истекший год РКСМ пережил тяжелый кризис, в результате которого в первой половине года значительно сократилось количество членов союза; однако, в течение второй половины года, благодаря широко проведенной экономической и политико-просветительной работе, союз оправился, втянул в свои ряды десятки тысяч новых рабочих, подростков и юношей, укрепил пролетарское ядро своей организации и повысил ее возрастный состав.

Настоящий этап в развитии коммунистического юношеского движения определяется прежде всего исключительно быстрым ростом союза,—тем, что состав его почти на половину обновился за счет совершенно новой молодежи, лишенной какого бы то ни было революционного опыта, сознание которой оформлялось лишь в условиях советского быта. Этот период ставит ряд новых задач перед партией в отношении РКСМ, на выполнение которых следует обратить серьезнейшее внимание, ибо воспитание молодежи для партии, подготовка нового коммунистического поколения квалифицированных и классово-сознательных рабочих, заинтересованных в строительстве Советской

республики крестьян и нового поколения красных техников, хозяйственников и профессионалистов, стоят с каждым годом острее и могут быть осуществлены прежде всего путем развития самодеятельной и политической, активной воспитательной организации молодежи—РКСМ".

Второй пункт принят без изменений.

В третьем пункте выброшены слова: „на этом закаливаются и отсеиваются". В четвертом пункте исправлена последняя фраза: „проведение массовых кампаний".

В 5-м пункте внесена редакционная поправка. 6-й пункт принят без изменений. В конце 7-го пункта есть дополнение: раньше было написано: „Подтверждая решения предыдущих партсъездов о молодежи, XII съезд решительно высказывается против сведения роли РКСМ кроме чисто-культурнической организации".

К 3-му пункту не было поправок. Внесены следующие новые три пункта: „1) Гос- и профорганы должны усилить свою деятельность по обслуживанию рабочей молодежи и тем самым разгружать РКСМ от излишней гос- и профработы и поручает Центральному Комитету разработать формы и связи взаимоотношений РКСМ с гос- и профорганизациями. 2) Более тесная связь партии и союза позволяет поднять вопрос об использовании партаппарата для частичного обслуживания работы РКСМ. Однако, ни в коем случае не должно нарушать стройности организационной структуры РКСМ, основанной на принципе самодеятельности и приспособленной к выдвижению работников и развитию организационных навыков у них. 3) Отмечая, что подрастающая женская пролетарская крестьянская молодежь недостаточно втягивается в РКСМ, съезд ставит перед РКСМ задачу—усилить работу среди женской пролетарско-крестьянской молодежи".

Председательствующий. Есть другие предложения или поправки? Нет. Кто за оглашенную резолюцию? Большинство. Принимается.

О работе среди женщин слово имеет тов. Смидович.

Смидович. Резолюция о работе среди женщин принята совещанием заведующих областными и губженотделами. Она гласит:

1. XII партсъезд, положивший своей резолюцией о работе женотделов конец ликвидаторскому настроению в партсреде по вопросу сохранения женотделов наравне с другими отделами парткомов, создал необходимые условия для углубления и усиления работы среди работниц и крестьянок.

2. Несмотря на значительные достижения в области работы среди женщин, необходимо отметить, что продолжающие оставаться сложными условия этой работы, при замедленном строительстве учреждений, облегчающих положение работницы, создают некоторую почву для феминистических уклонов. Эти уклоны могут способствовать созданию таких специальных обществ, которые под флагом улучшения бытового положения женщин на самом деле привели бы к отрыву женской части трудящихся от общеклассовой борьбы.

3. Партия должна в противовес этому усилить работы по вовлечению работниц и крестьянок в партийное, советское, профессиональное и кооперативное строительство, для чего необходимо укрепить институт профорганизаторов-работниц, создать кадр инструкторов для этой работы в органах кооперации, одновременно усиливая работу названных организаций в деле улучшения быта работниц на-ряду с улучшением положения рабочего класса в целом.

4. Отмечая в то же время значительную оторванность работы среди работниц и крестьянок от общепартийной работы и вытекающие в значительной степени отсюда недостаточное привлечение и активность работников женотделов в общепартийной работе, съезд предлагает парткомитетам учесть указанные явления и изжить их путем осуществления полного руководства парткомов работой женотделов и укомплектования их квалифицированными партработниками.

5. Придавая особое значение работе партии среди трудящихся женщин Востока, их начавшемуся пробуждению и необходимости закрепления достигнутых результатов, съезд обращает внимание коммунистических партий восточных республик на необходимость усиления этой работы.

Председательствующий. Есть ли какие-нибудь поправки? Нет. Разрешите голосовать. Кто за? Кто против? Нет. Принято.

Затем по вопросу о центральной контрольной комиссии и РКИ слово имеет тов. Дзержинский. (Аплодисменты).

Дзержинский. Доклад по этому вопросу был сделан на заседании секции. Так как стенограмма была, то все делегаты съезда смогут ознакомиться по стенограмме. Разрешите прочесть окончательный текст резолюции:

О задачах РКИ и ЦКК.

I. Разрушив старые формы буржуазной власти и заложив основы совершенно нового типа государства (советского), наша партия, вследствие обостренной вооруженной борьбы на внутренних и внешних фронтах, не могла уделять достаточно внимания и времени коренному улучшению аппаратов управления и хозяйствования.

В настоящий период мирного строительства, когда революция вступила в решающий хозяйственный фазис, партия должна поставить вопрос о реформе органов управления и хозяйствования, как вопрос борьбы за госаппарат, который по своей технической структуре и составу, унаследованному от прошлого, является чуждым задачам и целям рабоче-крестьянского государства.

В отличие от действующей громоздкой, дорого стоящей и падающей тяжелым бременем на рабочих и крестьян структуры государственного аппарата новую структуру органов управления и хозяйствования и новую технику ведения в них дел необходимо максимально упростить, построить на началах научной организации труда и упра-

вления, исключающих возможность бюрократических извращений и излишеств.

Только путем такого рода радикального изменения всей техники управления, искоренения всего ненужного и лишнего в нем, а также посредством энергичной чистки государственного аппарата партия и государство в состоянии будут заставить государственный аппарат обслуживать интересы рабочих и крестьян с наибольшей полнотой, сделать государственный аппарат более близким и менее обременительным для трудящихся масс и тем самым, следовательно, укрепить союз между рабочими и крестьянами.

II. Задача эта не может быть разрешена проведением одной какой-либо реформы. Для ее разрешения потребуется целый ряд лет упорного и тяжелого труда. Привлекаемые к работе в государственном аппарате рабочие и крестьяне должны будут овладеть необходимыми знаниями, опытом и культурой. Перестройка государственного аппарата на основах научной организации труда и управления может дать должные результаты только при условии, если на-ряду с настойчивыми усилиями партии и рабочего класса к поставленной задаче будет привлечено все внимание руководителей государственного аппарата, ответственных в партийном и советском порядке за данный аппарат, и проявлены будут ими необходимые инициатива и самодеятельность в упрощении аппарата и установлении планомерного внутреннего контроля.

III. Органами, специально занимающимися разрешением задачи реорганизации государственного аппарата на новых началах, разработкой и формулировкой ее конкретного содержания, проведением в жизнь необходимых практических мероприятий и согласованием мер, принимаемых советскими и партийными учреждениями, а также отдельными организациями (ЦИТ и т. п.), должны быть РКИ и ЦКК РКП, организационно связанные между собою на почве выполнения возлагаемой на них задачи усовершенствования государственного аппарата. Для этого необходимо функции и состав ЦКК расширить, а РКИ коренным образом реорганизовать как в отношении конструкции и методов работы, так и в отношении состава. Последняя задача для ближайшего времени должна быть признана основной, так как, не разрешив ее, т.-е. не превратив РКИ в образцовый аппарат, тесно связанный с партией, государство и партия лишены будут органа, при посредстве которого они могли бы поставить на практическую почву разрешение формулированной выше проблемы.

IV. Предварительным и необходимым условием для такого превращения РКИ в образцовый аппарат, способный справиться с возлагаемыми на него задачами, должна явиться длительная работа по подготовке самих работников новой реорганизованной РКИ этим задачам. Поскольку новая РКИ должна одновременно быть безукоризненной как в отношении своей собственной структуры (в смысле постановки дела), так и быть абсолютно авторитетной для остальных наркоматов, как орган действительно знающий и способный поставить на

научную высоту дело совершенствования госаппарата, съезд предлагает ЦК и ЦКК при реорганизации РКИ руководствоваться следующими указаниями: 1) при определении личного состава работников новой РКИ: а) немедленно приступить к коренной реорганизации нынешней РКИ, оставив из ее личного состава исключительно тех, кто действительно соответствует вновь поставленным перед РКИ задачам; б) подбирать работников из преданных коммунистов, рабочих и крестьян, преимущественно из выдвинувшихся практиков администраторов и студентов высших учебных заведений, готовых взяться за длительную и кропотливую работу по изучению дела научной организации труда и управления; в) в качестве помощников членов ЦКК в этой работе должно быть подробно определенное число специалистов, с непременным для них условием предварительно выдержать испытание: 1) в знании нашего теперешнего госаппарата и 2) в знании основ теории и практики науки об управлении, делопроизводстве, организации труда и т. д.

1) Основной задачей, которая должна быть при этом достигнута, является такой личный состав, который гарантировал бы партии, что все эти элементы, рекомендованные коммунистами, специалисты и привлеченные рабочие и секретарский состав сработаются так, что в целом представят собой достаточное ручательство за успешность и производительность своей работы.

2) Для правильной постановки изучения научных методов управления и организации труда съезд рекомендует:

а) пересмотреть немедленно и выбрать из всех действующих ученых Институтов труда и иных аналогичных учреждений те из них, действительно серьезная и научная постановка дела в которых гарантирует его успешность, и поддержать эти учреждения так, чтобы они действительно стояли на высоте современной науки, возложив на РКИ задачу координации их деятельности;

б) объявить немедленно конкурс на составление одного или нескольких учебников по организации труда вообще и специально труда управленческого;

в) командировать за границу, и затем возвести такие командировки в систему, ряд добросовестных специалистов и коммунистов с надлежащей подготовкой для теоретического изучения тех же вопросов, а также изучения опытов его практического применения на Западе, а также для подбора литературы по тем же вопросам.

Систематизация и суммирование достижений современной науки применительно к условиям аппарата советской власти и потребностям и нуждам рабоче-крестьянского государства в отличие от заданий науки приспособленной к нуждам буржуазно-капиталистических государств,— такова особенная цель, которую должна преследовать реорганизованная РКИ.

Методы работы РКИ.

V. а) РКИ должна отказаться от сплошного, повседневного и формального контроля над всеми денежными и имущественными операциями госорганов и производить обследование командных и узловых пунктов нашего хозяйственного и управленческого аппарата, согласно заранее выработанному плану или в зависимости от выдвигаемых жизнью потребностей.

б) При изучении и установлении принципа в научной организации труда и управления, которое не должно быть только академическим, необходимо теснейшее слияние деловой практической проверки и научного обобщающего вывода; практической же формой этого изучения должны быть систематические наблюдения над постоянно повторяющимися и типичными явлениями в области управленческой работы; постановка опыта с заранее намеченными определенными целями и, главным образом, обследование тех частей аппарата, изучение которых особенно необходимо в целях изыскания наиболее правильно ведущих к цели средств для устранения имеющихся в них дефектов.

в) Контрольная деятельность должна иметь своей основной целью выяснение практических достижений или недостатков хозяйственных и административных органов и установление характерных для данной области типических приемов хищения и изыскания средств предотвращения их, не уклоняясь в сторону выискивания отдельных хищений и злоупотреблений.

Ближайшие задачи РКИ и ЦКК должны быть следующие:

VI. а) Всемерное побуждение государственных администрат. и хозяйственных органов к улучшению их аппаратов, оказание им содействия в этом отношении, учет их опыта, согласование и объединение принимаемых ими мер, в тесном единении с профсоюзами и с привлечением к этому делу рабочих и служащих, работающих в предприятиях и учреждениях, в особенности отдельных выдающихся работников, красных директоров и т. п.

б) Оценка и проверка по существу работы руководителей и сотрудников государственных и хозяйственных органов, содействие государству и партии, в подборе личного руководящего состава, практическая подготовка рабочих и крестьян на ответственные руководящие должности путем участия их в работе РКИ и ЦКК в целях усвоения ими практических методов и техники управления, оказание поддержки наиболее честным и преданным делу работникам.

в) Обследование и изучение причин преступления, бесхозяйственности руководителей и сотрудников государственных аппаратов, борьба с системой подкупов и согласование своей работы в этой области с соответствующей деятельностью ГПУ и НКЮ путем созыва периодических совещаний и иными способами, а также принятие мер по при-

влечению к ответственности и к устранению тех руководителей государственных органов и предприятий, которые уклоняются от забот по улучшению и чистке своих аппаратов.

г) Практическое и теоретическое изучение дела управления, установление недостатков и достоинств действующих органов управления, устранение одних и закрепление других, постановка опытов и проведение в жизнь практических мероприятий по рационализации техники управления, делопроизводства, счетоводства, отчетности, выработки планов изменения в связи с этим структуры государственных органов как в целях улучшения их работы, так и в целях создания нормальных условий для самоконтроля, облегчающих возможность наблюдения со стороны государства.

д) Выполнение специальных заданий и поручений партийного и советского характера, а также контроль и наблюдение за правильным проведением в жизнь государственными органами постановлений и решений партийных и советских органов, направленных в первую очередь к усовершенствованию госаппаратов и к борьбе с бюрократизмом и злоупотреблениями должностных лиц.

е) Особо тщательное усовершенствование госаппарата и хозорганов в части непосредственного соприкосновения их с населением, беспощадная кара советских чиновников за малейшее проявление ими барства и пренебрежения к нуждам и запросам рабочих и крестьян, в особенности неграмотных и малограмотных, и в частности к трудящимся других национальностей.

ж) Систематическое и планомерное использование со стороны РКИ и ЦКК советской и партийной печати как в целях изобличения и раскрытия всякого рода преступлений (разгильдяйства, взяточничества и т. д.) и систематических обходов намеченной партией основной линии в деле реорганизации госаппарата, так и для изучения и подытожения работы ЦКК и РКИ в деле организационного строительства.

О местных органах РКИ и ЦКК.

VII. Реорганизация РКИ и ЦКК на вышеизложенных основах распространяется только на центральную РКИ и на ЦКК. ЦКК и РКИ поручается в месячный срок разработать и внести в ЦК на утверждение проект о работе местных органов РКИ и ГубКК, которые до разрешения этого вопроса в указанном порядке работают на прежних основаниях.

Председательствующий. Есть поправки?

(„Голос с места: „Больше ничего нет по поводу ЦКК?").

Дзержинский. Разъяснение есть в тезисах тов. Молотова. Там целый пункт говорит об этом. В 4-м пункте говорится о ЦКК, и это уже оглашалось.

Голос с места. Во первых, в тезисах тов. Молотова о ЦКК все было изъято. Я работал в комиссии, могу такую справку дать. Во-

вторых, здесь говорится о том, что нужно помочь ЦКК наладить работу по линии РКИ, а по линии борьбы с партийными болезнями ничего. Выходит, таким образом, что работа ЦКК сосредоточивается исключительно на улучшении советского аппарата.

Председательствующий. Тов. Молотов огласил резолюцию, в которой в 4-м пункте стоит вопрос о ЦКК, а вы это прослушали. Больше поправок нет? Разрешите голосовать резолюцию, оглашенную тов. Дзержинским. Кто за нее, прошу поднять карточки. Кто против? Нет. Принято.

Переходим к заслушанию последней из наших секций. Но предварительно должен довести до сведения съезда, что тов. Молотов упустил из вида еще одно решение, принятое организационной секцией, а именно предложение ревизионной комиссии, касающееся улучшения аппарата центрального комитета и замеченных в нем тех или иных недостатков, передать все это новому ЦК.

По докладу о работе секции по национальному вопросу слово имеет тов. Сталин. В секции есть бесспорные и есть спорные поправки, одна или две поправки. Тов. Сталин доложит сначала вам бесспорные поправки, а затем тов. Раковский будет вносить предложения, которые оспариваются, и затем тов. Сталин получит заключительное слово Итак, слово принадлежит тов. Сталину. (Аплодисменты).

Сталин. Товарищи, раньше, чем перейти к сообщению о работах секции по национальному вопросу, разрешите мне сделать возражение ораторам, высказывавшимся по моему докладу, по двум основным пунктам. Это отнимет всего около 20 минут, не больше.

Первый вопрос—это вопрос о том, что одна группа товарищей, во главе с Бухариным и Раковским, слишком раздула значение национального вопроса, преувеличила его и из-за национального вопроса проглядела вопрос социальный,—вопрос о власти рабочего класса.

А, между тем, ясно для нас, как для коммунистов, что основой всей нашей работы является работа по укреплению власти рабочих, и после этого только встает перед нами другой вопрос, вопрос очень важный, но подчиненный первому,—вопрос национальный. Говорят нам, что нельзя обижать националов. Это совершенно правильно, я согласен с этим,—не надо их обижать. Но создавать из этого новую теорию о том, что надо поставить великорусский пролетариат в положение неравноправного в отношении бывших угнетенных наций,—это значит сказать несообразность. То, что у т. Ленина является оборотом речи в его статье, т. Бухарин превратил в целый лозунг. А, между тем, ясно, что политической основой пролетарской диктатуры являются прежде всего и главным образом центральные районы, промышленные, а не окраины, которые представляют собой крестьянские страны. Ежели мы перегнем палку в сторону крестьянских окраин, в ущерб пролетарским районам, то может получиться трещина в системе диктатуры пролетариата. Это опасно, товарищи. Нельзя пересаливать в политике так же, как нельзя не досаливать.

Следует помнить, что, кроме права народов на самоопределение, есть еще право рабочего класса на укрепление своей власти, и этому последнему праву подчинено право на самоопределение. Бывают случаи, когда право на самоопределение вступает в противоречие с другим, высшим правом,—правом рабочего класса, пришедшего к власти, на укрепление своей власти. В таких случаях,—это нужно сказать прямо,—право на самоопределение не может и не должно служить преградой делу осуществления права рабочего класса на свою диктатуру. Первое должно отступить перед вторым. Так обстояло дело, например, в 1920 г., когда мы вынуждены были, в интересах обороны власти рабочего класса, пойти на Варшаву.

Не следует поэтому забывать, что, раздавая всякие обещания националам, расшаркиваясь перед представителями национальностей, как это делали на этом съезде некоторые товарищи, следует помнить, что сфера действия национального вопроса и пределы, так-сказать, его компетенции ограничиваются при наших внешних и внутренних условиях сферой действия и компетенцией „рабочего вопроса", как основного из всех вопросов.

Тут очень многие ссылались на записки и статьи Владимира Ильича. Я не хотел бы цитировать учителя моего, тов. Ленина, так как его здесь нет, и я боюсь, что, может-быть, неправильно и не к месту сошлюсь на него. Тем не менее, я вынужден одно место аксиоматическое, не вызывающее никаких недоразумений, процитировать, чтобы у товарищей не было сомнений насчет удельного веса национального вопроса. Разбирая письмо Маркса по национальному вопросу в статье о самоопределении, тов. Ленин делает такой вывод: „по сравнению с рабочим вопросом подчиненное значение национального вопроса не подлежит сомнению для Маркса". Тут всего две строчки, но они решают все. Вот это надо зарубить себе на носу некоторым не по разуму усердным товарищам.

Второй вопрос—это о шовинизме великорусском и о шовинизме местном. Тут выступали т. Раковский и особенно т. Бухарин, который предложил выкинуть пункт, говорящий о вреде местного шовинизма. Дескать, не зачем возиться с таким червячком, как местный шовинизм, когда мы имеем такого „Голиафа", как великорусский шовинизм. Вообще у т. Бухарина было покаянное настроение. Это понятно: годами он грешил против национальностей, отрицая право на самоопределение,—пора, наконец, и раскаяться. Но, раскаявшись, он ударился в другую крайность. Курьезно, что т. Бухарин призывает партию последовать его примеру и тоже покаяться, хотя весь мир знает, что партия тут не при чем, ибо она с самого начала своего существования (1898 г.) признала право самоопределения, и, сталобыть, каяться ей не в чем. Дело в том, что тов. Бухарин не понял сути национального вопроса. Когда говорят, что нужно поставить во главу угла по национальному вопросу борьбу с великорусским шовинизмом, этим хотят отметить обязанности русского коммуниста, этим хотят сказать, что обязанность русского коммуниста самому вести

борьбу с русским шовинизмом. Если бы не русские, а туркестанские или грузинские коммунисты взялись за борьбу с русским шовинизмом, то их такую борьбу расценили бы, как антирусский шовинизм. Это запутало бы все дело и укрепило бы великорусский шовинизм. Только русские коммунисты могут взять на себя борьбу с великорусским шовинизмом и довести его до конца.

А что хотят сказать, когда предлагают борьбу с местным антирусским шовинизмом? Этим хотят отметить обязанность местных коммунистов, обязанность нерусских коммунистов бороться со своим шовинизмом. Разве можно отрицать, что уклоны к антирусскому шовинизму имеются? Ведь, весь съезд увидел воочию, что шовинизм местный, грузинский, башкирский и пр., имеется, что с ним нужно бороться.

Русские коммунисты не могут бороться с татарским, грузинским, башкирским шовинизмом, потому что если русский коммунист возьмет на себя тяжелую задачу борьбы с татарским или грузинским шовинизмом, то эта борьба его будет расценена, как борьба великорусского шовиниста против татар или грузин. Это запутало бы все дело. Только татарские, грузинские и т. д. коммунисты могут бороться против татарского, грузинского и т. д. шовинизма, только грузинские шовинисты могут с успехом бороться со своим грузинским национализмом или шовинизмом. В этом обязанность нерусских коммунистов. Вот почему необходимо отметить в тезисах эту двустороннюю задачу коммунистов русских (я имею в виду борьбу с великорусским шовинизмом) и коммунистов нерусских (я имею в виду их борьбу с шовинизмом антиармянским, антитатарским, антирусским). Без этого тезисы выйдут однобокими, без этого никакого интернационализма ни в государственном, ни в партийном строительстве не создать.

Если мы будем вести борьбу только с великорусским шовинизмом, то эта борьба будет заслонять собою борьбу татарских и пр. шовинистов, которая развивается на местах, и которая опасна в особенности теперь, в условиях НЭП'а. Мы не можем не вести борьбу на два фронта, ибо только при условии борьбы на два фронта,—с шовинизмом великорусским, с одной стороны, который является основной опасностью в нашей строительной работе, и шовинизмом местным—с другой,—можно будет достигнуть успеха, ибо без этой двусторонней борьбы никакой спайки рабочих и крестьян русских и инонациональных не получится. В противном случае может получиться поощрение местного шовинизма, политика премии на местный шовинизм, чего мы допустить не можем.

Позвольте мне и здесь сослаться на т. Ленина. Я бы этого не сделал, но так как на нашем съезде есть много товарищей, которые вкривь и вкось цитируют тов. Ленина, искажая его, разрешите прочесть несколько слов из одной всем известной статьи тов. Ленина:

„Пролетариат должен требовать свободы, политического отделения колоний и наций, угнетаемых „его“ нацией. В противном случае интернационализм пролетариата останется пустым и словесным;

ни доверие, ни классовая солидарность между рабочими угнетенной и угнетающей нации невозможны".

Это, так-сказать, обязанности пролетариев господствующей или бывшей господствующей нации. Дальше он говорит уже об обязанности пролетариев или коммунистов наций ранее угнетенных:

„С другой стороны, социалисты угнетаемых наций должны в особенности отстаивать и проводить в жизнь полное и безусловное, в том числе организационное, единство рабочих угнетенной нации с рабочими угнетающей нации. Без этого невозможно отстоять самостоятельную политику пролетариата и его классовую солидарность с пролетариатом других стран при всех и всяческих проделках, изменах и мошенничествах буржуазии, ибо буржуазия угнетенных наций постоянно превращает лозунги национального освобождения в обман рабочих".

Как видите, если уже итти по стопам тов. Ленина,—а здесь некоторые товарищи клялись его именем,—то необходимо оба тезиса, как о борьбе с шовинизмом великорусским, так и о борьбе с шовинизмом местным, оставить в резолюции, как две стороны одного явления, как тезисы о борьбе с шовинизмом вообще.

Я этим оканчиваю возражения против тех ораторов, которые выступали здесь.

Дальше разрешите мне сделать сообщения о работах секции по национальному вопросу. Секция приняла в основу тезисы ЦК. Секция оставила без всяких изменений шесть пунктов этих тезисов: 1, 2, 3, 4, 5 и 6. В секции шла борьба и прежде всего о том, следует ли автономные республики выделить из состава РСФСР предварительно и потом независимые республики Кавказа из состава Закавказской федерации, чтобы они самостоятельно вошли, или не следует. Это было предложение одной части грузинских товарищей,—предложение, которое как известно со стороны делегаций грузинской, армянской и азербейджанской сочувствия не встречает. Секция обсудила этот вопрос и громадным большинством высказалась за то, чтобы было сохранено то положение, которое развито в тезисах, т.-е. РСФСР остается как целостное образование, Закавказская федерация—тоже как целостное образование и в таком виде входит в состав Союза Республик. Все предложения одной части грузинских товарищей, однако, не голосовались, так как авторы этих предложений, видя, что их предложения не встречают сочувствия, сняли их. Борьба по этому вопросу была серьезная. Второй вопрос, по которому шла борьба,—это был вопрос о том, как сконструировать вторую палату. Одна часть товарищей (меньшинство) предлагала ввести в состав верхней палаты или второй палаты не представителей всех республик, национальностей и областей, а создать на началах представительства четырех республик: РСФСР, Закфедерации, Белоруссии и Украины. Большинство этого предложения не приняло, и секция высказалась против этого предложения, решив, что целесообразнее будет сконструировать вторую палату так, чтобы там были представлены на началах равенства все республики (и незави-

симые, и автономные) и все национальные области. Я мотивов высказывать не буду, так как представитель меньшинства тов. Раковский будет выступать здесь для того, чтобы обосновать свое предложение, которое в секции не прошло. Когда он выскажется, я свои соображения выскажу тоже. Шла еще борьба не очень ожесточенная по вопросу о том, следует ли в эти тезисы ввести поправку такую, которая бы отмечала необходимость при решении национального вопроса ориентироваться не только на Восток, но и на Запад. Секция голосовала эту поправку. Эта поправка меньшинства—поправка тов. Раковского. Секция отвергла эту поправку. Я также буду говорить еще по этому вопросу, после того как выскажется тов. Раковский. Я прочитаю те поправки, которые у нас прошли. Шесть пунктов у нас приняты безоговорочно. К пункту 7, второй абзац, третья строчка перед словами: „Поэтому решительная борьба“ вставить следующее:

„Положение в ряде национальных республик (Украина, Белоруссия, Азербейджан, Туркестан) усложняется тем, что значительная часть рабочего класса, являющегося основной опорой Советской власти, принадлежит к великорусской национальности. В этих районах смычка между городом и деревней, рабочим классом и крестьянством встречает сильнейшее препятствие в пережитках великорусского шовинизма как в партийных, так и в советских органах. В этих условиях разговоры о преимуществах русской культуры и выдвигание положения о неизбежности победы более высокой русской культуры над культурами более отсталых народов (украинской, азербейджанской, узбекской, киргизской и пр.) являются не чем иным, как попыткой закрепить господство великорусской национальности“.

Эту поправку я принял потому, что она улучшает тезисы. Вторая поправка относится также к п. 7. Перед фразой: „без этого нет основания рассчитывать“ вставить следующее дополнение:

„Помощь эта должна в первую очередь выразиться в принятии ряда практических мер по образованию в республиках ранее угнетенных национальностей промышленных очагов с максимальным привлечением местного населения. Наконец, помощь эта должна итти, согласно резолюции X съезда, параллельно с борьбой трудовых масс против усиливающихся в связи с НЭП‘ом местных и пришлых эксплоататорских верхов за укрепление своих социальных позиций. Поскольку эти республики являются по преимуществу сельскохозяйственными районами, внутренние социальные мероприятия должны прежде всего итти по пути наделения трудовых масс землею за счет свободного государственного фонда“.

Дальше по тому же 7 пункту, абзац 2, в середине, где говорится о шовинизме грузинском, азербейджанском и т. д., вставить: „шовинизм армянский и пр.“. Армянские товарищи захотели, чтобы армяне не были в обиде, чтобы и об их шовинизме также упомянули.

Дальше в 8 пункте тезисов после слов „единая неделимая“ включить: „Таким же результатом наследства старого следует считать стремление некоторых ведомств РСФСР подчинить себе самостоятель-

ные комиссариаты автономных республик и проложить путь к ликвидации последних".

Дальше в п. 8 включить: „и провозглашая абсолютную необходимость существования и дальнейшего развития национальных республик".

Дальше п. 9. Начать так, как я прочитаю: „Союз республик, созданный на началах равенства и добровольности рабочих и крестьян отдельных республик, является первым опытом пролетариата в деле урегулирования международных взаимоотношений независимых стран и первым шагом к созданию будущей всемирной советской республики труда".

Пункт 10 имеет подпункт „а", до него внесли подпункт „а" в следующем виде:

„а) при построении центральных органов союза было обеспечено равенство прав и обязанностей отдельных республик как во взаимных между ними отношениях, так и в отношении центральной власти союза".

Дальше пойдет подпункт „б" в том виде, в каком был под названием подпункта „а":

„б) в системе высших органов союза был учрежден специальный орган представительства всех без исключения национальных республик и национальных областей на началах равенства, с возможным учетом представительства всех национальностей, входящих в состав этих республик".

Дальше подпункт бывший „б", теперь подпункт „в" в таком виде:

„в) исполнительные органы союза были сконструированы на началах, обеспечивающих реальное участие в них представителей республик и удовлетворение нужд и потребностей народов союза".

Затем пойдет подпункт „г", добавление:

„г) были предоставлены республикам достаточно широкие финансовые, и в частности бюджетные, права, обеспечивающие возможность проявления их собственной государственно-административной, культурной и хозяйственной инициативы".

Дальше пойдет подпункт „в" в качестве подпункта „д":

„д) органы национальных республик и областей строились по преимуществу из людей местных, знающих язык, быт, нравы и обычаи соответствующих народов".

Далее прибавлен 2-й подпункт. Последний будет „е":

„е) были изданы специальные законы, обеспечивающие употребление родного языка во всех государственных органах и во всех учреждениях, обслуживающих местное и национальное население и национальные меньшинства,—законы, преследующие и карающие со всей революционной суровостью всех нарушителей национальных прав, и в особенности прав национальных меньшинств".

Далее подпункт „ж" в качестве дополнения:

„ж) была усилена воспитательная работа Красной армии в духе насаждения идей братства и солидарности народов союза, и были пред-

приняты практические мероприятия по организации национальных войсковых частей, с соблюдением всех мер, необходимых для обеспечения полной обороноспособности республик".

Вот все те добавления, которые были приняты секцией, и против которых я возражений не имею, ибо они делают тезисы более конкретными. Что касается второго раздела, то сколько-нибудь серьезных поправок в этот раз внесено не было. Были некоторые незначительные поправки, которые комиссия, избранная секцией по национальному вопросу, решила передать будущему ЦК. Таким образом, второй раздел остается в том виде, в каком был роздан в печатных материалах.

Председательствующий. Для внесения поправок слово имеет тов. Раковский.

Раковский. Товарищи, я вношу первую поправку, позвольте мне ее мотивировать. Тов. Сталин в своей первой речи, не антитезисной сегодняшней, а в своей первой речи, когда он мотивировал сугубо внимательное отношение к национальному вопросу, указал, что, кроме обстоятельств внутреннего порядка, есть еще обстоятельства внешнего порядка, и, между прочим, указал на то громадное значение, которое национальный вопрос будет играть в грядущей революции, вследствие неминуемого столкновения между народами Востока и западными империалистическими государствами. К этому можно прибавить незначительный момент, но также вменяющий нам в обязанность относиться сугубо внимательно к национальному вопросу у нас внутри: это национальное движение, которое имеется на Западе. Но, к сожалению, в своих тезисах тов. Сталин даже не намекнул на это. Там ничего нет ни о Востоке, ни о Западе. И сегодня в комиссии, когда тов. Сталин говорил, что, пожалуй, если мы внесем поправку о Западе, то получится, что мы немножко ослабляем момент о Востоке, как-будто этот момент был в его тезисах. Но этого момента нет в его тезисах. Таким образом, товарищи, я считаю нужным, чтобы в тезисах,—в той или иной редакции, здесь я об этом не спорю, в конце того или иного тезиса, это есть дело Сталина или ЦК,—было упомянуто то, что мы в последнее время так часто слышали и от Владимира Ильича, и здесь, что для того, чтобы мы вне рубежей наших советских республик могли стать центром борьбы угнетенных национальностей, мы должны внутри, у себя, в пределах наших советских республик, дать правильное решение национального вопроса, ибо если мы там, за рубежом, будем говорить о национальном самоопределении, а у себя внутри не будем этого давать, то, конечно, каждый нас будет упрекать в лицемерии. Напомню слова Владимира Ильича: „нам не позволено в этой области делать мельчайшей ошибки, потому что она, подрывая нашу принципиальную искренность,—это его слова,—она может подорвать и нашу борьбу в защиту угнетенных народностей против империализма," поэтому я предлагаю включить следующий тезис. Сегодня в комиссии тезис был очень большой, мы его взяли из наших украинских тезисов, но я его сократил и вношу его в сокращенном виде:

„Громадное революционное значение, которые приобретает борьба народов Востока и колоний за их освобождение от гнета империалистических государств, а также вспыхнувшие снова в Европе национальные угнетения в различных оккупированных провинциях еще больше налагают на партию обязанность проведения правильного теоретического и практического решения национального вопроса в пределах Союза Советских Республик.

Лишь самое строгое согласование нашей политики по национальному вопросу внутри страны с той политикой, которую мы проводим по национальному вопросу в нашей государственной партийной политике за рубежом, может придать Союзу Советских Республик и Коммунистической Партии тот поразительный авторитет и ту принципиальную искренность, которые сделают из них в полном объеме опору борьбы мирового пролетариата с империализмом“.

Председательствующий. Слово имеет тов. Сталин.

Сталин. Хотя тов. Раковский изменил втрое и сократил вчетверо ту резолюцию, которую он предложил в секции, тем не менее, я решительно против такой поправки, и вот почему. Наши тезисы по национальному вопросу строятся так, что мы как бы поворачиваемся лицом к Востоку, имея в виду те тяжелые резервы, которые там дремлют. Весь национальный вопрос мы поставили в связи со статьей Ильича, который как-будто ни одного слова о Западе не говорит, потому что не там центр национального вопроса, а в колониях и полуколониях на Востоке. Тов. Раковский хочет, чтобы мы, обернувшись к Востоку, вместе с тем, обернулись и к Западу. Но это невозможно, товарищи, и неестественно, ибо люди вообще либо в одну сторону поворачиваются лицом, либо в другую,—поворачиваться в обе стороны в одно и то же время нельзя. Мы не можем и не должны ломать общий тон тезисов, их восточный тон. Вот почему я думаю, что поправка тов. Раковского должна быть отвергнута.

Председательствующий. Товарищи, я буду голосовать сначала поправки, которые приняты комиссией бесспорно, а затем те поправки, которые отвергает тов. Сталин и предлагает тов. Раковский. Кто за те поправки, которые вносил тов. Сталин? Явное большинство. Кто поддерживает поправку тов. Раковского? Кто против? Поправка отвергается. Есть еще поправка у тов. Раковского.

Раковский. Товарищи, вторая поправка имеет гораздо большее значение (хотя первая поправка имела тоже большое значение). Вторая поправка имеет значение для нас внутри. Мы считаем,—я говорю это от имени всех украинских товарищей,—что была совершена крупнейшая ошибка сегодня в секции, где была принята формулировка тов. Сталина о двухпалатной системе. Прежде всего, товарищи, чтобы устранить всякие споры, я заявляю, что мы являемся самыми решительными сторонниками двухпалатной системы. Значит, не об этом речь, а о чем-то другом. Для чего была создана двухпалатная система? Для того, чтобы она давала гарантии для отдельных республик. Вот смысл двухпалатной системы. При том решении, которое было принято се-

годня, двухпалатная система не только не дает нам, отдельным республикам, никакой гарантии, но, наоборот, она закрепляет фактически еще больше ту систему, которую мы теперь имеем,— систему, которая выражается в том, что у нас из 360 депутатов в союзном ЦИК'е 280 а может, и больше, принадлежат РСФСР. 80 принадлежат всем независимым республикам, вместе взятым... Что сегодня приняла комиссия? Она приняла следующее: что в так-называемой второй палате, все национальности,—я обращаю внимание на это слово,—национальности будут участвовать с одинаковым числом голосов. Таким образом, каждая из 15 автономных республик и областей РСФСР будет иметь по 4 голоса. Центральный район будет иметь 4 голоса, Украина будет иметь 4 голоса, 3 Закавказских республики—иметь по 4 голоса, и Белоруссия будет иметь 4 голоса. Что же получается? А получается то, что фактически РСФСР будет иметь 64 или 70 голосов, Украина будет иметь 4 голоса, Белоруссия будет иметь 4 голоса. Да, товарищ Сталин, у него выходит положение чрезвычайно выгодное, и он говорит: „я признаю все национальности, а вы вот Киргизию не хотите признавать". (Голоса: „Правильно!"). Да если так, то позвольте мне сказать вам: я готов подписать самый радикальный проект т. Сталина, если он желает, чтобы Киргизия, Туркестан и все другие автономные республики стали независимыми республиками. Тогда каждая из них входит на равных началах в эту вторую палату. Но что же тут получается? Для чего создается эта вторая палата? Она создается для того, чтобы отдельные республики получили соответственно своим нуждам и своей податной способности помощь от центральной сметы, и тогда получится, что все автономные республики имеют одну смету РСФСР, они имеют одни центральные комиссариаты РСФСР, они имеют один общий Совнархоз РСФСР,—они связаны автоматически с РСФСР. И получается, что в одной комнате во ВЦИК они все идут по одной определенной линии, а потом они идут в другую комнату и говорят: они независимые и отдельные республики. Нет, позвольте, если они будут независимыми, тогда они действительно независимые, и тогда прекратите связь с федерацией. Я считаю необходимым при наших различных степенях культурности и политического развития сохранение федерации, и тогда нужно сказать, что во вторую палату входят не национальности, а государственные объединения, и мы давно сказали тов Сталину, что мы, Украина, не хотим иметь одинаковое число голосов с РСФСР. Нет, мы гораздо более скромны, мы были бы довольны, если бы РСФСР удовлетворилась бы в этой палате голосами не более $^2/_5$, и эти $^2/_5$ голосов распределит между различными республиками. Это ее дело. Но если РСФСР хочет дать пример либерализма и демократического национализма, которым тов. Сталин оперирует против нашей двухпалатной системы, пусть РСФСР создаст при своем ВЦИК'е вторую палату, куда эти республики были бы приглашены.

Если мы возражаем решительно против предложения т. Сталина то это не происходит оттого, что у нас хоть на этом говорит чувство,

равенства меньше, чем у остальных. Если хотите говорить откровенным и честным языком, то не нужно создавать вторую палату, и не нужно говорить того, что она разовьется на основании обеспечения прав отдельных республик, поэтому я поддерживаю следующее предложение: „Ни одно из гособъединений, входящих во вторую палату, не может иметь больше двух пятых всех голосов“.

Сталин. Я эту поправку считаю кардинальной по своему значению. Если ее примет съезд, то я должен сказать, что тезисы будут опрокинуты вверх дном. Т. Раковский предлагает построить вторую палату так, чтобы туда входили представители государственных объединений. Он считает, что Украина есть государственное объединение, а Башкирия нет. Почему? Ведь, мы совнаркомы в республиках не уничтожаем. Разве ЦИК башкирский не есть государственное учреждение?!. А почему Башкирия не государство? Разве Украина перестанет быть государством после того, как она войдет в Союз? Государственный фетишизм спутал т. Раковского. Если национальности равны по своим правам, если у них есть язык, нравы, быт, обычаи, если национальности эти создали свои государственные учреждения—ЦИК, СНК, то разве неясно, что все эти национальные образования являются государственными объединениями. Я думаю, что мы не можем сойти с точки зрения равенства республик и национальностей во второй палате, особенно в отношении восточных национальностей. Т. Раковский, видимо, увлекается прусской системой постройки федерации. Германская федерация построена так, что равенства между государствами нет совершенно. Я предлагаю поставить дело так, чтобы на-ряду с представительством классовым,—это первая палата, которая выбирается на общесоюзном съезде советов,—у нас было представительство национальностей на началах равенства. Восточные народы, органически связанные с Китаем, с Индией, связанные с ними языком, религией, обычаями и пр., важны для революции прежде всего. Удельный все этих маленьких народностей стоит гораздо выше, чем удельный вес Украины.

Ежели мы на Украине совершим маленькую ошибку, это не будет так чувствительно для Востока. А стоит одну маленькую ошибку совершить в маленькой стране, в Аджаристане (120 тыс. населения), как это отзовется на Турции и отзовется на всем Востоке, ибо Турция теснейшим образом связана с Востоком. Стоит допустить маленькую ошибку в отношении маленькой области калмыков, которые связаны с Тибетом и Китаем, и это отзовется гораздо хуже на нашей работе, чем ошибка в отношении Украины. Мы стоим перед перспективой мощного движения на Востоке и должны нашу работу направлять прежде всего по линии пробуждения Востока и не предпринимать ничего такого, что могло бы, хотя бы отдаленно, хотя бы косвенно, умалить значение каждой отдельной, самой маленькой народности на восточных окраинах. Вот почему я полагаю, что было бы справедливее, целесообразнее и революционно выгоднее с точки зрения управления такой большой страной, как Союз Республик, имеющей

140 миллионов населения,—было бы лучше устроить так, чтобы там, во второй палате, было равное представительство всех республик и национальных областей. Республик у нас автономных—8, независимых тоже—8, Россия войдет в качестве республики, областей у нас 14, это и будет та самая вторая палата, которая отразит все потребности и нужды национальностей и облегчит управление такой большой страной. Вот почему я думаю, что поправку т. Раковского надо отклонить.

Председательствующий. Кто поддерживает поправку т. Раковского? Кто против? Поправка отклонена. Слово имеет т. Сталин.

Сталин. Товарищи, докладывая вам о работах секции по национальному вопросу, я забыл упомянуть еще о двух маленьких добавлениях, о которых нельзя не упомянуть. К параграфу 1-му в пункте „г", где говорится, чтобы был утвержден специальный орган представительства всех без исключения национальных республик и национальных областей на началах равенства, надо добавить: „с возможным учетом всех национальностей, входящих в состав этих республик, в виду того, что в некоторых республиках, которые будут представлены во 2-й палате, имеется по нескольку национальностей". Например, Туркестан. Там, кроме узбеков, имеются туркмены, киргизы и другие народности, и необходимо так составить представительство, чтобы каждая из этих народностей была представлена.

2-е добавление ко 2-му разделу в самом конце. Оно гласит:

„В виду громадной важности, какую имеет деятельность ответственных работников в автономных и независимых республиках и на окраинах вообще (осуществление связи трудящихся данной республики с трудящимися всего остального Союза), съезд поручает ЦК озаботиться об особо тщательном подборе этих работников, с тем, чтобы состав их полностью обеспечивал действительное проведение в жизнь решений партии по национальному вопросу".

Затем два слова по поводу одного замечания т. Радека в его речи, об этом меня просят тт. армяне. Замечание это, по-моему, не соответствует действительности. Товарищ Радек здесь говорил о том, что армяне угнетают или могут угнетать в Азербейджане азербейджанцев, и обратно, азербейджанцы могут угнетать армян в Армении. Я должен заявить, что вообще таких явлений в природе не бывает. Бывает обратное явление, что в Азербейджане азербейджанцы, как большинство, угнетают армян и режут, как это было в Нахичевани, где вырезали всех армян. Армяне у себя в Армении вырезают всех татар. Это было в Зангезуре. Но чтобы в чужом государстве резали представляющие меньшинство,—таких неестественных вещей никогда не бывало.

Председательствующий. Слово имеет тов. Скрыпник.

Скрыпник. Товарищ Сталин забыл доложить одно решение по национальному вопросу. Поэтому мне приходится внести предложение, первоначально внесенное мною. Я вношу следующее предложение: „Съезд постановляет принять для партии наименование Комму-

нистической Партии Союза Советских Республик". Секция постановила: признать неизбежным и необходимым переименование партии, поручив это сделать XIII съезду партии. Об этом тов. Сталин не доложил. Я считаю, что предложение секции ничем не объясняется, никаких соображений для этого нет. Единственное соображение, которое высказывалось: „подождем", пока фактически сорганизуется союз Социалистических Республик, а тогда будем переименовывать. (Голоса: „Правильно!". Аплодисменты).

Здесь в этом решении секции я нахожу попытку уклониться от решения вопроса. А так как тов. Сталин об этом не доложил, то здесь я вижу новое подтверждение того же самого. Нужно ясно говорить и принять либо мое предложение, либо постановление секции, но не замалчивать. Если бы т. Сталин доложил постановление секции, я бы не вносил своего предложения. Я считаю, что мимо этого вопроса пройти нельзя. Съезд по этому вопросу должен вынести то или другое решение.

Сталин. Я докладывал о поправках, которые вошли в тезисы. Секция не решила, чтобы эта поправка вошла в тезисы. Я понял, что я должен об этом доложить XIII съезду.

Председательствующий. Я буду голосовать оглашенные тов. Сталиным тезисы с поправками. Кто за? Кто против? Принято.

По личному вопросу слово имеет тов. Квиринг.

Квиринг. Товарищ Раковский, предлагая последнюю поправку, был прав, когда он говорил, что он вносит ее от имени украинской организации. Правильно также и то, что я, как член ЦК нашей украинской организации, голосовал за эту поправку. Но уже тогда на Украине с некоторыми товарищами я говорил о том, не сделали ли мы в этом вопросе ошибки. Здесь я убедился в том, что действительно эта ошибка была нами сделана, и заключается она, по-моему, главным образом, в том, что это наше предложение национальными автономными республиками может быть понято, как попытка ущемить интересы этих национальных республик. Исходя из этих соображений, я голосовал за предложение Сталина, а не за поправку Раковского.

Председательствующий. Переходим к оглашению результата выборов. Слово имеет тов. Голощекин.

Голощекин. Товарищи, из 408 имеющих право решающего голоса приняли участие в голосовании 386. Единогласно избранным оказался только тов. Ленин. (Аплодисменты). Затем избранными оказались следующие товарищи. (Голоса: „Огласите цифры поданных голосов!". Голоса: „Не надо!").

Председательствующий. Голосую. Кто за то, чтобы голоса не оглашать? Большинство. Слово имеет тов. Голощекин.

Голощекин. Оглашаю список:

В члены ЦК РКП избраны:

1. Андреев.
2. Бухарин.
3. Ворошилов.
4. Дзержинский.
5. Евдокимов.
6. Зеленский.
7. Зиновьев.
8. Залуцкий.
9. Калинин.
10. Кубяк.
11. Киров.
12. Коротков.
13. Комаров.
14. Квиринг.
15. Каменев.
16. Ленин.
17. Лашевич.
18. Мануильский.
19. Молотов.
20. Микоян.
21. Михайлов.
22. Орджоникидзе.
23. Петровский.
24. Пятаков.
25. Рудзутак.
26. Рыков.
27. Радек.
28. Раковский.
29. Сталин.
30. Сулимов.
31. Сокольников.
32. Смирнов.
33. Томский.
34. Троцкий.
35. Угланов.
36. Уханов.
37. Фрунзе.
38. Харитонов.
39. Чубарь.
40. Цюрупа.

Кандидатами в члены ЦК избраны:

1. Бадаев.
2. Бубнов.
3. Каганович.
4. Колотилов.
5. Косиор.
6. Лепсе.
7. Лебедь.
8. Москвин.
9. Мясников.
10. Морозов.
11. Нариманов.
12. Орахелашвили.
13. Румянцев.
14. Рыскулов.
15. Скрыпник.
16. Урываев.
17. Чудов.

В Ревизионную Комиссию избраны:

1. Курский.
2. Ногин.
3. Скворцов, И. И.

В члены Центральной Контрольной Комиссии избраны:

1. Акулов.
2. Амосов.
3. Бункш.
4. Брыков.
5. Бумажный.
6. Волков.
7. Васильев.
8. Гусев.
9. Гончаров.
10. Куйбышев.
11. Крумин.
12. Киселев.
13. Кривов.
14. Кучменко.
15. Коростылев.
16. Комиссаров.
17. Коковихин.
18. Converted
19. Косарев.
20. Капранов.
21. Ильин.
22. Ленгник.
23. Лисицын.
24. Малахов.
25. Муранов.
26. Манцев.
27. Медня.
28. Новоселов.
29. Орехов.
30. Панов.
31. Позерн.
32. Пастухов.
33. Правдин.
34. Петерс.
35. Пылаев.
36. Радус-Зенкович.
37. Рахимбаев.
38. Седов.
39. Сахарова.
40. Сольц.
41. Сосновский.
42. Фомин.

43. Цихон.
44. Чуцкаев.
45. Ченцов.
46. Шверник.
47. Шкирятов.
48. Шварц.
49. Янсон.
50. Ярославский.

Кандидатами в члены ЦКК избраны:

1. Варейкис.
2. Герасимов.
3. Клявсклявис.
4. Миньков.
5. Носов.
6. Осадкин.
7. Радченко.
8. Ройземан.
9. Ростопчин.
10. Фирстов.

Председательствующий. Теперь, товарищи, прежде чем закрыть съезд, я предоставлю слово сейчас прибывшему из Токио секретарю Коммунистической Партии Японии, тов. Аотэ. (Аплодисменты).

(Съезд встает и приветствует его долгими аплодисментами).

Аотэ (говорит по английски).

Председательствующий. Для перевода имеет слово тов Керженцев.

Керженцев. Японский товарищ прежде всего сказал, что он чрезвычайно смущается, выступая перед таким обширным собранием, так как он совершенно не привык к публичным выступлениям, и просит его извинить за его несколько неловкую речь. В своей речи он говорит, что ему чрезвычайно тяжело, что он не владеет нашим русским языком и поэтому не мог слышать прения по ряду вопросов, которые его интересуют.

Передавая привет Российской Коммунистической Партии от Коммунистической Партии Японии, он сказал, что японский империализм является угнетателем не только японского пролетариата, но и пролетариата целого ряда других стран, что японский империализм является одним из наиболее хищных империализмов, который накладывает свою лапу и на Китай, и на Корею, и на целый ряе прилегающих областей. Поэтому японским рабочим особенно тяжело бороться против своего японского империализма. Японское правительство издает целый ряд специальных тяжких законов против коммунистов и всячески преследует их, но, тем не менее, рабочее движение за последнее время чрезвычайно развилось: Японская Коммунистическая Партия значительно укрепилась. Пример пролетарской революции в России придал Японской партии особую энергию. Они смотрят на Советскую Россию и на Российскую Коммунистическую Партию, как на своих учителей, и хотят учиться у нас революционной борьбе. Он выражал надежду, что близок тот момент, когда, на-ряду с японской революцией, вспыхнет революция китайская, революция индийская, когда мы соединим все эти восточные и западные революции в единую мировую революцию, которая положит конец империализму во всем мире. (Аплодисменты).

Председательствующий. Товарищи, я предоставляю слово тов. Кононову, представителю центрального бюро бывшей партии эсеров по созыву съезда рядовых членов партии.

Кононов. Тт., я—питерский рабочий, был на Всероссийском съезде бывших членов партии с.-р. председателем. На этом съезде была выбрана комиссия, которой было поручено приветствовать съезд коммунистической партии, авангард революции, который борется против мирового капитализма, за осуществление коммунизма. Тт., перед тем, как сказать, к чему мы пришли, нужно будет коснуться того, что нас заставило к этому притти, почему мы, бывшие многие десятки лет в партии эсеров, потом от нее отказались. Наш руководящий центр с 1917 года взял неправильный путь, и мы вместе со своим центром делали известные преступления перед революцией. Но пришло время, когда мы сказали: нет, это не то. Многим из нас после этого пришлось многое пережить. Многие бросили партию еще в 1919 году. Но чтобы притти и сказать во всеуслышание, что мы покончили с прошлым и присоединяемся к партии коммунистов,—для этого потребовалось известное время. И этот съезд был завершением всех переживаний. На нем мы заклеймили позором всех наших вождей, которые нас вывели на этот позорный путь. Мы сказали; нам не место с вами. Мы, рабочие, считаем свое место вместе с революционными рабочими и желаем бороться против мирового капитала за достижение коммунизма.

Я этим заканчиваю. К этому съезду комиссия выпустила обращение, которое было опубликовано.

Кончая свое слово, я приветствую вас от души. Я желал бы, чтобы вы поняли наши переживания. Если, может-быть, у некоторых остались колебания, то объясняется это тем, что шаг был тяжел. А теперь мы пришли безвозвратно и говорим: тт., мы желаем бороться вместе с вами за светлое будущее под знаменами III Интернационала. Да здравствует партия коммунистов! Да здравствует III Коммунистический Интернационал! (Аплодисменты).

Председательствующий. Товарищи, Президиум предлагает, заслушав заявление тов. Кононова, поручить новому ЦК рассмотреть, на каких условиях могли бы быть приняты в состав нашей партии группы бывших эсеров, которые по своему заявлению могут быть действительно в наши ряды приняты. Возражений нет? Принимается.

Теперь, товарищи, разрешите от имени съезда послать заболевшей Кларе Цеткин следующее пожелание:

Тов. Кларе Цеткин.

XII съезд РКП шлет горячий привет пионеру международного пролетарского движения, вождю Коммунистического Интернационала, лучшему другу пролетарской России Кларе Цеткин и желает ей скорого выздоровления. (Аплодисменты).

Товарищи, от имени Президиума мы послали приветствие одному из старейших членов нашей партии, ныне больному, не могущему принять участие в активной работе, т. Ольминскому, и доводим до вашего сведения текст этой телеграммы. (Аплодисменты).

Тов. М. С. Ольминскому.

Дорогой товарищ! XII съезд РКП (большевиков) шлет Вам, одному из пионеров и активнейших деятелей нашей партии, горячий коммунистический привет.

В Вашем лице съезд приветствует всю старую гвардию РКП, в тягчайших условиях царизма закладывавшую фундамент партии российского рабочего класса. Съезд выражает сожаление, что болезнь помешала Вам, тов. Ольминский, принять участие в его работах, и выражает глубокую надежду, что в самом близком будущем Вы вернетесь в ряды активных работников РКП. (Аплодисменты).

Товарищи, работы съезда закончены. Слово предоставляется тов. Зиновьеву. (Аплодисменты).

Зиновьев. Тов рищи, среди нас немало старых революционеров, не раз смотревших в лицо величайшей опасности. Среди нас, присутствующих на съезде, не так много робких людей, и, тем не менее, я думаю, товарищи, что я скажу правду, если напомню, что на первое заседание нашего съезда мы шли не без тревоги и, можно сказать, не без робости. Мы ясно отдавали себе отчет в том, какая гигантская ответственность выпадает на участников настоящего съезда, которому пришлось принимать ответственнейшее решение в первый раз за время существования советской власти без нашего испытанного рулевого и учителя, без Владимира Ильича. Я думаю, товарищи, что сегодня, на последнем заседании нашего съезда, правда, сильно уставшие, мы можем и должны констатировать, что уйдем-то мы с последнего заседания вполне уверенные в том, что, несмотря на постигшее нас горе, мы сумели на основании коллективного опыта нашей партии принять решения, глубоко правильные и дающие надежные указания для дальнейшей работы. Съезд наш, можно это сказать без хвастовства, был одним из самых содержательных партийных съездов, на которых только удалось участвовать старым работникам нашей партии.

Мы разрешили целый ряд важнейших проблем, которые определяют дорогу партии, может-быть, не на один год.

Мы приняли прежде всего важнейшее решение в области взаимоотношений рабочего класса и крестьянства. Мы должны сказать сейчас всему крестьянству России, оно должно знать, что испытанная политика нашей партии, стало-быть, и Советской власти в крестьянском вопросе остается безусловно и целиком той же, какой она была, когда эту политику непосредственно направлял и определял т. Ленин, к которому не только рабочий класс нашей страны питает беспредельное доверие, но и громадное большинство российского крестьянства. Наш курс в крестьянском вопросе остается старым. Прислушиваясь к по-

требностям, назревшим в условиях жизни, мы приняли решения, которые должны улучшить связь рабочего класса с крестьянством, и которые должны облегчить материальное положение крестьянства во всем, в чем только это было можно. Основная координация двух классов, от которых зависят и будущее, и настоящее нашей революции, остается старой: это—неразрывный союз рабочего класса с многомиллионным крестьянством.

Мы приняли важнейшее решение в вопросе о диктатуре партии. Совершенно одиноко прозвучали голоса тех, которые думали, что в этой области нам надлежит сделать тот или другой, хотя бы самый легкий, пересмотр. Съезд, на-редкость единодушный в этом, как и во всех остальных вопросах, подчеркнул ту линию, которая является единственно марксистской, единственно правильной. Все наши резолюции приняты в последнем счете единогласно. В вопросе о диктатуре нашей партии нет и не может быть ни малейших отступлений от той дороги, по которой мы шли, и по которой мы пойдем дальше. Вы слышали голоса беспартийных рабочих на историческом заседании, состоявшемся в Москве. Голос этих рабочих есть голос рабочего класса всей нашей страны. Рабочие чутко прислушиваются, в том числе и беспартийные, к тому, нет ли трещины в наших собственных рядах, но им и в голову не приходит, что наступает момент пересмотра вопроса о диктатуре. Руководящая роль нашей партии входит в сознание, в плоть и кровь рабочего класса нашей страны. И, конечно, не мы, построившие эту партию, работавшие под ее знаменами многие годы, не мы будем колебать эту основу нашей партийной политики. Мы приняли решение крупнейшей важности по вопросу о промышленности. Еще год-два назад мы ставили себе скромнейшую задачу начать с поднятия мелкой промышленности, кустарной промышленности, связанной с сельским хозяйством. И только на этом съезде мы имели право, стало-быть, долг поставить перед нашей партией, перед рабочим классом и перед всей страной вопрос о поднятии крупной промышленности. Мы не ставили этого вопроса преждевременно. Мы поставили его тогда, когда есть серьезные шансы на то, что и в этой области нам удастся двигаться дальше. Если в отчетном году мы имели на круг, примерно, 25% довоенной продукции, то мы твердо надеемся на то, что в ближайшем году этот процент увеличится несомненно, и мы шаг за шагом свою крупную промышленность, твердыню и опору диктатуры пролетариата, будем систематически поднимать.

Мы приняли ряд решений, касающихся нашего государственного аппарата,—решений, важность которых, может-быть, сегодня не всем нам еще вполне ясна. В области практической мы еще далеко не сказали последнего слова, но важно то, что вопрос поставлен на очередь. Он займет ряд лет, но не сойдет с порядка дня нашей текущей работы до тех пор, пока мы с чистой совестью не сможем сказать себе и рабочим всего мира, что мы покончили в течение пяти лет с гражданской войной, теперь сумеем создать государственный

аппарат, действительно достойный рабоче-крестьянской страны, действительно социалистический, пролетарский, который вместо того, чтобы быть тормозом в наших начинаниях, как это кое-где было, станет могучим рычагом в руках рабочего класса, который держит власть в своих руках. Мы приняли, наконец, важнейшее решение по национальному вопросу,—вопросу трудному, сложному вопросу, который в деталях, может-быть, тоже еще не окончательно разрешен нашим съездом, но который в основном, несомненно, указал пролетариям всего нашего союза правильную дорогу, и мы сумеем добиться того, чтобы эти важнейшие, исторической важности тезисы были проведены в жизнь, и чтобы мы не должны были в скором времени возвращаться к этому вопросу.

Дело не только в том, что было в этом зале, а дело в том, что будет завтра за пределами этого зала, за пределами нашего съезда и за пределами нашей партии, поскольку дело идет о самом рабочем классе, о всей нашей стране. Мы приняли единогласно резолюцию. Что это значит? В организации, созданной по принципу добровольной принадлежности к ней? Это значит, что мы, находящиеся сейчас в тяжелом положении, дали друг-другу добровольное слово революционера в том смысле, что решения, принятые нами в духе большевизма, старой школы тов. Ленина,—эти решения мы понесем в массу, останемся верными им до конца. Вот почему мы имеем полное право сказать, не для красного словца, а потому что это правда, что все спекуляции наших противников, имя же им легион, относительно того, что у нас в связи с отсутствием учителя и вождя нашей партии начнется разделение, начнется борьба,—на основании работ съезда, что этого нет и никогда не будет. (Аплодисменты). Если мы с робостью и с тревогой входили в первый день наших работ в этот зал, то мы наблюдали сами, как с каждым часом крепчал голос нашего съезда, потому что мы чувствовали, какая великая организация наша старая большевистская партия, какой неиссякаемый источник сил представляет она из себя для всех нас, как спаяна она, несмотря на все невзгоды, которые выпадают на нашу долю в последнее время.

С полным сознанием ответственности, которая лежит на нас, мы уйдем с этого съезда и пожелаем себе и всему российскому пролетариату, чтобы на будущем съезде непосредственное руководство делами нашей партии еще и еще раз принадлежало не кому иному, как Владимиру Ильичу Ленину. (Продолжительные аплодисменты). Давайте, товарищи, не покладая рук, работать в духе единогласных решений, которые наша партия вынесла еще и еще раз, и еще не раз мы удивим мир стойкостью, выдержкой, дисциплиной, единством и дальновидностью нашей великой партии.

Да здравствует Российская Коммунистическая Партия! (Продолжительные аплодисменты. Интернационал).

ПРИЛОЖЕНИЯ.

Резолюции XII съезда Российской Коммунистической Партии (большевиков).

I. По отчету ЦК РКП.

XII съезд всецело одобряет политическую и организационную линию ЦК, обеспечившую партии и за этот год серьезные успехи.

Съезд в частности полностью одобряет международную политику, направлявшуюся ЦК, и решительно осуждает какие бы то ни было колебания в этой области. Съезд категорически подтверждает незыблемость монополии внешней торговли и недопустимость какого-либо ее обхода или колебаний при ее проведении и поручает новому ЦК принять систематические меры к укреплению и развитию режима монополии внешней торговли.

Отношение широчайших масс рабочих к РКП есть один из лучших критериев правильности политики партии за истекший год. Партия завоевала безраздельную поддержку со стороны всего пролетариата, внушив доверие к работе РКП даже тем более отсталым слоям рабочих, которые в течение пяти лет революции так или иначе чуждались работы коммунистов и с известным скептицизмом относились к советской власти. Подняты производительность труда и зарплата рабочих, увеличился интерес рабочих к вопросам политического и хозяйственного строительства, значительно укрепился авторитет профсоюзов, сделала значительные завоевания кооперация.

Первые признаки начинающегося хозяйственного возрождения страны налицо. Начинается период уточнения и конкретизации методов хозяйствования при НЭП'е, значение которого усвоено всей партией.

Сельское хозяйство еще долго останется основой хозяйства советской страны. Твердо памятуя это, рабочий класс, руководимый нашей партией, вместе с тем, направит самые энергичные усилия на поднятие государственной промышленности в городах, прежде всего в тяжелой индустрии, которая одна только может явиться прочным фундаментом действительно социалистического строительства.

Целесообразная постановка экспорта излишков русского хлеба за границу стала первостепенной важности задачей, ибо разрешение ее

послужит стимулом крестьянину для увеличения запашек, даст возможность установить более правильное соотношение между ценами на хлеб и ценами на продукты промышленности, равно увеличит возможность обеспечить сельское хозяйство в нужной мере продуктами промышленности, необходимыми для земледелия страны, и, благодаря общему увеличению средств страны, поможет быстрее поставить на ноги тяжелую индустрию. Еще более тесная связь города с крестьянством, составляющим громадное большинство населения России, всестороннее обслуживание деревни передовыми рабочими, руководимыми нашей партией, широкая организация шефства и пр., осторожная линия, учитывающая действительную платежеспособность крестьянства при взимании налогов,—вот коренные практические вопросы, стоящие перед партией на ближайший период.

В тесной связи с этим стоит важнейшая политическая задача партии, определяющая весь исход революции: с величайшим вниманием и тщательностью оберегать и развивать союз рабочего класса с крестьянством. Под этим углом зрения партия должна подходить к разрешению всех важнейших очередных проблем, не упуская из вида, что удельный вес госпромышленности во всей экономике страны может увеличиваться лишь постепенно и лишь при неуклонной и систематической работе партии над улучшением организации промышленности, повышением ее прибыльности и т. д.

XII съезд подтверждает к неуклонному исполнению резолюции предыдущих съездов о необходимости точного разделения труда между партийными и советскими организациями, о лучшей специализации хозяйственных и административных работников в каждой отрасли работы, о строгом соблюдении принципа личной ответственности за порученное дело. XII съезд подтверждает решение XI съезда о том, что „парторганизации сами разрешают хозяйственные вопросы лишь в тех случаях и в той части, когда эти вопросы действительно требуют принципиального решения партии“. Но съезд предостерегает против слишком расширительного истолкования упомянутых решений, могущего создать политические опасности для партии. В переживаемый период РКП руководит и должна руководить всей политической и культурной работой органов государственной власти, направляет и должна направлять деятельность всех хозяйственных органов республики. Задача партии не только в том, чтобы правильно распределить своих работников по отдельным отраслям государственной работы, но и в том, чтобы во всем существенном определять и проверять самый ход этой работы. Партия ни в коем случае не может теперь ограничиваться только общей пропагандой и агитацией. Диктатура рабочего класса не может быть обеспечена иначе, как в форме диктатуры его передового авангарда, т.-е. компартии. Систематически привлекая к хозяйственной и общегосударственной работе все, что есть ценного среди беспартийных рабочих и крестьян, партия, вместе с тем, не может ни на минуту забыть, что главная ответственность за работу хозяйственных и общегосударственных органов лежит на РКП, ибо она одна

исторически призвана быть действительным проводником диктатуры рабочего класса. Еще ближе к хозяйству, еще больше внимания, руководства сил хозорганам,—таков лозунг партии на ближайший период.

По мере усиления хозяйственной работы партии все большее значение постепенно должно завоевывать плановое начало. Съезд напоминает, что основной плановой хозработой на ряд лет остается утвержденный советской властью план электрификации России, который должен остаться краеугольным камнем всех хозяйственных усилий республики.

В связи с необходимейшей смычкой с крестьянством стоит задача правильной политики в национальном вопросе. Крупнейшей опасностью для партии было бы недостаточно внимательное отношение к интересам трудящихся масс громадного количества ранее угнетенных национальностей на территории СССР. Партия обязана вести решительную борьбу прежде всего с остатками великорусского шовинизма. Только решительной борьбой с великорусским шовинизмом можно обеспечить прочность союза и обеспечить влияние партии среди трудящихся масс других стран.

Задача радикальной переделки и систематического улучшения всего госаппарата впервые теперь, после полного окончания гражданской войны, может быть поставлена партией на очередь, как первостепенная задача, которая будет выполнена лишь в течение ряда лет и лишь при величайшей осторожности и продуманности предпринимаемых мер реорганизации. Задача создания дешевого и действительно нового, действительно социалистического аппарата есть важнейшая задача ближайших лет. Только успешное разрешение ее обеспечивает неразрывный союз рабочих и крестьян.

С другой стороны, и сама партия постепенно перестраивается, самоочищается, перегруппировывает ряды, проверяет опытом принятые решения и заново формулирует ряд основных своих задач применительно ко всей переходной эпохе НЭП'а.

В частности партии приходится иметь в виду, что ее хозяйственное крыло (часть хозяйственников), имеющее громадное значение для судеб революции, уже по условиям своей работы ныне подвергается известной опасности воздействия со стороны буржуазных элементов НЭП'а. Партия выдвигает в число хозяйственников лучших своих людей. Но она вынуждена при этом иметь в виду не только строгую партийность, партстаж и т. п, но и хозяйственную практичность и деловитость. Оба эти критерия не всегда легко объединяются в одном лице. Приходится поступаться то тем, то другим из них. В виду этого, подбор кадра хозяйственников становится крупнейшим и труднейшим делом. Уменьшающееся кое-где число рабочих-коммунистов в хозорганах есть явление, опасное для партии, и ЦК должен принять ряд мер против этой опасности. Съезд полностью подтверждает постановление августовской 1922 г. Всероссийской партконференции, направленное к сокращению материального неравенства в партии (запрещение участия

в прибылях, обязательные вычеты из высоких жалований в пользу партийных фондов взаимопомощи и т. д.), таящего в себе в условиях НЭП'а особенно большие опасности.

Съезд констатирует, что ЦК партии ни на одну минуту не закрывал глаза на существующие опасности перерождения отдельных клеточек партии. Именно это позволяло ему во-время прин .мать надлежащие меры.

Реорганизованные РКИ и ЦКК могут и должны стать главным рычагом партии для разрешения указанных задач.

Одобряя план радикальной реорганизации РКИ и ЦКК, съезд убежден, что надлежащее улучшение центральных аппаратов госконтроля и партконтроля, при необходимой организационной связи между ними и систематическом сочетании их усилий, даст возможность достигнуть обеих целей: 1) приступить к решительному улучшению госаппарата и 2) обезопасить партию от искривления линии и фактического отрыва отдельных групп работников от партии в целом.

Съезд с удовлетворением отмечает улучшение Оргаппарта ЦК и всей организационной работы партийного центра вообще и поручает новому ЦК поднять на большую высоту дело Учраспреда, которому надлежит теперь сыграть в порядке правильного распределения сил особо большую роль для обеспечения за партией действительного руководства во всех без исключения областях управления. Съезд отмечает также улучшение партработы в таких областях, как партийная печать, работа среди РКСМ, работа среди работниц и крестьянок, учебная работа (совпартшколы, коммуниверситеты, рабфаки и Вузы) по подготовке пролетарской интеллигенции.

Съезд поручает ЦК уделить особое внимание двум задачам: а) систематическому улучшению социального состава партии в том смысле, чтобы добиться абсолютного численного преобладания промышленных рабочих в партии, и б) усилению во много раз работы по поднятию культурного уровня рядовых членов партии путем более интенсивной партийно-воспитательной работы и т. п.

XII съезд не может закрыть глаза на то, что обстановка НЭП'а создает почву для уклонов, опасность которых должна быть предусмотрена партией, и которым партия должна с самого же начала дать решительный идейный отпор. Особенно опасными и губительными для исторической миссии нашей партии являются те уклоны, которые противопоставляют советское государство рабочему классу и партию советскому государству.

Противопоставление советского государства, опирающегося на союз рабочих и крестьян, интересам рабочего класса и диктатуре партии является ныне главнейшим агитационным орудием всех врагов нашей партии и принимает в их руках явно контр-революционный характер. Но этот же ход мыслей принимает и другие формы, формы доброжелательной „критики“ политики нашей партии „слева“ или „справа“ (в виде попыток увеличить „независимость“ советских и хозяйственных органов от партии),—иногда не встречающие достаточно реши-

тельного отпора в рядах нашей партии, особенно среди ее молодых и недостаточно партийно-воспитанных элементов. Между тем, этот круг идей в своем развитии представляет ни что иное, как ревизию (пересмотр) испытанной пятилетней тактики партии и ведет неизбежно к ликвидаторским выводам.

Поэтому XII съезд особо подчеркивает необходимость и в дальнейшем строго придерживаться тактики, ведущей к укреплению доверия крестьянства к пролетариату и, с другой стороны, обеспечивающей за партией фактическое руководство всем советским, и в частности хозяйственным, аппаратом Советской республики.

XII съезд выражает твердую уверенность, что ЦК РКП решительно отметет все попытки внести какие-либо колебания в наши ряды в этих существеннейших для диктатуры пролетариата вопросах.

XII съезд в частности возобновляет поручение, данное ЦК на XI съезде в связи с бывшей группой „Рабочая оппозиция", и распространяет его на всех, кто будет колебать единство партии в настоящий решающий период революции. Съезд убежден в том, что констатированная среди самых широких слоев членов партии железная воля к единству обеспечит партии на ближайшие годы еще более прочные сплоченность и спайку, нежели это было до сих пор.

Съезд поручает ЦК не упускать из вида опасность возможных новых попыток интервенции со стороны наиболее непримиримых элементов империалистического лагеря. Чем более осложняется для буржуазии международное политическое положение (рурские события и т. п.), чем больше растет международная буржуазная реакция (фашизм), тем больше шансов на то, что в определенный момент будет сделана новая попытка военного нажима на СССР. Съезд считает, что партия в целом должна попрежнему уделять всемерное внимание материальным и культурным нуждам Красной армии и Красных флотов.

II. По отчету ревизионной комиссии.

Доклад утвердить. Конкретные предложения передать в организационную комиссию.

III. По отчету ЦКК.

Заслушав доклад ЦКК, съезд признает ее работу правильной и доклад удовлетворительным.

IV. По отчету российского представительства в ИККИ.

XII съезд РКП всецело одобряет деятельность делегации РКП в Исполкоме Коминтерна.

РКП отдает себе полный отчет в тех трудностях, которые переживаются рабочими партиями ряда стран в связи с ростом фашизма и обрушившимися на головы рабочих бешеными репрессиями буржуазной реакции.

Съезд заявляет Коминтерну, что его Российская секция считает своей первейшей обязанностью более, чем когда-либо, всеми силами помогать братским партиям других стран в их борьбе за коммунизм под испытанным руководством III Интернационала.

V. О промышленности.

1. Общая роль промышленности в социалистическом строительстве.

Взаимоотношение, какое существует у нас между рабочим классом и крестьянством опирается в последнем счете на взаимоотношение между промышленностью и сельским хозяйством. Свое руководящее положение рабочий класс может в последнем счете сохранить и укрепить не через аппарат государства, не через армию, а через промышленность, которая воспроизводит самый пролетариат. Партия, профессиональные союзы, союзы молодежи, наши школы и пр. имеют своей задачей воспитание и подготовку новых поколений рабочего класса. Но вся эта работа оказалась бы построенной на песке, если бы не имела под собой растущей промышленной базы. Только развитие промышленности создает незыблемую основу пролетарской диктатуры.

Сельское хозяйство, несмотря на то, что оно все еще находится у нас на низком техническом уровне, имеет первенствующее значение для всей экономики советской России.

Только по мере действительных успехов фабрично-заводской промышленности и восстановления тяжелой индустрии, этой единственно прочной базы диктатуры пролетариата, а также приближения реального завершения работ по электрификации возможны и неизбежны изменение удельного веса сельского хозяйства во всей экономике страны и перемещение центра тяжести от крестьянского хозяйства к промышленности. Партия систематически и настойчиво, не останавливаясь перед жертвами и не щадя никаких усилий, должна работать над ускорением этого процесса путем возможно быстрого восстановления промышленности и тяжелой индустрии.

Как долго будет длиться период преобладающего значения крестьянского хозяйства в экономике нашей федерации,—это определится не только внутренними нашими хозяйственными успехами, которые, в виду указанных общих условий, могут иметь лишь постепенный характер, но и ходом развития за пределами России, т.-е. прежде всего ходом революции на Западе и Востоке. Низвержение буржуазии в какой-либо из передовых капиталистических стран уже очень скоро отра-

зилось бы на всем темпе нашего хозяйственного развития, умножив материально-технические ресурсы социалистического строительства. Имея всегда перед собой эту интернациональную перспективу, наша партия в то же время не должна ни на минуту забывать или хотя бы упускать из вида при оценке любого своего шага фактически преобладающего значения крестьянского хозяйства.

Не только игнорирование, но и недостаточно внимательное отношение к этому обстоятельству было бы чревато неисчислимыми опасностями как в области экономической, так и в области чисто-политической, ибо неизбежно подрывало бы или ослабляло бы тот союз пролетариата и крестьянства, то доверие крестьянства к пролетариату, которые для данного исторического переходного периода являются одной из самых основных опор диктатуры пролетариата, и охрана и укрепление которых являются основным условием устойчивости советской власти, а следовательно, и основной задачей партии.

Необходимо помнить решения предыдущих съездов партии, справедливо подчеркнувших, что признание крестьянством социалистических методов хозяйствования может быть достигнуто только наглядно-показательным путем, т. е. доказательством крестьянству на практике в течение ряда лет того факта, что коллективное хозяйство экономически выгоднее, рациональнее и т. п.

В области финансов нынешняя политика экономии государственных средств, правильной системы налогов, правильно построенного бюджета, которая должна и будет проводиться и впредь с неослабной энергией, решающих успехов сможет, однако, достигнуть только при условии прибыльности государственной промышленности и ее энергичного развития.

Задачи обороны страны при крайне сокращенной, приближенной к кадровому составу армии и при вытекающем отсюда постепенном переходе на милиционную систему сводятся в основе своей к вопросу о транспорте и военной промышленности.

В этом смысле построение нашего бюджета, государственная кредитная политика, система мероприятий по военной безопасности государства, вся вообще государственная деятельность должны на первое место ставить заботу о планомерном развитии государственной промышленности.

Возрождение государственной промышленности при общей хозяйственной структуре нашей страны будет по необходимости находиться в теснейшей зависимости от развития сельского хозяйства, необходимые оборотные средства должны образоваться в сельском зяйстве в качестве избытка сельскохозяйственных продуктов над потреблением деревни, прежде чем промышленность сможет сделать решительный шаг вперед. Но столь же важно для государственной промышленности не отставать от земледелия, иначе на основе последнего создалась бы частная индустрия, которая, в конце-концов, поглотила бы или рассосала государственную.

Победоносной может оказаться только такая промышленность,

которая дает больше, чем поглощает. Промышленность, живущая за счет бюджета, т.-е. за счет сельского хозяйства, не могла создать устойчивой и длительной опоры для пролетарской диктатуры. Вопрос о создании в государственной промышленности прибавочной стоимости есть вопрос о судьбе советской власти, т.-е. о судьбе пролетариата.

Расширенное воспроизводство государственной промышленности, немыслимое без накопления государством прибавочной стоимости, есть, в свою очередь, условие развития нашего сельского хозяйства в социалистическом, а не в капиталистическом направлении.

Через государственную промышленность пролегает, таким образом, путь к социалистическому общественному строю.

2. Актив и пассив первого периода НЭП'а.

Оздоровляющее влияние новой экономической политики на хозяйственную жизнь страны бесспорно. Оно нашло свое выражение в оживлении промышленной деятельности, в росте продукции многочисленных и существенных отраслей промышленности, в повышении производительности труда и качества продуктов, в несомненном и очень значительном улучшении положения рабочих, и прежде всего в более правильном подходе как к основным, так и к частным хозяйственным задачам, что является основной предпосылкой их действительного разрешения в будущем. Тем не менее, фактическое положение промышленности остается еще в высшей степени тяжелым. Оживление легкой промышленности, естественно объясняемое самым фактом восстановления рынка при удовлетворительном урожае, далеко не во всех предприятиях и отраслях легкой промышленности несет в себе залог правильного дальнейшего развития. Несмотря на крайнюю свою высоту, особенно по сравнению с ценами сельскохозяйственных продуктов, цены продуктов легкой промышленности далеко не всегда имеют восстановительный характер и, стало-быть, не обеспечивают расширения производства. Повышение активности ряда трестов было достигнуто за счет старых запасов сырья, восстановление которых представляет ныне одну из самых важных и острых задач хозяйственной политики государства. С другой стороны, тяжелая промышленность, едва пришедшая в соприкосновение с рынком, целиком по существу зависящая от государственных заказов, нуждается для своего восстановления в крупных и правильно рассчитанных денежных вкладах государства. Это же относится в значительной мере и к железнодорожному и водному транспорту.

Таким образом, еще не достигнутая вследствие всей совокупности условий хозяйства, здоровая регулировка цен легкой промышленности (крайняя высота их при недостижении ими зачастую восстановительного уровня) и отставание тяжелой промышленности от легкой представляют собой главный пассив первого периода НЭП'а, вызванный как общим состоянием хозяйства до НЭП'а, так и неизбежной ломкой хозяйственных отношений при переходе к НЭП'у. Дости-

жение более отвечающей потребностям промышленного развития регулировки цен на основах рынка, установление более нормальных соотношений между отраслями легкой промышленности и теми отраслями промышленности и сельского хозяйства, которые поставляют ей сырье, наконец, выравнивание фронта тяжелой промышленности и легкой,—таковы коренные задачи государства в области промышленной деятельности в наступившем ныне втором периоде НЭП'а. Задачи эти могут быть разрешены лишь при правильном соотношении рынка и плана.

3. Задачи и методы плановой работы.

В советской России, где главные средства промышленности и транспорта принадлежат одному владельцу — государству, активное вмешательство последнего в хозяйственную жизнь должно по необходимости получать плановый характер, и, в виду господствующей роли государства, как собственника и хозяина, плановое начало приобретает тем самым уже на первых порах исключительное значение.

Весь предшествующий опыт показал, однако, что план социалистического хозяйства не может быть установлен априори, теоретическим или бюрократическим путем. Действительный социалистический хозяйственный план, объемлющий все отрасли промышленности в их отношении друг к другу и взаимоотношении всей промышленности в целом с сельским хозяйством, возможен только в результате длительного подготовительного хозяйственного опыта на основах национализации, непрерывных усилий практического согласования работы разных отраслей хозяйства и правильного учета результатов.

На ближайший период задача имеет, таким образом, общедирективный и в значительной мере подготовительный характер. Она не может быть определена одной какой-либо формулой, а предполагает постоянное и бдительное приспособление руководящего хозяйственного аппарата, его основных заданий, его методов, его практики к рыночным явлениям и отношениям. Только в своем окончательном развитии плановые методы могут и должны подчинить себе рынок и тем самым упразднить его.

Отсюда совершенно ясны две опасности, связанные с применением государственных плановых методов хозяйства в ближайшую эпоху: а) при попытке опередить путем планового вмешательства хозяйственное развитие, заменить регулирующую работу рынка административными мероприятиями, для которых живой хозяйственный опыт еще не создал необходимой опоры, совершенно неизбежны частные или общие хозяйственные кризисы того специфического типа, какие мы наблюдали в эпоху военного коммунизма („заторы“, „пробки“ и пр.); б) при отставании централизованного регулирования от явно назревших потребностей в нем мы будем иметь разрешение хозяйственных вопросов неэкономными методами рынка и в тех случаях, когда современное административно-хозяйственное вмешательство мог-

ло бы достигнуть тех же результатов в более короткий срок и с меньшей затратой сил и средств.

Поскольку мы перешли к рыночным формам хозяйства, государство обязáно предоставить отдельным предприятиям необходимую свободу хозяйственной деятельности на рынке, не пытаясь заменить ее административным усмотрением. Но если каждый трест для успеха своей работы должен чувствовать себя свободно ориентирующимся и несущим полноту ответственности за свою работу, то, с другой стороны, государство должно видеть в трестах и в других объединениях свои служебные органы, при помощи которых оно прощупывает рынок в целом и тем делает возможным ряд практических мероприятий, превосходящих рыночную ориентировку отдельных предприятий или объединений. Центральный хозяйственный орган может, например, сделать вывод о необходимости ликвидации отдельного треста задолго до того, как этот последний на практике убедится в безнадежности своего положения.

Взаимоотношения между легкой промышленностью и тяжелой никак не могут разрешаться только рыночным путем, ибо это фактически грозило бы в ближайшие годы разрушением тяжелой промышленности, с перспективой восстановления ее затем в результате стихийной работы рынка, но уже на основах частной собственности.

Таким образом, в отличие от капиталистических стран, область планового начала не ограничивается у нас рамками отдельных трестов или синдикатов, а распространяется на всю промышленность в целом. Мало того: государственный план должен охватывать взаимоотношения промышленности, с одной стороны, земледелия, финансов, транспорта, торговли внутренней и внешней—с другой стороны.

Другими словами, поскольку государство остается не только собственником, но и хозяйствующим субъектом в отношении большинства производительных сил промышленности и транспорта и в отношении кредитных средств, постольку плановые начала при НЭП'е по объему немногим отличаются от планового начала в эпоху военного коммунизма. Но оно радикальнейшим образом отличается по методам. Главкократическое администрирование сменяется хозяйственным маневрированием.

В своем административном применении плановые методы должны расширяться с чрезвычайной осторожностью путем тщательного прощупывания почвы.

Подготовка должна состоять в хозяйственном предвидении и инструктировании соответственных органов относительно тех или других явлений, которые неизбежно или по всей вероятности возникнут в такой-то хозяйственный момент (в связи с появлением на рынке хлеба нового урожая, отливом денежных средств в деревню и пр., и пр.), с возможной конкретизацией такого предвидения по отдельным отраслям промышленности и по районам, с примерными календарными директивами относительно необходимых мероприятий для использования ожидаемой ситуации.

Совершенно очевидно, что основное планирование промышленности не может быть достигнуто внутри самой промышленности, т.-е. одними лишь усилиями ее руководящего административного органа— ВСНХ, а должно составлять задачу особого планового органа, стоящего над организацией промышленности и связывающего эту последнюю с финансами, транспортом и пр. Таким органом является, по положению своему, Госплан. Необходимо, однако, придать Госплану более определенное положение, более твердую организацию, более ясные и бесспорные права, а особенно обязанности. Должно быть установлено в качестве незыблемого начала, что ни один общегосударственный хозяйственный вопрос не проводится в высших органах республики помимо Госплана. Этот последний, независимо от того, исходит ли инициатива от него самого или от какого-либо из ведомств, должен проанализировать новые вопрос, проект или предложение в связи со всей остальной хозяйственной работой и этим самым определить их удельный вес и значение. Необходимо решительнейшим образом отметить в центре, как и на местах попытки ведомств и учреждений добиваться тех или иных решений обходным путем, в порядке спешности, неотложности, импровизации, рассматривая такие попытки, как проявление хозяйственной непредусмотрительности и как вреднейшие остатки административной партизанщины.

Успешность работы каждого ведомства должна оцениваться в значительной степени в зависимости от того, в какой мере оно своевременно вносит свои предположения и предложения в Госплан для их всесторонней разработки и согласования. Тем более успешность работы самого Госплана должна оцениваться с точки зрения своевременного возбуждения им хозяйственных вопросов, правильного предвидения завтрашнего дня и побуждения отдельных ведомств к своевременному сметному и практическому согласованию тех областей и отраслей их работы, которые требуют такого согласования.

Необходимо бороться через посредство Госплана с созданием всякого рода временных и случайных комиссий: исследующих, направляющих, проверяющих, подготовляющих и пр., которые являются величайшим злом нашей государственной работы. Необходимо обеспечить правильную работу через нормальные и постоянные органы. Только так возможны улучшение этих органов и развитие в них необходимой гибкости путем всестороннего их приспособления к поставленной им задаче на основе непрерывного опыта.

Не предрешая вопроса о том, понадобится ли в дальнейшем наделить руководящий плановый орган, главный штаб государственного хозяйства—Госплан теми или другими административными правами, и какими именно, представляется достаточным на ближайший период установить, что в тех случаях, когда плановое руководство требует принудительной силы, санкция на таковую должна исходить от соответственных органов центральной власти (отдельных хозяйственных комиссариатов, СТО, СНК, Президиума ВЦИК).

Выработка общехозяйственного плана, особенно в условиях эко-

номической и культурной отсталости СССР, может итти успешно лишь постольку, поскольку отдельным хозяйственным областям предоставляется необходимая самостоятельность в разрешении хозяйственных задач, вытекающих из их естественных и производственных условий. Общесоюзная плановая работа должна состоять прежде всего в правильном учете и направлении работы отдельных областей и в органическом объединении областных планов и хозяйственных задач общесоюзного порядка в единый план СССР.

При разрешении основных хозяйственных вопросов должны полностью учитываться интересы и права национальных республик. Разрешение общеплановых задач, падающих на национальные республики, должно проводиться через соответственные их органы в постоянном и тесном согласовании работы с ними. Только таким образом будет постепенно достигнуто наиболее целесообразное распределение промышленности в соответствии с естественными условиями, источниками сырья, энергии и пр.

4. Тресты, их роль и необходимые преобразования.

Государство является владельцем основных средств производства и транспорта. Отдельные хозяйственные ведомства и внутри этих ведомств отдельные органы, учреждения и объединения (тресты) управляют порученными им частями государственного хозяйства в тех пределах самостоятельности, которые вызываются потребностями хозяйствования в нынешних рыночных условиях, и которые определяются сверху, т.-е. выше стоящими государственными органами.

Право государства распоряжаться всем свободным от обязательств достоянием трестов, железных дорог и пр. остается неограниченным. Фактически предел и форма вмешательства государственной власти в текущую работу хозяйственных органов и этих последних в текущую работу отдельных полномочных учреждений, трестов и пр. определяются исключительно с точки зрения хозяйственной целесообразности и регулируются соответственными положениями.

Большая часть государственной промышленности организуется в виде трестов, т. е. пользующихся широкой хозяйственной автономией объединений, выступающих свободно на рынке, как меновые хозяйства. Эти хозяйственные объединения, как и входящие в их состав отдельные предприятия, имеют своей основной задачей извлечение и реализацию прибавочной ценности в целях государственного накопления, которое только и может обеспечить поднятие материального уровня страны и социалистическое переустройство всего хозяйства.

Государственные предприятия, работающие непосредственно на удовлетворение важнейших государственных потребностей, как военная промышленность, должны быть также целиком подчинены требованиям повышения производительности труда и понижения себестоимости на единицу продукции.

В виду того, что самый переход от военного коммунизма к НЭП'у

совершался в значительной мере методами военного коммунизма, группировка предприятий, разбивка их на тресты, распределение средств между трестами, кредитование их имели и в значительной мере имеют и по сей день априорный, бюрократический характер. С точки зрения хозяйственной плановой работы это лишь грубые черновые опыты. Исправлять и переделывать их можно и должно уже не умозрительным путем, а на основании проверки через опыт, через комбинацию элементов рыночного и административного опыта изо дня в день.

Жалобы на недостаток оборотных средств свидетельствуют лишь о том, что государство взяло на себя при переходе к НЭП'у ведение большего количества промышленных предприятий, чем ему это под-силу при общем хозяйственном состоянии страны, как оно сложилось в результате нескольких лет гражданской войны и блокады. Следствием этого являются неустойчивость предприятий, работа с перебоями и, главное, недостаточная нагрузка, что ведет, в свою очередь, к чрезвычайному повышению себестоимости продукции и к сужению рынка со всеми вытекающими отсюда хозяйственными затруднениями.

Выход из положения лежит на пути радикальной концентрации производства на технически наилучше оборудованных и географически наилучше расположенных предприятиях. Выдвигаемые против этого разного рода побочные и второстепенные соображения, как бы существенны они ни были сами по себе, должны отступать на задний план перед основной хозяйственной задачей: обеспечением государственной промышленности необходимыми оборотными средствами, понижением себестоимости, расширением рынка, извлечением прибыли.

Распределение заказов должно в дальнейшем строго сообразоваться с интересами правильной концентрации производства. Пересмотр строения и состава трестов, производимый под углом зрения как чисто-производственных, так и коммерческих условий, должен быть совершенно свободен от предрассудков бюрократического единообразия в деле сочетания предприятий только по горизонтальному или только по вертикальному принципу; руководящими при пересмотре должны быть не формальные, а материальные соображения о связи, взаимозависимости предприятий, об их географическом расположении по отношению друг к другу, по отношению к транспорту и рынку (комбинаты и пр., и пр., и пр.). Отмечая притязания ведомственные или местные, поскольку они вступают в конфликт с принципом более выгодной, более прибыльной организации производства, необходимо внимательно заслушать и учесть голос самих заинтересованных трестов и отдельных заводов, поскольку их живой опыт доказал необходимость отступления от организационного схематизма.

Понижение издержек производства должно производиться не с точки зрения мимолетных успехов на рынке, а в перспективе возрождения и развития хозяйственной мощи страны.

Калькуляция, учитывающая сырой материал по фиктивным ценам

вчерашнего дня, не имеет ничего общего с понижением себестоимости и должна сурово караться, как расточение государственного достояния.

Равным образом совершенно неправильной и гибельной была бы политика временного удешевления цен за счет нанесения прямого или косвенного ущерба тяжелой промышленности. Без восстановления последней легкая промышленность, как и все хозяйственное строительство, была бы лишена фундамента. Уголь, нефть, металл, — вот те отрасли промышленности, успехи которых действительно обеспечат и хозяйственное процветание республики, и ее внешнюю безопасность.

Только при повседневном и твердом руководстве трестами со стороны ВСНХ, сочетающего в духе указанных директив все основные элементы промышленности, предвидящего и подготовляющего их необходимые комбинации, обеспечивающего правильное и своевременное использование всех факторов производства на всех его стадиях (топливо, сырье, полуфабрикат, машины рабочая сила и пр.), возможны не частные только, а общие успехи на промышленном фронте.

5. Промышленность и торговля.

Без правильной организации сбыта успехи производства будут и впредь приводить к чрезмерному увеличению торговых накладных расходов, к частичным завалам, т.-е. кризисам торговой беспомощности, не находящим себе оправдания в состоянии даже и нынешнего крайне узкого рынка. Разработка низших звеньев торгового аппарата, способных обеспечить действительную, по возможности немногочленную, связь промышленности с крестьянским рынком, должна стоять на первом плане. Что касается синдицирования, призванного играть все возрастающую роль, то оно должно в ближайший период проводиться с должной осмотрительностью и в полном соответствии с состоянием рынка и ресурсами трестов. Превращение синдикатов в торговые „главки“ ничего, кроме стеснения торговой деятельности и повышения накладных расходов, не принесло бы. Принудительность синдицирования должна быть хозяйственно подготовлена и коммерчески оправдана.

Съезд подтверждает все принятые ранее решения о кооперации, как торговом аппарате, долженствующем во все возрастающих размерах соединять государственную промышленность с сельским хозяйством. Дальнейшее улучшение этого аппарата, радикальное сокращение накладных расходов, создание со стороны всех государственных органов наиболее благоприятных условий для дальнейшего развития кооперативного аппарата с целью превращения его в основного посредника между госпромышленностью и с. х. производством являются одной из основных задач государственного регулирования народного хозяйства.

В виду крайнего несоответствия торгового аппарата размерам операций, надлежит направить все усилия к максимальному удешевле-

нию торговых расходов путем сокращения торговых аппаратов, упорядочения процесса сбыта, ликвидации лишних представительств, в частности путем передачи ряда торговых функций наиболее жизненным местным государственным и кооперативным органам.

Торговые органы, как государственные, так и кооперация, внимательно изучая рынок, должны побуждать предприятия легкой промышленности более систематически и внимательно приспособлять свое производство к потребностям рабочего и крестьянского потребителя.

Большая оперативная самостоятельность трестов и отдельных предприятий, более гибкая деятельность синдикатов и все вообще положение нашей промышленности требуют несравненно большей согласованности чисто-производственной деятельности с чисто-торговой. Это относится как к внутренней, так и к внешней торговле. Не предопределяя организационных форм этого согласования, надлежит установить уже сейчас, что систематическое изучение накопляющегося в этой области опыта и выработка практических методов согласования промышленной и торговой деятельности представляют собой жизненную задачу, разрешение которой возможно только при постоянном координировании усилий ВСНХ, Наркомвнешторга, Комвнуторга и при активном участии Госплана под общим руководством СТО.

6. Фабрика.

Корень производственного успеха или, наоборот, неудачи находится в основной промышленной единице, т.-е. на фабрике и заводе. Правильная постановка дела на каждом отдельном предприятии, и притом не только с технически-производственной, но и с коммерческой стороны, представляется вопросом решающей важности.

Сохраняя общее руководство предприятием в своих руках и централизуя те производственные и коммерческие отрасли и операции, которые для этого подготовлены, трест должен в то же время всемерно избегать удушающей централизации, угашения инициативы и механических вторжений в работу своих фабрик и заводов.

Самостоятельная калькуляция и самостоятельный баланс каждого из заводов должны не только давать возможность определения степени его выгодности, его роста или упадка, но и служить общей основой премиальной системы, строго-приноровленной к особенностям предприятия.

7. Калькуляция, баланс и контроль.

Единственная в нынешних условиях серьезная и надежная эмпирическая проверка правильности взаимоотношений предприятия, треста, государства, как и правильности всего хозяйствования, может быть дана только его материальными результатами, как они обнаруживаются в коммерческом балансе. Без правильного счетоводства, охватывающего государственное хозяйство сверху донизу, без научно-по-

ставленной калькуляции, определяющей реальную себестоимость продуктов государственной промышленности, нет никакой гарантии против постепенного распыления или расхищения национализованной собственности, при чем тресты могли бы в этом случае явиться каналами для перекачки государственного достояния в частные руки.

Выработка методов единообразного счетоводства, установление твердой, обязательной для всех трестов и предприятий счетной единицы, единство руководства и инструктирования в деле организации счетоводства, наблюдения за его фактическим проведением, всемерным уточнением и усовершенствованием, на-ряду с упрощением и сокращением нынешней бюрократической отчетности, всякого рода анкет, специальных обследований, перемен формуляров и пр., должны составлять одну из важнейших задач руководящих хозяйственных учреждений, в частности Госплана, при чем целью этой работы должно быть поставлено достижение единого реального баланса всей государственной промышленности, а в дальнейшем и всего вообще государственного хозяйства.

Правильная организация государственной проверки промышленной и торгово-промышленной калькуляции балансов представляет собою насущную задачу Совета Труда и Обороны. Отсутствие такого компетентного и квалифицированного контроля делает иллюзорными все другие виды хозяйственного инспектирования и сеет чувство безответственности, несовместимое с правильно поставленным хозяйством.

8. Заработная плата.

Практика заработной платы за истекший период в общем и целом подтвердила правильность решений XI съезда партии и постановлений V съезда профсоюзов, в частности относительно заключения коллективных договоров между профсоюзами и хозорганизациями.

За истекший год можно констатировать значительный рост заработной платы по всем категориям рабочих, что повлекло за собой и значительное повышение производительности труда.

Общая политика заработной платы должна быть в дальнейшем направлена к большему или меньшему выравнению средней заработной платы во всех отраслях промышленности, с необходимыми поправками на среднюю квалификацию, так, чтобы рабочие однородной или равноценной квалификации оплачивались приблизительно одинаково в разных отраслях промышленности, по возможности независимо от частных колебаний рынка, при действительной обусловленности индивидуальной заработной платы фактической выработкой. Соответственные государственные органы рука об-руку с профессиональными союзами должны направить свои усилия на то, чтобы более благоприятная конъюнктура данной отрасли промышленности шла на пользу не только рабочим этой промышленности, но и рабочему классу в целом, повышая заработок в остальных отраслях, в первую голову в тяжелой индустрии и на транспорте.

Всемерно стремясь к улучшению положения рабочего класса, государственные органы и профессиональные союзы должны памятовать, что длительное и всеохватывающее улучшение возможно только на основе развивающейся, т.-е. приносящей прибыль, промышленности. С этой точки зрения такие меры, как поддержание на ходу предприятий с низкой нагрузкой или содержание на заводе числа рабочих, не соответствующего фактической производительности предприятия, представляют собой самую убыточную и нерациональную форму социального обеспечения и тем самым направлены против завтрашнего дня рабочего класса.

Обременение промышленных предприятий всякого, рода не вытекающими из производства и не предусмотренными законом накладными расходами, как бы важно ни было их значение, приносит неисчислимый вред хозяйству и государству, так как подрывает возможность правильной калькуляции и в полузамаскированном виде навязывает государству расходы, которые при данном состоянии его средств ему не под-силу. Произвольные, т.-е. не указанные законами и не регулируемые государством, „пожертвования“ трестов представляют собой не что иное, как расточение государственного достояния и, как таковое, должны караться по закону.

Необходима внимательная проверка фактического применения в нынешней обстановке кодекса труда и всех вообще положений о рабочей силе, заработной плате, продолжительности рабочего дня для разных категорий, об отчислениях на социальное страхование, культурно-просветительные нужды и пр., и пр. с целью, с одной стороны, удовлетворения интересов рабочих в максимальной степени, какая допускается нынешним положением промышленности, а с другой стороны, устранения или временного изменения положений, явно невыполнимых в условиях нынешнего состояния хозяйства. Хозяйственники и профессионалисты должны с полной объективностью подбирать совместно строго-проверенный фактический материал для указанных выше законодательных изменений или административных мероприятий.

9. Финансирование, кредитование, налоги таможенные тавки.

Необходимым условием оздоровления и развития промышленности, особенно тяжелой, является действительное упорядочение государственного бюджета в смысле его приближения к реальным государственным ресурсам и к плановому их расходованию.

Необходимо совершенно покончить, как с величайшим злом, с той вынужденной в значительной мере объективными условиями практикой, при которой не было единства и согласованности между нашими производственными планами и теми ресурсами, которые реально имелись для их выполнения. Эта практика неизбежно приводила к нарушению всякого промышленного и финансового плана и расшатывала устойчивость важнейших хозяйственных учреждений.

Совершенно те же последствия имела практика отчуждения про-

дуктов промышленности (топливной, металлургической, машиностроительной) в пользу государства, преимущественно транспорта и военного ведомства, бесплатно или по произвольным ценам, не покрывающим себестоимости означенных продуктов.

В случае обнаружения в дальнейшем несоответствия реальных поступлений со сметным назначением и вытекающей отсюда необходимости сокращений расходной части бюджета таковые должны производиться не в замаскированном виде, а открыто, путем перестройки бюджета с вытекающими отсюда определенными последствиями в смысле планового сокращения транспорта, промышленных предприятий, армии и пр.

Система кредитования промышленности является не только финансовой, банковской задачей, но и важнейшей частью деятельности по организации и руководству промышленностью. Необходимо поэтому, чтобы финансирование государственной промышленности было по возможности сосредоточено в одном кредитном учреждении, которое находилось бы в теснейшей связи с Высшим Советом Народного Хозяйства.

Самым тщательным образом надлежит разрабатывать вопрос о соответствии налогов и акцизов с платежной способностью промышленности и емкостью рынка и о значении тех или других таможенных ставок на ввозные товары с точки зрения ограждения собственных отраслей внутренней промышленности.

Равным образом необходимо согласование жел.-дор. тарифов с потребностями расширения рынка (в частности вывоза на Восток).

Заграничные закупки и заказы, хотя бы и по ценам ниже внутренних, должны решительно отметаться во всех тех случаях, когда они не безусловно необходимы, и когда размещение соответственного заказа внутри страны может послужить серьезным толчком к развитию соответственной отрасли нашей государственной промышленности.

Только последовательно и настойчиво проводимая система социалистического протекционизма может обеспечить в нынешний переходный период действительное развитие промышленности советского государства, находящегося в капиталистическом окружении.

10. Иностранный капитал.

Опыт истекшего года подтвердил, что государственное социалистическое строительство при новой экономической политике вполне совместимо в известных, и притом широких, пределах с активной ролью частного, в том числе и иностранного, капитала в сфере промышленности. Необходимы дальнейшие систематические мероприятия, направленные на привлечение к промышленности иностранного капитала во всех тех формах, целесообразность которых уже обнаружилась до настоящего времени: концессии, смешанные общества, аренда. Тщательная разработка вопросов, какие именно области промышленности и предприятия и на каких началах могут быть предоставлены ино-

странному капиталу с выгодой для общехозяйственного развития страны, должна составлять одну из весьма существенных задач плановых и вообще руководящих хозяйственных органов.

11. Хозяйственники, их положение и задачи, воспитание нового поколения техников и хозяйственников.

Взаимоотношения профсоюзов и хозорганов, определенные решениями XI съезда партии, правильность которых подтверждена опытом последнего года, должны и дальше развиваться и укрепляться в духе указанных решений.

Система действительного единовластия должна быть проведена в организации промышленности сверху донизу. Подбор работников и их перемещение и смещение являются в руках руководящих хозяйственных органов необходимым условием действительного руководства промышленностью и возможности нести ответственность за ее судьбы. Рекомендации и аттестации профессиональных органов должны учитываться с полным вниманием, но не могут ни в коем случае снимать ответственности с соответственных хозяйственных органов, которым существующие положения предоставляют полную свободу подбора и назначения.

Слабой стороной государственной промышленности и торговли являются их тяжеловесность, неподвижность, недостаточная предприимчивость. Причина этого в далеко еще не достаточном отборе хозяйственных работников, в недостаточном их опыте, в недостаточной заинтересованности их в успехах собственной работы. Необходимы правильные систематические мероприятия во всех этих направлениях. В частности вознаграждение руководителей предприятия должно быть поставлено в зависимость от баланса, как заработная плата от выработки.

Работа руководящих хозяйственников (цехов. мастеров, директоров заводов и фабрик, председателей и членов правлений трестов и пр.), поскольку задачей их являются понижение расходов производства и извлечение прибыли, наталкивается на чрезвычайные трудности, приводящие нередко к конфликтам, смещениям и перемещениям. Хозяйственник стоит всегда перед двумя опасностями: а) восстановить против себя своей повышенной требовательностью рабочих предприятия и их представительные органы или местные партийные и советские учреждения; б) пойти в вопросах производительности труда, заработной платы и пр. по линии наименьшего сопротивления, поступаясь тем самым прибыльностью предприятия и, следовательно, его будущим. Разумеется, директор советской фабрики должен с величайшим вниманием относиться к материальным и духовным интересам рабочих, к их чувствам и настроениям. Но в то же время он не должен никогда упускать из вида, что высшей его обязанностью по отношению к рабочему классу в целом являются повышение производительности труда, понижение себестоимости продукции, увеличение количества мате-

риальных благ в распоряжении рабочего государства. Партийные и профессиональные работники обязаны оказывать советскому директору на этом пути всемерное содействие. Внимательность, настойчивость и расчетливость являются необходимыми качествами советского хозяйственника. Его высшей аттестацией является активный баланс предприятия.

Нужно помочь рабочей массе понять, что директор, стремящийся к получению прибыли, в такой же мере служит интересам рабочего класса, как и работник профессионального союза, стремящийся поднять жизненный уровень рабочего и охранить его здоровье.

Хорошо справляющийся со своими обязанностями директор должен быть огражден от всяких неожиданностей и случайностей, от всяких, без крайней нужды, перебросок и перемещений.

На защиту и поддержку директора, зарекомендовавшего себя положительными результатами работ, центральные и местные органы партии должны бросать всю силу своего авторитета.

С другой стороны, необходимо со всей решительностью провести, как правило, обязательное на всей территории СССР, что директор, не выполнивший своих обязательств, не может быть приглашен вновь на такую же или высшую работу до тех пор, пока он работой на низших должностях не докажет, что им приобретен достаточный опыт для того, чтобы ему вновь можно было доверить серьезное дело.

Подготовка новых хозяйственных работников должна получить систематический и в то же время глубоко-специализованный характер. Суммарные методы, когда обучались на-спех вприглядку, должны быть заменены систематическим обучением по определенному плану с прохождением определенного стажа. Работникам, выдвинутым первым периодом и не успевшим приобрести необходимых познаний, нужно дать возможность заполнить наиболее существенные пробелы.

Съезд считает в частности необходимым всемерно усилить подготовку счетных работников, направив на это дело значительное количество членов партии в целях обеспечения более успешного разрешения задач организации правильной отчетности.

Специализация по родам практической деятельности должна, однако, быть тесно связана с повышением теоретического и политического уровня и партийной спайки, иначе специализация могла бы нанести ущерб партии, как всезнайство наносит удары хозяйству.

Партия и профсоюзы должны обратить серьезнейшее внимание на увеличение кадра хозяйственников-рабочих, в особенности коммунистов, в органах управления промышленностью на всех ступенях хозяйственной иерархии, поставив себе в первую голову задачу обеспечить заводы и фабрики соответственным кадром красных директоров.

Обучение технике должно быть для новых поколений не только вопросом специализации, но и делом революционного долга. В условиях рабочего государства весь тот энтузиазм, который расходовался ранее рабочей молодежью на революционно политическую борьбу, должен направляться на овладение наукой и техникой. Нужно, чтобы

учащийся, относящийся небрежно к занятиям, встречал к себе такое же отношение, как дезертир или штрейкбрехер в борьбе против буржуазии. Организация социалистического хозяйства для пролетарского авангарда—не карьера, а подвиг.

12. Привлечение специалистов в производство.

Постановка промышленности на должную высоту требует усиления технических сил в производстве. Пополнение недостающих технических сил новыми кадрами техников и инженеров будет совершаться с неизбежной медленностью Необходимы поэтому наилучшее использование и перераспределение имеющихся в стране технических сил. За период НЭП'а значительное число крупных специалистов, работавших раньше непосредственно в производстве, на фабриках и заводах, перешло на более спокойную или лучше обставленную работу в учреждениях, управлениях, канцеляриях или на торговую и комиссионерскую деятельность. Лозунгом дня должно быть: „Назад к производству, на фабрику и завод!". Для достижения этого необходимо создать нормальные условия работы на предприятиях, могущие морально и материально удовлетворить привлекаемых в предприятия специалистов, проводя в частности принцип всемерного поощрения за достигаемые непосредственно в процессе производства технические или хозяйственные успехи (всякого рода экономия, новые изобретения, усовершенствования и т. д.). Администраторы и техники, зарекомендовавшие себя полезной и инициативной работой в течение продолжительного времени, должны отмечаться партией, советскими организациями и профсоюзами, как особенно ценные работники, с распространением на них того же общественного уважения, каким пользуются специалисты, успешно работающие в Красной армии.

13. Партийные учреждения и хозяйственные органы.

Не забывая ни на минуту своих постоянных революционно-воспитательных задач, партия должна отдать себе отчет, что в нынешний строительный, хозяйственный период революции руководство работой хозорганов в основных пунктах советского строительства является и должно являться основным содержанием работы партии. Партия только тогда выполнит свою историческую миссию, если хозяйственный опыт всей партии будет расти вместе с ростом и усложнением хозяйственных задач, стоящих перед советской властью.

Поэтому XII съезд находит, что не только правильное распределение работников, но и руководство в основном самой работой хозорганов,—особенно в обстановке новой экономической политики, которая создает опасность внутреннего перерождения части кадрового состава хозяйственников и извращения пролетарской линии в экономическом строительстве,—являются обязанностью партии. Это руководство ни в коем случае не должно, конечно, превращаться на практике

в частное и несогласованное смещение и перемещение хозработников, во вмешательство в повседневную текущую работу хозорганов или попытки непосредственного администрирования.

На-ряду с неизбежными и необходимыми в данных условиях директивами хозорганам со стороны парторганизаций по конкретным вопросам, необходимо неуклонно стремиться придать руководству хозорганами со стороны парторганизаций широкий и всесторонний плановый характер, что должно вести к уменьшению случаев необходимости непосредственно административного вмешательства по отдельным и частным вопросам текущей практики.

Руководство партии будет обеспечено тем полнее, чем правильнее будет итти административная и хозяйственная работа самих государственных органов по выполнению плановых задач, выдвигаемых партией.

XII съезд подтверждает резолюции XI съезда относительно необходимости разделения труда и разграничения партийной и советской, в частности хозяйственной, работы и настаивает на более полном и систематическом проведении этой резолюции в центре и на местах. XII съезд в особенности напоминает, что, согласно решению XI съезда, парторганизации „сами разрешают хозяйственные вопросы лишь в тех случаях и в той части, когда вопросы действительно требуют принципиального решения партии".

Одной из важных задач партии является всемерно поддерживать такой порядок, при котором компетентные хозорганы имели бы не только формальное право, но и фактическую возможность постепенного воспитания хозяйственных работников и их правильного продвижения вперед, по мере накопления ими опыта и развития своих качеств.

Это возможно лишь при систематическом подборе работников по признаку хозяйственной опытности, деловитости и умелости, а равно при соблюдении внутри хозорганов начал дисциплины и соответствующей системы соподчинения отдельных отраслей работы и стоящих во главе этих отраслей работников.

Со своей стороны, вся партия в целом и все ее организации, в виду особой важности и особо ответственной работы, возлагаемой в данный момент на хозяйственников, должны оказывать им всемерную поддержку и систематически заботиться о создании такой обстановки, которая исключала бы возможность отрыва отдельных кругов хозяйственников от партии.

14. Типографское дело.

Вопрос о правильной постановке типографского дела имеет не только экономическое, но и огромное культурное значение.

Съезд признает нынешнее состояние типографского дела неудовлетворительным и считает необходимым принятие решительных мер по его улучшению.

Необходимо повысить технику изданий, прежде всего рассчитанных на массовый сбыт. Вопрос об организации типографской промышленности должен быть разрешен в кратчайший срок в том направлении, чтобы крупнейшие и важнейшие государственные издательства имели возможность широкой, правильной, технически удовлетворительной постановки работы.

VI. О налоговой политике в деревне.

1. Сельское хозяйство играет преобладающую роль в экономической жизни советских республик. Сила советской власти в союзе рабочих и крестьян. Лишь в этом союзе советская власть черпает силы для сопротивления внешнему порабощению и попыткам восстановления господства капитала. Охрана и укрепление этого союза в данный исторический период—основная задача коммунистической партии.

2. Боевой союз рабочих и крестьян создался в целях ниспровержения капиталистических порядков и завоевания земли. Когда затем завоевания рабочих и крестьян пришлось отстаивать в открытой гражданской войне, этот союз укрепился, несмотря на то, что крестьянству пришлось нести тяжкие жертвы для прокормления пролетариата и армии. В эпоху открытой гражданской войны все эти тяготы легли на крестьянство в виде проразверстки. Как только закончился этот период, коммунистическая партия провела переход от продразверстки к продналогу. Этот переход принес значительное облегчение крестьянству и вполне оправдал себя как экономически, так и политически. Но он представлял только первый шаг, который могла сделать коммунистическая партия по пути к облегчению положения крестьянства и улучшению всей хозяйственной жизни разоренной войной и контр революцией страны.

3. Переход от продразверстки к продналогу обозначал признание права крестьянина свободно распоряжаться продуктами своего труда, но это право было ограничено необходимостью для советского государства получить в свое распоряжение определенные хлебные запасы, как основной натуральный фонд для обеспечения армии и восстановления хозяйства и транспорта.

4. В виду начавшегося общего оздоровления хозяйственной жизни советских республик, которое выражается и в оживлении, и в увеличении товарооборота, партия теперь может и должна сделать следующий шаг в деле расширения для крестьянства возможности свободно распоряжаться продуктами своего труда. Советская власть может и должна в соответствии с расширением объема рынка освободить крестьянина от обязанности вносить свои платежи государству в натуральном виде и дать ему возможность вносить часть этих платежей в денежной форме.

5. Замена части натурального обложения денежным облегчает

положение крестьянства и дает выгоду крестьянскому хозяйству не только сокращением издержек по взносу налога, но и тем, что предоставляет крестьянину возможность свободно приноравливаться к рынку, избрать наиболее выгодные культуру, направлять свои силы в промысловые занятия и т. д. Вместе с тем, эта мера улучшит и общее хозяйственное положение страны, ибо поведет к дальнейшему расширению товарного оборота, послужит путем к ликвидации финансовой разрухи и обеспечит устойчивость денежного обращения. Последнее же совершенно необходимо для развития торговли между городом и деревней, которая невозможна, пока постоянное обесценение денег срывает денежный оборот и препятствует реализации продуктов как сельского хозяйства, так и промышленности. Таким образом, непосредственно облегчая положение крестьянства, эта мера укрепляет все хозяйство страны, что, в свою очередь, поможет крестьянству быстрее выйти из разрухи и нищеты, восстановить свой инвентарь и повысить технический уровень своего хозяйства.

6. Кроме перехода от натурального обложения к денежному, коммунистическая партия в целях облегчения положения крестьянства должна провести объединение всех государственных прямых налогов, лежащих на крестьянстве (продналог, подворно-денежный и трудгужналог), а равно и всех местных прямых налогов в единый прямой сел.-хоз. налог. Единый сел.-хоз. налог должен решительно покончить с множественностью обложения, которая вызывает справедливые жалобы крестьянства и мешает ему твердо подсчитать свои расходы и доходы и в соответствии с этим вести свое хозяйство. Коммунистическая партия должна провести такую систему налогового обложения, которая бы дала возможность крестьянину заранее и твердо знать всю сумму причитающегося с него прямого обложения и иметь дело только с одним сборщиком этого налога.

Единый сел.-хоз. налог должен обеспечить соответствие тяжести обложения каждого хозяйства с размерами его доходов и достатков при помощи учета всех данных, определяющих мощность и платежеспособность хозяйства (количество едоков, количество пашни и сенокосов, количество рабочего и продуктивного скота, среднего размера урожая). Благодаря этому, прямой налог даст возможность советской власти наилучшим образом проводить политику ограждения интересов крестьянской бедноты и середняка. Коммунистическая партия должна разъяснить этим слоям деревни все преимущества прямого обложения, при котором тягота налогов справедливо распределяется между различными слоями деревни сообразно степени их благосостояния и с наибольшей выгодой для бедноты.

7. При установлении размеров единого сел.-хоз. налога, а также натуральной и денежной части его советская власть должна руководствоваться интересами развития и поднятия сельского хозяйства, тщательно оценивая действительную платежную силу крестьянского хозяйства как в целом, так и по отдельным районам. Необходимо поэтому учитывать особые условия отдельных районов, отличающихся

более земледельческим или более промысловым характером, в целях наиболее полного соответствия размеров налога и его форм—денежной или смешанной—действительному состоянию крестьянского хозяйства данного района.

В тех же целях для внесения налога должны быть назначены не один, а несколько сроков, согласованных с моментами снятия урожая, продажей излишков и т. д.

В целях содействия поднятию сельского хозяйства необходимо вместе с тем, провести в жизнь систему поощрений, доступных в данных условиях широким массам крестьянства, улучшенных приемов хозяйствования (ранние пары, вспашка на зябь, развитие технических и трудоемких культур, рационализация животноводства и т. п.). Районы, волости и коллективы, особо проявившие себя в этом отношении, по представлениям земорганов, подлежат премированию губисполкомами в форме частичной скидки причитающегося с них сельскохозяйственного налога в пределах одного процента с общей его суммы.

8. Одним из решительных способов борьбы с непомерно низкими ценами на хлеб, разоряющими крестьянское хозяйство и одновременно затрудняющими промышленность, должно явиться облегчение выхода за границу тех излишков крестьянского хлеба, которые не могут быть потреблены внутри страны.

В целях удовлетворения этой насущной потребности крестьянского хозяйства советское правительство должно добиться возможности беспрепятственной реализации крестьянского хлеба за границей; завоевание для сельского хозяйства заграничных рынков, утерянных в эпоху империалистической войны, должно явиться ближайшей задачей советской власти, ибо при отсутствии сел.-хоз. вывоза из России неизбежны крайне низкие цены на хлеб на внутреннем рынке, а это, в свою очередь, приведет к сокращению запашек, застою в крестьянском хозяйстве, а следовательно, и к общему хозяйственному застою государственного экспорта.

В целях устранения частного посредничества экспорт хлеба должен быть сосредоточен в руках государства и его органов.

9. Исключительное внимание должно быть обращено на качественный состав того аппарата, при помощи которого советская власть собирает налоги, и при помощи которого будет осуществляться государственная закупка хлеба. Коммунистическая партия должна поставить своей задачей постоянное улучшение состава этого аппарата и его удешевление, твердо памятуя, что в его лице крестьянство должно видеть действительного представителя широких масс рабочих и крестьян.

Не только всякая незаконность, но и пренебрежительное отношение к законным правам крестьянства при выполнении налоговыми органами их тяжелой, ответственной и необходимой для советского государства работы по сбору налогов должны встречать решительное осуждение со стороны партии и суровую кару со стороны советской власти.

10. Коммунистическая партия отдает себе полный отчет как в трудном положении разоренного войной и контр-революцией крестьян-

ского хозяйства, так и в тяжести лежащих на нем обязательств. Проводимые ныне советской властью меры к облегчению положения крестьянства, представляя значительный шаг вперед к упорядочению крестьянского хозяйства, отнюдь не освобождают его от необходимости напрячь все силы для удовлетворения предъявленных крестьянству советским государством требований. Но общие интересы всех трудящихся, общие интересы охраны завоеваний рабоче-крестьянской революции требуют этого напряжения сил от рабочих и от крестьян, требуют этих жертв. Бюджет Советской республики, несмотря на то, что он сокращен в два с половиной раза против бюджета дворянско-помещичьей России, до сих пор остается дефицитным, так как поступающие в государственную казну доходы и налоги далеко не покрывают самых необходимых расходов. Советская власть, обеспечившая за крестьянством землю и освободившая его от платежей помещикам, должна поэтому требовать, чтобы каждый, несмотря на трудности, выполнил свои обязанности перед рабоче-крестьянским государством. Крестьянство должно убедиться, что, собирая налоги, рабоче-крестьянское правительство в то же время решительной рукой сокращает всякие непроизводительные расходы и является действительно самым дешевым правительством для страны. Коммунистическая партия должна будет пристально следить за тем, чтобы получаемые от налогов средства расходовались с величайшей экономией и исключительно на действительно необходимые нужды: в первую очередь на оборону революционных завоеваний рабочих и крестьян, на развитие просвещения, на всемерную поддержку сельского хозяйства в виде организации сел.-хоз. дешевого кредита, агрономической и т. п. поддержки деревне и на развитие крупной промышленности, без широкого развития которой население страны было бы обречено на хозяйственное прозябание и на экономическое и политическое рабство. При всех этих расходах рабоче-крестьянское правительство должно равняться по крестьянской силе.

11. Настойчивое и систематическое проведение указанных выше мер приведет к быстрейшему развертыванию производительных сил города и деревни, к ограждению интересов крестьянской бедноты и середняков, к укреплению доверия крестьянина к рабочим и к закреплению союза рабочих и крестьян на твердом фундаменте роста народного богатства, распорядителем которого при советском государстве являются сами же трудящиеся массы.

VII. По национальному вопросу.

I.

1) Развитие капитализма обнаружило еще в прошлом столетии тенденцию к интернационализации способов производства и обмена, к уничтожению национальной замкнутости, к хозяйственному сближению народов и постепенному объединению громадных территорий в одно связное целое. Дальнейшее развитие капитализма, развитие мирового рынка, налажение великих морских и железнодорожных путей,

вывоз капитала и пр. еще больше усилили эту тенденцию, связав самые разнообразные народы узами международного разделения труда и всесторонней взаимной зависимости. Поскольку этот процессс отражал колоссальное развитие производительных сил, поскольку он облегчал уничтожение национальной обособленности и противоположности интересов различных народов, он был и остается процессом прогрессивным, ибо он подготовляет материальные предпосылки будущего мирового социалистического хозяйства.

2) Но тенденция эта развивалась в своеобразных формах, совершенно не соответствующих ее внутреннему историческому смыслу. Взаимная зависимость народов и хозяйственное объединение территорий устанавливались в ходе развития капитализма не путем сотрудничества народов, как равноправных единиц, а в порядке подчинения одних народов другими, в порядке угнетения и эксплоатации народов менее развитых народами более развитыми. Колониальные грабежи и захваты, национальный гнет и неравенство, империалистический произвол и насилие, колониальное рабство и национальное бесправие, наконец, борьба „цивилизованных" наций между собою за господство над народами „нецивилизованными",—таковы те формы, в рамках которых протекал процесс хозяйственного сближения народов. Поэтому, на-ряду с тенденцией объединения, нарастала тенденция к уничтожению насильственных форм этого объединения, борьба за освобождение угнетенных колоний и зависимых национальностей от империалистического гнета. Поскольку эта вторая тенденция означала возмущение угнетенных масс против империалистических форм объединения, поскольку она требовала объединения народов на началах сотрудничества и добровольного союза, она была и остается тенденцией прогрессивной, ибо она подготовляет духовные предпосылки будущего мирового социалистического хозяйства.

3) Борьба этих двух основных тенденций, выраженных в формах, свойственных капитализму, наполняет историю многонациональных буржуазных государств за последнее полстолетие. Непримиримое противоречие между этими тенденциями в рамках капиталистического развития легло в основу внутренней несостоятельности и органической неустойчивости буржуазных колониальных государств. Неизбежные конфликты внутри таких государств и неизбежные войны между такими государствами, распад старых колониальных государств и образование новых, новая погоня за колониями и новый распад многонациональных государств, ведущий к новой перекройке политической карты мира,—таковы результаты этого основного противоречия. Развал старой России, Австро-Венгрии и Турции, с одной стороны, история таких колониальных государств, как Великобритания и старая Германия,—с другой стороны; наконец, „великая" империалистическая война и рост революционного движения колониальных и неполноправных народов,—все эти и подобные им факты с очевидностью говорят о неустойчивости и непрочности многонациональных буржуазных государств.

Таким образом, непримиримое противоречие между процессом

хозяйственного объединения народов и империалистическими способами этого объединения определило неспособность, беспомощность, бессилие буржуазии найти правильный подход к решению национального вопроса.

4) Наша партия учитывала эти обстоятельства, положив в основу своей политики по национальному вопросу право наций на самоопределение, право народов на самостоятельное государственное существование. Еще в первые дни своего существования, на первом своем съезде (в 1898 г.), когда противоречия капитализма по линии национального вопроса не успели еще определиться с исчерпывающей ясностью, партия признала за национальностями это неотъемлемое право. В дальнейшем она неизменно подтверждала свою национальную программу в специальных постановлениях и решениях на своих съездах и конференциях вплоть до Октябрьского переворота. Империалистская война и связанное с ней мощное революционное движение в колониях давали лишь новое подтверждение решениям партии по национальному вопросу. Смысл этих решений заключается: а) в решительном отрицании всех и всяческих форм принуждения в отношении национальностей; б) в признании равенства и суверенности народов в деле устроения своей судьбы; в) в признании того положения, что прочное объединение народов может быть проведено лишь на началах сотрудничества и добровольности; г) в провозглашении той истины, что осуществление такого объединения возможно лишь в результате свержения власти капитала.

Эту освободительную национальную программу не уставала наша партия противопоставлять в своей работе как открыто-угнетательской политике царизма, так и половинчатой, полуимпериалистской политике меньшевиков и эсеров. Если руссификаторская политика царизма создала пропасть между царизмом и национальностями старой России, а полуимпериалистская политика меньшевиков и эсеров привела к отходу лучших элементов этих национальностей от керенщины, то освободительная политика нашей партии завоевала ей сочувствие и поддержку широких масс этих национальностей в ее борьбе против царизма и империалистской русской буржуазии. Едва ли можно сомневаться в том, что это сочувствие и эта поддержка послужили одним из решающих моментов, определивших победу нашей партии в октябрьские дни.

5) Октябрьская революция подвела практические итоги решениям нашей партии по национальному вопросу. Свергнув власть помещиков и капиталистов, основных носителей национального гнета, и поставив у власти пролетариат, Октябрьская революция одним ударом разорвала цепи национального угнетения, перевернула старые отношения между народами, подорвала старую национальную вражду, расчистила почву для сотрудничества народов и завоевала русскому пролетариату доверие его инонациональных братьев не только в России, но и в Европе и Азии. Едва ли нужно доказывать, что без такого доверия русский пролетариат не смог бы победить Колчака и Дени-

кина, Юденича и Врангеля. С другой стороны, несомненно, что угнетенные национальности не смогли бы добиться своего освобождения без установления в центре России диктатуры пролетариата. Национальная вражда и национальные столкновения неизбежны, неотвратимы, пока у власти стоит капитал, пока мелкая буржуазия и прежде всего крестьянство бывшей „державной“ нации, полные националистических предрассудков, идут за капиталистами; и, наоборот, национальный мир и национальную свободу можно считать обеспеченными, если крестьянство и прочие мелкобуржуазные слои идут за пролетариатом, т.-е. если обеспечена диктатура пролетариата. Поэтому победа советов и утверждение диктатуры пролетариата являются той базой, тем фундаментом, на основе которого может быть построено братское сотрудничество народов в едином государственном союзе.

6) Но результаты Октябрьской революции не исчерпываются уничтожением национального гнета, созданием почвы для объединения народов. В ходе своего развития Октябрьская революция выработала еще формы этого объединения, наметила основные линии, по которым должно строиться объединение народов в одно союзное государство. В первый период революции, когда трудовые массы национальностей впервые почувствовали себя самостоятельными национальными величинами, между тем как угроза иностранной интервенции не представляла еще реальной опасности, сотрудничество народов не имело еще вполне определенной, строго-установившейся формы. В период гражданской войны и интервенции, когда интересы военной самозащиты национальных республик выступили на первый план, между тем как вопросы хозяйственного строительства не стояли еще на очереди, сотрудничество приняло форму военного союза. Наконец, в период послевоенный, когда вопросы восстановления разрушенных войной производительных сил стали на первую очередь, военный союз был дополнен союзом хозяйственным. Объединение национальных республик в Союз советских республик является заключительным этапом развития форм сотрудничества, принявшим на этот раз характер военно-хозяйственного и политическаго объединения народов в единое многонациональное советское государство.

Таким образом, пролетариат нашел в советском строе ключ к правильному резрешению национального вопроса, он открыл в нем путь организации устойчивого многонационального государства на началах национального равноправия и добровольности.

7) Но найти ключ к правильному решению национального вопроса еще не значит решить его полностью и окончательно исчерпать это решение в его конкретно-практическом осуществлении. Для правильного проведения в жизнь национальной программы, выдвинутой Октябрьской революцией, необходимо еще преодолеть те препятствия, которые переданы нам в наследство пройденным периодом национального гнета, и которые не могут быть преодолены в короткий срок одним ударом.

Это наследство состоит, во-первых, в пережитках великодержав-

ного шовинизма, являющегося отражением былого привилегированного положения великороссов. Эти пережитки живут еще в головах наших советских работников, центральных и местных, они гнездятся в наших государственных учреждениях, в центральных и местных, они получают подкрепление в виде „новых“ сменовеховских великорусско шовинистских веяний, все более усиливающихся в связи с НЭП'ом. Практически они выражаются в кичливо-пренебрежительном и бездушно-бюрократическом отношении русских советских чиновников к нуждам и потребностям национальных республик. Многонациональное советское государство может стать действительно прочным, а сотрудничество народов в нем действительно братским лишь в том случае, если эти пережитки будут вытравлены в практике наших государственных учреждений решительно и бесповоротно. Положение в ряде национальных республик (Украина, Белоруссия, Азербейджан, Туркестан) усложняется тем, что значительная часть рабочего класса, являющегося основной опорой Советской власти, принадлежит к великорусской национальности. В этих районах смычка между городом и деревней, рабочим классом и крестьянством встречает сильнейшее препятствие в пережитках великорусского шовинизма как в партийных, так и в советских органах. В этих условиях разговоры о преимуществах русской культуры и выдвигание положения о неизбежности победы более высокой русской культуры над культурами более отсталых народов (украинской, азербейджанской, узбекской, киргизской и пр.) являются не чем иным, как попыткой закрепить господство великорусской национальности. Поэтому решительная борьба с пережитками великорусского шовинизма является первой очередной задачей нашей партии.

Это наследство состоит, во-вторых, в фактическом, т.-е. хозяйственном и культурном, неравенстве национальностей Союза республик. Правовое национальное равенство, добытое Октябрьской революцией, является великим завоеванием народов, но оно не решает само по себе всего национального вопроса. Ряд республик и народов, не прошедших или почти не прошедших капитализма, не имеющих или почти не имеющих своего пролетариата, отставших, в виду этого, в хозяйственном и культурном отношениях, не в состоянии полностью использовать права и возможности, предоставляемые им национальным равноправием, не в состоянии подняться на высшую ступень развития и догнать, таким образом, ушедшие вперед национальности без действительной и длительной помощи извне. Причины этого фактического неравенства кроются не только в истории этих народов, но и в политике царизма и русской буржуазии, стремившихся превратить окраины в исключительно сырьевые районы, эксплоатируемые промышленно-развитыми центральными районами. Преодолеть это неравенство в короткий срок, ликвидировать это наследство в один-два года невозможно. Еще X съезд нашей партии отметил, что „уничтожение фактического национального неравенства есть длительный процесс, требующий упорной и настойчивой борьбы со всеми пережитками национального гнета и колониального рабства“. Но преодолеть его нужно обя-

зательно. И преодолеть его можно лишь путем действительной и длительной помощи русского пролетариата отсталым народам союза в деле их хозяйственного и культурного преуспеяния. Помощь эта должна в первую очередь выразиться в принятии ряда практических мер по образованию в республиках ранее угнетенных национальностей промышленных очагов с максимальным привлечением местного населения. Наконец, помощь эта должна итти, согласно резолюции X съезда, параллельно с борьбой трудовых масс против усиливающихся в связи с НЭП'ом местных и пришлых эксплоататорских верхов за укрепление своих социальных позиций. Поскольку эти республики являются по преимуществу сельскохозяйственными районами, внутренние социальные мероприятия должны прежде всего итти по пути наделения трудовых масс землею за счет свободного государственного фонда. Без этого нет основания рассчитывать на налажение правильного и прочного сотрудничества народов в рамках единого союзного государства. Поэтому борьба за ликвидацию фактического неравенства национальностей, борьба за поднятие культурного и хозяйственного уровня отсталых народов является второй очередной задачей нашей партии.

Это наследство состоит, наконец, в пережитках национализма в среде целого ряда народов, прошедших тяжкое иго национального гнета и не успевших еще освободиться от чувства старых национальных обид. Практическим выражением этих пережитков являются некоторая национальная отчужденность и отсутствие полного доверия ранее угнетенных народов к мероприятиям, идущим от русских. Однако, в некоторых республиках, имеющих в своем составе несколько национальностей, этот оборонительный национализм превращается нередко в национализм наступательный, в завзятый шовинизм более сильной национальности, направленный против слабых национальностей этих республик. Шовинизм грузинский (в Грузии), направленный против армян, осетин, аджарцев и абхазцев; шовинизм азербейджанский (в Азербейджане), направленный против армян; шовинизм узбекский (в Бухаре и Хорезме), направленный против туркмен и киргиз; шовинизм армянский и пр.,—все эти виды шовинизма, поощряемые к тому же условиями НЭП'а и конкуренции, являются величайшим злом, грозящим превратить некоторые национальные республики в арену грызни и склоки. Нечего и говорить, что все эти явления тормозят дело фактического объединения народов в единый государственный союз. Поскольку пережитки национализма являются своеобразной формой обороны против великорусского шовинизма, решительная борьба с великорусским шовинизмом представляет вернейшее средство для преодоления националистических пережитков. Поскольку же эти пережитки превращаются в местный шовинизм, направленный против слабых национальных групп в отдельных республиках, прямая борьба с ними является обязанностью членов партии. Поэтому борьба с националистическими пережитками и прежде всего с шовинистическими формами этих пережитков является третьей очередной задачей нашей партии.

8) Одним из ярких выражений наследства старого следует считать тот факт, что Союз республик расценивается значительной частью советских чиновников в центре и на местах не как союз равных государственных единиц, призванный обеспечить свободное развитие национальных республик, а как шаг к ликвидации этих республик, как начало образования так-называемого „единого-неделимого“.

Таким же результатом наследства старого следует считать стремление некоторых ведомств РСФСР подчинить себе самостоятельные комиссариаты автономных республик и проложить путь к ликвидации последних.

Осуждая такое понимание, как антипролетарское и реакционное и провозглашая абсолютную необходимость существования и дальнейшего развития национальных республик, съезд призывает членов партии зорко следить за тем, чтобы объединение республик и слияние комиссариатов не были использованы шовинистически настроенными советскими чиновниками, как прикрытие их попыток игнорировать хозяйственные и культурные нужды национальных республик. Слияние комиссариатов есть экзамен советскому аппарату: если бы этот опыт получил на практике великодержавническое направление, то партия была бы вынуждена принять против такого извращения самые решительные меры, вплоть до постановки вопроса о пересмотре слияния некоторых комиссариатов впредь до надлежащего перевоспитания советского аппарата в духе действительно пролетарского и действительно братского внимания к нуждам и потребностям малых и отсталых национальностей.

9) Союз республик, созданный на началах равенства и добровольности рабочих и крестьян отдельных республик, является первым опытом пролетариата в деле урегулирования международных взаимоотношений независимых стран и первым шагом к созданию будущей Всемирной Советской Республики Труда. Поскольку Союз республик является новой формой сожительства народов, новой формой их сотрудничества в едином союзном государстве, в рамках которого должны быть изжиты обрисованные выше пережитки в процессе совместной работы народов, высшие органы союза должны быть построены таким образом, чтобы они полностью отражали не только общие нужды и потребности всех национальностей союза, но и специальные нужды и потребности отдельных национальностей. Поэтому, наряду с существующими центральными органами союза, являющимися представительством трудящихся масс всего союза, независимо от национальности, должен быть создан специальный орган представительства национальностей на началах равенства. Такое устройство центральных органов союза дало бы полную возможность чутко прислушиваться к нуждам и потребностям народов, своевременно оказывать им необходимую помощь, создать обстановку полного взаимного доверия и ликвидировать, таким образом, наиболее безболезненными путями упомянутое выше наследство.

10) Исходя из сказанного, съезд рекомендует членам партии в качестве практических мер добиться того, чтобы:

а) при построении центральных органов союза было обеспечено равенство прав и обязанностей отдельных республик как во взаимных между ними отношениях, так и в отношении центральной власти союза;

б) в системе высших органов союза был учрежден специальный орган представительства всех без исключения национальных республик и национальных областей на началах равенства, с возможным учетом представительства всех национальностей, входящих в состав этих республик;

в) исполнительные органы союзы были сконструированы на началах, обеспечивающих реальное участие в них представителей республик и удовлетворение нужд и потребностей народов союза;

г) были предоставлены республикам достаточно широкие финансовые, и в частности бюджетные, права, обеспечивающие возможность проявления их собственной государственно административной, культурной и хозяйственной инициативы;

д) органы национальных республик и областей строились по преимуществу из людей местных, знающих язык, быт, нравы и обычаи соответствующих народов;

е) были изданы специальные законы, обеспечивающие употребление родного языка во всех государственных органах и во всех учреждениях, обслуживающих местное инонациональное население и национальные меньшинства,—законы, преследующие и карающие со всей революционной суровостью всех нарушителей национальных прав, и в особенности прав национальных меньшинств;

ж) была усилена воспитательная работа в Красной армии в духе насаждения идей братства и солидарности народов союза, и были предприняты практические мероприятия по организации национальных войсковых частей, с соблюдением всех мер, необходимых для обеспечения полной обороноспособности республик.

II.

1) Развитие организаций нашей партии в большинстве национальных республик протекает в условиях, не вполне благоприятствующих их росту и укреплению. Экономическая отсталость этих республик, малочисленность национального пролетариата, недостаточность или даже отсутствие кадров старых партийных работников из местных людей, отсутствие серьезной марксистской литературы на родном языке, слабость партийно-воспитательной работы, наконец, наличие пережитков радикально-националистических традиций, все еще не успевших выветриться, породили среди местных коммунистов определенный уклон в сторону переоценки национальных особенностей, в сторону недооценки классовых интересов пролетариата, уклон к национализму.

Это явление становится особенно опасным в республиках с несколькими национальностями, где оно принимает нередко форму уклона к шовинизму коммунистов более сильной национальности, направленного своим острием против коммунистов слабых национальностей (Грузия, Азербейджан, Бухара, Хорезм). Уклон к национализму вреден в том отношении, что он, тормозя процесс высвобождения национального пролетариата из-под идейного влияния национальной буржуазии, затрудняет дело сплочения пролетариев разных национальностей в единую интернационалистскую организацию.

2) С другой стороны, наличие многочисленных кадров старых партийных работников русского происхождения как в центральных учреждениях партии, так и в организациях компартий национальных республик, не знакомых с нравами, обычаями и языком трудовых масс этих республик и потому не всегда чутких к их запросам, породило в нашей партии уклон в сторону недооценки национальных особенностей и национального языка в партийной работе, высокомерно-пренебрежительное отношение к этим особенностям, уклон к великорусскому шовинизму. Этот уклон вреден не только потому, что он, тормозя дело формирования коммунистических кадров из местных людей, знающих национальный язык, создает опасность отрыва партии от пролетарских масс национальных республик, но и прежде всего потому, что он питает и выращивает обрисованный выше уклон к национализму, затрудняя борьбу с ним.

3) Осуждая оба эти уклона, как вредные и опасные для дела коммунизма, и обращая внимание членов партии на особый вред и особую опасность уклона к великорусскому шовинизму, съезд призывает партию к скорейшей ликвидации этих пережитков старого в нашем партийном строительстве.

В качестве практических мер съезд поручает ЦК провести:

а) образование марксистских кружков высшего типа из местных партийных работников национальных республик;

б) развитие принципиальной марксистской литературы на родном языке;

в) усиление Университета Народов Востока и его отделений на местах;

г) создание при ЦК национальных компартий инструкторских групп из местных работников;

д) развитие массовой партийной литературы на родном языке;

е) усиление партийно-воспитательной работы в республиках;

ж) усиление работы среди молодежи в республиках

4) В виду громадной важности, какую имеет деятельность ответственных работников в автономных и независимых республиках и на окраинах вообще (осуществление связи трудящихся данной республики с трудящимися всего остального союза), съезд поручает ЦК озаботиться об особо тщательном подборе этих работников, с тем, чтобы состав их полностью обеспечивал действительное проведение в жизнь решений партии по национальному вопросу.

VIII. О районировании.

Заслушав доклад о районировании, XII съезд РКП:

1. Признает прежнее административно хозяйственное деление республики не соответствующим новым политическим и экономическим потребностям страны, но, вместе с тем, находит, что введение новой системы административно-хозяйственного деления требует осторожного подхода и большого срока для своего окончательного проведения.

2. Поручает ЦК партии принять меры к внесению большей планомерности в работу по изменению административно-хозяйственного деления республики, считая разработанный Госпланом и Административной Комиссией Президиума ВЦИК план нового хозяйственно-административного деления лишь предварительной рабочей гипотезой, нуждающейся в дополнении, проверке и разработке на основании опыта.

3. Поручает ЦК партии новый план административно-хозяйственного деления республики провести для начала, кроме производящихся в этом направлении работ на Украине, в двух районах (промышленном и сельскохозяйственном), с организацией в них областных исполкомов.

4. По отношению к остальным областям, национальным республикам и губерниям поручает ЦК партии ограничиться продолжением разработки плана районирования, не допуская его фактического проведения в жизнь до учета опыта в указанных двух областях и за отдельными исключениями, с разрешения ЦК РКП.

В остальных областях (кроме двух указанных выше) существующие областные органы, как советские, так и партийные, должны быть реорганизованы в направлении постепенной замены назначения их членов выборностью их на областных конференциях и съездах.

Объем функций и прав как имеющих быть организованными, так и существующих областных органов должен быть расширен за счет передачи им некоторых прав и функций центральных правительственных учреждений, в частности в области бюджета и налогов.

5. Считает основной задачей реформы административно-хозяйственно о деления СССР в целях упрощения, удешевления и приближения к массам советского аппарата такую организацию волости и других первичных органов власти, которая, на-ряду с удешевлением всего административно-хозяйственного аппарата, привела бы к укреплению и к развитию ближайших к массам органов власти.

Определяемое этим укрупнение волостей необходимо производить с величайшей ооторожностью и с полным учетом интересов широких масс крестьянского населения.

IX. О задачах РКИ и ЦКК.

I. Разрушив старые формы буржуазной власти и заложив основы совершенно нового типа государства (советского), наша партия, вследствие обостренной вооруженной борьбы на внутренних и внешних фронтах, не могла уделять достаточно внимания и времени коренному улучшению аппаратов управления и хозяйствования.

В настоящий период мирного строительства, когда революция вступила в решающий хозяйственный фазис партия должна поставить вопрос о реформе органов управления и хозяйствования, как вопрос борьбы за госаппарат, который по своей технической структуре и составу, унаследованному от прошлого, является чуждым задачам и целям рабоче-крестьянского государства.

В отличие от действующей громоздкой, дорого стоящей и падающей тяжелым бременем на рабочих и крестьян структуры государственного аппарата, новую структуру органов управления и хозяйствования и новую технику ведения в них дел необходимо максимально упростить, построить на началах научной организации труда и управления, исключающих возможность бюрократических извращений и излишеств.

Только путем такого рода радикального изменения всей техники управления, искоренения всего ненужного и лишнего в нем, а также посредством энергичной чистки государственного аппарата партия и государство в состоянии будут заставить государственный аппарат обслуживать интересы рабочих и крестьян с наибольшей полнотой, сделать государственный аппарат более близким и менее обременительным для трудящихся масс и тем самым, следовательно, укрепить союз между рабочими и крестьянами.

II. Задача эта не может быть разрешена проведением одной какой-либо реформы. Для ее разрешения потребуется целый ряд лет упорного и тяжелого труда. Привлекаемые к работе в государственном аппарате рабочие и крестьяне должны будут овладеть необходимыми знаниями, опытом и культурой. Перестройка государственного аппарата на основах научной организации труда и управления, может дать должные результаты только при условии, если, на-ряду с настойчивыми усилиями партии рабочего класса к поставленной задаче, будет привлечено все внимание руководителей государственного аппарата, ответственных в партийном и советском порядке за данный аппарат, и проявлены будут ими необходимые инициатива и самодеятельность в упрощении аппарата и установлении планомерного внутреннего контроля.

III. Органами, специально занимающимися разрешением задачи реорганизации государственного аппарата на новых началах, разработкой и формулировкой ее конкретного содержания, проведением в жизнь необходимых практических мероприятий и согласованием мер, принимаемых советскими и партийными учреждениями, а также от-

дельными организациями (ЦИТ и т. п.), должны быть РКИ и ЦКК РКП, организационно связанные между собою на почве выполнения возлагаемой на них задачи усовершенствования государственного аппарата. Для этого необходимо функции и состав ЦКК расширить, а РКИ коренным образом реорганизовать как в отношении конструкции и методов работы, так и в отношении состава. Последняя задача для ближайшего времени должна быть признана основной, так как, не разрешив ее, т.-е. не превратив РКИ в образцовый аппарат, тесно связанный с партией, государство и партия лишены будут органа, при посредстве которого они могли бы поставить на практическую почву разрешение формулированной выше проблемы.

IV. Предварительным и необходимым условием для такого превращения РКИ в образцовый аппарат, способный справиться с возлагаемыми на него задачами, должна явиться длительная работа по подготовке самих работников новой реорганизованной РКИ к этим задачам. Поскольку новая РКИ должна одновременно быть безукоризненной как в отношении своей собственной структуры (в смысле постановки дела), так и быть абсолютно авторитетной для остальных наркоматов, как орган действительно з н а ю щ и й и с п о с о б н ы й поставить на научную высоту дело совершенствования госаппарата, съезд предлагает ЦК и ЦКК при реорганизации РКИ руководствоваться следующими указаниями:

1) при определении личного состава работников новой РКИ:

а) немедленно приступить к коренной реорганизации нынешней РКИ, оставив из ее личного состава исключительно тех, кто действительно соответствует вновь поставленным перед РКИ задачам;

б) подбирать работников из преданных коммунистов, рабочих и крестьян, преимущественно из выдвинувшихся практиков администраторов и студентов высших учебных заведений, готовых взяться за длительную и кропотливую работу по изучению дела научной организации труда и управления;

в) в качестве помощников членов ЦКК в этой работе должно быть подобрано определенное число специалистов с непременным для них условием предварительно выдержать испытание: 1) в знании нашего теперешнего госаппарата и 2) в знании основ теории и практики науки об управлении, делопроизводстве, организации труда и т. д.

Основной задачей, которая должна быть при этом достигнута, является такой личный состав, который гарантировал бы партии, что все эти элементы, рекомендованные коммунистами, специалисты и привлеченные рабочие и секретарский состав сработаются так, что в целом представят собой достаточное ручательство за успешность и производительность своей работы.

2) Для правильной постановки изучения научных методов управления и организации труда съезд рекомендует:

а) пересмотреть немедленно и выбрать из всех действующих ученых Институтов труда и иных аналогичных учреждений те из них,

действительно серьезная и научная постановка дела в которых гарантирует его успешность, и поддержать эти учреждения так, чтобы они действительно стояли на высоте современной науки, возложив на РКИ задачу координации их деятельности;

б) объявить немедленно конкурс на составление одного или нескольких учебников по организации труда вообще и специально труда управленческого;

в) командировать за границу, и затем возвести такие командировки в систему, ряд добросовестных специалистов и коммунистов с надлежащей подготовкой для теоретического изучения тех же вопросов, а также изучения опытов его практического применения на Западе, а также для подбора литературы по тем же вопросам.

Систематизация и суммирование достижений современной науки применительно к условиям аппарата Советской власти и потребностям и нуждам рабоче крестьянского государства в отличие от заданий науки, приспособленной к нуждам буржуазно-капиталистических государств,—такова особенная цель, которую должна преследовать реорганизованная РКИ.

Методы работы РКИ.

V. а) РКИ должна отказаться от сплошного, повседневного и формального контроля над всеми денежными и имущественными операциями госорганов и производить обследование командных и узловых пунктов нашего хозяйственного и управленческого аппарата, согласно заранее выработанному плану или в зависимости от выдвигаемых жизнью потребностей.

б) При изучении и установлении принципов научной организации труда и управления, которое не должно быть только академическим, необходимо теснейшее слияние деловой практической проверки и научного обобщающего вывода; практической же формой этого изучения должны быть систематические наблюдения над постоянно повторяющимися и типичными явлениями в области управленческой работы; постановка опыта с заранее намеченными определенными целями и, главным образом, обследование тех частей аппарата, изучение которых особенно необходимо в целях изыскания наиболее правильно ведущих к цели средств для устранения имеющихся в них дефектов.

в) Контрольная деятельность должна иметь своей основной целью выяснение практических достижений или недостатков хозяйственных и административных органов и установление характерных для данной области типических приемов хищения и изыскания средств предотвращения их, не уклоняясь в сторону выискивания отдельных хищений и злоупотреблений.

Ближайшие задачи РКИ и ЦКК должны быть следующие:

VI. а) Всемерное побуждение государственных административных и хозяйственных органов к улучшению их аппаратов, оказание им содействия в этом отношении, учет их опыта, согласование и объеди-

нение принимаемых ими мер, в тесном единении с профсоюзами и с привлечением к этому делу рабочих и служащих, работающих в предприятиях и учреждениях, в особенности отдельных выдающихся работников, красных директоров и т. п.

б) Оценка и проверка по существу работы руководителей и сотрудников государственных и хозяйственных органов, содействие государству и партии в подборе личного руководящего состава, практическая подготовка рабочих и крестьян на ответственные руководящие должности путем участия их в работе РКИ и ЦКК в целях усвоения ими практических методов и техники управления, оказание поддержки наиболее честным и преданным делу работникам.

в) Обследование и изучение причин преступлений, бесхозяйственности руководителей и сотрудников государственных аппаратов, борьба с системой подкупов и согласование своей работы в этой области с соответствующей деятельностью ГПУ и НКЮ путем созыва периодических совещаний и иными способами, а также принятие мер по привлечению к ответственности и к устранению тех руководителей государственных органов и предприятий, которые уклоняются от забот по улучшению и чистке своих аппаратов.

г) Практическое и теоретическое изучение дела управления, установление недостатков и достоинств действующих органов управления, устранение одних и укрепление других, постановка опытов и проведение в жизнь практических мероприятий по рационализации техники управления, делопроизводства, счетоводства, отчетности, выработки планов изменения в связи с этим структуры государственных органов как в целях улучшения их работы, так и в целях создания нормальных условий для самоконтроля, облегчающих возможность наблюдения со стороны государства.

д) Выполнение специальных заданий и поручений партийного и советского характера, а также контроль и наблюдение за правильным проведением в жизнь государственными органами постановлений и решений партийных и советских органов, направленных в первую очередь к усовершенствованию госаппаратов и к борьбе с бюрократизмом и злоупотреблениями должностных лиц.

е) Особо тщательное усовершенствование госаппарата и хозорганов в части непосредственного соприкосновения их с населением, беспощадная кара советских чиновников за малейшее проявление ими барства и пренебрежения к нуждам и запросам рабочих и крестьян, в особенности неграмотных и малограмотных, и в частности к трудящимся других национальностей.

ж) Систематическое и планомерное использование со стороны РКИ и ЦКК советской и партийной печати как в целях изобличения и раскрытия всякого рода преступлений (разгильдяйства, взяточничества и т. д.) и систематических обходов намеченной партией основной линии в деле реорганизации госаппарата, так и для изучения и подытожения работы ЦКК и РКИ в деле организационного строительства.

О местных органах РКИ и ЦКК.

VII. Реорганизация РКИ и ЦКК на вышеизложенных основах распространяется только на центральную РКИ и на ЦКК. ЦКК и РКИ поручается в месячный срок разработать и внести в ЦК на утверждение проект о работе местных органов РКИ и ГубКК, которые до разрешения этого вопроса в указанном порядке работают на прежних основаниях.

X. По организационному вопросу [1]).

I.

1. Пленум ЦК.

На съезде выбираются 40 членов ЦК и 15–20 кандидатов.

Расширение происходит с целью ввести новых членов в ЦК, гл. обр., из числа местных работников, в особенности рабочих, наиболее связанных с пролетарскими массами.

На пленумах ЦК, кроме 40 человек с решающим голосом, присутствуют с совещательными голосами: а) кандидаты в члены ЦК и б) члены президиума ЦКК.

Допускается совместительство кандидатов в члены ЦК с членством в ЦКК; при вхождении в ЦК в качестве члена кандидат выходит из состава ЦКК.

Пленум ЦК собирается регулярно не реже одного раза в 2 месяца. Каждый пленум определяет дату следующего пленума, которая может быть изменена лишь в исключительных случаях совместным постановлением Орг- и Политбюро. Пленум продолжается 2—3 дня, дабы иметь возможность серьезнейшего обсуждения ряда очередных вопросов. Все наиболее коренные вопросы ставятся на разрешение пленума. В особенности в течение последних 2—3 недель перед очередной сессией пленума Политбюро обязано все коренные вопросы, разрешение коих терпит отлагательство, систематически переносить на повестку пленума. Подготовка пленумов должна быть более тщательна, чем до сих пор. Все материалы, по крайней мере, по важнейшим вопросам к предстоящему пленуму должны своевременно рассылаться всем членам ЦК. На каждом пленуме Политбюро представляет отчет о своей деятельности за истекший период.

Созыв экстренного пленума происходит по постановлению Политбюро или же по требованию одной четверти членов пленума.

2. Политбюро.

Политбюро выбирается пленумом ЦК в составе не более 7-ми членов и 4-х кандидатов.

---

[1]) В тексте этой резолюции отсутствует пункт, касающийся предложений Ревизионной Комиссии. *Ред. Комиссия.*

На заседании Политбюро, кроме членов ЦК, имеют право присутствовать три постоянных представителя ЦКК из состава президиума последней. Новому ЦК поручается разобрать вопрос о снабжении документами Политбюро членов ЦК, не входящих в Политбюро, а равно и президиум ЦКК.

Новому ЦК поручается принять ряд необходимых мер для улучшения работы Политбюро в области планового руководства со стороны Политбюро государственными, и в частности хозяйственными, органами.

3. Оргбюро.

Оргбюро состоит из 7-ми членов и 4-х кандидатов.

На заседаниях Оргбюро присутствуют 3 представителя ЦКК. Приезжающие с докладами секретари губкомов имеют право совещательного голоса на заседаниях Оргбюро. Члены областных бюро ЦК и бюро краевых комитетов также имеют право присутствовать на заседаниях Оргбюро с правом совещательного голоса.

Решения Оргбюро опротестовываются членами ЦК в Политбюро; решения Секретариата—в Оргбюро, при чем в обоих случаях решения исполнением приостанавливаются.

4. Центральная Контрольная Комиссия.

Разделение труда между партийными органами и государственными органами (в духе постановления XI съезда РКП), разумеется, необходимо, но без малейшего ущерба для руководящей роли партии. Для того же, чтобы партия не на словах, а на деле могла осуществлять направляющее руководство государственными и хозяйственными органами, нужно, чтобы в таких центральных пунктах, каким должна стать реорганизованная РКИ, создана была наиболее тесная организационная связь между руководящими органами государственного и партийного контроля.

Съезд выбирает 50 членов ЦКК, преимущественно из рабочих и крестьян с серьезнейшим партийным стажем и пригодных для партийно-контрольной и советско-контрольной работы. Основной задачей ЦКК является работа по обеспечению во всех отношениях партийной линии деятельности всех советских органов. В соответствии с этим функции ЦКК расширяются, с сохранением, однако, заданий, предусмотренных уставом партии. Президиум ЦКК избирается пленумом ЦКК в количестве 9-ти товарищей высокого во всех отношениях стажа, т.-е работников, примерно, цекистского типа. Наркомрабкрина назначается ЦК партии по возможности из состава президиума ЦКК. Параллельно в состав коллегии Наркомата должны войти несколько членов президиума ЦКК. Не менее половины остальных членов ЦКК делегируются для работы в РКИ и в области выполнения возложенных на них советских заданий работают под руководством коллегии РКИ, согласно директивам инструкции и положению о советской работе,

вырабатываемым президиумом ЦКК вместе с коллегией Наркомата и утверждаемым ЦК партии.

Пленарные собрания ЦКК по правилу происходят каждые 2 месяца непосредственно перед пленумом ЦК.

ЦК партии делегирует на пленарные заседания ЦКК своих представителей с совещательным голосом.

Предложения относительно необходимых изменений и мероприятий по усовершенствованию госаппарата, хозяйственно-административной работы и пр., а также касающиеся замены руководящих работников на местах и в центре, ЦКК через свой президиум вносит в ЦК партии—пленум, Полит- и Оргбюро, соответственно характеру вопроса.

Все основные вопросы, касающиеся работы РКИ и улучшения государственного аппарата, а также главнейшие практические мероприятия и распределение членов ЦКК для работы в РКИ подлежат обсуждению на постоянных совместных совещаниях президиума ЦКК и коллегии РКИ, созываемых периодически, не реже 2-х раз в месяц.

Уставное положение конференции остается прежним, т. е. ее решения подлежат утверждению ЦК.

На Всероссийской конференции все члены ЦКК и кандидаты к ним участвуют с совещательным голосом.

II.

Организационное регулирование состава РКП.

Опасности нэпа для внутреннего состояния РКП не должны не дооцениваться. Возможность перерождения известных клеточек партии не исключена. Оставаясь единственно открытой партией, и притом стоящей у власти, партия не может не считаться с тем, что в ее ряды в течение еще нескольких лет будут неизбежно притекать чуждые элементы. При таком положении в числе прочих мер необходимо,— и это, *вероятнее всего, нужно будет делать каждый год на съездах партии*,—*крупными организационными мерами маневренного характера регулировать состав партии* (прием в члены и пр.), *с тем, чтобы систематически улучшать состав РКП*.

Партия принимает и должна принимать в члены РКП не только рабочих, но и крестьян и красноармейцев, служащих, учащуюся молодежь и т. д. Но, будучи пролетарской партией, она должна систематически повышать процент членов партии из числа промышленных рабочих и, вместе с тем, регулировать и ограничивать прием в члены партии всех других элементов. В последнем счете одной из самых важных гарантий против указанных выше опасностей является прежде всего пролетарский состав самой партии.

Процент рабочих членов партии в последнее время систематически возрастает. На руководящих государственных, партийных и профессиональных постах стоит большое число рабочих. Но партия все

еще не добилась достаточного перевеса промышленных рабочих среди всего полумиллиона членов и кандидатов РКП.

Это в еще большей мере относится к контингенту кандидатов в партию, как он обрисовался со времени партийной переписи и, после нее.

Съезд констатирует, что в последнее время замечается особенно усиленный приток желающих быть принятыми в ряды РКП, и, снова подтверждая обязательность самого внимательного и тщательного отношения к приему в партию, съезд признает необходимым:

а) на один год (до XIII съезда) сократить число рекомендующих для промышленных рабочих, работающих у станка, с 3 до 2 человек с двухлетним стажем; такой же порядок установить и для красноармейцев (из рабочих и крестьян), имеющих не менее одного года стажа члена РКСМ;

б) для приема в РКП членов РКСМ рабочих, имеющих двухгодичный производственный стаж, необходимы рекомендация одного члена партии с трехлетним стажем и положительное заключение местного комитета РКСМ;

в) оставляя для нерабочих установленные уставом условия приема в партию, подтвердить безусловную обязательность, под особой ответственностью губкомов, строгого выполнения всех относящихся в этому требований устава;

г) переводить в 1923 и 24 гг. (до XIII съезда партии) из числа кандидатов в члены партии *только* промышленных рабочих, работающих у станка, оставив всех остальных на положении кандидатов еще на один год с целью дать этим кандидатам возможность предварительно получить лучшую партийную подготовку;

д) необходимы некоторые специальные практические меры облегчения приема промышленных рабочих в партию.

С этой целью съезд предлагает парткомитетам организовать специальные командировки (повторяемые не один, а несколько раз) товарищей с серьезным партийным опытом и надлежащим партстажем в промышленные районы, а также устанавливать систематические посещения ими фабрик и заводов для ознакомления с рабочими, стремящимися войти в партию. Посылаемые на фабрики и заводы партийные товарищи при содействии партячеек и после внимательного ознакомления и собирания необходимых сведений о желающих войти в партию (кандидаты) рабочих должны в соответствующих случаях выступать перед парткомом в качестве рекомендующих. Эта мера ни в коем случае не должна ослаблять работы самих партячеек по привлечению в партию новых членов из среды рабочих.

Отступления от установленного порядка приема членов РКП допускаются каждый раз только в виде исключения и каждый раз по особому постановлению ЦК.

Съезд считает необходимым систематически принимать ряд мер к улучшению состава партии, обставлять рядом ограничений принятие в партию выходцев из непролетарских слоев, а также из других пар-

тий. Но раз принятые в партию после всех предварительных испытаний и ограничений, эти члены партии должны, разумеется, пользоваться всеми правами членов партии. Совершенно недопустимо, чтобы после принятия таких товарищей в партию на них продолжали смотреть с недоверием из-за их происхождения и из-за прежней принадлежности к другим партиям. Против малейших попыток создавать атмосферу деления членов партии на полноправных и неполноправных должна вестись решительная борьба.

Учитывая пестроту социального состава некоторых парторганизаций, а также необходимость их укрепления, съезд считает целесообразным в нужных случаях производить проверку и чистку членов партии отдельных организаций. Такая проверка проводится лишь по решению ЦК.

III.

Партийно-организационная работа и подбор работников.

После чистки партии важнейшим методом организационного укрепления партии была теперь уже широко развернувшаяся система мер улучшения и подбора руководящего кадра работников партии, начиная от секретаря губкома и обкома и кончая секретарем ячейки.

Это выразилось в следующем: в установлении определенного партстажа для секретарей парторганизаций (начиная от ячейки), что дает возможность сосредоточить на партработе политически более воспитанных и выдержанных партийных товарищей; в проведении замены прежних секретарских ячеек, выполнявших преимущественно технические функции, парторганизаторами, способными руководить партработой ячейки и втягивать в эту работу всех членов ячейки, и,— что особенно важно,—это стало проводиться под активным руководством парткомов, и в подборе этих организаторов ячеек (в первую очередь ячеек в промышленных предприятиях); в установлении инструкторского аппарата от ЦК до укома и райкома, являющегося, с одной стороны, способом связи и поднятия партработы, а с другой— способом практической подготовки новых кадров партийных работников в выделении под особое наблюдение и оказании усиленной поддержки партийными силами, средствами, литературой партработе в рабочих центрах (как в промышленных районах, так и на отдельных более крупных фабрично-заводских предприятиях) и ряд других мер.

Съезд одобряет эти меры и признает необходимым дальнейшее проведение и закрепление развернувшейся в этом направлении работы парторганизаций.

Вместе с тем, съезд признает, что очередной задачей партии является усиление партийного руководства в деле подбора руководителей советских, в частности хозяйственных, и других органов, что должно осуществиться при помощи правильной и всесторонне поставленной системы учета и подбора руководителей и ответственных ра-

ботников советских, хозяйственных, кооперативных и профессиональных организаций.

В этих целях съезд поручает ЦК принять все меры к расширению и укреплению учетно-распределительных органов партии в центре и на местах с целью охвата всей массы коммунистических и сочувствующих коммунизму работников во всех без исключения областях управления и хозяйствования.

IV.

О губернских конференциях.

Установить, что очередные губернские партконференции должны собираться не 2 раза, а 1 раз в год.

V.

Партийно-воспитательная работа в особенности среди молодежи.

Усиление партийно-воспитательной работы среди массы членов партии является в настоящий момент по совокупности обстоятельств задачей первостепенной важности.

Съезд констатирует, что работе среди молодежи все еще уделяется слишком мало внимания. Съезд поручает Центральному Комитету принять самые энергичные меры к тому, чтобы парторганизация в уездном, губернском и всероссийском масштабах уделила работе среди молодежи столько внимания и сил, сколько действительно заслуживает эта важнейшая отрасль работы, от которой зависит будущее партии.

На эту важнейшую работу должны обратить особое внимание более старые члены партии. Помимо всего прочего, деятельной помощью со стороны старых членов партии в деле подготовки к работе молодого поколения коммунистов будет достигнуто уничтожение в корне каких бы то ни было трений между различными возрастными группами внутри партии. Сила партии будет заключаться в том, что именно ей удастся установить непрерывную связь между подрастастающей молодежью и старым поколением революционеров, объединяя в рядах партии все, что есть жизнеспособного среди революционеров обоих поколений

Организовать в срочном порядке при ЦК школу секретарей уездных парткомов в 200—300 человек.

Поручить ЦК принять все меры к неотложному получению делового и партийного состава работников периодических изданий, в первую голову в промышленных районах в провинции.

Новому ЦК поручается принять меры к тому, чтобы партийные товарищи, занимающие ответственные должности и нуждающиеся в пополнении своего образования, могли получать необходимый для этого отпуск.

VI.

Об органах Истпарта.

В целях способствования планомерному и скорейшему осуществлению задач, возложенных на Истпарт, съезд постановляет:

1. Подтвердить существующее постановление ЦК РКП о том, что органы Истпарта являются отделами соответствующих партийных комитетов.

2. Центральному Комитету обеспечить необходимое количество работников как в центре, так и на местах, занятых исключительно истпартовской работой.

3. Изыскать в твердом сметном порядке необходимые денежные средства как на содержание Истпарта и его органов, так и для обеспечения его издательской деятельности.

XI. По вопросам пропаганды, печати и агитации.

I.

1. Объединяющая и руководящая работа партии должна быть в ближайший период направлена к завершению начатого объединения в единую согласованную систему всех отраслей компросвещения.

Проводя эту работу, партийные органы в центре и на местах должны повсюду ставить одну и ту же основную задачу: готовить из рабочего и крестьянина практического работника революции вооруженного методами марксистского подхода к конкретным вопросам революционного строительства.

2. Во всей системе компросвещения центральное место, как и до сих пор, должно занимать массовое начальное политическое просвещение в партийных школах и курсах политграмоты, в школах грамоты и политчасти Красной армии, на делегатских собраниях работниц и крестьянок, на ликпунктах и школах малограмотных в городе и деревне.

Начальное политическое просвещение внутри партии должно проводиться на основах результатов проверки политической грамотности членов партии, при чем самой этой проверке следует придать характер планомерно-поставленной систематической работы по учету политических знаний и марксистской подготовки всех партийцев.

Продолжая работу по ликвидации политнеграмотности с прежней энергией среди членов партии, РКСМ, рабочей молодежи, членов профсоюзов и красноармейцев, партия очередной задачей ближайшего периода должна поставить ликвидацию политнеграмотности среди деревенских коммунистов, неустанно стремясь к расширению объема

этой работы в сторону полного охвата допризывной молодежи и ближайших к партии кругов беспартийной крестьянской бедноты.

Выработка наиболее рациональных форм этой ликвидации, широкое развитие и использование в этих целях культурно-политического шефства над деревней партячеек крупных фабрично-заводских предприятий, совпартшкол, рабфаков и ВУЗ-ов, подготовка и использование для политического просвещения деревни наиболее близких к партии элементов сельского учительства, работников деревенской кооперации агрономов и т. п. должны занять одно из виднейших мест в работе парторганизаций прежде всего земледельческих районов.

Ликвидация политической неграмотности среди членов партии и беспартийных нацменьшинств должна вестись на соответствующем родном языке. При этом, как и при всей работе по начальному политическому просвещению взрослых, должно быть обращено серьезное внимание на ликвидацию общей технической неграмотности на родном языке, в первую очередь среди членов партии и членов профсоюзов.

3. Клубная работа, которая в последнее время охватывает все более широкую массу рабочих, особенно же рабочей молодежи, должна быть в ближайшее время поставлена на соответствующую ее значению высоту. Клубы должны быть превращены в действительные центры массовой пропаганды и развития творческих способностей рабочего класса. При этом необходимо не упускать из своего внимания и использование клуба, как места отдыха и разумных развлечений. Связь клубной работы с текущей жизнью и революционной практикой должна осуществляться различно, в зависимости от типов клуба (партийный, рабочий, красноармейский, комсомольский).

Обратить особое внимание парткомов на разработку методов клубной работы и использования опыта до сих пор немногих хорошо поставленных клубов для всей сети их, на усиление рабочих клубов партийными силами, сосредоточение вокруг клубов до сих пор разбросанной работы по внешкольному компросвещению.

Парткомы должны объединить под своим руководством клубную работу Политпросветов, ОНО, Культотделов, Профсоюзов, Политпросветов РКСМ и Политотделов Красной армии. Наблюдающаяся местами тенденция некоторых из указанных организаций вести эту работу сепаратно должна быть парткомами срочно ликвидирована.

4. Восстановление первичной формы просветительной работы в деревне, изб-читален, выдвинутое XI съездом партии, как одна из важнейших очередных задач, не дало еще сколько-нибудь значительных результатов. Агитпропам парторганов и политпросветам ОНО надлежит напрячь усилия к выполнению указаний XI съезда: установить в каждой губернии твердую сеть изб-читален, содержимых на местные средства, в количестве не менее одной на волость; привлекать к их содержанию сельские общества, кооперацию и хозорганы; улучшить подбор работников изб-читален, организовав их подготовку в совпартшколах.

Вокруг изб-читален по мере их восстановления должна быть

сосредоточена работа ликпунктов и школ малограмотных с их начальным политпросвещением крестьянства. Для их работы должно быть также использовано шефство города над деревней. Вокруг изб-читален должны быть сгруппированы все пока немногочисленные культурные единицы деревни, способные работать рука-об руку с партией; через них должно итти распространение в деревне газеты и политико-просветительной литературы; вся политико-просветительная работа изб-читален должна быть так же тесно связана с вопросами сельско-хозяйственного производства и с повседневными нуждами крестьянина, как работа клуба в городе с вопросами производства и повседневными нуждами рабочего фабрики и завода.

5. В ближайший период партия и политпросветы, не расширяя уже намеченной в истекшем году сети совпартшкол и коммуниверситетов, должны все свое внимание сосредоточить по отношению к ним на следующем:

а) на уточнении практических целевых задач этих школ;

б) на улучшении подбора их слушателей в отношении производственного и практического стажа и на увеличении старших возрастных групп в составе совпартшкол;

в) на создании материальной возможности прохождения этих школ семейными рабочими путем обеспечения их семей;

г) на укреплении общей материальной базы совпартшкол;

д) на улучшении постановки учебной, воспитательной и культурно-просветительной работы в них;

е) на усилении их работниками.

6. Учебно-воспитательный опыт совпартшкол и коммуниверситетов должен быть изучаем, систематизируем и освещаем в партийной и политпросветительной периодической печати. Опыт коммуниверситетов, как высшей квалифицированной партийной школы, должен быть использован совпартшколой первой и особенно второй ступени.

В виду крайней бедности необходимыми методическими и др. учебными пособиями и материалами местных партшкол нацменьшинств и нацотделений Губсовпартшкол, КУТВ, КУНЗ должны снабжать их этими материалами и пособиями.

Отнюдь не упуская из вида основные задачи совпартшкол— подготовку командного состава партийных, профсоюзных и советских органов на местах, партийные организации должны, на-ряду с этим, поставить своей задачей превращение совпартшкол и коммуниверситетов в образцовые школы коммунистического просвещения; к их типу приближать социально-экономическое и политическое образование во всех школах, прежде всего в военных и специальных школах, и на рабфаках.

Каковы бы ни были основные задачи каждого типа школы, в частности ВУЗ-ов и Техникумов, она, вырабатывая специалиста в той или иной отрасли строительства, в то же время должна готовить в его лице общественно-политического работника, вооруженного теорией марксизма.

7. Все ценнейшие достижения совпартшкол, коммуниверситетов и военно-политических школ в области методов учебной работы со взрослой рабоче-крестьянской аудиторией должны стать общим достоянием всех школ для взрослых. Разрыв со всеми способами старого авторитарно догматического преподавания и переход к методам, развивающим навыки самостоятельного, особенно кружкового, собирания, исследования и проработки учебного материала, должны быть очередной задачей дня. К выполнению этой задачи необходимо переходить при малейшей реальной возможности, соответствующим образом подготовляя уже к этому наличный кадр преподавателей.

8. Все, что в области компросвещения не может быть вложено в рамки учебной работы в собственном смысле, должно даваться широко развиваемой внеучебной политико-просветительной, воспитательной, особенно клубной, работой.

9. Марксистские кружки, организуясь на началах добровольного вступления в них, по кругу, объему и степени углубленности изучения вопросов теории и практики марксизма должны приближаться к курсам совпартшкол и коммуниверситетов.

Господствующему до сих пор разброду в способах организации и содержании работы этих кружков должен быть положен конец концентрацией их вокруг клубов, сосредоточением руководства ими в руках агитпропов парткомов, через органы тех же клубов и единством исходящих от центра программ.

При организации марксистских кружков необходимо учитывать наличность подготовленных руководителей и общий уровень членов данной парторганизации.

10. Глубокая тяга к знанию как среди членов партии, так и среди беспартийных рабочих и крестьян не укладывается, особенно в деревне, в современные рамки работы школ, клубов и кружков при них. Это выдвигает перед партией новую, до сих пор не обслуженную задачу: во-первых постановки компросвещения членов партии на дому и, во-вторых, объединения и руководства работой органов Наркомпроса, Профсоюзов и РКСМ над коммунистическим самообразованием трудящихся. При этом работу по самообразованию нужно объединить вокруг клубов в городе и изб-читален в деревне, превратив ее в постоянный элемент работы по компросвещению.

11. Парторганизации должны всемерно стремиться к тому, чтобы включить в сферу своего влияния школу детей и подростков и обслуживание партийными силами сосредоточить в ближайшее время по преимуществу на школах фабзавуча.

12. Необходимо согласовать под единым партийным руководством программно-методическую работу всех руководящих коммунистическим просвещением органов партии, Наркомпроса, Красной армии, Профсоюзов и РКСМ, в центре и на местах, образовав для этого специальную научно-методическую Комиссию при Агитпропе ЦК.

13. ЦК РКП и Наркомпросу необходимо принять все меры к действительной организации до сих пор чрезвычайно слабо поставленного

дела подготовки и издания учебников и пособий, в частности для нацменьшинств, и в этих целях выделить в ближайшее время специальную группу компетентных товарищей, с полным освобождением одних и максимальной разгрузкой других от всех иных обязанностей

14. Необхо имо срочно пр нять ряд мер по подготовке и переподготовке работников компросвещения.

15. Необходимо провести ряд срочных мер по наиболее полному учету и целесообразному использованию всех членов партии, способных вести работу по компросвещению, изъятием таких товарищей из д угих отраслей советской, партийной и иной работы и переброской на работу по компросвещению.

16. Забронировать для нужд просветительной работы в деревне (избы-читальни, школы, библиотеки и пр.), имеющей исключительное политическое значение в ближайший период, не менее половины партийных сил, перебрасываемых в деревню.

17. Констатируя, что осуществление постановлений XI съезда партии об усилении агитпропов (см. разд. 5 п. I-й резолюции о печати и пропаганде) за истекший год почти не продвинулось вперед, необходимо тщательно подготовить и в течение ближайшего полугодия провести специальную мобилизацию в целях немедленного пополнения агитпропов квалифицированными работниками. В тех же целях необходима организация трехмесячных летних курсов для завагитпропов парткомов (для губернских в Москве, для уездных в областях и крупнейших губернских центрах).

Отмечая, вместе с тем, недостаточно твердую линию в деле мобилизации партийных работников для переброски на просветительную работу из столиц в провинциальные рабочие центры, съезд считает необходимым подчеркнуть абсолютную недопустимость дальнейшего промедления в этом деле.

18. Необходимо поставить обслуживание московскими лекторами как Зиновьевского университета, так и провинциальных коммуниверситетов.

19. На-ряду с обслуживанием коммуниверситетов необходимо систематически развивать уже практикующиеся командировки квалифицированных лекторов из Москвы в провинцию, а также из областных и губернских центров в уезды и волости с целью обслуживания потребностей массовой пропаганды (совпартшколы, циклы лекций и доклады в рабочих и партийных клубах и пр.).

20. Работа среди учащейся молодежи должна быть выдвинута на первый план и признана одной из важнейших задач в области партийного и массового просвещения. Необходимо неуклонно стремиться к проведению следующих мер в этом направлении:

а) усиление влияния партии на руководящие, административные и учебные органы и профессуру ВУЗ ов и рабфаков путем прежде всего объединения всех коммунистических научно-преподавательских сил в комфракции научных работникс в Союза Всерабпроса;

б) укрепление студенческих организаций, связывающих пролетар-

ское студенчество с партией и профсоюзами (профсекциями), по мере осуществления которого провести упразднение ныне существующих объединений комстуденчества (центрального и местного Бюро комстуденчества);

в) широкое развитие политико просветительной работы среди пролетарского студенчества;

г) вовлечение этого студенчества в обслуживание текущей работы партии и профсоюзов.

21. Концентрируя внимание партии на задачах работы среди учащейся молодежи, необходимо привлечь для обслуживания как комвузов, так и ВУЗ ов вообще целиком всю подготовительную к этому делу часть старой партийной гвардии. Необходимо положить конец небрежному отношению ряда ответственнейших товарищей к делу преподавания в высшей школе.

XII съезд партии поручает ЦК выделить: а) группу высококвалифицированных партийных специалистов для подготовки преподавательского состава комвузов и ВУЗ'ов вообще по линии компросвещения и б) группу лекторов, могущих обслуживать в организованном порядке, с установлением правильных очередей, комвузы и ВУЗ ы Москвы, Петрограда и провинции.

22. ЦК необходимо обратить особое внимание на периодические издания, обслуживающие учащуюся молодежь. Во главе студенческих журналов должны стоять старые испытанные партийные литераторы.

23. В теснейшей связи с необходимостью организованного противодействия влиянию в первую очередь на учащуюся молодежь со стороны буржуазной и ревизионистски-настроенной профессуры, следует в большей степени, чем в настоящее время, выдвинуть задачу оживления работы научной коммунистической мысли, сделав центром этой работы Социалистическую Академию, расширив объем ее деятельности за пределы обществознания. Соцакадемия должна теснейшим образом связаться в своей работе с научно-исследовательской деятельностью различных учреждений и органов (ВУЗ'ы, коммуниверситеты, Наркоматы и т. п.), постепенно превращаясь в научно-методологический центр, объединяющий всю научно-исследовательскую работу.

24. В виду того, что за последние два года художественная литература в Советской России выросла в крупную общественную силу, распространяющую свое влияние прежде всего на массы рабоче-крестьянской молодежи, необходимо, чтобы партия поставила в своей практической работе вопрос о руководстве этой формой общественного воздействия на очередь дня.

II.

25. В течение последних месяцев можно констатировать значительное качественное улучшение периодической печати и заметный рост ее тиража. Почти все газеты установили тесную связь с рабо-

чими массами, при чем главная заслуга в этом отношении принадлежит рабочим корреспондентам, играющим все более важную роль в нашей печати.

26. Необходимо, однако, подчеркнуть, что в деле улучшения печати партией сделаны пока лишь первые шаги. Поддержка, оказанная за последние месяцы партийными организациями печати, вывела из тягчайшего кризиса областную и губернскую печать, помогла в известной мере завоевать рабочего читателя, но все же нельзя забывать того обстоятельства, что тираж всех наших газет крайне невелик, что, вследствие этого, широчайшие слои нерабочего населения, и прежде всего крестьянства, крайне слабо снабжаются печатью. И так как печать является одним из важнейших орудий агитации и пропаганды, играя в то же время роль передаточного аппарата между партией и рабочим классом, то XII партсъезд поручает ЦК обратить на эту отрасль партработы первоочередное внимание. Необходимо в самом срочном порядке принять ряд мер к увеличению тиража наших газет и наладить дело распространения печати прежде всего в деревне, как имеющее в настоящее время крупнейшее политическое значение.

27. В интересах правильного обслуживания всей разнообразной читательской массы необходимо провести диференциацию газет (центральные и областные руководящие, центральные массовые, областные, губернские и уездные массовые и т. д.). Для каждого основного слоя читателей необходимо создать особый тип газеты. Имея целую систему газет, партия должна более или менее точно распределить между ними сферу деятельности, чтобы каждая газета ориентировалась по преимуществу на определенный слой массы читателей.

28. Опыт показал, что обычная губернская газета не может быть одновременно газетой и для городского, и для сельскаго населения,— она прежде всего городская газета. Для обслуживания крестьянства в крупных губернских центрах необходимы специальные еженедельные крестьянские газеты. Но там, где специальная крестьянская газета не может быть создана, губернская газета должна максимум внимания и места уделять вопросам сельской жизни.

29. В целях улучшения газет на языках нацмен необходимо усиление контроля и инструктирования газеты нацмен со стороны Агитпропотдела ЦК РКП.

Уездная печать преобладающую часть всего своего материала должна уделять крестьянским вопросам, выдвигая на первое место освещение жизни сел и деревень. Положение, когда уездные газеты почти целиком ориентируются на городского (как общее правило, мещанского) читателя, совершенно нетерпимо. Губкомы обязаны принять все меры для правильной постановки уездной печати, наиболее легко распространяемой в деревне.

30. Как на новое явление в области партийно-советской печати, наряду с рабочими корреспондентами, следует указать на фабрично-заводские газеты, которые в центре начинают играть заметную роль. Газеты эти являются продуктом творчества передовых пролета-

риев. Их значение в том, что, освещая вопросы местной фабрично-заводской жизни, они тем самым вовлекают в общественную жизнь и интересы производства наиболее отсталые слои пролетариата. Подчеркивая ценность этой новой печати, XII съезд указывает на необходимость взять ее под партийное руководство.

31. Необходимо отметить, что если хозрасчет, несомненно, оживил наши издательства и дал им возможность работать на прочных и здоровых основаниях, то, с другой стороны, коммерческая независимость внесла разнобой в их работу, в результате чего на рынок выбрасывается подчас ненужная, плохо подготовленная литература, что ведет к засорению книжного рынка и к растрачиванию материальных сил и средств. Считая, что это обстоятельство составляет немалую угрозу всему нашему книжному делу, необходимо наладить известную согласованность в работе наших издательств, не нарушая, однако, их хозяйственной самостоятельности.

Между прочим, XII съезд поручает ЦК выработать и провести в жизнь необходимые мероприятия по упорядочению издания классиков марксизма (ускорения выпуска их Госиздатом, запрещения переиздавать без проверки и подписи соответствующих ответственных редакций и пр.).

32. Необходимо констатировать крайнюю пестроту и разнообразие областных и губернских партийных журналов как в отношении характера, так и в отношении их качества. Большинство этих журналов ведется весьма слабо, а порой совершенно неудовлетворительно. Общий недостаток большинства журналов: слабое освещение текущих вопросов партийной жизни, невыдержанность теоретических статей, загрузка неразработанными отчетными материалами и отсутствие хорошо поставленной библиографии. Необходимо пересмотреть списки журналов, и там, где их правильная постановка окажется невозможной, совершенно закрыть их, заменив бюллетенями. Далее ЦК необходимо поставить снабжение местных журналов статейным материалом по общим вопросам (через Прессбюро Агитпропа ЦК).

33. Основным условием для укрепления и расширения печати является подведение под нее прочной материальной базы. С этой целью необходимо прежде всего передать газетным и книжным издательствам приспособленные типографии и добиться решения бумажного вопроса с точки зрения интересов печати. Затем необходимо сделать первые шаги в направлении создания отдельных комбинированных издательских объединений (газеты, журналы, экспедиции, типографии, бумажные фабрики и т. д.).

34. Финансовая помощь со стороны государства для целого ряда изданий все еще является крайне необходимой. Без этой помощи ряд местных изданий станет по цене совершенно недоступным массовому читателю.

Периодические издания на языках нацменьшинств, обслуживающие почти исключительно беднейшие и отсталые массы нацмен, нуждаются в силу своей слабой распространенности, отсутствия платных

объявлений и пр. в усиленной материальной поддержке, без которой их существование невозможно.

35. Указания XI съезда партии о том, чтобы каждый член партии был подписчиком (индивидуально или коллективно) одной из партийных газет, должно быть в самое ближайшее время полностью проведено в жизнь.

36. Констатируя наличность совершенно естественного соревнования между различными партийно-советскими газетами, необходимо подчеркнуть, что партийные организации ни в коем случае не должны „брать сторону" в этом соревновании. Партийные комитеты обязаны вести пропаганду и агитацию за всю партийную печать, разъяснять массам характер каждой из газет, не ставя, однако, в особо привилегированное положение в смысле распространения ни одну из газет.

37. Считаясь с крайне небольшой наличностью опытных журналистов-коммунистов и с необходимостью расширения и укрепления всего нашего печатного дела, необходимо неуклонно проводить в жизнь решения XI съезда о переводе журналистов-коммунистов на работу по специальности.

38. Значение новой силы партии по советской журналистике—рабочих корреспондентов—огромно. Партийные организации как в центре, так и на местах должны принять меры к политическому просвещению рабкоров, к их объединению и вовлечению в общепартийную работу.

39. Необходимо, чтобы партийные организации обратили самое серьезное внимание на партийно-политическое воспитание работников печати. С этой целью партийные комитеты должны уделить серьезное внимание „Домам Печати", клубам и секциям работников печати. Необходимо, чтобы коммунисты—работники печати теснейшим образом были связаны с повседневной общепартийной жизнью и работой.

40. Необходимо в срочном порядке поставить издательство специальной массовой литературы для распространения среди крестьян, освещающей весь круг вопросов, интересующих деревенского читателя, в доступной для него форме, начиная с политграмоты и кончая беллетристикой и практическими вопросами восстановления крестьянского хозяйства (агрономия, прикладная и сельскохозяйственная техника и пр.).

41. Принимая во внимание недоступность существующей ежедневной печати для громадной части деревенских читателей, благодаря ее слишком высокой цене, признать целесообразной организацию еженедельных газет для массового распространения в деревне.

I.

42. Старый тип агитации за выполнение мероприятий советской власти (продразверстка, продналог, трудгужналог) и закрепление ее органов (милиции, суда) имеют тенденцию к отмиранию по мере того, как советский аппарат постепенно становится на ноги. Агитационные

органы партии постепенно перестают играть непосредственно вспомогательную роль при аппаратах советской власти. Однако, процесс этот еще не закончился, и, беря курс на максимальное сокращение кампаний советского типа, мы попрежнему должны непосредственно руководить как в центре, так и на местах теми из них которые имеют важное политическое значение (пример—финналоговая кампания).

43. Агитация остается в руках партии могущественнейшим орудием планомерного и широкого освещения перед массами трудящегося населения города и деревни политических и экономических мероприятий Советской власти и всех выдающихся событий внутренней и международной жизни, а также привлечения в партию свежих рабочих и крестьянских сил.

Партия осуществляет указанные задачи как путем соответствующей постановки печати, так и посредством всевозможных форм устной агитации (митинги, собрания и т. д.). Средства эти применяются по преимуществу при перевыборах советов, профсоюзных органов, органов потребительской, сельской и кредитной кооперации, страховых больничных касс, крестьянских комитетов взаимопомощи и всех пр. организаций, охватывающих широкие пролетарские и крестьянские массы, при чем партия ставит своей целью путем агитации систематически укреплять свое идейное и практическое влияние во всех перечисленных организациях, как можно теснее связываться через них с рабоче-крестьянской массой, борясь с проникновением туда антисоветских элементов.

Задача повседневной агитации партии,—обслуживание кампаний и выборов в сложной обстановке НЭП'а в городе, и в особенности в деревне,—требует обязательного повышения качества агитации. Для выполнения этого требования, помимо правильной постановки инструктирования агитаторов при кампаниях, необходимо организовывать при Губкомах и Укомах (с санкции Губкомов) коллективы агитаторов как для проработки отдельных кампаний, в особенности предвыборных, так и по основным вопросам международной и внутренней политики Советской власти (в частности земельной, финансовой, промышленной и национальной). В предварительную проработку широких кампаний необходимо вовлекать ячейки целиком.

Принимая во внимание необходимость перехода к углубленной агитации, а также необходимость предварительной проработки агитационных кампаний в партии, необходимо очередной работой в области агитации поставить активную личную и групповую агитацию членов партии среди рабочих и крестьянских масс, втягивая по возможности в эту новую форму агитации всю организацию.

44. Одновременно с этим в деревне необходимо выдвинуть на первый план организационно-пропагандистскую работу ячейки, при чем центром агитационного воздействия партии на крестьянство должны служить избы читальни.

В виду повышения уровня политсознательности широких рабоче-крестьянских масс и заметного роста потребностей не в митинговании,

а в серьезном исчерпывающем предметном освещении политических и экономических мероприятий советской власти, а также и всех выдающихся событий внутренней и международной жизни, необходимо разработать и провести ряд мер для перехода от митинговой агитации к массовой пропаганде.

45. Необходимо поставить в практической форме вопрос об использовании театра для систематической массовой пропаганды идей борьбы за коммунизм. В этих целях необходимо, привлекая соответствующие силы как в центре, так и на местах, усилить работу по созданию и подбору соответствующего революционного репертуара, используя при этом в первую очередь героические моменты борьбы рабочего класса.

Театр должен быть также использован и как средство антирелигиозной пропаганды.

46. За время новой экономической политики число кино и их пропускная способность возросли в огромной мере. Поскольку кино пользуется или старой русской картиной, или картинами западно-европейского производства, оно фактически превращается в проповедника буржуазного влияния или разложения трудящихся масс. Необходимо развить кинематографическое производство в России как при помощи специальных ассигнований правительства, так и путем привлечения частного (иностранного и русского) капитала, при условии полного обеспечения идейного руководства и контроля со стороны государства и партии. В виду огромного воспитательного, агитационного значения кино, необходимо дать кинематографическому делу как коммунистов, работавших по кинематографии до революции, так и хозяйственников, могущих поставить дело на основах хозяйственного расчета, с одной стороны, и возможно полного обслуживания трудящихся масс—с другой.

Особое внимание ЦК съезд обращает на усиление руководящего состава Госкино. Это усиление съезд предлагает осуществить в кратчайший срок.

Съезд обращает внимание также на необходимость оказания содействия и Пролеткино в его работе по созданию производственных и революционных фильм.

47. Необходимо в целях агитационно-пропагандистских, особенно для воздействия на деревню, широко использовать ту постоянную связь, которая имеется между Красной армией и деревней (индивидуальная переписка, увольнение в отпуск и т. п.), а также и периодические сборы допризывников для военного обучения.

В районах формирования милиционных дивизий партийные организации должны к периоду первых сборов развить широкую кампанию по разъяснению сущности этой новой для Советской России системы военного строительства, содействуя всемерно успеху дела и в то же время широко используя сборы милиционных частей для агитационного воздействия на деревню.

IV.

48. Материальный кризис в период НЭП'а больше всего сказался на аппарате политпросветучреждений и печати, обслуживающей нерусские национальности. Агитационно-пропагандистская работа на языках нерусских национальностей сильно отстала от той же работы на русском языке. Кроме недостатка средств, большим тормозом в работе служили отсутствие достаточных кадров руководящих работников, недостаточно внимательное отношение к работе среди нацмен со стороны некоторых парторганизаций и не изжитая еще местами обособленность этой работы от общепартийной системы.

Все это на почве недостаточной или совсем слабой классовой диференциации народов нерусского языка и крайней незначительности среди них крупно-индустриального пролетариата сказалось с наступлением НЭП усилением мелкобуржуазного и националистически клерикального влияния среди этих народов: у восточных народов рост панисламизма, пантюркизма, у евреев на-ряду с распадом прежних соглашательских партий сильный рост сионистских клерикально кадетских группировок, у поляков стремление захватить школу со стороны католического духовенства, у латышей и эстонцев рост баптизма и его влияние на молодежь.

49. В силу ряда исторических и бытовых условий, влияние неправославных церквей и духовенства среди нацмен было и остается еще поныне, особенно среди мусульман и католиков, сильнее, чем влияние православной церкви и духовенства в соответствующей среде.

Антирелигиозная пропаганда среди нацмен должна учитывать эту особенность и приспособлять свои методы к особенностям соответствующей среды.

Должны быть организованы специальные кружки по антирелигиозной пропаганде среди соответствующих нацмен из коммунистов данной национальности, и издана специальная литература.

50. Школа является важнейшим организующим центром для широких масс нацмен деревень и местечек. Поэтому работа среди учительства нацмен приобретает особенное значение.

51. В виду отсталости масс нацменьшинств и слабой их вовлеченности в политическую жизнь, агитационная работа среди них нуждается еще в таких методах и формах, которые в известной степени отмирают в русской работе (митинги, широкие беспартконференции и пр.).

52. Там, где красноармейские части расположены среди национальных меньшинств, Губкомы должны принять меры к систематическому ознакомлению красноармейцев, командного состава и политработников с особенностями социально-политических условий жизни и истории гнета над данными национальными меньшинствами в прошлом, чтобы подготовить этим укрепление связи Красной армии с трудящимися нерусских национальностей.

53. Необходимо, чтобы парткомы несли полную ответственность за работу среди нацмен и обеспечили для этой работы достаточное количество соответствующих работников.

При распределении партсил должны быть обеспечены потребности нацмен в агитационной, пропагандистской, научной и литераторской областях.

54. В области партийно-библиотечного дела работа должна быть направлена по линии превращения партбиблиотек в живую систему партийно-просветительных учреждений, непосредственно связанных с партийными и партийно-профсоюзными клубами и обслуживающих школы политграмоты, марксистские кружки и потребности коммунистического самообразования.

55. Кроме основной марксистской политико-просветительной литературы, партбиблиотеки должны снабжаться и литературой естественно-научной.

56. В виду систематического опаздывания с получением на местах необходимой литературы для текущих агитационно-пропагандистских кампаний, необходимо наладить заблаговременное снабжение партбиблиотек этой литературой и библиографическими указателями в тех же целях.

57. Необходимо принять меры по содействию партии в деле налаживания общей библиотечной сети, находящейся в катастрофическом состоянии.

58. Развитие агитационно-пропагандистской работы за последний год настоятельно требует усиления работы по учету местного агитационно-пропагандистского опыта, в целях укрепления связи с местами и усиления руководства всей агитпропработой в целом.

XII. О постановке антирелигиозной агитации и пропаганды.

Революция расшатала религиозные предрассудки широких трудящихся масс, разоблачив контр-революционную роль исторически сложившихся церковных организаций на службе капитала и помещичьего землевладения.

Однако, пока еще революционный процесс не преобразовал экономику миллионов крестьянских хозяйств, продолжающих существовать в тех же условиях тяжелой зависимости от природы, в каких они находились в течение веков, пока в городах частно-капиталистические производственные отношения продолжают сохраняться и даже развиваться в условиях НЭП'а, и пока наша школа и политико-просветительная работа еще не в состоянии обслужить трудящийся город, и в особенности деревню,—до тех пор расшатанные и подорванные жизнью религиозные предрассудки будут еще долго сохранять под собой почву. „Лишь осуществление планомерности и сознательности во всей общественно-хозяйственной деятельности масс,—гласит программа партии,—повлечет за собой полное отмирание религиозных предрассудков".

В настоящее время мы видим, на-ряду с разложением старых

церковных организаций, в частности православной церкви, и упадком влияния православной религии и ее церковной иерархии (размеры которого, однако, ни в коем случае не следует преувеличивать, в особенности по отношению к деревне), значительный рост некоторых сект, верхушки которых идейно связаны с известными элементами европейской и американской буржуазии.

При этих условиях работа партии по окончательному разрушению религиозных верований во всех видах среди рабочих и крестьянских масс неизбежно приобретает прежде всего характер углубленной систематической пропаганды, наглядно и убедительно вскрывающей каждому рабочему и крестьянину ложь и противоречие его интересам всякой религии, разоблачающей связь различных религиозных групп с интересами господствующих классов и ставящей на место отживающих остатков религиозных представлений ясные научные взгляды на природу и человеческое общество. При этом, как сказано в партийной программе, необходимо заботливо избегать всякого оскорбления чувств верующих, ведущего лишь к закреплению религиозного фанатизма. Нарочито грубые приемы, часто практикующиеся в центре и на местах, издевательство над предметами веры и культа взамен серьезного анализа и объяснения не ускоряют, а затрудняют освобождение трудящихся масс от религиозных предрассудков.

Одной из основных и насущных задач нашей партии в области антирелигиозной пропаганды и агитации является издание соответствующей литературы как научно-популярной, так и в особенности литературы, серьезно освещающей историю и происхождение религии.

Констатируя значительные успехи в этой области, нужно, однако, подчеркнуть, что большинство выпущенной литературы не может удовлетворить массового читателя. Необходимо издание брошюрок и листовок, доступных для среднего рабочего или крестьянина, которые в понятной для него форме давали бы ответы на вопросы происхождения мира, жизни и сущности человеческих отношений, которые бы разоблачали контр-революционную роль религии и церкви, в особенности церкви российской, ее происхождение, эволюцию, позицию по отношению к классовому государству и освободительному движению пролетариата и крестьянства в различные моменты, а также физиономию и классовую подоплеку различных сект, имеющих влияние на народные массы. Принимая во внимание, что 30-миллионное мусульманское население Союза республик до сих пор почти в неприкосновенности сохранило многочисленные, связанные с религией, средневековые предрассудки, используемые для контр-революционных целей, необходимо выработать формы и методы ликвидации этих предрассудков, учитывая особенности различных национальностей.

В системе развивающейся массовой пропаганды, которую применяет партия во все более и более широком масштабе, необходимо уделить особое внимание и место антирелигиозной массовой пропаганде в форме живых и понятных лекций, при тщательном подборе лекторов, с привлечением к чтению этих лекций специалистов, есте-

ственников, материалистов. Надлежит озаботиться выработкой особых методов антирелигиозной пропаганды в зависимости от социальной среды аудитории.

С этой задачей партия сможет справиться, если сумеет в ближайшее время организовать широкую подготовку своих агитаторов и пропагандистов в области борьбы с религией, используя для этой цели все виды советско-партийного просвещения, начиная с коммуниверситетов. Необходимо по всей линии компросвещения ввести специальные курсы по происхождению, развитию и истории религии, религиозных верований, культов и религиозных церковных организаций, прорабатывая эти курсы в тесной связи с изучением человеческого общества и классовой борьбы эксплоататоров с эксплоатируемыми и с разоблачением многообразных фактических связей капитала с религиозной пропагандой. На-ряду с программами политических антисоветских партий, нужно знакомить слушателей совпартшколы с физиономией и деятельностью различных религиозных организаций, пытающихся оказать влияние на рабочие и крестьянские массы в ущерб коммунистической партии. Вводя антирелигиозное просвещение в общую систему компросвещения школьного, необходимо в то же время всячески поддерживать как в стенах коммунистических учебных заведений, так и вне их специальные антирелигиозные кружки и семинарии, при условии компетентного партийного руководства их работой.

Приступая к постановке систематической антирелигиозной пропаганды и агитации, как одного из действительных средств расширения партийного влияния на широкие трудящиеся массы, партия не должна забывать, что вся наша антирелигиозная агитация и пропаганда не сумеют затронуть народной толщи до тех пор, пока не сдвинется окончательно с мертвой точки работа по школьному просвещению трудящихся масс города и деревни в духе научного материалистического естествознания, и пока значительное большинство деревенского населения будет оставаться неграмотным. Только соответствующая организация школы и подготовка школьного учителя, распространение широкой сети политико-просветительных учреждений, прежде всего избчитален, систематическое и планомерное снабжение деревни советской газетой и книжкой и полная и окончательная ликвидация неграмотности, на-ряду с успехами советской власти в деле поднятия сельского хозяйства и промышленности, создадут почву для окончательного и полного искоренения религиозных предрассудков в умах десятков миллионов граждан республик.

XIII. О работе РКП в деревне.

Созданные новой экономической политикой хозяйственные отношения, затрудняя развитие значительной части маломощных крестьян и вызывая обеднение другой их части, приводят к тому, что начинают подниматься преимущественно средние и зажиточные хозяйства. На-

чинает оформляться кулачество в лице хозяйств, увеличивающих свою мощь путем сдачи в кредит сельскохозяйственного инвентаря, семян и скота на тяжелых, ростовщических условиях, взятия земли в аренду или путем торговли, путем производства и продажи самогона и т. п. С развитием социально-экономических отношений, создаваемых новой экономической политикой, удельный вес кулачества все более и более растет.

Своеобразие создающихся в деревне отношений заключается в том, что они складываются в советском государстве при наличии пролетарской власти. Поскольку кооперирование крестьянства является на целый исторический период важнейшей экономической задачей Советского государства, определяемой процессом развития капитализма в деревне при наличии власти пролетариата и государственной собственности на землю и основные орудия производства, в области экономической выдвигается на первое место работа партии и Советского государства по усилению всех видов кооперации, организации кредита крестьянству, с обеспечением интересов мелкого крестьянства, составляющего огромное большинство крестьянской массы, создание простейших форм хозяйственного сотрудничества крестьян и т. п.

Важнейшим условием успеха в экономической области является систематическая работа над улучшением и исправлением советского аппарата, в особенности работающего в крестьянских массах или соприкасающегося с крестьянскими массами, на-ряду с культурно политической и партийной работой в деревне, поднимающей крестьянство на ту степень грамотности, сознательности, умения культурно хозяйничать, которая дает возможность осуществления социализма в такой по преимуществу крестьянской стране, как наша.

Советский аппарат, несмотря на то, что он представляет наилучшую форму обеспечения интересов рабочего класса и крестьянства, будучи заполнен человеческим материалом, доставшимся советской республике от буржуазно царистского прошлого, не может не носить глубочайших его следов. При наличии огромного процента неграмотных, при низком культурном уровне страны этот аппарат в силу своего бюрократического извращения не может полностью развернуть своего значения главного передаточного механизма от партии к крестьянским массам.

Волостной и сельский аппарат Советской власти в значительной части заполнен теми элементами деревенской полуинтеллигенции, которые исстари были связаны преимущественно с зажиточными слоями деревни, и которые приносят и в советский аппарат навыки крепостнической грубости, презрения к крестьянину и его нуждам, высокомерного пренебрежения к его темноте, неграмотности, неумению разобраться в советском аппарате.

Важность работы по переделке советского аппарата усугубляется тем, что: а) слабость советского аппарата в деревне, вызывая поглощение сил партийной организации проведением советских мероприятий, вносит дезорганизацию в партийный аппарат и превращает за-

частую партийные организации в деревне в аппарат преимущественно непосредственного администрирования; б) с новой экономической политикой выявляется увеличение связей буржуазии города с зажиточными слоями деревни, в деревне начинает восстанавливаться слой торговцев, непосредственно связанных с городской буржуазией, возникает ряд экономических организаций, сравнительно легко доступных проникновению более зажиточных элементов, и все это в целом облегчает проникновение буржуазного влияния на советский аппарат и усиление связи его с деревней.

I. В области экономической.

1. По линии кооперативной работы необходимо подчеркнуть, что основной задачей партийной работы в кооперации на данный период являются не организационные перестройки, а сосредоточение на деловой хозяйственной работе на основе помощи крестьянскому хозяйству, принимающему непосредственное участие в кооперации (подбор и подготовка работников, укрепление непосредственной связи госпромышленности с крестьянством через кооперацию, организация товарного и денежного кредита крестьянам через кооперативы, предоставление кооперации помощи государства на льготных условиях, введение доступных для маломощных элементов взносов и т. п.). Усиленную работу необходимо вести по укреплению сельскохозяйственной и промысловой кооперации, увеличению ее материальной мощи и обеспечению в ней необходимого коммунистического влияния. Особенно необходимо развить работу по вовлечению в кооперативное строительство широких масс крестьян. В виду недостаточных успехов за минувший год в области вовлечения крестьян коммунистов в кооперативную работу, необходимо энергичное проведение в жизнь постановлений XI съезда о тем, что: „участие коммунистов в сельскохозяйственных кооперативах и коллективах своего района или общества безусловно обязательно. Равным образом обязателен для них почин создания этих организаций, если таковых не имеется“.

2. В связи с ростом числа безлошадных и безынвентарных хозяйств в итоге гражданской войны и массовых разделов наем лошади и аренда инвентаря возросли по сравнению с мирным временем в значительной мере. Основным кредитором мелкого крестьянина является его более зажиточный сосед. Патриархальные формы кредита лошадью и инвентарем не могут, конечно, изменить его экономической сути. На почве экономической зависимости зажиточные получают возможность и политического подчинения себе маломощных элементов крестьянства. Отсюда гигантская важность вопроса о создании такого доступного мелким и мельчайшим крестьянам государственного и кооперативного кредита, который мог бы вклиниться в экономические отношения крестьянства против кулака. Необходимо государственное руководство всеми видами кредита крестьянам в целях поднятия крестьянского хозяйства и обеспечения рационального

использования кредита в интересах крестьян. Этот вопрос тем существеннее, что условия развития городской промышленности не позволяют надеяться на быстрое поглощение городом или интенсифицирующимся земледелием образующейся в деревне резервной армии, могущей в этих условиях представить материал для противосоветского движения и бандитизма. Организации кредита маломощным элементам крестьянства необходимо уделить возможный максимум и финансовых средств, и партийных сил. Необходимо привлечь к организации сельскохозяйственного кредита и средства более зажиточных элементов крестьянства, так как такая форма привлечения средств более зажиточных элементов крестьянства, политически менее вредна, чем прямой кредит их маломощному крестьянству. Аппараты государственного и кооперативного сельскохозяйственного кредита должны с успехом конкурировать с ростовщическим кредитом зажиточного крестьянина или торговца по гибкости и разнообразию форм кредита и сроков оплаты.

3. Задача дальнейшего усиления начинающегося подъема крестьянского хозяйства (дальнейшее расширение запашки и посевов, увеличение урожайности и сельскохозяйственной продукции) требует, наряду с прочими намеченными съездом мероприятиями, продолжения и развития работы по подъему культурного уровня крестьянского хозяйства. Съезд считает необходимым дальнейшее развитие пропаганды и государственное содействие введению более культурных приемов хозяйствования, доступных широким крестьянским массам на данном уровне сельскохозяйственной техники (ранние пары, борьба с вредителями, сортировка семян, вспашка на зябь, скашивание межняков и т. п.). Особо важно государственное содействие развитию технических и трудоемких культур, животноводства, введение улучшенных севооборотов путем специальных льгот при взимании налогов и оказании кредита. Однако, государственное содействие и пропаганда в этой области ни в коем случае не должны заменяться приказом и административным воздействием. Соответственно необходимы содействие и помощь советского государства и партии организации с.-х. кредита на землеустроительные, мелиоративные работы, переселение, совместную закупку и пользование сельскохозяйственными орудиями и скотом, организацию товариществ по общей обработке земли, общему покосу в целях содействия распространению самых элементарных форм сотрудничества и кооперации крестьян.

Наше законодательство (в первую очередь налоговое) должно учитывать классовые деления в деревне, соответственно возлагая главные экономические тяготы на наиболее зажиточные хозяйства. Как самые декреты и распоряжения центральных органов, так и применение их на местах должны облегчать экономические тяготы, падающие на маломощные хозяйства, вплоть до полного освобождения от тех или других из них (например, от некоторых налогов) беднейших слоев деревни.

С.-х. товарищества, артели и коммуны должны получать преиму-

щественную поддержку государственных органов, в особенности поскольку они являются хозяйственными объединениями беднейших слоев крестьян. Подтверждая прежнюю директиву о том, что коллективные хозяйства в деревне должны организовываться при условии полной добровольности их членов, партия и совгосударство должны содействовать укреплению и улучшению хозяйства с.-х. коллективов, как действительно культурных и экономически прогрессивных крестьянских хозяйств.

4. С растущим применением наемного труда в деревне, в условиях усиленного предложения труда со стороны беднейших элементов деревни растет значение Всеработземлеса, в работе которого соответственно необходимо выдвинуть задачу выработки достаточно гибких форм и методов учета, организации и охраны наемного труда в крестьянском хозяйстве. Одновременно необходимы продолжение и всемерное развитие работы по улучшению материального положения рабочих совхозов, лесничеств, агрономического персонала, необходимы пересмотр и улучшение основного состава администраторов совхозов, лесничеств, опытных станций, ремонтных пунктов и т. п. Всеработземлес при небольшом количестве совхозов, плохом их экономическом состоянии и тяжелом состоянии лесного хозяйства и пестром классовом составе работников совхозов лишь очень медленно с развитием всей этой работы может усилить свое значение передаточного механизма партии к крестьянству, и в первую очередь к его *пролетарским и полупролетарским* слоям. Тем более необходимо систематическое укрепление партией Всеработземлеса коммунистическими силами. Особо существенно усиление коммунистическими силами низовых ячеек Всеработземлеса (рабочкомов, волсекретариатов и т. п.).

II. В области советского аппарата

5. Необходимо неуклонно добиваться честной и аккуратной работы низовых советских органов. Неаккуратная, несвоевременная присылка распоряжения о налоге, волокита при производстве землеустроительной работы или разборе земельной тяжбы, трехдневная очередь при ссыпном пункте, пьянство ведущих „борьбу“ с самогоном, грубость, взятка и произвол в советском аппарате являются оружием в руках наших классовых врагов.

Обнаружение элементов, вносящих в наш советский аппарат навыки царистско-крепостнического режима и мешающих укреплению союза рабочего класса и крестьянства, изгнание их из советского аппарата, публичный суд над ними являются важнейшими задачами партии и Советской власти, на-ряду с неустанной помощью партии лучшим элементам Советской власти в низовых аппаратах.

6. В то же время с целью замены в советском аппарате чуждых советской власти элементов необходимо провести перегруппировку партийных сил в сторону деревни, продолжив во всероссийском масштабе начатую в ряде мест систематическую плановую переброску коммунистов в деревню за счет организованно-сокращаемого уездного

аппарата совпартшкол и губернских городов, направить этих коммунистов исключительно на конкретную целевую работу (организатора ячейки, народного судьи, заведующего избой-читальней, руководителя кооперации, секретаря волисполкома, учителя, заведующего почтовым пунктом и низовые ячейки Всеработземлеса), тщательно подбирая перебрасываемых с точки зрения их пригодности к соответствующей конкретной работе и учитывая при этом, что такая организация, как почтовый пункт, может быть и оружием в наших руках, и оружием наших противников.

7. В связи с начавшимся оздоровлением хозяйственной жизни, необходимо усилить работу волисполкомов и сельсоветов в области хозяйственного и культурного обслуживания деревни (работа по землеустройству, переход к культурному хозяйству, улучшение дорог, организация противопожарной охраны, ремонт школ, организация агрономического, ветеринарного дела, почтовой связи и т. д.). Развиваемая на основе волостного бюджета хозяйственная и культурная работа, укрепляя базу для вовлечения крестьян в организации, связанные с советами (кооперация, комвзаимопомощь и т. п.), усиливает значение советов, как центров хозяйственной и культурной жизни села, с одной стороны, и с другой—облегчает обеспечение за беднотой и мелким крестьянством руководящего значения в этих организациях. Одним из важнейших условий осуществления этой задачи являются тщательная проверка, подбор и укрепление низовых органов, в первую очередь Наркомпрода и Наркомфина, с тем, чтобы основная налоговая работа проводилась специально на то предназначенными советскими органами и аппаратами.

8. В первую очередь должен быть усиливаем волостной и сельский аппарат власти, в особенности такой имеющий огромное значение узловой пункт ее, как секретари волисполкомов и крупных сельсоветов. Необходимо создать вместо старого волостного писаря, бывшего одним из основных орудий угнетения крестьянских масс, волостного секретаря, получающего жалованье от государства, знающего закон и помогающего, а не заменяющего в работе волисполкома, который представляет собой аппарат управления и самоуправления, наиболее широко охватывающий вопросы крестьянской жизни. Этот волостной секретарь, взятый из тех же крестьян, прошедший опыт гражданской войны, с одной стороны, и советско-партийной учобы, с другой стороны, должен быть в каждом волостном Исполкоме. Для того, чтобы избежать подчинения Волисполкомов влиянию зажиточных крестьян, необходимо принять меры к улучшению материального положения членов Волисполкомов.

9. Существеннейшим условием улучшения советского аппарата и усиления его роли приводного ремня к крестьянским массам является вовлечение бывших красноармейцев, средних и особенно маломощных крестьян, в хозяйственную советскую и культурно-политическую работу. Эти элементы, прошедшие в Красной армии школу гражданской войны и революции, представляют собой огромную культурно-организа-

ционную силу. Не создавая особых групп содействия, путем индивидуальной связи учета и отбора лиц, лучше всего обученных опытом гражданской войны, путем собраний бывших красноармейцев, в особенности маломощных, путем делового вовлечения их в работу (кооперация, школьные советы, крестьянские комитеты, комитеты взаимопомощи, советы и т. д.) необходимо добиться сплочения их вокруг партии, стремясь в частности превратить комитеты взаимопомощи в опорные пункты соввласти и ком. партии. Условия политической, хозяйственно-культурной жизни деревни позволяют эту работу проделать. Дело за нашими партийными организациями, за их умением проделать необходимую работу.

III. В области партийной.

10. Партийные организации в деревне должны сосредоточить свою работу на политическом руководстве деятельностью Советов, организации мелкого крестьянства против нарождающейся деревенской буржуазии на базе культурной, политической и хозяйственной работы Советской власти в деревне. Существеннейшим условием проведения этого является постепенное освобождение партийных органов в деревне от непосредственной административно-технической работы в области финансово-налоговой.

11. Наши крестьянские ячейки не имеют необходимых организаторских сил как для постановки партийной работы внутри самой ячейки, так и для постановки работы ячейки в крестьянских массах. В течение ближайшего года необходимо дать, по меньшей мере, половине волостных ячеек и наиболее крупным сельским, имеющим влияние на более или менее широкую округу, платных организаторов или секретарей ячеек, имеющих достаточный партийно-организационный опыт внутрипартийной и массовой работы.

12. Необходимо усилить работу по ликвидации общей, политической и сельскохозяйственной неграмотности крестьян, членов партии в деревне. Поскольку опыт показал, что вовлечение коммуниста-крестьянина в городскую совпартшколу затрудняется условиями крестьянского хозяйства, необходимо приближение партийной школы к сельской ячейке. Одной из форм этой работы, получающей все большее распространение и значение, являются выделение для уезда группы, примерно в 3—4 человека (один—учитель элементарной грамоты, другой—знакомый с начатками естествознания и агрономии, третий—могущий прочесть и разъяснить элементарную марксистскую книжку), и направление их на 5—6 недель в волость. Важнейшей предпосылкой для удачного проведения этой работы является создание в течение ближайших полгода—года ряда элементарных учебников, специально приспособленных к уровню деревенского коммуниста.

13. Совпартшколы должны дать в течение ближайших лет несколько тысяч работников деревне, с тем, чтобы каждый выпуск школы давал часть своих курсантов деревне. Надо отдать губернскую

и уездную школу в крестьянских губерниях, по меньшей мере, на половину—три четверти на службу деревне. Пересмотреть программу этих совпартшкол, сжать ее теоретическую часть, связать теоретическую часть с практической, выделить в программе вопросы, связанные с хозяйственно-политической и культурной жизнью деревни,—такова задача.

14. В работе комсомольской организации вместо административно-командных функций необходимо выдвинуть вперед вопросы элементарной общей и политической учобы и связи на почве учобы с передовой крестьянской молодежью. Это особенно важно в связи с значительным ростом комсомольских организаций в деревне. Комсомолец в деревне должен быть грамотен, должен уметь прочитать вслух газету и простую книжку, должен знать основные советские законы, чтобы иметь возможность объяснить их в первую очередь, хотя бы крестьянской молодежи. Работу среди крестьянских комсомольцев необходимо сделать одной из основных задач партийной работы в деревне. Необходимо развить и усиливать все доступные формы связи крестьянской и рабочей молодежи (обмен делегациями, совместное обсуждение вопросов, экскурсии и т. д.).

IV. В области культурной.

15. Одной из форм укрепления влияния рабочего класса в деревне, приобретающей все большее политическое значение и распространение, является шефство города над деревней. Необходимо развить работу заводов, партийных и комсомольских ячеек, профсоюзов, ячеек школ, военных школ по завязыванию под непосредственным руководством партии связей, культурных и организационных, с деревней путем посылки литературы, газеты, учебников, организации докладов, обмена делегациями и систематических поездок в деревню, совместного обсуждения ряда вопросов, систематического обмена партийно-советским опытом, совместных совещаний делегаток—работниц и крестьянок и т. п. Ближайшее 7-е ноября необходимо сделать днем проверки сделанного, дабы шефство города над деревней превратить в массовое явление.

16. Дело культурного подъема деревни может быть сдвинуто с места только в том случае, если для этого будут увеличены средства за счет возможного сокращения ассигнований на другие нужды, а в организационно-хозяйственное обслуживание деревни будет вовлечен наиболее связанный с Советской властью слой маломощных и средних крестьян, бывших красноармейцев. Школьные советы существуют на бумаге, как и наблюдательные советы при избах-читальнях и народных домах. Съезд обращает внимание парторганизаций на необходимость улучшения и развития дела советско-хозяйственного образования, подбора учащихся и массового распространения сельскохозяйственных знаний. Необходимо неуклонно продолжать и усиливать начинающуюся работу по улучшению материального положения учи-

тельства, усилению политической и просветительной работы в его среде и укреплению идейных и организационных связей его с советско-партийной общественностью.

17. Поскольку опыт распространения „Бедноты“ за время НЭП'а показал, что при существующем типе и цене газеты чрезвычайно затруднительно ее массовое распространение, необходимо поставить издание всероссийской (кроме „Бедноты“) еженедельной газеты, которая давала бы материал за неделю, была бы достаточно дешева, для того, чтобы крестьянин мог ее покупать, напечатана достаточно крупным шрифтом, чтобы он мог ее прочитать, и написана достаточно понятным языком, чтобы он мог ее понять. По этому же типу должны вестись предназначенные для крестьян губернские и уездные газеты.

Одновременно необходимо добиться изменения работы наших издательств, поставить издание массовой литературы для крестьян, доступной крестьянам по цене, по вопросам естествознания, сельскохозяйственной техники, экономики, крестьянского хозяйства, истории революционного, и в частности аграрного, движения, советского строительства, беллетристики, экономической и политической географии мира. Необходимо создать специальный фонд массовой крестьянской дешевой литературы. Нужно дать в простой советской книжке ответ на те вопросы, на которые обычно до сих пор крестьянину дает ответ религия. Особенно важны развитие книжной торговли в деревне, в частности использование для этого ярмарок, базаров, кооперации, создание сети книгонош.

18. Сектантской пропаганде и поповской армии надо противопоставить антирелигиозную пропаганду, добиться решительного изменения ее характера, выдвинуть в ней моменты разъяснения, воспитания, противопоставления советской школы церкви. Необходима длительная настойчивая планомерная работа в области распространения материалистического понимания явлений природы, не допуская оскорбления религиозных чувств верующих грубыми мерами административного воздействия и решительно пресекая комсомольские увлечения по части закрытия церквей. Реорганизация школы есть лучший метод антирелигиозной пропаганды. Надо постепенно, шаг за шагом, выделить из бывших красноармейцев и делегаток-крестьянок тех, кто может стать организатором, руководителем школьного дела.

19. Для дальнейшего изучения опыта работы партии в деревне, для разработки руководящих указаний в этой области и проверки выполнения намеченной съездом работы создать Комиссии по работе в деревне при ЦК и при областных Бюро.

XIV. О работе РКП среди работниц и крестьянок.

1. XI партсъезд, положивший своей резолюцией о работе женотделов конец колебаниям в партийной среде по вопросу о сохранении женотделов наравне с другими отделами парткомов, создал необходимые условия для углубления и усиления работы среди работниц и крестьянок.

2. Несмотря на значительные достижения в области работы среди женщин, необходимо отметить, что продолжающие оставаться сложными условия этой работы при замедленном строительстве учреждений, облегчающих положение работницы, создают некоторую почву для феминистических уклонов. Эти уклоны могут способствовать созданию таких специальных обществ, которые под флагом улучшения бытового положения женщин, на самом деле привели бы к отрыву женской части трудящихся от общеклассовой борьбы.

3. Партия должна в противовес этому усилить работу по вовлечению работниц и крестьянок в партийное, советское, профессиональное и кооперативное строительство, для чего необходимо укрепить институт профорганизаторов-работниц и создать кадр инструкторов для этой работы в органах кооперации. Одновременно необходимо усилить работу названных организаций в деле улучшения быта работниц на-ряду с улучшением положения рабочего класса в целом.

4. Отмечая в то же время значительную оторванность работы среди работниц и крестьянок от общепартийной работы и вытекающие в значительной степени отсюда недостаточное привлечение и активность работников женотделов в общепартийной работе, съезд предлагает парткомитетам принять меры к изживанию этих явлений путем осуществления полного руководства парткомов работой женотделов и укомплектования их квалифицированными партработниками.

5. Отмечая значение делегатских собраний, как самого существенного аппарата, соединяющего партию с широкими массами беспартийных работниц и крестьянок, съезд обращает внимание на необходимость укрепления его путем внесения большей планомерности и систематизации в их работу.

6. В виду того, что работа партии среди трудящихся женщин Востока, содействие их начавшемуся пробуждению имеет особое значение и требует закрепления достигнутых результатов, съезд обращает внимание коммунистических партий восточных республик на необходимость усиления этой работы.

XV. О работе РКСМ.

За истекший год РКСМ пережил тяжелый кризис, в результате которого в первой половине года значительно сократилось количество членов союза. Однако, благодаря широко проведенной экономической и политико-просветительной работе, в течение второй половины года союз оправился, втянул в свои ряды десятки тысяч новых рабочих, подростков и юношей, укрепил пролетарское ядро своей организации и повысил ее возрастный состав.

Период, в который вступило сейчас развитие коммунистического юношеского движения, определяется прежде всего исключительно быстрым ростом союза,— тем, что состав его почти наполовину обновился за счет новой молодежи, лишенной какого бы то ни было революционного опыта, сознание которой оформлялось в условиях советского быта.

В настоящее время острее чем когда-либо партия должна поставить вопрос о подготовке нового коммунистического поколения квалифицированных и классово-сознательных рабочих, а также заинтересованных в строительстве советской республики крестьян. На-ряду с этим должна быть поставлена систематическая работа по созданию в среде нового поколения серьезной тяги к овладению наукой и техникой. Революционная энергия и энтузиазм молодежи должны найти для себя широкое проявление в деле достижения успехов в области специальных знаний. Только при этих условиях рабоче-крестьянская республика получит новые кадры действительно красных техников, хозяйственников, профессионалистов, кооператоров и т. д.

Все это выдвигает перед партией ряд основных задач по отношению к РКСМ.

1. Перед партией прежде всего стоит задача — передать новому молодняку весь опыт революционной борьбы и тщательно его ознакомить с прошлым партии. Чрезвычайно важно в целях революционного воспитания молодежи знакомить ее с классовой борьбой и противоречиями в капиталистическом обществе, считаясь с тем, что нынешнее поколение рабочего юношества начало свою сознательную жизнь уже в условиях советского быта и мало знакомо с обстановкой капитализма; вместе с тем, важно направить воспитание молодежи в духе международной солидарности, усиления информации о международном рабочем движении и т. д. Партия должна обратить серьезнейшее внимание на создание достаточной сети политшкол и политкружков, через которые пропускались бы все члены союза молодежи. Этой же цели должна быть подчинена комсомольская печать, на поддержку которой материальными средствами и литературными силами должны обратить внимание парторганизации.

2. Обновление состава союза ставит на очередь вопрос о подготовке командного состава для РКСМ. Коллективы пропагандистов, имеющие своей целью выработку руководителя для рабочей и деревен-

ской ячейки, должны быть всецело поддержаны парторганизациями.

Партия должна добиться того, чтобы этот кадр комсомольцев-пропагандистов выработался возможно быстрее. Поэтому парторганизациям необходимо активно участвовать в закреплении сети пропколлективов и других видов подготовки активных работников (курсы, семинарии и т. д.), прикрепляя к каждому пропколлективу или другому объединению активных работников союза опытного партийца-пропагандиста.

3. Воспитательная работа деревенских ячеек союза до сих пор правильно не организована. Между тем, более чем когда-либо деревенские ячейки могут быть в связи с тем, что они вовлекают новый кадр молодежи, использованы, как значительная опора партийной работы в деревне. Необходимо всячески усиливать систематическое агитационно-пропагандистское воздействие на крестьянскую молодежь в духе политики советской власти, поднятия сельского хозяйства, расширения политического горизонта и поднятия культурного уровня деревенской молодежи, обслуживания ее литературой и т. д. Одновременно съезд считает необходимым всяческое втягивание деревенских ячеек РКСМ в общественную жизнь деревни и в советское строительство, что, однако, ни в коем случае не должно заслонять основной задачи союза в деревне—воспитательной работы среди крестьянской молодежи.

4. Вся работа среди молодежи в условиях настоящего относительно мирного развития должна быть построена так, чтобы новое подрастающее поколение в своих организациях получало не только культурную выучку, но и революционный закал. Съезд подчеркивает также, что проведение массовых, с ярко-подчеркнутым революционным характером кампаний, рассчитанных на активное участие в них молодежи, должно дополнять воспитательную работу союза.

5. Широкий размах юношеского движения приводит к численному ослаблению партийного ядра в нем. В целях обеспечения партийного влияния внутри юношеского движения и пополнения партии за счет рабочего юношества съезд считает необходимым облегчить вступление в партию рабочих комсомольцев и большее втягивание активных работников союза в партийную жизнь, партийные собрания и т. д.

Руководство партии союзом больше чем когда бы то ни было должно строиться на основе практической помощи воспитательной работе союза и усиления политического руководства им, при обеспечении широкой самодеятельности и активности в юношеских организациях и втягивании союза в политическую и профессиональную работу. Подтверждая решения предыдущих партсъездов о работе союза молодежи, съезд решительно высказывается против сведения роли РКСМ к роли чисто-культурнической организации.

6. Съезд, отмечая достижения в деле шефства РКСМ над флотом и конным корпусом, считает необходимым всячески углубить эту

работу, усиленно подчеркивая необходимость теснейшей связи союз молодежи с Красной армией.

7. Усилившаяся среди рабочей молодежи тяга к спорту долж быть использована партией как для физического оздоровления по растающего поколения рабочего класса, так и для усиления спайк коммунистического союза молодежи с общей массой молодежи. Н фабриках и заводах следует объединять рабочую молодежь в кружк физической культуры.

8. Первостепенное значение не только для РКСМ, но и для все партии и Советской власти, при настоящих перспективах развития пр мышленности, приобретают всемерное развитие и укрепление шко фабрично-заводского ученичества. Подготовляя квалифицированного классово-сознательного рабочего, они выполняют важнейшую роль деле восполнения рядов передового промышленного пролетариата.

Съезд поэтому считает необходимыми всемерную поддержку возможное расширение сети школ фабзавуча, неразрывно связанных производством, усиление в них воспитательной и прежде всего пол тической работы, а также улучшение материального состояния эт школ.

9. Рост детского движения под руководством Комсомола в фор „юных пионеров" ставит перед партийными организациями зада всемерной помощи в развертывании этой работы.

Партийные организации должны помочь РКСМ объединить в круг коммунистического детского движения революционные педаг гические силы.

10. Отмечая, что подрастающая женская пролетарская и крестья ская молодежь недостаточно втягивается в РКСМ, съезд ставит пере РКСМ задачу—усилить работу среди женской пролетарско-крестья ской молодежи.

11. Признавая, что государственные и профессиональные орган должны усилить свою деятельность по обслуживанию рабочей мол дежи и тем самым разгрузить РКСМ от излишней гос- и профра боты, съезд поручает Центральному Комитету разработать форм связи и взаимоотношений РКСМ с гос- и профорганизациями.

12. Более тесная связь партии и союза позволяет поднять в прос об использовании партаппарата для частичного обслуживани работы РКСМ. Однако, это ни в коем случае не должно нарушат стройности организационной структуры РКСМ, основанной на при ципе самодеятельности и развития организационных навыков у ни

Список делегатов XII съезда Р. К. П. (б.) с решающим голосом.

Фамилия, имя, отчество.	Какой организации.	Время вступления в Р. К. П.
Абель, Я. К.	Воронежской.	1905
Аболин, А. К.	Куб.-Черноморской.	1908
Акулов, А. Г.	Томской.	1919
Александров, А. И.	Петроградской.	1918
Алексеев, И. А.	Московской.	1917
Альф, В. К.	Петроградской.	1905
Андреев, А. А.	Брянской.	1914
Андронников, В. Н.	Екатеринославской.	1905
Аникин, Н. И.	Алтайской.	1905
Анскин, А. Я.	Крымской.	1912
Антонов, Г. Д.	Саратовской.	1917
Апетер, И. А.	Запфронта.	1906
Аронштам, Г. Н.	Московской.	1913
Артемов, М. Н.	Калужской.	1914
Атаджанов, Б.	Хорезмийской.	1920
Ахундов, Р. А.	Закавказской.	1919
Ашрапов, Ш.	Башкирской.	1918
Бабий, А. Г.	Томской.	1920
Бадаев, А. Е.	Петроградской.	1904
Бакаев, И. П.	Петроградской.	1906
Бакчевников, Т. И.	Куб.-Черноморской.	1915
Баранов, С. Ф.	Омской.	1913
Барахов, И. Н.	Якутской.	1917
Барышев, Н. И.	Харьковской.	1916
Барышников, С. П.	Тюменской.	1917
Бауер, Я. Я.	Самарской.	1905
Бауман, К. Я.	Курской.	1907
Бела Кун.	Челябинской.	1902
Беленький, Б. Н.	Закавказской.	1918
Беленький, Г. Я.	Московской.	1901
Березин, А. О.	Волынской.	1916
Березовский, Г. В.	Оренбургской.	1918
Бейко, Д. С.	Смоленской.	1903
Бирн, И. Г.	Тамбовской.	1909
Бобиков, И. Ф.	Томской.	1920
Бобров, А. Н.	Орловской.	1905
Богомолов, Д. П.	Семипалатинской.	1919
(Богуславский, М. С.	Московской.	1917
Богуцкий, В. А.	Белорусской.	1904
Бидягин, Т. М.	Н.-Николаевской.	1914
Болдырев, М. Ф.	Смоленской.	1919

41

Фамилия, имя, отчество.	Какой организации.	Время вступл. в Р. К. П.
Борисов, П. П.	Саратовской.	1919
Борисов, Т. И.	Владимирской.	1905
Борщевский, А. С.	Московской.	1906
Бояршинов, А. Ф.	Туркестанской.	1917
Бронин, Я. Г.	Туркфронта.	1920
Булат, И. Л.	Харьковской.	1912
Бумажный, Е. О.	Брянской.	1917
Бунгш, Я. К.	Московской,	1900
Буравцев, М. В.	Куб.-Черноморской.	1905
Бусыгин, А. А.	Саратовской.	1918
Бухарин, Н. И.	Московской.	1906
Быкин, Я. Б.	Воронежской.	1912
Бюллер, В. А.	Н.-Николаевской.	1915
Варейкис, И. М.	Закавказской.	1913
Васильев, И. И.	Рязанской.	1917
Вайнштейн, А. И.	Семипалатинской.	1920
Вейнберг, Г. Д.	Петроградской.	1906
Викман, П. М.	Смоленской.	1906
Виноградов, Г. А.	Тюменской.	1920
Волков, И. И.	Екатеринбургской.	1906
Вольмер, М. Т.	Донской.	1917
Волынский, Н. Е.	Полтавской.	1919
Воробьев, В. Н.	Иркутской.	1917
Ворошилов, К. Е.	Сев.-Кавк. Воен. окр.	1903
Врачев, И. Я.	Закавказской.	1917
Гаврилин, И. Д.	Харьковской.	1917
Гаврилов, Г. А.	Туркфронта.	1920
Галанин, П. А.	Саратовской.	1905
Гамарник, Я. Б.	Киевской.	1916
Гайлит, Я. П.	Алтайской.	1918
Георгадзе, А. Д.	Закавказской.	1918
Гей, К. В.	Екатеринбургской.	1916
Гибер, Б. В.	Московской.	1918
Гикало, Н. Ф.	Горской.	1917
Глебов-Авилов, Н. М.	Петроградской.	1904
Глинский, Н. А.	Томской.	1916
Глушков, Е. М.	Томской.	1917
Головин, В. Ф.	Екатеринбургской.	1917
Голощекин, Ф. И.	Самарской.	1903
Голубенко, Н. В.	Киевской.	1914
Гольдберг, Ц. А.	Иркутской.	1920
Гольдбаум, А. Н.	Закавказской.	1919
Голюдов, С. Т.	Ярославской.	1918
Гордиенко, П Я.	Ойратской.	1917
Гордон, Н. И.	Петроградской.	1917
Горшков, И. И.	Московской.	1904
Гричманов, А. П.	Витебской.	1917
Грядинский, Ф. П.	Петроградской.	1912
Гулан, Я. Я.	Псковской.	1907
Гусев, М. И.	Витебской.	1917
Гуськов, Ф. И.	Нижегородской.	1906
Данилов, Г. И.	Сев. Двинской.	1913
Джандосов, У.	Туркестанской.	1918

Фамилия, имя, отчество.	Какой организации.	Время вступл. в Р. К. П.
Доброхотов, Н. Ф.	Подольской.	1906
Доненко, Н. Е.	Царицынской.	1914
Дрожжин, И. В.	Рязанской.	1917
Дрокин, В. А.	Пермской.	1912
Дубовый, И. Н.	Волынской.	1917
Дунаец, И. Г.	Терской.	1917
Евдокимов, Г. Е.	Петроградской.	1903
Емельянов, В. Б.	Череповецкой.	1910
Епонешников, К. И.	Туркестанской.	1919
Ефремов. Р. П.	Куб.-Черноморской.	1917
Жестянников, Л. В.	Алтайской.	1917
Жеханов, А. И.	Царицынской.	1905
Живов, Д. Е.	Татарской.	1917
Жуковский, И. Г.	Донецкой.	1909
Заикин, В. Д.	Башкирской.	1911
Залуцкий, П. А.	Петроградской.	1907
Заславский, П. С.	Архангельской.	1905
Затонский, В. П.	Подольской.	1917
Захаров, С. С.	Московской.	1907
Зеленский, И. А.	Московской.	1906
Зиновьев, Г. Е.	Петроградской.	1901
Зозуля, И. С.	Грозненской.	1918
Зубарев, П. Т.	Башкирской.	1904
Зубов, С. М.	Донской.	1917
Иванов, А. А.	Псковской.	1907
Иванов, А. Б.	Одесской.	1906
Иванов, Б. И.	Харьковской.	1917
Иванов, В. И.	Московской.	1915
Иванов, И. Х.	Екатеринославской.	1904
Иванов, М. Г.	Петроградской.	1906
Иванов, С. Е.	Туркфронта.	1919
Икрянистова, М. Ф.	Московской.	1904
Ирклис, П. А.	Петроградской.	1905
Кабаков, И. Д.	Ярославской.	1914
Каганович, М. М.	Нижегородской.	1905
Калашников, В. С.	Ив.-Вознесенской.	1906
Калинин, М. И.	Московской.	1898
Калнин, А. Я.	Витебской.	1903
Каменев, Л. Б.	Московской.	1898
Канцелярский, П. Г.	Н.-Николаевской.	1913
Караваев, А. А.	Московской.	1918
Карпов, А. И.	Екатеринбургской.	1917
Карпухин, Я. М.	Саратовской.	1919
Касаткин, В. Н.	Запфронта.	1918
Касаткин, И. В.	Саратовской.	1919
Касимов, Ю.	Закавказской.	1918
Кахиани, М. И.	Закавказской.	1917
Качатков, Я. А.	Закавказской.	1900
Квиринг, Э. И.	Донецкой.	1912
Киркиж, К. О.	Харьковской.	1910
Киров, С. М.	Закавказской.	1904
Климохин, С. К.	Московской.	1917
Ковшов, В. Д.	Н.-Николаевской.	1917

Фамилия, имя, отчество.	Какой организации.	Время вступл. в Р. К. П.
Кодацкий, И. Ф.	Петроградской.	1914
Козис, Н. Л.	Полтавской.	1918
Козлов, Н. К.	Архангельской	1909
Кожевников, С. Н.	Иркутской.	1917
Коковихин, М. Н.	Вятской.	1903
Колдаев, Ф. А.	Курской.	1917
Колотилов, Н. Н.	Донской.	1903
Кольцов, В. М.	Московской.	1918
Комаров, Н. П.	Петроградской.	1909
Комиссаров, И. Г.	Нижегородской.	1917
Комиссаров, С. И.	Куб.-Черноморской.	1914
Кондриков, А. И.	Екатеринбургской.	1917
Коркмасов, Д. Э.	Дагестанской.	1917
Коровай, М. М.	Московской.	1916
Коростелев, Г. А.	Оренбургской.	1905
Коротков, И. И.	Ив.-Вознесенской.	1905
Косиор, С. В.	Томской.	1907
Котов, В. А.	Московской.	1915
Котляр, С. О.	Вологодской.	1918
Кочетов, В. Н.	Куб.-Черноморской.	1915
Кремницкий, Ф. И.	Черниговской.	1905
Крустейн, А. Р.	Ставропольской.	1919
Крюков, П. В.	Воронежской.	1915
Кубасов, Б. Б.	Харьковской.	1917
Кубенов, У.	Туркестанской.	1920
Кубяк, Н. А.	Дальне-Восточной.	1898
Куджиев, В. М.	Омской.	1919
Кузнецов, В. Н.	Тверской.	1917
Кузнецов, Н. М.	Сев.-Кавк. Воен. окр.	1903
Кузнецов, С. М.	Харьковской.	1915
Кузнецов, Я. П.	Екатеринославской.	1912
Куклин, А. С.	Петроградской.	1903
Куликов, В. П.	Ярославской.	1913
Лалаева, А. С.	Закавказской.	1918
Лашевич, М. М.	Омской.	1901
Лебедь, Д. З.	Екатеринославской.	1909
Левин, А. А.	Самарской.	1919
Левитин, М. Ф.	Иркутской.	1916
Ленин, В. И.	Московской.	1894
Леонов, Ф. Г.	Вологодской.	1914
Лесов, С. М.	Киевской.	1912
Лещинский, П. Д.	Новгородской.	1913
Лисенко, А. П.	Московской.	1917
Лисовский, М. И.	Челябинской.	1904
Лобанов, С. Б.	Московской.	1917
Логгинов, В. Ф.	Киевской.	1917
Лобов, С. С.	Петроградской.	1913
Ломов, Г. И.	Пермской.	1903
Лукашин, С. Л.	Закавказской.	1905
Луковский, С. Ф.	Новгородской.	1912
Лядов, М. Н.	Нижегородской.	1893
Ляпин, З. Ф.	Донецкой.	1907
Ляшенко, И. И.	Калужской.	1917

Фамилия, имя, отчество.	Какой организации	Время вступл. в Р. К. П.
Магер, М. П.	Сев.-Кавк. Воен. окр.	1915
Магидов, Б. О.	Полтавской.	1917
Максумов, Б. Б.	Туркестанской.	1919
Малиновский, А. А.	Московской.	1904
Мальцев, К. А.	Владимирской.	1905
Манжара, Д. И.	Туркестанской.	1917
Мануильский, Д. З.	Екатеринославской.	1903
Мануйленко, А. И.	Одесской.	1917
Манюков, С. Н.	Царицынской.	1917
Майоров, М. М.	Одесской.	1905
Марголин, Н. В.	Киевской.	1906
Марк, О. И.	Алтайской.	1918
Марцинковский, А. П.	Н.-Николаевской.	1904
Масленников, И. Ф.	Челябинской.	1917
Матвеев, В. А.	Вотской.	1905
Матвеев, Ф. Н.	Тульской.	1910
Матсон, Я. Г.	Омской.	1917
Махарадзе, Ф. Н.	Закавказской.	(в 3-х анкетах разные даты. Запрошен ЦК КПГ).
Меграбьян, Г. С.	Закавказской.	1917
Медне, Э. М.	Витебской.	1903
Меерзон, Ж. И.	Тульской.	1919
Мельничанский, Г. Н.	Московской.	1902
Мендешев, С. Г.	Акмолинской.	1919
Микоян, А. И.	Куб.-Черноморской.	1915
Микуцкий, В. А.	Самарской.	1912
Минин, С. К.	Псковской.	1905
Миньков, М. И.	Вятской.	1912
Мирзоян, Л. И.	Закавказской.	1917
Мирошников, П. И.	Сев.-Кавк. Воен. окр.	1917
Михайлов, А. М.	Куб.-Черноморской.	1919
Михайлов, В. М.	Московской.	1915
Михеев, Е. А.	Воронежской.	1914
Михненко, Д. А.	Донецкой.	1918
Моисеев, И. И.	Петроградской.	1908
Моисеев, С. С.	Челябинской.	1906
Молотов, В. М.	Дальне-Восточной.	1906
Морозов, И. Т.	Самарской.	1908
Москвин, И. М.	Петроградской.	1911
Мрачковский, С. В.	Омской.	1905
Муравник, Я. М.	Донецкой.	1912
Муралов, Н. И.	Московской.	1903
Муравьев, А. И.	Астраханской.	1911
Мутнов, Н. Е.	Оренбургской.	1907
Мухтаров, К. Г.	Татарской.	1918
Мышкин, Ю. С.	Ставропольской.	1912
Нашев, Д. Р.	Закавказской.	1917
Нанейшвили, В. И.	Пермской.	1903
Насыров, В. М.	Туркестанской.	1917
Наумов, И. К.	Петроградской.	1913
Нелюбин, А. П.	Омской.	1920
Немерзелли, И. Ф.	Закавказской.	1917

Фамилия, имя, отчество.	Какой организации.	Время вступл. в Р. К. П.
Нейбах, И. И.	Гомельской.	1917
Нефедов, И. А.	Екатеринбургской.	1918
Никитин, А. И.	Уральской (Кир. респ.).	1905
Николаева, К. И.	Петроградской.	1909
Никулихин, Я. П.	Петроградской.	1917
Новоселов, С. А.	Екатеринбургской.	1905
Носов, И. П.	Крымской.	1905
Носов, Н. Ф.	Горской.	1917
Носок-Турский, Д. А.	Дальне-Восточной.	1917
Ольховый, Б. С.	Иркутской.	1918
Орахелашвили, М. Д.	Закавказской.	1903
Орджоникидзе, Г. К.	Закавказской.	1903
Орлов, Н. М.	Пензенской.	1914
Орушбаев, М. О.	Семипалатинской.	1920
Осадченко, А. Л.	Куб.-Черноморской.	1917
Осипов, А. В.	Петроградской.	1918
Осьмов, Н. М.	Владимирской.	1907
Павлов, В. Н.	Ив.-Вознесенской.	1911
Павлуновский, И. П.	Алтайской.	1905
Папардэ, Л. А.	Алтайской.	1911
Пастухов, М. Д.	Костромской.	1908
Патрикеев, Н. П.	Донской.	1915
Плаксин, К. И.	Саратовской.	1904
Перна, А. Ф.	Гомельской.	1912
Петерс, Я. Х.	Башкирской.	1904
Петровский, Г. И.	Харьковской.	1897
Погодичев, Г. А.	Актюбинской.	1904
Подгорный, А. И.	Терской.	1917
Поднек, А. И.	Алтайской.	1913
Позерн, Е. П.	Петроградской.	1902
Полетов, И. И.	Пензенской.	1918
Полуян, Я. Б.	Тверской.	1912
Полонский, В. И.	Нижегородской.	1912
Пономарев, С. Б.	Запфронта.	1915
Попов, А. В.	Симбирской.	1904
Попов, И. В.	Черниговской.	1917
Путнин, В. М.	Белорусской.	1918
Пушкарев, В. П.	Тверской.	1917
Пшеницын, К. Ф.	Приморской.	1917
Пятаков, Л. Ю.	Омской.	1910
Пыхтеев, В. М.	Екатеринбургской.	1918
Радченко, А. Ф.	Донецкой.	1912
Разумов, М. И.	Орловской.	1913
Раковский, Х. Г.	Донецкой.	1890
Рахимаев, А. Р.	Туркестанской.	1919
Редько, В. С.	Кустанайской.	1919
Ремейко, А. Г.	Одесской.	1914
Ретнев, К. Ф.	Екатеринбургской.	1903
Рогалев, Ф. Ф.	Полтавской.	1917
Рогов, М. И.	Московской.	1907
Рогозинский, Н. В.	Смоленской.	1917
Рожнов, П. А.	Гомельской.	1918
Романов, Т. П.	Харьковской	1917

Фамилия, имя, отчество.	Какой организации.	Время вступл. в Р. К. П.
Рубен-Мкртычян, Р. Е.	Закавказской.	1917
Рудзутак, А. Э.	Туркестанской.	1905
Румянцев, И. П.	Пермской.	1905
Рухимович, М. Л.	Донецкой.	1913
Рыков, А. И.	Тульской.	1899
Рыскулов, Г. Р.	Туркестанской.	1917
Рютин, М. Н.	Дагестанской.	1914
Сааков, О. А.	Сев.-Кавк. Воен. окр.	1907
Саид-Галиев, С. Г.	Крымской.	1917
Самойлова-Землячка, Р. С.	Московской.	1896
Сапронов, Т. Б.	Татарской.	1912
Саркис, Д. А.	Петроградской.	1917
Сафаров, Г. И.	Петроградской.	1908
Сванидзе, Н. С.	Закавказской.	1917
Светиков, И. П.	Челябинской.	1919
Свистун, П. И.	Одесской.	1909
Семенов, Д. К.	Алтайской.	1917
Сидоров, К. Г.	Подольской.	1903
Силин, Г. И.	Закавказской (от Касп. флота).	1917
Скрыпник, Н. А.	Одесской.	1897
Смирнов, В. А.	Дальне-Восточной.	1918
Соколов, М. Ф.	Брянской.	1911
Соловьев, В. И.	Туркестанской.	1913
Сорин, В. Г.	Московской.	1917
Сотичев, Н. И.	Орловской.	1917
Спрингис-Шипов, Я. Я.	Архангельской.	1913
Сталин-Джугашвили, И. В	Московской.	1898
Стеклов, Ю. М.	Витебской.	1893
Степанов-Марбут, И. Р.	Калмыцкой.	1918
Стриевский, К. К.	Московской.	1902
Строганов, Ф. В.	Крымской.	1914
Строганов, В. А.	Томской.	1905
Стуков, И. Н.	Московской.	1905
Стуруа, В. Ф.	Закавказской.	1896
Суглицкий, Н. Е.	Одесской.	1917
Султан-Хадкаев, К.	Туркестанской.	1919
Таджиев, А.	Туркестанской.	1918
Тардый, Т. С.	Тамбовской.	1919
Тарногродский, Н. П.	Тюменской.	1915
Тархов, А. Ф.	Астраханской.	1917
Теплов, Н. П.	Тульской.	1904
Тер-Еглазарянц, М. А.	Нижегородской.	1918
Терехов, Р. Я.	Донецкой.	1912
Тимонов, А. В.	Запфронта.	1905
Тимофеев, Н. Т.	Одесской.	1905
Титов, Н. И.	Мурманской.	1912
Тойво, А. И.	Петроградской.	1912
Троцкий, Л. Д.	Московской.	1897
Трубачев, В. И.	Бурят.-Монгольской.	1920
Туманов, А. Н.	Куб.-Черноморской.	1917
Тунтул, И. Я.	Петроградской.	1907
Тухачевский, М. Н.	Запфронта.	1918
Угаров, Ф. Я.	Харьковской.	1905

Фамилия, имя, отчество.	Какой организации.	Время вступл. в Р. К. П.
Угланов, Н. А.	Нижегородской.	1907
Устинов, С. П.	Екатеринбургской.	1915
Урываев, М. Е.	Московской.	1917
Уфимцев, Н. И.	Крымской.	1906
Уханов, К. Б.	Московской.	1907
Федоров, Б. В.	Рязанской.	1918
Фиге, К. Я.	Костромской.	1916
Фигатнер, Ю. П.	Н. Николаевской.	1903
Фомин, В. К.	Вотской.	1917
Фрунзе, М. В.	Киевской.	1904
Ханбудагов, Э. Ш.	Закавказской.	1918
Харитонов, М. М.	Екатеринбургской.	1905
Хатаевич, М. М.	Гомельской.	1913
Хахарев, К. Г.	Симбирской.	1905
Хлоплянкин, М. И.	Курской.	1917
Ходисанов, С.	Туркестанской.	1920
Ходжанов Файзула.	Бухарской.	1920
Храмов, В. И.	Волынской.	1918
Циховский, А. М.	Екатеринбургской.	1917
Цихон, А. М.	Московской.	1906
Цулукидзе, П. П.	Закавказской.	1917
Червяков, А. Г.	Белорусской.	1917
Чернядаев, И. С.	Акмолинской.	1911
Чикарев, И. Н.	Закавказской.	1907
Чирков, А. М.	Коми.	1903
Чубарь, В. Я.	Донецкой.	1907
Чубин, Я. А.	Подольской.	1915
Чуднов, М. С.	Тверской.	1913
Чуцкаев, С. Е.	Смоленской.	1903
Шапошников, Р. С.	Туркфронта.	1917
Шахсуварян, А. А.	Закавказской.	1907
Шелавин, К. И.	Петроградской.	1903
Шелехес, И. С.	Ярославской.	1908
Шестаков, В. И.	Тамбовской.	1914
Шкирятов, М. Ф.	Московской.	1906
Шнейдер, А. Д.	Пензенской.	1906
Шурманов, П. Н.	Пермской.	1917
Элиава, Ш. З.	Закавказской.	1904
Эльмень, Д. С.	Чувашской.	1918
Эпштейн, М. С.	Туркестанской.	1919
Юркин, А. А.	Московской.	1915
Юсупбеков, Х. Ю.	Акмолинской.	1920
Якир, И. Э.	Киевской.	1917
Якубзаде, Наимджан.	Бухарской.	1917
Янин, Г. К.	Московской.	1917
Янсон, Н. М.	Московской.	1905
Ярвисало, И. А.	Карельской.	1907
Ярослав, Я. М.	Петроградской.	1915
Ярославский, Е.	Кирреспублика.	1898
Ястребов, Г. Г.	Подольской.	1905
Яшин, И. Е.	Дальне-Восточной.	1918

Список делегатов XII съезда РКП (б.) с совещательным голосом.

Фамилия, имя, отчество.	Какой организации.	Время вступл. в Р. К. П.
Абрамович, А. М.	Всер. Сов. К. К.	1917
Аванесов, В. А.	ВЦИК.	1903
Авдеев, А. Д.	ЦК РКП.	1905
Авис-Сагомонович Нуриджанян.	ЦК Армении.	1918
Агапов, Н. Г.	Всер. Сов. К. К.	1905
Адамович.	Подольской.	1903
Азаданов, А. В.	Петроградской.	1912
Айзенберг, Г. С.	От 5-й Армии.	1917
Акивис, Г. И.	Всер. Сов. К. К.	1906
Алекса-Агаретис, З. И.	К. П. Литвы.	1906
Алексеева, Н. Н.	КСМ Украины.	1920
Алексинский, М. А.	Куб. Черноморск.	1917
Алиев, И. С.	Закавказской.	1919
Алиханов, Г. С.	Петроградской.	1917
Амосов, А. Н.	Нижегородской.	1918
Анохин, А. В.	Вологодской.	1914
Антипов, Н. К.	ВЦСПС.	1912
Антошкин, Д. В.	III Сессии ВЦСПС.	1917
Антонов-Овсеенко.	П. У. Р.	1917
Артамонов, Б. И.	Всер. Сов. К. К.	1917
Асаткин-Владимирский, А. Н.	ЦК РКП.	1904
Атабаев, К. С.	ЦК РКП.	1918
Атвош, Я. К.	Всер. Сов. К. К.	1917
Афанасьев, С. И.	Петроградской.	1912
Афанасьев, М. А.	Всер. Сов. К. К.	1905
Ачканов, Ф. П.	Всер. Сов. К. К.	1903
Бабаджан Атаджан.	Хорезмийской.	1919
Баграшев, П. Н.	Вотской.	1921
Бакунц, Е. С.	Закавказской.	1908
Бакшеев, М. Д.	Всер. Сов. К. К.	1917
Барков, В. Н.	Московской.	1906
Бедня, М. Ф.	Закавказской.	1917
Безайлис, Я. Я.	Смоленской.	1906
Белобородов, А. Г.	НКВД.	1908
Белов, В. Г.	III Всекир. пар. конф.	1919
Белоусов, С. Н.	От РКСМ Урала.	1920
Блохин, П. Г.	ЦК РКП.	1911
Бобинский, С. Я.	Уралбюро ЦК.	1905
Богатков, В. Г.	Орловской.	1917
Богачев, В. И.	Московской.	1917
Богданов, П. А.	ВСНХ.	1905
Борухин, А. И.	Всер. Сов. К. К.	1912
Бравин, Я. Г.	Полтавской.	1919
Бройдо, Г. И.	Н. К. Нац.	1903
Брюханов, Н. П.	Н. К. Прод.	1902
Бубнов, А. С.	ЦК РКП.	1903
Буденый, С. М.	Юго-Вост. Бюро ЦК.	1919
Букатый, В. Л.	Енисейской.	1917
Бушев, Н. К.	Всер. Сов. К. К.	1905

Фамилия, имя, отчество.	Какой организации.	Время вступл. в Р. К. П.
Бызов, А. И.	Всер. Сов. К. К.	1914
Бычкова, А. Н.	Екатеринбургской.	1906
Варенцова, О. А.	Ц. К. К.	1893
Васильев, Б. А.	Уралбюро ЦК.	1904
Васильев, А. П.	Всер. Сов. К. К.	1905
Вацек, И. П.	Всер. Сов. К. К.	1903
Вашкевич, В. В.	Смоленской.	1917
Вейцер, И. Я.	Тульской.	1914
Велхейм Олаф.	ИК КИМ.	1913
Венде, Р. М.	Всер. Сов. К. К.	1914
Вихламов, А. Н.	Нижегородской.	1917
Владимиров, М. К.	Нар. Ком. Фин.	1903
Владимирский, М. Ф.	ЦК КП (б.) У.	1898
Володин, В. Г.	Тульской.	1908
Волков, А. И.	Всер. Сов. К. К.	1919
Воронин, И. М.	Владимирской.	1918
Восканян, Г. В.	Московской.	1916
Гаврилов, Н. В.	ВСНХ.	1917
Гамбаров, А. Г.	ЦК РКП.	1907
Гвоздев, И. Г.	Харьковской.	1917
Герасимов, И. С.	Башкирской.	1919
Гершельман, Э. Е.	Саратовской.	1919
Гетнер, Л. Х.	Всер. Сов. К. К.	1904
Гикало, П. Ф.	Грозненской.	1917
Гилинский, А. Л.	ЦК КП (б.) У.	1915
Голованов, Д. Ф.	Всер. Сов. К. К.	1905
Голодович, К. И.	Адыгеево-Черкесск.	1913
Голубева, В. П.	Закавказской.	1906
Гольдбаум, А. Н.	Закавказской.	1919
Гончаров, Н. К.	ЦК РКП.	1904
Горбачев, М. Д.	Симбирской.	1914
Грамши, А. Ф.	ИККИ.	1914 (ит. соц. партии)
Гребельская, Ф. З.	Донской.	1917
Грецов, А. Н.	Всер. Сов. К. К.	1905
Гринько, Г. Ф.	ЦК КП (б.) У.	1919
Гутман, Ж. М.	Всер. Сов. К. К.	1917
Далин, В. М.	ЦК РКСМ.	1921
Денис, Э. А.	ЦК КП (б.) У.	1914
Дербышев, Н. И.	III сессия ВЦСПС.	1896
Джумагалиев, Х. Б.	Букеевской.	1920
Дзенис, О. П.	ЦК Комм. Партии Латвии.	1915
Дзержинский, Ф. Э.	ЦК РКП.	1906
Дирик, К. Я.	Всер. Сов. К. К.	1904
Добрынин, Ю. М.	Всер. Сов. К. К.	1918
Довгалевский, В. С.	НК Почт. и Тел.	1908
Догадов, А. И.	ВЦСПС.	1905
Дорло Исаак.	КИМ.	1918 (франц. комп.).
Дубовый, Н. И.	Всер. Сов. К. К.	1903
Дуганов, М. С.	Всер. Сов. К. К.	1909
Дюре-Джан.	КИМ.	1920 (франц. комп.).
Дьяченко, С. И.	Всер. Сов. К. К.	1905

Фамилия, имя, отчество.	Какой организации.	Время вступл. в Р. К. П.
Егоров, В. Г.	ЦК РКП.	1917
Елин, М. Л.	Донецкой КСМУ.	1920
Елисеев, И. М.	Саратовской.	1918
Елькович. Я. Р.	Сев.-Зап. Бюро ЦК.	1917
Енукидзе, А. С.	ВЦИК.	1898
Ерофеев, М. Е.	Всер, Сов. К. К.	1906
Ефремов, А. Ф.	Киевской.	1918
Жданов, А. А.	Нижегородской.	1915
Жигарев, Г. В.	Петроградской.	1914
Житков, И. Г.	Тверской.	1905
Жожикашвили, А. Г.	Закавказской.	1918
Жуков, А. В.	Всер. Сов. К. К.	1907
Забиров-Шариф, Ф.	ЦК РКСМ.	1921
Зархи-Будаков, Я. Д.	Вотской.	1918
Засульский, И. И.	Енисейской.	1917
Затон, Ф. Д.	Всер. Сов. К. К.	1917
Захаров, П. П.	Брянской.	1913
Зеликсон, Л. С.	Всер. Сов. К. К.	1904
Зелинский-Бокшицкий, Е. Л.	ЦБ Комм. Студ.	1917
Зимов, М. И.	Енисейской.	1920
Зудов, П. И.	Всер. Сов. К. К.	1917
Зязиков, И. Б.	Горской.	1918
Иванов, А. А.	Запфронта.	1918
Ильдрисова, Ф.	Закавказской.	1917
Икрамов, А.	ЦК РКП.	1918
Икс, М. С.	ЦК КП. (б.) У.	1905
Исакин, М. С.	Московской.	1905
Каганович, Л. М.	ЦК РКП.	1911
Кадыков, М. Н.	Ив.-Вознесенской.	1914
Калмыков, Б. Э.	Кабардинской.	1918
Каминский, М. И.	Одесской.	1918
Каминский, Г. Н.	ЦК РКП.	1910
Карклин, М. М.	Самарской.	1917
Каск, П. Г.	Букеевской.	1918
Каспарова, В. Д.	Закавказской.	1904
Катаяма, С.	ИККИ.	1918 (япон. ком. пар.).
Квиркелия, В. М.	ЦК Грузии.	1904
Керженцев, П. М.	Белоруссия.	1904
Керри, Г. К.	Закавказской.	1917
Кин, П. А.	ЦК КП (б.) У.	1903
Киселев, А. С.	ЦК РКП.	1898
Киселев, И. А.	Всер. Сов. К. К.	1917
Киселенко, В. А.	ЦК КСМ Украины.	1918
Клоков, П. В.	Н.-Николаевской.	1917
Кнорин, В. Г.	ЦК РКП.	1910
Кокушкин, И. А.	Московской.	1905
Копьев, А. К.	Смоленской.	1917
Корнюшин, В. Д.	III Сессия ВЦСПС.	1917
Коростелев, А. А.	III Сессия ВЦСПС.	1905
Коротин, И. С.	Всер. Сов. К. К.	1903
Коржеманов, И. Е.	Оренбургской.	1917
Косиор, В. В.	ВЦСПС.	1907

Фамилия, имя, отчество.	Какой организации.	Время вступл. в Р. К. П.
Кострржева, В. К.	ИККИ.	1906 (польск. компар.).
Котов, К. Н.	Оренбургской	1907
Кравченко, Е. К.	ЦК КП (б.) У.	1903
Красин, Л. Б.	Нарком Внешн. Торг.	1890
Крастинь, К. К.	ЦК КП Латвии.	1910
Красноленский.	Всер. Сов. К. К.	1917
Крейкберг, Ф. Я.	„	1913
Кремлев, И. В.	„	1904
Крестинский, Н. Н.	Нар. Ком. Ин. Дел.	1903
Кретов, Ф. Д.	Тамбовской.	1918
Кривов, Т. С.	ЦК РКП.	1905
Крумин, Г. И.	Ред. „Эк. Жизни“.	1908
Крумин, Н. П.	Брянской.	1906
Крупская-Ульянова, Н. К.	Главполитпросвет.	1898
Крутошинский, С. С.	Псковской.	1904
Крыленко, Н. В.	Нар. Ком. Юст.	1904
Крылов, А. И.	Всер. Сов. К. К.	1905
Ксенофонтов, И. К.	ЦК РКП.	1903
Кузнецов, П. В.	Всер. Сов. К. К.	1912
Куйбышев, В. В.	ЦК РКП.	1904
Куликов, В. М.	Петрогр. орг. РКСМ.	1919
Кулик, И. Ю.	ЦК КП (б.) У.	1917
Кульпс, Я. К.	Всер. Сов. К. К.	1904
Курелла, А. И.	ИК КИМ.	1904 (герм. компар.).
Курский, Д. И.	Рев. Ком. ЦК.	1904
Куусинен, О. В.	И. К. К. И. М.	1918
Кушнарев, И. Г.	Москва.	1905
Лавров, П. А.	Петроград.	1917
Лагус, П. М.	Всер. Сов. К. К.	1909
Ланда, М. М.	П.У.Р.	1907
Лапин, А. Г.	Тюменской.	1918
Лебедев, Н. И.	ВЦСПС.	1903
Лебедев, И. А.	Всер. Сов. К. К.	1914
Левенко, Н. М.	Екатеринославской.	1912
Левин, В. С.	Петроградской.	1917
Леви, Г.	И.К.К.И.	1920 (франц. комп.).
Лежнев-Фиьковский, П. Я.	Марийской.	1919
Лепа, А. К.	ЦК РКП.	1913
Лепсе, И. И.	„	1904
Летунов, И. С.	Саратовской.	1918
Либерталь, Г. Г.	Черноморск. флот.	1917
Лизарев, Ф. С.	Вятской.	1904
Лихачев, В. М.	Московской.	1901
Лобова, В. Н.	ЦК РКП.	1905
Лозовский, С. А.	ВЦСПС.	1900
Лубуж, Д. Д.	Витебской.	1906
Лукоянов, М. Н.	ЦК РКП.	1917
Лукьянов, С. И.	Петроградской.	1918
Луначарский, А. В.	Нар. Ком. Прос.	1903
Лутовинов, Ю. Х.	ВЦСПС.	1904

Фамилия, имя, отчество.	Какой организации.	Время вступл. в Р. К. П.
Любомирский, Х. С.	Всер. Сов. К. К.	1913
Ляк, А. А.	ЦК КП (б.) У.	1899
Лытов, С. А.	Уральской.	1919
Мазин, А. И.	Гомельской.	1917
Майорова, В. А.	ЦК РКП.	1917
Макарова, А. Д.	Ив.-Вознесенской.	1905
Мак-Манус, А.	ИККИ.	1920 (англ. компарт.).
Мансуров, Г. Г.	Татарской.	1917
Мануев, В. Н.	ЦК КП (б.) У.	1906
Марков, С. В.	Всер. Сов. К. К.	1904
Марков, А. Т.	Московской.	1898
Маркович, М. М.	Вятской.	1919
Мартикян, С. Н.	Всер. Сов. К. К.	1904
Марченко, К. И.	ЦК КП (б.) У.	1919
Матсу-Мото, Г. С.	Профинтерн.	1922
Матусов, Н. М.	Ср.-Аз. орг. РКСМ.	1918
Мдивани, Б.	ЦК РКП.	—
Мебель, Е. И.	Донецкой.	1905
Медведев, А. В.	Всер. Сов. К. К.	1904
Месяцев, П. А.	НК Зем.	1906
Мещеряков, В. Н.	Главполитпросвет.	1905
Микелевич, А. К.	Ярославской.	1917
Мильчаков, А. И.	Юго-Вост. Бюро ЦК РКСМ.	1918
Милютин, Н. А.	Нар. Ком. Соц. Обесп.	1915
Минц, И. И.	Екатеринославской.	1917
Митрофанов, А. И.	Нижегородской.	1920
Мицкевич-Капсукас, В. С.	ЦК КП Литвы.	1903
Мокеев, А. Е.	Всер. Сов. К. К.	1905
Молин, В. А.	Вотской.	1908
Морозов, О. М.	Всер. Сов. К. К.	1904
Морозов, Г. Е.	Московской.	1918
Москаленко, А. Т.	Всер. Сов. К. К.	1904
Муравейский, С. Д.	"	1911
Мурзагалиев, М.-К. М.	Киргизской.	1919
Муралов, А. И.	Донской.	1905
Муранов, М. К.	ЦКК	1904
Назаретян, А. М.	ЦК РКП.	1905
Найденов, Ф. Т.	Орловской.	1920
Нариманов, Н.	ЦК Азербейджана.	1905
Насонов, П. А.	Всер. Сов. К. К.	1917
Невский, В. И.	ЦК РКП.	1897
Нейрат, А. Э.	ИККИ.	1920 (чехо-слов. комп.).
Нелюбин, Н. О.	Екатеринбургской.	1919
Никитин, В. А.	Донской.	1916
Никитин, Г. Г.	Пензенской.	1917
Нин, А. М.	Профинтерн.	1922 (испанск. комп.).
Новак, Л. А.	"	1920 (чехо-слов. комп.).
Новиков, Н. Ф.	Харьковской.	1912
Ногин, В. П.	Рев. Ком. Ц. К.	1898

Фамилия, имя, отчество.	Какой организации.	Время вступл. в Р. К. П.
Нодель, В. А	Белорусской.	1920
Носов, П. М.	Всер. Сов. К. К.	1913
Обросов, П. М.	"	1903
Орловский, И. М.	"	1906
Остроумов, А. И.	"	1904
Охлопков, И. М.	ЦК РКП.	1904
Павленко, И. А.	Воронежской.	1915
Павлов, Д. Д.	ЦК РКСМ.	1921
Панов, Н. Ф.	Самарской.	1911
Пашутин, Ф. А.	Всер. Сов. К. К.	1919
Петров, И. П.	ЦК РКП.	1917
Петровский, П. Г.	ИККИМ.	1916
Петрунин, П. И.	Тверской.	1917
Петухов, И. П.	Всер. Сов. К. К.	1915
Писанов, М. И.	"	1917
Писмаников, Г. Е.	Запфронта.	1917
Плюснина, Н. И.	Всер. Сов. К. К.	1904
Поздеев, М. В.	Петроградской.	1917
Поликарпов, И. А.	Всер. Сов. К. К.	1912
Полоз, М. Н.	ЦК КП (б.) У.	1918
Полозов, С. И.	Уральской.	1917
Полюдов, Е. В.	Омской.	1907
Полторацкий, В. М.	Владимир. орг. РКСМ.	1919
Попов, К. А.	ЦК РКП.	1906
Поплавский, С. М.	Всер. Сов. К. К.	1904
Порайко, В. И.	ЦК КП (б.) У.	1918
Поскребышев, А. Н.	ЦК РКП.	1917
Потиков, И. В.	Курской.	1917
Преображенский, Е. А.	Ред. „Правды“.	1903
Прокопцов, М. И.	ЦК РКП.	1906
Птуха, В. В.	Черниговской.	1917
Пуцит, Р. П.	Новгородской.	1909
Пятницкий, И. А.	ИККИ.	1898
Равдель, А. И.	Н-Николаевской.	1917
Равич, М. Б.	Донецкой.	1919
Радек. К.	ЦК РКП.	1902
Радес, М. Г.	П. У. Р.	1919
Радвилович, С. И.	Петроградской.	1918
Разоренов, С. Н.	Всер. Сов. К. К.	1917
Райтер, И. Л.	ЦК РКП.	1909
Раскин, М. И.	"	1918
Растопчин, Н. П.	"	1903
Репников, П. М.	Петроградской.	1912
Рогов, В. И.	ЦК РКСМ.	1919
Рутковский, В. И.	Харьковской.	1918
Рябинин, Е. И.	ЦК РКП.	1917
Рябов, А. Н.	"	1906
Рязанов, Д. Б.	Соц. Акад.	1889
Садовский, А. Д.	ВЦСПС.	1901
Самойлов, Ф. Н.	ЦКК.	1903
Самсонов, А. К.	Калужской.	1917
Самуилов, А. С.	Всер. Сов. К. К.	1912
Сапожников, Г. Л.	Киевской.	1906

Фамилия, имя, отчество.	Какой организации.	Время вступл. в Р. К. П.
Сафаров, С. Г.	Астраханской.	1905
Селиванов, А. А.	Карач.-Черкесской.	1905
Семашко, Н. А.	НК Здрав.	1893
Семенов, Б. И.	Иркутской.	1907
Сенюшкин, Ф. М.	ВЦСПС.	1919
Сергушев, М. С.	ЦК РКП.	1904
Серебряков, Л. П.	НКПС.	1905
Ситников, И. М.	Всер. Сов. К. К.	1907
Скворцов-Степанов, И. И.	Рев. Ком. ЦК.	1896
Склянский, Э. М.	Рев. Воен. Сов. Респ.	1913
Скобенников, А. И.	Московской.	1905
Скрябинский, И. М.	Всер. Сов. К. К.	1914
Смидович, П. Г.	ВЦИК.	1898
Смидович, С. Н.	ЦК РКП.	1898
Смилга, И. Т.	„	1907
Смирнов, А. П.	ВЦИК.	1896
Смирнов, П. А.	Екатеринбургской.	1917
Смирнов, И. Н.	ЦК РКП.	1899
Смирнов, Д. Е.	Всер. Сов. К. К.	1904
Смиттен, Е. Г.	ЦК РКП.	1904
Смородин, П. И.	ЦК РКСМ.	1917
Сокольников, Г. Я.	ЦК РКП.	1905
Соловьян, А. А.	Закавказской.	1907
Сольц, А. А.	ЦКК.	1898
Сорокин, М. Ф.	Азербейдж. КСМ.	1920
Сосновский, Л. С.	ВЦИК.	1903
Статуев, В. Л.	Всер. Сов. К. К.	1903
Стельмах, Е. В.	„	1914
Степанов, А. Г.	Пензенской.	1917
Стороженко, М. Ф.	Петроградской.	1917
Струппе, П. И.	ЦК РКП.	1907
Сулимов, Д. Е.	„	1906
Султан Галиев, М. Х.	Татарской.	1917
Сырцов, С. И.	ЦК РКП.	1913
Таганов, А. И.	Всер. Сов. К. К.	1904
Тагиев Ибрагим.	Закавказской.	1919
Талаев, Т. М.	Киргизской.	1919
Тамарин, А. М.	Алтайской,	1904
Тарасов, И. И.	Тульской орг. РКСМ.	1919
Тарханов, О.	ИККИМ.	1917
Татько, Ф. П.	Донецкой.	1902
Тахо-Годи, А. А.	Дагестанской.	1920
Тер-Габриелян, С.	ВЦИК.	1902
Тер, В. Х.	Ставропольской.	1915
Тиунов, П. И.	Пермской.	1917
Ткаченко, Е. Е.	Черниговской.	1917
Товстуха, И. П.	ЦК РКП.	1913
Толоконцев, А. Ф.	ВЦИК.	1914
Томский-Ефремов, М. П.	ВЦСПС.	1904
Торонков, А. С.	Всер. Сов. К. К.	1903
Трейвас, Б. Е.	Московской.	1918
Трессо, П. А.	Профинтерн.	1921 (итальян. комп.).

Фамилия, имя, отчество.	Какой организации.	Время вступл. в Р. К. П.
Трилиссер, Д. А.	Петроградской.	1902
Трофименко, С. Г.	44 Киев. Стр. Див.	1918
Трофимов, Ф. А.	Нижегородской.	1905
Тюрякулов, Н.	ЦК РКП.	1918
Тягунов, А. А.	Всер. Сов. К. К.	1902
Уваров. И. К.	"	1916
Ударов, А. Н.	III Сессия ВЦСПС.	1919
Уншлихт, И. С.	ГПУ.	1900
Уразбаева, А. Д.	Киробком.	1919
Урин, С. Г.	Всер. Сов. К. К.	1911
Утяганов, П. Б.	Уралбюро ЦК.	1919
Фабрициус, Я. Ф.	Запфронта.	1903
Файвилович, Л. Я.	ЦК РКСМ.	1918
Федько, И. Ф.	Ярославской.	1917
Федоров, М. Р.	ЦК КСМ Украины.	1914
Фектер, А. Я.	Всер. Сов. К. К.	1913
Филлер, С. И.	"	1910
Фогель, А. Н.	Башкирской.	1917
Фонберштейн, И. А.	Петроградской.	1917
Фрешер, Е. Э.	Царицынской.	1919
Фукс, И. А.	Куб. Черноморск.	1919
Хавкин, С. Т.	Гомельской.	1911
Хинчук, Л. М.	Центросоюз.	1920
Ходош, Ш. Ш.	ЦБ Белоруссии.	1917
Хомяков, А. П.	Омской.	1917
Цейтлин, В. Н.	Московской.	1904
Цейтлин, Я. С.	ЦК РКСМ.	1918
Цинцадзе, К. М.	ЦК Грузии.	1904
Цюрупа, А. Д.	СНК и СТО.	1913
Чаплин, Н. П.	Закавказской.	1919
Ченцов, Н. Д.	ЦКК.	1904
Черкасов, Н. Ф.	Сибирск. орг. РКСМ.	1919
Чернышев, М. П.	Пермской.	1917
Черных, В. А.	Томской.	1917
Чижов, Г. Г.	Рязанской.	1917
Чичерин, Г. В.	НК. Ин. Дел.	1905
Чудаков, Ф. И.	Всер. Сов. К. К.	1918
Чукан, К. Я.	"	1917
Чухалкин, А. Д.	"	1917
Шаблыгин, В. А.	ЦК РКП.	1907
Шацкин, Л. А.	ИККИМ.	1917
Шварц, И. И.	III Сессия ВЦСПС.	1899
Шведов, И. Г.	Челябинской.	1905
Шведов, И. Л.	Донецкой.	1905
Шевченко, И. К.	Всер. Сов. К. К.	1897
Шелахаев, Ф. И.	Терской.	1917
Шемис, Г. М.	Всер. Сов. К. К.	1918
Шиллер, Р. Х.	ИККИ.	1918 (австр. комп.)
Шмидт, И. Х.	Всер. Сов. К. К.	1919
Шмидт, В. Г.	ЦК РКП	1905
Шорохов, Д. И.	"	1905
Шотман, А. В.	Карельской.	1899

Фамилия, имя, отчество.	Какой организации.	Время вступл. в Р. К. П.
Шохин, А. П.	ЦК РКСМ.	1919
Штейнгардт.	ПУР.	1907
Штирнер, А.	ИККИ.	1917 (австр. комп.).
Шумилова, Л. И.	Всер. Сов. К. К.	1905
Эйсмонт, Н. В.	Юго-Вост. Бюро ЦК.	1917
Эндерле, А. П.	Профинтерн.	1918 (герм. комп.).
Эфендиев, М. О.	Закавказской.	1904
Юрцен, М. И.	Всер. Сов. К. К.	1903
Яглом, Я. К.	Уралбюро ЦК.	1918
Яковлев, Я. А.	ЦК РКП.	1913
Яковлев, М. Г.	Всер. Сов. К. К.	1903
Яковенко, Г. И.	„	1902
Яковенко, В. Г.	НК Зем.	1917
Ярыгин.	Закавказской.	1918